

СОРОКЪ СЕДЬМОЙ ГОДЪ СЪ ОСНОВАНІЯ

РУССКІЙ АРХІВЪ

1909

9.

Житіе патріарха Никона, написанное его клирикомъ Иваномъ Шушеринымъ.

Письма царя Алексѣя Михайловича къ патріарху Никону съ примѣчаніями издателя.

Внутри обложки: О книжкѣ барона Де-Бая: Вороново.

Приложенъ портретъ патріарха Никона.

МОСКВА.

Синодальная Типографія.

1909.

VORONOV. LE CHATEAU DE ROSTOPTCHINE. Par le baron de Baye. Paris, 1909. 8-о.

Вороново, Растопчинскій замокъ. Барона Де-Бая. Парижъ. 1909. 8-о, 99 стр., съ портретами и рисунками.

Намъ кажется, что вѣрнѣе бы перевести „Растопчинское помѣстье“ или усадьба: въ западной Европѣ подобныхъ размѣровъ владѣльческій домъ есть замокъ, на возвышеніи, съ приспособленіями къ защитѣ отъ непріятеля или отъ сосѣдей; Вороново же (нынѣ владѣніе Анны Сергѣевны Сабуровой, Подольскаго уѣзда, Московской губерніи, по старой Калужской дорогѣ) лежитъ на ровномъ мѣстѣ.

Достопочтенный баронъ Де-Бай, коренной Французъ, изучаетъ Россію въ ея бытовыхъ историческихъ корняхъ и радостно насъ удивляетъ обширными познаніями своими въ Русской исторіи, какъ древней, такъ и новѣйшей. Онъ слѣдуетъ по стопамъ покойнаго Альфреда Рамбо, который созналъ односторонность Западной исторіографіи относительно Византіи, и послѣ своей превосходной книги о Константинѣ Багрянородномъ задался вопросомъ о томъ, къ кому перешла въ наслѣдство та умственная и нравственная сила, которая дала Восточной Римской имперіи возможность пережить на тысячу лѣтъ Западную сестру свою и сберечь для нея сокровища Греко-римскаго просвѣщенія. Эта мысль привлекла молодого Рамбо къ Россіи, когда онъ (впослѣдствіи дѣятель государственный) былъ еще только преподавателемъ Греческаго языка въ небольшомъ городѣ сѣверной Франціи, Канѣ. Рамбо овладѣлъ Русскимъ языкомъ, не разъ побывалъ въ Москвѣ, и въ 1876 году, когда я навѣстилъ

его въ Нансѣ, у него цѣлая комната была полна Русскихъ книгъ. Его томъ о Русской исторіи, съ начала и до нашего времени, переведенъ по-русски, и нѣкоторые предпочитаютъ его Русскимъ учебникамъ.

Баронъ Де-Бай также посвятилъ себя изученію Россіи и, не исторіи только, но археологической этнографіи ея и для того ѣздитъ къ намъ довольно часто. Въ теченіи послѣднихъ девяти лѣтъ издалъ онъ болѣе сорока отдѣльных книжекъ о разныхъ мѣстностяхъ нашего отечества, преимущественно Малороссіи, Южной Россіи, Кавказа, Закавказья.

Отъ всей души привѣтствуемъ такого рода сближеніе Франціи съ Россіей и пожелаемъ, чтобы изъ нашихъ ученыхъ людей нашлись лица, которыя знакомились бы ближе съ даровитою наслѣдницею Греко-римскаго просвѣщенія не по Парижу только, но и по ея исторіи, по древностямъ, которыми она такъ богата: посторонній глазъ усмотритъ такія стороны, наблюдать которыя невозможно для туземца. На православномъ же челоѣкѣ лежитъ обязанность пересмотрѣть исторію Европейскаго Запада и въ благодарность за получаемое отъ него книжное и всякаго рода знаніе сказать ему *свое* просвѣтительное, доброжелательное слово. Переѣздъ по Франціи даже и въ тѣхъ ея мѣстахъ, гдѣ еще нѣтъ пути желѣзнаго, во всякомъ случаѣ удобнѣе, нежели странствовать по нашимъ дорогамъ. Къ такому взаимству вызываетъ достойная полная сочувствія дѣятельность трудолюбиваго барона Де-Бая.

„Вороново“ свидѣтельствуетъ о добросовѣстной и многосторонней работѣ. Баронъ Де-Бай изложилъ исторію этого помѣстья по множеству мелкихъ указаній, разсѣянныхъ въ раз-

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ГОДЪ СОРОКЪ СЕДЬМОЙ.

1909.

III.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

Петромъ Бартеневымъ.

То старина, то и дѣяніе.

1909.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

МОСКВА.
Синодальная Типографія.
1909.

Приложенный къ этому выпуску портретъ патріарха Никона снятъ въ уменьшенномъ видѣ съ такового, хранящагося въ Московскомъ Кремлѣ, въ Синодальной библіотекѣ.

Издателемъ Житія его былъ О. П. Козодавлевъ, членъ Россійской Академіи. П. Б.

ПАТІАРХЪ НИКОНЪ.

Ж И Т І Е
Святѣйшаго Патріарха
НИКОНА,

ПИСАННОЕ

нѣкоторымъ бывшимъ при немъ клирикомъ.

Въ Санктпетербургѣ

ПЕЧАТАНО

при Императорской Академіи Наукъ

иждивеніемъ издателя 1784 года.

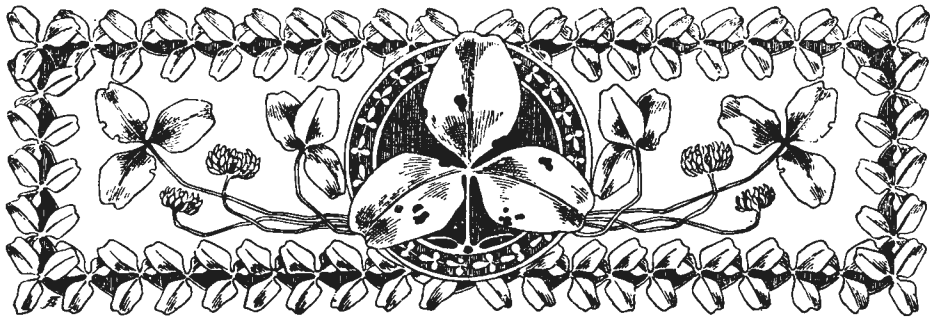
ЖИТІЕ СВЯТѢЙШАГО ПАТРІАРХА НИКОНА,

писанное нѣкоторымъ бывшимъ при немъ клирикомъ.

Въ Санктпетербургѣ печатано при Императорской Академіи Наукъ
иждевеніемъ Издателя 1784 года.

О т ъ и з д а т е л я .

Издаваемое нынѣ житіе Святѣйшаго Патріарха Никона, писано вскорѣ послѣ смерти сего въ исторіи Россійской прославившагося церкви нашей пастыря. Сочинитель сея книги былъ нѣсколько лѣтъ клирикомъ Святѣйшаго Никона; участвовалъ, какъ изъ житія сего видно, во всѣхъ перемѣнахъ его жребія, и до конца жизни своего благодетворителя былъ ему преданъ. Любителямъ Россійскихъ древностей конечно будетъ пріятнѣе видѣть сіе сочиненіе точно таковымъ, какъ оно сочинителемъ написано, нежели съ поправками сообразными съ чистотою языка; почему и издается оно безъ малѣйшей перемѣны, какъ въ разсужденіи повѣствуемаго, такъ и въ разсужденіи слога. Рукописаніе сіе дошло ко мнѣ отъ нѣкотораго ближняго моего собственника, которому оно подарено было въ 1757 году Иверскаго монастыря отцемъ Архимандритомъ Дамаскинымъ. Списокъ сей заслуживаетъ въ разсужденіи точности болѣе прочихъ уваженія, потому что онъ достался мнѣ изъ того монастыря, въ которомъ дѣянія Святѣйшаго Никона весьма извѣстны, и въ которомъ имя его, яко создателя той обители, пребываетъ и днесь незабвеннымъ.

Исторія о рожденіи и о воспитаніи и о житіи святѣйшаго Никона, патріарха Московскаго и всея Россіи.

Въ лѣто отъ мірозданія 7113, отъ воплощенія Господня 1605, въ Маѣ мѣсяцѣ, въ предѣлахъ Нижняго Новаграда, въ вѣси, нарицаемой Вельмановѣ, родися сей Святѣйшій Никонъ Патріархъ отъ простыхъ, но отъ благочестивыхъ родителей, отъ отца именемъ Мины и матере Маріаміи, и наречено имя ему Никита, по имени Преподобнаго Никиты Переяславскаго Чудотворца, его же святая церковь память прославляетъ Маія въ 24 день.

По рожденіи же его мати преставися, немного времени поживши, Никиту же въ малѣ возрастѣ оставльше преселися въ вѣчную жизнь.

По преставленіи же матери его жена нѣкая, именемъ Ксенія, зряща сиротство его и младенчество возраста Никитина, сжалившись о немъ матерски и воспита его. Отецъ же его Мина поять себѣ вторую жену, аже есть мачиха Никитѣ; бѣ бо къ нему вельми зла, имяше бо оная своя чада съ собою приведенная; и егда убо она чада свои питаше матернею пищею, а Никитѣ развѣ хлѣба ничто же даяше; тѣмъ же онъ отъ глада истаяваемъ покусився самъ въ погребѣ итти пищу себѣ взяти, юже оная дѣтемъ своимъ даяше. Оная же узрѣвши его въ погребѣ идуща, и тамо прибѣвши похитивши его мачеховски, удари его между раменъ толь крѣпко, яко отъ онаго ея ударенія въ погребѣ падеся и едва тамо не лишился духа жизни.

Паки нѣкогда въ зимнее утреннее время отъ великаго холода вниде въ печь, якоже дѣтемъ безъ призрѣнія бывающе, и тамо согрѣвшись усну крѣпко, и не слыша ничтоже. Мачиха же его хотящи по обычаю истопити хату и увидѣвши въ печи лежаща Никиту, хотяще ему

злодѣйство свое сотворити, скоро похитивши дрова и закладе его въ печи спяща. Онъ же спяше ничто же слыша. Она же злобною хитростію хотяше сіе сотворити, яко бо невѣдѣвши, тамо Никиту сего свѣта напрасно лишити, зажже дрова. Онъ же отъ дыма и отъ горячести обудившися отъ страха и смерти нечаянный, яко въ изумленіи, начать вельми кричати нелѣпымъ гласомъ, отъ напрасныя смерти избавленія просити; и абіе услыша вопль баба его, притекши въ скорости, изъ печи зажженныя дрова извлече и его отъ таковыя напрасныя смерти избави; ибо та къ нему зѣло бѣ милосерда.

Егда же по обычаю отецъ его изъ дому своего на своя дѣла отхождаше, и тогда мачиха Никитина многая ему оскорбленія творящи и множицею даже до крове немилостивно біяше, и не яко своя чада милующе, но яко змійинъ ядъ нанъ дышуще смертный; и егда же отецъ его отъ дѣлъ своихъ въ домъ возвращашеся и видѣвъ Никиту отъ мачихи множицею біенна, сжалился о немъ яко отецъ, и начать женѣ своей овогда словами претити, овогда же и ранами наказоваше; обаче не возмогъ злобы жены своей усмирить, но тѣмъ оную на вящшую злобу къ Никитѣ подвиже: ибо множицею та мужу своему различными образы на Никиту навожденіе творяше, и сама день отъ дне на вящше зло умножашеся, даже ей окаяннѣй помyslити и о лишеніи жизни его. Сія помышляти умысли, чтобъ не біеніемъ, но коварно и тайно зеліемъ отравити и смерти предати; и по умышленіи абіе дѣлу касается, истерши мелко мышьяку и на то нарочно уготова ему снѣдь устроенную, яко бы матерною любовью къ нему являя, и любви исполненныя словеса ему глаголати, дабы той яди въ сладость удовольствовался. Оный же аки еще младенецъ не вѣдый того на ся лютаго смертнаго злокозненнаго ухищренія, нача оную пищу съ охотою ясти, и позна нѣкое необычное отъ тоя яди въ гортани и животѣ горестъ и скорбь, и оставя пищу оную воста и начать воду пити: и тако многимъ воды питіемъ отъ тоя смертныя отравы Божіемъ храненіемъ спасенъ бысть.

О наученіи грамотѣ.

П потомъ по желанію Никитину, паче же по Божію строенію, отецъ его вдаде въ наученіе божественнаго писанія. Онъ же благодатію святаго духа скоро извыче святыхъ книгъ чтенію, и отшедъ отъ учителя своего нача въ дому отца своего жити и писаніе забывать. Познавъ же сіе и абіе умысливъ и взявъ нѣчто изъ дому отца своего пенязей, ради наученія божественнаго писанія умысли отбити въ монастырь.

О отшествіи въ монастырь.

Отъиде во обитель преподобнаго отца Макарія Желтоводскаго къ нѣкому старцу богодухновенному, и пришедъ тамо оному старцу даде отъ принесенныхъ съ собою пенязей на вкладъ во оную святую обитель, воеже бы ему игумень и братія благословили въ той обители съ клирики пребывати и божественнаго писанія навykати. Старець же принесенныя пенязи пріявъ объ немъ и о принесенныхъ пенезехъ игумену и братіи объявилъ, и сотворивъ къ нимъ о немъ моленіе, да благоволятъ ему въ той обители жити. Игумень же и братія пріявше пенязи и благоволивше ему въ той обители жити съ крылошаны.

Онъ же желаніе свое получа и благодареніе Богу воздаде всеусердно нача тшаться, дабы всегда къ началу божественнаго пѣнія въ церковь приходити, и видя своя лѣта дѣтская, въ нихъ же обыклъ есть сномъ крѣпко спати, нарочно въ лѣтнее время, опасаяся начала церковнаго пѣнія чтобъ не проспати, нача на кладъ благовѣстнаго колокола спати; таково бѣ того еще отрока въ младыхъ лѣтахъ о церковномъ пѣніи тшаніе. И тако ему въ той обители препровождающе и непрестанно о чтеніи и пѣніи божественнаго писанія прилежащу.

Случися же нѣкогда сверстникомъ его пойти во ину обитель прогула ради и его съ собою взяше. Идущимъ же имъ обрѣтоша жилище на пути и внидоша къ нѣкому Татарину, товарищемъ его знаему, иже аще и Татаринъ бѣ, обаче странныхъ Христіанъ любезно пріимаше и Христіанскимъ обычаемъ упокоеніе имъ творяще; и той любезно въ домъ свой ихъ пріять и упокоивъ и упросивъ ихъ у себе вечеръ и ночь ту пребыти, уже бѣ бо день той къ вечеру преклонился естъ. Товарищи же вѣдающе, яко Татаринъ той гадательствуетъ, и кому како жити, богату ли быти или убогу и въ какомъ чинѣ или званіи кто будетъ, о семъ прорицати отъ гадательства познаваетъ. Сверстници же его начаша просити, дабы имъ коемуждо по своему гадательству повѣдаъ бы имъ. Онъ же сотворити сего имъ не отречеса, но всякому по ихъ фортуна разсмотря, своимъ ухищреніемъ, о житіи ихъ и чинѣхъ повѣда.

Егда же дойде до отрока Никиты, зря на него и на гадательная своя орудія книжку и палицу нача часто обращаться, и вопросы Никиту: какого ты роду? Онъ же глагола ему, яко простолюдимъ есмь. Татаринъ же сіе отъ него слышавъ рече ему: Никито! почто тако просто ходиши, блюдиися и ходи опасно, яко ты будеши великій Государь царству Россійскому, еже и сбытсѣя, якоже о томъ впреди извѣстится. Отрокъ же Никита слышавъ сія Татарина глаголы удивися, и

не бысть онимъ словесемъ вѣроятенъ. По обнощеніи же у Татарина въ намѣренный имъ путь поидоша, и совершивши онъ путь паки возвратишася во обитель преподобнаго Макарія, и ту, якоже и прежде, начаша жити; и по томъ отрокъ Никита о церкви Божіи и о снисканіи божественнаго писанія веліе тѣшаніе имѣяше. И по нѣкоемъ времени увѣда о немъ отецъ его, яко онъ въ той обители жительствуетъ, посла по него пріятеля своего, могуща его о возвращеніи въ домъ отцевъ увѣщавати, и аще той изъ обители въ домъ не восхощетъ возвратитися и отецъ его велѣлъ ему рещи сице: яко бы отецъ твой боленъ зѣло и отъ великія ему скорби изнемогъ есть и близъ смерти есть, такожде и бабушка твоя отъ древности недуга вскорѣ имать отъ жизни сея разлучитися. Посланный же отроку елико могае о возвращеніи въ домъ отцевъ увѣщаваше, обаче никако же его возможе оними словами увѣщати; приложи и сіе ему приказаніе отцево сказати, яко бы отецъ твой и бабка близъ смерти оба пребываютъ отъ великія скорби и жалости по тебѣ, оwoже отъ древности мню, яко аще ли не ускориши, то уже въ сей жизни оныхъ не узриши.

Сія же Никита слышавъ преждедеченное смятеся и возболѣзновавши сердцемъ къ родителю своему и бабкѣ любовію, отъ жалости прослезися и желаше оныхъ въ жизни сей узрѣти, абіе изъ обители преподобнаго отца Макарія въ домъ свой поиде, и пришедъ обрѣте ихъ здравіи суци, но аще и подлогомъ отецъ его повелѣ ему о бабкинѣ скорби и смерти извѣстити, но обаче по пришествіи Никитинѣ въ домъ въ маломъ времени отецъ его и бабка вскорѣ разболѣвшися и умерше и въ вѣчный покой поидоша въ некончаемую жизнь, Христіански совершиша конецъ свой.

Никита же отцу своему и бабкѣ подобающее погребеніе тѣлесемъ ихъ сотворивъ и должное поминовеніе по душамъ ихъ исполнивъ, хотяше оставивши домъ свой и паки итти въ монастырь; обаче отъ сродниковъ своихъ многимъ увѣтомъ и прошеніемъ склоненъ на волю ихъ.

И совѣтомъ сродниковъ своихъ къ сочетанію брака преклонився. По сочетаніи же брака преживъ нѣкое время, желаше церковною службою наслаждатися, поиде отъ дому своего на взысканіе житія себѣ, что при церкви Божіей желаше, то немѣдленно улучи промысломъ всемогущаго Бога, обрѣте въ нѣкоемъ селѣ церковь Божію безъ клирика. По прошенію же его священникъ и поселяне съ любовію пріяше его, и нѣсколько ему ту прежившу съ супругою своею и къ той же церкви и во священники посвященъ.

По малѣ же времени изъ онаго села преселися жити въ царствующій градъ Москву, и тамо нѣкая лѣта преживъ, зря суету міра

сего и непостоянство, и желая ко спасенію обрѣсти путь удобный, нача супругу свою на оный свой всеблагій совѣтъ увѣщати. Богу же въ томъ ему увѣщаніи благодатію своею помогающую, и супруга его соизволи Богу паче работати, нежели міру, и избра себѣ на благоудное житіе въ царствующемъ градѣ Москвѣ Алексіевскій монастырь. Онъ же благодаривъ Бога, что по желанію его Богъ свободилъ отъ сопряженія супружнаго, и устроивъ ей келію въ помянутомъ монастырѣ и давъ за ню вкладу и ей на одежду и на пропитаніе, а самъ умысли итти на островъ Анзерскій, иже стоитъ на Окіанѣ морѣ близъ острова Соловецкаго. Всѣхъ же лѣтъ Никита съ супругою своею поживе десять, имѣ съ нею три чада, яже въ малыхъ лѣтѣхъ изомроша.

По оному своему доброму намѣренію абіе поиде въ той вышереченный Анзерскій скитъ, и пришедъ тамо пострижеса во иноческій образъ, и наречено имя ему монашеское Никонъ, и пребысть подъ началомъ тогожъ скита Анзерскаго у богодухновеннаго старца, именемъ Еліазара, иже тому Анзерскому скиту бысть начальникъ. Обычай же бѣ въ томъ скитѣ у отцевъ таковъ, яко келія отъ келіи отстояше по 2 поприща, таковое же удаленіе и отъ церкви имѣяше, и во всякой келіи по единому брату живяху; бѣ же въ томъ скитѣ точію 12 братовъ. Правило бѣ у нихъ сицевое: яко въ вечеръ субботный вся братія къ церкви собирахуся, по собраніи начинаху пѣти вечернюю службу и повечеріе, неросходящеса и утреннюю службу пояху, на немъ же всю 20 каѳисмъ совершаху; по десяти же каѳисмахъ Евангеліе Воскресное толковое прочитаху. Псалтырь же егда читаху, и въ то время братія вся сѣдѣше, и всю совершивше утреннюю и дня дождавше нерасходно и священную литургію совершаху, и по литургіи другъ другу цѣлованіе давше, и киждо во своя келіи отхождаху, и даже до недѣли другъ друга не видаху. Питаніе же ихъ бѣ вящшая часть отъ Государскія милостыни, всякому брату на киждо лѣто по три четверти малыхъ во отдаточную мѣру муки жаловаху, къ тому же отъ ловцовъ подаваніемъ милостыни и отъ рыбъ подаваху, и на томъ же островѣ отъ обрѣтающихся ягодъ и всякимъ овощіемъ питахуся. Никонъ же живя тамо по благословенію отца своего начальнаго старца Еліазара, вдаде себе великому посту и воздержанію, бѣ бо правило его зѣло велико, яко на киждо нощенствіе при церковномъ правилѣ при каѳисмѣхъ и канонѣхъ цѣлый псалтырь прочитая и по тысящи поклоновъ отправляше, сна же зѣло мало пріимаше. Ненавидѣше же добра діаволь, видѣше Никона нелѣпно Господеви работающа, начаху нанъ велию брань воздвизати. Внегда хотящу ему мало отъ труда почити, тогда абіе нечистіи дуси приходяще и нанъ нападаху, давляху его, и иныи пакости дѣюще ему, и овия въ страшилища многообразныя обра-

щахуся и разныя мечты ему творяху, и отъ труда покою ему не даяху почити. Зря же Никонъ на себѣ таковую бѣсовскую брань, къ правилу своему приложи еще читать отъ обуреванія злыхъ духовъ, и по вся дни нача воду святити и всю келію и окрестъ келіи кропити, злыхъ отъ себе духовъ помощію Божію отгна; и тако безъ пакости отъ труда своего упокоеніе пріять.

По семъ супруга его живуще непострижена во Алексіевскомъ монастырѣ, вражімъ же наущеніемъ забывше свое къ Богу обѣщаніе и о постриженіи, паки восхотѣ въ мірскія вдатися суеты и второму браку вдатися, о чемъ Никонъ, по писанію къ нему изъ царствующаго града отъ сродниковъ своихъ, извѣстіе приемъ зѣло оскорбися и великимъ душа его смятесе смятеніемъ; но о семъ моля всемогущаго Бога о ея спасеніи, яко да подасть ей отъ таковаго неблагого начинанія обращеніе и въ покаяніе пріити истинны, и да способитъ ю монашескій образъ воспріяти, и о увѣщаніи ея написа много отъ божественнаго писанія примѣровъ, и посла къ сродникамъ своимъ въ царствующій градъ Москву. Сродники же его получивши писаніе ей прочетше и начаша ю увѣщевати отъ того противнаго ея начинанія, дабы престала. Она же устыдѣвша, вкупѣ же и умилися душею, воспоминаю же, яко въ томъ же писаніи приписано о страшномъ судѣ Божіи, и абіе оттрясе колебаніе ума своего непостоянное, и пріимъ въ сердце свое крѣпость твердую, и абіе въ томъ монастырѣ молитвами Никона пріять монашескій образъ; о семъ же сродники его извѣстно о ней Никону все подробно учиниша.

Сіе же Никонъ извѣщеніе пріимъ, веліе Богу благодареніе воздаше, яко не презрѣ его къ нему прошенія. Блаженный же Никонъ видѣ яко отъ сихъ смущеній избавися и приложися ко Господу, всею крѣпостію своею труждашеся вѣрно во Анзерскомъ скитѣ въ службѣ Іерейской: Нѣкогда же восхотѣ ити въ царствующій градъ Москву Боголюбезный старецъ Еліазаръ, ради собранія милостыни на строеніе каменныхъ церкви, поемъ съ собою сего Іеромонаха Никона, и пришедше имъ въ Москву, и тамо отъ многихъ благочестивыхъ людей ради добродѣтельнаго своего житія знаеми, и на созданіе церкви о подаваніи били челомъ Благочестивому Великому Государю Царю и Великому князю Михаилу Ѳеодоровичу, всея Россіи, и благороднымъ бояромъ и благочестивымъ разныхъ чиновъ людямъ, отъ нихъ же приобрѣтше на оное церковное строеніе пять сотъ рублевъ и паки возвратишася во Анзерскій скитъ, и пришедше тамо оныя деньги сохраниша въ ризницу: и тако оныя деньги лежаху, тамо до дву или до трехъ лѣтъ. Іеромонахъ же Никонъ, опасаяся разбойниковъ, да нѣкакo увѣдавши о тѣхъ у нихъ сохранныхъ деньгахъ пришедше не точію

деньги возмутъ, но и имъ смерть или мученіе за нихъ будетъ, и о семъ нача своему начальному старцу Еліазару о оныхъ деньгахъ совѣтъ предлагати, дабы оныя деньги благоволилъ на церковное зданіе употреблять, или въ Соловецкій монастырь на сохраненіе отдать, дабы за оныя деньги напрасною смертію отъ разбойниковъ всѣмъ намъ не пострадати. Сей же совѣтъ его старцу не ключимъ быше; и того ради возненавидѣ старецъ Никона Іеромонаха, и отъ того гнѣва и ненависти не хотящу ему и престати. Тако врагу между има смутившу, яко Никона старецъ и зрѣти никогда очима хотяще.

Никонъ же нѣкогда отъ скорби усну, и видѣ во снѣ сосудъ стоящъ нѣкій исполненъ нѣкихъ сѣменъ, у сосуда же нѣкто предстояй глаголя Никону, яко твоихъ трудовъ мѣра исполненна есть. Онъ же нѣкако хотяй, яко бы обратитися, разсыпа всю мѣру, бывшую и ополненную оныхъ сѣменъ, и паки нача оныя просыпанныя сѣмена въ ту же мѣру собирать, и собра паки, но не исполнился тако мѣра, яко же прежде бысть; и по ономъ сновидѣніи видѣ на ся отческій гнѣвъ не умаляющійся, но паче день ото дне вѣще возрастающъ, его же онъ никоимъ образомъ невозможе утолити, и даде старцеву гнѣву покой.

Отхожденіе изъ Анзерскаго скита.

Отъ онаго острова сяде въ малый кораблець Іеромонахъ Никонъ съ нѣкіимъ христіаниномъ. Пловущимъ же имъ, море же возволновася тако, яко же и отчаявся живота своего, и отъ онаго волненія лишившись намѣреннаго своего пути, и приставши къ нѣкому острову, нарицаемому Кію; нанъ же приставшимъ, и Богу благодареніе о избавленіи своемъ отъ потопленія морскаго со слезами воздаде, и поставя на томъ островѣ крестъ деревянный, и обѣща тамо на ономъ мѣстѣ, идѣже крестъ водрузи и аще Богъ восхоцетъ и подастъ ему свою святую помощь, то устрою на семъ мѣстѣ монастырь Крестный, еже и сбыться по его желанію, и нынѣ же тѣченіемъ его, позволеніемъ же и Государевою милостію и его келейною казною зѣло благолѣпно и удивленію достойно устроенъ. Воспомянути же прежняя его отъ потопленія возвратимся. Пребывше же на томъ островѣ точію до благополучнаго времени; егда же уляже вѣтръ, и бысть тишина, тогда поплыша моремъ прямо ко Онежскому устію, островъ же отстоящъ отъ Онежскаго устія 10 поприщъ, и приплывше ко Онежскому устію, крестьянину даде за провозъ, а самъ же пойде пѣшъ въ верхъ рѣки Онѣги. Идущу же ему тѣмъ путемъ оскудѣ у него пища, и бывшу ему въ гладѣ сущемъ прииде противу нѣкія вѣси и нача за рѣкою жи-

вущихъ просити о перевозѣ, и много моли къ нимъ, и никто же уми-
лосердися въ гладѣ суща изнемогающаго Іеромонаха страннаго пере-
везти, точію едина убогая вдовица услышавъ гласъ его умилился и
повелѣ сыну своему изъ за рѣки перевезти его. Егда же той по по-
велѣнію матери своей Іеромонаха Никона перевезе, онъ же ничто же
имѣяше за перевозъ воздати, точію поклонився, и рече: самъ Господь
за вашу ко мнѣ показанную милость вамъ воздастъ и поиде въ ту
вѣсь ища обнощевати и обшедъ всю ту вѣсь и не единъ его не при-
зрѣ, ни ночевати, аще и богаты имѣяху дома, но обаче немилостивіи
суть, и паки ко оной вдовицѣ возвратився иже къ нему милосердіе
показа первъѣе превезши. Она же видя, яко ни отъ единаго тѣхъ ми-
лости Никонъ не получи, оная же милосердовавъ ему, повелѣ у себѣ
обнощевати, аще оная и въ скудости пребываетъ; понеже въ то время
гладъ бысть въ той странѣ. Оная же обаче яко Саревская вдовица
Илію пріять тако сіа Никона Іеромонаха съ любовію пріять въ домъ
свой, и пищу представи ему. Онъ же видѣвъ ея таковое къ нему
показанное милосердіе, ублаживъ ону вдовицу глаголя ей: аще Господь
восхоцетъ и живъ буду, всячески подщуся сію твою ко мнѣ показан-
ную милость заплатитъ, еже и сбытсѣя. Никонъ же поклонився оной
вдовицѣ, паки поиде въ путь свой.

О приходѣ въ Кожеезерскую пустыню.

По обнощеваніи же у вдовицы прииде Іеромонахъ Никонъ въ
Кожеезерскую пустыню; Игумена же и братію моливъ о пріятіи. Они
же безъ вклада въ той пустыни не приимаху. Ему же не имѣюще что
вкладу дати, отдаде имъ и послѣдняя своихъ трудовъ двѣ книги, полу-
уставъ да канонникъ. Они же взявши тѣ книги и съ собою жити его
пріяша. Въ ней же живя онъ литургисаше, и по малѣ времени сжа-
лившись о уединеніи пустынномъ, и моли настоятеля тоя пустыни
Кожеезерской и братію, да отпустятъ его и благословятъ на нѣкій
островъ особый, воеже бы ему тамо устроить келію и прежде пріятое
правило удобно было совершати. Игуменъ же и братія зряще на мо-
леніе Іеромонаха Никона преклонившесѣ и его изъ тоя пустыни отпу-
стиша съ благословеніемъ. Онъ же намѣреннаго своего острова до-
шедъ и на немъ келію своими руками устроивъ, нача жити чиномъ
Анзерскія пустыни. Островъ же оный на томъ же озерѣ, на немъ же
и Кожеезерская пустыня. Онъ же тамо живяше и по молитвѣ подѣліе
имѣяше ловленіе рыбы, бѣ бо то озеро зѣло рыбно и отъ людей мір-
скихъ жительствою удаленно 40 поприщъ. Ему же тамо живущу

Кожеезерскія пустыни Игумень отъ жизни сея преставися. По преставленіи того Игумена тояжь пустыни вся братія видяще Іеромонаха Никона добродѣтельна живуща и отъ Бога одаренный въ немъ разумъ, молиша его прилѣжно, да сотворить, ради любви Христовы, съ ними милость и оставить то свое уединенное житіе и да будетъ имъ Игумень. Онъ же по многомъ своемъ отрицаніи не могъ ихъ много прилѣжнаго всей братіи прошенія презрѣти, склонися на ихъ прошеніе и изшедъ изъ того своего острова.

О постановленіи во Игумены.

Братія же написавше заручную челобитную о Іеромонахѣ Никонѣ, и вдаша ему. Онъ же приѣмъ челобитную, поиде съ нею въ великій Новъ градъ; тогда правящу престолъ Аѳонію Митрополиту. Онъ же принесенную съ собою челобитную за братскими руками Преосвященному Митрополиту вручивъ, въ скоромъ времени поставленъ въ Игумены, Преосвященнымъ Аѳоніемъ Митрополитомъ Новгородскимъ и Великолуцкимъ, паки возвратися въ Кожеезерскую свою пустыню, и нача въ ней жити и врученное ему отъ Бога духовное стадо управлять и отъ святаго писанія поучати братію, посту, воздержанію, послушанію, цѣломудрію; просто рещи, всякой добродѣтели, и бысть имъ яко отецъ чадомъ; еще же труды къ трудомъ прилагая, часто самъ на братію рыбу ловяше и самъ оную предъ нихъ представляше. Пребывъ же во оной пустыни 3 лѣта неослабно труждаяся, во всѣхъ службахъ самъ управляше; случися же нѣкихъ ради нуждъ пустынныхъ, ихъ же ради поиде самъ въ царствующій градъ Москву во дни благочестно царствующаго Благовѣрнаго и Христолюбиваго Великаго Государя и Великаго князя Алексія Михайловича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца. Достигшу же Никону царствующаго града Москвы, тамо нужды монастырскія управляюща, и въ нѣкоихъ случаяхъ усмотрѣвъ его Благочестивѣйшій Самодержецъ, яко оный Игумень искусенъ и благонравенъ во всемъ.

О поставленіи во Архимандриты.

Во царство Благочестивыя Державы Благовѣрнаго и Христолюбиваго Великаго Государя Царя и Великаго князя Алексія Михайловича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, правящу тогда престолъ Россійскія церкви Святѣйшему Патріарху Іосифу, отъ него

же посвященъ сей Никонъ Игуменъ во Архимандриты въ Спасовъ монастырь, что на Новомъ, въ немъ же онъ пребывая и труды къ трудомъ прилагая и оный монастырь зѣло устрояющу; чего ради отъ великаго Самодержца зѣло въ милости бывъ и желаше отъ него богодухновенною бесѣдою наслаждаться, и повелѣлъ ему Архимандриту по вся пятки приѣзжать къ себѣ Великому Государю въ верьхъ ко заутрени. Онъ же по повелѣнію его по вся пятки къ нему Великому Государю приѣзжая и многихъ обидимыхъ вдовъ и сиротъ отъ насилія заступаше. Видя же Благочестивый Царь его о правдѣ тѣсаніе и попечение о убогихъ, повелѣ ему обидимыхъ челобитныя пріимати и къ себѣ Великому Государю приносить, бѣ бо самъ Благочестивый Царь о праведномъ судѣ тщателенъ. Отъ сего же времени царствующаго града жителемъ познася, мнози къ нему притекаху, овѣи во обитель Спасову, инѣи же въ пятки грядуща его въ верьхъ на пути ожидающа, и челобитныи ему подавающа, и заступленія отъ него просяще. Онъ же готовъ всѣмъ обидимымъ на защищеніе, наипаче же скорбнымъ и вдовамъ и сиротамъ беззаступнымъ помощь, и со тѣсаніемъ всѣ челобитныя Великому Государю вручаше и о всѣхъ прилѣжное моленіе и заступленіе творяше. Великій Государь всегда по утреннемъ пѣніи самъ, не исходя изъ церкви, всѣ тѣ челобитныя выслушавъ и милостивый свой Царскій указъ на всѣхъ при себѣ подписывати веляше, и емужъ Никону Архимандриту всѣ челобитныя своими царскими руками вручаше. И тако той благотворитель и въ заступленіи свою милость ко всѣмъ показуя поживе въ Спасовой обители 3 лѣта.

О произведеніи въ Митрополиты.

Ради добродѣтельнаго его житія и праваго міру разсужденія и заступленія по благоволенію Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Алексія Михайловича посвятилъ святѣйшій Іосифъ Патріархъ Московскій и всея Россіи, со всѣмъ освѣщеннымъ соборомъ поставиша его въ великій Новградъ въ Митрополиты на Афоніево мѣсто, бѣ бо Афоній Митрополитъ мужъ святъ, обаче же уже престарѣлъ и безпамятствомъ уже ослабѣ вельми, и самъ просилъ о семъ, чтобъ отъ престола освобожденъ былъ, и о семъ просилъ благочестивѣйшаго Самодержца и Святѣйшаго Патріарха, чтобъ ему ради старости на покои быти. И егда Преосвященному Никону Митрополиту въ Новградъ пришедшу, и вскорѣ преждебывшаго Преосвященнаго Афонія Митрополита въ Спасовъ Хутынскомъ монастырѣ живуща посѣтити прииде Преосвященный Никонъ Митрополитъ просяще благословенія

у бывшаго Афонія Митрополита, Афоній у Никона Митрополита просяще благословенія; и тако на мнозѣ бывшу прѣнію той глаголя: ты мя благослови, и онъ тоже, ты мя благослови; и по семъ рече Афоній Никону Пророчески: благослови мя Патріарше Никоне! Никонъ же рече: ни, отче святыи, азъ грѣшныи Митрополитъ, а не Патріархъ. Афоній рече: будешь Патріархъ, благослови мя. Никонъ же видѣвъ, что не отрещися и благословивъ Афонія, Афоній же Никона: и тако сѣдоста оба и глаголаста другъ другу мирная и душеполезная словеса.

Преосвященному Митрополиту Никону правящу престолъ Новгородскія митрополіи не точію измѣнити своего правила, но и благаго нрава, наипаче о благоустроеніи тщащуся на славу Божию и о праведномъ судѣ, самъ же передъ собою великія дѣла у соперниковъ праведно разсуждаше, милостыню велию творяше, а наипаче егда посѣтилъ Господь ту страну голодомъ: ибо въ то время особно во своемъ Архіерейскомъ дому отлучи велию палату, глаголемую Погребную, и въ ней заповѣда приходящихъ нищихъ и убогихъ, елико когда ихъ приидетъ, и на всякій день овогда приходяща челоуѣкъ по сту, и по двѣсти, овогда же по триста и вящше; страннопріимникъ же бѣ представленъ отъ него питатель бѣдныхъ нищихъ, бѣ мужъ святъ, именемъ Василій, Босый прозваніемъ. Онъ же зимою и лѣтомъ всегда босъ хождаше, а при святомъ крещеніи дано ему имя Вавило. Имаше же той мужъ обычай сицевъ: яко егда по повелѣнію Преосвященнаго Митрополита Никона всѣхъ нищихъ въ трапезу устроить, тогда у всякаго на выи дозираетъ креста, и аще у кого не обрящетъ, и оному свой дарствуетъ; всѣмъ завѣщааетъ, во еже бы присно крестъ Христовъ, честное знаменіе спасенія нашего, на выи своей носити, нанъ же очесы и мыслию Христову страсть воспоминати къ намъ, превеликую и пресовершенную его милость памятовати, яко насъ ради Христосъ пострада и кровь свою на крестѣ пролія, намъ же къ нему всѣмъ сердцемъ и мыслию присно взирати и вѣрно уповати, симъ же крестомъ и діавола прогоняти.

Во всякую же недѣлю изъ казны его Преосвященнаго Митрополита по его завѣщанію онъ же творяше денежную милостыню, старымъ по двѣ деньги, средѣчнымъ по единой деньгѣ, младенцемъ же по полуденьгѣ, а въ коемждо утрѣ приходящимъ даяше по кругу хлѣба тяжестію двѣ литры; сія милостыня по его завѣщанію домовая, а отъ своея же келейныя казны во чпагъ свой влагаше по рублю и по два на раздѣленіе милостыни, и бѣднымъ изъ своихъ рукъ даяше по гривнѣ и по полтинѣ и вяще, зря по потребѣ. Еще же той Преосвященный Митрополитъ въ Великомъ Новѣградѣ вновь устрои 4 бога-

дѣльни для убогихъ сиротъ и повсягодное тѣмъ нищимъ у Великаго Государя испроси пропитаніе, и самъ во свои и во иныя старыя богадѣльни и въ темницы съ милостынею хождаше; въ темницахъ же сѣдящихъ винъ разсматриваше, бѣ бо ему о семъ приказъ отъ Великаго Государя усмотря по винамъ и по покаянію изъ темницы свободати, а наипаче немощныхъ отъ рукъ сильныхъ и неправедно держимыхъ отъ узъ свободно изымаше и освобожденіе даяше, и весьма прилежалъ о правдотвореніи и надъ самыми тогда града владущими по указу Великаго Государя онъ надзираше и ихъ увѣщаваше, дабы обидъ и налогъ и разоренія никому напрасно не творили. О чесомъ слыша Великій Государь зѣло радовашеся, яко во дни его Государскія Державы подаде ему Богъ изъ духовнаго чина такового челоуѣка, иже всякаго блага желатель и неусыпный воистину пастырь душамъ Христіанскимъ, и наипаче къ нему Государь въ Великій Новградъ своя государственная со всякою преудивительною мудростію и любовію исполненная писанія присылаше, и присно онъ Благочестивѣйшій Государь Царь желаше Преосвященнѣйшаго Митрополита всегда въ царствующемъ градѣ имѣти и съ нимъ благословесною бесѣдою наслаждатися; но того за нуждою ему Преосвященному Митрополиту, за врученнымъ ему отъ Бога стадомъ и за надсмотрѣніемъ градскихъ дѣлъ, съ Государемъ всегда бесѣдовати не допустило; но обаче по вся зимы изъ Великаго Новаграда въ царствующій градъ Москву пріѣзжая, и о всякихъ нуждахъ ему Государю докладывая. Великій Государь вся по прошенію его исполняя, бѣ бо Преосвященный Митрополитъ отъ божественнаго писанія вельми сказатель, памятію и разсужденіемъ и добропорядочнымъ повѣденіемъ зѣло преукрашенъ и богодухновенною бесѣдою сказатель подробно на всякое слово отвѣтъ, съ примѣромъ святаго писанія и съ премудрымъ притчею разсужденія благоизрядна, и гласъ его яко труба благоприятенъ и слушающимъ увеселителенъ, и просто рещи Ангелъ, а не челоуѣкъ; а не покаяющимся Богу и святѣй церкви страшенъ, и отъ премудрости словесъ его никто бы могъ противустати ему, яко отъ Бога вся въ немъ дѣйствуемая благодатію всесвятаго духа; и кратко рещи, яко въ та времена не точію ему равнаго Архіерея, но и подобнаго не обрѣталося; и едино рещи: идѣже страхъ, страхъ; идѣже честь, честь. Таковъ бѣ сей Митрополитъ Новаграда.

Обычай же Преосвященный Митрополитъ имѣяше таковъ: еже начастъ святую литургію совершати, а наипаче во дни недѣльные и праздничные, и по литургіи къ народу слово Божіе проповѣдуя, и яко огнемъ разжигая сердца слышавшихъ отъ него слово Божіе, и къ Богу яко парій всякъ умъ слышаше отъ него ученіе, и ради его по-

ученія мнози отъ дальнихъ приходовъ въ соборную церковь къ литургіи притекающе и поученія его всѣмъ преславнаго съ желаніемъ слушающе, яко его поученіе сердечную любовь къ Богу показываетъ, и отъ умилительныхъ его словесъ въ слезы и радость приводятъ слушающихъ.

Преосвященный же Митрополитъ Никонъ первѣ повелѣ въ соборной церкви Греческое и Кіевское пѣніе пѣти, а о украшеніи церковномъ и церковниковъ во благочинномъ одѣяніи и въ довольномъ пропитаніи, и воеже бы имъ отъ людей почитаемымъ быти, и превеліе имѣ прилѣжаніе до пѣнія, и на славу прибравъ клиросы предивными пѣвчими и гласы преизбранными, пѣніе одушевленное, паче органа бездушнаго; и таковаго пѣнія, якоже у Митрополита Никона, ни у кого не было.

И на сіе Благочестивѣйшій Царь зря, и тако бо похвали его, яко житіе его свято, и заповѣди Божіи исполненіи и тщаніе. Во всемъ совершенствіи есть благъ мужъ сей, и едино слово его праведное, а не двоедушное, всякія чести сподобися; и отъ сего дне на вышшую любовь къ нему подвижеся, и вся отъ него просимая исполняше.

По томъ же Благочестивый Самодержецъ, и благочестія велій ревнитель, зря въ церквахъ не по древнему святыя соборныя церкви уставу не единоголасное чтеніе, и нарѣчіе безъ разсужденія той часть, никако возможно чтущуюся рѣчь разсудити, къ тому же совершаютъ купно, единъ чтеть съ начала полунощницу съ каѳисмою, другій чтеть вѣру и тропари, и даже до конца полунощницы; и тако въ два гласа чтуще единъ одинаго поспѣшнѣе, что же слушать и у котораго внимать? къ тому же за скоростію и въ двоегласіи у одинаго слышать другій перебѣтъ мысль, ни что же; тако же единъ прочтетъ шестопсалміе, другій уже кончитъ псалтирь; на часахъ единъ псалмы, другій уже слава, и нынѣ, тропари; тотъ то, а другой другое.

О семъ Благочестивый Государь зѣло сжалился, размышляя, что сіе чтуть, како Богу пріятно будетъ; понеже и чѣмъ внятно будетъ человѣку, что безъ всякаго вниманія читаху, и о поспѣшеніи прочтання единъ передъ единымъ тщаніе творяху, и глаголемыхъ силу презираху; о семъ совѣтомъ и благословеніемъ отца своего духовнаго соборныя церкви Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, что у него Великаго Государя на сѣняхъ, съ Протопопомъ Стефаномъ Вонифатьевымъ нача онъ Великій Государь о единоголасномъ и нарѣчномъ пѣніи въ церквахъ промыслиати и учрежденіе творити; ему же въ семъ благоначинаемомъ дѣлѣ великій помощникъ и поборникъ бысть Преосвященный Никонъ Митрополитъ; а Святѣйшій Іосифъ Патріархъ Московскій за обыкновеніе тому доброму порядку прекословіе творящу, и никако же хотѣ оное древнее неблагочиніе на благочиніе премѣнити;

тѣмъ же и благочестивѣйшій Государь Царь, егда Преосвященнѣйшій Митрополитъ въ Москвѣ живаше, тогда къ себѣ въ верхъ къ службѣ Божіей во дни праздничные, ради своего царскаго тамо прибытія, всегда Преосвященному Митрополиту священнодѣйствіе совершати повелѣваше.

О возмущеніи Новгородцевъ.

Живущу же Преосвященному Митрополиту въ Великомъ Новѣградѣ при Боляринѣ и Воеводѣ Князѣ Ѳеодорѣ Андреевичѣ Хилковѣ, бысть велие народное возмущеніе въ Великомъ Новѣградѣ и во Псковѣ. Въ Великомъ Новѣградѣ случися сице. Нѣкто отъ посадскихъ людей, нарицаемый Волкъ, совѣтомъ діавольскимъ наущенъ, ради своего малаго и злаго прибытка и приобрѣтенія ходя по Нѣмецкимъ дворамъ, глаголя Нѣмецкимъ торговымъ людямъ: что ми хотите дати, и азъ повѣмъ вамъ тайное надъ вами Новгородцевъ дѣло, и нынѣ умышленное? Егда же они то его злоумышленное дѣло слышаше, а истинна ли или ложь, о семъ не вѣдаше, ему, яко праведному о себѣ истинному оберегателю, вѣры яша; и егда же его, яко Іюду втораго, и желаніе его златыми и ефимками удовольствовавшие, и тогда имъ оный лжею своею яко правдою повѣда: слышите ли въ народѣ на боярина Бориса Ивановича Морозова нареканіе измѣны; а понеже въ то время велие въ народѣ возмущеніе на онаго боярина бяше, того ради и васъ, яко его друзей и лазутчиковъ, вскорѣ и внезапно хотятъ смерти предати и имѣнія ваша вся разграбити; тѣмъ же я вамъ совѣтъ даю, аще кто хочетъ душу свою спасти отъ напрасныя смерти, сликъ можете въ скорости отсюду утекайте. Они же таковыя словеса отъ него слышавше и въ народѣ возмущеніе сами видяще, и вѣннивше быти правду, и абіе на своихъ и ѱанятыхъ конехъ товары свои изъ Великаго Новаграда съ великою скоростію повезоша. Предреченный же Волкъ еще не сытъ и завистливъ, по правдѣ есть и не милостивъ, не удовольився еще тою своею ложью, за ню же отъ Нѣмцевъ, яко за истинну, мзды воспріять, и еще злѣйши того умысли, скоро тече въ земскую избу, и тамо и въ рядахъ повѣда всякихъ чиновъ людямъ, глаголя: яко друзи и приятели измѣнника боярина Бориса Морозова Нѣмцы бяху въ Москвѣ ради прилагатайства и отъ него съ казною отпущены въ свою землю, а нынѣ они здѣ въ Великомъ Новѣградѣ и ѣдутъ въ свою землю; тѣмъ же подобаетъ намъ радѣти Великому Государю и всему Московскому царству, и нынѣ радѣніе свое явити, оныхъ Иноземцевъ переймать и казну оную взявъ, и ихъ, яко прелагатаевъ и измѣнниковъ, судити. Слышавше народъ отъ него и надѣяся яко правду глаголетъ, не вѣдая

отъ него, что вся злая и ложная и ко возмущенію подобная словеса, абіе возмутительнымъ чиномъ въ погоню тѣхъ Нѣмецкихъ купецкихъ людей устремишася, и на пути ихъ поймавшє, начаху оныхъ, яко обычай естъ возмущенному народу творити, разнообразными орудіи немилостивно бити, яко истинныхъ прєлагатаєвъ, и имѣнія ихъ разграбляше, токмо отъ смертнаго побієнія оныя Нѣмцы избавлєни быша; совѣтомъ оныхъ же Новгородцевъ лутчихъ и богатыхъ людей, иже хотяше оныхъ Нѣмцевъ отъ смерти избавити, начаша къ народу глаголати, яко аще кто можеть боярина Бориса Морозова измѣну изъяснити, и доподлинна на сихъ Нѣмцевъ докажетъ, то лутче по суду или оправдани будутъ или осуждєни будутъ; аще судомъ допрама измѣна, то оными ещє лутче живыми и другіє совѣтники съ ними объявлєни будутъ, а оныхъ подобаєтъ за крѣпкую стражу въ темницѣ блюсти. И тако оныи о совѣтѣ томъ послушавше, въ темницу за крѣпкую стражу посадиша, сами же на грабленіє богатыхъ гостей и купецкихъ людей уклонившеся.

О возмущеніи на Воеводу.

Бояринъ же и Воевода Князь Ѳеодоръ Андрѣевичъ Хилковъ, зря таковое народное возмущеніє и хотя оный народный мятежъ утолити, посла къ нимъ уговаривати ихъ Діаковъ и Головъ стрѣлецкихъ, дабы прєстали отъ таковой междуусобной брани и разорєнія напраснаго; но ихъ же народное возмущеніє не точію послушавше, но и самихъ ихъ смерти предати хотяще, таже и на убивство самого Воеводы вознеистовишася; вся убо купно съ стрѣльцами и съ козаками совокупившася поидоша въ Каменный градъ къ Воеводскому двору и глаголюще, яко они вси друзи боярина Бориса Морозова купно съ нимъ измѣнники, усовѣтоваху за рубежъ хлѣбъ, мясо и рыбу отпускати, а намъ въ томъ творити скудость, и того ради у насъ здѣсь дороговля чинится. Увѣдавъ же о семъ Воевода, изъ дому своего по градской стѣнѣ убѣжалъ въ домъ къ Преосвященному Митрополиту, иже приємъ его любєзно, и повелѣ ему во внутреннихъ келіяхъ скрытися, и своимъ дворовымъ людемъ заповѣдавъ дому Софійскаго врата запереть. И егда же возмущенный народъ къ Воеводскому двору пришедше со многимъ нелѣпымъ крикомъ и великимъ свирѣпствомъ, и увѣдавше, яко Воевода убѣжа въ домъ къ Преосвященному Митрополиту, и абіє возопиша вси аки единымъ гласомъ: идемъ тамо измѣнника убіємъ. И тако вси къ Софійскому дому устремишася, овыи съ дреколіємъ, а иніи же съ каменіємъ, а во оно время по ихъ народному повелѣнію въ два на-

бата біяху, во единъ градскій великія башни, въ другій же у соборныя церкви Николая Чудотворца на Ярославѣ дворищѣ, яже близъ земскія таможенныя избы, идѣже ихъ собраніе первое бяше. И пришедше къ Митрополичью дому, начаху домовыхъ свирѣпствомъ и біеніемъ испытovati о Воеводѣ, въ которой онъ палатѣ скрылся; отъ нихъ же еще мнози и удареніе пріяша не вѣдѣти его отрекошася. Тѣмъ же хотяще Воеводу тамо обрѣсти у Софійскаго дому, начаша бревномъ врата разбивати. Преосвященный же Никонъ Митрополитъ слышавъ ихъ таковое свирѣпство и вратъ разбіеніе, хотя Воеводу отъ смерти избавити и душу за него положить, скрывъ Воеводу въ тайное мѣсто немедленно, вручая себе Богу, самому же ко возмущенному народу изшедшу и нача ихъ отъ божественнаго писанія увѣщевати, и рече: *со оружіемъ ли изыдoste на мя, азъ по вся дни бѣхъ съ вами и не ясте мя, нынѣ почто тако прийдoste ко мнѣ; видите, яко азъ предъ вами стою и не крѣплюся, понеже азъ есмь пастырь, подобаетъ ми душу положить за вы, и инна отъ святаго писанія изрече; но возмущенный народъ яростію великою дышуще, и обратишася и овцы яко же волци на своего пастыря, понеже вмѣсто пастыря волки возлюбиха.*

О біеніи Преосвященнаго Митрополита.

Слышавъ же народъ, яко непоборительная имъ, но противная, и отъ тоя ярости ихъ воспящаящая словеса, и напрасно страшнымъ гласомъ вси крикнуша, глаголюще: сей есть заступникъ измѣнничей и хранитель, и абіе яко звѣріе устремихася, и начаша его немилостивно бити, овыи дреколіемъ, а овыи же каменіемъ. Преосвященный же точію глаголаше: *Господи! не постави имъ грѣха сею, не вѣдятъ бо что творять.* Богу же, не хотящу тогда смерти его предати вложи еще нѣкоимъ человѣкомъ. объ немъ въ сердца умиленіе, еже они зряще его по земли влачиша, и немилостивно смерти предаема, иже его во кругъ обступивше, и народъ отъ него съ нуждею свирѣпыхъ отлучиха и не даша его до смерти убити; обаче мнози мнѣша его, яко до смерти убиша. Тѣмъ же страхомъ объяти быша и начаша единъ по единому отъ онаго собранія уступати, и вскорѣ вси яко пси разыдошася. Преосвященнаго же Митрополита дворовые люди отъ земли подѣмше, привелоша его въ палаты. Онъ же ни мало бояся смерти, точію тѣшася оное народное колебаніе утишити и невинныя души спасти отъ смерти, забывъ жестокое ему біеніе, и абіе повелѣ у соборныя церкви въ большой колоколъ благовѣстити, яко обычай есть къ молебному собранію, и ко всѣмъ Архимандритомъ и Игуменомъ

въ монастыри посла вѣстники, да къ нему немедленно приидуть, бѣ бо еще дня того яко часъ 3; самъ же во оно время исповѣдася. Егда же вси собрашася въ соборную церковь Софіи Премудрости Божіа, самъ съ ними и съ честными кресты поиде и святыми Иконы въ соборную церковь Знаменія Пресвятыя Богородицы, яже стоитъ на сторонѣ торговой. Идяше же путемъ съ великою нуждою харкая все кровію, и пришедъ тамо едва соверши самъ Божественную литургію, въ ней же причастися пречистыхъ и животворящихъ Христовыхъ Таинъ, ими же себѣ приѣмъ божественное подкрѣпленіе и ко умирению народа; отъ скорби же оныя изнеможе и ляже въ сани свои и повелѣ себя везти непокровенна къ земской и таможеннымъ избамъ, идѣже оный возмущенный народъ есть собранный. И егда онъ тамо привезенъ бысть, и ни мало ихъ страшася имъ глаголати: слышите ли, яко вамъ правду не обинуяся глаголахъ, нынѣ же наипаче глаголю, убо уже готова есть душа моя грѣшная къ смерти, безсмертнаго бо источника Христа моего и Бога тѣло и кровь сподобихся прияти, тѣмъ же хотя ваши души яко азъ грѣшный пастырь, отъ возмущающихъ васъ волнъ спасти, нарочно къ вамъ придохъ; аще во мнѣ зрите кую вину или неправду къ царю или къ Россійскому царствію, то мнѣ оно изъявля убійте мя. Сія же словеса слышаще отъ него, и абіе отъ злочестиваго сонмища злѣйшіи и свирѣпѣйшіи возмутителие страхомъ и стыдомъ объяти быша, зазоръ даде имъ своя совѣсть, яко неповиннаго и ничто же имъ сотворившаго зла тако дерзнувши на своего пастыря, начаху единъ по единому расходитися, и тако вси въ дома свои поидоша. Преосвященный же Митрополитъ, видя въ томъ дѣлѣ подаемую ему Божію помощь, повелѣ себе везти въ соборную церковь Софіи Премудрости Божіа, и во оной предъ народомъ вѣмъ оныхъ начальныхъ бунтовщиковъ поимянно предавъ проклятію, самъ же въ домъ свой поиде. Они же хотяше то свое злое дѣло укрыти, яко бы то они содѣлали Великому Государю и ко всему Московскому государству радѣніемъ, и умыслиша написавъ о томъ отъ всего Великаго Новогграда за многими руками челобитную и послати въ Москву къ Великому Государю, и собравъ всякихъ чиновъ людей и къ бѣлымъ столпцамъ повелѣваху руки прикладывать, и аще кто не похощетъ, и тѣмъ претяху смертію, и того ради плаха и сѣкира предъ очими уготована, а наипаче нужду сотворити всему чину священному, и избраша себѣ особаго воеводу безъ указа Государева; а оный ихъ воевода отъ дому Преосвященнаго Митрополита дворецкой Иванъ Жегловъ, иже тогда за нѣкую вину его посаженъ бѣ во узилища, и бысть цепь на выи его. Они же взявше его сотворивше въ земской избѣ воеводою, и другихъ къ нему начальныхъ людей придаша, окрестъ же Великаго Новогграда поставиша по вѣмъ

дорогамъ стражи, дабы отъ Преосвященнаго Митрополита и отъ воеводы къ Москвѣ къ Великому Государю съ писмами не пропускать, а сами видяще свою бѣду, начаша помышляти отъ Великаго Государя отступити и поддатися Польскому или Швецкому королемъ. Преосвященный же воеводу храняше во своихъ келіяхъ и о всемъ томъ писалъ извѣстно къ Великому Государю, и послалъ съ могущими то писаніе тайными мѣсты пронести къ Москвѣ немедленно, иже посланный къ Москвѣ пришедъ, и то писаніе Великому Государю подаде. Великій же Государь абіе написавъ противу того къ Преосвященному Митрополиту, и посла съ тѣмъ же человѣкомъ.

А въ грамотѣ своей Государской писалъ къ нему въ началѣ сие: новому страстотерпцу и исповѣднику и мученику, Преосвященному Митрополиту! и иная похвальная и благодарственная ему словеса прописалъ; а вторую свою царскую грамоту посла съ тѣмъ же человѣкомъ въ земскую избу, ко всему Новаграда народу, дабы они познавше свою вину таковую, аще не хощутъ смерти вси предани быти, тобъ у Преосвященнаго Митрополита милости просилибъ прощенія и отпушенія во всемъ преднемъ согрѣшеніи, тогда вящихъ бы только возмутителей выдалибъ головою емужъ Преосвященному, и аще онъ Преосвященный Митрополитъ ихъ прощенія сподобитъ, то и его Великаго Государя къ нимъ въ томъ милость, и ихъ вины отпушены имъ будутъ; и аще тако не сотворять, то вскорѣ смерть пріимутъ. Но прежде еще и сей Государскія грамоты, аще въ Новгородъ еще не принесена бысть, то подъ проклятіемъ, которые лутчіе люди были, начаша въ соборную церковь ходити и у Преосвященнаго Митрополита о прощеніи и разрѣшеніи милости просити; и егда же отъ Великаго Государя принесена имъ грамота, и предъ всѣми прочтошася, тогда на всѣхъ великій страхъ и ужасъ нападе отъ мала даже и до велика, точію слышавше о смерти; едино ихъ увеселяло, еже Великій Государь все сіе дѣло вручилъ Преосвященному Митрополиту, и аще у него милость обрящутъ, то и отъ Великаго Государя милость по его заступленію будетъ. И того ради вси къ Преосвященному Митрополиту, яко къ милостивому отцу, пришедше и со слезами милости и прощенія о своемъ къ нему согрѣшеніи прошаху, и всѣ въ волю его Преосвященства полагахуся, точію дабы объ нихъ Великому Государю заступилъ и милость упросилъ. Тогда онъ же Преосвященный Митрополитъ много имъ отъ святаго поучивъ писанія, довольно яко быти поученія его къ нимъ часа на три и вяще, приведе ихъ въ такое сокрушеніе сердца, яко не токмо ни единъ человѣкъ не могъ удержатися тогда отъ слезъ, не токмо повинніи, но и неповинніи плакахуся. Начало же его поученія бысть сіе: вопію къ вамъ съ пророкомъ Да-

видомъ, взгорѣся огонь въ сонмѣ ихъ, и како пламень попали грѣшники, и нача отъ сего слова съ притчами святаго писанія и съ примѣромъ ихъ непорядочныхъ и свирѣпыхъ и наглыхъ и о возмутительныхъ и напрасныхъ поступкахъ. Скончивъ симъ послѣднимъ словомъ: *моли-теся, да не внидете въ напасть, да нѣкогда проишвается Господь и пошлите отъ пути праведнаго, егда возгорится вскорѣ ярость его, блаженни вси надѣющіися на нѣ.* И по семъ видя ихъ истинное и неложное въ слезахъ всѣхъ сущихъ покаяніе, и самъ слезами своими ихъ къ великому сокрушенію приведе, и въ своемъ предъ нимъ согрѣшеніи простилъ и отъ клятвы разрѣшилъ и благословилъ глаголя сіе: *благодать Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа буди со всѣми вами; заповѣдую же имъ къ тому сего не творити, и у Великаго Государя обѣщаль имъ въ той винѣ милость упросити, и вѣщшихъ бунтовщиковъ и возмутителей народа повелѣ поимать и въ вѣщшее узилище посадити.* Они же повелѣніе то его исполниша, больше нежели 300 человекъ въ темницу заключиша и по увѣщанію Преосвященнаго Митрополита, милостію Государскою обнадежившися, въ тишину всѣ преложишася; и уже по семъ и намъ домохадцемъ его Преосвященства свободное хожденіе во градъ сотворися, прежде бѣ не токмо другу или товарищу ко мнѣ пріити, ниже мнѣ къ нимъ, тогда еще малолѣтну мнѣ бывшу сущу, сіе дѣйствіе списавшу, и отъ градскихъ сверстниковъ и товарищевъ моихъ не бѣдно было во градъ хожденіе, и укаряху насъ измѣнниковъ сообщниками, мы же ихъ называли бунтовщиками, и за то насъ они били.

О возмущеніи Пскова.

Въ то же время, прежде нежели въ Великомъ Новѣградѣ возмущеніе веліе сотворися, во градъ Псковѣ зѣло народъ смятеся, Архіепископа въ тюрьму посадиша, воеводу же и многихъ нарочитыхъ людей смерти предаша и царскія писанія измѣнничьими нарицаху. И того ради по указу Великаго Государя поиде на нихъ съ войскимъ Бояринъ и Воевода Князь Іоаннъ Никитичъ Хованской, и пришедъ въ Великій Новградъ и по разсмотрѣнію Преосвященнаго Митрополита, ибо тако ему приказано отъ Великаго Государя, все во ономъ дѣлѣ разсмотрѣніе положить на Преосвященнаго Митрополита благоразсудіе, рассудя возмутителемъ народнымъ учинить наказаніе, вѣщшаго же и перваго возмутителя, прозваніемъ Волка, предать смертному посѣченію, и отъ нихъ поставленнаго себѣ воеводу Іоанна Жеглова съ своими клевреты человекъ 10, учиня имъ наказаніе, бивъ кнутомъ послать

ихъ въ ссылку въ Сибирь на вѣчное житіе; къ семужь достойныхъ овыхъ малымъ наказаніемъ, а инныхъ и безъ наказанія всѣхъ свободы, и оттолѣ въ Великомъ Новѣградѣ бысть совершенная тишина. По совершеніи же сего дѣла Бояринъ и Воевода Князь Іоаннъ Никитичъ прииде ко граду Пскову; они же не мирницы, но ратницы явишася ему, градъ же Псковъ запроша и непріятельское противленіе показаша, и отъ обѣихъ странъ многая Христіанская кровь проліяшася.

Слышавъ убо о семъ Великій Государь, и по совѣту съ Святѣйшимъ Патріархомъ Іосифомъ и со всѣмъ освященнымъ соборомъ, посла къ нимъ свои царскія и Святѣйшаго Патріарха грамоты ради увѣщанія Архіереевъ, Архимандритовъ и Игуменовъ; ихъ же Псковичи приемше и Царская и Патріаршая писанія прочетше, и не вскорѣ, но обаче по ихъ увѣщанію въ совершенное смиреніе придоша. И оттолѣ Благочестивѣйшій Государь Царь наипаче къ Преосвященному Митрополиту нача свою милость являти, и многократно къ нему писанія своею Царскою десницею писанная, похвальная присылати, яко онъ Великій Новградъ до кровопролитія не допустилъ своимъ пастырскимъ стараніемъ и страданіемъ.

И тако Великій Государь душею Преосвященнаго Митрополита возлюбилъ, и всегда желаше онаго въ Москвѣ быти и онаго сладкоглаголивою бесѣдою наслаждатися; но того за нуждою паствы своея Преосвященному Митрополиту сотворити было невозможно, обаче же по Царскому указу повсягодно къ Москвѣ пріѣзжая и многіе мѣсяцы живяше. Нѣкогда же случися Преосвященному ѣдущу въ пути къ Москвѣ видѣти съ большой дороги мѣсто не славно и маложительствованно, именуемо Валдай, близъ же его озеро, именуемое Валдайское, величествомъ въ длину и въ ширину поприщъ на 10, имѣющее на себѣ нѣсколько острововъ, глубиною довольно и рыбами изобильно, и возжела на ономъ озерѣ на вѣщемъ острову устроить монастырь, еже и сбысться, яко же о семъ впреди изъявится подлинно.

О посланіи въ Соловецкій монастырь помощи.

Егда же Преосвященный Митрополитъ прииде къ Москвѣ; тогда благочестивый Царь, посовѣтовавъ съ Святѣйшимъ Іосифомъ Патріархомъ и со всѣмъ освященнымъ соборомъ, послаша сего Преосвященнаго Митрополита Никона въ Соловецкій монастырь, взяти оттуду въ Москву святыя мощи святаго и блаженнаго Филиппа Митрополита Московскаго и всея Россіи, и съ нимъ послаша Болярина и Діака и честныхъ дворянъ; иніиже сами по обѣщанію своему поидоша въ Соловецкій монастырь помолитися, и прешедшимъ же имъ той путь до

моря Окіана и немедлѣнно онымъ моремъ шествующимъ, и нападаша на нихъ сильныя вѣтры, и сотворившеся веліе волненіе, яко ни единой ладьи остатися у нихъ въ цѣлости, но вси разбишася, а ладія, въ ней же бысть Діакъ съ прочими, безъ вѣсти пропали, кромѣ же той, въ прочихъ и разбіенныхъ ладіяхъ людіе отъ потопленія вси спасошася благодатію Божіею. По томъ же разбіеніи и великомъ страхованіи Преосвященный Митрополитъ немедлѣнно во иныя суды сѣдше пути яхуся, и благополучно Соловецкій монастырь достигше, и мощи святителя Христова Филиппа Митрополита взявше, немедлѣнно вспять благополучно море преидоша. Грядущу же ему со оными святыми мощьми къ царствующему граду Москвѣ, въ пути во градѣхъ и въ селѣхъ благовѣрніи людіе достодолжное поклоненіе воздаваху, съ честными кресты и со святыми иконами срѣтеніе творяху; отъ нихъ же съ вѣрою приходящимъ благодатію Божіею и молитвами святителя Филиппа многія отъ различныхъ недуговъ страждущимъ исцѣленія подавахуся. Еще же имъ не пришедшимъ къ царствующему граду, Святѣйшій Патріархъ отъ сея жизни преставися.

Егда же близъ царствующаго града достигоша, и тогда благочестивый Царь со всѣмъ освященнымъ соборомъ и съ честными кресты и со святыми иконы и благолѣпнѣннѣмъ устроеніемъ, съ ними же Варлаамъ Митрополитъ Ростовскій и Ярославскій, аще ему благочестивый Царь, ради конечныя его престарѣлости, зѣло отъ путешествія того унимаше; онъ же желая видѣти святыя мощи на встрѣтеніе святыхъ мощей пойде. Грядущимъ же имъ, и мало нѣчто яко бы верженіемъ камени до святительскихъ мощей не дошедшимъ, Преосвященный Варлаамъ Митрополитъ сѣде въ свои кресла, и абіе отъ жизни сея отиде. По его же преставленіи достигше до мощей святителя Великаго Филиппа. Благочестивый же Царь со всѣмъ освященнымъ соборомъ и со всѣмъ своимъ царскимъ сигклитомъ, и съ безчисленнымъ множествомъ народа, отъ великія радости, воздаде Богу благодареніе, яко благоволилъ угодника своего мощи ему зрѣти святыя, и пріимъ у Никона Преосвященнаго Митрополита благословеніе, поидоша въ царствующій градъ, вонъ же дошедше поставиша оныя мощи въ соборной апостольской церкви, Успенія Пресвятыя Богородицы среди церкви, и тако ту пребыша 3 дни и 3 ноци: ибо въ тѣ трои сутки народъ срѣвующійся на прикосновеніе и цѣлованіе святыхъ мощей, по полученіи оныхъ святыхъ мощей, благодатію Божіею много исцѣленія въ скорбѣхъ сущимъ даровашеся, наипаче же множайшее число бѣснующихся, читаху надъ оными мощами запрещающыя на злыя духи молитвы и руцѣ возлагающу Преосвященному Митрополиту Никону, исцѣленія получаху.

По принесеніи же мощей святительскихъ благочестивый Царь къ Преосвященному Митрополиту Никону, за таковой его великій трудъ, наипаче прежняго крайнюю свою милость и любовь нача являти, и вознаменова за той трудъ благодаренія, благоволи ему пожаловать множество драгихъ священныхъ и внѣшнихъ одеждъ, и въ домъ Софіи Премудрости Божія нѣсколько селъ и деревень вѣчно, клиросъ его одари.

О поставленіи на Патріаршій престолъ.

Зря же благочестивый Царь, яко въ та времена никто же ему подобенъ въ разумѣ и во утвержденіи благочестія, посовѣтовавъ со всѣмъ освященнымъ соборомъ, аще Преосвященному Никону и весьма не хотящу и всячески отрицающуся и разнообразными винами отбывающу, понудиша его престолъ Патріаршескій прияти, и поставленъ бысть въ лѣто отъ Адама 7160 года, мѣсяца Іюля въ 25 день.

Приемшу же ему Патріаршескій престолъ, по своему обѣщанію нача у Великаго Государя милости просити о Валдайскомъ озерѣ, воеже бы ему тамо устроить монастырь во имя Пресвятыя Богородицы, глаголемыя Иверскія. Благочестивый же Государь немедленно вся та, еже возжелалъ, ему пожаловалъ и своею грамотою и златою печатью вѣчно утвердивъ. И получа оное свое желаніе исполняти начинаетъ, и абіе на оное мѣсто, ради устроенія обители, посла строителя старца нарочита, и съ нимъ своего Патріарша дому сына Боярскаго и съ прочими людьми мастеровыми и къ тому строенію потребными, съ ними же на строеніе даде злата и сребра и всякихъ церковныхъ утварей и священныхъ книгъ довольно. Они же до означеннаго имъ мѣста пришедше и прилѣжно начаша дѣло исполнять, едини лѣсъ сѣкущи, друзи же келіи, иніи же ограду обители строиша, таже церковь заложилъ и совершилъ. Не по мноземъ убо времени слышавъ тоя святыя обители устроеніе святѣйшій Патріархъ, ради онаго мѣста созданія и самъ прииде, и принесе съ собою въ сребренномъ и позлащенномъ ковчезѣ мощи четырехъ святителей, по части отъ коегождо, Петра, Алексія, Іоны и Филиппа Московскихъ и всея Россіи Чудотворцевъ, и прежде своего въ ту обитель пришествія Преосвященному Макарію Митрополиту Новгородскому и Великолуцкому повелѣ во ону обитель принести мощи святаго праведнаго Іакова Боровицкаго Чудотворца. Бывшу же ему святѣйшему Патріарху во оной обители, возвѣстиша ему окрестніи того мѣста жители, яко пришедшу ему во ону обитель съ мощами 4 святителей, видѣша въ нощи надъ оною обителью 4 столпа огненные стояша, и иніиже зрѣша точію единъ надъ церковію; и мало нѣкое время во оной новоустроеной обители пре-

живъ и потребная вся устроивъ, въ царствующій градъ возвратися, и немедлѣнно посла во святую Аѳонскую гору, ради преписанія Чудотворнаго Образа Пресвятыя Богородицы Иверскія, и принесена бысть въ царствующій градъ Москву, списанней убо той сущей и точно подобней. Святѣйшій же Патріархъ зѣло возрадовася, яко благоволи Богъ изображенія своего и матерняго зрака видѣти чудотворную икону.

Святѣйшій же Патріархъ Никонъ оную святую и Чудотворную икону Пречистыя Богородицы Иверскія всю златомъ истиннымъ и каменіемъ драгоцѣннымъ всю украсивъ, 44 тысящи рублевъ драгость имущую, кромѣ благодати осѣняющей о нея, ея же благодати никто же можетъ соравнити, безцѣнное бо наше сокровище. Сіе слышавъ Святѣйшій Патріархъ, яко близъ славнаго града Орша, иже бысть глава и начало общему житію во всей Бѣлой Россіи и въ Литвѣ, созданная обитель, или рещи Лавра, велика зѣло, святаго Богоявленія Господня, зовома Кутейно, юже воздвиже Боголюбивый Іеромонахъ Іоиль, иже бысть Игуменъ лавры тоя, и не токмо сію едину, но ины многи своими труды и поты сооружи и иночествующихъ множествующихъ собра, и во своей паствѣ всѣхъ имѣяй, и благочестіе во всей Бѣлой Россіи утверждая и удержеваяй во время гоненія отъ развращенныхъ Уніатовъ, понеже въ то время нѣсть можно бѣ отъ Кіева никако Архіерею жителствовати, тамо гоненія и насилія ради противныхъ, яко же рѣхомъ. О сихъ же Христоподражательныхъ о Игуменѣ и съ братією слышавъ Святѣйшій Никонъ Патріархъ, яко въ великомъ гоненіи и утѣсненіи пребываютъ, молихъ Благочестиваго Государя Царя и Великаго Князя Алексія Михайловича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, да повелитъ превести оныя обители Кутенскія предпомянутаго Игумена съ братією въ Лавру Иверскую, и Великій Государь приказалъ превести ихъ во уреченное просимое мѣсто, абіе Игуменъ Іоиль съ радостію повинуся волѣ ихъ, но не достиже желаемаго мѣста скончася на пути въ Болдинѣ; но обаче же и о костѣхъ своихъ заповѣда братіи, да принесутъ ихъ во Иверскій монастырь азъ: рече, послушаніе мое ко пастырю и по смерти сохраню. Оная же братія избраша себѣ вмѣсто того бывшаго во Игумены намѣстника Діонисія, и приспѣвшу имъ въ царствующій градъ, и Святѣйшій Патріархъ посла ихъ во Иверскій монастырь.

О второмъ посѣщеніи во Иверскій.

Извѣстіе же пріимъ Святѣйшій Патріархъ, яко совершенна каменная церковь и трапеза каменная и великій колоколъ слить 1000 пудъ, подъ нимъ 180 пудъ, всѣхъ же съ большимъ 13 колоколовъ бысть.

Святѣйшій же Патріархъ поиде второе посѣтити Иверскую обитель, взявъ съ собою икону Пречистыя Богородицы Иверскія и повелѣваетъ Новгородскому Митрополиту Макарію и Крутицкому Питириму и Лаврентію Архіепископу Тверскому и Архимандритомъ и Игуменомъ впредъ себя итти, повелѣваетъ Вяжскому Архимандриту Евфимію, да изъ Старыя Русы Игумену Ѳеодосію взять повелѣваетъ мощи святаго и праведнаго Іакова Боровицкаго; и они же шедше взявше мощи, пѣвше по уставу всенощное и литургію, и принеши во Иверскій монастырь, не дошедше же намъ еще 20 поприщъ, встрѣте ихъ Макарій Митрополитъ Новгородскій, и тако почетше святыя мощи донесше до обители святыя Иверскія, и внесше во святую церковь, поставивша ожидающе пришествія Святѣйшаго Патріарха, и яко прешедшимъ часомъ тремъ или четыремъ послѣ шествія мощей, идѣ же встрѣтилъ Митрополитъ Макарій въ селѣ Едровѣ, ту послѣ и Святѣйшій Патріархъ ставъ и пѣвъ часы по уставу. Яко въ седьмый часъ дни приде ту жена со дщерію своею дѣвицею Марією, и повѣдающе, яко дщи ея отъ болѣзни лютыя свободися, 6 лѣтъ не видѣ, и во время шествія мощей святаго Чудотворца внезапно прозрѣ. Смиранный же Никонъ Патріархъ спросихъ отроковицу; она же тоже исповѣда, яко же и мати ея. Онъ же показуя ей мантии источники, отроковица повѣда по чину ово красно, ово бѣло быти глаголаше, о семъ же вси ту прославиша Бога, творящая таковая чудеса святыми своими.

Пришедшу же Святѣйшему Патріарху во обитель Пресвятыя Богородицы Иверскія, иже и принесе съ собою честную и святую икону честнаго ея Одигитрія, и поставивъ въ новой каменной церкви, и благодаривъ Бога со слезами, и цѣловавъ святыя иконы, и внесенну же бывшу преждедеченному ковчегу серебрянну и позлащенну съ мощми святыхъ отецъ всея Россіи Чудотворцевъ, Петра, Алексія, Іоны и Филиппа Московскихъ, и прочихъ многихъ святыхъ, и положени на аналогіи, и тако открывше ковчегъ цѣловахомъ тѣ святыя мощи, таже и Іакова Боровицкаго, таже миръ давъ братіи, и внесохомъ въ церковь и сребренную раку, и повелѣ поставити на уготованномъ мѣстѣ; и тако повелѣ Архимандриту со всемъ освященнымъ соборомъ прилѣжное моленіе сотворити о благовѣрномъ Государѣ Царѣ и Великомъ Князѣ Алексіи Михайловичѣ, и о благовѣрной Царицѣ и Великой Княгини Маріи Ильиничнѣ, и о благовѣрномъ Царевичѣ и Великомъ Князѣ Алексіи Алексіевичѣ, и о благовѣрныхъ Царевнахъ и Великихъ Княжнахъ, и о всѣхъ Болярѣхъ, и о Христолюбивомъ воинствѣ, и о всѣхъ православныхъ Христіанѣхъ, и о побѣдѣ на супостаты. Сіе же моленіе молебное бысть съ звономъ во вся колокола, и по молебнѣ изыде изъ церкви, и походилъ по святому мѣсту и осматрѣвъ вездѣ

строеніе, и видѣ святоизбранное мѣсто, глаголя: Господи Іисусе Христе, аще угодно святой твоей благостыни, да вселюся здѣ. И утрудившуся ему отъ пути, иде во уготованныя ему кельи. Святѣйшій же Никонъ Патріархъ самъ каменную соборную церковь освятить и Іакова праведнаго Боровицкаго Чудотворца мощи своими руками въ сребренную раку предложивъ съ священнымъ соборомъ. На освященіи и на предложении мощей бысть съ Святѣйшимъ Патріархомъ Митрополитъ Новгородскій Макарій, Крутицкій Пителимъ, Тверскій Архіепископъ Лаврентій, и со Архимандриты и Игумены и священниковъ множествомъ святую церковь каменную освятиша, Архимандрита же и братію учредиша, и милостыню довольну давше, иде въ Москву Святѣйшій Патріархъ. И по преставленіи бывшаго Архимандрита Діонисія посвященъ бысть на онаго мѣсто тояжъ обители намѣстникъ во Архимандриты Филофей, яже помощію Божіею онъ недокончанная доверши все по приказу Святѣйшаго Никона Патріарха Московскаго и всея Россіи, сія устроиша въ славу Богу, и его Пречистой Матери и святымъ Божіимъ угодникомъ сія совершенно устроися, иже и до нынѣ стоитъ въ славу зрящимъ, и красоту видящимъ, и притекающимъ на спасеніе и исцѣленіе, яко же неоскудный источникъ тамо есть, яже источаетъ чудеса съ вѣрою приходящимъ. О семъ же Иверскомъ монастырѣ, яже писана чудеса, пространнѣе сего и подробно въ книзѣ да чтеши Раймысленный; мы же сіе краткостію возвѣстихомъ здѣ, да не продолжится исторія.

Правящу же Святѣйшему Патріарху Никону престолѣ Россійскія церкви, и отъ всѣхъ насилуваній ону хранящу, церковныхъ же причетниковъ ни въ какихъ дѣлѣхъ во иныя ни въ какія приказы, развѣ своего, не даяше хищами ихъ судити, своимъ благоразсмотрѣніемъ праведный судъ даяше, къ благимъ и послушнымъ смиреніе отеческое являше, къ строптивымъ, злымъ и не послушнымъ въ наказаніи разумную правосудія ярость являше, тѣмъ же отъ всѣхъ яко отецъ почитаемъ, наипаче же отъ самого Самодержца весьма бѣ почитаемъ, яко отецъ любезный; безъ его же совѣта ничто же сотворися, но все за его благословеніемъ желаше дѣлати, тѣмъ же и на брань съ Польскимъ и Литовскимъ королемъ, яже тогда за православную Христіанскую вѣру и за иныя нѣкія трудности случися, не безъ его Архіерейскаго совѣта и благословенія. Егда же поиде въ походъ, домъ свой царскій и супругу свою Благовѣрную Государыню Царицу и Великую княгиню Марію Ильиничну, и сестръ и чадъ и самый царствующій градъ Москву заповѣда въ мѣсто себе вѣдать и благоразуміемъ своимъ хранить и во всемъ управляти ему Святѣйшему Патріарху, и во ономъ его Царскомъ походѣ дарова Богъ многіе грады Литовскіе покорити,

и по побѣдѣ въ царствующій градъ возвратися, и Господу Богу воздаде благодареніе. Въ то же время родившуся сыну его царевичу Алексію Алексіевичу, ему же, за умоленіемъ Великаго Государя, бысть восприемникъ Святѣйшій Никонъ Патріархъ; а по томъ, ради къ нему Великія Царскія любве, и иныхъ отъ святыя купели чадъ воспріимаше.

О походѣ на Польскаго короля.

И по претеченіи тоя зимы паки Великій Государь пойде на Польскаго короля, и яко же прежде все вручаше Святѣйшему Патріарху, и пойде на Польскаго короля, и во оно время, грѣхъ ради нашихъ, въ царствующемъ градѣ Москвѣ случися моровая язва, ея же ради изыде Святѣйшій Патріархъ изъ царствующаго града, и ради сохраненія Царскаго дому и Благовѣрныхъ Государыни Царицы и Благовѣрнаго Царевича и Царевенъ, и пойде съ ними въ Троицкій Сергіевъ монастырь, а оттодѣ въ монастырь Макарія Калязинскаго, и изъ него же пойде во градъ Вязьму; въ пути же ономъ, весьма о царскомъ домѣ храненіе усердное свое и тѣжаніе творяше, самъ вездѣ досматривая и пустыми мѣсты дороги вновь устрояше и заставы крѣпкія ставяше, и огни велія на отгнаніе смертоноснаго воздуха повелѣваше возжигати, и вся творяше, яже подобаетъ на храненіе отъ смертоноснаго воздуха. Благовѣрная же Царица, видящи его таковое объ нихъ отеческое промышленіе, и почиташе его яко отца, такожде и сестры, и чада ихъ Величества и вси ту бывшіи велию любовь, паче же и благодареніе о немъ къ Богу воздающе, яко дарова имъ такового хранителя, и Божією помощію и его твердымъ и доброжелательнымъ и неуспыннымъ стараніемъ ни единъ кто изъ нихъ отъ путешествующихъ не возболѣлся и не умре, но вси въ цѣлости и во здравіи путешествіе препроводиша, а въ царствующемъ градѣ тогда безчисленное множество изомроша, мало что не вси, и за великое удивленіе, аще въ которой улицѣ человѣка четыре или пять остана.

Живущу же Святѣйшему Патріарху съ царскимъ домомъ во градѣ Вязьмѣ, приде ту съ побѣдою и Благочестивый царь, видя весь свой домъ царскій во всякомъ здравіи; и слышавъ о присноусердномъ храненіи Святѣйшаго Патріарха, вельми возрадовася, не тако яко за побѣду Польскаго короля и за взятіе многихъ градовъ, наипаче же за сохраненіе своего царскаго дома, веліе Богу благодареніе воздаваше, и Святѣйшему Никону Патріарху зѣло паче прежняго, за его же такую показанную любовь, нача его благодарити, яко Ангела Божія почитати, и отъ всѣхъ человѣкъ со удивленіемъ благодарити, и усмот-

ривше же отъ мороваго повѣтрія уже время благопріятное, и изъ Вязмы приідоша въ царствующій градъ Москву.

По семъ же въ предъидущее лѣто Благочестивый Государь съ воинствомъ своимъ поиде на Швецкаго короля и тамо оныхъ побѣди, и многіе грады взя.

Святѣйшій Патріархъ воспомяну свое обѣщаніе, во время морскаго волненія, егда принесенну ему бывшу ко острову Кію, и на томъ островѣ общася монастырь устроити Крестный, и посла тамо ради устроенія онаго искусна монаха и съ нимъ сына Боярскаго, и той монастырь повелѣ именовати Гречески Ставросъ, Россійски же Крестный. Самъ же Святѣйшій Патріархъ въ той монастырь въ царствующемъ градѣ Москвѣ повелѣ содѣлати крестъ изъ древа кипариснаго, выотою и широтою во всемъ подобенъ кресту Христову, и положи его серебромъ и златомъ и положи въ немъ святыхъ мощей даже до трехъ сотъ, такожде и святыхъ иконы чуднымъ художествомъ написавъ и при томъ честномъ крестѣ, и отпустивъ купно въ той монастырь Крестный съ подобающею честію и благочиннымъ соборомъ провожденіемъ, проводивъ оный той честный крестъ со всѣмъ освященнымъ соборомъ изъ соборныя церкви за Срѣтенскія врата, до мѣста, иже нарицается Филиповъ крестъ, и оттолѣ пришедше въ соборную церковь, сотворивше молебное пѣніе. Въ той же день великому Государю поручилъ Господь Богъ взяти градъ Нѣмецкій Динобурхъ, иже нареченъ бысть царевича Димитрія, зане въ той день, вонъ же царевичу Димитрію празднуется, той градъ взятъ бысть.

О язвѣ смертной.

По томъ же вскорѣ въ Россійскомъ царствѣ за грѣхи наша Божіимъ попущеніемъ паки бысть смертоносная язва, отъ злорастворнаго воздуха во 162 году. Святѣйшій же Патріархъ, яко отецъ чадолюбивый и вѣрный государскаго дому хранитель, со всѣмъ царскимъ домомъ немедленно изъ царствующаго града Москвы поиде во градъ Тверь, изо Твери въ Вязму, и тамо пребывъ даже до пришествія Великаго Государя изъ Ливонскія земли.

Егда же Великій Государь въ Вязму приіде благополучно съ побѣдою, и обрѣте домъ свой царскій весь въ добромъ здравіи, веліе воздаде Богу благодареніе, и Святѣйшему Патріарху за его о домѣ тщаніе и благопрілѣжное великое попеченіе и соблюденіе Царицы и чадъ и сестръ его Благочестиваго Государя, и бысть между Царемъ и Патріархомъ любовь и прилѣжное попеченіе другъ о другѣ, пекущиеся не-

лицемѣрно безъ всякаго притвора, яко единая душа во обоихъ бѣ, и такой милости и любви между Россійскими Царями и Патріархи прежними отнюдь не бысть, о нихъ же добродѣтельнымъ правленіи и любоподражательномъ житіи не точію же Россійское государство радовашеся, но и нѣ многія окрестныя государства удивляшеся.

По преставленіи же мороваго повѣтрія, прииде Великій Государь въ великій царствующій градъ Москву со всеѣмъ своимъ царскимъ домомъ, и со множествомъ разныхъ людей и живыху въ тишинѣ и во всякомъ благополучіи; любовь же между Благочестиваго Царя и Святѣйшаго Патріарха умножашеся день отъ дне и часть отъ часа. Во оно время Святѣйшій Патріархъ купи себѣ село Воскресенское, во Иверскій монастырь, отъ царствующаго града 45 поприщъ у нѣкоего Романа Бабыкина, и на многѣ шествіе свое творя тамо и соглядати села того, возлюбися бо ему оно мѣсто.

О зачатіи Воскресенскаго монастыря.

Абѣ прииде ему мысль, еже бы ему построить во ономъ мѣстѣ монастырь пришествія ради своего, дабы ему приходить въ монастырь, а не въ село то. И тако со благоволеніемъ Великаго Государя начать строити Воскресенскій монастырь, лѣсъ сѣкуще, церковь и келіи строяше. Во 165 году, егда же приспѣ время быти освященію деревянныя церкви: тогда Святѣйшій Патріархъ упросивъ на освященіе самого Великаго Государя. И тако Благочестивый Царь бывъ въ Воскресенскомъ монастырѣ на освященіи, и возлюбил мѣсто оное, и отѣхавъ мало на гору, иже нарицается Елеонъ, идѣже нынѣ поставленъ крестъ съ подписаніемъ; и его царское Величество на ономъ мѣстѣ ставъ, и посматрѣвъ вездѣ окрестъ того мѣста, написавъ писаніе своею царскою десницею Святѣйшему Патріарху сице: яко благоволи Богъ исперва мѣсто сіе приуготовати на созданіе монастыря, понеже бо прекрасно, подобно Іерусалиму. Святѣйшій же Никонъ Патріархъ воспріять писаніе оно съ радостію, полагаетъ е въ среброкованномъ ковчезѣ подъ святымъ престоломъ, и повелѣ по Царскому писанію званіемъ именовать Воскресенской монастырь, новый Іерусалимъ; и по семъ посла въ Палестину во святыи градъ Іерусалимъ, живоначальныя Троицы Сергіева монастыря Келаря старца Арсенія Суханова, дабы ему воспріяти съ Іерусалимскія великія церкви святаго Христова Воскресенія Господня, юже обнови святая Царица Елена, мати святаго Царя Константина Великаго. Той же Келарь скоро во Іерусалимъ шествіе сотворивъ и повелѣнное исполнивъ.

О основаніи Іерусалимскія великія церкви.

Святѣйшій же Патріархъ повелѣ въ Воскресенскомъ монастырѣ созидати велику церковь зѣло и пространну, яковыя во всей Россіи и во иныхъ государствахъ въ настоящемъ времени нигдѣ не обрѣтается; ибо оная Іерусалимская святая церковь, отъ озлобленія Турковъ, во многихъ мѣстахъ разорена бысть, и иными неправославными вѣрами, по своимъ ихъ обычаемъ, изперепорчена. И тако блаженный строяше ону церковь и обитель разширяя по малѣ же времени пришествія своего въ монастырь Воскресенскій, яко лѣто едино или годичное время преживъ, присылаетъ къ нему Благочестивый Царь ближняго своего человѣка возвѣщая ему нашествіе иноплемѣнныхъ Крымскихъ Татаръ, яко уже приходятъ близъ Россійскаго государства, а тебѣ-де отцу нашему и богомольцу отъ таковаго нашествія въ семъ новомъ и пустомъ мѣстѣ, въ монастырѣ Воскресенскомъ спастися и отсидѣть не возможно; понеже тогда еще монастырь Воскресенской начася, и имѣя ограду малу и не крѣпку и что бы изволилъ по совѣту Благочестиваго Государя Царя итти для таковаго нахожденія иноплемѣнныхъ, въ Макаріевъ Калязинъ монастырь; понеже той монастырь давной и устроенъ каменнымъ огражденіемъ крѣпко. Святѣйшій Патріархъ глагола къ присланному: возвѣсти Благочестивѣйшему Государю Царю о семъ, яко азъ въ Калязинъ монастырь неиду, лутче мнѣ быть въ Зачатейскомъ монастырѣ въ Китаѣ градѣ въ углу, нежели въ Калязинѣ монастырѣ; а есть у меня и безъ Калязина монастыря за милость великаго Бога и его Государскою милостію свои монастыри крѣпкіе, Иверскій и Крестный, и я доложася съ Великимъ Государемъ пойду въ свои монастыри, и нынѣ возвести Великому Государю, яко иду въ Москву о всякихъ нуждахъ своихъ доложиться съ Великимъ Государемъ. Посланный же рече: про которой-де Святѣйшій Патріархъ монастырь Зачатейскій изволилъ говорить, что лутче Калязина монастыря? Святѣйшій же Патріархъ рече: тотъ, что на Варварскомъ крестцѣ подъ горою у Зачатія, бѣ бо тогда въ томъ мѣстѣ подъ горою большая тюрьма. Онъ же присланный глагола: яко тамо токмо большая тюрьма, а не монастырь. Святѣйшій же глагола: яко тотъ и Зачатейскій монастырь; и абіе присланный со благословеніемъ и съ сими словесы поиде въ путь свой.

Святѣйшій же Патріархъ не закоснѣвъ и самъ пути касается, и поиде въ царствующій градъ Москву; на Москвѣ же тогда готовляхуся во осадѣ и строяху градъ деревянный по Земляному валу. Святѣйшій же Патріархъ ни мало закоснѣвъ, того же дня приде къ Москвѣ

и ста на Иверскомъ подворьѣ и посла вѣсть о томъ Великому Государю, яко прииде Никонъ нѣкихъ ради нуждныхъ потребъ, и жаелаетъ видѣти его Царскія очи, миръ и благословеніе подавъ отитти, аможе Богомъ и его Царскимъ благоволеніемъ управленъ будетъ отъ нашествія иноплемennыхъ.

Царь же Благочестивый того вечера не совѣтовавъ съ бояры и не изволи быть къ себѣ Святѣйшему Патріарху во утрій же день совѣтоваше съ бояры, яко еще послати думнаго Дьяка Алмаза Иванова и вопросити Святѣйшаго Патріарха какихъ ради нуждныхъ потребъ прииде? и чтобъ ему Думному о семъ возвѣстилъ, а Думной донесетъ ему Великому Государю и всей палатѣ; и абіе посланный вся изрече. Слышавъ же сія Святѣйшій Патріархъ глагола ему: яко азъ тебѣ глаголати о нуждныхъ своихъ потребныхъ не буду и благословенія посылать черезъ тебе не хочу, то есть благословеніе совершенное, еже съ воображеніемъ креста и со возложеніемъ руки; и абіе посланный Думной съ тѣмъ словомъ поиде; и въ той день паки не соизволиша быть Святѣйшему Патріарху у Великаго Государя.

Въ третій же день паки посылаетъ Великій Государь тогожъ челоука, глагола, яко Великій Государь благоволи быти тебѣ въ верхъ въ вечеръ сей, къ себѣ Великому Государю. Святѣйшій же Патріархъ отъ дне своего поѣзда изъ Воскресенскаго монастыря, яко третій день, ничто же вкусивъ; понеже отъ снѣдныхъ вещей не имѣяй ничто же при себѣ. Народи же Московстїи видѣвше своего пастыря пришедша возрадовашася, въ тыежъ дни извѣстіе прияша, яко Крымскіе Татары отъидоша во свояси; и егда прииде вечеръ, тогда прииде той же посланный глагола и время возвѣщаяй итти въ верхъ ко Благочестивому Царю.

Святѣйшій же Патріархъ поиде по обычаю въ верхнія палаты. Благочестивый же Царь встрѣте его въ преднемъ крыльцѣ; и тако вшедшимъ имъ въ палату, Святѣйшій же патріархъ сотворивъ молитву, владыко многомилостиве! и прочая по порядку, еще же присовокупилъ о Царѣ и о Царицѣ прошеніе и о всемъ его домѣ и о воинствѣ, и абіе по молитвѣ сѣдоша, и мало глаголаше другъ ко другу мирная словеса, другъ друга вопрошаша о здравїи и душеспасительномъ пребыванїи; и мало посидѣвше, ту бѣ и бояре. Благочестивый же Царь и Святѣйшій Патріархъ поидоша ко Благочестивой Царицѣ, къ чадамъ ихъ, и тамо умедлиша яко четыре часа нощи; и по томъ отпусти его Благочестивый Царь во свой монастырь Воскресенскій. И по малѣ убо времени поволи ему Царь Благочестивый ѣхать по прошенію его въ Воскресенской и во Иверскій монастыри; и егда же приуготовится на путь свой, и зва его на обѣдъ свой царскій; онъ же отречеса, яко

утрѣ рано имать отъйти въ путь свой, Благочестивый же Государь присла къ нему за обѣдъ и на путное шествиѣ сребренныхъ денегъ двѣ тысящи рублевъ, и повелѣ ему братъ изъ Савина монастыря по двадцати человекъ стрѣльцовъ и сотниковъ, ради всякаго обереженія отъ злыхъ человекъ въ монастырѣ и въ путешествіи, и абіе Святѣйшій Патріархъ отъиде отъ царствующаго града Москвы, и приде въ свое строеніе въ монастырь Воскресенскій. Въ тоже время приде къ нему отъ царствующаго града Москвы въ Воскресенскій монастырь черной діаконъ Ѳеодосій, иже бѣ жилъ и служилъ у Крутицкаго митрополита Питирима, глаголя на своего Митрополита Святѣйшему Патріарху много зла, называя его мучителемъ и блудникомъ, и иная многая возвѣщая, и моля Святѣйшаго, да повелитъ ему быти въ монастырѣ Воскресенскомъ. Святѣйшій же повелѣ ему быти въ братствѣ. Егда же хотяше ити по намѣренію своему во свое строеніе во Иверскій и въ Крестный монастыри, тогда тутъ же и чернецъ Ѳеодосій моли Святѣйшаго неотступно, чтобы и ему повелѣлъ быти съ нимъ въ путешествіи въ тѣ вышеписанные монастыри. Святѣйшій же Патріархъ не вѣдый его лукаваго коварства, повелѣ и ему ити и пребывати въ крестовой своей службѣ, ясти же и пити съ келейными его старцы. И быша въ Иверскомъ монастырѣ и въ пустыни Галилейской время не мало, и оттуда поидоша въ Крестный монастырь, и тамо поживе мало не годишное время и состроиша вновь соборную церковь велику каменную во имя Воздвиженія Честнаго и Животворящаго креста Господня, и ископаша кладезь велій изъ камени дикаго и на томъ кладези построиша церковь каменную во имя Происхожденія Честнаго и Животворящаго Креста Господня. Бысть той кладезь вельми угоденъ, и на всякія монастырскія potreбы и воды довольно, и чистая и здравая зѣло вода въ немъ. Построенъ же бѣ той кладезь молитвами и трудами самого Святѣйшаго Патріарха; понеже въ томъ Крестномъ монастырѣ прежде того кладезя таковаго не бѣ, въ зимнее и въ лѣтнее время скудость бысть воды великая, въ зимѣ бо отъ мраза измерзаше, въ лѣтѣ же отъ жара высыхаше, понеже и былъ малъ зѣло и не глубокъ.

О КЛАДЕЗЬ.

Святѣйшій же Патріархъ о семъ не мало болѣзноваше, и моля Господа Бога, да проявитъ ему Богъ гдѣ бы ископати кладезь, и абіе Богомъ наставляемъ избра сіе мѣсто, и бысть кладезь изряденъ; по семъ и иная строяше многая въ томъ монастырѣ Крестномъ, и рыбы въ мори самъ съ протчими ловяше, и о церковномъ строеніи прилѣжа

и труждаяся самъ съ братією, и съ протчими трудниками пришедшими съ нимъ и съ тамошними земледѣльцами. Сія же до здѣ, паки покажемъ о прежнемъ діаконѣ Θεодосіи; и живяше той діаконъ Θεодосій при Святѣйшемъ Патріархѣ, и нача поступати во близость и клеветы творити. Святѣйшій же Патріархъ не разумѣ его коварства, обаче же ни мало о семъ внимаше.

О отравѣ смертной.

На островъ же томъ бѣ построена власяня ради мірскихъ людей всякихъ, въ той же лазнѣ служилые люди парятся; оныя же служилые люди узрѣша діакона того съ нѣкимъ человѣкомъ сострояюща нѣчто, и вопросиша ихъ, діаконъ же молча иде въ монастырь; они же емше клеветы своего и вопросиша его прилѣжно о твореніи ихъ дѣла, понеже видя у нихъ необычная составленія полагающая. Клеветъ же его повѣда имъ, яко той діаконъ строилъ нѣкій портежный составъ. Служилые же люди возвѣстиша о семъ Святѣйшему Патріарху.

Святѣйшій Патріархъ повелѣ приказному своему дворянину Василю Поскочину того діакона распросить, и человѣка того. Діаконъ же той повѣда ему все подробно съ писаніемъ, яже строяше въ лазнѣ трутизное дѣло, повѣда ему, яко послаша мя съ Москвы Крутицкій Питиримъ Митрополитъ, да Павелъ Чудовской Архимандритъ, повелѣша ми извести Святѣйшаго Патріарха, и за то де мнѣ посулиша Великоновгородскую Митрополию, и я де по волѣ ихъ творилъ; первое бо давалъ я въ питіе Святѣйшему Патріарху и келейнымъ малымъ старцемъ, что бы де до меня были добры, а Святѣйшему поднесъ я питіе въ скляничной кружкѣ хрустальной, и онъ де увидѣлъ, что мутно стало въ сосудѣ питье, и того де ради вылилъ и глаголаъ, что де гораздо мутно, и велѣлъ свѣжаго налить при себѣ, и тѣмъ де онъ тоя трутизны и злаго моего коварства избылъ, а малое де старцы то питье пили не разсмотря и не знаючи. А нынѣ де я строилъ по наученію ихъ, тѣхъ же вышеписанныхъ людей, Святѣйшему Патріарху строилъ де я нынѣ смертную трутизну, и бралъ де у него тайно власы изъ головы и изъ брады и изъ постели и изъ слѣдовъ и изъ стелекъ, мало чемъ мыслися, и то де нынѣ строилъ, и хотѣлъ де его портить; а человѣкъ де той не вѣдавъ совершенно того дѣла ни про что, только де онъ способствовалъ мнѣ. Сія же слышавъ Святѣйшій Патріархъ отъ приказнаго человѣка, и видѣвъ писанныя рѣчи за его діаконвою рукою, удивися силѣ Великаго Бога, яко сохрани его отъ такіа смертнаго трутизны, и возда славу Христу Богу, яко избави его Богъ отъ того коварственнаго умышленія, и напamтoва, яко излія

изъ хрустальныя кружки питіе мутное, видѣвъ подносимое діакономъ тѣмъ; и абіе повелѣ писаніе и тѣ распросныя рѣчи и ихъ обоихъ сковавъ послать къ Москвѣ къ Царю Благочестивому. И егда сіе писаніе дойде во слухи Царевы, тогда повелѣ Благочестивый Царь паки его распросити большимъ Боляромъ Князю Алексію Трубецкому и Никитѣ предъ собою, да увѣсть истинну о семъ; и егда начаша его вопрошати, онъ же всего того отречеса, яко не знаетъ, и въ мыслѣ того не бывало; и о семъ возвѣстиша Царю, повелѣ его градскому суду предати, и тамо вопросити, идѣже спрашиваютъ съ пристрастіемъ протчихъ злодѣевъ. Оный же Ѳеодосій ту истинну поведѣ, яко же бысть и въ Крестномъ монастырѣ, и что о немъ писано, и онъ съ повинною исповѣда по ряду, и что онъ строилъ такую трутизну, и хотѣлъ смертно отравить Святѣйшаго Патріарха. Не по малѣ же времени устроивъ вся Святѣйшій Патріархъ въ Крестномъ монастырѣ, паки возвратися въ монастырь Воскресенскій.

Вѣстно бѣ учинилось о Святѣйшемъ Благочестивому Царю, яко Святѣйшій Патріархъ приде со Окіана моря въ Воскресенскій монастырь; тогда присылаетъ своего ближняго челоуѣка Иродіона Стрѣшнева, повѣдаетъ Святѣйшему Патріарху о преждедеченномъ діаконовъ Ѳеодосіи, что изъ Крестнаго монастыря къ Москвѣ присланъ, яко истинну и вину во всемъ онъ принесъ Великому Государю, противъ твоего Святѣйшій Патріархъ писанія, яже писалъ о немъ Великому Государю изъ Крестнаго монастыря, и нынѣ о немъ что укажешь твое Святѣйшество, что онаго бывшаго діакона смертію ли казнить, чтобъ инымъ впредъ неповадно было тако творити, или въ дальнюю ссылку послати, или свободну ему діакону быти повелитъ. Святѣйшій же Патріархъ отъ присланнаго сія слышавъ, билъ челомъ на милости Государской, яко испытѣ истинну и увѣда конецъ дѣлу, и рече: воля Великаго Государя о семъ да будетъ, азъ бо есмь чистъ отъ того діакона, и злаго его коварства, еже онъ на мя умысли, трутизною смерти предати наученіемъ злыхъ челоуѣкъ; но понеже сохрани мя десница вышняго Бога отъ ихъ злаго коварства, азъ бо діакону тому не истецъ, только я явно учинилъ Великому Государю, зло бо на мя Крутицкаго Митрополита и Павла Чудовскаго Архимандрита съ Клевреты, а со діакономъ тѣмъ что Великій Государь ни укажетъ по своей Государской воли; и съ симъ посланнаго отпусти къ Москвѣ.

О возмущеніи Великому Государю со Святѣйшимъ Патріархомъ.

Не по мнозѣмъ убо времени позавидѣвъ убо супостатъ великія любве Благочестиваго Царя со Святѣйшимъ Патріархомъ Никономъ,

нача быти между ими безсовѣтіе и распря чрезъ нѣкихъ злыхъ чловѣкъ, иже отъ супостата на то устроенныхъ; и егда случася празднственныя дни, и бываху Великаго Государя выходы въ соборную церковь и на исхожденія съ Литіями, тогда Благочестивый Царь поущаемъ злыми ближними своими Боляры, и въ тѣ обыклыя исхожденія не исхождаше. Святѣйшій же Патріархъ множицею его ожидаше и благовѣсть продолжаше. Благочестивый же Царь къ нему присылалъ и повелѣвалъ не ждати себѣ: И тако бысть между ими распря и безсовѣтіе. Святѣйшій же Патріархъ восхотѣ дати гнѣву мѣсто, оставляетъ свой пастырскій престолъ и жезлъ Архіерейскій въ соборной и Апостольской Успенія Пресвятыя Богородицы церкви въ день торжественный, вонъ же празднуютъ положенія Ризы Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, еже есть хитонъ, мѣсяца Юлія въ 10 день; Благочестивому же царю посылаетъ рукописаніе свое, еже бы ему пожаловалъ гдѣ келію на сожитіе себѣ. Благочестивый же Царь увѣдавъ о семъ, посылаетъ къ нему ближняго своего Болярина Князя Алексія Никитича Трубецкаго въ соборную церковь; ибо народи видяще сіе необычное дѣло, многъ плачъ и рыданіе сотвориша, и не испущаху его изъ соборныя церкви. Ближній же Боляринъ пришедъ и видѣ святѣйшаго Патріарха въ черномъ клобукѣ, и просту пятаерицу въ руцѣ имуща, глагола ему Царевымъ словомъ: повелѣлъ есть Великій Государь тебѣ возвѣстити, почто де ты просишися въ келію, есть де у тебя кельи твоего строенія на Патріаршемъ дворѣ. Не мои суть тѣ кельи, кому Государь благоволитъ, тому и жить въ нихъ; мене же дабы пожаловалъ Великій Государь отпустилъ въ кій либо монастырь. Боляринъ же паки иде ко Благочестивому Царю, и тамо мало бывъ, паки вторицею прииде, таяжде глагола ему, еще же и се прирече глагола: Великій Государь велѣлъ у тебя Святѣйшаго Патріарха спросити, нѣтъ ли тебѣ какой ссоры на Великаго Государя, или какихъ наносныхъ рѣчей, изволь возвѣстити. Онъ же глагола ему: ни ссоры, ни наносныхъ рѣчей мнѣ никакихъ на Великаго Государя и ни на кого нѣтъ; но оставляю престолъ свой, вѣдая своя къ Богу согрѣшенія многая; ибо многихъ ради грѣховъ моихъ здѣ въ царствующемъ градѣ многіе моры и войны быша и вся злая грѣхъ ради моихъ, и того ради оставляю престолъ свой. И тако паки вторицею Боляринъ отиде ко царю. Благочестивыи же людіе церковная двери крѣпко держаху, дабы имъ изъ церкви не испустити его, и вельми же о семъ плакаху, яко лишахуся своего пастыря и учителя; и тако держаху его въ церкви, и чающе пришествія царскаго.

Святѣйшій же Патріархъ сѣдѣше на нижней степени своего мѣста, иже есть по средѣ церкви, къ западнымъ церковнымъ дверемъ,

и часто востая хотяше изъ церкви изыти; народи же не даяху ему исхода плачуще; онъ же видя слезы ихъ и самъ прослезися. Паки же прииде третіе оный Боляринъ со инѣми глаголя: Великій Государь указалъ тебѣ сказать, гдѣ ты изволишь, тамо тебѣ монастырь, и келіи избери. И тако Святѣйшій Патріархъ поклонися предъ Боляриномъ, глаголя: челомъ бью Великому Государю на его Государской милости. И тако изыде изъ соборной церкви, и обрѣте внѣ соборныя церкви извозника съ колесницею, бѣ бо на то уготовано, и хотяше на колесницу возсѣсти, бѣ бо грязь во оно время на Ивановской площади; народи же видяше сіе, растерзающе телѣгу, и супонь разрѣзаша и коня распрягоша.

Святѣйшій же Патріархъ видя, яко не даяху ему на колесницу возсѣсти, поиде по Ивановской площади и по грязи пѣшъ; привезоша же ему тогда и карету, онъ же не взыде на ню; народи же многи послѣдующе ему, и абіе во вратѣхъ града Спасителевыхъ паки врата затвориша, не пускающе его изыти; онъ же сѣде во единой печурѣ, и ту многи плакахуся его, яко оставляетъ пастырь овецъ; и абіе приидоша сановницы царстіи ко вратомъ, и тогда врата отверзоша. Святѣйшій же Патріархъ воставъ иде паки пѣшъ Красною площадью и Ильинскимъ крестцемъ даже до Воскресенскаго своего подворья; народіи же множество возслѣдоваша ему, угнѣтающе его и плачуще; онъ же пришедъ на Воскресенское свое подворье, и вниде въ свои келіи, яже суть на подворьѣ, и благословивъ всѣхъ и миръ подаде народу, и тако разыдошася во свояси.

Святѣйшій же Патріархъ Никонъ, пребывъ ту на Воскресенскомъ подворьѣ три дни и три ночи, и испросивъ въ Новодѣвическомъ монастырѣ двѣ коляски прутіемъ плетенныхъ Кіевскихъ, и положивъ на едину коляску вещи своя, на другую же самъ взыде, и путешествоваше въ монастырь свой Воскресенскій.

Благочестивый же Царь увѣдавъ о семъ, яко путешествуетъ въ простой коляскѣ, абіе посылаетъ за нимъ тогожъ Болярина своего князя Алексія Трубецкаго съ каретою его Патріаршею, еже бы ему Святѣйшему Патріарху въ той каретѣ путешествовать. Боляринъ же скоро изыде во слѣдъ его и не возможе постигнуть его, прииде же въ Воскресенскій монастырь, глаголя ему указъ Царскаго повелѣнія, дабы ему пріяти карету. Онъ же не пріять, и привезоша ю въ монастырское село глаголемое Чернево, и поставиша ту; стояше же та карета въ селѣ Черневѣ многое время.

Святѣйшій же Патріархъ пріять на ся вереги желѣзныя, и вдадеся молитвамъ и посту и воздержанію, и нача у церковнаго онаго строенія самъ собою безпрестанно назирати, и плинфы носить на

рукахъ своихъ и раменахъ, тако же и братія онаго монастыря Воскресенскаго съ нимъ же труждающесея, плинфы носяще всегда въ работные дни; таже Святѣйшій Патріархъ нача окрестъ монастыря пруды дѣлати и рыбы плода ради сажати, и мельницы устроивъ и всякія овощные сады насаждая, такожде съ братією и лѣсъ сѣкуще и поля къ сѣянію расширяюще и изъ болотъ же рвы копающе, сѣна кошеніе устрояюще, и сѣно гребуще, вездѣ всякія труды труждайся, самъ собою во всемъ образъ показуяй и самъ вездѣ на трудѣхъ прежде всѣхъ обрѣташесея, а послѣди съ трудовъ исходяй. И тако пребываше труды къ трудомъ прилагаше.

Благочестивый же Царь слышавъ его многая терпѣнія и труды, многожды съ милостынею къ нему присылалше, по тысящи и по двѣ тысящи рублевъ, такожде и на пищу братіи трапезныя потребности присылалше; еще же Царскою своею милостію призрѣ его, даде ему на пропитаніе три великія обители строенія его, Пресвятыя Богородицы Иверскія и Крестной и Воскресенской, дабы тѣ монастыри ему вѣдати ихъ со всѣмъ и питатися отъ тѣхъ монастырей и земледѣльцевъ всякими доходы и угоды, и оную великую церковь строити, своихъ же царскихъ доходовъ и оброковъ съ тѣхъ монастырей и вотчинъ не повелѣ ни въ какія поборы брати. Бысть же тогда за тѣми монастырями больши шести тысящъ земледѣльцевъ; къ симъ же повся лѣта присылалше ему Благочестивый Государь Царь за соляныя камскія варницы по двѣ тысящи рублевъ, и тою Царскою милостію и своими новопостроенными монастырями строяше церковь Божію, наипаче же своими добропомощствующими трудами всегда помоществоваше и во всемъ помогая.

О ложномъ клеветаніи Великому Государю на Святѣйшаго Никона Патріарха.

Нѣкогда позавидѣ діаволъ, и завистію своею разже нѣкіихъ отъ міра сего оклеветати Великому Государю. Нѣкто Стольникъ Романъ Барыкинъ на Святѣйшаго Патріарха глаголя Великому Государю, яко бы Святѣйшій Патріархъ, проклиная Великаго Государя на молебнѣ, глаголя псалмы неприличны. Боже хвалы моя не премолчи, въ немъ же написано тако: да будетъ дворъ его пустъ, а жена его вдова, и чада его сироты, и пные псалмы приличные сему.

Великій же Государь на ярость подвижесея, посылаетъ по всѣхъ Архіереевъ Московскаго Государства и по свой Царскій сикглитъ, и возвѣщаетъ умильно Архіереемъ и всему собору на Святѣйшаго Пат-

ріарха, глаголя со слезами, яко тако мя кленяше Никонъ Патріархъ. Россійстїи же Архіереи и Палестинстїи, и его весь Царскій сигклить совѣтуютъ Великому Государю, взявъ Святѣйшаго Патріарха вскорѣ, и послать его въ дальнюю и жестокую ссылку; единъ же отъ Архіерей или два глаголаше Благочестивому Государю Царю, дабы Великій Государь изволилъ о таковомъ дѣлѣ его Святѣйшаго Патріарха самого допросить, аще же запрется, то и сослужителей его, и рабовъ всѣхъ, которые при томъ молебнѣ были, допросить подлинно, и по томъ уже осужденіе дати.

Великій же Государь благоволи тако сему быти, и посылаетъ въ Воскресенскій монастырь отъ освященнаго собора Газскаго Митрополита Паисія, да Астраханскаго Архіепископа Іосифа, съ нимъ же Архимандритовъ и Игуменовъ, отъ царскаго же сигклита Болярина князя Никиту Ивановича Одоевскаго и Околничего Иродіона Матвѣевича Стрѣшнева, и Думнаго Логофета Алмаза Иванова, Полковника Василія Философова, и съ нимъ пятьдесятъ человекъ стрѣльцовъ, и иныхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ множество. И пришедшимъ же имъ въ монастырь святаго Воскресенія, и вшедше въ кельи Патріарховы, и нача его Святѣйшаго прежде самого вопрошати, како онъ пѣлъ молебенъ, и кого проклиналъ на томъ молебнѣ, и кія псалмы читали на томъ же молебнѣ. Онъ же глагола имъ: не ложно глаголю, яко пѣтъ былъ молебенъ, и тїи псалмы читаны суть, только не къ лицу Великаго государя; а каковъ молебенъ, и каковы псалмы читашъ и пѣвахъ, азъ и нынѣ готовъ таковой же молебенъ пѣти при васъ, псалмы же сіи глаголахъ азъ, и моляхся Господеви Богу на супостата своего на Романа Бабарыкина; понеже бо тогда у Святѣйшаго Патріарха по Романову челобитью землю отводили отъ селу Бобыреву, иже послѣди Благочестивѣйшій Государь Царь и Великій князь Ѳеодоръ Алексіевичъ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержецъ, пожаловалъ присовокупилъ и все село то въ Воскресенскій монастырь. По семъ на предреченное обратимся. Посланныя же глаголаше, молебна мы слушать безъ указу Царскаго нейдѣмъ, но токмо повелѣно намъ взять вопросъ, Архимандрита и братію и дѣтей боярскихъ, и слугъ и служебниковъ, иже суть въ то время у молебна были. Онъ же глагола имъ, яко же хотите творити. Они же по единому приводяще вопрошаху ихъ, како молебствовалаше и что пояху? Отвѣщавающе имъ тїи глаголаху, яко на молебнѣ на ектеніяхъ за Великаго Государя Бога молили, а псалмы какову лицу читаны, и того не именовалъ. И тако распросивъ Архимандрита и братію отпустиша, а изъ монастыря же до указу Государева исходити не повелѣваху; мірскихъ же всѣхъ распросивъ, за стражу стрѣльцемъ Московскимъ отдаша.

На утрій же возвѣстиша Святѣйшему Патріарху, яко печь новыхъ кирпичевъ поспѣла есть, изнести потребно. Онъ же по прежнему обычаю повелѣ въ колоколѣ на работу звонити. Присланніи же увѣдаша отъ ту живущихъ, яко хоцетъ Святѣйшій Патріархъ на труды исходити, съ братією кирпичи изнести изъ печи. Присланніи же прислаша глаголюще, яко бы до указу Великаго Государя изъ монастыря Святѣйшему Патріарху никуды не исходити, и поставиша вкругъ монастыря Московскихъ стрѣльцовъ, да никто же излишній въ монастырь внидетъ, такожде изъ монастыря Патріарха не пущать. И тако пребысть Воскресенскій монастырь за стражею мѣсяцъ единъ времени. Архіерей же и Боляринъ съ протчими вскорѣ къ Москвѣ отыдоша, только полковника съ стрѣльцами у колодниковъ, которые были допрашиваны, оставиша.

Святѣйшій же Патріархъ наипаче въ то время сугубыя молитвы возсылаше Господеву, и сошедъ изъ Москвы въ Воскресенской монастырь. Таковъй обычай имяше, по вся дни по литургіи молебень пѣвати Пресвятѣй Богородицѣ Греческимъ согласіемъ; тогда же во облажаніи стражей еще къ тому приложи стихиры Пресвятѣй Богородицѣ Кіевскимъ согласіемъ, Россійскимъ же реченіемъ всѣмъ предстательствующимъ благая, и пояше моляся всегда со слезами. И тако по единомъ мѣсяцѣ прииде отъ Великаго Государя повелѣніе къ полковнику оному Василью Филосову, повелѣвающе ему и со стрѣльцами ити въ Москву, монастырь же оставить по прежнему, и колодниковъ свободити изъ подъ караулу. И тако преста вражда та благодатию Христовою. Святѣйшій же Патріархъ труды множайшія о церкви Божіи полагаше, пребываху въ томъ Воскресенскомъ монастырѣ, повелѣніемъ Великаго Государя. Для обреченія Святѣйшаго Патріарха здравія остался единъ сотникъ, 20 человекъ стрѣльцовъ изъ Звениграда Савина монастыря.

По прешествіи же того единого смущенія и оклеветанія Великому Государю и иніи мнози бываху; ибо много во оно время пребываху у Святѣйшаго Патріарха въ Воскресенскомъ монастырѣ Иноземцы, Греки и Поляки, Черкасы и Бѣлорусцы и новокрещенные Нѣмцы и Жиды въ монашескомъ чину и въ бѣлцкомъ. Приѣзжаху же многи отъ иныхъ странъ и земель Иноземцы, хотяху видѣти лице его и зрѣти таковаго великаго строенія. Онъ же всѣхъ съ радостію приемляше. Еще же Великому Государю навадиша, яко со иноземцы глаголетъ Патріархъ на Великаго Государя многіе неприличные глаголы, яко бы жалуюся имъ глаголя: Владѣетъ де Великій Государь Царствомъ и Архіерействомъ; и о томъ убо съ выговорами приѣзжали; и иныя смуты частыя бываху. Благочестивый же Царь аще и

таковыя на Патріарха клеветы бываху, онъ же ничесо же внимаху, зѣло бо милостивъ бѣ къ нему; и егда бо родится сынъ или дщерь, тогда съ милостынею къ нему присылаше, такожде и съ овощами всякими драги сахары и иными вещьми снѣдными. Святѣйшій же Патріархъ на трапезѣ все то съ братією раздѣляше.

О зачатіи вражды на Святѣйшаго Патріарха.

По малѣхъ убо лѣтѣхъ паки учинися вражда у Святѣйшаго Патріарха съ Великимъ Государемъ таковымъ образомъ. Боляринъ нѣкто Царска ситклита, именемъ Никита Алексіевичъ, зовомъ Зюзинъ, бѣ мужъ благочестивъ и богобоязливъ; сей видѣвъ непрестанныя вражды и смущенія у Великаго Государя со Святѣйшимъ Патріархомъ, вѣдаше же первую великую любовь между ими, восхотѣ и паки привести въ первое мирное состояніе, и любовь и миръ между ими сотворити; но невозможе уже бо, тако о томъ Богу изволившу. Вышепомянутый Зюзинъ восхотѣ писаніе написать ко Святѣйшему Патріарху, яко благочестивый Царь прислалъ есть къ нему Никитѣ ближнихъ своихъ людей, Артемона Матвѣева, да Аѳанасія Нащокина, и повелѣлъ есть глаголати ему, дабы той Никита написалъ писаніе отъ своего лица къ Святѣйшему Патріарху таковое, воеже бы Святѣйшій Патріархъ на урѣченное число пришелъ въ царствующій градъ Москву въ день недѣльный ко утренній; у вратъ же града вопрошающимъ, да повѣдаеть о себѣ нарицающеся Савина монастыря властью; пришедше же бы въ соборную церковь великую и возшедъ стоялъ бы на Патріаршескомъ мѣстѣ, и восприялъ бы свой Архіерейскій жезлъ, его же пошедъ съ Москвы оставилъ на мѣстѣ томъ; и тогда де Благочестивый Царь присылать будетъ, и сперва Боляръ своихъ со оглаголаніемъ, а по томъ и второе пришлетъ Боляръ своихъ и властей; тогда бы Святѣйшій Патріархъ спросилъ ключей своихъ отъ келей Патріаршихъ, и азъ де ему въ третіе и келейные ключи пошлю, и тогда бы онъ шелъ во свои Патріаршіе кельи; по томъ же бы по малѣ часѣ и самъ азъ пришедъ къ нему и о всемъ съ нимъ возглаголалъ; аще же не тебѣ Никитѣ къ нему писати, то иному нѣсть кому, понеже инѣхъ убо Боляръ Святѣйшій Патріархъ не тако любитъ, а тебя де жалуеть. Онъ же Никита, яко бы сія вся слышавъ отъ нихъ, восписуеть тако съ Новгородскимъ священникомъ Сисоемъ Андрѣевымъ, и посылаетъ къ Святѣйшему Патріарху. Святѣйшій же Патріархъ Никонъ пріятъ сіе писаніе и прочеть; и повелѣъ списати, а подлинное его Никитины руки писаніе къ нему же со священникомъ воспослати; понеже той

Никита въ томъ писаніи своемъ написа, дабы писаніе руки его къ нему паки послати. Святѣйшій же Патріархъ и свое писаніе съ писаніемъ его къ нему посилаєть, сице глаголюще: яко не возможно сему тако быти, воеже бы мнѣ къ Москвѣ шествіе сотворити. Онъ же Зюзинъ седмицу едину преждавъ паки той же Боляринъ призываетъ къ себѣ Патріархова иподдіакона Никиту жъ именемъ Никитина, глаголя ему, яко повелѣлъ естъ Великій Государь тебя ко Святѣйшему Никону Патріарху послати, вѣдая любовь его къ тебѣ, такожде и твою ко оному, и призвавъ къ себѣ отца своего духовнаго Іеромонаха Александра, иже прежде бывъ Адріанъ протопопъ, и глагола на сіе: тебѣ свидѣтель и отецъ мой духовный, и посилаєть съ нимъ писаніе подобно первому; еще же въ семъ писаніи прирече, второе уже Великій Государь, онѣхъ же ближнихъ своихъ людей прислалъ ко мнѣ Никитѣ, съ ними же баше прислано письмо его Царскія руки; написано же тако бѣ о семъ глаголя: будутъ тебѣ Никитѣ глаголятъ ближніе наши люди, и тебѣ бы то вѣрно имѣти, того бо ради и писаніе нашея руки послася; и ты, о Святѣйшій! повѣръ намъ, и пришествіе свое сотвори. Святѣйшій же у иподдіакона вышепомянутаго писаніе приємъ, паки и тоє списати повелѣ върнымъ своимъ, иподдіакона же того паки и съ писаніемъ его Зюзина отосла бездѣльна глаголя: яко не возможно сему тако быти. По тріехъ убо днехъ паки того же иподдіакона Никиту той же Боляринъ посилаєть съ писаніемъ подобно первымъ, еще же и сіе прилагаєть: аще нынѣ ты, Святѣйшій Патріархъ, не изволишь быти, глаголетъ Великій Государь, и не умириши церкви Божія и съ нами мира не положиши, то и во вѣки церкви Божіи быть во враждѣ, и у насъ не въ любви; аще же будеши нынѣ, то сотворимъ во всемъ волю твою, яко Господеви угодно, тако и тебѣ. Святѣйшій же Патріархъ сіє третіє писаніє приємъ отъ иподдіакона, глагола ему: аще азъ престола своего не желаю, но обаче церкви Божіей всякаго умирєнія и царскаго милосердія желаю, и вдаюся воли Божіей и Царскому его изволенію; тако о семъ единомъ попеченіє имѣю, дабы сіє дѣло не коварствомъ было. Никита же иподдіаконъ глагола ему: яко при отцѣ его Никитѣ Зюзина духовномъ посылалаше его Государскимъ повелѣніємъ. Святѣйшій же Патріархъ третіяго онаго писанія по его прошенію не отпустилъ, рекъ къ нему: да скажетъ, рече, Болярину, яко самъ иду и писаніє твое привезу. И абіє нача пути касатися, и поиде къ Москвѣ въ субботу вечера повечеріи, за едину седмицу до праздника Христова Рождества. Пришедше къ царствующему граду Москвѣ, и во вратѣхъ града глаголемыхъ Смоленскихъ сказашеся, яко власти Савинскія придоша; тогда отверзошася врата и во градъ пустиша его и сущихъ съ нимъ. Вшедшимъ же имъ во градъ и пришедшимъ въ соборную великую церковь

Пресвятая Богородица Успенія во время утренняго пѣнія въ стихословіе первыя каѳисмы, и по обычаю Архіерейскаго входа, повелѣ сущимъ съ нимъ пѣти достойно есть, самъ же Святѣйшій Никонъ Патріархъ поклоняшеся святымъ иконамъ, и цѣловаше я; по отвѣтію же достойна и по ектеніи паки начаша стихологисати псалтирь по обычаю. Тогда Святѣйшій возшедь и ста на Патріаршемъ мѣстѣ своемъ, и вземъ въ руцѣ свой жезлъ Чудотворца Петра Митрополита, его же бѣше оставилъ во отшествіи своемъ, и поидоша къ нему ко благословенію Преосвященный Іона Митрополитъ Ростовскій и Ярославскій, бѣ бо той Митрополитъ тогда хранителемъ Святѣйшаго Патріаршескаго престола; по семъ и протопопъ большаго собора и протчіи священники по обычаю вси приключившіися тамо народи. По семъ Святѣйшій Патріархъ, призвавъ Митрополита, Ростовскаго и Архимандрита Воскресенскаго, посылаетъ ихъ къ Великому Государю въ верхъ, и повелѣ возвѣстити о себѣ, яко, рече, миръ и благословеніе принесе Великому Государю и всему его царскому дому, и всему царствующему граду. Они же убо послушавше его идоста и возвѣстиша Благочестивому Царю по его повелѣнію. Благочестивый Царь посылаетъ по властей и по благородныхъ своихъ Боляръ наскоро, и которіи прилучилися, ту совѣтуетъ Великій Государь съ ними о пришествіи Святѣйшаго Патріарха. Они же отвѣщаша, рекоша, дабы спросити его, чесо ради пришелъ есть и за каковымъ дѣломъ. Тогда Благовѣрный Царь посылаетъ ко Святѣйшему Никону Патріарху Боляръ своихъ князя Никиту Одоевскаго съ протчими, дабы спросити его. Они же пришедше въ церковь вопрошаху его. Отвѣщавъ Святѣйшій и глагола имъ: яко миръ и благословеніе Великому Государю и дому его царскому, и всей своей паствѣ принесе. Они же слышавше сія, паки возвратишася къ Великому Государю. Благочестивый же Царь услышавъ сія словеса, паки совѣтуетъ, что ему отвѣщати; Архіереи же и царскій ситклить совѣтуютъ, дабы отслати его въ Воскресенскій монастырь, не видѣвъ лица Царскаго. Тогда Благовѣрный Царь благоволитъ сему ихъ совѣту тако быти; поидоша же къ нему паки Архіереи и Боляре глаголюще, и повелѣвающе ему Святѣйшему итти въ Воскресенскій монастырь. Отвѣщавъ же Никонъ Патріархъ глагола имъ: хочу, рече, видѣти лице Царское и благословити домъ его. Они же укориша его, яко не праведно въ нощи пришедша, и рѣша ему, яко Царскаго лица тебѣ видѣти въ нощи не возможно; понеже у Великаго Государя, ко Святѣйшимъ вселенскимъ Патріархомъ, и о пришествіи ихъ къ Москвѣ. писано есть и послано, и ожидаетъ пришествія ихъ вскорѣ, и за тѣмъ убо видѣти лица Царскаго до Вселенскихъ Патріарховъ не возможно. Тогда Святѣйшій Патріархъ глагола имъ: да возвѣстятъ еще Великому

Государю, яко, рече, требую его видѣти ради нужныхъ великихъ дѣлъ. Они же отсылаху до Вселенскихъ Патріарховъ. Вся же сія содѣяшася во время утренняго пѣнія; едва же послушавше его поидоша въ третіе къ Великому Государю, и сказаша слово его. Великій же Государь повелѣ паки да идетъ въ Воскресенскій монастырь; сія бѣ уже по утрени въ той же соборной церкви. Святѣйшій же Патріархъ, слышавше таковое повелѣніе, поиде ко святымъ иконамъ знаменоватися; по семъ же исходя изъ церкви, взявъ съ собою жезлъ Петра Митрополита, и сѣде въ свои сани. За нимъ же Великій Государь присла Болярина своего Князя Димитрія Долгорукова, и съ нимъ полковника и стрѣльцовъ. Никонъ же възсѣдая въ сани свои, отрясе прахъ отъ ногъ своихъ, глагола Господни словеса: *Идѣ же еще не пріемлютъ васъ, исходяще изъ града тою, прахъ прильпшій съ ногамъ вашимъ оттрясите во свѣдѣтельство на ны; чесо ради и прахъ прильпшій къ ногамъ вашимъ оттрясаемъ вамъ.* Полковникъ же нѣкій глагола ему: мы убо прахъ сей подметемъ. Тогда глагола ему Святѣйшій Никонъ: размететь убо васъ сія метла, являшаяся на небеси хвостовая звѣзда, иже нарицается комета, бѣ бо въ то время явльшеся сія на небеси. И по семъ поидоша на каменный мостъ, и въ Никитскія врата до свѣта за малый часецъ. Провождяху же его тѣмъ же предпомянутые полковники и Боляринъ; и егда изыдоша изъ вратъ до Землянаго града, тогда Боляринъ повелѣ стати для дѣла Великаго Государя. Святѣйшій же Патріархъ ставъ, ожидаше реченнаго имъ. Онъ же Боляринъ глагола титло Царево, и по окончаніи титла рече: Велѣлъ у тебѣ Святѣйшаго Патріарха Благодѣтельный царь благословенія и прощенія просити. Святѣйшій же Патріархъ глагола ему: Богъ проститъ его Великаго Государя, еще не отъ него смута сія. Боляринъ же вопросы его глагола: какая смута повѣждь ми? Онъ же глагола о пришествіи своемъ рече: *Аще невиненъ Великій Государь въ семъ моемъ приѣздѣ, и безъ его воли сіе было, и его Богъ проститъ и благословитъ; возвѣсти тако Великому Государю.* Боляринъ же возвратився во градъ, Святѣйшій же путешествова въ село свое Чернево. Егда же Боляринъ прииде къ Великому Государю возвѣсти ему вся сія, и яко жезлъ Петра Митрополита Никонъ съ собою взявъ, жезла же того еще ему сущу въ церкви прошаху ключари, онъ же не даде имъ, глагола: яко азъ поставихъ, азъ и взяхъ, что вамъ до сего. Великій же Государь паки совѣтуетъ со Архіереи и съ снѣглитомъ своимъ, воеже послати во слѣдъ его, и аще той жезлъ, сирѣчь посохъ, несеть поддіакъ, и у него отняти, аще же у самого въ саняхъ или въ рукахъ, то убо просить честію; просити же и о семъ, еже онъ реклъ естъ Болярину Долгорукову за Землянымъ городомъ прощающій Великаго Государя, и про какую онъ смуту

сказалъ; а дондеже не скажетъ и жезла не отдастъ, никако же отъ него не исходимымъ быти. Посланіи же съ тѣмъ Царскимъ повелѣніемъ, Павелъ Митрополитъ Сарскій и Подонскій, Іоакимъ Архимандритъ Чудовскій, отъ сигклита же околничей Иродіонъ Стрѣшневъ, Думный Діакъ Алмазъ Ивановъ, съ нимъ же полковники и стрѣльцы. Достигше же Святѣйшаго Патріарха въ селѣ Черневѣ, и сказала ему Царское повелѣніе, дабы онъ возвѣстилъ Великому Государю, какая есть смута и отдалъ бы посохъ Петра Митрополита. Онъ же имъ посоха и про смуту не возвѣсти. Ти же неотступно стояще въ Черневѣ яко двоеденствіе, и неотступни бяху день и ночь, дворъ же стереуще полковнику и множество стрѣльцовъ. Святѣйшій же Никонъ, не терпя того озлобленія, посылаетъ той посохъ и письма Болярина же Никиты Зюзина съ Воскресенскимъ Архимандритомъ Герасимомъ, за нимъ же поидоша вся присланніи власти и отъ сигклита и полковники со стрѣльцы; самъ же Святѣйшій отъиде въ Воскресенскій монастырь. Они же пришедше къ Москвѣ, возвѣстиша Великому Государю о прибытіи Воскресенскаго Архимандрита со онымъ посохомъ и съ писмами, бѣ бо повелѣно отъ Святѣйшаго Патріарха оному Архимандриту отдати посохъ и письма самому Благочестивому Царю. Благочестивый же Царь пріять у Архимандрита того своими руками и посла той посохъ съ Павломъ Митрополитомъ въ соборную церковь паки на Патріаршее мѣсто; письма же оныя самъ нача прочитати, бяху бо два писанія переписаны, а третіе его Никитины руки, бѣ бо вельми худостно письмо, понеже онъ Никита въ малѣ умѣяше писати. Тогда Благочестивый Царь видѣвъ въ писаніи яко Артемонъ и Аѳанасій Нащокинъ во свидѣтельство написаны, вопрошаше ихъ. Они же отвѣщаваху, яко того рекше, не знаемъ ни вѣдаемъ; послаша же въ то время по того Никиту Зюзина, и по Никиту иподдіакона, и по Іерея Сисоя, и егда убо приведоша Никиту Зюзина въ роспросъ жестокаго пытання, и жена его, именемъ Марія, точію услыша сіе слово, возопи и рече охъ! и абіе умре; Никиту же иподдіакона, Іерея Сисоя распрося вдаша за стражу. Они же глаголаху, яко мы убо писанія ношакомъ, а еже въ нихъ писано баше не вѣдакомъ; иподдіаконъ же глаголаше, яко мнѣ по твоему Царскому, рече, повелѣнію, при отцѣ своемъ духовномъ посылаше. Егда же Никиту Зюзина у пытки распрашивавше о семъ, онъ же отвѣщаваше глаголя: яко вся сія азъ сотворихъ отъ своего произволенія, хотѣхъ бо видѣти церковь Божію во умиреніи, такожде и Великаго Государя со Святѣйшимъ Патріархомъ въ совѣтѣ; на Аѳанасія же Нащокина и на Артемона писахъ напрасно, того ради, дабы мнѣ Святѣйшій Патріархъ повѣрилъ лутче въ томъ писаніи. Видѣвъ же Благочестивый Царь, яко истинну повѣдалъ, не повелѣ

его мучити больше, но повелѣ же за стражу вдати его нѣкоего ближняго человѣка. Предпомянутый же иподдіаконъ Никита, сидѣвъ за стражею нѣсколько дней, и Богу духъ свой предаде; такжеже Никиту Зюзина Царскій сикглитъ присовѣтоваше казнити смертію, но Благочестивый Царь отъ смерти его избави, пославъ его въ заточеніе во градъ, нарицаемый Казань, повелѣ его написати со дворяны служащими того ради, Сисоя же Іерея послаша во изгнаніе въ монастырь Соловецкій, Никиту же иподдіакона по его обѣщанію повелѣша тѣло отвезти его и погребсти въ Воскресенскомъ монастырѣ. Тогда Святѣйшій Патріархъ Никонъ срѣте его яко мученика внѣ монастыря со кресты, и внесе въ монастырь и отпѣвъ уставленное погребеніе надъ нимъ, и погребе его своими руками подъ лествицею, иже на святую Голгофу: и такое смущеніе преста.

Святѣйшій же Патріархъ паки пребывая въ Воскресенскомъ монастырѣ, созидаѣ святую оную великую церковь; обычай же имать въ господскіе великіе праздники самъ литургисаше, и поставляше въ свои монастыри во Иверскій, и въ Крестный, и въ Воскресенскій, Архимандритовъ, и тѣхъ же монастырей въ села священниковъ, діаконъ, иподдіаконъ и четцовъ и пѣвцовъ, а въ царствующемъ градѣ Москвѣ не бѣше тогда Патріарха осмь лѣтъ и пять мѣсяцевъ, владающе же Патріаршескою Епархією, по Царскому повелѣнію, Митрополиты Россійстїи, наипаче же Питиримъ Крутицкій, иже оный и проклятїю подпаде отъ Святѣйшаго Патріарха Никона.

Еще же обычай имѣяй Святѣйшій Никонъ Патріархъ въ Воскресенскомъ монастырѣ пребывая и во всѣхъ своихъ монастырехъ повелѣвая, дабы странныхъ пришельцевъ въ тѣхъ монастырехъ его кормить и поить довольно, не токмо ихъ, но и скоты, аще кто восхощетъ и до трехъ дней; а егда же аще желаніемъ кто восхощетъ въ тѣхъ монастырехъ монашество воспрїяти, и таковыхъ повелѣваше безвкладно прїимати, къ постриженію же платѣ изъ монастырской казны приказа давати, о семъ же наипаче заповѣда, дабы въ тѣ монастыри вкладовъ ни отнюдь ни отъ кого не прїимати, глаголя: яко вкладчики монастыри разоряють; аще же кто на поминъ сродниковъ своихъ, или въ церковь Божию на строеніе даяше, то прїимати безъ вкладныхъ повелѣваше и о здравїи на ектенїяхъ, и за проскомедїєю за живыхъ и за умершихъ Бога молити повелѣваше и въ синодики вписывати.

Еще же обычай имѣяше таковой, яко въ господскіе праздники и Богородицы, и святыхъ великихъ и въ воскресные и въ суботные дни, и во днехъ царскихъ Ангеловъ всегда съ братїєю въ трапезѣ ядыше, и каковыя убо пищи себѣ, таковыя повелѣваше и всѣй бра-

тии, странныхъ же и пришельцовъ съ собою въ трапезѣ питаше, и по обѣдѣ всѣмъ убо онемъ страннымъ нозѣ умываше, елико ихъ случашеся, бяху убо во оныя времена многія брани съ разными государствы, ратные же люди отъ путешествія уклоняхуся, упокоенія ради во обитель его; онъ же всѣхъ любезно пріимаше, и яко отецъ чадъ насыщаше, и елико ихъ прилучашеся, яко быти по сту и по двѣсти и по триста во единъ день.

О пищѣ его.

Пища же его бѣше всеневная: капуста варена съ хлѣбомъ сухомъ мелко раздробленнымъ и отъ огородныхъ зелей огурцы, и юха малыхъ рыбицъ, и то токмо въ разрѣшенные дни, въ среды же и пятки и въ понедѣльники никако же вкушаше рыбъ во все лѣто, развѣ въ господскіе праздники и Богородицны.

О одеждѣ его.

Одежда же его бѣше отъ кожъ овчихъ, и ряса отъ власъ агньчихъ пепеловиднаго сукна носаше, мантия же всегда чернаго сукна мана-тейнаго, точію со источниками, ея же одѣваше точію въ церковь, на строеніе же всякія работы, точію съ камилавкою и куколемъ покровень, безъ мантии хождаше, подпоясанъ поясомъ усмянымъ широкимъ, яко въ четверть аршина бѣ широта того пояса и вящи; во время же господскихъ праздниковъ къ службѣ Божіей одежды мягкія носаше и жезлъ Архіерейскій, по вся же дни посохъ велій отъ простыхъ самородныхъ древъ имѣаше, часто же днемъ и ноцію рыбы ловяше, и отъ своихъ трудовъ братію питаше.

О постахъ.

По вся же посты въ пустыню свою отхождаше, юже устрои, и въ ней двѣ церкви Богоявленія Господня и святыхъ первоверховныхъ Апостолъ Петра и Павла, въ ней же устроено келей, восходъ же нань вельми тѣсный, тамо же едина верхняя келія мало совсѣмъ сажени, въ ней же пребываше, и жестокое житіе препровождаше, вящшія молитвы и поклоны и постъ творяше, сна же мало всегда пріимаше, яко въ нощенствіе точію три часа.

О раскольникахъ.

Бяху же убо во оная времена и раскольники церковніи умножались, отъ нѣкоего ересеначальника чернца, глаголемаго Капитона, и

вельми на Святѣйшаго Никона многая злохуленія глаголаху, за исправленіе книгъ божественнаго писанія и нарицаху его хуляще Антихристомъ и иными укорительными глаголы, яже и писанію невозможно предати. Тогда Благодетельный Царь, ревнуя о святѣй церкви, повсюду Капитоновъ онѣхъ раскольническихъ всячески изыскиваше, и пустынная ихъ еретическая жилища разоряше, самѣхъ же онѣхъ непокаяющихся святѣй Божіей церкви смертными ранами и заточеніями смиряше.

О приходѣ Вселенскихъ Патріарховъ.

По нѣколицѣхъ временѣхъ, по прошенію Великаго Государя Царя, придоша въ царствующій градъ Москву Вселенстія Патріарси, Паисій Папа и Патріархъ Александрійскій и Макарій Патріархъ Антиохійскій; и тогда убо два нѣкая человѣка новокрещенныхъ, бяху же прежде Жидовскія вѣры, и Святѣйшему Никону служаще; единъ же отъ тѣхъ новокрещенныхъ часто во градъ Москву отхождаше, къ таковому же природному Жидовину именемъ Даниилу, и тому же новокрещенну сущу, и доктору царскія аптеки. Отъ сихъ же нѣкто благочестивъ мужъ повѣда Святѣйшему Никону Патріарху, яко той служащій Никону Жидовинъ, приходя къ Москвѣ и со онемъ Данииломъ вкупѣ паки жидовствуютъ, и по своей паки вѣрѣ въ домѣ Данииловымъ службу совершаютъ, и къ нимъ вси иные жительствующие въ Московскомъ государствѣ новокрещенные Жиды и отъ иныхъ странъ приѣзжіе, повременно вси въ домѣ Данииловъ собираются и вкупѣ Жидовскую службу правятъ, подъ видомъ новокрещенные творятся Христіане, вѣры же своей никако же отлучишася къ тому же оны на Святѣйшаго Патріарха новокрещенніи Жиды оному Данилѣ клеветуютъ многая плетенія на Святѣйшаго, и тыя нелѣпыя и вражія наущенія оный Данило Великому Государю возвѣщая многократно, возмущая на Святѣйшаго, и хотя ожесточити сердце Царево.

Слышавъ же сія Святѣйшій Патріархъ, повелѣ того Жиду, иже при немъ служитъ, распросити. Онъ же потаивъ все то и ни чѣмъ же не повинився, и того ради всаженъ бысть въ темницу. Клевететъ же его новокрещенный видя сіе надъ своимъ товарищемъ, и по совѣту тайному съ нимъ бѣжа къ Москвѣ, и пришедъ ко дворцу Царскому, и возопи велимъ гласомъ: есть де за мною Царское слово. Тогда взяша его въ верхъ предъ Великаго Государя. Онъ же повѣда предъ Государемъ глаголя: яко есть въ Воскресенскомъ монастырѣ у Святѣйшаго Патріарха человѣкъ засаженъ въ темницу, и просилъ де мене, чтобъ мнѣ возвѣстити о немъ тебѣ Великому Государю, дабы

ты Великій Государь повелѣлъ его изъ темницы взять предъ себя и онъ де тебѣ Великому Государю все скажетъ о житіи и пребываніи Святѣйшаго Патріарха. И абіе Великій Государь посылаетъ въ Воскресенскій монастырь Чудова монастыря Архимандрита Іоакима, и съ нимъ полковника и стрѣльцовъ, и повелѣъ взять того Жидовина изъ темницы. Архимандритъ же Іоакимъ пришедъ въ Воскресенскій монастырь и постави у тюрьмы стражу, самъ же поиде въ келію ко Святѣйшему Патріарху, и глагола ему указъ Великаго Государя, яко повелѣлъ есть Великій Государь взять таковаго темничника. Святѣйшій же Патріархъ повелѣъ его отдати. Архимандритъ же Іоакимъ поимъ его и представи Великому Государю; той же темничникъ изглагола предъ Великимъ Государемъ на Святѣйшаго Патріарха многа зла, глаголаше бо, яко жены ихъ въ блудъ отняли есть себѣ и ихъ самѣхъ до смерти убиваетъ, и иная нелѣпая, яже его діаволъ на то наустити.

Слышавъ же сія Великій Государь, рече ему тако: сего никому не повѣдай и ни съ кимъ не глаголи о семъ о господинѣ своемъ, аще ли же услышу отъ кого тебѣ о семъ повѣдающа, то повелю у тебе изъ гортани языкъ вырѣзати, и абіе повелѣъ ихъ обою отдати за стражу Чудова монастыря на конюшенномъ дворѣ, повелѣъ же и женъ и дѣтей привезти изъ Воскресенскаго монастыря, и тамо же повелѣъ жити съ мужи своими. По малѣ же времени тіи злочестивіи жидове вси исчезоша съ женами и съ дѣтьми, и безвѣсти погибоша.

О посланіи по Святѣйшаго Никона Патріарха и о взятіи его въ Москву на соборъ.

Во оно же время по Святѣйшаго Никона Патріарха посылають отъ освященнаго собора Арсенія Архіепископа Псковскаго и Богоявленскаго Архимандрита изъ Заветошнаго ряду, Спаскаго Архимандрита изъ Ярославля Сергія, и иныхъ Игуменовъ, и отъ воинства полковника со стрѣльцами. Пришедшимъ же имъ ко Святѣйшему Патріарху глаголаху титла Государева, и по семъ же титла Святѣйшихъ Вселенскихъ Патріарховъ, и всего священнаго собора повелѣніе, дабы Святѣйшій Патріархъ шелъ къ Москвѣ вскорѣ на соборъ, и далъ бы отвѣтъ Святѣйшимъ Вселенскимъ Патріархомъ, и всему освященному собору, чесо ради оставилъ свой престолъ и вселился есть въ Воскресенскій монастырь.

О т в ѣ т ъ .

Святѣйшій же Патріархъ глагола имъ: откуда пріяли суть такое безчиніе Святѣйшіе Патріархи и соборъ вашъ, яко не по прави-

ламъ Святыхъ Апостолъ и святыхъ отецъ по мене бывшаго крайняго Архіерея посылають Архимандритовъ и Игуменовъ; въ правилъ бо святыхъ Апостолъ и святыхъ отецъ написано: аще которой Архієпископъ и Епископъ, оставивъ свой престолъ, и преидеть жителствовати во иную Епархію, тогда по многѣ времени ожидая его посылати по него два или три Архіерея, и звати его дважды и трижды на соборъ, и аще пребудеть въ упрямствѣ и нейдетъ, то судите его заочно; вы же нынѣ Архимандриты и Игумены по насъ пришли есте, по какимъ правиламъ? Сергій же Ярославскій Архимандритъ вельми изъ всѣхъ выступая и безстудствуя, аки бы накупился глаголаше: даждь намъ отповѣдь, идеши ли или неидеши? мы бо тебѣ не по правиламъ глаголемъ, но по Государскому указу. Святѣйшій же Патріархъ рече ему: шествовати азъ не отめшуся, словесъ же твоихъ слушати не хочу. Онъ же глагола ему: и ты убо насъ безчествуеши. Отвѣщавъ же Святѣйшій Никонъ глагола ему: есть бо съ вами Архіерей, и азъ имамъ съ нимъ глаголати, съ вами же чернцами и глаголати не хочу, понежѣ бо вы неправильнѣ приидостѣ. Архієпископъ же глагола: рцы, намъ, что возвѣстити Великому Государю, будеши ли ты на соборъ или не изволиши? Отвѣщавъ же Святѣйшій Никонъ рече ему: на соборъ азъ буду, точію въ малѣ поправлюся. Они же шедше на гостинный дворъ, посылають къ Москвѣ наскоро гонца, и пишутъ, яко бы ихъ обезчестилъ, къ Москвѣ же глаголетъ на соборъ хочеть итти, а неидеть.

Святѣйшій же Патріархъ пѣвъ вечернее словословіе съ повечеріемъ, повелѣ же Архимандриту и всему священному чину да уготовятся вси къ литургіи сослужити ему. Пришедшу же ему во свои кельи, повелѣваетъ глаголати правило свое кедейное, и къ службѣ имѣяше бо обычай по вся вечера въ келіи своей правило, повечеріе и три канона Іисусу, Богородицѣ и Ангелу, по правилъ же повелѣваетъ взяти съ собою книгъ къ Москвѣ, правила святыхъ Апостолъ и святыхъ отецъ, псалтирь со возслѣдованіемъ, и книгу на тридцать вопросовъ Болярина Симеона Лукановича Стрѣшнева, и на отвѣты Газскаго Митрополита Паисія, о разореніи Патріаршескихъ дѣлъ, иного же ничто же не повелѣ взяти, токмо крестъ единъ, его же бы предъ нимъ нести. Времени же малу прешедшу повелѣ благовѣстити ко утренній; ко утренній же призва Святѣйшій Патріархъ отца своего духовнаго исповѣдався совѣстію своею въ чистомъ покаяніи, начать самъ со всѣмъ причтомъ масло святити, и освятится святымъ елеомъ, самъ себе и весь причетъ и братію посвятивъ, паки пойде въ келію свою, и начать глаголати часы и молитвы святаго причащенія. Архієпископъ же и архимандриты возвѣщеніе даютъ ему, еже бы намъ быти къ нему Госу-

дарскаго ради дѣла. Онъ же возбрани имъ пріити, глаголя: яко азъ нынѣ готовлюся къ небесному Царю; и абіе повелѣваетъ благовѣстити къ литоргіи. Егда же въ Церковь пройде со священницы и съ пѣніемъ, и облачився по обычаю во Архіерейская, начать литоргію; тогда Архіепископъ съ протчими пріиде во Церковь святыя Голгофы.

Святѣйшій же патріархъ, призвавъ къ себѣ иподдіакона монаха Германа, иже послѣди бысть того Воскресенскаго монастыря Архимандрить, и повелѣ ему сказати Сергію Архимандриту, дабы онъ изъ церкви изшелъ, понеже бо той Сергій тогда прѣніе чинилъ со многими о новоисправныхъ книгахъ и о Греческомъ пѣніи. Иподдіаконъ же повѣда ему Патріаршее слово. Они же посовѣтовавше между собою, и вси изодоше изъ церкви и стаха на крыльцѣ святыя Голгофы. Святѣйшій же Патріархъ повелѣ пѣвцемъ своимъ пѣти литоргію всю Гречески глаголы, согласіемъ же Кіевскимъ: и тако сподобися причастія святыхъ Христовыхъ таинъ; по литоргіи же, прежде отпуста, поучаше братію отъ божественнаго писанія, много о терпѣніи, во еже бы имъ бѣды и напасти претерпѣвати съ радостію Христа ради, чтяше же въ бесѣдахъ Апостольскихъ. По чтеніи же отпуста святыя литоргіи паки иде въ келіи своя, миръ и благословеніе братіи подавъ. На крыльцѣ же ставше присланніи нелѣпо кричаху, глаголюще: чесо ради ты держиши насъ, ни откажиши, ниже прикажиши, наипаче же Сергій Архимандрить крѣпко наступая невѣжествомъ.

Святѣйшій же Никонъ глагола ему: азъ убо твоихъ словесъ не внимаю и не слушаю; и тако внидоша въ келію. По семъ же Святѣйшій Патріархъ глагола Архіепископу въ келіи своей: чесо ради ты утра сего присылалъ ко мнѣ и хотѣлъ возвѣстити Государскій указъ. Онъ же отвѣщавъ рече ему: яко се есть Государскій указъ, дабы ты изволилъ пріити къ Москвѣ на соборъ, и далъ бы о себѣ отвѣтъ, чесо ради оставилъ еси престолъ свой? аще ли не пойдеши, и тогда мы пойдемъ и возвѣстимъ о тебѣ Великому Государю. Святѣйшій же Никонъ Патріархъ глагола ему: слава Богу! о всемъ готовъ есмь и иду и повелѣ впрящи сани свои, и абіе изыде вонъ изъ келіи, бѣ бо уже къ вечеру день той преклонился. Понеже во оно время постъ бѣ Рождества Христова, противъ перваго числа мѣсяца Декемврія, и тако братія вся провождаху его со слезами отъ монастыря даже до Креста, еже есть противу монастыря, на мѣстѣ нарицаемомъ на горѣ Елеонстей. У Креста же Святѣйшій Патріархъ, сотворивъ молитву, повелѣ діакону прочитати ектенію, и сотворше прошеніе за Благочестиваго Царя и за весь его Государскій домъ, и за всю братію, и за вся Христіаны, и миръ и благословеніе и прощеніе братіи подавъ пойде въ путь свой. Братія же и вси православніи жители и трудовики тоя

обители, приемше благословеніе и прощеніе неутѣшно плачущеся и не надѣющеся видѣти паки отца своего. Шествующу же Святѣйшему Патріарху путемъ, предъ нимъ же идяше нѣкій полковникъ, по реклу Оставьевъ, со стрѣльцами. По немъ же послѣди Архіепископъ со властьюми, и та пришедше близъ села Чернева, яко бы поприща за два или за полтора того села недошедше, и абіе встрѣте его изъ Владимира Рожественна монастыря Архимандритъ Филаретъ, глаголя стояти, и абіе сташа. Онъ же глагола титлы Великаго Государя и Святѣйшихъ Вселенскихъ Патріарховъ, и отъ всего освященнаго собора, и послѣ титлъ глагола: послали къ тебѣ тѣхъ преждевѣченныхъ Архіерея и Архимандритовъ и Игуменовъ, и ты убо ихъ обезчестилъ, и къ Москвѣ не ѣдши. Онъ же глагола ему: лжеши, яко азъ обезчестилъ посланныхъ и къ Москвѣ не ѣду, а азъ ихъ не обезчестилъ, точію вы мя безчестите, яко не по правиламъ святыхъ отецъ, по Архіерея крайняго суща, Архимандриты пріѣзжаєте. Архимандритъ же Филаретъ отвѣща ему: мы рече, слушаемъ повелѣнія Царскаго, и Святѣйшихъ Вселенскихъ Патріарховъ, и всего освященнаго собора, ты же что противишися. Святѣйшій же Патріархъ глагола: нѣсь на васъ кому жаловатися, токмо единому Богу, и засвидѣтельствовати небу и земли, и рече: слыши небо и внуши земле, и паки поидоша въ путь свой, и пріидоша въ село Чернево, по новопровзанію Святѣйшаго Патріарха нарицается тогда село то Назаретъ; и абіе паки пріидоша въ томъ селѣ Архимандритъ Новоспасскаго монастыря Іосифъ, и паки повелѣвая стояти, и абіе сташа. Онъ же вопросивъ свѣщи огня, занеже у него написано быше, еже глаголати и титлы Святѣйшихъ Патріарховъ, на память не упомяаше изрещи: тогда принесоша огня. Онъ же нача по писанію глаголати тѣ же преждевѣченныя рѣчи, якоже и Владимирскій Архимандритъ, еще же и сіе приложи, и послѣжде де тѣхъ посланныхъ паки послаша къ тебѣ изъ Владимира Рожественна монастыря Архимандрита Филарета, и ты де того обезчестилъ еси и къ Москвѣ не идши, и тебѣбѣ убо быти къ Москвѣ Декаврія въ 3 числѣ, пришествіе же твое да будетъ не съ большими людьми и за 3 или за 4 часа до свѣта, или вечера часа въ три или въ четыре. Отвѣщавъ же Святѣйшій Патріархъ глагола ему: охъ! лжи и неправды исполненные, давно ли отъиде отъ насъ Владимирскій Архимандритъ, и нынѣ съ нами, и чемъ обезчестенъ и како азъ не ѣду, горе вашей лжи и неправдѣ, и чесо ради повелѣваете быти въ нощи, и съ малыми людьми, или такожде хочете удавити, яко же и Филиппа Митрополита единаго удавили. Архимандритъ же рече: азъ убо невольный человекъ, мнѣ же написавше вдаша, то азъ и глаголю. По семъ же поидоша до села Тушина, въ селѣ же Тушинѣ полковникъ одержа и

глагола: како намъ шествовати, когда указъ былъ Великаго Государя, еже въ третіемъ числѣ Декемврія быти, и мы убо послемъ къ Москвѣ гонца, сами же и кони опочинемъ. Святѣйшій же Патріархъ глагола ему: Творите яко же хотите, и абіе повелѣ домъ нѣкій уготовати, дабы никого въ томъ домѣ не обрѣталосѣ, и уготоваша, и абіе въ избу пришедъ и нача пѣти вечерню и повечеріе и правило, и мало почихомъ, паки прииде указъ Великаго Государя, дабы ѣхати не мѣшкавъ, и часа за три или за четыре до утра быти бы въ Москвѣ. И паки пути казасѣ; и придоша въ Москву за четыре часа до свѣта, и везоша на Ваганково. По семъ въ Смоленскія врата, таже на Старокаменной мостъ; во вратѣхъ же Старокаменнаго мосту многіе фонари быша поставлены, осматриваху же кто суть и колико бѣше приѣзжихъ съ нами. Придоша же ко Архангельскому подворью, иже бѣ въ кремлѣ у вратъ Николаевскихъ, и абіе врата отъ насъ затвориша. Мнѣ же глаголющу, чесо ради затвориша врата? Глагола же ми полковникъ: есть, рече, Великаго Государя дѣло; и абіе приѣзгоста два стрѣльца, и рекоша полковнику: той есть. Онъ же глагола ми: сниди съ коня и отдаждь Крестъ, а самъ приди, есть до тебя Государское дѣло. Азъ же слышавъ отъ Святѣйшаго Патріарха еще на пути, егда кто ты пойметъ инуды, и ты крестъ отдаждь въ руцѣ мнѣ. Азъ же ссѣдохъ съ коня и отдавъ крестъ самому Святѣйшему Никону Патріарху въ руцѣ; мене же взяста два стрѣльца, подобѣ пазухи понесоша аки на воздухъ, не успѣвахъ ногами и до земли доткнутисѣ; и абіе приведоша въ караульню у Старокаменнаго мосту, и оттуду въ верхъ представиша Великому Государю единому въ верху. Начать же Великій Государь вопрошати мя о недовѣдомыхъ вещехъ; мнѣ же отрицающусѣ и ничто же вѣдѣти глаголющу. Великій же Государь глагола ми: ты нынѣ мнѣ не учнеши глаголати, а не мнѣ скажеша и будетъ ти сидѣти, дондеже Богъ изволить; аще ли речеши ми, то и свобода тебѣ тогожъ часу. Азъ же не обинухся глаголахъ, яко невѣсте ми ничтоже, Богу святому укрѣпляющу мя и дерзновеніе подающу. И абіе посаженъ бѣхъ у тайныхъ дѣлъ и сидѣхъ одиннатцать дней, послѣди же отданъ быхъ полковникомъ за крѣпкую стражу, и сидѣлъ три лѣта и вѣще. По семъ же сосланъ быхъ въ Великій Новгородъ въ ссылку, и тамо пребыхъ десять лѣтъ. Святѣйшій же Патріархъ бѣ поставленъ на Архангельское подворье, и вельми печашесѣ, яко и послѣднихъ его людей разнѣ держажу за стражею, и никому пріити къ нимъ или слово изрещи не дающе, понеже и прежде того крестоносца Поддіака взятсѣ мнози, взяти изъ Воскресенскаго монастыря и посадиша я за стражи. Пришедше же со Святѣйшимъ Никономъ во уготованный ему дворъ въ той же нощи, уже близъ къ свѣту, бѣ бо той дворъ во

градъ Кремль у Николаевскихъ вратъ во угль града, иже именуется Лыковъ дворъ, во храминахъ же уготованы возженные многія свѣщи. Егда же вси сущи со Святѣйшимъ Никономъ собрашася во дворъ, тогда приставиша ко вратомъ и окрестъ двора крѣпкія великія стражи, яко отнюдь не токмо кому во дворъ оный внити, или изъ двора изыти, но ниже кому мимо итти возможно. Святѣйшій же Патріархъ съ протчими своими пѣвъ утреннее пѣніе. Егда же день бысть, тогда Николаевскіе врата утвердивше крѣпко, яко да никто путемъ онымъ шествовати будетъ мимо двора, и не точію се, но и мостъ великій, иже у оныхъ вратъ, весь разбравше. По времени же пѣвше часы и протчая, по отпѣтіи же часовъ повелѣ иконому Θεодосію представить себѣ трапезу и протчимъ съ нимъ. Той же отвѣща ему: яко вся, рече, потребная на пищу, къ Москвѣ за ними привезенная, отвезена суть на Воскресенское подворье; понеже на дворъ сей въ нощи не пустили, такожде и нынѣ за повелѣніемъ Царскимъ потому же отнюдь никого ко двору не пропускають, ниже съ двора спускають, и показа ему обрѣтшюся у него иконома въ саняхъ токмо едину четвертину хлѣба. Святѣйшій же Патріархъ повелѣ и ту раздробити себѣ и протчимъ, глаголя: яко да не будемъ, рече, жидовствующе чрезъ каноны постящеся въ субботу; бѣ же всѣхъ душъ со Святѣйшимъ Никономъ монаховъ и мірскихъ яко до тридцати и вѣще. И тако день той препроводивше, во утрій же, си есть въ недѣлю, Декаврія во 2 день въ первый часъ дне въ первой четверти.

О призваніи Святѣйшаго на соборъ.

Придоша отъ Царскаго Величества и отъ Вселенскихъ Патріарховъ, и отъ всего освященнаго собора посланіи, Арсеній Архіепископъ Псковскій, Александръ Епископъ Вяцкій, Суздальскій Архимандритъ Павелъ, Ярославскій Архимандритъ Сергій, и иніи мнози отъ освященнаго чина. Вшедшимъ же имъ по обычаю, и по молитвѣ сѣдшимъ, и мало бесѣдовшимъ; по семъ восташа и начаша глаголати Святѣйшему Патріарху: яко Царское Величество, и Святѣйшіе Вселенскіе Патріархи и весь освященный соборъ призываютъ тя на соборъ. Святѣйшій же Никонъ слышавъ сіе рече: яко азъ готовъ есмь, и абіе воставъ хотяше итти, повелѣ же предъ собою нести крестъ Господень нѣкоему монаху Анагіосту, именемъ Марку. Видѣвше же посланіи звательіе, яко на соборъ хочетъ итти со крестомъ, удержаша его и рѣша ему, яко тако не достоитъ ти на соборъ сій итти со крестомъ; понеже сей соборъ не инославныхъ, но есть православный. Святѣйшій

же Патріархъ о святѣмъ и животворящемъ крестѣ, о силѣ и о побѣдѣ его многая изрече отъ божественныхъ писаній. Они же о семъ ни мало ослабѣвающе, и глаголюще ему: да идетъ безъ креста. Святѣйшій же Никонъ такожде крѣпляшеся, и безъ честнаго креста итти не хотяше. По семъ посланіи послаша вѣстниковъ на соборъ ко Благочестивому Государю Царю, и прочимъ о семъ возвѣстити, яко Патріархъ Никонъ идетъ на соборъ со крестомъ, а безъ креста итти не хочетъ, и отгуду паки къ посланнымъ послани быша иніи вѣстницы, повелѣвающе имъ о семъ ему неослабно глаголати, дабы шелъ безъ креста. И тако въ томъ словопрѣніи мало изъ внутренней келіи выступивше въ преднюю и паки посланіи такожде стужаху ему неизмѣнно, яко да оставитъ крестъ и шествуетъ просто. И тако сотворше въ сѣнехъ и на крыльцѣ верхнемъ, конечнѣе же на нижнемъ крыльцѣ остановивше его и стужаху ему со многою зѣлностію. Святѣйшій же Никонъ о семъ ни мало ослабѣвая бяше, но вся отвѣтствоваше отъ божественнаго писанія, елико духъ святой подаваше глаголати. Скороходцы же съ собору къ нимъ такожде и отъ нихъ на соборъ, непрестанно прескачуще и о всемъ возвѣщающе; и тако премедлиша многое время. Видѣвше же, яко не можаху его симъ одолѣти, придоша паки вѣстницы отъ собора, ослабивше ему итти со крестомъ.

Святѣйшій же Никонъ сѣде въ сани свои, на нихъ же изъ обители приде, и иде на соборъ, предидущу же предъ нимъ честному кресту Господню; отъ онаго же двора, идѣже бѣ Святѣйшій Никонъ, даже и до церкви святаго Благовѣщенія, еже къ верху, и весь кремль тако много народу собравшуся, яко съ трудомъ многимъ точію путь единъ даяху народи. Егда же приде Святѣйшій Патріархъ противо соборныя церкви, бяше же во оно время пѣнія святыя литургіи и южныя церковныя двери отверсты, и восхотѣ во святую церковь итти; и тогда абіе оныя двери затвориша отъ него. Онъ же видѣвъ сіе сотвори поклоненіе ко Святѣй церкви, и паки сѣде во оныя сани; и тако придоша близъ церкви святаго Благовѣщенія, и тамо стояху сани Вселенскихъ Патріарховъ украшены всякимъ украшеніемъ, и кони два впряжены величайшія и обвешены соболями, Святѣйшаго же Патріарха бяху худѣйшія сани и малѣйшія, поставиша близъ тѣхъ же саней. И тако Святѣйшій Никонъ поиде мимо церковь святаго Благовѣщенія папертію, и тамо такожде во церкви пояху святую литургію. Егда же дошедшу ему до дверей церковныхъ, и двери церковныя по тому же отъ него затвориша, яко же и въ соборной церкви; и тако мимо иде въ верхъ ко дверямъ столовой, идѣже бяше соборъ оный собранъ бысть. Егда же ему идущу ко оной храминѣ двери тоя бяху отверсты, егда же близъ бывшу, тогда и тыя двери отъ него затво-

риша, и ту малъ часецъ постоявше, бѣ бо тогда на соборѣ совѣтова-
ніе, и внегда Святѣйшій Патріархъ приидеть на соборъ, дабы никому
противо его не вставати, но всѣмъ сѣдѣти; и егда отверзоша двери,
пойде Святѣйшій Патріархъ, предъидущу предъ нимъ честному и
животворящему кресту Господню.

О приходѣ на соборъ І.

Благочестивый же Царь и вси сущіи ту видѣвше сіе, яко святыи
крестъ предъ идетъ предъ нимъ, тогда и не хотяше востати, Благо-
вѣрный же Царь, аще и воста но обаче у высочайшаго престола сво-
его стоя на высокихъ степеняхъ, близъ же ошуюю его два мѣста
бѣше устроены всякимъ украшеніемъ, идѣже стояху Вселенскіе Пат-
ріархи, предъ ними же стояше столъ, и бѣше покрытъ златоканнѣмъ
ковромъ, на немъ же стояше ковчежець сребрянъ и позлащенъ, и
книги нѣкоторыя лежаху.

Вшедшу же Святѣйшему Никону Патріарху, и близъ бывшу Ца-
рева престола и Вселенскихъ Патріарховъ и онаго покровеннаго стола
сущаго предъ ними, нача глаголати молитву: владыко многомилостиве
и протчая, по обычаю. Егда же сіе соверши, тогда держимый въ ру-
кахъ своихъ жезлъ отдаде своему Анагіосту монаху Серафиму, самъ
же прииде близъ Царскаго престола, и сотвори ему поклоненіе трижды,
яко же обычай. Царь же стоя на високомъ своемъ престолѣ противо
его, точію мало главу преклоняя. По семъ Святѣйшій Патріархъ покло-
нися по обычаю Вселенскимъ Патріархомъ, таже обратися на страну,
аможе Архіереи стояху и поклонися по обычаю, такожде сотвори и
на другую страну, идѣже стояше Царскій сигклитъ и Царевъ духов-
никъ. Егда же сіе совершися, паки взять посохъ свой въ руцѣ, живо-
творящій же крестъ предпутешествовавый предъ нимъ носяи монахъ
постави его въ углѣ одесную страну Царскаго престола. Тогда Благо-
вѣрный Царь стоя на висоцемъ своемъ престолѣ и степеняхъ, показуя
рукою своею одесную себе на лавку, и устнами мало движа, повелѣвая
ему сѣсти. Святѣйшій же Патріархъ отвѣщавъ рече: гдѣ повелиши
Царю да сядема. Благочестивый же Царь паки на тое же мѣсто по-
казуя, и повелѣвая ему сѣсти, бѣ же мѣсто оно праздно ко углу, и
ничто же ко Архіерейскому сѣденію по обычаю не приготовлено, ни
возглавія, ни подножія. Видѣвъ же сіе Святѣйшій Патріархъ, и обо-
зрѣвся созади себе, глагола Царю велегласно: Благочестивый Царь, не
вѣдахъ я твоего намѣренія сего, мѣста съ собою, на чемъ сидѣти, не
принесохъ, а которое здѣ наше мѣсто и есть, и то занято; но глагола,

глаголи: чесо ради призвалъ еси насъ въ собранное тобою здѣ соборище? Монахъ же оный, носяй крестъ святой, видя, яко Святѣйшій Патріархъ не сяде, взявъ паки святой крестъ, поставленный изъ угла, и ста прямо предъ лицомъ Царскаго Величества, и предъ столомъ, иже предъ Вселенскими Патріархи. Слышавъ же сія Царь отъ Патріарха и видѣ, яко не сѣде; тогда сниде со степеней престола своего, и ставъ на конецъ стола, сущаго предъ Вселенскими Патріархи, рече сице: Святѣйшіе Вселенскіе православніи Патріархи, судите мя съ симъ человекомъ, иже прежде намъ быше истинный пастырь, пасяше бо насъ и люди Божія въ правду, яко аможе Моисей предводительствова люди Израилевы. Подобно симъ и иныя ублажительныя глаголы изрече Благовѣрный Царь. По семъ же невѣмы что бысть ему, яко остави свою паству и градъ сей, отъиде въ свой ему созданный Воскресенскій монастырь, и тамо пребываетъ; пребывая же тамо не вѣмъ чего ради нѣкихъ отъ Архіереевъ и отъ Царскаго нашего сигклита многѣхъ предасть клятвѣ, и о семъ о всемъ ваше пастырство како разсудить; понеже того ради и призвахъ ваше правосудіе до здѣ. Святѣйшій же Патріархъ Никонъ вопрошенъ бысть отъ Вселенскихъ Патріарховъ чрезъ толмача нѣкоего, именемъ Діонисія Архимандрита, противъ словесъ Благочестиваго Царя. Никонъ же со всякимъ дерзновеніемъ изрече вся подробну, како и чего ради отъиде отъ царствующаго града Москвы, и чесо ради повинныхъ предаваше клятвѣ. Паки же рече Благовѣрный Царь: онъ же Патріархъ Никонъ писа во Царьградъ ко святѣйшему Вселенскому Патріарху Діонисію грамоту сію, обличая и оглашая насъ всякими дѣлы и словесы. Святѣйшій же Патріархъ рече: яко писахъ, писахъ; понеже Святѣйшій Вселенскій Патріархъ братья ми есть вящшій и есть православный, и аще не отъ сихъ намъ о всѣхъ вещехъ разрѣшеніе пріимати, то отъ кого. И толико бысть словесъ Царскаго Величества и Вселенскихъ Патріарховъ, и Святѣйшаго Никона Патріарха до здѣ. По семъ же угодницы и ласкатели, паче же рещи, на Святѣйшаго Никона Патріарха клеветницы, Павелъ Митрополитъ Сарскій, Иларіонъ митрополитъ Рязанскій, Меѳодій Епископъ Мстиславскій, начаша всякія своя ложныя клеветы испущати со всякимъ дерзновеніемъ, и нелѣпыми гласы зѣяти, овъ сіе и инъ иное, и вси вкупѣ разная кричаще, знатно убо, яко на сіе и поущени быша, и по мноземъ смятеніи ихъ Вселенскіе Патріархи рекоша Святѣйшему Патріарху Никону, яко да идетъ паки во своя, во утріе же паки да пріидеть, и оную грамоту, юже ты писалъ еси ко Вселенскому Патріарху Діонисію, предъ всѣми за утра прочтемъ. И тако Святѣйшій Никонъ отъиде на свой уготованный дворъ, и пѣвше часы по обычаю, вси же сущіи съ нимъ гладны быша, третій бо уже день не ядше пре-

бываху. Видѣвъ же сіе Святѣйшій Патріархъ сжалися, глаголя: да не гладною смертію скончаются, посла нѣкогого отъ своихъ нарочитыхъ, иже окрестъ двора стражаху, къ начальнѣйшему и сотнику глаголя, яко да идетъ ко Благочестивому Царю и возвѣститъ, яко самъ Святѣйшій Патріархъ, и протчіи съ нимъ, отъ глада истаявають, и да повелитъ Царское Величество дати свободу приходити на дворъ и исходити и потребная приносить. Сотникъ же сія слышавъ и за настоящій страхъ не смѣя итти и о семъ возвѣстити. Святѣйшій же Патріархъ видѣ сіе зѣло оскорбися и печалень бысть, не только о себѣ, елико о протчихъ, изыде самъ на вышнюю храмину и возгласи сущимъ окрестъ двора его стрегущимъ воиномъ и сотникомъ и протчимъ, стражаху бо окрестъ двора, яко до тысячи воиновъ, яко да возвѣстятъ о семъ Благочестивому Царю, яко Патріархъ Никонъ и протчіи съ нимъ отъ глада скончеваются. Тогда нѣкій сотникъ сіе слышавъ ово умилился, ово устыдеса, поиде въ верхъ и возвѣсти о семъ начальнѣйшему ихъ полковнику. Той же шедъ возвѣстити ближнимъ Боляримъ, и тако вниде въ слухи о семъ и до самого Благочестиваго Царя. Онъ же сіе слышавъ, абіе повелѣ отпустить съ дворца своего множество яди и питія на возехъ. Съ посланнымъ же онимъ придоша ко Святѣйшему Патріарху съ дворцовъ кормоваго и Сытнаго подъячіе два человекъ, и о семъ возвѣщено бысть Святѣйшему Патріарху, яко сіи придоша; онъ же повелѣ ихъ представить предъ себе. Тии же вшедше и сотвориша поклоненіе, и по сихъ ничто же рекуще, токмо вручаху Святѣйшему Патріарху два нѣкая писанія, сирѣчь росписи овъ убо пищамъ, овъ же питію присланными съ ними. Святѣйшій же Никонъ сего не прія, но вопросы ихъ глаголя: откуда и съ чимъ придоша? Они же ничто же ино вѣщающе, токмо вручаху ему оная писанія, приложише же и сіе рекуще, яко послаша ихъ къ нему начальницы ихъ, сирѣчь ключники. Святѣйшій же Патріархъ сіе видѣвъ и слышавъ рече имъ: возвратитесь и съ присланнымъ къ послававшему, и рцыте, яко Никонъ сего не требуетъ; писано бо есть, яко лутче есть зѣліе ясти съ любовію, нежели тѣлецъ упитанный со враждою; азъ убо сего у Царя никогда же требовахъ и не требую, но токмо о семъ просихъ его, яко да повелитъ дати намъ свободу, еже бы во дворъ сей входить, и изъ двора исходити было невозбранно, многа же и ина отъ божественнаго писанія изрече имъ; и тако ихъ отпусти и со присланнымъ со всѣмъ вспять. Они же возвращешася къ посланнымъ ихъ и вся сія возвѣстиша. Тии же слышавше сія возвѣстиша о семъ Царскаго Величества дворецкому, той же самому Благочестивому Царю. Царь же сіе слышавъ вельми оскорбися, паче же и вящше на гнѣвъ подвижеся и абіе иде ко Вселенскимъ Патріархомъ,

и вся сія сбывшаяся возвѣсти имъ, яко бы жалуюся имъ. По семъ же къ вечеру изыде повелѣніе отъ Царя, и дана бысть свобода, еже ко Святѣйшему Патріарху на дворъ приходити и исходити своимъ единымъ невозбранно, отъ протчихъ же ни единому смѣющу внити кому; и тако послаша на Воскресенское подворье и оттолѣ бо вся потребная яди и питія взявше и сотворше вечерю, и ядше и насытишася благодаряще Бога, яко еще не попусти имъ голодомъ скончати, по времени же пѣвше вечернее словословіе, и утреннюю, и часы по обычаю.

О званіи Святѣйшаго Патріарха на 2 соборъ.

Во утрій же, Декемврія въ 3 день, въ Понедѣльникъ прежніи звателіе Арсеній Архіепископъ и протчіи придоша паки, зовуще Святѣйшаго Патріарха на соборъ. Онъ же поиде по преждеобычному своему шествію, предъидушу предъ нимъ честному кресту, и тако во царская сотвори, яко же и прежде, въ восхожденіи, и въ молитвословіи, и въ поклоненіи. По малѣхъ же нѣколицѣхъ словесѣхъ начаша читати грамоту, юже Святѣйшій Патріархъ писалъ есть ко Вселенскому Патріарху Діонисию. Прочитаху же оную грамоту не всю порядно, но иже угодно имъ, то назнаменовавше прежде и читаху; прииде же слово написанное въ той грамотѣ, яко мнози, рече, отъ Благовѣрнаго Царя, за Святѣйшаго Никона Патріарха, въ разныя мѣста заточени бяху овъ тамо и инъ инамо, изъ нихъ же Аѳанасій Митрополитъ Иконійскій и Кападокійскій, иже присланъ бысть въ царствующій градъ Москву ко Благочестивому Царю отъ Вселенскаго Константинопольскаго Патріарха съ писаніемъ, поборствующимъ о Святѣйшемъ Никонѣ Патріархѣ; той убо за то заточенъ бысть въ Симоновъ монастырь. Егда же сіе слово Царь услыша, восхити и рече Святѣйшему Никону Патріарху, знаеши ли ты убо сего Аѳанасія? Онъ же рече, яко не знаю. Тогда Царь возгласи изъ среды Аѳанасія, идѣже онъ стояше съ протчими Архіереи. Прииде же Аѳанасій близь Царя, тогда Царь показуя на Аѳанасія рече ко Святѣйшему Патріарху Никону, яко сей есть Аѳанасій. Видѣвъ же сего Никонъ Патріархъ рече: благословенъ сей человекъ Богомъ и нами; и тако отступи Аѳанасій и ста на мѣстѣ своемъ. И паки нача читати грамоту. Промежду же сими они оглагольницы, Павелъ, Иларіонъ и Мефодій, яко звѣрие дивіи обскачуще блаженнаго Никона, рыкающе и вопіюще недѣльными гласы, и безчинно всячески кричаху лающе, протчіи же отъ Архіереевъ и отъ освященнаго чина никто же ничто не глаголюще, но вси стояху на своихъ мѣстѣхъ по степенемъ своимъ, такожде и Царскій сикгилтъ, Боляре и вси сановницы на друзѣй странѣ стояху по чину ничто же вѣщающе.

О ГНѢВѢ Царевомъ.

Видѣвъ же сіе Царь, яко кромѣ оныхъ трехъ мужей никто ему не вспомошествоуетъ, тогда возопи гласомъ велимъ, и рече сице: Боляре! Боляре! что вы молчите и ничего не вѣщаете, и мене выдаете, или азъ вамъ ненадобенъ. Слышавше же слово сіе вси ужасошася страхомъ велимъ, и аки на нѣкое тризнице или на брань уготовляхуся, и изъ мѣстъ своихъ, на нихъ же бяху стояще, мало выступающе, и аки нѣчто хотяху вѣщати; но ни отъ кого же не бысть ни единого слова, токмо изъ нихъ выступивъ единъ Боляринъ князь Юрій Долгорукой; той убо угождая Царю, нѣкая мала словеса поборствующая по Царѣ испусти, Святѣйшаго же Никона Патріарха всячески уничижи.

Видѣвъ же сіе Царь яко отъ всѣхъ во всемъ мало себѣ помощи обрѣтаетъ, вельми скорбенъ бысть. Рече же ему Святѣйшій Патріархъ: о Царю! сихъ всѣхъ предстоящихъ тебѣ, и собранныхъ на сію сонмищу, девять лѣтъ всячески вразумлялъ еси и училъ, и на день сей уготовлялъ, яко да на насъ возглаголютъ; но се что бысть, не токмо что глаголати умѣяху, но ниже устъ отверсти можаху, не вскую ли поучашеся тщетнымъ; но азъ, о Царю! совѣтъ ти даю, аще повелиши симъ на насъ вергнути каменіе, то сіе они абіе вскорѣ сотворятъ, а ежели оглаголати насъ, аще и еще девять лѣтъ имаши учить, и тогда едва обрящещи что.

Сіе же слышавъ Царь, вельми гнѣвомъ подвижеся и преклонися лицемъ своимъ на престолъ свой Царскій на многъ часъ, и по семъ возста. Бѣ же тогда на томъ соборѣ мужъ честенъ, именемъ Лазарь, по прозванію Барановичъ, Епископъ Черниговскій, сей мужъ благъ и кротокъ, въ наученіяхъ же философіи зѣло изыщенъ; стоящу ему съ прочими Архіереи на своемъ мѣстѣ по степени, сего возгласи Царь, и рече, Лазаре! что ты молчиши, и ничего не глаголеши, и почто ты мене выдаеши въ семъ дѣлѣ? азъ бо на тебе во всемъ надѣяхся! Лазарь же Епископъ изъ среды Архіереовъ поступивъ мало и благоговѣйно руцѣ свои къ персемъ приложивъ и главу умиленно приклонивъ предъ всѣми рече: о Благочестивый Царю! како имамъ правду оглаголовати, или противитися; и сія изрекъ паки ста на мѣсто свое. Царь же вельми яряшеся, не обрѣтая себѣ ни откуда же помощи; сего же Епископа Лазаря Царь, прежде пришествія Святѣйшаго Патріарха на соборъ, пригласи особо и рече: о Епископе! аще ты Патріарха Никона не знаеши и не видалъ, но яко слыхалъ еси, яко челоувѣкъ онъ яръ есть и нестерпимъ, молю же тя о семъ, егда будетъ онъ призванъ на соборъ сей, потщися во всемъ помоществовати намъ.

Лазарь же отвѣщаявъ рече: о Царю! аще убо кая неправда Патріарха Никона въ словесѣхъ или въ дѣлѣхъ обрѣстися имать, не имамъ молчати. Того ради и возгласи его нынѣ и сіе рече ему, но отъ него не бысть ему никакія же помощи. Малу же часу минувшу, въ размышленіе прииде Царь, и ставъ у престола своего, и положи руку свою на устѣхъ своихъ молча на многъ часъ, таже по семъ прииде близъ ко Святѣйшему Патріарху Никону, и приѣмъ у него держимую лѣствицу пребирая, рече ему тихими глаголы, яко никому же слышати, токмо близъ сущимъ его монахомъ, сице: о Святѣйшій Патріарше! что яко сотворилъ еси сію вещь, полагая ми зазоръ великій и безчествую мя. Никонъ же рече: како. Царь же рече: внигда ты поѣхалъ еси изъ обители своея сѣмо, тогда ты первое постился и исповѣдывался и елеосвященіемъ освятися, такожде и святую литургію служилъ, аки бы къ смерти готовяся, и сіе ми бысть велій зазоръ.

О разговорахъ тихихъ съ Царемъ.

Святѣйшій же Патріархъ рече: истинна се, о Царю! яко все сотворихъ, ожидая отъ тебе на ся не токмо скорбныхъ и томительныхъ наведеній, но и самыя смерти. Царь же клятвами утверждаяся рече: о святче Божій! не токмо мнѣ мнимое тобою се и глаголемое сотворити, но и мыслити не можно за твоя многая и неисчетная къ дому моему и къ Царицѣ и къ чадамъ моимъ благодѣянія, во время смертоносныхъ язвы, въ лѣта 7162 и 163 годѣхъ, и внигда сущу ми во отшествіи на брани въ Смоленску, и во иныхъ сопротивныхъ градѣхъ, тогда ты елико потщася и потрудися, яко же кокошъ со птенцы, съ ними преходя отъ мѣста на ино мѣсто, ища покоя и благораствореннаго воздуха, отъ безгодныхъ смерти; всемилостивѣйшій же Богъ, молитвъ ради твоихъ и такихъ дѣла трудовъ домъ мой весь сохранилъ, яко зѣницу ока, и за сія ли твоя бывшая благодѣянія воздати ми злая; ни, не буди ми сего ниже помыслити, и нѣкими клятвами страшнѣйшими себя заклять.

Святѣйшій же Патріархъ Никонъ, удерживая его рукою, тихо же рече: Благочестивый Царю, не возлагай на себя таковыхъ клятвъ, вѣру же ми ими, яко имаши нанести на мя вся злая, и бѣды и скорби отъ тебе готовятся на мя зѣло люты, прирече же къ сему и отъ божественныхъ писаній, и по семъ рече ему, и се и како посланніи по него, чрезъ правила Архимандриты, и коварствовали на него во обители и въ путешествіи, и како лжесоставныя ихъ рѣчи быша явны и обличены во лжесловесіи.

Рече же Царь паки ко Святѣйшему Никону: но и се ми отъ тебе бысть велій зазоръ, яко писалъ еси ты ко Вселенскому Патріарху Діонисію, всячески укоряя насъ. Никонъ же рече ему: не азъ, о Царю! зазоръ тебѣ таковой нанесохъ, но ты самъ вѣдѣши, вся сія на себе нанеслъ еси, азъ бо писахъ къ брату своему господину Діонисію духовнѣ и тайнѣ, ты же вся твоя дѣянія обличилъ еси, не токмо твоея державы сущимъ всѣмъ, но и отъ конецъ земли собраннымъ тобою, многимъ сіе все явилъ еси; сего ради твое на тя обличеніе вѣдѣши, неже отъ мене, единому токмо ему же и достойтъ се вѣдати возвѣщенное. Паки рече Царь ко Святѣйшему Патріарху глаголы мирныи, во еже бы имъ средостѣнія вражды разрушити. Онъ же рече: добро и блаженно Царю дѣло избралъ еси аще совершити его; но вѣдѣши буди, яко не имать отъ тебе сіе совершитися, зане гнѣвъ твой, начатый на насъ, хоцетъ конецъ пріяти. Сія же глаголы другъ ко другу тако изрекше паки разыдошася, грамоту же оную читаху, во словесѣхъ же тѣхъ, ихъ же сами къ себѣ глаголаху. Рече же Святѣйшій Патріархъ ко Благочестивому Царю: кая твоя правда, егда ми шествующу въ царствующій сей градъ, и по нашему велѣнію предъидый предъ нами поддіакъ Іоаннъ, нарицаемый Шушеринъ, несый святыи и животворящій крестъ Господень, и яко той Іоаннъ воспитанъ есть при ногу нашею; и егда намъ приближившимся ко уготовленному отъ тебя намъ двору, тогда повелѣніемъ твоимъ той Іоаннъ ятъ бысть отъ воинъ немилостивно, токмо единъ святыи крестъ едва успѣхомъ отъ воинскихъ рукъ восхитити, онъ же Іоаннъ нынѣ живъ ли или повелѣніемъ твоимъ умученъ, того не вѣдаю. Царь же отвѣща не вѣдѣти, но токмо изрече, яко дѣтина онъ со крестомъ ѣхалъ есть назади, а не напередѣ, и иныя же вины кромѣ сего изрече. Слышавъ же сія стоя тамо со крестомъ монахъ Марко, рече къ себѣ единому, яко сіе дѣло, о Благочестивый Царю, солгано есть. Царь же услышавъ сіе яримъ лицомъ на онаго монаха воззрѣ, со гнѣвомъ рече сице: чернче! кто есть тебе спрашивая, и кто ти повелѣ вѣдати. Онъ же монахъ отъ онаго страшнаго Царева отвѣта зѣло ужасеся, понеже младъ быше, и мняше, яко абіе имать восхищенъ быти отъ среды собора; по семъ же оному монаху стоящу со честнымъ крестомъ посуплену сущу, ово отъ страха царскаго, ово размышляюще вся сія содѣвающаяся, и абіе архидіаконъ Вселенскихъ Патріарховъ, именемъ Анастасій, стояи при креслахъ Вселенскихъ Патріарховъ, той ставъ предъ Царемъ и предъ Вселенскими Патріархи, прямо сотворивъ трикратное крестное поклоненіе святымъ иконамъ, по семъ Царю и Вселенскимъ Патріархомъ, таже приходитъ ко оному монаху Марку, держащему святыи крестъ. Онъ же восклонися видя архидіа-

кона отъемлюща изъ рукъ его святыи крестъ, возопи гласомъ ко Святѣйшему Никону Патріарху сице: Святѣйшій Патріарше! оружіе наше отъемлютъ отъ насъ, бѣ бо ему въ той часъ обратившуся на страну къ Царскому сигклиту и глаголанія творящу. Той же обратися и видя, яко святыи крестъ отъемлютъ, рече: воля господня да будетъ, аще повелятъ и ризу послѣднюю отъяти, или ино что и вящше сотворити, не имамы о семъ извѣта, но вся сія съ радостію терпимъ, терпяще во имя Господне. Многа же и ина отъ божественнаго писанія прилично сему изрече; и тако блаженный Никонъ повелѣ отдати. Архидіаконъ же вземъ крестъ, ставъ съ нимъ посередѣ двою жезловъ Вселенскихъ Патріарховъ, держимыхъ ошуюю страну мѣстъ ихъ. Егда же оную грамоту писанную отъ Святѣйшаго Патріарха Никона прочтоша, тогда рекоша блаженному Никону, яко да идетъ паки на уготованныи ему дворъ: И тако Святѣйшій Патріархъ Никонъ, изъ палаты тоя изыде, повелѣніемъ же Царскимъ проводиша его даже до онаго двора со свѣщами, бѣ бо уже часъ нощи третій прейде; сущу же ему въ дому, рече пребывающимъ съ нимъ глаголя: чадца моя! слышасте ли въ мимошедшихъ онѣхъ часѣхъ на ономъ соборѣ Царевы оныя глаголы, иже изрече съ клятвою, яко ни единого намъ зла сотворити, се узрити имате, что хочеть отъ него намъ быти и содѣятися, уготовляють бо ся на насъ великія скорби и нестерпимыя туги.

И тако Святѣйшему Никону пребывающему на томъ дворѣ отъ того дне времени даже до 12 числа Декемврія, грамоту же оную, посланную отъ Святѣйшаго Никона ко Вселенскому Патріарху Діонисію, юже читаху на соборѣ, писалъ ю естъ Греческими писмены обиталіи нѣкто во обители святаго Воскресенія, отъ Греческихъ странъ Грекъ, именемъ Димитрій. Той же Димитрій прииде тогда отъ обители Воскресенскія со блаженнымъ Никономъ въ царствующій градъ Москву, и пребываше на ономъ подворьѣ и хождаше аможе хотяше всюду съ двора безъ всякаго страха; нѣкогда же отпешу ему отъ двора, присла Благочестивый Царь ко Святѣйшему Патріарху съ нарѣчіемъ нѣкоего дьяка глаголя, яко да онаго Грека Димитрія предасть имъ въ руцѣ по повелѣнію Цареву. Святѣйшій же Патріархъ отвѣща: яко человекъ сей аще съ нами до здѣ изъ обители и прииде, но нынѣ онъ не обрѣтается здѣ. Они же рекоша, яко аще гдѣ обрящемъ его, то убо по повелѣнію Царскаго Величества да воземъ. Патріархъ же рече: аще быти были подручны намъ, волю бы нашу творили есте, нынѣ же еже хочете творите, и тако отъидоша. Димитрію же оному Греку невѣдущу случитися ему хотящаго, и ходящу во градъ на нѣкоемъ мѣстѣ, въ тѣхъ же часѣхъ абіе войны восхищенъ бысть, и веденъ ими близъ Царева дому въ нѣкоторыя палаты, иже нарицахуся Набе-

режняя, и тамо бывшу ему подъ стражею, страха ради Царева возьмъ ножъ удари въ себе, и тако испусти духъ.

Въ тые же дни Царское Величество и Вселенскіе Патріархи и вси Архіереи совѣтующе и сочиняюще всяко, о еже бы имъ како учинити Святѣйшему Никону Патріарху изверженіе, и камо его отслати въ заточеніе.

О позваніи Святѣйшаго Никона Патріарха на 3 соборъ Декемвріа во 12 день.

Заутра рано паки придоша ко Святѣйшему Патріарху оныи же звателіе, зовуще его паки на соборъ. Соборъ же оный уготованъ бѣше уже не въ царскихъ палатахъ, но во обители святаго Алексіа Митрополита Московскаго, яже именуется Чудовъ; тоя обители на вратѣхъ бѣ церковь пресвятыя Богородицы Благовѣщенія, близъ же тоя церкви въ притворѣхъ обитаху и Вселенстїи Патріархи. Въ той убо церкви собрался Вселенстїи же Патріарси, и вси Архіереи, и отъ освященнаго чина, Архимандриты и Игумены, сущи вси во священныя одежды облачени, Архіереи же убо во Амофоріяхъ, протчіи же по чину; Аванасій Митрополитъ Иконскій, о немъ же предпомянухомъ, той Амофора на ся не возложи, но просто стоя смотряше на содѣвающееся дѣло ихъ. Бысть же нѣкто отъ Архіереовъ Россійскихъ, Вологодскій Архіепископъ Симонъ, иже имѣяше многу любовь ко блаженному Никону, сей не восхотѣ на оный послѣдній соборъ прїити и не иде; тогда послаша по него, яко да прїидеть, яко же и протчіи. Онъ же претворися, яко скорбенъ и возлеже на одрѣ, положи бо себѣ во умъ, яко да не сообщникъ будетъ неправедному изгнанію блаженнаго Никона. Посланїи же придоша и возвѣстиша, глаголюще: яко той Симонъ болѣзнуеть и лежитъ на одрѣ. Они же рекоша: еще убо и болѣзнуеть и не можетъ прїити, то да принесутъ его; и абіе послаша по него, и привезше его къ церкви оной въ санияхъ, во церковь же внесоша его на коврѣ и положиша его въ церкви во единомъ углу. Той же пребываше лежа смотря вся содѣвающаяся отъ нихъ, и печалую и слезя о лишеніи такового пастыря. Егда же по изгнаніи блаженнаго Никона ко свитку изверженія его Царь и Вселенстїи Патріархи и Архіереи, и вси сущи собора того руками своими свидѣтельство подписываху, сей же Симонъ не восхотѣ сего сотворити, вѣдая неповинность Святѣйшаго Никона; обаче же принужденъ бѣше и нуждею, и отрещися того никако же можаше сотвориши, возьмъ убо написанный той свитокъ уже многихъ Архіереовъ имѣющъ рукъ приписанія, и написа на немъ подписаніе таковое: еще убо истинна, буди тако; еще

ли же нѣсть истинны ни азъ утверждаю, въ средѣ же сего своего под-
писанія четвероконечнаго креста начертавъ. Сіе же видѣвше сонмона-
чальницы, и вси споборающіи имъ зѣло на него негодующе, яко не
по хотѣнію ихъ сотворша сіе; обачежъ въ тые дни ничто же содѣявше
ему, послѣди же за сіе великую бѣду претерпѣ. Святѣйшему Никону
Патріарху на соборъ, и вшедшу ему во оную церковь, сотвори по
обычаю святымъ иконамъ поклоненіе, и протчимъ по обыкновенію,
ставъ посредѣ церкви, быша же тамо тогда и Царска сикклита, Бо-
ляре, князь Никита Одоевскій, князь Григорій Черкасскій, князь Юрій
Долгорукій, и иніи мнози чиновницы, тогда начаша читати Гречески
сложенное отъ нихъ изверженіе на блаженнаго Никона. Егда же про-
чтоша Греческимъ языкомъ, абіе начатъ тое же изверженіе читати
славенскимъ языкомъ Иларіонъ Архіепископъ Рязанскій. Слышавъ же
тое ихъ несправедное изверженіе Святѣйшій Никонъ, яко быша вины
его написаны вся ложъ и клевета, возбрани нѣкую рѣчь несправедно
писано. Той же Иларіонъ слышавъ отъ него се начатъ лаяти его и
испущати всякія злоковарственныя своя словеса, нарицаа его убійцею,
блудникомъ и хищникомъ, и иными всякими безчестными лаятельными
словесы. Слышавъ же Святѣйшій Никонъ поношеніе и укоризну отъ
него, глаголаше ему: чадо! благодать во устну твою, и ина много
отъ божественнаго писанія изрече ему, бѣ бо сей Иларіонъ рукополо-
женъ Святѣйшимъ Никономъ Патріархомъ. Егда же прочтено бысть
изверженіе оно, тогда Вселенстіи Патріархи снисдоша со своихъ мѣсть,
и придоша предъ царскіе двери суще во Амофоріяхъ, и прочетше
нѣкія молитвы краткія; по семъ обращшеся приступиша ко Святѣй-
шему Никону, показующе рукою своею и глаголюще чрезъ толмача,
повелѣвающе ему сняти съ себе клобукъ, бѣ же на главѣ святѣйшаго
Никона Патріарха клобукъ черный, на немъ же изображенъ быше
честный и животворящій крестъ дражайшимъ жемчугомъ. Вопросы же
Святѣйшій Патріархъ, чего ради повелѣвають ему сняти клобукъ. Они
же рекоша, понеже соборъ сей осуди тя, и дѣла твоя обличиша тя:
сего ради отселѣ не подобаетъ ти нарицатися Патріархомъ; зане ты
самъ собою и гордостію своею оставилъ еси паству твою самовольнѣ
съ клятвою. Никонъ же отвѣщавъ рече: аще и соборъ сей осуди насъ
несправеднѣ, аще и дѣла наша небывшая обличиша насъ или паству
свою оставихъ; но сего не сотворю, еже бы мнѣ самому сняти съ
себе, утвердихъ въ воспріятіи священнаго и монашескаго образа, яко
сохранити ми се даже до исхода души моя, а еже вы хотите, то и
творите; видѣхъ бо васъ, яко вы здѣ пришельцы есте, прийдосте бо
отъ дальнихъ странъ и отъ конецъ земли, не яко ино что благо содѣяти,
или миръ сотворити, но яко пребывающе въ Турецкомъ порабощеніи

и скитающесе по всей земли, яко сущіи просителіе, да не токмо что себѣ потребная, но и обладавшему вами дань воздадите; приложи же Святѣйшій Патріархъ Никонъ и се: вопрошаю вы и о семъ, откуда вы сія законы взяли есте, яко тако дерзновенно творите? аще бо азъ и повиненъ бы быхъ, и осужденію достоинъ, чесо ради сіе тайно творите, яко же татіе, приведосте бо мя въ сію церковницу въ монастырѣ сущую, въ ней же не обрѣтается Царское Величество, и весь его Царскій сиклихъ, такожде и всенародное множество Россійскія земли? или азъ по благодати святаго духа паству свою или пастырскій жезлъ въ сей церквицѣ воспріяхъ; но вѣру ми имите, яко сія церковица создася уже прежде сего отъ нашего смиренія, мы же избраніемъ пресвятаго духа, желаніемъ же и тщаніемъ и прилѣжнымъ слезнымъ прошеніемъ и моленіемъ Благочестивѣйшаго Царя, и его страшныхъ и нестерпимыхъ клятвъ, засвидѣтельствованнымъ самѣмъ Богомъ, и воспріяхомъ патріаршество во святѣй соборнѣй и Апостольстѣй церкви, предъ всенароднымъ множествомъ, ни желаніемъ, ни тщаніемъ, ни снисканіемъ коего любо образа, и аще нынѣ желаніе вамъ бысть, еже неправедно насъ осудити и изверещи, да идемъ во святую Божию церковь, въ ней же воспріяхомъ пастырскій жезлъ, и аще обрящуся достоинъ вашего намѣренія, то буди вамъ яко же годѣ, и еже хотите, то тамо и творите. Слышавъ же сія рекоша, аще тамо, аще здѣ, все единаче, совѣтомъ Благочестиваго Царя и всѣхъ Архіереевъ, собранныхъ дѣло совершается; а еже Царское Величество здѣ не обрѣтается, то бысть по воли ему.

О снятіи клобука и панагіи со Святѣйшаго Никона Патріарха.

И абіе Вселенстіи Патріархи сняша со блаженнаго Никона прежде-помянутый клобукъ со жемчужнымъ крестомъ, таже сняша съ него и панагію, обрѣтшуюся на немъ, серебрянну сущу и позлащенну, имѣющую и каменія дражайшая. Тогда блаженный Никонъ рече: се яко пришельцы и невольницы, аще сія возмете себѣ и раздѣлите, потребу и отраду отъ всѣхъ скорбныхъ бывающихъ вамъ на нѣкое время обрящете. Они же слышавше сія, взяша обоя клобукъ и панагію, и вручиша я стоящему ту при Святѣйшемъ Патріархѣ Никонѣ монаху Марку; на Святѣйшаго же Никона положиша простый клобукъ иной, снемше съ нѣкоего тамо стоящаго монаха Греченина, мантіи же Архіерейской и посоха у Святѣйшаго Никона не взяша ту, страха ради всенароднаго. По семъ же рекоша блаженному Никону велегласно, яко къ тому да не имать нарицатися Патріархомъ, и во своемъ ему соз-

данномъ монастырѣ Воскресенія Христова да не обитаеть, но да идетъ на мѣсто покаянія, въ монастырь приуготованный ему сущъ именуемый Ферапонтовъ, въ Бѣлоезерскихъ предѣлѣхъ; и тако его отпустиша. Той же изыде, егда же хотяше сѣсти въ сани свои вздохнувъ рече къ себѣ: о Никоне! все сіе тебѣ бысть сего ради, не говори правды, не теряй дружбы, аще бы еси уготовалъ трапезы драгоцѣнныя, и съ ними свечерялъ, не быти склочишася. И тако сяде и поиде паки въ дворъ; послаша же его съ собору проводить во дворъ, и быти у него и на дворѣ въ приставѣхъ преждепомянутымъ Архимандритомъ, Павлу и Сергію, отъ нихъ же убо Павелъ бѣше мужъ смиренъ и кротокъ, Сергій же мужъ бѣше гордъ, яко же древній Фараонъ, и велерѣчивъ. Егда же блаженному Никону идущу съ собора путемъ и глаголющу нѣкая словеса со своими ему сущими окрестъ его идущими, Павелъ же и Сергій послѣдоваша тамо же позади; егда же Святѣйшій Патріархъ что глаголаше, тогда оный Сергій создади вопіяше, молчи, молчи Никоне! ругаяся бо ему сія глагола, и уже бо се бысть ни единонощи, но дващи, но и многащи. Единою же паки нѣчто изрече Святѣйшій Патріархъ къ своимъ, той же ругаяся ему рече: молчи Никоне! Се слышавъ блаженный Никонъ, повелѣ иконому своему обрѣтающуся создади рещи ему сице: аще имаши область, то иди и загради уста воеже не глаголати. Икономъ же Θεодосій обрацся Сергію рече: Святѣйшій Патріархъ указалъ тебѣ сказать, аще имаши власть, то иди и загради ему уста да не глаголетъ. Се же слышавъ Сергій возопи на иконома звѣрски сице глаголя: что убо ты чернецъ чернца нарѣкаеши Патріархомъ, сей же нѣсть Патріархъ, но единъ отъ простыхъ монахъ. Егда же сіе слово оный Сергій изрыгне, тогда отъ послѣдствующаго народа возопи нѣкто велимъ гласомъ, глаголя: како державаша сице зѣяти неправедно, понеже убо тое именованіе Патріаршеское свѣше ему дано бысть, а не отъ тебе гордаго. Слышавъ же Сергій возгласи послѣдующимъ ту воиномъ, да имутъ изрекшаго сіе. Ти же отвѣщаша, яко уже восхищенъ бысть и поведенъ бѣше, послѣдствующе блаженному Никону множество воиновъ, боящеся народнаго возмущенія. Видѣвъ же икономъ Θεодосій возвѣсти о семъ блаженному Никону, яко тако рече, и тако бысть. Святѣйшій же Патріархъ рече: *блаженнѣе изнати правды ради, яко тѣхъ есть царство небесное*; и тако пришедшимъ во дворъ, блаженный Никонъ сяде почитати свѣтыя книги, во утѣшеніе всѣхъ приключившихся сихъ, любяше бо и читаше паче всѣхъ книгъ толкованіе свѣтаго Іоаннаго Златоустаго на посланіе Павла Апостола; вскочивъ къ нему во внутреннюю келію нагло оный Сергій, и сяде противу ему дерзновенно, снявъ съ себе камилавку, являя свое безстудство, и нача глаголати блаженному Никону нѣкіе глаголы яко бы во утѣшеніе, но

все ругаяся ему самъ и посмѣхаяся. Святѣйшій же Патріархъ рече: Сергіе! кто ти повелѣ сѣмо безстудно внити и стужати намъ. Онъ же рече: яко Царское Величество и Вселенскіе Святѣйшіе Патріархи, и весь освященный соборъ. Онъ же рече, аще и тако есть сіе, но обаче престани лая насъ, аки на се поущенный пещь. Онъ же наипаче простираше своя досадательныя словеса съ гордостію. Блаженный же Никонъ Патріархъ прочая даде себе молчанію, токмо едино се изрече ему пророчески: Сергіе! Сергіе! вижду яко угоджаеши Царю и протчимъ, желая и требуя восхитити мой престолъ; истинну ти реку, яко еже аще имаши, по малѣ безчестенъ и сего лишень будеши; еже убо по прореченію блаженнаго Никона и сбытсѣя, по малѣ бо извержень бысть бесчестнѣ изъ сея Архимандритіи, и живяше протчее во градѣ же Ярославѣ въ Толскомъ монастырѣ въ простыхъ черноризцахъ. Егда же прииде вечернее славословіе и ране сословляху вся яко и во обители, на ектеніяхъ же поминаху Святѣйшаго Патріарха Никона по обычаю. Сіе же слышавъ онъ гордый Сергій, паки возкрича, запрещаѣя сего не глаголати, и рече: что сіе творите, яко проста монаха Патріархомъ именуєте. Іерей же и протчіи вси сіе его прещеніе ни во что же вмѣняху. Наставши же нощи, той убо Сергій вземъ свѣщи возженные, пойде во внутренніи келліи, идѣже пребываше Святѣйшій Патріархъ, такожде и въ сѣни тыя, и на крыльца, вездѣ осматривая и глаголя: чтобы убо еще Никонъ не ушелъ, тоя же нощи внѣзуду Кремля въ Китаѣ городѣ, на Земскомъ дворѣ, идѣже обиташе Святѣйшій Патріархъ, а опредѣленія имѣящу токмо стѣну едину ту творящу повелѣніемъ Царевымъ, подобно и во иныя мало не по вся нощи великія и разныя пытки чрезъ всю ночь, яко ругающесѣя ему. Въ тые же дни; тако же и въ ночь, творяху нѣкоимъ великія пытки; пронесесѣя же слово аки бы мучать онаго Іоанна Шушерина, но сіе инако бысть; егда бо сего Іоанна восхитиша и ведоша его предъ Царя и отдаша его за стражу, Аѳанасія же Митрополита по нѣколикихъ временехъ сослаша во изгнаніе въ монастырь преподобнаго Макарія, иже на желтыхъ водахъ суца на Волгѣ, тамо бо и животь свой сконча во изгнаніи; не токмо же сіи едини тако пострадавшие, но ини мнози сболѣзнующій блаженному Никону, муками и узами и темничнымъ заточеніемъ и великими ранами удручени быша; но сіе нынѣ оставимъ за множествомъ. По утрненемъ же славословіи зѣло рано прииде отъ Царя Окольниковъ Иродіонъ Стрѣшневъ, принесѣ же денегъ сребренныхъ и одеждъ различныхъ собольихъ и лисьихъ и иныхъ немало, глаголя: яко Царское Величество повелѣ ти сія вручити, понеже шествуеши въ путь далекій. Онъ же сія слышавъ, и пренесенное видѣвъ, рече: возвратите сія вся къ пославшему вы, Никонъ бо сего не

требуеть. Многа же изрече блаженный Никонъ отъ божественныхъ писаній приличныя къ сему словеса. Оный же Иродіонъ со всякимъ усердіемъ моля его то пріяти, дабы, рече, Царскаго Величества паче на гнѣвъ не подвигнути, бѣ бо той Иродіонъ мужъ правдивый въ словесѣхъ зѣло искусенъ. Онъ же ни мало о семъ радяше, и присланнаго не пріимаше. По семъ той Иродіонъ со всякимъ благовѣіемъ и тихостію приступи ко блаженному Никону, и рече: Благочестивый Царь повелѣ ми у тебе себѣ и царицѣ и всему своему дому испросити благословеніе. Онъ же сія слышавъ рече: аще бы убо Благовѣрный Царь желалъ отъ насъ благословенія, не бы убо намъ такія немилости явилъ; но сіе мощно разумѣти, яко не восхотѣ благословенія, еже и удалится отъ него, и ина многа изрече отъ божественныхъ писаній подобнѣ сему. Много же о семъ той Родіонъ моли и проси Святѣйшаго Никона, но ничто же успѣ, сотвори поклоненіе, возвратися къ Царскому Величеству, и повѣда ему вся бывшая яко блаженный Никонъ присланнаго ничего не прія, и благословенія не даде. Зѣло же печаленъ бысть Царь клятвы ради и неблагословенія; но свое намѣреніе, яже о немъ вскорѣ повелѣ все исполнити.

Повѣстка въ путь.

По отшествіи убо онаго Родіона, абіе прииде отъ Царя салдацкихъ полковъ начальникъ Аггей Шепелевъ, и рече: блаженный Никонъ, яко Царское Величество повелѣ тебѣ итти на уготованное тебѣ мѣсто, еже есть въ Ферапонтовъ монастырь, безъ всякаго замѣдленія; намъ же по его Царскаго Величества указу велѣно тебе до онаго мѣста проводить, со всякимъ храненіемъ. Онъ же отвѣщавъ рече: яко готовъ есмь. Вопросы же его Аггей, яко имате ли мски на чемъ тебѣ итти. Святѣйшій же Патріархъ отвѣща, яко не имамъ. Тогда отъиде той Аггей отъ блаженнаго Никона. По семъ же придоша отъ Вселенскихъ Патріарховъ и отъ всего собора нѣцыи ко блаженному Никону глаголюще: прислаша убо насъ къ тебѣ Святѣйшіе Вселенскіе Патріархи и весь освященный соборъ, яко клобукъ и панагію, яже вчера отъ тебе взяста, и сущему съ тобою стоящему ту монаху Марку отдано есть, се паки повелѣша взяти отъ тебе, и принести предъ себе. Святѣйшій же Патріархъ тое обое повелѣ отдать безъ всякаго закоснѣнія, и рече: воля Господня да будетъ, и тако тѣи взявше отъидоша. По семъ же предпомянутый полковникъ Аггей вскорѣ прииде, ведый съ собою кони и мски и впрягше съ великою скоростію, посадивше блаженнаго Никона въ его сани, въ нихъ же прежде изъ обители прииде. Народи же

Московского государства слышавъ сія нача собиратися во градъ Кремль, яко да видятъ пастыря своего несправедное изгнаніе отъ овецъ паствы своея; сіе же вниде во уши Царевы, яко, рече, народи собираются въ Кремль. Тогда умыслиша сие: придоша убо мнози отъ воинъ не яко съ яростію или отгнаніемъ, но съ тихостію глаголаху къ народу, яко, рече, Никонъ Патріархъ поидеть изъ Кремля во Спаскіе врата, и по стрѣтенской стогнѣ града. Народи же слышавше сія, поидоша изъ Кремля во градъ Китай, ожидающе тамо шествія его. Егда же видѣвше воины, яко народи изъ Кремля внѣ изыдоша.

О повезеніи Святѣйшаго Никона Патріарха во изгнаніе.

Тогда абіе съ великою борзостію повезоша блаженнаго Никона изъ Кремля на Старокаменный мостъ и оттолѣ въ Арбацкіе врата, именуемые Смоленскіе, таже и за самый земляный градъ, провождающе его изъ града Царевымъ повелѣніемъ, полковниковъ стрѣleckихъ четверица, имѣюще съ собою двѣстѣ стрѣльцовъ; сущіи же со блаженнымъ отъ священномонаховъ и монаховъ, иже восхотѣша съ нимъ итти, такоже и ини отъ мірскихъ мнози провождающе его изъ града со слезами и съ воплемъ великимъ; тѣхъ убо всѣхъ оныя воины окруживше окрестъ, и уже въ среду ту никому же даяху внити: и тако полковники и воины проводивше его за земляной градъ. Со блаженнымъ же Никономъ поиде въ приставникахъ преждепомянутый онъ Аггей Шепелевъ, имѣя при себѣ воиновъ пятьдесятъ.

Егда же святѣйшій Патріархъ шествіе творяше по Земляному городу даже и до Дмитровскихъ вратъ, и до слободы, иже нарицается Сущева, внутри же Землянаго града уготованы быше стрѣльцовъ тысяща едина, со всякимъ оружіемъ на готово, и со огнемъ, иже наричутся фитили горящіи; и внегда убо идяше Святѣйшій патріархъ позади града, они же противужъ его внутри граду идяху со всякимъ строїствомъ; и егда же блаженному Никону пришедшу до Сущевы слободы, и повезоша его изъ града по пути по Дмитровской дорогѣ, тогда и тѣи воины шедше внутри града отступивша, монаси же и мірстіи проводивше Святѣйшаго Патріарха даже и за Сущеву слободу съ великимъ воплемъ и рыданіемъ, онъ же утѣшая ихъ и рече имъ многа отъ писанія; и тако благословивъ ихъ, предавъ всѣхъ благодати Божіей. И тако приставницы повезоша блаженнаго Никона съ великою борзостію, тѣи же вслѣдъ его умильно взирающе и жаляще, сіи яко лишишася своего пастыря возвратишася во градъ съ великимъ плачемъ. Увѣдавшие же се и во градъ яко блаженный Никонъ уже изъ

града увезенъ бысть, вельми бяху скорбяще по своемъ отцѣ и пастырѣ. Шествующу же блаженному Никону во изгнаніе по Дмитровскому пути и предпомянутому же оному приставнику Аггею Шепелеву и салдатамъ предъидущимъ, съ нимъ же Спаса новаго монастыря Архимандритъ, именемъ Іосифъ, съ великимъ поспѣшеніемъ и со опаснымъ храненіемъ, никому же дающе или на встрѣтеніе идущу, или близъ подступити, или кому по прилучаю наѣхати, или кому найти; и тако Святѣйшему Никону идущу по пути, съ таковымъ великимъ трудомъ и утѣсненіемъ, въ пищи же терпѣливый той Никонъ; аще и отраду и имяше, но обаче самъ убо и сущіи съ нимъ велию скорбь и тугу имяху оскорбляемыи отъ зимы, не обрѣтающихся ради одеждъ зимнихъ и сущимъ съ нимъ. Дошедшимъ же имъ до Клязмы, отъ града Москвы двадцать пять верстъ, тамо удержаша и стояхомъ на ономъ мѣстѣ два дни; и по семъ же по указу Царскаго Величества присланъ бысть во слѣдъ его, во приставники же на перемѣну Спаскому Архимандриту Іосифу изъ нижнего Печерскаго монастыря Архимандритъ тѣмъ же именемъ Іосифъ. Егда видѣ многострадальнаго Никона отъ зимы согнѣтаема, умилися, и подаде ему отъ своего имѣнія теплую одежду глаголемую шубу и треухъ, такожде и отъ пищъ не мало; самъ же по указу оному возвратися къ Москвѣ. За сіе убо его Архимандрита Іосифа Святѣйшему Никону подаваніе, яко мню, воздаде ему Господь Богъ на семъ же свѣтѣ сторицею, и удостои его по седми лѣтехъ времени сего быти Преосвященнымъ Митрополитомъ Рязанскимъ и Муромскимъ, и по скончаніи Святѣйшаго Никона, въ тое же лѣто, яко сослужебникъ его представися ко Богу; но о семъ убо до здѣ, подлежащаго же словесе да имемся. Протчіи же, иже со блаженнымъ Никономъ, вельми оскорбляемы быша отъ зимныя студени и отъ мразовъ. Во едину же отъ ночей, ѣхавшимъ имъ съ великою борзостію, бяху убо у Святѣйшаго Никона впряжени кони Царевы конюшни, и отъ борзости шествія навалиша блаженнаго Никона къ нѣкому древу, и главу его ко оному древу приторгше, и егда особъ не отторгше, и отъ того ударенія Святѣйшій Патріархъ пріять не малу язву. Егда же приближающимся имъ ко граду Угличу, возжалъсѣ блаженный Никонъ о сущихъ съ нимъ, и посла прежде себе во оный градъ, яко да купятъ сущимъ ученикомъ его съ нимъ одѣянія теплая. Увѣдѣвъ же сіе оный приставникъ Аггей, возбрани сіе сотворити посланнымъ съ великимъ прещеніемъ; и егда убо приближающимся имъ ко граду, увѣдавши граждане пришествіе Святѣйшаго Никона, приуготовльшесѣ изыдоша во стрѣтеніе его, носяще потребная. Видѣвъ же сіе оный приставникъ Аггей, повелѣ всѣхъ немилостивнѣ отгнати, многимъ же и раны наложше; и тако градъ мимо прогнавши съ великою борзостію, никому

же дающе ни мало близъ пріити. Пятнадесять поприщъ отъѣхавше отъ града того въ нѣкую весь, въ той убо веси во оный день по прилучаю бѣше торгъ, приставникъ же посла тамо прежде себе, и повелѣніемъ его всѣхъ отгнаша, съ великимъ прещеніемъ; и тако не дошедшимъ имъ до Мологи, и въ нихъ же убо селѣхъ и деревняхъ по прилучаю ношевати и скотъ кормити, то убо оный приставникъ посылаше на предъ, и тѣ двory, въ нихъ же ему стояти, очищаху, и всѣхъ сущихъ ту живущихъ изъ домовъ изгоняху. Во едину же отъ ношей, въ нѣкоей веси близъ слободы Мологи по обычаю стоящимъ и домашнимъ всѣмъ отгнаннымъ, жена нѣкая престарѣвшаяся лѣты многими, ея же бѣше и домъ той, въ томъ утаившися отъ всѣхъ скрыся въ сокровенное мѣсто, сирѣчь въ подполье, егда же займщики оныи отъидоша, блаженному Никону во дворъ пришедшу, жена же оная сѣдяше въ сокровеннѣ мѣстѣ.

О вдовѣ повѣдавшей сонъ свой Святѣйшему Никону Патріарху на пути.

Всѣмъ жо убо отшедшимъ и оставшу единому Святѣйшему Никону съ малыми ученики, и разумѣ оная вдовица, яко вси отъидоша, абіе изыде отъ сокровеннаго мѣста, вопрошая прилучившихся ту, который убо есть блаженный Никонъ? показавшей оной того, она же со слезами припаде и съ великимъ воплемъ умильные глаголы испущаше глаголя: камо идеши пастырю словесныхъ овецъ, оставя овцы своя въ расхищеніе, и иныя къ сему умильные глаголы, прирече же и сіе яко вчера прибывшу ми въ дому моемъ.

О снѣ глаголетъ вдова.

Явися во снѣ мужъ нѣкій благообразенъ, и рече ми: жено! се рабъ мой Никонъ Патріархъ посланъ и идетъ въ заточеніе въ великомъ утѣсненіи и скудости, ты же елико можеша въ потребныхъ ему помози; и сія оная жена изрече, заклиная себе клятвами, яко во истину тако есть, и тако вручи Святѣйшему Патріарху Никону денегъ серебряныхъ двадцать рублевъ, къ сему же и одѣяній теплыхъ, и егда же заутра рано въ путь поидоша, жена же она много плакася, и паки сокрыся въ тайное мѣсто дондеже отъидоша. И тако дошедшимъ имъ до слободы, иже нарицается Молога, на разсвѣтъ, близъ же бѣше оной Мологи монастырь Святѣйшаго Никона Патріарха, бѣше приписной, иже нарицается Аѳанасіевской. Приставникъ же оный отъ

зѣлности лютыя не сотвори того, воеже бы блаженному Никону во ономъ ему своемъ монастырѣ обитати, прошедше мимо самого онаго монастыря и святыхъ вратъ; оной же обители строитель именемъ Сергій Прокофьевъ, ученикъ блаженнаго Никона, изыде во стрѣтеніе Святѣйшему Никону со всѣми тамо обитающими. Той же немилостивый приставникъ всѣхъ отгна съ великимъ прещеніемъ и яростію, и тако имъ прогнавшимъ мимо той монастырь съ великою борзостію, и пребывшимъ имъ близъ Шестны рѣки, въ нощи же гнавшимъ имъ тамо же съ великою скоростію, по нѣкоему же случаю или нарочно, Богъ вѣсть, наѣхавшимъ онымъ повозникомъ на нѣкое древо, зѣло острое противъ торчащее, и толико скоро нагнавшимъ, яко оныя сани, въ нихъ же бѣше Святѣйшій Никонъ, пронзе сквозъ, тако же посланныя въ нихъ и войлоки даже и до тѣла блаженнаго Никона, и тако уязви его то древо, яко еле жива его остави, сотвори ему язву велию, и оное торчащее дерево отъ прытости преломися. Стояй же на ухабѣ у саней бѣ чловѣколюбіе показуя ко Святѣйшему Никону, взяты тое преломшее древо никому же вѣдѣщу, и положи его въ сани оныя сокровенно, и тако путешествующимъ имъ даже и до уреченнаго мѣста, еже есть Ферапонтова монастыря. Не дошедшимъ же мѣста того оный приставникъ посла на предъ вѣстника въ монастырь ко Игумену Аванасію и братіи глаголющи, яко по указу, рече, его Царскаго Величества веземъ къ вамъ Никона монаха, и да уготовайте келіи, идѣже ему обитати; они же сіе слышавше ужасошася, видѣвше тѣхъ присланныхъ предвѣстниковъ напрасно во обитель вшедшихъ во оружіи. Прежде же блаженнаго Никона пришествія во оную обитель не за многое время бѣше у нихъ огненное запаленіе и монастырь оный весь пожженъ бысть, токмо убо ошася у нихъ двѣ келіи болѣничныя.

О привезеніи Святѣйшаго Никона Патріарха въ Ферапонтовъ монастырь.

И егда привезоша блаженнаго Никона въ монастырь еще до разсвѣтенія, и изыде ему во стрѣтеніе на монастырѣ токмо единъ игумень, отъ братіи же и отъ инѣхъ никто же тако бо повелѣно бысть отъ приставника онаго. И тако вшедшу ему во оныя уготованныя болѣничныя келіи, смрадныя и закоптѣлыя, иже рѣщи неудобно. Святѣйшій же Никонъ видя себе въ таковомъ озлобленіи, о всемъ благодаряще Бога, утѣшая себе святымъ писаніемъ, скорбь же велию имяше отъ оныя раны, иже ему на пути содѣяся. Во утрій же день пріидоша

предпомянутый онъ приставникъ Аггей и Архимандритъ Печерскій Іосифъ и тоя обители Ігуменъ и Келарь, и повелѣша о своемъ приходѣ возвѣстити блаженному Никону, яко придоша, рече, по указу Царскаго Величества, о нѣкоихъ дѣлѣхъ сказати. Святѣйшій же Никонъ отъ оныя скорби изнемогая извѣсти имъ, яко немошно ему, рече, съ ними видѣтися, и повелѣ въпросити я, коего дѣла ради пришли суть? Они же воздаша ему нарѣчіе, яко да идетъ въ церковь нѣкоего ради Царскаго дѣла. Онъ же паки отрече, яко не могу, и повелѣ у нихъ взяти вѣдомость, чесо ради и съ каковымъ повелѣніемъ придоште. Они же рекоша, яко по указу Царскаго Величества, и по благословѣнію Святѣйшихъ Вселенскихъ Патріарховъ, и всего освященнаго собора, велѣно у него Никона монаха взять мантию Архіерейскую и посохъ. Слышавъ же блаженный Никонъ, ни мало о семъ усумнися; но абіе повелѣ имъ просимое отдати, многа же изрече отъ божественныхъ писаній, прилично сему. Оный же архимандритъ Іосифъ, присланный съ нимъ, взявше сія и отвезоша обое, глаголю мантию и посохъ къ Москвѣ.

О п и щ ѣ.

Пища же блаженнаго Никона бѣше тоя обители, еюже братія питахуся, аще бо и по указу Царскаго Величества велѣно оному приставнику пищу приуготовляти отъ Царскихъ сокровищъ, блаженный же Никонъ сего никако же восхотѣ, приставникъ же оный Аггей вельми о семъ печашеся, и моляше его, яко да приметь пищу себѣ отъ милости Царскаго Величества; онъ же ни мало восхотѣ, глаголя, яко аще и умрети, но не сотворю сего, и тако оному приставнику пребывающу мѣсяцъ или вящше.

О писаніи Святѣйшаго Никона Патріарха въ Воскресенской монастырь.

Блаженный же Никонъ изнемогая бѣше отъ таковаго великаго озлобленія и заточенія, написа же и писанія мало въ Воскресенской монастырь строителю старцу Сергію, яко да упроситъ Благочестивѣйшаго Царя, дабы Благочестивый Царь поводилъ по смерти моей погребетися тѣлу его во своемъ строеніи въ Воскресенскомъ монастырѣ, во церкви Предтечѣвѣ, подъ святою Голгофою, еже и сбытѣся послѣди по 15 лѣтѣхъ по его прошенію, о немъ же ниже написася.

По семъ убо по указу Царскаго Величества присланъ бысть съ Москвы на перемѣну оному приставнику дворянинъ нѣкій Стефанъ

Лаврентіевъ, сынъ Наумовъ, отъ духовнаго же чина бывшей Новопасской Архимандритъ Іосифъ; той же убо Стефанъ зѣло бысть лютъ и немилостивъ во всемъ ко блаженному Никону, келіи бо, въ нихъ же пребываше блаженный Никонъ, ту абіе повелѣ окна всѣ заклепати желѣзными рѣшетками на крѣпко, съ преди же оставиша токмо двери едины, и ту постави стражу твердую; и тако стражаху у дверей и окрестъ келіи съ великою твердостію, и никому же даяху, да кто мимо ѣдетъ или идетъ, не токмо мимо келей, но и близъ монастыря никого не пропускаху, и дорога убо большая, яже быше прежде мимо самыя монастырскія ограды, и тое дорогу съ того мѣста преложиша на ино мѣсто. Блаженному же Никону живущу въ таковомъ утѣсненіи и озлобленіи, самъ дрова ношаше и по воду на озеро хождаше, и потребныя пищи на всѣхъ съ нимъ сущихъ самъ всегда строяше, и труждаяся непрестанно; и о всемъ о семъ никогда же поропта, но всегда благодаря Бога творяше; въ церковь убо хождаше во особую, яже есть на вратѣхъ, и служажу въ ней при немъ священницы, яже суть съ нимъ пріѣхали изъ монастыря Воскресенскаго; на ектеніяхъ же поминающе его святѣйшаго Патріарха Никона; егда же ему или инымъ ученикомъ его, когда хотящимъ внити въ церковь, то всѣ хождаху за караулы крѣпкими. И тако ему дни своя препровождающу во всякомъ злостраданіи благодарящу Бога, и молящу о всѣхъ зло ему творящихъ, глаголя: *Господи! не постави имъ въ грѣхъ сею.*

Приставнику же оному Стефану нѣкогда пришедшу ко блаженному Никону, нача его молити съ великимъ прошеніемъ, яко да подастъ прошеніе и благословеніе его Царскому Величеству и всему его Государскому дому. Слышавъ же сія блаженный Никонъ рече: сія ты глаголеши намъ Стефане, и молиши насъ о семъ прилѣжно, яко дати намъ Царскому Величеству и всему дому его съ прощеніемъ благословеніе; повѣждь ми, кто тя сему научи, и коея ради ты вины твориши сія? Онъ же съ клятвою рече: яко мнѣ съ Москвы писано о семъ и повелѣно мнѣ о семъ прилежно молити, и блаженный рече: аще убо сія тако суть, аще не лукаво, аще тако же благочестивый Царь престанетъ гнѣватися на насъ, туне и мучити насъ, то сіе просимое тобою исполнится, и воспріа Святѣйшій Патріархъ ко благочестивѣйшему Царю писаніе, сицѣвъ образъ имущъ.

Посланіе Святѣйшаго Никона Патріарха ко благочестивѣйшему Царю.

Великому Государю Царю и Великому Князю Алексію Михайловичу, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержцу, и его благо-

вѣрной Государынѣ Царицѣ и Великой Княгинѣ Маріи Ильиничнѣ, благородному Царевичу и Великому Князю Алексію Алексіевичу, благородному Царевичу и Великому Князю Θεодору Алексіевичу, благородному Царевичу и Великому Князю Симеону Алексіевичу, благородной Царевнѣ и Великой Княжнѣ Иринѣ Михайловнѣ, благородной Царевнѣ и Великой Княжнѣ Аннѣ Михайловнѣ, благородной Царевнѣ и Великой Княжнѣ Евдокіи Алексіевнѣ, благородной Царевнѣ и Великой княжнѣ Марѣѣ Алексіевнѣ, благородной Царевнѣ и Великой Княжнѣ Софіи Алексіевнѣ, благородной Царевнѣ и Великой Княжнѣ Екатеринѣ Алексіевнѣ, благородной Царевнѣ и Великой Княжнѣ Маріи Алексіевнѣ, благородной Царевнѣ и Великой Княжнѣ Θεодосіи Алексіевнѣ, богомолецъ вашъ смиренный Никонъ, милостію Божіею Патріархъ, Бога моля челомъ бью. Въ нынѣшнемъ во 176-мъ году, Сентября въ 7 день приходилъ ко мнѣ богомольцу вашему Стефанъ Наумовъ и говорилъ мнѣ вашимъ Государскимъ словомъ, что повелѣно ему по вашему Государскому указу, съ великимъ прошеніемъ молить и просить о умирненіи, чтобы я богомолецъ вашъ, тебѣ Великому Государю Царю и Великому Князю Алексію Михайловичу, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержцу, подалъ благословеніе и прощеніе; а ты Государь богомольца своего милостію своею по своему Государскому разсмотрѣнію пожалуеши; и я смиренный тебя Великаго Государя Царя и Великаго Князя Алексія Михайловича и благочестивую Государыню Царицу и Великую Княгиню Марію Ильиничну, и благороднѣйшихъ Государей Цесаревичевъ и благородныхъ Государынъ Царевенъ благословляю и прощаю: а когда я богомолецъ вашъ, ваши Государскія очи увижу, и тогда я вамъ Государемъ со святымъ молитвословіемъ наипаче прощу и разрѣшу, яко же Божественное святое Евангеліе показываетъ о Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ, и дѣяніе святыхъ Апостолъ всюду со возложеніемъ рукъ, прощеніе и цѣльбу творити.

Смиренный Никонъ, милостію Божіею Патріархъ, засвидѣтельствую страхомъ Божіимъ и подписалъ своею рукою. Я Стефанъ Наумовъ, по приказу Великаго Государя Царя и Великаго Князя Алексія Михайловича, Его Великаго Государя милость сказывалъ, и о смиреніи и о благословеніи со упрошеніемъ молилъ и просилъ и къ сему списку руку приложилъ.

Пріемъ же сіе писаніе оный приставникъ Стефанъ, посла съ великою борзостію къ царствующему граду Москвѣ, ко благочестивѣйшему Государю Царю. Царь же пріимъ оно писаніе и прочетъ вельми возрадовася; по нѣкоемъ же времени посла ко блаженному Никону (стрипачаго Іоанна Образцова) и отъ своей Царскія казны денегъ на милостыню тысящу рублевъ; тако же повелѣніемъ Царскимъ, иже закованныя были у келей окна и двери, то повелѣ отковать, на сіе же сотворшаго онаго пристаивника, притворствомъ аки бы гнѣвъ возложше, яко сіе самовольствомъ онъ учинилъ, безъ повелѣнія Царева; повелѣ же

Царь и кельи новыя устроити, сотворивъ же блаженному Никону мало и ослабу; онъ же съ нимъ сущимъ хожденіе и въ кельи къ нему приходити съ повелѣніемъ пристаивника. И тако блаженному (Никону) пребывающу во утѣсненіи велицѣмъ, пищи же и питія, яже по повелѣнію Цареву, присылаху къ нему съ Москвы, того не принимаше и не вкушая, труждался бо самъ, употребивъ орудіе свое чимъ рыбы ловити, и отъ того удовольствоваше не токмо самъ, но и сущи обители той игумень со братіями, и съ прочими трудники, на каждый день довольство рыбъ имуще; по времени же нѣкоемъ приспѣвши недѣли сырной, посла Царь ко блаженному Никону разныхъ рыбъ свѣжихъ, бѣлугъ, осетровъ и иныхъ не мало, тако же и питія краснаго, ренскаго, раманеи, церковнаго вина великія бочки; пристаивникъ же о семъ возвѣщая и моля о пріятіи; блаженному же Никону много отрицающуся пріятіи сего, видѣвъ же блаженный моленіе прилежное о пріятіи присланнаго, по многомъ убо отрицаніи повелѣ пріятіи.

Во утрій же день въ сыропустную недѣлю соблаговоли Святѣйшій Никонъ Патріархъ трапезовати во общей монастырской трапезѣ со игуменомъ и братією и съ прочими трудники; присланное же Цареву рыбы и питіе повелѣ на той обѣдъ истощити, токмо мало питія оставити повелѣ; самъ же никако сему присланному яди и питію коснуса; нѣкимъ же сущимъ его монахомъ въ невѣденіи питія мало вкусившимъ, о семъ бо запрещеніе пріяша.

О видѣніи явльшемся во снѣ.

Во единъ убо отъ дней святаго поста бывшу Святѣйшему Патріарху съ сущими своими монахи у утренняго славословія въ келліи, повѣда видѣніе явльшееся ему тоя ноци во снѣ, яко обрѣтшуся ми въ нѣкоихъ зданіяхъ каменныхъ превеликихъ зѣло, и абіе обрѣтесе ту Московскаго большаго собора протопопъ Михаилъ, и аки бы докладывая насъ о освященіи нѣкія церкви, и тако намъ вкупѣ изъ тоя явльшіяся палаты идущимъ въ другую и третію, и елико намъ и далѣе идущимъ, толико являшесе намъ палаты краснѣйшія; вшедшимъ же намъ во внутреннюю, яко бывъ пятую и вѣщи, и таково бѣше ту зданіе, яко неудобъ сказано, и удивляющимся намъ о таковомъ великомъ и прекрасномъ зданіи, и абіе внезапно явися юноша благообразенъ зѣло, и рече: что удивляешися святче Божій сему зданію; мнѣ же отвѣчавшему ему, како не имамъ удивлятися сему такову величеству и красотѣ зданія; онъ же рече мнѣ: знаеши ли ты чіе суть зданіе сіе? Мнѣ же отвѣчавшу ему, никако же, Господи мой, не вѣмъ.

Онъ же рече ми: зданіе сіе, яже ты зриши, твое суть, иже ты создалъ еси своимъ терпѣніемъ; но потщися совершити путь своего теченія; еще же ти и се глаголю: яко днесъ имаши свой хлѣбъ ясти, и абіе невидимъ бысть юноша, и видѣніе преста. Сіе бо видѣніе самъ блаженный сущимъ братіямъ съ нимъ повѣда. Они же сіе слышавше во умѣ си имуще.

Того же дня въ часть благовѣста святыхъ литургій придоша ко блаженному Никону, по обычаю приставникъ и Архимандритъ, и тоя обитель игумень и келарь яко да проводятъ по обычаю въ церковь Святѣйшаго Патріарха. Сѣдшимъ же имъ и слово продолжающу блаженному о пользѣ, и абіе съ гостинницы приде вѣстникъ, глаголя: яко придоша отъ обители Воскресенской Новаго Іерусалима, его строенія Святѣйшаго Патріарха Іеромонахъ Михайлъ съ прочими трудники; повелѣ же блаженный имъ внити; они же вшедше поклоненіе сотворше святѣйшему Патріарху, и Архимандриту, и братіи Воскресенскаго монастыря, со умиленіемъ и слезнѣ благословеніе испросивша, и сами получиша, и присланное съ ними блаженному вручиша денегъ двѣсти рублевъ и десять хлѣбовъ братскихъ трудовъ, тако же и отъ рыбъ и иныхъ запасовъ не мало. Святѣйшій же Патріархъ приѣмъ сіе все съ радостію велією и со слезами благодаривъ вседѣтеля Бога дающаго пищу всякой твари, и рече: яко сбытѣся днесъ видѣніе нощи сея, глаголюще миѣ, яко днесъ имаши свой хлѣбъ ясти. И тако время святаго поста препроводивъ въ молитвѣ и въ постѣ и въ трудѣхъ непрестанно, почитаніемъ книгъ святыхъ, яко же бѣ ему обычай во обители Воскресенской во отхожей пустыни.

О поздравленіи Царевѣ.

Въ день же святыхъ Пасхи, по святѣй литургіи, благоволи Святѣйшій Патріархъ Никонъ Архимандриту Іосифу и приставнику оному, и обители той игумену и келарю хлѣба ясти съ собою во своихъ ему келіяхъ; внегда же имъ ядущимъ, повелѣ Святѣйшій да внесено будетъ оное питіе Царево, яже прислано ему въ недѣлю сырную; приѣмъ же сіе въ руцѣ и возгласи всѣмъ сущимъ прилучившимся ту, глаголя: слышите, яко отъ дне повелѣнія Царскаго Его Величества, въ сіе нуждѣйшее мѣсто заточени есмы до днесъ, присланнаго отъ него къ намъ по разнымъ временамъ пищи и питія никако же коснухомся вкусити, нынѣ же мы, подражая смиренію высоты славы Божія и поминая рекшаго: *блаюсловіте клынущія вы, добро творите ненавидящимъ васъ*; аще бо благочестивый Царь и гнѣвъ на насъ имѣя заточи мя

сѣмо, но мы поминая Спасителя нашего слово, егда при распятіи моляшеся, глаголя: *отче, отпусти имъ не вѣдятъ бо что творятъ*, и паки индѣ: *да не зайдетъ солнце во зѣвѣ вашемъ* и ина многая отъ писанія прирекѣ подобная симъ, и благодаривъ Бога и рече: да не до конца вражда наша со благочестивымъ Царемъ пребудетъ, и поздравивъ, яко же обычай, глаголя: се нынѣ питіе сіе, про здравіе Благочестивѣйшаго Государя Царя и со всѣми вкушаю и впредь присланнымъ отъ него отрицатися не буду. Сія же слышавше и видѣша прилучившіеся ту Архимандритъ и приставникъ и протчіи отъ Святѣйшаго, зѣло возрадовашася, ради бывше и воставше поклонишася ему до земли, и абіе того же дня послаша писаніе ко Царствующему граду Москвѣ, вся сія бывшая Благочестивѣйшему Царю возвѣщая, и отъ того убо времени вся присланная Царево приимаше. По времени же нѣкоемъ присла благочестивый Царь ко блаженному Никону Евангеліе и церковные серебряные сосуды, ризъ и иныхъ потребъ церковныхъ не мало. Святѣйшій же Патріархъ избра себѣ едину церковь, обители тоя на Святыхъ вратѣхъ во имя Богоявленія Господня, и ту хоуждаше на славословіе Божіе, службу святую служаще съ нимъ въ заточеніи привезенніи братія обители Воскресенской, постриженники и его рукоположенцы и иніи же и послѣди къ нему пришедше самовольнѣ терпѣти (но съ повелѣнія Царева) Іеромонаси Памво, Варлаамъ (иже послѣди бысть ему духовникъ) и Палладій, Іеродіаконы Маркеллъ и Мардарій, крылошане же и простіи монаси Висаріонъ и Флавіанъ, и инніи мнози братія, но много зла пріяша, гоненія и въ заточеніяхъ по разнымъ странамъ поморскимъ, сіиже вышеписанныя имени иманы къ Москвѣ, и тамо бо по разныхъ заточеніяхъ многая лѣта въ тяжкихъ оковахъ гладомъ томими бяху, и въ дальные монастыри въ заточенія розсылаху, и горькимъ мученіемъ озлобляху, иніи же и житія сего горцѣ лишахуся, и сея ради вины хотящій благочестивіи приходити благословенія ради бояхуся.

О водруженіи Креста Господня на островѣ.

(Обычай бо имаше Святѣйшій Патріархъ въ трудѣхъ пребывать, близъ же езера того Ферापонтовскаго начатъ лѣсъ сѣщи и землю рочищати, мѣсто же то именуемо Лещево, на мѣстѣ бо томъ саждаше всякій овощъ огородный, и хлѣбъ сѣя, тако же противъ того мѣста среди езера онаго устроивъ каменный островъ, глубина же тому мѣсту двѣ сажени и вящше, каменіе же со берега самъ съ сущими своими монахи на плотахъ возяше отъ берега далѣе дву поприщъ; длина же

тому каменному острову дванадцять сажень; ширину же имать пяти сажень мѣрныхъ; на томъ же каменномъ островѣ водрузи честный и животворящій крестъ Господень съ надписаніемъ сицевымъ: Никонъ, Божією милостію, Патріархъ постави сій крестъ Господень, будучи въ заточеніи за слово Божіе и за святую церковь на Бѣлѣ езерѣ въ Ферапонтовѣ монастырѣ въ тюрьмѣ, бѣ бо той новопостроенный островъ, на немъ же крестъ водруженъ, бѣше бо въ зимнее время ту большая дорога, и мнози мимо ходящіи надписанія сего читаху; постави же и ина два креста, сицевымъ же подписаніемъ на томъ же езерѣ на иныхъ островѣхъ, яже послѣди во царство благочестиваго Царя Θεодора Алексіевича и Святѣйшаго Іоакима Патріарха повелѣніемъ, оныя кресты отъ мѣстъ тѣхъ всѣ взяты, и надписанія она вся сотроша; сіе же подписаніе у блаженнаго Никона бысть и на всѣхъ его сосудѣхъ келейныхъ, серебряныхъ и мѣдныхъ и оловянныхъ, тако же истребиша и загладиша. а инніи сосуди мѣдныи и оловянныи слиты суть. Надписаніе же оно на крестахъ и на всѣхъ сосудѣхъ рѣзалъ обители Воскресенской монахъ Іона, художество имѣя сребродѣліе, бѣ бо той Іона страсть имѣя велию невоздержанія пѣанства, и зѣло сварливъ и языковеоздержателенъ и клеветливъ бѣ, отай бо Святѣйшаго ходя ко приставнику, ложная на него сшивая; въ нѣкое убо время по обычаю своему упився у приставника и учини досажденіе веліе Святѣйшему и братіи, онымъ досадительскимъ своимъ бреханіемъ, оныхъ дерзновеніемъ рукъ своихъ оскорби, вины же ради сея, хотя его Святѣйшій послати въ смиреніе въ пекарню; онъ же съ монастыря бѣжавъ къ приставнику клевета на блаженнаго нелѣпая, тако же иде по пути до царствующаго града Москвы, по городамъ воеводамъ и по монастырямъ влаstemъ, и всякаго чина людемъ яко песь неистовая блядословія могуще взыти; онъ же окаянный все будто дѣломъ то творимое износя, къ тому же имѣя съ собою подписаніе оно, яже онъ за повелѣніемъ Святѣйшаго, на вышереченныхъ крестахъ и на келейныхъ сосудахъ рѣзалъ вездѣ показуя, и тѣмъ Святѣйшаго порицаа, глаголя: Патріархъ Никонъ, живучи въ Ферапонтовѣ монастырѣ надписаніе на крестахъ и на сосудѣхъ вездѣ пишеть, затѣвая самовольно глаголетъ, будто онъ въ Ферапонтовѣ въ тюрьмѣ терпитъ за слово Божіе и церковь, и иная многая клеветуя глаголаше; сія же злореченія писана быша отъ приставника ко благочестивѣйшему Государю Царю и Святѣйшему Патріарху; сія въ слухъ вниде, Царь же благочестивый, слышавъ не мало сему внять; той же окаянный монахъ Іона, не дойде до царствующаго града, но во градѣ Переславлѣ, зайде на винную поварню, впадъ въ котелъ великій съ водою кипящъ и сварися, и

такъ злѣ житія сего лишился пріять кончину, якоже второй Іуда предаде Господа.

По времени же нѣкоемъ благочестивѣйшаго Царя супруга его благовѣрная Царица Марія Ильинична съ сего свѣта отъиде, преставися въ вѣчный покой; тогда благочестивый Царь посла ко Святѣйшему Патріарху Никону ближняго своего человѣка околничего Иродіона Стрешнева, съ нимъ же присла на поминоvení души благовѣрныхъ Царицы Маріи Ильиничны милостыни пять сотъ рублевъ. Блаженный же сего не прія, глаголя: азъ долженъ по души благовѣрныхъ Царицы поминоvení творити елико Богъ помощи подасть и сила наша можетъ и безъ сія мзды. Много же молившу Иродіону о пріятіи присланнаго, и ничто же успѣ, паки возвратися къ царствующему граду. По отшествіи же Иродіоновъ Святѣйшій Патріархъ поминоvení по души благовѣрныхъ Царицы творя непрестанно, по чину церковному, якоже обычай.

О второмъ бракѣ Царевѣ.

По времени же нѣкоемъ Благочестивѣйшій Государь Царь совокупися брачнымъ вторымъ бракомъ, и присла ко Святѣйшему Патріарху Ѳеодора Лопухина, съ нимъ же присла денегъ семь сотъ рублевъ, мѣхъ соболей, мѣхъ лисій, мѣхъ бѣлей, сукна и тафту черныя, пятьнадесять полотень добрыхъ тонкихъ, двадцать полотенець. Пріемъ же сіе присланное Святѣйшій Патріархъ благодаривъ Бога, пѣвъ молебная о Царскомъ многолѣтнемъ здравіи; присланнаго же упокои довольно, отпусти съ миромъ ко царствующему граду; мало же поминувъ время, посла Святѣйшій Патріархъ Никонъ ко Царствующему граду Москвѣ Іеродіакона своего келейнаго именемъ Мардарія нѣкоихъ ради потребъ, и ко благочестивѣйшему Государю Царю о нѣкоихъ нужнѣйшихъ потребахъ. Царь же благочестивый, просимое имъ вся исполни; и паки посылаетъ съ Козмою Лопухинымъ сорокъ соболей добрыхъ, да мѣхъ соболей же, денегъ пять сотъ рублевъ, таже и посуды серебрянной не мало, пищи же и питія и иныхъ вещей не маложъ и изобильно; Іеродіакона же онаго вскорѣ отпустить повелѣ, давъ милостыни десять рублевъ.

О скончаніи Царя Алексіа Михайловича.

Еще же оному присланному Козмѣ Лопухину медлящу у Святѣйшаго Патріарха Никона, приде отъ царствующаго града Москвы братъ его Козминъ, Ѳеодоръ Лопухинъ, возвѣщая Святѣйшему Патріарху Никону,

яко Благочестивѣйшій Государь Царь Алексѣй Михайловичъ преставися отъ сего свѣта ко оному блаженству. Егда же услыша блаженный, яко Царь умре, воздохнувъ вельми отъ сердца и прослезися, и рече: воля Господня да будетъ, аще бо здѣ съ нами прощенія не получи, но въ страшное пришествіе Господне судитися имамы. Ѳеодоръ же Лопухинъ моля Святѣйшаго прилѣжно, да подасть прощеніе Благочестивѣйшему Царю на письмѣ. Блаженный же рече, мы подражая учителя своего Христа, реченное во святомъ Евангеліи: *оставляйте и оставятся вамъ*; азъ же нынѣ глаголю: Богъ его проститъ, а на письмѣ не учиню, намъ бо онъ при жизни своей изъ заточенія сего свободна не учинилъ; оный же присланный привезе блаженному на поминовленіе души благочестивѣйшаго Царя милостыни денегъ сто рублевъ, да мѣхъ песцовой черной. Блаженный же сія приимъ все, Благочестивѣйшему Царю поминовленіе творя по чину, яко святая церковь содержитъ. По смерти же Благочестивѣйшаго Царя Алексіа Михайловича царскій престолъ воспріимъ сынъ его, Благороднѣйшій Царевичъ Ѳеодоръ Алексѣевичъ юнъ сый, и вѣнчанъ Царскимъ вѣнцомъ, и бысть Царь всея великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержецъ.

На блаженнаго же Никона паки діаволъ бурю возставляетъ чрезъ свое орудіе злыхъ челоувѣкъ, воспоминаніемъ вышерѣченнаго чернца Іоны нелѣпыхъ блядословій, и тѣмъ подвижутъ на гнѣвъ Святѣйшаго Іоакима Патріарха, паки посылаются прежніи немилостивіи приставницы, Князь Самуиль Исуповъ, Іоаннъ Адодуровъ и Сотникъ и съ нимъ тридесять челоувѣкъ стрѣльцовъ; приставницы же оніи много туги, озлобленія и тѣсноты творяще блаженному; онъ же вся сія благодаря Бога, глаголя: *не постави имъ Господи во грѣхъ*.

По времени же многомъ и озлобленіи, повелѣніемъ Самодержца и Патріарха посылаемы суть съ Москвы во Ферапонтовъ Чудова монастыря Архимандритъ Павелъ, да дворянскаго чину Іоаннъ Желябовской, діякъ Семенъ Румянцевъ, и вдаша имъ многія лжесоставныя письменныя вины, якоже клеветаху на него. Лжесвидѣтеліе неправедніи, ласкателіе, міролюбцы, паче же челоувѣкоугодницы, повелѣша имъ, яко да воспросятъ блаженнаго о всемъ подробну, и да преведутъ его оттуду въ Кириловъ монастырь на Бѣло озеро, да тамъ пребудетъ въ заточеніи.

Посланніи же достигше въ монастырь Ферапонтовъ, внезапно входятъ въ монастырь и въ церковь, блаженному сего не вѣдѣящу вины пришествія ихъ; они же посылають ко Святѣйшему Никону, дабы онъ шелъ къ нимъ въ церковь. Блаженный же ни мало помедли, шедъ въ церковь и обычная сотворь. Посланніи же нарѣчіе отъ Самодержца и Патріарха возвѣстиша и вину своего пришествія. Онъ же достойную честь Царскому Величеству и Патріарху отдавъ, глаголя: воля Господня

да будетъ (и Великаго Государя), *не убоюся отъ тѣмъ людей окрестъ нападающихъ на мя*, аще что и смертно, пострадати готовъ есмь. Присланный же Іоаннъ рыкнувъ яко волкъ свирѣпо на блаженного, и нача пески неистовая блядословія поносить. Блаженный же Архимандриту тихо рече: аще убо и ты чрезъ святыя каноны къ намъ присланъ; но обаче да ты глаголеши намъ, ему же повелиши да молчить; и абіе наченшимъ имъ наказъ читати, и списанныя на него вины полны суть всякія неправды; и того бо неправого ихъ злословія множае трехъ сотъ статей имуще, и вопрошаху его противъ вѣхъ статей подробну. Блаженный же отвѣтъ творя, якоже Духъ Святый разумъ ему во глаголаніи подая, не токмо сія но и отъ божественнаго писанія много изрече прилично сему. Егда же повелѣнія вся сотворишася о немъ, тогда блаженному въ келіи его и входъ ему запретиша; но абіе послаша его вскорѣ за крѣпкими стражи въ заточеніе на Бѣло озеро въ Кириловъ монастырь, и предаша его стражамъ твердо стрещи; келіи бо, идѣже его заточиша, неугожи вельми; отъ необычнаго нагрѣванія и угару пріять блаженный велику болѣзнь, въ малѣ бо и житія не сконча; братію, яже блаженный въ келіи имѣ Іеромонаха Варлаама, Іеродіакона Мардарія, предаша ихъ стражемъ твердо стрещи, многа же озлобленія отъ стражей претерпѣша, и по малѣ времени послаша ихъ въ заточеніе въ Крестной монастырь; се бо той монастырь на морѣ Окіанѣ, строеніе Святѣйшаго Никона Патріарха: и пребысть тамо они въ заточеніи седмь лѣтъ. Келейную же казну и всякія вещи его, яже блаженный имѣ, посланніи все переписавше и отвезоша въ Кириловъ монастырь, и положше въ палату, запечатавъ и заповѣда твердо стрещи. Отъ вещей же келейныхъ его не даша ему и нужныхъ потребъ, и повелѣнная вся исполниша, и абіе паки возвратишася ко царствующему граду Москвѣ, и вся содѣянная ими, сами о блаженномъ Никонѣ Самодержцу и Святѣйшему Патріарху возвѣстиша, и противъ ихъ вопросовъ блаженного отвѣты писанные принесше. Архимандритъ же Павелъ жалѣя о Никонѣ блаженномъ, яко видѣ его при смерти отъ келейнаго угару, возвѣщая Святѣйшему Іоакиму Патріарху, дабы позволилъ устроить блаженному Никону новыя келіи, да не безвременною скончается смертію, бѣ бо блаженный Никонъ главою вельми скорбенъ. Святѣйшій же Іоакимъ Патріархъ многихъ ради духовныхъ и мірскихъ правленій, и всеневныхъ докукъ положи сіи глаголы въ забвеніи.

По времени же нѣкоемъ паки посылаетъ Святѣйшій Патріархъ въ Кириловъ монастырь ко блаженному Никону ризничего своего діакона Іакиноія, повелѣ ему взяти у блаженного панагію, юже имѣ у себя отъ времени того, внигда взяти ему бывшу изъ Воскресенскаго

монастыря и двѣ печати сребренныя, едина великая, на ней же воображенъ образъ Воскресенія Христова, другая же меньшая складная Святѣйшаго Іосифа Патріарха Московскаго, иже прежде его бѣ; и той діаконъ Іакинфъ Кирилова монастыря допедѣ, вся повелѣнная ему исполни. Блаженный же Никонъ вся сія отда безъ всякаго препятія; той же Іакинѣ повелѣ тоя обители владущимъ, и келіи ему устроить новыя повелѣніемъ Святѣйшаго Іоакима Патріарха. Блаженный же Никонъ отдавая панагію и печати, изрече ему отъ божественнаго писанія прилично сему: и тако отпусти его съ миромъ къ царствующему граду Москвѣ. И абіе многому продолжающуся времени блаженному Никону во изгнаніи въ томъ монастырѣ, терпя всякія нужды и озлобленія не менѣе прежняго, яже претерпѣ въ Ферапонтовомъ монастырѣ, въ келіи бо пребысть неисходно кромѣ церковныя службы; но токмо Бога моля о царскомъ многолѣтномъ здравіи, и всего міра состояніи, и труды къ трудомъ прилагая, яко же бѣ ему обычай, непрестанное же попеченіе имѣ по вся дни своея жизни о обители Воскресенской и о церкви святѣй, юже самъ основа и недоверши, вельми бо жалѣя о томъ, и Бога моля непрестанно, яко дабы ему паки во обители Воскресенской быти и довершити каменную великую церковь, и всего въ жизни своей не получи.

Благочестивому же Великому Государю Царю Ѳеодору Алексіевичу въ возрастъ совершенный приспѣвающе, нача разсмотрѣти о блаженномъ Никонѣ, како изгнанъ и заточенъ бысть въ Кириловъ монастырь, и много о семъ всячески испытую. Благородная же и благочестивая Государыня Царевна и Великая Княжна Татіана Михайловна, тетка благочестивому Государю Царю Ѳеодору Алексіевичу, изъ дѣтскаго своего возраста, зѣло любляше Святѣйшаго Никона Патріарха, и почитая его яко отца и пастыря, и зря блаженного толикое время во изгнаніи страждуща, и многія скорби отъ немилостивыхъ приставникъ приѣмлюща, и возжалѣ душею и умилися сердцемъ, воспоминаая блаженного добродѣянія и труды, яже иногда попеченіе веліе имѣ о всемъ дому ихъ государскомъ, во время великаго мороваго повѣтрія, како преходя съ ними отъ града во градъ и отъ мѣсто на мѣсто, спасая и соблюдая ихъ, ища благораствореннаго воздуха отъ повѣтрія того, и видѣ благочестиваго Государя Царя Ѳеодора Алексіевича, ревность благу имѣяше о Никонѣ блаженномъ, нача воспоминаати ему часто, како ему бывшу на престолѣ, и любовь имѣя со отцемъ его благочестивымъ Государемъ Царемъ Алексіемъ Михайловичемъ, и како ихъ спасая отъ мороваго повѣтрія, и всякое благодѣяніе подробну ему сказывая, и како изгнанъ бысть, и терпѣніе его въ заточеніи и о строеніи монастыря Воскресенскаго и о наченшей каменной великой

церкви, юже основа блаженный Никонъ, во образъ святыя Іерусалимскія церкви, яже суть во святомъ градѣ Іерусалимѣ, Воскресенія Христа Бога нашего, идѣже есть гробъ Спасителявъ и святая гора Голгоѡа, со иными святыми спасительными его страстьми, яже нынѣ стоитъ несовершенна, во всякомъ великомъ презрѣніи, и не имущей о ней ни отъ кого попеченія имѣти, еже бы та святая церковь совершити, и яко да получитьъ свободу отъ заточенія Никонъ блаженный. Благочестивый же Царь Ѳеодоръ Алексіевичъ, слышавъ сія о блаженномъ Никонѣ, и о строеніи монастыря Воскресенскаго и о святѣй церкви отъ многихъ, яко пречудно зѣло устроено, и стоитъ въ великомъ презрѣніи, и въ несовершеніи, нача о семъ размышляти; возсія бо свыше благодать Пресвятаго Духа во сердцѣ его и отверзошася ему умныя его очи въ милости щедротъ и первѣе убо начатъ являти свою милость ко обители святой Воскресенской и желая видѣти ю, аще отъ многихъ о семъ и возбраняемъ весьма, но положи намѣреніе свое благое быти тому, еже видѣти своимъ Царскимъ очима.

О походѣ въ Воскресенскій монастырь.

По времени же нѣкоемъ настоящаго году 187 Декемврія дня перваго, соблаговоли Великій Государь Царь и Великій Князь Ѳеодоръ Алексіевичъ, всея Россіи Самодержецъ, по благому своему намѣренію, шествіе сотворити во обитель святую Воскресенія Христова, еже есть Новый Іерусалимъ, зовется по нарѣчію во благочестіи сіяющаго, блаженныя и вѣчнодостойныя памяти, благочестивѣйшаго Государя Царя и Великаго Князя Алексія Михайловича, всея Россіи Самодержца. Егда бывшу ему въ томъ монастырѣ Воскресенскомъ на освященіи первыя деревянныя церкви Воскресенія Христова, и о томъ нареченіи соизволи благочестивый Царь ко Святѣйшему Никону Патріарху и писаніе прислати своея Царскія десницы.

Егда же бывшу ему благочестивѣйшему Государю Царю Ѳеодору Алексіевичу во обители Воскресенской, узрѣ своимъ Царскими очима строеніе святаго монастыря и великія каменныя церкви зданіе большое, а не въ совершеніи многомъ, и обитель стоитъ на мѣстѣ прекрасномъ, возлюбилъ зѣло, и о семъ вельми умилился, яко зданіе таково прекрасно и пречудно оставлено во презрѣніи великомъ, и вздохнувъ отъ сердца ревностію возгорѣся по Бозѣ, якоже иногда древніе благочестивые Цари Греческіе, Константинъ Великій, Иустиніанъ и Ѳеодосій положи мысль благу во умѣ своемъ и въ сердцы, яко да навеститъ тое великую каменную церковь: тако и бысть. И о семъ соизволи Царь благоче-

стивый ближнему своему человѣку, именемъ Михаилу, по реклу Лихареву, обитель святую во всякомъ снабдѣніи ему вруčiti и о строеніи святыя великія церкви попеченіе имѣти о совершеніи; и тако Господу Богу изволившу свыше милостію своею на обитель святую призрѣти, яко же на древній Іерусалимъ, паки Царскимъ повелѣніемъ запустѣлое зданіе здати начаша. Бысть же во презрѣніи обитель святая и незнаема никимъ четырнадцать лѣтъ и три мѣсяца, отъ дне взятія изъ Воскресенскаго монастыря въ Ферапонтовъ Святѣйшаго Никона Патріарха: и тако по волѣ Великаго Спасителя нашего Бога, строящаго всяческая зиждительнымъ своимъ словомъ, и тщательствомъ усерднымъ Царя благочестива, словомъ и дѣломъ начаша къ совершенію приходити.

Въ нѣкоеже время бывшу Царю благочестивѣйшему во святой обители Воскресенской. Архимандриту обители тоя Варсонофію, житія сего отшедшу, повелѣваетъ убо Царь, яко да изберуть себѣ братія Архимандрита, и еще къ сему сице прирекъ, возсія бо надъ него свыше солнце правды Христосъ Богъ нашъ, положи ему въ сердце мысль благу: аще хотите, да взятъ будетъ сѣмо Никонъ Патріархъ, и наченши обитель сію, юже нача и заложилъ, и великую церковь созидати къ совершенію и вы дадите прошеніе за своими руками (сирѣчь челобитную), а Богъ милостивый помощи подастъ, и то дѣло исправится, и бысть тако. Обители же тоя строитель Германъ и казначей Сергій и многіе отъ братіи Царскому лицу его предстояще, слышавше слово изъ устъ его Государя Царя, возрадовашася радостію великою отъ всего сердца, и шедше возвѣстиша слово сіе всей братіи. Братія же сія слыша хвалу и славу воздая въ Троицѣ славимому Богу и Пречистѣй Богородицѣ, яко таковая Богъ творить угодникомъ своимъ; и абіе всѣ единодушно написаша Великому Царю прошеніе, сицевъ образъ имѣющъ.

О поданіи челобитной.

Великому Государю Царю и Великому Князю Ѳеодору Алексіевичу, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержцу, бѣють челомъ богомольцы твои Воскресенскаго монастыря строитель старецъ Германъ, казначей старецъ Сергій съ братією: благословеніемъ, Великій Государь, милости, не точію человѣческими, но и безплотныхъ умовъ смысломъ, необъятаго Бога нашего, благочестивѣйшаго Государя нашего и всѣхъ Христіанъ единого Владыки и Царя, присно обносящаго тому прелюбимое и любящее, надъ всѣхъ его самого обрѣтающагося во благоугодное ему изволеніе, яко же бѣ самому по премудрому, и пре-

клонившаго въ неизреченное всѣми благоутробіе, и конечную милость являетъ, ко святѣй сей обители, и великому сему подобнообразному перваго на мѣстѣ живоначальныхъ Христовыхъ страстей, и живоноснаго его пресвѣтлаго Воскресенія, созданнаго храму и къ намъ нищимъ твоимъ Государевымъ рабомъ и богомольцемъ, о нихъ радуемся превеликою радостію и торжествуемъ торжествованіемъ премногимъ, яко и прешедшіи море Черное печалей, и страстей Моисеемъ, и вселишася въ землю обѣтованія всегдашнія радости воскресшемъ во Іерусалимѣ, токмо малое не достанемъ, благій владыко, яко не уподобимся древнимъ Израильтяномъ, и снесшіи кость отъ глада ихъ избавившаго Іосифа отъ Египта, и въ новыхъ Константинополяхъ умоливши благочестиваго Θεодосія о возвращеніи Іоанна Златоустаго отъ Команъ, яко и до сего времени моленія не прострохомъ о отцѣ нашемъ избавившаго насъ отъ глада неслышанія словесъ Божиихъ, и удовлившаго насъ насыщеніемъ тучнаго тельца отъ агнца, иже питающіися во вѣки не умирають; тѣмъ нынѣ молимъ твоего къ намъ, благочестивѣйшаго нашего Государя Царя и Великаго Князя Ѳедора Алексіевича, благоподобное твое благоутробіе, помилуй насъ нищихъ своихъ богомольцевъ, подаждь церкви исполненіе, приведи кормчія кораблю, послѣ пастыря къ стаду, приставь главу къ тѣлу, Христоподражательнаго нашего наставника Святѣйшаго Никона, преведшаго насъ море міра, яко Моисей; повели, да и землю обѣтованія, юже наслѣдствуемъ твоимъ прещедрымъ богатодарнымъ подаваніемъ обильно, такожь да наслѣдовати и намъ раздѣлѣть, яко Іисусъ и Елеазаръ вѣдый всѣхъ, то по разсмотрительному комуждо достойному приличеству, изведи изъ темницы душу его, яко и блаженнаго иногда Игнатія Патріарха Цареградскаго изъ заточенія, повели свободити изъ Кирилова монастыря въ монастырь живоноснаго Воскресенія Христова, растущій днесь въ высоту повсюднаго прославленія, яко древо плодovито въ происходящихъ твоего богатодаровитаго и щедролюбезнаго изліянія насажденный и упокоиваемый, да и онъ съ нами купно твоихъ пребогатыхъ щедротъ насладится и въ старости возвеселится. Великій Государь Царь смилуйся! У подлинной челобитной, строителя, и казначея и братіи, приложено шестьдесятъ рукъ. И абіе таково прошеніе благочестивѣйшему государю Царю вручивше и слезно моливше, яко да повелитъ возвратити Никона блаженнаго. Царь же благочестивый пріимъ отъ братіи молитвенное прошеніе, и пребывъ во обители дни довольны, и возвратися къ царствующему граду Москвѣ; и пришедшу благочестивѣйшему во царскія свои палаты, и нача мысль свою Святѣйшему Іоакиму Патріарху Московскому и всея Россіи возъявляти о Никонѣ Патріархѣ, яко да получить свободу отъ заточенія, и имать пребывати во своемъ новопо-

строеномъ монастырѣ Воскресенскомъ, и церковь Божію, юже основа, да совершитъ. Патріархъ же сія слышавъ, нача отрицатися, глаголя: яко сіе дѣло учинися не нами, но отъ великаго собора и Святѣйшихъ Вселенскихъ Патріарховъ, и намъ того безъ вѣдомости ихъ учинити не возможно, и о томъ Царю буди твоя воля. Видѣвъ же сіе благочестивый Царь, яко Патріархъ на сіе не соблаговоляетъ, вельми опечалился, и паки по часту Святѣйшему вспоминая о блаженномъ Никонѣ, яко да получить изъ заточенія свободу. Патріарху же ни мало на сіе изволяющу и еще отрицающуся бо и възбраняюще о семъ.

О с о б о р ѣ ц а р с к о м ѣ.

По времени же маломъ благочестивый Царь собравъ въ Патріаршей крестовой палатѣ, всѣхъ Архіереевъ, и Архимандритовъ, и Игуменовъ, и весь освященный соборъ, тамо же и самому благочестивѣйшему Государю Царю бывшу со своимъ царскимъ сигклитомъ; и абіе Царь намѣреніе свое всѣмъ явѣ сотвори, вкупѣ и прошеніе съ моленіемъ, проси, яко да будетъ свободженъ изъ заточенія Никонъ Патріархъ.

Патріархъ же Іоакимъ вельми въ семъ крѣпляшеся, яко да пребудетъ тамо Никонъ, Архіереи же аще и убояхуся Патріарха, но обаче мнози отъ нихъ зѣло по Царѣ поборяху, единогласно и ясно глаголаху: яко да взять будетъ Никонъ изъ заточенія во свой ему новопостроенный Воскресенскій монастырь, и тамо да пребываетъ. Святѣйшему же Патріарху Іоакиму на сіе дѣло не соблаговоляющу, и тако разыдеса соборъ той. И видѣ убо благочестивый Царь, яко ничтоже бысть, мало поминувъ призываетъ къ себѣ во царскія палаты Патріарха и паки молить его съ теткою своею благородною Государынею Царевною и великою княжною Татіаною Михайловною съ великимъ прошеніемъ, о свободженіи изъ заточенія Никона Патріарха. Онъ же ни мало на прошеніе ихъ Царское преклонися, дабы ослабу тому учинити позволилъ, но паче отрицаяся, глаголя: яко не мы то учинили, но соборъ великій и Вселенскіе Патріархи, а мы дерзнути о свободѣ безъ Вселенскихъ Патріарховъ не смѣемъ. Благочестивый же Царь опечалился вельми зѣло, яко не позволяеть Патріархъ изъ заточенія освободити Никона Патріарха, возжалъся убо о немъ, яко толико лѣтъ во изгнаніи страждетъ, восписа къ нему писаніе утѣшительною десницею своею, воеже бы ему молити во Троицѣ славимому Богу и Пресвятыя Богородицы, и всѣхъ святыхъ, о ихъ Царскомъ многолѣтномъ здравіи и всего міра состояніи и ожидать къ себѣ его Царскаго Величества милости и праведнаго разсмотрѣнія. Оное же писаніе посла со іеродіакономъ Мардаріемъ,

внегда взяту ему бывшу изъ заточенія Крестнаго монастыря, со Окіана моря со Іеромонахомъ Варлаамомъ; въ то же время освобожденъ бысть изъ изгнанія клирикъ Іоаннъ Корнильевъ сынъ Шущеринъ, изъ Великаго Нова града, по прошенію Государыни благородной Царевны и Великой Княжны Татіаны Михайловны.

О п и с а н і и Ц а р е в ѣ.

Блаженный Никонъ Царское писаніе съ радостію приимъ и писанное увидѣвъ, яко Царское его Величество таково веліе попеченіе имѣеть о немъ, изъ заточенія свободну быти желаетъ, и паки быти въ новопостроенномъ монастырѣ Воскресенскомъ, и совершити недовершенное дѣло, юже самъ нача здати великую церковь Воскресенія Христова, и видѣти яко желаетъ, зане слышитъ благочестивѣйшій Царь о немъ отъ многихъ, яко бѣ премудръ зѣло, и божественнаго писанія снискатель, и святыхъ божественныхъ догматовъ. По прочтеніи убо онаго писанія возрадовался блаженный душею и сердцемъ о Господѣ Бозѣ духовнѣ, и хвалу воздавъ всѣхъ Спасителю нашему Богу, яко призрѣ на смиреніе раба своего благодатію своею святою свыше, и Царю благочестиву дарова духовное желаніе сердца о немъ, и о обители Воскресенія Христова, и о совершеніи церкви малу отраду, отъ всѣхъ скорбей и печалей пріять.

Царь же благочестивый распалишеся любовію къ обители святой и о навершеніи великія церквѣ, и о свободѣ изъ заточенія Никона блаженнаго, занеже бо благочестивый Царь нача по благому намѣренію своему, яже вѣрою къ Богу, церковь великую навести, Царскою своею казною, елико потребно, повелѣ дати неоскудно.

О скорби Святѣйшаго и о схимѣ.

Блаженный же Никонъ, аще отъ Царя и милость обрѣтѣ, но обаче зѣло скорбію одержимъ бѣ и изнемогая вельми, тако же и благочестивый Царь скорбію изнемогая, и того ради замѣдленію оному намѣренію Цареву, еже о взятіи блаженнаго изъ Кирилова монастыря въ Воскресенскій учинися. Егда же блаженному скорбь лютѣ умножашеся, тогда во обители тоя Архимандритъ Никита восписа къ царствующему граду Москвѣ, Святѣйшему Іоакиму Патріарху, возвѣщая о Никонѣ блаженномъ, яко вельми изнемогаетъ, и близъ смерти, пріялъ бо и схиму и елеосвященіе; и о семъ како благоволитъ Святѣйшій, егда Богъ преселитъ его отъ жизни сія, како и кому надѣ имъ чинѣ

погребенія творити, и о поминовеніи имени его, и гдѣ положить тѣло его, и о всемъ прося како творити; и вскорѣ оно писаніе Патріарху дойде, и писанное все увѣдѣ о Никонѣ Блаженномъ, и повелѣ въ Кириловъ монастырь вскорѣ писати; и егда преставится Никонъ, тогда чинъ погребенія надъ нимъ ему Архимандриту творити монашескій просто, якоже и прочимъ монахомъ чинъ погребенія бываетъ; а тѣло его положить въ паперти. Увѣдѣ же о семъ благочестивый Царь, яко тако писано въ Кириловъ монастырь о блаженномъ Никонѣ, посла къ Патріарху, яко да повелитъ оное писаніе возвратити, и глагола Патріархъ, яко уже то писаніе есть тамо. Блаженный же Никонъ видя себя въ скорби велицѣй уже близъ смерти, написа писаніе кратко своею рукою, и посла въ монастырь Воскресенія Христова, въ строеніе свое, къ сыновомъ и ученикомъ своимъ, и всей братіи образъ сицевъ имущъ: Благословеніе Никона Патріарха сыномъ нашимъ Архимандриту Герману, Іеромонаху Варлааму, монаху Сергію, монаху Ипполиту, и вкупѣ всей братіи, вѣдомо вамъ буди, яко боленъ есмь азъ болѣзнію великою, вставать не могу, на дворъ выйти не могу, лежу во гноищи, а милость Великаго Государя Царя была, что хотѣлъ меня изъ бѣдности взять по вашему челобитію, и писалъ и жаловалъ ко мнѣ своею Царскою рукою, а нынѣ то время совершилося, а его милостиваго указу нѣтъ, умереть будетъ мнѣ внезапно; пожалуйте чада моя не попомните моей грубости, побейте челомъ о мнѣ еще самому Великому Государю Царю, не дайте мнѣ напрасною смертію погибнуть; уже моего житія конецъ приходитъ, а каковъ я, то вамъ подробно скажетъ Иванъ, что отъ васъ живетъ на приказѣ въ Боголовскомъ. Оное же писаніе дойде въ монастырь Воскресенской Архимандриту и всей братіи, и писанное увидѣвши, яже писа блаженный о себѣ, Архимандритъ же и братія вся, плача и сѣтованія, печали и слеза рыданія исполньшеса, увѣдѣ своего отца и пастыря въ толикой велицѣй скорби близъ смерти. Писаніе же оно Воскресенской Архимандритъ вручи благочестивѣйшему Государю Царю, моли его со слезами о возвращеніи своего отца во обитель, юже блаженный Никонъ основа. Благочестивый же царь писаніе пріемъ и видѣ писанное блаженнымъ, яко въ скорби велицѣй и близъ смерти, зѣло возжалъ о блаженномъ и умилися душевнѣ, паки нача Святѣйшаго Патріарха и всего освященнаго собора молити царскую свою милость являя, яко да возмется отъ заточенія Патріархъ Никонъ, глаголя, яко при смерти есть. Патріархъ же и соборъ весь глагола царю: буди по волѣ твоей, благочестивый царь.

О взятіи Святѣйшаго Никона Патріарха изъ заточенія.

Пріемъ же благочестивый царь благословеніе отъ Патріарха и всего собора, посылаетъ убо въ Кириловъ монастырь наскоро конюшеннаго приказу дьяка Іоанна Чепелева, повелѣ его взяти, аще живъ или мертвъ есть, и ему быти въ строеніи своемъ монастырѣ Воскресенскомъ, посланный же пути ятся и въ Кирилловъ монастырь прииде вскорѣ. Блаженный же Никонъ прежде пришествія онаго посланнаго за единъ день или вящше, аще и скорбенъ вельми, но яко нача готовитися яже въ путь. Сущіи же съ нимъ братія зря его тако творяща, мняху яко въ скорби и въ безпамятствѣ сіе творить; сіе же ему творящу не единожды, но и многаци. Въ день же той, вонъ же посланный отъ царствующаго града Москвы прииде, блаженный же Никонъ, нача яко убиратися, и одѣяся въ свою одежду, и сѣде во свои креслы, яже суть въ предсѣденіи, и своимъ глагола: азъ готовъ есмь, а вы чесо ради не убираетесь, зрите вскорѣ бо по насъ будутъ. Они же сіе слышавше мняху яко въ скорби своей сіе глаголетъ; и абіе внезапу къ келіи прииде оный посланный съ повѣленіемъ Царевымъ, возвѣщаая блаженному Никону Государскую милость, яко благоволи Царь благочестивый итти тебѣ въ свое строеніе въ Воскресенскій монастырь. Блаженный же едва съ великою нуждою возставъ честь подобающую Царскому лицу творя, понеже бо немощенъ вельми, и нача уготовляти на путь струги, путь бо преддежитъ въ низъ по рѣцѣ Шесткнѣ, и вся уготоваша ко плаванію рѣчному, и всадивше блаженного въ сани до рѣки, и до уготованныхъ струговъ довезоша съ великимъ трудомъ всадиша во онія струги, бѣ бо труденъ вельми отъ немощи, и тако пути яшася внизъ по рѣцѣ.

Воскресенскаго же монастыря Архимандритъ съ братією послаша во срѣтеніе блаженному Никону Іеромонаха Варлаама, иже прежде жительствуя у блаженнаго Никона въ Ферапонтовъ монастырѣ многія лѣта, о немъ же и выше реченно есть, Іеродіакона Серафима, и съ Мологи приписного Аѳанасіевскаго монастыря строителя Іеромонаха Тихона. Посланніи же они встрѣтиша его еще не достигше рѣки Волги за двадцать поприщъ, и ту благословеніе отъ него пріяша, Архимандриту и всей братіи Воскресенскаго монастыря испросиша. Блаженный всѣмъ подавъ миръ и благословеніе, и паки яшася пути тою же рѣкою; и егда имъ приспѣвшимъ къ рѣкѣ Волгѣ, тогда оный посланный восхотѣ итти Волгою вверхъ. Блаженный же Никонъ не восхотѣ, но повелѣ плыти Волгою внизъ до града Ярославля; обитающіи же грады и села внизъ живущихъ людіе исходяху во стрѣтеніе, и приношаху

потребная, и провождаху со слезами далече, и Августа дня 16 порану достигшимъ имъ монастыря Пресвятыя Богородицы, иже есть на Толгѣ, шесть поприщъ имуще отъ града Ярославля, и ту блаженный повелѣ пристати; понеже бо отъ скорби вельми изнемогая, и причастися ту Святыхъ и Пречистыхъ Таинъ тѣла и крове Христовы запасныхъ Святаго Великаго четвертка, отъ руки своего духовнаго отца Архимандрита Никиты Кирилова монастыря, и по тому приставшимъ имъ ко берегу того Толгскаго монастыря. Игуменъ же монастыря того со братією изыде во стрѣтеніе, съ ними же ту приде преждепомянутый Сергій, бывшій Архимандритъ Спасова монастыря, что въ Ярославлѣ, той бо Сергій во время изгнанія блаженнаго Никона, егда при Вселенскихъ Патріарсѣхъ на соборахъ и на дворѣ на немъ же блаженный за стражею бысть, много ему досады творя паче иныхъ, о немъ же и прежде изъявися, той бо Сергій видѣвъ блаженнаго, яко уже близъ къ смерти сущаго припаде къ ногама его, со слезами умильныхъ глаголы вѣщая, и рече: прости мя святче Божій, яко всѣхъ сихъ, иже поношеніе на тя понеслъ еси, досажденіе творя и поношеніе и всякую злобу святыни твоея во время изгнанія твоего, повиненъ азъ собору угодное творя, къ сему же и оно нѣчто повѣда сіе, и рече:

О явленіи во снѣ Святѣйшаго Никона Сергію Архимандриту.

Яко днесь во святѣй Божіи литургіи, и по вкушеніи хлѣба братской трапезы, возлегшу ми мало уснуть, и абіе во снѣ явился миѣ Святѣйшій Патріархъ Никонъ, глаголя: брате Сергіе! востани, сотворимъ прощеніе; и абіе у кельи моей стражъ монастырскій нача толкати, глаголя яко шествуетъ Волгою Святѣйшій Никонъ Патріархъ, и близъ монастыря. Игуменъ и братія пошли въ стрѣтеніе ему, азъ же сіе видѣвъ, и отъ стража слышахъ, трепетенъ бывъ и ужасеся, воста и едва приде въ себе, и тече скоро во слѣдъ братіи, и приде сѣмо къ твоей Владыко святыни, прощенія прося; и абіе прощеніе отъ блаженнаго оный Сергій ту получи и вѣдѣнное самъ предъ всѣми повѣда. Блаженному же Никону болма скорбію одержиму, уже къ смерти варить. И тако приставшимъ имъ ко граду Ярославлю, граждана того града, слыша блаженнаго пришествія текоша вси радующесе ко блаженному благословенія ради, видяще пастыря своего, во свояси и ко своимъ возвращающесе, и абіе зряще его на одрѣ смертномъ лежаща и близъ смерти, съ плачемъ велиимъ и рыданіемъ приходяще, припадающе къ нему, просяще благословенія и прощенія, цѣлующе руцѣ его и нозѣ; и тако имъ отъ всенароднаго собранія со трудомъ вели-

кимъ вшедшимъ въ рѣку Которосль; народи же стругъ со блаженнымъ влекущи, овѣи по берегу, инѣи же въ водѣ бродяще даже до чреслъ, и приставшіи близъ обители Всемилостиваго Спаса, и ту прииде града того воевода со множествомъ народа, такоже и Архимандритъ Спасова монастыря, со освященнымъ соборомъ обители своея, и всего града вси носяще потребная.

Блаженному же Никону уже изнемогшу вельми, и ничто же вѣщающу, токмо десницу свою дая цѣловати. Народи же болма собирахуся, и стужаху ему вельми своимъ прихожденіемъ. Архимандритъ же Кирилова монастыря Никита, бѣ бо духовникъ блаженному, и посланный діакъ видя народу множащуся, повелѣша онѣи стругъ, въ немъ же блаженный, на другую страну рѣки перевезти. Вечернему убо часу приспѣвшу, егда во градѣ начаша благовѣстити, тогда блаженный Никонъ конечнѣ нача изнемогати, и озиратися, яко бы видя нѣкоихъ приходящихъ къ нему, такоже своимъ руками лице и власы и браду и одежду со опасеніемъ опрятовати, яко бы въ путь готовитися. Архимандритъ же Никита и братія и присланный діакъ видя Святѣйшаго конечнѣ дыхающа, нача исходное послѣдованіе надъ нимъ пѣти. Святѣйшій же возлегъ на уготованномъ одрѣ, давъ благословеніе своимъ ученикомъ, руцѣ къ персемъ пригнувъ, со всякимъ благоговѣніемъ въ добромъ исповѣданіи, благодаря Бога о всѣхъ, яко во страданіи теченіе свое соверши, съ миромъ успе, душу свою въ руцѣ Богу предаде, его же возлюбѣ. Отъ житія сего отыде во оное блаженство въ настоящее лѣто отъ созданія міра 7189, мѣсяца Августа въ 17 день; града же того Архимандритъ со всѣмъ освященнымъ соборомъ пѣвше надгробная токмо литію; прииде же ту воевода того града со множествомъ народа, плачуще и рыдающе о лишеніи своего пастыря и учителя; присланный же діакъ поѣха наскоро къ царствующему граду Москвѣ Царю Благочестивому вѣстно учинити, и яко Святѣйшій Никонъ преставился въ вѣчный покой. Благочестивый же Царь не вѣдая преставленія его, посла во стрѣтеніе ему Царскую свою карету со множествомъ коней добрѣйшихъ. По преставленіи же во второй день посланный со оною каретою и обрѣтоша Святѣйшаго преставльша, и устроивши возило со всякимъ опасеніемъ твердо, и возложше гробъ съ тѣломъ Святѣйшаго Никона въ путь шествующа ко царствующему граду Москвѣ; во градѣхъ же и селѣхъ срѣтающе тѣло Святѣйшаго Никона со псалмы и литіи поюще и со слезами провождающе. Егда же достигшу имъ слободы Александровы, дѣвичья монастыря игуменія со всѣми черноризцы, числомъ не менѣ двою сотъ, изыде внѣ монастыря во срѣтеніе со звономъ и славословіемъ поюще литію, слезы точаще съ великимъ воплемъ, восклицающе, плачуще о лишеніи своего

пастыря и учителя; провождше поприще не мало, цѣловавше тѣло Святѣйшаго Никона возвращающесе во обитель свою съ рыданіемъ велимъ. Егда же приближающимся имъ ко обители Живоначальныя Троицы Сергіева монастыря, тогда убо той обители Архимандритъ Викентій изыде во срѣтеніе виѣ монастыря со причтомъ церковнымъ, и со всею братією, и ту предъ свитыми враты пѣвши надъ гробомъ литію соборнѣ, и цѣловавше тѣло Святѣйшаго вси со слезами возвращающесе паки во обитель; еще же имъ отъ обители не отшедшимъ, приде съ Москвы преждепомынутый діакъ, возвѣщая повелѣніе Цареву Кирилова монастыря Архимандриту Никитѣ, къ царствующему граду итти прежде, тѣло же Святѣйшаго да проводитъ Троицкаго монастыря Архимандритъ Викентій; и тако въ путь поидоша. Егда же бывшу оному діаку предъ Царемъ лицомъ, вопросы его о Святѣйшемъ Никонѣ, како видѣ его жива и о смерти его и о духовной. Онъ же вся подробну повѣда, а о духовной рече діакъ: Царю Благочестивый и азъ о семъ воспоминать Святѣйшему Никону яко написати духовную: онъ же глагола ми, яко писати духовныя не хочу, но токмо едину глаголю, вмѣсто моея духовныя да будетъ миръ и благословеніе Благочестивѣйшему Государю Царю и Великому Князю Феодору Алексіевичъ, всея великія и малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцу и всему ихъ Царскому дому, а о души моей и о многогрѣшномъ моемъ тѣлѣ и о погребеніи и о поминаненіи о всемъ да будетъ онъ Благочестивѣйшій Царь душѣ моей духовная и строитель, и елико благоволитъ, тако и сотворитъ. Царь же слыша сія возжалъ и зѣло умилися о Святѣйшемъ Никонѣ, и рече: аще тако святѣйшій Никонъ Патріархъ на мя надежду положи, воля Господня да будетъ, и елико Богъ помощи подастъ, въ забвеніи азъ его не положу, и повелѣ тѣло Святѣйшаго Никона везти въ Воскресенской монастырь. Благочестивый же Царь посла ко Святѣйшему Іоакиму Патріарху, повелѣ звати его со всемъ освященнымъ соборомъ въ Воскресенской монастырь, на погребеніе Святѣйшаго Никона. Патріархъ же звавшему рече: буди по его воли Государской, готовъ есмь азъ, иду на погребеніе, а въ погребеніи во всякомъ прошеніи его Никона Патріархомъ именовать не буду, но просто монахомъ, яко же соборъ повелѣ; аще ли восхощетъ Царь Благочестивый Никона именовать Патріархомъ, то азъ не иду. Царь же много о семъ моли Патріарха, дабы шелъ на погребеніе и именовать бы Патріархомъ. Патріархъ же много отрицаяся сего, глаголя: аще азъ и пойду, а именовать патріархомъ не буду; понеже не азъ его тако нарекъ, но Вселенскіе Патріархи Никона монахомъ и соборъ присуди. Царь же рече: аще и Вселенскіе Патріархи что возглаголютъ на ти, то буди на мнѣ, и азъ Святѣйшихъ Патріарховъ буду молить,

и приплюють намъ отъ себе благословеніе и Никону Патріарху прощеніе и молитвы разрѣшенныя. Патріархъ же на погребеніе не поволи итти, но благоволи быти Великаго Новаграда. Корнилію Митрополиту, на погребеніе же на всякомъ прошеніи о поминаненіи Митрополиту повелѣ како Благочестивый Царь повелитъ поминати тако и твори. Царь же приде въ Воскресенской монастырь со всѣмъ своимъ Царскимъ домомъ и синклитомъ, такожде и митрополитъ со освященнымъ соборомъ приде ту прежде Святѣйшаго Никона тѣло въ монастырь и управляше къ погребенію потребная, вся по уставу; вечернее же возслѣдованіе и всенощное бденіе пѣто бѣ за упокой по уставу, яко же писано въ Кіевскомъ требникѣ печати Петра Могилы. Во утри же рано придоша съ тѣломъ Святѣйшаго Никона Троицкой Архимандритъ Викентій и поставиша гробъ прямо монастыря у Честнаго Креста, иже водруженъ съ подписаніемъ: благоволеніемъ Благочестиваго Царя Алексія Михайловича и Святѣйшаго Никона Патріарха во знаменіе ихъ общіе любви и совѣта, къ начинанію святыхъ обители и именоваію, еже есть новый Іерусалимъ, о семъ бо свидѣтельствуется самое то писаніе, еже на томъ же каменномъ крѣстѣ высѣчено литерами по Словянску. И возвѣстиша Царю, яко тѣло Святѣйшаго Никона привезоша, Августа въ 26 день перваго часа дни, и начаша благовѣсть творити, якожъ въ ходное время обычай, премѣняя колокола, единъ по единому; и егда время приспѣ шествіа ко гробу Святѣйшаго Никона, тогда собравшася вси въ каменную великую церковь на святую Голгоѳу, идѣже есть крестъ, понеже бо великая церковь еще не въ совершенствѣи бѣ. Царь же со всѣмъ синклитомъ и Митрополитомъ и со освященнымъ соборомъ облекошася во священныя одежды по чину вси прилучшіися на погребеніи; священнаго же чину, Корнилій Митрополитъ Великаго Новаграда, Архимандритъ Викентій живоначальныя Троицы Сергіева монастыря, Архимандритъ Селивестръ Савина монастыря, Архимандритъ Германъ ученикъ Святѣйшаго Никона обители сея Воскресенскія, Архимандритъ Никита Кирилова монастыря Бѣлоезерской, иже бѣ духовникъ Святѣйшему Никону, и протчіи Іеромонаси и Іеродіаконы и братія того же Воскресенскаго монастыря и протчихъ Архимандритовъ и иныхъ священниковъ и діаконовъ приходскихъ церквей и множество народа вельми, и взяша херугови и честный крестъ и святыхъ иконы, и тако поидоша вси вкупѣ въ монастырь по чину ко святому кресту, идѣже Святѣйшаго гробъ стоитъ. Царь же благочестивый идяше самъ, поя со своими клирики стихеру шестаго гласа Кіевскимъ согласіемъ: *днесъ благодать святаю духа насъ собра*, и скончавъ стихиру, паки начинаши ю, и вси обрѣтающіися ту пояху; и абіе дошедше честнаго креста идѣже гробъ Святѣйшаго и пришедше возжгоша свѣщи великія,

яко по сажени длиною, иныже по шти четвертей и въ поларшина, для погребенія того устроены различными образцы и малеваны черными вапы, изъ царскія казны. Митрополитъ же по чину свѣщи раздая священникомъ и монашескому чину и всенародному множеству прилучившимся ту, и абіе священима рукама взявше гробъ съ тѣломъ Святѣйшаго Никона, и несше въ монастырь священницы на главахъ, около же онаго одра идяше дванадесять юныхъ отроковъ царскихъ спѣваковъ во одеждахъ на то устроенныхъ, яко рясы подобіе стихарей отъ драгихъ камокъ Китайскихъ, лудановъ разныхъ цвѣтовъ смирныхъ съ великими свѣщами, предидущу же по чину съ хоругви и съ честнымъ крестомъ и святыми иконы, таже Митрополиту со освященнымъ соборомъ, потомъ и царю со вѣсмъ синклитомъ, по нихъ же священницы одръ съ тѣломъ Святѣйшаго Никона носяще же, всенародному множеству со свѣщами послѣдующе одру со слезами и воплемъ великимъ, плачуще своего отца и пастыря. Благочестивый же Царь поя самъ со своими пѣвцы оный вышереченный стихъ: *днесь благодать святаго духа насъ собра*, жалостію великою и зѣло умильными гласы, яко отъ пѣнія умильна вѣсмъ слезы точаща; и тако пришествіе въ монастырь, звону же бывшу велику во вся колокола, и внесше въ каменную великую церковь Пресвятыя Богородицы, зовомыя Темница, и ту поставльше одръ съ тѣломъ, и начаша пѣти святую литургію, и по службѣ святыя литургіи начаша и чинъ погребенія творити. Царь же Благочестивый Корнилію Митрополиту и всему сослужащему собору повелѣ ту во всякомъ прошеніи Святѣйшаго Никона поминати Патріархомъ, якоже и протчихъ Московскихъ Патріарховъ поминають: тако и бысть. Благочестивый же царь отъ начала возслѣдованія надгробнаго пѣнія самъ соизволи трудитися и до отпуску каѳисму читати и Апостолъ, и въ семъ погребеніи спѣваше со своими пѣвцы; егдажъ приспѣ цѣлованію время, тогда Благочестивый Царь десницу Патріаршу взять изъ подъ схимы и зѣло любезно цѣлова со слезами, такожде и домъ его весь Царской и синклитъ, и соборъ освященный, и вся братія, и вси прилучившіися ту, множество народа мужіе и жены даже и до послѣднихъ, и скончавше ту надгробное по чину, и абіе взявше священницы одръ съ тѣ(ло)мъ несоша на южную страну, въ той же великой Церквѣ, во Церковь святаго Іоанна Предтечи подъ самую Голгоу, иже во Іерусалимѣ, та церковь издолблена и съ камене на мѣстѣ, идѣже есть во Іерусалимѣ гора во страсть Христову разсѣдся и скважнею изыде изъ ребра Христова кровь на главу Адамлю идѣже тамо есть изъ гроба перваго Іерусалимскаго Архіереа Мелхиседека устроенъ, и видится даже и до днесь. Здѣ же во церквѣ на мѣстѣ семъ самъ пастырь нашъ и отецъ Святѣйшій Никонъ Патріархъ завѣща намъ,

егда живѣ бѣ, по умертвіи своемъ о положеніи тѣлесе своего во церкви сей, и по желанію сердца его Богъ сотвори тако, и пѣвшу ту надъ нимъ подробная, и по скончаніи пѣнія того благочестивый царь, аще его жива и не видѣ, но любовію отъ всего къ нему сердца, по Божѣ присвоися, понеже при кончинѣ жизни своея Святѣйшій Никонъ въ руцѣ Богови предаѣ, такожде и царю благочестивому о погребеніи своего тѣлесе, и о поминавленіи души своея предаѣ воли царской, аже же писано о семъ выше, и возжалѣ душею самъ соизволи своимъ царскими руками съ Митрополитомъ тѣло Святѣйшаго со слезами гробу и земли предати, плача и рыдая, поя святой Боже; и сему бывшу, зря сіе Митрополитъ и весь соборъ и синклитъ царской, и всенародное множество людей дивѣшася сему, и слезы точяще, видя тако благочестиваго царя творяща и толикія сердечныя любви ко святѣйшему Никону Патріарху показа, яко не слыхано въ нынѣшнихъ родѣхъ тако творяща царя и въ память предъидущему роду во удивленіе сіе сотвори. И тако благочестивѣйшій государь царь и Великій Князь Феодоръ Алексѣевичъ, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержецъ, толикую любовь и сердечную правость, по смерти Святѣйшаго Никона Патріарха показа и погребеніе честно сотвори, яко во удивленіе всѣмъ сіе видящимъ и слышащимъ, и того всего дѣйствія бысть надъ тѣломъ Святѣйшаго Никона Патріарха, ко кресту хожденіе по тѣло его и служенія святыя литургіи и чина погребенія и всего продолженія времени десять часовъ и двѣ четверти. Толико благочестивый царь душевною любовію своею трудися всѣми чувства своими душевными и тѣлесными, и по скончаніи всего дѣйствія того, царь благочестивый вниде въ ризницу соглядати священныхъ служащихъ одеждъ его Архіерейскихъ. Корнилию Митрополиту Великаго Новаграда, дарова ему лутчій сакось, алтабасъ бѣлой серебряной и амофоръ, алтабасъ златой, и иные Архіерейскіе драгіе одѣянія, да денегъ сто рублевъ, протчимъ же архимандритомъ и всему освященному собору и причту церковному прилучившемуся ту на погребеніи, въ томъ дая казны своей царской неоскудно, такожде и братію удоволилъ, и милостыню давъ довольну нищимъ, братіи же, иже суть жили при Святѣйшемъ Никонѣ Патріархѣ въ Воскресенскомъ монастырѣ, и во изгнаніи въ Ферапонтовѣ и въ Кириловѣ монастырѣхъ его постриженцы, всѣхъ царь одари овымъ рясы, кафтаны теплыя подъ сукнами и камками, такожде и холодныя всякія одежды, и иныя келейныя вещи разда коемуждо противу чину его и трудовъ, абіе разданное братіи всякія вещи келейныя. Казны Святѣйшаго Никона Патріарха привезено за нимъ изъ Кирилова монастыря, а сосуды всякіе серебряные, мѣдные и оловянные и добрые деревянные и всякая мелочь отдано въ монастырскую казну, а денегъ

тысящу рублевъ на церковное строеніе въ казнужъ отдано, и почтивъ Митрополита и соборъ весь, отпусти ихъ съ миромъ каждо во своя. Царь же благочестивый пребывъ дни довольны въ обители, и братію удоволивъ, паки къ царствующему граду Москвѣ возвратися и имѣяй попеченіе веліе о святѣйшемъ Никонѣ, яко Святѣйшій Іоакимъ Патріархъ, Святѣйшаго Никона Патріархомъ именовати не поволилъ, и о семъ положи на сердцѣ своемъ мысль благу, еже писати о семъ ко вселенскимъ Патріархомъ, еже и бысть, оставшіяжъ Святѣйшаго Никона Архіерейскія одежды, митра, сакосы, мантии и клобуки и прочія одежды взя къ Москвѣ, въ монастырѣ же остави для воспоминовенія въ предъ идущіе лѣта народу, единъ сакошь и амофорій, и протчее Архіерейское одѣяніе, яже приличествуєтъ ко служенію архіерейскому, мантию же и патерицу и вся сія повелѣ въ ризницѣ хранить твердо: митру и сакосы, яже взято къ Москвѣ, посла царь Святѣйшему Іоакиму Патріарху, митру поминовенія ради Святѣйшаго Никона. Патріархъ же не прія, и та митра дана бысть Смоленскому Митрополиту Симіону, сакосы же, клобуки и мантия и иныя Архіерейскія его одежды, по царскому разсмотрѣнію розданы Архіереомъ поминовенія ради. Вѣдомо же и о семъ буди, како погребенъ бысть Святѣйшій Никонъ Патріархъ. По преставленіи же его, егда привезоша тѣло Святѣйшаго Никона и не дошедъ монастыря за едино поприще, идѣже монастырская мельница, зовомая Воскресенская на рѣчкѣ Песочинѣ, и ту по повелѣнію Цареву привезши сташа, и гробъ Святѣйшаго съ тѣломъ внесше въ келію, и пришедше изъ монастыря Архимандритъ Германъ со священницы, принесоша все одѣяніе новое, свиту бѣлаго сукна отъ власъ велбужихъ Греческая, юже самъ Святѣйшій Никонъ себѣ отъ давнихъ лѣтъ уготова, во время своего бытія до изгнанія въ Воскресенскомъ монастырѣ и до преставленія его, рясу бархатъ Таусинной, мантию Архіерейскую со источники и съ крижалъми, панагію и схиму; Архимандритъ же облекше со священницы во вся; тѣло же его невредимо отнюдь отъ вони злосмрадныя, аще и десятидневно пребысть; въ толикое бо время теплое ни мало повредися, но яко того часа преставися; лице же и плоть его ни чимъ не измѣнися, но все тѣло его цѣло и тлѣнію не причастно бѣ, и паки положиша во гробъ, въ немъ же привезоша, и въ монастырѣ по отпѣтіи надгробнаго возслѣдованія поставиша гробъ дубовый съ тѣломъ въ нововысѣченный каменный гробъ; камень же той, въ немъ же гробъ, источенъ во дни Святѣйшаго Никона Патріарха, егда бывшу ему въ Воскресенскомъ монастырѣ до изгнанія, повелѣніємъ его привезенъ со Окіана моря церковныя ради потребы, и драгою цѣною купленъ. Егда же благоволи Богъ преставитися ему отъ жизни сея, тогда убо Царь благочестивый въ камени томъ гробъ истесати

повелѣ. Егда же каменосѣццы камень той сѣкуще, тогда первѣ пилами отпиловавше дску толстотою въ два вершка, и по томъ, во глубину сѣкуще, елико вмѣстится деревянному гробу, и издолбиша той камень съ великимъ трудомъ, бѣ бо зѣло твердъ, зовомый бѣлый алебастръ драгоцѣнный, драгого такового не обрѣтается нигдѣ, и ископавше могилу въ церкви Іоанна Предтечи подѣ святою Голговою, въ двери входа на правой сторонѣ во углу, елико вмѣстится тому каменному гробу могуще, и по отпѣтіи надгробнаго принесше гробъ съ тѣломъ святѣйшаго во оную церковь Предтечеву. Царь же благочестивый съ Преосвященнымъ Митрополитомъ соблаговоли самъ своими царскими руками оный гробъ деревянной съ тѣломъ Святѣйшаго Никона въ нововысѣченной алебастровый гробъ положить, полагая же поя съ Митрополитомъ и прочими всѣми стихеры приличные тому, и покрывъ онаго каменною дскою, юже отпилавше съ тогожъ камня, а сверхъу деревяннаго гроба сведоша кирпичный сводъ въ земли не глубоко, и поровняше съ помостомъ равно. Царь же благочестивый непрестанно жалѣя о Святѣйшемъ Никонѣ, яко да поминается Патріархомъ; но обаче о семъ соизволи восписати въ палестину ко всѣмъ четыремъ Вселенскимъ Патріархомъ, и посла послати съ Царскими своими грамотами діака Прокофія Возницына, разрѣшенія прося Святѣйшему Никону, юже соборъ отлучи Патріархомъ именовати и писати запрети, моли о семъ Святѣйшихъ Вселенскихъ Патріарховъ, дабы о разрѣшеніи и прощеніи преставльшагося Святѣйшаго Никона во изгнаніи и о поминовеніи въ велицѣй соборной церкви и во всей Россіи во всякомъ священнослуженіи поминати Патріархомъ, якоже и прочихъ первопрестольныхъ Святѣйшихъ Московскихъ Патріарховъ; и Царское писаніе оно Вселенскимъ Патріархомъ скоро дойде, и паки вѣра сердца благочестиваго Царя ко обители Святой приложися, къ любви разжеся ко Святѣйшему Никону, и возжалъ отъ всея души своя совершити великую церковь, и повелѣ дѣлающимъ къ навершенію немедленно поспѣшати, сокровища же изъ своя Царскія казны повелѣ даяти неоскудно на всякія потребности къ Царскому дѣлу злата и серебра и денегъ, ризъ, стихарей, поручей, епитрахилей, драгоцѣнныхъ сосудовъ, златыхъ и сребренныхъ и иныхъ вещей множество, яже приличны суть церкви святѣй и олтаревы. Монастырей, пустынь со крестьяны и со всѣми угоды, село Троицкое съ деревнями, яже суть близъ монастыря, яже бысть прежде Бабарыкина, даде Царь монастырю, въ вѣчное владѣніе; но обаче же желая сердце его паче всего и попечение веліе имѣя непрестанно во вся дни жизни своя о совершеніи великія церквѣ; но содѣтеля нашего изволеніе бысть тако: общіи доли человѣческаго естества смерть, жизнь благочестивѣйшаго Царя Ѳеодора Алексіевича, всея Россіи Самодержца, прекрати; душа же его ко Господу

преставися въ вѣчное блаженство; тѣла же его гробу и землѣ предадеся лѣта 7190, мѣсяца Апрѣля въ 27 день. Желаемаго не получи, якоже душа его и сердце желаше по вся дни жизни своея видѣти великую церковь въ совершенствѣ и освященну. Вселенстїи же Патріархи грамоты Царскія отъ посла приняша и писанное моленіе и прошеніе видѣвши, толико тщательное произволеніе Царево и любовь отъ всея души и сердца о Святѣйшемъ Никонѣ, яко веліе попеченіе имѣя о разрѣшенїи и о причтенїи въ ликъ и о поминаненїи во всякомъ священнослуженїи съ прочими Святѣйшими Московскими Патріархи, яко бѣ достоинъ, понеже добродѣтельнъ о семъ житїи поживе, и мужественнъ вся напасти во изгнанїи претерпѣ, ко Господу отыде въ покаянїи; удивившася зѣло и благодаривъ Спасителя всѣхъ Бога даровавшаго Царю благочестивому таково тѣненїе и веліе попеченіе еже имѣя о душѣ его, яко прїснороднаго роднаго сына во Святомъ Дусѣ.

О писанїи грамотъ Вселенскихъ Патріарховъ.

И божественнымъ духомъ наставляемїи Святѣйшіи Вселенстїи Патріарси, Царское желаніе и прошеніе исполнивши, написаша грамоты своя о прощенїи и о разрѣшенїи блаженнаго Никона, и о причтенїи въ ликъ съ первопрестольными Святѣйшими Московскими Патріархи, и о поминаненїи во святѣй и велицѣй соборной Апостольской церкви, и повсюду въ Россїи, во всякомъ священнослуженїи помянати Святѣйшимъ Патріархомъ, и подписаша своими Архіерейскими руками, и запечатавъ своими печатями, якоже свидѣтельствуютъ сами тѣ грамоты, съ подлинныхъ переводовъ списаны въ концѣ сея книги; и прислаша тѣ грамоты къ Москвѣ въ лѣто 7191 году, мѣсяца Сентября въ 20 день, съ тѣмъ же посломъ.

Благочестивому же Государю Царю Θεодору Алексіевичу, всея Россїи Самодержцу, преставльшуся отъ жизни сея ко оному блаженству въ вѣчный покой; грамоты же Вселенскихъ Патріарховъ посоль прїнесе по смерти Царя во царство братїи его благочестивыхъ Государей Царей и Великихъ Князей Іоанна Алексіевича, и Петра Алексіевича всея Россїи Самодержцевъ. Благочестивые же Государи Цари грамоты Святѣйшихъ Вселенскихъ Патріарховъ прїяша и повелѣша перевести на Россійскій языкъ, зане писаны Греческимъ языкомъ, и переведши ихъ послаша переводъ Святѣйшему Іоакиму Патріарху, глаголя, яко таковы суть грамоты брату нашему, блаженныя памяти Царю Θεодору Алексіевичу всея Россїи, присланы отъ Вселенскихъ Патріарховъ, о прощенїи и о разрѣшенїи и о причтенїи въ ликъ съ

первопрестольными Патріархи, и о поминовеніи во всякомъ священнослуженіи, якоже и прочихъ Московскихъ Патріарховъ, тако же и Святѣйшаго Никона Патріарха.

Святѣйшій же Іоакимъ Патріархъ, слышавъ сія глаголы, и переводныя грамоты видѣвъ, и рече: аще не принесете присланныхъ грамотъ Святѣйшихъ Вселенскихъ Патріарховъ за ихъ руками и печатями ихъ, сему не иму вѣру. Присланный же шедъ повѣда Великимъ Государемъ Царемъ, яже рече Патріархъ, и абіе послаша Цари оныя грамоты къ нему, юже прислаша Вселенскіе Патріархи. Патріархъ же видѣвъ сущія грамоты Вселенскихъ Патріарховъ, за подписаніемъ рукъ ихъ и печатями, повелѣ переводчикамъ оныя грамоты предъ собою прочитати, и увѣдѣвъ юже писано въ нихъ о Никонѣ Патріархѣ, и рече: се вижду сіи сущія грамоты Вселенскихъ Патріарховъ православныхъ, за приписаніемъ рукъ ихъ и печатями, и писанное видя глаголя: сужду бо и азъ праведно быти сему. Тако и абіе отъ времени того начаша въ велицѣй соборнѣй церкви и повсюду во всякомъ священнослуженіи поминати блаженнаго Никона Святѣйшимъ Патріархомъ, якоже и прочихъ Московскихъ Патріарховъ, и въ соборной синодикъ написати повелѣ Патріархъ, а грамотамъ симъ достойно быть въ ризницѣ Патріаршей ради свидѣтельства вѣрна, такожде и самъ Святѣйшій Іоакимъ Патріархъ, когда бываетъ въ Воскресенскомъ монастырѣ, поя панихиды, поминаетъ блаженнаго Никона Святѣйшимъ Патріархомъ.

О церкви.

Церковь же великая въ несовершеніи остася по смерти благочестиваго Государя Царя Ѳеодора Алексіевича всея Россіи; но еще милостивый Богъ нашъ, Творецъ всего міра и Создатель молитвами отца нашего, великаго Архіерея Святѣйшаго Никона Патріарха, не остави обители сея быти въ забвеніи, положи мысль благу въ сердца Великимъ Государямъ Царемъ и великимъ Княземъ Іоанну Алексіевичу и Петру Алексіевичу, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержцемъ, и Государынямъ благовѣрнымъ Царицамъ и благороднымъ Царевнамъ и Великимъ Княжнамъ Татіанѣ Михайловнѣ, Софіи Алексіевнѣ, и прочимъ Государынямъ Царевнамъ, якоже и благочестивому Государю Царю и Великому Князю Ѳеодору Алексіевичу, попеченіе о совершеніи великія церкви, и вѣрою ко Господу Спасителю нашему Богу, и любовію ко обители святѣй, тщаніемъ ихъ Царскаго пресвѣтлаго Величества, каменную великую церковь воскорѣ совершиша (яже Святѣйшій Никонъ Патріархъ основа), во славу и честь Христу

Богу нашему, и въ похвалу Россійскому Государству, понеже въ тѣлѣ таковыя великія церкви величествомъ и подобіемъ изряднымъ и многими вещьми, на подобіе Іерусалимскія церкви не обрѣташеся нигдѣ; и тако за благоволеніемъ великаго Спасителя нашего Бога и Содѣтеля и молитвами начальнаго основателя и фундатора святыхъ обители сея Святѣйшаго Никона Патріарха, пособіемъ же и позволеніемъ Великихъ Государей Царей и благовѣрныхъ Царицъ, и благородныхъ Царевенъ Татіаны Михайловны, Софіи Алексіевны, та святая великая церковь остроится и совершится и украсится. Ко освященію же тоя великія церкви сподобляя и вся потребныя вещи приуготовляяй Великая Государыня благородная Царевна и Великая Княжна Татіана Михайловна, изъ своея Государскія комнаты, сосуды златыя и сребренныя, и украси святое Евангеліе драгоцѣнное и воздухи драгія, своима руками труждаяся, такожде и кресты златыя и сребренныя драгоцѣнныя, устрои иконостасъ великій Сницерскія работы драгія и мудрыя, весь позлащенный, мѣстныя же святыхъ иконы и наложныя письма драгоцѣннаго златомъ и бисеромъ и каменіемъ и жемчугомъ драгоцѣннымъ украси. Разныя же стихари, епитрахили и поясы и поручи изъ матерей драгоцѣнныхъ, книгами и всякими утварьми, яже суть церкви и олтаревы прилично, всѣмъ удоволи неоскудно и денежныя казны, и инныя вещи, яже къ совершенію Божіи церкви, довольно одари и положи.

О освященіи великія церкви.

И тако всѣхъ Творецъ и Зиждитель всѣхъ Богъ устрои, по желанію и благому намѣренію Великія Государыни Благородныя Царевны и Великія Княжны Татіаны Михайловны, якоже душа ея святая не престаѣнно желая видѣти въ совершеніи церковь святую, тако Богъ и сотвори, соверши и освяти Пресвятымъ и Животворящимъ своимъ Духомъ, силою и дѣйствіемъ чрезъ Архипастыря всея Россіи, великаго Архіерея Святѣйшаго Іоакима Патріарха Московскаго. Бысть же на освященіи отъ освященнаго чина Архіереи: Варсонофій Митрополитъ Сарскій и Подонскій, Гавріилъ Архіепископъ Вологодскій, Аѳанасій Архіепископъ Холмогорскій, Архимандриты со священники и діаконы, и всякаго священнаго чину.

Соизволи же ту быти на освященіи и царское пресвѣтлое Величество, благочестивѣйшій Великій Государь Царь и Великій Князь Іоаннъ Алексіевичъ, всея великія и малыя и бѣдыя Россіи Самодержецъ, и благовѣрныя Царицы, и благородныя Государыни Царевны и Великія Княжны, Татіана Михайловна, Софія Алексіевна, и прочія

благородныя Государыни Царевны, и отъ сикклита Царскаго всякаго чина не мало, и множество всякаго чина людей отъ народа.

Бысть же сіе освященіе святыя великія церкви, яже создана бысть на подобіе Іерусалимскія церкви, въ монастырѣ Живоноснаго Христова Воскресенія, рекомаго Новаго Іерусалима, въ строеніи Святѣйшаго Никона Патріарха Московскаго и всея Россіи, въ лѣто отъ созданія міра 7193 году, отъ воплощенія же Божія слова 1687 году, мѣсяца Іаннуаріа въ 18 день, на память иже во святыхъ отецъ нашихъ Аѳанасія и Кирилла Архіепископовъ, Александрійскихъ чудотворцевъ, при державѣ благочестивѣйшихъ Великихъ Государей Царей и Великихъ Князей Іоанна Алексіевича и Петра Алексіевича, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержцевъ, и при настоящихъ начальствуемыхъ и паствуемыхъ обители святыя Воскресенской Архимандритъ Никифоръ, строителъ старецъ Сергіѣ Турчининъ, яже въ семъ дѣлѣ въ навершеніи святыя великія церкви и во всѣхъ монастырскихъ исправленіяхъ зѣло трудившася со тщательствомъ прилѣжнымъ, яже никто же тако инъ, художество онъ имѣя ляніе колокольное, ляніе бо рукъ трудовъ его всѣ колокола во обители Воскресенской, токмо кромѣ единого великаго звона колокола, и ту онъ съ мастеромъ своимъ трудися, при казначеѣ Іеромонахѣ Варлаамѣ, яже бывъ во изгнаніи многая лѣта въ Ферапонтовѣ монастырѣ со Святѣйшимъ Никономъ Патріархомъ, о немъ же писано выше, и братіи было не менѣ двою сотъ, а съ приписными монастыри и пустыни не менѣ четырехъ сотъ было братіи; еще же по милостивому призрѣнію Великихъ Государей Царей благочестивыхъ, всея Россіи Самодержцевъ, ко обители святѣй въ приписаніи съ монастыри и пустыни и съ домовными монастырскими вотчины, крестьянскихъ дворовъ по переписнымъ книгамъ 186 году 2097, соляного промыслу въ великой Перми на Камѣ рѣкѣ, въ Государскомъ промыслу на верхней Веретіи нашихъ монастырскихъ четыре варницы, рыбного семожья промыслу на морѣ Окіанѣ на Колской сторонѣ въ морѣ, а въ рѣкахъ Поноѣ съ товарищи рыбныя ловли и въ Тундрѣ Лопари промышляютъ, елени, песцы, волки, лисицы и протчіе звѣри. И тако убо отъ времени того, въ неже призрѣ Господь Богъ милосердіемъ своимъ паки на обитель святую, и озари мысленныя очи сердечными сіяющаго во благочестіи, благочестивѣйшаго Государя Царя Ѳеодора Алексіевича, всея Россіи, и по отшествіи убо его житія сего Царствующихъ по немъ братій его, благочестивѣйшихъ Государей Царей и Великихъ Князей Іоанна Алексіевича и Петра Алексіевича, всея Россіи Самодержцевъ, и благовѣрныхъ Царицъ, и благородныхъ Царевенъ и Великихъ Княженъ, Татіаны Михайловны, Софіи Алексіевны, по благовому ихъ намѣренію, и вѣрою ко Господу Богу, обитель святая стро-

ится и до нынѣ ихъ Государскимъ милостивымъ призрѣніемъ, всякою казною изобильно и пришествіемъ своимъ Государскимъ часто при-сѣщаютъ обитель сію святую.

А о сей исторіи тщательно потрудися мужъ благочестивый, ревность имѣя по Бозѣ и по духовнѣмъ пастырѣ и отцѣ своему Святѣйшему Никонѣ Патріархѣ Московскомъ, и всея Россіи. Имя же того писавшаго исторію сію, аще кто имать разумъ и да разумѣть, 5 литеръ имать, 3 самогласныхъ согласная же 1 и припрежногласная 1 жъ, и дебелая имя суть же 4 сложно во приобщеніи, числожъ имать глагола, и отечество же имать литеръ 11, о нихъ же согласныхъ 5, самогласныхъ 4, припрежногласныхъ 2; въ нихъ тонкихъ 1 дебелая, суть же 4 сложно, вообщеніижъ число имать 293; въ прозваніи же литеръ 50; согласныхъ 4, самогласныхъ 3; припрежногласная 1 и дебелая суть же три, сложно во приобщеніи число же имать 563; имя же того и отечество съ прозваніемъ имать убо вкупѣ великое число 997, чиномъ же клирикъ иже бѣ знаемъ вельми Святѣйшему Никону Патріарху, понеже бо той воспитанъ изъ дѣтска возраста и возмужа при бедрѣ его и во время соборовъ много зла претерпѣ, во дни изгнанія Святѣйшаго Никона Патріарха въ заточеніи сидя въ Москвѣ за разными стражи три лѣта; по томужъ во изгнаніе посланъ въ Великій Новъ-Градъ во свое отечество, бѣ бо рожденіе онъ имѣя той градъ, и бѣ тамо во изгнаніи десять лѣтъ, и абіе по прошенію Великой Государыни царевны и Великой Княжны Татіаны Михайловны освобожденъ бысть изъ Нова-града и взять къ Москвѣ, во царство благочестиваго Государя Царя Ѳеодора Алексіевича, всея Россіи; той же мужъ благочестивый вѣру имѣя велию ко Господу Богу и ко святѣй обители Воскресенской о навершеніи великія церкви веліе тѣцаніе показа ходатайствомъ своимъ ко благородной Государынѣ Царевнѣ и Великой Княжнѣ Татіанѣ Михайловнѣ о всякихъ нуждныхъ потребахъ, яже суть прилично къ навершенію церквѣ и освященію; понеже той мужъ бѣ при милости Государской бысть, благородной Государыни Царевны и Великой Княжны Татіаны Михайловны, и милость Государскую имѣя къ себѣ неизреченную, паче инѣхъ сверстникъ своихъ чину того же, и о всѣхъ монастырскихъ нуждахъ пекился непрестанно, занеже и намѣреніе свое имѣя, по отшествіи жизни сея, желая ко обители святой Воскресенской, и тѣло свое предати погребенію близъ своего пастыря и учителя; той же мужъ благочестивый и исторію сію написа о извѣстіи рожденія, воспитанія и всего бытія его въ жизни сей Святѣйшаго Никона Патріарха, и о начатіи обители святой Воскресенской, и о величій церкви, како начася и совершися, и о преставленіи его и о погребеніи, во всемъ отъ начала подробну написа, ово самъ видѣ

творимая, и отъ устъ слыша самого Святѣйшаго, ово же слыша отъ братіи жившихъ со Святѣйшимъ во изгнаніи бываемая терпѣнія и нужды, даже до самыя кончины его; написа же сіе во славу и честь Божию имени святому, и въ сладость послушающимъ и прочитающимъ, на увѣденіе будущимъ, и впредь обитающимъ во обители Воскресенской, рекомый Новый Іерусалимъ, братія и всякаго рода христіанскаго, дабы память его Фундатора начальнаго Святѣйшаго Никона Патріарха незабвенно въ поминаненіи вѣчно была, дондеже міръ вселенней стоитъ. Нынѣ и присно и со вѣки вѣковъ, аминь.

Переводъ съ Греческаго письма съ прощательной грамоты Цареградскаго Іакова Патріарха о Никонѣ, какова послана блаженныя памяти къ Великому Государю Царю и Великому Князю Θεодору Алексіевичу, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержцу, съ діакомъ Прокофьемъ Возницынымъ. Переведена въ нынѣшнемъ во 191 году, Сентября въ 9 день.

Іаковъ милостію Божіею, Архіепископъ Константина града, новаго Рима и Вселенскій Патріархъ, труждышимся въ терпѣніи, и вѣнецъ терпѣнія пріявшимъ отъ Бога, преподобныя памяти приносить всегда должествуемъ; но и свидѣтельствованнымъ достойному мужемъ терпѣнія страстей, бренное нѣкое оскверненіе, какъ ни есть прежде свидѣтельствовавшее надъ нимъ очистивъ, и плоды достойныя покаянія показавше, чистымъ же чистому соединивше и благодержновенно ко Господу отшедшимъ въ ликъ сочетати, ихъ же преподобно отъ церкви поминаненіе имѣюще, не меньше должности есть, сіе бо благоденственное благодѣяніе, чрезъ него же благочестія совершенство начертается, даруй бо глаголетъ Апостолъ, въ терпѣніи благочестія спасти, вѣдаетъ паче же и онаго благоразумно живущимъ въ немъ, и ко блаженному скончанію водити, и приснопамятныхъ совершати; въ терпѣніи бо вашемъ стяжите души ваша, и претерпѣвый до конца той спасется. Христосъ Іисусъ въ правду глаголетъ, иже всѣхъ беззлобенъ Господь; како есть праведнымъ судити согрѣшившимъ, тако есть милостивъ, воеже примати ихъ же въ покаяніи и душевномъ смиреніи обрѣтающихся, тѣмъ же судъ вкупѣ и милость воспѣвая: пророкъ же тому каждому толкуетъ дѣяніе, есть бо гдѣ и во многихъ мѣстѣхъ видѣти избранныхъ отлучившимся славы и достоинства, согрѣшивши, и паки покаяніемъ возвратившимся, никто оставляемъ познахомъ и покающимся ко всеблагому Господу Богу; бо елика согрѣшиша къ прежнему достоинству приводимыхъ, кто убо паче Манассія согрѣши, идолослуженіемъ себе изскверни и безвинныхъ кровію міротвори немало мучивъ и наказавъ пока вся воспріяти его и оставляя ему прегрѣшенія, кой иже имѣлъ, и царствіе его паки возвратилъ, которымъ образомъ и святыя церкви Христовы,

вѣтвіи изъ вышенемалыхъ судомъ обидивше прегрѣшившихъ, абіе же таковыхъ терпѣніемъ оправдившихся, и прежнюю честію сподобивша ихъ, яко же связати, такожде и разрѣшити, Апостольскою и Евангельскою благодатію наслѣдиша достоинства, понеже убо и въ прошлыхъ годѣхъ Патріаршествовавши Патріархъ Московскій и всея Россіи Никонъ, изверженіе отлучи соборное, и изгнаніе Патріаршескаго престола своего отъ тамо собравшагося собора, иже четвертостію Святѣйшихъ Патріарховъ, исполненіе самосущне рещи къ собранію, Александрійскаго господина Паисія, и Антіохійскаго господина Макарія, мыслодательствомъ оттуду, Константинопольскаго господина Діонисія, предвоставляя Іерусалимскаго господина Нектарія, и тамошнихъ мѣстныхъ Архіереовъ, и всего церковнаго чина призываніемъ, тогда царствующаго благочестиваго и приснопамятнаго Государя Царя Алексія Михайловича, и тако осужденъ винъ ради душевныхъ, или тѣлесныхъ нѣкнихъ, отъ Архіерейства безъ возванія оно чуждая исцѣленія невоспріемное творя, ниже на божественная преданія благочестія согрѣши; ибо не иде въ совѣтъ нечестивыхъ, ниже ста въ путь грѣшниковъ, ниже на сѣдалищи губителей не сѣде, пѣснословно препроводилъ, не даде сна очима своимъ, ниже дреманія челѣ своимъ, ниже покоя составомъ своимъ, дондеже блаженный сномъ уснувъ, благочестно ко Господу отъиде, сего ради скипетръ Царственная украшаю тамошняго царствія: приснопочтенный благочестивѣйшій и Богомъ вѣнчанный Великій Государь Царь и Великій Князь Ѳеодоръ Алексіевичъ, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержецъ, и многихъ государствъ и земель восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ отчичъ и дѣдичъ наслѣдникъ Государь и обладатель во святомъ душѣ, сынъ возлюбленный нашего умирения, благоволеніемъ зѣло призрѣ въ мужа того благодѣянія, терпѣніе и смиреніе возлюби, воззывать его законно во Архіерейское и Патріарше сочисленіе, и съ прочими Патріархи Московскими воспріяти и ему церковное поминовленіе и писалъ въ честной и всеславной государственной грамоты своей чрезъ посланнаго къ намъ государственнаго и великаго посла діака Прокофья Богданова сына Возницына, благословенно просилъ, аще возможно есть, его же толикими божественными благодѣянiami и смиреніемъ и трудами довольное наказаніе исполнивъ, получитьи отъ церкви милость, и на Патріаршеское сочисленіе воззывать, сирѣчь, воеже пріимати Патріаршеское поминовленіе, которое дѣло передъ соборомъ прочетши и по правиламъ испытно осмотрѣвъ, явилось благословно и безпричинно быти, милости сподобися сему въ терпѣніи великодушевномъ страдателя, и къ Патріаршескому воззывать поминовленію, не разрушенія ради собора онаго, отъ котораго онъ изверженъ бысть, никако соборъ той не разрушенъ и непороченъ быти же паче нерушимо и

крѣпко хранимое хощемъ, но подражанію дающе божественную милость, еюже церковь благочествуетъ; яко не безпрощательная прегрѣшивше, многократными же добродѣтельными кончины малое прегрѣшенія оскверненія своего очистивъ, праведно и достойно благопріятнаго мужа онаго изверженія возмѣняемъ, но изъ выше отъ святыхъ отецъ содержимому извычаю, и по правильной церкви кротости: сего ради силою и властію и благодатію всесильнаго и вседѣтельнаго духа пишемъ, объявляемъ соборной единомысліемъ и ихъ же при насъ преосвященныхъ Архіереовъ, и пречестныхъ въ душѣ возлюбленныхъ нашихъ братій и сослужителей, да преподобныя памяти возлюбленный нашъ братъ, господинъ Никонъ, бывшій Патріархъ Московскій и всея Россіи, вмѣсто воздаянія и издвоздаянія, показавый долгомъ постничествѣ терпѣніе, имѣеть прощеніе приключившагося ему соборнаго изверженія, и да будетъ прощенъ въ нынѣшнемъ вѣцѣ и въ будущемъ; отца, и сына, и святаго духа, святія и Живоначальныя Троицы, воспріявше же духовный хитонъ, Архіерейство да приемиетъ, яко Патріархъ церковное поминоуеніе, поминаемъ съ прочими Патріархи Московскими въ царскихъ дверехъ, и по всякимъ именованнымъ временамъ и священныхъ церквей послѣдованіяхъ безсумнѣнно, да сочетается взявъ во именованіе протчихъ Патріарховъ Московскихъ, Патріархомъ же, являемо, и именуемо, и поминаемое, ни единъ да не сопротивится, подлинно тако да будетъ; тѣмъ же во оправданіе издадеша сія прощенія его соборно почтенная грамота, на пергаментѣ писана лѣта 1682 году мѣсяца Маія въ 5 день. Внизу грамоты приписано тако:

Іаковъ милостію Божією Архієпископъ Константина града Новаго Рима и вселенскій Патріархъ.

Переводъ съ Греческаго письма, съ прощательной грамоты, Александрійскаго Парѣенія Патріарха о Никонѣ, какова прислана блаженная памяти къ Великому Государю Царю и Великому Князю Θεодору Алексіевичу, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержцу, съ діакомъ Прокофьемъ Возницынымъ. Переведена въ нынѣшнемъ 191 г., Сентября во 2 день. Въ началѣ грамоты написано: *Христосъ воскресъ: воистинну воскресъ.*

Боже отецъ и Господи милости, сотворивый всею мудростію своею, и положивый ихъ, иже вся суть имѣеть крѣпость словомъ твоимъ, иже небеса измѣрилъ еси, и землю и море и вся яже въ нихъ, твоею силою поклоняются, иже солнце свѣтлость твою всякому живущему показалъ еси, объявляющій неизреченную мудрость и крѣпкую область; превышнее Господи начальство твое, иже челоуѣка отъ земли сотворилъ еси, и сему тѣло отъ четырехъ стихій, и тому положи послѣ раздѣленіе души, въ землю возвратится, и бысть дондеже вос-

трубятъ страшнымъ повелѣніемъ твоимъ, и лице земли обновится, ты Владыко и благодательный Царь, преславный, безначальный, неприступный, неизслѣдимый невидимый, безсмертный, пріипостасный Боже, иже ради Наѡана Пророка, простилъ Богу отцу согрѣшенія его, иже сотворилъ. иже Манасію въ Вавилонѣ покаявшагося простилъ еси, и въ Вавилонѣ градъ царствіе далъ еси, иже блуднаго сына согрѣшившаго и возвратившагося возлюбилъ еси, иже мытарево смиреніе и покаяніе воспріемъ, услыши молитву нашу и гласъ моленія нашего. прости раба твоего почившаго Никона Патріарха; имѣешь убо неизрѣченное человеколюбіе и щедроты премногія, милость богатую: милостивъ буди о грѣсѣхъ нашихъ яко ты еси единъ святъ и праведенъ; рабъ твой Никонъ Патріархъ священному чину досадилъ, или самовластію или нуждею согрѣшилъ; прости мене ради недостойнаго раба твоего, яко всеиленъ и преблагъ Богъ; помилуй прости и остави, ты бо единъ еси имѣяй власть сію; сего ради молимся, прости его почившаго раба твоего, яко человекъ согрѣшилъ, остави вся душевныя и тѣлесныя грѣхи, и сподоби быти прощенна отъ твоего трисолнечнаго божества, яко ты единъ имѣешь власть отпущати грѣхи и простити, вязати и рѣшити, и сподоби раба сего отпущенія грѣховъ души и тѣла, еже быти ему въ селѣхъ праведниковъ, въ нѣдрѣхъ Авраама въ соединеніи избранныхъ Патріарховъ, идѣже неизрѣченная радость и оставленіе печали и воздыханія, его же тѣло разрѣши, въ томъ же и созданъ бывъ, дондеже да возрадуется въ Воскресеніе, молитвами Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы и присно Дѣвы Маріи, и всѣхъ твоихъ святыхъ, отъ вѣка тебѣ благоугодившихъ, яко благословенъ еси во вѣки вѣковъ, аминь.

Г р а м о т а в т о р а я.

Господи Іисусе Христѣ Боже нашъ, едиnorodный сынъ, безсмертный отцу, ради человеческого спасенія и слезъ плоть воспріавъ отъ всечистой крови, присно Дѣвы Маріи, и человекъ ради спасенія, и раздравый рукописаніе грѣховъ нашихъ, копіемъ и крестомъ, и даде область тридневнымъ твоимъ Воскресеніемъ, и Апостоломъ божественнымъ духомъ, вязати и рѣшити, глаголюще: *пріимите духъ святъ, елико отпустите грѣховъ, отпущени будутъ*; и ради ихъ сподоби и насъ наслѣдниковъ быти сего божественнаго дарованія, неизреченному своему человеколюбію, такожде вязати и рѣшити, въ мірѣ твоемъ: ты бо еси свѣтъ и благи податель и Царь, ради своего умирненія прости рабу твоему почившему Никону Патріарху, елико въ животѣ своемъ сотворилъ, и отпусти ему елико словомъ и дѣломъ и помышленіемъ согрѣшилъ, разрѣши его или своею волею клянушагося, или отъ инаго пріявшаго, грабленіемъ или завистію сотворенное лукавое такову вину

пріявшаго. Тако Владыко преблагій, Петръ отвержесе, и слезя плакався, помилова блудницу со слезами плакавшуюся, не изженулъ еси разбойника покаяніе воспріявъ, въ раю быти достойна; благоволи яко благъ и премилостивъ душу его со святыми тѣми отъ вѣка тебѣ благоугодившими, и тѣло твоего сотворенія священнымъ именоватися Патріархомъ, молитвами Господи Пречистыя Матере твоея, и святаго славнаго Апостола и Евангелиста Марка, и всѣхъ святыхъ, яко благословенъ еси во вѣки вѣковъ, аминь. Внизу грамоты приписано:

Парвеній милостію Божією Папа и Патріархъ великаго града Александріи и Судія вселенныя.

Переводъ съ Греческаго письма съ прощательной грамоты Антіохійскаго Неофита Патріарха о Никонѣ, какова послана блаженныя памяти къ Великому Государю Царю и Великому Князю Ѳеодору Алексіевичу, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержцу съ діаконъ Прокофѣемъ Возницынымъ, въ нынѣшнемъ во 191 году, Сентября въ 9 день.

Неофитъ милостію Божією Патріархъ Божія града Антіохіи и всего востока, повелѣніемъ Царей благочестивыхъ, подлежащимъ ихъ народомъ житейское спасеніе есть ко надлежащимъ и дѣламъ къ добру сручнѣйшее наставленіе и укрѣпленіе и утвержденіе, тѣмъ же и основаніе людемъ въ правду назвашесе, Архіереовъ же попеченіе праведныхъ догматовъ заступленіе есть, наставляя, уча о душевномъ спасеніи и избавленіи, аще убо явитися и мала кая царская душа, обое сіе имуща въ различномъ достоинствѣ, имѣлъ быти царь имущи такову душу, и не имѣлъ быти въ забвеніе, никогда отъ памяти челоувческихъ родовъ; но понеже не токмо о живыхъ и предстоящихъ спасеніи, по достоинству каждаго чина попеченіе имѣеть, но и о преставльшихся, такожде пекущимся многихъ словамъ и похваламъ челоувческимъ имѣлъ быти приточенъ; обрѣтаемъ сего ради живыхъ и мертвыхъ обладаемому Богу. Таковую убо благочестивую душу, Божественнымъ произволеніемъ сіяюще имѣя, благочестивѣйшій Богомъ вѣнчаный Великій Государь Царь и Великій Князь Ѳеодоръ Алексіевичъ, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержецъ, и многихъ государствъ и земель, восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ отчичъ и дѣдичъ, наслѣдникъ и Государь и обладатель, отческаго же благочестія ревнитель крайнѣйшій, и владыко милостивый кратчайшій: иже во святѣмъ Дусѣ сынъ возлюбленный нашего умирения, яко правдивыхъ догматовъ хранитель, отческихъ же преданій и подлежащихъ царствія его вкупѣ народовъ спаситель, не токмо о достоинствѣ и чести живыхъ попеченіе имѣя, но и со благоговѣніемъ и надеждою жизни вѣчныя, ко Господу отшедшихъ воспоминаувъ, яко благоутробенъ, блаженнаго покоя; и тогда Патріаршествовавшего въ царствующемъ велицѣмъ градѣ господина Никона, вымышляя Патріаршеское оное имя не осталось въ забвеніи отъ памяти имянъ, ихъ же въ царствующемъ ономъ велицѣмъ градѣ Москвѣ бывшихъ Архіереовъ и Патріарховъ и освященнаго воспоминаванія ихъ, опасаяся же, яко любоблагочестивъ, да не священнымъ правиламъ прегрѣшитель, изволилъ Божественною царственною грамотою своею объявить намъ благоугодныя своя мысли,

вопрошая, да не мимо правилъ есть желаемое, зане оной Никонъ соборомъ изверженъ бысть, и аще достойно есть и возможно въ помино-
венныхъ отшедшихъ Патріарховъ и сему поминатися безгрѣшно, тѣмъ же умирение наше и произволеніе его Царской души похваливъ, и со благоговѣніемъ вопрошенія его испытали, и онаго господина Никона послѣ мѣстнаго собора изверженія, тамо сущихъ блаженнѣйшихъ оныхъ Патріарховъ, Александрійскаго рече, и Антіохійскаго единомысліемъ, и Константинопольскаго господина Діонисія, и святаго града Іерусалима господина Нектарія, испытно увѣдавъ, душевное и сердечное помышленіе его, и паче силы суть страданія и бдѣнія, и уже страданія паче челоуѣка, и безпрестанно отъ Спасителя Христа во оставленіи грѣховъ своихъ прося отъ тамошняго собора, и отъ царственнаго Величества и отъ славнаго синклита, прощеніе получить прося, и суще въ сихъ ко Господу отъиде, согрѣшенная же отъ него яко челоуѣческихъ страстей прощательная, и къ смерти ведущая суще видѣхомъ, инъ бо въ ереси нѣкоей, или въ раскольство подпаде, которыхъ радилучилося быти, и малое церковное наказаніе, сіе убо и послѣ изверженія, благоугодное его покаяніе разсуждая, наипаче прощенія Божественнаго и святаго Царя видя, выразумѣхомъ священныхъ соборовъ и святыхъ правилъ, яко много отъ Архіерей и Патріарховъ разныхъ вины ради изверженнымъ бывше, по томъ покаяніемъ прежнія чести и святаго именованія сподобившимся; сего ради умирение наше пишеть, и Святымъ Духомъ объявляетъ, по священнымъ правиламъ изложеніемъ святыхъ отцевъ, и по извыше преданіемъ, вездѣ суще, церкви: вышерѣченный господинъ Никонъ, отъ святаго въ Москвѣ собора изверженный отъ Архіерейства, нѣкихъ ради винъ прощательныхъ, послѣди же покавшись волею, прощенъ да будетъ; и по смерти отъ святыхъ и единосущныхъ и нераздѣлимыхъ Троицы, единого естествомъ единственнаго Бога, и поминатися ему вообще, священныхъ дверехъ съ прочими Патріархи Московскими, блаженное упокоеніе пріявшими, съ ними же сочтеть его Господь въ селѣхъ избранныхъ, обаче же собравшагося тамъ тогда святаго собора, вся прочая, елика поставиша и повелѣша, желаемымъ пребывати нерушимая и крѣпко хранимая, тѣмъ же во утверженіе вышеписанныхъ и объявленіе. Дана сія умирения нашего грамота, и укрѣпленная нашимъ подписаніемъ и Патріаршескою печатію, во градъ Финикъ, лѣта отъ спасительныхъ страсти 1682 году, мѣсяца Маія въ 5 день. Внизу грамоты написано Патріаршескою рукою:

Неофитъ милостію Божією, Патріархъ Божія града Антіохіи и всего востока.

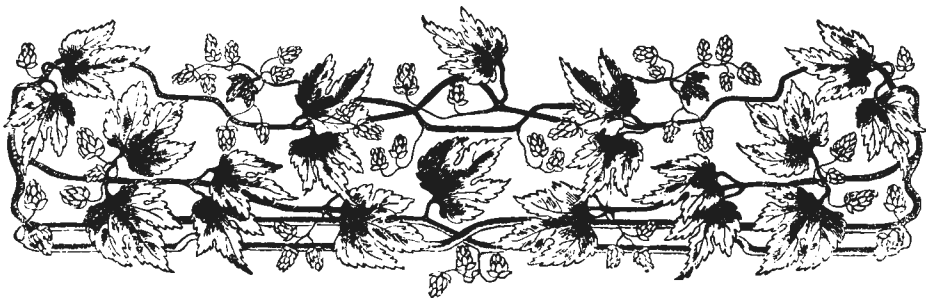
Переводъ съ Греческаго письма, съ прощательной грамоты, Іерусалимскаго Досифея Патріарха, о Никонѣ, какова послана блаженныя памяти къ Великому Государю Царю и Великому Князю Ѳеодору Алексіевичу, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержцу, съ діаконъ Прокофѣемъ Возницынымъ, въ нынѣшнемъ во 191 году, Сентября въ 9 день. Досифей милостію Божією Патріархъ святаго града Іерусалима и всея Палестины.

Судъ вкупѣ и милость, Божественная церковь принявъ отъ Бога каждая въ пользу устроить, по временамъ не отрекается, различныхъ ради вмѣняемыхъ вещей, тѣмъ же убо наказуетъ къ цѣломудрію, правдою суда, достойная наказанію сотворимъ. помилуетъ же такожде и челоуѣколюбія и благопріятно воспріиметь, обращающимся и самимъ о себѣ покаявшимся и пекущимся, или о оныхъ ради просящихъ, и къ прежнему таковыхъ призываетъ чину и достоянію, аще прощательная согрѣшиша, и исцѣленію не безъ пріятія, такожде изъ стари можемъ видѣти, во многихъ различныхъ причинахъ сущихъ святіи и Богоносніи отцы, такимъ образомъ управивша вещей въ церковномъ священнаго постоянства, иногда бо судомъ согрѣшающая наказуя, а иногда тѣхъ же обратившихся въ покаяніе и милостію братолюбною воспріимающе, и ко священному лику считающе, якоже связати, такожде и разрѣшати. Преукрашено достоинство, Евангельское наслѣдоваше благодати; понеже убо въ прошлыхъ годѣхъ бывшій Патріархъ царствующаго града Москвы и всея Россіи господинъ Никонъ изверженіе улучи соборное, и оставленіе Патріаршескаго престола своего, отъ тамо собравшагося собора восточныхъ Святѣйшихъ Патріарховъ Александрійскаго рещи господина Паисія, и Антіохійскаго господина Макарія, общемысліемъ начальствующихъ, и Константиноградскаго господина Діонисія, вкупѣ Іерусалимскаго господина Нектарія, чрезъ соборныя ихъ грамоты, присланныя со Іеродіакономъ Мелетіемъ, и отъ тамошней святыя церкви священноsobранія, призваніемъ приснопамятнаго благочестивѣйшаго государя Царя Алексія Михайловича, царствіе тогда управляюща, ни убо согрѣшеній ради душевныхъ, ниже вовсе развратныхъ духовнаго осужденъ благодатію, понеже благочестивъ бѣ въ божественныхъ дѣлѣхъ, и хранитель святыхъ канонъ, и ревнитель отеческимъ преданіемъ, како подобаетъ, но челоуѣческимъ нѣкоимъ малодушіемъ и гнѣвомъ побѣжденъ бысть, и оставя паству свою, и презря Патріаршеское достоинство, сопротивляемъ бысть гнушався, и гнушаемъ, и въ томъ причина, а не како подобаше Патріаршескому чину, нача ступати, и съ тѣмъ вмѣстившеся ссоры неисправимыя посредѣ его и царственныя державы, виновно осужденъ и по правиламъ повиненъ церковному наказанію и изгнанію Патріаршескаго престола, которое изгнаніе доброю совѣстію претерпѣвъ, нѣсть словесно рещи явно; елици же и коликихъ терпѣній и смиреній дѣлъ соверши и блаженнаго благодѣянія, паче слова, кончинами очисти малую вину согрѣшенія своего; по сихъ всѣхъ не преста просити прощенія у священнаго лика, и у царственнаго Величества, и у всего сикклита, дондеже благочестно ко Господу отыде; и того ради нынѣ восхотѣ Царствующій и Благочестивѣйшій и Богомъ вѣнчанный Великій Государь Царь и Великій Князь Ѳеодоръ Алексіевичъ, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержецъ и многихъ государствъ и земель восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ, отчичъ и дѣдичъ и наслѣдникъ, Государь и обладатель, иже во святомъ Дусѣ сынъ возлюбленный нашея мѣстности, имѣя благоговѣніе зѣло, и благопочитаніе ко благимъ дѣломъ мужа того, къ терпѣнію же и смиренію его; правило въ соединеніе и сочисленіе Архіереевъ и Патріарховъ, и въ помино-

веніе съ прочими Патріархи Московскими, писа къ намъ препочтенную и святую грамоту свою, со своимъ Царскаго Величества великимъ посломъ съ діаконъ съ Прокофємъ Богдановымъ сыномъ Возницынымъ, прося и провѣдая, аще праведно есть изверженнаго господина Никона со Архіереи поминати и Патріархомъ именовати, яко въ покаяніи скончавшагося: сего ради умирение наше правильно, и по уложеннымъ церковнымъ разсмотривше вины сея, разумѣхомъ праведно быти, и безпричинно поминаватися тому, показавый покаяніе плодовъ ради, и яко не безпрощательная согрѣшившаго, да воспріиметь отъ церковнаго милосердія Архіерейскій хитонъ, и яко Патріархъ да поминается; и по сихъ умирение наше во святомъ Дусѣ изглашаемъ, дабы иже ко Господу Богу отшедшій братъ нашъ господинъ Никонъ, вмѣсто мздовоздаянія показавый ради благодареніе имѣетъ прощенье бывшаго изверженія своего, и да будетъ прощень въ нынѣшнемъ вѣцѣ, въ будущемъ, и разрѣшенъ отъ святыхъ и единосущныхъ и живоначальныхъ Троицы, и да поминается со усопшими прочими Патріархи Московскими, во священныхъ Царскихъ дверехъ, и да именуется Патріархомъ по явнымъ церковнымъ образцамъ, правило имѣющихъ; слово къ симъ же изглашаемъ, дабы прочая вся, яже отъ священнаго собора того содѣянна, останутся нерушима и крѣпко хранима, яко добро и законно учиненное; ибо соборъ той безъ притчины праведенъ и твердъ есть, прощенья же господина Никона, челоуколюбія ради церковнаго и властію всесвятаго Духа совершенно, а не разрушенія ради собора учинено; тѣмъ же во утверждение того дана сія умиренья нашего грамота, укрѣпленная съ заручнымъ подписаніемъ нашимъ и Патріаршескою печатію во градѣ Финикѣ, въ лѣто отъ Спасительнаго явленія 1682 году, въ Константиный градъ. Въ низу приписано Патріаршескою рукою:

Досифей милостію Божією Патріархъ святаго града Іерусалима и всея палестины.

ПИСЬМА ЦАРЯ АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА КЪ ПАТІАРХУ НИКОНУ.

1652.

Письма царя Алексѣя Михайловича къ Никону, за исключеніемъ послѣдняго, писаны въ 1652 году, весьма памятною въ церковной исторіи Россіи. Годъ этотъ представляетъ рядъ торжествъ, необыкновенно важныхъ, особенно въ то время, когда всякое церковное событіе находило глубокое благоговѣйное сочувствіе въ сердцахъ всего народа. Въ Январѣ 1652 года послѣдовало открытіе мощей святаго Саввы Звенигородскаго, ученика преподобнаго Сергія: Царь, патріархъ, высшее духовенство, дворъ, бояре, множество народа отправлялись нарочно для того изъ Москвы въ Саввинъ Сторожевскій монастырь. Тѣмъ временемъ приближалось къ концу поновленіе главнаго Московскаго храма, Успенскаго собора, въ которомъ устроился новый иконостасъ (см. Выходы, въ указат. стр. 98 и Дворц. Разряды III. 329). Положено было, такъ сказать, умножить святыню древняго храма перенесеніемъ въ него бранныхъ и чудотворныхъ останковъ великихъ святителей, патріарховъ Гермогена, дотолѣ почивавшаго въ одной изъ церквей Чудова монастыря*), Іова изъ Старицы, и св. митрополита Филиппа съ отдаленнаго Соловецкаго острова. Въ одинъ и тотъ же день, 20 Марта, въ крестопоклонную недѣлю великаго поста, отправлены были въ Старицу и Соловки особые посольства (Дворц. Разр. 300—301). За мощами митрополита Филиппа поѣхалъ Новгородскій митрополитъ Никонъ и повезъ съ собою знаменитую грамоту, въ которой царь испрашивалъ у святителя прощенія своему предку, Іоанну Грозному (Собр. госуд. грам. и догов. III, 471—479). Путешествіе Никона продолжалось до самаго Іюля мѣсяца.—На шестой недѣлѣ великаго поста, Ростовскій митрополитъ Варлаамъ возвратился изъ Старицы съ мощами патріарха Іова,

*) Перенесеніе тѣла Гермогена не состоялось. П. Б.

которые были торжественно встрѣчены и постановлены на нынѣшнее мѣсто свое въ Успенскомъ соборѣ. Но чрезъ нѣсколько дней неожиданно послѣдовало другое всѣхъ поразившее событіе: въ Великій Четвергъ, когда все въ Москвѣ готовилось къ свѣтлому празднику, скончался самъ патріархъ Іосифъ, столь извѣстный въ Русской церкви по дѣлу объ исправленіи книгъ Св. Писанія. Впечатлѣніе, произведенное его кончиною, было очень сильно. Обстоятельства, сопровождавшія оную и послѣдовавшія за тѣмъ, должны были имѣть особенную важность для перваго лица въ тогдашнемъ духовенствѣ, Новгородскаго митрополита Никона, друга царя, отправившагося въ Соловецкій монастырь и еще не успѣвшаго туда доѣхать. Извѣстивъ Никона письмомъ (№ I) о случившемся въ Москвѣ, царь Алексѣй Михайловичъ присоединилъ къ сему подробный отчетъ о всѣхъ своихъ тогдашнихъ дѣйствіяхъ; онъ изложилъ ихъ въ особой статьѣ, или, какъ тогда говорилось, статейномъ списокѣ (№ II), который и составляетъ драгоценнѣйшій письменный памятникъ нашей старины, во всѣхъ отношеніяхъ: царь называетъ это большое посланіе *своею духовною*, такъ сказать, исповѣдью. Можетъ быть, онъ написалъ его по просьбѣ самого Никона; ибо нельзя не замѣтить, что этотъ статейный списокъ составленъ черезъ полтора мѣсяца послѣ описываемыхъ въ немъ событій, т. е. въ послѣднихъ числахъ Мая, когда Никонъ находился на пути въ Соловки и, уже зная о случившемся, могъ просить подробнѣйшихъ извѣстій. Но кромѣ того царь переписывался въ это время съ будущимъ патріархомъ и о другихъ предметахъ, что доказываетъ письмо его отъ 25 Мая 1652 г. (№ III).—Всѣ три драгоценныя письма мы перепечатаваемъ изъ 4-й части Актовъ археографич. экспедиціи (№ 57 стр. 75—87), перемѣнивъ только согласно съ содержаніемъ порядокъ ихъ: письмо, напечатанное въ Актахъ *первымъ*, у насъ напечатано *третьимъ*. Археограф. экспедиція заимствовала эти письма изъ „Дѣла о перенесеніи мощей Св. Митроп. Филиппа въ 1652 г. изъ Соловецкаго монастыря въ Москву; рукопись хранится въ Имп. публ. библ. по каталогу графа Толстаго, отд. IV, № 37; она конечно представляетъ не подлинное дѣло, а только списокъ, снятый безъ сомнѣнія еще въ XVII вѣкѣ, какъ видно изъ слога приписокъ, напр. въ концѣ письма № I. Эти же письма помѣщены въ книгѣ покойнаго архимандрита Аполлоса: *Начертаніе житія и дѣяній Никона* и пр. (М. 1845, стр. 99—123), но тоже не въ хронологическомъ порядкѣ. Къ нимъ присоединяемъ мы еще письмо царя къ Никону (№ 4), впервые напечатанное въ упомянутомъ *Начертаніи* (стр. 146) и потомъ перепечатанное въ статьѣ того же арх. Аполлоса, подъ заглавіемъ: *Никонъ, патріархъ Всероссійскій* (Чтенія въ Общ. ист. и др. Росс. 1848, № 5, стр. 41), гдѣ

авторъ извѣщаетъ, что письмо это взято имъ изъ одного, принадлежавшаго ему, рукописнаго житія п. Никона.

Вотъ все, что до сихъ поръ найдено изъ писемъ царя Алексѣя Михайловича къ Никону. Нѣтъ сомнѣнія, что государь переписывался съ нимъ гораздо чаще. О томъ между прочимъ свидѣлствуютъ отписки къ царю Никона, напечатанныя въ третьей части Собранія госуд. гр. и догов., въ Письмахъ Русскихъ государей и проч.

I.

(Москва, въ Маѣ 1652 г.)

Избранному и крѣпкостоятельному пастырю и наставнику душъ и тѣлесъ нашихъ, милостивому, кроткому, благосердому, беззлобивому, но и паче же любовнику и наперснику Христову, и рачителю словесныхъ овецъ¹⁾. О крѣпкій воине и страдальче Царя небеснаго²⁾, о возлюбленный мой любимиче и содружебниче святой владыко! Моли за меня грѣшнаго, да не покроетъ мя тмѣніе глубины грѣховъ моихъ³⁾, твоихъ ради молитвъ святыхъ: и надѣяся на твое пренепорочное и

¹⁾ Хотя дружба царя Алексѣя Михайловича съ Никонѣмъ въ это время особенно утвердилась и усилилась, однако во всѣхъ подобныхъ выраженіяхъ нельзя не признать обычныхъ формъ тогдашняго витійства. Такъ напр. письмо царя Михаила Феодоровича къ патріарху Филарету, отъ 25 Іюня 1629 г., начинается: „Пречестнѣйшему и всесвятѣйшему о Бозѣ отцу отцемъ и учителю Христовыхъ велѣній, истинному столпу благочестія, евангельскія проповѣди рачителю, недремателю оку, церковному благолѣпію, кормчію Христова корабля, неблаженно той направляющу въ пристанище спасенія“ и пр.; или въ письмѣ отъ 26 Авг. 1619 г.: „Вышестественному въ подвижѣхъ и равноангельному изволеніемъ, великому отцу отцемъ и вожду нашего спасенія“. Точно также Никонъ пишетъ къ царю отъ 27 Февраля 1654 г.: „О великое Божіе дарованіе, тезоименитая безпомощнымъ помощь, вел. госуд. царь и вел. князь Алексѣй Михайловичъ, Московскій и всея великія и малыя Россіи! Пріять твое честное посланіе и прежде почтенія благодарилъ Бога и цѣловалъ ее и почоль, и мняхся отъ преизлишнія радости яко летати, и летаніе яко къ вамъ великимъ государемъ“. (См. Письма Русскихъ государей, изданныя Археографическою комиссіею М. 1848). Или, князь Одоевскій начинаетъ письмо свое къ царю Алексѣю Михайловичу: „Благословеніемъ всесильнаго Бога отъ высочайшей и всемогущей Его десницы святымъ елеемъ помазану, истинному поборнику православныя христіанскія вѣры, ни въ чемъ несуменныя, Авраамскія, пророческія, апостольскія, мученическія, отеческія... государю, царю“ и пр. (см. Москвитининъ 1851, № 14. стр. 146).

²⁾ *Страдальче Царя небеснаго*: страдальецъ въ старину значило подвижникъ, трудникъ, отъ древняго *страда*—работа, трудъ. *Безз.*

³⁾ *Да не покроетъ мя тмѣніе глубины грѣховъ моихъ*. Въ 4-й пѣсни Покаяннаго Канона читается: „Токи слезъ даждь ми, изсушающія страстей моихъ источники и грѣха всякаго тмѣніа омывающія“. Въ 68 псалмѣ: „Спаси мя Боже, яко внидоша воды до души моея; углѣбохъ въ тмѣніи глубины“. По церковному словарию Петра Алексѣева, *тмѣніе*—блато, грязь, тина.

беззлбное и святое житіе, пишу сие свѣтлосіающему во архіереяхъ, аки солнцу свѣтающему по всей вселеннѣй, тако и тебѣ сіающе по всему нашему государству благими нравы и дѣлы добрыми, великому господину и богомольцу нашему, преосвященному и пресвѣтлому митрополиту Никону Новгородскому и Великолутцкому, собинному⁴⁾ нашему другу душевному и тѣлесному. Спрашиваемъ о твоёмъ святительскомъ спасеніи, какъ тебя свѣта душевнаго нашего Богъ сохраняетъ; а про насъ изволишь вѣдать, и мы, по милости Божіи и по вашему святительскому благословенію, какъ есть истинный царь христіанскій наричуся, а по своимъ злымъ мерскимъ дѣламъ недостойнъ и во псы, не токмо въ цари; да еще и грѣшенъ, а нарицаюся Его же свѣтовъ рабъ, отъ кого созданъ; и вашими святыми молитвами, мы и съ царицею, и съ сестрами, и съ дочерью⁵⁾, и со всѣмъ государствомъ Мая по число, далъ Богъ здорово. Да буди тебѣ великому святителю вѣдомо: за грѣхи всего православнаго христіанства, но и паче и за мои окаянные грѣхи, содѣтель и Творецъ и Богъ нашъ изволилъ взять отъ здѣшняго прелестнаго и лицемѣрнаго свѣта отца нашего и пастыря великаго господина киръ Іосифа, патріарха Московскаго и всея Русіи, изволилъ его вселити въ нѣдра Авраама и Исаака и Іакова, и тебѣ бѣ отцу нашему было вѣдомо; а мати наша, соборная и апостольская церква вдовствуетъ, зѣло слезно и вельми сѣтуетъ по женихъ своему, и какъ въ нее войтить и посмотришь, и она, мати наша, какъ есть пустынная голубица пребываетъ, неимущи подружія: такъ же и она, неимый жениха своего, печалуетъ; и все перемѣнилось не токмо въ церквахъ, но и во всемъ государствѣ, духовнымъ дѣламъ зѣло разсужденія нѣтъ, и худо безъ пастыря дѣтемъ жить. А какъ великій отецъ нашъ и пастырь, святѣйшій Іосифъ патріархъ, встрѣчалъ Іева патріарха, и какъ на ослати ѣздилъ входъ Іерусалимъ, и какъ его не стало, и то писано подъ сею грамотою. А я тебѣ по томъ великому господину челомъ бью. И паки возвращайся, Господа ради, поскорѣ къ намъ, обирать на патріаршество именемъ Θεогнаста⁶⁾, а безъ тебя отнюдь ни за что не примемся. А потомъ прошу отъ тебя благословенія и прощенія, со всѣмъ государствомъ; и по томъ благосерднѣ

⁴⁾ *Собинному нашему другу*, личному нашему другу, другу особы нашей. Въ Новгородской губерніи доселѣ *сбеники*, *сбеница*, означаютъ любимаго человѣка въ семьѣ. Въ Архангельской губерніи *сббина*—ласковое имя, тоже что дорогой, милый.

⁵⁾ Царевны: Ирина (1627—1679), Анна (1630—1692) и Татьяна (1636—1658) Михайловны. Царь женился на Марѣ Ильиничнѣ Милославской 16 Января 1648 года. Въ то время, какъ писано это письмо, у нихъ была только одна дочь (второе дитя; первое, царевичъ Дмитрій, умеръ въ 1651 г.) царевна Евдокія Алексѣевна (1650—1712).

⁶⁾ См. ниже, пр. 70 къ статейному списку.

челомъ бью. Писанъ на Москвѣ лѣта 7160 Мая въ д. А въ концѣ подлинной грамоты пишеть: „Подписалъ язь своею рукою рабъ Божій царь Алексѣй, всеа Русіи“.—А у тоѣ же подлинной грамоты пишеть на подпискѣ: „Богомольцу нашему и преосвященному Никону, митрополиту Новгородскому и Великолутцкому“.—А печать у тоѣ грамоты воска чернаго, орелъ двоеглавой.

II.

Списокъ къ статейного списка¹⁾ слово въ слово, о принесеніи мощей въ царствующій градъ Москву Іева, патріарха Московскаго и всеа Русіи чудотворца, и о преставленіи Іосифа, патріарха Московскаго и всеа Русіи, каковъ статейной списокъ присланъ отъ государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всеа Русіи, на дорогу, ѣдучи съ Соловковъ, къ великому господину преосвященному митрополиту Великаго Новаграда и Великихъ Лугъ, съ Московскимъ сотникомъ.

Нынѣшняго 160 году, принесли великаго святителя Іева²⁾ патріарха мощи³⁾, Априлія въ 5 день, въ понедѣльникъ шестые недѣли, часы въ отдачу денные⁴⁾ въ монастырь къ Пречистой Богородицы Страстных⁵⁾; а встрѣчать посыланы его святые мощи власти⁶⁾: митрополитъ казанскій и свѣяжскій Корнилій, архіепископъ муромскій и резанскій Мисайло, архимандритъ андроньевской Селиверсть, спаской игуменъ изъ за вѣтошнаго ряду⁷⁾, протопопъ изъ подколоколовъ, да изъ собору⁸⁾ священникъ да діаконъ. Да со властями встрѣчали бояре наши⁹⁾ князь Алексѣй Никитичъ Трубецкой, да князь Ѳедоръ Семеновичъ Куракинъ, да окольничіе наши князь Василей Григорьевичъ Ромодановской, да Прокофей Ѳедоровичъ Соковнинъ, да дьякъ Семень Заборовской. А встрѣчали тѣ его честные мощи въ селѣ Тушинѣ, за двенадцать верстъ до Москвы, по Іосифовской дорогѣ¹⁰⁾, а изъ Тушина несли на главахъ стрѣльцы до самой Москвы. А язь многогрѣшный царь встрѣчалъ съ патріархомъ и со всѣмъ освященнымъ соборомъ и со всѣмъ государствомъ отъ мала и до велика, и многолюдно таково было, что не вмѣстилися отъ тверскихъ воротъ по неглиненскія ворота¹¹⁾, и по кровлямъ и по переулкамъ яблоку негдѣ было упасть, а пожаръ¹²⁾ весь занятъ людьми пѣшими, нельзя ни пройти, ни проѣхать. А кремль велѣлъ запереть, инъ¹³⁾ и такъ на злую силу¹⁴⁾ пронесли въ соборъ; такая тѣснота была, старые люди говорятъ, лѣтъ за семьдесятъ не помнятъ такой многолюдной встрѣчи. И патріархъ нашъ отецъ со мною жаловалъ¹⁵⁾, плачучи говорилъ: „вотъ де смотри, государь. каково хорошо за правду стоять: и по смерти слава;“ да много плакалъ, мало не во всю дорогу до самого до собору. И пришедше поставили

въ ногахъ у Іасафа патріарха, на мосту на верху¹⁶⁾, и оклали кирпичемъ, а сверху доска положена, а не задѣлана для свидѣтельства¹⁷⁾. Почели было свидѣтельствовать, да за грѣхи наши изволилъ Богъ отца нашего патріарха взять въ вѣчное блаженство; и топере все стало, ожидаемъ тебя къ свидѣтельству, а чудеса отъ него есть.

И какъ почали его ставить на мѣстѣ томъ, и отецъ нашъ говоритъ мнѣ: „кому де въ ногахъ у него лежать?“ И я молвилъ: „Ермогена тутъ положимъ“¹⁸⁾. И онъ государь молвилъ: „пожалуй де, государь, меня тутъ грѣшнаго погрестъ;“ и какъ отецъ нашъ преставился, и я грѣшный вспомянулъ его государевы¹⁹⁾ слова, какъ мнѣ приказывалъ, гдѣ велѣлъ себя положить, и мѣсто выпросилъ, только дня не вѣдалъ, въ который день Богъ изволилъ взять, и мнѣ грѣшному его святительскіе слова въ великое подивленіе, какъ есть онъ государь пророкъ пророчествовалъ себѣ про смерть ту свою²⁰⁾. Да съ тѣхъ мѣстъ²¹⁾ и заболѣлъ лихорадкою, да трясла его ходячи по днямъ²²⁾, а къ вербному воскресенію и полегчѣло, да пришелъ утинъ²³⁾ да грыжа, на злую силу ѣздилъ на осляти²⁴⁾; а кручиновать²⁵⁾ добрѣ былъ, въ ходу никто не могъ угодить, на всѣхъ кручинится; да и не служилъ самъ, велѣлъ Казанскому²⁶⁾ да влаstemъ; а за столомъ веселъ таковъ былъ, сказываютъ, что не вѣдаетъ гдѣ дѣтся. Да на страстной недѣлѣ посылалъ я въ понедѣльникъ и во вторникъ о спасеніи спрашивать, и онъ государь самъ выходилъ, да сказывалъ: „есть де легче; прямая де лихорадка, и знобить и въ жаръ великой приводить.“ Да во вторникъ ѣздилъ отпѣвать Ивана Григорьева сына Плещеева²⁷⁾ жену, а отпѣвалъ де на злую силу, весь де чернъ въ лице; мнѣ приѣхавши сказывали, кто былъ на погребеніе томъ, гораздо де боленъ патріархъ, а въ среду ту ни у заутрени, ни у обѣдни не былъ; а я того и не вѣдалъ, что онъ гораздо боленъ, да послалъ я Василя Бутурлина²⁸⁾ о спасеніи его великаго святителя спросить, а его де одва вывели, а говорить де хорошо.

И приде мнѣ въ вечеру помышленіе тое жъ среды, что пойтить къ нему мнѣ навѣстить его, а другое помышленіе мнѣ приде, что завтра. де побываешь; и Божиимъ изволеніемъ первое то помышленіе гораздо почало понуждать итти къ нему, и благословися у отца своего духовнаго пошелъ къ нему тое жъ среды въ вечеру, и пришелъ къ нему за часъ до вечера, и дожидался съ часъ его государя въ крестовой, и вывели его одва ко мнѣ, и идетъ мимо меня благословлять Василя Бутурлина, и Василий молвилъ ему: „государь де стоитъ;“ и онъ, смотря на меня, спрашиваетъ: „а гдѣ де государь?“ и я ему извѣстилъ: „передъ тобою святителемъ стою;“ и онъ посмотря, молвилъ: „поди, государь, къ благословенію“, да и руку далъ мнѣ

поцѣловать, да велѣлъ себя посадить на лавкѣ, а сѣлъ по лѣвую руку у меня, а по правую не сѣлъ, и сажалъ, да не сѣлъ²⁹). А вышелъ ко мнѣ, знать, въ самомъ зломъ знобу, какъ почело его знобить, а онъ и вышелъ ко мнѣ. Да спросилъ его я святителя про болѣзнь: „какая болѣзнь?“ и онъ сказалъ: „лихорадка де знобить и топере“; а говорить съ забытью³⁰), а иное замолчить³¹), да долго не говорить, а лихорадка та его какъ не подымая, знобить. И я учалъ ему говорить: „такое-то, великій святитель, наше житіе: вчера съ здорово, а нынѣ мертвы;“ и онъ государь молвилъ: „ахъ де, царь государь! какъ человекъ здоровъ, такъ де мыслить живое, а какъ де приметъ, инъ де ни до чего станеть;“ и я ему свѣту молвилъ: „не гораздо ли, государь, не домогаешь?“ и онъ молвилъ, какъ есть сквозь зубы: „знать де что врагуша³²) трясеть, и губы окинула³³), чаю де что покинетъ, и лѣтось такъ же была.“

И ты меня грѣшного прости, великій святитель и равноапостоломъ и богомолецъ нашъ, преосвященная главо, въ томъ, что язь ему не вспомнянулъ о духовной, и кому душу свою прикажетъ³⁴), и что про келейную казну прикажетъ и не вспомнянулъ; для того въ томъ прости, великій святитель. Обманула меня тѣмъ, я чаялъ, что впрямъ трясавица³⁵), анъ впрямъ смертная; по языку тому признавался³⁶), что худо говорить и сквозь зубы, и помышлялъ себѣ, что гораздо болень, да положился на то, что знобить больно, то-то онъ и безъ памяти; а се и то мнѣ на умъ пришло великое сумнѣніе: болѣзнь та на немъ трясавишная, а мнѣ молвить про духовную ту, и помнѣть³⁷), вотъ де меня избываетъ, да станеть сердечно гнѣваться³⁸), да для того впросто и положилъ, да то-то себѣ почаялъ: еще утре побываю у него. И ты меня, великій святитель, для Христа прости мое согрѣшеніе, что постыдился вспомнать о преждеимянованной духовной и объ иныхъ статьяхъ, чаялъ, что утре увижусь; и ты меня прости: ей не съ хитрости сіе дѣло сотворилося, сатана запялъ³⁹) такое дѣло совершить, и я у тебя великаго святителя прошу согрѣшеніямъ своимъ прощенія и благословенія и разрѣшенія и сему моему согрѣшенію. Доздѣ⁴⁰) да возвращуся на преждереченное, да объ отцѣ своемъ повѣсть dokonчаю.

И посидя не много, я всталъ и его поднялъ, и такъ его почало знобить, не смогъ и Достойно проговорить, Славу проговорилъ съ отпускомъ на силу⁴¹); да почелъ ко мнѣ прощенія говорить, что говорятъ въ среду на страстной, и я ему отвѣщалъ по уставу⁴²), да самъ почелъ прощеніе къ нему творить, да поклонился въ землю ему, а онъ малой поклонъ сотворилъ, да благословилъ меня, да велѣлъ себя вестъ провожать меня, а ноги те волочить на злую силу.

И я сталъ и учалъ его ворочать: „воротися, государь, ей пуще тебѣ будегь;“ и онъ мнѣ жалуетъ говорить: „ино, су⁴³⁾, я тебя и въ другоредъ благословлю;“ и я молвилъ: „пожалуй же, государь великій святитель, благослови и третицею;“ и онъ пожаловалъ и въ третій благословилъ, да какъ благословить, и руку дастъ цѣловать и въ херувимъ⁴⁴⁾. И я благословясь, да поклонился въ землю ему и поцѣловалъ въ ногу, и онъ смотря на меня, благословляетъ и прощаетъ, да и воротился, да и повели его въ заднія кельи, а я пошелъ къ себѣ; да молвилъ оглѣнясь: „завтро де велю служить и дѣйствовать⁴⁵⁾ Казанскому со властью, а на меня де не покручинься, не могу;“ и я молвилъ: „добро, государь, вели ему, а самъ поотдохни къ свѣтлому воскресенію“.

И енто⁴⁶⁾ все дѣлалось въ среду на страстной въ вечерѣ, а на утре въ четвергъ допѣвають у меня завтренью за полчаса до свѣта⁴⁷⁾: только начали первой часъ говорить, а Иванъ Кокошиловъ⁴⁸⁾ ко мнѣ въ церковь бѣжитъ къ Евдокѣ Христовы мученицы⁴⁹⁾ и почалъ меня звать: патріархъ де кончается. И меня прости, великій святитель, я первой часъ велѣлъ безъ себя допѣвать, а самъ съ небольшими людьми побѣждалъ къ нему и прибѣжалъ къ нему, а за мною Резанской, я въ двери, а онъ въ другія; а у него толке протодьяконъ, да отецъ духовный, да Иванъ Никошиловъ со мною пришелъ, да келейникъ Терапонтъ, и тотъ трехъ не смыслить перечестъ, таковъ простъ и себя не вѣдаетъ; а опричь того ни отнюдь никого нѣтъ, а его свѣта поновлялъ отецъ духовной⁵⁰⁾. И мы со архіепископомъ кликали и трясали за ручки те чтобъ промолвилъ⁵¹⁾; отнюдь не говорить, толке глядитъ, а лихорадка та знобить и дрожить весь, зубъ о зубъ бьеть. И мы со архіепископомъ не могли раскликать, и спрашивали протодьякона, для чего вѣсти ко мнѣ не повѣдали и ко властямъ, и онъ почалъ говорить то: „кобы де не я, государь, заставилъ сильно⁵²⁾ поновлять отца духовнаго, и онъ бы де такъ и ушелъ безо всего⁵³⁾; я де пришелъ къ нему, а онъ де лежитъ безъ памяти, а отца духовнаго выслалъ вонъ, и онъ де стоитъ у дверей, не смѣетъ и войтить; я де почалъ говорить: для чего нейдешь? и онъ де мнѣ говоритъ: не смѣю де иттить, станеть де кручиниться; и я де закричалъ: хотя бѣ де билъ тебя, и ты бѣ де шелъ къ нему, видишь де и самъ, что топере онъ въ нецевельѣ⁵⁴⁾, потому болѣзнь та гораздо приняла его; и Ивана⁵⁵⁾ того де я сыскалъ да послалъ по тебя государя и по Казанского и Резанского“. И мы спрашивали отца его духовнаго, каково говорилъ въ исповѣданіи, и онъ сказалъ: „гораздо де тупо понавливался, чють де намѣчалъ⁵⁶⁾“. Да протодьяконъ сказывалъ: „я де давѣ⁵⁷⁾ на великую силу роскликалъ, инъ де только и молвилъ: „пошли де по

государя“, да и только; да съ тѣхъ де мѣстъ и по ся мѣстъ языка нѣтъ, какъ вы и пришли; и я и Резанской почели кликать, и онъ, государь, только очми зрѣть на насъ быстро, а не говорить, знатно⁵⁸⁾ то что хочеть молвить да не сможетъ; не могли роскликать ни коими мѣрами, какъ есть въ лихорадкѣ, какъ въ жаръ кинетъ; такъ то онъ лежитъ въ забытіи, невѣдомо какая болѣзнь та у него святителя была.

Да мы съ Резанскимъ да сѣли думать⁵⁹⁾, какъ причащать ли его топере или нѣтъ; а се ждали Казанскаго и прочихъ властей, и мы велѣли обѣдню пѣть раннюю, чтобъ причастить; такъ Казанской прибѣжалъ, да послѣ Вологодской, Чудовской, Спаской, Симоновской, Богоявленской, Мокей протопопъ, да почелъ кликать его и не могъ роскликать; а лежалъ на боку на лѣвомъ, и переверотили его на спину и подняли главу то его повыше, а во утробѣ то и знать какъ грыжа то ходитъ, слово въ слово таково во утробѣ той ворошилось и ворочало, какъ у батюшки моего передъ смертью⁶⁰⁾; такъ Казанской учалъ говорить, чтобъ причастить запасными дарами и велѣлъ отцу духовному прощенія передъ всѣми властями за него (sic); и причащали его святителя при мнѣ Казанской, Резанской, отецъ духовный его, да протодіаконъ. А причащали его власти безъ ризъ, въ мантияхъ, безъ клубуковъ; а какъ пожаловали части, и ему уста разымалъ протодіаконъ, а онъ государь безъ памяти лежалъ. И послѣ причастія почалъ онъ государь гораздо дышать больно; и почалъ отецъ его духовный говорить: велѣлъ де себя масломъ соборовать; и почали облачаться. И къ освященію масла приѣхалъ Вологодской, а Ростовской и Крутицкой, да Андроньевской, да Здвиженской⁶¹⁾, и иные прочіе черныя власти были въ соборѣ; приспѣлъ какъ часъ освященію и помазанію маслу, а отецъ духовный мой со мною вмѣстѣ пришелъ, а причащали безъ него: онъ на часъ вышелъ. И почали первое евангеліе честь, а я у него стою, да возлѣ меня стоять по правую сторону отецъ его духовный, а мой отецъ духовный по лѣвую сторону у него стоять, подъ руку его подъ лѣвую держить, опадываетъ рука та добръ. И какъ прочелъ Казанской и приложилъ его, такъ послѣ евангелія того почалъ гораздо быстро смотрѣть на лѣвую сторону ко властямъ, гдѣ масло то освящаютъ, да повелъ очми тѣми вверхъ да почалъ съ краю того жаться къ стѣнѣ. И меня прости, владыко святыи, кой часъ почалъ пристально и быстро смотрѣть, и я узналъ⁶²⁾, что онъ видѣние видитъ; не упомню гдѣ я читалъ: передъ разлученіемъ души отъ тѣла видитъ человѣкъ вся своя добрые и злые дѣла⁶³⁾; и молвилъ я отцу его духовному: „видитъ отецъ нашъ нѣкакое видѣніе;“ и онъ молвилъ: „нѣтъ де, полна де, въ нецевенѣ такъ смотреть;“ и я молвилъ: „смотри, что будетъ, и самъ не знаешь, что говоришь;“ и я отцу

духовному своему сказалъ, что видитъ нѣкакое видѣніе; и онъ молвилъ: „видитъ де нѣчто.“ А смотрѣлъ съ четверть часа быстро создомъ⁶⁴), а смотреть все въ потолокъ; знатно то, что видитъ, и почалъ руками закрываться и жаться къ стѣнѣ, то и въ уголь, какъ стѣну ту не выломить, и руки те вырвалъ у протопопа, да почалъ закрываться, да закричалъ великимъ гласомъ, а невѣдомо что, да почалъ хорониться и жаться добрѣ въ уголь; походило добрѣ на то, какъ кто кого бьетъ, а кого бьютъ, такъ тотъ закрывается, такъ то надъ нимъ святителемъ было; да затрясся весь въ ту пору и плакать почалъ и кричать такъ же, а смотреть вверхъ; да было того съ полчетверти часа, да послѣ кричанія почнеть и отходить, дважды отходилъ, и отходную говорили, да опять очнулся да почель тихнуть⁶⁵), а очи гораздо мутны стали съ кричанія. И я передъ нимъ проговоря прощенія, да поцѣловалъ въ руку да въ землю поклонился, пошелъ къ себѣ въ пятомъ часу въ исходѣ, а казну келейную въ чуланѣхъ и въ полатахъ, и домовую вездѣ самъ перепечаталъ послѣ освященія масла. А у него святителя остался Рязанской, да отецъ его духовной, да ризничей, да Спаской келарь Пафотеи Еропкинъ⁶⁶); а Казанской со властью пошли готовиться къ службѣ, и начали въ соборѣ въ седьмомъ часу вечерню, а у меня тужъ пору начали; и какъ начали пѣть въ соборѣ, и какъ начали у меня, вмѣсто херувимской первой стихъ: Вечерѣ твоей тайнѣ пѣть, а онъ государь въ тотъ часъ преставися, осмага часа въ полы⁶⁷); и пропѣли первой стихъ, и прибѣжалъ келарь Спаской и сказалъ мнѣ: патриарха де государя не стало; а въ ту пору ударилъ въ царь-колоколъ трикраты, и на насъ такой страхъ и ужасъ нашелъ, одва пѣть стали и то со слезами, а въ соборѣ пѣвчіе и власти всѣ со страху и ужаса ноги подломились, потому что кто преставился, да къ такимъ днямъ великимъ кого мы грѣшныя отбыли; яко овцы безъ пастуха не вѣдаютъ гдѣ дѣться, такъ-то мы нынѣ грѣшныя не вѣдаемъ гдѣ главы приклонити, понеже прежняго отца и пастыря отстали, а нового не имѣемъ. И ты, владыко святой, помолись и съ Васильемъ Уродивымъ сіи рѣчь нашимъ языкомъ, съ Вавиломъ⁶⁸), чтобъ Господь Богъ нашъ далъ намъ пастыря и отца, кто Ему свѣту годенъ, имя вышеписанное⁶⁹), а ожидаемъ тебя великого святителя къ выбору, а сего мужа три человекъ вѣдаютъ: я, да Казанской митрополитъ, да отецъ мой духовной, тай не въ примѣръ, а сказываютъ святъ мужъ⁷⁰).

А отъ здѣ⁷¹) да возвратимся на преждереченное. И отпѣвши обѣдню, пришелъ къ нему свѣту, а онъ государь уже преставися, лежитъ какъ есть живъ, и борода расчесана, лежитъ какъ есть у живого, а самъ немѣрно хорошъ. И простяся съ нимъ и поцѣловавъ въ руку, и пошелъ къ умовенію ногамъ, а его государя приказалъ готовить погребъ

балная⁷²⁾ резанскому архіепископу, да архимандриту андроньевскому, да отцу его духовному, а тѣ всѣ власти были въ службѣ. И послѣ умовенія, съ казанскимъ митрополитомъ съ Корнилиемъ и со всѣми властями приговорили выносить на заутренѣ въ пятницу въ великую къ Ризѣ Положенью⁷³⁾ до часовъ, да вынесчи и по мощи пойтить къ Благовѣщенію Богородицы⁷⁴⁾. И пришли по него часу въ пятомъ дни, а онъ свѣтъ какъ есть живъ лежить, и вѣры неймется, что онъ государь отецъ нашъ преставился, таковъ хорошъ лежитъ во гробѣ, толко не говоритъ; а облачали его свѣта всѣ власти, казанской митрополитъ съ товарищы, и вынесли его свѣта къ Ризѣ Положенью, и вынеши его, пошли по мощи къ Благовѣщенію. И ввечеру того пятка пошелъ я съ женою и съ сестрами къ Благовѣщенію къ святымъ мощамъ и въ соборъ къ гробу господню знаменаться⁷⁵⁾ и съ отцомъ нашимъ Іосифомъ патріархомъ проститься и прощеніе получить. И изъ собору пошелъ самъ одинъ⁷⁶⁾, напередъ прежъ ихъ къ Ризѣ Положенью выслать сидѣльцовъ⁷⁷⁾. Да пришелъ я къ дверемъ полунощнымъ⁷⁸⁾, а у него отнюдь никакого сидѣльца нѣтъ, кому велѣлъ быть игуменомъ, тѣ всѣ разѣхались; и я ихъ велѣлъ смирать⁷⁹⁾ митрополиту. Да такой грѣхъ, владыко святой, кого жаловалъ, тѣ ради его смерти; лутчей Новинской игумень⁸⁰⁾, тотъ первой поѣхалъ отъ него домой; а дѣтей боярскихъ я смирялъ сколько Богъ помочи далъ; а надъ нимъ одинъ священникъ говоритъ псалтырь, и тотъ говоритъ, во всю голову кричить⁸¹⁾, а двери всѣ отворилъ; и я почалъ ему говорить: „для чего ты не по подобію говоришь?“⁸²⁾ „Прости де, государь; страхъ нашелъ великій, а во утробѣ де, государь, у него святителя безмѣрно шумѣло больно грыжа до тебя государя, то-то де меня и страхъ взялъ. А у него государя животъ вознесло съ полъ аршина изъ гроба знать утробы то его⁸³⁾, и руки не сойдутся какъ у прочихъ мертвецовъ ведется, а какъ преставился и вынесли, и у него свѣта отнюдь живота не знать было изъ гроба, толко голова одна наружѣ была.“ Да священникъ же почелъ мнѣ сказывать: „часы де въ отдачу, вдругъ взнесло животъ у него государя и лицо въ тужь пору почало пухнуть⁸⁴⁾: то-то де меня и страхъ взялъ, я де чаялъ ожилъ, для того де я и двери отворилъ, хотѣлъ бѣжать.“ И меня прости, владыко святой, отъ его рѣчей страхъ такой нашелъ, едва съ ногъ не свалился; а се и при мнѣ грыжа то ходитъ прытко добръ въ животъ, какъ есть у живого. Да и мнѣ приде помышленіе такое отъ врага: побѣги де ты вонъ, тотчасъ де тебя вскоча удавить; а насъ только я да священникъ тотъ, который псалтырь говоритъ: и я перекрестясь да взялъ за руку его свѣта и сталъ цѣловать, а во умѣ держу то слово: отъ земли созданъ, и въ землю идетъ, чего бояться? да руку его хочу покинуть,

а самъ смотрю на лицо его, и онъ безмѣрно пухнетъ, борода то вся сжалась, а лицо розно пухнетъ. Да въ тужь пору какъ есть треснуло такъ то у него во устѣхъ, неждотъ⁸⁵⁾ треснуль, да и уста тѣ стало воротить при мнѣ розно, а неждотъ пошелъ изо устъ и изъ ноздрей кровь живая; и я досталь⁸⁶⁾ испужался, да поостоялся, такъ мнѣ полегчело отъ страху, да тѣмъ себя и оживиль, что за руку ту его съ молитвою взялъ; да и духъ почелъ великій быть. А жена и сестры отнюдь не испужались, а близко блюлись подойтить: безмѣрно, владыко святыи, страшенъ въ лицѣ томъ сталъ, лицу тому у него свѣта единымъ часомъ доспѣлось⁸⁷⁾. И я оставилъ сидѣть и ночевать чудовскаго келаря Θεодосіа. И пришелъ келарь чудовской въ полночь противъ субботы и почелъ мнѣ говорить: „нежду де добрѣ много идетъ“; и меня прости, владыко святыи, велѣлъ тайно ему одному да отцу его духовному, знаменскому⁸⁸⁾ игумену, провертѣть въ ногахъ, и шолъ неждъ во всю ночь; течмя шолъ, мы чаяли, что и не престанетъ. Сталъ съ казанскимъ митрополитомъ тужить, и Содѣтель нашъ и Творецъ свыше насъ дѣлаетъ: какъ часы отдали денные въ субботу въ великую, а у него и престалъ итить неждъ; такъ мы по ранѣе обѣдню ту, положась на волю Божию, для того и велѣли въ пятомъ часу дни благовѣстити, блюлись того: человекъ сырой, а се не вылежалъ ни выболѣлъ, блюлись долго не хоронить. И такъ безпрестани и въ головахъ и въ ногахъ ладономъ окуривали, горшки стояли съ ладономъ, инъ и такъ духомъ слышетъ не такъ что по всей церкви, а саженехъ въ двухъ слышетъ; ладонъ столбомъ идетъ, а духу того не задушить. А погребли въ одинадцатомъ часу дни, отслужи съ нимъ обѣдню, и по заамбоннѣй молитвѣ⁸⁹⁾ вынесли и погребеніе совершили. А онъ стоялъ покрытъ весь, толко шапка одна наружѣ была не покрыта, да рука вынета изъ подъ покроя для цѣлованія; а цѣловали мы въ шапку да въ руку; а лица отнюдь никоими мѣрами нельзя было открыть; вѣдомо, владыко святыи, тѣло перстно есть. да мы малодушніи тотчасъ станемъ осуждать да переговаривать: для того и не открыли лица⁹⁰⁾. Да какъ его государя переложили во гробъ, такъ сталъ казанскій митрополитъ грамоту разрѣшительную говорить, а какова грамота, и съ нее списокъ подъ симъ столбцемъ подклѣненъ:

„Во имя Святыя и Живоначальныя Троицы Отца и Сына и Святаго Духа. Се азъ, смиренный Корнилей митрополитъ, молясь тебѣ Христу моему Владыцѣ, прощаю и разрѣшаю именемъ Твоимъ сего Твоего раба святѣйшаго Іосифа, патріарха московскаго и всеа Русіи, подражая божественныхъ Твоихъ устъ слову къ святымъ твоимъ ученикомъ и апостоломъ, глаголющему: аще согрѣшаютъ предъ всѣми человекъцы седмьдесятъ седмицею, прощайте ихъ; и паки: его же бо аще свяжете на земли, будетъ связанъ на небесѣхъ, и его же аще

разрѣшите на земли, будетъ разрѣшенъ на небесѣхъ. По божіимъ же твоимъ, Владыко, и неизрѣченнымъ судьбамъ, сподобивый мене въ превеликій той часъ человѣческая согрѣшенія прощати и разрѣшати, и азъ смиренный Корнилей митрополить, именемъ твоимъ, Владыко Христѣ, благословляю и разрѣшаю и простилъ есмь сего Твоего раба, святѣйшаго Іосифа, патріарха московскаго и всеа Русіи, отъ всѣхъ содѣнныхъ имъ погрѣшеніихъ, елика бо той тебѣ согрѣши волею и неволею, словомъ и дѣломъ и помышленіемъ; понеже бо Владыко Христосъ всѣхъ царю, пришелъ еси грѣшныхъ спасти и безъотвѣтныхъ, и токмо Ты единъ еси безъ грѣха, а человѣка нѣсть иже живъ бывъ къ Тебѣ не согрѣши, но молю Твое, Владыко, великое человѣколюбіе, яко да въ приидущій великій день страшнаго и неумолимаго Твоего суда, десныя части того, о немъ же молю Твое милосердіе, раба Твоего, святѣйшаго Іосифа, патріарха московскаго и всеа Русіи, не отлучи, и небеснаго твоего царствія наслѣдіе ему даруй, со всѣми иже отъ вѣка благоугодившими. Аминь“.

А прочетчи, положилъ въ правую руку, а въ лѣвую списокъ рукописаніе его лѣтъ⁹¹⁾, и положи благословилъ рукою да поцѣловалъ въ руку. И мы, владыко святой, надсѣлися плачучи, кого кто благословляетъ, сынъ разрѣшаетъ отца и благословляетъ, и въ ту пору плакали всѣ какъ грамоту чель, а то и досталь надсѣлися всѣ плачучи отца нашего какъ такъ изволилъ взять; а мнѣ первому грѣшному и мерскому которая мука не ждетъ? Ей, всѣ ожидаютъ меня за злые дѣла, и достойнъ окоянный тѣмъ мукамъ за своя согрѣшенія. А бояре и власти тожъ всѣ говорили промежду себя; не было такого человѣка, который не плакалъ на него смотря; потому вчера съ нами, а нынѣ безгласенъ лежитъ, а се къ такимъ великимъ днямъ стало. А отецъ духовный тоѣ жъ разрѣшительную молитву говорилъ тайно подшедчи къ нему, прежь спусканія въ землю, какъ начали канонъ на погребеніе пѣть. Да такой грѣхъ, владыко святой, погребли безъ звону: всѣ позабыли въ страхъ. Я вспомятовалъ какъ почали поклоны класть за него⁹²⁾, такъ я велѣлъ звонить послѣ погребенія доколѣ мы всѣ поклоны клали, а вту пору звонили, а прежнихъ патріарховъ съ звономъ погребали⁹³⁾. А какъ я отъ него пошелъ отъ живого въ четвергъ, и послѣ меня, сказывали мнѣ резанской архіепископъ съ товарищи, двожды де недугъ ималъ патріарха безъ тебя страшнымъ обычаемъ, да послѣ де того сжался съ двожды прытко да и отшелъ ко Господу Богу. А какъ, владыко святой, масломъ его свѣта соборовали, и какъ отецъ его духовный прощенія сталъ за него говорить ко всѣмъ властемъ болшее и рукоположеніе поминалъ, и онъ свѣтъ глядитъ на нихъ, а не говоритъ: то-то слезно, владыко святой! И проговоря поклонился въ землю⁹⁴⁾, а казанской митрополить и всѣ власти едва возмogli отвѣтъ сотворити; ей, владыко святой, едва голо-

сами ни вскрикнули плачучи, какъ живъ смотреть, а отвѣта не творить; всѣ люди около его стряпають⁹⁵). Меня прости, владыко святой, надѣлся плачучи на него свѣта смотря, а свои грѣхи воспоминаючи; и которые отъ ближнихъ были со мною, всѣ перервались плачучи, а всѣхъ пуще Трубецкой⁹⁶), да князь Михайло Одоевскій, да Михайло Ртищевъ⁹⁷), да Василій Бутурлинъ⁹⁸) плакали по немъ государѣ, что какъ Богъ изволилъ скорымъ обычаемъ взять, и свои грѣхи воспоминаючи.

Да сказывалъ мнѣ Василій Бутурлинъ, а ему сказывалъ патріарховъ дьякъ Ѳеодоръ Тороповъ: мнѣніе де на него государя великое было⁹⁹); то и говорилъ: перемѣнить меня, скинуть меня хотятъ, а будетъ де и не отставать, и я де и самъ за соромъ¹⁰⁰) объ отставкѣ стану бить челомъ; и денегъ приготовилъ съ чѣмъ итить, какъ отставятъ, безпрестани то и думалъ и говаривалъ, а невѣдомо отъ чего. А у меня и отца моего духовнаго, Содѣтель нашъ творецъ видитъ, ей ни на умъ того не бывало, и помыслить страшно на такое дѣло; прости, владыко святой, хотя бы и еретичества держался, и тутъ мнѣ какъ одному отставить его безъ вашего собору? Чаю, владыко святой, еще и въ дальнемъ ты разстояніи съ нами грѣшными, едино тожъ речеши, что отнюдь того не бывало, что его свѣта отставить или ссадить съ безчестіемъ; ты сему помышленію нашему свидѣтель, и не токмо великій архіерею и служебникъ Божій, свидѣтель и странный братъ нашъ Василей¹⁰¹); чаю и онъ тожъ речетъ, что отнюдь въ помышленіи нашемъ того не бывало у насъ.

А келейные казны у него государя осталось 13,400 рублей слишкомъ¹⁰²); а судовъ серебряныхъ, блюдовъ, и сковородокъ, и кубковъ, и стопъ, и торелей много хорошихъ. А переписывалъ я самъ келейную казну такъ: которые суды ималъ изъ домовой казны, тѣ всѣ опять отдалъ въ казну; а которые князь Юрьевскіе суды, а деньги платилъ онъ келейные, и я тѣ суды отдавалъ въ домовую казну которые пригодились, да деньги взялъ по оцѣнкѣ, я и давалъ по немъ же государѣ¹⁰³). Да такихъ судовъ нашлись 30 и большіе, что ни въ какихъ книгахъ ихъ нѣтъ, ни въ росписяхъ, а и прежъ помянутые суды по маленькимъ памяткамъ¹⁰⁴) сыскивалъ я самъ; съ полторы недѣли каждый день я самъ ходилъ; а то кобы я самъ не ходилъ да велѣлъ переписывать по прежнему, и меня прости, владыко святой, мню, что и половины бы не почему сыскать, потому что записки нѣтъ; не осталось бы ничего, все бѣ раскрали; рѣдкая та статья, что записано, а то все безъ записки; самъ онъ государь вѣдалъ наизусть, отнюдь ни келейникъ ни который ничего судовъ тѣхъ не вѣдалъ. А какое, владыко святой, къ нимъ строенье¹⁰⁵) было у него государя, въ умъ мнѣ грѣш-

ному не вмѣстится: не было того судна, чтобъ не впятеро оберчено бумагою или киндякомъ, а князь Юрьевская Шулешева рухлядь достальная, которая лежала у него свѣта въ чердакѣ, пищали и сабли, и тѣ всѣ смазаны, отнюдь никакой ржавки¹⁰⁶⁾ нѣтъ; а на судахъ тѣхъ отнюдь никакого порошечка¹⁰⁷⁾ нѣтъ, не токмо пыли. А которые его государевы камки¹⁰⁸⁾ и бархаты, и дороги¹⁰⁹⁾ и тафты келейные, 12 бархатовъ черныхъ было, и проданы на сторону, потому что худы добрѣ, а чтò продано въ домовую казну и на сторону и чтò князь Юрьевскихъ продано, и тому всему роспись перечневая, а имянной не успѣлъ написать; ей, ей, и то на силу успѣлъ написать; а сія роспись подклѣена подъ симъ столбцомъ¹¹⁰⁾.

Роспись блаженные памяти великого господина святѣйшаго Іосифа, патріарха московскаго и всеа Руссиі, келейной казнѣ, чтò осталось послѣ его преставленія. На лицо денегъ 13,300 рублей, да келейной рухляди продано на 3238 рублевъ на 24 алтына на полшесты¹¹¹⁾ деньги; и обоего съ наличными деньгами на 16,438 (sic) рублей 24 алтына полшесты деньги. Изъ того числа въ расходѣ: срътенскому протопопу Петру на милостыню и на окупъ¹¹²⁾ 2000 рублей; окольникову Михаилу Алексѣевичу Ртищеву на окупъ съ правежей¹¹³⁾ и роздать бѣднымъ людямъ 1000 рублей; въ тюрьму и въ черную палату, и на бархатный дворъ, и въ стрѣleckой приказъ на милостыню 100 рублей; въ Троицкой Сергіевъ монастырь 300 рублей; въ московскіе монастыри на милостыню 500 рублей. Патріарша двора всякихъ чиновъ людямъ раздавалъ самъ государь, которые на Москвѣ, а достальнымъ раздавалъ казанской митрополитъ, которые изъ деревень послѣ его преставленія съѣхались, а роздано 2000 рублей; патріаршу духовнику знаменскому игумену 100 рублей; андроньевскому архимандриту на всеневную службу и на вѣчной поминъ 100 рублей; патріаршу племянни на милостыню 600 рублей; патріаршу же племяннику Степану Исаеву 200 рублей; Корнилию, митрополиту казанскому и свѣяжскому, на окупъ церковныхъ мѣстъ 2000 рублей, а окуплено 15 престоловъ; ему же митрополиту на всеневную службу по предѣломъ 864 рубля, посельскимъ старцомъ¹¹⁴⁾ и патріаршимъ служивымъ дѣтемъ боярскимъ, чтò роздалъ казанской митрополитъ, 1200 рублей; на монастырскіе и церковные строенія, и на милостыню, и на окупъ съ правежу, 1976 рублей 26 алтынъ 4 деньги; да по государеву указу и по докладнымъ выпискамъ и по подписнымъ челобитнымъ¹¹⁵⁾, дать изъ келейной казны на монастырскіе и церковные строенія, и въ Владимиръ и въ украинные города на сорокоусты¹¹⁶⁾ и на милостыню 2,159 рублей 10 алтынъ. И всего въ расходѣ 15,200 рублей 3 алтына 2 денги. А за тѣмъ въ остаткѣ будетъ 1337 рублей 21 алтынъ полчетверти денги; а тѣ денги указалъ государь оставить на кануны и на окупъ бѣднымъ¹¹⁷⁾.

Да всѣхъ на меня пуще было: все смѣшано вмѣстѣ, и его святительское и князь Юрьевское, и брата его родного животы, Володимерскаго протопопа, тутъ же¹¹⁸⁾; на великую силу разобралъ; ей, ей

себя надсадилъ, а записки ничему нѣтъ, да не токмо изустной памяти, ни приказу ¹¹⁹⁾ никакого нѣтъ, не токмо мнѣ, ни отецъ духовной свѣтовъ не слыхалъ приказу никакого. А въ домовой казнѣ денегъ 15,000, и купленной изъ келейной на 3,286 рублей 29 алтынъ; а въ остаткѣ 117.13 р., 4 алтына 2 денги; а опричь денегъ не переписывано ничего: велю переписывать князь Ѳеодору Семеновичу Куракину, да князь Ивану Ивановичу Ромодановскому, а боярину патріархову Василью Ѳеодоровичу Янову и дьякомъ, отдѣлавши келейную казну. А со мною у келейные казны были бояринъ Василей Васильевичъ Бутурлинъ, да думной дворянинъ Ѳеодоръ Кузмичъ Елизаровъ, да думной дьякъ Михайло Волошениковъ; да чаю, владыко святой, келейную казну въ четырехдесятицу ¹²⁰⁾ всю роздамъ. А денги онъ государь копилъ, толко которые камки и отласы и всякіе дары, и мои и ваши святительскіе и всякіе приносные, немного держалъ у себя, со сто или съ двѣсти аршинъ, а то все отдавалъ въ домовую казну, за денги по оцѣнкѣ за всякой аршинъ ималъ въ келью, да на тѣ денги хотѣлъ себѣ купить вотчину и дать по себѣ въ соборъ, и передъ смертью дни за два торговалъ, да Богъ не изволилъ. А я купить безъ его именного приказу не смѣлъ, раздалъ болшую половину бѣднымъ прямымъ на окупъ, которымъ вѣкъ окупиться нечимъ, да въ монастыри бѣдные, и досталніе туды же пойдутъ ¹²¹⁾. Да и въ томъ меня, владыко святой, прости: немного и я не покусился инымъ судамъ, да милостію Божіею воздержался и вашими молитвами святыми; ей, ей, владыко святой, ни маленькому ничему не точенъ ¹²²⁾; было бы, владыко святой, и меня столко, что и вчетверо цѣну ту дать ¹²³⁾, да не хочу для того, се отъ Бога грѣхъ, се отъ людей зазорно, а се какой я буду прикащикъ, самому мнѣ имать, а денги мнѣ платить себѣ жъ? А топерѣ немѣрно радъ, что ничему не точенъ, ни патріарховыхъ, ни князь Юрьевскихъ животныхъ; ни товарищемъ своимъ, которые со мною переписывали, Василей съ товарищи, и имъ не далъ купить, толко лише продалъ я Василью на двадцать на семь рублей, и то изъ мелочи князь Юрьевскихъ, а болши того отнюдь ничего не далъ купить, а и то далъ купить, чтѣ никто не купилъ; а я для того себѣ не купилъ, что милостію Божіею и отца своего благословеніемъ всего много, и того не изжить. Да я жъ, владыко святой, далъ по немъ по государѣ Василю Янову отласъ да братину, а цѣна шестнадцать рублей; да толко одному Василю лишнее далъ, а дьякомъ далъ по братиночкѣ да по камочкѣ, а цѣна по 10 рублей; казначею, и ризничему, и дьякомъ пѣвчимъ, и дѣтемъ боярскимъ, и пѣвчиму, и поддьякону и поддьякомъ, и старцомъ, которые у него во дворѣ, и поваромъ, и хлѣбникомъ, и конюхомъ, и по селамъ всякимъ людямъ, которые были на жалованьѣ, и водовозомъ, всѣмъ давалъ изъ своихъ

рукъ по 10 рублевъ, и послѣднему тожъ далъ. А собиралъ ихъ въ крестовую его патріархову и говорилъ имъ я со слезами, чтобъ поминали, а не роптали, а я тепере вамъ даю милостыню, а не жалованье по окладомъ, потому и милостина нарицается, что всѣмъ ровна, какова первымъ, такова и послѣднимъ; и они всѣ плакали и благодарили. И говорилъ имъ я, чтобъ поклонцовъ по силѣ или по кануну на всякъ день говорили¹²⁴); а не слушаете моихъ словъ, отъ роптанія не уйметсяъ, ему святителю ничего не сдѣлаете, токмо душамъ своимъ сотворите вѣчную погибель. Да и то я имъ говорилъ, владыко святой: есть ли въ васъ такой, кто бѣ раба своего или рабыню мимо дѣла не оскорбилъ, иное за дѣло, а иное и пьянъ напившись оскорбить и напрасно бьютъ; а онъ великій святитель, отецъ нашъ еще кого и по напраснству оскорбилъ, ино мочно и потерпѣтъ; да ужъ что ни было, тако тепере пора всякую злобу покинуть, да молитесь и поминайте съ радостію его свѣта, елико сила можетъ. А не дать было имъ и не потѣшить денгами тѣми, которыхъ я далъ имъ по десяти рублевъ, роптанію большому было быть, потому что въ конецъ бѣдны, и онъ свѣтъ у нихъ жалованья гораздо много убавилъ. А достальнымъ и помѣстнымъ и которые были въ деревняхъ, и тѣмъ давалъ тожъ по 10 рублевъ казанскій митрополитъ и говорилъ имъ тожъ, что я; а съѣхались они поздно, въ маѣ мѣсяцѣ въ 25 числѣ¹²⁵), а я давалъ тѣмъ на Ѳоминѣ недѣли, которые въ ту пору были; и ни по которомъ патріархѣ такой милостыни имъ не бывало, и по Филаретѣ дано чело-вѣку по 4 рубли, а инымъ и менши. Да я жъ теперъ одинъ строю и резанского Моисея архіепископа душу¹²⁶), а всего засталъ денегъ восемь сотъ рублевъ слишкомъ, да судовъ серебряныхъ рублевъ ста на полтора.

Да буди тебѣ великому святителю вѣдомо: грядетъ къ намъ въ царствующій градъ нашъ Москву судья вселенскій и александровской патріархъ, въ Молдавскую землю пріѣхалъ, а въ Путимль ожидаютъ къ вознесеневу дню, а къ Москвѣ чають къ петрову дню¹²⁷). Да еще буди тебѣ вѣдомо, владыко святой: Казанскаго благословилъ отецъ нашъ на страстной недѣли во вторникъ, да и мы пожаловали велѣли по прежнему въ саку служить, а воздѣли на него сакъ¹²⁸) на свѣтлое воскресенье. Да еще буди тебѣ великому святителю вѣдомо: во дворецъ посадилъ Василя Бутурлина марта въ 17 день¹²⁹); а князь Алексѣй¹³⁰) билъ челомъ объ отставкѣ, и я его отставилъ, а нынѣ добръ боленъ: а слово мое нынѣ во дворцѣ добръ страшно и дѣлается безъ замотчанья. Да еще буди тебѣ великому святителю вѣдомо: Костьку Конюхова¹³¹), чело-вѣка Тимошкина, отдали мнѣ изъ Свѣй, везетъ его ко мнѣ Енак-лычъ, а и Тимошку велѣла королева изымать, послали по всѣмъ своимъ городомъ заказъ крѣпкой подъ смертью, и хотятъ отдать¹³²). Да

вѣдомо мнѣ учинилось отъ князь Ивановыхъ грамотокъ Хованского, что будто онъ пропалъ, а пропасть свою пишеть, что будто ты его заставляешь съ собою правила ежедень; да и у насъ перешептывали на меня: николи де такого безчестья не было, что нынѣ государь насъ выдалъ митрополитомъ; и потомъ и я тебя, владыко святой, о томъ молю съ моленіемъ, пожалуй его съ собою не заставляй у правила стоять: добро, государь, владыко святой, учить премудра, премудрѣе будетъ, а безумному мозоліе ему есть; да будетъ и изволишь ему говорить, и ты, владыко святой, говори отъ своего лица, будто къ тебѣ мимо меня писали, а я къ тебѣ, владыко святой, пишу духовную; а добро бы пожаловать послушать, не токмо ему про то говорить, чтобъ и къ правилу не ималъ; да здѣсь бы передо мною вы съ очей на очи перевѣдались. Да Василей Отяевъ пишеть къ друзьямъ своимъ: лутчи бы де намъ на новой землѣ за Сибирью съ князь Иваномъ Ивановичемъ Лобановымъ пропасть¹³³), нежели де съ новгородскимъ митрополитомъ, какъ де такъ что силою заставляеть говѣть, никого де силою не заставить Богу вѣровать. И тебѣ бѣ, владыко святой, пожаловать сіе писаніе сохранить и скрыть втайнѣ, ей пожаловать тебѣ великому господину прочесть самому, не погнушаться мною грѣшнымъ и моимъ рукописаніемъ непутнымъ и несогласнымъ; да пожаловать бы тебѣ свѣту моему велѣть да и брату нашему Василю Босому прочесть сію грамоту и списокъ сей. Да послалъ я къ тебѣ великому святителю особную грамоту; къ тебѣ и къ боярину и къ діаку писано въ ней сиче:

Отъ царя и великого князя Алексѣя Михайловича всеа Русіи богомолцу нашему преосвященному Никону митрополиту новгородскому и великолуцкому, да боярину нашему князю Ивану Никитичу Хованскому, да діаку Гаврилу Леонтьеву. Вѣдомо намъ учинилось, что многіе дворяне и всякіе служилые люди, которые посланы съ вами, съ тобою богомолцомъ нашимъ и съ тобою бояриномъ нашимъ, по мощи великого святителя Филиппа митрополита, въ великій постъ не постились и не съ благочиніемъ ѣдутъ; и тебѣ бѣ богомолцу нашему одно-конечно заставить въ петровъ или госпожинъ¹³⁴) посты говѣть; а которые учнутъ ослушаться, и тебѣ богомолцу нашему ихъ, по правиломъ святыхъ отецъ, запрещать и разрѣшать, зане жъ отъ Бога на тебя власть та положена, и на всякое благочиніе приводитъ; а тебѣ боярину нашему отъ всякаго дурна ихъ унимать и велѣть ѣхать съ благочиніемъ, а не смѣхомъ; зане жъ и къ намъ, земному царю, ѣдутъ со страхомъ и трепетомъ, а то колми паче подобаеть ѣхать къ такому великому свѣтилнику со страхомъ и трепетомъ.

П Р И М Ъ Ч А Н І Я.

¹⁾ Статейнымъ спискомъ называлось то, что теперь выражается словомъ журналъ (но не въ смыслѣ повременнаго изданія), напр. журналъ путешествія, посольства и вообще всякаго дѣла. Преимущественно же это названіе присвоено было донесеніямъ пословъ.

²⁾ Въ народной рѣчи Іевъ вмѣсто Іовъ, отчего и фамилія Іевлевыхъ.—160 года, т. е. 7160 или 1652.

³⁾ Словомъ мощи не всегда означаются прославленные чудесами и нетлѣніемъ останки святыхъ; оно означаетъ иногда и вообще мертвое тѣло, бранные останки представшагося съ христіанскимъ напутствіемъ. Такъ напр. въ чинѣ погребенія усопшихъ говорится: „Скончавшуся кому отъ православныхъ, абіе призывають сродницы его священника, иже пришедъ въ домъ, въ немъ же мощи усопшаго лежать и пр.“ См. въ Требникѣ: Послѣдованіе исходное.

⁴⁾ „Часы въ отдачу денные“, т. е. въ исходѣ денныхъ часовъ; но здѣсь безъ сомнѣнія значитъ: при окончаніи денныхъ часовъ, извѣстнаго богослуженія, совершаемаго великимъ постомъ; ниже въ этомъ же письмѣ: часы отдали денные въ Суботу въ великую. Но кромѣ того въ отдачу значило вообще въ исходѣ, напр.: „Въ прошломъ 180 году, Мая въ 30 день, въ отдачу ночныхъ часовъ, Богъ простилъ государыню царицу Наталію Кириловну; а даровалъ Богъ царевича Петра Алексѣевича“ (Допол. къ 3 ч. двор. разр. стр. 469).

⁵⁾ „Принесли въ монастырь къ пречныя Богородицы Страстной“. Іова несли изъ Старицы, изъ тамошняго Богородскаго монастыря (мѣста его кончины) и несли на село Тушино, которое лежитъ въ 6 верстахъ отъ бывшей большой дороги въ Тверь; слѣдовательно въ Москву надо было вносить Тверскими воротами; но прежде чѣмъ нести далѣе, въ Кремль, его поставили у Тверскихъ воротъ, въ Срастномъ дѣвичьемъ монастырѣ. Въ Дворцовыхъ разрядахъ (ч. III, стр. 305) записано: „А какъ мощи принесли подъ Москву и поставили за Тверскими вороты въ дѣвичь монастырѣ у Богородицы Страстной, и встрѣчали мощи Іева патріархъ въ монастырѣ Богородицы Страстной со кресты, великій государь... Алексѣй Михайловичъ и свѣтлѣйшій Іосифъ и пр.“

⁶⁾ Словомъ власти, означаются лица, облеченныя духовною властію; въ старину различались власти бѣлыя, т. е. митрополиты въ бѣлыхъ клобукахъ, и черныя (архіепископы и епископы). Въ монастыряхъ властями называются настоятели, келари, должностные старцы (см. Выходы въ указателѣ). Изъ поименованныхъ здѣсь властей особенно достопамятенъ Мисаилъ, архіепископъ Муромскій и Рязанскій, за годъ передъ тѣмъ посвященный въ этотъ санъ изъ рязнчихъ новгородскаго архіерейскаго дома (Выходы, въ указателѣ стр. 52), т. е. изъ подъ начальства Никонова. Обѣзжая свою епархію, онъ дѣятельно утверждалъ и распространялъ христіанство, особенно въ сѣверозападномъ углу нынѣшней Тамбовской губерніи, между Мордвою и Татарами. Его проповѣдь привела къ Христовой вѣрѣ болѣе 4200 душъ. Въ 1655 году, близъ города Шацка, въ селѣ Конобѣевѣ, мордовскіе язычники предали его мученической смерти. Тѣло Мисаила погребено въ Рязани, въ старинномъ Архангельскомъ соборѣ, гдѣ доселѣ можно видѣть мантию сего святителя съ двумя прошибинами, вѣроятно отъ стрѣлъ и съ каплями крови.

⁷⁾ Въ актахъ арх. экспедиціи напечатано: „изъ завѣтошнаго ряда“, но это очевидно ошибка: вѣтошный же рядъ, если не ошибаемся, существуетъ доселѣ между улицами Ильинской и Никольской, и здѣсь говорится безъ сомнѣнія объ игуменѣ Заиконоспаскаго монастыря, что на Никольской.

⁸⁾ „Изъ подколоколовъ“ т. е. изъ церкви, находящейся подъ колоколами, на колокольнѣ Ивана Великаго.—„Изъ собора“, т. е. изъ Успенскаго, носившаго по преимуществу названіе собора.

⁹⁾ Всѣ нижеписанныя лица были люди заслуженные и извѣстные; имена ихъ безпрестанно встрѣчаются въ разрядахъ и другихъ современныхъ актахъ.

¹⁰⁾ „По Іосифовской дорогѣ“, т. е. изъ монастыря святаго Іосифа Волоцкаго, изъ Волоколамска, ибо тутъ ближайшій путь изъ Старицы въ Москву. Въ Дворцовыхъ разрядахъ читаемъ (ч. III, стр. 304): „Апрѣля въ 5 день (1652) послалъ государь встрѣчать мощи святѣйшаго Іова, по Волоцкой дорогѣ, къ Спасу на Веходнѣ“.

¹¹⁾ „Неглиненскія ворота“, у бывшаго моста черезъ скрытую нынѣ рѣку Неглинную, близъ нынѣшнихъ Воскресенскихъ воротъ и Иверской часовни; они вели изъ Бѣлаго города въ Китай-городъ.

¹²⁾ „Пожаръ“, тоже что пожарнище, мѣсто, передъ тѣмъ выгорѣвшее. По словамъ И. М. Снегирева такъ назывался издавна, еще съ XVI вѣка, весь Китай-городъ, отъ часто бывшихъ въ немъ пожаровъ (Памят. Моск. Древ., XXV). П. М. Строевъ (въ указателѣ къ Выходамъ, стр. 71) думаетъ, что пожаромъ называлась только одна часть Китай-города, именно между нынѣшними Спасскими и Никольскими воротами. Въ Выходахъ читаемъ (стр. 115): „Октября въ 22 день (1643) ходилъ государь въ соборъ за кресты (т. е. въ крестномъ ходу), а изъ собору ходилъ государь за кресты же къ Пречистой Богородицѣ Казанской, что на пожарѣ;“ или (стр. 132) „Октября въ 21 день (1645) слушалъ государь вечерни у Пречистые Казанской, что на пожарѣ“. Но эта церковь Казанской Божіей Матери тоже ли что нынѣшній Казанской соборъ, на вѣрное не знаемъ; ибо на площади между Спасскими и Никольскими воротами въ старину было много церквей, отчасти сломанныхъ, отчасти перенесенныхъ въ храмъ Василія Блаженнаго, гдѣ оттого такъ много придѣловъ. По свидѣтельству Англичанина Коллинса, 8 лѣтъ жившаго въ Москвѣ, пожаромъ называлась открытая площадь, сходная съ Лондонскимъ Смитфилдомъ, на которой совершались казни. (Чт. въ Обществѣ Ист. и Др. 1846, № 3, стр. 14). См. также 1-е письмо царя къ кн. Одоевскому.

¹³⁾ Инъ вм. ино, откуда теперешнее но.

¹⁴⁾ „На злую“, ниже „на великую силу“, вм. нашего на силу; простой народъ доселѣ говоритъ: на злую силу, и еще чаще: на великую силу.

¹⁵⁾ Жаловалъ говорилъ—учтивое выраженіе, вмѣсто нынѣшняго изволилъ говорить. Въ письмахъ къ Матюшкину царь иногда говоритъ: Жалуючи тебѣ объявляемъ, т. е. по нашей милости, доброжелательству, благоволенію, объявляемъ.

¹⁶⁾ „На мосту на верху“, т. е. поверхъ помоста или пола. Изъ 9 патріаршнихъ гробницъ у западной и южной стѣнъ Успенскаго собора только гробницы Іова и Гермогена, коихъ тѣла перенесены сюда изъ другихъ мѣстъ, стоятъ на верху помоста; остальные семь опущены въ землю, и означены каменными надгробіями. Патріархъ Іосафъ, въ ногахъ у котораго погребенъ Іовъ, былъ 4-мъ патріархомъ, и правилъ церковью послѣ Филарета Никитича, съ 1634 по 1642 г.

¹⁷⁾ „Для свидѣтельства“, т. е. для осмотра бранныхъ останковъ патріарха Іова.

¹⁸⁾ Бренные останки патріарха Ермогена перенесены были изъ Чудова монастыря въ Успенскій соборъ также въ 1652 году, только не въ Февралѣ мѣсяцѣ, какъ сказано въ его житіи (соч. арх. Аполлоса, Чт. Общ. Ист. и Др. 1847, № 3), а вѣроятно въ Іюлѣ, когда Никонъ уже былъ патріархомъ. Тѣла патріарховъ въ Успенскомъ соборѣ покоятся въ такомъ порядкѣ: сперва, вдоль южной стѣны, близъ шатра Ризы Господней, положенъ былъ Филаретъ, за тѣмъ его преемникъ Іосафъ 1-й, въ ногахъ у него Іовъ (1-й патріархъ); послѣднее мѣсто, уже близъ южныхъ дверей, занимаетъ Іосифъ, о смерти котораго повѣствуетъ царь Алексѣй Михайловичъ. Болѣе мѣста вдоль южной стѣны не оставалось. Ермогена положили возлѣ самаго шатра Ризы Господней, но уже поперекъ западной стѣны. Рядомъ съ нимъ покоятся остальные патріархи, кромѣ Никона.

¹⁹⁾ Патріархъ именовался не только великимъ господиномъ, но и государемъ, а Филаретъ Никитичъ великимъ государемъ, титулъ, который царь Алексѣй Михайловичъ присвоилъ и Никону (см. письмо къ Матюшкину № XVI), но котораго самъ Никонъ никогда не хотѣлъ употреблять въ бумагахъ (см. Ист. Р. Церкви, соч. епископа Филарета, Періодъ патріар. стр. 35).

²⁰⁾ „Про смерть ту свою“; въ этомъ же письмѣ встрѣчается нѣсколько подобныхъ примѣровъ: а ноги-те волочить, трясли за ручки-те, ни на умѣ то-то не бывало и пр., иногда даже при именительномъ надежѣ, сливаясь съ словомъ: неждотъ вм. неждѣтъ. Извѣстно, что въ языкѣ болгарскомъ почти къ каждому существительному приставляется въ концѣ такая частица. У насъ въ просторѣчій тоже довольно часто она употребляется, но болѣе въ формѣ то: напр. онъ-то. Еще у Нестора встрѣчаемъ: отрокотъ, т. е. отрокъ-отъ, тотъ отрокъ. Точно также употребительна въ народной рѣчи и частица отъ мѣстоимѣнія сей; напр. въ этомъ же письмѣ лѣтось, или вчерась, намеднись; намъ случалось слышать осенесь въ смыслѣ прошлой осени и пр.

²¹⁾ „Съ тѣхъ мѣстъ“ вмѣсто съ той поры, съ того времени. Понятія о мѣстѣ и времени смѣшиваются въ языкѣ, что всего лучше видно на словѣ покамѣстъ: сличи ниже: по ся мѣстъ—до сихъ поръ.

²²⁾ Трясла его холода по днямъ, т. е. приходи къ нему въ извѣстныя дни.

²³⁾ Утинъ или путинъ, слово, доселѣ сохранившееся въ Иркутской и Томской губерніяхъ, гдѣ, по Областному Словарию, оно означаетъ боль въ спинѣ и поясницѣ. Лечение его разсказано въ статьѣ г. Страхова о простонародныхъ баяхъ. См. Москов. Вѣдомости 1856 г. № 66.

²⁴⁾ О ѣздѣ патріарховъ на ослати, извѣстномъ обрядѣ, совершавшемся преимущественно въ Вербное Воскресенье см. статью И. Е. Забѣлина Вербное Воскресенье въ старину (Москвитининъ. 1850, № 8); съ своей стороны замѣтимъ, что на ослати ѣзжали не въ одно Вербное Воскресенье, и не одни только патріархи, но и другія церковныя власти. Такъ напр. въ 3-ей части Дворцовыхъ разрядовъ (стр. 322—325) читаемъ: „Іюля въ 25 день (1652) ѣлъ у государя святѣйшій Никонъ... и изъ за стола вставъ, ѣздилъ кругомъ города Кремля на ослати, а осля водили подъ патріархомъ бояре и околничіе тѣжъ, которые были у стола;“ или: „Августа въ 8 день (1652) у святѣйшаго Никона... былъ столъ... и изъ за стола новгородской митрополитъ Макарій вставъ, ѣздилъ кругомъ города на ослати, а осля водили подъ митрополитомъ окольничей князь Д. А. Долгоруковъ, да думный дьякъ Семень Заборовскій;“ 22 Авг. того же года, также послѣ патріаршаго обѣда, ѣздилъ на ослати Іона, митрополитъ ростовской и пр. Въ дополненіяхъ къ Разрядамъ 1657 года (стр. 101) записано: „Апрѣля въ 26 день поставленъ Іларіонъ архіепископъ рязанскій и муромскій; а осля водили подъ архіепископомъ, какъ ѣздилъ кругъ города, окольничей кн. Семень Романовичъ Пожарскій, да

думной дьякъ Алмазь Ивановъ; а у стола были у патріарха они жъ⁴. Всѣ предѣдущіе объѣзды кругомъ кремля на ослати совершались тоже въ день рукоположенія.

²⁵) Кручинновать, отъ кручина, а сіе послѣднее отъ крутой; слѣд. значить вообще, въ дурномъ расположеніи духа; здѣсь: взыскателенъ.

²⁶) Казанскому и ниже Ростовской, Крутицкой и пр., т. е. митрополиты.

²⁷) Этотъ И. Г. Плещеевъ, носившій прозвище Глазунова, нѣсколько разъ упоминается въ Дворцовыхъ разрядахъ: напр. въ 3-ей ч. стр. 10, гдѣ сказано, что онъ былъ воеводою въ Великихъ Лукахъ (1645).

²⁸) Бутурлинъ, Василій Васильевичъ, ближній бояринъ и Тверской намѣстникъ, поздне, за устроеніе Малороссійскихъ дѣлъ пожалованный во дворецкіе съ путемъ, т. е. съ правомъ на доходы съ извѣстныхъ мѣстъ (нынѣшняя аренда). Въ это время онъ былъ уже въ преклонныхъ лѣтахъ († 1656). См. Собр. госуд. гр. и дог. ч. III, стр. 502 и 521, и Берха: Царст. Алексѣя Михайловича, ч. II, стр. 133. Ниже царь сказываетъ, что пожаловалъ Бутурлина бояриномъ въ приказъ большаго дворца: должность, по свидѣтельству Кошкина (стр. 69) вторая послѣ конюшаго, относительно почета. См. ниже прим. 133.

²⁹) Сѣлъ по лѣвую руку—знакъ уваженія и вѣжливости.

³⁰) Говорить съ забытью. Забыть, въ Курской губерніи забытица, вм. нашего забвенья: говорить забываясь.

³¹) А иное замолчить; иное вм. иногда.

³²) Врагуша, ниже трясавица, смертная: различныя названія лихорадокъ. Во 2-ой части Архива, изд. Калачева (стр. 56, 6-го отдѣленія), изчислены разныя названія лихорадокъ, но тамъ находимъ только трясавицу, въ разрядѣ старшихъ, а врагуши и смертной нѣтъ.

³³) Губы окинула, но теперешнему словоупотребленію, обметала.

³⁴) Не воспоминалъ о духовной и кому душу свою прикажетъ. Царь извиняется передъ Никономъ въ томъ, что не спросилъ умирающаго патріарха о душеприказникѣ, конечно потому, что за немѣніемъ завѣщанія могли произойти недоразумѣнія и безпорядки, такъ какъ не все имущество патріарха принадлежало ему лично, но кромѣ его келейной, собственной казны, была еще домовая, составлявшая принадлежность вообще патріаршаго дома. Впрочемъ отсюда еще нельзя заключать, чтобы въ то время, когда писано это письмо, уже рѣшено было назначить Никона преемникомъ Іосифу; ибо выше царь положительно говоритъ, что обирать на патріаршество будутъ Ѳеогноста и далѣе еще разъ о томъ упоминаетъ.

³⁵) Трясавица, въ Курской губ. трясца, трясца, въ Новгородской трясѣха, въ Нижегородской трясѣчка, въ Иркутской трясѣя—лихорадка.

³⁶) По языку тому признавался и пр.; здѣсь признавался не въ смыслѣ признанія исповѣди, а въ смыслѣ: оказывался, можно было видѣть. Народъ доселѣ говоритъ признать вм. узнать, замѣтить, увидать.

³⁷) Помнить—подумаетъ, отъ по и мнить.

³⁸) Сердечно гнѣваться, слнчи теперешнее простонародное: въ сердцахъ.

³⁹) Запаялъ—помѣшалъ, воспрепятствовалъ, не далъ.

⁴⁰) Доздѣ—церковнославянское: до сего времени, до сего мѣста, отъ до и здѣ (здѣсь); иногда, какъ напримѣръ тутъ, оно соответствуетъ латинскому nec plus ultra, по русски довольно. Ниже: отъздѣ, отсюда, теперь.

⁴¹⁾ Достойно, слава—слова изъ извѣстныхъ молитвъ: Достойно есть яко воистину и пр. и Слава Отцу и Сыну и пр. Отпускомъ или отпустомъ называются въ богослужебныхъ книгахъ произносимыя при окончаніи богослуженія слова: „Христосъ истинный Богъ нашъ молитвами Пречистыя Своея Матере..... и всѣхъ святыхъ помиуетъ и спасетъ насъ, яко благодѣтель и человеколюбецъ“. Обыкновенно первыя молитвы читаются или поются при входѣ архіепископа или митрополита въ церковь для богослуженія. Вѣроятно, ими же встрѣчали и царя въ патріаршей крестовой церкви.

⁴²⁾ Въ Великую Среду, по окончаніи часовъ и предъ начатіемъ преждеосвященной обѣдни, священникъ или вообще священнодѣйствующій выходитъ изъ алтаря и, ставъ противъ царскихъ дверей лицомъ къ народу, читаетъ обыкновенную великопостную молитву: „Владыко многомилостиве и пр.“; когда всѣ подымутся, самъ онъ преклоняется до земли и проситъ прощенія словами: „Благословите отцы святіи, простите ми грѣшному, яже согрѣшихъ во всей жизни моей и во всей святѣй четыредесятницѣ, словомъ, дѣломъ, помышленіемъ и всѣми моими чувствами“. Предстоящіе отвѣчаютъ: „Богъ проститъ ти, честный отецъ“. (См. службы на каждый день страстныхъ седмицъ, Среда. Послѣдованіе часовъ. Листъ 23-й на оборотѣ).

⁴³⁾ Вѣроятно частица вм. „съ“; можетъ быть также сокращеніе вм. „сыну“.

⁴⁴⁾ Херувимъ, нашивное изображеніе херувима на патріаршей мантии.

⁴⁵⁾ Служить и дѣйствовать—первое означаетъ обыкновенное богослуженіе, второе относится къ дѣйствию или обряду омовенія ногъ, которое надлежало совершать на другой день, въ Великій Четвертокъ.

⁴⁶⁾ Енто—доселѣ въ народѣ вмѣсто: это.

⁴⁷⁾ За полчаса до свѣта: въ Москвѣ, въ половинѣ Апрѣля, когда происходили эти событія, солнце восходитъ въ 6 часу.

⁴⁸⁾ Иванъ Кокониловъ былъ (1654) дьякомъ въ Казенномъ Патріаршемъ приказѣ, т. е. завѣдывалъ патріаршими доходами:—должность по тому времени очень важная. (См. Истор. Акты, IV, 194).

⁴⁹⁾ Дворцовая церковь св. мученицы Евдокіи, сломанная въ XVIII вѣкѣ. Въ ней государи обыкновенно говѣли и приобщались Св. Тайнъ. По мнѣнію П. М. Строева, она находилась близъ Спаса за золотою Рѣшеткою, по направленію къ нынѣшнему Синодальному двору. (См. Пам. Моск. Древности, стр. 232).

⁵⁰⁾ Поновлять, въ Рязанской и Тульской губб. поновиться—исповѣдаться и приобщиться; въ Тульской поновлёною называютъ дѣвицу, бывшую у причастія; здѣсь въ значеніи исповѣдаться.

⁵¹⁾ Такъ доселѣ дѣлаютъ съ умирающими, добиваясь отъ нихъ послѣднихъ словъ.

⁵²⁾ Сильно вм. теперешняго насильно.

⁵³⁾ Т. е. скончался бы безъ приготовленія и исповѣди.

⁵⁴⁾ Нецевелье, правильнѣе ниже: нецевенье; это тоже что безчувствіе, нечуванье Польское *nieczulosc* (*nieczuty*) Безсон

⁵⁵⁾ Т. е. Коконилова.

⁵⁶⁾ Чуть намѣчалъ—едва выговаривалъ, только намеками давалъ знать.

⁵⁷⁾ Давѣ вм. общеупотребительнаго давеча, въ Москов., Тамб. и другихъ губерніяхъ дави, давая.

⁵⁸⁾ Знатно—замѣтно.

⁵⁹⁾ Съли думать—совѣщаться; дума—совѣтъ.

⁶⁰⁾ Подробностей о кончинѣ царя Михаила Ѳеодоровича (+ 13 Іюля 1645) мы не знаемъ; докторъ царя Алексѣя Михайловича С. Коллинсъ говоритъ кратко: „Около полуночи съ нимъ сдѣлалась рвота, а по утру онъ умеръ“ (См. въ Читеніяхъ Общества Исторіи и Древн. 1846, № 3, стр. 31); но въ англійскомъ подлинникѣ Коллинсовой книги сообщены нѣкоторыя любопытныя извѣстія, судя по которымъ можно предполагать, что Алексѣй Михайловичъ не безъ умыслу сравниваетъ болѣзнь патріарха съ предсмертными муками своего родителя.

⁶¹⁾ Архимандритъ Воздвиженскаго монастыря, отъ котораго теперь осталась одна церковь Воздвиженія на улицѣ Воздвиженкѣ.

⁶²⁾ Узналъ—догадался, заключилъ изъ того.

⁶³⁾ Сравни у Кирида Туровскаго, въ Памятникахъ Словесности XII вѣка, стр. 93: „Егда хошетъ разлучитися душа отъ тѣлеси; прежде бо приидуть бѣси и представлятъ ея вся дѣла, яже будетъ согрѣшила... и начнутъ обличати душу, исповѣдаючи грѣхи ея.... По семъ предстанетъ два Ангела, посланная по душю отъ Бога. Егда же узритъ его душа, ужаснется, образъ весь и лѣпота и лице измѣнится... и языкъ молчаніемъ затворится, и будетъ весь унылъ“ и пр. Сличн также народный стихъ: Прощаніе души съ тѣломъ.

⁶⁴⁾ Со здомъ можетъ быть сокращенное вмѣсто со вздохомъ, вздыхая. Но вотъ еще другое объясненіе принадлежащее П. А. Безсонову: „Со здомъ тоже что пристально. Сіе послѣднее отъ ста (стою, ставить и пр.); тоже самое въ нашемъ просторѣчїи „въ стѣну“ (работать сдѣлать въ стѣну). Здомъ, зидъ, зда (откуда здати, созидать, зодчїй, въ Св. Писанїи на здѣхъ) стѣна. И дѣйствительно въ этомъ же письмѣ, немного выше, читаемъ: „почелъ пристально и быстро смотрѣть.“

⁶⁵⁾ Тихнуть, въ другомъ письмѣ тишетъ—затихать, отходить, кончатся, въ просто-народнѣи гаснуть.

⁶⁶⁾ Пафнутіѣ Еропкину два года спустя, т. е. въ 1654 г., упоминается келаремъ и старцемъ Троицкаго Сергіева монастыря. (Акты Историч. т. IV, стр. 204).

⁶⁷⁾ Тогда считали часы съ восхожденія солнца, слѣд. это приходится, по нашему счету, около 2 часовъ по полудни.

⁶⁸⁾ „Помолись съ Васильемъ Уродивымъ, сія рѣчь нашимъ языкомъ съ Вавиломъ“. Значить, царь съ Никономъ между собою звали его Вавиломъ; ниже онъ называется Васи́лиемъ Босымъ. Объ этомъ юридическомъ нѣсколько разъ упоминается въ письмахъ царя Алексѣя Михайловича, всякій разъ съ великимъ къ нему уваженіемъ. Царь пишетъ Никону, что не имѣлъ вовсе намѣренія отставить и лишить сана покойнаго патріарха, и въ подтвержденіе словъ своихъ прибавляетъ: „Ты сему помышленію нашему свидѣтель, и не токмо великій архіерею и служебникъ Божїй, свидѣтель и странный братъ нашъ Васи́лій, чаю и онъ тожъ речетъ, что отнюдь въ помышленїи нашемъ того не бывало у насъ“. Въ заключенїи своего письма царь проситъ, чтобы Никонъ велѣлъ прочесть письмо брату нашему Васи́лю Босому. Изъ другаго письма видно, что царь непосредственно сносился съ самимъ Васильемъ Босымъ: „Да не покручишься, Господа ради, что про Савинское дѣло не писалъ къ тебѣ... ей позабылъ; а се въ одинъ день прилучилося всѣ отпусти, и къ тебѣ святителю, и къ нимъ (въ Саввинъ монастырь) и къ Васи́лю Босому“. Этотъ странный братъ, повѣренный тайнъ царя, вѣроятно, не умѣлъ самъ читать: „Да пожаловать бы тебѣ великому святителю (вторично проситъ Алексѣй Михайловичъ) показати мои грѣшныя грамоты и списокъ брату нашему Васи́лю Босому и велѣти ему прочесть, которыя я къ тебѣ грѣшный царь писалъ“. Къ сожалѣнію,

никакихъ историческихъ свѣдѣній не удалось намъ собрать о немъ; знаемъ только, что онъ ѣздилъ съ Никономъ за мошами св. Филиппа, и на возвратномъ пути скончался. Никонъ такъ извѣщалъ о его смерти царя въ письмѣ своемъ отъ 11 Юня * 1652 года. „А что ты, государь, писалъ къ рабу Божію Василью, а своему и нашему о Бозѣ другу, и о томъ тебѣ прежь сего писано, яко оста вашу и нашу любовь, перейде къ небесному Царю въ совѣтъ и въ небесныя кровы со святыми Ангелы жити Мая въ 3 день, погребень честию въ Сискомъ монастырѣ, милостыня и сорокоустіе довольно дано, а погребать я грѣшной, а положень предъ входомъ церковнымъ, о десную страну притвора“. (См. Письма Рус. Госуд. М. 1848, стр. 301).—Можетъ быть такимъ же страннымъ братомъ былъ тотъ старичекъ, который сидѣлъ въ каретѣ рядомъ съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ во время торжественнаго вѣзда его въ покоренную Вильну (1655) и шелъ впереди царя отъ воротъ до дворца, по красному сукну и бархату, что представляло высокое и поучительное зрѣлище земнаго величія, публично уступающаго первенство нравственному. (См. Берха, Царств. Ал. Мих. ч. I, стр. 102). Извѣстно, какъ благочестивая старина наша высоко чтитъ Христа ради юродивыхъ; въ Чудовѣ монастырѣ между памятниками вельможъ доселѣ сохраняется надгробный камень юродиваго Тимофея Архипова († 1731), который (какъ сказано въ надгробной надписи) „оставя иконописное художество, юродствовалъ міру, а не себѣ“, и жилъ у царицы Прасковіи Оеодоровны. (См. Памятники Москов. Древности, стр. 142).

⁶⁹⁾ Т. е. Оеогность.

⁷⁰⁾ Тай (чаistica) не въ примѣръ: не въ примѣръ будь сказано, вѣдаемъ его я, да Казанской, да отецъ мой духовной, т. е. конечно это еще не ручательство; не въ примѣръ, не въ доказательство его добродѣтелей я это говорю, а все таки, сказываютъ, святой онъ мужъ. *Безсон.* Выше царь называетъ того человѣка, котораго предполагалось обирать на патріаршество, Оеогностомъ. Архимандритъ Аполлосъ въ житіи Никона (М. 1845, стр. 31) рассказываетъ, что по смерти патріарха Іосифа предполагалось выбрать ему преемника изъ троихъ, Никона и двухъ іеромонаховъ; изъ нихъ одинъ былъ Юнгинскаго Козмодемьянскаго монастыря іеромонахъ Антоній, прежній наставникъ Никона бѣльца, извѣстный самому государю по добродѣтелямъ. Вторымъ былъ вѣроятно Оеогность.

⁷¹⁾ См. прим. 40-е.

⁷²⁾ Готовить погребальная, т. е. все, что нужно къ погребенію патріарха.

⁷³⁾ Выносить къ Ризъ Положенію. Церковь Ризъ Положенія въ Кремлѣ, извѣстная болѣе подъ названіемъ Печерской, по весьма почитаемой въ народѣ иконѣ Печерской Божіей Матери, находится рядомъ съ Грановитою Палатою, противъ западныхъ дверей Успенскаго собора. Она принадлежала къ патріаршему двору и была домовою патріаршею (Памятн. Моск. Древн. стр. 159—160).

⁷⁴⁾ „По мощи поитить къ Благовѣщенью“. Въ Великую Пятницу, поутру, обыкновенно совершается омовеніе св. мощей; части мощей, хранящіяся въ Благовѣщенскомъ соборѣ, приносятся для этого въ Успенскій.

⁷⁵⁾ Ко гробу Господню знаменаться, т. е. приложиться къ плащаницѣ (это было въ Великую Пятницу).

⁷⁶⁾ „Самъ-одинъ“ теперь вышло изъ употребленія: но удержались соединенія слова самъ съ послѣдующими по счету числительными: самъ—другой, самъ—третій, самъ—четвертъ и пр.

⁷⁷⁾ Сидѣльцы—находившіеся при тѣлѣ патриарха. Царь высылаетъ ихъ, ибо по обычаю женщины, и особенно царскаго рода, не показывались людямъ постороннимъ и не близкимъ.

⁷⁸⁾ Двери полунощныя, т. е. сѣверныя, на лѣво отъ алтаря.

⁷⁹⁾ Смирять вмѣсто нынѣшняго усмирять, бранить, наказывать. Здѣсь нельзя не замѣтить, что смиреніе игуменовъ царь предоставляетъ митрополиту, между тѣмъ какъ ниже дѣтей боярскихъ смиряетъ самъ. *Бзс.*

⁸⁰⁾ Новинскаго монастыря, упраздненнаго въ прошломъ столѣтіи; главная церковь его осталась подъ Новинскимъ.

⁸¹⁾ Во всю голову кричить—выраженіе, и теперь употребляемое простымъ народомъ.

⁸²⁾ Не по подобію, не какъ подобаетъ.

⁸³⁾ „Съ полъ аршина изъ гроба знать утробы-то его“: утроба-то видна на полъаршина изъ гроба. Ниже „отнюдь живота не знать было“: вовсе не было видно.

⁸⁴⁾ Лице розно пухнетъ и ниже уста стало воротить розно—начало разносить въ розъ, разлагаться.

⁸⁵⁾ „Треснуло у него во устѣхъ, неждоть (неждѣ-тъ-такъ, какъ у Нестора отрокъ отъ, какъ ниже въ этомъ письмѣ духотъ вм. духъ-то; см. выше примѣч. 20)..... а неждоть пошелъ изъ устъ; нежду де добро много идетъ; шелъ неждѣ во всю ночь, точмя шелъ; престалъ итить неждѣ“. Это гной, сукровица. Какъ всякія болѣзни, такъ и этотъ гной болѣзненный, Божій трудъ, немочь уродливая, представлялся или олицетворялся какъ извѣстное существо. Слово это, отъ перехода *т* въ *д*. произошло изъ „нежить“, извѣстнаго по древнимъ славянскимъ рукописямъ и представляемаго въ нѣсколькихъ разсказахъ. По словопроизводству оно значитъ не живущій, почти тоже что смерть, но съ особымъ намекомъ на вещественное разложеніе, сопровождающее смерть; потому царь противопоставляетъ нежду кровь, называя сію послѣднюю живою: „а изъ ноздрей кровь живая“. *Бзс.* Противъ нежита или нежити употреблялись особаго рода заклятія. См. статью Ѳ. И. Буслаева о Пословицахъ во 2-й кн. Архива, изд. Калачева, стр. 39.

⁸⁶⁾ Досталь—очень.

⁸⁷⁾ Лицу тому единымъ часомъ доспѣлось, т. е. лицу у него въ одинъ часъ все испортилось.

⁸⁸⁾ Игумену Знаменскаго монастыря, чтò на Варварѣѣ.

⁸⁹⁾ Заамвонная молитва: Благословляй благословящія Тя, Господи, и освящай на Тя уповающія и пр.

⁹⁰⁾ По сильному и раннему разложенію и нынѣ нѣкоторые заключаютъ о дурной жизни покойника, приписывая то Божіему наказанію. Царь осуждаетъ такіе суетные толки.

⁹¹⁾ Чтò такое „рукописаніе лѣтъ“, за подлинно не знаемъ; но не сюда ли относятся слова царскаго врача С. Коллинса, что у Русскихъ въ руку покойнику кладутъ письмо, въ которомъ описаны жизнь и поведеніе его? (См. Чт. Общ. Ист. и Др. 1846, № 3 стр. 8).

⁹²⁾ Поклоны класть, передъ послѣднимъ цѣлованіемъ, прикладываясь къ стоящей въ ногахъ у покойника иконѣ.

⁹³⁾ Царь могъ помнить похороны двухъ патриарховъ, дѣда своего Филарета († 1634) и патриарха Іосифа 1-го († 1641).

⁹⁴⁾ Т. е. патриаршій духовникъ.

⁹⁵⁾ Всѣ люди около него стряпаютъ; стряпать въ старину значило вообще прислуживать, держать вещь и по спросу подавать ее. Отсюда стрипчій, стряпня.

⁹⁶⁾ Трубецкой, вѣроятно князь Алексѣй Никитичъ, бояринъ и дворецкій.

⁹⁷⁾ Михайло (Алексѣевичъ) Ртищевъ, въ 1650 году занимавшій должность постельничяго (Дворц. Разр. ч. III, стр. 170. 171), ниже названъ окольничимъ. Это вѣроятно отецъ Ѳедора Михайловича Ртищева, извѣстнаго любовію къ книжному ученію и заведеніемъ училища въ Андреевскомъ монастырѣ.

⁹⁸⁾ См. выше, примѣч. 28.

⁹⁹⁾ Мнѣніе на него великое было, т. е. онъ былъ мнителенъ, подозрѣвалъ, что хотятъ отставить его. Всѣ послѣдующія слова относятся къ неудачному исправленію церковныхъ книгъ, въ коемъ обвиняли покойнаго патриарха, неосторожно поручившаго надзоръ за печатаніемъ людямъ малознающимъ. Сожженіе на Аѳонской горѣ печатной книги, содержавшей ученіе о двуперстномъ сложеніи, сдѣлалось извѣстнымъ въ Москвѣ и дало всему дѣлу исправленія непріятную гласность. (См. Исторія Русской Церкви. Періодъ Патриаршества. Рига 1847, стр. 164, 167—170).

¹⁰⁰⁾ За соромъ, т. е. за осрамленіе, за безчестіе. Русская форма вм. церковной срамъ.

¹⁰¹⁾ См. выше, примѣч. 68.

¹⁰²⁾ Въ нижеслѣдующемъ описаніи имущества, оставшагося послѣ умершаго патриарха, строго отдѣляется келейная его казна или личная его собственность отъ домовою, которая составляла принадлежность патриаршаго дома и должна была перейти къ слѣдующему патриарху.

¹⁰³⁾ Изъ этого мѣста оказывается, что какой-то князь Юрій, ниже названный Шулешевымъ, бралъ у патриарха деньги взаймы подъ залогъ разныхъ сосудовъ, пищалей, саблей и другой рухляди. Въ старину духовенство, владѣя большими суммами, не рѣдко снабжало ими частныхъ людей, и часто подъ залогъ; иначе за чѣмъ было нужно патриарху имѣть пищали и сабли? По смерти патриарха царь продалъ эти вещи частію въ домовую патриаршую казну, частію частнымъ лицамъ, и вырученныя деньги давалъ по немъ же госуларѣ (покойномъ патриархѣ), т. е. на поминъ его души. У патриарха Іосифа находились въ казнѣ и вещи брата его Владимірскаго протопопа, можетъ быть, на сохраненіи, какъ это дѣлалось для большаго обезпеченія.

¹⁰⁴⁾ Памятцы—записочки для памяти.

¹⁰⁵⁾ Строеніе, въ смыслѣ попеченія, заботливости, ухода, хозяйства; сличи ниже душу строить; у насъ и доселѣ говорятъ: построить пару платя, т. е. собрать, купить матеріи по одиночкѣ и потомъ сшить. Князякъ (отчего фамилія Киндяковыхъ)—грубая деревенская ткань. *Безсон.*

¹⁰⁶⁾ Ржавки вм. нынѣшняго ржавчина.

¹⁰⁷⁾ Порошечекъ—поропинка.

¹⁰⁸⁾ Камка—шелковая ткань съ разводами.

¹⁰⁹⁾ Дороги, по объясненію П. М. Строева (Выходы, въ указателѣ, 24)—ткань азіатская, шелковая, полосатая и клѣтччатая. Изъ нея шли ферези и другую одежду, которая въ старинныхъ рядныхъ записяхъ называется дорогильною.

¹¹⁰⁾ Царь извѣщаетъ Новгородскаго митрополита Никона, сколько именно осталось имущества послѣ умершаго патриарха. Можетъ быть, этимъ подробнымъ исчи-

сленіемъ онъ желалъ дать знать Никону о своемъ желаніи видѣть его на патріаршемъ престолѣ.

¹¹¹⁾ Полшесты деньги—пять съ половиною денегъ: ниже полчетверты деньги. Отъ такого счета, весьма обыкновеннаго въ старину, нынѣ остались только полтора и полтретья; у Нѣмцевъ онъ доселѣ въ употребленіи.

¹¹²⁾ Срѣтенскому протопопу Петру на милостыню и на окупъ и ниже: Корнилію митрополиту... на окупъ церковныхъ мѣстъ, 2000 рублей, а окуплено 15 престоловъ. Церкви, часовни, пустыни и пр. обложены были извѣстными суммами, шедшими въ патріаршую казну; въ случаѣ неплатежа ихъ закрывали; но ихъ можно было окупить взносомъ требуемой суммы. Такіе окупы производились по смерти патріарха Іосифа изъ его келейной казны.

¹¹³⁾ Окупъ съ правей—выкупъ должниковъ, поставленныхъ за неплатежъ долговъ на правей, т. е. преданныхъ заключенію. Поставить на правей техническое выраженіе, соотвѣтствующее другому: доправить деньги взыскать ихъ.

¹¹⁴⁾ Посельскіе старцы—монахи, управлявшіе деревнями духовенства.

¹¹⁵⁾ Докладная выписка, выписка изъ представленнаго царю доклада о томъ, кому и сколько дать денегъ изъ патріаршей келейной казны. Подписная челобитная, такая, на оборотѣ которой подписано было опредѣленіе исполнить просьбу; по смерти патріарха, разумѣется, очень много поступило челобитенъ съ просьбою о вспоможеніи.

¹¹⁶⁾ Сорокоусть называется сорокъ обѣдней по усюшемъ, ежедневно совершаемыхъ послѣ его кончины.

¹¹⁷⁾ Всей келейной казны осталось послѣ патріарха слишкомъ на 16 т. рублей, т. е. полагая тогдашній рубль примѣрно въ 6 нынѣшнихъ серебряныхъ (какъ опредѣляетъ это И. Д. Бѣляевъ) на сумму около 100,000 р. серебромъ.

¹¹⁸⁾ См. выше примѣч. 104.

¹¹⁹⁾ Изустная память, тогдашнее техническое выраженіе, значитъ завічаніе; приказъ—словесное распоряженіе.

¹²⁰⁾ Тогда пасха была 18 Апрѣля; сдѣд. день Вознесенья Господня приходился 27 Мая: ниже царь говоритъ, что изъ деревень съѣхались для пріема милостыни послѣ патріарха въ Маѣ, 25 числа; слѣд. все это писано либо въ послѣднихъ числахъ Мая либо въ началѣ Іюня т. е. болѣе мѣсяца послѣ кончины патріарха.

¹²¹⁾ Видна мысль объ уменьшеніи недвижимыхъ церковныхъ имуществъ.

¹²²⁾ Ни маленкому ничему не точенъ, т. е. ни до чего не касался. Не точенъ (отъ тку, тыкать), тотъ, кто не дотыкается до чего. *Безсон.*

¹²³⁾ Т. е. достало бы и у меня денегъ.

¹²⁴⁾ Т. е. клали за покойнаго патріарха земные поклоны; по кануну—по церковному уставу.

¹²⁵⁾ См. примѣч. 122.

¹²⁶⁾ Выраженіе строить душу или еще древнѣе „строить душа“ было общеупотребительнымъ въ старину и означало быть душеприкащикомъ, устроить дѣла покойнаго, преимущественно же давать деньги на поминъ его души, строить церкви въ память его и пр.—У Сербовъ это самое выражается словами: градити задужбину, и такъ какъ послѣ покойниковъ нерѣдко строились храмы Божіи, въ память ихъ, то сіи послѣдніе назывались также задужбинами. Моисей, архіепископъ Рязанскій (см. Ист. Рос. Іерархія, ч. I, стр. 132), вѣроятно умеръ на покоѣ, уже не исполняя архіерейскаго служенія;

ибо тогда же, въ 1652 году, архіепископомъ Рязанскимъ былъ вышеупомянутый Ми-
силь.

¹³⁷⁾ Вѣроятно патріархъ Александрійскій воротился назадъ, не доѣхавъ до Москвы; ибо ни въ Разрядахъ, ни въ другихъ современныхъ актахъ не упоминается о пріѣздѣ его, между тѣмъ какъ въ другихъ подобныхъ случаяхъ это всегда бывало.

¹³⁸⁾ Саккосъ, верхнее облаченіе патріарховъ и митрополитовъ, нынѣ и архіепископовъ; но сіи послѣдніе носятъ саккосъ безъ нашивной эпитрахили.

¹³⁹⁾ Т. е. въ свои именины.

¹⁴⁰⁾ Кн. Алексѣй Михайл. Львовъ († 1653), см. Двор. Разр. III, 330. Посадилъ во дворецъ, т. е. сдѣлалъ бояриномъ въ Приказѣ Большаго Дворца, по нынѣшнему министрѣ Императорскаго Двора.

¹⁴¹⁾ Всѣ эти слова относятся къ исторіи самозванца Тимошки Анкидинова и его вѣрнаго слуги Кости Конюхова или Конюховскаго, которые, послѣ разныхъ приключеній въ Литвѣ и Турціи, очутились въ Стокгольмѣ, гдѣ королева Христина долго и весьма искусно покровительствовала имъ, но наконецъ принуждена была въ 1652 году выдать втораго изъ нихъ царскому посланцу Янакычу Челищеву, а перваго общалась также изловить. Любопытныя подробности о походе этихъ московскихъ подъячихъ извлечены профессоромъ Гельсингфоргскаго университета С. Соловьевымъ изъ шведскихъ архивовъ и переданы въ двухъ статьяхъ, подъ заглавіемъ: Тимошка Анкидиновъ, XI самозванецъ (см. Финскій Вѣстникъ 1847 года, №№ 1 и 2).

¹⁴²⁾ Пишу духовную, т. е. грамоту, касающуюся духовныхъ дѣлъ, и притомъ тайную, какъ на духу.

¹⁴³⁾ Князь Иванъ Ивановичъ Лобановъ-Ростовскій въ 1652 году посланъ былъ въ Сибирь, въ новую въ Даурскую землю, съ 3 тысячами служилыхъ людей (Истор. акты, IV, стр. 168 и д.). Правительство снарядило эту экспедицію вслѣдствіе блестящихъ подвиговъ Ерофея Хабарова, распространившаго русское владычество по Амуру; но она почему-то не состоялась. (См. Медовикова: Объ ист. знач. цар. А. М., стр. 134).

¹⁴⁴⁾ Госпожинъ постъ—постъ Успенскій, который доселѣ называется въ народѣ госпожинками или спожинками (отъ слова госпожа).

III.

(Москва. 25 Мая 1652).

Отъ царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всеа Руссиі, великому солнцу сіяющему, пресвѣтлomu богомольцу и преосвященному Никону, митрополиту новгородцкому и великолудскому, отъ насъ, земнаго царя, поклонъ. Радуйся, архіерее великій во всякихъ добродѣтеляхъ подвижающейся! Какъ тебя великаго святителя Богъ милуетъ? А язъ грѣшный твоими молитвами далъ Богъ здорово. Да буди тебѣ вѣдомо: бывшего новгородскаго митрополита Афеонія¹⁾ не стало на шестой недѣли во вторникъ великаго поста; и я ништоль, владыко святой, писалъ ко архіепископу псковскому и изборскому Макарію, велѣлъ его погрестъ, гдѣ онъ изволилъ себя погрестъ; а тебя дожидаться, владыко святой, долго, а ему стоять до тѣхъ мѣстъ долго жъ. Да не покручинься, Господа ради, что про савинское дѣло²⁾ не писалъ къ тебѣ, а писалъ и сыскъ послалъ къ келарю: ей позабылъ; а се въ одинъ день прилучилося всѣ отпусти, и къ тебѣ святителю, и къ нимъ, и къ Василью босому, и въ Савинской монастырь къ Алексѣю про казначея, а я усталъ; и ты меня, владыко святой, прости въ томъ: ей безъ хитрости не писалъ къ тебѣ; а имъ велѣлъ тебѣ же поднести прочесть не распечатавши, чтобъ было вѣдомо тебѣ святителю, а тебѣ пожаловать, прошенія нашего не презреть, прочесть у нихъ съ милостию, а не гнѣватися на меня. Да пожаловати бы тебѣ великому святителю помолитися, чтобы Господь Богъ умножилъ лѣтъ живота дочери моей, а къ тебѣ она святителя крѣпко ласкова³⁾; да за жену мою помолитися, чтобы, ради твоихъ молитвъ, разнесъ Богъ съ ра-

¹⁾ Афеоній, предшественникъ Никона на митрополіи Новгородской, въ 1643 году удалившійся на покой въ Хутынской монастырь.

²⁾ Какое это было Савинское дѣло, неизвѣстно. Не задолго передъ тѣмъ царь и Никонъ нѣсколько разъ ѣзжали въ Савинъ Сторожевскій монастырь (въ 2 верстахъ отъ Звенигорода) на случай открытія мощей Саввы чудотворца. Надо замѣтить, что какъ Воскресенскій монастырь, такъ называемый Новый Іерусалимъ, есть памятникъ Никона, такъ точно монастырь Савинскій на каждомъ шагѣ напоминаетъ царя Алексѣя Михайловича, который особенно любилъ его: тамъ показываютъ одежды царя, пещерку, въ которую онъ ходилъ бесѣдовать съ однимъ изъ отшельниковъ, икону Алексѣя Божья челоуѣка, царскую ручную псалтырь, пожалованные имъ сосуды и проч.

³⁾ Тогда у царя Алексѣя Михайловича была только одна дочь, царевна Евдокія Алексѣевна (1650—1712).

⁴⁾ Разнесъ Богъ съ рабеночкомъ—далъ благополучно разрѣшиться отъ бремени. Рабеночекъ этотъ—царевна Марѣа Алексѣевна, родившаяся 27 Августа этого года (1652) и скончавшаяся въ 1707 г., въ монашескомъ санѣ, подъ именемъ Маргариты.

беночкомъ⁴⁾; а уже время спѣть, а какой грѣхъ станетца⁵⁾, и мнѣ, ей, пропасти съ кручины: Бога ради, моли за нее. Да пожаловать бы тебѣ великому святителю показати мои грѣшныя грамоты и списокъ брату нашему Василию босому и велѣти ему прочесть, которыя я къ тебѣ грѣшный царь писалъ. Да буди тебѣ великому святителя вѣдомо: многолѣтны⁶⁾ у насъ поють вмѣсто патріарха: спаси, Господи, вселенскихъ патріарховъ, и митрополитовъ, и архіепископовъ нашихъ, и вся христіане, Господи, спаси; и ты отпиши къ намъ, великій святителю, такъ ли надобѣтъ пѣть, или какъ инакъ пѣть надобно, и какъ у тебя святителя поють, и то отпиши къ намъ. Да отпиши, великій святитель, Господа ради, противъ всѣхъ моихъ писемъ; какъ изволишь и какъ тебя Богъ святителя наставитъ, такъ пожалуй и отпиши: а сотника безъ писма не отпускай къ намъ. А по семъ радуйся ты, архіерею великій, и веселися въ добрыхъ дѣлѣхъ; а насъ благослови и прости, владыко святой, въ словѣ и въ дѣлѣ и въ помышленіи, и моли за насъ грѣшныхъ, и не забывай насъ въ своихъ молитвахъ на всякъ день и часъ. А потомъ язь многогрѣшный царь благосерднѣ челомъ бью. Писанъ на Москвѣ, лѣта 7160 мая въ 25 день. А въ концѣ у подлинныя грамоты пишетъ⁷⁾: А подписалъ многогрѣшный царь своею рукою, скорымъ дѣломъ⁸⁾.

IV.

Списокъ съ государевы грамоты слово въ слово, какова прислана, его государевою рукою писана, въ Воскресенской монастырь, и по сей грамотѣ прозвася Новый Іерусалимъ.

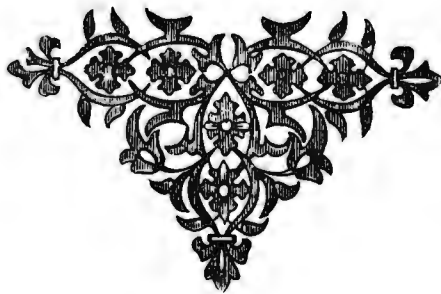
³⁾ Грѣхъ, грѣшнѣть во всемъ древнемъ словоупотребленіи означало не только преступленіе закона, но всякую неудачу, все некстати сдѣланное, всякое несчастіе. Это особенно видно изъ одного мѣста древнихъ лѣтописей, въ описаніи ослѣпленія Василька: ослѣпитель съ перваго раза не попалъ ему въ глазъ ножемъ и про него сказано: грѣшнѣся ока.

⁴⁾ Многолѣтны,—извѣстныя возгласенія многолѣтій. Царь спрашиваетъ, какъ и кому слѣдуетъ возгласнать на церковной службѣ многая лѣта вмѣсто умершаго патріарха. Никонъ отвѣчалъ ему: „А что во многолѣтін и вселенскихъ патріархъ поминатъ, и то зѣло благо, какъ ты, государь, Писалъ“ (см. письма Русскихъ государей, М. 1848, стр. 202).

⁷⁾ Это приписка позднѣйшаго переписчика. Письма къ Никону какъ выше сказано, сохранились въ копіяхъ, подлинники же по всему вѣроятію утрачены.—„Пишетъ“ вм. написано, употребленіе безличное, не рѣдкое въ старинныхъ актахъ.

⁸⁾ Скорымъ дѣломъ—на скоро. Здѣсь, можетъ быть, значить также: скоронисью, безъ фигурныхъ разводовъ. *Безс.*

Великому государю и отцу нашему, святѣйшему Никону, архі-епископу царствующаго великаго града Москвы, и всея великія и малыя и бѣлыя Россіи патріарху. Сынъ твой возлюбленный, царь Алексій, челомъ бьетъ: изволишь, государь, про насъ вѣдать, и мы милостію Божіею и твоими отца нашего молитвами, пришли въ Саввинскій монастырь октября въ 1 день въ четвертомъ часу дни далъ Богъ здорово¹⁾; а потомъ тебѣ отцу своему челомъ бью на хлѣбѣ²⁾; да ты же жалуешь; пишешь, тужить о насъ, и еще Богъ дастъ живы будемъ за твоими пресвятыми молитвами, и паки не зареклися и не зарекаемся, и паки пріѣзжати, а старца твоего государева Новаго Іерусалима препокои въ, отпустилъ къ тебѣ, и стрѣльцовъ Саввы чудотворца³⁾, пятьнадесять человекъ послалъ: царь Алексій со мною любовію радостною, лобызавъ честную десницу твою государеву челомъ бью.

¹⁾ Года не обозначено, но архимандритъ Аполлосъ относитъ это письмо къ тому времени, когда Никонъ жилъ въ улаленіи, въ своемъ Воскресенскомъ монастырѣ и прежнее согласіе между нимъ и государемъ уже было нарушено. См. Чт. въ Общ. Ист. и Др. 1848, № 5, стр. 41, въ житіи Никона.

²⁾ Челомъ бью на хлѣбѣ—царь благодаритъ патріарха за содержаніе свое и всей своей прислуги на монастырскій счетъ, въ бытность у Саввы Сторожевскаго.

³⁾ Стрѣльцы Саввы чудотворца, т. е. Звенигородскіе стрѣльцы.

Житіє патріарха Никона, написанное (надо полагать) большею частию съ его словъ, Иваномъ Шушеринымъ, перепечатывается здѣсь *буквально* съ перваго изданія (въ малую восьмушку, 2 нен. и 223 стр.).

Никонъ принадлежитъ къ числу достопамятнѣйшихъ лицъ Русской исторіи. Его напряженною дѣятельностью возбуждено было у насъ опасеніе папскаго самовластія, и затѣмъ находила себѣ оправданіе недовѣрка свѣтской власти къ духовенству, имѣвшая гибельныя послѣдствія, нами доселѣ переживаемыя. Записка Шушерина легла въ основу нашихъ свѣдѣній о великомъ патріархѣ; ею пользовались всѣ писавшіе о немъ, архимандриты Аполлосъ и Леонидъ, Субботинъ, Гюббенетъ и др. Но достопочтенные труды ихъ еще не полны: дѣло Никона, около двухъ столѣтій хранившееся подъ печатами, доселѣ еще не все обнародовано. Покойный Гюббенетъ, не задолго до кончины своей, готовилъ ко второму изданію превосходное сочиненіе свое о Никонѣ и вѣроятно помѣстилъ бы въ немъ нѣсколько писемъ царя Алексѣя Михайловича къ протопопу Аввакуму, которыя хранятся въ Государственномъ Archivѣ (гдѣ я читалъ ихъ: они отличаются тѣмъ же смиреннолукавствіемъ, какъ и письма къ Никону). Ихъ слѣдуетъ огласить для того, чтобы освѣтились вполнѣ отношенія между вторымъ царемъ Романовымъ и необыкновеннымъ человекомъ, занявшимъ мѣсто его дѣда. Архимандритъ Леонидъ не разъ сообщалъ мнѣ свое предположеніе о Нѣмецкомъ происхожденіи Никона, о томъ, что предокъ его, Эстонецъ Вельдеманъ, выселенъ былъ Іоанномъ Грознымъ въ нынѣшній Княгининскій уѣздъ Нижегородской губерніи и далъ имя селу Вельдеманову, родинѣ Никона.

И такъ по матери Мордвинъ, по отцовской крови Нѣмецъ: сколько указаній для психологической оцѣнки! Наконецъ, только въ наши дни можно вполнѣ свободно писать о Никонѣ и оцѣнить отзывы о немъ Петра Великаго, который винилъ его не только въ постоянномъ ронаніи свѣтской власти, но и въ преступной любостыжательности, соединенной съ государственною измѣною (см. о томъ разсказъ Петра Великаго въ „Русскомъ Archivѣ“ 1863 года, поднесенный протоіереемъ Петромъ Алексѣевымъ императору Павлу, въ предупрежденіе честолюбивыхъ захватовъ митрополита Платона). Навсегда оста-

нутя памятны заслуги патріарха Никона: онъ возстановилъ чинность бого-служенія (до него случалось, что прихожане приносили въ церковь свои иконы со свѣчами и затѣвали изъ за этого ссоры съ другими моельщиками); при немъ начато доселѣ неконченное исправленіе церковно-славянскаго перевода. Читатели „Русскаго Архива“ припомнятъ его мудрыя и человѣколюбивыя своеручныя рѣшенія на прошенія, которыя подавались ему, какъ „великому государю“, людьми всѣхъ сословій.

Къ „Житію патріарха Никона“ приложены четыре письма къ нему отъ царя Алексѣя Михайловича“. Они перечитываются изъ сдѣлавшейся рѣдкостью книги: „Собраніе писемъ царя Алексѣя Михайловича“. М. 1856. Это первая изданная нами книга. Если издать ее вновь, она значительно пополнится между прочимъ письмами царя къ Крымскому узнику Шереметеву изъ книги А. П. Барсукова: „Родъ Шереметевыхъ“. П. Б.

ныхъ повременныхъ изданіяхъ. Кромѣ боярина Волынскаго, у него изображенъ рядъ владѣльцевъ Воронова, и въ ихъ числѣ знаменитые въ нашей исторіи Артемій Петровичъ Волынскій и графъ Растопчинъ. Онъ приводитъ достопамятное завѣщаніе Екатерины Великой сыну и всѣмъ его потомкамъ читать дѣло Волынскаго (кстати сказать, доселѣ вполнѣ не обнародованное). Мало сказано о зятѣ его, графѣ Иванѣ Ларіоновичѣ Воронцовѣ (это прямой прадѣдъ нынѣшняго Кавказскаго намѣстника), который, убоясь, можетъ быть, дворскихъ тревоженій, погубившихъ тестя его, занималъ спокойную должность президента Вѣтчинной Коллегіи и для того жилъ въ имѣніи супруги своей и въ Москвѣ, гдѣ у него была цѣлая усадьба (нынѣ Строгановское училище).

Хотя баронъ Де-Бай незнакомъ съ письмами А. Я. Булгакова въ „Русскомъ Архивѣ“, содержащими въ себѣ много показаній о графѣ Растопчинѣ, съ его статьею „Охъ, Французъ“, съ письмами 1812 года къ женѣ и къ императору Александру Павловичу, тѣмъ не менѣе очеркъ его жизни и характера довольно вѣренъ, какъ и вообще отношеніе повѣствователя отличается безпристрастіемъ.

Жаль, что баронъ Де-Бай, какъ многіе и у насъ, превратно понялъ „Правду о пожарѣ Москвы“, въ которой графъ Растопчинъ желаетъ только, чтобы не ему одному приписывали сожженіе Москвы и говорить, что героическое пожертвованіе достояніемъ, лишь бы оно не доставалось непріятелю, проявлялось въ 1812 году у Русскихъ людей всякаго званія. Книгоноша И. В. Поповъ сколотилъ себѣ въ Москвѣ небольшой домъ и, отчаявшись въ спасеніи города, явился къ генералъ-губернатору съ заявленіемъ, что имъ

положено пороку въ печи этого дома. Тоже сдѣлалъ и самъ Растопчинъ, положившій въ печи прекраснаго дома своего на Лубянкѣ горючихъ веществъ, которые были найдены жившими въ этомъ домѣ барономъ Павломъ Бурьенемъ и генераломъ Делябордомъ, когда Октябрьскіе холода 1812 года дали имъ себя почувствовать. Знай графъ Растопчинъ, что Москву отдадутъ безъ боя, онъ позаботился бы приготовить Наполеону еще болѣе страшную участь.

Любопытно замѣтить, что одинаково съ графомъ Растопчинымъ отзывался о пожарѣ Москвы лордъ Байронъ въ стихахъ „Бронзовый Конь“:

Свой порохъ отдали солдаты,
Солому съ кровли несъ своей мужикъ,
Товаръ свой далъ купецъ богатый,
Свои палаты каменные князь,
И вотъ Москва отвсюду занялась!
Пожаръ великій, несравненный,
Единственный во всей вселенной!

(„Русскій Архивъ“ 1885 г., книга 1, стр. 416).

Баронъ Де-Бай не обошелъ и предпослѣднихъ Растопчиныхъ, владѣльцевъ Воронова, т. е. графа Андрея Ѳедоровича и поэтессу его супругу, и тутъ, кажется намъ, онъ нѣсколько пристрастенъ. Мы помнимъ, что когда графиня Евдокія Петровна умирала отъ болѣзни рака, онъ ухаживалъ за нею съ преданностью любящаго мужа. Онъ пережилъ ее на много лѣтъ и, пріѣзжая въ Москву, всякій разъ посѣщалъ ея могилу. Онъ умеръ въ Петербургѣ почти что нищимъ.

Баронъ Де-Бай пользовался также и бумагами неизданными; такъ ему доставлены были письма графа А. Ѳ. Растопчина къ С. А. Соболевскому. Въ одномъ изъ нихъ сказано, что въ Вороновѣ было въ 1857 году слишкомъ 15 тысячъ десятинъ земли. П. В.

„РУССКІЙ АРХИВЪ“

будеть выходить въ 1910 году.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1909 года.

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1909 году, за двѣнадцать выпусковъ, съ пересылкой и доставкой, девять рублей, для чужихъ краевъ—двѣнадцать рублей.

Подписка въ Москвѣ, въ Конторѣ „Русскаго Архива“, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ (на дворѣ).

Отвѣтственность за исправную доставку книгъ принимается лишь для тѣхъ лицъ и учреждений, которыя подписались въ Конторѣ „Русскаго Архива“.

При перемѣнѣ адреса надо присылать номеръ перемѣняемаго. Перемѣна Московскаго адреса на иногородній—40 коп. Перемѣна иногороднаго на иногородній или городского на городской—30 коп.

Первая книга „Русскаго Архива“ 1909 года (выпуски 1. 2. 3 и 4) съ особымъ счетомъ страницъ, заглавіемъ и оглавленіемъ, можетъ быть покупаема отдѣльно по **3 р. 50 к.** съ пересылкою.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **Петръ Вартеневъ.**

„Русскій Архивъ“ будетъ издаваться въ 1910 году.

СОРОКЪ СЕДЬМОЙ ГОДЪ СЪ ОСНОВАНІЯ

РУССКІЙ АРХИВЪ

1909

10.

Стр.

1. Елисавета Ивановна Бутыгина. Статья С. М. Горяинова.
27. Изъ Крымскаго дневника Ю. Н. Бартенева. 1844 годъ.
120. Письма къ Ю. Н. Бартеневу князя А. Н. Голицына, князя Козловскаго и графа М. С. Воронцова.
124. Нѣсколько словъ о П. М. Боклевскомъ. П. А. Россіева.
126. Изъ автобіографіи Н. П. Иванickaго.
181. Къ біографіи М. Н. Каткова: 1) Изъ архива Московской Городской Управы, 2) Собственное показаніе.
185. 25 Августа 1859—1909. Е. И. Козубскаго.
192. Поправки (о письмѣ про Пушкина) Н. О. Лернера. — О баронѣ де-Батъ.
Внутри обложки: О книгѣ г-на Таствена: Histoire de la colonie française de Moscou.

МОСКВА.

Синодальная Типографія.

1909.

F. Tastevin. Histoire de la colonie française de Moscou. Depuis les origines jusqu'à 1812. Paris 1909.

Ф. ТАСТВЕНЬ. ИСТОРИЯ ФРАНЦУЗСКОЙ ОВИЩИНЫ ВЪ МОСКВѢ. СЪ ОСНОВАНІЯ ДО 1812 г. Парижъ. 1909 г. Малая 8-ка, 191 стр. съ азбучнымъ указателемъ. Посвящено Августу Лутрейдю.

Маль золотникъ да дорогъ.

Съ первыхъ же страницъ этой небольшой книжки чувствуется, что предлежитъ чтеніе, не только удовлетворяющее любознательности, но и цѣнное для исторіи, что авторъ положилъ на нее много труда и въ тоже время владѣетъ искусствомъ изящнаго изложенія.

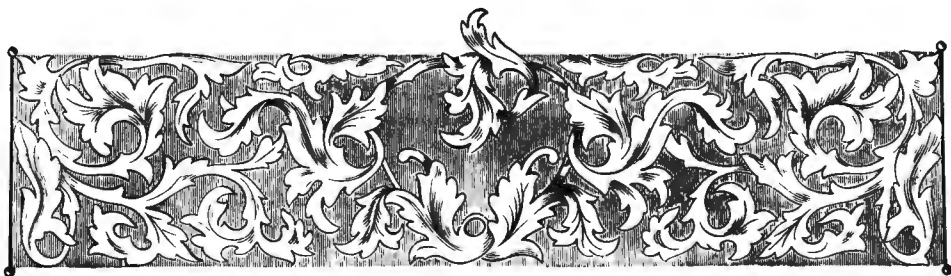
Въ дальнѣйшемъ чтеніи пріятно встрѣтиться и со сравнительнымъ безпристрастіемъ. Не слышно превозношенія, и г-нъ Таствень даже негодуетъ на офранцузившихся Русскихъ людей XVIII-го и начала XIX вѣковъ. „Благодаря неразборчивымъ заимствованиямъ, говоритъ онъ, народъ совершенно исказился въ своихъ нравахъ и понятіяхъ. Необдуманное усвоеніе нѣкоторыхъ сторонъ Французскаго характера повело къ послѣдствіямъ вполне отрицательнымъ: Французская веселость явилась шутствомъ, страсть къ удовольствіямъ — непотребствомъ, беззаботность — отвращеніемъ къ сколько нибудь дѣльному занятію, свобода отъ предразсудковъ — презрѣніемъ предметовъ священныхъ“. Такимъ отзывомъ напоминаются выраженія митрополита Филарета въ благодарственномъ молебнѣ за избавленіе отъ нашествія Галловъ, который читается послѣ литургіи въ день Рождества Христова.

Петръ Великій прожилъ въ Парижѣ шесть недѣль. Онъ съумѣлъ извлекать для Россіи выгоды изъ добрыхъ

отношеній съ Франціей. Вызовы Французскихъ мастеровыхъ и художниковъ въ послѣдніе годы его царствованія сдѣлались чаще, когда Кампредонтъ, Вильбуа, Лестокъ имѣли большое у насъ значеніе, а при царскихъ дочеряхъ была наставница Французенка. Маркизь Шетарди помогъ намъ освободиться отъ Остермана съ братією, и на Россійскій престолъ взошла великая нарядница, у которой было безсчетное количество одеждъ. Русскій посолъ изъ Парижа при денешахъ своихъ пришивалъ лоскутки тканей на выборъ Государынѣ. Богатые и зажиточные Русскіе люди стали одѣваться по-французски. Завелись съ Франціей непосредственныя торговныя сношенія, тогда какъ прежде Французскіе товары приходили къ намъ черезъ Голландцевъ и Англичанъ. Г. Таствень полагаетъ, что усиленію Французской торговли и благосостоянію у насъ Французовъ много содѣйствовала супруга Цесаревича Павла Петровича, уроженка Монбельера (уже тогда полуфранцузскаго); она покровительствовала иностранцамъ и уже тогда тратила много денегъ. Къ концу XVIII вѣка у насъ Французовъ жило уже до десяти тысячъ.

Екатерина упорядочила положеніе Французовъ въ Москвѣ: для нихъ заведены консулы, и они отдѣлились въ общемъ управленіи отъ другихъ иностранцевъ, жившихъ въ Нѣмецкой Слободѣ. Позднѣе средоточіемъ ихъ сдѣлалась церковь св. Людовика на Малой Лубянкѣ, освященная 31 Марта 1791 года. На покупку мѣста для нея даны деньги и Русскими людьми.

Въ третьей главѣ книги г. Таственя говорится о Французской торговлѣ въ Москвѣ. Имена торговцевъ онъ розыскалъ по ихъ объявленіямъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ. До 1783 года не только иностранцы, но и Русскіе купцы обязаны были торговать не ина-

ЕЛИСАВЕТА ИВАНОВНА БУТЯГИНА.

I.

Во время своего пребывания въ Парижѣ въ 1814 г. императоръ Александръ I, изъ числа лицъ, составлявшихъ семейный кругъ Наполеона I, особенно близко сошелся съ императрицей Жозефиной и ея дочерью, супругою бывшаго короля Голландіи Луи-Бонапарта, столь привлекательной, по рассказамъ современниковъ, Гортензіей Богарнѣ, которой Людовикъ XVIII пожаловалъ титулъ герцогини Санъ-Лэ. По отъѣздѣ Александра Павловича изъ Парижа между нимъ и герцогиней возникла переписка¹⁾.

Въ одномъ письмѣ, отъ 4 Октября 1814 г., бывшая королева Гортензія, рассказавъ императору о томъ, какъ ее принялъ Людовикъ XVIII на первой аудіенціи, упоминаетъ о дѣвушкѣ, по имени Фолоэ (Foloé). Ее хотѣли, писала Гортензія, выдать замужъ за молодого адъютанта, отецъ котораго состоялъ при ней, Гортензіи; но она опасалась слишкомъ большихъ требованій и не желала въ чемъ либо повліять на то, что Александръ счелъ бы за благо сдѣлать. Тоже имя (Pholoé) встрѣчается въ письмѣ г-жи Кошлэ (она была чтицею у герцогини Санъ-Лэ), къ Русскому министру резиденту во Франкфуртѣ на Майнѣ Бетману²⁾ отъ 6 Мая 1815 г. Перваго Іюня 1815 г. Бетманъ доносилъ императору Александру, что, судя по прилагаемому письму, королева Гортензія отрядила къ нему очаровательную предестницу (sirène). Бетманъ высказывалъ недоумѣніе, почему Фолоэ избѣгала до-

¹⁾ Она напечатана во Французскомъ журналѣ „Revue de Paris“, 15 Октября 1907 г.; подъ заглавіемъ: Reine Hortense, lettres à Alexandre I.

²⁾ Маврикій Бетманъ, былъ императорскимъ консуломъ во Франкфуртѣ съ 1802; въ 1810 г. при отставкѣ произведенъ въ статскіе совѣтники. Въ 1815 г. онъ состоялъ императорскимъ министромъ-резидентомъ во Франкфуртѣ и умеръ въ 1827 г.

роги черезъ Франкфуртъ, такъ какъ до того эта дорога считалась безопасною для путешественниковъ. Не зная, осталась-ли Фолоэ въ Цюрихѣ, Бетманъ общалъ донести его величеству о томъ, что случилось съ нею. Къ этому донесенію приложены вышеуказанное письмо г-жи Кошлэ отъ 6 Мая 1815 г. и другое Фолоэ, Елисаветы Якомонъ, изъ Цюриха отъ 19 Мая 1815 г. Оба письма адресованы на имя Бетмана.

Кошлэ въ своемъ письмѣ рекомендуетъ Бетману свою пріятельницу: „она, пишетъ Кошлэ, ѣдетъ для свиданія съ императоромъ Александромъ и для устройства своихъ дѣлъ въ Польшѣ. Она—Елисавета Якомонъ¹⁾, наслѣдница принца Нассаускаго. Трудно быть привлекательнѣе ея, она воспитывалась во Франціи и какъ ангелъ мила“. Вотъ что пишетъ со своей стороны Фолоэ Бетману: „Такъ какъ я надѣялась проѣхать черезъ Франкфуртъ, то г-жа Кошлэ была на столько добра, что рекомендовала меня вамъ и даже поручила мнѣ передать вамъ письмо; но, усмотрѣвъ съ сожалѣніемъ, что дорога на Франкфуртъ небезопасна, я посылаю вамъ письмо, которое было мнѣ препоручено. Прошу васъ повѣрить моимъ самымъ откровеннымъ чувствамъ, съ которыми я остаюсь вашей нижайшей и покорной слугою Фолоэ Елисавета Якомонъ. Цюрихъ 19 Мая 1815“.

Какъ пишетъ Кошлэ въ своихъ Мемуарахъ²⁾, „принцъ Нассау удочерилъ прелестную молодую Гречанку, по имени Фолоэ, и отдалъ ее г-жѣ Кампанъ³⁾ на воспитаніе. По смерти принца все его имуще-

¹⁾ Въ разныхъ бумагахъ это имя пишется различно; сама она подписывается въ 1815 г. Якомонъ (Якомон); г-жа Кампанъ и аббатъ Жирдъ пишутъ Екомонъ (Екомон). Князь Нассау въ своемъ завѣщаніи называетъ ее Экомонъ (Екомон). Послѣ своего брака она подписывается также Экомонъ; такимъ-же образомъ пишетъ ея фамилію ея мужъ, и во всѣхъ бумагахъ того времени встрѣчается тоже правописаніе. Оно должно считаться самымъ правильнымъ, почему мы его и примемъ въ дальнѣйшемъ изложеніи. Трудно объяснить происхожденіе этого имени. Можетъ быть, слѣдуетъ его производить отъ Греческихъ словъ ἐν Κορινθίῳ, т. е. изъ семьи Комненъ, такъ какъ отецъ Елисаветы назывался „Іоаннъ Комнинъ“. Можно также видѣть въ этомъ имени искаженное слово Экоманъ, вѣсто ἐν Κορινθίῳ, т. е. изъ Команъ, мѣста происхожденія семьи Комненъ. Въ равной степени трудно объяснить значеніе названія „Фолоэ“; это навѣрно прозвище, неизвѣстнаго происхожденія. Въ древности этимъ именемъ „Фолоэ“, называлась одна мѣстность, гора.

²⁾ Mémoires sur la reine Hortense. Paris. 1838. 1. IV, p. 28.

³⁾ Г-жа Кампанъ (Jeanne-Louise Henriette Genet, dite M-me Campan (1752—1822), извѣстная Французская наставница. Она была чтицей у дочери Людовика XV. Королева Марія Антуанета выдала ее замужъ за Кампанъ и взяла ее къ себѣ въ качествѣ камерфрау. Во время революціи Кампанъ открыла въ Санъ-Жерменѣ близъ Парижа пансіонъ для дѣвицъ, который сталъ процвѣтать; въ немъ получила воспитаніе Гортензія

ство, которое онъ завѣщалъ своей воспитанницѣ, оказалось въ обязательствахъ, признанныхъ не имѣющими никакой цѣны, и въ разныхъ исковыхъ требованіяхъ въ Россіи, очень сомнительнаго свойства. Г-жа Кампанъ, въ виду печальнаго положенія молодой дѣвушки, лишенной всякой опоры, еще болѣе привязалась къ ней и окружила ее нѣжною заботливостью. Граціозная, привлекательная Фолоэ, по окончаніи своего воспитанія, появилась въ обществѣ подъ покровительствомъ жены маршала Нея, которая отнеслась къ ней столь же нѣжно, какъ ея тетка г-жа Кампанъ¹⁾“.

Сія послѣдняя часто говоритъ о Фолоэ въ своей перепискѣ съ королевой Гортензійей²⁾. Фолоэ была ей передана принцемъ Нассау въ 1805 г. Красота молодой дѣвушки пугала г-жу Кампанъ, которая писала королевѣ въ 1805 г.: „Вашему высочеству навѣрно говорили о прелестной молодой Гречанкѣ, которую прислалъ ко мнѣ принцъ Нассау; она прелестна какъ ангелъ, столь-же умна, какъ и красива. Я приложу все мое умѣніе при ея воспитаніи, для того, чтобы изъ нея не вышла героиня романа въ родѣ Аиссэ (Aïssé³⁾“.

Опасенія г-жи Кампанъ, вѣроятно, не были лишены основанія. „Фолоэ, говорила она, слишкомъ хороша собою“.

Посему г-жа Кампанъ рѣшила дать ей такое воспитаніе, которое бы предотвратило ее отъ всякихъ романическихъ похожденій. „Ея красота, необыкновенное усыновленіе ея принцемъ Нассау, ея перѣздъ изъ Бахчисарая въ Санъ-Жерменъ, все это побуждало къ предположенію необычайныхъ приключеній. Дай Богъ мнѣ сумѣть избавить ее отъ нихъ!“ восклицаетъ воспитательница⁴⁾. Когда, шесть лѣтъ спустя, участь Фолоэ осталась совсѣмъ не обезпеченной, г-жа Кампанъ обратилась къ королевѣ Гортензійи съ просьбой принять молодую дѣвушку подъ ея покровительство, „если, говорила она, я до окончанія своего поприща не успѣю приличнымъ образомъ обезпечить ея судьбу⁵⁾“.

Богарнэ, падчерица Наполеона, который всегда благоволилъ къ г-жѣ Кампанъ и впослѣдствіи, въ 1807 г., поручилъ ея управленію учебное заведеніе, основанное имъ въ Экуанѣ для воспитанія молодыхъ дѣвицъ, отцы которыхъ были награждены орденомъ Почетнаго Легіона.

¹⁾ Жена маршала Нея, рожденная Аглая-Луиза Оміе де Ласканъ; ея отецъ служилъ въ управленіи почтъ; ея сестра, г-жа Брокъ, была въ дружескихъ отношеніяхъ съ королевой Гортензійей.

²⁾ Correspondance inédite de m-me Campan avec la reine Hortense, publiée par Bucher. Paris 1835.

³⁾ Тамъ-же, 1, I, p. 295.

⁴⁾ Тамъ-же, 1. 1, p. 269, письмо 5 Сентября 1805 г.

⁵⁾ Тамъ-же, 1. II p. 74, письмо 25 Марта 1811 г.

Кто-же была эта прелестная Фолоэ, которая называла себя Елисаветой Экомонъ?

Въ одномъ изъ дѣлъ С.-Петербургскаго Главнаго Архива¹⁾ находится свѣдѣніе о томъ, что Елисавета Экомонъ родилась въ Крыму, въ Бахчисараѣ отъ благородныхъ родителей, что, ея отецъ Иванъ Михайль Комнино былъ судовымъ капитаномъ, а мать называлась Марією, и что она была усыновлена принцемъ Карломъ-Оттономъ Нассау-Зигеномъ. По этому документу отъ 1835 года, ей было тогда 33 года, т. е. она родилась въ 1802 году; по другому документу, выданному судомъ во Львовѣ въ Галиціи 16 Іюня 1826, она объявила, что ей было 31 годъ, т. е. она родилась въ 1795 году. Это показаніе кажется правдоподобнѣе перваго. По словамъ аббата Жиро, состоявшаго при принцѣ Нассау въ продолженіи болѣе 40 лѣтъ, Елисавета Экомонъ, лишившись матери, была передана отцомъ, не имѣвшимъ никакихъ средствъ къ жизни, покойной принцессѣ Нассау, которая ей предназначила въ приданое 60,000 фр.; но принцъ Карлъ-Оттонъ замѣнилъ ея, какъ наслѣдницею, свою побочную дочь, которую Жиро называетъ добродѣтельною маркизою Арагонскою²⁾. Поручая г-жѣ Кампанъ этого ребенка, котораго приняла его жена, принцъ передалъ ей, что Фолоэ была дочерью офицера Греческаго происхожденія изъ знатнаго рода³⁾.

Принцъ Карлъ-Генрихъ-Николай Оттонъ Нассау-Зигенъ (1745—1808) принадлежалъ къ католической вѣтви Нассаускаго дома; его мать была Француженка (Amélie de Mouchy). Одинъ изъ его современниковъ называетъ его королемъ авантюристовъ⁴⁾. Это былъ одинъ изъ тѣхъ искателей приключеній XVIII столѣтія, которые, побывавъ на службѣ разныхъ государей, перебирались въ Россію, гдѣ достигали и почестей, и богатства.

Вслѣдствіе разныхъ необдуманныхъ предпріятій состояніе принца сильно пошатнулось; къ счастью для него онъ встрѣтилъ на водахъ въ Спа княгиню Шарлотту Сангушко, бывшую тогда въ разводѣ съ

¹⁾ Гл. Архивъ, дѣло 1836 г. № 272.

²⁾ Свѣдѣній о ней не имѣется; извѣстно только, что она 4 Іюня 1794 г. вышла замужъ въ Ансбахѣ за адъютанта маршала Кастри маркиза д'Арагонъ, впоследствии Французскаго пэра. D'Aragnon. Un paladin au XVIII siècle. Le prince Charles de Nassau-Siegen, Paris. 1893, p. 373.

³⁾ Correspondance inédite de m-me Campan avec la reine Hortense, 1. II, p. 74, письмо 25 Марта 1811 г.

⁴⁾ Comte Fédor Golovkine. La cour et le règne de Paul I par Bonnet. Paris. 1900, p. 89.

мужемъ, княземъ Янушомъ Модестомъ, рожденную Годзской (Godzka), на которой онъ женился. Она была дочь Подляскаго воеводы и обладала большимъ состояніемъ. Въ Варшавѣ, куда принцъ побѣхалъ съ женой, онъ былъ принятъ съ большимъ отличіемъ королемъ Станиславомъ Августомъ и Польскими магнатами и перешелъ въ Польское подданство.

Человѣкъ съ увлеченіями, воспріимчивый ко всякимъ обширнымъ предпріятіямъ, онъ задумалъ устроить судоходство по Днѣстру и тѣмъ соединить богатый край съ Чернымъ Моремъ. Но принцъ Нассау никогда долго не заживался на одномъ мѣстѣ; изъ Польши онъ отправился въ Испанію, гдѣ 13 Сентября 1782 принялъ участіе въ осадѣ Гибралтара. Хотя Англичане успѣли разрушить пловучія батареи, которыми командовалъ Нассау, но его отважное поведеніе было щедро вознаграждено Испанскимъ королемъ. Выѣхавъ изъ Испаніи, Нассау посѣтилъ Вѣну, Константинополь, Крымъ и вернулся въ Варшаву; черезъ принца де-Линя и графа Сегюра, Французскаго посланника въ С.-Петербургѣ, онъ уже съ 1786 г. сталъ извѣстенъ Потемкину, былъ представленъ въ Кіевѣ императрицѣ Екатеринѣ II во время ея пребыванія въ этомъ городѣ и участвовалъ въ ея путешествіи на Югъ Россіи. Въ 1788 г. онъ поступилъ на Русскую военную службу и, прибывъ въ армію Потемкина, осаждавшаго Очаковъ, онъ вскорѣ, благодаря необыкновенной смѣлости, совершенно разбилъ Турецкій флотъ. Императрица его наградила чиномъ вице-адмирала. Въ Шведскую войну 1789 г. принцъ, начальствуя надъ галернымъ флотомъ, одержалъ побѣду надъ Шведскимъ таковымъ же при Свенскзундѣ или Рочензальмѣ (13—24 Августа); за то въ слѣдующемъ году въ тойже Свенскзундской бухтѣ онъ былъ разбитъ Шведами (3 Іюля) и потерялъ 83 судна, 1400 пушекъ и болѣе 6000 человѣкъ взятыхъ въ плѣнъ. Нассау въ отчаяніи написалъ Екатеринѣ письмо, прося отставки и возвратилъ всѣ свои ордена. Императрица сумѣла его ободрить и утѣшить, говоря: „Кто не имѣлъ неудачъ въ своей жизни? Величайшіе полководцы имѣли свои невзгоды“ ¹⁾, а Гримму она писала ²⁾: „Мнѣ очень жалко сознаться, что Нассау этой кампаніей потерялъ въ общественномъ мнѣніи, не столько вслѣдствіе самого пораженія, сколько въ виду того отчаянія, которому онъ предался послѣ битвы. Оно вселило въ его людяхъ сильное недовѣріе къ нему“. Екатерина, отзываясь о принцѣ, что онъ былъ добръ, но слишкомъ легкомысленно полагался на окружавшихъ его авантюристовъ, замѣчала, что она одна его поддержала и ободрила.

¹⁾ Сб. Им. Общ. т. I, стр. 207.

²⁾ Сб. Им. Общ. т. 23, стр. 496.

По отзыву современниковъ, Нассау ничѣмъ особенно не отличался кромѣ необыкновенной смѣлости. Онъ былъ большого роста, безъ всякаго выраженія въ лицѣ, а разговоръ его былъ вялъ и скученъ: но, судя по портрету писанному художникомъ Лампи въ 1790 г. въ С. Петербургѣ, черты его лица полны благородства и добродушія. Неудача при Свенскундѣ побудила принца оставить военную службу, хотя въ награду за его труды по кампаніи императрица въ день заключенія мира съ Швеціей въ Верелѣ (14 Августа 1790) пожаловала ему шпагу, украшенную алмазами. Въ 1795 г. графъ Ѳеодоръ Гавриловичъ Головкинъ, бывшій Русскій посланникъ въ Неаполѣ¹⁾, возвращаясь изъ Италіи въ Россію, встрѣтилъ принца Нассау съ его женой въ Венеціи. Принцесса, по словамъ гр. Головкина, была хороша собою, очень образована, пылкаго воображенія, но очень перемѣнчиваго нрава и лгала до невѣроятія. Въ это время она унаслѣдовала по смерти брата имѣнія въ Польшѣ. Принцъ и принцесса отправились туда, отобрали у крестьянъ земли, находившіяся у нихъ въ арендѣ, чтобъ засѣять всѣ поля душистыми травами (лавандою). У нихъ сложился сумасбродный планъ заняться торгомъ лавандовой водой на Сѣверѣ и на Востокѣ.

Посреди этихъ затѣй принцесса скоропостижно скончалась. По словамъ гр. Головкина, умственные способности принца, подъ конецъ его жизни, совершенно разстроились. „Этотъ человекъ, говоритъ гр. Головкинъ, столь разсудительный и обладавшій рыцарскими манерами, умеръ въ платьѣ, которое носили дамы при прежнемъ дворѣ, съ фижмами, съ лентами спадавшими съ его лысой головы и со шлейфомъ, который поддерживали два пажа одѣтые въ богатую ливрею“. По другимъ свѣдѣніямъ, болѣе правдоподобнымъ, онъ скончался отъ воспаления легкихъ, схваченнаго во время путешествія изъ Крыма²⁾. Онъ умеръ ²/₂₁ Апрѣля 1808³⁾, 63-хъ лѣтъ, въ имѣніи, унаслѣдованномъ имъ отъ жены, въ селѣ Тыкинѣ Ушицкаго уѣзда Подольской губерніи, гдѣ за нѣсколько мѣсяцевъ до него умерла и его жена. 5 Апрѣля, принцъ Нассау продиктовалъ свое духовное завѣщаніе, изложенное на Французскомъ языкѣ и подписанное имъ и пятью свидѣтелями⁴⁾. Назначивъ своими душеприкащиками кавалера Польскихъ орденовъ графа Скаржинскаго, совѣтника Вейкарда и Франца Крутковскаго, онъ завѣщалъ своей пріемной дочери Елисаветѣ Экомонъ свои недви-

¹⁾ Comte Fédor Golovkine, p. 89.

²⁾ D'Aragon. Le prince Charles de Nassau-Siegen. Paris. 1893, p. 385.

³⁾ Въ Сборникѣ Импер. общ. т. I, стр. 208 невѣрно сказано, что принцъ Нассау умеръ въ Парижѣ въ 1805 г.

⁴⁾ СПб. Гл. Арх., II—6; 1809 г. № 9.

жимыя имѣнія Тыкно и Тарново Ушицкаго уѣзда Подольской губ., земли близъ Львова въ Галиціи, домъ въ Варшавѣ, 200000 франковъ, должныя ему Оранскимъ принцомъ въ видѣ пенсіи съ Оранскаго дома, обезпеченной залогомъ Фульдскаго княжества, 8000 дукатовъ, должныя княземъ Радзивилломъ, и всѣ претензіи, которыя онъ Нассау могъ имѣть на кого-либо, а также двѣ сабли и крышку съ ящика, украшенныя дорогими алмазами, подаренныя ему Екатериной II. Опекуншей надъ Елисаветой Экомонъ принцъ Нассау просилъ быть г-жу Кампанъ, а такъ какъ онъ предвидѣлъ, что опека будетъ сопряжена съ большими затрудненіями, то онъ умолялъ князя Беневентскаго *) принять ее подъ свое покровительство.

Оставивъ Елисаветѣ Экомонъ всѣ свои имѣнія, онъ возлагалъ на нее обязанность удовлетворить всѣ его обязательства, между прочимъ уплатить приданое, назначенное имъ маркизѣ д'Арагонъ при выходѣ ея замужъ. Ей и ея мужу онъ завѣщалъ 100000 франковъ изъ суммы, вырученной отъ продажи имѣнія въ Галиціи. Аббату Жиро принцъ опредѣлилъ завѣщаніемъ 10000 ливровъ и 400 дукатовъ, должныя ему въ счетъ платежей по пенсіи; кромѣ того онъ завѣщалъ аббату всѣ свои бумаги, находившіяся въ Парижѣ и въ Тыкнѣ съ обязательствомъ передать наслѣдницѣ всѣ тѣ, которыя ей бы понадобились для владѣнія имѣніями или другихъ цѣлей. Въ помощь аббату Жиро для разбора дѣлъ, оставшихся въ Польшѣ, завѣщатель назначилъ Вейкарда, который вмѣстѣ съ аббатомъ Жиро долженъ былъ отправиться въ Парижъ, при первой возможности, для передачи всѣхъ необходимыхъ свѣдѣній г-жѣ Кампанъ.

Принцъ Нассау пожелалъ быть похороненнымъ безъ всякой пышности исключительно священниками села Тыкна, отцомъ Мартыномъ, трое сутокъ спустя по смерти, на участкѣ земли, возлѣ кладбища, въ 50 квадратныхъ футовъ, на которомъ въ будущемъ никто не долженъ былъ быть погребенъ. Принцъ опредѣлилъ по 300 флориновъ на приданое двумъ дѣвушкамъ села Тыкна, подъ тѣмъ условіемъ, чтобъ Тыкновскія дѣвушки обсадили цвѣтами участокъ земли въ 50 квадратныхъ футовъ, на которомъ находилась могила принца. Двѣнадцать самыхъ зажиточныхъ крестьянъ Тыкна должны были производить ежегодно въ день смерти принца выборъ двухъ дѣвушекъ, достойныхъ выйти за мужъ. Выборъ падалъ на тѣхъ, которыя отличатся своимъ добронравіемъ и заботами по разведенію цвѣтовъ на могилѣ

*) Герцогъ Карлъ Маврикій Талейранъ князь Беневентскій (1754—1838), министръ иностранныхъ дѣлъ при Людовикѣ XVIII.

принца. Духовное завѣщаніе содержало нѣсколько приписокъ; въ одной изъ нихъ сказано, что именитыя Польскія дамы передали принцессѣ Нассау-Зигенъ свое желаніе подарить принцу палатку, которую онѣ вышили собственноручно, собираясь у принцессы въ гостинной, гдѣ были разставлены пѣльцы для этой большой работы. Краковская-же кастелянша графиня Изабелла Браницкая, рожденная Понятовская, взялась вышить кровать, подходящую подъ эту палатку. При этомъ всѣ дамы вышили свои имена въ части шитья, исполненнаго каждою изъ нихъ. Эту палатку принц велѣлъ разобрать для лучшаго ея сбереженія, уложить и отправить къ его пріемной дочери Елисаветѣ Экомонъ въ ея полное распоряженіе *).

Изъ содержанія выше приведеннаго завѣщанія вовсе не видно, чтобъ у принца Нассау умственные способности были разстроены до такой степени, какъ это передаетъ графъ Головкинъ. Не имѣя прямыхъ наслѣдниковъ, кромѣ побочной дочери маркизы д'Арагонъ, принцъ все свое состояніе хотя и завѣщалъ постороннему лицу, Елисаветѣ Экомонъ, но эта дѣвушка была принята на воспитаніе его покойной женой; въ память своей супруги онъ заботился о воспитаніи ея пріемыша и назначилъ Елисавету Экомонъ своею наслѣдницею, но въ виду крайне запутанности его дѣлъ, наслѣдство, оставленное имъ Елисаветѣ Экомонъ (какъ свидѣтельствуется г-жа Кампанъ), признавалось очень сомнительнымъ, заключавшимся въ какихъ-то спорныхъ притязаніяхъ и документахъ. Одно только распоряженіе въ завѣщаніи принца можетъ показаться страннымъ, а именно то, которое относится къ уходу за его могилою, возложенному имъ на Тыковскихъ дѣвушекъ. Двѣ изъ нихъ, отличавшіяся добронравіемъ и заботливымъ уходомъ за цвѣтами на могилѣ, выдаются ежегодно за мужъ и получаютъ въ приданое по 300 флориновъ. Разведеніе цвѣтовъ на участкѣ земли въ 50 кв. футовъ, на которомъ находится могила принца, невольно напоминаетъ то, что писалъ графъ Головкинъ о предположеніи супруговъ Нассау-Зигенъ разводить лаванду. Какъ и эта культура оказалась несбыточной, такъ и посадка цвѣтовъ на могилѣ принца, порученная деревенскимъ дѣвушкамъ, врядъ ли исполнялась, хотя самая мысль покойнаго о томъ, чтобъ кто либо ухаживалъ за его могилою въ виду отсутствія у него, на мѣстѣ его смерти, близкихъ и родныхъ, является вполне понятной и естественной. По собраннымъ нами свѣ-

*) Эта палатка перешла къ наслѣдникамъ Елисаветы Экомонъ, по мужу Бутягиной; а они въ восьмидесятихъ годахъ прошлаго столѣтія продали палатку княгинѣ Щербатовой, у которой она хранится въ ея имѣніи мѣстечкѣ Немировѣ, Брацлавскаго уѣзда, Подольской г.

дѣніямъ, могила принца Нассау-Зигенъ находится въ настоящее время на Римско-католическомъ кладбищѣ села Тычна, могильный памятникъ не только плохо сохранился, но мѣстный ксендзъ даже требовалъ его удаленія въ виду того, что принцъ Карлъ не былъ католикомъ. Такой доводъ, который самъ по себѣ свидѣтельствуешь объ узкомъ взглядѣ Римско-католическаго духовенства и его нетерпимости, тѣмъ болѣе несправедливъ, что принцъ Карлъ происходилъ изъ католической вѣтви Нассаускаго дома, и при немъ находился въ теченіе многихъ лѣтъ католическій аббатъ Жиро (Claude Marie Girod), который присутствовалъ при смерти покойнаго. По его словамъ принцъ три раза переписывалъ свое завѣщаніе. Все его состояніе должно было перейти къ добродѣтельной, какъ говоритъ Жиро, маркизѣ д'Арагонъ, признанной дочери принца, который общалъ его ей и оставилъ-бы его маркизѣ, если бы ея мужъ, находившійся во Франціи, не возбудилъ противъ себя, не за долго до смерти принца, недовольства его, основаннаго на какихъ-то недоразумѣніяхъ. Къ великому сожалѣнію аббата, принцъ замѣнилъ свою дочь малолѣтней иностранкой-сиротой и объявилъ ее своей наслѣдницей. Онъ это сдѣлалъ вѣроятно въ память жены, которая вывезла ребенка изъ Крыма и приняла его на воспитаніе. Покойный назначилъ опекуномъ своего пріемыша г-жу Кампанъ; но, предвидя, что опека будетъ очень сложна, онъ просилъ герцога Талейрана взять ее подъ свое покровительство. По смерти принца Талейранъ переслалъ аббату Жиро въ Каменецъ-Подольскъ постановленіе семейнаго совѣта отъ 29 Августа 1808 г., которымъ Жиро назначался опекуномъ, а Готье его замѣстителемъ. Этимъ постановленіемъ имъ предписывалось приступить повсюду, гдѣ требовалось, къ описи имѣній, вещей, актовъ и бумагъ и къ приведенію въ извѣстность всего наслѣдственнаго имущества. Довѣріе, оказанное ему Талейраномъ, и просьба другихъ лицъ побудили аббата Жиро остаться на Подолѣ три года и на его собственномъ иждивеніи съ цѣлью слѣдить, насколько возможно, за дѣлами по наслѣдству, такъ какъ самъ онъ не могъ быть признанъ мѣстными законами дѣйствительнымъ опекуномъ за отсутствіемъ у него имущественнаго ценза въ краѣ. Всѣ бумаги покойнаго были описаны и тщательно разобраны попечителями и администраторами. Тѣ, которыя не касались наслѣдства, были переданы аббату Жиро, въ распоряженіе котораго должны были поступить всѣ бумаги принца, оставшіяся въ Парижѣ и найденныя въ Тыкнѣ.

Къ запискѣ, приложенной къ прошенію аббата Жиро *) отъ 25 Апрѣля 1817 г., поданной императору Александру I, онъ указываетъ,

*) С-Пб. Главный Архивъ. II—6—1809. № 9

что принцъ Нассау поручилъ ему письма и другія бумаги, подписанныя Людовикомъ XVIII и графомъ д'Артуа, которыя Жиро поспѣшилъ доставить по назначенію.

„9 (21) Апрѣля, въ день своей смерти, пишетъ Жиро въ своей запискѣ, принцъ, желая мнѣ доказать свою благодарность, продиктовалъ своему первому секретарю Надѣ отдѣльное завѣщательное распоряженіе, имъ подписанное и запечатанное его гербовою печатью, и передавъ мнѣ этотъ документъ въ присутствіи своего другого секретаря Вейдлица, выразилъ мнѣ пожеланіе, чтобъ я могъ извлечь изъ этого распоряженія наибольшую выгоду для себя, такъ какъ онъ былъ убѣжденъ въ томъ, что я имъ воспользуюсь для благой цѣли. Таковы были его послѣднія слова, обращенныя ко мнѣ при нашихъ послѣднихъ объясненіяхъ. По этому завѣщательному распоряженію я становился временнымъ владѣльцемъ обязательства въ 800.000 франковъ, выданнаго Французскими принцами“.

Этотъ документъ, который Жиро называетъ „довѣрительною уступкою (la cession confidentielle), написанный чужой рукой и въ концѣ подписанный принцемъ Нассау, былъ изложенъ слѣдующимъ образомъ: „я дарю аббату Жиро различныя денежныя суммы, которыя я далъ въ займы нѣкоторымъ лицамъ, ему извѣстнымъ“. Самыя долговыя обязательства были переданы аббату Жиро, согласно его разсказу, самимъ принцемъ въ присутствіи Надѣ и Вейдлица послѣ того, какъ онъ подписался подъ завѣщательнымъ распоряженіемъ, т. е. въ самый день его смерти. Вотъ почему эти долговыя обязательства не вошли въ опись наслѣдственнаго имущества. По всему вѣроятію принцъ, передавая ихъ Жиро, не предполагалъ, чтобъ онъ могъ по нимъ получить большую сумму. Въ 1808 году обязательство Французскихъ принцевъ представляло малую цѣнность и даже почти ничего, такъ какъ Наполеонъ достигъ тогда высшей своей славы, а Бурбоны потеряли всякую надежду вернуться во Францію. По этимъ соображеніямъ Жиро обратился сперва съ требованіемъ къ должникамъ принца Нассаускаго болѣе надежнымъ. Такимъ образомъ онъ успѣлъ получить 400 франковъ, должныя г.г. Ланжерономъ, Ламбертомъ*), и терпѣливо ждалъ событій. Въ 1814 году Бурбоны вернулись; Жиро воспользовался этимъ и поспѣшилъ предъявить обязательства, выданныя Французскимъ королемъ и его братомъ, на различныя суммы, которыя они задолжали принцу Карлу. Онъ потребовалъ уплаты этихъ долговъ въ свою пользу. Ему возразили, что существовала наслѣдница принца по его духов-

*) Оба эмигранта, достигшіе высокаго положенія въ нашей службѣ. П. Б.

ному завѣщанію. Только тогда аббатъ Жиро повялъ, что его права по этимъ обязательствамъ могли быть оспорены. Его требованія основывались на отдѣльной запискѣ, подписанной только принцемъ въ день его смерти; она не была завѣщательнымъ распоряженіемъ (кодицилломъ), какъ не отвѣчавшая законной формѣ такого акта; она не могла лишать силы духовнаго завѣщанія, по которому Елисавета Экомонъ являлась единственной наслѣдницей всѣхъ претензій покойнаго. Самая форма записки была неправильная, въ чемъ Жиро убѣдился во время. „Юристы вмѣшались въ это дѣло“, какъ говоритъ генераль Поццо-ди-Борго въ своихъ замѣчаніяхъ, сообщенныхъ имъ 19 (31) Октября 1818 графу Нессельроде на Ахенскомъ конгрессѣ. Убѣдившись въ спорности своихъ притязаній, аббатъ Жиро, съ цѣлью прекратить всякія возраженія противъ его правъ, обратился къ Елисаветѣ Экомонъ, имъ опекаемой и еще несовершеннолѣтней, и добился отъ нея, съ согласія г-жи Кампанъ, заявленія объ отказѣ отъ какихъ либо правъ на эти обязательства; онъ же, съ своей стороны, ей письменно назначилъ сумму въ 80000 фр. и обѣщалъ оставить еще 100000 фр. послѣ своей смерти. Снабженный этимъ отреченіемъ, Жиро обратился въ комиссію по ликвидаціи королевскихъ долговъ и согласился на уменьшеніе своихъ притязаній по роспискамъ, выданнымъ принцессою Нассау на половину съ 800000 фр. до 463171 ливры турнуа*). Вслѣдствіе возвращенія Наполеона съ острова Эльбы ликвидація была прервана и окончена только по вторичномъ возстановленіи королевской власти.

Во время переговоровъ съ королевскимъ казначействомъ аббатъ Жиро настоялъ на отъѣздѣ Елисаветы Экомонъ въ Россію, въ надеждѣ, что она займется своими дѣлами по наслѣдству въ Галиціи и что это путешествіе отвлечетъ ее отъ ея намѣренія вступить въ бракъ съ молодымъ адъютантомъ маршала Нея. Къ этому именно времени относится письмо герцогини Санъ-Лэ къ императору Александру отъ 4 Октября 1814 г., въ которомъ она, говоря о Фолоэ, замѣчаетъ: „хотятъ ее выдать замужъ за молодого адъютанта, отецъ котораго находится при мнѣ, но я опасуюсь слишкомъ большихъ требованій и не желала-бы въ чемъ либо повліять на то, что вы считали-бы за благо сдѣлать“. Жена маршала была племянницей г-жи Кампанъ и если аббатъ Жиро думалъ препятствовать намѣренію Фолоэ выйти замужъ, то онъ дѣйствовалъ совмѣстно съ г-жей Кампанъ и ея племянницей, которая не желала этого брака. Однако г-жа Кампанъ оплакивала отъѣздъ Фолоэ

*) Ливра-турнуа (livre tournoise) равнялась двадцати су, т. е. одному франку.

и жаловалась въ письмѣ на имя королевы Гортенции отъ 3 Апрѣля 1815 г.¹⁾ на огорченіе, которое причинялъ ей этотъ отъѣздъ.

II.

По вышеприведенному письму г-жи Кошлэ къ Бетману отъ 6 Мая 1815 мы видимъ, что Фолоэ, проѣздомъ черезъ Швейцарію, направлялась въ то мѣсто, гдѣ пребывалъ императоръ Александръ для свиданія съ нимъ съ цѣлью устроить свои дѣла въ Польшѣ. Письмомъ изъ Цюриха отъ 19 Мая Фолоэ предупреждала Бетмана, что не проѣдетъ черезъ Франкфуртъ. Она дѣйствительно повернула на Вѣну, рассчитывая найти императора и просить его покровительства по дѣламъ своего наслѣдства въ Россіи. Но она уже не нашла его въ Вѣнѣ, такъ какъ Государь выѣхалъ оттуда 13 Мая, направившись въ Гейдельбергъ, гдѣ была сосредоточена главная квартира войскъ союзниковъ. Въ Вѣнѣ Елисавета Экомонъ встрѣтилась съ первымъ секретаремъ императорскаго посольства въ Парижѣ камеръ-юнкеромъ двора его императорскаго величества Павломъ Степановичемъ Бутягинымъ, который въ 1814 г. состоялъ императорскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ при Французскомъ дворѣ и по отъѣздѣ короля Людовика XVIII, въ виду приближенія Наполеона къ Парижу, выѣхалъ оттуда 5 Апрѣля 1815 въ Вѣну, гдѣ тогда еще пребывалъ Государь. Поступивъ на службу въ государственную Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ актуаріусомъ 31 Августа 1801 г. и побывавъ въ канцеляріи вице-канцлера князя Куракина (1803 г.) и канцлера графа Воронцова (1803 г.), министровъ князя Чарторыйскаго и барона Будберга (1806 г.), Бутягинъ 31 Августа 1807 г. былъ опредѣленъ въ чинѣ коллежскаго ассессора вторымъ секретаремъ Парижскаго посольства при князѣ А. Б. Куракинѣ.

Въ 1809 г. онъ вмѣстѣ съ посломъ ѣздилъ въ Эрфуртъ, гдѣ произошло свиданіе императоровъ. Вернувшись въ Парижъ, онъ остался въ немъ до начала 1812 г., когда, будучи отправленъ курьеромъ отъ посла въ Парижъ, онъ лично привезъ депеши Государю въ Вильну, за что удостоился высочайшаго одобренія (18 Мая 1812). Въ Парижѣ Бутягинъ завязалъ разнообразныя сношенія; онъ вращался въ кругу знатныхъ Русскихъ, проживавшихъ во Франціи, и въ Парижскихъ гостинныхъ. Поэтому, когда Павелъ Степановичъ вернулся въ Парижъ въ 1814 г., онъ былъ принятъ въ обществѣ какъ старый знакомый. Императоръ Александръ, во время своего первого пребыванія

*) Correspondance inédite de m-me Campan avec la reine Hortense t. II, p. 157.

въ Парижѣ, часто бывалъ у императрицы Жозефины, у королевы Гортензіи, князя Беневентскаго, маршаловъ Нея, Мармонта, Ожеро и другихъ, но предпочиталъ проводить вечера съ королевой Гортензійей. Покидая Парижъ, Государь пожелалъ оставить при ней довѣренное лицо, посредствомъ котораго королева могла бы переписываться съ нимъ, не прибѣгая къ услугамъ Русскаго посланника. Поццо-ди-Борго¹⁾, питавшаго нерасположеніе къ семейству Наполеона. Чтица королевы Гортензіи г-жа Кошлэ рассказываетъ въ своихъ Запискахъ, что Александръ предложилъ²⁾ ей выбрать изъ числа знакомыхъ ей Русскихъ того, кто-бы ей внушалъ болѣе довѣрія; онъ былъ-бы причисленъ къ миссіи и назначенъ секретаремъ посольства. „Я бы могъ, сказалъ Императоръ, получать такимъ образомъ черезъ лицо, которое было-бы въ вашемъ распоряженіи, то, что королева пожелала-бы мнѣ сообщить письменно, и я былъ-бы очень радъ узнавать отъ васъ, какъ она себя чувствуетъ въ своемъ измѣненномъ положеніи“.

Г-жа Кошлэ рассказываетъ, что она знала нѣкоего Бутягина, который довольно плохо говорилъ по-французски: она его видѣла у Русскихъ дамъ; онъ ей казался привѣтливымъ и очень милымъ въ обращеніи. Она его назвала Императору, который, поручивъ ему быть посредникомъ между нимъ и королевой, приказалъ заботиться о ея спокойствіи. Бутягинъ и былъ назначенъ 5 Апрѣля 1814 первымъ секретаремъ посольства, а затѣмъ состоялъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Парижѣ. Обязанности, возложенныя на него Государемъ, были исполнены Бутягинымъ вполне добросовѣстно, такъ какъ, въ теченіе того-же 1814 года, онъ по высочайшему повеленію удостоился полученія изъ Кабинета ежегодной прибавки, сверхъ жалованія, 1200 рубл. и былъ пожалованъ въ званіе камеръ-юнкера императорскаго двора.

Королева Гортензія съ своей стороны пожелала ему выразить свое благоволеніе, предложивъ императору Александру въ своемъ письмѣ отъ 25 Марта 1815 женить Бутягина на ея чтицѣ г-жѣ Кошлэ. „Мнѣ показалось, пишетъ она, что Бутягинъ обращалъ особое вниманіе на г-жу Кошлэ, онъ былъ ея утѣшителемъ. Я какъ будто замѣтила, что онъ выражалъ болѣе, чѣмъ одно расположеніе. Я хотѣла вамъ предложить устроить эту свадьбу; я готова пожертвовать доброю пріятельницей“. Но не одна королева Гортензія примѣтила ухаживаніе Бутягина; баронесса Крюденеръ, извѣстная своимъ скрытымъ вліяніемъ на

¹⁾ Корсиканецъ Карлъ Поццо-ди-Борго состоялъ Русскимъ посланникомъ съ 1 Января 1814; 26 Февраля 1826 г. онъ получилъ званіе посла.

²⁾ Mémoires. Paris. 1838. L'advocat éditeur, t. I; p. 374.

Александра Павловича, бывшая въ хорошихъ отношеніяхъ съ королевой Гортензіею и съ ея чтицей, 19 Октября 1815 писала къ Кошлэ изъ Парижа.¹⁾ „Я сказала Бутягину, что я буду весьма счастлива, если вы очень полюбите его“. По замѣчанію Кошлэ, баронесса воображала, что Бутягинъ намѣревался жениться на ней (Кошлэ). „Хотя, пишетъ она, императоръ Александръ проѣхалъ черезъ Швейцарію въ Баденъ, онъ намъ не переслалъ въ Эксъ въ Савоѣ (Aix-les-bains) ни малѣйшаго привѣта, а Бутягинъ послѣдовалъ за своимъ Государемъ, не предупредивъ о своемъ проѣздѣ²⁾“.

Можетъ статься, что Бутягинъ ухаживалъ за Кошлэ, когда онъ видалъ ее у королевы Гортензіи, въ Парижѣ, когда сама королева пользовалась благосклоннымъ вниманіемъ Императора. Но въ 1815 г., по возвращеніи Наполеона, отношенія между Александромъ и королевой Гортензіей совершенно измѣнились. Бутягинъ, какъ чедовѣкъ уже опытный въ жизни, рассчитывалъ, что ему не стоило болѣе обращать вниманіе на бѣдную чтицу, которая состояла при королевѣ-изгнанницѣ, покинутой всѣми ея друзьями. Въ виду этихъ соображеній онъ повернулъ въ другую сторону и намѣтилъ себѣ дѣвушку моложе годами, будущность которой обѣщала быть блестящею.

Это была Фолоэ, Елисавета Экомонъ, которую Бутягинъ встрѣчалъ въ 1814 г. въ Парижѣ у супруги маршала Нея, принявшей ее подъ свое покровительство, по выходѣ ея 17 лѣтъ изъ пансіона г-жи Кампанъ (тетки Аглаи Ней). Онъ встрѣтился съ Фолоэ вновь въ Вѣнѣ, когда та пріѣхала туда просить заступничества Александра, который также видѣлъ ее у маршала Нея и ею заинтересовался³⁾.

Фолоэ уже не застала Императора. Она обратилась къ Бутягину. „Я ее нашелъ, пишетъ Павелъ Степановичъ графу Нессельроде⁴⁾), одинокой, больной, лишенной всякой поддержки и помощи; ея положеніе меня окончательно растрогало, и я посвятилъ себя ей“.

Аббатъ Жиро, опекунъ Елисаветы Экомонъ, увѣрялъ однако, что она вовсе не была одинокой и лишенной помощи; ее сопровождала дама Саксонка, а княгиня Любомирская, которую Жиро зналъ, могла быть ей столь же полезной, какъ Бутягинъ; поэтому не ея безпомощ-

¹⁾ Mémoires de M-elle Cochelet, t. IV, p.p. 28 et suivantes.

²⁾ Это письмо было написано въ то время, когда Александръ возвращался въ концѣ 1815 г. изъ Парижа послѣ второго своего пребыванія въ этомъ городѣ; онъ ѣхалъ черезъ Швейцарію въ Баденское герцогство, гдѣ находилась Императрица.

³⁾ Mémoires de M-elle Cochelet, t. IV, p. 28.

⁴⁾ Письмо отъ 19 Января 1818. СШБ. Гл. Архивъ. II—6.; 1809, № 9.

ность такъ сильно тронула молодого человѣка¹⁾). Елисавета Экомонъ показала Бутягину очень выгодною партіей. Съ своей стороны она нашла въ немъ человѣка ей извѣстнаго, пользовавшагося покровительствомъ и милостями Государя, почему ей, сиротѣ, получившей въ наслѣдство спорныя притязанія и недвижимыя имѣнія въ незнакомой странѣ, было выгодно сочетаться бракомъ съ человѣкомъ, который могъ упорядочить и ея дѣла. Она общала ему свою руку, не испросивъ ничего разрѣшенія, какъ это замѣчаетъ аббатъ Жиро. Въ письмѣ къ нему г-жа Кампанъ говоритъ о Бутягинѣ: „онъ обманулъ васъ, кредиторовъ и меня, такъ какъ Фолоэ мнѣ стоила много денегъ; этотъ человѣкъ сдѣлалъ аферу, женившись на ней; постарайтесь извлечь изъ него то, что вамъ должны и болѣе объ этомъ не думайте“. Бутягину было тогда 32 года, а его невѣстѣ 25 лѣтъ. 29 Октября (10 Ноября) 1815 ихъ обвинчалъ въ Дрезденѣ Василиій Лепешинскій, священникъ Козловскаго пѣхотнаго полка, проходившаго въ это время черезъ Саксонію²⁾).

III.

Обвинчавшись 29 Октября 1815 г., Бутягинъ уже 31 Октября обратился къ своему ближайшему начальнику графу Нессельроде съ письмомъ, въ которомъ просилъ покровительства графа для полученія денегъ, должныхъ его женѣ, какъ наслѣдницѣ принца Нассау. Павелъ Степановичъ былъ отлично освѣдомленъ о состояніи жены и зналъ, на комъ онъ женился. „Со вчерашняго дня, пишетъ онъ графу Карлу Васильевичу, я вступилъ въ брачную жизнь и, желая приложить всю мою заботу къ тому, чтобъ обезпечить благосостояніе моей прелестной жены, которую я обожаю, я умоляю ваше превосходительство разрѣшить мнѣ отпускъ съ сохраненіемъ моего увеличеннаго содержанія, какъ вы изволили мнѣ обѣщать въ Берлинѣ“. Затѣмъ онъ проситъ содѣйствія графа къ полученію 200000 фр., должныхъ Нидерландскимъ королемъ его женѣ. „Справедливо, пишетъ онъ далѣе, чтобъ намъ выплатили эту сумму съ процентами“. Затѣмъ было еще долговое обязательство Французскаго двора въ 500000 фр., признанное королемъ; этотъ долгъ очень беспокоилъ Бутягина, который просилъ содѣйствія графа по этому вопросу. Наконецъ, права его жены на Мухаровское старостово въ Галиціи безспорны. Для разрѣшенія всѣхъ вышеозначенныхъ дѣлъ Елисавета Ивановна Бутягина выдаетъ своему мужу довѣренность,

¹⁾ Прошеніе аббата Жиро императору Александру и его записка (II—6, 1809, № 9).

²⁾ СПб. Главн. Архивъ II—6, 1809, № 9.

явленную въ Дрезденѣ 25 Ноября 1815, съ самыми обширными полномочіями ¹⁾).

Переговоры аббата Жиро съ ликвидационною комиссіею по долговымъ роспискамъ Французскаго короля и его брата, принадлежавшимъ наслѣдственной мессѣ принца Нассау, были прерваны перемѣной правительства во Франціи.

По возвращеніи Людовика XVIII изъ Гента Жиро возобновилъ свое ходатайство передъ комиссіею и потребовалъ отъ опекаемой имъ Фолоэ новаго отреченія отъ этой претензіи. Елисавета Ивановна находилась на водахъ въ Теплицѣ, откуда она послала опекуну бланковую подпись, а г-жа Кампанъ заполнила текстъ. Жиро обязался снова уступить то, что обѣщалъ. Когда эта бумага была представлена комиссіи, Жиро согласился на уменьшеніе своей претензіи на половину. 25 Ноября 1815 комиссія признала требованіе аббата правильнымъ въ суммѣ 401867 фр. Онъ былъ вписанъ подъ № 383 въ книгу государственнаго долга кредиторомъ, получающимъ 5% съ вышеуказаннаго капитала консолидированную ренту въ 20093 фр. Жиро счелъ необходимымъ поступиться частью этой ренты, изъ опасенія (какъ онъ объясняетъ въ своей запискѣ) чтобы кредиторы не наложили ареста на нее, снять который онъ бы не успѣлъ въ виду своего преклоннаго возраста ²⁾). Только въ Январѣ 1816 г. Бутягина узнала въ Дрезденѣ о произведенной ликвидаци. Ея мужъ немедленно уѣхалъ въ Галицію къ душеприкащику принца Крутковскому, чтобы получить отъ него всѣ подробности по долгу Французскаго королевскаго дома. Получивъ ихъ, онъ отправился въ Парижъ ³⁾), гдѣ познакомился въ придворной канцеляріи со всѣмъ производствомъ по этой ликвидаци. Послѣ того онъ вынесъ надежду на возможность уплаты ему всей суммы по означенной претензіи, т. е. 800000 фр., а не ея половины, полученной аббатомъ. Послѣдняго, какъ пишетъ самъ аббатъ въ запискѣ, поданной имъ на высочайшее имя, Бутягинъ съумѣлъ привлечь всякими средствами и увѣрить въ правѣ своей жены на долговыя обязательства королевской семьи по точному смыслу духовнаго завѣщанія принца Нассау. Бутягинъ достигъ того, что Жиро, во избѣжаніе продолжительнаго процесса, предложилъ ему подѣлиться поровну полученною суммою

¹⁾ СПб. Гл. Арх. II—6, 1809, № 9.

²⁾ Въ запискѣ, приложенной къ прошенію на высочайшее имя отъ 26 Августа 1817 г., онъ поясняетъ, что ему 73 года.

³⁾ Письмо Бутягина къ графу Нессельроде отъ 19 Января 1818. СПб. гл. Арх. II—6, 1809, № 9.

въ 400000 фр. Бутягинъ ему отвѣтилъ, что обладаетъ достаточными средствами и кредитомъ, чтобъ получить всю сумму должную Французскимъ домомъ, т. е. 800000 фр.; онъ потребовалъ отъ аббата уступки всѣхъ его правъ и обѣщалъ подѣлиться съ нимъ частью, вполне его удовлетворявшею. „Бутягинъ, пишетъ Жиро, подкрѣплялъ свою просьбу такими увѣреніями въ дружбѣ, такими многократными обѣщаніями и словами чести, что я, не вообразивъ, чтобъ человѣкъ его положенія, пользовавшійся высочайшимъ довѣріемъ, въ честности котораго я не сомнѣвался, въ особенности если принять, что я отдавался вполне ему въ руки и дѣлалъ ему такое большое одолженіе, могъ оказаться столь неблагодарнымъ. Я наконецъ рѣшился совершить ему полную уступку своихъ правъ и своихъ претензій въ выраженіяхъ, которыя онъ самъ придумалъ исключительно въ свою пользу“. По этому акту, совершенному въ Парижѣ 27 Января 1816 г., Жиро, признавъ основательность правъ Бутягина, отказался отъ какихъ либо притязаній на долговые обязательства, выданныя принцу Карлу Нассау Французскими принцами, и согласился на полное уничтоженіе особой записки, данной ему покойнымъ Нассау 5 Апрѣля 1808 г. Въмѣстѣ съ тѣмъ онъ обязался перевести на имя Бутягина ренту въ 20093 фр. соответствовавшую части вышеуказаннаго долга.

Бутягинъ, принявъ этотъ трансфертъ, предоставилъ себѣ право ходатайствовать передъ королемъ или передъ коммиссіею объ уплатѣ полной суммы, должной принцу Нассау, отказавшись въ пользу Французской казны отъ ренты въ 20.093 фр., которую Жиро переводилъ на его имя, или учтя ее по биржевому курсу въ счетъ слѣдовавшей ему уплаты по долговымъ обязательствамъ. По совершеніи этого акта, Бутягинъ передалъ аббату 7000 фр., которые ему были нужны, но потребовалъ отъ него въ свою очередь передачи всѣхъ долговыхъ обязательствъ (за исключеніемъ Французскихъ принцевъ), которыя Нассау довѣрилъ аббату по запискѣ отъ 5 Апрѣля 1808 г. „Только тогда, излагаетъ Жиро въ своемъ прошеніи на высочайшее имя, стали возникать у меня и съ каждымъ днемъ возрастать подозрѣнія вслѣдствіе разныхъ причинъ, которыя онъ придумывалъ для того, чтобъ отложить исполненіе своихъ обѣщаній до разрѣшенія его ходатайства о требуемыхъ имъ 800000 фр.“ Когда-же вся эта сумма была ему предоставлена, Бутягинъ ее перехватилъ и уѣхалъ, не повидавшись съ аббатомъ. Онъ велѣлъ ему передать письмо, требуя отъ него отчетовъ по опеѣ, и заявляя, что въ виду правъ, признанныхъ за его женою, онъ считалъ всѣ притязанія аббата ничтожными. Такое поведеніе Бутягина заставило Жиро подать прошеніе императору Александру; въ немъ онъ

умолялъ оказать ему справедливое покровительство съ тою цѣлью, чтобъ одинъ изъ его подданныхъ, изъ опасенія подвергнуться высочайшей немилости, поспѣшилъ исполнить, хоть въ части, обязательство, принятое имъ на себя.

Когда Бутягинъ узналъ, что Жиро пожаловался на него императору, онъ счелъ своимъ долгомъ подать объясненія своему начальнику графу Нессельроде въ письмѣ изъ С. Петербурга отъ 19 Января 1818. Въ немъ Бутягинъ описалъ бывшаго опекуна своей жены, какъ чело-вѣка, намѣревавшагося захватить въ свою пользу суммы, должныя принцу Нассау, изъ коихъ самую значительною была та, которая слѣдовала по обязательствамъ, выданнымъ Французскими принцами. Въ виду сего, онъ, Бутягинъ, узнавъ объ уплатѣ этого долга Жиро, поспѣшилъ вернуться въ Парижъ и просить о заступничествѣ генерала Поццо-ди-Борго, императорскаго министра при Французскомъ дворѣ. Генералъ, сообщивъ герцогу Ришелье при своемъ письмѣ отъ 7 Февраля 1816 соглашеніе, состоявшееся 27 Января между Бутягинымъ и Жиро, просилъ герцога способствовать уплатѣ Бутягину всего долга полностью. Герцогъ Ришелье отвѣтилъ 10 Февраля генералу Поццо-ди-Борго, что онъ обратилъ вниманіе графа Праделя (управлявшаго хозяйственною частью дворца) на правильность требованія Бутягина и на его права по этой претензіи. Вслѣдствіе заступничества посланника, Бутягинъ получилъ платежъ посредствомъ внесенія въ государственную домовую книгу ренты изъ 5% въ 40000 фр., которую онъ впослѣдствіи продалъ, присвоивъ ея стоимость. Въ письмѣ отъ 19 Января 1818 Бутягинъ говоритъ, что онъ потребовалъ отъ аббата Жиро отчета въ израсходованіи 59775 фр., принадлежавшихъ наслѣдству и полученныхъ аббатомъ отъ банкира Бушера въ Парижѣ. По объясненію Жиро эта сумма имъ израсходована согласно назначенію завѣщателя, а изъ ея остатка онъ внёсъ г-жѣ Кампанъ издержки по содержаніи Фолоэ въ пансіонѣ и оставилъ себѣ 5000 фр. на покрытіе издержекъ, понесенныхъ имъ во время своего продолжительнаго пребыванія въ Подольской губерніи и своихъ путешествій. Аббатъ Жиро произвелъ платежъ г-жѣ Кампанъ 25 Марта 1813 г., какъ видно изъ записки ея отъ 11 Іюля въ полученіи отъ аббата за Елисавету Экомонъ 10682 фр. 15 сант. въ погашеніе издержекъ и расходовъ, накопившихся съ того времени, какъ прекратились платежи за счетъ Нассау-Зигенъ. „Въ 1811 году она заявляла, что Фолоэ живетъ только на ея средства и одѣвалась уже два года только на ея деньги *).

*) Correspondance inédite de m-me Campan avec la reine Hortense, t. II, p. 74, lettre du 25 mars 1811 г.

Въ письмѣ къ аббату Жиро отъ 6 Іюля 1818 г., г-жа Кампанъ пишетъ, что Фолоэ ей дорого стоила и что она не дала себѣ труда ей написать хотя бы нѣсколько словъ.

По высочайшему повелѣнію генералу Поццо-ди-Борго было предписано, по разслѣдованіи обстоятельствъ, изложенныхъ въ прошеніи Жиро и въ жалобѣ Бутягина на него, представить о томъ свое заключеніе¹⁾. Только по истеченіи восьми мѣсяцевъ Поццо-ди-Борго представилъ графу Нессельроде (бывшему тогда на конгрессѣ въ Ахенѣ), свой докладъ по этому предмету²⁾. По собраннымъ имъ справкамъ аббатъ Жиро пользовался самой лучшей репутаціей; люди его знавшіе, считали его за человѣка честнаго и большой простоты душевной. Принцъ Нассау завѣщалъ ему отдѣльнымъ распоряженіемъ долговые обязательства Французскихъ принцовъ въ 800000 фр. въ то время, когда нельзя было ожидать возможности уплаты этого долга. При неожиданномъ возстановленіи власти Бурбоновъ аббатъ Жиро предъявилъ свое требованіе и вошелъ въ сдѣлку съ королевскимъ дворцовымъ казначействомъ, согласившись на полученіе ренты въ 20000 фр., внесенной въ книгу государственныхъ долговъ. Изъ предосторожности Жиро добился отъ опекаемой имъ Елисаветы Экомонъ отреченія отъ всякихъ притязаній на эту сумму. „Этотъ актъ, замѣчаетъ Поццо-ди-Борго, не былъ ни приличнымъ, ни законнымъ, ни даже необходимымъ“. По вступленіи Елисаветы Экомонъ въ бракъ съ Бутягинымъ послѣдній возымѣлъ надежду на полученіе всей суммы полностью и вошелъ въ соглашеніе съ аббатомъ, который, отказавшись отъ своихъ притязаній, призналъ, что не имѣлъ никакихъ правъ по обязательствамъ Французскаго дома. Съ этого момента обстоятельства излагались различно обѣими сторонами. Жиро объяснялъ, что эта сдѣлка имѣла цѣлью передачу обязательствъ такому лицу, которое-бы сумѣло потребовать отъ короля уплаты полностью по нимъ съ тѣмъ однако, чтобы аббатъ участвовалъ въ выгодахъ, происшедшихъ отъ такой передачи. Бутягинъ утверждалъ, напротивъ, что отказъ аббата отъ всякихъ притязаній по обязательствамъ произошелъ безъ всякихъ оговорокъ въ томъ видѣ, какъ онъ былъ изложенъ въ самомъ актѣ. Бутягинъ дѣйствительно добился уплаты суммы полностью посредствомъ внесения въ книгу государственныхъ долговъ ренты въ 40000 фр., которую онъ впослѣдствіи продалъ. Аббатъ Жиро понялъ, что онъ ошибся въ своихъ расчетахъ; онъ сталъ требовать того, что надѣялся получить вслѣд-

¹⁾ Письмо Нессельроде отъ 24 Февраля 1818 С-Пб. Гл. Арх., VI—II; 1809, № 9.

²⁾ Письмо графа Нессельроде къ Убри 1 (13) Ноября 1818. С-Пб. Гл. Арх. VI—II, 1809, № 9.

ствіе своего отказа. Въ концѣ своего доклада генераль Поццо-ди-Борго заключилъ, что Жиро не располагалъ никакими доказательствами въ подтвержденіе своихъ притязаній, но по всему вѣроятію уступка не была совершена имъ безмездно. Для вящей справедливости Бутягину слѣдовало бѣ выдать аббату какое либо вознагражденіе, такъ какъ безъ его участія и содѣйствія Бутягинъ, очевидно, никогда-бы не получилъ какого-либо удовлетворенія по даннымъ обязательствамъ. Таково было заключеніе генерала Поццо-ди-Борго, который совершенно справедливо сомнѣвался въ возможности безмездной уступки со стороны аббата. Онъ былъ честный человекъ, и онъ не допускалъ, чтобъ его ближніе поступили съ нимъ иначе, какъ онъ съ ними бы поступилъ, т. е. честно и добросовѣстно. Онъ былъ простой человекъ безъ хитрости, почему Бутягину, который, по свидѣтельству Кошлэ, обладалъ прекрасными манерами, былъ любезенъ и обходителенъ, не трудно было провести простодушнаго аббата. Вдобавокъ Бутягинъ, какъ причисленный въ то время къ Русской миссіи въ Парижѣ, внушалъ аббату полное довѣріе, вслѣдствіе котораго онъ по акту 27 Января 1816 г. поступился своими правами безъ всякихъ оговорокъ. Но съ другой стороны весьма вѣроятно (какъ мы уже сказали выше), что принцъ Нассау имѣлъ дѣйствительное намѣреніе передать аббату Жиро, по отдѣльной запискѣ 9 Апрѣля 1808 г., свои обязательства на Французскихъ принцевъ, которыя тогда не стоили болѣе, а можетъ быть и менѣе другихъ обязательствъ, переданныхъ принцемъ аббату, на Французскихъ эмигрантовъ Ланжерона, Ламберта и др. Со взысканія суммъ должныхъ сими послѣдними началъ аббатъ и, поступая такъ, онъ дѣйствовалъ вполнѣ добросовѣстно, опираясь на свое право, основанное на томъ, что онъ называлъ завѣщательнымъ распоряженіемъ принца (кодицилломъ) или довѣрительною уступкою. на запискѣ 9 (21) Апрѣля, которая въ дѣйствительности не имѣла юридическаго значенія и которая могла быть во всякое время оспорена наслѣдницей принца. Для того, чтобы оградить себя отъ такой случайности, аббатъ Жиро, повинувся вѣроятно совѣтамъ недобросовѣстныхъ адвокатовъ, которые завладѣли имъ, добился отъ опекаемой формальнаго отказа отъ всякой претензіи къ Французскимъ принцамъ. Генераль Поццо-ди-Борго называетъ этотъ актъ неделикатнымъ, незаконнымъ и даже излишнимъ. Въ самомъ дѣлѣ онъ и былъ таковымъ, въ виду того, что опекаемая аббатомъ дѣвушка, достигнувъ въ 1814 только 19 лѣтъ, была еще несовершеннолѣтнею и хотя она дѣйствовала въ этомъ случаѣ съ одобренія г-жи Кампанъ, но поступокъ аббата въ отношенія къ подопечной вовсе не былъ правиленъ. Этимъ воспользовался Бутягинъ, чтобъ очернить аббата передъ Французскими вла-

стями, представивъ его опекуномъ, совершившимъ злоупотребленіе по должности.

Бутягинъ, получивъ полное удовлетвореніе по долговымъ обязательствамъ королевскаго дома, уѣхалъ изъ Парижа. Очень можетъ быть, что онъ пріѣзжалъ туда съ женою, такъ какъ г-жа Кампанъ жалуется въ письмѣ аббату Жиро отъ 6 Іюля 1818 на то, что Фолоэ была въ Парижѣ и съ нею не видѣлась. Бутягинъ, имѣя въ замыслѣ присвоеніе всей суммы, должной Французскими принцами въ ущербъ аббату Жиро и достигнувъ этого, остерегся отъ всякихъ сношеній съ г-жей Кампанъ, которая была хороша съ аббатомъ и считала себя потерявшею деньги на Фолоэ. Молодые супруги были алчны; въ ихъ расчетъ вовсе не входило дѣлиться наслѣдствомъ, которое они только что получили. Въ этомъ же письмѣ г-жа Кампанъ пишетъ о Бутягинѣ и его женѣ: „Этотъ человѣкъ захотѣлъ, чтобъ она порвала всякія сношенія со всѣми“. Онъ ей запретилъ общеніе съ дамами, которыя ее воспитали и оказали ей свое покровительство“. Кошлэ въ своихъ мемуарахъ предполагаетъ¹⁾, что онъ поступалъ такъ изъ боязни, чтобъ сношенія съ людьми, политически неблагонадежными²⁾, какъ г-жа Ней, не повредили ему. Фолоэ подчинилась требованіямъ своего мужа, что не служить свидѣтельствомъ въ ея пользу. Никому эта забывчивость со стороны Фолоэ не была столь чувствительной, какъ г-жѣ Кампанъ, которая называла Фолоэ дочерью своего сердца. Обнаруженныя ею равнодушіе и неблагодарность очень чувствительно отразились въ отзывчивой душѣ г-жи Кампанъ. Въ письмѣ къ королевѣ Гортензій отъ 28 Апрѣля 1816 она безпокоилась о здоровьи нѣжно любимой ею воспитанницы и жаловалась на то, что не знала, гдѣ она находилась въ С. Петербургѣ, въ Дрезденѣ, въ Брюсселѣ или Вѣнѣ³⁾. Въ письмѣ къ Кошлэ отъ 17 Января 1817⁴⁾ г-жа Кампанъ выражалась такъ о Фолоэ: „бѣдное дитя, я о ней постоянно думаю: да, я такъ нѣжно ее любила, что это чувство у меня не исчезло, не смотря на ея обиды: оно уподобилось материнскому, а мать не прощаетъ ли своимъ дѣтямъ?“ Въ томъ-же письмѣ г-жа Кампанъ пересказывала Кошлэ то, что Фолоэ ей писала 10 Ноября 1816 г. изъ Варшавы, передъ отъѣздомъ въ С. Петербургъ, гдѣ она готовилась родить черезъ два мѣсяца, т. е. въ то время, когда г-жа Кампанъ писала это Кошлэ. Именно въ этотъ срокъ, согласно формулярному списку о службѣ Бутягина, у него ро-

¹⁾ Mémoires, IV, p. 28.

²⁾ Маршалъ Ней за измѣну Бурбонамъ былъ осужденъ и разстрѣлянъ.

³⁾ Correspondance, t. II, p. 175.

⁴⁾ Mémoires, t. IV, p.p. 316—319.

дился первый ребенокъ, сынъ Александръ. Объ этомъ письмѣ Фолова г-жа Кампанъ упоминаетъ въ своемъ посланіи къ Жиро отъ 6 Іюля 1818, говоря: „Фолова мнѣ только разъ писала за эти два года; я вамъ пришлю единственное письмо, которое она мнѣ написала“.

Въ началѣ 1818 г., когда супруги Бутягины находились въ Петербургѣ, между ними, вѣроятно, возникъ споръ на счетъ тѣхъ суммъ, которыя Бутягинъ получилъ при ликвидаціи долга Французскихъ принцевъ, такъ какъ въ одномъ изъ архивныхъ дѣлъ¹⁾ нашлась квитанція отъ 20 Февраля 1818, выданная Елисаветой Бутягиной въ томъ, что она получила отъ своего мужа всѣ суммы, причитавшіяся ей по этой ликвидаціи. Выдача такой квитанціи могла послѣдовать исключительно для обезпеченія Бутягина отъ требованія или возможнаго требованія его жены.

Долговые обязательства Французскихъ принцевъ не были упомянуты въ завѣщаніи принца Нассау; они перешли къ его наслѣдницѣ въ силу пункта этого завѣщанія, по которому принцъ отказалъ Елисаветѣ Экомонъ всѣ долговые претензіи, которыя онъ имѣлъ. На основаніи другого пункта завѣщанія къ ней перешло другое требованіе принца Нассау, прямо указанное въ завѣщаніи, на принца Оранскаго въ суммѣ 200000 фр. вмѣстѣ съ недополученною Карломъ Нассау пенсіею въ 30000 фр. Та и другая сумма оставалась въ долгу за принцомъ Оранскимъ, въ послѣдствіи Голландскимъ королемъ на основаніи соглашенія, состоявшагося въ Парижѣ 23 Октября 1802 г., по которому принцъ Карлъ Нассау, отрекался отъ всѣхъ своихъ правъ на владѣнія въ Германіи въ пользу Оранскаго дома, получалъ отъ него 200000 фр. въ опредѣленный срокъ и ежегодную ренту въ 30000 фр. Платежъ первой суммы могъ послѣдовать не прежде какъ по полученіи принцомъ Оранскимъ того, что ему причиталось по договору съ Батавской республикой, а пенсія была обезпечена доходами съ Фульдскаго княжества. Не смотря на посредничество Русскаго посланника въ Гагѣ генералъ-лейтенанта Фулля²⁾, которому графъ Нессельроде поручилъ поддержать ходатайство Бутягиной, Нидерландское правительство до 1821 г. отказывалось удовлетворить ея претензію, потому что Голландскій король самъ не получалъ суммъ должныхъ ему Батавской респуб-

¹⁾ С.-П.Б. Гл. Арх., II—6, 1837 № 538.

²⁾ Карлъ-Людвигъ Фуллъ, уроженецъ Виртемберга: будучи генералъ-маіоромъ Прусской службы, въ 1806 г. перешелъ на Русскую и состоялъ при Александрѣ I. Назначенный 19 Мая 1814 посланникомъ въ Гагѣ, онъ оставался на этомъ посту по 16 Апрѣля 1821 г., когда былъ уволенъ въ отставку.

ликой, такъ и потому, что, за исключеніемъ Фульдскаго княжества изъ владѣній Оранскаго дома, онъ освободился отъ обязанности платежа ренты принцу Нассау-Зигенскому, обеспеченной строго опредѣленнымъ источникомъ.

Преемникъ генерала Фулля въ Гагѣ баронъ Мейендорфъ¹⁾ обратился къ извѣстному Амстердамскому адвокату Мейеру за совѣтомъ по дѣлу Бутягиной. Мейеръ, въ данномъ заключеніи, призналъ основательность ея требованій, но такъ какъ Нидерландское правительство не желало ихъ удовлетворить, то онъ совѣтовалъ предварительно передачи дѣла суду, сопряженной съ большимъ замедленіемъ и многочисленными усложненіями, обратиться съ прошеніемъ къ Голландскому королю. Намъ не извѣстно, какой путь избрала Бутягина, такъ какъ послѣ 1822 года Русскій посланникъ въ Гагѣ болѣе не ходатайствовалъ за нее у мѣстныхъ властей; но, какъ видно изъ акта, заключеннаго между собой супругами Бутягиными 28 Мая 1826 г. въ Львовѣ, въ Галиціи, претензія Бутягиной еще тогда не была удовлетворена Нидерландскимъ правительствомъ.

IV.

28 Мая 1826 Елисавета Ивановна Бутягина заявила суду въ Каменцѣ-Подольскѣ²⁾, что она, желая обезпечить благосостояніе своихъ дѣтей Александра, Павла, Евдокіи. Елисаветы и Маріи, уступила и передала имъ все, что ей принадлежало и могло еще причитаться изъ наслѣдства принца Нассау-Зигенскаго и его супруги Каролины Нассау-Зигенской, урожденной Гоздской, а именно имѣнія въ Подольской губерніи Тырно³⁾ и Тарново, староство Мукарово въ Польшѣ, мѣста въ предмѣстьѣ города Варшавы въ Александріи и дома на нихъ за №№ 2779 и 2782, а также различныя суммы и претензіи еще не удовлетворенныя къ правительству Польскаго королевства, къ Голландскому королю, къ наслѣдникамъ князя Радзивилла въ Литвѣ и

¹⁾ Деша 12 (24) Февраля 1822 г.

²⁾ С.-П.Б. Гл. Арх., II—6: 1836 № 210.

³⁾ По смерти владѣльца Тырна Стефана Гумецкаго (+ 1736) Тырно перешло къ его сыну Игнатию, умершему бездѣтнымъ, а потомъ черезъ дочь Стефана Гумецкаго къ Годзкому, а затѣмъ къ его дочери Каролинѣ, принцессѣ Нассау-Зигенъ. Въ настоящее время Тырно Ушицкаго уѣзда Подольской губ., у истоковъ рѣчки Тарновки въ 40 верст. отъ Каменца, имѣетъ 498 муж. пол. и 471 жен. пол. православныхъ, 500 кат. и 50 Евреевъ; землевладѣльцемъ состоитъ Мацневъ, у котораго крестьяне приобрѣли всю землю. (Труды Подольскаго епархіальнаго историко-статист. комитета, вып. 9. Каменецъ-Подольскій, 1901 г.)

къ другимъ лицамъ. Въ завѣщаніи принца Нассау сумма, должная Голландскимъ королемъ, опредѣлена въ 200000 фр. кромѣ недоплаченной пенсіи, а долгъ князя Радзивилла въ 8000 дукатовъ. Мы перечислили весь составъ наслѣдства принца Нассау съ цѣлью указать, какое большое состояніе Фолоэ принесла своему мужу, который по довѣренности своей жены получилъ кромѣ того 800000 фр., уплаченныхъ Французскимъ королемъ.

По формулярнымъ спискамъ о службѣ Павла Степановича Бутягина 1822, 1828 и 1834 годовъ значится, что за нимъ числились 800 душъ крѣпостныхъ при Тыкнѣ и Тарновѣ, Подольской губерн., Ушицкаго уѣзда. Это имѣнія тѣ, которыя достались Бутягиной отъ принца Нассау, а отъ нея перешли къ ея дѣтямъ. Такимъ образомъ первоначально самъ Бутягинъ никакого состоянія не имѣлъ.

Перечисливъ на свое имя по формулярному списку имѣнія, принадлежавшія его женѣ и его дѣтямъ въ Россіи, онъ въ Австріи показывалъ за собою имѣніе Ярыгово близъ Львова въ Галиціи, которое также перешло къ Бутягиной отъ принца Нассау. Вспомнимъ, что говорила г-жа Кампанъ о Фолоэ и ея мужѣ, въ своемъ письмѣ отъ 6 Іюля 1818: „этотъ человекъ сдѣлалъ аферу, женившись на ней“. Бутягинъ искалъ состоянія въ женитьбѣ; онъ его и нашелъ по всему вѣроятію: супружеское же его счастье не долго продолжалось, хотя въ дѣтяхъ у нихъ не было недостатка. Первый сынъ Александръ родился въ Петербургѣ въ 1817 г., за нимъ дочь Евдокія 4 Февраля 1819 во Львовѣ, сынъ Павелъ въ 1822 г. тамъ же; за нимъ послѣдовали двѣ дочери, Елисавета въ 1823 и Марія въ 1824 г. Между супругами произошелъ разладъ вслѣдствіе несогласія ихъ нравъ и другихъ обстоятельствъ, какъ они выражались въ общемъ прошеніи, поданномъ ими 16 Іюня 1826 г. Львовскому суду; поэтому они рѣшились мирно разойтись для взаимнаго своего спокойствія и во избѣжаніе непріятностей, которыя могли произойти отъ ихъ взаимнаго дурного расположенія и предоставляли другъ другу право жить, гдѣ каждому заблагоразсудится. При этомъ прошеніи Елисавета Бутягина представила суду актъ отъ 28 Мая 1826 г., по которому она все, безъ изъятія, имѣніе уступала дѣтямъ своимъ въ собственность, а мужу своему въ пожизненное владѣніе, возложивъ на него обязанность содержать и воспитывать своихъ дѣтей и приводить въ порядокъ дѣла, связанныя съ уступлен-

*) С.-П.Б. Гл. Арх. II—6, 1809, № 9.

ными имѣніями. Бутягинъ-же съ своей стороны обязался женѣ своей платить ежегодный пансіонъ по 600 Голландскихъ червонцевъ за каждую треть года, обезпечивъ его всѣми уступленными ею имѣніями, въ Россіи находящимися, въ особенности же состоящимъ въ Подольской губер. помѣстіемъ „Тыкно“.

Подтвердивъ словесно этотъ актъ передъ судомъ, супруги Бутягины заявили, что при мужѣ останутся на всегда четверо дѣтей, а при женѣ меньшая дочь Марія столь долго, сколь ей будетъ угодно, на ея содержаніи. Львовскій дворянскій судъ (*forum nobilium Leopoldense*) по выслушаніи этого заявленія 20 Іюля 1826 постановилъ разлучить супруговъ *).

Елисавета Ивановна Бутягина оставалась съ своей младшей дочерью Маріей во Львовѣ. Она еще болѣе удалилась отъ своего семейства, перейдя изъ православія, въ которомъ она родилась, въ католичество, какъ это видно изъ свидѣтельства, выданнаго патеромъ церкви Св. Андрея во Львовѣ 8 Января 1833. Въ показаніи, данномъ ею 30 Сентября 1830 г. Львовскому суду при производствѣ ея дѣла о разводѣ съ мужемъ, она заявила, что, будучи привезенной восьмилѣтнимъ ребенкомъ для вступленія въ пансіонъ г-жи Кампанъ, она не могла представить свидѣтельство о крещеніи, хотя въ дѣйствительности она при рожденіи была крещена по православному обряду, почему ее крестили вновь по католическому. Но еще за годъ до перехода въ католичество ея мужъ получилъ разводъ съ нею, постановленный 15 Іюня 1832 Св. Синодомъ, признавшимъ ее виновной въ супружеской невѣрности.

Въ виду такого рѣшенія Павелъ Бутягинъ пожелалъ отобрать свою десятилѣтнюю дочь Марію, которая оставалась при матери. Онъ обратился къ Львовскому дворянскому суду, который постановленіемъ отъ 30 Мая 1835 удовлетворилъ ходатайство Бутягина.

Таковъ былъ конецъ брачной жизни Бутягиныхъ.

Павелъ Степановичъ умеръ 17 Августа 1847 въ Теплицѣ отъ удара. Его пережили сынъ Павелъ, помѣщикъ Ушицкаго уѣзда, дочь Евдокія замужемъ за Курскимъ помѣщикомъ Иваномъ Мацневымъ. другая дочь Елисавета замужемъ за Подольскимъ помѣщикомъ Елча-

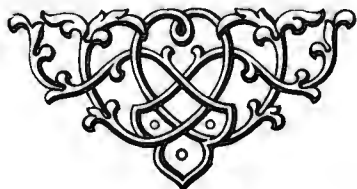
*) СПб. Гл. Арх. II—6, 3837 № 272.

ниновымъ, и третья дочь Марія, которая была отобрана отцомъ у матери и вернулась къ ней.

Изъ потомковъ Бутягина осталось въ настоящее время въ живыхъ одна дочь Евдокія, 89 лѣтъ, совершенно слѣпая, проживающая въ Каменцѣ-Подольскомъ у своего сына Павла Ивановича Мацнева.

Елисавета Ивановна, послѣ развода съ мужемъ, проживала въ Львовѣ, гдѣ вышла замужъ за Галиційскаго помѣщика графа Александра Центнера. Ея сынъ графъ Альбертъ Цетнеръ, рожденный въ 1835 году, проживаетъ въ своемъ имѣніи „Подкамень“ близъ города Бродъ въ Восточной Галиціи.

С. Горяиновъ.

ИЗЪ КРЫМСКАГО ДНЕВНИКА Ю. Н. БАРТЕНЕВА.

1844-й годъ *).

1-го Генваря 1844 года.

Я не успѣлъ выкурить трубку табаку, какъ за мной ужъ при-
слали экипажъ. Мы поѣхали съ женою прямо къ князю. Послѣ обѣдни
и молебна всѣ собрались въ пріемной князевой для обычнаго поздрав-
ленія. Старецъ сошелъ съ верха, и всѣ принялись поздравлять его.
Старецъ бодрѣе на видъ, и не было у него сильнаго спирания духа.
Муравьева подскочила было вести князя, но сестра его вдругъ подошла
къ нему, перебила руки и сказала Муравьевой: позвольте сестрѣ похо-
дить за братомъ. Муравьева, встревоженная, разкраснѣвшаяся броси-
лась въ кресло, и замѣтно было, что ей это очень неприятно. Нынѣш-
ній разъ князь очень мало занимался мною и женою, хотя послѣдняя
у него очень рѣдкая гостыя. Но за то вниманіе его направлено было
на княгиню Мещерскую и ея мужа. Спустя нѣкоторое время князь
сказалъ вслухъ: я получилъ отъ Императрицы письмо, въ которомъ
упоминается вы, княгиня, то, сестрица, прочтите княгинѣ письмо Импе-
ратрицы. Но Кологривая медлила, и онъ вновь повторилъ свое желаніе.
Въ слѣдствіе сего Кологр. взяла письмо и повела Мещерскую въ дру-
гую комнату. Тамъ и продолжалось это чтеніе. Императрица по своей
милости, продолжалъ князь, хотѣла знать, какъ я провожу свой день.
чтобы слѣдить, такъ сказать, за мною своею благоволиительною мыслию,
и вотъ я ей и описалъ мое дневное времяпрепровожденіе съ важными
подробностями, на примѣръ даже и то написалъ, кто мнѣ что читаетъ.
Это послѣднее обстоятельство сказалъ князь съ значительностію. Я
писалъ къ Государынѣ о княгинѣ Мещерской, и вотъ она изволилъ
упомянуть и о ней. Мещерская была въ полномъ торжествѣ, которое
отражалось безъ сомнѣнія и на мужѣ ея. Такъ вотъ, подумалъ я, при-
чина этихъ ежедневныхъ, систематическихъ посѣщеній князя супру-

*) См. вторую книгу „Русскаго Архива“ сего года (выпускъ 8-й).

жескою четою Мещерскихъ. На дняхъ погода была довольно дурна: кн. Мещерскій, явился къ князю и говоритъ при мнѣ: жена моя препоручила мнѣ доложить ваш. сіят. о своемъ сожалѣніи, что она въ эти два дня не являлась къ вамъ: дни были ненастные, а она не такъ здорова. Мнѣ кажется, что теперь насталъ апопееозъ для этой четы: она со всѣми въ ладу; даже Козловскій начинаетъ дарить ихъ. Козловскій однажды прислалъ къ нимъ свиную голову, а потомъ подарилъ живою, дикою и при томъ ценною козою, которую, по слухамъ, Мещерскій держитъ въ своемъ кабинетѣ. Стали мало по малу расходиться; Козловскаго однакожъ и въ началѣ этого собранія не было. Князь объявилъ, что онъ нездоровъ, что принималъ вчера вонючее масло изъ трески, его всю ночь отъ того рвало. Вотъ и мы вышли съ женою и какъ карета наша была не готова, то мы дожидались ея на крыльцѣ. Видимъ, идетъ Козловскій; лицо точно у него было какъ-то измято: размѣнявшись поздравленіемъ. онъ вдругъ обращается къ намъ и начинаетъ дурно говорить о Муравьевой и даже угрожать ей. Какая она негодная женщина, погоди. я ей покажу себя и пр. Мы не могли надивиться съ женою этому безстыдному хватизму и всегдашней злобѣ этого человѣка. Приѣхавъ домой, я зашелъ поздравить съ новымъ годомъ Вѣру Алексѣевну, въ то время отправлялась ея племянница къ Арсеньевымъ; ей, бѣдненькой, здѣсь очень скучно; она ищетъ развлеченія. Потомъ я прошелъ въ Розовой Павильонъ, чтобы поздравить и Анну Александр. Дмитр. Иван. выбѣжалъ ко мнѣ на встрѣчу и повелъ въ свои комнаты. Онъ имѣлъ встревоженное лицо и не очень вѣжливо напоминалъ мнѣ о табакѣ, который я просто ему дарю; вообще онъ меня принялъ не замысловато. Удивляясь, что Анна Александр. заставляетъ меня ждать, онъ сказалъ мнѣ, что она пишетъ письмо, которое слѣдуетъ отправить съ племянницею Муравьевой; о ней я зналъ, что та уже уѣхала.

Наконецъ Анна Александр. принимаетъ: сперва что-то сухо со мною обходится, потомъ начинаетъ откровеннѣе разговаривать со мною: смѣется тому, что Елис. Михайл. предложила ей чрезъ Дм. Ив. прислать меду, котораго у нея, какъ она выразилась, въ излишествѣ. Этотъ вызовъ ничто иное означаетъ въ настоящихъ обстоятельствахъ. какъ непостижимую иронию. Турчанинова рассказывала мнѣ, что къ ней приходила Муравьева, которая, по совѣту и по подстрѣжанію кн. Мещерской, вздумала увѣщевать дѣвицу Мауреръ, что ей несовмѣстно преслѣдовать все то, чтѣ говорится князю, и въ слѣдствіе этого извѣщанія Муравьева достигнула лишь того, что Мауреръ стала садиться теперь подалѣе, и только.

Обѣдъ мой для новаго года былъ очень хорошъ; я послалъ сладинькаго пирожка со своего стола Аннѣ Александровнѣ. Послѣ обѣда посѣтилъ меня мой духовный отецъ, котораго теперь желаніе устремлено оставить Крымъ; я далъ ему совѣтъ, чтобъ онъ просился въ Москву. Пріѣхалъ и Ялтскій почтъ-мейстеръ поздравить меня съ новымъ годомъ; это человѣкъ кроткій и мирный: я подарилъ ему книжку о винодѣліи Кеппена. Пришла Ольга Карловна тоже поздравить насъ съ новымъ годомъ. Наконецъ, является и Шмидтъ съ тѣмъ же побужденіемъ. Лекаръ Шмидтъ въ полномъ развитіи полного и удовольственнаго чувства; въ шейномъ платкѣ его блистаетъ большой брилліантовый перстень, подаренный ему княземъ въ новый годъ; вмѣстѣ съ этимъ отправлены и его бумаги въ Петербургъ о принятіи его въ настоящую службу и зачисленіи прежнихъ лѣтъ проведенныхъ имъ на Южномъ берегу. Я порадовался сему событію. опечалило лишь меня то, что это дѣло ведено чрезъ кн. Козловскаго въ слѣдствіе воли его сіятельства; слѣдовательно, правду сказалъ гр. Солтыковъ, *que je suis un grand zégo**). Козловскому подарена золотая табакерка отъ князя. Возвращается Варинька и рассказываетъ разныя исторіи про Муравьеву и между прочимъ, будто бы Муравьева подкралась къ столу, гдѣ лежало письмо Императрицы и прочитала его; Кологривая бросилась за нею, какъ коршунъ и проч. Вообще, наша Варв. Петровна очень гнѣвна на Муравьеву и готова взвести на нее разныя неблаговидныя вещи. Наконецъ, съ утружденными и отчасти взволнованными чувствами. легъ я спать въ надѣяніи на Господа и Его милость.

*

2-го Января.

Я не успѣлъ еще выкурить трубку табаку, какъ князь прислалъ за мною дрожки. Я подѣхалъ прямо къ церкви и выстоялъ обѣдню. Такой несносной разноголосицы въ пѣніи я не встрѣчалъ во всю жизнь. какую довелось мнѣ выслушать нынѣшній разъ. И Дмитр. Иван. пришелъ въ церковь: я встрѣтилъ его на дорогѣ и подвезъ вмѣстѣ съ собою.

Отъ обѣдни пришли мы къ князю: я остался для чтенія, которое его начинаетъ интересовать. Завязался разговоръ между братомъ и сестрою. Кологр. отпустила унтеръ-офицера съ женою и препоручила эту должность садовнику. Князь говоритъ, что въ хорошемъ хозяйствѣ, какъ въ устроенной мануфактурѣ, непременно надлежитъ замѣщать интервалы. Разговоръ продолжался въ этомъ тонѣ и довольно

*) Что я полный ноль.

мирно, какъ вдругъ Кологривой вздумалось сказать брату, чтобы онъ не беспокоился ни о чѣмъ, что все будетъ исправно и чтобы не *слушаль того*, что ему говорить и проч. Это слово такъ встревожило князя, что у него сей часъ же сдѣлалось спирание или стѣсненіе въ груди. Онъ заставилъ дѣвицу Мауреръ себя водить и немало страдалъ. Ты меня подозрѣваешь, говорилъ онъ Кологривой, что я все будто кого-то слушаю: я никогда не любилъ наушниковъ. Обратившись ко мнѣ, онъ сказалъ, что онъ въ Петербургѣ никогда столько не сердился, какъ живя здѣсь. Знаю, что сестрица любитъ меня, а безпрестанно сердить. Такимъ образомъ, эта женщина лишаетъ спокойствія добраго старика и коротаетъ его жизнь. Когда князь вышелъ изъ комнаты и пріѣхалъ архитекторъ Эшельманъ, то Кологривая сказала, что она знаетъ какъ поносить ее въ Ялтѣ, что будто-бы она не такъ обходится съ братомъ, какъ бы слѣдовало. На это Эшельманъ замѣтилъ, что есть одинъ только человѣкъ, который можетъ распускать сіи слухи и этотъ человѣкъ теперь отправился въ Ялту (онъ разумѣлъ о Козловскомъ). Волѣзненное смятеніе, нанесенное князю, такъ было велико, что даже и чтеніе не помогало. Помолчавъ немного, Кологривая обратилась вдругъ съ рѣчью къ намъ и начала поносить Муравьеву. Это попрошайка, которая только одно и дѣлаетъ, что всего просить у князя; поэтому-то она и не любитъ, чтобы былъ кто нибудь посторонній при моемъ братѣ: еслибы разговоры ея были благонамѣренны, тогда бъ она не опасалась говорить ихъ громко и при постороннихъ людяхъ. Скоро приходитъ потомъ къ намъ и сама Муравьева: говорить, что погода прелестна и что хорошо бы было, еслибъ князь поѣхалъ прогуляться. Князь колеблется и не хочетъ прежде рѣшиться, пока не спроситъ своего камердинера Семена. Муравьева принялась доказывать старику, что можно въ этомъ случаѣ и ей повѣрить. Завязался новый споръ. Старецъ почти съ неудовольствіемъ далъ ей замѣтить, что камердинеръ лучше знаетъ, что для его тѣла пригоднѣе. Послали за Семеномъ, его нѣтъ дома: послали вновь поискать его въ комнатѣ ему принадлежащей, и тамъ не нашли. Князь потребовалъ совѣта отъ буфетчика своего Федора, который вымолвилъ свое согласіе; старецъ началъ собираться въ дорогу, и мы вмѣстѣ съ нимъ выѣхали. Такимъ образомъ князь больной проводилъ меня до моего дома. Пріѣхавши домой, узнаю отъ Вариньки, которая ходила къ Аннѣ Александр., что она, оставляя ее, взошла въ дѣвичью Поповыхъ надѣтъ свои калоши: вдругъ видитъ столъ накрытый скатертью, на немъ стоятъ разныя закуски, бутылка вина и проч., а за столомъ сидитъ этотъ неокказавшійся Семенъ и курить спокойно сигару. Семенъ былъ и вчера у той же Катерины, дѣвки, родъ экономки у Поповыхъ, но только вмѣстѣ съ

прочую своею братьею, но не въ дѣвичей, а въ кухнѣ, отдѣленной дворомъ. Теперь онъ снова и ближе къ господскимъ покоямъ, ближе къ Катеринѣ, появился для особеннаго угощенія, и это праздничное соло въ слугъ привело меня въ недоумѣніе на счетъ и Анны Алекс. и самаго Попова. Не могъ я надивиться и надуматься досыта о подобномъ, вовсе неожиданномъ, явленіи.

*

3-го Января 1844.

Какъ всталъ, одѣлся, такъ и долженъ былъ отправиться въ Ко-рейскую церковь, гдѣ заказана была у насъ заупокойная обѣдня по умершемъ въ этотъ самый день прошлаго года, братъ жены моей, Павлъ Степановичъ Микулинъ. Отецъ-протоіерей очень хорошо исполнилъ свое дѣло, и намъ удобно было помолиться; служба совершалась чинно, церковь была уединена. Только что успѣли мы выйти изъ церкви, какъ самъ князь за мною заѣхалъ; но я немножко поусталъ въ церкви и потому просилъ его сіятельство, чтобы позволилъ мнѣ немножко отдохнуть дома. Камердинеръ Семенъ въ присутствіи князя настаивалъ, чтобы я тутъ же съ нимъ отправился; у насъ, сударь, отдохнете и отогрѣетесь. По всему видно, что ему хотѣлось поотстать, чтò было бы и естественно, если бы я сѣлъ съ княземъ; не подалеку отъ этого мѣста, гдѣ остановились дрожки князевы, живетъ вдова Клоцъ и къ дочери ея Юліи ежедневно отправляется нашъ Семенъ, для пріятнаго препровожденія времени. Мое чтеніе Путешествія въ Испанію чрезвычайно какъ заинтересовало старца; онъ былъ имъ очень доволенъ и всѣмъ рекомендовалъ, пришедшему туда-же кн. Мещерскому и Вѣрѣ Алексѣевн. Муравьевой, которая явилась къ обѣду. Достойно примѣчанія, что онъ, какъ бы нарочно, велитъ читать книгу, не желая заниматься разговорами съ Муравьевою. Мнѣ кажется, что она начинаетъ ему наскучивать, и онъ чрезъ чтеніе хочетъ избавиться болтовни. За обѣдомъ я оборвался въ словѣ и, припомня, какъ Русскій, простой людъ ломаетъ иностранныя слова, сказалъ; знаете ли, какъ наши слуги коверкаютъ имена вашей Гаспры и мамзель Мауреръ? Пойдемъ до Мавры, которая живетъ въ распрѣ. Козловскій и Муравьевъ засмѣялись, а Кологривая сдѣлала ужимку. За столомъ заговорили о г-жѣ Гартвисъ. Кологривая съ Козловскимъ язвительно отзывались объ этой женщинѣ: увлекали и старца, но я поудержалъ Муравьеву и напомнилъ ей, что братъ г-жи Гартвисъ, начальникъ артиллерійскаго училища, былъ для сына ея вѣрнымъ и добрымъ пестуномъ, благоволительнымъ начальникомъ... Странно, что Кологривая скоблила бѣдную женщину тогда, когда дары ея стояли на томъ столѣ, у котораго мы обѣдали. Гартвисъ вчера только прислала имъ винограду и конфетовъ; надъ послѣдними

смѣялись. О люди! О эгоизмъ! О отсутствіе энергіи въ характерѣ! Послѣ обѣда завязался разговоръ у князя съ Муравьевой о философіи. Первый судилъ, хотя справедливо, но односторонне; другая оспори-вала, не вполне понимая. Князь, не любя противорѣчій, немножко уже начиналъ и волноваться. Я воспользовался этимъ временемъ и ушелъ домой. Какъ нынѣ не любить князь прекословіи, то это можно усмотрѣть изъ вчерашняго разговора, въ которомъ онъ мнѣ объявилъ, что всякое запинаніе на сдѣланный имъ вопросъ производить уже въ немъ родъ спиранія въ груди. Даже ему дѣлается дурно и тогда, когда не-скоро отвѣчаютъ на его вопрошеніе, или не отвѣчаютъ опредѣлительно. Въ домѣ ожидалъ меня большой конвертъ, въ которомъ заключалось семь для меня писемъ: 1) изъ С.-П.-бурга, отъ бывшаго цензора Би-рюкова; этотъ проситъ объ одномъ дѣлѣ, чтобы я напомнилъ князю. 2) изъ Симферополя, отъ Жегочева съ поздравленіемъ, 3) отъ туда-же и о томъ же, отъ губернскаго почтъ-мейстера, 4) изъ Бериславля отъ почтмейстера, 5) изъ Эвпаторіи, отъ раввина Фирковича, 6) изъ Сим-ферополя, очень милое письмо отъ старца Мюльгаузена, гдѣ онъ меня поздравляетъ и забавнымъ образомъ высказываетъ свое мнѣніе о болѣзни князевой, 7) письмо также изъ Симферополя, отъ Толсто-лѣса, того чиновника губернаторской канцеляріи, съ которымъ я такъ случайно познакомился и который даже бывалъ у меня въ Корейскъ. Вмѣстѣ съ этимъ, я получилъ и вторую посылку изъ Петербурга, отъ книгопродавца Исакова; въ ней содержались 4 новые томы Всеобщей Біографіи, начиная съ 71 до 74 включительно: эти томы суть допол-неніе къ Біографіи Мишо. Еще получилъ два послѣдніе тома: *Lettres édifiantes et curieuses*. Вечеромъ посѣтилъ меня Дмитр. Иванов. и долго просидѣлъ у меня: мы очень много и пріятно съ нимъ бесѣдо-вали. Все еще я утѣшаюсь его здравымъ умомъ и свѣтлымъ сердцемъ. Не безпокоенъ онъ былъ, когда я сказалъ ему, что мнѣ извѣстно, какъ его ключница Катерина угощала камердинера князева Семена: онъ однако сослался на праздники, а я не хотѣлъ продолжать далѣе разговора.....

*

4-го Генваря 1844.

Со вчерашнею почтою я получилъ два письма и на имя Вѣры Алексѣевны, я къ ней ихъ отправилъ сегодня поутру; она приказываетъ мнѣ съ человѣкомъ сказать, что она довольно поздно вечеромъ оставила князя и что онъ страдалъ отъ тоски и отъ занимаія духа. Я послалъ моего Ивана провѣдать о его здоровьи отъ самой сестры его. Возвратившійся слуга объявилъ мнѣ, что онъ былъ лично у Кологривой и что та объявила ему, что князь какъ нельзя хуже спалъ

ночь свою и страдалъ отъ обыкновенныхъ своихъ припадковъ. Иванъ нашелъ всѣхъ людей въ какомъ-то смущеніи, да и самая Кологривая что-то очень туманна. Эти извѣстія меня поразили, я очень обезпокоился, какъ вдругъ камердинеръ князевъ Семень является ко мнѣ въ комнату и сказываетъ мнѣ, что самъ князь подѣхалъ къ моему дому и спрашиваетъ о моемъ здоровьѣ, потому что онъ вчера слышалъ лично отъ меня, какъ у меня болѣлъ бокъ. Такой неожиданности я и удивился и обрадовался. Семень сказалъ мнѣ, что онъ и спалъ довольно хорошо. Княгиня Мещерская со всѣмъ домомъ своимъ, то есть, съ воспитанницами, посѣтила меня. Чѣмъ болѣе я разглядываю эту женщину, тѣмъ болѣе усматриваю въ ней эту мозговую политику, эту остуду, которая есть обычный удѣлъ дюжинной аристократіи; видно, что она безсердая, но теперь ей выгодно искать въ князѣ и ея сестрѣ. Она отъ меня прошла къ Муравьевой, надъ которою изъ подтишка посмѣивается; но какъ видна система ея ладить со всѣми на-перекоръ истины и достоинства!

Сего-дня обѣдалъ у меня Дмитр. Иванов. Мы пробовали съ нимъ вина, присланныя для образца директоромъ Никитск. сада Гартвисомъ. Сильванеръ крѣпкое вино на подобіе Tenerifского, изрядное по 2 руб. ведро; Рислингъ, родъ Францвейна, очень хорошее по 2 ф. 30 коп. серебр.; но что всего лучше намъ показалось, то это было вино Muscat sec, сухой Мушкатъ, вино ароматическое и пріятное; всѣ эти вина, какъ мнѣ помнится, 840-го года, и послѣднему цѣна 3 ф. серебр. Дмитр. Иван. захотѣлъ тотъ-же часъ купить этаго вина. Онъ таки посидѣлъ у меня довольно послѣ обѣда и все курилъ мой Крымскій табакъ, который я ни на какой въ свѣтъ не промѣняю, не смотря на то, что онъ родится на Татарскихъ плантаціяхъ въ Юрзуфѣ; цѣна ему 30 руб. ассигн. за пудъ, да изкрошить рубль серебр. съ пуда.—Варв. Петровна рассказывала, что была личною свидѣтельницею негодованія Кологривой и Козловскаго противъ Вѣры Алексѣевны. Послѣдній даже нахаленъ въ своемъ обращеніи. Когда князь оставилъ столъ по нуждѣ, то оставшіеся не скрывали враждебныхъ чувствъ своихъ къ Муравьевой; ея самое не было за столомъ, слѣдовательно большое раздолье разбѣгиваться враждебному сердцу. Не говорю уже, какъ выражалъ свое мнѣніе Козловскій о всегдашнихъ слезахъ Вѣры Алексѣевны. Но Кологривая не постыдилась сказать за трапезою, при слугахъ, что у нея, т. е. у Муравьевой, изъ глазъ, не слезы катятся, а ур... стыжусь вымолвить..... Такое-то общество собралось возлѣ благодатнаго старца!..... Варв. Петр. привезла съ собою штуку дорогой метеріи, шерстяной съ шелкомъ (не знаю, какъ ее называютъ), которою подарилъ

ее князь, а Кологривая, отдавая ее Варв. Петр., при отъѣздѣ, благословила или оградила ее крестнымъ знаменемъ. Сумнительна мнѣ такая нѣжность Кологривой къ нашей Варв. Петровнѣ: но мое дѣло теперь молчать и выжидать....

Князь получилъ письмо отъ Государя, которое не было при нихъ читано.

*

5-го Генваря.

Я пѣшкомъ отправился въ князеву церковь, гдѣ выслушалъ обѣдню и водосвятіе. Послѣ службы всѣ собрались къ князю, который сошелъ къ намъ съ верха. Между прочими разговорами князь упомянулъ что-то о комеражахъ или сплетняхъ, изъ чего мнительность моя извлекла, что Варв. Петр. не пожаловалась ли на Муравьеву сестрѣ князевой, а та не пересказала-ли брату? Я очень былъ туманенъ и мраченъ и когда князь отправился кататься, то и мы ушли съ Дмитр. Иванов. по домамъ. Поповъ успѣлъ мнѣ всколѣзъ сказать, что навѣялась новая бѣда на бѣдную Анну Александр., что присланъ въ Ялту вексель на ея имя для взысканія и что вексель этотъ въ 5 тысячъ рублей. Вотъ и съ другой стороны повѣялъ на нее вѣтеръ непріязненности. Обѣдъ былъ постный; я мало ѣлъ, и ѣдкая досада въ продолженіе цѣлаго дня кипѣла въ груди моей; не разлилась ли во мнѣ желчь? Богъ, только знаетъ, что я передумалъ въ это время. Все мнѣ показывалось въ закоптѣлое стекло неудобствъ и препятствій, разумѣю о будущемъ. Одна только оживленная мысль представилась душѣ моей, что, какъ-бы то ни было, я могу прослужить и въ другомъ мѣстѣ, хотя напримѣръ у графа Киселева. Не произошло ли это отъ того, что Иван. Петр. въ своемъ письмѣ не даетъ мнѣ совѣта оставлять князя прежде глазной его операціи, а я предвижу, что, при настоящей его болѣзни, никакой операціи ему сдѣлать невозможно? Часъ отъ часу мои обстоятельства становятся запутаннѣе; и я разсѣявшись пересталъ съ нѣкотораго времени читать мои обыкновенныя благочестивыя чтенія.

*

6-го Генваря.

Я поздненько явился въ церковь: обѣдня была на отходѣ; народу было въ церкви очень много; день довольно ненастный и сырой, а потому Кологривая и распорядилась, чтобъ не было обыкновеннаго въ этотъ день освященія на Іорданѣ. Это многимъ не понравилось, а потому князь Мещерскій и увелъ священника въ Корейскъ, гдѣ и было обычное освященіе къ удовольствію народному. Я остался читать у князя, но наше чтеніе часто прерывалось: у старца дѣлалась обычная тоска, онъ худо и ночь спалъ; заставлялъ дѣвицу Мауреръ себя водить, вста-

валъ съ мѣста, пересаживался на другой стулъ, думая, хотя нѣсколько, утолить несносное страданіе; ноги его холодѣли. Мнѣ очень жаль было старца, и я старался развлекать его занимательнымъ и забавнымъ чтеніемъ, въ чемъ и успѣвалъ по временамъ, потому что когда болѣзнь хотя на малое время оставляла его, то онъ внималъ въ читаемое и шутилъ; Испанскія странности казались ему очень забавными. Въ тѣ интервалы, когда старецъ выходилъ изъ комнаты, Кологривая и Козловскій осуждали и злословили Муравьеву; Кологривая утверждала, что она съ племянницею только что не по колѣнкамъ князевымъ ходить, что братъ ея скучаетъ доуками Муравьевой; Козловскій же прибавилъ, что когда Муравьева вдругъ вымолвила, что будто-бы Эккартсгаузенъ не вѣрилъ во Христа, то старецъ поблѣднѣлъ отъ неудовольствія и проч. Наконецъ, пріѣзжаетъ и Вѣра Алексѣевна верхомъ на ослѣ, и старецъ съ маленьквою досадою ее принялъ по той причинѣ, что она немножко опоздала. Князь за столомъ сказалъ Шмидту: вотъ ты говорилъ мнѣ, что я хорошо ночь усну, а я какъ спалъ дурно! Потомъ вдругъ опять сказалъ Шмидту: видно у меня внутренности уже разстроиваются. Вовсе нѣтъ, отвѣчалъ Шмидтъ. Старецъ былъ внимателенъ ко всѣмъ намъ. Послѣ обѣда я долго не сидѣлъ; было очень темно даже до обѣда, и я съ трудомъ могъ разбирать малую печать книги. Поднялся вѣтеръ, пошелъ мокрый снѣгъ, и я благополучно добрался до своей желѣзной печки; меня подвезли на дрожкахъ почти къ самому дому. По утру я разбиралъ письма Латкина и Егорова. Первый все толкуетъ о соединеніи Оби съ Печерою, тогда-бы хлынули всѣ продукты изъ Сибири въ Европу и обратно, колоніальныя товары размѣщались бы свободно на рынкахъ Сибирскихъ. Сибирь, по словамъ Латкина, разъединена отъ Европы, и теперь она наканунѣ ущербовъ еще важнѣйшихъ; что возникшая недавно и усилившаяся коммерція Англичанъ почти въ предѣлахъ Китая ослабитъ, если не уничтожитъ, довольно вялую Кяхтинскую торговлю нашу, а потому проэктъ соединенія двухъ наиважнѣйшихъ рѣкъ Сибирскихъ попалъ къ стати, чтобы указать правительству всю важность сего предначертанія. Совѣтуютъ Латкину представить проэктъ сей графу Клейнмихелю, Латкинъ былъ у графа Киселева и доволенъ его пріемомъ; онъ, по рассказамъ Латкина, ожидаетъ донесенія по нашему дѣлу, которое не шибко двигается изъ спеціального комитета, въ который думаютъ пригласить самаго Латкина для совѣщанія. Егоровъ пишетъ, что до операціи не должно оставлять князя, иначе получу коллегіальную отставку. Все это не очень меня радовало.

*

7-го Генваря.

Къ обѣду пришелъ протоіерей Накропинъ, онъ у меня и обѣдалъ. Разговоръ катился о повѣсившейся жевщинѣ изъ Мисхора, ближайшаго нашего сосѣдства. Женщина эта была въ совершенныхъ лѣтахъ, любила и была любима своимъ мужемъ; состоянія зажиточнаго; хозяинъ ея былъ старостою въ Мисхорѣ; они имѣли даже и капиталець. Вотъ женщина вдругъ затуманилась, это продолжалось до вечера; накрывъ столъ для ужина, она ушла не надолго. Но какъ она не приходила, то мужъ со дворовыми людьми пошелъ искать ее и увидѣлъ, что она виситъ на суку высокаго дерева, на который неизвѣстно какъ она взлѣзла. Мужъ очень о ней сокрушается, и къ нему приставлены двое людей, чтобы и онъ съ отчаянія чего нибудь не сдѣлалъ надъ собою. Отецъ-протоіерей по сему случаю разсказалъ мнѣ анекдотъ, слышанный имъ отъ преосвященнго Венедикта. У одного сельскаго священника былъ дьяконъ-пьяница, и вотъ однажды этотъ дьяконъ ночью приближается къ священнику и крѣпко стучится въ ворота. Священникъ выпустилъ полупьянаго и встревоженнаго дьякона, который сказалъ ему, что, возвращаясь изъ питейнаго дома, онъ встрѣтилъ одного старика изъ знакомыхъ ему сосѣдей, которому было лѣтъ 60 и который очень пилъ; онъ встрѣтилъ его идущимъ, а по обѣимъ сторонамъ ведутъ его нагіе люди, которые сказали дьякону, что чрезъ недѣлю они и за нимъ придутъ. Дьяконъ испугался и приближалъ извѣстить о томъ своего священника. Попъ отпустилъ его съ увѣщаніемъ и съ мыслию, что мало-ли что можетъ пригрезиться пьяницѣ. Чрезъ нѣсколько времени опять стучатся у священника, и это уже не дьяконъ былъ, а сынъ того старика, о которомъ дьяконъ говорилъ. Сынъ сказалъ священнику, что сей часъ только нашли отца его удавившимся, и онъ торговался со священникомъ, чтобы тотъ его похоронилъ. На дьякона сдѣлало это происшествіе глубокое вліяніе, и онъ, было, пересталъ и пить, но какъ-то случайно къ концу недѣли оборвался, вновь напился, и въ назначенный имъ срокъ нашли его мертваго на улицѣ. Вотъ что поразсказалъ мнѣ отецъ мой духовный.

Заѣхалъ ко мнѣ послѣ обѣда и лекаръ Зеленкевичъ, который ѣздилъ потрошить эту бѣдную женщину. Каково было брать его за руку! Онъ однакожь увѣряетъ, что хорошо обмылъ руки свои. Зеленкевичъ привезъ мнѣ Крымскаго табаку. Вечеромъ прислала ко мнѣ записочку Вѣра Алексѣевна, чтобы я побывалъ у ней. Я пошелъ въ ея хижину и тамъ съ удовольствіемъ напился у нея чаю съ лимономъ. Много мы съ нею потолковали, особенно объ орудіяхъ общаго нашего

преслѣдованія; Вѣра Алексѣевна рассказывала мнѣ, какъ Козловскій явно уже показываетъ ей свое негодованіе и грубости. На этотъ разъ. я былъ немножко поосторожнѣе. и она часто мнѣ напоминала. что я предъ нею застегнувшись. Въ то время какъ я былъ, человѣкъ Козловскаго пришелъ къ ея поваренку, не бывши вовсе съ нимъ знакомымъ; это обезпокоило Вѣру Алексѣевну, и она не прежде успокоилась, какъ тотъ ушелъ. Въ этотъ вечеръ и Марья Владимировна побесѣдовала съ нами поболѣе; мнѣ кажется, что это засыхающая дѣвушка отъ томной и односторонней жизни, которую ведетъ у такъ называемой тетки. Я далъ Машѣ почитать Жакъ, романъ г-жи Дюдеванъ, хорошо изложенный. Только что я пришелъ домой, какъ нашелъ мою Варвару Петровну очень грустною, и при первыхъ моихъ словахъ, она крѣпко заплакала, будто только и разговору съ Муравьевою, что объ ней. Я постарался успокоить встревоженное ея сердце досадою и опасеніемъ.

*

8-го Генваря.

День мой начался тѣмъ, что мнѣ принесли посылку съ почты, состоящую въ письмѣхъ отъ Одесскаго почтмейстера и въ трехъ Одесскихъ календаряхъ, двухъ для меня, подарокъ почтмейстера и Косиковскаго и одинъ отъ почтмейстера, для князя. Я счелъ за нужное покуртизанивать сосѣдкѣ и отправилъ одинъ календарь въ особомъ пакетѣ и съ надписью; чрезъ нѣсколько времени получаю на цвѣтной бумажкѣ нѣсколько обязательныхъ словъ отъ ея племянницы; не думаю оставаться въ долгу, беру розовую бумажку и пишу къ племянницѣ полумадригальнымъ слогомъ; опять на эту записку мою получаю умный отвѣтъ, отъ племянницы и на бумажкѣ уже украшенной рисуночкомъ разписанномъ красками. Не желая отставать въ любезностяхъ, я вновь отвѣтствовалъ ей записочкою, но на этотъ разъ выбралъ самый миньютюрный форматъ бумаги голубаго цвѣта, обведенный бахрамою въ родѣ узора, и написалъ ей нѣсколько остротъ по моему мнѣнію исполненныхъ аттической соли. На эту записку отвѣта не было, но въ продолженіе дня вниманіе мое преслѣдовало умную племянницу. За обѣдомъ понравился мнѣ пуддингъ, и я поспѣшилъ къ ней отправить; за чаемъ подали мнѣ свѣжихъ и вкусныхъ сухарей и кренделей, только что испеченныхъ, и вотъ человѣкъ опять полетѣлъ съ вкусною ношею къ умной молодой сосѣдкѣ. На этотъ разъ сосѣдка и меня отплатила за приношенія: она прислала мнѣ половину бріошу также свѣжей и только что испеченной. Впрочемъ, всѣ эти продѣлки невинны и разсѣяли лишь меня, пріятнымъ образомъ, въ моемъ уединеніи. Вмѣстѣ съ календарями я получилъ неожиданную бумагу отъ здѣшняго губернатора. Дѣло состоитъ въ томъ, что жена Шмидтова подала своему

консулу, то есть, Саксонскому, проживающему въ Одессу, просьбу, въ которой просить, чтобы онъ указалъ ей инстанцію, куда отнести съ требованіемъ о разводѣ ея съ мужемъ. болѣе десятка лѣтъ ея оставившимъ. Консулъ препроводилъ эту бумагу къ исправляющему должность военнаго генераль-губернатора Одесскаго, Ѳедорову, а тотъ предписалъ о томъ нашему губернатору, который, не знаю по чему, избралъ меня посредникомъ сего дѣла. Губернаторъ по этому предмету соблюлъ все вниманіе къ особѣ князя; онъ мнѣ писалъ, что онъ не счелъ за нужное общимъ полицейскимъ порядкомъ дѣйствовать, но что предоставляетъ на мое усмотрѣніе отобрать отъ Шмидта показаніе, но съ тѣмъ, чтобы это не разстроило его и не повредило или, какъ выражено въ бумагѣ, не разсѣяло его въ должномъ вниманіи къ пользованію князя; и если вы замѣтите, пишетъ губернаторъ, что это разсѣетъ врача, то лучше пріостановитесь до болѣе удобнаго времени отобрать отъ лекаря Шмидта требуемый законный отзывъ. Посовѣтуясь съ женою, я послалъ за Шмидтомъ и тутъ же объявилъ ему волю начальства. Онъ встревожился, но благодарилъ правительство за деликатность производства и обѣщался доставить мнѣ отвѣтъ. Здѣсь мы имѣли случай вновь потолковать о болѣзни княжевой; онъ подтвердилъ мнѣ вчерашнія слова кн. Мещерскаго, прибавя, что когда князь началъ снова плевать мокротою и кровью, то тоска его уменьшилась, и онъ началъ спать по ночамъ. Это бы можно было вылечить, сказалъ онъ мнѣ. Тоска дѣлается у князя, когда бугорки нарывають, это производитъ въ немъ тоску и лихорадку, а когда они назрѣвши прорываются, то онъ съ удовольствіемъ даже отхаркиваетъ мокроту, и ему становится легче. Князь провелъ вчерашній и сегодняшній день хорошо; это видѣлъ я по бюллетенямъ ко мнѣ доставленнымъ. Кромѣ всего этого, я писалъ еще письма къ разнымъ особамъ: 1) къ Мѣдянику, Бериславскому почтъ-мейстеру, 2) къ губернскому Симферопольскому почтъ-мейстеру, оба письма были отвѣтами на ихъ поздравленія. 3) Письмо писалъ къ Англичанкѣ Саррѣ Биллеръ и послалъ ей требуемыя книжки о молитвѣ.

*

9-го Генваря.

Изъ разговора вчерашняго Варв. Петр. я упустилъ написать нѣкоторыя особенныя обстоятельства. О присылкѣ векселя въ Ялту и о взысканіи съ Анны Александр. денегъ, стало быть, извѣстно и въ домѣ князя. Козловскій предложилъ князю о нѣкоторыхъ облегченныхъ средствахъ въ пользу ея; можно пріостановить на время взысканіе, сказалъ онъ князю, чтобы дать ей сколько-нибудь справиться; посредство вашего имени ей много бы пособило и пр. Князь отвѣтствовалъ

Козловскому, пусть дѣло идетъ своимъ чередомъ и что онъ не хочетъ нисколько тутъ вмѣшиваться; пусть дѣлаютъ какъ знаютъ, что мнѣ до этого! Между тѣмъ, тотъ же князь при всякой оказіи спрашивается о здоровьи Анны Александровны и въ ея утѣшеніе всегда говорить, что если ему хотя немножко будетъ полегче, то онъ непременно поѣдетъ къ ней, чтобы увидѣться. Мнѣ сдается, что сдѣланный имъ кому-нибудь визитъ высоко оцѣняется въ его внутреннемъ сознаніи. Кромѣ того, здѣшніе Татары. немножко поторговывали на мѣстѣ ихъ жилищъ: кое-гдѣ подѣланы были лавочки: булки, крендели, баранина, яблоки и прочія мелочи, всѣмъ этимъ перебивали Татары къ явному удобству значительнаго класса проживающихъ здѣсь Русскихъ работниковъ или дворовыхъ людей по экономіямъ. Мясникъ Ялтскій, видно, подкупилъ земскую полицію, и она сжала эту невинную и напротивъ весьма благодѣтельную производительность въ селеніяхъ; теперь гдѣ взять бѣднымъ работникамъ и бѣднымъ дворовымъ семействамъ баранинки, дабы разговѣться на праздникъ? Неужели для грошевыхъ покупокъ отправляться нарочно въ Ялту, что взадъ и впередъ составить двадцать пять верстъ отсюда, а это и сдѣлано для того, чтобы все покупалось у Ялтскихъ торговцевъ. Когда князь Мещерскій отправлялся въ Симферополь, я счелъ за нужное поговорить о томъ съ Мещерскимъ, да и слухъ былъ, что и самые Татары хотѣли идти къ нему жаловаться. Князь Мещерскій очень добрый человѣкъ и охотникъ заступаться за бѣдныхъ людей; онъ сей часъ же мнѣ отозвался, что будетъ говорить о томъ въ Ялтѣ и даже не преминетъ извѣстить о томъ и самого Симферопольскаго губернатора. Если бъ графъ Воронцовъ здѣсь былъ, сказалъ мнѣ Мещерскій, то объ этомъ не посмѣли бы и подумать, не только сдѣлать. Видно, что Мещерскій говорилъ объ этомъ въ Ялтѣ, потому что Козловскій пересказывалъ князю объ этихъ слухахъ, говоря, что вашимъ именемъ усовѣщивали и стращали земскую полицію, чтобы она не смѣла впредъ того дѣлать и сняла бы запрещеніе столь невыгодное для обывателя. Князь, вотъ какъ отозвался Козловскому: непременно объявите въ Ялтѣ, что для меня все равно, какъ мѣстная полиція ни распоряжается и что напрасно вмѣшивать тутъ мое имя. Этотъ отзывъ показываетъ, что у князя обильныя средства доставать себѣ все нужное, есть деньги, есть Козловскіе, которыхъ посылать можно, есть мажары и послушные волы; но есть ли средства у другихъ, то это другое дѣло! Теперь перейдемъ къ сегодняшнему дню. У насъ хотя и была обѣдня, но я не былъ въ церкви, по причинѣ лѣности, сырости и мокроты. Въ каретѣ доѣхалъ я покойно до старца и какъ-то проговорился, что была у насъ обѣдня. А какъ же, возразилъ онъ, я хотѣлъ чтобъ вашъ священникъ у меня

въ церкви служилъ и нарочно для этого къ нему посылалъ, а мнѣ сказали, что онъ уѣхалъ въ Симферополь. Мой священникъ занемогъ и мнѣ непременно хотѣлось, чтобы вашъ непременно служилъ у меня. Охъ! Какъ это мнѣ противно, что меня обманываютъ; я не могу въ теперешнемъ моемъ положеніи терпѣть лжи. Лежавшая свернувшись на диванчикѣ Кологривая тотъ же часъ возразила: вѣрно нашъ дьячекъ, котораго мы посылали, былъ пьянъ и пр. И когда старецъ вышелъ изъ комнаты, Кологривая приторнымъ голосомъ начала мнѣ жаловаться: Вы, правду, Юр. Никит., говорили, что братъ мой проходить духовное очищеніе; повѣрьте, что болѣзня и душевныя силы его поражаетъ, какъ тѣлесныя; онъ нынѣ никому не довѣряетъ, всѣхъ началъ подозрѣвать и пр. Я предложилъ князю присланный къ нему Одесскій календарь, какъ излишній, подарить Попову; у васъ есть одинъ, сказалъ я ему, и тутъ Кологр. пустила какъ бы ропотъ. Вѣдь у тебя, братецъ, одинъ только Одесскій календарь, а не то что ихъ нѣсколько. Когда у меня одинъ календарь, сказалъ братъ, такъ зачѣмъ же мнѣ имѣть другой? А потому, пожалуй подари Попову. Старецъ иногда ходилъ по комнатѣ, его водила дѣвица Мауреръ. Видно было, что въ немъ какая-то болѣзненность; но онъ не такъ много нынѣ жаловался. Когда водили его, онъ тутъ и приказывалъ читать и оказывалъ охотное вниманіе къ читаемому; но трудно было читать, во первыхъ темно отъ мрачной погоды и не ловко, особенно когда онъ ходилъ. Князь самъ меня торопилъ, чтобъ я ѣхалъ, дабы не опоздала Муравьева къ обѣду, и я охотно влѣзъ въ уютную карету и благополучно допелся до моей мирной хаты. Здѣсь ожидалъ меня пріѣхавшій изъ Ялты мой Иванъ и привезшій мнѣ толстый пакетъ, въ которомъ заключалось множество писемъ. 1) Изъ Симферополя отъ Жегочева. 2) Оттуда же, отъ Якова Шишмана, это отъ прикащика Іезекилева. 3) Отъ Симферопольскаго губернскаго почтмейстера. 4) Изъ Херсона, отъ тамошняго протоіерея Перепелицына. 5) Изъ Петербурга, отъ вдовы Дружининой. 6) Изъ Петербурга же, отъ протоіерея нашей Почтамтской церкви Іерофеева. 7) Изъ Костромы, отъ бывшаго моего духовнаго отца, священника Малиновскаго. 8) Изъ Новочеркасска, отъ тамошняго губернскаго почтмейстера Голубинскаго. 9) расписка въ уплатѣ долга прикащику Фекерману и 10) письмо отъ книгопродавца Гауера изъ Петербурга. Мнѣ некогда было прочитать всѣхъ этихъ писемъ, и я оставилъ разсмотрѣніе оныхъ до другаго удобнаго времени. Когда же человѣкъ мой сказалъ, что осталась на почтѣ посылка, которую онъ не могъ взять съ собою, то я весь день заботился и ожидалъ ея съ нетерпѣніемъ. Ялтскій почтмейстеръ сказалъ ему, что онъ не замедлитъ ее выслать при первой встрѣтившейся окка-

зи. Когда прогремить колокольчикъ, нетерпѣніе мое отъ того возростало. ибо я видѣлъ изъ письма книгопродавца Гауера, что въ числѣ высылаемыхъ книгъ находилась и та книга, которую я съ самой весны задумалъ имѣть: Эммануилъ, или Богъ съ нами. Я подготовлялъ и сегодня почту, сообразилъ и написалъ письмо къ книгопродавцу Исакову; написалъ второе и пространное письмо доброму моему Московскому знакомцу Петру Михайловичу Рудину и приложилъ къ письму книжку о молитвѣ въ благодарность за его календарь. Вечеромъ началась буря, которая въ скоромъ послѣдствіи обратилась въ яростный ураганъ: дождь, снѣгъ, градъ всего, кажется, было. Право, мнѣ казалось, что будто что-то въ домѣ дрожало. Изъ Симферополя прислали рыжичковъ, которыхъ мы всѣ вечеромъ нежножко попробовали.

*

10-го Генваря.

Въ числѣ писемъ, написанныхъ мною въ Субботу, я составилъ письмо къ брату моему Всеволоду Никитичу, въ которомъ и Катя участвовала; я старался, чтобы въ письмѣ моемъ изобразилась или, лучше сказать, отразилась та теплота, которая наполняла меня, когда я писалъ письмо, отправленное вчера съ послѣднею почтою. Жалѣю только, что долго письмо мое не дойдетъ до него.

Сегодняшній совершенно зимній вѣтеръ врывается порывами, то поидетъ градъ, то дождикъ, то туманъ. Я просилъ набрать мнѣ Крымскихъ градинъ, которыя были ослѣпительной бѣлизны; я долго держалъ на ладони, никакъ не таютъ; велѣлъ набрать цѣлый стаканъ; когда поѣхалъ къ князю (по Понедѣльникамъ я всегда ѣзжу), то счелъ за нужное надѣть на себя энотовую шубу, которую доселѣ ни разу не надѣвалъ въ Крыму. Возвращаясь отъ князя, я сказалъ кучеру: теперь судьба моя въ твоихъ рукахъ; мнѣ приходило на мысль, что бы вѣтеръ не уронилъ кареты и лошадей въ пропасть, такъ сильны были его порывы. Однако благополучно и еще засвѣтло возвратился домой. Когда поутру сидѣлъ я и грѣлся у своей желѣзной печки, принесли мнѣ такъ нетерпѣливо ожидаемую мною посылку съ книгами: Варинька сейчасъ же мнѣ ее расшила; тамъ были продолженія большаго сочиненія подъ названіемъ: Живописная Вселенная, но чему болѣе я обрадовался, то это двумъ присланнымъ книгамъ: 8 тому Отцовъ Церкви и гдѣ помѣщено было защищеніе христіанской религіи противъ Цельса. написанное знаменитымъ Оригеномъ, съ которымъ я давно желалъ познакомиться, и наконецъ та книга, о которой недѣвно упоминалъ: Эммануилъ или Богъ съ нами. Я сей часъ же принялся ее читать и не могъ тогда же не замѣтить, что это сокровище для мышленія. Сгибъ

души моей, сгибъ всегдашній помышлять о Богѣ; но мои помышленія были попытки филина, еслибъ онъ задумалъ смотрѣть на свѣтъ Божій. Эта книга въ состояніи распространить, усилить и развить умственное око души моей. Доселѣ Бога я уловлялъ только въ пространствѣ и времени и, разумѣется, изнеможеніе человѣческое и величіе уничтожали и погружали въ одну только тварность, бесплодную и иссушающую. Но послѣ мы будемъ говорить объ этой книгѣ, когда поболѣе ее прочитаемъ. Теперь поѣдемъ къ князю, и вотъ пріѣхали. Князь спалъ ночь хорошо, но чувствовалъ себя въ какомъ-то болѣзненномъ изнеможеніи; онъ не находилъ себѣ мѣста, то заставлялъ вести себя по комнатѣ, то перемѣнялъ мѣсто своего сидѣнія, то вставалъ съ мѣста, словомъ, не зналъ, что ему предпринять; никогда еще я не видывалъ его такъ страждущимъ, какъ въ этотъ разъ. Когда онъ вышелъ изъ комнаты, я сказалъ Кологривой: Вотъ плоды леченія княгини Голицыной и ея сомнамбулы, ихъ эмпирическія средства, прикадываемые и отнимаемые фонтанели, ихъ спирты слишкомъ во 100 градусовъ (которые, однако, не пошли въ дѣло), ихъ порошки, можетъ быть, предрасположили эту болѣзнь въ князѣ. Со временемъ не скроется это отъ тѣхъ, кому слѣдуетъ знать и унимать этихъ офанатизованныхъ шарлатановъ. Это еще ничего, отвѣчала мнѣ Кологривая, хуже дѣлала съ нимъ Турчанинова, которая семь или восемь лѣтъ держала въ полной своей зависимости брата моего и дѣлала его слѣпымъ своимъ орудіемъ. Братъ мой былъ государственный человѣкъ и съ вѣсомъ, а потому и нужно развивать въ немъ эту извѣстную его страсть ко всему чудесному для того, чтобы онъ влияніемъ своимъ благополучно разрѣшалъ и оканчивалъ тяжбы и дѣла Всеволодскаго, чтобы способствовалъ выпуску крѣпостныхъ его людей на волю и пр. Я молчалъ и слушалъ. За обѣдомъ князь вышелъ; у него даже отвращеніе къ пищѣ; остались мы только четверо: я съ Козловскимъ и Кологривая съ Мауреръ. Не знаю, что мнѣ вздумалось дать совѣтъ Козловскому, чтобы онъ болѣе не принималъ испорченнаго и тухлаго масла изъ трески, которое ему прописалъ Арендъ и съ чего рветъ его по цѣлымъ ночамъ. Кажется, что Козловскій отозвался мнѣ, что чувствуетъ себя очень больнымъ, потому-то я и далъ ему этотъ совѣтъ, съ которымъ онъ тогда же охотно согласился, какъ вдругъ Кологривая на меня гикнула и запрещала мнѣ давать совѣты, основанные по ея мнѣнію, на одной лишь фантазіи; вы невѣжда въ этомъ, сказала она, и при томъ голосомъ грубымъ и означающимъ желаніе оскорбить меня. Признаться, я не могъ и самъ выдержать и самъ началъ съ нею перестрѣливаться, наблюдая приличіе, но съ иронією, не безъ сарказмовъ.

*

11-го Генваря.

Мнѣ не идти сегодня къ князю. Я радъ остаться дома, не смотря что холодно въ моемъ кабинетѣ. Я придвинулся къ желѣзной печкѣ и грѣюсь, какъ могу; на дворѣ стужа и вѣтеръ; послѣдній навѣялъ на мою душу грусть и унылость. Я разбиралъ присланныя мнѣ тетрадки и любовался картинками; изъ Парижскаго Обозрѣнія читалъ помѣщенную въ ономъ повѣсть Александра Дюмаса: Альбину: но болѣе всего услаждался Эммануиломъ. Понятія о будущей жизни сладко и желанно врѣзывались въ душу мою. О! какъ бы и мнѣ хотѣлось приблизиться къ Богу; теперь, какъ бы въ мерцаніи я началъ постигать, что я живу въ мірѣ символовъ; идеи мои о самомъ Богѣ начинаютъ послѣ чтенія сей книги разширяться; не знаю, что будетъ далѣе. Приходилъ ко мнѣ прощаться отецъ Андрей Накропинъ; онъ былъ у князя, но Кологривая не допустила его повидаться съ старцемъ; моя догадка оправдалась: отецъ протоіерей не пришелъ служить въ прошлое воскресенье въ князевой церкви, то это причиною Кологривая, которая вовсе и не посылала за священникомъ и не давала о томъ ему знать. а сказала брату совсѣмъ другое и все опрокинула на дьячка, который напившись все перевралъ.

*

13-го Генваря.

За мною долго сегодня не присылали отъ князя, между тѣмъ какъ онъ вчера очень озаботился видѣть меня въ опредѣленное на то время; даже самое чтеніе Эммануила ему понравилось. Но вотъ наступило то время, когда экипажу надлежало пріѣхать, и его нѣтъ; я не зналъ на что подумать; въ меня воплотилась мысль, что Кологривая нарочно какъ нибудь сдѣлала, чтобы не допустить меня прочесть ту книгу брату ея, которая могла многое развязать въ душѣ его и усладить эту душу пораженную болѣзнію и еще хуже того повапленную тиранніею сестры его. Во мнѣ развилась эта горькая мысль въ ея безотрадномъ пространствѣ. Я ходилъ скорыми шагами по комнатѣ и страдалъ глубоко; это было, можетъ быть, и психическое дѣйствіе отъ врага. Но наконецъ лошади пришли, и я въ мнительности своей напрасно подозрѣвалъ Кологривую; все эта остановка вышла отъ того, что лошадей не было дома, а въ кузницѣ, куда отправлены были для подкованія. И послѣ я узналъ, что и самъ князь нетерпѣливо ожидалъ возвращенія лошадей и три раза посылалъ, чтобы скорѣе ихъ закладывали. Я продолжалъ чтеніе князю, но онъ страдалъ отъ болѣзни, вставалъ, ходилъ, выпрямлялся; для полезнаго выслушиванія чтимаго нужно было нѣкоторое напряженіе; врядъ-ли онъ могъ имѣть эту степень вни-

манія. Эти книги долго нельзя читать, сказалъ онъ мнѣ. но повидимому былъ доволенъ. Отъ него я отправился пѣшкомъ; совершенно наша сѣверная зима, снѣгъ хрустѣлъ подъ ногами. Я покоенъ возвратился домой: нынѣшній день Кологривая не обижала меня. Въ продолженіе остатка дня у меня развивалось какое-то религиозное чувство и когда я легъ спать, то помысль навелъ меня на возможность близкой кончины. Этотъ страшный моментъ сильно и ясно мнѣ представился; два раза онъ мнѣ представился съ отмѣнною ясностію. Я трепеталъ. но благодарилъ Бога, считая мысль эту за величайшую для себя милость. Ничего вѣтъ полезнѣе для неостывшаго сладострастія, какъ питать идею скорой и внезапной кончины. Довольно не могу возблагодарить Господа; пусть эти мысли, какъ желанныя гости, часто прилетаютъ въ домъ души моей, въ этотъ вертепъ явнаго и тайнаго омерзенія.

*

14-го Генваря.

По утру приходилъ ко мнѣ лѣкарь Шмидтъ и принесъ требуемыя губернаторомъ Симферопольскимъ бумаги. Цѣлый день я не выходилъ изъ дома и началъ читать важнѣйшій трактатъ объ изысканіяхъ истины знаменитаго Мальбранша. Вечеромъ писалъ письма къ книгопродавцу Гауеру съ приложеніемъ денегъ. Съ увлеченіемъ читалъ разсужденія г-жи Гюйонъ. Я былъ въ набожномъ настроеніи духа и нѣсколько чувствовалъ, что въ Богѣ мы и движемся и есьмы.

*

15-го Генваря.

День прекраснѣйшій. Солнце свѣтитъ и отчасти согрѣваетъ, но снѣга еще много. Я собирался пописать письма, но вдругъ приходитъ княгиня Мещерская и потомъ Муравьева. Завязывается разговоръ жаркій, разумѣется, о Кологривой. Муравьева со слезами жаловалась на новыя какія-то притѣсненія, только что недавно полученныя отъ Кологривой. Мещерская была родъ мирнаго судьи, предъ которою мы по очереди съ Муравьевою предъявляли свои обиды. Чувствую, что я играю здѣсь постыдную и смѣшную роль, но нечего дѣлать.

Съ почты получилъ одно письмо отъ Жегочева, гдѣ онъ описываетъ одну прекрасную черту Таврическаго губернатора *). Сборъ или приношеніе откупщика, которымъ обыкновенно всѣ губернаторы пользуются, онъ обращаетъ въ пользу города.

Дмитр. Иванов. Поповъ обѣдалъ у меня и долгонько посидѣлъ. Мы съ нимъ имѣли пріятную бесѣду. При немъ случилось траги-

*) А. И. Казначеевъ. П. Б.

комическое происшествіе. Катя моя припасла, было, для себя теленочка, котораго откармливали; она заранѣе радовалась, что покормить меня хорошо и подслужиться и сосѣдамъ своимъ, такой же милой братіи, какъ и мы; не тутъ-то было. Кологривая, въ лицѣ долговязаго своего любимца Федота, посягнула на этаго теленка. Катя моя осердившись требовала отъ нея хотя половину его; не тутъ-го было, она сослалась, по обыкновенію, на братца, который будто половину эту скушалъ и проч. И досадно и смѣшно. Варв. Петр. возвратилась отъ князя съ какимъ-то негодованіемъ, готовая плакать отъ того, что Марья Владимировна начала старцу читать. Князь спрашивалъ ее, какъ я угощалъ Муравьеву, хотя прошло этому нѣсколько дней, и онъ со мною видался. Въ разговорѣ съ княземъ о Муравьевой, Варв. Петр. поспѣшила сказать старцу, что она ее не вкушаетъ; это слово заставило прочитать меня долгую ей рацею, которая замѣтно было, что ей не понравилось. Все что-то сомнительно; отзываться такимъ образомъ предъ княземъ о Муравьевой значило взойти въ новую стачку съ Кологривою.

*

19-го Генваря.

Вчера я написалъ письмо къ товарищу министра князю Ширинскому-Шихматову и, поздравляя его съ пожалованіемъ сенаторскаго достоинства, вмѣстѣ просилъ о Кологривскомъ моемъ Сиринѣ. Сегодня день ясный и теплый, похожій, какъ бываютъ въ Петербургѣ въ Май мѣсяцѣ. Князь самъ заѣхалъ за мною. Дорогою я рассказалъ ему, какъ добрый князь Мещерскій выхлопоталъ у губернатора, чтобы уничтожили стѣснительную мѣру, изобрѣтенную любостязаніемъ, въ слѣдствіе которой запрещена здѣсь всякая мелочная продажа. Я сказалъ, что лавочки вновь открыты. Князь былъ тѣмъ доволенъ, а прежде онъ былъ недоволенъ, когда Козловскій сдѣлалъ ему превратное объ этомъ же дѣлѣ донесеніе. Я читалъ князю извѣстную книгу, которой, по словамъ Кологривой, съ нетерпѣніемъ ожидала дѣвица Мауреръ. Но я скоро долженъ былъ прекратить чтеніе, потому что пришла къ князю княгиня Мещерская съ тремя своими воспитанницами, и завязался разговоръ для меня не интересный; я, поговоривши кое о чѣмъ съ дѣвицами, тотъ-же разъ отправился домой. Послѣ обѣда я пошелъ навѣстить Дмитр. Иванов. и поблагодарить его за написанную имъ прекрасную статью въ моемъ альбомѣ; онъ отвѣтствовалъ мнѣ пословницею: извините, чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ; сѣрово не бѣлье, свое руководѣе. Здѣсь мы много потолковали о своихъ обстоятельствахъ: досталось и Кологривой. Анна Александр. не совѣтуетъ мнѣ подавать просьбу въ отставку прежде чѣмъ не напишутъ мнѣ изъ Петербурга;

видно она хочетъ и надѣется поговорить въ мою пользу; а то, пожалуй, и отставку мою замараютъ. Поутру, при здорованьи, я поговорилъ съ Варвар. Петровною о неприличіи ея поведенія съ Кологривовою и о томъ отзывѣ, который сдѣлала она князю о Вѣрѣ Алексѣевнѣ. Варв. Петр. насупилась, огорчилась, начала плакать; въ продолженіе дня я старался утѣшать ее сколько могъ, но врядъ ли успѣлъ уничтожить въ ней идею моей, такъ называемой, несправедливости.

*

20-го Генваря.

День порядочный, старецъ самъ за мною заѣхалъ, онъ сегодня катался и заѣзжалъ къ Аннѣ Александровнѣ. Вѣра Алексѣевна отправила туда же свою племянницу и ввечеру поспѣшила съ нею же къ Аннѣ Александровнѣ, вѣроятно интересуясь узнать, не говорила ли она чего съ княземъ. Я довольно рано пріѣхалъ къ князю и успѣлъ ему почитать, по обыкновенію у него обѣдалъ и послѣ стола въ свое урочное время около пяти часовъ по полудни собирався ѣхать, какъ Кологривая возгласила: можно бы и остаться; я возразилъ ей, что солнце уже закатывается. Нынѣ дни, сказала она, не Декабрьскіе и проч. явно, что она наводитъ князя на ту мысль, что торопясь, такимъ образомъ, возвращаться домой, я прискучилъ, такъ сказать, бесѣдою старца. Постоянныя враждебныя ея продѣлки со мною наполнили душу мою въ остатокъ дня уныніемъ. Скучно встрѣчать и недоброжелательное лице и, болѣе того, недоброжелательныя дѣйствія. Князь, при моемъ отходѣ, сказалъ мнѣ: „при захожденіи солнца и вы закатываетесь“. Вотъ стебельки отъ косвенныхъ внушеній Кологривой.

*

21-го Генваря.

Нынѣшній день весь провелъ дома; я, обыкновенно по Пятницамъ и Субботамъ остаюсь дома. Утромъ, мнѣ удалось почитать философа Малебранша, я немножко далѣе подвинулся; изучаю статью его о заблужденіи чувствъ. Вотъ пріѣхалъ и кн. Мещерскій и посѣтилъ меня: я рассказалъ ему мою невзгону, а онъ пересказалъ мнѣ о великихъ неудобствахъ дороги; онъ еще первый и только вчера проѣхалъ по дорогѣ въ экипажѣ, а до того, почтальоны отправлялись верхомъ и часто принуждены были продираться сквозь такіе снѣга, которые имѣли двѣ сажени въ вышиину, разумѣется, наносные; одинъ, такимъ образомъ, чуть, было, не отморозилъ себѣ ность: въ Алуштѣ ставили ноги этаго почтальона въ холодную воду.

Мещерскій порадовалъ меня, сказавъ объ одержанной нами побѣдѣ надъ Горскими народами; какой-то генералъ Фрейтагъ отличился и

напалъ на Черкесъ нечаянно: онъ освободилъ генерала Гурка и положилъ на мѣстѣ до 2000 человекъ. Ужъ этотъ Фрейтагъ не тотъ-ли самый, который въ чинѣ подполковника былъ моимъ начальникомъ, когда я въ 1811 и началъ 812 года служилъ въ 35 батареинной ротѣ? Муравьева вечеромъ прислала мнѣ сказать, что князю очень дурно и что онъ въ продолженіе дня не зналъ, гдѣ найти себѣ мѣсто, и это все отъ тоски и отъ невозможности дышать свободно. Никогда еще онъ такъ не былъ боленъ, а началось это страданіе съ 7 часовъ вчерашняго дня; я же оставилъ, по видимому, здоровымъ. Сей часъ же я послалъ и къ Шмидту, и тотъ тоже мнѣ подтвердилъ. Эти извѣстія произвели во мнѣ большое смущеніе.

*

22-го Генваря.

Отъ нечего дѣлать я пустился писать о Буддизмѣ и сочинилъ родъ маленькой диссертации въ видѣ письма, которое намѣреваюсь отправить къ совѣтнику Славинскому въ Симферополь, приславшему мнѣ въ подарокъ превосходную карту Кавказа. Къ письму прилагаю и бронзоваго идола изображающаго, кажется, Шигемунія; внутри идола герметически заложена таинственная молитва Буддѣ, чрезъ которую входятъ въ созерцаніе.

*

23-го Генваря.

Князь самъ заѣхалъ за мною. Еще до чтенія пришли къ князю Мещерскій со своею женою и всѣмъ штатомъ. И вотъ къ крайнему моему удивленію Мещерская обращается ко мнѣ и говоритъ: вы настоящее золото въ брускахъ; честность ваша, прямота и благородство всѣмъ извѣстны. Старикъ князь сказалъ мнѣ: благодари, Юр. Никит., княгиню. Изумленный отъ такой нечаянной похвалы, я могъ только вымолвить, что за подобное мнѣніе благодарять и самими дѣйствіями и что я очень желалъ оправдать слова княгини. Потомъ перешла княгиня къ общей матеріи и, адресуясь къ князю, хвалила его, что онъ въ людяхъ не примѣчая зла, видитъ одно лишь добро; что она желала-бы перенять у него такую высокую добродѣтель. Потомъ разпространилась о злобѣ и хитрости людской, словомъ, прочитала намъ лекцію, что злобно рано или поздно получить свое возмездіе. Кологривая примѣшалась къ разговору и обновляла его своими замѣчаніями, безъ всякаго смущенія, въ совершенномъ просторѣ. На вопросъ, сдѣланный Мещерской, та отвѣтствовала, что обстоятельно сего-дня писала къ сестрѣ своей Татьянѣ Борисовнѣ.

Удивляясь и недоумѣвая, что это бы все значило, я принялся за чтеніе, замѣтивъ однако, что самъ Мещерскій помаленьку и безъ

шума убрался изъ комнаты. Чтеніе было очень любопытно и всѣхъ присутствующихъ интересовало. Потомъ я возвратился домой и встрѣтилъ на дорогѣ Мещерскую, которая меня остановила. Каково я говорила сего-дня? сказала она мнѣ. Разумѣется я похвалилъ, и тутъ-то и узналъ, что всѣ эти перуны обращены были на Кологривую, которая на дняхъ какъ-то тронула мужа княгини. Я не могу вытерпѣть, говорила Мещерская, чтобъ оскорбляли моего мужа; я никогда этого не позволю и пр. Такимъ образомъ открылось новое звѣно затрудненій; не знаю, какъ выпутается Кологривая извѣстно, что она готова падить Мещерскую и что трусить ее много, въ томъ нѣтъ сомнѣнія.

*

24-го Генваря.

Князь самъ заѣзжалъ за мною, но мнѣ нельзя было тогда ѣхать, ибо я умывался. Вскорѣ пришелъ ко мнѣ Ялтинскій докторъ Зеленкевичъ и успѣлъ сказать мнѣ, что онъ писалъ къ правителю канцеляріи письмо, гдѣ увѣдомлялъ его, какъ здѣсь Козловскій похвалялся копіею, якобы полученно изъ Симферополя того донесенія, которое послалъ Зеленкевичъ къ губернатору. Онъ просилъ правителя довести о семъ до свѣдѣнія губернатора. Вотъ я пріѣхалъ къ старцу; въ продолженіе всего времени онъ крѣпко страдалъ, и я не могъ видѣть его страданій: очень тяжело смотрѣть, когда близкій и любезный человѣкъ такъ мучится; чтеніе наше часто прерывалось, ибо онъ вставалъ, съ трудомъ прохаживался. Лекаръ Шмидтъ успѣлъ мнѣ шепнуть по секрету, что опять послали за докторомъ Арендомъ, что князь становится очень слабъ и пр. Въ началѣ шестаго часа пріѣхала Муравьева со своею племянницею, и я съ нѣкоторымъ насиліемъ оторвался и уѣхалъ домой. Муравьева отправила свою племянницу вмѣстѣ со мною, которая и просидѣла у насъ цѣлый вечеръ. Мы все толковали о болѣзни князевоу, ибо видели видимое ея развитіе; вскорѣ послѣ того пошелъ дождь, и къ великому и радостному удивленію моему Муравьева присылаетъ мнѣ сказать, что князю съ семи часовъ вечера стало гораздо легче и все въ немъ успокоилось. Я замѣтилъ, бывши у князя, что, при входѣ обѣихъ дамъ, Козловскій не счелъ за нужное встать и поклониться. Послѣ уже Маша рассказала намъ, что она на обычную неучтивость Козловскаго жаловалась вчера князю, но только просила его, чтобъ не сказывать о томъ Козловскому. Маша Волоцкая пересказала намъ, что Козловскій посчитался и довольно грубо поговорилъ съ княз. Мещерскимъ, поэтому-то вчерашняя филиппика и состоялась. Предметъ спора князя Мещерскаго съ Козловскимъ былъ по предмету отнятіе ружья нашимъ управителемъ у молодаго Клоца; вѣроятно Коло-

гривая взяла сторону Козловскаго, у котораго Клоцъ безсмѣннымъ клеветомъ.

*

25-го Генваря.

Князь самъ заѣзжалъ за Варинькою; мы выходили сами къ нему, то есть я и случившаяся на то время у насъ Марья Владимировна. Князь сказалъ, что онъ болѣе пяти часовъ спалъ ночью и очень покойно; цѣлый день также былъ очень покоенъ и даже никакихъ лекарствъ не принималъ. Сего-дня мы съ женою получили новое нападеніе отъ Кологривой, и это нападеніе тѣмъ наглѣе, чѣмъ оно было неожиданнѣе. Мы, на этотъ разъ, опять присмотрѣли молодаго теленка и чтобы Кологривая не перехватила его у насъ, какъ это случилось недавно, то дали задатку. И вотъ вдругъ приходитъ дѣвочка съ задаткомъ, который нѣсколько уже дней тому какъ получила мать ея, и рассказываетъ, что у нихъ покупаютъ теленка другіе, вмѣстѣ съ этимъ возвращаетъ и задатокъ. Я не велѣлъ однако пришедшему извѣстить о семъ слугъ брать задатка, а сходить къ матери дѣвочки и узнать что это значитъ и кто тѣ люди, которые отымаютъ у насъ такимъ образомъ нашего теленка. Слуга, ушедшій справляться, встрѣтилъ на дорогѣ нашего теленка, котораго одинъ изъ лакеевъ Кологривой тащилъ на плечахъ своихъ; человекъ остановилъ и воротилъ носильщика и съ теленкомъ къ продавшей намъ его женщинѣ, но я не захотѣлъ плодить дразговъ, хотя и стоило бы это Алжирское покушеніе, чтобы унять эту, можно сказать, негодную Кологривую, которая этимъ поступкомъ даже соблазнила людей моихъ. Катя хотѣла писать къ ней грозную записку, но симъ мы бы дали только ей еще новую надъ собою поверхность, и я отсовѣтовалъ ей писать.—Вечеромъ прислали за мною тресикль Меццерскіе, и запряженную въ немъ лошадь конвоировалъ нарочный ѣздовъ. Вечеромъ просидѣлъ я у княгини, которую посѣтила при мнѣ и Муравьева съ племянницею. Здѣсь-то я узналъ настоящее ядро досады княгини на Кологривую. Дѣвица Мауреръ пересказала ей рѣчи, лично переданныя Кологривою, на счетъ ея мужа. Она такія неистовства и мерзости рассказывала мнѣ про вашего мужа, говорила Мауреръ, что я, внутренно слушая, назвала ее *bête vénimeuse* (ядовитая гадина). Княгиня очень обидѣлась и тѣмъ, что услышала отъ дѣвицы Мауреръ и тѣмъ, что она смѣла ей говорить объ этомъ. Въ слѣдствіе этого и была филиппика. Княгиня сгоряча написала было сестрѣ своей письмо (Татьянѣ Борисовнѣ Потемкиной), но послѣ одумавшись изорвала и вмѣсто прежняго подробнаго письма отправила уже коротенькое, сказавши однако ей, что она изорвала прежнее. Здѣсь былъ нескончаемый и долгій разговоръ о разныхъ относительныхъ нападкахъ, нами испы-

тываемыхъ. Муравьева жаловалась на грубости Кологривой и Козловскаго, княгиня претендовала за мужа, я горячился, что изъ подъ нашего носа отняла таже Кологривая теленка. Долго-бы эта траги-комедія продолжалась, еслибъ я не отправился во свояси, на томъ же тресиклѣ; но лошадь мою сопровождалъ на сей разъ камердинеръ князевъ, потому что прежній слуга или берейторъ такъ напился, что, сопровождая нѣсколько тому времени назадъ Муравьеву, вывалилъ ее куда-то въ ровъ.—Здѣсь я узналъ, что Кологривая пять тысячъ рублей должна Власенкову, и это безъ вѣдома князя, также что она и Александрѣ Петровнѣ не заплатила долгу; этаго тоже князь не знаетъ. Мещерская просила меня, чтобы я былъ поосторожнѣе при Варв. Петровнѣ, которую Кологривая задобриваетъ подарками. Возвратившаяся Варв. Петр. рассказывала, что Кологрив. въ слухъ роптала, разумѣется безъ князя, что всѣ ея не любятъ, но что и она всѣхъ не любитъ, а только по нуждѣ и необходимости должна видѣться съ этими людьми и проч.; отпускала и на мой счетъ кое-какіе обиняки; а Вѣру Алексѣев. трактуетъ обидно и нагло въ глаза ей смѣется. Когда она хотѣла поводить князя, то Кологривая въ слухъ сказала: не нужно опираться брату моему на ваши прелести. Козловскій и дѣвица Мауреръ явно и нагло смѣются надъ нею, а дѣвица Мауреръ со слезами объясняла Муравьевой, что она въ ложномъ положеніи и что она видитъ, что на нее кн. Мещерская сердится, она отъ того въ отчаяніи, потому что домъ Мещерскихъ всегда ей благодѣтельствовалъ.

Погода сдѣлалась теплая и отчасти свѣтлая; ночь была превосходная, когда я ѣхалъ. Благодареніе Богу! Не смотря на волненія, душа моя отчасти покойна. Тонкое, едва уловимое чувство мира навѣваетъ на меня надежду и ободреніе. Богу благодареніе! Какъ-бы только не прогнѣвать Его? Не фарисейство ли даже гнѣздится въ душѣ моей?

*

26-го Генваря.

Князь самъ за мною заѣхалъ, и я вмѣстѣ съ нимъ отправился къ нему. Приѣхавши князь объявилъ мнѣ, что онъ хочетъ со мною поговорить на единѣ. Онъ сей часъ-же выслалъ изъ покоевъ и сестру свою и дѣвицу Мауреръ. Вынь изъ стола книгу, сказалъ мнѣ князь, замѣченное мѣсто. Я вынялъ книгу, помнится подъ заглавіемъ Забавы моего уединенія въ селѣ Богословскомъ, сочин. князя Гагарина. Тутъ я напелъ замѣченное мѣсто о душѣ и сталъ ему читать. Какъ ты объ этомъ думаешь? спросилъ меня князь; я, слушая эту книгу, нарочно замѣтилъ это мѣсто, чтобы прочитатъ тебѣ и спросить твоего мнѣнія. Здѣсь говорилось о душѣ (въ статьѣ: Сонъ неспящаго человѣка), что она порожденіе Бога и..... что душа, прежде чѣмъ оживотворила тѣло,

была въ эдемѣ сладости; здѣсь намекалось о какомъ-то довременномъ паденіи и проч. Я сказалъ князю, что этѣ мысли намахиваютъ, такъ сказать, на Оригеново ученіе и пр. и что предполагать все возможно, что впрочемъ Оригеновы мысли мнѣ всегда нравились. Князь, не смотря на болѣзнь свою, очень любезенъ; изящное отзывается очень живо еще въ его сердцѣ. Въ прошедшій Понедѣльникъ я прочиталъ ему новую басню Крылова, напечатанную въ Сѣверной Пчелѣ. Онъ очень смѣялся и даже радовался, что такъ мѣтко выражена черта Русскаго духа. Я предполагалъ Кологривую найти сего-дня гораздо къ себѣ мягче и разговорчивѣе, чѣмъ точно и случилось. Она, какъ кошка, которая еще дерзновеннѣе лѣзетъ ласкаться къ хозяину, послѣ когда что нибудь напакостила, то есть скушала прибранныя яички или неосторожную птичку, которую вытащила изъ клѣтки; такъ и Кологривая, утащивши у насъ купленнаго теленка, смѣло ко мнѣ ласкалась или, по крайней мѣрѣ, не дѣлала гнѣвнаго лица; разговоръ все вертѣлся о болѣзни братниной. Сегодняшнимъ чтеніемъ князь былъ очень доволенъ, дѣвица Мауреръ слушала съ жадностію, даже Кологривая была внимательна.

Странное дѣло! Меня извѣщаетъ племянница, что дворянское Костромское собраніе отказываетъ брату моему считаться сыномъ своего отца. Собраніе, въ слѣдствіе документовъ признавая отца моего принадлежащимъ къ древнѣйшему роду дворянства, въ тоже время старшимъ братьямъ моимъ и старшей сестрѣ не позволяетъ пользоваться правомъ отца, потому что не достаетъ метрическихъ свидѣтельствъ изъ Консисторіи о ихъ рожденіи. Брата больного это очень тревожить. Я полагаю, что этѣ недоразумѣнія должны кончиться маловажнымъ.

*

27-го Генваря.

Князь, въ слѣдствіе полученнаго имъ извѣстія, что хотять снова отсрочить отпускъ Ванцетти до Августа мѣсяца, хочетъ новаго себѣ избрать окулиста и намѣревается спросить о томъ придворнаго врача Арента. Старцу хотѣлось бы, чтобы операція сдѣлана была весною нынѣшнею. Помогите ему Богъ въ его справедливомъ и живѣйшемъ желаніи! Смиреніе его видимо; когда я ему читалъ вчера исповѣдь князя Гагарина, то всѣ движенія христіанскаго самоукоренія, всю оцѣнку мірскаго величія и богатства, всю тщету такъ называемыхъ прелестей міра, словомъ въ чемъ упрекала себя проникнутая раскаяніемъ, горящая и любящая душа князя Гагарина*), старецъ съ видимыми знаками сокрушенія, все себѣ усвоивалъ.

*) Это князь Гавриль Павловичъ, отецъ извѣстнаго по своей романической женитбѣ на княжнѣ Лопухиной князя Павла Гавриловича. Онъ извѣстенъ также своими акаѣстами Іоанну Богослову, Дмитрію Ростовскому и Θεодотію Тотемскому. П. Б.

Анна Александр. Турчанинова написала превосходную статью въ моемъ альбомѣ; она внесла въ него нѣсколько мыслей изъ своего трактата, въ которомъ изложенъ весь взглядъ ея на человѣковъ и ихъ назначеніе.

*

29-го Генваря.

Благодареніе Богу, день былъ у меня тихъ и безпечаленъ, я весь его провелъ въ назидательномъ чтеніи. Утро началъ читать *Méditations Religieuses*, потомъ принялся за изысканія истины Малекбранша. Авторъ трудный для непривычныхъ; метафизика отвлеченна, надлежитъ имѣть постоянно напряженное вниманіе, что я и старался выполнять при чтеніи. Сознаюсь, что многихъ мѣстъ еще не такъ чисто понимаю, но я поприневолилъ себя и прочиталъ много. Потомъ принялся за г-жу Гюйонъ и этой опытной наставительницы немало прочиталъ, что служило мнѣ вмѣсто отдыха. Остатокъ вечера употребилъ на чтеніе Оригена, т. е. его трактата, гдѣ онъ защищаетъ христіанство противъ Цельса. Я прочиталъ всю первую книгу безъ усталости и не безъ удовольствія. Я очень доволенъ, что могу познакомиться съ Оригеномъ, котораго всегда читалъ и уважалъ.

*

30-го Генваря.

Сегодня день прекрасный, и я по обыкновенію пошелъ къ своему князю пѣшкомъ, не дожидаясь присылки; князь встрѣтился со мною на дорогѣ; камердинеръ его Семенъ сидитъ съ нимъ рядомъ, курить сигару и не кланяется. Князь объявилъ мнѣ, что, зная, что завтра у меня семейный праздникъ, онъ приглашаетъ меня сего-дня у него отобѣдать вмѣсто Понедѣльника, въ который день я обыкновенно у него обѣдаю. Я согласился. Не успѣлъ пройти нѣсколько шаговъ, какъ встрѣтился со слугою князя, который посланъ ко мнѣ съ тѣмъ же предложеніемъ отъ сестры. Такимъ образомъ, я безъ хозяина пришелъ въ домъ; Кологривая довольно ласково меня встрѣтила и заняла разговорами. Она рассказывала, что ея брату стало лучше и именно съ тѣхъ поръ, какъ Симферопольскій докторъ Арентъ перемѣнилъ лекарство и что вотъ два дня, какъ онъ началъ порядочно спать ночи, тоска почти прекратилась, дыханье стало посвободнѣе. Козловскаго не было на тотъ разъ, онъ уѣхалъ съ почтою въ Ялту, и мы мирно бесѣдовали; къ обѣду всѣ собрались. Все шло чинно и миролюбиво; большая часть стола отопла, подають телятину жареную. Признаться, я подумалъ и почувствовалъ въ себѣ движеніе гнѣва, однако внутренно помолился, и оно прошло, какъ вдругъ Кологривая начала говорить въ слухъ. Не сердитесь ли вы, Ю. Н., на меня за телятину? Съ этимъ ея словомъ все

негодованіе ко мнѣ возвратилось; но я, владѣя онымъ, успѣлъ только ей сказать, что она изъ обращенія моего нѣсколько дней могла замѣтить, что я вовсе не сержусь; но, увидавъ, что Ѳедотъ прислуживаетъ за столомъ, гнѣвъ сильно обуялъ меня, и я прибавилъ, что женѣ моей немножко досадно, что она перекупаетъ тѣ вещи, которыя мы хотимъ имѣть и особенно отдавъ уже за нихъ и задатокъ. Неправда, возразила, Кологривая, задатка не было дано. Вотъ тутъ уже я вспылалъ гнѣвомъ. Какъ не дано, примолвилъ я, мнѣ не изъ чего лгать. Мы при-торговали теленка, вы его тотъ же часъ перекупили; жена моя писала къ вамъ письмо, чтобы хотя половину намъ возвратили; вы отвѣчали, что это сдѣлано для брата и что уже все съѣдено и нечего возвратить. Не желая быть съ вами въ прикосновеніи, мы снова отыскивали теленка и на этотъ разъ дали задатокъ, какъ вдругъ приходитъ къ намъ дѣвочка и возвращаетъ задатокъ; я посылаю на мѣсто моего человѣка, чтобы узнать что дѣлается и кто отнимаетъ нашего теленка; еще человѣкъ мой не дошелъ до мѣста, какъ уже и встрѣтилъ вашихъ людей, которые несутъ принадлежащую намъ вещь къ вамъ. Признаюсь, я потому только ото всего отступился, что вы дѣлаете дѣла ваши именемъ брата, который ничего этаго не знаетъ, а то бы я и продавицу, и слугу вашего отправилъ бы въ Земскій Судъ. Вы поступаете по-алжирски, да и въ самомъ Алжирѣ врядъ ли такъ сдѣлаютъ? Тутъ у Кологривой засверкали глаза, какъ у львицы, и въ припадкѣ досады она начала мнѣ говорить: вы этаго не смѣли бы сдѣлать и пр. Князь, терпѣливо выслушивая эту грязную филиппику, кротко замѣтилъ, что она ему прискучила, что во всякомъ случаѣ перекупать не годится и что она сама виновата, что накликала на себя этотъ споръ; знаяши за собою подобный поступокъ, за чѣмъ было начинать объ этомъ разговоръ съ Юріемъ Никитичемъ?

Я наконецъ такъ разгорячился въ упрекахъ своихъ этой женщины, которая мало что худо поступаетъ, но еще хочетъ и мистифицировать меня, что даже не замѣчалъ, какъ Муравьева трогала ножомъ мою руку, равно какъ и дѣвица Мауреръ, чтобы заставить меня замолчать. Но кончилось ничѣмъ. Я просидѣлъ у князя довольно долго, и уже смерклось, какъ я пошелъ домой; старикъ Ѳедотъ меня провожалъ. Я заключаю сего-днишнюю записку словомъ Кологривой: я всегда и у всякаго перекуплю, сказала она, стоитъ только дать нѣсколько рублей лишняго: изрядная логика, похожая на волкову, въ извѣстной баснѣ о ягненькѣ.

*

31-го Генваря.

Сего-дня минуло двадцатипятилѣтіе моему супружеству благополучному и мирному. Благодареніе всемірному Творцу за Его непрерыв-

ныя благодѣянiя, изъ коихъ одно изъ первыхъ, что я дожилъ до моей серебряной свадьбы. Сколькихъ уложили въ холодную могилу въ продолженiи сего времени? Гдѣ та фаланга родныхъ, знакомыхъ, друзей, которыхъ опознавало и любило сердце мое? Увы, все это сошло съ лица земли!

Гдѣ всѣ тѣ, что прежде насъ
Ходили по свѣту?
Отошли ль они къ Харону,
Въ Элизей или къ Плутону,
Только ихъ здѣсь нѣту.

Оставимъ размышленiя и примемся описывать былевую сторону знаменитаго для меня дня. Я всталъ рано, помолился, какъ умѣлъ Богу, потомъ принялся читать Часы Благоговѣнiя и окончилъ сего-дня шестый томъ сего творенiя. Потомъ продолжалъ читать Малебранша, котораго однако тускло еще понималось; можетъ быть, съ помощiю Божіею и со временемъ онъ сдѣлается для меня доступнѣе; отвлеченныя истины какъ-то сперва худо понимаются и оцѣниваются моимъ сангвиническимъ объемомъ. Потомъ пошли мы къ обѣднѣ, которая нарочно была заказана; прослушавши обѣдню, мы отслужили и благодарный молебень. Въ церкви, кромѣ меня, жены и Вариньки, была только Ольга Карловна, Машенька Волоцкая и слуга Иванъ. Такое уединенiе еще болѣе располагало сердца наши излить предъ Господомъ наши благодарныя чувства. Оттуда я зашелъ къ Вѣрѣ Алексѣевнѣ попросить ея къ себѣ отобѣдать, но она упрошенная Кологривую, что братецъ-дескать будетъ одинъ, отказалась, а хотѣла однако, какъ она выразилась, раздѣлиться и назначила сосѣду свою племянницу. Когда я съ нею толковалъ, вдругъ пришли сказать мнѣ, что старецъ князь ко мнѣ пріѣхалъ; я сей часъ же побѣжалъ отъ Муравьевой и засталъ князя у себя въ передней, гдѣ онъ и дожидался меня. Услышавши, что я пришелъ, князь сказалъ мнѣ: поди въ гостинную и стань рядомъ съ женою.

Я тотъ же разъ исполнилъ волю. Князь взялъ мою молодую жену и сталъ съ нею въ гостинной предъ образомъ. Тогда старецъ, подошедши къ намъ, сказалъ: Поздравляю васъ достигнувшихъ двадцатипятилѣтiя брачной жизни вашей; я хочу увѣнчать васъ, и вмѣстѣ съ симъ словомъ надѣлъ самъ на наши головы вѣнокъ раздѣленный на двое. Вѣнокъ этотъ искусно сплетенный состоялъ изъ свѣжихъ вѣтвей лавра вѣчно зеленаго, померанцоваго дерева, на которомъ были и плоды, и изъ другихъ рѣдкихъ и благовонныхъ кустарныхъ растенiй. Въ этомъ вѣнкѣ, сказалъ князь, есть и плодъ, и васъ Господь благословлялъ въ бракѣ вашемъ, и у васъ былъ плодъ. Потомъ старецъ велѣлъ подать

образъ Пресвятыя Богоматери, который съ собою также привезъ и, благословляя насъ онимъ, сказалъ: Примите мое благословеніе вмѣстѣ съ желаніемъ вамъ всякаго счастія до самаго гроба вашего. Пусть жизньъ ваша окончится тихою, христіанскою кончиною, безболѣзненною и мирною и пусть отвѣтъ вашъ на страшномъ судѣ Христовомъ будетъ добрый и удовлетворительный. Послѣ этаго старецъ съ чувствомъ и съ навернувшимися слезами сказалъ намъ: теперь поцѣлуйте же меня оба, что мы и сдѣлали. Признаюсь, такого сюрприза пріятнаго и сладостнаго мы не ожидали; онъ исполнилъ сердца наши умиленіемъ и непритворною радостію. Принять отъ такого благодатнаго старца благословеніе всегда пріятно, но получить оное въ такую торжественную минуту жизни несказанно-сладостно. Старецъ просидѣлъ у насъ около часу и, прощаясь съ нами, сказалъ намъ: радъ бы я былъ, еслибъ могъ благословить васъ и въ день золотой вашей свадьбы; я бы благословилъ тогда васъ благословеніемъ Авраамовымъ, но въ этотъ день если вы будете живы, меня уже не будетъ на свѣтѣ..... Такъ мы простились. Пришла къ намъ поздравить и сосѣдка наша Вѣра Алексѣевна со своею племянницею, пришелъ и лекарь Шмидтъ, котораго я пригласилъ обѣдать. Изъ Ялты пріѣхалъ лекарь Зеленкевичъ. Ольга Карловна принесла намъ букетъ роскошныхъ цвѣтовъ, а Дмитрій Ивановичъ стаканъ съ позолотою. Обѣдъ былъ прекрасный: супъ съ маленькими пирожками, блюдо свѣжей осетрины (осетрину и форель прислали намъ отъ князя и что это отъ него, тому доказательствомъ, что, въ нынѣшній приходъ свой, онъ спросилъ насъ, получили ли мы рыбу), соусъ, котлеты съ сахарнымъ горошкомъ; жаркое жирная индѣйка, только что присланная намъ изъ Симферополя; вмѣсто пирожнаго прекрасный кремъ, бѣзе и миндальное. Марья Владимировна принесла намъ отъ своей тетушки бисквиты перемѣшанные со сливочнымъ мороженымъ; хотя съ трудомъ, но достали мы и бутылку Шампанскаго, разумѣется, здѣшняго, но самаго однако лучшаго. За столомъ какая-то была торжественность, немножко схожая на водевильную; всѣ были веселы, кромѣ доктора Шмидта. Я одѣтъ былъ въ коричневый фракъ, чего со мной нѣсколько лѣтъ не бывало; свѣтлаго колера панталоны; шелковый съ мушечками жилетъ. Я былъ нѣженъ, какъ молодой супругъ и безпрестанно цѣловалъ руки у моей милой молодой, которая еще болѣе радовала меня своею веселостію.

Послѣ обѣда пришли къ намъ дѣвицы изъ дома Мещерскихъ, Лиза и Любонька: въ слѣдъ за ними явился и самъ князь Мещерскій. День былъ прекрасный, весенній, не смотря что принадлежалъ къ Русскому зимнему Генварю. И я провелъ его въ пріятномъ упоеніи и предъ самымъ сномъ снялъ съ себя коричневый фракъ. Заключу мою

журнальную замѣтку новою благодарностью нашею ко Господу за столь милостивое доведеніе меня къ столь продолжительному сроку супружества.

*

1-го Февраля.

Мы одѣлись съ женою и пошли пѣшкомъ къ князю, чтобъ поблагодарить его за вчерашнее проявленіе столь нѣжнаго участія. Мы встрѣтили его на дорогѣ, онъ прогуливался. Князь велѣлъ остановить лошадей и началъ разговаривать съ нами. Я сказалъ, что молодые идутъ къ нему благодарить его. Князь улыбаясь спросилъ, каково провели мы ночь? Князь похвалъ продолжать свою прогулку, а мы между тѣмъ прошли къ Мещерскимъ и ихъ мы встрѣтили прогуливающимися, но они воротились. Мещерскіе радушно насъ приняли. Княгиня рассказывала намъ, что Кологривая въ прошедшее Воскресенье такъ къ ней ласкалась, только что рукъ не цѣловала у нея. Врядъ ли убаюкаетъ она этими ласками дальновидную княгиню. Потомъ хозяева проводили насъ нѣкоторое разстояніе по дорогѣ, и мы поворотили къ князю вмѣстѣ съ мужемъ княгини. Придя въ домъ, мы велѣли сказать человеку, чтобы онъ доложилъ князю, что молодые хотятъ его видѣть. Князь тотъ часъ же насъ принялъ и былъ намъ радъ. Мы вновь засвидѣтельствовали ему нашу душевную благодарность и когда мы, посидя нѣкоторое время, хотѣли возвращаться, то князь самымъ убѣдительнымъ и деликатнымъ образомъ пригласилъ насъ остаться обѣдать. Мы остались, тутъ была и Варинька. Вечеру въ домѣ его отслушали всенощную, и уже смерклось, какъ мы возвратились домой, довольными и собою и княземъ, который очень былъ обязателенъ къ моей молодой женѣ.

*

2-го Февраля, 1844.

Приносятъ ко мнѣ пакетъ съ почты; въ ономъ заключались два письма, одно изъ Симферополя, отъ Жегочева, при которомъ приложенъ былъ отчетъ графа Киселева за 1842 годъ; этаго отчета мнѣ давно желалось прочитать. Еще письмо изъ Петербурга, отъ Латкина. Я опечаленъ былъ содержаніемъ онаго: дѣло наше не только не подвигается впередъ, но, кажется, мнѣ мелѣтъ болѣе и болѣе; правительство намъ не даетъ тѣхъ лѣсовъ, которыхъ желалось компаніи... Къ этому письму слѣдовала большая записка, которую г. Латкинъ изготовилъ по предмету соединенія двухъ рѣкъ или, лучше сказать, двухъ системъ рѣкъ Сибирскихъ и Европейскихъ: но записки не было, а въ поздней припискѣ Латкина сказано было, что онъ посылалъ эту записку вмѣстѣ съ письмомъ къ Ивану Петр. Егорову для отправленія, но что тотъ обратно ему это письмо возвратилъ, по той причинѣ, что

безъ платы на почту письма якобы не приняли. Доселѣ письма отъ Егорова и Латкина обыкновенно присылались ко мнѣ въ общемъ конвертѣ на имя князя, это продолжалось 18 мѣсяцовъ; въ пакетѣ на имя князя заключались и газеты, а иногда и письма на имя находящихся при немъ лицъ, теперь же вдругъ отказали мнѣ въ такой бездѣлицѣ, мнѣ, чиновнику, принадлежащему къ главному почтовому управленію. Я очень, признаюсь, оскорбился этою новостію и, соображая обстоятельства, особенно припоминаю одинъ случай, что я, за нѣсколько недѣль до сего, при отзывѣ Кологривой, что къ нимъ мало пришло писемъ, похвасталъ, что я получилъ ихъ много, но заподозрилъ не суть ли это новыя продѣлки моей давнишней недоброжелательницы. Я унылъ, если не изнемогъ, духомъ, но крѣпился и не показывалъ въ наружности.

Я началъ читать забавное Путешествіе по Испаніи; князь смѣялся отъ души страностямъ Запиринейскихъ обычаевъ, призывалъ сестрицу послушать описываемыхъ проказъ, а я читалъ да почитывалъ, но душа моя внутренно вопіяла о ложности моего настоящаго состоянія. Приѣхали съ почтою, и я побѣжалъ домой пѣшкомъ, глотая и вбирая въ себя весенній воздухъ, который уже дымился запахомъ легкаго аромата. Въ продолженіе утра я успѣлъ пробѣжать отчетъ графа Киселева, и онъ мнѣ доставилъ много удовольствія, ибо я много нашелъ истиннаго *grandioso* въ его предначертаніяхъ.

*

3-го Февраля.

Въ нынѣшній день празднуютъ память владѣтельницы Корейса*): всѣ собрались въ церковь за обѣдню и панихиду. Послѣ богослуженія бывшіе за божественною службою собрались у Вѣры Алексѣевны Муравьевой. Я еще не успѣлъ обратиться, какъ за мною зашла Машинька Волоцкая звать меня къ своей тетускѣ; потомъ пришелъ и князь Мещерскій, пришелъ Дмитр. Иванов. Поповъ. Всѣ мы пошли къ Муравьевой, которая насъ потчивала завтракомъ и блинами. У нея собрались: княгиня Мещерская съ Лизою и Настинькою, полковникъ Олива и Ал. Ив. Казначеевъ, пріѣхавшіе къ Мещерскому, дѣвица Мауреръ; всѣ они были на службѣ и молились за усопшую княгиню Анну, основательницу Корейскаго имѣнія.

Вся компанія была дружелюбно настроена, не было принужденія. не было и скуки, похоже на масляничное угощеніе; вдругъ говорятъ мнѣ, что пріѣхалъ за мною самъ князь, и вотъ я вышелъ, чтобъ вмѣстѣ съ нимъ ѣхать. Дорогою рассказалъ я ему о нашемъ непри-

*) Анны Сергѣевны Голицыной, рожд. Всеволожской. П. Б.

нужденномъ и веселомъ сборищѣ. До обѣда я почиталъ ему моего веселаго Путешествія, а къ обѣду явился докторъ Арентъ, наканунѣ пріѣхавшій, чтобы осмотрѣть князя. Онъ удостовѣрилъ, что ему гораздо лучше; притомъ и Кологривая увѣдомила меня, что у брата и животъ и ноги пришли въ натуральное положеніе; доселѣ онѣ были распухлыми. Слава Богу! Слава Богу! Пусть вздохнетъ старецъ отъ своего недуга. Я еще покороче познакомился съ Арентомъ; онъ немножко намахиваетъ на Клементьева, Витебскаго губернатора. Человѣкъ онъ умный и образованный; мы съ нимъ говорили о войнѣ съ горцами, говорили объ Архипелажскомъ пиратѣ, который въ послѣдствіи имѣлъ имѣніе въ Крыму. Я рекомендовалъ князю прочесть отчетъ гр. Киселева и сказалъ ему, что я такъ онымъ плѣнился, что подумываю даже написать къ нему письмо и поблагодарить его за удовольствіе, доставленное мнѣ чтеніемъ сего отчета.

*

4-го Февраля.

Сегодня день моего Ангела; я встрѣчаю его уже два раза на южномъ берегу Крыма. Поутру пришли поздравить меня кн. Мещерскій, Казначеевъ и полковникъ Олива; они отправляются въ гости къ Шатилову, не смотря, что идетъ дождикъ и холодная погода. Потомъ явился посланный отъ княгини Мещерской съ запискою отъ нея, гдѣ она извиняется, что сама ко мнѣ не можетъ придти поздравить меня, потому что у нея ужаснѣйшій мигрень. Княгиня прислала мнѣ прекраснѣйшій столикъ изъ орѣховаго дерева, такъ принаровленный, чтобы стоймя класть на него книги, которыя читаешь; а маленькая ея Настинька прислала портъ-фель своей работы съ милою собственноручною приписочкою. Все это очень для меня было пріятно. Варинька вышла мнѣ красную скуфью, которыя я обыкновенно ношу, когда бываю дома. Потомъ пришла Машинька Волоцкая поздравлять меня, отъ себя и отъ имени тетушки своей; а такъ, какъ погода немножко исправилась, то княгиня Мещерская прислала свою питомицу Лизу. Потомъ пришли Вѣра Алексѣевна и Дмитр. Иван., отказавшійся на нынѣшній день обѣдать у князя, который посылалъ звать его. Но самъ князь не посылалъ поздравлять меня, вѣроятно ему Кологривая не пересказала, что велѣлъ доложить князю Дмитрій Иван. Поповъ. Обѣдали у меня Вѣра Алексѣевна съ племянницею, Лизанька Франкъ, Дмитр. Ивановичъ Поповъ и только. Дѣвица Ницъ, т. е., Ольга Карловна. не сочла за нужное также поздравить меня. Мы всѣ были веселы, столъ прекрасный, нашли и бутылку Шампанскаго вина. За столомъ и послѣ онаго разговоръ былъ оживленъ, но я выходилъ изъ границъ, выказывая свое неудовольствіе на Кологривую и на Козловскаго. Выпивши лишнюю

чарку Шампанскаго, я легко отыскалъ въ себѣ и лишнюю злобу и упивался ею, какъ прежде упивался чарами любострастія перемѣнившася, какъ видно, на столь же бѣшеную злобу. Гости разошлись, кромѣ дѣвицы Ницъ, которая выплыла послѣ обѣда, и я остался полупьяный и полуспокойный, отъ неблагоразумной и праздной болтовни, съ которой какъ-то еще раздѣляюсь. Господи, удержи языкъ мой отъ зла и устнѣ мои, еже не глаголати лъсти!

Княгинѣ Мещерской на ея коротенькую записочку я отвѣчалъ довольно рѣзкою и сильною благодарностью, но такъ какъ она плохо знаетъ порусски, то врядъ ли хорошо пойметъ, что въ ней написано.

*

6-го февраля.

И сего-дня я крѣпко занимался Малекбраншемъ; я окончилъ уже прочтеніемъ двѣ части большаго его творенія: Изысканіе истины.

*

7-го февраля.

Мнѣ принесли почту. Я получилъ два письма, одно изъ Костромы, отъ священника Доброва, бывшаго нѣкогда учителемъ пѣнія въ Костромской гимназіи, когда я завѣдывалъ ею; при письмѣ Доброва приложено было другое письмо, написанное уже къ нему отъ княжны Елены Петровны Трубецкой, моей кумы и нѣкогда близкой мнѣ по знакомству. Письмо умилительно-христіанскаго содержанія; видно, что она успѣхи дѣлаетъ, располагая землю сердца своего къ воспринятію божественнаго сѣмени. Еще другое письмо было отъ горюньи вдовы Скворцовой, изъ Петербурга. Дѣла ея нисколько не поправляются. Къ большей непріятности моей я узналъ поутру, что Семенъ опять не ночевалъ дома и, пропивши цѣлую ночь, притащился уже поутру на свою кровать и прилѣпился головою на нее, а ноги на полу; въ этомъ положеніи застало его утро, требующее періодическихъ и срочныхъ занятій. Комната была не метена и проч. Я призвалъ его и съ кротостію объявилъ, что служба его кончилась у меня... Когда успѣлись по мѣстамъ, князь спросилъ Кологривую: отъ кого, сестрица, мы получили письма? Отъ Попова, отъ Булгакова, и отъ проч., братецъ, отвѣчала Кологривая. Можно-ли что теперь прочитать? Отъ Попова можно, а отъ Булгакова, не знаю.—Позвольте мнѣ выдти, сказалъ я князю: вамъ удобнѣе будетъ прочитать.—Зачѣмъ, не нужно, сказалъ князь. Прежде такъ дѣлывалось. Я подумалъ самъ въ себѣ, что князь оставлялъ нарочно письма для моего прочтенія, прежде чѣмъ уничтожалъ ихъ, а теперь затрудняются при мнѣ читать пустошь и модную болтовню какого-нибудь Булгакова; времена переходчивы, но я не со-

жалѣю, что меня не берутъ въ участники пустой переписки, а только оскорбляюсь тѣмъ, что, большую часть жизни посвятивъ особѣ его сіятельства, не заслужилъ еще, какъ видно, большого довѣрія. Бывало, прочитывалъ вмѣстѣ съ княземъ точно важныя бумаги; онъ довѣрялъ моей правотѣ и честности; въ это время Кологривая не смѣла носу показать въ кабинетъ, а теперь что? И какую я ролю долженъ играть и сколько времени я долженъ играть эту ролю? Перейдемъ къ разсказу. Князь заставилъ меня читать Франкфуртскія газеты, Козловскій вышелъ тогда изъ комнаты, и вотъ подходитъ Кологривая съ распятіемъ къ князю. Братецъ, прислали съ почтою распятіе, которое ты хотѣлъ подарить доктору Шмиту. Дай мнѣ его ощупать, и князь началъ ощупывать распятіе; потомъ, обратясь ко мнѣ, спросилъ меня, каково оно мнѣ нравится и чтобы я описалъ его. Крестъ сдѣланъ на подобіе серебра, сказалъ я князю, а распятіе изъ бронзы ярко позолоченной, и все это вставлено въ красивую горку изъ чернаго дерева. На это Кологривая замѣтила, что масса креста отливается какимъ-то золотистымъ цвѣтомъ. Князь съ нетерпѣніемъ возразилъ: какъ же ты, матушка, говорила о золотистомъ цвѣтѣ, когда утверждаютъ, что крестъ серебрянаго цвѣта и, обратясь ко мнѣ, опять спросилъ меня и вмѣстѣ о томъ же спросилъ и дѣвицу Мауреръ, тутъ же съ нами сидѣвшую; она повторила тоже, что и я; а я прибавилъ, что еслибы крестъ не былъ серебрянаго цвѣта, т. е. сдѣланный изъ массы такъ называемаго новаго серебра, *Neue Silber*, то бронзовое распятіе, будучи золатаго цвѣта, не отдѣлялось бы такъ ярко отъ бѣлаго и свинцоватаго колера креста. Тутъ вспыхнула Кологривая, глаза у нея засверкали и, отошедши отъ князя, она съ сердцемъ замѣтила ему, что онъ слушаетъ отъ всякаго увѣренія. Слово *всякой* выговорено съ презрѣніемъ и такъ какъ увѣрялъ на этотъ разъ я, то я и счелъ за нужное сказать князю, что слово мое о крестѣ было справедливо; что какъ здѣсь, такъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ я никогда его не обманывалъ и что подробности креста точно таковы, какими я ихъ описалъ ему. Тутъ Кологривая вдругъ ко мнѣ подскочила, начала махать предъ лицомъ моимъ кулаками и даже въ бѣшенствѣ выговорила мнѣ, что я лжець. Это меня взорвало, и я такъ оскорбился ругательствомъ сестры при князѣ, что тутъ же сказалъ, что я никогда не лгалъ предъ ея братомъ, но что она это дѣлывала и не разъ; что она преслѣдуетъ всѣхъ тѣхъ, кто любитъ ея брата и содѣлываетъ даже жизнь ихъ постылою, что я могу доказать это, если только захочетъ выслушать. Тутъ князь закричалъ на насъ обоихъ, чтобъ мы замолчали и заставлялъ меня читать газеты; но я не могъ читать: я получилъ какое-то отмѣнно тяжкое сотрясеніе, которое отдалось мнѣ именно въ больное мѣсто страждущаго бока и

всей поясицы; сотрясеніе похоже на то, еслибъ кто нибудь по упомянутому мѣсту ударилъ палкой.

Голосъ у меня прерывался, кровь бросилась въ голову. Какъ такъ (успѣлъ однако сказать я) обижать меня и въ присутствіи вашего брата: тридцать лѣтъ прослужилъ я и не слыхалъ ничего подобнаго.... Я совсѣмъ не могъ читать и вышелъ въ другую комнату, тамъ спросилъ себѣ холодной воды и отпивался ею; и вотъ когда поулеглось волненіе, я пришелъ въ комнату, хотѣлъ вновь читать, но князь не допустилъ меня и заставилъ читать газету дѣвицу Мауреръ. Я сѣлъ на софу и молчалъ; Козловскій въ это время пришелъ въ комнату. Князь часто спрашивалъ Мауреръ, скоро ли она дочитаетъ газеты и когда та ихъ окончила, князь приказываетъ мнѣ встать и подойти къ себѣ. Подай мнѣ свою руку, сказалъ онъ мнѣ, я тебя прошу сдѣлать мнѣ въ личное одолженіе, и если ты только любишь меня, помириться съ моею сестрою. Въ это время онъ соединилъ наши двѣ руки, и мы примирились съ Кологривую не глядя другъ на друга; однако я успѣлъ сказать ей: Богъ съ вами, Елисавета Михайловна, что вы меня такъ преслѣдуете. Князь успокоился и даже былъ веселъ; эгоизмъ вельможи, можетъ быть, рисовалъ ему этотъ подвигъ отмѣнно добрымъ дѣломъ. Проглотя обиду, я принялся за веселое Путешествіе, былъ разговорчивъ, хорошо ѣлъ постный его столъ, запивалъ часто виномъ и по видимому былъ въ веселомъ настроеніи духа. Послѣ обѣда Кологривая зазвала меня въ особую комнату. Простите меня великодушно, Юр. Ник., говорила она мнѣ, что я васъ оскорбила; я чувствую, что когда разсержусь, то прихожу въ неистовство; въ злобѣ моей и бѣшенствѣ, я даже не помню, что я говорю; эта вспыльчивость вѣроятно ниспослана мнѣ свыше, чтобы я не возгордилась отъ тѣхъ тяжелыхъ трудовъ, которые предпринимаю въ пользу моего больного брата. Послѣ мнѣ дѣвица Мауреръ говорила потихоньку: вы хорошо сдѣлали, Юр. Ник., что ей не уступили; ништо ей, она того стоитъ.—Пришелъ священникъ и видно по незнанію домашняго служенія долго прослужилъ, такъ что вышла изъ терпѣнія и самая Кологривая, великая охотница къ порядкамъ внѣшняго богослуженія; священникъ служилъ, какъ слуга въ монастыряхъ и, признаться, всѣмъ надоелъ, особенно скорымъ и непонятнымъ чтеніемъ; дьячекъ также очень дурно пѣлъ, самъ князь началъ вздыхать отъ нетерпѣнія. Я поздно возвратился домой. Мы вышли изъ дома князева вмѣстѣ съ Муравьевою и ея племянницею, которую я велъ подъ руку, а та съ фонаремъ ѣхала на своей тележкѣ. Я просидѣлъ у нихъ долго, напился чаю и выкурилъ двѣ трубки табаку; гастрическое мое состояніе поразошлось, и я очень признателенъ за ласку и вниманіе добрыхъ моихъ сосѣдей. Пришедши домой,

я узнаю отъ Кати, что кн. Мещерская во время моего отсутствія была у насъ и даже съ нетерпѣніемъ меня поджидала. Она поразсказала женѣ моей, что вчера жаркій разговоръ имѣла съ княземъ и даже обо мнѣ; что Кологривая ее оспаривала и что братъ ея держалъ мою сторону. Княгиня Мещерская даже дала знать князю, что Кологривая даже въ самомъ Петербургѣ старалась вредить мнѣ, ссоря меня съ моими друзьями и общими знакомыми, распуская ложные слухи о моемъ лицѣ и характерѣ. Князь отыгрывался и снѣживалъ.

И вотъ такимъ образомъ я вступилъ въ Святую Четыредесятницу. Признаюсь, еслибъ можно было, то я, не выходя изъ покоевъ, подалъ бы князю мою просьбу объ отставкѣ, но этаго сдѣлать теперь нельзя, надобно еще подождать; сроки моей службы совпадаютъ съ ближайшимъ временемъ послѣ святой недѣли, а до той поры далеко. Но да будетъ воля Божія! Признаюсь, я какую-то антипатію началъ чувствовать, когда подхожу къ дому князеву, бывшему для меня палладіумомъ свѣтлыхъ мыслей и беззаботнаго удовольствія. Утружденный я легъ спать, на скоро переговоривъ обо всемъ съ милымъ другомъ Катею.

*

9-го Февраля.

Узнаю отъ пріѣхавшей изъ Ялты Ольги Карловны, что будто всѣ утверждаютъ въ Ялтѣ, что Козловъ съ почтмейстеромъ читаютъ посылаемые на почту письма. Вещь быточная. Кологривой, конечно, интересно знать, что писать стали бы въ Петербургъ Муравьева и Мещерская. Видѣлъ я во снѣ г. Рубца, бывшего старшимъ въ камерѣ, когда я былъ въ 1818 годѣ офицеромъ 2-го Кадетскаго корпуса. Онъ былъ славный малый и хорошій рисовальщикъ; съ тѣхъ самыхъ поръ я его не видалъ.

*

10-го Февраля.

Дождь, слякоть, сырость, холодъ все вмѣстѣ собралось для сегодншняго дня. Князь за мною прислалъ карету, въ которой я и отправился къ нему. Чтеніе мое началъ не обычнымъ Путешествіемъ по Испаніи, а взялъ съ собою нѣсколько № Сѣверной Пчелы, въ которыхъ помѣщена была юмористическая статья, Адамъ Адамовичъ Адельгеймъ. Хотя и косился на меня Козловскій, что я забрелъ въ его огородъ, то есть Русское чтеніе, однако князь со вниманіемъ и съ удовольствіемъ выслушалъ статью и очень смѣялся; послѣ того я началъ читать свое Путешествіе.

Козловскій далъ мнѣ книгу сочиненія Загоскина, подъ названіемъ: Москва и Москвичи; я бросился читать ее съ великою жадностію, но послѣ оставилъ: показалась мнѣ книга скучна.

*

12-го Февраля.

Въ нынѣшній день князь приобщался святыхъ тайнъ; самъ я не пошелъ поздравлять его, а послалъ къ нему записку отъ себя и отъ имени жены моей.

Началъ читать князеву рукопись, очень давно у меня хранящуюся; это извѣстная Кёрнерова Исторія Орлахской дѣвушки. Со страхомъ читалъ я о тѣхъ наказаніяхъ послѣ-смертныхъ, которыя подготавливаетъ намъ грѣхъ нашъ. Вечеромъ, послѣ князева обѣда, зашелъ къ намъ Дмитр. Иванов. и просидѣлъ цѣлый вечеръ; онъ сказалъ Ленѣ по секрету, что слышалъ отъ Анны Александровны, что они надѣются, что князь будетъ просить мнѣ о томъ содержаніи, которое я нынѣ получаю и послѣ моей отставки и что написанная о томъ бумага отдастся мнѣ въ руки и если я захочу, то самъ ее отправлю и на почту. Только, чтобъ вовсе не говорить о томъ Кологр. и чтобъ она не знала, что Анна Александр. принимаетъ въ этомъ дѣлѣ живѣйшее участіе.

*

13-го Февраля.

Докторъ Шмидтъ рассказывалъ мнѣ про свои неудовольствія съ управителемъ, которыя не нашутку разыгрываются: ему былъ случай передать мнѣ и о значеніи, которое имѣетъ управляющій дѣлами графа полковникъ Ягницкій. Отецъ Андрей обѣдалъ у меня и довольно долго посидѣлъ, онъ мнѣ много кое чего интереснаго пересказалъ. Поутру читалъ интересныя статьи изъ Часовъ Благоговѣнія и прилежно продолжалъ читать рукопись объ Орлахской дѣвушкѣ, которая часть отъ часу занимаетъ мое мышленіе. Князь заѣзжалъ было за мною, чтобы взять меня, но я отказался по причинѣ болѣзни, о чемъ и увѣдомила его Варв. Петровна.

Приходила ко мнѣ больная женщина, ново-окрещенная Еврейка, которую крестилъ прошлаго году князь съ графинею*). Я не принялъ ея, но ложась спать почувствовалъ какую-то жалость къ этой женщинѣ и раскаялся въ моей жесткости. Вечеромъ, я точно чувствовалъ прикосновеніе любви къ ближнему и это отношу, какъ и всякое благое чувство, океану всякаго блага, Господу и Богу.

*

14-го Февраля.

Вставши я тотъ часъ же написалъ записку къ князю и просилъ его, чтобы помѣстить окрещенную Еврейку въ больницу. Князь не

*) Т. е. съ графинею Е. К. Воронцовой. П. Б.

отказалъ мнѣ въ моемъ ходатайствѣ, но больной не оказалось въ Кореисѣ; я послалъ мальчика ее отыскивать; нашли ее у одного Мисхорскаго старика, проживающаго со старухою своею въ горахъ, не подалеку отъ Алупки. Больная эта женщина ко мнѣ явилась, но я замѣтилъ въ ней какую-то жесткость и отпирательство. У одного изъ здѣшнихъ бѣдныхъ крестьянъ родился ребенокъ, никто не шелъ крестить его, по причинѣ бѣдности; дитя лежало, нагое тоже отъ бѣдности; наша женщина Матрена сшила ему изъ вѣтошекъ рубашку. Я послалъ Матрену объявить родительницѣ, что я иду самъ крестить дитя съ Варварой Петровной. Матрена возвратилась вся въ слезахъ отъ соучастія. Сперва родители думали, что надъ ними смѣются, когда имъ о томъ объявили и съ трудомъ повѣрили. Надобно было видѣть радость ихъ; роженица вскочила и начала со слезами молиться Богу. Я послалъ будущую куму навѣстить ихъ и вмѣстѣ отдать имъ небольшой подарочекъ. Имя ребенку назначается мое собственное.

*

16-го Февреля.

Нынѣшній день минуло мнѣ 55 лѣтъ, ибо я родился въ 1792 году. Богу благодареніе! Дожилъ я до такихъ лѣтъ, которыя вообще неприступны для распутства. Провидѣніе милостиво довело меня до сего возраста; пусть сердце мое пролепечетъ Господу всю возможную для него признательность; говорю, возможную, потому что сердце человеческое и грубо, и безсильно. Анна Александр. прислала мнѣ бутылку Шампанскаго въ подарокъ. Жена моя размѣнивается съ жителями Розоваго Павильона разными услугами, посылаетъ къ нимъ пирожнаго и другаго что найдетъ. Сего-дня послала она къ женѣ Попова галантиръ изъ телячей головки и безе. У насъ статья эта идетъ дѣятельно. Мнѣ жаль бѣдной больной, говоритъ жена моя; ей, бѣдненькой, и покушать-то нечего; Попова не иначе называетъ жену мою, какъ благодѣтельницаю. У насъ въ нашемъ, такъ сказать, нижнемъ этажѣ мѣщанской жизни взаимность обязательства и услуги въ сильной игрѣ, а въ высотахъ, или въ домѣ князя, аристократическая или эгоистическая морга; высота не понимаетъ какъ въ низыменности, по милости Божіей, мы живемъ ладно и согласно. Старецъ-князь посѣтилъ меня, но онъ, впрочемъ, не зналъ, что сегодня день моего рожденія. Мы поговорили, какъ обыкновенно, не о весьма важныхъ предметахъ: старецъ рѣшается кушать скоромное. Я получилъ на почтѣ одно лишь письмо отъ Симферопольскаго почтмейстера и повѣстку для Турчаниновой въ 6000 рублей.

Пришла и сама Муравьева въ разстроенномъ видѣ и, по обыкновенію, со слезами на глазахъ. Она рассказала что было при чтеніи

одного письма изъ Одессы, по случаю кончины графини Эделингъ и которое она получила отъ своей родственницы Исленьевой въ видѣ отвѣта на свое письмо къ ней, писанное по препорученію же князя, чтобъ узнать истину. Вотъ въ чѣмъ эта истина состояла. Съ нѣкотораго времени Кологривая отрывочно и какъ-бы недоговаривая передавала брату, что Эделингъ умерла отъ неудавшейся операціи, а какой операціи, не сказывала. Кологривая и мнѣ объ этомъ прежде говорила, но въ этотъ разъ яснѣе. Операція неудавшаяся ничто иное, какъ снятіе катаракта, къ чему самъ князь съ понятнымъ и явнымъ нетерпѣніемъ готовится. Князь по этому случаю и просилъ Вѣру Алексѣевну, чтобы она узнала подробности кончины графини Эделингъ, и вотъ это-то письмо и начала читать князю Вѣра Алексѣевна. Когда дошло до дѣла, что операціи никакой не было и при какомъ-то тутъ замѣшавшемся имени лица покровительствуемаго Кологривую, вдругъ она вскочила съ софы, на которой лежала и, разкраснѣвшаяся на сей разъ какъ ракъ, зазіяла глазами и начала говорить обидныя и грубыя слова Вѣрѣ Алексѣевнѣ. Та благодушно снесла и сказала ей, что она получила это письмо въ слѣдствіе препорученія ея же брата. За обѣдомъ Муравьева ничего не ѣла и когда князь потчивалъ, то она отвѣтствовала, что такъ огорченной, какъ она, ѣсть вредно и проч. Послѣ обѣда, князь вышелъ, а Вѣра Алексѣевна тотъ часъ же и ушла, не обративъ на Кологривую ни малѣйшаго вниманія, какъ-бы она и не существовала. Князь, при этой сценѣ, отыгрался обыкновенными своими возгласами: перестаньте меня мучить и пр.

*

17-го Февраля.

Князь Мещерскій послѣ своего пріѣзда посѣтилъ меня. Разговоръ о князѣ, онъ началъ винить его въ потачкѣ всему происшедшему; нельзя же предположить, говорилъ Мещерскій, чтобы князь всего этого не зналъ и не слыжалъ, но, не смотря на то, онъ терпитъ и отмалчивается.—Вотъ опять зашелъ ко мнѣ очень рѣдкій гость Е. Арсеньевъ; онъ живетъ на дачѣ возлѣ Ялты, принадлежащей его тестю Исленьеву. Мы съ нимъ пріятно провели время, и я ему предложилъ, можно-ли со временемъ переѣхать пожить на его дачу; онъ съ радушіемъ отозвался и объяснялъ мнѣ многія удобства, которыхъ Кореисъ не имѣетъ. Желаніе это еще во мнѣ не устоялось, и оно вдругъ и неожиданно проявилось. Потомъ пришла и Вѣра Алексѣевна. Какъ мы предполагали, такъ и случилось: старецъ-князь заѣзжалъ къ ней и убаюкивалъ и умиротворялъ обпженную. Разумѣется, сваливалъ на сестру свою, называлъ ее *pétarde* (шумихой). А Муравьева прибавила: *Haineuse* (ненавистницею). Муравьева однако воспользовалась случаемъ

поговорить съ княземъ и на счетъ сестры его и на счетъ Козловскаго. Она ввернула и мое имя, сказавши какъ бы мимоходомъ, что въ тотъ день, когда Кологривая подбѣжала ко мнѣ съ бранью, я заходилъ къ Муравьевой и что на силу-дескать мы Юрья Никитича отпостили чаемъ. Муравьева сказала старцу, что если уже сестра его всѣхъ тѣхъ гонить, которые усердствуютъ ея брату, то пусть позволить князь ей, Муравьевой, удалиться; на что старецъ отвѣтствовалъ, что ему очень горько будетъ, когда она удалится, и онъ видитъ, что всѣ хотятъ оставить его. Въ это время физіономія его приняла видъ такой страдальческой, что Муравьевой жалъ стало бѣднаго старца. Я вчера сдѣлался болѣнъ, говорилъ ей князь, чувствовалъ жаръ, но какъ видно, по его отзывамъ, не рѣшился запретить сестрицѣ своей поступать по прежнему, т. е. чтобъ не дѣлала обидъ всѣмъ намъ. Князь просилъ ее сего-дня обѣдать, но она отказалась.

*

18-го Февраля.

Получивъ какое-то отвращеніе къ чаю, я велѣлъ приготовить его нѣсколько необыкновеннымъ образомъ: велѣлъ подогрѣть сливки, которыя доселѣ пилъ холодные и вмѣсто сахара началъ класть медъ, тотъ самый, который подарилъ мнѣ раввинъ въ Эвпаторіи. Такимъ образомъ, чай мнѣ началъ очень нравиться, и я пью его по нѣскольку стакановъ.

*

20-го Февраля.

Въ продолженіе дня я читалъ Библію и Книгу Натуры; это сочиненіе извѣстно было подъ названіемъ размышлений о Божіемъ величествѣ Штурма, но оно переработано другимъ и пополнено въ уровень настоящихъ знаній.

Вообще и сего-дня я никуда не выходилъ изъ комнаты; какал-то пассивная разсѣянность меня преслѣдуетъ; садясь за столъ, я нечаянно взглянулъ въ окошко и къ удивленію моему увидѣлъ, что нѣкоторые деревья покрываются уже зеленью; плачущія ивы начали зеленѣть. За столомъ подали намъ круглый съ яицами и курицею пирогъ, который принесли намъ отъ крестьянки, у коей я крестить собираюсь. Вечеромъ священникъ прибылъ къ намъ для сего священнодѣйствія. Въ моемъ кабинетѣ поставили купель, и я съ Варенькою окрестилъ младенца, котораго назвали моимъ именемъ: Юріемъ. Ризки и шапочка сдѣланы прекрасныя; повивальная бабка была настоящая бабка ребенка. Она потчивала насъ Шампанскимъ; къ этой церемоніи подошелъ и Дмитр. Иван., просидѣвшій у насъ цѣлый вечеръ; священникъ также остался пить чай. Послѣ пошелъ онъ пировать къ родителямъ новорожденнаго, который, какъ говорятъ, родился въ сорочкѣ.

*

21-го Февраля.

Машинька пришла и нѣсколько ободрила мое уединеніе. Я просилъ у нея Русскую христоматію, изданную Галаховымъ и Rose et Blanche, написанную извѣстною писательницею г-жею Dudevant, подъ названіемъ псевдонима Занда. Поутру я прочиталъ двѣ превосходныя статьи изъ Часовъ Благоговѣнія, а ввечеру прочитывалъ въ слухъ изъ Христоматіи. Нѣкоторыя стихотворенія Кольцова, Цыганова снова освѣжились въ моей памяти; душа моя такъ много поражена была ихъ меланхолическимъ достоинствомъ, что я много и сладко плакалъ; не умѣлъ даже унять слезъ своихъ, что со мною рѣдко случается.

*

22-го Февраля.

День мой я началъ слезами, и все это читая стихи изъ Христоматіи; особенно разтрогала меня извѣстная идиллія Гнѣдича, Петербургскіе Рыбаки. День весь объѣдался, такъ сказать, сочиненіемъ г-жи Дюдеванъ: Rose et Blanche. Это сочиненіе, если хотите, и вольно и отъ части безнравственно, но мастерски написано. Слогъ, наведенія, драматическіе эффекты, ясность философскаго изложенія, превосходны. Любопытно слѣдить за этимъ женскимъ геніемъ, и я съ нетерпѣніемъ ожидаю послѣднее ея сочиненіе Consuello, чтобы насладиться прочтеніемъ онаго. Нечего сказать, согрѣшилъ грѣшный: прелесть да и только!

Я послалъ жену мою провѣдать Анну Александровну и спросить ее, отъ моего имени, о чѣмъ намекалъ мнѣ Дмитр. Иванов. Точно Турчанинова говорила о моей отставкѣ съ княземъ, и онъ хорошо отозвался: знаю, что ему жить здѣсь не приходится; я постараюсь все употребить, чтобы испросить у Государя получаемое имъ содержаніе: впрочемъ, Богъ знаетъ: Государь отказалъ на мою просьбу о Шмидтѣ; лучше бы было, еслибъ онъ подождалъ Государева пріѣзда; полагаю, что онъ непременно въ нынѣшній годъ посѣтитъ Севастополь: тогда-бы надежнѣе было дѣло..... И съ Варварою Петровной объяснялась Кологривая на мой счетъ; ей вздумалось пересказать ей послѣднюю нашу исторію, которую и заключила, отдавая мнѣ справедливость, что я не жаловался доселѣ на нее брату ея. Душа моя цѣлый день въ какомъ-то упоеніи, но не дѣвственномъ. Я прошу Господа не поставить въ грѣхъ жадность мою къ литературнымъ впечатлѣніямъ.

*

23-го Февраля.

И сегодняшній день Зандъ увлекла меня занимательнымъ своимъ разсказомъ. Марія Владимировна отыскала мнѣ вторую часть Rose et Blanche и новое еще сочиненіе того же автора Le Compagnon du tour

de France, и вотъ я принялся читать ихъ вмѣстѣ, разумѣется, по очередно, и день и вечеръ употребилъ на это чтеніе; изложеніе авторова такъ занимательно, что отстать не хочется, но есть мѣста сильно безнравственныя. Грѣшу, но увлеченіе слишкомъ сильно, не могу отказать себѣ въ удовольствіи читать эти книги. Сочиненія христіанскаго содержанія я отбросилъ на время. Вечеромъ пришла посѣтить меня Вѣра Алексѣевна и рассказала мнѣ подробно о своей горемычной жизни: точно она въ худыхъ обстоятельствахъ, дѣла ея запутаны, ближняя ея, Софья Ивановна Митрополова, связалась съ Вешняковымъ, извѣстнымъ спекуляторомъ и проэктистомъ, изобрѣтателемъ карболейна, и завязала значительныя суммы денегъ принадлежащія ея брату. Она, т. е. Вѣра Алексѣевна, передала мнѣ о возникающемъ неудовольствіи князя на Федора Иван. Прянишникова.

*

24-го Февраля.

И нынѣшній день я упивался чтеніемъ обворожительной и парадоксальной г-жи Дюдеванъ: le tour de France и Rose et Blanche попеременно смѣнялись; время текло незамѣтно, душа юнѣла и кипѣла помыслами увлекательными, не скажу чистыми. Провидѣніе да проститъ мнѣ это упоеніе; эта забава конечно отвратительна и для воображенія моего и для памяти; но увы, она показалась мнѣ отменно сладкою въ моемъ уединеніи. Впрочемъ, поутру я прочиталъ двѣ отличныя статьи изъ Часовъ Благоговѣнія и почиталъ немножко изъ Библии. Въ душѣ моей нѣтъ тревогъ, но и нѣтъ большаго мира.

*

25-го Февраля.

Князь Александръ Николаевичъ посѣтилъ меня сего-дня; между прочими разговорами я высказалъ ему о кончинѣ княгини Кочубей, о которой ему до сихъ поръ таили, не смотря, что о семъ событіи напечатано въ газетахъ. Князь горевалъ, что ему обо всемъ утасвуютъ и принялъ это извѣстіе, какъ христіанинъ.

*

26-го Февраля.

Варинька привезла мнѣ отъ князя извѣстіе, что умеръ Мятлевъ, авторъ Сензаций Курдюковой; человѣкъ хорошій. Я хранить буду память его въ припискахъ собственноручныхъ, которыя онъ сдѣлалъ въ моемъ альбомѣ. Таже Варинька привезла мнѣ книгу: Метафизику, которую ономясь*) выпросилъ я у князя для прочтенія.

*) Старинное вмѣсто „намедни“. П. Б.

*

28-го Февраля.

Приступилъ къ Божественной метафизикѣ Пордечевоу*). Сей боговдохновенный авторъ наполнялъ меня болѣе или менѣе въ продолженіе дня и къ вечеру; чувства мои не только не устали, но еще болѣе и болѣе ободрялись. Душа моя порывалась къ Богу живому, и я былъ въ упоительной надеждѣ хотя когда нибудь получить объ Немъ живое вѣдѣніе; можетъ быть, Онъ сжалится надо мною и коснется живительнымъ Своимъ просвѣщеніемъ до ищущаго и голоднаго имъ сердца моего.

*

29-го Февраля.

Поутру прекраснѣйшихъ двѣ статьи прочиталъ я въ Часахъ Благоговѣнія и потомъ принялся за Пордеча; собственно не его еще сочиненіе я читаю, а родъ подготовленія къ его творенію, гдѣ объясняется его система другимъ авторомъ. Это чтеніе окрыляетъ духъ мой до такой степени, что поутру я почувствовалъ себя какъ-бы въ восторженномъ состояніи; чувство внутренняго удовольствія живо проникало душу, и я достаточно не могу за то возблагодарить Творца моего. Болѣе или менѣе я продолжалъ чтеніе Пордеча чрезъ цѣлый день. Между прочимъ удосужился я прочесть одну главу и изъ Малекбранша; но умозрѣніе сего, впрочемъ высокаго, метафизика показалось уже мнѣ тускло послѣ могучаго Пордеча. Я отыскалъ въ Пордечѣ такія объясненія о двѣхъ Софіи, Премудрости Божіей, какихъ нигдѣ не случалось мнѣ прочитывать; я весьма былъ доволенъ и радостенъ отъ этихъ новыхъ, хотя и смутныхъ еще для меня, понятій.

*

1-го Марта.

Офрейнгъ ласково и дружески пишетъ ко мнѣ и зоветъ меня къ себѣ заѣхать, когда буду выѣзжать изъ Крыма. При письмѣ Жегачева Караимъ Іезекіиль прислалъ мнѣ изюма и чернослива: первый былъ отличнѣйшаго качества, и мнѣ вздумалось послать и того и другаго моей сосѣдкѣ Вѣрѣ Алексѣевнѣ. Но какая-то зашлая поэтическая мысль меня посѣтила, и вотъ что написалъ я къ ней посылая сласти:

Какъ сладка ты мнѣ сосѣдка,

Такъ хочу быть сладокъ я....

Во снѣ мнѣ сего-дня снилась прежняя помѣщица нашей деревни, кн. Анна Сергѣевн. Голицына. Да успокоить Господь душу ея въ блаженныхъ селеніяхъ; все бы я былъ съ нею въ какихъ-то объясненіяхъ; кромѣ того всходилъ на лѣстницу и подбиралъ на ступеняхъ оставленные и лежащіе на оныхъ золотыя монеты.

*) Пордечъ (Portage), Англичанинъ—врачъ XVII вѣка, послѣдователь Бѣма. П. Б.

*

2-го Марта.

Наконецъ въ скорости вѣтеръ превратился въ бурю, и вотъ насталъ уже настоящій ураганъ. Катя водила меня смотрѣть въ окошко изъ нашей столовой на это зрѣлище. Въ воздухѣ особенный шумъ; ни моря, ни горъ, ни ближнихъ окрестностей не видать; все какъ бы подернуто было мглою; дождь и снѣгъ въ видѣ пара или дыма сбрасывался на доли съ какою-то особенною стремительностію; все кипѣло, какъ въ котлѣ; желѣзные листы, чѣмъ покрыта была наша кровля, то и дѣло что слетали съ верха и съ трескомъ обрушивались; вблизи насъ нѣсколько деревьевъ выдернуло съ корнемъ и разбило въ щепы; нѣкоторыя изъ нихъ валялись и заслоняли дорогу; люди съ трудомъ могли ходить по дорогѣ; князева садовника понесло и разшибло; часть стѣны въ кухнѣ князевой обрушилась; даже сдѣлались поврежденія и въ самомъ домѣ его. И у насъ снесло мальчика, сына кухарки нашей, котораго она посылала въ нашъ домъ за чѣмъ-то. Между прочимъ, тополь, который, можетъ быть, пятидесятилѣтне украшалъ и ручей, и селеніе наше, совсѣмъ поваленъ и разрушенъ бурей; орѣшины, столѣтнія по словамъ садовника, совсѣмъ повалены. Таковъ-то нынѣшній ураганъ. Не смотря однако на такое время, чугунная моя печка топилась, и я, какъ умѣлъ, грѣлся около нея. Ко мнѣ пришелъ посидѣть мой духовный отецъ, который, не смотря на говѣющихъ и припасающихъ къ эвхаристіи, не рѣшился служить въ церкви, по причинѣ бури. Мы другъ съ другомъ побесѣдовали и разумѣется о Пордечѣ, котораго только что я окончилъ читать. Прислалъ ко мнѣ записку сосѣдь мой князь Мещерскій, гдѣ между прочимъ увѣдомляетъ о смерти Мятлева; онъ былъ въ своемъ домѣ, въ это время въ домашней его церкви шла обѣдня, онъ началъ только что бриться, какъ неумолимая смерть поразила его внезапно.

Къ намъ явился изъ Ялты Еврей съ разными товарами, и я поторопился позвать свою кухарку Эвфимію, чтобы она выбрала себѣ самаго лучшаго ситцу на платье, что она и сдѣлала; выбранная ею матерія съ такими была цвѣтами и разводами, что просто заглядѣнье; по мнѣ, такъ годилось бы только на одѣяло. Кухарка кормить насъ постнымъ столомъ, гдѣ о рыбѣ и помину нѣтъ, изобрѣтаетъ намъ разныя кушанья, чѣмъ мы очень остаемся довольными. У этаго же Еврея куплено по платью и для нашихъ женщинъ; куплено ситцу очень хорошаго и на бѣлье для людей нашихъ. Еврей ловкій и смышленный; я не безъ удовольствія поговорилъ съ нимъ.

*

3-го Марта.

Вечеромъ пришелъ ко мнѣ Дмитр. Иванов., и мы съ нимъ порядочно поразговорились; все болѣе о Москвѣ. Онъ совѣтуетъ мнѣ нанять домъ Асташевскаго на Тверской, при этомъ домѣ есть и садъ. Хозяинъ его есть извѣстный чудакъ и онъ за такового извѣстенъ и по цѣлой Москвѣ. Наконецъ я рѣшился приняться писать отвѣтъ на три письма Латкина и, признаюсь, обдумавъ зрѣло мое намѣреніе, я отказываю ему въ новыхъ субсидіяхъ, которыя довольно значительны. Я и безъ того во время пребыванія моего въ Крыму переслалъ ему, женѣ его и матери около 12 сотъ рублей: трата слишкомъ для меня важная и вмѣстѣ доселѣ вовсе для меня бесполезная.

*

4-го Марта.

Пордечъ сильно занимаетъ и увлекаетъ меня. Вотъ какую мысль нашелъ у него сего-дня поутру въ подтвержденіе всегдашней и тайной моей думѣ. Говоря о святомъ писаніи (Библии съ Евангеліемъ) и что въ ономъ заключены всѣ вѣдѣнія располагающія и вразумляющія человѣка на пути освященія и спасенія души своей, онъ наконецъ вотъ что говорить:

„§ 12. Понеже не можно никакого новаго откровенія ожидать, пока начнется *третіе служеніе*, *Bedienung*, коего *день Духа Святаго есть*. Ибо какъ Отецъ имѣлъ свой день, такъ какъ и Сынъ; такъ равномерно и Духъ Святый будетъ имѣть свой день“.

„§ 13. Какія же новыя откровенія и явленія воспослѣдуютъ во оный день, когда Духъ явится своею дѣйствующею силою въ мірѣ, сего никто не можетъ сказать; но самый день тогда откроетъ“ (Божественная Метафизика Пордеча, томъ первый, стран. 429). Это мѣсто сочиненія автора меня поразило, и я подумалъ, не возшли ли уже мы въ сіи времена, не началось ли уже царство Духа. Смотри на изобрѣтенія, открытія, изслѣдованія, которыя кипятъ, такъ сказать, въ современной жизни и за коими мы слѣдить не поспѣваемъ, можно болѣе нежели съ вѣроятностію предположить, что царство Третьей, Нераздѣльной Ипостаси началось; внуки наши увидятъ неожиданныя послѣдствія.

*

5-го Марта.

Князь Александр. Николаевичъ посѣтилъ меня сего-дня; въ это время сидѣлъ у меня князь Мещерскій. Разговоръ мой съ княземъ Ал. Ник. былъ какъ-то вялъ; въ основаніи съ обѣихъ сторонъ не было того наивнаго увлеченія, которое такъ сладко въ уединеніи и въ

исключительной жизни. Присутствіе князя поселяетъ въ сердцѣ моемъ какое-то сжатіе.... больно мнѣ, что я такъ выражаюсь, но это правда. Форма и одна только форма, опрятная, благоволительная не удовлетворяетъ уже болѣе сердцу. И нынѣшній день дивный Пордечъ уносилъ меня въ превыспреннія и вождѣлennыя области для моего духа; другихъ книгъ я мало теперь читаю, а пробавляюсь газетами, которыя небогаты на этотъ разъ новостями.

*

6-го Марта.

Поповъ, обѣдавшій на дняхъ у князя, имѣлъ случай раскрыть предъ княземъ настоящую исторію Ковалькова; онъ ему то сказывалъ, о чемъ князь и не подозрѣвалъ. Это сердило Кологривую, издавна взявшую подъ свое покровительство Александра Иванов. Но Поповъ, не смотря на явные знаки негодованія Кологривой, продолжалъ рассказывать и тѣмъ съ болѣешимъ увлеченіемъ, что князю это казалось ново, и онъ вполне довѣрялъ ему. Кромѣ того въ другой день князь сталъ оказывать свое огорченіе на Прянишникова, говоря, что онъ возгордился особенно съ той поры, какъ получилъ кавалерію отъ Прусскаго короля; это тоже гнѣвило Кологривую, и она была недовольна такимъ отзывомъ князя. Здѣсь важно то, что старецъ началъ наконецъ всматриваться въ Прянишникова. Заходила ко мнѣ довольно рѣдкая гостья, именно дѣвица Мауреръ; она объявила мнѣ, что хочетъ оставить князя и что не находитъ возможности выносить дерзкіе поступки Козловскаго; недавно она сказала Кологривой, что, по неволѣ слушая, что говорить ей, Кологривой, Козловскій, она, еслибы была мужчиною, то вонзила бы шпагу въ грудь его: такъ рѣчь Козловскаго кажется ей грубою и дерзновенною. И дѣйствительно, все что можно сдѣлать ей обиднаго, то онъ все дѣлаетъ; когда садится читать князю и если въ это время Мауреръ тамъ, то поварачиваетъ свой стулъ и садится къ ней тыломъ... Мѣрья Владимировна рассказывала мнѣ, что Казначеевъ такъ выразился: вы не можете себѣ представить, какое чувство тоски и стѣсненія я ощущаю, когда посѣщаю князя; но не онъ тому причиною, а сестра его, наводящая на меня эту тѣсноту. Тоже говорить и полковникъ Олипа; я бы охотно пріѣзжалъ, выразился сей послѣдній, чтобы занять старца, чтобы почитать слѣпцу, но не рѣшуся на это, чтобы не быть въ контактѣ съ Кологривою.

Въ моемъ уединеніи я въ одномъ только возвращеніи ищу себѣ прохлады и утѣшенія; но грузная грѣхомъ душа моя не растеплевается любовію и преданностію ко Господу; какая-то лѣнь напала на меня; ничего не могу писать, ничемъ заняться не могу; впрочемъ, я не прозябаю, но и не живу. Новаго рода сны беспокоятъ меня; я вижу

золото въ монетахъ. Въ нынѣшнюю ночь видѣлъ Государыню и Государя, дающаго мнѣ въ ладонь нѣсколько золотыхъ монетъ. Что этотъ сонъ предвѣщаетъ? Не навожденіе-ли лестчаго духа? Да избавить насъ отъ этого Господь! Въ Немъ вся моя надежда и упованіе.

*

7-го Марта.

До меня дошелъ слухъ, что Анна Александр. собирается въ путь; она оставляетъ Розовый Павильонъ, но не Южный берегъ, по которому хочетъ поѣздить, прежде чѣмъ оставить навсегда Крымъ. Ѳедотъ, любимый человѣкъ Кологривой, какъ говорятъ, также намѣревается оставить свою барыню, а она на него всю надежду полагала, по причинѣ якобы неудовольствій отъ Козловскаго. Варинька была сего-дня для обычнаго чтенія у князя, имѣла громкій разговоръ съ Кологривою; предметъ разговора состоялъ въ томъ, что во время прошлагодняго пребыванія моего въ Эвпаторіи меня тамъ очень всѣ ласкали и что мнѣ было весело; на это Кологривова клала свои аргументы и находила въ такой простой вещи вещество для оспариванья. Когда за столомъ начали говорить, что мнѣ можетъ быть опять приведется ѣхать въ Эвпаторію, потому что въ колѣнкахъ оказывается прежняя боль, на это князь вымолвилъ: я знаю, что онъ не поѣдетъ. Этимъ словомъ, онъ далъ замѣтить, что извѣстны ему мои предположенія. При Варинькѣ случилась сцена: Кологривая разогорчила такъ сильно дѣвицу Мауреръ, живущую въ домѣ князя, что та ушла въ другую комнату и долго плакала; князь, кажется, замѣтилъ ея слезы и спрашивалъ ее о томъ съ участіемъ. По всему вѣроятію, дѣвица Мауреръ не долго наживетъ у князя.

*

8-го Марта.

Я продолжаю вкушать Пордеча; чудныя его откровенія низлагаютъ величіемъ духъ мой; какъ сладко и отрадно вглядываться, сколько слабое человѣчество позволяетъ, въ непостижимое существо Бога и Господа. Тихая вѣчность, міръ вѣчной натуры, Ангельскій міръ съ его подраздѣленіемъ наполняютъ душу особенною сладостію. Господи Боже! Позволь моему прелюбодѣйному и искаженному сердцу воздать и принести Тебѣ посильную дань хваленія, прославленія и самопреданія, къ которому только я способенъ по великой благодати Твоей. Не лиши меня упованія, что кровь возлюбленнаго Сына Твоего омоетъ, предъ очами Твоими, и мои беззаконія.—Заходила ко мнѣ Машенька проститься; она съ теткою ѣдетъ на дачу къ Арсеньевымъ. Только что предъ этимъ сидѣлъ у нихъ князь и, по словамъ Машеньки, тетка ея была въ ударѣ рассказывать князю, по ея обыкновенію, со словами и великимъ дѣи-

женіемъ. Она передала ему, что знала о Козловскомъ; князь же, по точнымъ словамъ Машеньки, крѣпко потѣлъ, выслушивая эту не-поэтическую повѣсть чиновническихъ невѣрностей и отступленій. По видимому, она поколебала его; увидимъ послѣдствія. Обо мнѣ князь выразился, что онъ мною доволенъ и отдастъ мнѣ справедливость и что если я выхожу въ отставку, то объ этомъ ему было извѣстно еще до отъѣзда моего изъ Петербурга изъ собственныхъ словъ моихъ; что когда ему, князю, исполнится 70 лѣтъ, то я тогда намѣревался оставить службу. Муравьева въ своемъ увлеченіи ни о комъ не забыла; она въ ясной картинѣ представила князю, какъ всѣ мы терпимъ, отъ Козловскаго; какъ онъ всѣмъ грубитъ, какъ не кланяется, какъ пьяный спитъ и храпитъ въ его присутствіи. Князь возражалъ, что Козловскій ему нуженъ и что нельзя же всѣхъ отгонять отъ себя, не увѣрившись въ ихъ виновности и проч. Муравьева прибавила къ этому, что, по собственнымъ словамъ сестры его, Козловскій подозрѣвается въ распечатываніи пакетовъ, даже въ неоднократной кражѣ денегъ и притомъ суммъ значительныхъ, какъ-то 1000 рубл., о чемъ именно утверждала сестра его и проч. (но Богъ знаетъ, вѣрно ли это, потому что вовсе не доказано; но, что Кологрив. говорила это, въ томъ нѣтъ сомнѣнія). Машенька сказывала также мнѣ, что и дѣвица Мауреръ, не умѣя уже сносить нападковъ того-же Козловскаго, рѣшилась объясниться съ княземъ; она сказала камердинеру князеву Семену, чтобы онъ доложилъ князю, что Мауреръ проситъ у него аудіенціи; но Семенъ не захотѣлъ сдѣлать этого, а потому она уже сама рѣшилась попросить у него особеннаго свиданія, которое и назначено завтра.

*

9-го Марта.

И сегодняшній день сырость и дождикъ, который ливня лилъ и день и ночь.—Я окончилъ второй томъ Пордеча, есть еще третій, но я его не получилъ отъ князя. Описаніе ангельскаго міра восхитительно; не смотря на крайне устарѣлый и грубый переводъ, нѣтъ занимательнѣе чтенія, какъ эта книга.

*

10-го Марта.

Дѣвицу Мауреръ князь оставилъ у себя въ домѣ, сказавши ей, что ты у меня гостишь и не у кого другаго. Вѣра Алексѣевна распространилась въ разсказахъ, какъ вела она бесѣду со старцемъ; она его разочаровывала съ плачемъ и рыданіями; старцу тяжело было выслушивать столь жесткія истины. Что мнѣ дѣлать съ сестрою, говорилъ онъ: чѣмъ болѣе станешь не соглашаться съ ея мнѣніями, тѣмъ болѣе у нея найдется противностей; по моему мнѣнію, лучше отступить,

вѣдь не отослать же ее отъ себя. Что-же касается до Козловскаго, то при первой повѣркѣ какого-нибудь неприличнаго поступка, имъ учиненнаго, онъ держать его болѣе при себѣ не станетъ. Машинька принесла мнѣ новый романъ любимаго мною Занда. Цѣлый день я провелъ въ чтеніи. Приступилъ къ Библіи; двѣ главы изъ Вѣтхаго Завѣта и одну главу изъ Новаго; кромѣ того часть диссертациі о божественности Священнаго Писанія; я читаю вдругъ три тома. Вся же Библія, текстъ и множество диссертаций, составляютъ 25 томовъ in 8° мелкой печати; не знаю, какъ окончу всѣ сіи томы, а хотѣлось бы очень до своей смерти окончить Завѣтъ и Слово Божіе къ человѣкамъ. Кромѣ обычнаго чтенія изъ Часовъ Благоговѣнія, началъ я читать романъ Зандовъ, подъ названіемъ Мопра. Прелесть да и только; это третій романъ я читаю сего автора, живя на южномъ берегу Крыма; сколько занимательности, сколько ума, вкуса! Писемъ же путешественника того-же автора я не могъ окончить: они показались мнѣ скучными.

*

11-го Марта.

Княгиня Мещерская рассказывала Попову, что до пріѣзда еще сюда князева, Кологривая жаловалась Мещерской на брата; та выслушивала ея ропотъ въ разныхъ видахъ и, повѣривши на слово, написала о томъ сестрѣ своей Татьянѣ Потемкиной письмо, а та передала письмо Государынѣ; вслѣдствіе этого и было отъ Императрицы то письмо къ князю, которое столько поразило меня, о чемъ и упомянуто въ журналѣ моемъ въ Февралѣ прошлаго года. Государыня очень лестно отозвалась о Кологривой и усвоила ей одной всю обязательность и тяжесть ея заслугъ въ отношеніи князя, выключая уже насъ всѣхъ изъ этой категоріи. И теперь, говоритъ Дмитр. Иванов., ежели до чего дойдетъ только дѣло, Кологривая возглашаетъ: меня Императрица знаетъ, какъ я тружусь.....

*

12-го Марта.

Путру мы опять съ Кологривою разговаривали, гдѣ бы намъ жить. Какая-то яркая и свѣтлая мысль пришла мнѣ, чтобы поселиться въ Кіевѣ и отнюдь не въ Москвѣ, невольной свидѣтельница моихъ прежнихъ развратовъ и беззаконій.—По какому-то безотчетному инстинкту, послѣ обѣда я даже не курилъ и трубки, до которой я очень охотникъ.

*

14-го Марта.

Послѣ обѣда я разсматривалъ христоматію Галахову и читая оную, проливалъ обильныя слезы. Что за странность: когда примусь за стихи,

всегда горько плачу. Вотъ напрімѣръ обращикъ, что меня поражаетъ. Великая тайна. (Дума).

Тучи носятъ воду,	Вѣчность вопрошаетъ:
Вода носитьъ землю	Чѣмъ кончилось дѣло?
Земля плодъ приносить;	Вопроси другаго,
Бездна звѣздъ на небѣ,	Каждый отвѣчаетъ.
Бездна жизни въ мірѣ;	Смѣлый умъ, съ мольбою,
То мрачна, то свѣтла	Мчится къ Провидѣнью:
Чудная природа.....	Ты повѣдай мыслямъ,
Старѣясь въ сомнѣньяхъ	Тайну сихъ созданій!
О великихъ тайнахъ,	Шлютъ отвѣтъ, вновь тайный,
Идутъ невозвратно	Чудеса природы,
Вѣки за вѣками;	Тишиной и бурей
У каждаго вѣка	Мысли изумляя.....

Что же совершится
Въ будущемъ съ природой?
О, гори лампада,
Ярче предъ Распятіемъ!
Тяжелы мнѣ думы,
Сладостна молитва!

Кольцовъ.

Или, напрімѣръ піеска Лермонтова, подъ названіемъ: *Молитва*:
Въ минуту жизни трудную....

Когда духъ подготовленъ къ воспріятію какихъ либо чувствованій, болѣе, или, менѣе возвышенныхъ, какъ-то плачется; радуешься и слезамъ, ибо ихъ рѣдко встрѣчаешь и уловляешь въ себѣ во время безцвѣтной, практической жизни.

*

15-го Марта.

Предъ обѣдомъ посѣтилъ меня старецъ-князь; онъ нарочно для меня пріѣхалъ; пріосидѣлъ у меня часа полтора. Мы разговаривали съ нимъ о духовныхъ предметахъ. Я прочиталъ ему Кальметову диссертацию о Вѣчномъ Жидѣ. На этотъ разъ я замѣтилъ въ князѣ болѣе мягкости нежели когда-либо.—Поутру, еще мы не успѣли напиться чаю, какъ прислала къ намъ свою дѣвочку Анна Александровна съ тѣмъ, чтобы жена моя у нея побывала. И вотъ какъ возвратилась Катя отъ Турчаниновой, то принесла мнѣ разныя извѣстія. Турчанинова уже отправляется въ дорогу; она передавала разныя соображенія и давала разные совѣты женѣ моей, но это все относилось къ моей особѣ. Она приказывала мнѣ чрезъ жену мою, чтобы я былъ остороженъ въ словахъ и поступкахъ съ Вѣрою Алексѣевною, Марьею Владимировною и даже съ самимъ Дмитр. Иванович. Юрій Никитичъ откро-

вененъ, ему надобно быть осторожнѣе. Давала рѣшительный совѣтъ не подавать въ Апрѣлѣ просьбы въ отставку, а подождать, по крайней мѣрѣ, Мая мѣсяца, и это она основывала на такихъ обстоятельствахъ, которыя всѣ клонились въ мою пользу, но о коихъ нельзя записать въ журналѣ, не нарушивъ даннаго слова. Она и опять говорила обо мнѣ съ княземъ, который благоволиительно обо мнѣ отзывался и готовъ все сдѣлать, что можно будетъ. Анна Алек. наконецъ оставила Розовой Павильонъ, и я не успѣлъ написать ей прощальной записочки, которую уже довелось послать съ лѣкаремъ Зеленкевичемъ къ ней въ Ялту.

*

16-го Марта.

Жена моя что-то поутру взыскивала съ моего камердинера Ивана, и ей показалось, что онъ согрубилъ предъ нею. Я вышелъ и прибилъ его; я билъ его руками и кулаками по лицу, взойдя въ какое-то неистовство.... Этотъ поступокъ показываетъ, какъ глубоко во мнѣ христіанское самосознаніе. Не стану утѣшать себя изображеніемъ облегчительныхъ для меня причинъ въ таковомъ дѣлѣ: что бы я ни написалъ, все не будетъ годиться и служить къ моему оправданію; лучше замолчать и сказать, что совѣсть вѣрно и хорошо напомнила мнѣ въ продолженіе цѣлаго дня, что я сдѣлалъ гнусный грѣхъ и недостойное благороднаго человѣка дѣйствіе. Вскорѣ я извинился предъ слугою и дворянскими средствами тушилъ въ слугѣ моемъ человѣческое негодованіе. Таковъ-то я со своимъ моленіемъ и возвращеніемъ!

*

17-го Марта.

Дмитр. Иванов. Поповъ раскрылъ мнѣ ужаснѣйшія вещи про Анну Александровну. Что говорила она по величайшему секрету женѣ моей, это знаетъ и Дмитрій Ивановичъ. Съ самаго его пріѣзда сюда она подзывала и подстрекала его заступитъ мое мѣсто; что-же касается до меня, то находила меня во всемъ виновнымъ, что князь обмелѣлъ въ своемъ ко мнѣ довѣріи. Съ самаго пріѣзда въ Крымъ, онъ только заботился о своей квартирѣ; а ему бы сей часъ вступить въ свои права, взять въ свои руки переписку, домъ князей и проч. Сдѣлалось же такъ, что его самого приглашаютъ къ князю въ назначенное время; онъ самъ все это упустилъ, не на кого пенять. Я рада, говорила Турчанинова, что онъ ко мнѣ не ходитъ, потому что опасаюсь его болтливости и проч. Предложенія вступить Попову въ службу князеву даже дѣланы были Турчаниновою за три дня до ея отъѣзда. Между тѣмъ я ласкалъ эту женщину, усваивалъ наносимыя ей оскорбленія, какъ будто мнѣ дѣланныя; тутъ большая часть и негодованія моего на Кологривую. Жена моя раздѣляла съ нею лучшіе куски своего

стола; кухарка наша, въ ущербъ собственныхъ нашихъ удобствъ, готовила для нея и угождала именно потому, что намъ это было пріятно. Турчанинова ласкала и льстила намъ возвышенною, прочною, христіанскою любовію, между тѣмъ какъ постоянное свойство воли ея играть людьми, какъ шашками и переставлять ихъ по своему произволу. Но мнѣ кажется что и самъ раскащикъ не такъ чистъ, какъ онъ самъ себя представляетъ; есть много смутныхъ и непрозрачныхъ обстоятельствъ, которыя, чрезъ наведеніе, показываютъ, что Поповъ долго и постоянно меня мистифировалъ. Самолубіе мое чрезмѣрно оскорбилось, и я провелъ печальную ночь. Одна религія могла утѣшать меня, и я передалъ себя Святому Провидѣнію. Турчанинова не совсѣмъ хорошо разсталась и съ княземъ: она круто и съ сердцемъ объявила ему, что онъ не по Божіей волѣ сюда пріѣхалъ, а по наважденію врага и проч.

*

18-го Марта.

Болѣзнь сестры князевой очень обезпокоила насъ съ женою; ну, если она умретъ, подумали мы: мнѣ нельзя тогда будетъ подать въ отставку просьбу.

*

19-го Марта.

Князь нечаянно посѣтилъ меня. Между прочими разговорами сказалъ онъ мнѣ и о болѣзни сестры своей. Докторъ Шмидтъ сказывалъ, мнѣ, говорилъ князь, что она была въ опасномъ положеніи, что у нея едва-ли не былъ ударъ. Мнѣ жалъ сестры и всегда было, а теперь я и по эгоизму ея жалю: чтѣ я буду безъ нея, если она умретъ? Я замѣтилъ князю, что по какому-бы то побужденію ни было, особенно въ разсужденіи любви братской, нельзя еще эту любовь называть эгоизмомъ или, по крайней мѣрѣ, не должно. Я не замѣтилъ въ князѣ особенной тревоги и, признаюсь, я ожидалъ найти въ немъ болѣе безпокойства. Князь приказалъ мнѣ составить письмо для Муравьевой (она не желала, чтобы писалъ его Козловскій). Съ старикомъ-княземъ у меня какая-то выдержка; душа моя разочаровывается болѣе и болѣе. Потомъ пришелъ кн. Мещерскій; завязался общій разговоръ. Мещерскій вполне удостовѣрилъ меня въ своей ограниченности и ничтожности, когда взялся судить о Министерствѣ Государственныхъ Имуществъ, доказывая, какъ оно бесполезно для крестьянъ. Князь защищалъ и способности гр. Киселева, и очевидную пользу его практическихъ дѣйствованій; я молчалъ, мнѣ было скучно слушать. Когда князь ушелъ, то Мещерскій увѣдомилъ меня о наградѣ денежной, полученной Козловскимъ по представленію князя, состоящей изъ 500 рублей серебр.

Разговорились о Кологрив., ну, если она умретъ, и вотъ Мещерскій сказалъ мнѣ, что жена моя могла-бы замѣнить это мѣсто у князя. Я такъ разгорячился, доказывая этому ограниченному человѣку всю нелѣпость и дикость его предположенія, что почти вышелъ изъ себя. Однако мы тихо разстались. Жена отправилась навѣщать больную Кологривую. Виновата я предъ вашимъ мужемъ, сказала Кологривая женѣ моей; ему за это заплатится, и онъ одинъ только, который не жаловался на меня моему брату. Онъ за мое зло заплатилъ мнѣ добромъ. Ну, если-бы онъ зналъ, что она за мое зло заплатитъ мнѣ добромъ? Ну, если-бы она знала, что я пописываю о ней въ моемъ журналѣ? Вообще Кологривая была очень довольна приходомъ и посѣщеніемъ жены моей и не разъ ей это выговаривала. Она бѣдненькая, по словамъ жены моей, какъ бы оставлена всѣми; мало съ нею больною тамъ и говорятъ. Муравьева тоже тамъ лежала, какъ жена моя пришла въ домъ князевъ; у ногъ ея сидѣла дѣвица Мауреръ и о чемъ-то толковала. Муравьева, лежавшая въ домѣ княземъ по причинѣ недуга въ спинѣ, пришла однако ко мнѣ вечеромъ и долго у меня просидѣла. Это по предмету письма, которое я въ тотъ же вечеръ и написалъ вчернѣ и вручилъ ей, для лучшаго придуманья. Сего-дня ничего не читалъ полезнаго для души, а шатался только по журнальнымъ и газетнымъ площадямъ (газетъ и журналовъ мнѣ нанесли довольно, жена моя принесла отъ князя два дюжихъ номера Москвитянина). Весь день я пробылъ въ этой журнальной и газетной лихорадкѣ; въ это время обыкновенно я лѣнюсь и ничѣмъ не могу заняться; всѣ душевныя мои силы вылупаются, такъ сказать, въ какую-то обыденную пытливость. Засохшее сердце для молитвенныхъ воспоминаній въ это время еще болѣе высыхаетъ. Турчанинова изъ Ялты прислала намъ половину рыбы камбалы (turbot), это лучшая здѣсь рыба; а лекарь Зеленкевичъ привезъ нѣсколько фунтовъ бѣлужины.

*

20-го Марта.

Я принялся писать въ Москву къ Аннѣ Егоровнѣ Смѣльской съ тѣмъ, чтобы она купила намъ чаю и осмотрѣла одинъ продажный домъ, о которомъ я вычиталъ въ Московскихъ газетахъ: рано пташечка запѣла, кабы кошечка не съѣла! Утромъ зашелъ ко мнѣ Дмитр. Ивановъ, принесшій намъ извѣстіе, что болѣзнь Елис. Михайл. не облегчается, но становится якобы опасною. Попова смутило спокойное состояніе князя, который тихонько рассказывалъ ему, какъ сестра его, по словамъ Шмидта, была опасна. Мы соблазнялись такимъ индеферентизмомъ князя, но Поповъ устыдилъ и испугалъ меня слѣдующимъ замѣчаніемъ: когда намъ будетъ 70 лѣтъ, можетъ быть, мы еще болѣе

будемъ равнодушны ко всему, чѣмъ онъ. Попова замѣтно беспокоить, что Турчанинова осталась на нѣкоторое время въ Ялтѣ; впрочемъ она звала его къ себѣ въ гости, звала Муравьеву и дѣвицу Ницъ. Послѣ обѣда зашла ко мнѣ Муравьева и принесла проэктъ письма, о которомъ просила князя; проэктъ уже былъ испробованъ княземъ.

*

21-го Марта.

И нынѣшній день посвященъ былъ разсѣянію: мало я въ себѣ находилъ того, что отдѣляло бы насъ отъ прозябаемой жизни. Поутру пришла ко мнѣ Муравьева. Письмо было на бѣло готово; пріѣхалъ и князь для прослушанья его и подписанья; князь остался доволенъ редакціею и подписалъ его. Я подвелъ князя къ моему бюро, направилъ его руку, и онъ подписалъ письмо къ гр. Воронцову, гдѣ рекомендовалъ ему сына Муравьевой, чтобы тотъ принялъ его въ свой штатъ. Такимъ образомъ бюро мое послужило въ Крыму и самому князю, который однако отозвался, что оно очень высоко. Муравьева поосталась послѣ князя и раскрыла мнѣ домашнюю и внутреннюю жизнь свою; признаться, плохи дѣла ея! Варв. Петров. отправилась на обычное чтеніе къ князю и оттуда прислала мнѣ Пордечеву Метафизику, третій и послѣдній томъ. Я немножко только успѣлъ почитать ее и уснулъ съ нею на ложѣ своемъ. Я пропустилъ на первый разъ описаніе ада, а началъ съ изображенія райскаго начала и рая. Во время сна моего Катя озаботилась, наложила на тарелку нѣсколько сортовъ изюму и черносливу и поставила на столъ, а сама ушла въ церковь. Хотя это вещь ничтожная, но идея обязавшая это сдѣлать жену мою очень для меня была цѣнна, и эти нѣжности семидесятыхъ лѣтъ, признаться, сладки и отрадны! Возвратившаяся Варв. Петр. сказывала мнѣ, что старикъ подарилъ Козловскому прекрасные золотые часы. Дѣло идетъ хорошо, и неужели мнѣ завидовать столь частымъ подаркамъ? Можетъ быть, въ душѣ моей есть мѣсто и для сего гнуснаго порока, когда въ ней находилось столь много простора для другихъ пороковъ.

*

22-го Марта.

Вечеромъ приходилъ ко мнѣ священникъ и уговаривалъ меня, если только Богъ допуститъ, чтобы я пріобщился въ Свѣтлое Христово Воскресенье; но мнѣ страшно и совѣстно не говѣя приступить къ такому страшному таинству.

*

23-го Марта.

Дмитр. Иван. между прочимъ сказалъ мнѣ, что дѣвочка Турчаниновой при отъѣздѣ своемъ сказала ихъ женщинамъ, что она слу-

жить у барыни своей почти полтора-года и что проживали онъ въ это время въ разныхъ пяти мѣстахъ и изъ всѣхъ этихъ мѣстъ безъ ссоры не выѣзжали; теперь только мы выѣзжаемъ отъ васъ мирно. Дѣвочка вѣрно не знала, прибавилъ Дмитр. Иван., о размолвкѣ ея барыни съ нами.

24-го Марта.

Мнѣ представилось, что теперь начало моей смертной болѣзни, что развитіе оной во рту будетъ предметомъ постояннымъ и моего собственнаго и другихъ омерзѣнія. Мнѣ представилась эта тягость, которую я доставлю моимъ ближнимъ, которые ухаживать будутъ за моею болѣзнію; мнѣ живо также представилась та постепенность развитія, которая послѣдовательно отъ одной части будетъ переходить къ другой, заражать мѣста здоровыя и все это во рту, видной и, такъ сказать, благороднѣйшей части тѣла. Наконецъ это зловоніе, эта гнусность моего недуга, все это живописалось мнѣ живо и неотразимо. Я возрепеталъ духомъ. Я собрался сдѣлать актъ самопреданія Господу. Умереть, такъ умереть, подумалъ я, позже или ранѣе все равно; ибо все родившееся умираетъ, ибо для того все и рождается, чтобъ умереть. Все со мною живущее, одушевленное и неодушевленное, все должно умереть. Я, такъ сказать, сложился предать себя въ полную волю Божію и наконецъ нашель въ себѣ унылую сладость этаго акта моего, и вотъ почему началъ писать и читать, желая сими занятіями притупить жало этихъ безотраднѣйшихъ чувствованій.

Кіевъ снова началъ проявляться въ душѣ моей, и я доселѣ обычный помыслъ мой о Москвѣ, съ какою-то живостью усмотрѣнія, началъ перемѣнять на мысль о Кіевѣ, гдѣ жить можно тише, чѣмъ въ Москвѣ, гдѣ нѣкогда злоупотребленія сердца моего несравненно въ обширнѣйшемъ размѣрѣ случались, чѣмъ въ Кіевѣ.

25-го Марта.

Сего-дня день рожденія друга моего, Кати; я проснулся безъ особенной грусти; помолился Богу и приступилъ къ обычнымъ своимъ занятіямъ. Утромъ удалось мнѣ просторно почитать объ адѣ изъ третьей части Пордичевой Метафизики. Читая этаго автора, я болѣе и болѣе начинаю понимать его; мнѣ легко и сладко слѣдить за писателемъ боговдохновеннымъ и наполненнымъ вѣдѣнія. Я написалъ письмо къ Фабру, директору канцеляріи гр. Воронцова; это письмо служило проводникомъ письма князя. Нѣсколько разъ присылала Муравьева напоминать о немъ. Сего-дня я припасъ было необходимыя бумаги, чтобы составить проэктъ письма къ князю о моей отставкѣ, но мнѣ не удалось, и я написалъ только записку чего-бы мнѣ хотѣлось. Я призвалъ Катю на совѣтъ, потому что мнѣ желалось попросить князя, чтобы

онъ испросилъ мнѣ, между прочимъ, у Государя, дабы послѣ моей смерти содержаніе мнѣ усвоенное обратили женѣ моей. Катя отговорила меня отъ сего намѣренія. Чтò мнѣ слѣдовать будетъ, то мнѣ безъ сомнѣнія дадутъ, а для чего мнѣ многого желать? Накопленіемъ и размноженіемъ подобныхъ требованій ты только повредишь себѣ: ибо чѣмъ менѣе желать станешь при своей отставкѣ, тѣмъ легче тебѣ что нибудь получить можно. А мнѣ на что все твое содержаніе? Когда тебя не будетъ, я въ тотъ же часъ, если только мнѣ можно будетъ, пойду въ монахини; это прежнее и всегдашнее стремленіе моего сердца. Тогда на что большія деньги? Въ общинѣ многого не требуютъ. Тутъ пришло мнѣ какое-то желаніе распорядиться достояніемъ моимъ, и я созрѣлъ въ какую-то готовность сдѣлать духовную. Главная моя мысль состояла въ томъ, чтобы половину моего небольшого капитала, который у меня найдется, отдать моей женѣ; другую же половину на разныя выдачи. Мнѣ захотѣлось значительную частицу изъ второй половины моего капитала отдать г-жѣ Саррѣ Бюллеръ для ея заведеній. Обращая блудницъ въ честныхъ и домовитыхъ женщинъ, она дѣлаетъ или совершаетъ подвигъ по сердцу моему. Для нѣкоторой очистки души моей, мнѣ бы желательно прикрутиться хотя по смерти къ такому богоугодному стремленію. Наконецъ, мнѣ хотѣлось бы выпустить на волю людей мнѣ служившихъ и всякаго изъ нихъ наградить по силамъ моимъ. Обо всемъ этомъ я толковалъ съ женою моею. Потомъ мы начали съ нею разсуждать, гдѣ намъ жить, и она нашла, что жить въ Кіевѣ гораздо приличнѣе. Твои страсти еще не умерли, сказала она, а въ Москвѣ все можетъ ввести тебя въ искушеніе. Театръ, разныя собранія, тысяча случаевъ, которыми наполняется столичная жизнь, все наконецъ можетъ послужить для тебя подстреканіями, и ты можешь легко пасть, между тѣмъ какъ въ Кіевѣ всего этого найдется менѣе, да притомъ и жить въ Кіевѣ дешевле. Обѣдъ у насъ былъ очень хорошій. Турчанинова всѣмъ намъ прислала изъ Ялты по гостинчику, именно по камбалѣ, которая есть знаменитость между рыбами; она у насъ въ жаркомъ была, сладкій пирогъ былъ преотличѣйшій; яблоки въ немъ такъ были приготовлены, что походили на цукаты.

Вечеромъ приходитъ ко мнѣ отецъ Андрей со крестомъ и требникомъ и предлагаетъ мнѣ исповѣдь. Я тотъ-часъ согласился на это, и Господь привелъ мнѣ исповѣдаться, а Вариньку заставилъ прочитать молитвы о причащеніи. Ложиться некогда было, и я началъ приготовляться идти въ церковь къ заутренѣ, которая должна была начаться гораздо прежде полуночи, какъ это обыкновенно вездѣ дѣлается; но, дабы успѣть отслужить заутреню и въ Алушкѣ, нашъ священникъ поторопился окончить ее поранѣе у насъ. И такъ, говорю, я приго-

товился идти къ заутренѣ, не выходя болѣе шести недѣль изъ своей комнаты. Чтѣ будетъ, то будетъ, подумалъ я, но для щастія принять въ свою внутренность Самаго Спасителя стоило порисковать и болѣзнію своею, ибо воображалъ, что на дворѣ будетъ холодно, а въ церкви сыро. Такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы идти въ постелю, я отправился въ церковь. Слѣдовательно этотъ день я не ночевалъ, хотя и отдохнулъ немножко послѣ обѣда.

26-го Марта.

Съ трудомъ я перехристосовался съ моими знакомыми; глаза плохо ихъ узнавали. Княгиня Мещерская уговорила священника, не выходя изъ церкви, отслужить и обѣдню. Всѣ мы остались, и я одинъ имѣлъ счастье приобщиться святыхъ таинъ. Съ упоеніемъ радостнымъ возвратился я къ себѣ въ домъ, гдѣ встрѣтилъ меня усердный привѣтъ моихъ домочадцевъ; въ ихъ числѣ явилась и кухарка со своимъ мужемъ, который нечаянно пришелъ къ ней ночью изъ Севастополя пѣшкомъ. Супружеская-ли нѣжность или просто ревность побудили его на такой подвигъ, не знаю. Съ какимъ наслажденіемъ прилегъ я отдохнуть послѣ разгавливанья! Сладко и покойно уснулъ я. Проснувшись я занялся внутреннимъ упражненіемъ; этотъ трудъ былъ для меня не тягостенъ, и я не видалъ времени, какъ оно проходило въ этомъ занятіи. Послѣ сна я уже не одѣвался, а оставался въ одномъ шлафрокѣ. Пришелъ посѣтить меня Дмитр. Иванов.; онъ посидѣлъ у меня и выкурилъ трубку табаку; мы сладко съ нимъ побесѣдовали. Только что успѣлъ выдти Дмитр. Иванов., какъ нагрянула ко мнѣ толпа посѣтителей: князь Мещерскій со своею княгинею, при нихъ Любушка, Лиза и Настенька, потомъ Арсеньевъ съ женою и Марья Владимировна, а Муравьева не удостоила меня своимъ посѣщеніемъ. Въ это время я смиренно сидѣлъ въ своихъ креслахъ и велѣлъ подать себѣ яичко съ Четверговою солью. Мнѣ совѣстно было принять дамъ въ такомъ костюмѣ и положеніи, да дѣлать бы нечего. Кн. Мещерскій вмѣстѣ со своимъ посѣщеніемъ сдѣлалъ мнѣ самый сладостный сюрпризъ: онъ принесъ мнѣ первый томъ Консуелло Занда; этотъ романъ, одно изъ послѣднихъ произведеній даровитой г-жи Дюдеванъ, давно мнѣ хотѣлось прочесть. Я неоднократно писалъ даже объ этомъ и въ Петербургъ, даже недавно послалъ туда подтвержденіе, чтобы книгопродавецъ выслалъ ко мнѣ его, и вотъ первая часть столь желанной книги въ рукахъ моихъ. Я такъ былъ этимъ доволенъ, что, по уходѣ гостей, принялся съ жаромъ благодарить Господа, усвоивая Ему, для Котораго не чуждо все человѣческое, что это по Его распоряженію доставляется мнѣ столь желанное и давно ожидаемое наслажденіе. Въ то время, когда жена моя и Варинька ходили поздравлять князя, я сдѣлалъ над-

пись на второмъ томѣ или годовомъ изданіи Живописнаго Магазина и положилъ подъ подушку Варварѣ Петровнѣ, а Настинькѣ послалъ цѣлый годъ Дѣтскаго Журнала, какъ продолженіе къ прежнимъ; мнѣ онѣ прислали въ замѣнъ хорошо разрисованныхъ яицъ. Къ обѣду пріѣхала пара супруговъ Гартвисовъ; она не поспѣла къ обѣду князеву и обѣдала у меня, потому, что во время пріѣзда мы сидѣли за обѣдомъ, за которымъ были и священникъ съ дьячкомъ, приходившіе ко мнѣ славить. Гартвисъ-жена открыла жаркій споръ со мною за столомъ и, позабывъ приличіе, говорила все что только дурнаго можно сказать о моей достойной кухаркѣ, а я защищалъ ее, какъ умѣлъ. Гартвисъ объявилъ мнѣ, что онъ имѣетъ намѣреніе отправиться въ Лифляндію, гдѣ хотѣлъ бы продать свое имѣніе; онъ слышалъ, что извѣстный писатель Жуковскій хотѣлъ бы пріобрѣсти имѣніе въ Лифляндіи *).

28-го Марта, Вторникъ.

Пріѣзжаетъ ко мнѣ самъ князь Александръ Николаевъ. и довольно долго сидитъ у меня; мы все время съ ними были наединѣ, но я ничего такого ему не говорилъ, въ чемъ укорить себя могъ. При отходѣ его, я просилъ князя, чтобы онъ похристосовался за меня со своею сестрою, что онъ принималъ съ особеннымъ удовольствіемъ; послѣ Вар. мнѣ сказывала, что какъ только онъ пріѣхалъ домой, такъ и выполнилъ это препорученіе съ какою-то особенною торжественностію. Замѣтно было, что и Кологривая осталась тѣмъ очень довольною.

За обѣдомъ я нарушилъ миръ своей совѣсти: очень много говорилъ непріятнаго на счетъ жены Гартвисъ, и даже при слугахъ. Еще поутру, вскорѣ послѣ сна, я почувалъ уже въ себѣ это чувство негодованія и вмѣсто того, чтобы подавлять его, я раздулъ напротивъ его въ брань и злословіе заочное... Варинька, уѣхавшая вмѣстѣ съ княземъ, возвратившись рассказала мнѣ, что причина, почему въ Свѣтлое Воскресенье Муравьева не обѣдала у князя, какъ она прежде располагалась, произошла отъ новой сшибки съ Кологривою и при томъ такъ, что самъ князь сказалъ уже Муравьевой, чтобы она замолчала. Не смотря на погоду, Муравьева уѣхала въ Ялту въ гости къ Турчаниновой, которую однако она, какъ было прежде сказано, при случаѣ не шадитъ. Врядъ ли этою поѣздкою доволенъ и самъ князь. Онъ въ разговорѣ сказалъ мнѣ, что Муравьева уѣхала въ Ялту. Поступки Муравьевой и въ отношеніи меня очень странны; съ нѣкотораго времени тетушка и племянница меня совсѣмъ бросили и почти съ того дня, какъ я далъ имъ деньги взаймы...

*) Слухъ (кажется) невѣрный. П. Б.

29-го Марта, Середа.

Мещерскій очень печаленъ: любимый его камердинеръ нечаянно умеръ или, можетъ быть, убитъ. Онъ поѣхалъ вчера въ гости въ Мисхоръ верхомъ, оттуда отправился въ Алупку и потомъ вдругъ очутился лежащимъ на дорогѣ; его подняли, отнесли въ Алупку, а оттуда привезли въ домъ господина; всѣхъ словъ его было только то: книжникъ, плотникъ; платье на немъ цѣло, но книжника не оказалось. Собралась земская полиція свидѣтельствовать; былъ налицо и лекаръ, но Мещерскій не допустилъ его анатомить и принялъ всю отвѣтственность на себя. Петръ былъ правая рука у своихъ господъ. Князь Мещерскій непритворно пораженъ симъ неожиданнымъ событіемъ. Посылали за священникомъ при церкви князевой; священникъ отказался, говоря, что пусть возьмутъ отца Андрея, у котораго всѣ пріобщаются... Священникъ сердитъ на нашего духовнаго отца за то, что у всѣхъ у насъ онъ есть духовникъ. Я послалъ Ивана въ Ялту съ накопившимися письмами; велѣлъ для малютки-сынишки его купить матеріи желтаго цвѣта на рубашку. Недавно я ему подарилъ двѣ рубашечки, розовую и голубую. Этотъ двугодовалый ребенокъ утѣшаетъ насъ своею невинностію; у него большое ко мнѣ усердіе; по утрамъ, обыкновенно, онъ приноситъ мнѣ мою трубку и подаетъ бумажки, чтобы закурить. Мальчикъ маленькій собою, съ курчавыми волосами на головѣ, съ прелестнѣйшею улыбкою на устахъ; онъ очень утѣшаетъ насъ всѣхъ своею невинностію и служить нѣкоторымъ развлеченіемъ въ нашемъ уединеніи.

31-го Марта, Пятница.

Я очень много занимался нынѣшнее утро Пордечемъ, продолжалъ читать его описаніе ада. Представитель этого скорбнаго міра есть духъ огненный, и онъ выше Люцифера... Страшно, когда Богъ отъ насъ отступится и предастъ насъ заслуженному возмездію. Да не будетъ того, Господи! Да простишь намъ неправоту нашу!.. Мои домашніе ушли навѣстить княгиню, которая опять поражена лихорадкою: нечаянная смерть камердинера Петра столь сильно ее поразила, что она впала опять въ ту же болѣзнь, которая недавно только ее оставила. Ко мнѣ приходила посидѣть Лиза; между прочими обстоятельствами горестнаго событія Лиза сказывала мнѣ, что Петръ не ѣхалъ на лошади, а велъ ее за поводъ, но не смотря на то, онъ оказался убитымъ... Князь Мещерскій груститъ и лишился аппетита.

1-го Апрѣля, 1844 года.

По возможности мѣстной, князь Мещерскій сдѣлалъ пышные похороны своему камердинеру; церковь была полна народомъ; много пришло изъ Алупки и прочихъ мѣстъ; послѣ былъ въ его домѣ обиль-

ный обѣдъ. Мещерскій слышалъ чрезъ Маурершу, что нашъ старый князь не на шутку разсердился на Муравьеву, и что врядъ ли заставить забыть недоразумѣнія. Я бы очень былъ радъ, говорилъ старый князь, когда бы всѣ *они* разбѣхались; я былъ бы тогда покойнѣе. Здѣсь, кажется, и въ нашъ огородъ бросили камешекъ. Впрочемъ въ послѣднемъ событіи Муравьевой съ Кологривой послѣдняя была отъявленно виновата и занапрасно разобидѣла первую; она съ изступленіемъ на нее наскочила и все страшаетъ своею болѣзнію и смертію. Мещ. говорить, что никогда она, т. е. сестра князева, такой силы не имѣла, какъ нынѣ въ соединеніи съ Козловскимъ, и что теперь эта дѣвица дѣлаетъ все, чтò хочетъ съ княземъ, и тотъ добровольно исполняетъ всѣ ихъ внушенія. Потемкина писала къ своей сестрѣ княгинѣ Мещерской, что Поповъ¹⁾ являлся къ ней въ Петербургъ и просилъ, чтобы она защитила ото всѣхъ притѣсняемую Кологривую... Тутъ, можетъ быть, и меня многогрѣшнаго разумѣютъ, хотя я ото всего отступаюсь и вотъ почти восемь недѣль какъ не выхожу изъ комнаты. Княгиня Мещерская, какъ кажется, разувѣрила сестру свою, писавши къ ней обстоятельныя письма, даже на двѣнадцати листахъ; это все говорилъ мнѣ Мещерскій. Долго ли замарать человѣка! Варинька сказывала, что князь призывалъ отца Андрея, соборовался масломъ, но что это держать подъ величайшимъ секретомъ; это тѣмъ страннѣе, что князь никогда такъ хорошо не былъ здоровъ, какъ нынѣ.

Понедѣльникъ, 3-го Апрѣля.

Меня навѣстили сего-дня кн. Мещерскій и Казначеевъ; послѣдній пріѣхалъ въ гости къ Мещерскому и между прочимъ присутствовать при введеніи во владѣніе баронессы Беркгеймъ Корейскимъ имѣніемъ и вмѣстѣ быть при описи всего того, чтò оставила кн. Голицыня²⁾. Сестра князя Мещерскаго³⁾ заводитъ съ баронессою дѣло и первую довѣренность дала Кологривой, Кологривая передала Жегочеву, а сей послѣдній передалъ Казначееву. Теперь начнется опись и вводъ во владѣніе.

Вторникъ, 4-го Апрѣля.

Были Казначеевъ и Мещерскій; потомъ приходилъ исправникъ со своею оравою, т. е. земскимъ судомъ; все осматривали, все переписывали. Въ отдѣльной баронессиной комнатѣ вскрывали даже закрытые и запечатанные сундуки; было довольно шума, споровъ и проч.

¹⁾ Это извѣстный Гавріилъ Степановичъ. П. Б.

²⁾ Княгиня Анна Сергѣевна, поселившаяся раньше другихъ въ Корейскъ съ баронессою Крюднеръ. П. Б.

³⁾ Марья Ивановна Гончарова, послѣ которой Корейскъ достался ея сыну, Александру Ивановичу Гончарову, племяннику Н. И. Пушкиной. П. Б.

Управитель горячился, но долженъ былъ повиноваться суду: прикидывался больнымъ, но исправникъ пригрозилъ его, что арестуетъ, и тотъ опять пришелъ и выздоровѣлъ. Я не выходилъ изъ своей комнаты; въ ней и обѣдалъ. Варинька возвратившись передала мнѣ обязательныя слова князя; даже сама Кологривая вызывалась навѣстить меня: еслибы-де не была больна, то велѣла бы себя снести къ Юрію Никитичу.

Четвертокъ, 6-го Апрѣля.

Вотъ и желанный и столько ожидаемый наступилъ день, въ который минуло мнѣ тридцать лѣтъ службы. Довольно я послужилъ. Пусть день этотъ при волѣ Божіей будетъ границею и рубежомъ моего офиціальнаго и формальнаго дѣйствованія на землѣ. Это Геркулесовы столбы служебнаго моего странствованія. Да будетъ, да будетъ воля Божія во всемъ и во всѣхъ, вездѣ и во мнѣ! Я сегодня выбрился, вымылся и одѣлся, какъ обыкновенно въ здоровомъ состояніи бываетъ. Я послалъ увѣдомить и попросить у князя, чтобы прислалъ за мною экипажъ (на дворѣ было сыро и грязно). Князь отвѣтствовалъ, что онъ самъ за мною заѣдетъ, и дѣйствительно онъ пріѣхалъ; посидѣлъ у меня нѣкоторое время, поплакалъ, когда я ему прочиталъ о гробницѣ, уединенно расположенной на Парижскомъ кладбищѣ Виктора Теплякова, неопознаннаго современниками, какъ выразился Гречъ. Я читалъ князю обычное чтеніе, т. е. Путешествіе въ Испанію, которымъ онъ интересовался. Обѣдалъ у него; это случилось ровно чрезъ восемь недѣль, проведенныхъ мною въ одной комнатѣ. Съ нами обѣдала и Муравьева съ племянницею; не стану описывать безразсудство рѣчей ея, смѣсь неблагоуразумія съ легкомысліемъ; по всему можно положить, что она должна въ скоромъ времени надѣсть, какъ горькая рѣдка, старику-князю. Кологривая, перемѣнившаяся отъ болѣзни даже въ чертахъ лица, была мрачна и молчалива; она поражена паническимъ страхомъ ослѣпнуть. Между прочими разговорами я согласилъ князя напомнить графу Панину о Жегочевѣ, который губернаторомъ представленъ къ чину. Эта статья, слава Богу, кончилась благополучно. Братъ и сестра единоголосно его расхвалили. Вечеромъ благополучно привезли меня домой. При учтивой запискѣ племянницы я получилъ обратно свои деньги отъ Муравьевой, чему, признаюсь, немало былъ радъ.

8-го Апрѣля.

Я одѣлся какъ слѣдуетъ здоровому и пошелъ съ визитомъ къ Дмитр. Ивановичу; сперва онъ меня какъ-то странно принялъ, но послѣ обошлось лучше. Не смотря на прикосновеніе не очень для меня свѣтлое, я продолжалъ бесѣду и хотѣлъ казаться искреннимъ. Разговоръ касался до многихъ предметовъ и между прочимъ до Анны Александр.

Она разсталась съ женою Попова съ изъявленіями величайшей пріязни и изъ Ялты послала четъ чрезъ Козловскаго даже благословеніе. Разумѣется, всѣ эти продѣлки уложены были хозяевами въ глубокое лицемѣріе. Поповъ сказывалъ между прочимъ, что князь выразился такимъ же почти образомъ, какъ и Мещерскій мнѣ сказывалъ. Хотя бы всѣ отъ меня уѣхали, сказалъ старикъ, и вотъ Муравьева, вмѣсто того, чтобы миръ вносить въ домъ мой, а у нея только и дѣла, что ссоры съ моею сестрою. Пришедши домой, я увидѣлъ, что шкафы съ книгами, принадлежащія баронессѣ и помѣщенные на моей галлерей, нечаянно, вѣрно отъ сырости и времени, раскрылись. Я полюбопытствовалъ посмотрѣть на книги и нашелъ на нижней полкѣ цѣлую вереницу старыхъ романовъ Августа Лафонтена; но только всѣ они были разбросаны и не въ порядкѣ. И вотъ я, запершись со всѣхъ сторонъ, одинъ съ моимъ мальчикомъ, ну книги подбирать и приводить въ порядокъ; разобравши такимъ образомъ, взялъ одинъ изъ романовъ для прочтенія и вотъ теперь читаю его тайно, чтобы никто о томъ не зналъ; этотъ романъ въ 4-частяхъ и называется *La nouvelle Arcadie ou l'intérieur de deux familles*. 1809. Этотъ романъ идиллическими своими сценами доставилъ мнѣ немалое удовольствіе, онъ составляетъ совершенную антитезу романамъ Зандъ и своимъ очень явнымъ различіемъ мнѣ на первый разъ понравился. — Время приближается моихъ объясненій съ княземъ, и душа нѣсколько обуревается отъ спора негодованія, можетъ быть, справедливаго, съ остатками душевной преданности, которую я еще питаю къ князю. Да будетъ что Богу угодно!

9-го Апрѣля.

День прекрасный и теплый. Я пошелъ къ князю для обычнаго чтенія; жена и Варинька меня провожали. Князь очень былъ доволенъ книгою; я стараюсь читать внятно и громко. Когда привезли къ нему почту, я тотъ же часъ удалился, чтобы не помѣшать чтенію, но онъ воротилъ меня, чтобы прочитатъ письмо, полученное имъ отъ митрополита Филарета. Хотя я и показываю себя веселымъ, но внутри чувствую принужденность и въ другихъ ощущаю ту же принужденность. Возвращаясь домой, встрѣтилъ Попова въ сопровожденіи Муравьевой и ея племянницы, какъ будто они не могли порознь идти обѣдать къ князю. Дорогою, онъ далъ мнѣ письмецо для прочтенія, полученное имъ изъ Москвы, отъ одного монаха-молитвенника, которымъ я очень интересуюсь. — Безъ меня былъ у жены Мещерскій и допрашивалъ ее, говорилъ ли я объ отставкѣ своей князю; хорошо бы еслибъ Юр. Ник. сказалъ ему объ этомъ, потому что Государь можетъ оставить Петербургъ, и тогда дѣло отставки продлится.... Жену удивилъ этотъ вопросъ: кому бы какое дѣло заботиться о моей отставкѣ?

10-го Апрѣля.

День пріятный и теплый; я пошелъ къ князю для чтенія и обѣда; у него я и чай пилъ. Сего-дня особенно долго сидѣлъ. За обѣдомъ привелось мнѣ кстати попросить у него аудіенціи. Мнѣ показалось, что онъ немножко смутился и назначилъ для этого утро Средаы. Разговоръ былъ довольно оживленъ, и мы о разныхъ вещахъ разговаривали. Елис. Михайл. чрезмѣрно хвалила Варвару Петр. и примолвила, что она не знаетъ, какъ достойно возблагодарить за все усердіе показанное сею послѣднею.

11-го Апрѣля.

Я началъ читать сего-дня институціи Таулера; книга эта есть произведеніе глубокой опытности и разумѣнія. Остальное время читалъ Лафонтеновъ романъ, отъ котораго не одинъ разъ выступали слезы на глаза.

12-го Апрѣля.

Я всталъ сего-дня очень рано, помолился сколько умѣлъ и смогъ Господу, выбрился, одѣлся и пошелъ къ князю. Погода была теплая и ясная; князь ожидалъ меня вверху. Въ спокойномъ и мирномъ состояніи я высказалъ ему о желаніи моемъ получить чистую отставку. Князь съ любовью и участіемъ принялъ это желаніе мое и при этомъ случаѣ сказалъ мнѣ: „Знаю о твоёмъ положеніи; все время ты былъ боленъ; знаю и о лишеніяхъ, которыя сопровождаютъ присутствіе всякаго, кто бы временно ни поселился здѣсь, потому ничего не могу сказать тебѣ вопреки твоего желанія. Еслибы ты вздумалъ послужить еще, то я бы тебѣ предложилъ мѣсто въ Совѣтъ Почтовомъ.— Не хочу и не могу я служить безъ васъ въ почтовой службѣ; если я и служилъ въ ней, то это для васъ. Въ лицѣ вашемъ я имѣлъ начальника добраго и снисходительнаго и въ нѣкоторомъ смыслѣ избалованъ вашимъ благоволеніемъ; этаго я безъ васъ не найду ни въ какой службѣ. Въ заключеніе князь велѣлъ мнѣ написать письмо къ себѣ, которое хотѣлъ отправить при своемъ къ Государю Императору. Я осмѣлился попросить его, чтобы онъ мнѣ продиктовалъ это письмо. Нельзя, сказалъ князь, потому что я собственною рукою долженъ написать къ Государю, а ты, пожалуйста, не сомнѣвайся въ моемъ къ тебѣ расположеніи. Я всегда тебя любилъ и теперь люблю тебя. Потомъ сказалъ мнѣ князь, въ чемъ должно состоять содержаніе письма и чтобы я ничего инаго не писалъ въ причину отставки, какъ болѣзнь свою. У меня другихъ и нѣтъ причинъ, отвѣтствовалъ я князю; я всеми остаюсь доволенъ и ни на кого вамъ не жалуюсь. Потомъ князь предложилъ мнѣ прочитать очень секретныя, по его мнѣнію, бумаги, касаю-

щіяся до императора Александра, что я и сдѣлалъ. Это было въ кабинетѣ, между тѣмъ какъ разговоръ нашъ былъ въ его спальнѣ.

Сойдя внизъ, князь велѣлъ мнѣ дать письмо Ковалькова, которымъ, по видимому, былъ очень доволенъ. Въ этомъ письмѣ Ковальковъ увѣдомляетъ, между прочимъ, князя о полученіи табакерки съ брилліантовымъ вензелемъ Государя Императора. Всѣ знакомые его и присные, какъ-то Наталья Федотовна Плещеева, братски къ нему расположенный Прянишниковъ и Поповъ нашли, что эта награда не столь ощутительна въ поступательныхъ движеніяхъ служебнаго честолюбія; однако Ковальковъ доволенъ, потому что, по его мнѣнію, служба не есть торговля и проч. Желая сдѣлать угодное князю и подслужиться Козловскому, онъ пишетъ, что видѣлъ его письма у Попова, исполненныя теплоты и пламеннаго усердія, гдѣ Козловскій описывалъ различные фасы болѣзни князевой и проч. Каково письмо? спросилъ меня князь. Хорошо, отвѣчалъ я ему, но по моему мнѣнію, примолвилъ я, не для чего бы Ковалькову распространяться въ служебномъ смиреніи: подобныя табакерки даются только тайнымъ совѣтникамъ, а онъ еще и не тайный совѣтникъ. Что же касается до пламенныхъ чувствъ усердія Козловскаго, то повѣрьте, князь, что всѣ тѣ, кои имѣли щастіе знать васъ лично, не уступятъ ему въ этихъ пламенныхъ чувствахъ. Къ этому я прибавилъ стихъ изъ Священнаго Писанія: овѣи трудишася, а инѣи въ покой ихъ внидоша. На это Кологривая не устыдилась возразить мнѣ: это не самъ Козловскій писалъ, а я ему этѣ письма диктовала. Я замолчалъ, выслушавъ эту наглую и бесполезную ложь. Почитавши князю изъ обычнаго нашего чтенія, я отправился домой, гдѣ посѣтили меня Мещерскій и полковникъ Олива. Послѣдній занимательные рассказы дѣлалъ намъ о службѣ своей у Цесаревича Константина, подробности о графѣ Курутѣ и проч.

Такимъ образомъ я объяснился съ княземъ и этотъ день, если Богу будетъ угодно, будетъ началомъ новаго періода жизни моей. Я морально усталъ, но внутренно доволенъ, что все благополучно совершилось; разумѣю объясненіе съ княземъ. Господь допустилъ мнѣ это; князь на эту пору сдѣлался совершенно здоровъ, покоенъ въ духѣ, и мнѣ можно было ему также откровенно и спокойно передавать о семъ желаніи моемъ, во всякомъ случаѣ щекотливомъ для ушей начальника и вельможи, отъ котораго хотять отходить.

13-го Апрѣля.

Я ходилъ обѣдать къ князю и долго у него оставался. Читать ему не успѣлъ: помѣшали чтенію Мещерскій и полковникъ Олива, пришедшіе посѣтить его. Не зная чѣмъ другимъ занять гостей своихъ, князь занялъ ихъ разговорами о гастрономіи. Это дало мнѣ поводъ узнать,

что Цесаревичъ любилъ отличный столъ. Этотъ разговоръ такой возбудилъ во мнѣ аппетитъ, что я съ нетерпѣніемъ дожидался обѣда. Князь, желая познакомить меня съ устрицами, которыя здѣсь отличны, велѣлъ одну для меня зажарить, чтобы мнѣ не такъ было страшно ее проглотить; но увы, я не посмѣлъ или не рѣшился и жареную устрицу съѣсть. Князь потребовалъ ее послѣ къ себѣ и самъ скушалъ. За обѣдомъ былъ Арентъ, который долго и послѣ стола просидѣлъ у князя. Бесѣда его была занимательна; онъ намъ рассказывалъ о произведеніяхъ и естественныхъ предметахъ здѣшняго края. По словамъ его, здѣсь находится отъ 30 до 40 видовъ змѣй. Потомъ извѣщалъ онъ насъ о нѣкоторыхъ энтомологическихъ предметахъ, т. е. о любопытныхъ насѣкомыхъ; нѣкоторыя изъ нихъ кладутъ свои яйца на кожу четвероногихъ животныхъ, какъ-то коровъ и проч., иныя на стволы деревьевъ, отъ чего тѣ не приносятъ плода; а нѣкоторыя насѣкомыя вырѣваютъ даже во внутренности лошадей. Арентъ въ рѣкѣ Днѣпрѣ нашелъ новой видъ рыбки, неизвѣстный натуралистамъ. Я ему предложилъ прочитать свидѣтельство Зеленкевича о моей болѣзни, которое онъ все перемаралъ, находя въ ономъ праздныя разумноженія. Князю, какъ мнѣ показалось, скученъ былъ разговоръ его, и онъ очень ропталъ, что не послушалъ обычнаго нашего чтенія.

14-го Апрѣля.

Сего-дня былъ для меня сюрпризъ: сосѣдка моя Вѣра Алексѣевна Муравьева пригласила меня къ себѣ обѣдать. Вчера, видѣвшись у князя, я шуткою укорилъ ее, что она отправила Попову въ подарокъ редисокъ, до которыхъ я охотникъ.... Обѣдъ былъ порядочный; поваренокъ изготавилъ супъ *à la tortue*, онъ на винѣ, и я съ большимъ аппетитомъ ѣлъ его. Съ нами обѣдали Арсеньевъ съ женою. Арсеньевъ, между прочими разговорами, пересказалъ намъ, что онъ своими глазами видѣлъ, что за обѣдомъ у графа Воронцова, гдѣ и нашъ князь находился, посаженъ былъ Мисхорскій управитель Борисъ. Этотъ Борисъ не иной кто, какъ деньщикъ военный и Богъ знаетъ по какому позволенію проживающій на дачѣ у Нарышкина. Не ходя еще къ сосѣдкѣ, я приготовился быть осторожнымъ, ибо полагалъ, что звали не безъ цѣли... Когда Муравьева оставалась одна со мною, то не одинъ разъ начинала разговоръ со мною: какъ же князю оставаться одному зимою? Не знаю, отвѣчалъ я. Племянница во время отсутствія тетки успѣла въ короткихъ словахъ рассказать намъ, что князь почти прямо ей, племянницѣ, говорилъ, что онъ весьма былъ бы радъ, когда-бы всѣ друзья его оставили и что онъ тяготится несдержанною ихъ любовію; это почти прямо на счетъ тетиньки, говорила племянница, но я не смѣю ей прямо о томъ сказать.

Въ домѣ княземъ покойникъ: знаменитый его поваръ Петръ, добрый и искусный малый, скончался отъ чахотки; онъ кармливалъ насъ и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ, и здѣсь. Миръ душѣ твоей, добрый человекъ, и Господь да устроитъ тебя во благо ради любезнаго и сладчайшаго ему сына Своего Іисуса Христа и Господа. Вчера и сего-дня пожираю, такъ сказать, семейственныя картины, столь умирительно изображенныя Лафонтеномъ. Не одинъ разъ выступали слезы на глаза отъ сего чтенія. Эти мирныя чувства, эта прозрачность частной и честной жизни навѣваютъ на меня родъ ободряющаго чего-то, въ преднамѣреніи моемъ оставить службу; онѣ подкапываютъ въ досталь развалины моихъ честолюбивыхъ помысловъ, и я благодарю Господа, что я читаю эту книгу. Мнѣ, право, кажется, что я и жену свою сталъ болѣе любить съ тѣхъ поръ какъ началъ читать это сочиненіе. О письмѣ, гдѣ объ отставкѣ надобно объяснять, мнѣ не удалось до сихъ поръ подумать. Въ этомъ случаѣ я поступаю по Цицероновскому правилу, т. е. понемножку спѣшу.

15-го Апрѣля.

Призвавъ на помощь Господа, приступилъ я къ проекту письма объ отставкѣ. Хотя и помѣшалъ мнѣ продолжать его приходъ Мещерскаго, но все однако я окончилъ его; я старался быть простымъ и краткимъ, избѣгая фразъ и риторическихъ украшеній. Вечеромъ посѣтилъ меня Поповъ; онъ съ жаромъ увѣрялъ меня, что Государь представитъ мнѣ получаемое нынѣ мною содержаніе и тѣмъ болѣе, сказалъ онъ, что на ваше мѣсто никого князь не представитъ. Послѣдній доводъ онъ нѣсколько разъ повторилъ мнѣ. Поповъ съ грустію рассказывалъ, что сюда пріѣхалъ; не зачѣмъ бы ѣздить было сюда, говорилъ онъ; потомъ началъ находить похвальныя качества въ Муравьевой. Согрѣшилъ: мнѣ сдается, что Муравьева вчера, или въ Четвертокъ, когда князь у нея былъ, не ходатайствовала ли за Попова у князя, чтобы его помѣстили на мое мѣсто и какъ вѣроятно старикъ отказалъ, то вотъ и развязка столь крутой перемѣнѣ въ мнѣніяхъ и намѣреніяхъ Попова. Я болѣе и болѣе увѣряюсь, что онъ хитрилъ и теперь продолжаетъ хитрить предо мною, но хитрость бесполезная! Заѣзжалъ ко мнѣ докторъ Зеленкевичъ, я показывалъ ему переправленное свидѣтельство о моей болѣзни Арентомъ; прочитавши онъ нашелъ, что въ произведеніи г. инспектора вовсе не находится смысла, и потому рѣшили оставить его работу и замѣнить вновь сочиненнымъ свидѣтельствомъ, которое онъ и взялъ въ городъ для приложенія печати. Здѣшній управитель пришелъ ко мнѣ и принесъ мнѣ показать шесть золотниковъ сѣмени присланнаго къ нему здѣшнимъ инспекторомъ Стевеномъ; но это не сѣмя, а яички шелковичныхъ червей, которыхъ

я въ первый разъ вижу. Хорошо бы, еслибъ можно было увидѣть весь процессъ возрастанія и развитія этаго дѣла, гдѣ явна премудрость Божія. Жегочевъ пишетъ о Турчаниновой, что она принялась въ Симферополѣ лѣчить колченогаго мальчика, сына своего хозяина, у котораго остановилась; нѣсколько работниковъ, которые вѣрно колотятъ больного по ея требованію, устаютъ отъ продолжительнаго и тягостнаго занятія и къ концу подвига бываютъ все въ поту. Мальчикъ началъ уже не только дѣйствовать больною ногою, но даже подымать значительныя тяжести; такъ пишетъ Жегочевъ. Онъ прибавляетъ о нѣжности г-жи Турчаниновой ко мнѣ, которая не иначе называетъ меня, какъ добрый Юр. Никит. и пр. Съ особеннымъ удовольствіемъ продолжаю я помаленьку Таулера, къ которому прибавилъ Оому Кемпійскаго и Августина.

16-го Апрѣля.

Въ нынѣшній день отпѣвають тѣло повара князева. Онъ умеръ отъ чахотки; смерть его была, повидимому, мирная; предъ своею кончиною онъ собралъ всехъ сослужащихъ своихъ братій, со всякимъ изъ нихъ простился и просилъ прощенія; поздравилъ свою мать и потребовалъ, чтобы она поцѣловала руку его, потомъ самъ попросилъ у нея руки, потомъ просилъ, чтобы она его благословила; велѣлъ свести себя съ кровати, довольно долго молился, послѣ опять приказалъ положить себя на кровать, перекрестился и умеръ..... Господь да упокоитъ душу твою, братъ Петръ, и да сдѣлаетъ сіе для безмѣрнаго Своего человеколюбія! Все семейство Мещерскихъ ко мнѣ зашло, мужъ и жена выключая только Любиньки. Я пожаловался княгинѣ на мужа, который меня и жену постоянно отговаривалъ, когда мы намѣревались посѣтить ее. Точно вредно мнѣ разговаривать, сказала она: нервы мои такъ разстроены, Муравьева своими посѣщеніями всегда производитъ во мнѣ волненіе, и ея разговоры для меня тягостны. Я пошелъ вмѣстѣ съ княгинею къ своему старику для обычнаго чтенія; мнѣ однако мало удалось почитать ему. Къ обѣду явилась Муравьева, пріѣхавъ изъ Ялты Козловскій и когда я вышелъ отъ князя, то встрѣтился и Поповъ. Сказывали мнѣ, что сей послѣдній спѣшно началъ собираться, у него уже начали укладываться, велѣлъ моему человѣку вымѣнять себѣ мелкихъ денегъ и пр. Трудно узнать настоящую причину такимъ крутымъ переменамъ.—Я продолжаю читать своего Лафонтена; онъ напояетъ мою душу живительными чувствованіями и, не смотря, что сочиненіе въ 5-ти томахъ, оно однакоже быстро приближается къ концу, такъ что изъ раскрытаго шкафа я просилъ Вариньку вынять мнѣ новый увражъ. На этотъ разъ достали для меня третій романъ того-же Лафонтена въ трехъ частяхъ, подъ заглавіемъ *Barneck*

et Saldorf ou le Triomphe de l'amitié, traduit par I. B. B. Е***. Paris in 12, 1810.

17-го Апрѣля.

Приготовивъ письмо, я далъ прочитать его женѣ моей; она тоже присовѣтовала выпустить изъ него одно выраженіе, которое казалось мнѣ, что кстати помѣщено, однако я послушался и выпустилъ изъ письма то, что не понравилось женѣ моей. Послѣ я и самъ раздумалъ, что жена моя могла быть права, требуя отъ меня этаго. Я пошелъ по своему обыкновенію къ князю, обѣдалъ у него и довольно долго пробылъ. У князя подавъ мнѣ Ѳедотъ, слуга Елиз. Михайл., запечатанный конвертъ; это были два экземпляра свидѣтельства о моей болѣзни, присланные ко мнѣ Зеленкевичемъ изъ Ялты и о которыхъ я заботился, что не получилъ ихъ вчера. Мнѣ-бы очень нужно было прочитать проэктъ моего письма къ князю, но какъ мнѣ сказать было ему объ этомъ; впрочемъ я рѣшился, при выходѣ своемъ, попросить его заѣхать ко мнѣ, если только это для него нетягостно; старецъ охотно далъ обѣщаніе.—Полутру зашелъ ко мнѣ майоръ внутреннихъ инженеровъ Фремдеръ; кажется, онъ упалъ ко мнѣ ненарокомъ, потому, что не приняла его neodѣтая Муравьева. Я просилъ его, между прочимъ, доставить мнѣ нѣкоторыя свѣдѣнія о желѣзной дорогѣ; у него есть нѣкоторыя записки и выписки, которыя успѣлъ онъ достать во время прошлогодней его поѣздки въ Петербургъ. Онъ сказывалъ мнѣ, что у графа Клейнмихеля есть напечатанная книга, гдѣ изображена подробная линія предполагаемой дороги, распредѣленіе работъ для каждаго года и описаніе матеріаловъ и пр. Но эта книга не продается, и нигдѣ ее сыскать невозможно. Графъ Клейнмихель даритъ однако нѣкоторымъ сановникамъ, и Фремдеру извѣстно, что экземпляръ таковой книги подаренъ отъ Клейнмихеля и графу Воронцову. Эта книга напечатана въ маломъ числѣ экземпляровъ. Буду ожидать отъ него хотя неполныхъ, но весьма интересныхъ для меня, свѣдѣній.

18-го Апрѣля.

Время сего-дня ясно и тепло, а посему я имѣлъ надежду, что не заѣдетъ-ли ко мнѣ князь вслѣдствіе даннаго обѣщанія, и потому я поспѣшилъ и выбраться и одѣться. И дѣйствительно князь не замедлилъ пріѣхать ко мнѣ; признаться я былъ доволенъ, но не менѣе удивленъ такому незабывчивому и скорому исполненію моей просьбы. Между прочими разговорами я попросилъ выслушать проэктъ моего къ нему письма.

По выслушаніи, онъ совершенно апробовалъ его и не перемѣнилъ ни одного выраженія. Потомъ я прочиталъ ему свидѣтельство о моей болѣзни, и этотъ актъ, составленный Зеленкевичемъ, онъ апро-

боваль. За чѣмъ дѣло стало, сказалъ онъ, когда ты мнѣ представишь всѣ эти бумаги? Хотя сего-дня, отвѣчалъ я. Тѣмъ лучше, сказалъ князь, и я завтра отправлю ихъ Государю при своемъ письмѣ; я продиктую письмо дѣвицѣ Мауреръ, а ты свои бумаги запечатай въ особомъ пакетѣ и перешли съ Варварой Петров., которая сего-дня придетъ ко мнѣ для обычнаго чтенія. Едва только я выпустилъ князя отъ себя, предоставя провожать его женѣ и Варинькѣ, самъ сей часъ къ бюро и за переписку. Въ скоромъ времени все было готово и, приложивъ къ письму свидѣтельство о болѣзни и формулярный списокъ, выданный мнѣ самимъ княземъ предъ отъѣздомъ своимъ изъ Петербурга за своею скрѣпою и съ аттестаціею, я все уложилъ въ одномъ конвертѣ, который сдѣлала мнѣ Варвара Петровна, запечаталъ своею большею печатью, велѣлъ записать его по заведенному порядку въ росписную книгу; въ полученіи его доставить въ собственныя руки князя расписалась въ книгѣ Варв. Петр. Такимъ образомъ, судьба моя надломилась къ быту отставному, независимому; но будетъ ли онъ лучшій для меня, не знаю. Богъ знаетъ! *Vogue la galère*, впередъ моя исторія! И послѣ сего рѣшительнаго дѣйствія съ меня, какъ бы великая ноша спала. Все въ Божіихъ рукахъ, и душа моя весьма далека, чтобы скорбѣть и сожалѣть о моемъ поступкѣ, хотя въ скорости послѣ того, какъ отправленъ былъ отъ меня пакетъ къ князю, едва ли часа два-три прошло времени, какъ является къ намъ посланный, повѣренный отъ Анны Александр. Турчаниновой Роллеръ, приносить ея гостинцы, финики и прекрасные каштаны; при этѣхъ сладостяхъ приложена была отъ Турчаниновой на имя жены моей коротенькая записочка, гдѣ Анна Александр. съ Спартанскимъ лаконизмомъ пишетъ вотъ какія таинственные слова: „Я просила г-на Роллера сказать вамъ о дорогѣ. Прошу васъ не подавать въ отставку и не говорить о томъ. Подождите только одинъ мѣсяцъ. Письма мои прошу драть“. Вотъ все содержаніе записки.... Но она двумя-тремя часами пришла позже, и бумага объ отставкѣ была подана. Поспѣшеніе ли мое, или воля Божія исполнилась въ этомъ дѣлѣ, не вѣдаю; но перемѣнить уже этаго нельзя, и дѣло сдѣлано. Разговаривая съ княземъ, я замолвилъ и о Варварѣ Петровнѣ, которой участь меня заботить. Я предложилъ князю, не порекомендуетъ-ли онъ ее Государынѣ Императрицѣ, чтобы пристроила сироту въ одно изъ педагогическихъ ея заведеній. Князь согласился и на сіе, только не теперь, а въ послѣдствіи времени.

Не смотря на суетливость дня, я таки нашелъ время поутру почитать Таулера, Оому Кемпійскаго и Августина, хотя по небольшому отрывку, а въ продолженіи дня приступить къ чтенію двухъ новыхъ повѣстей Лафонтена и все добытыхъ изъ того-же шкафа хозяйки дома,

который такъ кстати, хотя и печально, раскрылся; это повѣсти въ двухъ томахъ и называются: первая *Sylvius et Valéria, ou le pouvoir de l'amour*, а другая: *Eléonore de Beugana, nouvelle espagnole*. Paris, 2 vol. 1819.

Чтобы австральность мнѣ ни предлагала, я надѣюсь на милость Божію. И вотъ въ этотъ день я подалъ третью просьбу объ отставкѣ. Первая была отъ военной службы, вторая отъ ученой и третья, настоящая, отъ гражданской. Первая подана была въ Петербургѣ, вторая въ Москвѣ, а настоящая въ Крыму. Господи, благослови и утверди стопы мои на новомъ порядкѣ жизни!

19-го Апрѣля.

Въ нашей церкви была обѣдня и водосвятіе; но я, согрѣшилъ, полѣнился и не пошелъ къ обѣднѣ. Я отправился по своему обычаю къ князю, хотя въ то время онъ былъ у Муравьевой. Я засталъ сестру его съ дѣвицею Мауреръ; первая сказала мнѣ, что письмо къ Государю уже отправлено на почту; я нарочно брала его съ собою за обѣдню, пусть оно освятится, продолжала она, присутствіемъ благодати и если что не по волѣ Божіей тамъ написано, пусть не послужитъ это препятствіемъ. Потомъ Елис. Михайл. распространилась о своей болѣзни, какъ смерть къ ней близка, потому что ударъ можетъ повториться и пр. Рѣчь перешла на Вѣру Алексѣевну, которую она называетъ *exhaït-gesse*, отставною любовницею, своего брата; хотя этаго никогда и не было, но настоящее поведеніе Муравьевой какъ будто то показываетъ: мяуканье, нѣжничанье, лежанье, все это, по ея мнѣнію, вовсе несомѣстно ни съ лѣтами, ни съ духомъ. Вотъ что она мнѣ сказала лѣтъ семь тому назадъ: братъ вашъ не способенъ ни къ дружбѣ, ни къ любви, и на него дѣйствуетъ всего болѣе привычка; слѣдовательно ежели умѣть взяться только за это, чтобы приучить его къ себѣ, тогда можно все изъ него сдѣлать. Вотъ у нея какія правила, заключила Елис. Михайл. Я отмалчивался и съ трудомъ отвѣчалъ сестрѣ князевой, тѣмъ паче, что рядомъ со мною сидѣла дѣвица Мауреръ. Вскорѣ послѣ того пришелъ князь, и я принялся за обычное чтеніе, а когда Козловскій возвратился съ почты, то я тогда же и посидѣлъ къ себѣ домой.

Четвергъ, 20-го Апрѣля.

По обычаю я пошелъ къ князю, у котораго и обѣдалъ. Катинька съ Варварой Петровной меня провожали. Время было ясное, но вѣтренное. Предъ обѣдомъ я читалъ князю Путешествіе по Испаніи, и онъ находилъ обычное удовольствіе слушать. За обѣдомъ прошепталъ Козловскій по словамъ его великій секретъ; онъ состоялъ въ томъ, что якобы Государь Императоръ будетъ на южный берегъ чрезъ двѣ

недѣли, что онъ изъ Одессы поѣдетъ въ Севастополь, оттуда, вѣроятно, заѣдетъ и къ князю. Вотъ, подумалъ я, Государь пріѣдетъ, а вчера только просьба моя объ отставкѣ какъ отправилась съ княземъ письмомъ къ Государю. Козловскій послѣ отправленія просьбы поспѣшаетъ мнѣ сообщить сію новость... Съ княземъ, между прочимъ, говорили мы и объ Аннѣ Александровнѣ; онъ снова началъ вѣрить въ подлинность чудеснаго ея леченія и объявилъ мнѣ о успѣхахъ практики ея въ Симферополѣ. Случай этотъ далъ мнѣ средство общимъ и неопредѣленнымъ образомъ отозваться о Турчаниновой. Сперва я любилъ ее, какъ только можно любить, сказалъ я ему, дѣлился съ нею чѣмъ могъ, потомъ имѣлъ основательную причину возненавидѣть, говоря въ философскомъ смыслѣ, а потомъ снова началъ не довѣрять и своей ненависти. За что же ты возненавидѣлъ Анну Алекс.? спросилъ князь. Не могу вамъ сказать; можетъ быть, что когда-нибудь въ послѣдствіи скажу... Козловскій внимательно настраивалъ уши на разговоръ нашъ. Елис. Михайл. крѣпко начала ласкать меня, она во все время этого разговора, казалось, дремала. Князь заключилъ такимъ словомъ: я также уважаю и люблю Анну Александровну и нынѣ, какъ прежде это дѣлалъ, и чувства мои къ ней вовсе не измѣнились... Въ числѣ залоговъ доброжелательства отъ Елис. Михайлов. между прочимъ было и то, что она сама предложила мнѣ непрочитанные № газеты: *Voleur*, чего она никогда прежде не дѣлывала; кромѣ того обѣщала прислать мнѣ завтра съ Варинькою (которой велѣла быть у себя для какого-то дѣла) черновой проэктъ письма, посланнаго княземъ къ Государю по предмету моей отставки. Признаюсь, я внутренно весьма былъ доволенъ этимъ знакомъ ея довѣренности и съ жадностію хотѣлъ прочесть и узнать силу и степень тѣхъ выраженій, которыя употребилъ князь, ходатайствуя за меня.

Пятница, 21-го Апрѣля.

Варинька возвратилась отъ Елис. Михайл. и принесла мнѣ черновое письмо къ Государю, которое продиктовано было княземъ. Старецъ просто, но твердо просить мнѣ въ пенсію то содержаніе, которое я нынѣ получаю; кромѣ того онъ просить мнѣ у Государя годоваго жалованья для моего подѣсма; онъ рѣшительно говорить, что Крымскій климатъ мнѣ вреденъ. Добре бы, еслибъ письмо князево застало Государя въ Петербургѣ, но все въ волѣ Божіей. Обѣдала съ нами Ольга Карловна, и послѣ обѣда я предложилъ всей компаніи прогулку по верхней дорогѣ до водопада. Это была первая въ нынѣшній годъ прогулка. По сторонамъ мы видѣли яблоневыя, грушевыя и вишневые деревья всѣ въ цвѣту; если судить по цвѣту, то надобно ожидать необъятное множество плодовъ. Я видѣлъ колоссальныя, болѣе чѣмъ столѣтнія, виш-

невья деревья, съ низу до верха покрытыя цвѣтомъ. Такихъ вишенъ я нигдѣ не видывалъ, деревья похожи были на древнія липы нашихъ сторонъ. Провидѣніе и время утвердили ихъ на обрывѣ горы, и онѣ растутъ тамъ и красуются.

Суббота, 22-го Апрѣля.

Вдругъ пріѣзжаетъ князь и предлагаетъ мнѣ, чтобы я почиталъ ему Приключенія Столбикова, романъ Основьяненки, что онъ хотя и читалъ его, но желаетъ однакоже вновь прочесть его со мною, дабы увидѣть, какое произведетъ онъ на меня дѣйствіе. Я сей часъ же приступилъ къ чтенію, и князь довольно долго просидѣлъ у меня, восхищаясь сатирическими разсказами второстепеннаго романа. Я немножко поусталъ и былъ очень доволенъ, когда пришелъ ко мнѣ князь Мещерскій звать меня къ себѣ завтрашній день обѣдать, по случаю именинъ жены его. Не успѣвши поутру заняться предположеннымъ дѣломъ, я хотѣлъ начать его послѣ обѣда, но опять помѣшали мнѣ: Дмитр. Иванов. Поповъ пришелъ провести со мною вечеръ. Между прочими разговорами онъ открылъ мнѣ отчасти причину частыхъ посѣщеній князевыхъ Муравьевой. Князь, нѣкоторымъ образомъ, позволяетъ себѣ маленькую обоюдность. Онъ заказалъ Муравьевой, чтобы она не все говорила при сестрѣ его; поэтому-то онъ и ѣздитъ къ ней. Намъ говоритъ князь всегда очень хорошо о Турчаниновой, съ удовольствіемъ разсказываетъ о успѣхахъ ея леченія и проч., заключаетъ слово тѣмъ, что онъ въ тѣхъ же отношеніяхъ остался къ Турчаниновой, какъ и прежде; а Муравьевой съ глазу на глазъ говоритъ все противное и очень недоволенъ послѣднимъ поведеніемъ Турчаниновой, съ которой онъ разстался довольно холодно. Все это наполняетъ душу мою разочарованіемъ.

Пондѣльникъ, 24-го Апрѣля.

Слухи носятъ, что Государь скоро сюда пожалуетъ, и для этого Козловскій сбрилъ свою Жидовскую бороду, которая съ пушистыми бакенбардами высывалась у него изъ подбородка, и дѣйствительно я видѣлъ его сегодня бритого, но не зналъ причины, которую объяснилъ домашнимъ моимъ пріѣзжавшій безъ меня лекаръ Зеленкевичъ.

Вторникъ, 25-го Апрѣля.

Князь дѣлаетъ сегодня родъ прощальнаго обѣда для Попова, который рѣшительно отправляется на Кавказъ; для этого Варинькъ отказано въ нынѣшній день къ князю, а назначено завтра. Поутру Мещерскій предложилъ Попову прогулку и своихъ верховыхъ лошадей... Я писалъ пространное письмо Жегочеву, служащее отвѣтомъ на четыре письма, а вечеромъ отъ него новое получилъ письмо, гдѣ онъ описываетъ чудеса леченія Анны Александр. 15 нанятыхъ солдатъ

подкидывали болящаго мальчика до четырехъ сотъ разъ, въ продолженіи 12 часовъ времени; потомъ солдаты изнемогли отъ усталости, и другіе уже вертѣли его на точильной машинѣ; это были любители, какой-то полковникъ Сл., Католическій священникъ, частный приставъ и гильдейскій Жидъ. И эти выбились изъ силъ, такъ что Жидка отливали водою. Все это чудно и диковинно, но какъ-то мало поражаетъ душу мою, потому ли, что я имѣлъ время познакомиться съ Турчаниновой коротко, или по особому настроенію духа моего.

Среда, 26-го Апрѣля.

Утромъ послѣ молитвы и чтенія Пордеча пришли мнѣ мысли о ничетѣ всего подлуннаго, о томъ, что я живу, мыслю, хочу и кажется мнѣ, что болѣе самобытнымъ быть не могу, между тѣмъ пройдетъ нѣсколько дней, и меня не будетъ на бѣломъ свѣтѣ между живыми; пройдетъ еще нѣсколько дней, и память имени моего изгладится между человѣками; пройдетъ еще нѣсколько дней, какъ и самыя кости мои въ могилѣ обратятся въ одну лишь известковую пыль. Между тѣмъ какъ ничтожность моя и моральная и пластическая будетъ непремѣнно переходить эти виды или формы, Богъ остается все Богомъ, Онъ всему мѣрило, но Самъ по Себѣ Неизмѣримый. Эти мысли ярко вспыхивали въ умѣ моемъ; касались онѣ и сердца. Благодарю Бога, что Онъ злохудожную душу мою посѣтилъ истиною. Пошелъ по обычаю къ князю; онъ не велѣлъ мнѣ читать Путешествіе въ Испанію, а Приключенія Стобикова, которыя такъ сильно занимаютъ его. Варинька, возвратившись отъ князя, сказывала, что Мещерскій началъ было въ присутствіи князя подымать меня на смѣхъ; но старецъ далъ ему замѣтить, что это было ему непріятно, и онъ ту же минуту унялся. И вотъ каковы люди: зовутъ въ гости и послѣ смѣются. Точно свѣтскому человѣку можно надо мною смѣяться. Я немножко циникъ и для напoмаженнаго общества не всегда гожусь.

27-го Апрѣля.

Князь Мещерскій зашелъ ко мнѣ поутру, когда я уже собирался идти къ князю; онъ предлагалъ мнѣ своихъ верховыхъ лошадей, если я вздумаю дѣлать прогулки, увѣряя, что онѣ покойнѣе Татарскихъ и проч. Домашнимъ моимъ говорилъ, что у него есть Англійское сѣдло, въ которомъ мнѣ прежде отказалъ, сказавши, что у него такового нѣтъ и проч. Я поблагодарилъ его за обязательное вниманіе, и онъ проводилъ меня чуть не до самаго дома княжескаго. Дорогою онъ сказалъ мнѣ, что Елиз. Михайлов. заняла тайно у людей своихъ 1000 р. и что платитъ по 10 процент. ежемѣсячно и проч. Только что я явился къ князю, какъ Козловскій съ великимъ усердіемъ вызвался читать Похожденія Столбикова; мнѣ показалось, что онъ это для того сдѣлалъ,

чтобъ не оставить меня одного съ княземъ, потому что Мауреръ куда-то вышла, а Кологривая была въ своей комнатѣ. Впрочемъ, я успѣлъ почитать князю мое Испанское путешествіе, котораго остается немного и съ окончаніемъ коего мнѣ хотѣлось бы завершить, т. е., мои чтенія, о чемъ я князю какъ-то на дняхъ и объявилъ.

28-го Апрѣля.

Путру заѣзжалъ ко мнѣ инженерный маіоръ Фремдеръ и въ слѣдствіе обѣщанія своего сообщить мнѣ что нибудь о Петербургско-Московской желѣзной дорогѣ привезъ мнѣ нѣсколько тюковъ печатныхъ приказовъ графа Клейнмихеля; приказы восходили до 6-го нынѣшняго Апрѣля. И я всѣ перебралъ и пересмотрѣлъ ихъ, нѣкоторые показались мнѣ очень любопытными и оригинальными; я нашелъ между ними и такіе, кои касались до желѣзной дороги. Онъ сказывалъ мнѣ, что писалъ къ своему пріятелю въ Петербургъ о присылкѣ книги по этому случаю, напечатанной въ весьма немногихъ экземплярахъ.

29-го Апрѣля.

Дѣло Печорской кампаніи оказывается пуфомъ; Спасскій, управляющій моимъ маленькимъ достояніемъ, уѣхалъ въ свою деревню, не отвѣтивши даже на письмо мое; купецъ Исаковъ отказалъ въ книгахъ. Варинька, возвратившись отъ князя, новые принесла слухи, что Государь пожалуетъ къ намъ къ 20-му сего мѣсяца.

30-го Апрѣля.

...Скоро и князь пришелъ. Я принялся за обычное свое чтеніе, но оно перестало, кажется, старику нравиться, и онъ мнѣ показывалъ свое нетерпѣніе разными и даже недвусмысленными движеніями. Замѣтивши сіе, я хотѣлъ перестать читать. За чѣмъ вамъ принуждать себя, сказалъ я князю, позвольте мнѣ бросить книгу. Мнѣ, признаться сказать, даже было стыдно своего положенія, особенно когда я замѣтилъ, что онъ сталъ дремать, и со мною сбылась пословица: ни изъ кузова, ни въ кузовъ. Когда Козловскій возвратился съ почты, то князь сей часъ же приказалъ читать Столбикова; въ немъ какая-то особенная нетерпѣливость, чтобы читали эту книгу, которую онъ уже знаетъ. Козловскій съ жаромъ принялся за чтеніе. Накрапалъ дождь, я поторопился идти домой; дождь полился сильно, и я въ сѣняхъ принужденъ былъ переждать; ко мнѣ вышелъ Козловскій и сказалъ мнѣ, что когда я еще былъ въ Эвпаторіи, то съ того времени Поповъ замышлялъ на службу къ князю. Это тѣмъ похоже на правду, что самъ Поповъ мнѣ это самое подтвердилъ. Муравьева съ племянницею и сопровождаемая Поповымъ нашли меня еще въ сѣняхъ пережидающаго дождь; мнѣ стыдно было далѣе ждать, тѣмъ болѣе, что тамъ могли сѣсть уже обѣдать, и самага Козловскаго князь кликнулъ къ себѣ; я

заблагоразсудилъ отправиться домой; мнѣ прислали шинель и калоши. Дома я нашелъ добрый и вкусный обѣдъ и сожалѣлъ только, что не такъ высокую ролю я играю, служа при домѣ князѣ: можно-бы было и не отпускать меня въ дождь, едва здороваго; можно бы, кажется, было оставить меня и обѣдать, но какъ это сдѣлать противъ регулы, противъ правила произвольно принятаго и утвержденнаго его сіятельствомъ? Вельможи не благоснисходятъ къ немощамъ нашимъ и не хотятъ знать ни дождя, ни сырой погоды.

1-го Маія.

Пошелъ по обыкновенію къ князю на обѣдъ и чтеніе. Я уже разложилъ книгу, чтобы приняться, но князь показывалъ видимые знаки нетерпѣнія, и ему хотѣлось слушать исторію Столбикова. Мнѣ это всегда казалось подозрительнымъ, почему именно онъ непременно желаетъ и притомъ желаетъ съ нетерпѣніемъ, чтобы заставить меня вмѣстѣ съ собою слушать этотъ романъ. Козловскій охотно и съ какимъ-то оживленіемъ (можетъ быть, видя нетерпѣніе князя) началъ читать сіи приключенія. По мѣрѣ чтенія, по мѣрѣ игры фizioноміи князевой, я началъ наконецъ смекать, къ чему все это клонилось. Авторъ рассказывалъ въ своемъ романѣ про одного чиновника, который считался на службѣ при намѣстникѣ губерніи; этотъ намѣстникъ держалъ при себѣ нарочно простенькаго человѣчка, дабы болѣе отражались его собственныя достоинства и чтобы публика не думала, что онъ, т. е., намѣстникъ, могъ быть кѣмъ нибудь водимъ и проч. Намѣстникъ былъ для чиновника непроницаемъ, однако призывалъ его къ себѣ, заставлялъ очинивать перья и даже вручалъ ему на сохраненіе секретныя бумаги, бывъ увѣренъ, что еслибы даже онъ ихъ и прочиталъ, то все таки ни слова изъ нихъ не понялъ бы. Князь съ особеннымъ удовольствіемъ выслушивалъ это мѣсто романа, а Козловскій читаемому давалъ отличное значеніе. Тихо выслушивая все это, я не могъ придумать, что князю хотѣлось дать мнѣ почувствовать чрезъ этотъ рассказъ. Не то ли, что человѣкъ, какъ напримѣръ я, все замѣчающій и все даже записывающій, ему никогда не былъ сподрученъ и что истинная политика ловкаго вельможи должна между прочимъ состоять въ томъ, чтобы обставлять себя людьми простенькими. Если это у него мысль была, когда онъ захотѣлъ съизнова переслушать этотъ романъ, то признаюсь, такая мысль оцепѣнила бы всякую любовь подчиненнаго.... Я любилъ его сердечно, преданность была безусловная, и что же мнѣ хотять дать замѣтить чрезъ это чтеніе?... На этомъ мѣстѣ остановились. Начались сужденія. Я былъ взволнованъ и озлобленъ, если не отъ настоящихъ вещей, по крайней мѣрѣ, отъ весьма правдоподобныхъ предположеній. Часто бываетъ, сказалъ я

князю, что тотъ, который не думаетъ и не любитъ быть водимымъ отъ своихъ приближенныхъ, часто всю жизнь свою бываетъ подъ опекою другихъ; искусство только въ томъ состоитъ, чтобъ онъ не замѣтилъ этой опеки и думалъ, что все что онъ ни дѣлаетъ, дѣлаетъ самъ отъ себя, тогда какъ онъ слѣпо только исполняетъ волю другихъ ловко умѣющихъ возбудить въ немъ эти желанія и въ время ихъ подсказать. Признаюсь, что я сказалъ эту фразу на счетъ князя, и въ этой фразѣ разрѣшается вся его служебная жизнь, *sauf le respect*. Этихъ намековъ мнѣ не хочется принять на свой счетъ, потому что я доселѣ служилъ ему вѣрно, пламенно и чисто и поставлялъ службу мою цѣлю, а не средствомъ. Знаютъ объ этомъ моя совѣсть и тѣ немногіе люди, которые близко смотрѣли на мое сердце. Нынѣшнее утро порядочно разгрузило меня отъ той все еще сильной преданности, которую и привычка и потребность сердца понуждали меня питать къ нему. Служебный эгоизмъ близко граничитъ къ сердечному эгоизму и, скажу стихомъ Державина, не всѣ ль вельможи таковы? Къ обѣду явилась Муравьева. Я успѣлъ однако почитать ему своего путешествія, которое тороплюсь окончить; книги остается нѣсколько только листочковъ. Елиз. Михайл. успѣла однако мнѣ сказать, разумѣется безъ свидѣтелей: Братъ велѣлъ мнѣ вчера сдѣлать получше обѣдъ, а я сказала ему, что надобно приготовить таковой для Понедѣльника, потому что въ этотъ день будетъ у насъ обѣдать Юр. Ник.; я также рассказала брату, какъ Муравьева въ прошедшій Четвертокъ отняла у васъ ваше мѣсто и посадила на оное Попова; братъ очень этимъ встревожился и велѣлъ нарочно пригласить Муравьеву для нѣкотораго съ вами сближенія. Вотъ что сказала мнѣ Кологривая, желая приласкивать меня, и это точно въ нравахъ князя. Когда сѣли за обѣдъ, князь велѣлъ въ гостинной отворить дверь на террасу для освѣженія воздуха, и я, боясь сквознаго вѣтра, пересѣлъ къ Кологривой. За столомъ точно было возможное изобиліе; ветчина прекраснѣйшая, мы весьма рѣдко пользуемся въ Крыму хорошею ветчиною. Точно Кологривая сдержала свое слово. Но вотъ какая странность случилась за столомъ. Съ меня начали подавать кушанье, потомъ послѣ меня Козловскому, который однако посылалъ слугу къ Муравьевой и ея племянницѣ. Нарочно ли, т. е., съ намѣреніемъ-ли, это было сдѣлано, или случайно; но только всѣ прислуживающіе у стола взяли эту колею. Увидимъ, какъ это подѣйствовало на Муравьеву. Послѣ обѣда, она, посидѣвши у князя и поговоривши кое о чемъ, по обыкновенію ушла со своею племянницею къ Мещерскимъ, а я остался одинъ. Предъ этимъ былъ у насъ довольно интересный общій разговоръ о Московскомъ царькѣ, князѣ Серг. Мих. Голицынѣ. Посидя и я хотѣлъ идти въ слѣдъ Муравьевой, но Козлов-

скій тотъ же часъ поспѣшилиъ выйти за мною и просилъ меня остаться. Я почитаю вамъ о Столбиковѣ, сказалъ онъ, какъ бы желая убѣдить такимъ смазливимъ предложеніемъ. Въ нынѣшній день я удостоился напиться чаю, который особенно готовятъ для сестры князевои; онъ ранѣе обыкновеннаго и гораздо вкуснѣе чѣмъ князевъ, приготовляемый его лакеями. Послѣ всѣхъ этихъ сценъ, ничтожныхъ сами по себѣ, но нѣсколько яркихъ въ нашей монотонной жизни, я возвратился къ себѣ домой, радъ, что унесъ свои ноги. Дома тихо и покойно.

2-го Маія.

Съ нѣкотораго времени боль въ лѣвомъ боку моемъ усилилась; я рѣшился поѣздить верхомъ и посмотрѣть, не уменьшится ли эта боль отъ верховой ѣзды; кромѣ того, какимъ же образомъ осмотрѣть мнѣ здѣшнія окрестности, если не приучу себя къ верховой ѣздѣ, которая есть мощное средство, если не единственное, удовлетворить моему любопытству. Вздумано, сдѣлано. Сережа привелъ ко мнѣ Татарина Абрама, у котораго изо всей деревни смирнѣйшія лошади; я нанялъ пару лошадей за 4 р. въ день; ѣду, куда хочу, а если отправлюсь въ дальній путь и придется ночевать во время поѣздки, то обязанъ кормить тѣхъ лошадей ячменемъ и сѣномъ. Странно, что мнѣ надлежало кликать переводчика, дабы можно было разглагольствовать съ Татаринѣмъ, который ничего почти порусски не понималъ, не смотря, что всю почти жизнь свою прожилъ съ Русскими. Татаринъ отправился съ тремя своими мальчиками въ горы отыскивать своихъ лошадокъ, которыхъ и привелъ мнѣ послѣ обѣда для показанья.

Вотъ привели и лошадокъ, на одну изъ нихъ гнѣдинькую, очень малаго роста, влѣзъ я съ величайшимъ трудомъ; на другую, повыше ростомъ посадилъ слугу. Только что началъ выѣзжать изъ саду, показались мнѣ неловко повѣшены стремена; я нѣсколько разъ заставлялъ то опустить, то подымать ихъ; все что-то казалось мнѣ неловко; наконецъ выѣхалъ на улицу и тутъ опять принужденнымъ нашелся остановиться; сѣдло Шмидтово что-то не по мнѣ было, велѣлъ пересѣдлатъ съизнова и надѣтъ на мою лошадь Татарское уже сѣдло. Покуда эти сборы продолжались, высыпало на улицу множество Татаръ и Татарченковъ; все это глядѣло на робкое неискусство всадника; наконецъ, кое-какъ влѣзши на лошадь, которая въ послѣдствіи оказалась самая лѣнивая, поплелся я шагомъ по направленію къ Алупкѣ, потомъ повернулся и поѣхалъ назадъ въ близъ-лежащую дачу кн. Мещерской. Кляча моя тащилась шагомъ и притомъ такимъ, что я мало видывалъ такого тихоходства; чтобы прибавить хотя немножко шагу, я не жалѣлъ ударовъ, но отъ неискусства моего торопить лошадь

и владѣть нагайкою большая часть сихъ ударовъ попадали на меня самого. Завидя новаго Донъ-Кихота, семейство Мещерскаго, собравшееся тогда на балконѣ, громко меня привѣтствовало, а княгиня встрѣтила меня на дворѣ. Посидѣвъ у нихъ и выпросивъ у Мещерскаго хлыстикъ и новое сѣдло, я отправился во свояси; на улицѣ или на дорогѣ взлѣзъ я на свою лошадь, потому что на дворѣ боялся сѣсть на лошадь отъ собакъ. Доплетаясь кое-какъ домой, я и этимъ новымъ третьимъ сѣдломъ остался недоволенъ и послалъ моего человѣка къ Мещерскому просить четвертаго уже сѣдла, козачьяго. Поѣздка моя такую струстную или революцію надѣлала въ нашемъ селеніи, что пришедшая къ князю Мар. Владимир. объявила князю немедленно о важномъ событіи, что видѣла меня верхомъ на лошади. Спустя немного времени, камердинеръ князевъ Семенъ, пришедши къ своему господину, также отрапортовалъ ему, что видѣли, дискать, Юр. Ник. на лошади верхомъ. Потомъ старикъ Ѳедоръ, тоже слуга князевъ, также сказалъ и тому же князю, что Юр. Ник. верхомъ ѣздилъ. Князь Мещерск., пришедшій къ старому князю, читать газеты, вновь пересказалъ ему: у меня былъ Юр. Ник. и пріѣзжалъ верхомъ. Вотъ какіе торжественные пересказы и все отъ моей верховой ѣзды; точно что лѣтъ двадцать пять, какъ я не садился на лошадь, и всѣмъ странно было видѣть меня не на своемъ мѣстѣ и не въ свойственномъ упражненіи.

3-го Маія.

Я забылъ вчера записать, что во Вторникъ самъ старикъ-князь заѣзжалъ за Варинькою, но ей нельзя было съ нимъ вмѣстѣ отправиться; князь сошелъ съ дрожекъ, и я до конца сада велъ его подъ руку и довелъ до самой дороги. Сего-дня я, по обычаю своему, отправился къ князю, хотя онъ и былъ въ это время у Муравьевой. Пришедши въ домъ, я нашелъ у сестры его кн. Мещерскую и дѣвицу Мауреръ. Между разговорами главная тема была, какъ возможно любить своихъ враговъ; это дало поводъ Кологривой распространиться на счетъ Мауреръ. Мещерская отрицала возможность любить вѣроломцевъ (fourbes). Въ скорости возвратился и князь. Бесѣда перешла къ моей верховой ѣздѣ, и княгиня такъ насмѣшливо отозвалась обо мнѣ, что всѣ захохотали, да и она сама не могла воздержаться, чтобы долго не хохотать во все отверженіе своего горла.

Бумага о моей отставкѣ пошла 19-го прошлаго Апрѣля въ Петербургъ, и Государь долженствовалъ ее получить 2-го или 3-го Маія; тутъ же, я думаю, сдѣлается и рѣшеніе. Въ частной жизни эти эпохи весьма важны, и могу-ли я быть равнодушенъ, какъ меня отставятъ, велика-ли будетъ моя пенсія, съ которою придется проживать остатокъ

своей жизни? Но Богъ моя надежда, и при томъ у меня, кажется, нѣтъ, по милости Божіей, сильнаго желанія быть богатымъ. Пенсія, которую я законно и по справедливости могу требовать, должна состоять изъ 2000 ассигнаціон. рублей; если уважать свидѣтельство о моей болѣзни, то должно мнѣ тогда дать полную уже пенсію, и эта пенсія, называемая 2-го класса, не болѣе состоитъ какъ изъ 3000 также ассигн. рублей. Теперь надобно выѣхать изъ этаго ущелья, на что понадобится много денегъ, ибо ѣхать сюда ворота были широки, а выѣзжать очень сдѣлались узки.

4-го Маія.

У насъ на селѣ праздникъ: день Вознесенія. Всѣ мы пошли на обѣдню, которая чинно совершалась; къ молебну пришелъ священникъ княжескій. Весь людъ принарядился, всѣ хотѣтъ повеселиться; вино выставлено, чернорабочіе шныряють взадъ и впередъ, выпивши и закусивши. Я пробрался къ князю, но моего Путешествія не читалъ, а только лишь Козловскій читалъ Похожденія Кругликова. Вчера князь спросилъ меня, что же ты будешь мнѣ читать, когда окончишь это Путешествіе? Я попрошу у васъ позволенія, отвѣтствовалъ я ему, остановиться и перестать уже читать; мнѣ надобно пособратъ, уложиться, у меня ничего еще не припасено, ни прибрано къ дорогѣ. Не знаю, какъ принялъ эти слова мои князь. Обѣдъ былъ изобильный, и я безъ скуки и унынія провелъ у него время. Послѣ обѣда я сказалъ князю, что, можетъ быть въ сей день совершается судьба моя. Да, отвѣчалъ мнѣ князь, можетъ быть Государь уже и подписалъ бумагу. Разговорились о доходахъ Прянишникова*), получаемыхъ имъ отъ газетъ; я что-то сказалъ, какъ Козловскій вдругъ было возпалился и готовъ былъ спорить со мною, но я уклонилъ себя отъ этаго новаго и рьянаго приверженца Прянишникова. Не дождавшись чаю, я возвратился домой; по дорогѣ пестрѣли разнаго пола люди, возвращаясь съ праздника или, лучше сказать, съ попойки. Грязна однако эта сторона праздника; никогда безъ драки не обойдется, и на нынѣшній разъ случилась уже драка въ большемъ размѣрѣ: дрались Русскіе, Алупскіе работники съ Татарами; доходило и до кольевъ. Куда скучно видѣть разгулъ пьяной толпы моихъ соотчичей; нравственная и изящная сторона праздника для нихъ не существуетъ.

Пятница, 5-го Маія.

Нынѣшній день былъ для меня мраченъ и испытателенъ. Женщина, которая находится въ прислугѣ у жены моей, сказала мнѣ по неразу-

*) О. И. Прянишниковъ—преемникъ столь знакомаго читателямъ „Русскаго Архива“ К. Я. Будгакова. Въ то время вся плата за пересылку повременныхъ изданій получалась почтдиректорами. П. Б.

мію грубое слово; я такъ разсердился, что началъ ее бранить, укоряя, что я лечилъ ее въ болѣзни и заплатилъ столько за лекарство, что она и сама того не стоитъ; потомъ ударилъ ее по щекѣ.... Женщина точно что сказала грубое слово, но слѣдовало-ли мнѣ приходить въ такую ярость и запальчивость? Не смѣшонъ ли я остаюсь при претензіяхъ моихъ на высшую духовность, тогда какъ не опростался еще звѣрскихъ навыковъ своихъ? Послѣ гнѣва пришло ко мнѣ въ гости любострастіе; оно подставляло мнѣ въ продолженіе сего несчастнаго дня различныя идеи; мнѣ казалось, что воля моя едва ли не охотно упала въ этотъ омутъ.... Но, не смотря на это, въ глубинѣ души моей не погасала искра надежды и упованія на помощь Божію. Чудное сочетаніе порока съ какимъ-то надѣяніемъ, насъ не оставляющимъ. Поутру жена моя пришла посовѣтоваться со мною. Что намъ дѣлать? говорила она. Намъ и при собраніи и при отправленіи и въ дорогѣ очень бы нуженъ былъ человѣкъ, но гдѣ его найти? Вчера управитель сказывалъ мнѣ, что пришелъ изъ Симферополя какой-то поваръ и думалъ наняться у князя, но ему отказали; не нанять ли намъ его? Да гдѣ его сыщешь, сказалъ я, и вотъ почти въ ту самую минуту, какъ мы разговаривали, докладываютъ намъ, что человѣкъ этотъ явился и предлагаетъ свои услуги; я велѣлъ позвать его къ себѣ и узналъ отъ него, что онъ учился у царскаго метръ-дотеля Миллера своему поварскому искусству и что это дѣло знаетъ превосходно; кромѣ того можетъ быть и слугою. Я тотъ же часъ и нанялъ его, тѣмъ болѣе, что цѣна имъ испрашиваемая показалась мнѣ сходною. Давъ задатокъ и отобравъ отъ него паспортъ, я отправилъ его въ Симферополь за пожитками.

Суббота, 6-го Маія.

Съ утра я приказалъ приготовить для себя и человѣка пару лошадей и намѣревался пуститься на сей разъ по Ялтинской дорогѣ. Проживъ столько времени на южномъ берегу, мнѣ было бы стыдно не посѣтить столь живописныхъ мѣстъ, которыя составляли наши окрестности: пропустивъ случай побывать кое-гдѣ, я бы не исполнилъ одной изъ тѣхъ цѣлей, для которыхъ я нарочно и пріѣхалъ на южный берегъ. Я поспѣшилъ ранѣе отобѣдать, лошади были осѣдланы, и я съ благословеніемъ Божіемъ сѣлъ на лошадь и бодро отправился въ предназначенный путь. Ходъ у этой лошади покойнѣе и быстрѣе; ее не нужно было такъ погонять какъ ту, на которой я обыкновенно доселѣ ѣздилъ.

Доѣхали до Оріанды царской. Она лежитъ на одной верстѣ дороги, когда ѣдешь изъ Гаспры въ Ялту; отъ дороги на правой сторонѣ. Сверху горнаго пути виднѣется строящійся дворецъ для Императрицы. На плоскомъ мѣстѣ, нарочно для сего приготовленномъ, показывается,

какъ будто разбросано нѣсколько колодъ картъ; это матерьялы, бѣлый камень и проч., а самое строеніе дворца похоже на основаніе карточного домика. Мы поворотили къ скромному жилищу съ башенкою, въ которомъ обыкновенно помѣщается директоръ Оріанды. Онъ въ отпускъ теперь, это тотъ г. Штеричъ, который такъ былъ всегда для меня ласковъ. Мѣсто его занимаетъ теперь помощникъ его г. Масловскій. Намъ сказали, что нѣтъ его дома; однако мы взшли въ его домикъ и насъ очень привѣтливо пригласила старушка мать его. Сей часъ же присовѣтовали намъ влѣзть на башню и полюбоваться изъ оконъ видами, особенно на Ялту, которая вся какъ на блюдечкѣ. Лѣсенка ведущая на башню не очень способна для восхода, а я и безъ того худо передвигалъ ногами; не знаю отъ чего, вѣрно отъ какого нибудь обстоятельства верховой моей посадки, только лѣвая нога моя очень ныла, и я съ трудомъ разправилъ ее. Скоро пришелъ къ намъ и самъ хозяинъ, небольшого роста, сухощавый съ темпераментальнымъ расположеніемъ къ меланхолизму и ипохондріи. Это г. Масловскій, помощникъ Штерича и женатый на побочной его дочери, которая недавно только оставила своего мужа; поэтому Масловскій сдѣлался притчею всего южнаго берега, всѣ его осуждаютъ, всѣ называютъ тираномъ. Преимущественно враждебствуетъ противъ него нашъ Козловскій: онъ не упускаетъ и малѣйшаго случая, чтобы не только что осуждать, но и бранить; Козловскій замаралъ этаго Масловскаго и въ глазахъ князевыхъ. Масловскій принялъ насъ привѣтливо и сей часъ же повелъ къ воздвигаемому зданію. Мы начали спускаться внизъ къ морю; сперва шли по аллеѣ параллельно дорогѣ, потомъ поворотили прямо; дорожка шла по обширной площадкѣ, которая вся засажена была виноградными лозами; это была бы прелестная прогулка, еслибъ виноградъ поднялся и началъ цвѣсть и еще того болѣе, когда бъ лозы начали созрѣвать. Пройдя это мѣсто, мы поворотили на лѣво, гдѣ на обнаженной скалѣ выстроена ротонда; при насъ охорашивали два послѣдніе камня, которые должны быть положены на колонны. Камень бѣлый, мягкій, превосходный; на воздухѣ онъ крѣпчаетъ; на камняхъ вырѣзаны нѣкоторыя украшенія. Ротонда воздвигается на самомъ верху скалы, и виды съ этаго мѣста очаровательные, великолѣпные.

Отъ ротонды по довольно выбитой дорожкѣ, отъ безпрестанныхъ переѣздовъ со строительными матерьялами, мы спустились къ площадкѣ, гдѣ строится дворецъ. Эта дорожка, по которой мы шли, хотя идетъ съ горы, но довольно однакожъ полого и осѣнена вѣтвистыми деревьями. Подошедши къ постройкѣ, гдѣ работало отъ 250 до 300 человекъ, я увѣрился, что сдѣлано было немало, хотя съ верхней дороги и показывало, что только накинута одно основаніе. Цѣлый этажъ былъ уже

воздвигнуть, не говоря о скопаніи горы и объ укладкѣ разныхъ подземныхъ трубъ для фонтановъ и прочаго. Матеріалы были отличные; кирпичъ привезенный изъ Феодосіи, точно какъ фарфоровый; столъ онъ былъ хорошо обожженъ, что какъ мы ни колотили его, не могли однако разрушить. Бѣлый камень для наружной отдѣлки такъ былъ мягокъ, что его обдѣлывали топоромъ. Дворецъ небольшой, однакожъ вмѣщающій въ себѣ до 60 комнатъ. Не видѣвши плана, я не могъ себѣ представить въ цѣломъ. Онъ назначается въ три этажа и будетъ съ нѣкоторыми особенностями; напримѣръ, въ нутри его будетъ круглый дворикъ величиною съ небольшую комнату; спутникъ мой говорилъ, что этотъ дворикъ въ подражаніе Геркуланскимъ построеніямъ. Въ нижнемъ этажѣ, насупротивъ моря, устроенъ гротъ украшенный пилястрами; къ восточному фасау дворца примыкаютъ въ одномъ и томъ же цѣломъ построеніи три небольшіе садика, конечно для цвѣтовъ; вездѣ устроены будутъ фонтаны. Встанемъ по срединѣ зданія и посмотримъ на виды, которыми окруженъ дворецъ. Къ Сѣверу идетъ гребень горъ, одинъ другаго выше, и все это покрыто изумрудною разныхъ оттѣнковъ зеленью; на Востокъ воздвигается какъ пирамида та порфиновая скала, на которой выстроена терраса; къ Западу еще болѣе скала, прямая какъ церковная башня, на нее также со временемъ выстроить величественное зданіе, поляне въ своихъ частностяхъ чѣмъ ротонда; такъ, по крайней мѣрѣ, намѣревался графъ Воронцовъ, который завѣдываетъ этимъ имѣніемъ Императрицы. Видъ на полдень составляетъ море, оно за зеленью показывается точно какъ-бы у подножія дворца, но это оптический обманъ: оно еще далеко отъ дворца, и не скоро къ нему дойдешь. И въ этомъ направленіи виднѣются двѣ скалы, какъ бы окаймливающія картину на море. Къ Востоку видны дальнія горы Крымскія, онѣ покрыты дымкою разстоянія. Ялта роскошествуетъ на первомъ планѣ этой величественной картины. Я захотѣлъ подойти къ морю, и вотъ повели меня прелестною сѣнистою аллеєю; прохладно было идти по ней, забыли и усталость. Аллея склонялась болѣе и болѣе къ направленію моря и приводила въ небольшую долинку, всю закрытую непроницаемою тѣнью деревь. Въ этой уединенной долинкѣ такъ было темно и свѣжо, что, не смотря на ясный, солнечный день, въ ней совершенные лѣтніе сумерки. Свѣжесть происходила не столько отъ сѣннолиственныхъ деревьевъ, сколько отъ протекающаго ручья, который богатѣйшимъ водопадомъ низпадалъ къ подножію этаго мѣста. Я не видывалъ подобнаго этому водопада, ибо я слѣдилъ его, какъ онъ прыгалъ между деревьями на пространствѣ нѣсколькихъ сотъ сажень, начиная съ видимаго темени горъ и доходя до насъ. Противу водопада стояла вѣтхая скамья; на ней-то, говорилъ

мнѣ Масловскій, сиживалъ по нѣскольку часовъ блаженной памяти Императоръ Александръ и предавался думамъ крѣпкимъ и христіанскимъ; извѣстно, что онъ хотѣлъ скинуть съ себя царскій санъ и поселиться въ Оріандѣ на остатокъ дней своихъ. Мы вспомнили добраго Александра и, благословляя его въ душѣ, посидѣли на томъ мѣстѣ, гдѣ и онъ сиживалъ. Масловскій не совѣтовалъ однако долго оставаться на этомъ мѣстѣ, чтобы не простудиться отъ прохлады слишкомъ рѣзкой съ обычною температурою дня. Мы пошли далѣе къ морю; къ нему сбѣгивали дорожки осененныя деревьями; мы выбрали должайшій путь изъ двухъ намъ представшихся, а Зеленкевичъ пошелъ путемъ кратчайшимъ, за то онъ круче. Вотъ подошли мы къ самому морю и продолжали прогулку по окраинѣ его усыпанной мелкими камушками; слышали прибой волнъ его, этотъ величественный говоръ необозримой стихіи. Недалеко отъ насъ разбросано было нѣсколько каменьевъ въ морѣ, около которыхъ плесканье волнъ было шибче; маленькій мысокъ соединялъ берегъ съ этими камнями. Проводникъ нашъ, добрый Масловскій, предложилъ намъ взойти въ эти камни, тамъ послушать плесканья морскаго и отдохнуть. Мы начали по морской закраинѣ пробираться къ этимъ камнямъ, встрѣтили и тотъ ручей, который увѣдомлялъ насъ незадолго разнообразіемъ и величіемъ своего паденія; здѣсь течетъ онъ тоненькою ниткою обыкновенной рѣчки и уходитъ въ мелкіе камни, не достигая моря; слой маленькихъ камешковъ, отдѣляющихъ этотъ ручей отъ моря, не болѣе двухъ или одного аршина. Не вѣрилось глазамъ, чтобъ такое величественное теченіе кончалось столь неожиданнымъ образомъ. Я велѣлъ Ивану своему, чтобы онъ пораскопалъ рукою камни, дабы поискать моего великолѣпнаго горнаго ручья; Масловскій и Иванъ сдѣлали для меня это, и точно камни лежавшіе немножко поглубже были мокры, и сквозь нихъ сочился ручей. Такъ дѣлается съ людьми, подумалъ я, которые брызжутъ тратами сердца своего для другихъ людей, и часто любовь ихъ непонятая холоднымъ эгоизмомъ не оплачивается любовію. И святое чувство всего лучшаго въ человѣкѣ не достигаетъ до желаннаго созвучія, какъ этотъ безумный ручей не достигнулъ своего моря. Разставаясь съ этимъ горнымъ потокомъ, я однако зачерпнулъ его водицы. Слуга мой взялъ съ собою чашечку, въ которой я принимаю свои порошки, и вотъ этою-то чашечкою я изчерпнулъ свѣжей, какъ хрусталь, водицы и напоилъ моихъ спутниковъ, а Масловскій припалъ на колѣна и напился самъ изъ ручья. Вотъ мы дошли и до камней, отдѣльно вдавшихся въ море; точно, здѣсь всплески моря сильнѣе, ибо оно пробивается въ видѣ мыльной пѣны между расцѣлинами этихъ разбросанныхъ каменьевъ. Здѣсь уединенно, и мы сѣли отдохнуть на камешкѣ;

предъ нами стояла одна лишь утлая ладья рыбаля, всташенная на берегъ: въ ней ловятъ устриць въ ближайшемъ отсюда разстояніи. Надобно посмотрѣть здѣшнія волны въ бурю, сказалъ Масловскій, теперь онѣ пробираются только между каменьями, а тогда покрываютъ ихъ и грозными водометами съ гранита стекаютъ (Здѣсь предполагается учредить ванну для Императрицы). Узкою тропою мы начали подыматься въ верхъ. Здѣсь обыкновенно ѣздить верхомъ; проѣзжала и Императрица, и великая княгиня Елена Павловна; но я заблагоразсудилъ идти пѣшкомъ, хотя Масловскій и послалъ за лошадьми. Мы пришли къ мраморной скалѣ или, лучше сказать, къ ея подножію; при этой скалѣ есть навѣсъ изъ той же непчатой массы; того и смотри, что онъ оторвется, но онъ не отрывается въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ. Здѣсь по преданію былъ притокъ пиратовъ, сказалъ намъ Масловскій, потому что верхъ и закраины скалы подернуты были сажею отъ разводимаго ими тутъ огня; въ скалѣ есть углубленія, она какъ-бы изломана, а съ навѣса сочатся водяныя капли. Удивительная природа! Мы начали обгибать скалу, которая вертикально, какъ громадная крѣпость, выдвигалась предъ нами, а насупротивъ ея видѣлась столь же грозная твердыня, и все какъ будто изъ одного камня. Отъ подошвы саженьхъ въ семи растетъ въ скалѣ драгоцѣннѣйшее дерево; его называютъ здѣсь краснымъ деревомъ, по французски *arhoussier*; этихъ деревъ нѣтъ во всей Европѣ, говорилъ намъ Масловскій, и онѣ растутъ кромѣ Архипелажскихъ острововъ на одномъ только южномъ берегѣ Крыма. Но кто посадилъ его на эту стѣну и при томъ на такой высотѣ? По величинѣ и могучей красотѣ дерева ему много лѣтъ надобно усвоить? Самыя этѣ громадныя скалы, если смотрѣть на нихъ съ той площадки, на которой воздвигается дворецъ, кажутся очень малыми. И такъ не въ одномъ лишь нравственномъ мірѣ величіе относительно, но и въ пластической, Крымской природѣ видно это на каждомъ шагу. И эта относительность составляетъ очарованіе видовъ и привноситъ въ нихъ разнообразіе, столь пріятное для взгляда, не устающаго разсматривать. Усталый, взбрался я наконецъ въ скромное помѣщеніе хозяина, гдѣ старушка мать его припасла уже чай, при которомъ въ глиняныхъ горшечкахъ поданы были вскипяченные, ароматическіе сливки.

При чаѣ поданъ былъ бѣлый хлѣбъ съ шафраномъ; какъ кипяченыхъ сливокъ, такъ и хлѣба съ шафраномъ я давно не пивалъ и не ѣдалъ. Съ удовольствіемъ пилъ я чай и закусывалъ хлѣбомъ; послѣ такой прогулки захотѣлось мнѣ и пить и ѣсть. Не знаю, съ чего утверждалъ Масловскій, который сказалъ мнѣ, что изъ всѣхъ путешественниковъ, которыхъ случалось ему видать, я будто первый, кото-

рый тамъ много ходилъ пѣшкомъ. У насъ и другіе разговоры были съ Масловскимъ, когда мы прохаживались въ двоѣмъ по уединеннымъ дорожкамъ сада, которыхъ, по словамъ его, здѣсь въ саду находится на десять верстъ разстоянія. Онъ горюетъ объ оставившей его женѣ, съ которою могъ и хотѣлъ бы помириться. Я не распространился и не вызывалъ его на тяжкія для него подробности. На счетъ Козловскаго онъ сказалъ мнѣ, что былъ съ нимъ нѣкогда друженъ, но отсталъ отъ него, когда узналъ его получше. Онъ многія обстоятельства знаетъ разорительныя для чести Козловскаго. Первое, что онъ лишнее взялъ съ одного негоціанта, который жаловался на него графу, но губернская контора погасила это дѣло; всего хуже, что онъ у самаго Масловскаго, когда былъ почтъ-мейстеромъ, похитилъ письмо и сто рублей денегъ; но когда Масловскій сталъ выводить это дѣло наружу, онъ принужденнымъ нашелся возвратить ему эти сто рублей, но письмо не могъ, ибо оно было уничтожено. Теперь Козловскій мститъ Масловскому за то что сей послѣдній сталъ убѣгать его сообщества; по крайней мѣрѣ такъ Масловскій утверждаетъ.—Наступили сумерки; верхомъ я ѣхать не могъ, и Масловскій проводилъ меня до самаго подъѣзда дома моего въ своемъ кабріолетѣ и, чтобъ я не простудился, далъ мнѣ свою теплую шинель. Мы доѣхали благополучно, и онъ посидѣлъ у меня остатокъ вечера.—Варинька, пришедшая отъ князя, сказывала что у него обѣдали предсѣдатель коммерческаго Одесскаго суда Гамалѣй и какой-то князь Долгорукій, и что, по новымъ слухамъ, Государь выѣзжаетъ изъ Петербурга 18-го сего мѣсяца.

7-го Маія.

Я проснулся съ усиленною болью въ боку. Но, не смотря на болѣзнь, потащился къ князю и приступилъ тотъ часъ же къ своему нескончаемому Путешествію въ Испанію. Я ревностно читалъ, не смотря что князь почти постоянно спалъ во время моего чтенія, равно какъ и любезная сестрица его, которая при мнѣ только лишь окончила доморощеннаго цыпленка въ родѣ пуляры. Читать мнѣ неловко было, по причинѣ боли въ боку; не давая даже мнѣ сидѣть покойно, боль походила на судоргу. Однакожъ я исправно читалъ, и осталось только три листочка; окончивъ чтеніе, я разкланялся и не успѣлъ еще выдти изъ комнаты, какъ дѣвица Мауреръ начала другое чтеніе: какой-то романъ; не знаю, дремалъ ли при ономъ, его сіятельство. Пришедши домой, засталъ у жены моей княгиню Мещерскую; она, кажется, поджидала моего прихода съ тѣмъ, чтобы сообщить намъ. Гамалѣй сказалъ княгинѣ, что онъ странныя письма получаетъ отъ князя; въ одномъ изъ нихъ князь такъ разхвалилъ Козловскаго, что называетъ даже благодѣтелемъ своимъ и сестры своей, то есть дома

своего; одно письмо заключается тѣмъ, что не могу, пишетъ князь, продолжать его, потому, что какъ письма мои пишетъ князь Козловскій, то ему совѣстно писать собственноручно себѣ похвалы и пр. Письма, писанныя княземъ къ Гамалею, не подписаны его рукою, ибо онъ подписывается только къ Государю да къ статсъ-дамъ Плещеевой. Сколько можно предположить, то это что-то не похоже на князя; онъ никогда и ни къ кому такъ не выразится въ письмѣ, слѣдовательно похвалы себѣ столь яркія и несовмѣстныя помѣщаетъ самъ Козловскій. Княгиню это озаботило; можно, говоритъ она, терпѣть многія злоупотребленія, но такого гдѣ лице князя компрометируется, гдѣ подъ его именемъ можно Богъ знаетъ что написать и гдѣ нѣтъ контроля, потому что князь слѣпецъ, а сестра его также плохо видитъ, этаго терпѣть не должно; доказательствомъ то, что Гамалѣй соблазнился письмомъ, потому что онъ Козловскаго знаетъ хорошо. Мысль княгини была, чтобы довести объ этомъ до свѣдѣнія князя, о чемъ уже она и переговорила съ Муравьевою. Княгиня полагаетъ, что Гамалѣй письма не отдастъ для улики, боясь тѣмъ оскорбить Кологривую, которая всегда ласкаетъ Гамалѣя. Пожалуй, говоритъ княгиня, Козловскій можетъ рѣшиться написать отъ лица князева и къ самому Государю.... И такъ, вотъ плоды политики сестры князевой, за которую она отвѣтитъ неразъ своей совѣсти..... Княгиня, просила насъ не говорить о томъ никому и особенно Варинькѣ, опасаясь, чтобы та не пересказала Козловскому..... Поповъ увѣдомляетъ, что Турчанинова, услышавъ, что я подалъ въ отставку, сильно встревожилась..... Все это для меня Тарабарская грамата!

9-го Мая.

Утро цѣлое посвятилъ я на журналъ свой, дабы хотя немножко подвинуть его и когда пришелъ ко мнѣ кн. Мещерскій, то я прочиталъ ему только что оконченное мною описаніе Царской Оріанды, которое онъ нашелъ вѣрнымъ. Мещерскій сказывалъ также мнѣ и о тѣхъ письмахъ къ Гамалѣю, которыя жена Мещерскаго по словамъ самаго Гамалѣя считаетъ фальшиво составленными Козловскимъ, отъ лица князева. По соображенію выходитъ, что врядъ не Кологривая ли сама диктовала эти письма, въ такомъ случаѣ оныя должны быть ею подписаны. Вообще это дѣло темно и запутано.

Среда, 10-го Маія.

Понутру я отправился къ князю, когда онъ сидѣлъ съ Муравьевою, я нашелъ въ домѣ его Гамалѣю сладко бесѣдующимъ съ сестрою князя; послѣ прихода моего они пересѣли на другое мѣсто, и она рекомендовала мнѣ своего гостя. Гамалѣй, предсѣдатель Коммерческаго Суда въ Одессѣ, очень похожъ особенно ухватками своими и родственнымъ сход-

твомъ, на брата своего, который теперь товарищемъ министра государственныхъ имуществъ; сего послѣдняго я видалъ въ Петербургѣ. Въ скорости и князь пришелъ, разговоръ завязался довольно интересный; Гамалѣй пересказывалъ о восточной чумѣ, которая три раза распространялась по Одессѣ. Послѣ ухода Гамалѣя, онъ заставилъ меня дочитывать мое путешествіе, и мнѣ оставалось дочитать страницъ до четырехъ, тогда бы и конецъ былъ, но князь круто остановилъ мое чтеніе и велѣлъ глядѣть мнѣ на часы, замѣтя, что я рано обѣдаю. Я отрывисто отвѣтствовалъ ему: ваше сіятельство, хотите, чтобъ я скорѣе ушелъ, то я сей часъ и пойду. Въ ту же минуту я сталъ разкланиваться, и князь не могъ не замѣтить моего смущенія, а я не могъ не замѣтить желанія его, чтобы я скорѣе убирался. Книга ли моя ему наскучила, или моя особа, того достовѣрно не знаю.

Князь завелъ разговоръ, что, бывши у Муравьевой, Мещерскій и всѣ напали на него, чтобы рѣшиться ему пригласить другаго оператора. Я почти началъ колебаться между Караваевымъ и Ванцети. Тутъ Кологривая замѣтила: вотъ ты колеблешься, братецъ, а когда я совѣтовала, то ты не обращалъ вниманія; а я примолвилъ: давно бы надобно было, чтобы глаза ваши были зрячи. Я полагаю, примолвилъ я, что предисловіе, которое предшествовало совѣту скорѣе дѣлать операцію, не менѣе для васъ должноствовало быть занимательно. Конечно, сказалъ князь. Подъ словомъ: предисловіе я разумѣлъ тѣ свѣдѣнія о письмахъ къ Гамалѣю, кои сообщила ему безъ сомнѣнія Муравьева, ибо она вызвалась передать ему что она слышала отъ княгини Мещерской.—Я пришелъ домой огорченный и взволнованный и, признаюсь, въ неудовольствіи на политику князя, любящаго разъединять людей и призывающихъ ихъ только по одиночкѣ. Я окончилъ практическій трактатъ, какъ спастись, Людовика де-Блуа, или по латинизированному прозванію Блосіуса; сей трактатъ правильнѣе называется: *de Direction des âmes religieuses*.

Четвертокъ, 11-го Маія.

За обѣдомъ подали мнѣ миндальное печенье, оно очень было вкусно приготовлено, и мнѣ вздумалось отправить князю, потому что оно лучше мнѣ показалось, чѣмъ то пирожное, которое выписывала для него изъ Одессы Муравьева. Признаюсь, тайная моя мысль была та, чтобы показать князю, что и мой столъ, не смотря на вопіющее неравенство средствъ нашихъ, былъ тоже хорошъ. Князь очень оцѣняетъ свои обѣды, можетъ быть въ аристократическомъ значеніи; но въ деревнѣ обѣдъ не то, что въ городѣ; здѣсь и это добро, когда-бъ кто нибудь пришелъ раздѣлить обѣдъ нашъ.—Я получилъ наконецъ желанное извѣщеніе, что приготовлены мнѣ мажары съ волами для

отправленія моего скарба; этаго событія я дожидался болѣе двухъ недѣль и, увы! доселѣ все тщетно; наконецъ я отправлю хотя что нибудь изъ неразкупоренныхъ ящиковъ со времени ихъ укладки изъ самаго Петербурга. Бокъ мой все еще продолжаетъ болѣть, и я, по совѣту врача Шмидта, котораго по сему случаю призывалъ, рѣшился принять три приуготовительныя пилюли Мориссона.

Суббота, 13-го Маія.

Поварь, котораго я нанялъ нѣсколько тому дней назадъ, сего-дня явился въ общипанной аммуниціи; увидимъ, будетъ ли въ немъ толкъ?—Двѣ мажары явились со своими быками, и я тотъ же часъ поспѣшилъ наложить на нихъ нѣкоторые изъ готовыхъ и укупоренныхъ ящиковъ, всего 16 мѣстъ, и съ вечера-же отправилъ Ивана ихъ конвоировать и бережно ихъ скласть, когда довезутъ вещи до Симферополя.

Воскресенье, 14-го Маія.

Масловскій пріѣхалъ ко мнѣ на своихъ дрожкахъ, чтобы вмѣстѣ ѣхать къ духовному моему отцу, который звалъ насъ къ себѣ на праздникъ.

Понедѣльникъ, 15-го Маія.

Послѣ обѣдни мы намѣревались пойти къ князю поздравить его съ приобщеніемъ святыхъ таинъ; Мещерская хотѣла также съ нами идти. но вдругъ передумала и со своею любезною Марьею, какъ она обыкновенно выражается, пошла отдыхать на квартиру къ Муравьевой; а мы съ женою и Варинькою отправились къ князю, гдѣ сестра его и оставила меня обѣдать. Съ нѣкотораго времени, она крѣпко ухаживаетъ за мною, ласкаетъ и угождаетъ по возможности ветхозавѣтными благами. Я спросилъ князя нацѣть глазной операціи. И вотъ что онъ объяснилъ мнѣ. Онъ писалъ къ Натальѣ Ѳедотовнѣ Плещеевой, чтобы та нарочно съѣздила къ нѣкоей Висковатовой, знаменитой, по настоящему времени, сомнамбулѣ Петербургской, которую надлежитъ спросить (для чего и свои волосы князь отправилъ), можно-ли просить пособія у профессора Кіевскаго Караваева, также знаменитаго окулиста, или остановиться на первомъ рѣшеніи, то есть дожидаться, когда пріѣдетъ изъ чужихъ краевъ Ванцети. На этомъ рѣшеніи ясновидящей теперь дѣло и остановилось. Здѣсь я не хочу класть моего собственнаго сужденія, не хочу разсматривать вѣрованіе князева въ животный магнетизмъ, игравшее его душою въ продолженіе лучшей части жизни князевой; замѣчу одно лишь то, что Висковатова, сколько могъ я слышать объ ея мнѣніяхъ и сужденіяхъ, женщина добросовѣстная и основательная. Въ брошюрѣ о сто семи лѣтнемъ старцѣ, между прочимъ, вотъ что сказано. „Старецъ въ молодости имѣлъ связь съ одною Польскою княгинею; бывши на духу у своего духовнаго отца, прозор-

ливаго Кіевскаго схимника Епифанія, онъ вотъ что отъ него услышалъ: за твои заслуги и раны, Богъ тебя проститъ на сей разъ и помилуешь; но если ты впередъ не исправишься въ жизни, то будешь наказанъ *строю, строю, строю, строю, строю*. Слова схимника остались въ памяти Щегловскаго (такъ назывался 107 лѣтній старецъ), но чрезъ нѣсколько времени онъ снова подпалъ искушенію, и вскорѣ сбылось прореченіе схимника; но каждое *строю* его воспрещенія выкупилось не менѣе, какъ десятию годами. Пятьдесятъ лѣтъ ссылки отвѣчали пятикратному повторенію словъ схимника“. Это извѣщеніе изъ жизни стосемилѣтняго старца должно быть для меня всегда памятно. Кромѣ того изъ сей же книжки я замѣтилъ, что старецъ имѣлъ привычку всегда ложиться въ 10 часовъ и въ первомъ часу по полуночи вставать и помолиться до 2 часовъ ночи, а потомъ опять ложиться. Мнѣ сего дня же пришла идея лечь также въ 10 часовъ, да и впредъ ложиться ранѣе.

Вторникъ, 16-го Маія.

Пришли посѣтить насъ Лиза и Любушка. Онѣ предложили намъ прогуляться, и мы сдѣлали обширную прогулку; доходили по дорогѣ до вновь строящагося моста. Я велъ Любушку, Катя шла съ Лизою. По своему обыкновенію я вступился въ умозрѣнія метафизическія, принаравливая ихъ къ дѣлу любви и влеченія одного пола къ другому: не знаю, поняла-ли меня моя спутница, но она дѣвушка добрая, молчаливая и смиренная. Не знаю, по какой причинѣ я философствую съ женщинами; мнѣ сдается, что все это выходитъ и вырастаетъ изъ злаго корня нашей грѣховности..... И полустарые люди могутъ быть хитрыми оболъстителями, и въ этомъ случаѣ полужеланіе старика вѣрнѣе и надежнѣе дѣйствуетъ, чѣмъ буйная и раскрытая ревность молодости. Все это касается до меня, но не до этой дѣвицы, которую Господь да управитъ къ спасенію.....

Варинька поздненько возвратилась отъ князя. Рѣшенія на мою просьбу не получено. Послѣ обѣда пришли туда Вѣра Муравьева со своею племянницею; въ то время Варв. Петровна читала князю книгу, и вотъ неожиданно Муравьева вырываетъ эту книгу изъ рукъ Вариньки и передаетъ ее племянницѣ, и та начинаетъ читать князю ту же книгу..... Видано ли гдѣ, такое безстыдство? Все это время князь отдѣляется молчаніемъ.....

17-го Маія.

Путру приходила къ намъ прощаться дѣвица Мауреръ, она отправляется изъ князева дома; въ разговорахъ своихъ очень жалуется на Кологривую; подтверждаетъ, что Гамалѣй имѣетъ дѣйствительно письма, якобы подписанныя самимъ княземъ, между тѣмъ какъ изъ

вѣстно, что князь къ Гамалѣю не писалъ и никогда писемъ не подписывалъ. Въ этѣхъ-то письмахъ заключаются тѣ чрезмѣрныя похвалы Козловскому, о которыхъ было выше упомянуто. Замѣтно, что денегъ она отъ князя немного получила; впрочемъ старецъ приглашалъ ее опять пріѣхать, и она разстается, по видимому, не съ большою печалью.

Былъ за обѣднею. Отъ туда пошелъ на дежурство къ князю; успѣлъ ему дочитать мое путешествіе въ Испанію, а онъ успѣлъ подремать. Князь выписалъ себѣ изъ Одессы втораго повара на мѣсто Петра, который умеръ, и вотъ цѣлую недѣлю онъ долженъ готовить пробныя блюда, самъ заготовляя меню, то есть, по своему произволу, не ожидая назначенія; сего-дня первый день этому пробному столу, и онъ звалъ къ себѣ Мещерскаго, чтобы смаковать блюда, а тотъ такъ доволенъ этимъ приглашеніемъ, что отказался ѣхать къ имяниннику. По той же причинѣ и меня князь убѣдительно просилъ, чтобы я завтра къ нему явился, хотя я и отказывался за ранѣе, по причинѣ усилившагося нездоровья моего.

22-го Маія.

Князь предложилъ мнѣ послушать Жизни Суворова, сочин. Полеваго, которая ему при первомъ чтеніи очень понравилась. Это обзорнѣе жизни читалъ также Козловскій и поутру и послѣ обѣда. Это не біографія, а эскизъ жизни Суворова, составленной для Русскихъ политипажей, которые, впрочемъ, не слишкомъ изящны; по крайней мѣрѣ радостно то, что это Русское произведеніе. Сестра князева не такъ чувствуетъ себя здоровою; она пролежала все время и не выходила къ обѣду; Шмидтъ изъ за обѣда нѣсколько разъ вставалъ для нея, князь беспокоится о нездоровьи сестры. Мы сего-дня были за пробнымъ столомъ новонанимаемаго повара, который назначаетъ себѣ цѣну, кромѣ содержанія, сто рублей ассигн. въ мѣсяцъ.

Поутру зашелъ ко мнѣ Мещерскій и привелъ съ собою какого-то Рахманова, пріѣзжаго изъ Одессы; онъ отозвался, что будто видалъ меня въ Москвѣ, но я не помню, чтобы сіе случилось. Онъ пріѣхалъ попросить князя объ одномъ интересномъ для него дѣлѣ. Рахмановъ женатъ на племянницѣ Родіона Александровича Кошелева; князь не отказалъ ему и хотѣлъ письменно просить Императрицу.

23-го Маія.

Вечеромъ, возвратившаяся Вар. Петр. объявила намъ, что пакетъ съ моею отставкою пришелъ; что князь еще его не читалъ, потому что ему помѣшали, но что сестра князева успѣла кое-что изъ него показать Вар. Петр. И главное, что Варв. Патровн. увидѣла, состояло

въ томъ, что Государь не исполнилъ въ полнотѣ представленія князя и что вмѣсто прошенныхъ 6000 ассигн. Его Величество, отставляя меня отъ службы, пожаловалъ мнѣ только 1000 рубл. серебромъ пенсіона. Я, услышавши объ этомъ рѣшеніи, обрадовался и опечалился оному, но во всякомъ случаѣ благодарю моего Господа. По крайней мѣрѣ, участь моя, какова-бы она ни была, разрѣшилась. Завтра, безъ сомнѣнія, узнаю дальнѣйшія подробности. Шмидтъ сказывалъ Варварѣ Петровнѣ, что характеръ болѣзни сестры князевой довольно серіозенъ и что будто у нея Крымская, желчная лихорадка, болѣзнь, въ ея лѣта довольно опасная..... Помогите ей Господи! Бѣда, если она не оправится. Чтѣ тогда станется съ нашимъ княземъ?

24-го Маія.

Самъ князь ко мнѣ пріѣхалъ и привезъ съ собою двѣ бумаги: одна отношеніе къ нему главноначальствующаго надъ почтовымъ департаментомъ г. Адлерберга, другая копія съ именнаго указа Правительствующ. Сенату о моей отставкѣ. Въ отношеніи своемъ къ князю вотъ что, между прочимъ, Адлербергъ пишетъ къ нему: что Его Императорское Величество изъявилъ высочайшее соизволеніе на увольненіе г. Бартенева отъ службы сего 8-го Маія, со всемилостивѣйшимъ пожалованіемъ ему, въ особое вниманіе и уваженіе собственно къ предстательству вашему, пенсію по тысячѣ рубл. сереб. въ годъ и единовременно годоваго оклада содержанія его 1715 рубл. серебромъ, При семъ Государь Императоръ изволилъ отозваться, что, назначивъ сему чиновнику пенсію свѣше размѣра, въ уставѣ положеннаго, Его Величество не призналъ возможнымъ обратить ему въ пенсіонъ полное его содержаніе, какъ вы желали; но, чтобъ сдѣлать вамъ пріятное, оказалъ ему, также внѣ правилъ, особую монаршую милость, пожалованіемъ единовременнаго пособія. И такъ вотъ тѣ бумаги, которыя старецъ привезъ мнѣ самъ и вручилъ мнѣ лично, чтобы я списалъ съ нихъ для себя копіи. Князь былъ немножко разтроганъ, отдавая мнѣ бумаги. „Вотъ ты меня оставляешь, Юр. Никит., сказалъ онъ мнѣ, оставляешь меня старика, которому немного уже остается жить. Вашему сіятельству, извѣстны причины, почему я это дѣлаю. Знаю, отвѣчалъ князь, что безпрестанное твое нездоровье и чрезмѣрная здѣшняя дороговизна обязывали тебя оставить службу..... Вотъ, можетъ быть, и я скоро самъ умру, немного уже мнѣ жить остается..... Теперь и сестра моя очень неможетъ. Докторъ сказалъ мнѣ, что у нея Крымская желчная лихорадка..... Жаль мнѣ сестры. Нынѣшняя почта есть уже другая, чтѣ я не только не получаю изъ Петербурга писемъ на примѣр., отъ Попова, который ко мнѣ каждую почту пи-

шетъ, но даже и газетъ не получивалъ; ничего не знаю, гдѣ Государь и выѣхалъ-ли онъ изъ Петербурга. Прощаясь со мною, князь сказалъ мнѣ: теперь уже поздно, а потому ты не ходи уже сего-дня ко мнѣ. Завтра приходи обѣдать. Князь у меня долго оставался, и мы о многомъ переговорили; при семъ случаѣ я воспользовался попросить его о нашей Варв. Петровнѣ, на что онъ согласился, приказавъ приготовить нѣкоторыя бумаги: положено, что князь будетъ писать къ Императрицѣ и г-жѣ Барановой, и оба эти письма отдать въ руки самой Варв. Петр.

И вотъ наконецъ дождался я и свободы отъ службы. Это случается третій разъ въ моей жизни: сперва я вышелъ отставку, чтобы жениться и служить по гражданской службѣ, ибо я служилъ въ военной; во второй разъ вышелъ, чтобы ѣхать въ деревню, и вотъ теперь въ третій разъ и, кажется, послѣдній. Господь былъ милосердъ ко мнѣ во время службы моей: при первой отставкѣ я получилъ штабсъ-капитана 2-го кадетск. корпуса; при второй, за отличіе, чинъ коллежскаго совѣтника и 4000 рубл. ассигн. денежнаго награжденія: теперь же, въ послѣдній разъ, получаю 1000 рубл. серебр. пенсіона и 6000 рубл. ассигн. единовременнаго награжденія. Богу благодареніе! Покуда все хорошо кончилось. Есть внутри очень глубоко скрытое радостное чувство, что я сталъ вольный казакъ и что послѣдніе дни должны быть посвящены Господу и на посильную пользу ближнихъ моихъ, въ чемъ да поможетъ мнѣ Господь и святая Его благодать!

25-го Маія.

Жена моя возвратилась изъ дома князева и передала мнѣ, что онъ очень груститъ и нѣсколько разъ спрашивалъ обо мнѣ; наконецъ такъ нетерпѣливо, что просилъ Катю мою скорѣе меня высылать къ нему, когда услышалъ, что я пріостался у Муравьевой. Я сей часъ побѣждалъ къ нему и точно нашелъ его грустнымъ, а у сестры его въ то время развязался на рукѣ бинтъ. Сей часъ пришли доктора и, между ими новый, служащій въ Ялтекомъ карантинѣ, нѣкто Бирibaумъ; его я здѣсь въ первый разъ увидѣлъ; онъ былъ въ какомъ-то неотбѣленномъ балахонѣ или блузѣ съ перламутровыми пуговицами. Къ обѣду пришла Муравьева; столъ былъ отличный; нѣкоторыя кушанья отменно вкусно и легко были составлены. Супъ былъ родъ пюре изъ бѣлаго хлѣба; грудинка баранья фарсированная такъ хорошо, что я и не помню, чтобы гдѣ нибудь мнѣ случалось ѣдать это блюдо, изъ простаго и, такъ сказать, разночинскаго, такъ опрагматизованное искусствомъ и пр. Обѣдъ шелъ весело, вино пили охотно, и князь немножко поразвеселился. Нашей больной, послѣ обѣда и послѣ кровопусканья,

сдѣлалось полегче. Я долго просидѣлъ послѣ обѣда; читали Суворова исторію; слушая рѣзкія черты ея, князь плакалъ отъ умиленія; все высокое для нашей народности находить въ немъ сочувствіе; я всегда былъ увѣренъ, а здѣсь еще болѣе утвердился, что святая Русь близка этому благодатному вельможѣ. Елис. Михайл., не смотря на свои страданія, нашла однако времячко сказать мнѣ: вижу, что вы съ Муравьевой въ большой пріязни.... Я не успѣлъ отвѣчать ей. Козловскій отозвалъ меня въ сторону и сказалъ: мнѣ можно теперь съ вами, Юр. Никит., говорить откровенно, вы не на службѣ; Бирнбаумъ сказалъ мнѣ, что Кологр. опасна и что давно бы ей слѣдовало кровь пустить, чтобы пресѣчь горячку, и теперь этотъ врачъ не увѣренъ, чтобы не открылась у нея эта болѣзнь завтра; если, чего не дай Боже, чтò случится, тогда я не останусь при князѣ. Я могъ сносить многое отъ сестры князевой, потому что она сестра его, но ничего не намѣренъ терпѣть подобнаго отъ Муравьевой, которая, вѣроятно, здѣсь воцарится. Я отвѣчалъ ему на это: по этому и другіе могли выносить, что то была сестра князева, а не кто другій....

30-го Маія.

Доселѣ записки мои представляли множество мелочей безъ большаго порядка внесенныхъ въ мою рукопись. Правду сказать, это меня отягощало и вмѣстѣ съ симъ отымало у меня время отъ занятій своевременныхъ и даже необходимыхъ для меня. Періодъ служебной жизни кончился, вѣроятно никогда уже и не возобновится; теперь и въ моемъ журналѣ нужна реформа; въ записываніи обыденной жизни мнѣ также нуженъ нѣкоторый просторъ, иначе это занятіе обратится для меня въ тягостную неволю. И такъ рѣшаюсь измѣнить мою обыкновенную срочность и въ сіи листки буду заносить лишь то, чтò мнѣ покажется наиболѣе заслуживающимъ вниманія¹⁾. Въ прошедшую Пятницу, 26-го Маія, князь пришелъ ко мнѣ неожиданно. Входя онъ былъ очень грустенъ и сказалъ женѣ моей: мнѣ скучно, и я къ вамъ пришелъ побесѣдовать. Сестра его очень больна, астма или прерываніе духа продолжается²⁾. Я воспользовался этимъ временемъ, чтобы прочи-

¹⁾ Этнихъ дальнѣйшихъ записокъ мы не имѣемъ, не увѣрены даже, были ли они писаны, а занесены на бумагу нѣкоторые рассказы князя А. Н. Голицына.

²⁾ Елисавета Михайловна Кологривова пережила своего брата нѣсколько мѣсяцевъ: она скончалась въ Петербургѣ Іюня 1845 года. Чудесная Гаспра досталась племяннику князя Александра Николаевича, князю Николаю Сергѣевичу Голицыну. Позднѣе приобрѣлъ ее графъ В. Н. Панинъ; и теперь она принадлежитъ его внучкѣ, графинѣ Паниной, не щадащей средствъ на ея поддержаніе. По красотѣ и широтѣ вида съ обширнаго Гаспринскаго балкона это одно изъ лучшихъ мѣстъ на южномъ берегу Крыма. П. В.

татъ ему записку о Варварѣ Петровнѣ, составленную мною наканунѣ: онъ согласился на исполненіе моей просьбы. Болѣзнь старухи, сестры князевой, продолжается не уменьшаясь; она очень ослабѣла; пріобщалась святыхъ таинъ; ночи почти проводитъ безъ сна, послѣднюю только ночь могла уснуть до 4 часовъ. Всѣ начали къ ней ласкаться, только князь не подпускаетъ говорить съ нею; это ей вредно. Впрочемъ я и жена моя желанные у нея гости, а Вариньку она требуетъ къ себѣ всякой день. Не смотря на свою болѣзнь, она подарила сей послѣдней голубое пальто съ кружевною обшивкою: нарядъ дорогой, которымъ замѣтно довольна наша Варв. Петр.

Въ Субботу, 27-го Маія, я получилъ отношеніе изъ департамента о томъ, что я пожалованъ пенсіономъ и денежнымъ единовременнымъ награжденіемъ, и спрашиваютъ вмѣстѣ меня, въ какомъ городѣ я намѣреваюсь жить, дабы ассигновать туда высочайше пожалованный мнѣ пансіонъ. Эта офиціальная бумага подписана Ѳедоромъ Ивановичемъ Прянишниковымъ.

*

Въ бумагахъ Ю. Н. Бартенева сохранились слѣдующія письма къ нему.

Письма князя А. Н. Голицына.

I.

Александрія¹⁾, Августа 25 дня (1843).

Любезной Юрій Никитичъ!

Послѣднее ваше письмо, съ поздравленіемъ пріобщенію моего Святыхъ Таинъ. Оно очень хорошо, и дай Богъ, чтобы со мною совершилось то, что вы пишете. На одно только я не согласенъ: вы пишете, что мнѣ мѣсто приготовлено на вѣковомъ *Олимпѣ*. Я туда не хочу, а лучше за меня помолитесь, чтобы Господь меня туда принялъ, куда Онъ разбойника пустилъ. Я, слава Богу, здоровъ, и вотъ что со мной случилось. Вы знаете, какъ Любинька²⁾ всегда была противъ операціи, вдругъ я получаю отъ нея разрѣшеніе приступить къ операціи лѣваго глаза; на той же почтѣ получаю письмо отъ Гавр. Степ. Попова, изъ Кіева, коему схимникъ Парфеній поручилъ мнѣ написать, что никакое лѣчение мнѣ не поможетъ, развѣ операція³⁾. Сіи два письма, въ одинъ день мною полученныя, служили мнѣ указаніемъ о волѣ Божіей, и я на сей

¹⁾ Такъ называлъ князь Голицынъ свою усадьбу въ Гаспрѣ. П. Б.

²⁾ Сомнамбула, жившая въ Петербургѣ. П. Б.

³⁾ Операція произведена была въ слѣдующемъ 1844 году, 17 Августа, и князь Голицынъ, прозрѣвъ, въ тотъ же день поручилъ князю Козловскому увѣдомить о томъ Юрія Никитича, находившагося въ Симферополѣ.

же почтѣ писалъ въ Харьковъ и зову оператора Ванцетія сюда. Не знаю, скоро ли онъ можетъ приѣхать, ибо графъ Головкинъ въ Харьковѣ для операціи. Радуюсь, что ваше здоровье поправилось, также и Екат. Степ., которой прошу сказать мой усердный поклонъ и чтить моей. Прощайте, Христосъ съ вами.

Надѣясь скоро съ вами увидѣться, скажу вамъ только, что я *нечистый*, что и нечистыя мѣста солнце освѣщаетъ; такъ-то и моя грѣшная душа; слѣдственно, все, что выходитъ изъ моихъ недостойныхъ устъ, есть не мнѣ принадлежащее, и потомъ изъ любви христіанской не замѣчайте мнѣ никогда. До послѣздыханія мы любимъ объ себѣ внушать хорошія мысли; право, все заимствованное. Господь да почиетъ на васъ всѣхъ.

Dites à Жигачевъ que dans les lettres il ne faut écrire que ce qui peut être lu en public et que la suite produit des commérages. Remerciez le pour des envoies.

2.

Любезный Юрій Никитичъ!

На силу я отъ васъ получилъ письмо и признаюсь, что ваше молчаніе меня удивило; даже на официальные мои письма, съ провожденіемъ аттестата вамъ, не имѣлъ отъ васъ увѣдомленія въ полученіи оныхъ. Я принужденъ былъ писать къ Эвпаторійскому почтмейстеру, чтобы онъ меня увѣдомилъ, доставлены-ли къ вамъ мои письма. Вы пишете, что на васъ напала какая-то хандра и что вы никакими письмами не занимались, хотя и получали ихъ множество въ Кіевѣ; но я думалъ, что мои письма не должны быть на ряду съ обширною вашею корреспонденціею, тѣмъ болѣе, что вы меня приучили къ полученію вашихъ писемъ, даже въ путешествіи вашемъ изъ Петербурга въ Москву, съ самой дороги. Радуюсь, что вы находите утѣшеніе въ бесѣдѣ съ схимникомъ; совѣтую открыть ему вашу душу и надѣюсь, что онъ вамъ дастъ средства не предаваться вашимъ хандрамъ, которыя ничто иное суть, какъ искушенія врага: ибо, какъ вы пишете, они удаляютъ васъ отъ людей вами любимыхъ и почитаемыхъ, Богъ же насъ обращаетъ только къ любви даже и враговъ нашихъ. Книгу вашу соч. Сю получилъ, и надобно ли будетъ ее отправить къ вамъ по прочтеніи въ Кіевъ или куда въ другое мѣсто, объ этомъ меня увѣдомьте.

Катеринѣ Степановнѣ мой усердный поклонъ. Ежели Варвара Петровна не уѣхала, также.

Прощайте. Христосъ съ Вами!

P. S. Отца Парфенія попросите о благословеніи мнѣ.

Письма князя Козловскаго.

1.

Князь, незабвенной памяти, тотъ же день, въ нѣкоторомъ смыслѣ, поспѣшилъ увѣдомить о благополучномъ окончаніи операціи. Ю. Б.

Милостивый государь Юрій Никитичъ!

Его сіятельство поручилъ мнѣ извѣстить васъ, что 17-го сего Августа г. Караваевъ снялъ катарактъ съ лѣваго глаза у его сіятельства благополучно. Состояніе здоровья князя очень хорошо, и мы надѣемся, что очень скоро его сіятельство будетъ видѣть прекрасную природу южнаго берега.

Примите увѣреніе въ глубокомъ почтеніи и таковой же преданности вашего превосходительства покорный слуга К. П. Козловскій.

Авг. 1844 г.

Мыза Александрія.

2.

Милостивый государь Юрій Никитичъ!

Его сіятельство князь Александръ Николаевичъ изволилъ приказать мнѣ переслать ваши книги и благодарить васъ за романъ г-на Сю: книжку же о магнетизмѣ князь, возвращая вамъ, приказалъ мнѣ увѣдомить, что взглядъ сочинителя совершенно противоположенъ настоящему взгляду на магнетизмъ; факты нѣкоторые есть довольно любопытные, но вообще книга ниже своего названія.

Здоровье его сіятельства, слава Богу, удовлетворительно; зрѣніе постепенно укрѣпляется.

Князь приказалъ мнѣ написать къ вамъ, чтобы вы сказали его усердіе Екатеринѣ Степановнѣ.

Примите увѣреніе и пр.

К. Козловскій.

11 Октября

1844 г.

Письмо Графа М. С. Воронцова.

Одесса, 29 Декабря 1844.

Милостивый государь Юрій Никитичъ!

Я имѣлъ честь получить весьма обязательное письмо ваше и душевно благодарю васъ за весьма лестное и вовсе мною не заслуженное изъясненіе вашихъ дружескихъ чувствъ ко мнѣ. Мнѣ весьма было

пріятно съ вами познакомиться на южномъ берегу Крыма, но тѣмъ болѣе сожалѣю, что пребываніе ваше тамъ было столь кратковременно и что мнѣ такъ мало удалось съ вами видѣться. Грустно, очень грустно мнѣ говорить съ вами о потерѣ почтеннаго князя Александра Николаевича, въ то самое время, когда друзья его были обрадованы возвращеніемъ ему зрѣнія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, открывалось ему столько наслажденій въ созерцаніи красотъ природы, его окружавшихъ.

Повѣрьте, что при этомъ печальномъ событіи, я тотчасъ представилъ себѣ горестъ, которую вы почувствуете при такомъ извѣстіи, но я никакъ не могъ рѣшиться вамъ о томъ писать и быть первымъ, чрезъ котораго оно къ вамъ бы дошло. Васъ, какъ и меня, какъ и всѣхъ любившихъ и уважавшихъ покойнаго князя, должна утѣшить мысль того смиренія, того отсутствія страданій, съ которыми онъ окончилъ жизнь, посвященную благу ближнихъ; и что доблести его были его предвѣстниками тамъ, гдѣ достойно цѣнятся добродѣтели христіанъ. Молитвы столькихъ несчастныхъ, коихъ онъ утѣждалъ немощи, были его сопутниками въ могилу.

Жена моя и я отъ всего сердца благодаримъ васъ за поздравленіе съ выходомъ въ замужество дочери нашей *); мы оба вмѣстѣ просимъ васъ принять увѣреніе въ искреннихъ желаніяхъ нашихъ, чтобы въ теченіи наступающаго и многихъ другихъ годахъ вы имѣли полный успѣхъ во всѣхъ вашихъ начинаніяхъ. Душевно вамъ преданный

М. Воронцовъ.

*

Чета Бартеневыхъ изъ Кореиса переехала въ Евпаторію, оттуда въ Симферополь и затѣмъ вѣроятно въ Кіевъ, гдѣ жила давняя ихъ пріятельница и единомышленница Александра Петровна Хвостова. Юрій Никитичъ не дождался въ Крыму глазной операціи, сдѣланной его благодѣтелю князю Голицыну профессоромъ Караваевымъ въ Августѣ 1844 года. послѣ которой черезъ три мѣсяца онъ скончался, 22 Ноября почти 72 лѣтъ отъ роду.

Мое личное знакомство съ Ю. Н. Бартеневымъ началось въ Москвѣ въ 1853 году и продолжалось до его кончины, 27 Ноября 1866 г. (онъ родился 16 Февраля 1792 г.). Его супруга, Екатерина Степановна (соученица графа П. Х. Граббе) скончалась 21 Декабря 1872 г., 73 лѣтъ. Отъ нихъ обоихъ кромѣ добра я ничего не видѣлъ и сохраняю о нихъ благодарную память. П. Б.

*) Графиня Софья Михайловна Воронцова вышла за графа Андрея Павловича Шувалова. П. Б.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О П. М. БОКЛЕВСКОМЪ.

Имя талантливаго художника, изобразителя Пушкинскихъ, Гоголевскихъ, Толстовскихъ, Мельниковскихъ (А. Печерскаго) и иныхъ литературныхъ типовъ, Петра Михайловича Боклевскаго извѣстно многимъ; герои „Мертвыхъ Душъ“, напримѣръ, представленныя искусной рукою Боклевскаго, разошлись и на открытыхъ письмахъ во множествѣ по Руси; имѣется альбомъ рисунковъ его въ продажѣ; наконецъ, „по Боклевскому“ гримировались лучшіе актеры (Никифоръ Ивановичъ Новиковъ, когда представлялъ городничаго изъ „Ревизора“). Но самъ художникъ до сихъ поръ еще ждетъ своего біографа; для него не нашлось мѣста даже въ „полныхъ“ энциклопедическихъ словаряхъ, которыхъ у насъ уже два-три.

Между тѣмъ, къ качествѣ рисовальщика-иллюстратора, Боклевскій уступаетъ-ли прославленнымъ Каразину, Микѣшину или А. О. Шарлеманю?

Петръ Михайловичъ Боклевскій умеръ недавно, проживъ долго на бѣломъ свѣтѣ. Въ глубинѣ кладбища Свято-Духова монастыря, въ верстѣ отъ уѣзднаго города Рязанской губерніи Скопина, видится металлическая ограда, въ которой Уральская плита возвышается надъ землею, украшенная фамильнымъ гербомъ. Краткая надпись на плитѣ:

„Варвара Петровна Боклевская скончалась 1 Января 1883 г., 58 лѣтъ“.

„Петръ Михайловичъ Боклевскій скончался 10 Января 1897 г., 80 лѣтъ“.

Пожилые Скопинцы хорошо помнятъ Петра Михайловича, бывшаго истымъ старымъ бариномъ .и образчикомъ лучшаго дворянина, самостоятельнаго во взглядахъ, прямого, горделиваго, но не гордаго и самолюбиваго. Онъ могъ возвышать другихъ, но и самъ унижаться не умѣлъ. Это черта, которую обязанъ отмѣнить будущій біографъ Боклевскаго.

Въ молодости онъ отличался красотой. о чемъ свидѣтельствуетъ портретъ (или авто-портретъ) П. М., хранящійся у его дочери Маріи Петровны Лихаревой. Боклевскій былъ питомецъ Московскаго университета и Академіи Художествъ, которая посылала его для усовершенствованія за-границу. Въ 60-хъ годахъ онъ занимался мировымъ посредничествомъ въ Скопинскомъ уѣздѣ, гдѣ, послѣ разстройства хозяйственныхъ дѣлъ, у него сохранилась лишь усадьба, невдалекѣ отъ Скопина. Тутъ смерть долго подкарауливала прекраснаго, по общимъ отзывамъ, человѣка-художника и рѣшилась скосить его уже на девятомъ десяткѣ лѣтъ его.

Какъ въ пору молодости, такъ и маститымъ старикомъ П. М. Боклевскій, одинаково ревностно служа искусству, не разставался съ карандашемъ и кистью; не мудрено, поэтому, что послѣ него осталось больше тысячи рисунковъ, пастелей, акварелей, которые, за исключеніемъ немногихъ, принесены въ даръ Историческому Музею въ Москвѣ. Особенность художника Боклевскаго составляли не только талантливость, изящество, вкусъ и безукоризненно правильный карандашъ, но и добросовѣстная внимательность, заставлявшая мастера подолгу, иногда цѣлыми годами, останавливаться надъ характерной чертой или капризнымъ штрихомъ на портретѣ, избранномъ для воспроизведенія кистью, если не карандашомъ.

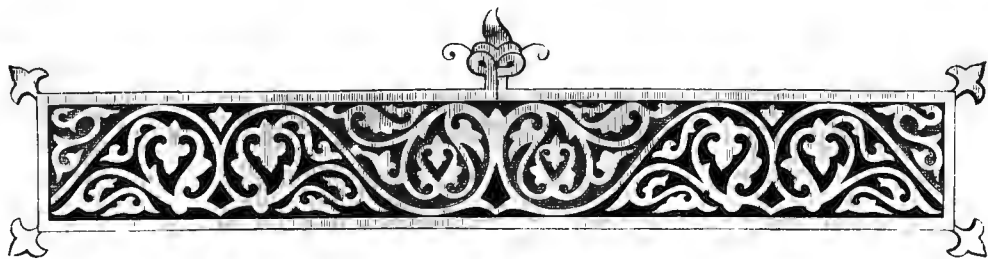
Мгновенныя наблюденія и торопливое рисованье не были свойственны Боклевскому. Онъ внимательно, проникновенно и не спѣша присматривался къ быту и, свидѣтель нѣсколькихъ эпохъ, наблюдалъ на Великоруско-рязанскомъ фонѣ отживающіе типы, которые, пожалуй-что, и не пристали-бы нашему безцвѣтному времени, и отошли на кладбище исторіи словесности, увѣнчавъ славою Гоголя, Л. Толстого, Тургенева, Мельникова-Печерскаго и многихъ другихъ....

Разсказываютъ, что Гоголь косо посматривалъ вообще на художниковъ, бравшихся за иллюстрированіе его произведеній; его сердило легкомысленное отношеніе къ задачѣ, которую разрѣшать они старались на-легкѣ. Боклевскій первый (а не Агинъ) примирилъ писателя съ художникомъ, давъ рисунки, достойные текста, брызжущіе юморомъ и чуждые каррикатурнаго преувеличенія. Зато и цѣнно-же художественное наслѣдство П. М. Боклевскаго, цѣнно, между прочимъ, и для этнографа: вѣдь, по альбомамъ его можно возсоздать и увидѣть былую жизнь нашу и былыхъ людей, словомъ, недавній Русскій бытъ. Не такъ-ли воскресла античная жизнь на вазахъ, расписанныхъ Лизиппомъ, Паразіемъ и имъ подобными мастерами?

„Живопись должна говорить“, сказалъ Шевыревъ: „это такой-же языкъ, какъ и поэзія. Онѣ относятся одна къ другой, какъ свѣтъ къ слову“. У Боклевскаго карандашъ и кисть говорятъ. Какая-же имъ еще нужна похвала?

Павелъ Россіевъ.

ИЗЪ АВТОБІОГРАФІИ Н. И. ИВАНИЦКАГО.

„Давно хотѣлось мнѣ описать всю прошедшую жизнь мою; но до сихъ поръ не могъ собраться: то недосугъ, то лѣнь мѣшала этому благому намѣренію. А жаль, что я, доживъ до 27 лѣтъ, не записалъ ни одного случая изъ моей жизни, хотя многіе стѣятъ того, чтобы хранить ихъ въ памяти до могилы. Теперь я читаю статью Гёте: *Warheit und Dichtung*; она-то и подстрекнула меня привести въ исполненіе давнишнее мое намѣреніе. Начинаю писать, но не для читателей, какъ Гёте, а для самаго себя, и потому мое описаніе будетъ самое искреннее, а слѣдовательно и справедливое“.

Такъ начинается автобіографія Н. И. Иваницкаго, изъ которой выдержки ниже слѣдуютъ. Онъ родился 2 Января 1816 года и былъ сынъ Вологжанина, который управлялъ какимъ-то саловареннымъ заводомъ, нажилъ себѣ домъ въ Вологдѣ и позаботился обучить сыновей своихъ въ Вологодской гимназіи. Н. И. Иваницкій въ Августѣ 1833 года поступилъ въ Петербургскій университетъ, автобіографія начата въ Маѣ 1843 г.

*

(1824) Еще за годъ до этого времени вся Вологда говорила уже, что скоро пріѣдетъ Государь: улицы и мостовыя исправлялись и устраивались вновь. Вдоль по дворянской Обуховской улицѣ, начиная отъ Винтеровскаго моста и мимо Владимирской церкви, въ поворотъ до улицы, идущей отъ рынка къ Спасу на Болота, сдѣланъ былъ бульваръ; вездѣ подѣланы тротуары. Наконецъ получено было извѣстіе, что Государь будетъ въ Октябрѣ. Передъ каждымъ домомъ устроены были деревянныя гирлянды для иллюминаціи; въ разныхъ частяхъ города и на рѣкѣ сдѣланы 6 щитовъ съ вензелевыми изображеніями Императора. Всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали прибытія Монарха, тѣмъ болѣе, что въ Вологдѣ со временъ Петра Великаго не бывалъ никто изъ царской фамиліи. Мы, гимназисты, были распущены до повѣстки, чтобы не затоптать вымытыхъ половъ, и только каждый день собирались на нѣсколько минутъ въ одинъ изъ нижнихъ классовъ, гдѣ насъ учили кланяться. Наконецъ насталъ день (числа не помню). Около вечерень полиціймейстеръ и множество лицъ разныхъ сословій выѣхали

къ Московской заставѣ. Родители мои со мною и со старшимъ братомъ отправились въ удѣльную деревню Кобылино, гдѣ приготовленъ былъ домикъ для переодѣванья Государя. Крестьяне окружили этотъ домикъ еще съ ранняго обѣда. Мы помѣстились подлѣ, въ домѣ мельника. Въ это время была оттепель, и накрапывалъ дождикъ. Часу въ 8 вечера пріѣхалъ адъютантъ съ мундиромъ Государя; а въ 9-мъ прибылъ и самъ Императоръ въ открытой коляскѣ, въ которой онъ сидѣлъ вмѣстѣ съ Дибичемъ. Несмотря на то, что вся деревня ярко освѣщена была плашками и зажженными смоляными бочками, я не могъ однакожь разсмотрѣть лица Монарха; потому что онъ проѣхалъ очень скоро. Мужики изо всѣхъ силъ кричали: ура! Императоръ остановился у приготовленнаго домика, съ крыльца раскланялся со всѣмъ народомъ и пошелъ переодѣваться. Шинель его взялъ на руки частный приставъ и, неосторожно держа ее надъ зажженными на крыльцѣ стаканчиками, прожегъ на ней порядочную дыру. Въ ту же ночь, разумѣется, ее зашили, и Государь не зналъ объ этомъ. Переодѣвшись, Императоръ сѣлъ опять въ коляску и отправился въ городъ. Впереди ѣхали сани съ зажженными факелами для освѣщенія дороги. Народъ бѣжалъ за коляской и кричалъ: ура! Императоръ отправился сначала къ Спасу приложиться къ нерукотворенному образу, и потомъ проѣхалъ въ соборъ, гдѣ ожидали его архіерей и все дворянство. На рынкѣ невозможно бы было проѣхать, если бы шесть жандармовъ, которые скакали впереди Императора, не расчистили дороги. Такъ тѣснился народъ, чтобы только хоть разъ взглянуть на своего Монарха. Изъ собора, отслушавъ тамъ молебенъ, Императоръ отправился въ отведенную для него квартиру, въ домъ купца Витушечникова. Народъ окружилъ домъ и безпрестанно кричалъ: ура! Говорять, Государь долженъ былъ нѣсколько разъ выходить на балконъ и раскланиваться на всѣ стороны.

На другой день мы собрались въ гимназію въ 4 часа утра, и разумѣется до прихода учителей дурачились. Въ 8 часовъ начали сходитьсь учителя, напудренные, въ шелковыхъ чулкахъ и башмакахъ съ пряжками. А мы одѣты были по маскарадному: кто во фракѣ, кто въ курточкѣ, кто въ сюртукѣ. Не позволялось только быть въ шенеляхъ, подпоясанныхъ кушаками. Часу въ 12 вся площадь передъ домомъ гимназіи и всѣ сосѣднія улицы были наполнены народомъ; при появленіи Государя всѣ кидали шапки вверхъ, и кричали: ура! Въ 12 часовъ Государь прибылъ въ гимназію, въ сопровожденіи Дибича, полковника Соломки, Волконскаго и еще какихъ-то лицъ. Директоръ Шипиловъ шелъ подлѣ Императора и показывалъ классы. Когда онъ сказалъ— первый классъ! мы поклонились въ поясъ. Государь отвѣчалъ легкимъ склоненіемъ головы и пошелъ далѣе. Только я его и видѣлъ. Говорять,

въ залѣ, гдѣ собраны были четыре верхніе класса, Императоръ останавливался на нѣсколько минутъ и говорилъ съ директоромъ. Для этой-то короткой встрѣчи готовились мы такъ много и долго! Послѣ обѣда Государь ѣздилъ въ коляскѣ по городу, но я не видалъ его. Вечеромъ снова весь городъ былъ иллюминированъ. Государь былъ на балѣ въ дворянскомъ собраніи. На другой день утромъ онъ осматривалъ гарнизонъ и послѣ обѣда уѣхалъ въ Череповецъ.

*

(1836) Пожаръ случился въ 3 часу дня. Народу на площади было набито биткомъ. Во всѣхъ балаганахъ на балконахъ играла музыка и кривлялись паяцы. У Лемана отъ представленія какого-то волшебнаго огня выпыхнулъ занавѣсъ. Онъ закричалъ: „пожаръ!“ Народъ изъ креселъ, которыя были внизу, бросился въ двери и успѣлъ выбраться; но изъ верхнихъ ярусовъ спаслись только тѣ, которые имѣли смѣлость соскочить внизъ; а прочіе, стиснувшись, приперли двери, которыя отворялись внутрь балагана, и дымомъ задушило всѣхъ ихъ. Между тѣмъ на площади нескоро еще и узнали, что горитъ; потому что при громѣ музыки и при шумѣ народа нельзя было слышать вопля отчаянія погибавшихъ. Когда пламя показалось на крышѣ, тогда прискакали пожарные и растащили балаганъ по частямъ. Я узналъ объ этомъ событіи въ Университетѣ часа въ 4 и тотчасъ же отправился на площадь. Вся Гороховая улица была наполнена народомъ, такъ что я едва могъ протискаться до конца ея. Смерклося; народъ валилъ стѣнами къ площади, и полиція должна была дѣйствовать на толпу изъ трубъ. Съ пепелища ѣхало нѣсколько розвальней съ тѣлами задохшихся и обгорѣвшихъ.... Картина ужасная! Вечеромъ я былъ въ Александринскомъ театрѣ; тамъ всѣ говорили объ этомъ несчастномъ событіи; множество рассказано было анекдотовъ; но, разумѣется, нельзя было всему вѣрить.

*

Въ Майѣ начались экзамены; я получилъ изъ всѣхъ предметовъ полныя отмѣтки, только изъ древнихъ языковъ по 1¹/₂. На каникулы домой не поѣхалъ; потому что было совѣстно, просидѣвъ въ одномъ курсѣ два года, и потому, что Ульянинскіе уроки доставляли мнѣ большіе доходы. Я ѣздилъ къ нимъ почти каждое утро на дачу на Каменный островъ и проводилъ тамъ время до самаго обѣда. Разумѣется, занимались мало, а больше прогуливались. Въ это время я въ первый разъ познакомился съ окрестностями Петербурга и не могъ не полюбить ихъ. Каменный, Елагинъ и Крестовскій острова теперь узналъ я очень хорошо; кромѣ того былъ на многихъ мѣстахъ по

Черной рѣчкѣ. Денегъ было довольно. Послѣобѣденное время проводилъ я или въ театрѣ, или въ кондитерской, или у Эльвада, или у когонибудь изъ студентовъ. Братъ въ это время жилъ въ Гатчинѣ, куда онъ опредѣленъ былъ еще въ прошедшемъ году, тотчасъ послѣ выпуска. Я былъ у него во время каникулъ раза два или три, познакомился очень коротко съ его сослуживцемъ, тоже старымъ студентомъ, Ильинымъ и былъ неравнодушенъ къ его женѣ; но по обыкновенію все мое волокитство ограничивалось одними только взглядами и мечтами. Каждый вечеръ гуляли въ Гатчинскомъ саду. Это—прелесть. Онъ въ окружности нѣсколько верстъ; а какіе есть въ немъ ландшафты! Ѣздили съ однимъ студентомъ Смольяномъ въ Тайцы, верстъ за 20 отъ Петербурга. Сестра Смольяна живетъ тамъ замужемъ за докторомъ Бокомъ; мы у нихъ и гостили сутки. Отсюда ѣздили кавалькадой на Дудоровскую гору.... Что за мѣстоположеніе! Вся гора превращена въ дикій садъ.... Какія тутъ ущелья, мостики, гроты—прелесть. На горѣ выстроена изъ дубу крестьянская изба, гдѣ иногда бываетъ во время прогулокъ царская фамилія. Я вошелъ туда со Смольяномъ, а всѣ спутники наши остались внизу. Народу въ избѣ было много; Смольянъ показываетъ мнѣ на столѣ большую развернутую книгу и говорить: „не хочешь ли чтонибудь написать?“ Я взялъ перо и хотѣлъ черкнуть какой-нибудь стишокъ злодѣйской; но лакей пришелъ къ намъ и объявилъ, чтобы мы скорѣе шли, потому что наши уже уѣзжаютъ. Я поскорѣе и махнулъ: „развѣнчанный любовникъ и поэтъ Н. Ивановичій!“ Изъ этого и вышла штука. Дня черезъ три, ректоръ нашъ И. П. Шульгинъ пригласилъ къ себѣ четырехъ студентовъ на вечеръ потанцовать, по случаю именинъ жены его. Я былъ въ томъ числѣ. Ив. Петровичъ принялъ насъ въ кабинетѣ и между прочимъ спросилъ меня: „вы были недавно на Дудоровской горѣ?“—Былъ. „А видѣли ли вы, гдѣ подписались?“—Видѣлъ; тамъ всѣ подписывались.—„Да вы-то подписались подлѣ Государя, Государыни, великаго князя и двухъ княженъ, которые въ тотъ самый день были въ этомъ домѣ за $\frac{1}{4}$ часа до васъ.... Я тоже приѣзжалъ туда вскорѣ послѣ васъ, и знакомые мои, увидя вашу подпись, сказали мнѣ: „посмотрите-ка, какъ подмахиваютъ ваши студенты“.... Я, разумѣется, отвѣчалъ, что не замѣтилъ этого, и Шульгинъ смѣялся отъ чистаго сердца.

Въ эти каникулы была свадьба Тархова, который только что кончилъ курсъ. Онъ женился на гувернанткѣ Подобѣдовыхъ, въ которую давно уже былъ влюбленъ. Я былъ шаферомъ со стороны невѣсты, а Никитенко посаженнымъ отцемъ. Свадьба была въ Рыбацкой, на берегу Невы, въ 10-ти верстахъ отъ Петербурга. Туда и обратно я ѣхалъ въ каретѣ вмѣстѣ съ Никитенкой; но въ шаферы уже не

поспѣлъ, потому что въ церковь мы опоздали. Свадьба кончилась безъ особенныхъ приключеній. Во время дороги я о многомъ очень откровенно говорилъ съ Никитенкой, и онъ, зная меня и прежде, какъ ревностнаго студента, приглашалъ на будущій годъ посѣщать его литературные вечера по Пятницамъ.

Въ первыхъ числахъ Августа я разстался со многими моими добрыми, милыми и умными товарищами. Они кончили курсъ и разѣхались къ мѣстамъ своего назначенія: Перелоговъ, котораго мы называли барономъ, уѣхалъ въ Винницы старшимъ учителемъ математики; Навашинъ—въ Вологду старшимъ учителемъ словесности; Григорьевъ хлопоталъ о поступленіи въ Лѣсной Институтъ. Братъ изъ Гатчины переведенъ былъ учителемъ математики въ Вологду.

Между тѣмъ начались пріемные экзамены. Ульянинъ, мой ученикъ, держалъ экзаменъ плохо; но я просилъ нѣкоторыхъ профессоровъ, написалъ ему сочиненіе, и онъ былъ принятъ. Въ благодарность онъ подарилъ мнѣ Брегетовскіе часы.

*

Начались лекціи. Дѣла мои шли хорошо, я занимался прилежно; вскорѣ профессора начали отличать меня, а товарищи уважать. Больше всего я занимался исторіей Русской литературы, которую читалъ Плетневъ, и политической экономіей, которую читалъ Порошинъ; потому что оба эти профессора—люди съ душою и говорили всегда съ истиннымъ убѣжденіемъ въ правотѣ своихъ мыслей. Изъ казенныхъ однокурсныхъ моихъ товарищей не было людей хорошихъ: все почти воспитанники 3-й Гимназіи, бездарные и бездушные, носящіе на себѣ отпечатки гувернѣрскаго обращенія. Одинъ только Коншинъ, мой землякъ и товарищъ по гимназіи, да Шведтъ, родомъ Бѣлорусецъ, составляли исключеніе: первый былъ человекъ съ душою и хорошо занимался; второй тоже умный и добрый малой, только лѣнтяй. Казенные математики были лучше: Кеслеръ, Ленчевскій и Копосовъ постоянно были моими добрыми товарищами. Со многими изъ своекоштныхъ студентовъ я сблизился и подружился. П. Зубовъ, мой землякъ и товарищъ по гимназіи, Любоцинскій, Червинскій, Граве, Щудепниковъ, Крамеръ, Мосягинъ, Щетинкинъ и многіе другіе были хорошими и дѣльными товарищами. Зубовъ былъ у насъ издателемъ Университетскаго журнала; я принялъ въ немъ дѣятельное участіе. Первая статья моя была переводъ съ Польскаго въ стихахъ небольшой поэмы Славацкаго „Исповѣдь монаха“. Эта статья заслужила общую похвалу всѣхъ студентовъ, и именно съ этого времени товарищи начали смотрѣть на меня съ большимъ уваженіемъ. Время я проводилъ нескучно: бывалъ у Ульянина, который теперь самъ уже сдѣлался сту-

дентомъ (родители его жили богато въ собственномъ прекрасномъ домѣ и очень ласкали меня), у Эвальда, у Шакѣва, который служилъ вмѣстѣ съ Ѳ. Эвальдомъ старшимъ учителемъ во 2-й Гимназіи и былъ женатъ на сестрѣ его; у Любоцинскаго и Червинскаго, которые жили вмѣстѣ; у Граве, который жилъ съ старшимъ братомъ инженеромъ (тамъ я познакомился съ Губеромъ, переводчикомъ Фауста); у Зубова, у Щулепникова, у профессоровъ Плетнева и Никитенки и изрѣдка у Порошина. Къ Эвальду я ходилъ, какъ къ роднымъ; у Шакѣва собирались всегда старые студенты, отъ которыхъ я отсталъ курсомъ; у Любоцинскаго и Червинскаго играли въ вистъ; у Соловьева—тоже: здѣсь была цѣлая партія старыхъ студентовъ. Впрочемъ я игралъ рѣдко, потому что дорожилъ деньгами для другихъ удовольствій. У Щулепниковъ собиралось насъ однокурсныхъ студентовъ человѣкъ 12 къ обѣду каждый Понедѣльникъ. Тутъ всегда бывала славная попойка: шутили, дурачились, острили; а вечеромъ отправлялись на Невской проспектъ искать приключеній. У Никитенки я былъ постоянно каждую Пятницу на мужскомъ вечерѣ; здѣсь я видалъ нѣсколько разъ, и даже очень часто, Бенедиктова, Якубовича, Кольцова, Вронченку, Базили и другихъ пишущихъ. Кромѣ того здѣсь постоянно встрѣчался со многими профессорами и короче сблизился съ ними. Вечеръ проходилъ всегда въ разговорахъ, которые разумѣется относились всегда или къ литературѣ, или къ наукѣ, или къ путешествіямъ. Иногда кто нибудь изъ присутствовавшихъ читалъ свои стихи. Это было для меня столько интересно, сколько же и полезно. Самъ Никитенко человѣкъ очень умный и добрый. Жена его, хорошенькая и милая женщина, часто сиживала вмѣстѣ съ нами; я отчасти даже былъ влюбленъ въ нее.... (какая смѣшная привычка!) Съ Плетневымъ я познакомился случайно. Фамилію мою онъ зналъ еще прежде, когда я не слушалъ у него лекцій; потому что Никитенко говаривалъ ему обо мнѣ. Потомъ на экзаменѣ изъ словесности, при переходѣ изъ 2-го курса въ 3-й, я немного поспорилъ съ нимъ, и онъ, замѣтивъ, что я знаю свое дѣло, поставилъ мнѣ 5. Перейдя въ 3-й курсъ, я прилежно занимался его предметомъ. Однажды я былъ у него на лекціи очень скученъ; выходя изъ аудиторіи, я подошелъ къ Плетневу и сталъ просить сочиненій Фонъ-Визина. Онъ съ улыбкою спросилъ у меня: „отъ чего вы сегодня такъ скучны?“ Я отвѣчалъ: „нѣтъ, Петръ Александровичъ, кажется, я нескученъ“.... Плетневъ съ улыбкою опять сказалъ: „Нѣтъ, я по глазамъ вижу, что у васъ есть что-то тяжелое на душѣ.... Приходите сегодня ко мнѣ вечеромъ: я вамъ дамъ книги“. Вечеромъ (это было въ Среду) я отправился къ Плетневу вмѣстѣ съ Зубовымъ. Онъ принялъ насъ очень привѣтливо, и мы просидѣли у него часовъ до

12-ти. Въ этотъ день у него каждую недѣлю бывають мужскіе вечера. При прощаніи онъ просилъ меня ходить къ нему каждую Среду. Разумѣется, я былъ очень радъ такому приглашенію; во-первыхъ потому, что любилъ и люблю Петра Александровича отъ всего сердца; во-вторыхъ потому, что находилъ здѣсь всегда общество людей избранныхъ. Трудно представить себѣ чловѣка лучше Петра Александровича: милое, доброе и умное лицо, которое съ перваго уже взгляда располагаетъ всякаго въ свою пользу; душа его—чисто поэтическая; вкусъ—образцовый..... Самое убранство въ комнатахъ его даетъ уже понятіе о хозяинѣ: въ нихъ нѣтъ ничего излишняго, поставленнаго для эффекта; все просто, хорошо и мило. На вечерахъ я встрѣчалъ здѣсь кромѣ лицъ, которые бывали и у Никитенки, Губера, Кони, Краевского и другихъ. Но самыхъ искреннихъ друзей Плетнева (Жуковского, Пушкина, Баратынскаго) не видалъ, потому что Пушкинъ и Жуковскій всегда бывали у него утромъ по Воскресеньямъ, чтобы поговорить одинъ на одинъ; а Баратынскій проживалъ все въ Москвѣ. Плетневъ былъ прежде любимцемъ Карамзина, который и далъ ему ходъ, опредѣливъ его учителемъ Маріи и Ольги Николаевнѣ*). Поставленный такимъ образомъ въ отношенія съ людьми значительными, онъ скоро приобрѣлъ себѣ всеобщее уваженіе: сблизился съ Пушкинымъ, Жуковскимъ, Дмитріевымъ, Баратынскимъ, Дельвигомъ и другими лицами нашей знаменитой литературной школы и снискалъ ихъ любовь.... Даже Пушкинъ никогда не издавалъ своихъ сочиненій, не посовѣтовавшись прежде съ Плетневымъ. Изъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ видно, что П. А. Плетневъ чловѣкъ съ большимъ талантомъ и имѣлъ случай въ кругу такихъ лицъ приобрести превосходное литературное образованіе. Всѣ его сужденія дышуть поэзіей. На лекціяхъ онъ по большей части скученъ, потому что не любитъ строгихъ системъ и довольно лѣнивъ къ занятіямъ; но за то когда начнетъ разбирать какого-нибудь писателя или сочиненіе какого-нибудь студента, то врядъ ли гдѣ можно найти другаго подобнаго ему цѣнителя. Я очень скоро могъ понять его, да и онъ, кажется, понимаетъ меня хорошо.... Вечера, проведенные въ домѣ П. А-ча, принесли мнѣ больше пользы, нежели всѣ университетскія лекціи; здѣсь-то именно я и образовалъ свой вкусъ, который теперь мнѣ прямо указываетъ что хорошо и что худо... Тамъ, гдѣ иной бьется и соображаетъ часа два, тамъ я въ одну минуту отдѣлю золото отъ грязи.

Въ этотъ годъ я постоянныхъ уроковъ не имѣлъ: нѣсколько мѣсяцовъ училъ двухъ дочекъ и сына у Д. М. Княжевича, который

*) Иваницкій смѣшалъ Карамзина съ Жуковскимъ. П. Б.

тогда былъ директоромъ какого-то департамента, а теперь попечителемъ Одесскаго учебнаго округа. Эти уроки доставилъ мнѣ Никитенко, который по женѣ приходится какъ-то въ родствѣ Княжевичу. Нѣсколько мѣсяцовъ училъ еще у какого-то помѣщика сына, котораго фамилію забылъ. Нѣсколько уроковъ далъ какому-то инженерному полковнику, котораго фамилію тоже забылъ (онъ былъ Нѣмецъ, но ему надобно было непременно выучиться хорошо писать по-русски). Послѣ нѣсколько мѣсяцовъ училъ купца Брюхова, который готовился въ Университетъ. Такимъ образомъ, хотя денегъ у меня было немного, однакожъ я жилъ нескудно, потому что имѣлъ возможность каждый вечеръ куда-нибудь уходить изъ Университета.

6 Декабря я былъ приглашенъ на обѣдъ къ попечителю вмѣстѣ съ другимъ студентомъ Леонтьевымъ. Обыкновенно каждый праздникъ у попечителя обѣдали двое изъ студентовъ. Между тѣмъ я успѣлъ уже пообѣдать и порядочно выпить у Эвальда. Слѣд. мнѣ вѣсть не хотѣлось, но идти надобно было. Передъ обѣдомъ попечитель завелъ со мною рѣчь о философской темѣ, которая намъ дана была для полученія медали. Это еще сдѣлано было въ первый разъ, а тема была— *о предѣлахъ человѣческаго пониманія*. Я очень бойко говорилъ съ княземъ*), потому что и онъ и всѣ присутствовавшіе въ это время въ залѣ были въ философіи профаны. Князю очень понравилась моя бойкость; за столомъ онъ посадилъ меня противъ себя и продолжалъ прежній разговоръ. Всѣ сидѣвшіе за обѣдомъ безмолвствовали, а мнѣ говорить было свободно, потому что я былъ сытъ. Попечитель остался мною очень доволенъ и при прощаніи сказалъ, что я непременно долженъ писать на эту тему. Раскланявшись съ княземъ, я отправился по приглашенію на вечеръ къ инспектору. Тамъ было много гостей, въ томъ числѣ много студентовъ и институтокъ; танцовали до утра, но я ушелъ спать въ 12 часовъ.

Здѣсь кстати сказать, что инспекторъ Филипповъ съ этого году сдѣлался ко мнѣ еще ласковѣе, и именно вотъ по какому обстоятельству. Въ Генварѣ или въ Февралѣ 1836-го года онъ получилъ отъ князя нѣсколько выговоровъ за то, что многіе студенты часто не ночуютъ въ Университетѣ. Желая прекратить эти безпорядки, инспекторъ приказалъ, что студенты могутъ ходить только безъ спросу до 12 часовъ вечера, а кто хочетъ опоздать, то долженъ спроситься у него, или по крайней мѣрѣ оставить записку. Разумѣется, многіе не умѣли оцѣнить этой кроткой и необходимой мѣры и часто безъ позволенія прогуливали цѣлыя ночи. Я съ своей стороны предупредилъ

*) Михаиломъ Александровичемъ Дондуковымъ-Корсаковымъ. П. Б.

инспектора, объявивъ ему, что каждую Среду и Пятницу я бываю у профессоровъ Плетнева и Никитенки, и потому въ эти дни, можетъ быть, буду приходить поздно. Случилось, что въ одну Пятницу я пробылъ у Никитенки до 2-хъ часовъ и возвратился отъ него въ Университетъ вмѣстѣ съ двоюроднымъ братомъ инспектора, Михайловымъ, который жилъ вмѣстѣ съ Филипповымъ. Между тѣмъ въ ту же ночь многіе изъ студентовъ не ночевали дома, а многіе поздно возвратились, не имѣя на то позволенія. Все это было передано инспектору, а въ томъ числѣ сказано и обо мнѣ, что я поздно возвратился. Мы сидѣли за обѣдомъ; не дождавшись конца стола, я ушелъ наверхъ, а инспекторъ между тѣмъ пришелъ въ столовую и, разгорячившись, очень шумѣлъ на тѣхъ, которые были виноваты. При этомъ случаѣ онъ вспомнилъ и обо мнѣ и послалъ за мною солдата. Я прихожу въ столовую; вдругъ инспекторъ началъ горячиться и кричать на меня, между тѣмъ какъ прежде онъ никогда не говаривалъ даже грубаго слова. Я стоялъ, слушалъ брань и не понималъ, за что все это. Наконецъ Филипповъ сказалъ, чтобы я остался на 2 недѣли подѣ арестомъ. Я, не сказавъ ни слова, ушелъ на верхъ. Прочіе студенты, возвращаясь изъ столовой, объяснили мнѣ въ чемъ дѣло. Я отправился къ инспектору и очень вѣжливо спросилъ у него о причинѣ его гнѣва. Онъ объяснилъ мнѣ; а я сослался на Михайлова и напомнилъ ему, что еще въ началѣ года получилъ позволеніе опаздывать по Средамъ и по Пятницамъ. Филипповъ расплакался, сталъ меня обнимать и просить прощенія. Я успокоилъ его и ушелъ въ свою комнату. Не прошло пяти минутъ, какъ инспекторъ снова явился къ намъ, собралъ всѣхъ студентовъ и торжественно началъ просить у меня прощенія. Опять пошли объятія и поцѣлуи; тѣмъ дѣло и кончилось.

Новый годъ встрѣчали мы у Щулепникова. Насъ было человѣкъ 12. Пѣли, пили Шампанское и кончили тѣмъ, что въ первомъ часу пошли гулять по городу. На Фонтанкѣ встрѣтился намъ какой-то мужчина, который ѣхалъ на своей лошади. Мы остановили лошадь и начали поздравлять его съ новымъ годомъ; онъ снялъ шляпу, раскланивался съ нами, благодарилъ, и наконецъ, когда мы отпустили его, поѣхалъ далѣе. Подобныхъ шалостей было много, но всѣ онѣ кончались благополучно.

25 Генваря (1837) умеръ одинъ изъ лучшихъ нашихъ товарищей Гречъ, сынъ Н. И. Греча; 28 числа всѣ мы собрались въ Аннинскую кирху на его погребеніе. Передъ началомъ службы Зубовъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ: „Знаешь ли, братъ? Пушкинъ умираетъ: вчера онъ былъ на дуэли и смертельно раненъ.“ Я остолбенѣлъ. Зубовъ сказалъ мнѣ, что былъ вчера у Плетнева, который въ 9 часу возвратился отъ

Пушкина и рассказывалъ о несчастномъ событіи. При этомъ случаѣ я очень жалѣлъ, что не былъ у Плетнева въ прошедшую Среду, т. е. ровно за недѣлю до этой дуэли, потому что Пушкинъ былъ тамъ и, говорятъ, очень много и весело говорилъ. О причинахъ дуэли и тогда и послѣ толковали различно; но я имѣлъ случай узнать это дѣло довольно вѣрно. Жена Пушкина была красавица, и слѣд. немудрено, что многіе занимались ею. Въ числѣ ея поклонниковъ самый неутомимый былъ Дантесъ, одинъ кавалергардскій офицеръ, побочный сынъ Голландскаго посланника Гекерна. Жена Пушкина, говорятъ, нѣсколько разъ жаловалась мужу на этого волокиту, и Пушкинъ нѣсколько разъ дѣлалъ ему замѣчанія, но тотъ не отставалъ. Впрочемъ объ этомъ я навѣрно не знаю; по крайней мѣрѣ толки согласны. На одномъ балѣ поклонниковъ у Пушкиной было болѣе обыкновеннаго; Пушкинъ видѣлъ это и хмурился. Жена подходитъ къ нему и говоритъ: „что ты такъ задумчивъ, мой поэтъ“? А онъ отвѣчалъ:

„Мой другъ! для твоего поэта
Уже насталъ великій постъ:
Люблю тебя, моя комета,
Но не люблю твой длинный хвостъ!“

Это мнѣ рассказалъ Крамеръ, который самъ былъ при этомъ. Между тѣмъ аристократическая партія ненавидѣла Пушкина за разныя остроты и сатиры. Въ *Московскомъ Наблюдателѣ* онъ напечаталъ стихотвореніе подъ названіемъ *На выздоровленіе Лукулла*, съ примѣчаніемъ: переводъ съ Латинскаго; между тѣмъ какъ всѣ очень хорошо знали, что ни у одного Римскаго писателя нѣтъ такого стихотворенія и что это есть ничто иное, какъ ѣдкая сатира на министра Уварова, который во время болѣзни своего родственника Шереметева мечталъ уже воспользоваться его имѣніемъ и вдругъ ошибся въ расчетахъ, потому что Шереметевъ выздоровѣлъ. Даже и средній классъ неблагопріятно уже отзывался о Пушкинѣ: говорили обыкновенно, что Пушкинъ исписался и т. п. Онъ началъ даже получать безъимянные письма, въ которыхъ поздравляли его съ рогами и пр. Это окончательно взорвало Пушкина, и онъ вызвалъ Дантеса на дуэль. въ Среду 27 Генваря.... Якубовичъ рассказывалъ послѣ при мнѣ у Никитенки, что онъ въ этотъ самый день былъ у Пушкина съ Сахаровымъ часу во 2-мъ. Пушкинъ былъ очень сердитъ и безпрестанно бранилъ Полеваго за его Исторію: ходилъ скоро взадъ и впередъ по кабинету, хваталъ съ полки какой-нибудь томъ Исторіи Полеваго и читалъ для выдержки.... Якубовичъ и Сахаровъ ушли отъ него въ 3-мъ часу, а въ 4-мъ онъ поѣхалъ вмѣстѣ съ секундantomъ, старымъ своимъ лицейскимъ товарищемъ, инженернымъ маіоромъ. Данзасомъ—стрѣляться.... Болѣзнь его и послѣднія

минуты жизни описаны Жуковскимъ. Въ Пятницу, 29 числа, въ 3 часа и 45 минутъ Пушкина не стало. Журналисты соревновали въ красно-рѣчїи, извѣщая о смерти поэта; но самое лучшее объявленіе напечатано было въ „Литературной Газетѣ“; вотъ оно отъ слова до слова: „Солнце нашей поэзіи закатилось: Пушкинъ умеръ.... Пушкинъ! нашъ поэтъ! наша радость! наша народная слава! неужели у насъ нѣтъ болѣе Пушкина? Къ этой мысли нельзя еще привыкнуть“.... Всякой, кто знаетъ Плетнева, безъ сомнѣнія тотчасъ узналъ, чьи это слова. Весь Петербургъ заговорилъ о смерти Пушкина, и невыгодное мнѣніе о немъ тотчасъ замѣнилось самымъ искреннимъ энтузіазмомъ: всѣ обратились въ книжныя лавки покупать только что вышедшее новое миниатюрное изданіе Онѣгина; болѣе 2000 экз. было раскуплено въ 3 дня. Между тѣмъ въ кабинетѣ Пушкина найдены были безымянныя письма, и началось слѣдствіе. Тайная полиція часто обращалась съ этими письмами къ нашему отставному профессору Бутырскому, не можетъ ли онъ узнать по почерку этихъ писемъ, потому что подъ его руководствомъ воспитывалось много молодыхъ людей, и слѣд. онъ могъ примѣниться къ разнымъ почеркамъ. Но Бутырской, разумѣется, не могъ узнать. Я слышалъ это отъ Бутырскаго. Слѣдствіе тянулось долго; но такъ какъ въ этомъ дѣлѣ запутано было много аристократовъ, то оно кончилось ничѣмъ. Секундантъ Пушкина, Данзасъ, былъ прощенъ; а Дантесъ, какъ не-Русскій подданный, высланъ за границу.

Пасху встрѣтилъ я очень весело. Обыкновенно въ Страстную Субботу, часовъ въ 10 вечера, мы всѣ уже собирались въ Университетъ и, чтобы не спать до 12 часовъ, принимали самыя простыя мѣры: пили, пѣли и веселились. Въ этотъ годъ къ намъ пришло нѣсколько педагоговъ пѣть вмѣстѣ съ нами заутреню и обѣдню. Они приучены къ гувернѣрскому обращенію и къ разнымъ строгостямъ и потому очень были удивлены и даже испугались, когда мы начали пить и послѣ кричать.... Смѣху было довольно.... Заутреня обыкновенно начиналась ровно въ 12 часовъ, послѣ нея тотчасъ же и обѣдня, и все оканчивалось въ 3-мъ часу. Семейство попечителя и нѣкоторые профессеры слушали въ этотъ день въ Университетѣ и заутреню, и обѣдню; а самъ попечитель прїѣзжалъ всегда въ срединѣ обѣдни, отстоявъ всю службу во дворцѣ (онъ былъ камергеръ) и похристосовавшись съ Государемъ. Послѣ обѣдни мы собирались обыкновенно въ сборную залу, гдѣ приготовлена была закуска и поставлены вина. Все это дѣлалось на счетъ попечителя. Попечитель приходилъ и христосовался со всѣми нами. Въ этотъ годъ онъ замѣтилъ, что отъ насъ пахнетъ виномъ, и потому, обращаясь къ Полякамъ, сказалъ: „я думаю, господа, вамъ скучно было пережидать напу службу; вотъ Русскіе такъ при-

няли свои мѣры!“ Закуска обыкновенно бывала самая шумная: пили за здоровье попечителя, профессоровъ и ревѣли ура! Послѣ всѣ ложились спать.

Въ этотъ годъ къ Пасхѣ намъ разрѣшено было носить шпаги и шляпы. Прежде форма соблюдалась нестрого: кто придетъ въ мундирѣ, а сверху бекешъ и круглая шляпа. Теперь же строго велѣно было всѣмъ ходить непремѣнно въ формѣ. Мундиръ у насъ былъ довольно хорошій: темнозеленаго сукна съ голубымъ воротникомъ и съ золотыми петлицами. На шестой недѣлѣ поста мы получили первое извѣстіе о шляпахъ и шпагахъ. Какъ теперь помню: это было въ Среду; мы сидѣли на лекціи у Плетнева; приходитъ инспекторъ и объявляетъ намъ. По этому случаю начались кой-какіе разговоры. Инспекторъ, обращаясь къ намъ, говорилъ: „вотъ прежде многіе изъ васъ ходили въ цвѣтныхъ брюкахъ; теперь этого уже нельзя будетъ дѣлать; вотъ напр., г. Блудовъ, я васъ очень часто видалъ не въ формѣ“. Блудовъ поднялся съ своего мѣста и, показывая на брюки, отвѣчалъ: „нѣтъ, Ник. Пав-чъ, я въ форменныхъ брюкахъ.“ Разумѣется, и инспекторъ и всѣ мы захохотали.... Когда инспекторъ ушелъ, Плетневъ началъ продолжать лекцію такими словами: „въ этой новой формѣ начали появляться сонеты“.... Всеобщій хохотъ. Здѣсь кстати припомню другой анекдотъ о Плетневѣ. Однажды на репетиціи онъ спросилъ князя Щербатова; тотъ отвѣчалъ, что не приготовился; Плетневъ обратился къ другому студенту, но и отъ того получилъ такой же отвѣтъ. Тогда Плетневъ покачалъ головою и съ улыбкою сказалъ: „не надѣйтесь ни на князи, ни на сыны человѣческіе!“ Подобные анекдоты случались и съ другими профессорами. Шульгинъ, избранный въ ректоры, рекомендуясь намъ, сказалъ: „нынче Крестопоклонная недѣля (это было на 4 недѣлѣ поста); не знаю, будетъ ли моя новая должность крестомъ тяжелымъ, или иго мое будетъ благо и бремя легко“. Тоже случилось, что Крамеръ не явился на экзаменъ къ Шульгину и чрезъ нѣсколько дней началъ просить, чтобъ его проэкзаменовали. Шульгинъ сказалъ, что надобно представить лѣкарское свидѣтельство. Крамеръ отвѣчалъ: „я не хочу обманывать васъ; потому что не былъ на экзаменѣ не по болѣзни, а по домашнимъ обстоятельствамъ“. Шульгинъ на это сказалъ: „я вполнѣ вѣрю вамъ, г. Крамеръ, но всетаки для формы надобно какое нибудь свидѣтельство; вотъ вѣдь намъ многіе представляли свидѣтельства и отъ такихъ докторовъ, которыхъ знаетъ вся Европа, и отъ такихъ, которыхъ знаетъ одинъ только Богъ. да и тотъ потому, что всевѣдущъ.“

Экзаменъ приближался, а вмѣстѣ съ тѣмъ приближался и срокъ, когда надобно было подавать сочиненіе для полученія медали; а между

тѣмъ мое сочиненіе было написано только вполонину: надобно было и писать, и готовиться къ экзаменамъ. Нечего дѣлать! За двумя зайцами погоняешься, ни одного не поймашь: я рѣшился не искать уже медали и бросилъ свое сочиненіе. Оно было довольно хорошо. и я увѣренъ, что получилъ бы медаль. Изъ нашихъ студентовъ подали сочиненія трое; но всѣ, какъ и ожидать надобно было, остались съ носомъ....

Забылъ сказать объ открытіи Александровской колонны. Это было въ 1834 году, 30 Августа, на третій день по возвращеніи нашемъ изъ Вологды. Мы пришли на площадь въ 9 часовъ. Для народа подѣланы были мѣста амфитеатромъ до самыхъ крышъ домовъ; кромѣ того на крышахъ всѣхъ окрестныхъ зданій были посѣтители. Многіе изъ черни, чтобы не прозѣвать мѣста, забрались на крыши еще съ вечера. Мы, студенты, забрались на манежъ. Площадь въ это время была еще пуста: колонна закрыта была тафтой, раскинутой въ видѣ шатра. Вся царская фамилія была у обѣдни. Въ одиннадцать часовъ выѣхала на площадь пушка, и сдѣлано было три выстрѣла. Въ ту же минуту во всѣхъ улицахъ, которыя выходятъ на площадь, раздалась музыка и показались колонны пѣхоты и кавалеріи; не мѣшая другъ другу, стройно проходили онѣ мимо колонны и становились на назначенныхъ мѣстахъ. Что за картина! Тутъ былъ весь гвардейскій и весь гренадерскій корпусъ; кромѣ того изъ всѣхъ полковъ Русской арміи по одной ротѣ; всего кавалеріи и пѣхоты 160 тысячъ. Когда войска стали на свои мѣста, на балконѣ Зимняго Дворца показались митрополитъ и вся Царская фамилія; къ балкону съ площади сдѣлана была великолѣпная лѣстница, и съ обѣихъ сторонъ ея на каждой ступенькѣ стоялъ солдатъ образцовой роты, въ бѣлыхъ штанахъ, въ высокой медвѣжьей шапкѣ съ золотыми кистями и въ темнозеленомъ мундирѣ съ густыми мишурными эполетами. Начался молебенъ. Когда протодьяконъ провозгласилъ Императору Александру Первому вѣчную память, все войско грянуло ура, тафта съ колонны упала, и поднялся ужасный громъ орудій. На набережной Невы поставлено было 540 орудій; на Неву выведено нѣсколько фрегатовъ, да еще крѣпостная артиллерія. Все это подняло такой гамъ, что, кажется, весь Петербургъ дрожалъ... Ура и пушечные выстрѣлы не умолкали $\frac{1}{2}$ часа. Потомъ Государь сошелъ на площадь, окруженный блестящею свитою посланниковъ и придворныхъ. Полки проходили мимо него колоннами. Парадъ кончился въ вечерни. Подробное описаніе его было напечатано въ Сѣверной Пчелѣ.

...Когда мы возвратились въ Петербургъ, то нашли уже весь Университетъ готовый къ переезду на Васильевскій островъ въ домъ Двѣнадцати Коллегій, который нарочно отстроенъ былъ для Университета.

Въ этомъ домѣ со временъ Петра 1-го помѣщались Сенатъ и Синодъ, а теперь онъ отданъ былъ подѣ Университетъ. Чтò зданіе прекрасное, объ этомъ нечего и говорить: галерея, въ которой помѣщается библіотека, по величинѣ своей первая въ Европѣ: она въ длину 183 сажени; въ ней паркетный полъ и по концамъ зеркальныя двери; зала, въ которой при Петрѣ была конференція, осталась въ прежнемъ своемъ убранствѣ. Публичная зала въ длину около 30 сажень, въ два этажа, съ хорами и мраморными колонами; полъ паркетной. Авдиторіи многія сдѣланы амфитеатромъ: мебель вездѣ новая. Мы помѣстились въ третьемъ этажѣ: во второмъ авдиторіи, библіотека и залы, а въ третьемъ столовая, буфетъ, кухни, правленіе, цензурный комитетъ и квартира нѣкоторыхъ чиновниковъ.

Лекціи начались съ Сентября. Плетневъ читалъ исторію Русской литературы со временъ Екатерины; цѣлыхъ четыре мѣсяца онъ разбиралъ Державина; разборы эти были образцовые, ничто столько не дѣйствовало на образованіе моего вкуса, какъ эти бесѣды. Жаль только, что немногіе изъ студентовъ могли цѣнить ихъ; бисеръ по большей части падалъ предъ свиньями.... Порошинъ читалъ статистику превосходно: удивительный талантъ сдѣлать живымъ и занимательнымъ такой сухой предметъ. Ивановскій читалъ народное право: статья о посольствѣ была чрезвычайно интересна. Шульгинъ читалъ новую исторію своимъ въ высокой степени оригинальнымъ языкомъ *). Я занимался очень хорошо, и всѣ профессора любили меня. Развлеченій могъ имѣть также довольно. Попечитель доставилъ мнѣ уроки у графа Левашова; я училъ тамъ маленькую дочку лѣтъ 12 и сына лѣтъ 10; ходилъ четыре раза въ недѣлю. Кромѣ того Ульянинъ доставилъ мнѣ уроки у Гурьева учить тоже сына и дочь дважды въ недѣлю. Стало быть, у меня денегъ было достаточно на чай, кофей, табакъ, на извозчиковъ, на театръ и пр. Биржа была теперь подлѣ Университета, и потому мы часто навѣщали ее. При добромъ нашемъ инспекторѣ можно было гулять сколько угодно. Желая сколько нибудь взять насъ въ руки, онъ завелъ, что двери наши отперты были только до 12 часовъ; кто хотѣлъ придти позже, тотъ долженъ былъ идти на крыльцо къ инспектору, пройти

*) Покойный Великій Князь Константинъ Николаевичъ, будучи съ однимъ изъ сыновей своихъ въ Москвѣ, выражалъ удовольствіе по поводу того, что его юноша усердно посѣщалъ Московскія церкви и осматривалъ памятники благочестивой старины. „Это понятно, замѣтилъ кто-то изъ собесѣдниковъ: онъ занялся этимъ у Вашего Высочества. Любопытно бы знать, кто Васъ познакомилъ съ Русскою стариною и внушилъ любовь къ ней“.—„Ужъ конечно не Литке“, рѣзко отвѣчалъ Великій Князь.—„Да кто же?“—„Этимъ я обязанъ профессору Шульгину“. Великій Князь близко знакомъ былъ и со стариною старообрядческою. П. Б.

чрезъ его спальню и кабинетъ прямо въ свою спальню. (Спальня наша была подлѣ инспекторскаго кабинета). Изъ за этого было много смѣху. Въ первую ночь инспекторъ заперъ двери кабинета и ключъ положилъ къ себѣ подъ подушку, такъ что всякой, кто приходилъ поздно, долженъ былъ будить инспектора. Какъ только насталъ первый часъ ночи, начали собираться наши гуляки одинъ за другимъ; инспекторъ долженъ былъ не спать всю ночь, безпрестанно отпирая и запирая двери. На другую ночь онъ уже оставилъ ключъ въ дверяхъ. Иногда случалось, что возвращаешься часу во 2-мъ, а инспекторъ еще не спитъ; надобно проходить черезъ кабинетъ такъ, чтобы онъ не видалъ изъ за ширмъ; тогда снимешь, бывало, въ передней сапоги и на четверенькахъ (чтобы черезъ ширмы не видно было головы), держа сапоги и шпагу въ зубахъ, пробираешься къ своимъ дверямъ. Однажды ползло такимъ образомъ вдругъ человѣкъ пять студентовъ; передній намѣренно разсмѣялся; всѣ прочіе расхохотались и бросились опрометью въ двери, растерявъ сапоги и шпаги. Филипповъ вскочилъ съ кровати и подобралъ добычу. Иные по утрамъ спали очень долго, часовъ до 9 и даже до 10; инспекторъ отворялъ двери изъ кабинета и почти сквозь слезы говорилъ: „господа, пора вставать: вѣдь ужъ скоро обѣдъ!“ Если же на зовъ его спящіе не откликались, онъ подходилъ къ кроватямъ и дергалъ за ноги лежавшихъ; иной завернется въ одѣяло и будто въ просонкахъ начнетъ лягать ногами.... Смѣху бывало довольно.

По Субботамъ у Плетнева на лекціяхъ мы обыкновенно читали сочиненія. Я въ свою очередь прочелъ въ прозѣ о Бенедиктовѣ и два стихотворенія, написанныя въ каникулы: № 1 и № 2. Плетневъ взялъ эти стихотворенія къ себѣ. Послѣ Никитенко говорилъ мнѣ, что Плетневъ хочетъ эти стихотворенія напечатать въ *Современникѣ*; однакожъ, не знаю почему, они не были напечатаны. Около этого же времени я узналъ отъ Никитенки, что обо мнѣ было говорено въ Совѣтѣ: меня, по окончаніи курса, назначили отправить за границу; однакожъ, тоже не знаю, почему попечитель не согласился, а назначенъ былъ Прейсъ, учитель Дерптской гимназіи; онъ теперь уже возвратился изъ путешествія и читаетъ лекціи въ Петербургскомъ Университетѣ. Впрочемъ студенты не хвалятъ его: говорятъ, что безжизненный Нѣмецъ.

Осенью, когда на Невѣ шелъ ледъ и были разведены мосты, намъ запрещено было переѣзжать на ту сторону; потому что, случалось, лодки затирало льдомъ и уносило. Однакожъ мы не слушались. Лекцій въ это время не было, потому что всѣ почти профессора и большая часть студентовъ жили за рѣкой, и потому мы гуляли славно. Однажды утромъ я переѣхалъ за рѣку; но, возвращаясь назадъ, увидѣлъ, что перевозу нѣтъ уже, потому что ледъ сильно сдвинуло. Дѣлать нечего,

надобно было переночевать на той сторонѣ. Утромъ возвратился въ Университетъ и сѣлъ читать Державина. Въ комнатѣ никого не было. Вдругъ приходитъ инспекторъ. Я раскланялся. Онъ закачалъ головой и началъ тихо говорить, такъ чтобы не слышали студенты, сидѣвшіе въ сосѣдней комнатѣ: „Вотъ вы не ночевали сегодня!... Чтожъ, если ужъ мнѣ и васъ-то садить подъ арестъ, такъ чтожъ тогда будетъ?... Я право не знаю.... Дайте вашу шпагу!“ Однакожъ на другой день утромъ возвратилъ. Такимъ образомъ въ пять лѣтъ я былъ одинъ разъ подъ арестомъ.

Около этого же времени Шакѣвъ, по протекціи Шульгина, опредѣленъ былъ адъюнктъ-профессоромъ читать въ 1, 2 и 3 курсахъ нашего факультета исторію. Но между студентами была мысль, пущенная партіей Куторги, что Шакѣвъ ничего не знаетъ. На первую лекцію собралось къ нему человѣкъ 300. Онъ читалъ довольно хорошо; однакожъ его никто не слушалъ, а всѣ только ждали окончанія лекціи. Когда онъ началъ сходить съ кафедры, всѣ засвистали, зашикали.... Разумѣется, тотчасъ объ этомъ дано было знать князю. Князь на другой день дѣлалъ намъ выговоръ, бросилъ свою перчатку и сказалъ: кому угодно поднимать? Разумѣется, перчатки никто не поднялъ: тѣмъ дѣло и кончилось. Черезъ нѣсколько недѣль Шакѣвъ былъ отставленъ.

Вскорѣ случилось другое обстоятельство. Князь Вяземскій, студентъ 1-го курса, пришелъ пьяный на лекцію къ Фишеру. Фишеръ побранилъ его; Вяземскій этимъ обидѣлся. Тотчасъ вся университетская аристократія заступилась за Вяземскаго и увлекла за собой всѣхъ другихъ студентовъ одного курса. Написали прошеніе къ князю, и подать эту жалобу взялись два студента, графъ Васильчиковъ и Сверчковъ. Попечитель прочиталъ прошеніе и сказалъ подателямъ: „извольте отправиться къ инспектору и отдать ему ваши шпаги!“ Дѣлать нечего. Инспекторъ посадилъ Васильчикова и Сверчкова въ карцеръ. Но они не унывали: въ продолженіе трехъ дней они выпили 18 бутылокъ Шампанскаго и порожнія бутылки выбрасывали въ окно на улицу. Инспекторъ узналъ объ этомъ; солдата Московскаго, который носилъ арестантамъ вино, высѣкли; а они дали ему 300 р., и Московскій былъ въ восхищеніи: „пожалуй, говорилъ онъ, пусть высѣкутъ и въ другой разъ!“

Въ эту же осень былъ интересный случай съ студентомъ Новицкимъ. Онъ былъ чрезвычайно, даже почти до невѣроятности, близорукъ. Однажды шелъ онъ по Англійской набережной. Навстрѣчу ему попадаетъ Государь съ Государыней. Новицкій прошелъ между ними, толкнувъ того и другую. Государь разсердился, началъ бранить Новицкаго. Новицкій тогда только узналъ, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло.

Въ досадѣ Государь не пошелъ далѣе: тотчасъ сѣлъ въ коляску и уѣхалъ. Къ счастью, нашъ субъ-инспекторъ Грейсонъ видѣлъ все это; онъ распросилъ Новицкаго и тотчасъ донесъ инспектору; инспекторъ въ ту же минуту отправился къ князю, а князь къ министру. Министръ въ этотъ день долженъ былъ гдѣ-то обѣдать вмѣстѣ съ Государемъ; потому-то и поспѣшили скорѣе предупредить его. Государь, какъ только увѣдился съ министромъ, тотчасъ сказалъ ему: „Какіе у тебя невѣжи студенты! Сегодня одинъ студентъ чуть не столкнулъ меня съ тротуара.“ Министръ сказалъ: „Это Новицкій; онъ, в. и. в., уже посаженъ подъ арестъ; онъ чрезвычайно близорукъ, такъ что узнаётъ людей только по голосу.“ „Ну, такъ оставить его!“ сказалъ Государь. Новицкій просидѣлъ три дня въ карцерѣ, тѣмъ дѣло и кончилось.

Въ началѣ зимы этого года сгорѣлъ Зимній Дворецъ. Часу въ 9 вечера мы увидѣли зарево, которое то мелькало, то опять исчезало; намъ показалось, что пожаръ гдѣ-нибудь слишкомъ далеко; но вдругъ одинъ студентъ говоритъ, что пожаръ во Дворцѣ. Мы тотчасъ побѣжали было изъ У-та, но не могли уже пробраться на ту сторону, потому что вся площадь и набережная была оцѣплена солдатами. Государь и Государыня были въ театрѣ, а многіе изъ придворныхъ на балѣ въ Миліонной. Узнавъ о пожарѣ, всѣ переполошились. Государь тотчасъ пріѣхалъ и началъ распоряжаться; Государыню съ жандармскимъ конвоемъ отправили въ Аничкинъ дворецъ; придворные съ балу поѣхали кто куда зналъ. Пожарные всѣ уже были въ дѣлѣ; но вдругъ на Васильевскомъ острову, не помню въ которой линіи, сдѣлался другой пожаръ. Наслѣдникъ и половина пожарныхъ трубъ поскакали туда. Между тѣмъ Дворецъ разгорался болѣе и болѣе: часу въ 12 уже вся линія на Неву была въ пламени. Мы ушли домой, но въ спальняхъ у насъ было свѣтло, какъ днемъ. Государь былъ на пожарѣ до 6 часовъ утра, а все было потушено только къ вечеру другаго дня. Слуховъ о пожарѣ, по обыкновенію, было множество; но нельзя знать, что тутъ истинное и что вздоръ; слѣдовательно нечего и писать.

Приближались святки, и мы узнали еще новость: бывшій студентъ Александровъ посаженъ въ крѣпость. Жизнь этого человѣка была очень интересна. Онъ былъ побочный сынъ какого-то помѣщика изъ подмосковныхъ губерній. Въ малолѣтствѣ онъ отличался всевозможными шалостями и наконецъ бѣжалъ отъ отца въ Петербургъ. Не знаю ужъ какимъ образомъ, но только онъ нашелъ случай поступить въ У-тъ, а содержалъ себя частными уроками. Въ одно время не случилось у него денегъ, а хозяинъ безъ денегъ не хотѣлъ держать на квартирѣ. Александровъ поздно вечеромъ забралъ свои вещи и перѣхалъ на Семеновскій плацъ, который былъ прямо противъ ста-

раго У-та. Тамъ онъ переночевалъ. Утромъ будочникъ, увидя такого необыкновеннаго постояльца, подошелъ и спрашиваетъ, кто онъ такой и зачѣмъ здѣсь? Александровъ отвѣчаетъ, что онъ студентъ, и что поселился здѣсь жить, потому что не имѣетъ другой квартиры. Съ тѣмъ и ушелъ будочникъ. Въ 9-мъ часу Александровъ положилъ на комодъ свой записку, въ которой увѣдомляетъ всѣхъ и каждого, что тутъ квартира такого-то студента*), а самъ ушелъ на лекцію. Возвратившись изъ У-та, онъ видитъ, что къ квартирѣ его подступила полиція, и кругомъ множество народу. Пробравшись сквозь толпу, Александровъ спрашиваетъ у частнаго пристава, что ему угодно? Частный приставъ отвѣчаетъ, что оберъ-полиціймейстеръ приказалъ забрать и это имущество и хозяина. Отправившись къ оберъ-полиціймейстеру, Александровъ объяснилъ ему, что крайность заставила его искать жительства на Семеновскомъ плацу. Поѣхали къ министру внутреннихъ дѣлъ. И тотъ получилъ такое же объясненіе. Онъ сказалъ Александрову, чтобы тотъ покамѣсть пожилъ у частнаго пристава, и что завтра же будетъ доложено объ этомъ дѣлу Государю; съ тѣмъ Александровъ и былъ отпущенъ. Но когда онъ сходилъ съ лѣстницы, адъютантъ министра подалъ ему нѣсколько бѣленькихъ бумажекъ. Александровъ обидѣлся и бросилъ бумажки, сказавъ грозно адъютанту, что онъ не нищій. Между тѣмъ на другой день Государь приказалъ, чтобы Александра приняли въ У-тъ на казенное содержаніе. Но Александровъ отъ этого отказался. Тогда Государь приказалъ ему идти въ полкъ. Александровъ пожелалъ поступить въ гусарскій полкъ, который тогда стоялъ въ Финляндіи. Разумѣется, на другой же день дано объ этомъ знать въ полкъ, а Александрову приказано снаряжаться въ дорогу. Но Александровъ исчезъ: онъ ходилъ все по знакомымъ, и полиція не могла найти его. Тогда приказано было, какъ только найдутъ Александра, тотчасъ же отправить съ казаками на мѣсто службы и тамъ посадить подъ арестъ. Такъ и сдѣлали. Александра нашли, отправили въ полкъ и посадили на гауптъ-вахту. Просидѣвъ подъ арестомъ недѣли двѣ, онъ однажды угорѣлъ, прибилъ унтеръ-офицера, который топилъ комнату, вышелъ на плацъ-форму, легъ и притворился умирающимъ. Его отнесли въ лазаретъ. Тамъ онъ пролежалъ недѣли три и наконецъ обругалъ доктора. За эту грубость его опять посадили на гауптъ-вахту. Пробывъ тутъ недѣли двѣ, онъ подалъ въ отставку. Разумѣется, его съ радостію уволили, и Александровъ опять пріѣхалъ въ Петербургъ и поступилъ въ У-тъ на математическій факультетъ. Это было въ 1833 году, когда я пріѣхалъ въ У-тъ. Учасъ

*) Т. е. Александра. П. Б.

въ У-тѣ, онъ дѣлалъ много штукъ, но не очень важныхъ. Разъ только, при переходѣ изъ 2-го курса въ 3-й, на Латинскомъ экзаменѣ, онъ порядочно разсмѣшилъ насъ. Раскрывъ какую-то главу изъ Саллюстія, которая начинается рѣчью, онъ началъ читать „*Patres conscripti*“... и пр. Шульгинъ, который тогда председательствовалъ на экзаменѣ, спросилъ: „что значить *patres conscripti*?“ Александровъ, не запинаясь, отвѣчалъ: „отцы вписанные!“ Шульгинъ улыбнулся и спросилъ: „что же значить это—отцы вписанные?“ Александровъ махнулъ рукою и отвѣчалъ: „а Богъ ихъ знаетъ. Римляне народъ мудреный!“ Всѣ захохотали. Не знаю, въ какомъ году, но только еще во время студентства, Александровъ началъ было дѣлать фальшивыя ассигнаціи, но полиція захватила его. Бенкендорфъ призвалъ Александра къ себѣ и взялъ съ него честное слово, что онъ впредь такихъ глупостей дѣлать не будетъ. Тѣмъ это дѣло и кончилось, и мы тогда не знали объ этомъ ни слова. Въ 1836 году Александровъ кончилъ курсъ и поступилъ учителемъ въ Технологическій Институтъ. Я часто видался съ нимъ у Эвальда и у Шакѣва. Жизнь, какъ слышно было тогда, велъ онъ самую распутную. Въ разговорахъ только и бредилъ тѣмъ, чтобы идти въ разбойники. Мы такъ уже привыкли къ этому, что не обращали даже и вниманія на его восторженные мечты. Въ 1838 году онъ задумалъ осуществить свои желанія. Планъ его былъ такой: выбрать изъ старыхъ студентовъ надежнаго товарища, одѣться одному жандармомъ, а другому жандармскимъ офицеромъ, пріѣхать въ домъ къ Яковлеву ночью, показать старику-отцу указъ, написанный отъ имени Государя, которымъ повелѣвается взять молодаго сына Яковлева и отвезти въ Сибирь; и тутъ же предложить, что ежели отецъ хочетъ спасти сына, то чтобы далъ имъ два мильона, и они обѣщаются увезти его за границу; взявши же деньги, убить арестанта на дорогѣ, а самимъ бѣжать за границу. Ясно, что такія нелѣпости могли придти только въ голову Александра. Въ товарищи себѣ онъ назначилъ Борисова, прекраснаго молодаго человѣка, который вышелъ изъ У-та вмѣстѣ съ Александровымъ и служилъ учителемъ математики во 2-ой Петербургской Гимназіи. Борисовъ, выслушавъ этотъ планъ, счелъ его обыкновеннымъ бредомъ и сказалъ Александрову, что онъ согласенъ; при этомъ случаѣ мечталъ вмѣстѣ съ Александровымъ, разумѣется шутя, о томъ, какъ славно они заживутъ за границей.... Тѣмъ разговоръ ихъ и кончился. Борисовъ счелъ это за бредъ; но Александровъ не остановился. На другой день онъ послалъ къ Борисову записку, которою звалъ его къ себѣ. Борисову было нельзя, и онъ не пошелъ. Черезъ день Александровъ присылаетъ другую записку, въ которой уже ясно пишетъ, что онъ имѣетъ надобность

посовѣтоваться о томъ, о чемъ они говорили лично. Борисовъ, видя, что Александровъ не въ шутку уже что-то затѣваетъ, отказался отъ приглашенія. Александровъ пріѣхалъ къ нему самъ и, не заставъ Борисова дома, оставилъ ему ругательную записку. Съ тѣхъ поръ Борисовъ уже и не видался съ нимъ. Александровъ обратился къ Галлеру съ приглашеніемъ къ себѣ въ товарищи, въ случаѣ же отказа грозился убить Галлера. Галлеръ былъ студентъ юридическаго факультета, кончившій курсъ вмѣстѣ съ Александровымъ, и человѣкъ очень богатый. Онъ согласился на предложеніе Александра и въ тотъ же вечеръ разсказалъ все отцу, а отецъ Бенкендорфу. Бенкендорфъ сказалъ Галлеру, чтобы сынъ его дѣйствовалъ такъ, какъ велитъ ему Александровъ и чтобы доносилъ о всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ. Такъ дѣло и пошло. Александровъ написалъ уже указъ и прекрасно поддѣлалъ подпись Государя; нужно только было на что-то 5 тысячъ денегъ. Александровъ сдѣлалъ фальшивый вексель отъ имени какого-то купца и, переодѣвшись, вмѣстѣ съ Галлеромъ, отправился къ маклеру.... Полиція уже знала объ этомъ, и какъ только вошли они къ маклеру, тотчасъ арестовала ихъ и представила Дуппельту, жандармскому полковнику. Дуппельтъ обратился къ Александрову съ допросомъ, а Александровъ всю вину началъ сваливать на Галлера. Тогда Дуппельтъ сказалъ: „оставьте Галлера въ покоѣ; онъ дѣйствовалъ такъ, какъ ему было приказано; я васъ спрашиваю“... Тутъ Александровъ смѣшался. Началось слѣдствіе; Александровъ запуталъ и Борисова. Последняго обвинили въ томъ, что онъ зналъ весь планъ и не донесъ. Кончилось тѣмъ, что Галлера перевели въ собственную канцелярію Государя. Яковлевъ давалъ ему въ знакъ благодарности 10 тысячъ, но онъ отказался. Борисова послали въ Архангельскъ подъ надзоръ полиціи, а Александра въ каторжную работу. Въ указѣ о ссылкѣ прописаны были всѣ дѣла Александра, и тогда только мы узнали, что онъ, еще бывши студентомъ, дѣлалъ фальшивыя ассигнаціи. Но вотъ что странно: въ прошедшемъ 1842 году я случайно увидѣлся съ однимъ пробъжавшимъ изъ Вятки въ Петербургъ чиновникомъ и узналъ отъ него, что Александровъ возвращенъ уже изъ каторжной работы и живетъ въ Вяткѣ подъ надзоромъ полиціи.

Истинное мое торжество было на экзаменѣ изъ Русской словесности. Какъ теперь помню, день былъ ясной. Утромъ мы узнали, что на экзаменъ къ намъ будетъ Московскій профессоръ Шевыревъ, который въ это время пріѣхалъ въ Петербургъ. Часовъ въ 9 я съ Коншинымъ и еще съ кѣмъ-то вышелъ на крыльцо дожидаться Плетнева. Въ 10-мъ часу Плетневъ пришелъ пѣшкомъ, и мы поздоровавшись объявили ему, что будетъ Шевыревъ. Начался экзаменъ. Грече пред-

сѣдательствовалъ на немъ въ качествѣ декана. Вдругъ входитъ Шульгинъ, и за нимъ идетъ маленькой человѣкъ, съ черными волосами, въ черномъ шалевомъ галстукѣ, съ очень пріятнымъ, нѣсколько смуглымъ лицомъ. Это былъ Шевыревъ. Тотчасъ вызвали меня. Я взялъ билетъ о Жуковскомъ. Въ эту минуту пріѣзжаетъ князь. Только я началъ отвѣчать, Шевыревъ ввязался въ мой отвѣтъ, и у насъ одинъ на одинъ пошла самая одушевленная бесѣда. Разговоръ нечувствительно перешелъ на Державина; а Державина я зналъ почти всего наизусть.... Много декламировалъ я стиховъ, наконецъ началъ читать: *Властителямъ и судьямъ*. Шевыревъ сказалъ: „вы прекрасно читаете стихи“. А Плетневъ тихо замѣтилъ ему: „онъ и самъ прекрасно пишетъ“.... Князь и Шульгинъ изрѣдка только вступались въ нашу бесѣду. Наконецъ Шульгинъ напомнилъ, что пора и кончить. Я раскланялся. Шевыревъ всталъ съ мѣста, взялъ меня за руку и просилъ побывать у него. Князь тоже всталъ, очень довольный и, уходя на экзаменъ къ юристамъ, сказалъ: „пойду тамъ похвастаюсь!“ Я былъ въ полномъ восторгѣ; всѣ студенты поздравляли меня... Дня черезъ два я пришелъ къ Шевыреву; онъ принялъ меня ласково, говорилъ очень много о современномъ состояніи нашей литературы, о моихъ будущихъ занятіяхъ, давалъ совѣты и отпустилъ, изъявивъ желаніе и послѣ быть со мной знакомымъ.

На другой день по окончаніи всѣхъ экзаменовъ, я отправился къ попечителю узнать о моемъ назначеніи. Онъ сказалъ, что уже назначилъ меня во Псковъ. Этотъ звукъ былъ совершенно новый для меня, и я никакъ не могъ представить себѣ, что это за городъ Псковъ. Впрочемъ лучшаго мѣста нельзя было и желать; потому что въ Петербургѣ не было свободныхъ ваканцій, а ѣхать въ Вологду, учить исторіи, я не хотѣлъ: мой предметъ была словесность. Начались каникулы. Я остался въ Петербургѣ и получилъ два частныхъ мѣста: у Викулина и у Мартынова; у Викулина каждую недѣлю пять разъ, а у Мартынова трижды въ недѣлю. Стало быть, деньги были, а съ деньгами нескучно. Я часто ѣздилъ на дачи къ Плетневу и Шакѣеву. Плетневъ жилъ въ Кушелевой деревнѣ, а Шакѣевъ у Григорьева, который женатъ на сестрѣ Шакѣева и жилъ подлѣ Лѣснаго Института. Въ Университетѣ остались почти всѣ кончившіе курсъ, и мы жили весело. Однажды случилось вотъ какое происшествіе. Мы были уже въ спальнѣ, это былъ часъ 12-й; вдругъ возвращаются человѣкъ пять студентовъ и говорятъ: „Господа, пойдемте браниться съ Филипповымъ“. Мы тотчасъ накинули сверхъ халатовъ шинели, надѣли фуражки и отправились въ походъ. Филипповъ этотъ былъ офицеръ 1-го надетскаго корпуса и, стало быть, жилъ подлѣ У-та; у него были двѣ сестры, до-

вольно вольныя, и студенты волочились за ними, а онъ перемигивались съ ними, бросали изъ окна разные сюрпризы и пр. Братъ зналъ это и жестоко злился на студентовъ; къ тому же онъ былъ почти помѣшанной и не зналъ какъ выместить свою злобу: часто при встрѣчѣ вовсе съ незнакомымъ ему студентомъ онъ начиналъ браниться, и тотъ, не понимая отношеній его къ студентамъ, не зналъ что это значить. Въ этотъ вечеръ Филипповъ сдѣлалъ подобную же глупость. Студенты шли мимо и разговаривали между собою, Филипповъ вдругъ размахнулъ окно и началъ ругаться съ ними. Они, разумѣется, отвѣчали ему и пришли позвать всѣхъ насъ, чтобы гуртомъ веселѣе было браниться. Лишь только мы поравнялись съ окнами Филиппова, вдругъ онъ растворилъ опять окно, и пошла потѣха: мы приударили самую отчаянную бранью... Мать и сестры Филиппова, почти полураздѣтыя, высунулись въ окно и стали упрашивать насъ: „господа, сдѣлайте милость, оставьте; видите, что онъ сумасшедшій“. Побранившись съ $\frac{1}{4}$ часа, мы наконецъ удалились.

Такимъ образомъ, живя очень весело, я и не замѣтилъ, какъ приближалось время отправляться къ мѣсту назначенія. Передъ отъѣздомъ дня за четыре былъ на дачѣ у Плетнева. Онъ, взявъ меня подъ руку, долго ходилъ со мной по саду и весело разговаривалъ; совѣтовалъ между прочимъ не жениться, потому что это отвлечетъ меня отъ занятій и остановитъ ходъ мой по службѣ и пр. Однимъ словомъ, мы вдвоемъ провели съ нимъ вечеръ, какъ нельзя лучше. Ночевать я уѣхалъ къ Григорьеву, тамъ нашелъ Эвальда. Ужъ мы пили, пили.... Григорьевъ даже свалился съ ногъ, а я съ Эвальдомъ улегся уже утромъ. Мнѣ дали дорожную, прогоны и 625 рублей не въ зачетъ жалованья. Это всегда ужъ такъ водится. Часу въ 5-мъ заѣхалъ къ Эвальду, со слезами простился съ этимъ добрымъ семействомъ.

...Въ тогдашнее время существовали еще въ Вологдѣ кулачные бои. Этотъ обычай, нѣкогда общій во всѣхъ мѣстахъ Россіи, вѣроятно велъ свое начало еще изъ древности. По преданіямъ извѣстно намъ, какъ бивались бойцы при дворахъ великокняжескихъ; а о бояхъ въ царствованіе Екатерины можно еще слышать отъ очевидцевъ. При мнѣ въ Вологдѣ бывали бои каждый вечеръ зимой. Дрались всегда семинаристы со всѣми прочими сословіями. Главныя мѣста побоищъ были у Благовѣщенья, на рѣкѣ, на Архангельской улицѣ и др., а время послѣ вечерень, когда семинаристы выходили изъ классовъ, и когда всѣмъ мастеровымъ свободно потому что въ сумерки они не работаютъ. Начиналось всегда съ маленькихъ, а потомъ вступались и большіе. Съ обѣихъ сторонъ были нѣкоторые извѣстные бойцы. Вообще семинаристы отличались трусостію, и на каждомъ бою ихъ жестоко

били. Я всегда любилъ смотрѣть на эти драки. Однажды случилось, что рекрутамъ кто-то внушилъ мысль подраться съ семинаристами. Передъ вечерними они собрались у обоихъ воротъ Семинаріи и до 8 часовъ вечера не выпустили ни одного семинариста. Въ воротахъ производились единоборства и свалки.

1838 года 25 Марта въ Университетѣ былъ актъ, первый еще по переводѣ У-та на Васильевскій островъ. Посѣтителей тысячъ до трехъ. Билеты были трехъ разборовъ: благороднымъ—розовые, высокоблагороднымъ—голубые, а превосходительнымъ и сіятельнымъ—бѣлые. На актѣ Никитенко читалъ о нынѣшнемъ состояніи теоріи словесности, а Шульгинъ—исторію университета. Послѣ акта посѣтители вышли въ библіотеку, которая представляла тогда видъ бульвара. Прогулка эта продолжалась около часа. Вскорѣ, не помню только въ какой день, пріѣзжалъ Государь, а недѣли черезъ двѣ послѣ него Наслѣдникъ. Государь на лекціи не заходилъ, а Наслѣдникъ зашелъ только минутъ на 10 въ аудиторію къ Устрялову. Довольно было и смѣху по случаю этихъ посѣщеній. Государя ожидали недѣли двѣ. Въ одинъ день онъ ѣхалъ по Исакиевскому мосту и поворотилъ къ У-ту. Часовой тотчасъ далъ знать. Въ У-тѣ поднялась страшная тревога. Мы въ это время сидѣли на лекціи у Порошина. Это былъ третій часъ въ исходѣ. Солдатъ Московскій, который въ это время былъ въ сборныхъ залахъ и держалъ въ рукѣ звонокъ, съ испугу зазвонилъ. Мы думали, что уже 3 часа и пошли съ лекціи, но намъ закричали: Государь пріѣхалъ! и мы вернулись. Рождественскій, профессоръ правъ, сочинитель глупой логики, читалъ въ это время у юристовъ 2-го курса. Онъ до того перепугался, что вскочилъ съ креселъ и началъ свою лекцію снова словами: милостивые государи! въ прошедшій разъ мы говорили.... и пр. Экономъ въ это время побѣждалъ зачѣмъ-то наверхъ, но добѣжавъ до середины лѣстницы, присѣлъ и съ глубокимъ вздохомъ сказалъ: „ой, не могу больше“.... Между тѣмъ оказалось, что Государя нѣтъ: онъ проѣхалъ мимо У-та въ Маріинскую больницу. Провѣдавъ это, студенты начали пугать Рождественскаго: вдругъ зашумятъ—идеть, идетъ! и Рождественскій поблѣднѣетъ и вскочитъ съ мѣста. Государь былъ послѣ этого еще чрезъ нѣсколько дней. Кромѣ актовъ, были въ У-тѣ часто собранія по случаю защищенія докторскихъ и магистерскихъ диссертаций; при мнѣ было такихъ защищеній до 30. Всего больше отличился Неволинъ, а Устрялова нашего Плетневъ просто зарѣзалъ.

Когда мы кончили курсъ, студенты трехъ первыхъ курсовъ сдѣлали для насъ праздникъ. Всѣ они сложились по 10 рублей, выбрали мѣсто на берегу озера въ Парголово, накупили вина и приготовили кутежъ. Каждый долженъ былъ пріѣзжать туда въ скортукѣ, въ фу-

ражкѣ, со своей трубкой и табакомъ. Кто имѣлъ свой экипажъ, тотъ ѣхалъ, разумѣется, на своихъ; но большая часть взяли омнибусы. Собралось вдругъ омнибусовъ до 10; на крышѣ передняго стоялъ студентъ Воротниковъ, высокой ростомъ, съ волторной въ рукахъ. Подъѣзжая къ заставѣ, онъ заигралъ. Всѣ съ удивленіемъ смотрѣли на эту процессію. На праздникъ было всего человѣкъ до 400: пили, ѣли, дурачились и пр. почти до утра. Съ тѣхъ поръ этотъ праздникъ дѣлается ежегодно.

Ульянинъ рассказывалъ мнѣ, что Крыловъ (баснописецъ) былъ у нихъ на вечерѣ. Это было въ 1836 году. Въ залѣ танцовали. Крыловъ сидѣлъ на стулѣ и смотрѣлъ на танцующихъ, но только задремалъ, повалился на бокъ, подломилъ стулъ и грянулся на полъ. Плетневъ рассказывалъ, что Карамзинъ, занимаясь исторіею, вставалъ всегда утромъ въ 9 часовъ и тотчасъ же отправлялся съ женою гулять; въ 10 часовъ пилъ чай и садился заниматься до обѣда. Въ это время онъ уже не принималъ никого. Въ 5 часовъ обѣдалъ и отдыхалъ до 7; съ 7 до 8 занимался, а потомъ выходилъ въ гостинную къ семейству. Въ это время дверь была отворена для всѣхъ. Въ 11-ть часовъ опять уходилъ въ кабинетъ и занимался до 1 часу. Такъ жилъ онъ все время, когда писалъ исторію.

Жизнь во Псковѣ мнѣ сначала очень понравилась. Климатъ прекрасный и очень благодѣтельный; при каждомъ почти домѣ садъ, гдѣ на открытомъ воздухѣ растутъ разныхъ сортовъ яблоки, вишни, сливы, крыжевникъ и пр. Городъ древній; кругомъ его стѣны съ башнями: много старинныхъ домовъ, самыя названія улицъ и кварталовъ напоминаютъ о временахъ республиканскихъ. Рѣка быстрая и широкая. Въ городѣ находится дивизіонный штабъ и постоянно стоитъ Екатеринославскій гренадерскій полкъ. Гимназія тоже понравилась съ перваго разу. Директоръ показался человѣкомъ очень добрымъ, инспекторъ—тоже. Оба они пріѣхали во Псковъ за нѣсколько дней до меня: одинъ переведенъ былъ изъ Архангельска, а другой изъ Новгорода. Жилъ я вмѣстѣ со Студитскимъ и Барановскимъ. Перваго зналъ уже и прежде, учившись съ нимъ вмѣстѣ съ самаго дѣтства, а втораго зналъ въ У-тѣ: онъ былъ Малороссъ, прекраснѣйшій, благороднѣйшій и умный человѣкъ. Прочіе учителя тоже хорошіе люди. Жили мы на Завеличѣ, т. е. за рѣкой Великой, сперва во флигелѣ, а потомъ въ домѣ священника Петергофскаго. Домъ былъ большой, и потому мы взяли еще къ себѣ Котовича и Молоховца, учителя правовѣдѣнія, только что пріѣхавшаго изъ Петербурга. Стало быть, всѣ мы были студенты одного У-та и жили дружно. Знакомыхъ сначала я не имѣлъ никого. Единственное мое развлеченіе составляли бесѣда съ товарищами и

Гимназія. Директоръ очень любилъ меня. но инспектора мы скоро узнали хорошо. Фамилія его баронъ М.... Гадко даже вспоминать объ этомъ человѣкѣ; лучше плюнуть и не говорить ни слова. Жаль только было того, что онъ забралъ къ себѣ въ руки директора и игралъ имъ, какъ куклой. Такимъ образомъ вся осень прошла у меня въ томъ, что я ходилъ въ классы и сидѣлъ дома; здѣсь мы разговаривали безпрестанно о подлостяхъ инспектора, и иногда ходили гулять; а наединѣ я занимался Нѣмецкимъ языкомъ. Приблизились святки. Одинъ изъ учениковъ, Менгденъ пригласилъ меня ѣхать съ нимъ въ *Голофское*. мызу, гдѣ жили его родители, находящуюся въ 180 верстахъ отъ Пскова. Я разумѣется охотно согласился, потому что по недостатку въ деньгахъ въ Петербургъ ѣхать не могъ, а во Псковѣ ничего не ожидалъ кромѣ скуки. За нами присланы были лошади, и мы поѣхали въ бричкѣ, потому что снѣгу не было еще ни одной снѣжинки, не смотря на то, что было уже 22 Декабря. Поѣздка была чрезвычайно интересна для меня; потому что я видѣлъ новыя мѣста, новый бытъ и слышалъ новый языкъ Латышей. Жаль только, что время было очень неблагопріятно для прогулокъ; потому что въ первую же ночь выпалъ снѣгъ и покрылъ всѣ картины однимъ покрываломъ. 24 числа мы пріѣхали въ Голофское. Баронъ и баронша приняли меня очень радушно, и я зажилъ весело. Баронъ худо говорилъ по-русски, а баронша—прекрасно. Съ перваго дня Рождества начались балы. Къ Менгдену наѣхало множество гостей и гостили у нихъ два дня. Каждый день мы танцевали. Здѣсь я очень коротко сблизился съ Синолинскимъ барономъ Менгденомъ, двоюроднымъ братомъ того, у котораго гостилъ я, съ отставнымъ кавалергардскимъ генераломъ Каленомъ и съ братомъ его отставнымъ кавалергардскимъ полковникомъ Каленомъ. Они полюбили меня, какъ роднаго. Изъ барышень были: двѣ сестры Левизъ, очень хорошенькія, Тизенгаузенъ и меньшая дочь полковника Калена. Черезъ 2 дня мы всѣ вмѣстѣ поѣхали въ Синолино, къ двоюродному брату Менгдена, тоже Менгдену. Эта мыза была въ 9 верстахъ отъ Голофскаго. Впереди всѣхъ на тройкѣ ѣхалъ генералъ Каленъ. За нимъ на парѣ я съ Левизомъ, который самъ и правилъ. За нами на парѣ рысаковъ какая-то старая барышня m-me Coline. Она хотѣла насъ обогнать и потому приказала гнать во весь духъ. Только сани ея начали равняться съ нашими, какъ передняя лошадь бухнула въ канаву, закрытую снѣгомъ, кучеръ черезъ облучекъ, а барышня головою въ снѣгъ и ноги къ верху. Мы тотчасъ остановились и начали вытаскивать ее. Между тѣмъ на сцену эту безпрестанно наѣзжали сзади сани за санями. Хототу было довольно. Въ Синолинѣ послѣ обѣда начали танцевать. Полковникъ Каленъ заставилъ меня вальсировать съ старшею дочерью;

я сначала отказывался, потому что у меня голова кружится; но наконецъ долженъ былъ вальсировать. Все кончилось благополучно. Калень подвелъ другую дочь; у меня голова кружилась уже порядочно, но я долженъ былъ уступить настоятельной просьбѣ и вальсировать. И этотъ вальсъ кончился благополучно. Вдругъ генералъ Калень подводитъ Тизенгаузенъ, тетку хорошенькой Тизенгаузенъ; нечего дѣлать; прошелъ и съ ней туръ; голова кружилась страшно. Только мы останавливаемся, какъ вдругъ толстой Синолинской баронъ, вальсируя не помню съ кѣмъ-то, хватилъ меня въ спину своей задницей, такъ что я повалился со своей дамой. Разумѣется, все кончилось смѣхомъ, и Калены безпрестанно твердили мнѣ о старушкѣ. Изъ Синолина ѣздили мы на мызу къ Цейману, а послѣ къ Тизенгаузену. Все время проводили весело, танцовали, катались, пили и ѣли.

Между тѣмъ я получилъ уроки: у дивизионнаго генерала Розена—училъ сына и еще ссыльнаго Поляка Адама Гуровскаго, лицо замѣчательное во время Польской революціи. Уроки эти получилъ я вотъ по какому случаю. Передъ Рождествомъ былъ у насъ актъ. Я читалъ сочиненіе о состояніи Русской литературы во второй половинѣ XVIII и въ началѣ XIX ст. Сочиненіе это произвело сильное впечатлѣніе на слушателей. Тотчасъ же старый вице-губернаторъ Деденевъ подошелъ ко мнѣ и просилъ быть съ нимъ знакомымъ. Розенъ и Гуровскій просили давать уроки: первый—сыну, а второй себѣ. У Розена старшая дочь Ольга была очень хорошенькая; впрочемъ я не имѣлъ на нее никакихъ видовъ. Квартира моя въ это время была уже около Покровской башни, недалеко отъ Баторіева пролома, на берегу Великой. У насъ былъ прекрасный садъ.

Кончились экзамены; за мной и за Менгденомъ присланы были лошади, цѣлая четверня съ бричкой. Я былъ въ восторгѣ. Лифляндія чрезвычайно нравилась мнѣ. Поѣздка эта у меня описана; я выбираю изъ прежняго описанія только то, что больше интересно.

Мы отправились 21 Іюня, въ Четвергъ, въ 9-мъ часу вечера. Надобно признаться, что я отправился въ Лифляндію съ такими же чувствами, съ какими, бывало, отправлялся домой изъ Петербурга. Разнообразіе впечатлѣній, другая природа, другія лица, другіе обычаи, радушный пріемъ въ семействѣ, которое считало меня почти своимъ родственникомъ, вотъ что ожидало меня впереди. Менгденъ, когда мы усѣлись, сказалъ: *браутсъ*, т. е. поѣзжай, и мы выѣхали со двора. Съ громомъ катились мы по Псковской мостовой. Студитскій и Барановскій галопировали верхами (Студитскій держалъ въ это время пару лошадей: одну изъ нихъ онъ купилъ у меня; потому что не задолго до этого я выигралъ лошадь въ лотерею; но какъ самъ былъ не охот-

никъ до лошадей, то и продалъ ему). Когда выѣхали за городъ, солнце закатилось, воздухъ сдѣлался свѣжѣе; мы остановились у Печерской часовни, въ полуторѣ верстѣ отъ заставы. Часовня эта древняя. На стѣнѣ виситъ картина, аршинъ $2\frac{1}{2}$ въ длину, изображающая осаду Пскова Баторіемъ. Работа лубошная. Больше нѣтъ здѣсь никакихъ украшеній. Сумерки располагають всегда къ мечтамъ и откровеннымъ разговорамъ. Каждый изъ насъ началъ припоминать и рассказывать бывшее. Наконецъ Менгденъ, удивительный соня, человекъ безъ царя въ головѣ, скоро задремалъ. Тогда я могъ сосредоточиться въ самомъ себѣ. Золотой рогъ луны прорѣзался на горизонтѣ и навелъ фантастическій свѣтъ на безмолвную окрестность. Впрочемъ равнины Псковскія очень и даже очень не живописны. Дорога прямолинейно тянется по необозримой степи, упираясь концемъ своимъ въ горизонтъ: ѣдешь версту, ѣдешь другую—одна и таже картина, ѣдешь десять верстъ, и нѣтъ никакой перемѣны ни въ очеркахъ, ни въ краскахъ. Рѣдко покажется какойнибудь лѣсокъ, и еще рѣже какаянибудь деревенька. Слухъ идетъ, что на этихъ равнинахъ было множество деревень, да жители ихъ разбѣжались; а отъ чего, неизвѣстно.

До корчмы Земерсгофъ, гдѣ мы располагали ночевать, считается отсюда 22 версты. Мы думали пріѣхать туда къ закату солнца. Ёдемъ, лошади бѣгутъ довольно скоро, кучеръ безпрестанно хлопаетъ бичемъ. Погода прекрасная: жаръ опалъ значительно, прохладный вѣтерокъ повѣялъ съ полуночи. Мы углублялись болѣе и болѣе въ средину Лифляндіи и почти ежеминутно встрѣчали новыя картины. Большія, красивыя горы и густые липовыя лѣса услаждали зрѣніе. Мы часто выходили изъ брички: множество земляники, разсыпанной по пригоркамъ, соблазнить хотъ кого. Наконецъ солнце опустилось уже довольно низко. Вечеръ дохнулъ свѣжо и благовононо. Кучеръ нашъ съ своимъ маленькимъ товарищемъ, мальчикомъ лѣтъ 10, который исправлялъ должность лакея, пѣлъ по-латышски священные Лютеранскія пѣсни. Долго прислушивался я къ этимъ заунывнымъ звукамъ и рѣшилъ, что наши православныя гимны гораздо музыкальнѣе. Навстрѣчу попалось намъ множество Латышей. Лошади ихъ были наряжены въ рогатыя вѣнчики, сплетенные изъ березовыхъ и липовыхъ прутьевъ. Это было для меня ново и смѣшно. Мнѣ объяснили, что Латыши всегда наряжаютъ такъ лошадей своихъ въ канунъ Иванова дня, самаго большаго ихъ праздника.

Но вотъ и Земерсгофъ. Мы остановились. Кучеръ вошелъ на крыльцо корчмы, переговорилъ съ какимъ-то высокимъ, усатымъ Латышемъ, покачалъ головой, развелъ руками и, подойдя къ бричкѣ, объяснилъ Менгдену, что надобно ѣхать еще 15 верстъ до Маріенбурга,

потому что здѣсь нѣтъ ни сѣна, ни овса. Миѣ очень не понравилось такое извѣстіе: я хотѣлъ быть въ Маріенбургѣ не иначе какъ утромъ, чтобы осмотрѣть развалины. Но дѣлать нечего: завернулся въ плащъ и задремалъ.... Просыпаюсь—свѣтло; смотрю на часы: ровно пять. Съ нами крестная сила! Неужели все еще не проѣхали этихъ 15 верстъ. „Куръ верстъ Маріенбургъ?“ спросилъ я кучера. Онъ усмѣхнулся только и хлопнулъ бичемъ.... Я думалъ, что онъ не понялъ моего Латышскаго языка и потому разбудилъ М. Но и М-ну кучеръ далъ тотъ же отвѣтъ. Между тѣмъ, покамѣстъ мы соображали и догадывались, что бы это такое значило, передъ глазами нашими развернулась знакомая картина. На правой сторонѣ дороги стояла большая корчма, налѣво вверхъ по склону горы тянулась липовая аллея и на концѣ ея двухъ-этажный каменный домъ. Я тотчасъ узналъ Зельтингофъ, мызу генер. Калена, но все еще не хотѣлъ вѣрить глазамъ. Отъ Нейгаузена до Зельтингофа ровно 70 верстъ, и мы проѣхали это пространство не кормя, потому что въ Маріенбургѣ также не нашли сѣна. Я былъ радъ и не радъ такому, можно сказать, Парнаасскому иноходству нашихъ лошадей. Радъ потому, что теперь оставалось только 20 верстъ до Голгофскаго, а не радъ потому, что не видалъ Маріенбурга. На возвратномъ пути я былъ счастливѣе: покамѣстъ перепрягали лошадей, я успѣлъ срисовать видъ Маріенбургской крѣпости. Она расположена на островѣ не широкаго, но длиннаго озера. Стѣны и башни въ нѣкоторыхъ мѣстахъ уже повреждены; видъ ихъ такой же, какъ и Псковскихъ. На противоположномъ берегу видна красивая мыза барона Фитингофа.

Передъ рассвѣтомъ показалась Изборская крѣпость. Она построена на высокой горѣ; архитектура ея такая же, какъ и архитектура стѣнъ и башенъ Пскова. Вся она выстроена изъ известковаго плитняка; стѣны безъ зубцовъ, нѣкоторыя башни полуразвалились. Мы въѣхали въ деревеньку, состоящую изъ длиннаго ряда плохихъ домишковъ и расположенную вокругъ подошвы горы, на которой стоитъ крѣпость. Эта-то деревенька и называется заштатнымъ городомъ Изборскомъ. Остановились у дьякона. Покамѣстъ грѣли самоваръ, я выпался въ бричкѣ. Послѣ чаю пошелъ на курганъ, находящійся въ полѣ позади дьяконскаго дома и срисовалъ отсюда видъ Изборской крѣпости. Осматривать крѣпость было некогда. Впрочемъ дьяконъ разсказалъ, что всѣ лѣстницы въ стѣнахъ развалились, своды подземныхъ ходовъ обрушились, и слѣд. нечего было и любопытствовать. Кромѣ того, дьяконъ разсказалъ еще, что Ст. Баторій стоялъ подъ Изборскою крѣпостію семь лѣтъ, что осажденные внесли наконецъ на башню образъ Божіей Матери, что Она осѣнила короля и навела на него такой

страхъ, что онъ бѣжалъ безъ оглядки, что воеводы Русскіе напали на бѣгущія толпы непріятелей и совершенно разбили ихъ. Бѣдный Баторій! подумалъ я: глупой дьяконъ такъ бессмысленно пятнаетъ славную память твою.

Выкормивъ лошадей, мы отправились въ путь. Миновавъ заставу или, вѣрнѣе сказать, послѣдній огородъ, мы очутились въ чистомъ полѣ. По обѣимъ сторонамъ дороги лежитъ множество камней, одинъ подлѣ другаго. На нѣкоторыхъ изъ нихъ укрѣплены небольшіе кресты изъ гранита. Вѣроятно, во время оно тутъ было кладбище. Посрединѣ возвышается бѣлая каменная часовня съ рѣзными дверьми и съ двумя окошками. Преданіе говоритъ, что она выстроена на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ погребенъ Труворъ. Разумѣется, это вздоръ.

Въ Изборскомъ природа видимо перемѣняется. Свѣжая зелень лѣсовъ пріятно поражаетъ взоръ, утомленный однообразною желтизною песковъ Псковскихъ. Кое-гдѣ вьются рѣчки, и черезъ нихъ живописно переброшены мостики. Погода была прекрасная, лошади бѣжали дружно, и мы весело доѣхали до *Нейгаузена*.

Нейгаузенъ теперь ничто иное какъ почтовая станція: только характеръ ея совершенно Нѣмецкій. Это прежде всего можно замѣтить по столбу, на которомъ написано: von Pskow 75, von Riga 244. Потомъ вы подъѣдете къ большому деревянному дому, выкрашенному синесѣрою краскою. Передъ окнами разсажены цвѣты съ Нѣмецкою аккуратностію. По широкой лѣстницѣ, усыпанной бѣлымъ пескомъ, вы войдете въ свѣтлыя сѣни. Здѣсь двѣ двери, въ право или въ лѣво пойдете вы—все равно, потому что весь домъ дѣлится на двѣ совершенно одинаковыя половины. Мы вошли въ правую половину. Кучеръ внесъ за нами корзину съ съѣстными припасами. Обѣдъ кончился живо: дичина и пироги исчезали какъ на огнѣ. Я закурилъ трубку и отправился гулять. Сойдя съ крыльца и миновавъ палисадникъ, я забылъ, что нахожусь на почтовой станціи и перенесся мысленно въ Швейцарію. Въ самомъ дѣлѣ, мѣстоположеніе здѣсь обворожительно. Маленькая рѣчка, раздѣляясь на множество рукавовъ, гремитъ между живописными горами. Орѣшникъ и липы зеленѣютъ по крутымъ берегамъ ея. На одной горѣ, очень крутой и высокой, торчатъ развалины замка. Придерживаясь за кусты, я вмѣстѣ съ Менгденомъ взобрался наверхъ. Съ этой стороны, т. е. съ западной, стѣна и обѣ башни сохранились еще довольно хорошо. Во внутренности стѣны сохранились еще остатки узенькихъ лѣстницъ. Внутренность же башенъ не представляетъ ничего замѣчательнаго: все обрушилось, или уже готово обрушиться. Подъ башнями есть какіе-то погреба, но спуститься въ нихъ нельзя. Мысленно только бродилъ я по этимъ темнымъ ямамъ.

видѣлъ и слышалъ тамъ кое-что, но.... не ручаюсь за истину. Говорятъ, нѣсколько Латышей спустились однажды въ одинъ подвалъ по веревочной лѣстницѣ, нашли тамъ много серебряной посуды и другихъ вещей; но правительство запретило дѣлать подобные поиски, потому что искатели этихъ, такъ называемыхъ, кладовъ роаясь подъ стѣнами, разрушаютъ мало по малу древность. Съ сѣверной стороны торчатъ только половина башни, а стѣны нѣтъ и въ поминѣ. На восточной и южной сторонѣ вмѣсто стѣнъ и башенъ лежитъ только огромная куча камней. Мальчишки для забавы скатываютъ ихъ въ низъ. Съ полчаса бродили мы по развалинамъ. Скажутъ: вотъ прекрасный случай помечтать и написать нѣсколько Байроновскихъ куплетовъ! Правда, но здѣсь не было ни луны, ни звѣздъ, а солнце жгло такъ сильно, что у меня разболѣлась голова.... Вотъ и поэзія!

По южному склону горы мы сошли внизъ. Здѣсь рукава рѣчки, переплетаясь между собою, образовали множество острововъ. Липгардтъ, владѣлецъ Нейгаузена, развелъ здѣсь садъ. Утомленные и дорогою, и жаромъ, мы легли подъ тѣнью липы и заснули подъ шумъ рѣчки. Блѣяніе овецъ и барановъ разбудило меня. Смотрю, цѣлое стадо этихъ невинныхъ созданій лежитъ кругомъ меня. Вотъ прекрасная картина! Для полноты ея недоставало только пастушки. Я взглянулъ на часы: ровно шесть. Мы поспѣшили на станцію. Лошади давно уже были запряжены, и кучеръ ожидалъ насъ.

Еще уѣзжая изъ Петербурга, я уже думалъ о томъ, какъ бы поскорѣе опять возвратиться туда. Живя во Псковѣ, я безпрестанно писалъ къ Плетневу и Никитенкѣ объ этомъ самомъ; но мѣстъ не было. Наконецъ долженъ былъ пробраться въ Вологду. Здѣсь въ первые годы не могъ думать о переходѣ. Прошедшей зимой, послѣ того какъ чуть-чуть не женили меня на Давыдовой и даже на самой Бибиковой, я написалъ къ Плетневу, что желаю служить въ Польшѣ, гдѣ предлагаютъ разныя выгоды охотникамъ. Съ той же почтой написалъ и въ Варшаву къ директору второй гимназіи Филиппову, бывшему университетскому инспектору. Плетневъ отвѣчалъ съ первой же почтой, что въ Варшаву ѣхать не зачѣмъ, что надобно подать прошеніе попечителю о перемѣщеніи въ Петербургъ. Прошеніе было написано и отправлено въ письмѣ къ Плетневу. Этого никто не зналъ здѣсь. Плетневъ самъ подалъ прошеніе мое попечителю и получилъ отвѣтъ, что при первомъ мѣстѣ я буду перемѣщенъ. Тѣмъ дѣло и кончилось. Наконецъ, въ первыхъ числахъ Ноября, я получилъ извѣстіе черезъ Максимовича, что открывается мѣсто въ Первой Гимназіи. Я тотчасъ написалъ къ Плетневу и Никитенкѣ. Плетневъ попросилъ попечителя, а Никитенко Калмыкова (директора Первой Г.), и дѣло рѣшено. Перемѣщеніе это

во всѣхъ отношеніяхъ должно быть выгодно для меня. Во-первыхъ, служить въ Вологдѣ нѣтъ никакой цѣли: служи хоть 20 лѣтъ, кромѣ жалованья ничего не выслужишь; заниматься нѣтъ никакихъ средствъ, посоветоваться не съ кѣмъ. Во-вторыхъ, живя въ Вологдѣ, я мало полезенъ для семейства; платить отцовскіе долги не имѣю средствъ. Въ Петербургѣ же не то.

...Занимался риторикой. Если Богъ велитъ, въ будущемъ году выпущу первую часть. Знаю, что она далеко не удовлетворитъ всѣмъ требованіямъ, но по крайней мѣрѣ все-таки представитъ нѣчто живое. До сихъ поръ въ ходу Кошанскій, Плаксинъ, Георгіевскій.... хоть бы искра ума и чувства была въ этихъ сборникахъ. И самъ Давыдовъ семинаристъ. Вообще эта часть у насъ въ Россіи еще и не начиналась. Смѣшно! Учебники пишутъ чертъ знаетъ для кого. Нагородятъ галиматіи цѣлую книгу, да и даютъ ученикамъ.... Помилуйте, развѣ учить вздору не значитъ развращать учениковъ? Притомъ зачѣмъ такіе огромные учебники? Учиться словесности не значитъ выдолбить реторику. Словесность такой предметъ, гдѣ надобно понять хорошо только главную, основную мысль, т. е. связь языка съ понятіями, и тогда весь учебникъ будетъ ясенъ какъ день; а безъ этой мысли—все вздоръ, хоть бы реторика ваша была въ сто томовъ. Учить словесности надо не по книгѣ: книга для ученика служить только посохомъ, за который ведетъ его учитель. Надобно развивать учениковъ многостороннѣе. До сихъ поръ я употребляю вотъ какія средства: въ IV классѣ читаю хорошія сочиненія и объясняю мысли, со всѣми ихъ изворотами и приложеніями, для того чтобы пролить въ умы учениковъ сначала хоть немного свѣту; разбираю въ подробности сочиненія учениковъ. Разумѣется, въ обоихъ случаяхъ обращаюсь сперва къ самимъ ученикамъ, а чего они не знаютъ, говорю самъ. Въ V классѣ по риторикѣ уже разбираю хорошія и дурныя сочиненія. По моей риторикѣ можно это дѣлать, а по риторикѣ Кошанскаго нельзя. Обращаю вниманіе на красоты выраженія. Въ VI классѣ почти тѣже занятія; даю только поправлять имъ сочиненія учениковъ IV класса. Въ VII классѣ задаю спорныя темы, и ученикъ долженъ защищать ее передъ всѣми. Какое обширное поле для діалектики! Кромѣ того въ IV классѣ ученики пишутъ еще сочиненіе на доскѣ: это для того, чтобы слѣдить за ходомъ ихъ мыслей; на бумагѣ нельзя указывать, можно только поправлять, а здѣсь есть возможность предупреждать каждое уклоненіе отъ прямой дороги. Со временемъ можетъ быть придумаю еще нѣкоторыя средства съ бѣльшею пользою занимать учениковъ. Все это теперь очень занимаетъ меня; потому что до этого я дошелъ самъ, безъ всякихъ указаній, и планъ и изложеніе реторики принадлежатъ лично мнѣ: учителей у меня не было. О хорошей хрестоматіи, которая также не-

обходима, какъ и реторика, надобно еще подумать. Теперь покамѣстъ мнѣ извѣстны 3 сборника: *Собраніе образцовыхъ Русскихъ сочиненій 12 томовъ, Христоматія Пенинскаго и Христоматія Галахова*. Въ первомъ собраны всѣ сочиненія, пользовавшіяся классическою извѣстностію въ первой четверти XIX столѣтія. Разумѣется, тутъ есть многое, чего бы не слѣдовало помѣщать въ христоматію. Притомъ для учениковъ эта книга теперь не годится; во первыхъ потому, что недоступна для нихъ по огромности, а слѣд. и по цѣнѣ; во вторыхъ потому, что въ ней нѣтъ сочиненій новѣйшихъ. Пенинскаго христоматія также пахнетъ стариной и не совсѣмъ разборчива. Галахова отзывается безвкусицей. Если буду жить въ Петербургѣ, надобно объ этомъ предметѣ подумать и поговорить съ молодыми учеными. Теорія поэзіи представляетъ ужасно много затрудненій. Теперь у меня собрано все, что было можно собрать, живя въ Вологдѣ; но въ Петербургѣ надобно заняться этимъ предметомъ основательно. Боже мой, за что ни хватись, ничего у насъ нѣтъ! А между тѣмъ молодое поколѣніе не ждетъ и просить науки.

Февраля 6. Опасенія мои, къ несчастію, были справедливы: два письма отъ Соколова окончательно подтвердили истину, которой боялся я. Въ первой гимназіи мнѣ не бывать.... Соколовъ пишетъ, что у Калмыкова есть въ виду другой. Хотя Бибикова и увѣряетъ, что братья ея, директоръ Второго Корпуса, будетъ хлопотать обо мнѣ и искать мѣста гдѣ-нибудь въ корпусѣ: но все-таки надобно ѣхать въ Петербургъ *на авось*. Плетневу написалъ письмо такого рода, что онъ, я думаю, отвѣтитъ скоро.... Подождемъ. Сегодня послѣдній день масляницы; катанья я даже не видалъ: не то на сердцѣ. Впрочемъ всю недѣлю, каждый вечеръ былъ въ гостяхъ, хотя душевно и скучалъ.

Марта 21. Цѣлый мѣсяцъ... какое мѣсяцъ! слишкомъ 6 недѣль не могъ приняться за дневникъ. А сколько въ это время переиспыталъ, передумалъ, перечувствовалъ! Не бывать мнѣ вѣрно никогда аккуратнымъ! Нарочно для того и завелъ дневникъ, чтобы не пропалъ ни одинъ случай жизни изъ памяти, ни одна мысль изъ головы, ни одно чувство изъ сердца; а между тѣмъ пишу тогда только, когда уже рѣшительно нечего дѣлать, или когда хочется спать, какъ сегодня на примѣръ. Но въ томъ-то и сила, что когда *живешь*, тогда и не думаешь объ дневникѣ; ахватишься за него тогда уже, когда жизнь совершить свое дѣло. Дѣлать нечего: запишу хотъ воспоминанія. Отъ Плетнева получилъ отвѣтъ съ первой же почтой... Что это за благодѣтель! Онъ принимаетъ во мнѣ участіе, какъ въ родномъ сынѣ. Пишетъ, что все къ лучшему; не хвалитъ Калмыкова, имѣетъ для меня въ виду что-то лучшее, совѣтуетъ заняться новыми языками и пр.

Все это, разумѣется, успокоило меня, хотя и не вполне. Самое лучшее то, что Плетневъ попрежнему любитъ меня.... Можетъ быть, мнѣ никогда не оцѣнить достойно любви его. На третьей недѣлѣ поста, въ Субботу вечеромъ, пріѣхалъ Максимовичъ, нашъ окружный инспекторъ. Насъ повѣстили въ Воскресенье утромъ, и мы всѣ собрались въ гимназію къ обѣднѣ. Странное лицо у М. Когда онъ смотритъ серьезно, то кажется очень сердитымъ; когда же заговорить, то физіономія его дѣлается очень доброю и привѣтливою. Я успѣлъ обмѣняться съ нимъ только нѣсколькими фразами. Директоръ сказалъ ему обо мнѣ: „онъ скоро оставляетъ насъ; мы уже и не считаемъ его за своего“.... Лучше ужъ ничего не умѣлъ сказать! Максимовичъ только улыбнулся и сказалъ: да“.... Въ Понедѣльникъ онъ на минуту заходилъ ко мнѣ въ 4-й классъ. Никого не спрашивалъ, только посмотрѣлъ. Во Вторникъ пришелъ въ 5-й классъ и сѣлъ на скамейку къ ученикамъ. Я проходилъ впередъ. Максимовичъ остался доволенъ. Въ Среду пришелъ къ нему на квартиру; но сказали, чтобы придти въ 6 часовъ вечеромъ. Вечеромъ пришелъ, а его нѣтъ дома. Я разсердился и далъ себѣ слово не ходить больше: я думалъ, что онъ не хочетъ принять меня. Какая ошибка! Наконецъ совершенно случайно прихожу въ Пятницу вечеромъ. М. опять не было дома; но за то братъ его остановилъ меня и сказалъ, что братъ спрашивалъ уже обо мнѣ нѣсколько разъ. Черезъ $\frac{1}{4}$ часа пріѣхалъ и М.

Я началъ благодарить его за участіе, которое онъ принималъ во мнѣ, еще не зная меня лично. М. сказалъ, что онъ очень радъ былъ хлопотать обо мнѣ; но что, къ несчастію, неудачно.... Я отвѣтилъ, что знаю все,—и прочиталъ ему письмо Плетнева. Разговоръ былъ продолжителенъ. М. обласкалъ меня, какъ отецъ. Сказалъ, чтобы я пріѣзжалъ въ П-гъ въ Іюлѣ, что онъ достанетъ мнѣ и уроковъ, и мѣсто, чтобы я не заботился ни объ чемъ, что обо мнѣ заботятся больше чѣмъ я самъ о себѣ забочусь, что я человѣкъ любознательный, и потому долженъ имѣть ходъ и буду его имѣть и пр. Чего же мнѣ больше ожидать? Я слушалъ М. почти со слезами. Между тѣмъ разговоръ коснулся и службы моей. М. сказалъ, что онъ всегда слышалъ обо мнѣ съ отличной стороны, только съ начальствомъ у меня всегда *какъ-то такъ*.... При этихъ словахъ онъ сдѣлалъ пальцемъ въ воздухѣ виньетку и улыбнулся. Объ Калмыковѣ сказалъ: „вы разумѣется писали къ нему такъ, какъ ко мнѣ пишете и къ Петру Александровичу. и вообще къ людямъ, понимающимъ эти вещи; слѣд. еслибы вы написали къ Калмыкову хоть такъ напримѣръ—*наисултаннѣйшій паша*, то и это было бы кстати“, и засмѣялся. Вообще видно, что онъ понимаетъ меня, что Плетневъ много ему говорилъ обо мнѣ, и что самъ

онъ, какъ благородный и добрый человѣкъ, любить дѣлать добро другимъ.... Я былъ въ такомъ восторгѣ отъ этого разговора, что не могъ спать всю ночь. А милостивое мое начальство—одинъ семинаристъ, а другой подлець—вѣроятно уже шепнули ему обо мнѣ.... Да не на того попали! Онъ самъ хорошо понимаетъ ихъ.... Сочиненія учениковъ М. бралъ на квартиру и остался очень доволенъ.... Въ пансіонѣ онъ при всѣхъ сказалъ: „я здѣсь нашелъ такія сочиненія, которыхъ не находилъ ни въ одной гимназіи“. Директоръ при этомъ только захопалъ ушами, а Фортунатовъ тотчасъ сказалъ: „да, они имѣютъ такого наставника; и мы съ Ал. В-мъ каждое Воскресенье читаемъ имъ проповѣди“.... *Мы!* а когда въ уѣздномъ училищѣ М. былъ недоволенъ и бранился, тогда директоръ не сказалъ *мы!* Подлецы!

26 Апрѣля. Говорятъ, Державинъ не зналъ порядочно ни одного языка; странно смотрѣть на его переводы. Псалмы Давида, которые онъ могъ бы хорошо понимать по нашему Славянскому переводу, переданы ужасно дико; напр. что это за переводъ:

Помилуй мя, о Боже, по велицей
Мнѣ милости Твоей;
По множеству щедротъ, Твоей десницей
Сгладь грѣхъ съ души моей;
А паче тайныхъ беззаконій
Очисти; ихъ знаю я.

Между тѣмъ многія пьесы Анакреона и Горація, которыя онъ читалъ въ плохомъ подстрочномъ переводѣ, переданы превосходно. Вотъ что значитъ чувствовать симпатію къ чему нибудь! Здѣсь онъ по однѣмъ, можно сказать, буквамъ угадывалъ духъ поэзіи, а тамъ—все было ясно, а онъ ничего не видѣлъ. Пьеса Державина *Дѣва за арфою* есть переводъ пьесы Шиллера: *Laura am Clavier*, и переводъ прелестный, только въ концѣ онъ прибавилъ къ ней два куплета своихъ; они начинаются стихомъ: *Запись отъ очей упала*. Этотъ хвостъ совершенно замаскировалъ пьесу, такъ что нельзя даже и подумать, чтобы она была не Державинская.

Вчера получилъ письмо отъ Соколова; онъ пишетъ, что въ Университетѣ явился новый поэтъ, и очень замѣчательный—Песьяцкій, что Никитенко въ восторгѣ отъ него. Это пріятно. Песьяцкій учился у меня въ Псковѣ, въ 5 и 6-мъ классахъ. Въ 7-мъ классѣ онъ былъ уже безъ меня, послѣ онъ поступилъ въ учителя какого-то уѣзднаго училища, а черезъ два года перешелъ въ У-тъ. Но странно то, что онъ тогда не писалъ стиховъ, по крайней мѣрѣ не показывалъ мнѣ. Да и прозой-то писалъ не совсѣмъ хорошо. Статья, которую онъ читалъ на актѣ въ гимназіи, была написана мною.

...Вотъ уже слишкомъ мѣсяцъ живу я въ Петербургѣ. Кажется, цѣлая жизнь, полная и горя, и радостей, пролетѣла съ тѣхъ поръ, какъ я писалъ въ послѣдній разъ въ этомъ дневникѣ. Изъ Вологды выѣхалъ я 9 Іюля. Бибикова съ чувствомъ простилась со мной и провожала версты 4, разумѣется, вмѣстѣ съ Соколовымъ. Я поѣхалъ съ Засѣцкимъ и Макшеевымъ въ бричку. 14 Іюля утромъ, часовъ въ 9, выѣхали въ Петербургъ. Не нужно говорить, что чувствовалъ я, въѣзжая въ столицу, гдѣ нѣкогда протекали лучшіе годы моей жизни, годы студентства.... Остановился въ домѣ Крузе, у бывшаго ученика моего Энгельмейера. Это было въ Субботу. Вечеромъ пошли гулять. Зашелъ на минуту къ Монакову, потомъ къ Эвальду. Дѣти узнали меня тотчасъ. Всѣ эти крошки теперь выросли. Сама m-me Эвальдъ бросилась мнѣ на шею.... Ѳедора Ѳ. не было дома, а старика Ѳед. Христ-ча уже четвертый годъ нѣтъ на свѣтѣ. Условились на другой день ѣхать на дачу къ Шакѣеву, но никого не нашли дома. Гуляли въ Строгановскомъ саду; слушалъ кавалергардскую музыку.... Въ Понедѣльникъ въ дилижансѣ отправился въ Кушелевку. Пришелъ къ Плетневу. Онъ встрѣтилъ меня попрежнему. Поговорили объ дѣлахъ и пошли къ Никитенкѣ; но нашли дома одну только жену его. Пошли въ садъ; гуляли долго. Плетневъ проводилъ меня до дилижанса. Черезъ недѣлю я опять былъ въ Кушелевкѣ. Никитенко обласкалъ чрезвычайно. Я пробылъ у него цѣлый день. Жена его попрежнему хороша, добра и мила. Тутъ же былъ и Любоцинскій, братъ ея, мой старый товарищъ. Съ тѣхъ поръ я постоянно ѣзжу въ Кушелевку, дня на два въ недѣлю. Ночую у Шакѣева, потомъ отправляюсь въ Лѣсной Институтъ къ Григорьеву, а наконецъ къ Никитенкѣ; оттуда уже въ городъ на дилижансѣ. Ахъ, какъ тамъ весело, какъ полно жизни! То ли въ Вологдѣ? Однажды я былъ съ Никитенкой въ 4 верстахъ отъ Кушелевки на Поклонной горѣ. Тамъ гуляли въ саду и встрѣтили Остроградскаго. Онъ былъ въ бѣломъ сюртукѣ до пятъ, вокругъ шеи обернута голубая шелковая шаль; на головѣ бѣлая фуражка. Колоссальный ростъ и необыкновенное выраженіе лица дѣлають его какимъ-то неземнымъ существомъ. Окруженный дѣтьми, онъ игралъ съ ними въ кегли. Съ нимъ же былъ и академикъ Буняковскій. Эта встрѣча памятна мнѣ. Въ Кушелевкѣ же у Никитенки видѣлъ Павскаго, Филиппова, нашего стараго университетскаго инспектора и Струговщикова, переводчика Гете. Переводы его удачны.

Никитенко досталъ мнѣ мѣсто въ Корпусѣ Инженеровъ Путей Сообщенія, въ среднихъ классахъ. Мѣсто прекрасное. У Бурачка бываю также часто. Онъ человѣкъ хорошій, впрочемъ живетъ не богато. Изъ старыхъ товарищей видѣлъ Любоцинскаго, Садовскаго, Черныяева,

Виноградова, Марциновскаго, Полизо, Быкова, Черткова.... Всѣ они служить: иные хорошо, а иные худо.

16 Сент. На прошедшей недѣлѣ въ Пятницу былъ у Никитенки и видѣлъ Краевскаго. Никитенко отрекомендовалъ меня ему. Я обѣщаль доставить нѣсколько статей для *Отеч-хъ Записокъ*. Разговоръ былъ пустой: бранили монаховъ и вообще то состояніе, до котораго доведено у насъ духовенство. При этомъ рассказано было множество смѣшныхъ анекдотовъ. Говорили о Мерзляковѣ. Краевскій хочетъ издать его жизнеописаніе. Это хорошо. Говорили о Щепкинѣ, который пріѣхалъ сюда изъ Москвы. Онъ, говорятъ, человѣкъ очень свѣдущій: просто живая книга. Между прочимъ Краевскій упомянулъ, что Старосвѣтскіе помѣщики Гоголя написаны съ рассказа Щепкина. Въ Понедѣльникъ на нынѣшней недѣлѣ былъ въ Кунсткамерѣ и въ Кабинетѣ Петра Великаго. Предметовъ множество, но особенно замѣчательнаго мало. Только статуя Петра и лошадь его интересны. Впрочемъ первая сдѣлана невѣрно: лицо и руки дѣтскія. Портреты царей, начиная съ Алексѣя Михайловича, хороши. Портретъ Екатерины Великой превосходенъ. Что это за чудесные глаза! Немудрено, что она умѣла побѣждать сердца. Скелетъ мамонта интересенъ. А главное меня занимало въ Кунсткамерѣ личико какой-то Нѣмочки, которая ходила съ своей матерью. Очень миленькая! Она замѣтила, что я пристально слѣжу за ней глазами и часто оглядывалась. О женское лукавство! Впрочемъ мнѣ скоро наскучило, и я ушелъ.

Въ Четвергъ былъ у Порошина. Признаюсь, никогда не чувствовалъ я, какъ много отсталъ въ своемъ образованіи въ послѣдніе шесть лѣтъ, но въ разговорѣ съ Порошинымъ увидѣлъ всю бездну, отдѣляющую меня отъ него, и ушелъ съ полнымъ убѣжденіемъ приняться за ученье. Но по пути зашелъ къ К., и кончилъ вечеръ скверно. Вотъ мой характеръ! Въ этихъ контрастахъ истинной теплоты чувства и мысли, въ самыхъ глупыхъ проступкахъ заключается моя жизнь; а всему причиной первоначальное воспитаніе и бѣшенная кровь. Въ одну минуту могу оставить за собою многихъ и даже очень многихъ, и тотчасъ же пасть ниже животнаго. Впрочемъ Порошинъ подѣйствовалъ на меня благотворно. Я рѣшительно принялся теперь за Нѣм-ій языкъ: надобно больше читать и читать и читать. Въ бесѣдѣ съ Плетневымъ, Никитенкой и Бурачкомъ я чувствую, что самъ не глупъ, потому что главное достоинство ихъ (кромѣ Бурачка) заключается въ вѣрности взгляда и чистотѣ вкуса. Они не имѣютъ такой многосторонности фактическихъ свѣдѣній, какъ Порошинъ. Съ этимъ человѣкомъ познаешь вполне все свое невѣжество.

Вчера былъ у Никитенки, видѣлся тамъ съ Гребенкой и Струговщиковымъ. Гребенка человѣкъ неинтересный, но Струговщиковъ очень образованный. Разговоръ былъ многосложенъ. Много говорили о Гёте. Струговщиковъ преимущественно занимается этимъ писателемъ и переводить его очень удачно. Мысль его, что хотя Гёте сдѣлался уже вполне нашимъ достояніемъ въ переводахъ, передѣлкахъ, поправахъ и т. п.; но что надобно изучить его непременно въ самомъ источникѣ: увидѣть всю глубину его мыслей, понять, по какому поводу возникали эти мысли, какое отношеніе имѣли онѣ къ современной жизни и пр.. эта мысль совершенно справедлива. Дай Богъ, чтобы Струговщикову удалось вполне исполнить этотъ планъ. Говорили опять о Щепкинѣ. Очень хвалили его игру въ Ревизорѣ и сравнивали съ Сосницкимъ. Разумѣется, самъ я не могу судить объ этомъ, потому что не видалъ Щепкина, по недостатку въ финансахъ. Чтѣ дѣлать? Надобно покамѣстъ потерпѣть: авось скоро обстоятельства измѣнятся. Говорили о книжной торговлѣ въ Россіи. Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ у насъ второго Новикова; все это торгаши. Надобно бы составить компанію изъ людей образованныхъ, которые бы имѣли и силы и средства покровительствовать талантамъ. Тогда бы меньше было у насъ вздорныхъ книгъ.

16 Окт. Много случилось со мною въ одинъ мѣсяцъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ Петербургѣ мѣсяцъ тоже, что въ Вологдѣ годъ. Надобно бы записывать каждый день, да гдѣ взять времени? Жизнь кипучая.... когда жъ тутъ думать и записывать! Начнемъ съ того, что я уже живу на 4-й квартирѣ по пріѣздѣ въ Петербургъ. Ну да это проза. Лекціи въ Институтѣ идутъ. Въ кадетскихъ классахъ я началъ неблестательно. Кадеты на меня смотрѣли какъ-то дико, однимъ словомъ, не поняли меня. Я испыталъ маленькое разочарованіе. Прежде, бывало, я производилъ на учениковъ магическое дѣйствіе. Я былъ всегда идоломъ ихъ, а теперь... Въ чемъ же причина? Въ шарлатанахъ и преподавателяхъ словесности: они пріучаютъ учениковъ только къ бездушнымъ возгласамъ и внушаютъ мысль, что занятіе словесностью легкое и пріятное. Отъ этого и происходитъ, что всякой хочетъ учиться словесности слегка. Бутырскій, мой предшественникъ, избаловалъ кадетъ: занималъ ихъ анекдотами да побасенками.... Однакожь надѣюсь, со временемъ они полюбятъ меня: надобно добиться того же, что я имѣлъ и въ Вологдѣ, т. е. безграничной любви, уваженія, преданности, увѣренности въ истинѣ каждаго слова, сказаннаго мною.... Въ офицерскомъ классѣ дѣло идетъ лучше: тамъ я профессоръ, слѣд. свободенъ и скорѣе могу внушить къ себѣ уваженіе. Неловко только устроенъ классъ. Офицеры не имѣютъ передъ собою столовъ, сидятъ

на стульяхъ, разставленныхъ амфитеатромъ; а профессоръ долженъ стоять передъ ними на маленькомъ амвонѣ, тоже не имѣя передъ собою ничего. Но дѣло идетъ хорошо. Слушаютъ внимательно, да и я не лѣнюсь; потому что предметъ чтеній—теорія поэзіи, любимѣйшій мой предметъ. Отношенія къ начальству хороши.

Получилъ черезъ Никитенко уроки у Познанскаго—готовить сына въ Университетъ. Ученикъ мой малой славный, способности отличныя. Только тутъ вышла сплетня. До меня училъ Савельевъ, другъ и сорудникъ Бурачка. Я отозвался на урокъ невыгодно о Маякѣ. Ученикъ мой пересказалъ Савельеву, а тотъ Бурачку. Прихожу вчера къ Бурачку и тотчасъ замѣтилъ, что уже ему пересказано. По случаю этого написалъ къ нему сегодня по городской почтѣ. Не знаю что будетъ. Хорошо, если бы разойтись съ нимъ. Съ такимъ фанатикомъ, который видитъ въ Св. Писаніи только буквы, дѣла не сдѣлаешь. Спорилъ вчера съ нимъ часа два о сатирѣ и комедіи. Разумѣется, ничѣмъ не рѣшили. Онъ утверждалъ, что этотъ родъ поэзіи противенъ духу христіанства; а я говорилъ, что основаніе его чисто-христіанское: желаніе исправить людей. Онъ занесъ ужасную нелѣпость, что надобно у насъ возстановить только тѣ роды поэзіи, которые были у Евреевъ и пр. Что станешь дѣлать съ такимъ человѣкомъ? Онъ готовъ въ глаза вцѣпиться каждому.

2 Декабря. Былъ вчера у Никитенки и провелъ время очень пріятно. Сначала пришелъ туда Краевскій. Разговоръ нечувствительно склонился къ Крылову. Много было говорено о его умѣ, чисто-Русскомъ, точномъ, тонкомъ, смѣтливомъ, о его ужасномъ цинизмѣ въ жизни и пр. Между прочимъ вотъ два анекдота, рассказанные Краевскимъ. Однажды (К. не помнитъ, въ которомъ году) Крыловъ сидѣлъ у князя Одоевскаго. Приходятъ Якоби, который тогда бредилъ гальванопластикой, и химикъ Гессъ. Одоевскій тотчасъ познакомилъ ихъ съ Крыловымъ. Начались разныя нѣжности и комплименты. Крыловъ между прочимъ сказалъ: „Да, и я очень люблю естественныя науки, но не имѣю возможности заниматься ими какъ слѣдуетъ, а потому много вопросовъ для меня нерѣшимы, хотя очень занимаютъ меня“. Якоби и Гессе, разумѣется, захотѣли узнать, что это за вопросы. „А вотъ напримѣръ, сказалъ Крыловъ: я не понимаю преломленія лучей свѣта. Положимъ, я отсюда, справа, смотрю на лѣвый конецъ картины и вижу его; а вы слѣва—на правый и также видите. Какимъ же образомъ, если мы видимъ предметы потому, что лучи свѣта падаютъ на нихъ и отражаются въ глазу, здѣсь эти лучи пересѣкаютъ другъ друга и не перемѣшиваются?“ Другой анекдотъ. Въ 1836 году, въ послѣдній годъ жизни Пушкина, у Жуковскаго были

Субботы. Однажды входитъ Пушкинъ, взбѣшенный ужасно. Что за причина? Спрашиваютъ всѣ. А вотъ причина: цензоръ Крыловъ не хочетъ пропустить въ стихотвореніи Пушкина „Пиръ Петра Великаго“, стиховъ: *чудотворца-исполина чернобровая жена*.... Пошли толки о цензорахъ. Жуковскій, со свойственнымъ ему дѣтскимъ поэтическимъ простодушіемъ, сказалъ: „Странно, какъ это затрудняются цензоры! Уставъ имъ данъ: ну, что подходитъ подъ какое нибудь правило—не пропускай; тутъ въ томъ только и весь трудъ: прикладывать правила и смотрѣть“.—„Какой ты чудакъ! сказалъ ему Крыловъ; ну, слушай. Положимъ, поставили меня сторожемъ къ этой залѣ и не велѣли пропускать въ двери плѣшивыхъ. Идешь ты (Жуковскій плѣшивъ и зачесывалъ волосы съ висковъ), я пропустилъ тебя. Меня отколотили палками:—зачѣмъ пропустилъ плѣшиваго. Я отв.: „да вѣдь Жуковскій не плѣшивъ: у него здѣсь (показывая на виски) есть волосы“. Мнѣ отвѣчаютъ: „здѣсь есть, да здѣсь-то (показывая на маковку) нѣтъ“. „Ну хорошо, думаю себѣ, теперь-то ужъ я буду знать. Опять идешь ты: я не пропустилъ. Меня опять отколотили палками. „За что!“— „А какъ ты смѣлъ не пропустить Жуковского?“—„Да вѣдь онъ плѣшивъ: у него здѣсь (показывая на темя) нѣтъ волосъ“.—„Здѣсь-то нѣтъ, да здѣсь-то (показывая на виски) есть“. Чертъ возьми, думаю себѣ: не велѣли пропускать плѣшивыхъ, а не сказали, на которомъ волосѣ остановиться“. Жуковскій такъ былъ пораженъ этой простой истиной, что не зналъ, что отвѣчать, и замолчалъ.

А вотъ ужъ кстати еще анекдотъ Крылова. Я слышалъ его отъ Познанскаго. Незадолго до смерти, Крыловъ былъ гдѣ-то на обѣдѣ. Разговоръ зашелъ объ стерлядяхъ, которыя въ это время подавались за столомъ. Одинъ какой-то господинъ, сидя напротивъ Крылова, рассказывалъ, что въ ихъ сторонахъ стерляди необыкновенно велики. „А какъ на примѣръ?“ спросилъ Крыловъ.—„А вотъ, отвѣчалъ господинъ, какъ отъ меня до васъ“. Крыловъ немного отодвинулся со стуломъ въ сторону и сказалъ: „не мѣшаю ли я вамъ?“.... Просто зарѣзалъ! Да и Крылова уже нѣтъ на свѣтѣ! Грустно видѣть, какъ старое поколѣніе писателей постепенно все уже сошло со сцены, а новое что-то плохо дѣйствуетъ. Давно ли у насъ звучали еще имена: Пушкина, Баратынскаго, Крылова, Дмитріева, Карамзина, Гнѣдича, Дельвига, Батюшкова и пр. А теперь остался уже только одинъ Жуковскій, да и тотъ живетъ въ Дюссельдорфѣ съ молодой женой. Говорятъ впрочемъ, онъ уже перевелъ 10 пѣсней Одиссеи. Дай Богъ, чтобы онъ кончилъ этотъ трудъ. Теперь у насъ одинъ Гоголь.... Вотъ писатель! Вчера Краевскій говорилъ, что Гоголь написалъ путевыя записки Русскаго генерала въ Италіи. За одну тему уже стоитъ расцѣловать

Гоголя. Этотъ предметъ до того исполненъ комизма, что, право, кажется, не можетъ быть ничего лучше. Что можетъ быть глупѣ Русскаго генерала? Но здѣсь этотъ народъ, можно сказать, въ своемъ стойлѣ; а что жъ онъ въ Италіи, среди памятниковъ искусствъ? Умереть со смѣху!—Былъ вчера у Никитенки Майковъ. Я познакомился съ нимъ. Прелестный человѣкъ! Онъ прочелъ прекрасное стихотвореніе *Духъ вѣка*. Послѣ много толковали объ Италіи, женщинахъ, Венеціанкахъ и Испанкахъ.... Боже мой! Неужели мнѣ никогда не удастся осуществить мечту свою о поѣздкѣ за границу? Нѣтъ, откажусь отъ всѣхъ видимыхъ благъ, какія только сулитъ здѣсь жизнь, и во что бы то ни стало, поѣду за границу.

Вчера былъ Майскій парадъ, другими словами, Царь тѣшился, выжимая потъ изъ солдатъ. Ничтожное столкновеніе какого-то франта съ полицейскимъ чиновникомъ навело меня на ужасное чувство.... Чѣмъ больше живешь, тѣмъ больше понимаешь, какой ужасный деспотизмъ въ Россіи.... Это чувство невыразимо мучительно, и нѣтъ никакой надежды на болѣе свѣтлую будущность.... Будочникъ можетъ среди улицы ударить васъ по шеѣ, и попробуйте-ка пожаловаться? Васъ задавятъ.... Ужасное положеніе! Чувства народныя дотога опошлены въ этомъ дьявольскомъ деспотизмѣ, что подлость даетъ человѣку вѣсь и облагораживаетъ его въ глазахъ другихъ. Слова: *онъ подлѣ*, и *онъ хорошій человѣкъ*—у насъ синонимическія. Попробуйте жить честно: счастье еще, если васъ не задушатъ, а ужъ о выигрышахъ не думайте. Кто вчера красовался вокругъ Царя въ лентахъ и звѣздахъ? Первые подлецы въ Россіи, варвары, тираны, дураки, и народъ такъ привыкъ къ этому, что смотреть на нихъ съ какимъ-то благоговѣніемъ.... А Царь? Онъ совершенно счастливъ, что солдаты хорошо маршируютъ.... Онъ считаетъ себя въ эти минуты не ниже Наполеона... Тиранъ! А что между тѣмъ дѣлается въ его царствѣ.... ужасъ! нѣтъ словъ высказать всѣ мерзости.... Едва ли Римъ бывалъ въ такомъ положеніи.... И есть же подлецы, которые печатнымъ образомъ кричать о славѣ Россіи, о величіи царя... Мы велики подлостями: въ этомъ дѣйствительно не сравнится съ нами ни одинъ народъ.... а больше что? Всѣ части у насъ въ упадкѣ страшномъ.... вездѣ торжествуетъ одна только подлость.... Ужасъ, ужасъ!... Если бы имѣлъ средства, бѣжалъ бы на край свѣта.... только чтобы не видѣть этого и отдохнуть сердцемъ.... въ груди такъ тяжело....

19 Ноября. Съ Октября я получилъ четыре частныя мѣста. Одно у графа Ферзена, готовить въ Университетъ двухъ сыновей и учить дочь. Сыновья хорошіе люди, а дочь Софья Павловна—прелесть. Умна и мила. Она доставляетъ мнѣ много удовольствія. Другое—у княгини

Салтыковой готовить въ Университетъ сына. Прелесть что за юноша. Умень и благородень! Третье—у князя Одоевскаго (Влад. Ѳедор-ча) готовить въ Университетъ племянника. Четвертое—у графа Клейнмихеля—учить двухъ дочерей.

Все это проза. Теперь о занятіяхъ другаго рода. Я перевожу Донъ-Карлоса. Кажется, удастся кончить это дѣло хорошо. Драма моя пошла въ ходъ, и общаются успѣхъ. Можетъ ли въ деспотическомъ государствѣ быть что-нибудь порядочное на сценѣ? Ахъ, если бы всѣ мои надежды исполнились!

1846. 18 Февр. Проза, проза и проза; куда ни оглянись—все проза. Возьмешься за перо—проза; потому что въ тѣ минуты, когда чувствуешь въ себѣ что-то похожее на поэзію, перо не попадаетъ подъ руку. Хотѣлось бы писать жизнь духа, то, что волнуетъ меня, а между тѣмъ пишешь не то, какія-то холодныя воспоминанія. Надобно имѣть Нѣмецкую аккуратность, а это ужъ рѣшительно не въ природѣ моей. Въ границахъ я никакъ не могу быть: что ни задашь себѣ, ничего не исполнишь. Плановъ много, и если судить обо мнѣ по планамъ, такъ пожалуй иной сочтетъ за генія; да вотъ бѣда: нѣтъ воли! Съ самой выпрenneй мысли я тотчасъ падаю въ грязь. Счастье только мое, что недолго остаюсь въ этой грязи: тотъ часъ же опять и встану *здравъ и невредимъ*. Поживемъ, покамѣстъ живется. Умрешь—и слѣда не оставишь.... Грустно! Теперь только находятъ иногда на меня минуты, когда я начинаю чувствовать какое-то одиночество. Иной сочтетъ это за поползновеніе жениться. Да вѣдь нельзя, по моимъ понятіямъ о жизни и о женщинѣ.... Впрочемъ много тужить не о чемъ. Зачѣмъ же я и учился, если не устою противъ внутренней борьбы? Есть много еще въ жизни, чѣмъ можно одушевить себя. Впервыхъ, наука со всѣми своими живоносными истинами; во вторыхъ, литература; въ третьихъ, благотворительность.... сколько чистѣйшихъ наслажденій, которыя гораздо прочнѣе счастья супружеской жизни. Объ одномъ только надобно заботиться—беречь здоровье. Вотъ если оно измѣнитъ, тогда—бѣда, просто бѣда! Но будущее невѣдомо для насъ, такъ нечего много и заботиться объ немъ. Положимся во всемъ на Бога и поживемъ, покамѣстъ живется.

Что наша литература? На прежнихъ основаніяхъ, т. е. выходитъ иногда кое-что порядочное, сколько возможно это въ деспотическомъ царствѣ. Трудно представить даже, какія ужасныя оковы наложены на всякое свободное развитіе мысли. Теперь только можно чувствовать нѣкоторыя историческія эпохи, какъ напр. отпаденіе Нидерландовъ, Сѣверо-Американскихъ штатовъ и пр. То что было даже въ царствованіе Александра (а давно ли, кажется) теперь представляется уже

какимъ-то мѣомъ. Варварскій деспотизмъ! Когда жъ это кончится? Спитъ Русскій народъ глубокимъ сномъ, и вѣроятно нескоро еще проснется. Сколько можно предвидѣть это теперь, такъ сонъ нашъ прекратится двумя путями. Высшій и средній классы образуются и въ наукъ почерпнуть силы и средства для дѣйствій человѣческихъ, а низшій само правительство разбудить наконецъ кнутами; потому что лопнетъ же когда нибудь историческое, можно сказать, баснословное его терпѣніе. По временамъ, а въ послѣднее время даже и нерѣдко, вспыхиваютъ уже маленькія возмущенія. Правда, это раздаются голоса только немногихъ маленькихъ волостей; но все же таки это вопли человечества, признакъ, что чувство чего-то лучшаго есть уже въ народѣ. Прижимки—варварскія прижимки Евреямъ; религіозное гоненіе въ Лифляндіи и Курляндіи (въ XIX вѣкѣ!!!), плахи и кнуты въ Польшѣ, Кавказъ—все это ускорить ходъ вещей..... Но всетаки врядъ ли дождаться намъ чего нибудь лучшаго. Развѣ само небо сжалится надъ нами и сочинитъ какое нибудь чудо*). Какимъ клеймомъ заклеимъ будущій историкъ нашу несчастную эпоху? И по дѣломъ! Изъ 60 миллионовъ жителей едва ли найдется полмиліона, которые чувствуютъ весь ужасъ своего положенія. Стыдно сказать!

19 Февр. Чтѣ наши журналы? Тоже, чтѣ и другія отрасли литературы. Хорошій человѣкъ не возьмется за изданіе журнала, потому что эта часть опошлена спекуляторами; а тѣ журналисты, которые теперь на лицо, не заслуживаютъ ничего кромѣ презрѣнія. На первомъ планѣ стоятъ—*Отеч. Записки* и *Библ. для Чтенія*. И тотъ и другой журналъ имѣютъ до 4500 подписчиковъ: число въ наше время огромное; но чтожъ изъ этого слѣдуетъ? Можно ли заключать у насъ по числу расхожихъ экземпляровъ о духѣ журнала? Ничуть не бывало! Общество наше погружено еще въ такое глубокое невѣжество, что никто и не думаетъ всмотрѣться въ направленіе журнала..... Только въ Петербургѣ слѣдятъ за этимъ. А добрымъ нашимъ провинціаламъ давай только повѣстей, все равно какія бы ни были онѣ, давай повѣстей и только. Провинціалъ смотритъ на литературу, какъ на препровожденіе времени, если нѣтъ лучшихъ развлеченій, картъ, сплетней и т. п. Вотъ *Б. для Ч.* и *О. З.* и потчуютъ ихъ цѣлыми романами, переводя ихъ отовсюду. А издатели журналовъ собираютъ денежки, держатъ на жалованьи цѣлыя ватаги рецензентовъ, переводчиковъ, корректоровъ, а сами лежатъ на боку и смотрятъ на свои журналы какъ на хорошія усадьбы. Конечно, они народъ смѣтливый: знаютъ, что въ

*) И все таки, въ эту злосчастную эпоху, которую мы тогда испытывали, за нашъ рубль давали въ чужихъ краяхъ четыре франка!

мутной водѣ легко ловить рыбу.... *Сынъ Отечества* мало извѣстенъ. *Репертуаръ* слишкомъ для нашего общества спеціаленъ. Въ немъ имѣютъ нужду только любители театра, а такъ какъ этихъ людей мало, да и *Репертуаръ* хочетъ быть только ничтожнымъ эхомъ мнѣній толпы, потому и не можетъ никогда имѣть ходу. *Современникъ* и *Маякъ* издаются, можно сказать, incognito. Первый потому, что слишкомъ тонокъ: мало въ немъ повѣстей, стало быть и подписчиковъ мало; а въ Петербургѣ тоже онъ не можетъ имѣть ходу, потому что мнѣнія почтеннаго издателя пахнутъ еще вѣкомъ Аркадскихъ пастуховъ. Второй Богъ знаетъ что такое. Это голосъ фанатика, который ругаетъ все что только не взято изъ Библіи. На дняхъ, къ чести нашего вѣка, онъ замолкъ: его запретили за статью, въ которой издатель проповѣдывалъ крестовый походъ противъ иностранцевъ въ Россіи. *Москвитининъ* пошелъ было сначала порядочно, но потомъ сбился съ толку: началъ доказывать, что Россія хороша была только до Петра, но потомъ, когда подвинулась къ Европѣ, все пошло вверхъ дномъ. Чертъ знаетъ, что за нелѣпость!.... А между тѣмъ новое поколѣніе воспитывается подъ вліяніемъ этихъ мнѣній; многіе учителя почерпаютъ въ журналахъ пищу для своихъ крошечныхъ умовъ и толкуютъ это своимъ ученикамъ. Каковы надежды Россіи!!! Одни, увлекаясь духомъ Библіотеки для Чтенія, пріучаются, прежде нежели образуются наукою, кощунствовать надъ всѣмъ, не разбирая, святыня ли это или глупость. Другіе, въ духъ Отеч. Записокъ, въ духъ глупо понятой Германской философіи, начинаютъ пускаться въ объясненіе такихъ явленій, которыя они никогда не испытывали и не видали. Дитя еще и по уму и по сердцу, онъ не хочетъ и знать что значить образованъ умъ и сердце, а трактуетъ очень высокопарно о сотвореніи міра, о Богѣ и пр. и пр. Вотъ наше настоящее, да и въ будущемъ-то тѣмъ кромѣшная!

23 Февр. Вотъ что рассказывалъ гр. Сологубъ Никитенкѣ о смерти Пушкина. Въ послѣдній годъ своей жизни, Пушкинъ рѣшительно искалъ смерти. Тутъ была какая-то психологическая задача. Причины никто не могъ знать, потому что Пушкинъ былъ окруженъ шпионами: каждое слово его, сказанное въ кабинетѣ самому искреннему другу, было извѣстно правительству. Стало быть, что тайлось въ душѣ его, извѣстно только Богу. Онъ искалъ смерти. Въ 1836 г. онъ вызывалъ на дуэль Сологуба, по самой пустой причинѣ, за какую-то сплетню. Сологубъ не отказался. Это понравилось Пушкину. Онъ сблизился съ Сологубомъ, и они сдѣлались друзьями. Вскорѣ онъ вызвалъ на дуэль Дантеса и просилъ Сологуба быть секундантомъ. Сологубъ согласился. Секунданты объяснились съ Дантесомъ. Тотъ сказалъ, что готовъ исполнить всѣ требованія Пушкина. Пушкинъ потребовалъ, чтобы Дантесъ

женился на его своячинѣ. Дантесъ женился. Не прошло и двухъ мѣсяцевъ, какъ Пушкинъ опять потребовалъ его на дуэль. Дантесъ опять объявилъ, что въ жизни этого великаго человѣка онъ обязанъ будетъ дать отчетъ передъ цѣлымъ народомъ, и потому готовъ сдѣлать ему всевозможныя уступки. Пушкинъ сказалъ, что онъ хочетъ непременно стрѣляться съ нимъ; потому что оба они не могутъ жить вмѣстѣ. Сологубъ уѣзжалъ тогда въ Москву, и секундантомъ Пушкина былъ Данзасъ. Разумѣется, обвиненія пали на жену Пушкина, что она будто бы была въ связяхъ съ Дантесомъ. Но Сологубъ увѣряетъ, что это сущій вздоръ. Жена Пушкина была въ формѣ красавица, и поклонниковъ у ней были цѣлые легіоны. Немудрено стало быть, что и Дантесъ поклонялся ей какъ красавицѣ; но связей между ними никакихъ не было.

26 Майя. Перевелъ для Современника двѣ статьи: одна—біографія Берлинскаго проф. Пухты; она напечатана уже въ Майской книжкѣ: другая *Любовь Гёте къ Гретхенъ* (отрывокъ изъ *Wahrheit und Dichtung*); она напечатается въ будущемъ мѣсяцѣ (въ Іюлѣ).

15 Іюня. Вчера былъ въ Петергофѣ, на урокѣ у Клейнмихель. Отправился туда въ 10 часовъ утромъ на пароходѣ *Москва*. Пассажировъ было довольно много, между прочимъ ѣхала какая-то магазинщица, очень хорошенькая. Было ясно, но вѣтрено. Изъ Петергофа тотъ-часъ же на извозикѣ отправился въ Михайловское (дача Великаго Князя Михаила Николаевича, гдѣ живетъ Клейнмихель). Дѣти очень обрадовались. Видѣлъ и самое графиню. Она ѣздила при мнѣ съ меньшей дочкой (9 мѣс.) къ ея крестной матери Ольгѣ Николаевнѣ. Ольга Николаевна подарила крестницѣ маленькой образокъ съ брилліантами. Оставляли меня обѣдать, но я не остался. Дали мнѣ на дорогу цвѣтовъ, и я отправился въ Петергофъ. Тамъ пообедалъ, сѣлъ опять на тотъ же пароходъ и отправился домой. Вѣтеръ былъ страшный. Я все время просидѣлъ въ каютѣ.

22 Іюня. Вчера опять былъ въ Петергофѣ или, вѣрнѣе сказать, въ Михайловскомъ. Графиня пригласила меня обѣдать. Много гуляли, дурачились. За обѣдомъ стороннихъ не было. Въ 6 часовъ я отправился въ Петергофъ. Напился тамъ чаю и пошелъ въ садъ. Погода прелестная; всѣ фонтаны пущены; играютъ два оркестра музыки; народу гуляетъ бездна. Очаровательно! Вотъ памятники временъ Екатерины вѣчно велики, не то что нынѣшніе дворцы. Въ 9 часовъ отправился обратно на пароходѣ.

20 Іюля. Сегодня утромъ былъ въ Беклешовкѣ у Никитенки. Много говорили съ нимъ о нынѣшнемъ состояніи Россіи. Въ самомъ

дѣлѣ, замѣчательно, что народъ, который спалъ цѣлыя столѣтія, начинаетъ наконецъ просыпаться и открывать глаза.

10 Августа. Не пройдетъ дня, чтобъ не слышно было о какихъ нибудь новыхъ подлостяхъ полиціи. Нѣтъ почти человѣка, который бы не говорилъ по опыту объ деспотизмѣ полиціи. Страшныя, вопіющія неправды! Если записывать все это, не достанетъ времени. Самый лучший, честнѣйшій и благороднѣйшій человѣкъ совершенно уничтожается предъ адскою властью послѣдняго мерзавца, квартальнаго или даже будочника.... Сердце готово вернуться отъ горькаго чувства.... Потомство (если только оно будетъ счастливѣе насъ) заклеимитъ насъ ужаснымъ именемъ.... Благородный человѣкъ! не спѣши произносить приговоръ. Перенесись въ нашъ вѣкъ душою и сердцемъ, всмотрись хорошенько въ механизмъ нашей жизни....

15 Авгус. Былъ вчера у Одоевскаго. Княгиня наговорила мнѣ множество комплиментовъ за то, что племянникъ ея прекрасно выдержалъ экзаменъ въ Университетъ. Ну и зато спасибо, что хвалятъ. Обѣдалъ у Никитенко. Онъ говорилъ съ необыкновеннымъ одушевленіемъ. Благородный человѣкъ! И всѣ эти люди должны погибать подъ ярмомъ деспотизма, не оставивъ послѣ себя никакого слѣда въ мірѣ. Вся эта кипучая жизнь мыслей и чувствъ должнаглохнуть безъ плодовъ.... Проклятая Москва! Ты осквернила нашу исторію, такъ что народу долго еще не выжить этого яду изъ жилъ и костей своихъ. Никитенко разсказалъ между прочимъ еще одинъ интересный случай. Графиня Самойлова продавала имѣніе свое *Славянку*. Графъ Воронцовъ-Дашковъ сторговалъ у нея, далъ задатку, оставалось только совершить актъ. Вдругъ пріѣзжаетъ къ графу чиновникъ и говоритъ, что актъ совершенъ быть не можетъ. Отъ чего? Отъ того, что Государь беретъ это имѣніе себѣ.—Видѣлъ новую рукопись Гоголя *Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями*. И Гоголь, кажется, началъ сбиваться съ толку. Этимъ онъ обязанъ Московскимъ литераторамъ. Прочтемъ, и тогда увидимъ.....

Авг. 20. Вчера зашелъ въ театръ. Давно уже не бывалъ. Играли три комедіи—*Жена и карты*, *Сиротка-Сусанна*, *Приключеніе на искусственныхъ минеральныхъ водахъ*. Первые двѣ хороши. Разумѣется, въ новѣйшемъ Французскомъ вкусѣ, т. е. много есть недѣлностей въ основѣ, но по крайней мѣрѣ, все это живо, легко, шипуче, какъ Шампанское, хотя въ головѣ остается пустота, какъ послѣ Шампанскаго. Играли превосходно. Это невольно наводитъ опять грусть на сердце. Сколько истинныхъ талантовъ таится въ нашихъ актерахъ! И все это подавлено властью.... Въ чемъ обнаружить актеръ свои таланты? Гдѣ пьесы, по которымъ бы онъ могъ образоваться? Кромѣ глупостей не

позволяютъ ничего ставить на сцену. Даже тѣ пьесы, которыя игрались при Александрѣ, теперь запрещены.... Какая безотрадная будущность!... Народъ полонъ великихъ силъ; вездѣ такъ и пробивается его чистый самородный умъ и, между тѣмъ надъ всѣмъ тяготѣетъ желѣзное ярмо деспотизма.... Грустно, грустно! Вотъ почему и могутъ держаться на сценѣ такія вещи, какъ напримѣръ *Приключеніе на искусственныхъ минеральныхъ водахъ*. Если бы подлѣ этихъ пьесъ стояли произведенія Шекспира, Шиллера, Гёте, тогда первыя пали бы сами собою, даже невозможно бы было и предполагать ихъ существованія. А теперь онѣ играютъ, и публика хоть зѣваетъ, а всетаки смотреть. Плоскости, и больше ничего.

24 Авг. Въ Четвергъ, третьяго дня, былъ обѣдъ у Одоевскаго, по причинѣ поступленія въ Университетъ князя Сергія Ивановича. Были тѣ, которые приготавливали его къ пріемному экзамену; а изъ постороннихъ Плетневъ и Никитенко. Плетнева я не видалъ уже почти годъ, и тутъ столкнулся съ нимъ. Онъ очень дружески пожалъ мнѣ руку и благодарилъ за статью „Гёте и Гретхенъ“, которую я перевелъ для Современника. Разумѣется больше я не вступалъ съ нимъ ни въ какія объясненія. Обѣдъ былъ подъ деревьями. Время проведено очень, очень пріятно. Маленькая княжна Марья Ивановна Одоевская очаровала меня. Я дурачился съ нею какъ дитя. Очень миленькая и умная дѣвушка.

8 Окт. Гоголь рѣшительно, кажется, погибъ для литературы: вдался въ страшный мистицизмъ. Странная судьба нашихъ талантовъ! Впрочемъ и неудивительно: тамъ гдѣ нѣтъ общей жизни духа, которая бы оживляла всю массу народа, головы мыслящія, чувствуя свое одиночество, тоскуя въ неволѣ, бросаются на всевозможные пути, только бы жить и мыслить и забыть хоть въ чадѣ заблужденія своихъ палачей. Страшно видѣть утопающаго, еще страшнѣе смотрѣть на костеръ, на которомъ погибаетъ талантъ! Ахъ, Гоголь, Гоголь!....

Сегодня графиня Клейнмихель была необыкновенно любезна. Что за милая дама! Только въ аристократическомъ кругу женщина вполнѣ достигаетъ своего назначенія. Съ мужчинами не то: умъ мужчинъ вездѣ имѣетъ цѣну, вездѣ пробѣтается и окружить себя лучами славы; но вкусъ и любезность женщины, какъ главныя ея преимущества, требуютъ много виѣшнихъ условій: только въ благовонной атмосферѣ великолѣпныхъ гостиныхъ будуаровъ, среди роскоши, женщина развиваетъ вполнѣ свои таланты, становится существомъ, передъ которымъ благоговѣешь.

10 Окт. Третьяго дня, когда я жалѣлъ о болѣзни Гоголя и питалъ еще надежды, что онъ поправится, поэта уже не было на свѣтѣ:

въ Понедѣльникъ получено извѣстіе, что Гоголь умеръ*). Я сегодня только узналъ объ этомъ. Трудно иностранцу, или человѣку другаго поколѣнія представить, какъ велика наша потеря! Была поэзія, и нѣтъ ея; вотъ все, чтò можно сказать. Но кто понимаетъ и чувствуетъ вполне поэзію, для кого она есть жизнь, самая лучшая, благородная и высокая, тотъ пойметъ всю цѣну, всю горечь этой простой фразы. Велико было сиротство наше по смерти Пушкина, но тогда я мало еще могъ понимать это; да притомъ всетаки оставались еще люди, къ которымъ съ любовію могло обращаться сердце, жаждущее истины и кратоты. Тогда Жуковскій еще не устарѣлъ, Баратынскій хоть рѣдко, но всетаки являлся въ печати; Гоголь былъ въ полномъ почти блескѣ; Лермонтовъ подавалъ большія надежды.... А теперь посмотрите кругомъ.... Сколько ни трубятъ журналы о Сологубѣ и Достоевскомъ, но цѣлая бездна отдѣляетъ этихъ подражателей отъ ихъ родоначальника. Они схватили только внѣшнюю сторону Гоголя, а никто еще не понялъ его духа; никто еще изъ пишущихъ не понялъ, что Гоголь открылъ цѣлый міръ поэзій, міръ совершенно новый и невиданный; никто еще не понялъ, что онъ пророчествовалъ о такой жизни, которая, проникнувъ сперва духомъ своимъ всю литературу, должна была со временемъ отразиться и въ быту политическомъ; никто еще не понялъ, что Гоголь не простой художникъ, но поэтъ, принесшій къ намъ начала новой жизни.... И этотъ поэтъ, это свѣтило, этотъ духъ, оживлявшій насъ, вдругъ исчезъ... Вы видите въ мастерской множество превосходныхъ картинъ, множество гениальныхъ начатковъ, а художника-хозяина уже нѣтъ. Какими слезами заплачете вы тогда?

25 Окт. Вчера былъ у графини Клейнмихель. Никитенко экзаменовалъ моихъ ученицъ. Графиня осталась очень довольна. Пригласила насъ къ себѣ пить чай и показала всѣ комнаты, даже спальную. Боже мой, чтò за роскошь! Вообще, вчера она была очень любезна; въ первый разъ еще стала называть меня по имени и просила, чтобы я взялся учить и Русской Исторіи, что ученицы очень привыкли ко мнѣ и пр. Отказаться нельзя. А сегодня Никитенко говорилъ, что графиня сказывала ему вчера, что ученицы мои просто обожаютъ меня. Пріятно слышать. Вчера же получилъ мѣсто въ Гимназіи. Теперь денегъ будетъ много, за то и работы куча.

5 Ноября. Обѣдалъ у графини Клейнмихель. Она была по обыкновенію очень любезна. Показывала разныя вещи, привезенныя изъ Парижа и назначенныя въ продажу для дѣтскихъ пріютовъ. Есть очень много премиленькихъ вещей.

*) Это былъ пустой слухъ. (Примѣч. автора).

31 Дек. Въ послѣднее время я обдумалъ основательно вещи достойныя обдумыванья. Занялся изслѣдованіемъ методы преподаванія Русскаго языка. Прежде я слѣдовалъ просто какому-то инстинкту: теперь началъ извѣшивать свои понятія и дѣйствія. Это поприще у насъ рѣшительно ново. Сколько можно сдѣлать на немъ полезнаго. Гимназія принесла мнѣ пользу; она обратила меня къ началамъ языкоученія. Написалъ, по порученію Мусина-Пушкина *), планъ преподаванія Русскаго языка въ гимназіяхъ. Много тутъ еще незрѣлаго, дѣтскаго, но главное вѣрно; надобно только развить эти мысли и заняться кое-чѣмъ specially. Кстати поручено было написать разборъ на Половцова. Составленъ совѣтъ изъ учителей Русскаго языка подъ предсѣдательствомъ Буссе, директора третьей гимназіи. Первое засѣданіе было. Статья моя прочитана и принята хорошо. Очень радъ, что нашелъ сочувствіе. Есть надежда, что у насъ лучше наконецъ будутъ учить въ школахъ.

Гоголь живъ, но для литературы погибъ. Вышла его новая книга *Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями*. Чтò это за нелѣпый мистицизмъ! Можно ли узнать Гоголя?

1847-й годъ. Никитенко поцѣловалъ меня (когда я пришелъ поздравить его съ новымъ годомъ) за статью противъ Половцова. Ему попечитель хвалилъ и ее и меня. Обѣдалъ у Никитенки. Въ Субботу (4 числа) было собраніе, въ которое пріѣхалъ и Половцовъ. Я прочиталъ ему статью, и онъ не нашелся сказать ни одного слова. Сидѣлъ какъ дуракъ, съ тѣмъ и уѣхалъ. Пожали только плечами да улыбнулись.

9. Былъ вчера въ театрѣ. Играли *Уюлино* (Полеваго). Драма сложена довольно нелѣпо; но есть истина въ основѣ, логика въ любви, чисто-итальянской. Каратыгинъ, Сосницкой и Самойлова играли прелестно. На меня же собственно страннымъ образомъ подѣйствовалъ сонъ Нино. Въ облакахъ является Вероника.... музыка.... тихій голосъ существа любящаго, но уже отлетѣвшаго отъ міра.... Какъ много тутъ истины! Сколько напомнило мнѣ это! Такъ много шевельнулось въ душѣ.... Я заплакалъ горько... и было такъ грустно и больно и сладко на сердцѣ, что и до сихъ поръ не выходитъ изъ головы это видѣніе, этотъ голосъ, эти звуки.... Давно уже не таяла такъ душа моя.... Я обновился....

Въ театрѣ были Порошины. Три года я не видался съ ними: встрѣтился какъ съ близкими родными....

*) Попечителя Петербургскаго учебнаго округа. П. Б.

16 Мая. Перечиталъ снова исторію Грознаго, время самозванцевъ и междуцарствія. Чтò это за отвратительная картина! Народъ лижетъ ноги тирана, когда тотъ пьетъ кровь своихъ подданныхъ, и хотя бы одна голова приподнялась.... только Курбскій обнаруживаетъ въ себѣ признакъ жизни, да и то—герой безъ лица и фізіогноміи. А другіе въ это время только сплетничаютъ и предають другъ друга.... Это не невѣжество; нѣтъ, это подлость, остатокъ татарщины.... А время самозванцовъ: чтò это такое? Шумъ, громъ, и все изъ за чего? за свободу ли мысли? за права ли разума? за честь ли и славу народную?.... Ничуть не бывало! За однѣ формы, за глупыя обычаи; нѣтъ и тѣни мысли и чувства.... То ли бывало въ Европѣ во времена самыхъ кровавыхъ распрей, бурь и невзгодъ? Нѣтъ ничего подобнаго!.... Какая убійственная тоска наполняетъ душу, какъ всмотришься въ исторію отечества....

7 Сент. На дняхъ купилъ и прочиталъ Тургенева и Головина. Новаго ничего не нашелъ; но утѣшительно читать книгу, въ которой систематически излагается все, чтò самъ я передумалъ и перечувствовалъ въ разныя минуты жизни. Сочувствіе—вотъ что интересуеть. Головинъ, какъ человѣкъ молодой, говоритъ съ энергіей, съ желчью, но мало убѣждаетъ: нѣтъ доказательствъ. Тургеневъ положителенъ, богатъ свѣдѣніями, основывается во всемъ на документахъ. Въ Четвергъ 2 числа играли мою драму *За Короля*. Я былъ очень огорченъ: играли дурно, да и самая драма высока для публики Александринскаго театра. Притомъ цензура жестоко изуродовала ее.... Получилъ уроки у княгини Долгорукой—учить 15 лѣтнюю княжну Марью Николаевну *). Очень умная дѣвочка. Она любитъ меня и я ее.

21 Ноября. Графиня Ферзенъ любитъ меня. Ей теперъ 16-й годъ. Она начинаетъ уже чувствовать не подѣтски. По цѣлымъ часамъ я держу и ласкаю ея бархатную ручку. Это ей нравится; она такъ уже привыкла къ этому, что сама предупреждаетъ меня и подаетъ мнѣ ручку. Если бытъ Мефистофелемъ.... о, сохрани меня Боже! Но я, кажется, никогда не разстанусь съ нею; потому что когда она созрѣетъ вполне, надѣюсь, будетъ не только любить, но и уважать меня.... Милая душа! Она доставляетъ мнѣ много минутъ истиннаго наслажденія.

28 Ноября. Общество наше въ послѣднее время видимо растетъ и мужаетъ. Можно сказать, въ каждомъ уже есть если не ясное понятіе, то по крайней мѣрѣ темное чувство о правѣ человѣка и гражданина, о томъ великомъ правѣ, которое всегда и вездѣ у народовъ

*) Нынѣ супругу Б. П. Мансурова? П. Б.

образованныхъ было источникомъ всѣхъ событій жизни, достойныхъ исторіи и которое такъ позорно поправлено въ Россіи. Правда, это—если можно такъ выразиться—электризованіе общества можетъ продолжиться еще слишкомъ долго, но все же законъ природы возьметъ наконецъ верхъ надъ правилами незаконнаго деспотизма и, можетъ быть, слѣдующее поколѣніе будетъ уже гораздо счастливѣе насъ. И теперь одинъ только непрерывный свистъ кнута заглушаетъ темный ропотъ сердецъ. Однакоже все-таки жизнь прорывается то тамъ, то здѣсь.... Есть еще пропасть подлецовъ, которые находятъ выгоду въ доносахъ. Имена такихъ людей стоило бы обезсмертить самымъ позорнымъ образомъ. Давно ли студентъ Кіевскаго университета (и кто же? студентъ!....) донесъ на Гулака, Кулѣша, Шевченко, и несчастные страдалцы пьютъ теперь горькую чашу! А вотъ опять достойный воспитанникъ Горнаго Корпуса..... донесъ на Аффендиха, и бѣдняка отправили солдатомъ на Кавказъ.

Говорятъ, на 20 число ночью ходили по городу патрули и даже солдатамъ розданы были патроны. Это было въ слѣдствіе того, что подброшены были какія-то письма. Новый законъ о правѣ заложенныхъ крестьянъ выкупаться на волю, законъ пустой въ основаніи, важенъ тѣмъ, что онъ взволновалъ всю аристократію. Они сильно зашумѣли, и если это пойдетъ все такъ какъ теперь, то сыну..... достанется на орѣхи. Я много толковалъ объ этомъ съ молодыми аристократами, и видно, что они сдѣлали уже шагъ въ понятіяхъ о правѣ и свободѣ. Дай Богъ! Авось дѣти будутъ лучше отцевъ. Утѣшительно ужъ и то, что они презираютъ службою и одушевляются мыслию жить и дѣйствовать для блага своихъ крестьянъ. Можно надѣяться, что рабство исчезнетъ наконецъ, и крестьяне будутъ имѣть свою собственность. Тогда дѣло пойдетъ иначе.

Дек. 27. Она (Софи) меня любитъ, и мнѣ суждено еще разъ испытать упоеніе любви, хотя совершенно въ иномъ родѣ. Такая любовь больше согласна съ моимъ характеромъ. Я поэтъ въ сердцѣ. Въ любви меня очаровываетъ эта непредѣльность чувства, которую, какъ небо, нельзя измѣрить даже мыслию. Всякая цѣль, какъ бы она далека ни была, указываетъ уже на опредѣленную границу, за которой—чтожъ тамъ? какой-то новый порядокъ жизни, жизнь, можетъ быть, полнѣе настоящей, но все-таки довольно опредѣленная, не безъ скуки, но безъ непріятностей; но безбрежность чувства съ его бурями и волненіями—вотъ гдѣ можетъ крѣпнуть и мужать душа моя*). Я одинокъ

*) Это напоминаетъ К. С. Аксакова. Онъ мнѣ говорилъ (когда я былъ женихомъ), что, имѣвъ намѣреніе жениться, онъ, пока шли о томъ переговоры, не чувствовалъ потребности видѣться: ему нужна была только переписка. П. Б.

и долженъ умереть одинокимъ. Такъ отъ чего же не дать воли сердцу уноситься къ самымъ далекимъ заповѣднымъ берегамъ? Она меня любитъ—и я счастливъ, и я горжусь ея любовью.

1848 годъ. 25 Февр. Люблю народъ, гдѣ мысль и дѣло всегда почти синонимы. Чтò будетъ изъ всего этого—еще неизвѣстно: во первыхъ потому, что мы покамѣстъ и не знаемъ еще ничего вѣрнаго, а во вторыхъ потому, что самое дѣло еще только начинается. Первое извѣстіе сюда получено въ самую Масляницу (третьяго дня), и на другой день уже всѣ заговорили объ этомъ. Впечатлѣніе рѣзко и живо; покамѣстъ оно еще не приняло опредѣленнаго образа, но радуется уже то, что оно принято почти всѣми съ видимымъ удовольствіемъ, какъ новость пріятная. Слава Богу! Стало быть, головы Русскія уже значительно измѣнились въ послѣднія 50 лѣтъ. Первая революція Франціи пробудила не только въ Россіи, но даже во всей Европѣ отвращеніе къ себѣ и негодованіе; а теперь совсѣмъ не то. Вездѣ люди толкуютъ, потирая руки, какъ будто онѣ у нихъ чешутся.... Худо только то, что по характеру нашему это можетъ ограничиться одной только чесоткой. Но во всякомъ случаѣ дѣла Европейскія ускорять наше развитіе. Мысль не остановишь никакой таможей: она прокрадывается какъ тать, хоть медленно, за то прочно утверждается въ головахъ и сердцахъ, такъ что искоренить ее можно только тогда, когда выпустишь всю кровь изъ человѣка съ преображенной головой. На ноги и руки набиваются оковы, для книгъ есть цензура; а для мысли и чувства нѣтъ оковъ: они улетають изъ міра не иначе какъ вмѣстѣ съ душою, ими осѣненной....

Марта 18. Дѣло въ Пруссіи было совсѣмъ не такъ, какъ я слышалъ. Евреинновъ (служащій при министрѣ иностр. дѣлъ) передаетъ вотъ какимъ образомъ эти подробности. Король сражался съ народомъ около недѣли. Рѣзня была ужасная. Трупы защитниковъ-гвардейцевъ бросали во дворецъ, чтобы показать, что наконецъ этихъ защитниковъ всѣхъ перебьютъ. Между тѣмъ Рейнскія провинціи прислали своего депутата. Онъ привезъ къ королю бумагу съ тѣмъ, что если черезъ 18 часовъ эта бумага не будетъ доставлена обратно съ подписью короля, то чтобы его величество не беспокоился и не считалъ бы Рейнскія провинціи своими. Медлить было некогда: онъ подписалъ конституцію. Гвардіи народъ велѣлъ удалиться изъ предѣловъ Пруссіи. Король дрался съ народомъ за то, что народъ просилъ у него позволенія жить почеловѣчески—слышишь ли ты это, дитя XX-го столѣтія?... Берлинская газета теперь въ траурѣ. Говорятъ, однихъ студентовъ было убито до 700 человѣкъ.... Въ Познани сформировался корпусъ Поляковъ въ 60 тысячъ. Въ Варшавѣ вѣроятно есть волненіе; потому

что Русское войско вышло изъ города и стоитъ въ окрестности, готовое стрѣлять по первому знаку. Нѣсколько молодыхъ людей пѣли на площади какую-то пѣсню. Паскевичъ велѣлъ схватить первыхъ попавшихся подъ руку полиціи и повѣсить. Четверо тотъ-часъ уже было повѣшено на фонаряхъ.

Марта 30. Городъ полонъ толками и слухами. Каждая встрѣча съ знакомымъ начинается словами: „ну что—нѣтъ ли чего новаго?“ И потомъ тотъ-часъ же оглянутся по сторонамъ, не подслушиваютъ ли ихъ камни и стѣны домовъ... Въ кондитерскихъ всегда тѣсно. Каждый приходитъ, молча садится и беретъ газету, спросивъ только чашку кофе, трубку или сигару, да изрѣдка выглядываетъ изъ за листа, чтобы убѣдиться, не подсмотрѣлъ ли кто на его лицѣ двусмысленной улыбки или другаго какого нибудь подозрительнаго выраженія. Въ обществахъ скучно, всѣ разбредутся по угламъ и шепчутся; нѣтъ мнѣи чувствъ и понятій, отъ того разладъ въ головахъ страшный: кто въ лѣсъ, кто по дрова.... Понятія и мысли идутъ въ обществѣ какими-то углами: вдругъ выдается какое нибудь пренелѣпное мнѣіе и держится упрямо; иной предложить Богъ знаетъ какое, затѣйливое сомнѣіе или курьезную надежду. Хаосъ совершенный; а все потому, что въ обществѣ нѣтъ жизни сближающей.... нѣтъ духа животворящаго. Тоска, тоска! Бѣжалъ бы, кажется, на край свѣта.... Теперь только наступило полное торжество для журналовъ и газетъ, подобныхъ *Пчель*, *Иллюстраціи*, *Москвитяину*. Булгаринъ, Гречъ, Башуцкій, Шевыревъ могутъ обезсмертить свои имена. Они впрочемъ и безъ того уже на пути къ безсмертію. Гречу только не посчастливило: его, говорятъ, высѣкли въ Парижѣ (онъ тамъ былъ во время изгнанія короля). Кто-то изъ Русскихъ указалъ на него толпѣ: „вотъ Русскій, который постоянно пишетъ всякую мерзость о васъ въ Петербургъ,“ и толпа тотъ-часъ же распорядилась по своему. Такъ или иначе было это, только мнѣ пересказывали за вѣрное, что Гречъ высѣченъ. Зато Булгаринъ, достойный собрать его, торжествуетъ. Вотъ и на дняхъ онъ подалъ доносъ на Современникъ и Отечественныя Записки. Его подкрѣпилъ графъ Левашевъ, за то, что эти журналы неуважительно отозвались о Журналѣ Коннозаводства. Неизвѣстно еще, чѣмъ это кончится; но покамѣстъ уже и Современникъ и От. Записки взяты въ ежовыя рукавицы. А чтò дѣлаетъ? О, онъ торжествуетъ, по крайней мѣрѣ по наружности: веселъ, любезенъ, живъ и дѣятеленъ..... но сердце, не думаю, чтобы было спокойно. Излишняя беззаботность и увѣренность въ себѣ иногда бываютъ признакомъ внутренняго безпокойства и неуувѣренности. Въ продолженіи послѣднихъ двухъ недѣль онъ обѣхалъ почти всѣ учебныя заведенія, былъ даже и въ тѣхъ, гдѣ не

бывалъ уже нѣсколько лѣтъ; ходилъ пѣшкомъ по толкучему рынку, первый разъ въ жизни; въ манежахъ говоритъ безпрестанно рѣчи къ солдатамъ; вездѣ хочетъ выказаться хватомъ, молодцомъ. Это что-то подозрительно.

26 Марта. Голштинія и Шлезвигъ отдѣлились отъ Даніи, Миланъ въ полномъ возстаніи: Австрійцы изгнаны. Венгрія и Галиція наготовѣ подняться. Въ Познани, говорятъ, объявленъ королемъ князь Чарторижскій. Теперь, значитъ, Русская Польша въ такомъ точно положеніи, какъ собака, которой положили подъ носъ кусокъ мяса и не велѣть трогать.... у бѣдняжки слюнки текутъ. Чтожъ будетъ изъ этого?.... Теперь Польша наводнена войсками: тамъ стоитъ около 400 т.

Въ числѣ мѣръ, клонящихся къ поддержанію и еще большему укорененію невѣжества народнаго, предложена была одна мѣра, достойная безсмертія: *закрѣпить всѣ университеты*, раззорить эти гнѣзда, гдѣ подъ крыломъ матери-науки кое-какъ дышитъ еще мысль народная..... Варвары! Неужели вы вѣруете въ Бога? Провозгласителемъ этой мѣры былъ Бутурлинъ, которому порученъ теперь высшій надзоръ за цензурой ловить и убивать каждую мысль, гдѣ замѣтно будетъ хоть малѣйшее движеніе жизни. Къ счастью, самъ содрогнулся и не рѣшился такъ публично соорудить общественный эшафотъ. Приняты мѣры страшныя, но безъ огласки. Онѣ отразились уже на Апрельскихъ книжкахъ нашихъ журналовъ. Современникъ убитъ или, вѣрнѣе сказать, пораженъ въ самое сердце.

1 Мая. Третьяго дня былъ съ Никитенкой у графини Клейнмихель. Говорили о гоненіяхъ на современную литературу. „Какъ же тутъ быть? сказала Графиня: насъ заставляютъ читать по-русски; хотѣть, чтобы дѣти наши учились и читали по-русски; но чтожъ послѣ этого читать? Положимъ, я еще буду читать старыхъ писателей, но чтожъ будутъ читать мои дочери? Жить и пробавляться только старымъ....“ Если бы подобныя мысли выражались почаще, порѣзче и погромче, такъ можно бы было хотя по крайней мѣрѣ питать надежду на лучшую будущность.... Никитенко говоритъ, что изъ всѣхъ современныхъ палачей обнаруживаетъ еще больше другихъ чего-то человѣческаго. Когда принялись за журналы, потребовали къ отвѣту всѣхъ редакторовъ, Никитенко написалъ письмо къ гр. Орлову. Главная мысль, выраженная имъ, была та, что прежде нежели судить человѣка, надобно знать, кто онъ такой, какъ онъ жилъ, что онъ писалъ? и т. д. Письмо вѣроятно было написано умно и ловко. Орловъ показалъ его Государю. Государь велѣлъ объявить Никитенкѣ, что онъ благодаритъ его за благородныя чувства, что онъ никогда не сомнѣвался въ нихъ и увѣренъ, что и впредъ онъ будетъ вести себя

какъ прежде. Что можетъ быть лучше этихъ словъ въ устахъ.....? Но всетаки дѣло нашего поколѣнія проиграно совершенно.

27 Мая. Вотъ нѣкоторыя подробности о верховномъ, вновь учрежденномъ цензурномъ комитетѣ. Его составляютъ трое: Бутурлинъ, Дегай и Модестъ Корфъ. У нихъ нанято еще 6 человѣкъ помощниковъ съ платою каждому по 2 тысячи р. сер. Обязанность ихъ читать книги уже напечатанныя и ловить въ нихъ мысли. Никитенко оставилъ цензорство. Передъ отставкой онъ сдѣлалъ одно доброе дѣло: подалъ министру бумагу, въ которой объясняетъ, что въ послѣднее время начало поступать въ цензуру множество сочиненій въ прозѣ и стихахъ, имѣющихъ содержаніемъ изліяніе патріотическихъ чувствованій; такъ какъ цензура, по силѣ такой-то статьи устава, должна обращать вниманіе на то, чтобы предметы высокіе представлялись въ приличныхъ имъ формахъ, и такъ какъ большая часть поступающихъ теперь въ цензуру сочиненій обличаютъ въ авторахъ совершенное незнаніе даже общихъ условій языка, то цензоры находятся теперь въ затрудненіи, какъ поступать съ подобными сочиненіями?... Министръ препроводилъ эту бумагу къ Орлову, и Орловъ велѣлъ привести ее въ исполненіе, т. е. не пропускать подобныхъ сочиненій. Ну, слава Богу! Всетаки хоть одною мерзостью меньше. Никитенко для образца прочиталъ мнѣ одно изъ этихъ сочиненій. Оно называется: *Лай Европы*, и начинается стихомъ: „Европа лаеъ гамъ, гамъ, гамъ!“ Какова Россія XIX вѣка!....

21 Іюля. Вчера только узналъ я, что у меня нѣтъ болѣе матери. Она кончила жизнь 3-го числа отъ холеры. Подробностей ея кончины еще не знаю. Вотъ первая утрата, которая глубоко отозвалась въ сердцѣ. Конечно, закона жизни не минуешь; нужно уже было ожидать этого, и во мнѣ слава Богу, довольно силы и ума, чтобы не предаваться отчаянію; но отецъ, бѣдный отецъ!... Ему скоро 70 лѣтъ; онъ 35 лѣтъ былъ женатъ; онъ свыкъся уже такъ съ своимъ положеніемъ, что смерть эта убьетъ его..... Послѣдніе дни жизни его отравлены неизлѣчимою тоской..... Несчастный! Пусть слезы сына хоть на минуту облегчатъ печаль твою.... Этотъ человѣкъ страдаетъ цѣлую жизнь.... за каждую улыбку жизни расплачивается годами горя и кровавыхъ слезъ.... Отецъ мой, отецъ мой! Я горжусь тобой: ты никогда не покривилъ душой и не торговалъ совѣстью; ты страдалъ за это постоянно; но за то передалъ дѣтямъ твоимъ неподкупное чувство чести.... Благословляю тебя, цѣлую сѣдины твои..... Неужели же нѣтъ безсмертія?

Съ любезнаго позволенія П. И. Щукина извлечено изъ VIII тома его „Сборника“.

*

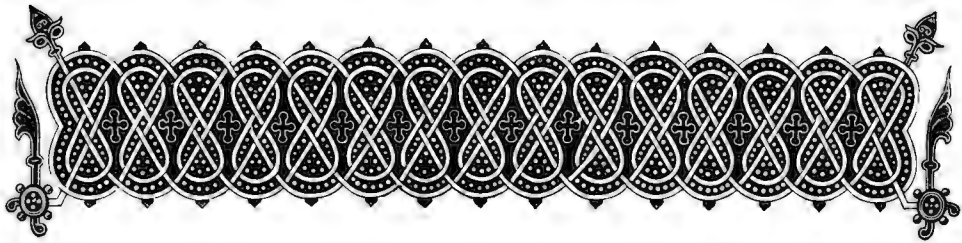
Николай Ивановичъ Иваницкій вышелъ изъ Петербургскаго университета въ 1838 г., кандидатомъ по 1-му отдѣленію философскаго факультета. Въ томъ же году онъ поступилъ учителемъ Русскаго языка въ Псковскую гимназію, а въ 1843 г. былъ переведенъ въ Вологду, гдѣ прослужилъ до 1846 г. Необыкновенные успѣхи преподаванія доставили Иваницкому извѣстность въ педагогическомъ мірѣ, такъ что попечитель округа предложилъ ему занять мѣсто старшаго учителя 5-й Петербургской гимназіи. Въ 1852 г. онъ былъ уже въ ней инспекторомъ, а съ 1853 по 1858 г. служилъ директоромъ въ Псковѣ. Преданный своему дѣлу, любимый начальствомъ и учениками, многосторонне образованный, Иваницкій по справедливости считался однимъ изъ выдающихся педагоговъ своего времени. Изъ трудовъ его извѣстны слѣдующіе: 1) Осада Пскова Баторіемъ („Волог. Губ. Вѣд.“ 1840, № 8). 2) Причитанья невѣсты въ Вологодской губерніи („Москвитянинъ“ 1641, кн. 12). 3) Оригинальныя и переводныя стихотворенія изъ Шиллера и Кернера („Маякъ“ 1842—44). 4) Способъ преподаванія логики въ училищахъ (тамъ же, 1842, т. 4). 5) Къ Русскимъ поэтамъ, критическая статья (тамъ же, 1844, т. 16). 6) Г. Ф. Пухта, знаменитый Берлинскій правовѣдъ („Современникъ“ 1846, т. 42). 7) Изъ записокъ Гёте (тамъ же, т. 43). 8) Натальинъ день, рассказъ („Отеч. Записки“ 1849, т. 63). 9) За короля, драма въ 5 дѣйств.; сюжетъ заимствованъ изъ романа Вальтеръ-Скотта: *Окленъ-Камеронъ**). 10) Двѣ статьи о Н. В. Гоголѣ („Отеч. Записки“ т.т. 81 и 86). 41) Изслѣдованія о времени основанія Пскова, Псковъ, 1856. (Изъ „Русскаго Біографическаго Словаря“). Стихотворенія Иваницкаго изданы особою книжкою.

Скончался Иваницкій въ Псковѣ; но когда, не знаемъ. Намъ неизвѣстно также, держался ли онъ, будучи директоромъ Псковской гимназіи, тѣхъ мыслей, которыя овладѣли имъ въ ту пору, когда у насъ за шалости принца сѣкли пажа и два члена Священнаго Союза лукаво возложили на третьяго должность гасителя и карателя.

Возрастомъ на два года моложе Иваницкаго, въ томъ же 1838 году кончилъ ученіе въ Московскомъ университетѣ М. Н. Катковъ; біографическія свѣдѣнія о немъ ниже слѣдуютъ. Читатель сравнитъ и сдѣлаетъ выводы. П. Б.

*) Была играна въ Петербургѣ въ 1852 году.

КЪ БІОГРАФІИ М. Н. КАТКОВА.

Нижеслѣдующая архивная выписка умножаетъ права Михаила Никифоровича Каткова на уваженіе потомства: провелъ свое дѣтство и отрочество въ самой бѣдной обстановкѣ, онъ, постоянствомъ труда, силою дарованій и великими заслугами Русскому печатному слову, стяжалъ себѣ Европейскую славу; а раннія воспоминанія наклоняли его къ благотворительности, которою и до сихъ поръ нѣкоторые лица пользуются. П. Б.

Въ Архивѣ Московской Городской Управы сохранилось „Дѣло по прошенію вдовы титулярной совѣтницы Варвары Акимовой Катковой о помѣщеніи въ Сиротское Училище сына ея Михайла“.

10 Сентября 1828 года В. А. Каткова подала Московскому гражданскому губернатору Григорію Михайловичу Безобразову „всепокорнѣйшее прошеніе“, слѣдующаго содержанія: „Не имѣю состоянія, чтобы дать приличное воспитаніе одному изъ сыновей моихъ¹⁾, имѣющему отъ роду 10 лѣтъ, почему осмѣливаюсь покорнѣйше просить ваше превосходительство приказать помѣстить сына моего Михайлу въ Сиротское Училище, находящее подъ вѣдѣніемъ Приказа Общественнаго Призрѣнія, выданное же мнѣ изъ Московской Духовной Консистоіи метрическое о сынѣ моемъ свидѣтельство при семъ представить честь имѣю“.

Приказъ Общественнаго Призрѣнія, прежде чѣмъ принять Михаила Каткова въ свое Сиротское Училище, затребовалъ, какъ водилось, формулярный списокъ о службѣ отца Каткова и о состояніи и поведеніи В. А. Катковой.

Формулярный списокъ гласилъ, что титулярный совѣтникъ Никифоръ Васильевъ сынъ Катковъ, изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей, поступилъ въ 1787 г. въ Тарусскій уѣздный судъ копейцомъ; въ 1788

¹⁾ У Катковыхъ былъ еще сынъ Мееодій, на два года моложе Михаила, скончавшійся въ 1875 г. и погребенный въ Московскомъ Алексѣевскомъ монастырѣ.

переведенъ въ тамошнее городническое правленіе; въ 1795 награжденъ подканцеляристомъ; 1798 перемѣщенъ въ Калужскую Казенную Палату; съ 31 Декабря этого же года канцеляристъ; 1802—губернскій регистраторъ и находился при дѣлахъ Калужскаго гражданскаго губернатора Львова; 1805—губернскій секретарь; 1808 коллежскій секретарь; въ 1809 по прошенію уволенъ, а 1810 опредѣленъ во 2-й департаментъ Уѣзднаго Суда, въ которомъ исправлялъ должность протоколиста по 17 Мая 1811 г., а съ этого числа—исправляющаго должность секретаря. Уволился въ 1813 г. Съ 1814 секретарь Управы Благочинія, титулярный совѣтникъ. Въ 1822 г. уволенъ изъ штата Управы Благочинія.

Аттестовался способнымъ и достойнымъ.

Н. В. Катковъ умеръ 49 лѣтъ въ 1823 году.

Въ свою очередь, канцелярія Московскаго оберъ-полицмейстера Шульгина такъ аттестовала В. А. Каткову: „состоянія бѣднаго, а поведенія очень хорошаго“ *).

Михаилъ Катковъ былъ принятъ въ Сиротское Училище Московскаго Приказа Обществен. Призрѣнія 30 Января 1829 г., но учился въ немъ недолго. Въ 1830 году В. А. Каткова, служа надзирательницей тюремнаго замка, подала, въ Іюль, въ Приказъ прошеніе о томъ, что „нынѣ имѣя состояніе, можетъ дать сыну отъ себя приличное воспитаніе“; поэтому просила Приказъ уволить сына ея Михайла изъ числа сиротъ и отдать его на ея попеченіе.

Приказъ сдѣлалъ запросъ главному надзирателю богоугодныхъ заведеній Боголюбову: „въ какомъ положеніи здоровья находится въ Сиротскомъ Училищѣ сынъ титулярнаго совѣтника Михайло Катковъ, способенъ-ли онъ къ продолженію наукъ и какъ нынѣ въ оныхъ упражняется“.

Боголюбовъ рапортовалъ: во исполненіе указа сего 15 Іюля (1830 г.), послѣдовавшаго съ рапорта, поданнаго мнѣ отъ старшаго учителя Сиротскаго дома 9 класса Терликова, донести честь имѣю, что воспитанникъ Сиротскаго Училища, Михайла Катковъ, начиная съ Ноября мѣсяца до сего времени былъ только 67 разъ въ классѣ, а прочее время, по показанію матери его, страдалъ у нея въ домѣ болѣзнію, въ дѣйствительности коей она ссылается на г. Бѣлевскаго, который его лечилъ; относительно-же ученія онъ Катковъ оказывалъ себя при-

*) У канцеляристовъ оберъ-полицмейстера В. А. Каткова изъ Акимовны передѣлана въ Анисимовну.

мѣрнымъ, такъ что прочимъ своимъ сотоварищамъ служилъ всегда примѣромъ. Юля 24, 1830^а.

Послѣ этого, Катковъ былъ уволенъ изъ Сиротскаго Училища.

11 Августа 1830 г. В. А. Каткова выдала расписку Приказу: „сына моего Михаила Каткова приняла на свое содержаніе и попеченіе съ тѣмъ, чтобы онъ былъ съ моей стороны воспитанъ какъ должно“ ¹⁾).

Сообщилъ П. А. Россіевъ.

*

Приводимъ изъ Біографическаго Словаря Профессоровъ Московскаго Университета автобіографическія показанія М. Н. Каткова.

Катковъ, Михаилъ Никифоровичъ, адъюнктъ философіи и магистръ Русской Словесности, редакторъ Московскихъ Вѣдомостей, издаваемыхъ при Университетѣ, коллежскій совѣтникъ, сынъ титулярнаго совѣтника, родился въ Москвѣ въ 1818 г. Рано лишившись отца онъ, вмѣстѣ съ младшимъ братомъ своимъ, всѣмъ своимъ воспитаніемъ и дальнѣйшимъ образованіемъ обязанъ любви и самопожертвованію матери, урожденной Тулаевой ²⁾). Ею самою, или подъ ея надзоромъ, были преподаны ему первые уроки. Впослѣдствіи учился онъ нѣкоторое время въ Преображенскомъ сиротскомъ училищѣ, потомъ около года въ 1-й Московской Гимназіи; наконецъ поступилъ въ пансіонъ профессора М. Г. Павлова. Въ этомъ заведеніи, отличавшемся какъ общимъ своимъ устройствомъ, такъ и учебною частію, онъ кончилъ приготовительный къ Университету курсъ ученія. Въ 1834 году поступилъ въ Московскій Университетъ по Словесному (нынѣ Историко-филологическому) отдѣленію. Въ 1838 г. кончилъ университетскій курсъ кандидатомъ съ отличіемъ ³⁾). Черезъ годъ затѣмъ выдержалъ экзаменъ на степень магистра; а въ 1841 г. отправился, для довершенія своего образованія, за границу; посѣтилъ Германію, Францію и Бельгію. Полтора года провелъ въ Берлинѣ, слушая лекціи въ тамошнемъ Университетѣ, и здѣсь своимъ развитіемъ обязанъ преимущественно знаменитому Шеллингу, который преподавалъ тогда въ Бер-

¹⁾ В. А. Каткова, урожд. Тулаева † 6 Января 1850 на 72 году, когда сынъ ея уже получилъ извѣстность.

²⁾ Мать М. Н. Каткова была происхожденіемъ Грузинка. П. Б.

³⁾ Вѣроятно въ это время М. Н. давалъ частные уроки. У графа Ѳ. И. Толстого училъ онъ его дочь графиню Сарру и о стихотвореніяхъ ея напечаталъ статью, кажется, въ Отечественныхъ Запискахъ (гдѣ помѣщались и его прекрасные переводы изъ Гейне). Онъ училъ также дѣтей у князя М. Н. Голицына.

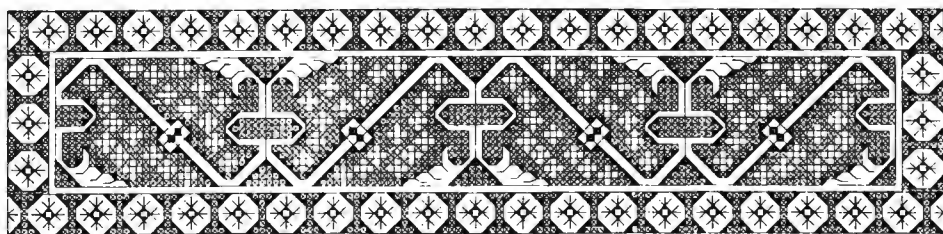
линѣ свою „Положительную философію“*). Въ началѣ 1843 г. возвратился въ Петербургъ, и намѣревался вступить на открывавшееся ему поприще гражданской службы, но здѣсь встрѣча съ бывшимъ тогда попечителемъ Московскаго Учебнаго Округа, графомъ С. Г. Строгановымъ, измѣнила его предположеніе. Онъ прибылъ въ Москву, и, по устроенію семейныхъ обстоятельствъ, занялся сочиненіемъ диссертациі для довершенія выдержаннаго уже имъ экзамена на степень магистра. Въ 1845 г. защищалъ публично диссертацию, напечатанную подъ заглавіемъ: „Объ элементахъ и формахъ Славяно-Русскаго языка“, и въ томъ же году опредѣленъ адъюнктомъ въ Московскомъ Университетѣ по кафедрѣ философіи, которую и преподавалъ до новаго положенія по сей кафедрѣ, послѣдовавшаго въ 1850 г., въ силу коего она должна быть занимаема профессоромъ Богословія. Оставаясь на службѣ при Университетѣ въ званіи адъюкта, Катковъ былъ прикомандированъ нынѣшнимъ г-мъ попечителемъ Московскаго Учебнаго Округа къ изданію Московскихъ Вѣдомостей. Въ настоящее время онъ состоитъ на службѣ чиновникомъ особыхъ порученій при министерствѣ народнаго просвѣщенія и продолжаетъ завѣдывать редакціею этой газеты. Кромѣ означенной диссертациі на степень магистра, многихъ статей, помѣщенныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, Катковъ издалъ еще, въ 1853 г., сочиненіе подъ заглавіемъ: „Очерки древнѣйшаго періода Греческой философіи“, первоначально помѣщенное въ сборникѣ профессора Леонтьева „Пропилеи“.

*

М. Н. Катковъ не упоминаетъ о своихъ превосходныхъ переводахъ съ иностранныхъ языковъ. Въ особенности цѣненъ его переводъ въ стихахъ Ромео и Юліи, Шекспира. П. Б.

*) Въ Берлинѣ М. Н. Катковъ близко сошелся съ извѣстнымъ писателемъ Варнагеномъ-фонъ-Энзе, который у него выучился по-русски и написалъ статью о Пушкинскомъ Евгеніи Онѣгинѣ. Она переведена М. Н. Катковымъ и напечатана въ „Отечественныхъ Запискахъ“. П. Б.

25-е АВГУСТА.

1859—1909.

Протекло полвѣка съ того событія, которымъ закончилась славная эпопея долгой войны на восточномъ Кавказѣ: считавшійся неприступнымъ Гунибъ сдался, и весь Дагестанъ палъ къ подножію престола Русскихъ Монарховъ.

„Слава Тебѣ, Господи, и честь и слава тебѣ и всѣмъ нашимъ Кавказскимъ молодцамъ“, начерталъ Царь на донесеніи князя Барятинскаго объ этомъ знаменательномъ событіи, лаконически, но краснорѣчиво давая оцѣнку подвигамъ славныхъ Кавказскихъ войскъ *).

Непрерывный рядъ подвиговъ доблести и самоотверженія, сливающихся въ исторію Кавказской войны и доказавшихъ, что для Русскаго солдата нѣтъ ничего невозможнаго, достойно закончился 25 Августа 1859 г. титаническою борьбою на Гунибѣ и паденіемъ этого послѣдняго убѣжища недавняго владыки Чечни и половины Дагестана. Для полковъ Кавказской арміи участіе въ юбилейныхъ торжествахъ на самомъ театрѣ событій не только возобновить въ ихъ памяти славную службу престолу и отечеству ихъ отцовъ и дѣдовъ, но чествованіемъ ея укрѣпить въ ихъ душѣ сознаніе непоколебимости и величія того долга, которымъ облакаетъ ихъ великая честь принадлежать къ великой арміи Русскаго Царя...

Окидывая взглядомъ прошлое нашей страны, мы видимъ, что уже начиная съ XVI вѣка Дагестанъ проявляетъ тяготѣніе къ Россіи. Завоеваніе Казани и Астрахани царемъ Иваномъ Грознымъ повлекло за собою, какъ естественное слѣдствіе, непосредственныя сношенія Московскаго государства съ Кавказомъ и въ частности съ Дагестаномъ. Все среднее теченіе Волги, сдѣлавшейся съ этихъ поръ Русскою рѣкою, давало просторъ поступательному движенію Руси на Востокъ, существовавшему искони. Мольбы единовѣрной Грузіи о помощи противъ сосѣдей, начавшіяся также съ тѣхъ поръ, въ свою очередь привели Россію въ ближайшее соприкосновеніе съ мусульманскимъ Востокомъ. Значительнѣйшее владѣніе Дагестана, шамхальство, тогда же всту-

*) 26 Февраля 1860 г. высочайше повелѣно: въ воспоминаніе совершившагося въ минувшемъ году покоренія Восточнаго Кавказа, день 25 Августа, заключившій полу-вѣковую тамъ борьбу, внести въ число дней табельныхъ для повсемѣстнаго празднованія во всемъ Кавказскомъ краѣ (П. С. З., XXXV, № 35453).

пасть въ подданство Московскихъ государей, лишь временами прерываемое. Но Россія XVI—XVII вѣковъ была слишкомъ слаба, чтобы бороться съ могущественными тогда Персіей и Турціей; съ конца же XVII в. начинается упадокъ Персіи, между тѣмъ какъ Россія, благодаря генію Петра Великаго, становится могущественною державою. Великій преобразователь полуазіатской Московіи въ Европейскую Россію, направляя всѣ силы, чтобы утвердиться на берегахъ Балтійскаго моря и „прорубить здѣсь окно въ Европу“, не спускалъ въ тоже время глазъ съ Востока, ибо хорошо зналъ его значеніе для Россіи. Онъ ясно понималъ близкія отношенія ея къ Востоку, понималъ тѣ средства, которыя долженъ доставлять ей Востокъ въ ея новой жизни. Россіи надлежало идти дальше въ глубь Азіи, чтобы обезпечить себѣ занятое въ Европѣ положеніе.

Къ вѣроисповѣднымъ и Государственнымъ побужденіямъ влекшимъ Россію на Кавказъ, теперь присоединяется стремленіе сдѣлать Россію посредницею въ торговлѣ Востока и Запада; средоточіе же или узелъ всей этой торговли Петръ Великій видѣлъ въ Каспійскомъ морѣ, къ берегамъ котораго прилегалъ Дагестанъ. Отсюда походъ Петра въ Дербентъ и присоединеніе всего прибрежнаго Дагестана къ Россіи, присоединеніе, къ сожалѣнію, скоро уничтоженное недалёковидною политикою ближайшихъ преемниковъ Великаго императора. Лишь Великая Екатерина, вѣрная задачамъ Петра, окончательно включаетъ Кавказъ въ область Русскаго вліянія; шамхалы безповоротно становятся подданными Россіи и остаются съ той поры неизмѣнно ей вѣрными; временное занятіе Дербента приводитъ къ покорности многихъ владѣтелей Дагестана. Но только внуку Екатерины Великой, Александру Благословенному, суждено было закончить ея дѣло: погибавшая Грузія находитъ спасеніе въ добровольномъ подданствѣ Россійскому монарху; Дербентъ и вся прибрежная часть Дагестана, на этотъ разъ уже безповоротно, включаются въ составъ его владѣній; населеніе остального Дагестана, со всѣхъ сторонъ отнынѣ окруженное Русскими владѣніями, должно неминуемо признать власть Бѣлаго Царя. Въ управленіе незабвеннаго А. П. Ермолова все и клонится къ тому: часть Дагестана управляется нами, остальная—признаетъ нашу власть и покорствуется предъ грознымъ правителемъ.

Но, естественно, такое положеніе дѣлъ въ странѣ съ мусульманскимъ населеніемъ, поддерживающимъ постоянныя сношенія съ центрами Ислама, не можетъ не отразиться на той почвѣ, которая на Востокѣ и теперь представляетъ опасность постоянного взрыва. Въ горахъ зрѣетъ *тиракать*, болѣе извѣстный у насъ (хотя и неправильно) подъ названіемъ мюридизма. Тарикать въ сущности есть мистическое ученіе о пути къ достиженію возможнаго нравственнаго совершенства, пути къ познанію истиннаго Бога, указуемаго имами, духовными предводителями; тарикать, такимъ образомъ, есть чисто-религіозное ученіе, совершенно чуждое политическихъ цѣлей, преслѣдующее исключительно возвышеніе религіознаго чувства своихъ послѣдователей. Но, развивая всячески это чувство, тарикать доводитъ вмѣстѣ съ тѣмъ до экзальтаціи религіозный фанатизмъ, который въ населеніи Дагестана, воинственномъ и вольнолюбивомъ, нашелъ исходъ въ *газаватъ*, въ священной войнѣ за

вѣру. Тарикать здѣсь принялъ политическій характеръ и прикрывалъ собою стремленіе его проповѣдниковъ объединить горцевъ Дагестана для борьбы съ Русскими. Они понимали, что общества и владѣнія Дагестана, окруженныя Русскими владѣніями, при выработавшейся вѣками разъединенности, могутъ бороться съ Русскими лишь при условіи объединенія ихъ единою властью, и лозунгомъ ея избрали религію, хотя ни отъ кого ничто ей не угрожало. Темная масса населенія, фанатизируемая преслѣдующими личныя цѣли учеными и духовными лицами, пошла за ними и очутилась подъ неограниченною властью Шамиля. Въ избѣжаніе упрековъ въ пристрастіи предоставимъ слово мусульманину-туземцу.

„Въ Русскихъ писаніяхъ, говоритъ онъ, о послѣднемъ имамѣ Ченчи и Дагестана слишкомъ его превозносятъ, чуть не идеализируютъ, потому, конечно, что мало его знаютъ. Въ мнѣніи Дагестанцевъ Шамиль стоитъ гораздо ниже. Горцы считаютъ его случайнымъ баловнемъ судьбы, не обладавшимъ ни ученостью перваго имама, ни отвагою втораго, и преслѣдовавшимъ своекорыстныя цѣли, прикрываясь религіею. Его первоначальные успѣхи они присваиваютъ, и совершенно основательно, не личнымъ военнымъ способностямъ, которыми онъ никогда не отличался, а прежде всего—ошибкамъ самихъ Русскихъ и случайно благопріятнымъ условіямъ, и затѣмъ уже, даровитымъ и беззавѣтно храбрымъ вождямъ мюридовъ, какими были Али-Бекъ Аварскій, главный защитникъ Ахульго, Ахверды Магома, Омаръ Салтинскій, Шуаибъ, Абакаръ и десятки другихъ, хотя и не столь извѣстные Русской публикѣ, какъ Хаджи Мурадъ, но тѣмъ не менѣе вынесшіе на своихъ илечахъ всю тяжесть борьбы въ Дагестанѣ. Черствая душа Шамиля, говорятъ старики, знавшіе всю подноготную его жизни, не была способна ни къ чему возвышенному; онъ не зналъ ни добра, ни великодушія, и въ этомъ отношеніи, какъ и во всѣхъ другихъ, былъ несравненно ниже двухъ первыхъ имамовъ, которые никогда не загрязнили бы своего имени сожиганіемъ дѣтей и женщинъ“.

Разрушеніе и крайняя жестокость входили въ систему Шамиля. Представляя собою олицетворенное корыстолюбіе, онъ былъ убѣжденъ, что бѣдными удобнѣе повелѣвать, что домовитые и разжившіеся горцы не только теряютъ подвижность и охоту къ войнѣ, но еще вредны, какъ соблазнъ и дурной примѣръ для массы. Руководимый этими взглядами, онъ въ теченіе всѣхъ 25-ти лѣтъ своего владычества не возвелъ, кромѣ своего дома въ Дарго, ни одной постройки, ни одной даже сакли или мечети, тогда какъ въ то же время рѣдкій изъ ауловъ нагорнаго Дагестана остался имъ не разрушеннымъ подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ. По той же причинѣ и непочвѣнная жестокость Шамиля была направлена главнымъ образомъ противъ людей болѣе или менѣе зажиточныхъ. Въ отдѣльных случаяхъ жестокость этого „духовнаго главы“ злополучнаго народа не знала предѣла. Онъ изощрялся, говорятъ, въ изобрѣтеніи способа казни, чтобы навести ужасъ на горцевъ и убить въ нихъ всякую даже мысль о возможности не повиноваться его волѣ....

Прибавимъ, что, прикрываясь религіею, Шамиль имѣлъ въ виду лишь достиженіе неограниченной власти, преслѣдовалъ *адамъ*, съ которымъ народъ

вѣками сроднился, замѣняя его *шариатомъ*, выросшимъ на чуждой горцу почвѣ, и вмѣсто роднаго населенію управленія ввелъ систему, основанную опять таки на шариатѣ или на интересахъ личной власти.

Лучшимъ примѣромъ, какъ чужды были горскому населенію нововведенія и система дѣйствій Шамиля, служить отношеніе къ нему Аварцевъ. Принужденные, въ силу обстоятельствъ, подчиниться Шамилю, они, въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, не могли выдержать гнета его власти, нашли пріютъ среди Русскихъ и образовали доблестный Дагестанскій конно-иррегулярный полкъ, со славою боровшійся съ ненавистнымъ имамомъ. Характерна рѣчь, съ которою, тотчасъ по сформированіи полка, представитель его обратился къ первому командиру: „Князю Аргутинскому очень хорошо извѣстно, какая бездна раздѣляетъ насъ съ Шамилемъ и его мюридами. Мало того, что они завладѣли всѣмъ нашимъ достояніемъ и разорили наши дома, Шамиль кровью облилъ наши сердца; у cadaго изъ насъ онъ убилъ или отца, или мать, или брата, не заслужившихъ этого, а единственно изъ ненависти къ намъ и корысти. Можемъ ли мы все это ему простить? Мы только тогда вложимъ свои пашки въ ножны, когда Шамиль обезоруженный будетъ въ рукахъ нашихъ; мы изъ мести и тогда отрубили бы ему голову, но знаемъ, что Русскіе не любятъ такой мести, а для Русскихъ мы всѣмъ готовы жертвовать“.

Неудивительно потому, что къ тому времени, когда мы, пользуясь благоприятными обстоятельствами по окончаніи Восточной войны, рѣшили покончить съ Шамилемъ, состояніе подвластнаго ему Дагестана было крайне печально. „Шамиль, Дагестанъ и вообще непокорный Кавказъ въ 1859 г., говоритъ біографъ князя Барятинскаго, были уже не то что въ 1839 и 1843 годахъ. Аульская нищета, подавленность, совершенный упадокъ духа, потеря множества лучшихъ людей, давно скрытое недовольство деспотическимъ, беспощаднымъ режимомъ, ослабленіе фанатизма, рядъ безпрестанныхъ неудачъ и т. д., превратили все Шамилевское зданіе въ колеблющуюся въ своемъ основаніи огромную башню, для которой было достаточно одного сильнаго толчка, чтобъ она рухнула“. Три четверти всѣхъ ауловъ были разрушены, сады вырублены, поля не засѣвались уже многіе годы или обрабатывались кое-какъ женщинами, число которыхъ почти вчетверо превышало въ каждомъ аулѣ мужской элементъ, способный носить оружіе или вообще трудиться. Населеніе буквально голодало въ послѣдніе годы до того, что бывшій секретарь Шамиля Гаджи-Али пишетъ: „Клянусь Богомъ, что горцы въ это время иногда по десяти дней и болѣе питались по необходимости одной травой наравнѣ съ домашними животными. И въ этомъ даже состояніи злоупотребленія и насилия корыстолюбивыхъ наибовъ имама, и въ особенности его сыновей, простирались до того, что они буквально душили мюридовъ и приближенныхъ, чтобъ воспользоваться ихъ имуществомъ, когда не представлялось повода обвинить ихъ въ чемъ-либо и убить явно. Дагестанцы, словомъ, перенесли все, что только можетъ перенести человѣкъ, и, дойдя, наконецъ, до крайняго предѣла возможнаго, не только перестали скрывать свое отчаяніе и озлобленіе, но болѣе или

менѣе явно вступили въ переговоры съ пограничными Русскими властями. Благодаря всему этому, зданіе Шамиля обрушилось, и отъ власти его не оставалось и тѣни уже за нѣсколько мѣсяцевъ до вторженія Русскихъ. Весь народъ началъ взывать къ Богу, чтобъ онъ избавилъ его отъ тирановъ. И Богъ услышалъ ихъ молитву!“

Такое сознаніе даже приверженца Шамиля, близкаго къ нему лица, одно объясняетъ, почему Дагестанцы кинули Шамиля на произволъ судьбы, какъ только въ горахъ появились Русскіе отряды. Они принесли съ собою не только освобожденіе отъ невыносимаго гнета, наложеннаго Шамилемъ, но и указали на зарю новой жизни, занявшуюся 25 Августа 1859 г. надъ Гунибомъ.

Пути, благодаря которымъ Шамиль столь долго задерживалъ возможное, къ благу народа, новое направленіе его жизни, пали, и населенію Дагестана предоставлена была возможность свободнодохнуть и пойти по новому пути, указываемому ему новымъ отечествомъ. Чуждая всему народному укладу жизни система управленія замѣнилась системою, основанною на народныхъ обычаяхъ и традиціяхъ; даже ханская власть (о которой еще А. П. Ермоловъ писалъ: „Терзаютъ меня ханства, стыдящія насъ своимъ бытіемъ. Управление ханами есть изображеніе первоначальнаго образованія обществъ; вотъ образецъ всего злодѣйскаго самовластія и всѣхъ распутствъ, унижающихъ челоуѣчество“) даже эта власть, хотя, конечно, значительно умаленная и поставленная подъ контроль, не была сразу уничтожена. Когда же часть приспѣлъ, и ханская власть была устранена, вмѣстѣ съ нею исчезли и послѣдніе слѣды рабства, и Дагестанецъ могъ съ сознаніемъ своей личности именоваться узденемъ. Мало того: желаніе не нарушать народнаго строя жизни удерживало Русскую власть даже до днесъ отъ тѣхъ мѣръ, предъ которыми не остановились бы напр. Англичане; достаточно вспомнить порядки низшей администраціи, гдѣ господствуетъ не Русскій языкъ. Вмѣсто тяжелой воинской повинности, наложенной Шамилемъ, населеніе Дагестана получило полную свободу отъ нея, взамѣнъ чего уплачиваетъ незначительный налогъ, и въ этомъ отношеніи ему могутъ даже позавидовать его единовѣрцы въ Имперіи. Освободивъ отъ военной службы, Русская власть тѣмъ не менѣе сохранила, часто даже ко вреду, населенію оружіе, между тѣмъ, какъ Франція, покоривъ Алжиръ, запретила, подъ страхомъ тяжелыхъ наказаній, Арабамъ имѣть оружіе, особенно огнестрѣльное. Судь по родному адату, производимый при посредствѣ представителей самого населенія, замѣнилъ шаріатскій судъ муфтіевъ, сохранившійся лишь въ ограниченной сферѣ. Дороги, къ сооруженію которыхъ тотчасъ же приступили побѣдители Гуниба, открыли для свободнаго движенія самую глубь горъ, и населеніе получило возможность свободно развивать свою предприимчивость и свою производительную дѣятельность, пользуясь новыми дорогами, подъ охраною Русской власти. Столь угрожаемая, по словамъ Шамиля и другихъ фанатиковъ, религія оставалась совершенно нерушимою и продолжала пользоваться столь же широкою свободою, какъ и прежде. Населеніе могло во очью убѣдиться въ ложности предсказаній имама объ участи, ожидающей правовѣрныхъ, видя цѣлый рядъ своихъ соплеменниковъ-единовѣр-

цевъ, даже изъ числа служившихъ Шамилю, занимающихъ различныя должности по управленію родного края. Знаменательно въ этомъ отношеніи сравненіе съ другими государствами, напр. съ Англією, гдѣ подданные-нехристіане не могутъ и мечтать объ участіи въ управленіи своею родиною или о службѣ въ не-туземныхъ войскахъ. У насъ же въ рядахъ полковъ, боровшихся съ Шамилемъ, насчитывается немало офицеровъ изъ туземцевъ Дагестана, достигшихъ этого званія путемъ образованія, насажденнаго Русскими въ краѣ. Къ сожалѣнію, въ силу многихъ обстоятельствъ, особенно финансоваго свойства, система народнаго образованія въ краѣ не могла получить желательнаго развитія, но и то, что сдѣлано, принесло свои плоды. Не забудемъ, что интересы государства требуютъ, чтобы начальная народная школа насаждала среди разнороднаго его населенія начала Русской государственности и культуры, необходимыя элементарныя знанія и знаніе Русскаго языка, какъ государственнаго, давая государству *Русскихъ* гражданъ туземнаго происхожденія. Народная же туземная масса, смотрящая на всѣ вопросы съ болѣе или менѣе утилитарной точки зрѣнія, требуетъ, чтобы Русская народная школа давала ея дѣтямъ знаніе Русскаго языка, грамотность и нужныя въ ея обиходѣ знанія, особенно практическія, сельско-хозяйственныя и ремесленныя. И въ этомъ отношеніи населеніе Дагестана въ истекшемъ пятидесятилѣтіи его совмѣстной жизни съ Россіей кое-что восприняло, хотя, по указанной причинѣ, не въ достаточной степени. Горская школа, основанная тотчасъ по умиротвореніи края, расширенная потомъ въ прогимназію, а впоследствии и въ реальное училище, видѣла въ своихъ стѣнахъ немало горцевъ; изъ нихъ нѣкоторые достигли потомъ извѣстнаго положенія въ обществѣ. Замѣнившія горскую школу учебныя заведенія многимъ сынамъ Дагестана дали возможность служить родинѣ и отечеству на самыхъ разнообразныхъ поприщахъ общественной дѣятельности. Широко развитая система казенныхъ стипендій, даже въ учебныхъ заведеніяхъ внѣ Дагестана, дала возможность нѣсколькимъ сотнямъ дѣтей его получить среднее и высшее образованіе; часть средствъ, получаемыхъ съ населенія же, идетъ также на это дѣло. Не говоримъ уже о тѣхъ мелкихъ доказательствахъ общенія съ культурою, которыя проявляются въ домашнемъ обиходѣ, внѣшней обстановкѣ, одеждѣ и т. п., которыя были немислимы до 1859 г. и которыя нынѣ встрѣчаются даже въ глухихъ уголкахъ области.

Населеніе Дагестана, войдя въ составъ Россійской Имперіи, медленно, но неукоснительно, движется по пути сближенія съ общимъ отечествомъ, сохраняя въ тоже время всѣ свои особенности, унаслѣдованныя отъ предковъ.

Менѣе, чѣмъ черезъ годъ послѣ паденія Шамиля, одинъ изъ Кавказскихъ дѣятелей писалъ: „Многолѣтніе подвиги и неутомимые труды храбрыхъ войскъ нашихъ увѣнчаны успѣхомъ; могущество Шамиля сокрушено, и большая часть Кавказа покорена; остальные, немногія, еще не признающія нашей власти племена недолго могутъ противостоятъ соединеннымъ усиліямъ нашимъ. Пройдетъ годъ, много два, и гулъ выстрѣловъ совершенно умолкнетъ на всемъ протяженіи отъ Чернаго до Каспійскаго морей. Войну можно считать оконченною. Но этими блистательными результатами нашихъ усилій еще далеко

не разрѣшена задача, выпавшая на долю Россіи въ этомъ удаленномъ уголѣ Европы. Для дѣятельности нашей открывается новое поле; насъ ожидаютъ иного рода труды, не столь блестящіе, но не менѣе тяжелые. Намъ предстоитъ забота объ упроченіи нашего завоеванія. Время военныхъ подвиговъ миновалось; наступилъ періодъ гражданской дѣятельности, которая должна стремиться къ тому, чтобъ, идя сначала рука объ руку съ необходимою еще военною дѣятельностію, мало по малу уменьшить необходимость этой послѣдней и наконецъ совершенно вытѣснить ее. Цѣли этой мы можемъ достигнуть не иначе, какъ убѣдивъ вновь покоренные народы въ томъ, что мы воевали съ ними столько же для своей, сколько и для собственной ихъ пользы, и что именно наше, а не иное другое правленіе необходимо для благоденствія края. Тогда враждебные намъ доселѣ, но облагодѣтельствованные нами народы сдѣлаются нашими братьями по чувству и будутъ благословлять грозный мечъ, заставившій ихъ покориться нашему владычеству. Тогда, несмотря даже на религіозный фанатизмъ, никакой уже Шамиль не будетъ въ силахъ отторгнуть отъ насъ народъ, живущій счастливо и въ достаткѣ и фактически убѣжденный въ томъ, что довольство его есть прямое слѣдствіе благонамѣренности нашего правленія, и что, для полного благосостоянія его, присутствіе наше въ краѣ необходимо“.

Прошло 50 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ были писаны эти глубоко вѣрные строки. Въ теченіе полулѣтка населеніе Дагестана могло убѣдиться въ осуществленіи того, о чемъ, какъ о желательномъ, писалъ авторъ ихъ.

Пожелаемъ отъ души, чтобъ юбилей на Гунибѣ укрѣпилъ народы нашего края въ этомъ мнѣніи и далъ имъ новыя силы жить и работать въ томъ же направленіи. Тогда никакія злыя нашептыванія и коварныя внушенія враговъ Россіи и ложныхъ друзей Дагестана не помѣшаютъ имъ, отдавъ дань почтенія прошлому, съ упованіемъ смотрѣть на будущее подъ сѣнью престола Всероссійскаго Бѣлаго Царя.

Е. Козубскій.

Гор. Т.-Х.-Шура,
25 Іюля 1909 г.

(Изъ приложеній къ 26-му номеру „Дагестанскихъ Областныхъ Вѣдомостей“ 1909 года).

П О П Р А В К И.

По поводу нашей замѣтки о книжкѣ барона Де-Бая намъ прислали слѣдующее.

Баронъ Де-Бай живетъ въ имѣніи своемъ Château de Baye, въ Шампаньѣ, которое служитъ опроверженіемъ того мнѣнія, что замки строились, имѣя въ виду самозащиту и непремѣнно на возвышенностяхъ. Замокъ барона въ лощинѣ и хотя существуетъ съ XIII вѣка, но никогда укрѣпленъ не былъ. У него тамъ залъ, обращенный въ Музей нашихъ Русскихъ кустарныхъ издѣлій изъ различныхъ мѣстностей. Свою цѣнную археологическую коллекцію онъ пожертвовалъ Музею St-Germain en Laye, гдѣ нѣкогда былъ дворецъ Людовика XIII. Съ тамошней террасы лучшій видъ на Парижъ. Близъ самаго замка поле сраженія Шампоберъ, и Русскія ядра, попавшія въ зданія мѣстечка, донынѣ видны. Попадаютъ въ землѣ небольшія иконы и тѣльники, очевидно принадлежавшіе убитымъ нашимъ солдатамъ 1814 года.

*

Помѣщенное въ 8-мъ выпускѣ „Русскаго Архива“ (стр. 539) письмо къ Н. А. Муханову о Пушкинѣ наводитъ на слѣдующія соображенія.

Оно писано, по всей вѣроятности, Иваномъ Алексѣвичемъ Яковлевымъ. „Вотъ уже три мѣсяца слишкомъ (пишетъ Н. А. Муханову неизвѣстный корреспондентъ) какъ я въ Парижѣ, я еще ни франка не проигралъ... и нѣтъ у меня ни одной danseuse de l'Opéra на содержаніи, да и въ виду не имѣется... Мнѣ смѣшно самому, что я въ Парижѣ гораздо и гораздо умнѣе живу, нежели въ Петербургѣ“...

Письмо помѣчено 8 Декабря 1829 г. Вскорѣ, 22 Января 1830 г., Пушкинъ писалъ М. О. Судіенкѣ: „Объ Яковлевѣ имѣю печальныя извѣстія. Онъ въ Парижѣ, не играетъ, къ дѣвкамъ не ѣздитъ и учится по-англійски“... Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ „Jean de...“—И. А. Яковлевъ. Извѣстно одно письмо Пушкина къ Яковлеву, въ „Русскомъ Архивѣ“ (1882 г. II, 309), отнесенное В. И. Саитовымъ (Переписка Пушкина, изд. Академіи Наукъ, II, 393) ко второй половинѣ Ноября 1829 г. „Ты ѣдешь на дняхъ, а я все еще въ долгу“, писалъ Яковлеву Пушкинъ. Яковлевъ 8 Декабря 1829 г. былъ въ Парижѣ „уже три мѣсяца слишкомъ“. Нужно думать, что Яковлевъ немного ошибся и преувеличилъ время своего пребыванія въ Парижѣ. Пушкинъ пріѣхалъ съ Кавказа въ Москву въ серединѣ Сентября 1829 г. (21 Сентября онъ подарилъ Ек. Н. Ушаковой свои „Стихотворенія“, см. „Пушкинъ и его современники“, вып. II-й), и поэтому письмо Пушкина къ Яковлеву вѣрнѣе будетъ отнести ко второй половинѣ Сентября 1829 года.

Н. Лернеръ.

міръ своєю геніяльністю и памятнаго доселѣ по всей Россіи. Онъ же и необыкновенный предметъ изученія психологическаго. Воля его не устояла противъ вліянія жены и ея руководителя „полудержавнаго“ князя Меншикова. О коронованіи солдатки, бывшей поварихи пастора Глюка, сохранилось цѣлое, начавшееся съ 1718 года, дѣло (оно вѣроятно теперь уже распечатано и подлежитъ оглашенію). Къ концу своей жизни великій человѣкъ остался одинокъ. По словамъ одного иностранца онъ ходитъ по церквамъ, и деревянный полъ дрожитъ отъ его земныхъ поклоновъ. Онъ говорилъ, что пролилъ собственную кровь свою и лишь не задолго до кончины допустилъ къ себѣ измѣнившую ему Екатерину. Вотъ что тогда записалъ о немъ Вильбуа:

„Я знаю отъ одной Французской дѣвицы, которая состояла на службѣ у принцессы Анны и Елисаветы, что Царь, возвращаясь однажды вечеромъ изъ Петропавловской крѣпости, гдѣ занимались допросами Монса-де-ла-Круа, неожиданно и безъ свиты вошелъ въ комнату этихъ двухъ принцессъ, занимавшихся рукодѣліемъ съ нѣсколькими молодыми дѣвицами, къ нимъ приставленными, сколько для воспитанія, столько и для удовольствія. У него, говорила мнѣ эта дѣвица (Француженка), былъ видъ такой страшный, такой угрожающій, настолько онъ былъ внѣ себя, что видѣвшіе его приходъ объаты были ужасомъ. Онъ былъ блѣденъ, какъ смерть, глаза его блистали и въ то время казались одичавшими (égarés). Лицо его и все тѣло, казалось, были въ конвульсіяхъ. Онъ шагаль (ходилъ) въ теченіе нѣсколькихъ минутъ, не говоря никому ни слова и бросая страшные взгляды на своихъ дочерей, которыя, испуганныя и дрожащія, потихоньку одна за другою, какъ равно и всѣ прочія лица, скрылись въ другую комнату... Онъ вынималъ изъ ноженъ и вновь туда вкладывалъ разъ 20 охотничій ножъ, который онъ всегда носилъ на себѣ; онъ имъ ударялъ по стѣнамъ и по столу нѣсколько разъ, при чемъ дѣлалъ такія гримасы, и такія ужасныя были у него корчи, что маленькая Французская дѣвица, которая еще не успѣла скрыться, не зная куда дѣваться, спряталась подъ столъ, гдѣ она осталась, пока онъ не вышелъ. Эта молчаливая сцена продолжалась около получаса, во время которой онъ поминутно пыхтѣлъ, стучалъ ногами и кулаками, бросалъ на землю свою шапку и все, что попадалось ему въ руки, наконецъ уходя онъ захлопнулъ дверь съ такою силою, что она слетѣла съ петель (la rompit).“

Замѣчательно сопоставленіе политической дѣятельности графовъ Остермана и Нессельроде; но должно сказать, что Остерманъ былъ въ значительной степени самостоятеленъ, тогда какъ графу Нессельроде приходилось только исполнять волю императоровъ Александра и Николая Павловичей. Любопытна замѣтка: „Плерэзы, шинны, каструмъ-долорисъ“ и т. п.; все это отраженіе преобразовательнаго періода, обратившаго церковь православную въ вѣдомство, составившее часть великой бюрократической машины, нынѣ доживающей свой вѣкъ“.

Будемъ ждать второй части предпринятаго г-номъ С. Ш. труда, въ первой части котораго почти два десятилѣтія XVIII вѣка являются уже въ новомъ свѣтѣ.

П. В.

че, какъ въ Гостинномъ дворѣ; Екатерина дозволила имъ заводить лавки и конторы въ домахъ частныхъ. Тогда Французская торговля развилась преимущественно на Кузнецкомъ мосту, который нѣкогда былъ такъ называемымъ тупикомъ: отъ старожилонъ слышалъ я, что проѣздъ на Лубянку загромождался домомъ, а внизу приходилось спускаться по ступенькамъ къ мосту черезъ рѣчку Неглинную и къ стоявшей на ней мельницѣ. Французскіе торговцы сначала водворились въ верхней его части, и въ книжкѣ г. Таствена собраны показанія о домахъ въ этой мѣстности, столь памятной въ исторіи, такъ какъ тутъ дрался князь Пожарскій съ Поляками, а черезъ двѣсти лѣтъ дѣйствовалъ графъ Ростопчинъ. Вся эта палестина отъ Охотнаго ряда и стѣны Китай-города почти до Цвѣтнаго бульвара представляется читателю какъ на ладони. Тутъ встрѣчаемъ любопытнѣйшія свѣдѣнія о домовладѣльцахъ: книжный магазинъ и типографія П. П. Бекетова, фабрика шелковыхъ издѣлій Михаила Милютина (дѣдъ графа), домъ графа И. Л. Воронцова.

Какъ истый Французъ, благородно приверженный къ отечеству своихъ предковъ, г. Таственъ конечно не могъ излагать о 1812 годѣ того, что ему извѣстно лучше многихъ другихъ, и въ этомъ отношеніи его книжка можетъ быть сопоставлена съ книжкою Guide de Moscou покойнаго А. А. Гатцуга, которая была заказана княземъ В. А. Долгорукимъ на случай пріѣзда въ Москву Французскаго посла въ 1870 г.: въ ней ничего непріятнаго для представителя императора Наполеона III-го не помѣщено.

Во всякомъ случаѣ „Исторія Французской Общины въ Москвѣ“ есть вѣское приобрѣтеніе исторіографіи, и ей слѣдуетъ появиться въ Русскомъ переводѣ. **П. В.**

ПАМЯТИ ГРАФА Н. П. ИГНАТЬЕВА. Рѣчи, произнесенныя на торжественномъ собраніи С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества 30-го Ноября 1908 г. С.Пб. 1909 г. 8-о, 48 стр.

Рѣчи А. А. Нарышкина, К. А. Губастова, П. Д. Паренсова, А. А. Башмакова и Г. И. Капчева. Въ особенности любопытна рѣчь-статья К. А. Губастова о дѣятельности гр. Игнатьева въ Пекинѣ; но не упомянуто, что онъ воспользовался трудами архим. Гурія, начальника Пекинск. Духовной Миссіи.

*

Я. П. Новицкій. Запорожскіе и Гайдамацкіе влады.

Малорусскія народныя преданія, повѣрія и рассказы, собранные въ Екатеринославщинѣ. Александровскъ. 1908 г. 8-о 76 и 2 нумер. стр.

*

К. П. Павловъ-Селиванскій.

Государевы служилые люди. Люди кабальные и докладные. 2-е изданіе С.Пб. 1909 г. 8-о X и 336 стр.

*

Хронологическій списокъ учено-литературныхъ трудовъ Н. П. Барсукова. Съ указаніемъ матеріаловъ для его біографіи и некрологовъ его. Составилъ В. Е. Рудаковъ. С.Пб. 1909 г. 8-о 31 стр.

Это прекрасная дань памяти великаго трудолюбца и вполне достопамятнаго въ исторіи Русскаго просвѣщенія дѣятеля. Не знаемъ, упомянуто ли въ некрологахъ, что онъ былъ, по матери своей, Апполинаріи Ивановнѣ Бартеневой, внучатымъ племянникомъ, воспитанаго Д. В. Давыдовымъ и кн. П. А. Вяземскимъ Алексѣя Петровича Бурцева: таже пылкая настойчивость,—у одного въ жизни и на полѣ брани, у другого обращенная въ область историческаго знанія. **П. В.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА
РУССКІЙ АРХИВЪ
1910 года.

(Годъ 48-й)

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1910 году, за **двѣнадцать выпусковъ**, съ пересылкой и доставкой **девять рублей**, для чужихъ краевъ—**двѣнадцать рублей**.

Подписка въ **Москвѣ**, въ Конторѣ „Русскаго Архива“, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ (на дворѣ).

Отвѣтственность за исправную доставку книгъ принимается лишь для тѣхъ лицъ и учреждений, которыя подписались въ Конторѣ „Русскаго Архива“.

При перемѣнѣ адреса надо присылать номеръ перемѣняемаго. Перемѣна Московскаго адреса на иногородній—**40** коп. Перемѣна иногороднаго на иногородній или городского на городской—**30** коп.

Первыя двѣ книги „Русскаго Архива“ 1909 г. (выпуски 1—8) съ особымъ счетомъ страницъ, заглавіемъ и оглавленіемъ, могутъ быть покупаемы отдѣльно. Каждая по **3** р. съ пересылкою.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **Петръ Бартеневъ**.

СОРОКЪ СЕДЬМОЙ ГОДЪ СЪ ОСНОВАНІЯ

РУССКІЙ АРХИВЪ

1909

11.

Стр.

193. Моровое повѣтріе въ Москвѣ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. 1654 г. (Князь М. П. Пронскій).
197. Письма изъ Парижа о Россіи во времена былыя.
202. Запись современника о кончинѣ Екатерины Великой. Р. С. Трофимовича.
204. Изъ разсказовъ А. И. Васильчиковой (Пріѣздъ Александры Ѳеодоровны Первой.—Кончина Маріи Ѳеодоровны Первой).
208. Забытыя первыя жертвы Коканскаго похода. Изъ записокъ Н. Н. Трионова (Сообщено полковникомъ Фонъ-Дрейеромъ).
216. Императоръ Александръ Третій и М. Г. Черняевъ. (Запись А. М. Черняевой).
222. Двѣ замѣтки къ сочиненіямъ Пушкина («Скупой Рыцарь» и «Мѣдный Всадникъ»). А. Н. Сиротинина.
237. Изъ семейной драмы Пушкина. Н. О. Лернера.
241. Изъ портфеля стараго журналиста. Письма къ Ф. А. Кони: Нольцова, Струйскаго, Н. А. Полеваго, Григоровича, А. Григорьева, Полонскаго, Майнова, Толбина, Берга, гр. Растоячиной, Крешева, Загоскина, кн. Кугушева, Никитина, Толстаго. Съ предисловіемъ А. Ф. Кони.
273. Вѣра Молчальница. Отца Николая Грузинскаго.
294. Къ біографіи Н. К. Кетчера. Его опредѣленіе врачевъ въ Приказъ Общественнаго Призрѣнія.
286. Воспоминанія Е. И. Сѣднова. Сообщены И. В. Помяловскимъ.
319. Дополненіе къ статьѣ о Е. И. Бутягиной. Н. А. Губастова.
321. Изъ дневника генералъ-лейтенанта И. Д. Попко.
340. Памяти покойнаго Наслѣдника-Цесаревича Георгія Александровича. С. П. Бартенева.
347. Къ двухсотлѣтнюю памяти Святаго Димитрія Ростовскаго (Его дневникъ).
349. Чья это кисть? Замѣтка П. А. Россіева (объ иконѣ Распятія въ селѣ Вытздномъ).
- 351 и 352. Некрологи: А. А. Половцевъ и Протоіерей С. И. Поповъ. Внутріи сорочки: объ Академическомъ изданіи сочиненій Кольцова.

МОСКВА.

Синодальная Типографія.

1909.

А. В. КОЛЬЦОВЪ. ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ. Подъ редакціей А. І. Лященко. Академическая Библіотека Русскихъ Писателей. Выпускъ І. Изданіе Разряда изящной словесности Императорской Академіи Наукъ. Спб. 1909 г. 444 стр.

Изданіемъ перваго выпуска „Академической Библіотеки Русскихъ Писателей“, заключающаго въ себѣ полное собраніе сочиненій А. В. Кольцова, Разрядъ изящной словесности Академіи Наукъ приступилъ къ осуществленію своего предпріятія: представить нашихъ писателей въ научныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ общедоступныхъ изданіяхъ. Въ основу настоящаго выпуска положенъ текстъ, принятый въ первомъ изданіи „Стихотвореній Кольцова“ (1846 г.), дополненный произведеніями, появившимися въ періодическихъ изданіяхъ, современныхъ Кольцову, и установленный согласно тексту рукописей. Изъ неизданныхъ произведеній Кольцова въ настоящемъ изданіи помѣщено: письмо Кольцова къ князю В. О. Одоевскому, стихи „Тоска о миломъ“, двѣ народные пѣсни, записанныя Кольцовымъ, и составленный имъ сборникъ „Русскихъ пословицъ“. Изданіе снабжено біографическимъ очеркомъ и характеристикой литературной дѣятельности Кольцова. Въ отдѣлѣ приложеній даны: описаніе рукописей Кольцова, обзоръ изданій его сочиненій, обзоръ (въ видѣ статьи) литературы о немъ. Приложены портреты и факсимиле Кольцова.

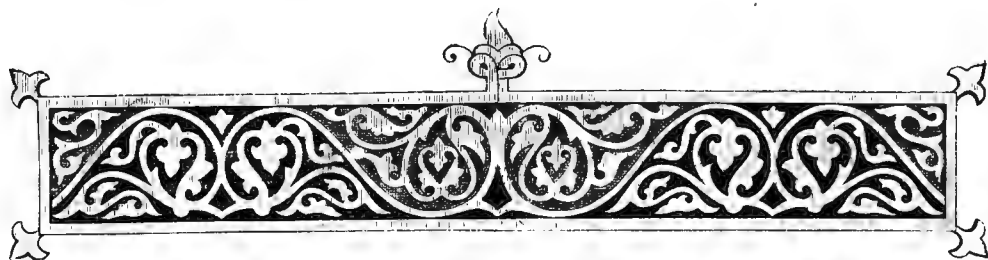
И. Д.

Это прекрасное изданіе дѣлаетъ большую честь А. І. Лященко. Онъ обнаружилъ чувство мѣры и не отяготилъ читателя, выставя ему на показъ свою черновую мелочную работу.

Избытокъ усердія бываетъ иногда хуже нерадѣнія: такъ въ академическомъ сборникѣ свѣдѣній о Пушкинѣ и его современникахъ является сестра Вульфа съ жалобой на бывшихъ ея крѣпостныхъ людей! Такимъ усердіемъ отличаются не у насъ только: издатели сочиненій Гёте печатаютъ даже писанные имъ счета бѣлья, которыя онъ отдавалъ прачкѣ. Покойный профессоръ Печоринъ писалъ, что въ Германіи готова устроиться особая кафедра для изученія мушинаго крыла.

Значительная часть вышедшей книги занята письмами Кольцова, преимущественно къ Бѣлинскому, и нельзя не пожалѣть, что не имѣется доселѣ въ печати отвѣтныхъ писемъ Бѣлинскаго. Письма Кольцова необыкновенно занимательны и важны въ отношеніи психологическомъ. Онъ рано умеръ, изнемогши въ борьбѣ между впечатлѣніями родной степи и обѣихъ нашихъ столицъ. Въ торговыхъ дѣлахъ ему покровительствовали князь Одоевскій и князь Вяземскій (служившій тогда въ Министерствѣ Финансовъ), а добрымъ геніемъ былъ и для него Жуковскій въ томъ году, когда въ Рязани открылъ онъ Полонскаго, въ Сибири Милькеева, въ Вяткѣ облегчилъ судьбу ссыльнаго Герцена. Но сблизиться съ своими покровителями Кольцовъ не могъ или не успѣлъ.

А. І. Лященко приводитъ рядъ отзывовъ о Кольцовѣ и оцѣнокъ его. Намъ кажется, что вѣрнѣе и правдивѣе всѣхъ писалъ о немъ Де-Пуле. Кольцовъ измѣнилъ своему родному краю, Воронежской степи, которымъ обязанъ былъ художественнымъ вдохновеніемъ. Онъ выросъ въ книжно-невѣжественной, но благочестивой семьѣ; побывавъ же въ столицахъ, уже могъ, въ письмѣ къ Бѣлинскому, относиться къ

Моровое повѣтріе въ Москвѣ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ.

... Кто жизнію своей
игралъ предъ сумрачнымъ недугомъ...

Это Николай Первый, вмѣнившій себѣ въ долгъ явиться на Сѣнной площади въ Петербургѣ и пріѣхать въ охваченную холерою Москву, гдѣ онъ посѣтилъ больницу съ заразными больными. Это славный П. Д. Еропкинь. Это князь Г. Г. Орловъ (подвигъ котораго ознаменованъ воротами въ Царскомъ Селѣ съ надписью: „Орловымъ отъ бѣды избавлена Москва“). Вѣкомъ раньше такимъ же героемъ самопожертвованія былъ человѣкъ, нынѣ забытый; это бояринъ князь Михаилъ Петровичъ Пронскій¹⁾.

Лѣтомъ 1634 года въ Москвѣ начался моръ, и его неизбежно сопровождало народное волненіе, поводомъ къ которому послужили новые порядки въ дѣлахъ церковныхъ, введенные не задолго передъ нимъ вступившимъ на патріаршій престолъ Никономъ: по его распоряженію на Никольской, въ типографіи, печатались исправленные богослужебныя книги, и кромѣ того подновлялись старинныя иконы. Изъ за иконы Спаса Нерукотвореннаго (какъ вѣкомъ позже изъ за Боголюбской Божіей Матери) пачался мятежъ, грозившій принять большіе размѣры. Молодой царь находился въ походѣ на Литву. Его семейство спасалось отъ заразы у Троицы-Сергія съ патріархомъ, который въ это время пользовался неограниченнымъ довѣріемъ Государя (будучи на 25 лѣтъ его старше и превосходя его умомъ и опытностью власти). Кремль опустѣлъ, и ворота его, кромѣ Боровицкихъ, были заперты; царскіе покои заложены стѣнками, дабы не проходилъ въ нихъ зараженный воздухъ. Бѣлое духовенство по большей части покинуло Москву. Но воевода князь Пронскій успѣлъ пресѣчь мятежъ мѣрами убѣжденія²⁾.

Какими мѣрами боролись тогда съ чумою, видно изъ нижеслѣдующихъ подлинныхъ бумагъ. Вотъ одно изъ донесеній князя Пронскаго, отправленное къ Троицѣ на имя царицы Маріи Ильиничны и младенца великаго князя Алексѣя Алексѣевича.

¹⁾ Можетъ быть, потомокъ владѣтельныхъ князей Пронскихъ. Покойный хранитель рукописей Румянцевскаго музея, Лебедевъ готовилъ исторію Пронскаго княжества. П. Б.

²⁾ См. Исторію Россіи С. М. Соловьева X, 1668—1670, послѣдняго изданія.

Государынѣ царицѣ и великой княгинѣ Марьѣ Ильичнѣ и Государю благовѣрному царевичу и великому князю Алексѣю Алексѣевичу холопи ваши Мишка Пронской съ товарищи челомъ бьютъ.

Августа, государи, въ 11 день била челомъ вамъ государемъ боярина Василья Петровича Шереметева жена Овдотья Богдановна¹⁾, а къ намъ холопямъ вашимъ прислала челобитную, и тоё челобитную къ вамъ государемъ послали мы холопи ваши тогожь числа.

Челобитная боярыни А. В. Шереметевой.

Государю, царю и великому князю Алексѣю Михайловичу, всеа великія и малыя Россіи самодержцу, бьетъ челомъ раба твоя боярина Василья Петровича Шереметева женишко Овдотьяца.

Изволениемъ, государь, Божіимъ дочь у меня рабы твоя умерла, и людишка, государь, померли, и попъ, государь, умеръ, и я раба твоя, по твоему государеву указу, сослана въ подмосковную свою вотчину въ Кусково за карауломъ. И мнѣ рабѣ твоей, живучи въ деревнишкѣ съ достальными людишками, помереть голодною смертію и безъ пѣнія. Милосердый государь, царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ, всеа великія и малыя Россіи самодержецъ, пожалуй меня рабу свою, вели, государь, отпустить въ Коломенскую деревнишку. Царь государь, смилуйся, пожалуй!

Грамота князю Пронскому²⁾.

Отъ государыни царицы и великія княгини Марьи Ильичны и отъ государя царевича и великого князя Алексѣя Алексѣевича бояромъ нашимъ князю Михаилу Петровичу Пронскому съ товарищи. Писали вы къ намъ и подъ отпискою прислали челобитную, что била челомъ великому государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичу всеа великія и малыя Россіи самодержцу боярина нашего Василья Петровича Шереметева жена боярыня Овдотья Богдановна, чтобъ государь пожаловалъ, велѣлъ ея изъ подмосковныя ея вотчины изъ деревни Кускова отпустить въ Коломенскую ея деревню, чтобъ ей въ той подмосковной деревнѣ съ достальными людьми за карауломъ голодною смертію не помереть и безъ пѣнія не быть.

И то намъ вѣдомо, что Московскаго государства всякихъ чиновъ людямъ моровое повѣтріе учало быть отъ двора боярина нашего Василья Петровича Шереметева, и ей боярынѣ Овдотѣ Богдановнѣ изъ под-

¹⁾ Рожденная Полева. П. Б.

²⁾ Отъ имени царицы и ея сына распоряжался конечно Никонтъ. П. Б.

московной деревни Кускова затѣмъ ѣхать и въ Коломенскую деревню никуда нельзя, чтобъ въ Коломенской деревнѣ и въ околныхъ деревняхъ отъ ея прїѣзду людямъ также бы не учинилось.

И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы бѣ боярина нашего Василья Петровича Шереметева женѣ боярынѣ Овдотѣ Богдановнѣ велѣли сказать, что ей изъ той подмосковной деревни Кускова ѣхать никуда нельзя, потому что на Москвѣ моровое повѣтріе учинилось отъ ихъ двора*), и отъ морового повѣтрія всякихъ чиновъ людей померло много, и Московского государства всякихъ чиновъ людямъ отъ того учинилось разоренье и неустройство большое. А какъ у нихъ такая болѣзнь на люди во дворѣ объявилась, и они про то таили, а намъ не извѣстили; а только бы о той болѣзни въ тоѣ пору, какъ такая болѣзнь у нихъ во дворѣ на люди объявилась, извѣтъ къ намъ былъ, и по нашему бѣ указу велѣно всякихъ чиновъ людямъ такой болѣзни оберегаться. И затѣмъ въ ея Коломенскую деревню ѣхать нельзя, чтобъ въ той Коломенской деревнѣ и въ околныхъ деревняхъ отъ ея прїѣзду такія жъ болѣзни не учинилось, и велѣли ей въ той подмосковной деревнѣ быть за карауломъ по прежнему, а караульщикомъ велѣли приказывать накрѣпко, чтобъ они изъ той деревни Кускова никакого человѣка никуда не выпускали, также бы и въ тоѣ деревню никакихъ людей не пропускали, того бѣ остерегали гораздо всякими мѣрами накрѣпко.

А какъ ей боярынѣ Овдотѣ Богдановнѣ учинится какая болѣзнь, и вы бѣ около той деревни Кускова въ околныхъ въ ближнихъ селѣхъ велѣли выбрать попа, кого пригоже, и велѣли ему въ тоѣ деревню Кусково идти въ самомъ худомъ платьѣ, а съ собою взять дароносицу да патрахель да книгу, по чему ему въ той деревнѣ исповѣдовать и причащать, да другое платье, въ чемъ ему изъ той деревни выдти, и то платье велѣли ему оставить у стрѣльцовъ, которые у той деревни Кускова („стоятъ“—зачеркнуто), на караулѣ, и приказали ему въ деревнѣ Кусковѣ боярыню Овдотю Богдановну и ея людей и крестьянъ и ихъ женъ и дѣтей, которые съ нею въ той деревнѣ, исповѣдать и причастить запасными дары, а подаванія никакого принимать ему у нихъ не велѣтъ. А какъ онъ ихъ исповѣдаетъ и причастить, и ему изъ той деревни велѣтъ взять съ собою дароносицу и патрахель и книгу, а платье, въ чемъ онъ въ тоѣ деревню пойдетъ, велѣтъ ему оставить все и сапоги въ той деревнѣ Кусковѣ, а ему велѣтъ одѣтца

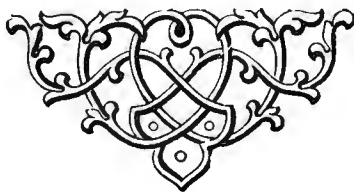
*) Дворъ Шереметевыхъ былъ въ Кремлѣ у стѣны, на томъ мѣстѣ, гдѣ при Петрѣ Великомъ выстроень арсеналъ, позднѣе обставленный взятыми у непріятеля пушками. П. Б.

въ то платье, которое оставить у стрѣльцовъ на караулѣ. А однолично бѣ тому попу велѣли приказать накрѣпко, чтобъ онъ учинилъ все по сему нашему указу*). Писанъ на нашемъ стану въ Троицкомъ Сергіевѣ монастырѣ лѣта 7162 Августа въ 15 день.

Воевода князь М. П. Пронскій заразился тоже и погибъ жертвою своего самоотверженія, 11 Сентября 1654 года. П. Б.

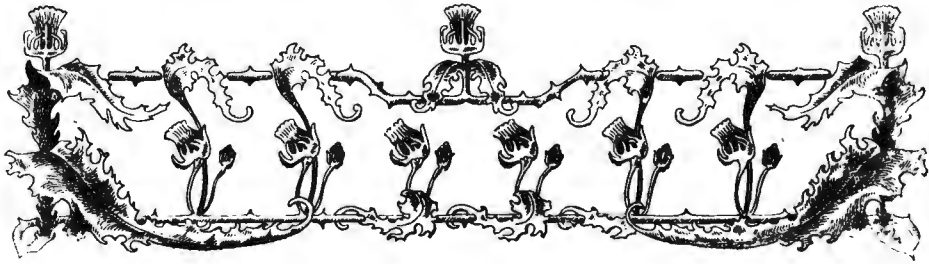
Общій Архивъ Министерства Императорскаго Двора столбецъ Оружейной Палаты 162 года (1654). По описи 26-й № 30 (1307).

(Сообщилъ графъ С. Д. Шереметевъ).

*) Выписка на оборотѣ: „А хлѣба и иныхъ запасовъ велѣли бѣ привезть въ деревню Кусково къ боярынѣ Овдотѣ Богдановнѣ изъ Коломенской ея деревни сколько ей пригожѣ, смотря по людямъ и велѣли тотъ хлѣбъ и запасы крестьяномъ, которые привезутъ, сложить у деревни Кускова на заставѣ, а съ заставы тотъ хлѣбъ и запасы отдать тѣмъ людямъ, которые живутъ въ деревнѣ Кусковѣ“.

Еще на другомъ листѣ приписка: „Вклеена отписка отъ бояръ съ Москвы о денежной и ефимочной казнѣ и о хоромѣхъ, что запечатаны“.

Изъ Парижа о Россіи во времена бывлыя ¹⁾.

Изъ Парижа, 1-го Іюля 1774.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ смерти покойнаго короля, нѣкій танцоръ изъ оперы, по фамиліи Доберзаль (d'Auberval), разоренный и въ долгахъ, распустилъ слухъ, будто Русская Императрица велѣла предложить ему блестящее положеніе, если онъ переѣдетъ въ Петербургъ. Графиня Дюбари ²⁾ вообразила, что честь и интересы ея націи требуютъ отразить и воспротивиться такой уtratѣ. Она устроила сборъ, неприличный и по своей цѣли, и по тому, какъ она дѣйствовала: всѣхъ она заставляла принимать участіе въ этомъ сборѣ. Ей удалось уплатить долги танцора, и она вообразила, что покрыла себя славою, сохранивъ его для Франціи.

*

Изъ Парижа, 15 Іюля 1774.

Всѣмъ извѣстно, что герцогъ Шуазель—виновникъ возгорѣвшейся войны между Россіей и Портой. Однажды вечеромъ, по возвращеніи его домой, швейцаръ подаетъ ему письмо, принесенное Савояромъ. Оно было помѣчено изъ Венеціи, написано неизвѣстнымъ почеркомъ и безъ подписи. Вотъ что онъ прочелъ въ немъ: „Въ совѣтъ Русской Императрицы рѣшено вооружить флотъ, предназначенный для Средиземнаго моря и долженствующій атаковать Турокъ въ Мореѣ, гдѣ Русскіе уже подготовили соумышленниковъ; мы сочли долгомъ уведомить васъ объ этомъ.....“ Такой замыселъ показался Шуазелю до

¹⁾ Покойный князь П. А. Вяземскій сообщилъ въ „Русскій Архивъ“ сдѣланныя по его указаніямъ выписки изъ книги: *Extraits concernant la Russie et tirés de la correspondance secrète, politique et littéraire, ou mémoires pour servir à l'histoire... depuis la mort de Louis XV, publiés à Londres en 1787.* Въ то время газетъ почти не было; люди государственные и занимавшіеся политикою узнавали новости изъ частныхъ писемъ и сообщеній словесныхъ. П. Б.

²⁾ Любовница скончавшагося въ этомъ году Людовика XV-го. П. Б.

того необыкновеннымъ и неправдоподобнымъ, что онъ не обратилъ вниманія на полученное увѣдомленіе и сначала никому о немъ не сказалъ; между тѣмъ онъ не замедлилъ узнавать объ основательности извѣстія и въ тоже время получилъ второе письмо, опять изъ Венеціи, написанное тѣмъ же почеркомъ и опять безъ подписи. Въ немъ сообщалось: „Теперь вы не можете не знать, что свѣдѣнія, сообщенныя вамъ мною, были достовѣрны; не менѣе достовѣрно то, что Русскій флотъ продолжаетъ спѣшно вооружаться, и конечно, Французскій и Испанскій дворы не посмотрятъ на это равнодушно.....“

Тогда герцогъ Шуазель ужъ больше не колебался и отнесъ оба полученныя имъ письма въ государственный совѣтъ короля, гдѣ и предложилъ вооружиться за одно съ Испаніей и объявить враждебнымъ любое Русское военное судно, которое войдетъ въ Средиземное море. Министры, знавшіе миролюбивыя намѣренія покойнаго короля, были противнаго мнѣнія и полагались во всемъ на Провидѣніе.

Наконецъ пришло третье письмо приблизительно въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Очень странно, что вы не обратили никакого вниманія на полученныя отъ меня увѣдомленія; между тѣмъ вы должны были признать ихъ правдивость. Въ послѣдній разъ да будетъ вамъ извѣстно, что Русскій флотъ готовъ сняться съ якоря. Ему приказано зайти въ Англію и если Франція и Испанія сдѣлаютъ малѣйшую демонстрацію, Русскій флотъ дальше не пойдетъ.....“ Герцогъ Шуазель и это письмо представилъ на усмотрѣніе короля и болѣе чѣмъ когда либо настаивалъ на необходимости, сговорившись съ Испанцами, послать въ Тулонъ самый спѣшный приказъ о вооруженіи всѣхъ находившихся тамъ судовъ. Миролюбивое настроеніе короля и его министерства раздражило Шуазеля. Онъ думаетъ, что извѣстія эти присылались ему Пруссимъ королемъ, который былъ очень радъ возжечь войну, дабы извлечь пользу изъ возникавшихъ въ Польшѣ смутъ. Тотъ же духъ миролюбія помѣшалъ покойному королю принять участіе въ этихъ смутахъ. Достовѣрно, что когда смуты начали обнаруживаться, императоръ *) написалъ ему два письма, приглашая присоединить его силы къ своимъ противъ Прусскаго короля.

*

Противъ князя Чарторижскаго, Поляка, потомка древнихъ Ягелловъ, нѣкій графъ Потоцскій, пфальц-графъ Полоцкой губерніи, подалъ въ консульскій коммерческій судъ искъ на денежную сумму, которую ему былъ долженъ свекръ князя Чарторижскаго и за которую князь,

*) Т. е. Германскій П. Б.

какъ зять, поручился. Князь не зналъ о начатомъ противъ него судо-производствѣ; но онъ былъ бы о немъ своевременно освѣдомленъ, если бы судебный приставъ, которому было поручено предъявить къ нему требованіе объ уплатѣ, добросовѣстно исполнилъ свою обязанность, состоявшую въ томъ, чтобы представить должнику, лично, три требованія объ уплатѣ: послѣ этой формальности должника арестуютъ за неплатежъ. Консульскій же судебный приставъ выбросилъ два первыя предъявленія требованія объ уплатѣ, а черезъ полчаса послѣ того какъ онъ отдалъ швейцару князя третье предъявленіе, имѣющее значеніе приговора, является чиновникъ полиціи, объявляющій князю, что имѣетъ приказаніе арестовать его.

Полякъ, который ничего не зналъ о происходящемъ, думаетъ, что достаточно будетъ его слова, чтобы не допустить судебного пристава прибѣгнуть къ насилию; но тотъ отвергаетъ его предложенія. Приходитъ банкиръ князя, хочетъ дать половину суммы (въ сто тысячъ) и поручиться за остальное къ слѣдующему дню. Безжалостный блюститель закона ничему не внимаетъ. Было шесть часовъ. Банкиръ такъ усердно работаетъ, что собираетъ наконецъ свои капиталы и отдаетъ ихъ судебному приставу около 9-ти часовъ вечера. Замѣьте, что приставъ не былъ бы такъ любезенъ и не ждалъ бы такъ долго: но герцогъ Лозюнь, любовникъ княгини Чарторижской, оказалъ на него давленіе. Князь подалъ въ парламентъ жалобу на столь неприличный способъ дѣйствій, и такъ какъ въ формулѣ его поручительства нашли ограничительныя условія, ограждавшія его отъ преслѣдованій, то онъ вполне выигралъ процессъ противъ графа Потоцкаго, котораго заставили отдать князю его деньги. Судебный приставъ, выбросившій предъявленія требованія объ уплатѣ, былъ отрѣшенъ отъ должности.

Меньшиковъ, трагедія Лагарпа.

Изъ Парижа, 25-го Ноября 1775 г.

При дворѣ играли трагедію „Меньшиковъ“, авторомъ которой Лагарпъ. Вотъ смыслъ этого романическаго *imbroglio* *), прикрытаго пышнымъ названіемъ трагедіи.

Меньшиковъ сосланъ въ Сибирскія пустыни: сцена представляетъ это ужасное мѣсто, и декорации исполнены прекрасно; видны жалкія лачуги, деревья, въ нѣкоторомъ родѣ стонущія подъ тяжестью снѣга. Все это очень красиво; но посмотримъ, долженъ ли поэтъ дѣлать успѣхъ декоратора.

*) Такъ называется театральное представленіе путаннаго содержанія. П. Б.

И такъ Меньшиковъ находится въ числѣ тѣхъ несчастныхъ жертвъ, которыя влачатъ свою жизнь и страданія въ этомъ печальномъ мѣстѣ. Кого же онъ тамъ встрѣчаетъ? Нѣкоего Вольдемара, котораго онъ, во времена своей власти, велѣлъ сослать въ Сибирь. Слѣдовало ожидать, что это лицо будетъ явнымъ врагомъ Меньшикова и что онъ питаетъ къ нему чувство мести. Ему недостаточно упрекать опальнаго вельможу въ томъ, что онъ сослалъ его: Меньшиковъ имѣетъ еще преимущество надъ Вольдемаромъ въ одной любовной интригѣ. Арсенія должна была выйти за мужъ за одного должностного человѣка, который былъ страстно въ нее влюбленъ; онъ женился на ней (плодомъ этого брака былъ сынъ), а затѣмъ съ ней развелся, чѣмъ сильно ее озлобилъ. Въ этой ужасной пустынѣ Меньшиковъ испытывалъ еще болѣе раздражающую скорбь, чѣмъ ссылку—угрызеніе совѣсти: онъ воспоминалъ очарованіе и добродѣтель своей супруги и не скрывалъ отъ своего сына, который послѣдовалъ за нимъ въ Сибирь, насколько эти воспоминанія его мучили. Видъ Волдемара усиливалъ его горестъ. Съ своей стороны Вольдемаръ, въ нѣкоторомъ родѣ, наслаждался слезами своего врага и собирався пользоваться случаями, чтобы наругаться надъ его страданіями. Это роль, въ которой слабый авторъ постоянно имѣлъ передъ глазами Атрею знаменитаго Кребильона; но какъ велика разница между копіей и оригиналомъ! Въ ту минуту, какъ Меньшиковъ предается исчисленію своихъ бѣдъ, входятъ двѣ женщины, ищущія его; одна изъ нихъ Арсенія, которая, забывъ оскорбленіе, нанесенное ей Меньшиковымъ, видя единственно его несчастное положеніе, является, чтобы раздѣлить съ нимъ бѣдствіе ссылки и чтобы попытаться ее смягчить. Она опять находитъ своего сына, что производитъ сцену, не лишенную интереса. Между тѣмъ Вольдемаръ получилъ отъ двора помилованіе; онъ даже назначенъ губернаторомъ этого края, такъ что отъ положенія ссыльнаго переходитъ въ положеніе повелителя. Первое его изступленіе обрушивается на Меньшикова; онъ сгораетъ жаждой мести. Онъ велитъ арестовать Меньшикова и его сына, сообщаетъ Арсеніи, что непременно ей нужно выйти за него замужъ; если же она ему откажетъ, ея сынъ погибнетъ. Онъ доходитъ до того, что съ нею идетъ къ Меньшикову, чтобы тотъ уговорилъ ее согласиться на этотъ бракъ. Сцена между Арсеніей и Меньшиковымъ. Наконецъ, когда она рѣшилась идти подъ вѣнецъ, она находитъ подъ ногами трупъ своего сына и въ отчаяніи закалываетъ Вольдемара. Судъ помиловалъ эту женщину и Меньшикова.

Таковъ приблизительно планъ этого жалкаго романа. Эта пьеса имѣла тотъ успѣхъ, на который она должна была рассчитывать, т. е.

она не понравилась. Хлопали только въ двухъ или трехъ мѣстахъ и возмущались чудовищными недостатками, обезобразившими драму. Кромѣ несвязности между сценами, холодности, убивающей всю пьесу, растянутости и безцвѣтности слога, хотѣлось бы спросить автора: воображалъ ли онъ, что слѣдуетъ здравому смыслу и природѣ, заставляя человѣка, желающаго нравиться матери, убить ея сына?

Хотѣли найти въ плохой трагедіи Лагарпа намековъ. Думали узнать въ Меншиковѣ одного опаснаго министра, пользующагося большою извѣстностью и имѣющаго сторонниковъ.

Версаль, 26 Іюля 75 года.

Знаменитый графъ Орловъ и генералъ Бауэръ здѣсь очень хорошо приняты. Первый изъ нихъ привлекаетъ взоры своею податію и своими брилліантами, которыхъ у него такъ много, что онъ ими покрытъ. Наши барыни таращутъ глаза на его широкія плеча. Вы вѣроятно знаете, что онъ, бывши простымъ гвардейскимъ прапорщикомъ при Петрѣ III, могъ бы два года тому назадъ сдѣлаться королемъ Македонскимъ, если бы вельможи не напугали по этому поводу Сѣверную Семирамиду. Теперь графъ Орловъ путешествуетъ по царски. Постоянные его доходы безмѣрны; Императрица же платитъ ему по 25 тысячъ рублей ежемѣсячно. Откуда у нея берутся средства на покрытіе такихъ расходовъ, это загадка для политиковъ, которымъ извѣстны доходы Русской имперіи.

*

Послѣ императрицы Елисаветы осталось 8700 сшитыхъ платьевъ и несмѣтное множество всякаго рода матерій въ кускахъ или разрѣзанныхъ. Эта государыня одержима была страхомъ смерти. Въ послѣдніе годы ея жизни каждое кровопусканіе стоило 750 рублей; три врача получали по двѣ тысячи, а хирургъ полторы тысячи. Каждому изъ нихъ она обѣщала по 25 тысячъ рублей, если они ее вылечатъ. Но образъ жизни вела она безпорядочный. Часто кушала за обѣдомъ пищу, приготовленную ей для ужина. Придворныя дамы угощали ее необыкновенными яствами.

Запись современника о кончинѣ Екатерины Великой.

1796-го года Ноября 5-го дня (въ Среду) въ 9 часовъ ударилъ параличъ Государыню Екатерину Алексѣвну II (*dum erat in cloaca*) такъ сильно, что всѣхъ лишилась чувствъ. Послѣ сего жила еще 22 часа, т. е. до 7 часовъ пополудни 6-го Ноября, въ которомъ преставилась, бывъ во все сіе время безъ языка. Потомъ оказались опять жизненныя чувствія: послѣдовало сильное трясеніе тѣла, страшныя судороги, корченіе, что продолжалось до 9-ти часовъ пополудни, въ которомъ совершенно уже не стало никакихъ признаковъ жизни.

7-го Ноября. Въ ночи учинили присягу полки гвардіи, а поутру и всѣ присутственныя мѣста Государю Павлу Петровичу Императору Всероссійскому.

Великіе Князья пожалованы Гвардіи полковниками, Александръ Павловичъ Семеновскаго, Константинъ Павловичъ Измайловскаго, Николай Павловичъ Конно-гвардійскаго, а самъ Государь остался полковникомъ одного Преображенскаго.

Учреждены 7-го Ноября два Аннинскіе ордена, на шею и въ петельку кресты.

8-го, когда анатомили тѣло Императрицы, то нашли въ желудкѣ два камня чрезвычайной величины, а по вскрытіи черепа большую лопнувшую жилу.

10-го ввелъ самъ Государь полкъ своихъ черноногихъ солдатъ и поздравилъ ихъ Гвардію. Жаловалъ многихъ офицеровъ орденами святыя Анны.

Отпечатаны дѣла свѣтлѣйшаго Зубова, и дана ему прежняя власть въ разсужденіи его должности, которую имѣлъ во время Государыни Екатерины Алексѣвны, будучи а *latere proximus*.

11-го. Далъ своимъ черноногимъ тѣже чины сообразно гвардейскіе, которые имѣли въ своемъ полку. Бурцову капитану, давшему извѣстіе о болѣзни Государыни, Государь пожаловалъ за то въ подполковники и тысячу рублей награжденія.

Дана лента Андрѣевская со звѣздою брилліантовою митрополиту Гавріилу, а архіерею Казанскому Александровская.

22-го Ноября перенесено тѣло Государыни изъ тронной въ большой залъ на катафалкъ.

25-го Ноября коронованъ Петръ Третій въ Невскомъ монастырѣ, бывъ 34 года въ землѣ. Шествіе туда и обратно было весьма великолѣпно, но въ траурѣ. Маршалы и оберъ-гофмаршалы сидѣли съ своими жезлами на колесницахъ и въ богатыхъ фаетонахъ.

26-го. Разнесся слухъ, будто запрещены круглыя шляпы, и 27-го по приказанію Архарова и полиціймейстера, безъ всякаго разбору, стали со всѣхъ оныя срывать. Которые не въ состояніи были купить треугольную шляпу, дѣлали изъ круглой и тѣмъ весьма смѣшное представили публикѣ; ибо поля оной малы, а тулья слишкомъ высока, и совсѣмъ для представленія треугольной неспособна. Государь Павелъ Первый, по происшедшему шуму между Англичаниномъ и полицейскимъ офицеромъ о томъ узнавъ, прогнѣвился на Архарова за такую наглость и предоставилъ въ ношеніи круглыхъ шляпъ свободу всѣмъ.

2-го Декабря. Перенесено тѣло, бывъ 34 года въ землѣ, Петра III изъ Невскаго монастыря съ величайшею церемоніею при устройствѣ всѣхъ полковъ стоявшихъ подъ ружьемъ; за тѣмъ шелъ пѣшкомъ самъ Государь и Государыня, и вся царская фамилія изъ Невскаго монастыря до самаго дворца въ глубокомъ траурѣ (о прочемъ см. въ церемоніалѣ).

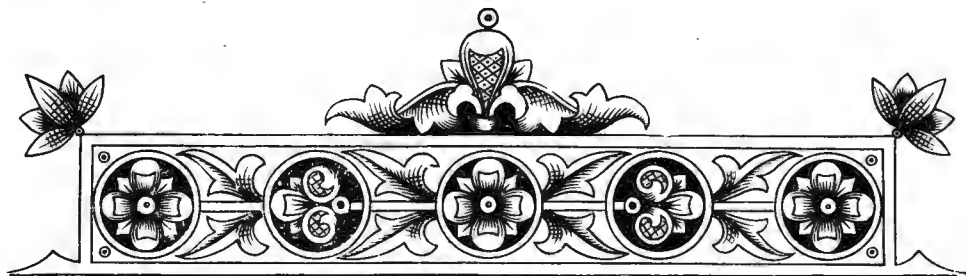
5-го Декабря перенесены оба тѣла Ихъ Императорскихъ Величествъ изъ дворца въ крѣпость. Впередъ везенъ былъ гробъ Государыни безъ короны, а другой Государя Петра III съ короною на верху гроба (смотри церемоніалъ).

18. Отпѣли послѣ обѣдни и опустили гробы съ тѣлами Ихъ Императорскихъ Величествъ въ присутствіи Государя и всей фамиліи безъ всякой и малѣйшей церемоніи. Погода была теплая съ снѣгомъ.

*

Этою записью пополняется нѣсколькими чертами извѣстная записка графа Ѳ. В. Ростопчина („Архивъ Кн. Воронцова“, кн. 8-я). Запись принадлежит д. ст. сов. Роману Семеновичу Трофимовичу, родившемуся въ 1766 году, нѣкогда вхожему въ покои Екатерины II-й, и скончавшемуся въ Москвѣ въ 1852 году. Запись находится въ концѣ тетради, гдѣ переведена порусски конституція первой Французской республики. Р. С. Трофимовичъ внушалъ къ себѣ общее уваженіе и отнѣнную любовь сыну своему, извѣстному инженеру Василию Романовичу, который въ память его написалъ задушевные стихи. Печатается съ любезнаго позволенія внучки Романа Семеновича, Александры Васильевны Протасовой. П. Б.

ИЗЪ РАЗСКАЗОВЪ А. И. ВАСИЛЬЧИКОВОЙ *).

Дочь Московскаго генераль-губернатора князя Михаила Никитича Волконскаго Анна Михайловна была за Московскимъ же генераль-губернаторомъ княземъ *Прозоровскимъ*, необразованнымъ, но правдивымъ чудакомъ. (Онъ оставилъ капиталъ для сооруженія надъ своимъ прахомъ церкви въ Кіевѣ; при постройкѣ тамъ Кіевской крѣпости склепъ перенесенъ подъ одну башню). Княжна Анна Михайловна была нѣкогда помолвлена за прекраснаго и умнаго человѣка, князя Петра Михайловича Голицына, но какія-то были козни придворныя, и его, говорятъ, отравили, а ее по расчетамъ отдали за богатаго князя Прозоровскаго. Съ нею былъ трехдневный летаргическій сонъ, и уже собирались хоронить ее, какъ она стала оказывать признаки жизни. Чудакъ-мужъ имѣлъ привычку безпрестанно говорить „сирѣчь“. Видя, что жена двигается, вмѣсто радости онъ воскликнулъ: *сирѣчь не къ добру!* Она послѣ долго жила и была штатсъ-дамой при Маріи Ѳеодоровнѣ. До безумія любила она своего зятя Ѳедора Сергѣевича Голицына и страстно привязалась къ придворной своей службѣ, безпрестанно смотрѣла на часы, опасалась опоздать къ Императрицѣ. Часто ссорилась она съ Екатериной Ивановной Нелидовой (Когда умирала сія послѣдняя, остававшаяся при Николаѣ во всегдашней немилости, къ ней посланъ былъ князь Александръ Николаевичъ Голицынъ взять ея бумаги. Когда ихъ прочли, то она оказалась совершенно невинною, и послѣ старались загладить неправду милостями къ мужу ея племянницы Нелидовой, князю Трубецкому).

*) Въ „Русскомъ Архивѣ“ уже нѣсколько разъ помянута достопамятная А. И. Васильчикова, своею жизнію оправдывавшая данное ей прозвище *Tante-vertue* (Тетушка-добродѣтель). Будучи университетскимъ товарищемъ старшаго сына ея Петра Алексѣевича (1847—1851) и пріятелемъ младшаго (Александра Алексѣевича), взысканъ и былъ добрымъ вниманіемъ и ласкою ея. Нѣкоторые изъ ея разсказовъ были тогда же мною записаны. П. Б.

*

Императрица Марія Ѳеодоровна, помня прїѣздъ свой въ Петербургъ въ 1776 г., какъ тяжело ей было въ чужой землѣ, гдѣ Екатерина не оказывала ей большой ласки, хотѣла принять какъ нельзя лучше свою будущую невѣстку, принцессу Шарлоту, которая еще въ 1816 году была сговорена за любимаго сына Маріи Ѳеодоровны, Николая Павловича. За долго до ея прїѣзда старая Императрица только и думала о разныхъ приготовленіяхъ. Для будущей великой княгини, коей страсть наряжаться и веселиться уже была извѣстна, приготовили прекрасныя комнаты. Марія Ѳеодоровна водила своихъ приближенныхъ показывать въ Павловскѣ спальню принцессы, гдѣ на изящнѣйшей кровати лежалъ розовый матрацъ, а по сторонамъ по корзинѣ для ночнаго и деннаго бѣлья. Узнали напередъ, какой любимый цвѣтъ принцессы, какіе она любитъ цвѣты, какіе духи и пр. Въ этомъ же кабинетѣ лежало по мѣркѣ (эти свѣдѣнія привезла изъ Берлина Марія Яковлевна Нарышкина) нарочно снятой въ Берлинѣ, сшитое платье съ васильками (любимый цвѣтокъ Александры Ѳеодоровны). Разставлено было по стѣнамъ множество шкапчиковъ, въ которыхъ лежали всѣ возможные уборы и наряды. Наконецъ отдѣлали розовымъ атласомъ особый кабинетецъ, и когда потомъ въ него вошла принцесса, первое ея восклицаніе было: „Ah! j'ai toujours rêvé un cabinet rose!“ (Я всегда мечтала о розовомъ кабинетѣ).

Въ числѣ лицъ, сопровождавшихъ принцессу, были: *Друксельсъ*, гувернантка m-lle Wildermeth (другъ Жуковского) *madame Hacken*, пожилая женщина, большая модница; генералъ *Нацмеръ* (который не скрывалъ своего сожалѣнія о томъ, что принцесса перемѣняетъ вѣру). Черезъ нѣсколько дней послѣ прїѣхали: братья ея, принцъ Вильгельмъ*), котораго тогда укусила собака въ конюшнѣ великаго князя Михаила Павловича (рану прижигали) и дядя Антоній Радзивилъ (когого дочь была влюблена въ принца Вильгельма и умерла потомъ отъ этой неудовлетворенной страсти). Принцессу привезли сначала въ Павловскъ. И теперь еще живо помнятъ, какъ она выпрыгнула изъ кареты, живая, легкая, полувоздушная, и пала на колѣни передъ Марією Ѳеодоровною. На другой день въ Павловскѣ былъ обѣдъ челоувѣкъ на сто. Входя въ собраніе, принцесса вдругъ увидала подлѣ двери прїятельницу своего дѣтства *madame Фридрихсъ*, и внезапный крикъ: „Ah, Cécile!“ вырвался у нея. Она была прекрасна, въ бѣлой воздушной шляпкѣ съ марабу. Дѣло въ томъ, что Марія Ѳеодоровна нарочно выписала изъ

*) Сдѣлавшійся, благодаря своему Русскому племяннику, въ 1871 году императоромъ Германскимъ. П. Б.

Германіи мадамѣ Фридрихсѣ, дабы принцессѣ не было скучно. Мужу ея дали мѣсто адъютанта при Николаѣ Павловичѣ.

Дня черезъ два послѣдовалъ торжественный вѣздъ принцессы въ столицу, столь памятный ея жителямъ. Она говѣла. Во время миропомазанія она одѣта была вся въ бѣломъ, съ распущенными волосами, которыя приподымала для помазанія ея воспреемница, игуменья одного Новгородскаго монастыря *Шишкина* (сестра писательницы Олимпіады), воспринимавшая потомъ также Елену Павловну.

Послѣ свадьбы, когда молодыхъ везли въ Аничковъ дворецъ, всѣ замѣтили, что Государь сидѣлъ въ одной каретѣ съ Елисаветой Алексѣевной, чего никогда прежде не бывало; тутъ они сидѣли какъ посаженные отецъ и мать.

Тогда давали балетъ Амуръ и Психея, тотъ самый, который потомъ играть былъ на свадьбѣ наслѣдника Александра Николаевича.

*

Осенью 1828 царь и царица уѣхали въ Одессу, оставивъ дѣтей на попеченіе бабки и ввѣривъ Петербургъ Павлу Васильевичу Кутузову. Старая императрица должна была раньше воротиться изъ Павловска въ Петербургъ и не жить по своему обычаю въ Гатчинѣ, лишивъ себя такимъ образомъ прогулокъ. Сверхъ того она очень безпокоилась неудачами тогдашней трудной войны и ежеминутно ждала вѣстей о Варнѣ. Въ самый день, когда ждали извѣстія, докторъ *Иванъ Ѳеодоровичъ Рюль* нашелъ у нея всю шею въ синихъ пятнахъ. Онъ не рѣшился пустить кровь, потому что Крейтонъ, написавшій программу для ея будущаго здоровья, именно отсовѣтовалъ кровопусканіе, опасаясь водяной. 14 Октября ей пошелъ 70-й годъ, и около этого времени возвратились ихъ величества. Болѣзнь усиливалась, и придворные ѣзжали безпрестанно освѣдомляться. Въ день смерти, вечеромъ, 24 Октября, сидѣли за три комнаты отъ ея спальни: 1) Аркадій Ивановичъ *Нелидовъ* (братъ Екатерины Ивановны, отецъ теперешней придворной барышни); когда въ 12 часовъ ночи дамы спрашивали его, можно ли еще оставаться, онъ отвѣтилъ: должно. 2) Софья Андреевна Трубецкая, 3) Александръ Григорьевичъ Строгановъ, очень любимый императрицею (бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ), 4) А. И. Васильчикова, и еще человѣка три. Мимо ихъ пронесли къ умиравшей государынѣ наслѣдника, Марью Николаевну безъ чулочковъ, Ольгу Николаевну и Константина Николаевича, благословиться. Сказывали, что уже рука вся онѣмѣла, и она побагровѣла. Государь, бросившись на колѣни передъ образомъ, сказалъ: Господи! Чтѣ я передъ Тобой сдѣлалъ, что Ты меня такъ наказываешь. Возлѣ постели стояли *Екате-*

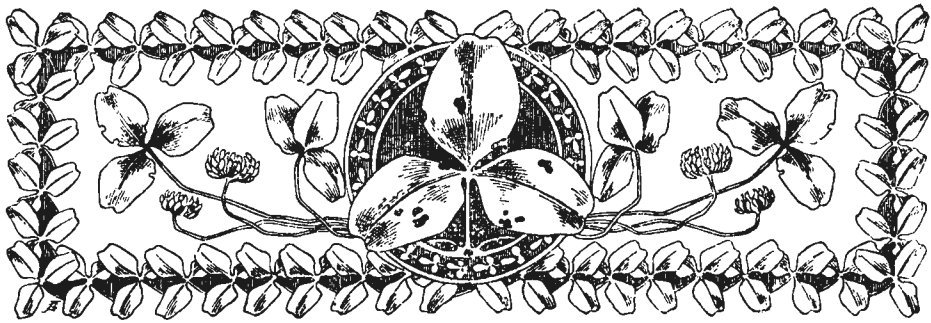
рина Николаевна Кочетова (фрейльна, нынѣ живущая у князя Сергѣя Михайловича Голицына) и Екатерина Ивановна Нелидова. Когда сидѣвшимъ въ 3-ей комнатѣ объявили о смерти (часу въ 3-мъ ночи) и черезъ нѣсколько времени позволили пойти къ покойницѣ, они нашли ее въ бѣломъ чепчикѣ съ подвязаннымъ подбородкомъ, на алой лентѣ крестики и образа, на простежькой кровати. Тотчасъ отпѣли литію. Въ это время, когда еще ея не обмыли и не трогали, князь Александръ Николаевичъ Голицынъ печатывалъ стоявшіе вокругъ въ ея комнатѣ и около постели шкафчики и ящики.

М-ле Яковлева, любимая ея камеръ-юнгфера и Кочетова горько плакали о томъ, что императрицу всю разняли по частямъ при анатомированіи. Докторъ Рюль, обязанный при томъ присутствовать, рассказывалъ, каково ему было видѣть такую операцію съ женщиною, которая была такъ скромна, что когда у нея бывали мозоли, она подавала ему ногу не иначе, какъ обернувши всю ее и оставивши только мозоль. Все что можно было, глаза, зубы вставили поддѣльное; голова была похожа на куклу. Когда все приготовили и одѣли въ корону и мантию, началась торжественная процессія. Длинный рядъ пѣвчихъ, одинъ выше другаго, потянулся съ пѣснью: Святый Боже! Теперешняя Государыня¹⁾ повѣсила позади короны у гроба вѣнокъ изъ бѣлыхъ камелій. Царствующая чета удалилась въ Аничковъ Дворецъ, и когда Александра Ѳеодоровна взошла, то съ веселостью сказала: Ахъ! какъ здѣсь хорошо. Je ferai danser ici²⁾. Но Государъ строго промолвилъ: прежде 12 мѣсяцевъ здѣсь никто не будетъ танцовать. Такъ и было. Но въ Мартѣ 1829 г., постомъ, молодая царица затѣяла живыя картины, и Ольга Николаевна прекрасно представляла Ангела, а Марія Николаевна Пери изъ переведенной Жуковскимъ піесы: Лалла-Рукъ.

Въ дѣлѣ челоѣколюбія много помогалъ Императрицѣ начальникъ больницъ и докторъ всѣхъ ея деревень, вывезенный ею еще при Екатеринѣ изъ заграницы, Вилимъ Ивановичъ Ритмейстеръ (когого біографія была помѣщена въ Сѣверной Пчелѣ 1835 или 36 года Нелисовымъ, бывшимъ учителемъ въ домѣ Николая Петровича Новосильцови). Онъ былъ отменно любимъ крестьянами. Дѣти его всегда бывали заняты болѣнными. У него были портреты всѣхъ друзей челоѣчества. Онъ очень любилъ цвѣты и каждый день приносилъ букетъ изъ своей оранжереи. До конца онъ не ложился и, поставивши букетъ на столъ, умеръ. Жена его принимала всѣхъ дѣтей Императрицы. Жуковскій его очень любилъ.

¹⁾ Т. е. Александра Ѳеодоровна. П. Б.

²⁾ У меня здѣсь будутъ танцовать.

Забытыя первыя жертвы Кокандскаго похода 1874 года.

Въ Августѣ 1875 г. на Бухарской границѣ, въ укрѣпленіи Ура-Тюбе, гарнизонъ состоялъ изъ 5-ти ротъ 2-го Туркестанскаго линейнаго баталіона. Командиръ баталіона, полковникъ Меллеръ-Закомельскій за убійство мирового судьи Каргопольцева состоялъ подъ судомъ и находился въ Ташкентѣ, а баталіономъ временно командовалъ завѣдывавшій хозяйствомъ маіоръ Скарятинъ. До весны ни походовъ, ни смотровъ не предвидѣлось, и мы мирно жили въ полномъ ничего-недѣланіи, коротая вечера за картами, для чего всѣ 15-16 офицеровъ собирались по очереди другъ у друга.

8 Августа очередь была собраться у командовавшаго баталіономъ. Только что мы засѣли за чай, какъ была получена эстафета, изъ которой мы узнали, что въ сосѣднемъ съ нами Кокандскомъ ханствѣ бунтъ, ханъ Худояръ низвергнутъ съ престола и подъ прикрытіемъ конвоя нашего военного уполномоченнаго полковника Скобелева бѣжалъ въ Россію; въ ближайшей къ нашей границѣ крѣпости Махраму стягиваются Кокандскія войска и передовые ихъ разѣзды уже появились въ Ходженскомъ уѣздѣ; а потому предписывалось, оставивъ одну роту въ Ура-Тюбе, съ остальными какъ можно скорѣе идти на помощь въ гор. Ходжентъ и, въ виду возможнаго похода внутрь Кокандскаго ханства, взять обозъ и все положенное для военнаго похода.

Все это, въ виду отсутствія телеграфа, было для насъ полною неожиданностью. Сейчасъ-же по жребію назначили роты и офицеровъ. Изъ числа остающихся были недовольны своимъ жребіемъ казначей поручикъ Васильевъ и докторъ Петровъ. Ихъ утѣшили тѣмъ, что когда будетъ сформированъ отрядъ для наступленія на Махрамъ, они подъ какимъ либо предлогомъ могутъ пріѣхать въ Ходжентъ и тамъ у вышшаго начальства испросить разрѣшеніе идти въ походъ вмѣстѣ съ отрядомъ.

Всю ночь мы провели въ сборахъ; на другой же день, т. е. 9 Августа, баталіонъ вмѣстѣ съ обозомъ выступилъ изъ Ура-Тюбе и, не смотря на близость границы, безъ всякихъ мѣръ охраны и не раздавая нижнимъ чинамъ патроновъ.

До ночлега въ ближайшемъ селеніи Нау предстояло намъ пройти верстъ около тридцати. Не доходя верстъ 10—12 до Нау, я былъ посланъ впередъ предупредить кашеваровъ о приближеніи баталіона. Пріѣхавъ въ кишлакъ, я былъ удивленъ, что, не смотря на то, что не было и 6 часовъ, ни на улицахъ, ни на базарѣ не видать ни одного человѣка и всѣ лавки закрыты; а пріѣхавъ на мѣсто предполагаемаго бивака, вмѣсто дымящихся котловъ я нашелъ ихъ перевернутыми вверхъ дномъ. На мой окликъ изъ подъ тѣхъ котловъ стали вылѣзать еле живые отъ страха кашевары, а затѣмъ изъ сосѣднихъ кустовъ вышли и остальные люди. Они рассказали, что какъ мѣсто бивака имъ было хорошо извѣстно, то квартиреровъ не посылали, а на 4-хъ наемныхъ туземныхъ арбахъ вмѣстѣ съ котлами и провизіей послали только 8 человѣкъ кашеваровъ. Въ Нау они пріѣхали часовъ въ 12 дня и къ своему удивленію послѣ одного изъ поворотовъ дороги сразу попали на бивакъ конной шайки Коканцевъ, человѣкъ въ 300. Шайка эта не имѣла сторожевого охраненія со стороны Ура-Тюбе, и потому эта встрѣча была одинаковою неожиданностью для обѣихъ сторонъ и къ счастью не вызвала столкновеній. Въ шайкѣ нашелся переводчикъ, чрезъ котораго опросили нашихъ солдатъ, и когда услышали, что это кашевары и что сзади идетъ цѣлый баталіонъ, то шайка стала торопливо собираться въ походъ и чрезъ полчаса скрылась. Во все время сборовъ на нашихъ солдатъ не обращали вниманія. Возчики, схвативъ котлы, скрылись въ ближайшіе кусты; а кашевары, ежеминутно ожидая возвращенія шайки и нападенія на нихъ, спрятались тутъ-же, кто куда могъ и въ своихъ норахъ безъ воды пролежали до моего пріѣзда. Приказавъ четверымъ начать варку пищи, я остальныхъ четверыхъ разставилъ въ сторожевую цѣпь съ имѣвшимися у каждаго берданками, хотя ни у кого не было ни одного патрона (За хлопотами забыли раздать патроны на руки людямъ, и ихъ везли въ баталіонномъ обозѣ).

Стоявшая на той же площадкѣ почтовая станція представляла собою картину полного разрушенія. Лошадей и телѣгъ не было, рамы оконъ вынуты, деревянные полы, двери и даже косяки оконъ и дверей выломаны шайкою на дрова для варки пищи. Часть потолочныхъ балокъ была выворочена и унесена изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ ихъ легче

было вынуть, напр. изъ конюшенъ, сараевъ и пр. Это было единственное Русское зданіе въ кишлакѣ, и вѣроятно въ расхищеніи его принимали участіе не только шайка, но и жители кишлака, тѣмъ болѣе, что дерево въ Туркестанѣ представляетъ большую цѣнность.

Когда пришелъ баталіонъ, то послали за актъ-сикаломъ (старшиною), который, какъ и слѣдовало ожидать, увѣрялъ, что шайка, состоявшая исключительно изъ выходцевъ Кокандскаго ханства, неожиданно прибыла въ кишлакъ, разграбила почтовую станцію и недавно неизвѣстно куда скрылась, но что изъ жителей кишлака ни одинъ въ шайку не ушелъ. Несмотря на близость шайки, мы все же остались ночевать на томъ же бивакѣ, т. е. среди самаго селенія, но роздали людямъ патроны и разставили сторожевую цѣпь.

10 Августа, чуть-свѣтъ, выступили мы въ г. Ходжентъ, до котораго оставалось еще болѣе 30 верстъ. Не успѣли мы еще выйти изъ садовъ окружающихъ Нау, какъ до насъ донесся звукъ почтоваго колокольчика. Очевидно, насъ кто-то нагонялъ на почтовыхъ лошадяхъ изъ Ура-Тюбе, такъ какъ колокольчиковъ, кромѣ какъ на почтовыхъ станціяхъ, ни у кого не было, и сзади Нау была лишь одна послѣдняя почтовая станція на Бухарской границѣ въ Ура-Тюбе. Колокольчикъ скоро затихъ, но затѣмъ вновь зазвенѣлъ, приближаясь къ намъ и когда онъ опять замолкъ, то раздались звуки двухъ-трехъ какъ бы револьверныхъ выстрѣловъ. Офицеры просили маіора Скарятина послать въ Нау, отъ котораго мы отошли не болѣе 3—4 верстъ, узнать о причинѣ выстрѣловъ; но командовавшій баталіономъ сказалъ, что посылать людей и ожидать ихъ возвращенія онъ не можетъ, такъ какъ долженъ успѣть пройти пересѣченную мѣстность близъ Ходжента еще засвѣтло и что должно было уклониться и идти впередъ, хотя мы были увѣрены, что сзади насъ, всего въ нѣсколькихъ верстахъ, разыгрывается какая-то кровавая драма.

Пройдя по возвышенной пустынѣ около половины пути, мы вступили въ пересѣченную мѣстность. Стали попадаться лощины съ ручейками и, благодаря имъ, поля съ высокою джугарою (родъ кукурузы). Мы приближались къ Ходжентскому оазису. Меня и поручика Любомирова¹⁾ послали впередъ доложить начальнику Ходжентскаго уѣзда полковнику барону Нольде²⁾ о приближеніи баталіона и узнать о мѣстѣ расквартированія.

¹⁾ Въ 1895 году застрѣлился въ г. Варшавѣ.

²⁾ Въ 1897 году сосланъ въ каторжные работы.

Отѣхавъ отъ баталіона верстъ десять, я увидѣлъ, что горитъ стеклянный заводъ полковника Фовицкаго. Заводъ и рядомъ съ нимъ каменноугольныя копи были верстахъ въ трехъ отъ почтовой дороги. Уголь, хотя и былъ хорошаго качества, шелъ только на нужды завода, и за 15 верстъ, въ городѣ Ходжентѣ, нельзя было найти ни пуда угля, и городъ отоплялся дровами, привозимыми съ горъ, вьюками на верблюдахъ, и колючкою, привозимою на ишакахъ изъ Мурзарабатской пустыни. Заводъ выдѣлывалъ только однѣ бутылки, а стеклянная посуда и оконныя стекла привозились на верблюдахъ изъ Оренбурга. На этомъ заводѣ и копияхъ работали туземцы; Русскихъ мастеровъ, считая и ихъ женъ, было менѣе 25 человѣкъ.

Со стороны горѣвшаго завода доносились и ружейныя выстрѣлы, а на одномъ изъ холмовъ, менѣе чѣмъ въ верстѣ отъ дороги, виднѣнъ былъ бивакъ конной шайки, человѣкъ въ 500. Часть этой шайки верхами, на склонѣ холма, забавлялась любимою кочевниками игрою „байгою“, состоявшею въ томъ, что всадники стараются отнять одинъ у другого зарѣзаннаго барана и, опередивъ остальныхъ, подскочить къ акъ-сикалу или вообще распорядителю игры и бросить барана къ его ногамъ.

Эта забавлявшаяся часть шайки, замѣтивъ насъ, сейчасъ же окружила насъ широкимъ кольцомъ и отрѣзала дорогу не только въ Ходжентъ, но и путь отступленія къ баталіону. На наше счастье, у цѣлой шайки не было ни одного ружья (всѣ вооруженные ружьями были отправлены ими впередъ, гдѣ заняли гору за рѣчкой близъ Ходжента съ цѣлью задержать движеніе баталіона). Окружившихъ насъ всадниковъ было человѣкъ сорокъ. Они раздѣлялись на группы по четыре человѣка въ каждой и ѣздили по кругу взадъ и впередъ, держась отъ насъ на разстояніи револьвернаго выстрѣла. Одна изъ группъ неслась на насъ въ атаку съ визгомъ, гикомъ и потрясая копьями. Мы поворачивались лицомъ къ атакующимъ, взводили курки своихъ револьверовъ и ожидали момента, когда атакующіе подскочутъ къ намъ на разстояніе вѣрнаго выстрѣла; но они, не доѣзжая до насъ шаговъ на 200, круто поворачивали въ стороны и разсыпавшись усакивали въ одиночку назадъ; мы же посылали имъ въ догонку пару безвредныхъ для нихъ выстрѣловъ, а въ это время сзади на насъ, но уже молча, другая группа и тоже отъ насъ не далѣе 200 шаговъ. Пока мы стрѣляли по этой второй группѣ, новыя двѣ неслись на насъ и справа и слѣва, а первая разсыпавшаяся группа уже собралась и готовится возобновить атаку. Это обыкновенная тактика кочевниковъ противъ

людей вооруженных огнестрѣльнымъ оружіемъ. Постоянно мѣняясь, они продолжаютъ свои попытки атаковать въ продолженіе цѣлаго дня, утомляя атакуемыхъ при 45° жарѣ и заставляя израсходовать весь имѣемый запасъ патроновъ. (Позже такой же тактикой былъ обезсиленъ и захваченъ посланный изъ Ферганы въ Ташкентъ съ 20 казаками поручикъ Святополкъ-Мирскій, привезенъ въ Маргеланъ и тамъ, по приказанію Булатъ-хана, посаженъ на колъ за нѣсколько часовъ до вступленія Скобелева въ этотъ городъ).

И у насъ скоро въ револьверныхъ барабанахъ осталось по одному патрону. Положеніе становилось не изъ завидныхъ. Кругъ все смыкался болѣе и болѣе. Поруч. Любомировъ выпустилъ послѣдній патронъ и торопился вновь зарядить револьверъ, что требовало времени, такъ какъ въ револьверахъ Смита и Вессона каждый изъ шести патроновъ вкладывался отдѣльно. Я съ одною пулею въ револьверѣ стоялъ на сторожѣ и наводилъ дуло на право и налѣво, но выпустить послѣднюю пулю не рѣшался, хотя Сарты подскакивали уже совсѣмъ близко. Одинъ изъ нихъ съ длинною пикою подскакалъ шаговъ на 25 къ моему товарищу, и мнѣ пришлось выстрѣлить. Я попалъ ему въ правую руку, и онъ усекалъ, бросивъ пикъ, которая оказалась непомѣрно длинною, по крайней мѣрѣ въ два раза длиннѣе казачьей, и на концѣ ея, въ видѣ наконечника, веревкою была привязана половинка отъ большихъ канцелярскихъ ножницъ. Почти въ тоже время, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня, шлепнула пятифунтовая гиря, привязанная къ длинному волосяному аркану, другой конецъ котораго былъ привязанъ къ сѣдлу скакавшаго отъ меня карьеромъ всадника. Онъ этимъ лассо хотѣлъ меня заарканить, какъ они въ степи арканятъ своихъ дикихъ лошадей и не промахнись онъ, я былъ бы сорванъ съ сѣдла.

Но наконецъ намъ все же удалось перезарядить свои револьверы, и мы сами произвели нѣсколько атакъ, сопровождая ихъ выстрѣлами и расширили кругъ, въ которомъ были замкнуты, а тѣмъ временемъ показалась пыль отъ спѣшившаго на выстрѣлы баталіона, и шайка, оставивъ насъ, быстро скрылась въ ближайшихъ балкахъ. Но стрѣльба на Дигмайскомъ стеклянномъ заводѣ не прекращалась. Жившіе на заводѣ Русскіе служащіе выдерживали осаду шайки и, быть можетъ, уже изнемогали въ неравной борьбѣ съ многочисленнымъ непріателемъ и пожаромъ; но майоръ Скарятинъ подъ тѣмъ же предлогомъ, что долженъ возможно скорѣе прибыть въ Ходжентъ, не согласился отправить на Дигмай одну изъ ротъ.

Выдержавъ получасовую перестрѣлку у переправы и перетаскивъ въ бродъ чрезъ рѣчку обозъ (такъ какъ мостъ былъ сожженъ) мы еще

засвѣтло вступили въ Ходжентъ, гдѣ начальникъ уѣзда полк. бар. Нольде, преувеличивая опасность, со всѣмъ Русскимъ населеніемъ, пятью ротами 7-го баталіона, сотнею казаковъ и батареею, заперся въ урдѣ т. е. въ туземной земляной крѣпости на горѣ, оставшейся еще отъ временъ Ходжентскихъ бековъ. Обрадовавшись нашему прибытію, онъ и нашъ баталіонъ втащилъ въ крѣпость, не рискуя дѣлать рекогносцировки, хотя дымъ съ завода былъ хорошо видѣнъ и таже шайка легко могла уничтожить дорогою и единственный мостъ чрезъ Сырь-Дарью и задержать ожидаемый изъ Ташкента главный отрядъ подъ командою генералъ-губернатора Константина Петровича Фонъ-Кауфмана 1-го.

Ночью неожиданно пришли Русскіе съ Дигмайскаго завода съ своими женами, дѣтьми и имуществомъ. Всѣхъ ихъ было около двадцати человекъ. Отстрѣливаясь до вечера, они съ наступленіемъ темноты сдѣлали вылазку, прорвались чрезъ сторожевую цѣпь шайки и благополучно прибыли въ г. Ходжентъ. По ихъ показаніямъ въ окрестностяхъ были не Кокандскія войска (которыя въ то время стягивались къ крѣпости Махраму, въ 60 верстахъ отъ Ходжента) а бродили лишь шайки изъ жителей ближайшихъ кишлаковъ, вооруженные чѣмъ попало.

Въ виду этихъ показаній, на другой же день былъ посланъ въ Ура-Тюбе отрядъ изъ роты и сотни при двухъ орудіяхъ, для очистки отъ шаекъ дороги между этими городами.

Въ Ура-Тюбе мы прибыли не встрѣтивъ ни одного непріятеля. Оказалось, что казначей поручикъ Васильевъ и докторъ Петровъ, на другой же день по выступленіи баталіона, выѣхали на почтовыхъ въ Ходжентъ, подъ предлогомъ выясненія какихъ-то хозяйственныхъ недоразумѣній, предполагая задержаться на станціи Нау, чтобы дать намъ время вступить въ Ходжентъ и вслѣдъ за нами пріѣхать въ городъ, въ расчетѣ, что если ихъ и пожурятъ за пріѣздъ, то всеже не пошлютъ обратно, и они попадутъ въ походъ. Но такъ какъ они въ Ходжентъ не прибыли, а бывший съ ними почтовый ящикъ въ Ура-Тюбе не вернулся, то нужно было думать, что всѣ они попали въ плѣнъ къ шайкѣ и именно въ то время, когда мы, выступая изъ Нау, слышали колокольчикъ и выстрѣлы.

Казначей поручикъ Васильевъ былъ холостъ и прибылъ къ намъ изъ Оренбургскихъ баталіоновъ. Докторъ же Петровъ пріѣхалъ въ Ура-Тюбе женатымъ и имѣлъ двухъ дочерей. Онъ не только добросовѣстно исполнялъ свои обязанности, но слѣдилъ за наукой и готовился къ докторскому экзамену, изучалъ природу Туркестана, устроилъ

метеорологическую станцію и три года завѣдывалъ ею. Онъ старался внушить довѣріе къ наукѣ и среди Сартовъ, и многіе уже пользовались его помощью, особенно хирургическою. Разъ ночью его позвали въ горный кишлакъ, куда проѣхать можно было не иначе какъ верхомъ, и онъ вернулся только днемъ, заставъ свою жену уже мертвою. (У нея разболѣлись зубы, и она хотѣла понюхать хлороформа, но вѣроятно ей сразу сдѣлалось дурно, она не успѣла закрыть склянки, которая упала; цѣлый фунтъ хлороформа вылился на подушку, и она задохлась). Послѣ смерти жены докторъ все время хлопоталъ объ отпускѣ въ Петербургъ, но въ то время выбраться изъ Туркестана было не такъ-то легко: нужны были деньги и для проѣзда полуторы тысячи верстѣ на почтовыхъ и на покупку тарантаса, такъ какъ дѣти не вынесли бы переѣзда на почтовой телѣгѣ при 45° жарѣ, а главное, нуженъ былъ замѣститель.

Въ кишлакѣ Нау, на обратномъ пути изъ Ура-Тюбе, нашъ отрядъ встрѣтили достарханомъ т. е. подношеніемъ туземныхъ лакомствъ и сластей, кишмиша, урюка, шепталы, фисташекъ, фруктовъ, леденцовъ и даже кусочковъ сахара. На вопросъ обращенный къ акъ-сикалу (старшинѣ) о судьбѣ казначея и доктора, онъ отозвался полнымъ незнаніемъ. Ни уговоры, ни угрозы не могли заставить его быть откровеннѣе. Его тутъ-же положили на землю и стали бить казачьими нагайками по обнаженному тѣлу. Послѣ первыхъ ударовъ, его старая, сморщенная и какъ бы заскорузлая кожа лопалась и отрывалась кусками, обнажая мясо; онъ впалъ въ глубокій обморокъ, и его оставили ничего не добившись. Тоже повторилось и съ другимъ старикомъ, мѣстнымъ кадіемъ (судьею). Тогда изъ числа зрителей схватили здороваго парня лѣтъ 20-ти. Онъ просилъ его не наказывать, обѣщая рассказать все, чтò онъ знаетъ. По его словамъ, когда баталіонъ стоялъ на площади у Науской почтовой станціи, шайка Коканскихъ выходцевъ ночевала въ томъ же кишлакѣ на другой площади и какъ только баталіонъ ушелъ, шайка вновь перебралась на старый бивакъ у станціи, и не прошло и часа какъ на ту же площадь вѣхала почтовая телѣга изъ Ура-Тюбе. Въ ней, кромѣ ямщика сидѣли: офицеръ, докторъ и двѣ дѣвочки. Люди шайки, окруживъ телѣгу, требовали, чтобы Русскіе сдались, выдали оружіе, вещи и деньги, говоря, что ихъ самихъ отправятъ къ хану въ Коканъ. Въ это время баталіонъ, выйдя изъ садовъ, поднялся на возвышенное плечо, и ясно донеслись солдатскія пѣсни. Докторъ сказалъ ямщику, понимавшему порусски, что слѣдовало бы попытаться вырваться и догнать баталіонъ. Ямщикъ, улучивъ минуту, сразу пустилъ тройку въ скачъ, а въ Сарта, пытавшагося удержать

лошадей, докторъ выстрѣлилъ изъ револьвера и ранилъ его. Это озлобило шайку; они бросились догонять бѣглецовъ и уже при выѣздѣ изъ садовъ догнали и всѣмъ тремъ мужчинамъ отрѣзали головы, положили головы въ переметныя сумки, на ихъ еще теплыя головы посадили обѣихъ дѣвочекъ и съ этими трофеями поскакали въ Коканъ, а тѣла тутъ же зарыли. На указанномъ тѣмъ же Сартонъ мѣстѣ земля оказалась рыхлою, и скоро откопали три совершенно голыхъ трупа; головъ не было, и два трупа носили слѣды ожоговъ и копоты. Жгли ли ихъ еще живыми или уже по смерти, выяснить не удалось.

Когда Коканскія войска были разбиты подъ Махрамомъ и мы подступили къ Кокану, то ханъ, чтобы замиловать Кауфмана, выслалъ къ намъ въ лагерь всѣхъ Русскихъ бывшихъ у него въ плѣну и въ числѣ ихъ и двухъ дочерей доктора Петрова. Обѣ дѣвочки были босы, безъ платьевъ и въ однихъ только длинныхъ грубыхъ рубахахъ Сартовскаго покроя. Въ отрядѣ былъ и 2-й Туркестанскій баталіонъ, гдѣ служилъ докторъ Петровъ; но дѣвочки почти не узнавали своихъ знакомыхъ офицеровъ, были въ какомъ-то столпнякѣ, и отъ нихъ не могли добиться ни одного слова. Особенно поражали глаза старшей десятилѣтней дѣвочки. Они были широко раскрыты съ взглядомъ, устремленнымъ куда-то въ даль, съ застывшимъ выраженіемъ ужаса. Обѣихъ дѣвочекъ отправили въ Петербургъ, помѣстили въ Институтъ, и на каждую изъ нихъ, согласно высочайшаго повелѣнія, было положено въ банкъ по десяти тысячъ рублей. Но о самыхъ убитыхъ такъ и забыли. Сперва было предположено тѣла первыхъ жертвъ Коканскаго похода, переложивъ въ гроба, съ воинскими почестями перенести на Ходжентское кладбище или хотя на мѣстѣ ихъ убіенія и настоящей могилы поставить памятникъ съ соотвѣтствующей надписью; но затѣмъ такъ все и забыли.

Не знаю, есть ли и теперь памятникъ надъ этими первыми жертвами Азіатскаго варварства и нашей халатности во времена Коканскаго похода 1874 года*).

Н. К. Трионовъ (псевдонимъ).

За полную точность описаннаго ручаюсь. Полковникъ фонъ-Дрейеръ.

*) Что сталося потомъ съ дочерьми доктора Петрова и здравствуютъ ли онѣ? П. Б.

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ ТРЕТІЙ и М. Г. ЧЕРНЯЕВЪ*).

Отозваніе М. Г. Черняева изъ Туркестана въ 1883 году и послѣдовавшее затѣмъ зачисленіе его въ Военный Совѣтъ было для него полною неожиданностію.

Назначенный въ Ташкентъ по личному выбору Государя въ Маѣ 1882 г., окрыленный его милостивымъ вниманіемъ, Михаилъ Григорьевичъ отправился туда, намѣреваясь привести въ исполненіе высказанное ему при прощаніи державное предначертаніе, чтобы богатѣйшій „этотъ край былъ не бременемъ для Россіи, а служилъ бы ей на пользу“. При твердо-сложившейся въ умѣ его системѣ касательно внутренняго управленія краемъ и внѣшнихъ сношеній съ сосѣдями, то есть Англичанами, онъ собирался ввести рядъ административныхъ реформъ въ нашихъ Средне-Азіатскихъ владѣніяхъ, которыми такъ неудачно, въ теченіи пятнадцати лѣтъ, управлялъ его предшественникъ генералъ-адъютантъ К. П. Кауфманъ.

Во время завоеванія Средней Азіи, Англійское правительство съ ревнивымъ недоброжелательствомъ слѣдило за успѣхами Русскаго оружія. Оцѣнивъ гористое, выгодное въ военномъ отношеніи положеніе Афганистана и считая его ключемъ къ Индіи, Англія, подъ предлогомъ необходимости успокоенія взволнованнаго у нея общественнаго мнѣнія, черезъ своего министра иностранныхъ дѣлъ, лорда Кларендона, предложила въ 1869 г. установить въ Азіи, между владѣніями обоихъ государствъ, нейтральную полосу.

Князь Горчаковъ, мнимые дипломатическіе таланты коего такъ долго превозносились и впервые обнаружены въ ихъ истинномъ свѣтѣ Бисмаркомъ въ его перепискѣ²⁾, посѣщилъ изъяснить плану Англичанъ свое полное одобреніе.

¹⁾ Написано въ дополненіе и въ поправку напечатаннаго въ 6-мъ выпускѣ „Русскаго Архива“ нынѣшняго года. П. Б.

²⁾ Переписка эта появилась въ печати по смерти князя Бисмарка.

„Со своей стороны“, писалъ нашъ канцлеръ, „мы не питаемъ никакого страха къ честолюбивымъ видамъ Англіи въ центрѣ Азіи, и мы въ правѣ ожидать такого же довѣрія къ нашему здравому смыслу; но что можетъ смутить разсудокъ, такъ это взаимное недовѣріе“. Последствія показали, какъ было наивно это трогательное довѣріе.

Въ заключеніе, Англійскому правительству черезъ барона Брунова подтверждалось „положительное увѣреніе, что Его Императорское Величество считаетъ Афганистанъ совершенно внѣ той сферы, въ которой Россія могла бы быть призвана оказывать свое вліяніе и что никакое вмѣшательство, противное независимости этого государства, не входитъ въ его намѣренія“.

Несмотря на то, что наша дипломатія всячески подтверждала передъ Англійскимъ правительствомъ полную неприкосновенность Россіи къ Афганистану, лордъ Кларендонъ, при свиданіи своемъ съ княземъ Горчаковымъ, въ Гейдельбергѣ, настаивалъ на необходимости признанія этого государства разграничительной полосой между Россіею и Англіей. Три года до этого свиданія, маленькая экспедиція подъ начальствомъ полковника М. Г. Черняева, предназначавшаяся для соединенія нашихъ передовыхъ укрѣпленій, неожиданно завершилась покореніемъ Средне-азиатской столицы, вопреки официальному предписанію военнаго министра „не отваживаться на штурмъ въ виду недостаточности военныхъ силъ“. Но взятіе Ташкента было логической необходимостью, упрочившею наше положеніе въ Средней Азіи „согласно силѣ и могуществу Россіи“, какъ доносилъ объ этомъ въ Петербургъ Михаилъ Григорьевичъ. Эти военные успѣхи произвели сильное впечатлѣніе не только у насъ, но и въ Европѣ и встревожили Англію, и по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ лордъ Кларендонъ въ Гейдельбергѣ при свиданіи съ кн. Горчаковымъ, не могъ воздержаться, очевидно намекая на Ташкентъ, отъ того, чтобы не критиковать нашихъ военачальниковъ въ отдаленныхъ краяхъ, и указывалъ на ихъ безмѣрное якобы честолюбіе. Въ отвѣтъ на это князь Горчаковъ, осудивъ дѣйствія М. Г. Черняева, поспѣшилъ успокоить представителя Англіи тѣмъ, что назначеніе генераль-губернаторомъ Кауфмана устраиваетъ эти опасенія *).

Дѣйствительно. къ концу пятнадцатилѣтія его управленія краемъ Англичане поставили Афганистанъ въ полную вассальную отъ себя зависимость. а Гераты обратили въ первоклассную крѣпостную твердыню противъ Россіи.

*) Смори Татищева „Императоръ Александръ Второй“.

Вторичное появленіе Михаила Григорьевича въ тѣхъ краяхъ, уже въ качествѣ ген.-губернатора, въ 1882 г. пришлось Англичанамъ крайне не по вкусу. Они пустили въ ходъ тайную интригу, воспользовавшись запуганностью нашей дипломатіи, которая со временъ князя Горчакова находилась въ постоянномъ опасеніи военнаго столкновенія съ Англіей въ Средней Азій.

Бухарскій эмиръ, нынѣ покойный, былъ постоянно во враждебныхъ отношеніяхъ съ Афганцами, которые вздумали даже занять небольшую область въ горахъ, хотя номинально, но числившуюся принадлежностью Бухары (Бухарскій эмиръ отъ себя назначалъ туда бековъ). Во время этой размолвки съ Афганцами Бухарскій эмиръ обратился къ М. Г. Черняеву за совѣтомъ и содѣйствіемъ. М. Г. рѣшился не вмѣшиваться непосредственно въ эту распрю, но воспользоваться ею въ интересахъ Россіи, оказавъ содѣйствіе Бухарскому эмиру выдачею ружей его войскамъ и демонстративнымъ движеніемъ нашего отряда на границу его ханства, дабы показать этимъ лишь готовность поддержать Бухару, какъ сосѣднее и дружественное государство, находившееся въ сферѣ нашего вліянія. Но такъ какъ сдѣлать этого безъ разрѣшенія изъ Петербурга было нельзя, то М. Г. послалъ военному министру П. С. Ванновскому длинную телеграмму (стоившую около пяти сотъ рублей). Проходитъ двѣ недѣли, отвѣта изъ Петербурга все нѣтъ. Между тѣмъ Бухарское посольство, присланное по этому дѣлу въ Ташкентъ, томится въ ожиданіи. „Тогда, повѣствуетъ Михаилъ Григорьевичъ, я послалъ телеграмму г.-адъютанту О. Б. Рихтеру, въ которой высказалъ сожалѣніе, что такъ долго не получаю отвѣта по столь важному моему запросу. На слѣдующій же день я получилъ отъ военнаго министра отвѣтъ, что Государю Императору благоугодно было одобрить всѣ мои предположенія, что онъ разрѣшаетъ мнѣ выдать нѣсколько сотъ ружей Бухарцамъ и выдвинуть наблюдательный отрядъ“.

„При такомъ отвѣтѣ, я счелъ себя въ полной силѣ, какъ вдругъ, спустя нѣсколько дней, получаю отъ военнаго министра приглашеніе явиться въ Петербургъ для участія въ трудахъ коммиссіи по преобразованію управленія Туркестанскимъ краемъ, при чемъ было даже указано, чтобы я взялъ съ собою нѣкоторыя бумаги, которыя я еще не успѣлъ отослать въ Петербургъ. Мысль о томъ, что этой телеграммой меня отзываютъ съ моего поста не приходила мнѣ въ голову. Я быстро собрался и не простился какъ слѣдуетъ ни съ кѣмъ, взявъ изъ своихъ вещей только необходимое. Лишь въ Петербургѣ, на пути съ желѣзной дороги, одно изъ встрѣтившихъ меня лицъ сообщило мнѣ

извѣстіе, что меня смѣняютъ. Являюсь къ военному министру. „Я долженъ сообщить вамъ непріятную вамъ новость: вы назначаетесь членомъ Военнаго Совѣта“, такъ встрѣтилъ меня Ванновскій. Кажется, онъ рассчитывалъ, что я при моемъ характерѣ вспылю, но предупрежденный наканунѣ, я спокойно отвѣчалъ: „если на то воля Государя, то я безропотно ей покоряюсь“.

Вскорѣ затѣмъ на высочайшемъ приѣмѣ Михаилъ Григорьевичъ былъ принятъ не въ обычный для этого день и полтора часа провелъ съ глазу на глазъ съ Государемъ. Излагая смѣло свои взгляды, онъ говорилъ о финансовомъ и экономическомъ положеніи Россіи, о томъ, что принимаемыми мѣрами министръ финансовъ не выведетъ Россіи изъ переживаемаго кризиса. На это Государь отвѣтствовалъ, что въ настоящее время вся Европа переживаетъ коммерческій кризисъ. Возраженіе Михаила Григорьевича на слова Государя Императора состояло въ томъ, что производительныя средства Европы значительно истощены, тогда какъ въ Россіи многія богатства, которыми слѣдовало бы воспользоваться, лежатъ еще втунѣ.

Онъ говорилъ также Государю о недовольствѣ войскъ матеріальнымъ положеніемъ. Со временъ императора Александра I-го, всѣ государи начинали свое царствованіе тѣмъ, что увеличивали содержаніе офицеровъ арміи и гвардіи. Такъ какъ царствованія продолжаются отъ двадцати пяти до тридцати лѣтъ и болѣе, а въ такой періодъ времени дороговизна на все увеличивается, и деньги все падаютъ въ цѣнѣ, то является настоятельная необходимость увеличивать жалованье, тѣмъ болѣе, что, при кратковременныхъ срокахъ службы для солдатъ, при переѣмѣхъ въ личномъ составѣ войска чуть ли не каждые три года, единственный кадръ арміи составляютъ офицеры, а потому привязать ихъ къ службѣ крайне необходимо.

На возраженіе Государя о томъ, что имъ была дана прибавка во время коронаціи, Черняевъ отвѣтствовалъ, что увеличеніе жалованья на восемь рублей въ мѣсяцъ мало, особенно при различныхъ сдѣланныхъ въ офицерскомъ быту стѣсненіяхъ.

Убѣжденный монархистъ, онъ поставилъ на видъ Государю, что его самодержавная власть не есть власть дѣйствительная, которая въ сущности находится у министровъ, но и у нихъ часто спускается до столоначальниковъ. Въ подтвержденіе того, какими мелочами утруждаютъ Государя Императора, онъ привелъ слѣдующій фактъ: двойныя прогонныя деньги, по случаю его проѣзда изъ Ташкента черезъ Астра-

ханъ въ Москву, на коронацію, были ему выданы только съ высочайшаго разрѣшенія.

Въ первый прїѣздъ свой по назначеніи ген.-губернаторомъ изъ Ташкента въ Петербургъ, въ 1883 г., онъ докладывалъ Государю свое мнѣніе о необходимости уравнивать Туркестанскія войска по содержанію съ гражданскимъ вѣдомствомъ въ краѣ, на что Государь согласился. Когда разговоръ по этому дѣлу произошелъ у Михаила Григорьевича съ Ванновскимъ, сей послѣдній возразилъ ему: „да развѣ Государь можетъ самъ рѣшать такія дѣла?“ Этотъ эпизодъ изъ своей служебной практики былъ также приведенъ Михайломъ Григорьевичемъ въ подтвержденіе своего мнѣнія о власти въ Россіи.

Выслушавъ это, Государь поблѣднѣлъ и послѣ продолжительнаго молчанія сказалъ: „Вамъ отвѣчали такъ, потому что прежде доклада мнѣ дѣла этого рода обсуждаются въ комиссіяхъ и комитетахъ“¹⁾.

Послѣ пріема, длившагося часа полтора, Государь, отпуская М. Г., сказалъ: „У васъ неладныя отношенія съ военнымъ министромъ²⁾ и со штабомъ. Подождите нѣкоторое время, я вамъ дамъ назначеніе, а теперь побудьте въ Военномъ Совѣтѣ“.

На слова М. Г. о томъ, что такое внезапное отозваніе его изъ Туркестана можетъ быть истолковано въ неблагопріятномъ для него свѣтѣ общественнымъ мнѣніемъ Государь отвѣтствовалъ: „этого вамъ нечего бояться, васъ знаетъ вся Россія“.

Оставаться въ Петербургѣ и присутствовать на засѣданіяхъ Военнаго Совѣта, въ которомъ былъ военный министръ, было для Михаила Григорьевича слишкомъ тяжело. Поэтому онъ обратился въ концѣ вышеописанной аудіенціи къ Государю съ просьбой или отпустить его на жительство въ Москву, гдѣ въ то время находилось его семейство, или разрѣшить подать ему въ отставку. „Нѣтъ, зачѣмъ же въ отставку, сказалъ на это Государь: живите, гдѣ вамъ будетъ удобнѣе“.

Для подтвержденія того, что отозваніе его изъ Ташкента не было выраженіемъ немилости, онъ былъ приглашаемъ на всѣ высочайшіе балы, пока не уѣхалъ въ Москву.

Здѣсь онъ пробылъ недолго. Бездѣйствіе и тяжесть пережитыхъ событій угнетали его. Такое состояніе духа требовало перемѣны впечатлѣній.

¹⁾ Мнѣ Черняевъ передавалъ, что когда Государь молча и отирая потъ съ чела ходилъ по комнатѣ, ему Черняеву было тяжелѣе, нежели въ сраженіяхъ. П. Б.

²⁾ Интрига противъ М. Г. велась съ самаго его назначенія. По прїѣздѣ же его въ Петербургъ, въ Петербургѣ ходили слухи, что Ванновскій говорилъ Государю, что если М. Г. останется въ Ташкентѣ, самъ онъ подастъ въ отставку.

Среднюю Европу онъ всю уже объѣздилъ, а послѣ Сербской войны, когда ему былъ воспрещенъ вѣздъ въ Россію, вплоть до объявленія Русско-Турецкой войны, посѣтилъ также и Англію. Востокъ, Японія и Китай, роль которыхъ онъ предвидѣлъ въ будущемъ, очень интересовали его, и съ цѣлью ихъ изученія онъ отпросился въ заграничный отпускъ, всемилостивѣйше ему разрѣшенный.

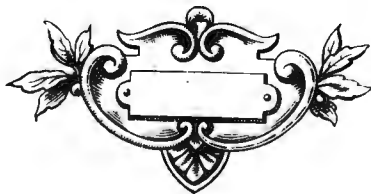
Обозрѣвъ подробно Римъ, гдѣ древность классическаго и христіанскаго міра приводила его въ восхищеніе, онъ отплылъ изъ Неаполя на пароходѣ общества *Messagerie Maritime* черезъ Суэцкій каналъ и Красное море, посѣтивъ по дорогѣ портовые города Индіи и Индо-китая, въ Японію, гдѣ правительство принимало его какъ почетнаго гостя, а микадо прислалъ звѣзду ордена Восходящаго Солнца. Обративъ особенное вниманіе на военное дѣло при обозрѣніи Японскихъ арсеналовъ и доковъ, онъ предрекъ этому государству роль восточной Англіи.

Вернувшись обратно въ Москву черезъ Сибирь (онъ проѣхалъ отъ Владивостока до Урала) онъ оставилъ описаніе своего путешествія черезъ великій Сибирскій путь.

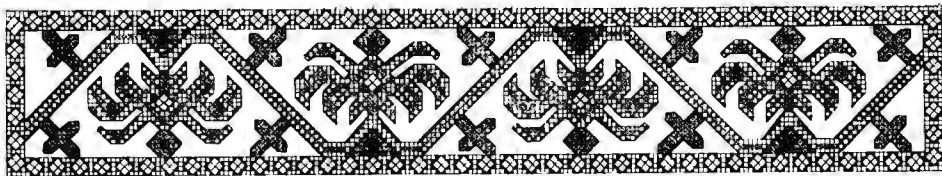
Въ Военномъ Совѣтѣ*) онъ такъ и не былъ ни разу.

Въ заключеніе прибавимъ, что, по отозваніи его изъ Ташкента, Афганцы, подстрекаемые Англичанами, тотчасъ же прекратили свои враждебныя дѣйствія противъ Бухарцевъ.

Антонина Черняева.

*) Военный Совѣтъ онъ считалъ неудачнымъ учрежденіемъ бывшаго при государѣ Николаѣ Павловичѣ военнаго министра князя Чернышова, придумавшаго этимъ способъ самостоятельно править дѣлами, отвѣтственность же за неудачи слагать на Военный Совѣтъ, состоявшій изъ подчиненныхъ ему лицъ, которые не могутъ слишкомъ рѣзко возставать противъ предлагаемыхъ начальникомъ мѣръ.

ДВѢ ЗАМѢТКИ КЪ СОЧИНЕНІЯМЪ ПУШКИНА.

I

Несмотря на обиліе изысканій о Пушкинѣ, есть много темнаго въ вопросѣ о происхожденіи нѣкоторыхъ его произведеній. Какъ извѣстно, Пушкинъ любилъ между прочимъ въ послѣдніе годы своей жизни загадывать своимъ читателямъ загадки, указывая на заимствования: „Изъ Вильсоновой трагедіи: The city of the plague“, „Изъ Ченстоновой траги-комедіи“, „Изъ Пиндемонта“ и т. п. Надписи эти, кажется, и доселѣ недостаточно расшифрованы. Покойный Н. Н. Страховъ думалъ даже (и не безъ большой доли правды или, по крайней мѣрѣ, вѣроятія) что это просто мистификація: „Пушкинъ въ послѣдніе годы часто прибѣгалъ къ печальной уловкѣ ставить надъ своими произведеніями чужія имена.—такъ горька, должно быть, была слава, которую ему приносили произведенія, признаваемые имъ за свои собственныя!“ Можетъ быть, однако, у Пушкина было и другое, болѣе прямое основаніе дѣлать вышеуказанныя оговорки.

Авторъ этихъ строкъ не пушкинистъ; но нѣсколько указаній, на которыя пришлось ему натолкнуться, быть-можетъ, пригодятся для лицъ, болѣе опытныхъ въ данномъ вопросѣ и помогутъ его разъясненію. Замѣчанія эти касаются „Скупого Рыцаря“ и „Мѣднаго Всадника“.

II

Непосредственно подъ заглавіемъ „Скупой Рыцарь“ Пушкинъ отмѣтилъ: „Сцены изъ Ченстоновой траги-комедіи: The coveteous Knight“. Поиски этой траги-комедіи, сколько намъ извѣстно, не привели ни къ какимъ результатамъ, и „Скупой Рыцарь“ считается вполне оригинальнымъ произведеніемъ Пушкина. Въ конечномъ результатѣ оно, вѣроятно, такъ и есть; но не имѣли ли при созданіи „Скупого Рыцаря“ мѣста и постороннія вліянія? Отвѣтъ на этотъ вопросъ приходится съ совершенно неожиданной стороны.

Въ книгѣ бывшаго профессора Варшавскаго Университета П. А. Кулаковскаго „Иллиризмъ“, посвященной исторіи Хорватскаго возрожденія, находимъ указанія на старинную Хорватскую комедію священника Матвѣя Яндрича (Matija Jandrić): „Любомировичъ или истинный другъ“ (Lyubomirovitch ili priatelj pravi). Она была издана въ Загребѣ въ 1821 г. Омою Миклоушичемъ. Сходство одной изъ ея сценъ со „Скупымъ Рыцаремъ“ бросается въ глаза и было отмѣчено П. А. Кулаковскимъ. Въ примѣчаніяхъ къ своей книгѣ онъ напечаталъ эту сцену въ Хорватскомъ подлинникѣ; но по специальности самаго изслѣдованія она прошла, кажется, незамѣченною для лицъ, занимающихся изученіемъ Пушкина.

Дѣйствіе происходитъ въ домѣ стараго скупца Фабіана. Въ комнатѣ онъ одинъ. Въ стѣну вмуровленъ сундучекъ съ деньгами. Другой сундукъ стоитъ на полу. Скрыга, на цыпочкахъ, озираясь туда и сюда, осторожно подходитъ къ двери, запираетъ ее на ключъ и говорить: „Здѣсь меня никто не потревожитъ, сюда никто не посмѣетъ войти. Слуги не должны знать, чтѣ я здѣсь дѣлаю. О, я знаю, какъ бы хотѣли они заглянуть въ сундукъ, гдѣ лежатъ мои червонцы... О, золото! Здѣсь мое сердце, моя душа! Ты мое все, ты—мой Богъ! (нагибается надъ сундукомъ). Вотъ рай мой, вотъ мое блаженство! Дай, дай, позволь мнѣ посмотреть, насладиться твоимъ видомъ! Въ тебѣ моя сила; ты—моя пища и питье, моя радость и наслажденіе. Червонцы—вотъ мои друзья! Пусть другіе идутъ на балы, на пляску, на комедіи и веселье: я торжествую, когда вижу тебя. Нѣтъ для меня большей радости и счастья, какъ смотрѣть на мои золотые дукаты. И кто ихъ не цѣнитъ? Бѣднякъ имъ радуется, короли и аристократы ихъ держать въ почетѣ. О, что за мука сердца! Когда я только подумаю о нихъ, меня бросаетъ въ жаръ и трепеть, чтобы кто-нибудь ихъ не похитилъ; пью-ли, ѣмъ-ли, они у меня передъ глазами; засну—они мнѣ снятся. Всѣ заботы мои—тутъ. О, если бы могъ я жить тысячу лѣтъ и каждый годъ наполнять подобный ящичекъ этой драгоценностью и утѣшеніемъ моего сердца! И все же придется умереть при такомъ блаженствѣ. Умереть? Умереть? Ахъ, оставь васъ, мои боги! Ахъ, тяжело мнѣ! Дайте же укрѣпиться вашимъ видомъ (перебираетъ монету за монетой). Вотъ Венеціанскій червонецъ, вотъ изъ Кремницы; а вотъ дублонъ, который я получилъ отъ того парня, котораго родители взяли у меня займы двѣсти скуди съ условіемъ возвратить чрезъ два года столько же дублоновъ; у него денегъ не было; я заставилъ его все продать и заплатить мнѣ долгъ... А вотъ этотъ дублонъ мнѣ дали на храненіе. Но—славу Богу!—утонулъ тотъ,

кто мнѣ его далъ. Послѣ него осталось шестеро дѣтей, но они о немъ не знаютъ. Поэтому *bona fide juris proprii!*...

Мы привели эту сцену въ извлеченіи. Въ ней есть нѣсколько несомнѣнныхъ совпаденій съ монологомъ Пушкинскаго Скупого Рыцаря. Но какъ могла дойти до Пушкина Хорватская комедія, которая и на своей родинѣ въ Загребѣ нашла себѣ очень мало читателей? А если бы и дошла, то какъ бы онъ ее прочелъ, не зная Хорватской кай-кавшины? А если бы наконецъ и прочелъ, то развѣ слабое и дѣтски-наивное произведеніе какого-то Хорватскаго священника могло настолько затронуть его воображеніе и запасть въ память, чтобы потомъ отразиться въ созданіи „Скупого Рыцаря“? Очевидно, что о непосредственномъ вліяніи Яндрича на Пушкина и рѣчи быть не можетъ. Но комедія Яндрича, по словамъ П. А. Кулаковскаго „носить въ себѣ признаки заимствованій изъ Нѣмецкой литературы“. Она позволяетъ сдѣлать предположеніе о существованіи какого-то общаго источника, изъ котораго черпалъ Яндричъ и который могъ до извѣстной степени повліять и на Пушкина. Этотъ источникъ въ настоящее время указанъ. Въ книгѣ профессора Загребскаго университета Джуро Шурмина о Хорватскомъ возрожденіи *Hrvatski preporod* (Zagreb, 1903, I, 62) опредѣленно указано, что предположеніе Кулаковскаго вѣрно: комедія Яндрича переведена съ Нѣмецкаго, а Нѣмецкій текстъ въ свою очередь взятъ съ Итальянскаго. Въ основѣ пьесы Яндрича лежитъ комедія Гольдони „*Il Vero Amico*“. Такимъ образомъ завязывается нить между Пушкинымъ и Гольдони. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ подъ рукой сочиненій Гольдони и не можемъ произвести сличенія; но быть можетъ, это указаніе будетъ не лишнимъ для лицъ, занимающихся изученіемъ Пушкина, причемъ, конечно, дѣйствіе Гольдони на Пушкина, если и будетъ вполне установлено, нисколько не уменьшитъ цѣны Пушкинской трагедіи. Давно уже Языковъ сказалъ:

... геній радостно трепещетъ,
Свое величье познаетъ,
Когда предъ нимъ гремитъ и блещетъ
Иного генія полетъ.

Пользуемся случаемъ, чтобы указать еще на одно сближеніе, сдѣланное Хорватскимъ писателемъ, д-ромъ Бранко Водникомъ (псевдонимъ Б. Дрекслера) въ его книгѣ о Франьо Марковичѣ, авторѣ поэмы „*Košan i Vlasta*“, на котораго оказали большое вліяніе Пушкинъ и Мицкевичъ. Б. Водникъ утверждаетъ, что „Каменный Гость“ Пушкина есть простой переводъ изъ Лоренцо-да-Понте. Польскій ученый Тадеушъ-Ста-

ниславъ Грабовскій въ журналѣ „Świat Słowiański“ повторилъ это мнѣніе. Конечно, это очевидное преувеличеніе. Но была ли достаточно обследована нашими учеными зависимость „Каменнаго Гостя“ отъ либретто оперы Моцарта, изъ которой взялъ Пушкинъ эпиграфъ для своихъ драматическихъ сценъ?

III.

Въ той же книгѣ Б. Водника авторъ даетъ своеобразное объясненіе Пушкинскому „Мѣдному Всаднику“: „Не захотѣлъ ли здѣсь Пушкинъ изобразить несчастье своего друга Мицкевича? Евгенийъ это Польскій поэтъ, и бокъ о бокъ съ символической идеей гиганта на бронзовомъ конѣ идетъ въ „Мѣдномъ Всадникѣ“ и символика любовнаго содержанія поэмы: разрушенный домъ, мать и дочь. Домъ и мать—это Польша, а дочь—Литва, которую такъ страстно любилъ Мицкевичъ. Только при такомъ толкованіи сглаживается бросающееся въ глаза несоотвѣтствіе между незначительностью любовнаго содержанія повѣсти и ея концомъ“. (Franjo Marković, studinja, Zagreb, 1906, str. 35).

Наивность этого предложенія такова, что на немъ не стоило бы и останавливаться. Хорватскій критикъ мѣряетъ Пушкина аршиномъ пригоднымъ развѣ для какого-нибудь третьестепеннаго поэта стараго времени. Но при всей своей художественной близорукости онъ мѣстами мимовольно касается истины. Дѣло въ томъ, что „Мѣдный Всадникъ“ несомнѣнно сложился подъ вліяніемъ Мицкевича. Повѣсть Пушкина дошла до насъ, повидимому, не въ полномъ или недостаточномъ видѣ. Ап. Григорьевъ называетъ ее „удивительнымъ отрывкомъ“. Какъ извѣстно, послѣ словъ Евгения передъ памятникомъ Петру: „Ужо тебѣ!“ въ первоначальной редакціи шелъ цѣлый монологъ стиховъ въ 30, теперь утраченный. По словамъ князя П. П. Вяземскаго, этотъ монологъ, отличавшійся необыкновенной силой ненависти, былъ направленъ противъ христіанской цивилизаціи и, конечно, какъ это видно изъ контекста, противъ Петра и его дѣла. Въ послѣднее время С. Н. Браиловскій (См. Жур. Мин. Нар. Просвѣщенія за 1909 г. № 3) высказалъ предположеніе, что этого монолога не существовало вовсе. Но на самомъ дѣлѣ онъ сохранился и существуетъ и доселѣ. Это—„Дзяды“ Мицкевича, или, вѣрнѣе, добавленіе къ 3-ей части поэмы, такъ называемый *Wstęp*, гдѣ описывается Петербургъ. Только въ свѣтѣ „Дзядовъ“ можетъ быть вполне понятъ „Мѣдный Всадникъ“ и уяснено его значеніе и смыслъ. А что въ немъ не все ясно, доказательство этому производимое имъ двойственное впечатлѣніе.

„Мѣдный Всадникъ“—пишетъ Бѣлинскій—это апофеоза Петра Великаго, самая смѣлая, самая грандіозная, какая могла только придти

въ голову поэту, вполне достойному быть пѣвцомъ великаго преобразователя Россіи.... Александръ Македонскій завидовалъ Ахиллу, имѣвшему Гомера своимъ пѣвцомъ; въ глазахъ насъ, Русскихъ, Петру некому завидовать въ этомъ отношеніи. Пушкинъ не написалъ ни одной эпической поэмы, ни одной Петріады; но его „Стансы“, многія мѣста въ „Полтавѣ“, „Пиръ Петра Великаго“ и наконецъ „Мѣдный Всадникъ“ образуютъ собой самую дивную, самую великую Петріаду, какую только въ состояніи создать гений великаго національнаго поэта“ (Сочиненія, изд. 1896, III, 679).

„Мѣдный Всадникъ“ (пишетъ Спасовичъ, а ему въ послѣднее время вторитъ отчасти и Мережковскій) это отрицаніе прежняго Пушкинскаго идола. Поэтъ всмотрѣлся пристально въ лицо Петра и содрогнулся: до того вдругъ показалось ему это лицо зловѣщимъ, обрызганнымъ кровью, смертоноснымъ. Какъ будто знакомое, оно получило неожиданное, совсѣмъ новое выраженіе, явилось воспроизведеніемъ „восточнаго типа бича Божія—Аттилы“. Пушкинъ намѣренно затушевывалъ это, прикрылъ, напустилъ туману; но какъ ни охорашивалъ Петра Пушкинъ, какъ ни занавѣшивалъ основную мысль поэмы, эти громкіе бубны и литавры не спасли поэму отъ цензуры; появившись въ посмертныхъ изданіяхъ, они лишь сбили съ толку публику. Ослѣпленные красотою картины, изображающей галлюцинацію помѣшаннаго канцеляриста, читатели не вникли въ основу, въ содержаніе, въ нравоученіе поэмы“ (Сочиненія, VIII, 61; II, 257, 285, 286).

Не можетъ быть дыму безъ огня. Двойственность впечатлѣнія есть только отблескъ, хотя бы и искусственно усиленный, двойственности чувствъ. Пушкинъ самъ, кажется, мѣстами колебался, кому сочувствовать въ неравномъ поединкѣ—мѣдному-ли гиганту, „мощному властелину судьбы“, воплощенію силы государственной, или ничтожному канцеляристу, „червяку, раздавленному судьбой“, и, если бы въ минуту созданія „Мѣднаго Всадника“ Достоевскій предложилъ Пушкину свой знаменитый вопросъ, считаетъ ли онъ возможнымъ основать личное и народное счастье на загубленной жизни слабаго ребенка, думается, авторъ „Тазита“ не отвѣтилъ бы на него вполне увѣренно. Въ „Мѣдномъ Всадникѣ“ бурливая влага вдохновенія, очевидно, еще не успѣла устояться. Стихи вылились наружу раньше, чѣмъ поэтъ успѣлъ отойти отъ изображаемой жизни на извѣстное разстояніе, взглянуть на нее „съ высоты“. Обыкновенно кристально-ясный и прозрачный, въ „Мѣдномъ Всадникѣ“ Пушкинъ мѣстами (мы разумѣемъ описаніе статуи Петра) точно преднамѣренно неясенъ. Поэтъ, который, какъ никто, во всемъ умѣлъ найти правильную мѣрку, здѣсь какъ будто лишился ея: въ трактовкѣ сюжета поэмы, въ отношеніи автора

къ лицамъ чуется какая-то неуровновѣшенность, колебаніе. Точно „Мѣдный Всадникъ“ появился на свѣтъ раньше, чѣмъ творческій замыселъ вполне созрѣлъ и окристаллизовался. Что же было причиной этому? Что вывело поэта изъ равновѣсія и замутило мысль его, всегда ясную и прозрачную? На это можетъ быть только одинъ отвѣтъ: „Дзяды“ Мицкевича, которые какъ разъ въ это время онъ читалъ и отрывки изъ которыхъ переписалъ для себя въ подлинникъ.

„Дзяды“—это вулканическій взлетъ чувства, это экстагическій порывъ любви къ народу, не знающей себя границъ. Говорятъ, что во время вдохновеннѣйшей изъ импровизацій Мицкевича, когда на вызовъ Словацкаго, озаренный высшею силой, говорилъ онъ въ Парижѣ о призваніи художника, о томъ, что „для поэта есть только одна дорога—отъ сердца къ Богу“, нѣкоторые изъ его собесѣдниковъ видѣли надъ вѣщей головой поэта сіяніе. Геніальной силой экстаза въ 1849 г. Мицкевичъ, сѣдымъ старикомъ, безъ всякихъ средствъ, безъ всякой помощи, пѣшкомъ пройдя черезъ всю Италію, собралъ цѣлый легионъ и повелъ его сражаться за свободу народовъ. Сила такого же экстаза создала и „Дзяды“. Нѣтъ, кажется, произведенія, авторъ котораго съ бѣльшимъ правомъ могъ бы сказать о себѣ: „я миллионъ, потому что любилъ и страдалъ за миллионъ“. Но пѣснь любви къ родному народу, „Дзяды“—это и пѣснь ненависти. Тысячею змѣй обвилась она вокругъ сердца поэта, и колетъ, и жалитъ почти въ каждой сценѣ драмы. „Крови, крови, крови! Местъ, местъ на врага съ Богомъ, и даже противъ Бога!“ восклицаетъ заключенный Новосильцевымъ въ келью Базиліанскаго Виленскаго монастыря герой „Дзядовъ“ Конрадъ, прямое продолженіе Валленрода.

Мицкевичъ (и въ этомъ большая заслуга поэта, какъ человѣка, одна изъ самыхъ тяжелыхъ побѣдъ его надъ самимъ собою) въ сознаніи осудилъ своими „Дзядами“ валленродизмъ. Въ ту самую минуту, когда Конрадъ, пропѣвъ свою пѣсню мести, готовился произнести высшее кощунство, злые духи уже окружаютъ его, какъ свою жертву: онъ падаетъ въ обморокъ. Является отецъ Петръ, простой монахъ, и смиренная молитва вѣры спасаетъ „молодую и благородную, но гордую и нежелающую смириться передъ Богомъ душу грѣшника“. Сцена заканчивается хоромъ ангеловъ, которые поютъ: „Миръ, миръ дѣтской простотѣ, миръ покорной и тихой добродѣтели. Слуга кроткій и смиренный, ты внесъ миръ въ домъ гордости. Миръ одинокому грѣшнику“ *).

*) Позднѣе, когда Мицкевичъ бѣдствовалъ въ Парижѣ, Московскіе друзья его (Хомяковъ, Шевыревъ, Павловъ) послали ему денегъ. Привезъ ихъ ему А. Н. Поповъ, отъ котораго я слышалъ, что сначала Мицкевичъ не хотѣлъ принимать ихъ, но заплакать и принять эти пять тысячъ рублей. П. Б.

Таковъ смыслъ „Дзядовъ“. По отношенію къ Конраду это призывъ къ покаянію; это тотъ же голосъ, что слышенъ въ „Книгахъ Пилиgrimства“. „Улучшайте свои души, расширяйте сердца, и вы улучшите свои права, расширите границы“. Тутъ Пушкинъ былъ совершенно неправъ, сказавъ, что Мицкевичъ „поетъ ненависть“.

И тѣмъ не менѣе, по признанію самихъ Польскихъ критиковъ, „ненависть звучитъ тамъ грозно и не на минуту не умолкаетъ на протяженіи всей поэмы“. И въ этомъ глубокой трагизмъ всей много-страдальной жизни Мицкевича, трагизмъ его, какъ человѣка, какъ поэта, наконецъ, какъ политическаго дѣятеля. Онъ, который звалъ за собою все человѣчество на созданіе общаго, всечеловѣческаго счастья, онъ, въ чьихъ вдохновенныхъ мечтахъ такъ ярко и такъ мощно засвѣтился христіанскій идеалъ великой и свободной семьи народовъ, кончилъ жизнь, собираясь въ 1854 году сражаться въ однихъ рядахъ съ исконными притѣснителями Славянъ, Турками, и искренне думая при этомъ, что онъ служить дѣлу Славянскаго освобожденія! Обиды изстрадавшейся души, накупъ горькихъ чувствъ замутили его душевный миръ, и въ ихъ клокочущей пѣнѣ затерялась и свѣтлая мысль „Дзядовъ“. Хоръ ангеловъ не послѣдняя ихъ нота. Спасенный молитвами Петра Конрадъ отправляется искупать свой грѣхъ передъ Богомъ въ Петербургъ и здѣсь лицомъ къ лицу встрѣтившись съ тою силой, которую считалъ онъ враждебной своему народу, „выливаетъ кубокъ яду, высосаннаго изъ слезъ и крови своей родины“:

Wylewam na świat ten kielich truciźny,

Wyssany z łez i z krwi mej ojczyzny.

Польская критика обыкновенно замѣчаетъ, что при оцѣнкѣ „Дзядовъ“ необходимо помнить разницу между государствомъ и народомъ. Она любитъ указывать на конецъ отрывка „Смотръ войскамъ“, гдѣ описывается смерть денщика, которому баринъ-офицеръ приказалъ держать свою шубу, да и забылъ про него, а онъ, вѣрный приказанію, сидѣлъ, не трогаясь съ мѣста, и замерзъ, даже не прикрывшись шубой.

Бѣднякъ! Зачѣмъ слеза невольно льется

При мысли о тебѣ, и сердце бьется?

Ахъ, жаль тебя мнѣ, бѣдный Славянинъ!

Народъ несчастный! Жаль твоей мнѣ доли.

Одинъ ты знаешь героизмъ—неволи.

Но общій тонъ „Дзядовъ“ таковъ, что невольно начинаешь думать, что и въ этомъ мѣстѣ денщикъ и представляемый имъ народъ не столько цѣль сами по себѣ, сколько средство для укора тому порядку, который созданъ былъ однако не помимо народа, а волею его самого, его собственнымъ духовнымъ подвигомъ. Во всякомъ случаѣ въ „Дзя-

дахъ“ заключено все, что могъ бы сказать Пушкинскій Евгений, грозя статуѣ Петра. Если же рѣчь его, по словамъ князя Вяземскаго, была исполнена „ненависти къ христіанской цивилизаціи“, то не позабудемъ, что для князя Вяземскаго христіанская цивилизація равнозначила Европейской; Мицкевичъ же во имя христіанства отрицалъ направленіе Европейской жизни послѣ Вестфальскаго мира, находя, что съ этихъ поръ Европа, забывъ о свободномъ развитіи души человѣческой и народной, поклонилась идоламъ государственной мощи, силы, богатства и матеріальнаго благосостоянія. При этомъ Петръ былъ для него однимъ изъ главныхъ силъ, дѣйствовавшихъ въ этомъ направленіи. Словомъ, Пушкину оставалось только сжать сказанное въ „Дзядохъ“ въ тридцать строкъ, чтобы получился монологъ Евгенія. И замѣчательно, что самая оправа этого монолога напоминаетъ „Дзядовъ“. У Пушкина Евгений, „обойдя кругомъ подножія кумира“,

..... мрачно сталъ
 Предъ горделивымъ истуканомъ,
 И, зубы стиснувъ, *пальцы сжавъ*,
 Какъ обуянный силой черной,
 „Добро, строитель чудотворный!“
 Шепнуть онъ, *злобно* задрожавъ.
 „Ужо тебѣ!“

У Мицкевича Конрадъ, обходя Петербургъ съ товарищами и „впиваясь глазами въ фундаменты, стѣны, крыши, чугуныя ограды, гранить, точно пробовалъ, прочно-ли сидитъ каждый камень и въ отчаяніи опустилъ руки: нѣтъ, человѣку этихъ камней не повалить! А когда всѣ разошлись, онъ остался одинъ

И съ страшной *злобою* захохоталъ,
 И, руку поднявъ вверхъ, онъ *пальцы сжалъ*
 И мстительнымъ ударилъ кулакомъ
 О камень
 Такъ въ храмъ Филистинскомъ средь колоннъ
 Стоялъ, пылая мстію, Самсонъ.

Разница только въ томъ, что Евгений, выливъ свой гнѣвъ на Мѣднаго Всадника, безсильный бѣжалъ отъ него въ страхъ; Мицкевичъ же, вѣря въ свою побѣду, написалъ въ „Олешкевичъ“ свое „мане, факель, фаресъ“ тому, кого онъ до конца жизни своей не переставалъ проклинать (Ode in Bomersundum captum. Ad Napoleonem III).

Написалъ—и самъ смутился вылитю имъ на свѣтъ „чашею яду“, и какъ бы въ оправданіе себѣ, какъ бы смягчая впечатлѣніе, добавилъ въ концѣ „Дзядовъ“ посвященіе „друзьямъ-Москалямъ (Do przyjaciel Moskali)“:

Вы помните-ль меня? Когда друзей въ могилахъ
 И въ глубинѣ темницъ хочу я перечестъ,

Считаю я и васъ. Въ моихъ мечтахъ унылыхъ
 Для вашихъ блѣдныхъ лицъ гражданства право есть.
 Пускай къ вамъ рѣчь моя изъ странъ свободы дальней
 Домчится на рубежъ пустыни ледяной
 И въ край изгнанія далекій и печальный
 Приноситъ съ воли вѣсть, какъ журавли весной,
 Узнайте мой призывъ. Подъ бременемъ неволи
 Я прятался, какъ змѣй, и голосъ свой таилъ,
 Но молча я дѣлилъ страданье вашей боли,
 И кротость голубя для васъ въ душѣ хранилъ.
 Теперь я передалъ всю горечь скорбной чаши,
 Все пламя тайныхъ слезъ въ крылатой пѣсни звукъ;
 Пусть васъ щадитъ она, но жжетъ оковы ваши:
 То кровь моей страны, то вопли долгихъ мукъ...

(Переводъ Тана).

Эти стихи, затаенно-страстные, какъ скрытый глубоко въ душѣ пламень, тоскующе-задушевные, какъ ищущее себѣ выхода изъ-подъ препятствій чувство, останутся навсегда памятью тѣхъ рѣдкихъ и свѣтлыхъ минутъ, когда гений Польскаго народа искалъ и находилъ себѣ точки соприкосновенія съ народомъ Русскимъ. Удивлялись, что это „посвященіе“ Мицкевичъ напечаталъ не передъ поэмой, а послѣ нея, въ самомъ концѣ; но ничего не могло быть естественнѣе. Увертюра даетъ тонъ всему произведенію, но въ стихахъ „Друзьямъ-Москалямъ“ тонъ иной чѣмъ во всѣхъ „Дзядяхъ“. Тамъ поэтъ даетъ волю накали горькихъ чувствъ, тамъ „кубокъ яду“; здѣсь шагъ навстрѣчу, здѣсь память о свѣтлыхъ дняхъ молодости, о гостепріимномъ домѣ кн. Зинаиды Волконской на Тверской, о дружбѣ и безкорыстной пріязни, о минутахъ соединеній. Это рука, протянутая вновь къ давнимъ друзьямъ, первое движеніе къ примиренію. Это какъ бы начало новой мелодіи. Молкнетъ ненависть (а гдѣ ненависть, тамъ и рабство) и слышатся первые звуки пѣсни свободы, пѣсни будущаго. И вотъ почему, когда люди доброй воли начинаютъ работать надъ созданіемъ будущаго Русско-польскаго единенія, наравнѣ съ дружбой Пушкина и Мицкевича, наравнѣ съ плѣнительнымъ образомъ двухъ юношей, укрывшихся отъ непогоды подъ однимъ плащомъ, вспоминаются и эти стихи „Друзьямъ-Москалямъ“. И доселѣ еще слышатся ихъ отклики, выливаясь то въ картинѣ Мясоѣдова „Импровизація Мицкевича“, то въ стихахъ Ор-Ота: „Wu czy mnie pamiętacie?“. Доброе не умираетъ.

Горькій и ѣдкій осадокъ слышенъ однако мѣстами и въ нихъ. Есть строфы, въ которыхъ хотѣли видѣть упрекъ Пушкину и Жуковскому за изданіе стиховъ „На взятіе Варшавы“. Изученіе рукописей поэта разсѣяло эти предположенія. Стихотвореніе „Друзьямъ-Москалямъ“ относится къ 1830 году, а стихи Пушкина и Жуковского къ

концу 1831 года. Это не мѣшало, конечно, Пушкину принять укоры Мицкевича на свой счетъ, и чѣмъ онъ на нихъ отвѣчалъ бы, это тайна безвозвратно утеряннаго прошлаго. Но на всѣ „Дяды“ въ ихъ цѣломъ съ Русской стороны по отношенію лично къ Мицкевичу могъ быть только одинъ правильный отвѣтъ, тотъ, который далъ Пушкинъ въ стихотвореніи „Мицкевичу“:

О, Боже, возврати
Твой миръ въ его озлобленную душу.

И опять-таки чрезвычайно знаменательно, что эта молитва трогательная и (можно бы сказать) высоко-человѣчная, если бы вмѣсто „озлобленную“ стояло „страдающую“ душу, почти буквально совпала бы съ горячей молитвой отца Петра надъ страдальческой душою Конрада. Заканчивая сцену въ кельѣ, хоръ ангеловъ поетъ:

*Pokój, pokój prostocie
Pokornej, cichej snocie!
Sługo, sługo pokorny, cichy,
Wniosłeś pokój w dom pychy,
Pokój grzesznemu sierocie!*

Вслушайтесь: это говоръ двухъ родственныхъ Альпійскихъ вершинъ. Шумить и не молкнетъ разъединяющій ихъ бѣгъ потока; но въ самомъ основномъ, самомъ важномъ, въ сокровенныхъ глубинахъ чувства, на высотахъ человѣческой мысли, голоса ихъ сливаются въ одинъ согласный тонъ.

Внизу, однако, жизнь настроила разнаго рода перегородокъ, царить еще разногласіе. Споръ Польско-русскій всегда былъ, да и теперь есть по преимуществу политическій. Относя мысль Пушкина къ старымъ Московскимъ и Петербургскимъ впечатлѣніямъ, къ днямъ соединенія, „Дяды“ затрогивали въ тоже время область, которая уже выходила за предѣлы личныхъ отношеній,—государство Русское. Чертя ему свое „мане, факелъ, фаресь“, Мицкевичъ, можетъ быть, и не безъ вины самого Пушкина, привлекъ его сюда же: непосредственно передъ отрывкомъ „Олешкевичъ“ въ „Дядяхъ“ помѣщенъ памятникъ Петра Великаго, гдѣ въ уста Пушкина вложено почти буквально повторенное потомъ въ „Мѣдномъ Всадникѣ“ описаніе памятника Фальконета съ упоминаніемъ о „каскадѣ тиранства“. Аріонъ Декабристовъ, когда-то вмѣстѣ съ Чаадаевымъ мечтавшій написать свои имена „на обломкахъ самовластья“, могъ сказать эти слова, но смыслъ ихъ былъ понятъ Мицкевичемъ невѣрно. Онъ упустилъ изъ виду, а можетъ быть и не зналъ, что рука, писавшая оду „Вольность“, одновременно слагала и гимнъ „Боже, царя храни“, что авторъ „Посланія въ Сибирь“, славя въ Декабристахъ ихъ „думъ высокое стремленіе“, въ то

же время посвящалъ стансы имп. Николаю и что настоящій „Протей“ и менѣе всего политикъ, вмѣщая въ своей богатой и всесторонней натурѣ всю широкую гамму Русскихъ сочувствій, Пушкинъ спаивалъ и самыя противоположныя изъ нихъ любовью къ Россіи, вѣрою въ нее, вѣрою въ народъ Русскій, который недаромъ столько лѣтъ жертвовалъ рѣшительно всѣмъ для созданія могучаго государства. Результатъ этихъ усилій и жертвъ Пушкинъ всегда цѣнилъ высоко, и вотъ почему онъ не могъ оставить „Дяды“ безъ отвѣта. Какъ разъ въ это время у него бродила мысль о поэмѣ, которой слѣды остались въ „Родословной моего героя“. Что изъ нея бы вышло, вопросъ праздный. „Дяды“ дали новый толчекъ творческой мысли поэта, и подъ ихъ вліяніемъ явился „Мѣдный Всадникъ“. Годами, можетъ быть, накоплялись для него мысли, факты, впечатлѣнія, но „Дяды“ были той послѣдней электрической искрой, которая, внезапно загораясь, спаиваетъ въ огнѣ творчества всѣ доселѣ разрозненные звенья въ одну цѣпь, въ одно твореніе.

Польская критика (и въ этомъ ея заслуга) первая указала на связь Пушкинской поэмы съ творчествомъ Мицкевича. Но, указавъ на самый фактъ вліянія, она невѣрно опредѣлила его характеръ. Третьякъ, важное изслѣдованіе котораго „*Miedziany Jeździec Puszkina*“ (Krakow, 1900), несмотря на статьи Яцимирскаго и Браиловскаго, недостаточно еще учтено нашими учеными, думалъ, что въ „Мѣдномъ Всадникѣ“ Пушкинъ сталъ на точку зрѣнія Мицкевича. Введенный въ заблужденіе именемъ героя поэмы „Евгеній“, онъ отождествилъ его съ поэтомъ и въ поэмѣ усмотрѣлъ порицаніе Петра. Но уже по поводу другого своего Евгенія поэтъ замѣтилъ:

Есть же разность
Между Ойгинымъ и мной.

Въ „Мѣдномъ Всадникѣ“ разницы этой несравненно больше. Это прямой отвѣтъ на третью часть „Дядовъ“, но отвѣтъ-возраженіе. Третьякъ услышалъ въ немъ „вѣчевой колоколъ Великаго Новгорода, перелитый въ новыя формы“; но вѣрнѣе это звонъ Московскаго государственнаго строительства, который перенесся потомъ въ Петербургъ, гдѣ Петръ началъ строить уже не Русь, а Всероссийскую Имперію. „Мѣдный Всадникъ“ и „Дяды“—это переключка двухъ величайшихъ Славянскихъ геніевъ по одному изъ основныхъ вопросовъ чело-вѣческаго общежитія. „Мѣдный Всадникъ“—это страничка изъ стараго „спора Славянъ между собою“, и особенностями спора объясняются вышеуказанныя свойства Пушкинской поэмы, ея характеръ и строеніе.

Не было и нѣтъ на Петербургъ сатиры болѣе ѣдкой и злой, чѣмъ эпилогъ къ „Дядямъ“ Мицкевича. Не было и нѣтъ Петербургу гимна болѣе свѣтлаго, чѣмъ вступленіе къ „Мѣдному Всаднику“ Пушкина. Для Мицкевича Петербургъ—„исчадіе темныхъ силъ“, для Пушкина—„полночныхъ странъ краса и диво“. Въ созданіи Петербурга Польскій поэтъ видѣлъ одинъ безсмысленный капризъ. „Съ чего вдругъ захотѣлось Славянскимъ массамъ лѣзть въ эти послѣдніе закоулки своихъ владѣній, только что вырванные у моря и Чухонцевъ? Тутъ земля не даетъ ни плодовъ, ни хлѣба. Вѣтры приносятъ только снѣгъ и непогоду. Тутъ климатъ то слишкомъ жаркій, то слишкомъ холодный, суровый и измѣнчивый, какъ настроеніе деспота. Не хотѣли люди, но топкіе берега царь облюбилъ и приказалъ здѣсь ставить не городъ людямъ, но себѣ столицу: здѣсь показалъ онъ всемогущество своей воли“. У Пушкина тѣ же „мшистые, топкіе берега“, тѣ же избы, „пріютъ убогаго Чухонца“, но на всю картину легло озареніе новой, яркой красоты: чтò Мицкевичу представлялось дѣломъ безразсуднаго произвола, у Пушкина, какъ „думъ великихъ“ плодъ, засвѣтилось мыслью, получило смыслъ. На отвоеванныхъ у моря „Чухонцевъ низкихъ берегахъ“ „юный градъ изъ тьмы лѣсовъ, изъ топи блатъ вознесся пышно, горделиво“, неся съ собою для всей страны культуру, открывавая настежь окна Европейскому просвѣщенію, и ожили, и закипѣли радушною жизнью раньше „невѣдомыя воды“. Антитеза Мицкевичу, продолжаясь (какъ справедливо замѣтилъ Третьякъ) на всемъ протяженіи вступленія, проникаетъ даже подробности картины. У Мицкевича „отъ Петербургскаго мороза слипаются глаза; каждый потираетъ руки и стучитъ зубами; у каждаго изъ устъ столбомъ выходитъ паръ. Посмотришь на этотъ дымомъ дышащій народъ, и подумаешь, что это ходятъ по улицамъ печныя трубы“. У Пушкина: „Люблю зимы твоей жестокой недвижный воздухъ и морозъ“. У Мицкевича Русскія дамы „бѣлы, какъ снѣгъ, и румяны, какъ раки“. У Пушкина: „дѣвичьи лица ярче розъ“. У Мицкевича въ описаніи военнаго парада цѣлый рядъ ироническихъ отзывовъ объ однообразіи воинскаго строя. У Пушкина „воинственная живость потѣшныхъ Марсовыхъ полей, пѣхотныхъ ратей и коней однообразная красивость“. Словомъ, противоположность полная. Какъ будто Пушкинъ взялся намѣренно и во всемъ перечить Мицкевичу. Но это не перекоры и развѣ только въ самомъ концѣ, по вѣрному замѣчанію Третьяка, въ пожеланіяхъ Петербургу, слышится намекъ, обращенный къ Мицкевичу:

Красуйся, градъ Петровъ, и стой
Неколебимо, какъ Россія!
Да умирится же съ тобой
И побѣжденная стихія:

Вражду и плѣнъ старинный твой
 Пусть волны Финскія забудутъ
 И тщетной злобою не будутъ
 Тревожить вѣчный сонъ Петра.

Въ остальномъ не о Мицкевичѣ, а о Петербургѣ думаетъ Пушкинъ. Мицкевичъ далъ ему только толчекъ для одного изъ задушевнѣйшихъ его произведеній, которое уже, конечно, писано не для цензуры, какъ это утверждалъ Спасовичъ. Пушкинскій „Петербургъ“—это невольный откликъ души, затронутой въ томъ, что она привыкла любить съ дѣтства: отъ нападокъ крѣпнеть любовь и дороже, и ближе становятся намъ черты любимаго предмета. Пусть сыпятся укоры: сердце не устанетъ, какъ и въ Пушкинскомъ „Петербургѣ“, твердить одно: „люблю“. Вотъ психологія „Мѣднаго Всадника“, а такъ какъ за Петербургомъ и гигантомъ на бронзовомъ конѣ и для Мицкевича и для Пушкина стояло Русское государство, то поэтому предисловіе къ „Мѣдному Всаднику“ уже самою задушевностью и искренностью своего тона является отвѣтомъ Мицкевичу и въ другомъ, болѣе широкому смыслѣ слова. Не „героизмъ неволи“, не духъ слѣпой и рабской покорности создалъ Русское государство, а вѣрный государственныи инстинктъ народа, оправданный разумнымъ сознаніемъ его лучшихъ представителей, и, значить, свободный подвигъ самопожертвованія *). И не фетишъ силы воздвигъ себя въ немъ Русскій народъ, ни самодовлѣющую себя цѣль, а могучее средство для разумной и свѣтлой жизни:

О, нѣтъ, ты не орудье силы темной:
 Ты—свѣта властелинъ, ты гонишь ложь!
 Глашатай истины ты и свободы,
 Изъ тьмы ты къ солнцу правды насъ ведешь:
 Да свѣтитъ же твой яркій, лучезарный свѣточъ
 Отъ дальнихъ Галта синяго береговъ
 Черезъ горы, долъ, черезъ тундры и черезъ рѣки
 До океана Тихаго валовъ.
 Отъ солнца Индіи до странъ полночи
 Простертыхъ въ прахъ къ счастью да зоветь,
 Народы къ жизни воздвигаетъ новой
 И всѣмъ намъ вѣсть спасенія несетъ!

Это слова современнаго Славянскаго поэта Ашкерца о Русскомъ народѣ; но не такой ли идеалъ Россіи носилъ въ сердцѣ и Пушкинъ, когда писалъ о Наполеонѣ и Россіи:

Хвала! Онъ Русскому народу
 Высокій жребій указалъ
 И міру вѣчную свободу
 Изъ мрака ссылки завѣщалъ.

*) Вспомнимъ стихи Тютчева „На взятіе Варшавы“. П. Б.

Не случайно, думается намъ, такъ безслѣдно пропалъ слышанный княземъ П. П. Вяземскимъ монологъ Евгенія передъ памятникомъ Петра. Чѣмъ онъ былъ сильнѣе, тѣмъ меньше отъ него должно было остаться слѣдовъ. Пушкинъ уничтожилъ его самъ, потому что замѣтилъ, что онъ можетъ затемнить основную мысль поэмы, можетъ ослабить апофеозъ Петра и Россіи.

Но, уничтоживъ монологъ Евгенія, Пушкинъ не устранилъ неуравновѣшенности „Мѣднаго Всадника“, корящейся въ вышеуказанныхъ условіяхъ возникновенія поэмы. Въ „Мѣдномъ Всадникѣ“ иногда какъ будто уже слишкомъ громко слышится топотъ бронзоваго коня,

Какъ будто грома грохотанье,
Тяжело-звонкое скаканье
По потрясенной мостовой.

За этимъ грохотомъ мѣстами почти не слышно той простой истины, что смыслъ и оправданіе даются государству только лежащей въ его основаніи идеею жалости, идеей защищенной частной свободы. Это произошло отъ того, что въ постановкѣ основного вопроса о жертвѣ Пушкинъ, хотя и мимовольно, но послѣдовалъ за Мицкевичемъ и поставилъ на счетъ Петру и воплощаемой имъ идеѣ Русскаго государства наводненіе, забывъ, что здѣсь являлась возможность другого взгляда и иного освѣщенія, къ которому былъ близокъ Пушкинъ, когда писалъ:

Царь молвилъ—изъ конца въ конецъ,
По ближнимъ улицамъ и дальнимъ,
Въ опасный путь средь бурныхъ водъ
Его пустились генералы
Спасать и страхомъ обуяль
И дома тонущій народъ.

Но „съ Божіей стихіей царямъ не совладать“. Эта мысль не повліяла однако на художественный укладъ поэмы. Но къ счастью, топоту „Мѣднаго Всадника“ не удалось все-таки заглушить одной изъ самыхъ дорогихъ чертъ поэмы: явно выраженнаго, вполне несомнѣннаго сочувствія автора къ судьбѣ Евгенія. И здѣсь въ наибольшую, казалось бы, минуту разъединенія опять внезапно открываются точки соприкосновенія между Русскимъ и Польскимъ поэтомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ для людей доброй воли возникаетъ и надежда, что когда-нибудь удастся такъ засыпать пропасть, раздѣляющую два главныхъ Славянскихъ народа.

Таковы выводы, которые можно, кажется, сдѣлать изъ сопоставленія „Дядювъ“ съ „Мѣднымъ Всадникомъ“.

IV.

Подведемъ теперь итоги нашимъ замѣткамъ.

1. Къ числу писателей, оказавшихъ нѣкоторое вліяніе на Пушкина, слѣдуетъ, можетъ быть, причислить и Гольдони.

2. Утраченный монологъ Евгенія передъ памятникомъ Петра Великаго былъ по строю мыслей и чувствъ ничѣмъ инымъ, какъ сконцентрированнымъ и сжатымъ опроверженіемъ третьей части „Дядювъ“ и особенно эпилога къ нимъ. Смыслъ и „Дядювъ“ и монолога одинъ и тотъ-же: „Ужо тебѣ!“, обращенное къ Мѣдному Всаднику.

Идея третьей части, обозначенная въ центральной ихъ сценѣ (импровизаціи и словахъ отца Петра) есть идея „смиренія“ и покаянія, но она находится въ прямомъ противорѣчій со строемъ чувствъ Конрада въ ссылкѣ. Петербургскій дневникъ Конрада не носитъ признаковъ перерожденія или даже работы надъ самимъ собой: горечь ѣдкихъ чувствъ звучитъ въ немъ съ той же силой, какъ раньше въ пѣснѣ Феликса, въ которой по существу нѣтъ разницы съ осужденной Мицкевичемъ пѣснью Конрада: „мести на врага, хотя бы мимо Бога и противъ Бога!“ Такимъ образомъ Мицкевичъ въ дальнѣйшемъ самъ разрушаетъ то, что хотѣлъ построить въ сценѣ импровизаціи.

4. Иной, болѣе мягкій тонъ слышится въ посвященіи „Дядювъ“ „друзьямъ-Москалямъ“, и оттого-то это посвященіе напечатано было Мицкевичемъ не передъ поэмой, а вопреки всѣмъ обычаямъ послѣ нея: оно не концентрируетъ чувства, высказанныя въ поэмѣ, а даетъ новую, примирительную ноту.

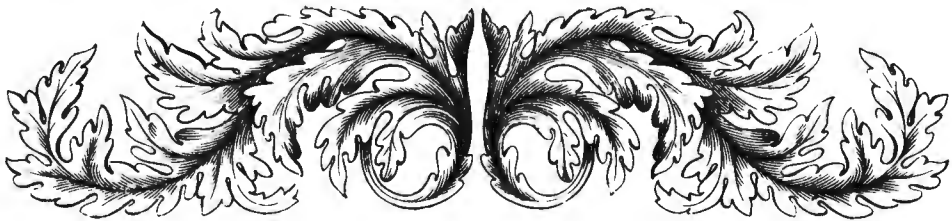
5. „Мѣдный Всадникъ“ —Русскій отвѣтъ на третью часть „Дядювъ“, но отвѣтъ-возраженіе.

Монологъ Евгенія передъ памятникомъ Петра Великаго былъ уничтоженъ самимъ Пушкинымъ, потому что противорѣчилъ основной цѣли поэмы: оттого послѣ него не осталось слѣдовъ.

7. Евгеній это не Мицкевичъ и не Пушкинъ, но и Мицкевичъ и Пушкинъ одинаково, иначе говоря, каждое частное лицо, единичная личность, противопоставленная въ поэмѣ общему—„Мѣдному Всаднику“, какъ олицетворенію государства.

8. Страстной неуравновѣшенности „Дядювъ“ соответствуетъ, хотя и значительно меньшая, неуравновѣшенность „Мѣднаго Всадника“: отсюда вытекаетъ двойственность въ отношеніи поэта къ судьбѣ Евгенія съ одной стороны и мѣдному гиганту съ другой, а вмѣстѣ съ тѣмъ и неясность въ рѣшеніи основного вопроса поэмы—о непозволительности жертвы чужимъ счастьемъ для общаго блага.

Андрей Сиротининъ.

ИЗЪ СЕМЕЙНОЙ ДРАМЫ ПУШКИНА.

Вспоминая о гибели Пушкина, другъ его князь П. А. Вяземскій писалъ: „Тайна безымянныхъ писемъ, этого пролога трагической катастрофы, еще недостаточно разъяснена; есть подозрѣнія, почти неопровержимыя, но нѣтъ положительныхъ юридическихъ уликъ“¹⁾. Иезуитъ князь И. С. Гагаринъ, одинъ изъ тѣхъ, кого молва обвиняла въ разсылкѣ анонимныхъ писемъ, горячо оправдываясь, говорилъ Н. С. Лѣскову: „Это будетъ извѣстно, будетъ... вѣрьте мнѣ; настоящаго виновнаго въ этомъ дѣлѣ обнаружить Парижъ“²⁾. Трудно сказать, о комъ именно думалъ князь Гагаринъ и на что намекалъ; можетъ быть, на семейные документы убійцы Пушкина или на секретныя дипломатическія денесенія³⁾. Но, какъ извѣстно, инициаторомъ анонимнаго письма объ избраніи Пушкина въ исторіографы и коадьюторы великаго магистра ордена рогоносцевъ поэтъ считалъ Нидерландскаго посланника Геккерна. Извѣстно также, что Пушкинъ поставилъ Дантеса, нагло афишировавшаго свое казарменное ухаживанье за его женою, въ такое положеніе, что тотъ былъ вынужденъ сдѣлать предложеніе влюбленной въ него сестрѣ Пушкиной, Екатеринѣ Николаевнѣ, послѣ чего поэтъ взялъ обратно свой вызовъ на дуэль, посланный имъ Дантесу.

Происходило это въ Ноябрьрѣ 1836 года. 4 Ноября Пушкинъ получилъ оскорбительное анонимное письмо, которое было тогда же разо-

¹⁾ „Старая записная книжка“, Полн. собр. сочин. кн. П. А. Вяземскаго, VIII, 494.

²⁾ „Иезуитъ Гагаринъ въ дѣлѣ Пушкина“, „Историч. Вѣстн.“ 1886 г., Августъ, 269—273.

³⁾ По словамъ Н. В. Чарыкова, въ дѣлахъ Нидерландскаго министерства иностранныхъ дѣлъ „имѣется переписка, касающаяся дуэли Пушкина“, но опубликованію ея министерство воспротивилось, такъ какъ родственникамъ Геккерна „оно было бы непріятно“ („Извѣстія о дуэли Пушкина, имѣющіяся въ Голландіи“. „Пушкинъ и его современники“, вып. XI, 1909 г., стр. 65). Можетъ быть, появится когда-нибудь и упоминаемая Жуковскимъ переписка его съ Геккерномъ.

слано нѣкоторымъ знакомымъ и друзьямъ его¹⁾. Въ тотъ же день Пушкинъ отправилъ вызовъ Дантесу, а 17 Ноября послалъ своему секунданту графу В. А. Соллогубу письмо съ отказомъ отъ дуэли въ виду предложенія, сдѣланнаго Дантесомъ Е. Н. Гончаровой²⁾. 21 Ноября поэтъ сообщилъ шефу жандармовъ, графу А. Х. Бенкендорфу (молча наблюдавшему за событіями), въ сжатыхъ, но обстоятельныхъ чертахъ ходъ этой исторіи и прибавилъ, что инициаторомъ разосланныхъ всему великосвѣтскому Петербургу безымянныхъ писемъ считаетъ Геккерия, о чемъ и заявляетъ и правительству, и обществу. Такимъ образомъ, между сторонами воцарился „худой миръ“, который, вопреки поговорокъ, скорѣе оказался хуже доброй ссоры. Въ письмѣ своемъ къ графу Бенкендорфу поэтъ разсказалъ, что послѣ отправленія вызова Дантесу его посѣтилъ старикъ Геккерия и, принимая вызовъ отъ имени своего пріемнаго сына, упросилъ Пушкина согласиться на двухнедѣльную отсрочку.

Къ этому-то времени и относятся пять писемъ Жуковского, появившіяся недавно въ журналѣ „Вѣсы“ и воспроизведенныя во II томѣ „Русскаго Архива“ с. г. (стр. 151—157). О письмахъ Жуковского къ Пушкину по поводу его вызова Дантесу давно ходили слухи, но „Вѣсы“ впервые сдѣлали ихъ достояніемъ читающей публики. Они значительно расширяютъ наши свѣдѣнія объ этой трагической исторіи. Вызовъ, посланный Пушкинымъ, попалъ въ руки не къ Дантесу, котораго не было дома, а къ его отцу, который испугался поединка. Жуковский, хотѣвшій, во что бы то ни стало, предотвратить кровопролитіе, взялъ на себя роль посредника между сторонами и умолялъ Пушкина въ своей первой запискѣ: „Ради Бога, одумайся, дай мнѣ счастье избавить тебя отъ безумнаго злодѣйства, а жену твою отъ совершеннаго посрамленія“. Въ слѣдующей запискѣ Жуковский, желая разувѣрить Пушкина въ томъ, что Дантесъ старается избѣжать дуэли,—чтобы удержать поэта отъ рѣзкихъ выходокъ, объяснилъ другу, почему Дантесъ „лично не могъ участвовать въ томъ, что дѣлалъ его бѣдный отецъ, сисясь отбиться отъ несчастія, котораго одно ожиданіе сводитъ его съ ума. Сынъ, узнавъ положеніе дѣла, хотѣлъ непременно видѣться

¹⁾ Между прочимъ, княгинѣ В. О. Вяземской („Историч. Вѣстникъ, 1905 г., Январь, 177—178), гр. В. А. Соллогубу, Е. М. Хитрово („Воспоминанія гр. В. А. Соллогуба“, М. 1866, стр. 42—43; Записки А. О. Смирновой, ч. II, стр. 10).

²⁾ Покойный А. О. Россетъ (братъ А. О. Смирновой) сказывалъ мнѣ, что онъ обѣдалъ у Пушкиныхъ, когда Пушкину подали письмо, прочитавъ которое онъ передалъ его черезъ столъ Екатериѣ Николаевнѣ. Та прочитала, вспыхнула и убѣждала изъ за обѣда къ себѣ въ комнату. Это было предложеніе Дантеса вступить въ бракъ съ Екатериной Николаевной. П. Б.

съ тобою; но отецъ, испугавшись свиданія, обратился ко мнѣ“. Изъ разговора съ Пушкинымъ Жуковскій убѣдился, „что посредство ни къ чему не послужить“; при этомъ Жуковскій „счелъ святѣйшей обязанностью засвидѣтельствовать, что молодой Геккернъ во всемъ томъ, что дѣлалъ его отецъ, совершенно посторонній; что онъ такъ же готовъ драться съ тобою, какъ и ты съ нимъ, и что онъ также боится, чтобы тайна не была кѣмъ-нибудь нарушена“, т. е., конечно, тайна переговоровъ о дуэли, послѣ разоблаченія которой примиреніе уже не было бы возможно. Однако Пушкинъ этому не вѣрилъ и продолжалъ считать Дантеса трусомъ, уклоняющимся отъ поединка; вопреки уговору, онъ рассказалъ обо всемъ своимъ друзьямъ, вдовѣ Карамзина¹⁾ и ея дочери Софіи Николаевнѣ. Въ новой запискѣ Жуковскій опять настаивалъ, что „во всемъ томъ, что случилось для отвращенія драки, молодой Г. нимало не участвовалъ; все есть дѣло отца... Дѣло, о которомъ идутъ теперь толки, затѣяно было еще гораздо прежде твоего вызова“....

Что это за дѣло, нетрудно понять. Пушкинъ писалъ графу Бенкендорфу, что „во время выпрошенной отсрочки Дантесъ влюбился“ въ Е. Н. Гончарову. Другъ и секундантъ Пушкина Данзасъ рассказывалъ, что Геккернъ объяснилъ фамиллярное поведеніе своего сына по отношенію къ семьѣ Пушкина намѣреніемъ Дантеса просить руки свояченицы поэта. Тогда Жуковскій посоветовалъ Дантесу исполнить это намѣреніе; при этомъ Данзасъ даже высказалъ предположеніе, что сватовство Дантеса послѣдовало именно по совѣту Жуковского²⁾. Показаніе Данзаса подтверждается словами Жуковского: „полагая, что всѣ обстоятельства, сообщенныя мнѣ старымъ Геккерномъ, справедливы (въ чемъ я не имѣю причины и нужды сомнѣваться), я сказалъ, что понимаю его, какъ отца, въ правѣ и даже обязаннымъ предупредить несчастіе открытіемъ дѣла какъ оно есть; что это открытіе будетъ въ то же время и репарациею того, что было сдѣлано противъ твоей чести передъ свѣтомъ. Хотя я не вмѣшался въ самое дѣло, но совѣтъ могъ дать. Не могу же я согласиться принять участіе въ посрамленіи человека, котораго честь пропадетъ, если тайна будетъ открыта“.... Не смотря на обѣщаніе, Пушкинъ волновался и не могъ молчать; онъ сказалъ княгинѣ В. Ѳ. Вяземской: „я знаю автора анонимныхъ писемъ, и черезъ недѣлю вы услышите о мести въ своемъ родѣ единственной; она будетъ полной, совершенной; она броситъ его въ грязь; крайнія

¹⁾ Екатерина Андреевна Карамзина благословила умирающаго Пушкина.

²⁾ А. Аммосовъ, „Послѣдніе дни жизни и кончина А. С. Пушкина“, Спб., 1863, стр. 10—11.

выходки Раевского¹⁾—дѣтская игра въ сравненіи съ тѣмъ, что я намѣренъ сдѣлать“... Жуковскій, взявшій на себя нравственное поручительство за Пушкина и требовавшій, чтобы онъ сдержалъ свое слово и молчалъ, не на шутку разсердился и заявилъ другу: „Булавочку свою беру изъ игры вашей, которая съ твоей стороны сильно мнѣ не нравится“. Съ удивительнымъ тактомъ Жуковскій умолялъ Пушкина „не подводить“ его, стараясь не говорить съ раздраженнымъ и измученнымъ человѣкомъ о томъ, что такъ терзало сердце его,—и разсказалъ другу поучительную сказочку.

Жуковскій сдѣлалъ все, что могъ. Получивъ отъ графа Соллогуба записку, что дуэль назначена на 21 Ноября, и что Дантесъ желаетъ жениться на Е. Н. Гончаровой, но боится, что это намѣреніе можетъ быть истолковано какъ способъ избѣгнуть поединка²⁾, 17 Ноября Пушкинъ послалъ Соллогубу³⁾ письмо, которое, бывъ показано секунданту Дантеса, виконту д'Аршіаку, привело стороны къ „примиренію“.

Е. Н. Гончарова, въ первыхъ числахъ Января 1837 года (какъ только, по церковному уставу, возобновились бракосочетанія, прекращаемыя съ 14 Ноября) вышла за Дантеса. Жуковскій сдѣлалъ все, что могъ. Но и Дантесъ, и его отецъ, и безчисленные враги Пушкина, и самое близкое и дорогое поэту существо, на печальную роль котораго недавно пролила такой яркій свѣтъ въ своихъ воспоминаніяхъ А. П. Арапова, тоже сдѣлали что могли, и уже ничьей рукъ не было суждено отвести смертную чашу отъ поэта. И когда благородное сердце великаго болѣзненно трепетало и сочилося кровью, бились ровно и спокойно пустыя сердца людей ничтожныхъ.

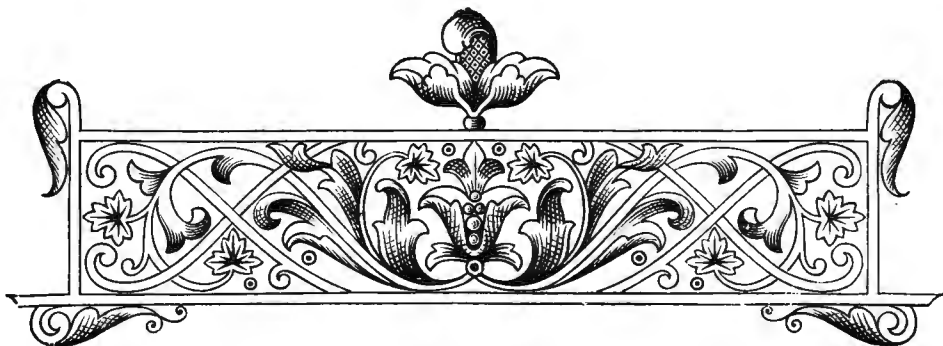
Н. Лернеръ.

¹⁾ Александра Николаевича—„Демона“; Пушкинъ намекаетъ, вѣроятно, на скандальную Одесскую исторію А. Н. Раевского и графини Е. К. Воронцовой.

²⁾ „Воспоминанія“ Соллогуба, стр. 53—54; И. А. Шляпкинъ, „Изъ неизданныхъ бумагъ Пушкина“, 292—293 (Русскій черновикъ); Французскій подлинникъ этой записки будетъ напечатанъ В. И. Сантовымъ въ III т. академическаго изданія Перениски Пушкина.

³⁾ „Дуэль Пушкина съ Дантесомъ-Геккерномъ“, изд. П. Н. фонъ-Кауфмана, Спб., 1900, стр. 50—51, 75, 119). Письмо это адресовано Соллогубу, а не д'Аршіаку, какъ были убѣждены судьи, разбиравшіе дѣло о поединкѣ Пушкина (см. Б. Никольскій, „Послѣдняя дуэль Пушкина“, Спб., 1901, стр. 52—53).

ИЗЪ ПОРТФЁЛЯ СТАРАГО ЖУРНАЛИСТА.

Въ бумагахъ скончавшагося въ 1879 году Фёдоръ Алексѣевича Кони сохранилось много интересныхъ автографовъ и документовъ, могущихъ войти въ составъ матеріаловъ по исторіи Русской журналистики и печати. Питомецъ Московскаго Университета съ 1826 по 1831 годъ и товарищъ Н. И. Пирогова по медицинскому факультету, Ф. А. Кони отдался, рядомъ съ педагогическою службою (онъ былъ преподавателемъ исторіи въ кадетскихъ корпусахъ и „наставникомъ-наблюдателемъ“ по Русской исторіи въ Дворянскомъ полку) литературнымъ занятіямъ. Его драматическія произведенія, пользовавшіяся въ свое время большимъ успѣхомъ, составили 4 тома (изданіе 1871 года); переводъ „Исторіи Консульства Имперіи“ Тьера, съ примѣчаніями и подробнымъ введеніемъ, вызвалъ оживленную переписку съ знаменитымъ государственнымъ чело­вѣкомъ; „Исторія Фридриха Великаго“ (два изданія, 1844 и 1857 г.г.), переведенная, въ существенныхъ частяхъ, на Нѣмецкій языкъ, доставила ему званіе доктора философіи Іенскаго Университета; нѣкоторыя его стихотворенія, положенныя на музыку (напримѣръ романсъ „Гондольеръ молодой...“) получили большое распространеніе. Оставивъ службу, онъ всецѣло посвятилъ себя журналистикѣ, сдѣлавшись дѣятельнымъ сотрудникомъ и соредакторомъ „Литературной Газеты“ и „Пантеона и Репертуара“, напечатавъ въ нихъ рядъ очерковъ по исторіи театра и біографій выдающихся представителей искусства.

Въ 1851 г. онъ основалъ литературно-художественный журналъ „Пантеонъ“, съ преобладающимъ отдѣломъ исторіи и теоріи искусства и съ рядомъ ежемѣсячныхъ художественныхъ приложений, портретовъ замѣчательныхъ дѣятелей, гравюръ и музыкальныхъ пьесъ. Обычный составъ книжекъ журнала, весьма изящнаго по внѣшнему виду, представлялъ отдѣлы: изящной словесности, искусства, мемуаровъ, театральной лѣтописи (Русскій театръ въ Петербургѣ и Москвѣ, Французскій и Нѣмецкій театры), обозрѣнія иностранныхъ театровъ, хроники общественной жизни, литературнаго обозрѣнія и смѣси (замѣчательныя

открытія въ наукахъ и промышленности, музыкальныя и театральныя новости, мелкіе рассказы и т. п.). Въ приложеніи къ каждой книжкѣ давалось оригинальное Русское драматическое произведеніе. Эта программа съ теченіемъ времени нѣсколько измѣнилась въ томъ смыслѣ, что отдѣлъ изящной словесности въ 1855 и въ особенности 1856 гг. получилъ перевѣсъ надъ прочими, и кромѣ того въ журналѣ появилось много статей этнографическаго характера. „Пантеонъ“ велся по строго выдержанной системѣ, представляя на ряду съ серьезными литературными произведеніями самый подробный и разносторонній отчетъ о томъ, что дѣлается во всѣхъ отрасляхъ искусства. Самъ редакторъ продолжалъ на его страницахъ свои изслѣдованія по исторіи театра и велъ тщательную критическую лѣтопись всему, дававшемуся на Петербургскихъ сценахъ. Проповѣдуя принципы Московской сценической школы, названной имъ школою „духовнаго проявленія“, въ противоположность направленію „пластическаго проявленія“, привитаго Петербургской сценѣ Каратыгинымъ, онъ предъявлялъ къ артистамъ серьезныя требованія и ратовалъ противъ искусственно-приподнятаго тона и вычурности въ игрѣ, которыми восхищалась избранная публика Александринскаго театра. Онъ предпринималъ также на страницахъ „Пантеона“ остроумный и настойчивый походъ противъ псевдо-патриотическихъ и ходульных драмъ Кукольника, встрѣчавшихъ шумное покровительство со стороны Булгарина и Сенковского и представлявшихъ „угодничество передъ публикою и притомъ не передъ разумнымъ ея меньшинствомъ, а передъ оглушаемымъ трескучими фразами большинствомъ“.

Издатель „Пантеона“ умѣлъ привлечь къ участію въ журналѣ многія литературныя силы и дать въ немъ мѣсто первымъ талантливымъ опытамъ писателей, занявшихъ потомъ выдающееся положеніе. Въ „Пантеонѣ“ дебютировала повѣстью „Чайка“ Кохановская и стихотвореніями Хвощинская (Заіончковская), извѣстная впослѣдствіи подъ всевдонимомъ Крестовскаго; въ немъ помѣщались свои воспоминанія и драматическія произведенія Лажечниковъ и сотрудничали Григоровичъ, Полонскій, Щербина, гр. Ростопчина, М. И. Михайловъ, Мей, Бенедиктовъ, Кроль, Грековъ, Толбинъ (авторъ талантливыхъ очерковъ изъ жизни бѣднаго Петербургскаго люда), кн. Кугушевъ, Аѳанасьевъ-Чужбинскій и др. Разнообразію переводнаго и оригинальнаго отдѣла изящной словесности въ „Пантеонѣ“ соответствовало богатство содержанія отдѣла искусствъ, въ которомъ, независимо отъ перевода статей Гизо (о Шекспирѣ), Вильмена, Жюль-Жанена, Мазеда, Чарльза Ламба (о Шекспирѣ) и др., помѣщенъ былъ рядъ интереснѣйшихъ статей Сѣрова о музыкѣ и ея главнѣйшихъ представителяхъ, вмѣстѣ съ письмами его къ Улыбышеву о Моцартѣ и Бетховенѣ; этюды о выдающихся Русскихъ художникахъ Оедотовѣ, Егоровѣ и др. и, нако-

нецъ, обширныя и талантливыя статьи Шилевскаго по Русской этнографіи и Новосильскаго о новыхъ географическихъ и геологическихъ изслѣдованіяхъ и астрономическихъ открытіяхъ.

Крымская война, привлекая горячее вниманіе общества къ театру военныхъ дѣйствій, имѣла роковое значеніе для журнала. Какъ „художественно-литературному“ изданію ему, по тогдашнимъ строгимъ правиламъ цензуры, вообще не благоволившей къ редакціи „Пантеона“, не было предоставлено перепечатывать изъ „Русскаго Инвалида“ (тогдашняго единственнаго въ этомъ отношеніи источника) извѣстія о ходѣ войны, и это въ значительной степени охладило вниманіе къ нему публики. Журналъ боролся сколько могъ, оставаясь вѣрнымъ своей программѣ, но средства на изданіе истощились, и въ 1856 году „Пантеонъ“ прекратился. Ѳ. А. Кони не оставлялъ, однако, литературныхъ занятій до конца, былъ дѣятельнымъ сотрудникомъ „Энциклопедическаго Словаря“, задуманнаго въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, по очень широкой программѣ, кружкомъ Русскихъ литераторовъ, и продолжалъ писать о театрѣ. Такъ, въ 1864 году въ журналѣ „Русская Сцена“ помѣщенъ рядъ его статей, подъ заглавіемъ „Русскій театръ, его судьба и исторіи“.

Въ качествѣ редактора-издателя журнала „Пантеонъ“, Ѳ. А. Кони велъ обширную переписку. Помѣщаемыя ниже письма содержатъ въ себѣ много характерныхъ чертъ для цензуры тридцатыхъ, сороковыхъ и первой половины пятидесятыхъ годовъ, для литературныхъ отношеній и для условій журнальной работы.

А. Кони.

*

ПИСЬМА КЪ Ѳ. А. КОНИ.

К о л ь ц о в а.

Милостивый государь Ѳедоръ Алексѣевичъ!

По порученію Николая Христофоровича Кетчера я взялъ въ Петербургѣ у Песоцкаго 18 экземпляровъ Кота-Мурлыки, оставилъ ихъ въ лавкѣ Василя Петровича Полякова. Онъ взялся ихъ переслать въ Москву къ Кетчеру и до сихъ поръ не посылаетъ; не хочетъ ли послать, или онъ ихъ удержалъ у себя, или продалъ, не знаю. Впрочемъ и послѣднее сдѣлать его достанетъ. Пусть онъ ведетъ себя какъ знаетъ; это его дѣло; но мнѣ-то каково было въ Москвѣ передъ Кетчеромъ? Взялъ?—Взялъ.—Гдѣ-жъ они?—У Полякова.—Зачѣмъ?—Онъ ихъ хотѣлъ вамъ отослать.—Я не получилъ.—Получите.—Да скоро-ли? Скоро.—И все нѣтъ.

Ужасно гадко! Я писалъ къ Виссаріону Григорьевичу¹⁾; онъ говорилъ Полякову. Поляковъ сказалъ: послалъ. А квитанцію имѣеть? А квитанціи не отдалъ; да вѣрно ея и нѣтъ у него, а будь, отъ чего же бы ее не передать; на что ему она? И вотъ наконецъ хоть и неловко, но рѣшился просить васъ: пожалуйста, скажите Полякову, если онъ не послалъ Кетчеру Кота Мурлыки, чтобы послалъ, и буде продать, чтобы по крайней мѣрѣ отослалъ ему за нихъ деньги. Я знаю, вы съ нимъ умѣете управляться и скажете по своему такъ, что онъ тотчасъ выполнитъ.

Да другая моя къ вамъ просьба, Ѳедоръ Алексѣевичъ, вотъ какая. Нельзя ли мнѣ какъ-нибудь прислать, если не на сей годъ, Пантеона, то хоть за прошлый годъ. Вѣдь вѣроятно Поляковъ ихъ печаталъ лишнее количество экземпляровъ, сколько было подписчиковъ. И эти лишніе экземпляры вѣрно лежатъ въ кучѣ, такъ. Если бы можно было хоть одинъ первый нумеръ за сей годъ. Въ немъ, я слышалъ, напечатано *Ромео и Юлія, переводъ Каткова*²⁾. Я эту драму чертовски люблю. Приобрѣсти ее весьма хочется. Я бы и выписалъ его, но мои средства не совсѣмъ на это соглашаются. За помѣщеніе въ Литературной Газетѣ и Пантеонѣ моихъ піесокъ благодарю и, если вамъ угодно, я еще вамъ нѣсколько пришлю. Да скажите пожалуйста, отчего у насъ, въ Воронежѣ, О. Записки и Пантеонъ получаютъ такъ дурно. О. Записки до этихъ поръ кой-кто получилъ первый нумеръ и кой-кто еще не получили. А втораго еще и слуха нѣтъ. „Пантсонъ“ послѣднюю книжку за прошлый годъ получили недавно, а первой не получали, и между тѣмъ Библіотека, Сынъ Отечества, Русскій Вѣстникъ, Москвитянинъ, Современникъ, давно получены въ свое время аккуратно. Это позднее получаніе немножко вредитъ вашимъ журналамъ; еслибы они опаздывали выходомъ, а то по объявленіямъ выходъ ихъ идетъ весьма аккуратно. Гдѣ жъ они задерживаются?

Съ почтеніемъ уважающій васъ Алексѣй Кольцовъ.

Воронежъ 1841 Марта 1.

Адресъ мой: Въ Воронежѣ Алексѣю Васильевичу Кольцову.

¹⁾ Бѣлинскому. П. Б.

²⁾ Этотъ превосходный переводъ въ стихахъ сдѣлался рѣдкостью. М. Н. Катковъ не согласился отдать его Гербею для его изданія Шекспира, желая сдѣлать нѣкоторыя поправки. П. Б.

Д. Ю. Струйскаго.

Любезный и почтенный Федоръ Алексѣвичъ! Душевно благодарю васъ за письмо, но зачѣмъ вы пишете прозою? Уже не женились вы? Я еще нѣтъ, и потому пользуюсь правомъ холостяка:

Какъ не любить родной Москвы,
И я люблю ее, какъ вы.
Москву, гдѣ юности мгновенной
Я встрѣтилъ первыя мечты,
Когда ни эгоизмъ надменной,
Ни вихрь тщеславной суеты
Не увлекалъ еще поэта
Отъ идеальной красоты.
Огнемъ божественнымъ согрѣта,
Моя душа искала словъ
Своимъ мечтамъ невыразимымъ,
Которымъ нѣтъ земныхъ оковъ!
Съ какимъ сердечнымъ умиленьемъ
Я встрѣтилъ васъ, мои мечты!
Съ какимъ невиннымъ наслажденьемъ
Сорвалъ ихъ первые цвѣты!
Еще не вѣдалъ ихъ мгновенность,
Листовъ осеннихъ не видалъ
И сердцемъ вѣрилъ въ неизмѣнность,
Въ любовь, мой первый идеалъ!
Я слышалъ дивный гимнъ въ эфирѣ—
Святой любви. Но въ холодномъ мирѣ
Я Херувима не обрѣлъ.
Еще я помню: величавый
Ширялъ надъ башнями орелъ,
И я слѣдилъ эмблему славы!
Счастливъ, кто смѣлою душой
Какъ онъ, на тверди голубой
Стремился въ безднѣ необъятной,
И презирая дерзкій громъ,
Блисталъ какъ Ангелъ благодатный,
Вѣнчанный солнечнымъ лучемъ.
Поклонъ Москвѣ! Я не забуду
Ея плѣнительную смѣсь,
Ни кирпичей столѣтнихъ груду,
Ни старовѣрческую смѣсь.

Въ своемъ хитонѣ посѣдѣломъ
Она—Царица торжества!
Одна лишь Волга въ мірѣ цѣломъ
Равно мила мнѣ, какъ Москва!

Зачѣмъ вы пишете ко мнѣ прозою? Развѣ вы состарѣлись? Я еще
нѣтъ, и потому пользуюсь правомъ молодости:

Мой Московскій альбомъ.

Любимцы вдохновеній,
Здѣсь вашихъ нѣтъ цвѣтовъ,
Ни прозы, ни стиховъ,
Ни нѣжныхъ увѣреній,
Ни хитрыхъ обольщеній,
Ни лицемѣрныхъ слезъ,
Ни обветшалыхъ розъ.
Но прядочки волосъ,
Какъ мавзолее свиданій,
Бессонницы ночей,
Неистовыхъ лобзаній.
Вотъ все что отъ людей
Я утаилъ ревниво,
Цвѣтъ юности моей
Безпечной и счастливой.
И нынѣ при лунѣ
Въ полночной тишинѣ
Я часто вспоминаю
Мою Москву, мой сонъ,
И двухъ минутныхъ женъ,
Которымъ посвящаю
Стыдливую свирѣль.
Лизета и Адель
Ужъ вѣрно позабыли
Того, кто былъ дитя,
Кого онѣ любили,
И, можетъ быть, шутя,
Чему нибудь учили.
Я также ихъ любилъ,
Но кольца золотыя
Красавицъ не носилъ.
Сирены молодыя
Не разъ пеняли мнѣ,
Но я душой надменной
Былъ вѣренъ старинѣ.

Кольцо есть даръ безцѣнной
Святой любви вполнѣ,
До гроба неизмѣнной,
Которую во снѣ
Однажды только мнѣ
Случилось какъ-то встрѣтить;
Но призракъ отлетѣлъ
Скорѣй, чѣмъ я успѣлъ
Его черты замѣтить.

Но перейдемъ къ прозѣ, сей титулярной совѣтницѣ. Благодарю за вызовъ вашъ поставить на сцену мою комедію, но не могу согласиться. Въ шесть лѣтъ много воды утекло, и я тогда вовсе не владѣлъ стихомъ. Весь переводъ должно было передѣлать, и я однимъ махомъ разрубилъ Гордіевъ узелъ. Осталась одна только зола, остальное же все сожжено. *Finis coronat opus*. Вы мнѣ ничего не пишете о вашихъ завѣтіяхъ и хотите знать о моихъ. Извольте, я не такъ скритенъ. Я кончилъ трагедію: Лжедимитрій, въ пяти дѣйствіяхъ, прозою. Мои друзья совѣтуютъ мнѣ переложить ее въ стихи, но я покуда не вижу въ томъ надобности.

Письмо ваше доставило мнѣ пріятное знакомство съ умной и образованной дамой, и я долженъ признаться, что ваша проза лучше моихъ стиховъ. Пишите мнѣ всегда такой прозою.

Не забывайте меня, вамъ душевно преданнаго.

Д. Струйскій.

(1843 года).

Н. А. Полеваго.

Во 2-мъ № „Литературной Газеты“, почтеннѣйшій Ѳедоръ Алексѣевичъ, у васъ вкралась грубая обмолвка: говоря о будущей ораторіи Фукса, вы нашли ее *первою Русскою ораторією*. Но первая Русская ораторія дана была, тому уже 21 годъ, именно, въ Москвѣ, въ 1811 году. Слова на нее писалъ Н. Д. Горчаковъ, а музыку Дехтяревъ, композиторъ, погибшій отъ міра и людей, донинѣ не оцѣненный и тѣмъ болѣе достойный памяти. Ораторія его была принята съ восторгомъ и, когда я пріѣхалъ тогда въ Москву, всѣ объ ней кричали. Думаю, что подробности обо всемъ этомъ извѣстны музыкантамъ-историкамъ, а о Дехтяревѣ спросите у С. Н. Глинки. Нельзя ли, замѣчая о вашей ошибкѣ, сказать нѣсколько словъ и о Дехтяревѣ? Надобно оживлять память о страдальцахъ міра сего, имъ задушенныхъ въ когтяхъ мерзостей и суеты.

Спасибо вамъ за щелчокъ Эйнерлингу, но въ цѣнѣ онъ едва-ли виноватъ: 25000 рублей содрала съ него ненасытная Карамзина за право! Получая по 50 т. отъ щедротъ добраго Царя, не должна ли бы эта женщина пожертвовать книгу своего мужа въ училища, или просто бѣднымъ? Кажется, довольно поѣли хлѣба она и мужъ ея отъ Ист. Гос. Росс. На первое изданіе Царь далъ деньги, а Карамзинъ напечаталъ на прегнусной бумагѣ и продавалъ по 50 рублей первые восемь томовъ; продалъ ихъ потомъ Сленину за 85000 рублей, да за 9-й томъ содралъ съ него 15 т.; продавалъ отдѣльно 10-й и 11-й томы; ибо Сленинъ чуть не разорился отъ первыхъ 9-ти, которые шли очень худо, и не могъ купить 10-го и 11-го. Потомъ продавали 12-й томъ, навязывая его всякому; потомъ Карамзина содрала съ Смирдина 25 т., а теперь еще съ Эйнерлинга! И эти люди, Карамзины, Жуковскіе, Крыловы, Пушкины, твердятъ о меркантильности, когда не постыдятся наслѣдники ихъ, да и они сами, торговать костями своими, если-бы только дали за нихъ деньги¹⁾. Простите досадѣ, но, право, она идетъ отъ сердца обиды, какъ люди, одаренные отъ Бога талантами, соединяютъ съ ними жадность, подлость, и еще осмѣливаются подымать носъ, подсмѣиваясь надъ нами, бѣдными труженниками! Мнѣ они гадки какъ люди.

Будьте здоровы и вѣрьте усердію преданнаго вамъ Н. Полеваго.
15 Янв. 1842. СПб.

Д. В. Григоровича.

1.

Марта 28, село Дулебино.

Началъ было для васъ разсказъ, любезнѣйшій Федоръ Алексѣевичъ, но, сообразилъ, что не успѣю кончить его къ назначенному сроку. Разсказъ вышелъ длиннѣе, чѣмъ я думалъ. Но это ничего, онъ останется за мною. Вотъ вамъ покуда „Вечеръ Новаго Года“, повѣсть, которая, какъ я думаю, съ успѣхомъ замѣнитъ въ „Пантеонѣ“ обѣщанную статью. Я исправилъ въ этомъ трудѣ все, что мало-мальски противно было цензурѣ; шесть страницъ выбросилъ и замѣнилъ ихъ новыми. Разсказъ пройдетъ теперь безпрепятственно. Наканунъ моего отъѣзда Бекетовъ сказалъ мнѣ, что Пушкинъ²⁾ читалъ „Вечеръ“. Повѣсть ему очень понравилась, и онъ говорилъ, что радъ былъ бы

¹⁾ Не Полевому бы говорить такъ. Извѣстно, какъ онъ поступилъ съ подписавшимися на его „Исторію Русскаго народа.“ П. Б.

²⁾ Мусинъ-Пушкинъ, попечитель Петербурскаго Учебнаго Округа. Въ его вѣдѣніи находился Петербургскій Цензурный Комитетъ. П. Б.

видѣть ее въ печати. Въ случаѣ какихъ нибудь затрудненій, отвезите ему корректуры и скажите ему, что авторъ, основываясь на его же словахъ, исправилъ въ повѣсти все, что было возможно. Прошу васъ переиначить и передѣлать въ рукописи все, что по вашему мнѣнію смутитъ Шидловскаго. Не забудьте, пожалуйста, Ѳеодоръ Алексѣевичъ, при напечатаніи велѣть мнѣ оттиснуть 3 особые экземпляра повѣсти. Проѣздомъ черезъ Москву былъ у Ростопчиной и съ радостію узналъ, что она отдала вамъ свой романъ. Она пишетъ новый романъ въ прозѣ. Рассказывала мнѣ содержаніе, и совѣтую вамъ завербовать его себѣ. Говорилъ я о Пантеонѣ и Сальясѣ, и Новосильцевой; обѣ непрочь принять въ немъ участіе. Спешитесь-ка съ ними, но обо мнѣ ни слова.

На дняхъ приступаю къ новому роману, который займетъ у меня все лѣто. Трудъ огромный, около 40 листовъ, и надо устроить такъ, чтобы онъ вышелъ лучше Рыбаковъ. Въ антрактахъ буду писать вамъ рассказъ; срока не назначаю, но пришлю когда кончу, а можетъ, и самъ привезу. Если вы печатаете мой Портретъ, будьте столь добры, пришлите мнѣ экземпляра 2—3. Пантеона я еще не получалъ съ Января и жду его съ нетерпѣніемъ. Скажите что дѣлается съ сочиненіемъ Coindet? Не худо-бы вамъ подумать перевести цѣликомъ Вазари, въ каждомъ № листа по два; сочиненіе не отяготило-бы книжку, а между тѣмъ въ концѣ двухъ-трехъ лѣтъ такой переводъ поставили бы въ огромную заслугу журналу. Прощайте, любезнѣйшій Ѳеодоръ Алексѣевичъ; поклонитесь вашей супругѣ и извѣщайте меня о томъ, что вы подѣлываете и какъ поживаете. У васъ въ Петербургѣ интереснѣе теперь чѣмъ гдѣ нибудь. Прощайте, будьте здоровы и не забывайте готоваго всегда къ услугамъ Григоровича.

2.

Сентября 25. Дулебино (1852).

Вы представить себѣ не можете, любезнѣйшій Ѳеодоръ Алексѣевичъ, какъ опечалило меня извѣстіе о запрещеніи моей повѣсти. Дѣло вовсе не въ томъ, что она не будетъ напечатана, Богъ съ ней; меня беспокоитъ мысль, что въ настоящее время я никакъ не могу замѣнить ее другою повѣстью. Предоставляю вамъ самимъ судить о моихъ обязательствахъ. Нимало не сомнѣваясь, что повѣсть явится въ Пантеонѣ, я употребилъ свободное время, которое, по соображеніямъ моимъ, оставалось у меня, до начала Переселенцевъ, на повѣсть въ Библіотеку. Я думалъ посвятить ей мѣсяцъ, никакъ не болѣе; но, къ сожалѣнію, планъ растянулся, повѣсть вышла чуть не вдвое больше и потребовала два съ половиною мѣсяца. Я кончилъ его тогда, когда, по настоящему, давно уже слѣдовало начать Переселенцевъ. Романъ начинается въ Январѣ непременно. Вамъ извѣстно вѣроятно, новое цензурное правило: цензура

не довольствуется теперь программой романа; прежде чѣмъ дозволить печатать первую часть, она требуетъ всего романа отъ первой главы до послѣдней. Я слѣдовательно долженъ окончить Переселенцевъ къ 10 Декабрю, никакъ не позже. Можете представить себѣ слѣдовательно, въ какой я передрыгъ и какъ я работаю. Замѣьте еще, что ко всему этому примѣшивается глазная боль, которая часто отрываетъ меня отъ дѣла. Послѣ Переселенцевъ не дамъ себѣ дня отдыха: тотчасъ же начну повѣсть для Пантеона и употреблю всѣ силы свои, чтобы Пантеонъ остался доволенъ. Послѣ Переселенцевъ, которые, я надѣюсь, будутъ и лучше и солиднѣе Рыбаковъ, Пантеону будетъ еще выгоднѣе помѣстить на страницахъ своихъ мою повѣсть. Я смерть не люблю торопиться: *сì va riapo, va sapo; сì va sapo, va bene*; кажется, такъ. Благодарю васъ еще разъ за Портретъ; здѣсь точно также всѣ имъ довольны; вы меня истинно обрадуете и подарите, если пришлете нѣсколько экземпляровъ; пожалуйста исполните это, любезнѣйшій Федоръ Алексѣевичъ. Прошу васъ также Христомъ Богомъ выслать мнѣ скорѣе рукопись повѣсти моей; я нахожусь въ крайне-стѣснительныхъ обстоятельствахъ, и мнѣ нѣтъ возможности бросить ее; отрѣжу ей хвостъ и голову, выжму изъ нея сокъ и сумѣю этотъ лимонъ отдать въ какую нибудь невзыскательную газету. Я часто получаю письма, въ которыхъ просятъ хоть нѣсколькихъ страницъ. Ради Бога вышлите рукопись; она мнѣ крайне необходима. Повѣсти С. С.¹⁾ дѣйствительно заслуживаютъ особеннаго вниманія; въ нихъ присутствуетъ что-то такое, чтò невольно влечетъ читателя, и это что-то есть именно талантъ автора. Встрѣчаются повѣсти и лучше, и умнѣе, и обработаннѣе, но онѣ не возбуждаютъ того обаянія, того сочувствія; мы потолкуемъ еще объ этомъ при нашемъ свиданіи. Чтò скажите на милость, когда же выйдутъ въ свѣтъ повѣсти *Юревой?*²⁾ Судя по тому, чтò вы говорили, пора бы, кажется, читать ихъ въ Дулебинѣ. Кланяйтесь автору, и скажите ему, что я съ нетерпѣніемъ жду его подарка. Будьте здоровы, да высылайте почаще Пантеонъ (я получаю его чуть ли не черезъ два мѣсяца); кланяйтесь всѣмъ нашимъ общимъ знакомымъ и не забывайте преданнаго вамъ и всегда готоваго къ услугамъ Григоровича.

Вотъ адресъ: Его б. Д. В. Гр. Въ Рязанской губ. городъ Зарайскъ, въ село Дулебино. Ради Христа, присылайте скорѣе рукопись и, если можно, включите туда Портреты; если не теперь, то со временемъ будете мною довольны.

¹⁾ Софьи Николаевны Соболевой.

²⁾ Дѣвичья фамилія супруги О. А. Кони; подъ этою фамиліей помѣщены въ „Пантеонѣ“ ея повѣсти: „Цѣлковый“, „Цыганка“, „Сапожный снарядъ“, „Воля и Доля“, „Пуля-Дура“ и пр.

А. А. Григорьева.

Москва 1850.

Апрѣля 19.

1.

Милостивый государь Ѳедоръ Алексѣевичъ!

Очень радъ, что помѣщеніе вами двухъ моихъ юношескихъ грѣховъ въ „Пантеонъ“ даетъ мнѣ случай и поводъ писать къ вамъ. Не распространяясь въ сочувствіи къ вашему изданію, которому когда-то посвящалъ я много силъ въ изъявленіяхъ моего личнаго уваженія къ вамъ, а пишу къ вамъ прямо о дѣлѣ. Дѣло вотъ въ чемъ. Вы обѣщали напечатать мой переводъ Короля Лира; ради Бога, не дѣлайте этого: вы остыдите и свое изданіе и меня. Переводъ былъ мною сдѣланъ еще въ 1837 году, т. е. когда мнѣ было только шестнадцать лѣтъ и когда я читалъ Шекспира только пофранцузски... Если вы хотите что нибудь мое, то напишите мнѣ, не желаете ли вы, чтобы я занялся *дѣльнымъ* переводомъ *Короля Лира*. Занятый почти спеціально изученіемъ Шекспира, я это сдѣлаю за самую умѣренную плату, изъ чистаго дилетантизма и даже вовсе безъ платы, если вы похлопочете о постановкѣ моего перевода на сцену.... Но такой переводъ я не могу вамъ обѣщать раньше будущей зимы. Пока мѣстъ же, не напишете ли вы, чтобы я перевелъ для васъ въ стихахъ пьесу или фантазію Альфреда де Мюссе: „Les maigrons au feu“? Вещь славная и по мысли и по формѣ! Переводъ комедіи Деламина тоже надобно было бы исправить. Ну, да ужъ Богъ съ нимъ!... Посылаю вамъ нѣсколько переводовъ изъ Гёте, которые я желалъ бы видѣть напечатанными не врознь, а вмѣстѣ. *Можетъ быть*, добуду вамъ нѣсколько стихотвореній А. А. Фета, Н. Берга.

Еще вотъ что. Не хотите ли вы завести подробную и дѣльную хронику Московскаго театра? Въ этомъ случаѣ я предлагаю вамъ не свои услуги, потому что я уже пишу объ этомъ въ Отеч. Записки; но у меня есть хорошій пріятель, человѣкъ умный, образованный и ученый, который, любя театръ, взялся бы за это дѣло съ удовольствіемъ. Условія его будутъ очень просты: доставьте ему какъ-нибудь даровой входъ въ театръ, и онъ вашъ.

Если вамъ угодно будетъ отвѣчать мнѣ, то прошу васъ писать на мое имя по слѣдующему адресу: Въ Москву. Въ контору Отеч. Записокъ, въ университетской книжной лавкѣ И. В. Базунова на Страстномъ бульварѣ. А. А. Григорьеву.

А на первый разъ позвольте взять у васъ взятку „Пантеономъ“.

При желаніи всего лучшаго и вамъ, и вашему изданію, остаюсь готовый къ услугамъ А. Григорьевъ.

2.

Милостивый государь,
 Федоръ Алексѣевичъ!

Спѣшу доставить вамъ первую статью того сотрудника, о которомъ я вамъ писалъ, статью, какъ вы сами увидите, замѣчательную и по интересу содержанія, и по зрѣлости взгляда. *Павель Ефимовичъ Басистовъ* готовъ работать въ вашъ журналъ съ удовольствіемъ и при томъ, въ *настоящее*, трудное для „Пантеона“, время безъ денежнаго вознагражденія. Доставьте ему только входъ въ театры поскорѣе, если хотите имѣть даровитаго и ученаго рецензента, какого вамъ имѣть не мѣшаетъ. Сдѣлавши свое дѣло, предоставляю списаться вамъ съ нимъ самимъ *лично*, т. е. писать на имя его, адресуя на контору Отеч. Записокъ, въ лавку И. В. Базунова или въ Воспитательный Домъ, гдѣ онъ учителемъ Русской словесности.

Я лично не вышлю вамъ ничего до Іюля мѣсяца, потому что до вакаціи страшно обремененъ экзаменами въ Институтъ и пансіонахъ и другими учительскими обязанностями. Въ вакацію имѣю въ виду сдѣлать довольно много и для васъ лично докончить „*Les mignons au feu*“: это будетъ мое приношеніе вамъ лично и журналу. Желаю вамъ всѣхъ благъ отъ росы небесной и тука земнаго и остаюсь искренно уважающій васъ А. Григорьевъ.

Р. S. Съ чего вамъ представилось, что я послалъ вамъ стихи Фета и при томъ напечатанные? Стихи мои, и напечатано всего только одно: „*Auf den See*“ въ моей статьѣ о Фетѣ въ Отеч. Запискахъ. Посылаю вамъ его элегію; напечатанное вычеркнуто, ненапечатанное ваше.

Я. П. Полонскаго.

Милостивый государь Федоръ Алексѣевичъ!

Повѣсть мою на дняхъ взялъ у меня Панаевъ для Современника. Повѣрьте мнѣ, что я рѣшился отдать ее въ Современникъ не изъ предпочтенія этого журнала Пантеону, съ такимъ рвеніемъ и самоотверженіемъ доведенному вами до степени возможнаго въ Россіи совершенства, но потому единственно, что, кромѣ цензурныхъ хлопотъ для напечатанія моей повѣсти, нужно еще дозволеніе Буткова, какъ предсѣдателя Кавказскаго комитета; Панаевъ лично знакомъ съ Бутковымъ, а потому и хлопотать ему объ этомъ будетъ гораздо легче.

Ваше письмо застало меня больнымъ; иначе я самъ бы явился къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою на этотъ разъ извинить меня и принять меня въ число вашихъ сотрудниковъ. Быть можетъ, на дняхъ изъ Москвы получу я отъ Кублицкаго мой рассказъ, оставленный мною у Каткова, который не рѣшился печатать его въ Вѣдомостяхъ, потому только, что онъ бы долженъ былъ занять по крайней мѣрѣ 6 номеровъ его газеты. Какъ скоро получу, явлюсь къ вамъ, и если только рассказъ мой вамъ понравится, буду очень радъ видѣть имя свое на страницахъ вашего изданія.

Примите мое увѣреніе въ истинномъ почтеніи и преданности, съ каковыми имѣю честь быть вашъ покорный слуга Я. Полонскій.

6 Января 1853 года.

А. Н. М а й к о в а.

Почтеннѣйшій Θεодоръ Алексѣевичъ!

Извините меня пожалуйста, что я такъ замедлилъ отвѣтомъ на вашу записку; я прежде хотѣлъ спросить гр. Толстова, согласенъ ли онъ на напечатаніе посвященныхъ ему стиховъ; иначе было бы неучтиво ихъ печатать, и онъ согласился, почему и спѣшу ихъ сообщить вамъ и вмѣстѣ и тѣмъ принести вамъ мою благодарность за присылку билета на „Пантеонъ“. Надѣюсь скоро увидѣться.

Преданный вамъ А. Майковъ.

Анакреонъ скульптору.

Что чиниться намъ, ваятель!
 Оба мы съ тобой, пріятель,
 Дослужились до вѣнца.
 Лавръ тебѣ несутъ въ награду,
 Я, въ вѣнкѣ изъ винограду,
 Вѣкъ свой корчу мудреца.
 Такъ подь старость, ради смѣху,
 Хоть для юношей въ потѣху,
 Мнѣ одинъ вопросъ рѣши:
 Видѣлъ я твои творенья,
 Группы, мысль и выраженье
 Все обдумалъ я въ тиши;
 Но однимъ смущень я крѣпко:
 Въ нихъ совсѣмъ не видно слѣпка
 Съ нашихъ модныхъ героинь,
 Жрицъ Аѳинскаго разврата,
 А съ любимыхъ мной когда-то
 Юныхъ дней моихъ богинь,

Горлицъ манною вскормленныхъ,
 Купидономъ припасенныхъ
 Мнѣ, какъ баловню его!...
 А съ красоть ихъ покрывало
 Милый другъ, не упало,
 Знаю я, ни для кого!
 Геба у тебя младая,
 Чтò кувшинъ съ главы спуская,
 Изъ-за рукъ, смѣясь, глядитъ—
 Это Дафна! Знать незрѣлость
 Юныхъ формъ. Дѣвченки смѣлость
 И ужъ взрослой дѣвы стыдъ!...
 Дафну я тайлъ отъ свѣта,
 Этой розы ждалъ разцвѣта;
 Но напрасно! Разъ она
 У рѣки полунагая,
 Въ воду камешки бросая,
 Веселилася одна.
 Вдругъ на шорохъ оглянулася,
 Видитъ я—тутъ! поскользнулася
 И съ уступа на уступъ,
 Прямо въ омутъ!... Къ ней лечу я,
 Всплылъ—и что же? Выношу я
 Безъ дыханья хладный трупъ!
 Зналъ еще я дочь сатрапа.
 Подкупивъ въ дворцѣ Арапа,
 Проникалъ въ гаремъ я къ ней,—
 Что же? Ликъ ея надменный
 Нетерпѣнъ оживленный,
 Вижу въ Герѣ я твоей!
 Тажъ игра въ ланитахъ смуглыхъ,
 Таже линія округлыхъ
 Чудно выточенныхъ ногъ,
 Тожъ изнѣженное тѣло,
 Тажъ волнистость спинки бѣлой!
 Взглядъ.... я снестъ его не могъ.
 Этихъ дѣвъ—гдѣ жъ могъ ты видѣть?
 Вѣдь готовъ возненавидѣть
 Женскій родъ подъ старость я,
 Иль ты въ вѣчныхъ идеалахъ
 Видѣлъ то, чтò въ доляхъ малыхъ,
 Смертный видитъ вокругъ себя.

Объ одномъ прошу: если какой стихъ откинеть цензоръ, ставить точки.

В. В. Толбина*).

1.

Милостивый государь Ѳеодоръ Алексѣевичъ!

Вы были такъ добры, что обѣщали мнѣ „не въ примѣръ другимъ“ взять отъ меня мои статьи и доставить мнѣ случай всегда быть вамъ благодарнымъ за то, что я отъ силъ дѣтей моихъ буду видѣть помощь прежде ихъ появленія на свѣтъ Божій. Въ полной надеждѣ на ваше снисхожденіе взываю къ вамъ:

Вынъ тяжелыя занозы
Изъ житейскихъ ранъ,
Отгони о хлѣбѣ грѣзы,
Исцѣли карманъ.
Налетѣвшія напасты
Отстрани рукой
И когда въ твоей то власти,
Мой устрой покой!

Этимъ вы меня премного обяжете. Если мѣра вашего снисхожденія не истощилась, то я бы просилъ васъ вручить деньги подателю этого письма, Дмитрію, человѣку, котораго честность и аккуратность знаемы мною еще съ Москвы и который мнѣ служитъ. Сдѣлавъ выписки изъ стиховъ, имѣю честь ихъ возвратить вамъ. Съ истиннымъ почтеніемъ имѣю честь быть покорный слуга В. Толбинъ.

Іюня 1-го 1853 г.

2.

Милостивый государь Ѳеодоръ Алексѣевичъ!

Прибѣгаю къ вашему вниманію. У меня рѣшительно два дня уже царствуетъ Лапландскій холодъ, замораживающій душу, а вечеромъ рѣшительная мгла первобытнаго хаоса. Сила воли рѣшительно смякла отъ всѣхъ враждебныхъ человѣческой натурѣ стихій. Ради Господа, выручите; взгляните на человѣческій остовъ мнѣ служащій и переносящій все съ терпѣніемъ верблюда, и тотъ нынче вышелъ изъ себя и хочетъ меня покинуть. Я, право, не въ состояніи нисколько докучать никому. Повѣрьте, что при настоящемъ возрастающемъ холодѣ могу имѣть надежду проснуться во образѣ той ледяной человѣческой статуи, которую описалъ Лажечниковъ. Вотъ поэтическое положеніе пишущаго прозою преданнаго вамъ В. Толбина.

4 Октября 1853.

*) В. В. Толбинъ—очень талантливый авторъ мелкихъ разсказовъ изъ Петербургской жизни.

3.

Милостивый государь Ѳеодоръ Алексѣевичъ!

Не поблагодѣтельствуете-ли вы какою нибудь благостынею вашему покорнѣйшему слугѣ? Просто живу какъ пустынникъ первыхъ временъ христіанства чуть ли не глаголомъ Божіей пищи, какъ небесная птица, а послѣ завтраго день моего патрона, на который самъ куликъ давно напросился. Есть такіе дни въ жизни, что нельзя отказаться. Вотъ уже съ недѣлю какъ не вылеталъ дымъ изъ моей трубы, и сильно стало слабѣть тѣло. Очень обяжете, если можете. Удивляюсь отъ чего изъ типографіи не несутъ корректуръ. Я послалъ рукопись еще 20. Да пришлите пожалуйста *новыя газеты Московской полиціи*; самъ я сижу вотъ уже недѣлю дома съ распухнувшей ногой, что еще болѣе налагаетъ чуть ли не камень на мои житейскія и финансовыя обстоятельства. Съ истиннымъ почтеніемъ покорный слуга В. Толбинъ.

31 Августа 1854 Суббота.

4.

Милостивый государь Ѳеодоръ Алексѣевичъ!

Нѣтъ ли чего отраднаго? Моя Силистрія сдалася, и враги наполняютъ переднюю, атакуютъ и просто гибну. Выручите, ради Господа, если можете. Покорный слуга В. Толбинъ.

18 Іюня 1854 г.

Графини Е. П. Ростопчиной.

1.

Вороново, 10-е Мая 1854 г.

Едва пріѣхала на дачу, успѣла очнуться отъ тревогъ и хлопотъ дорожныхъ сборовъ, оглянуться, подышать деревенскимъ воздухомъ, полнымъ благодати болѣе чѣмъ когда-либо (такъ дивно-хорошо и рано разцвѣла у насъ весна) и вотъ спѣшу къ вамъ съ дѣломъ, и съ пребольшимъ, Ѳеодоръ Алексѣевичъ. Во первыхъ, прошу у васъ почти невозможнаго,—*правды!* полной, чистой, не прикрашенной, не смягченной, неумолимой *правды*, безо всякихъ оглядокъ на то, что я женщина, а вы мужчина, безо всякихъ зазрѣній и опасеній; строгой *правды* хочу, прошу и требую отъ васъ, какъ маленькій журнальный сотрудничекъ отъ начальника своего и судіи, главнаго редактора, отвѣтствующаго за всѣхъ и за вся, и потому полновластнаго владыки и хозяина въ своемъ журналѣ. Вотъ что причиною и поводомъ таковой моей необыкновенной и, можетъ быть, вамъ диковинной просьбы.

На дняхъ я получила письмо отъ старшаго моего брата, чело-
вѣка не пишущаго и не сочиняющаго, но очень дѣльнаго, положитель-
наго и вполне мнѣ преданнаго. Онъ именемъ нашей дружбы и моихъ
дѣтей (стало быть, не въ шутку!) закликаетъ и умоляетъ меня
не печатать Дочери Донъ-Жуана, говоря, что братъ Дмитрій вопіетъ
на ея *безнравственность*, рассказалъ ему сюжетъ драмы (это бы
еще ничего, и мы довольно знаемъ брата Дмитрія за чудака, чтобы
еще не слѣпо вѣрить его авторитету,) а главное,—сказалъ, что *вы*
тоже находите ее неприличнымъ произведеніемъ и не желаете видѣть ее
въ своемъ журналѣ. По словамъ и выходкамъ. Сергѣя, я вижу ясно,
что ему дурно и бессмысленно передано содержаніе драмы; онъ назы-
ваетъ ее *Донъ-Жуаномъ въ юбкѣ*, думаетъ видѣть въ ней женщину
необузданную и виновную, тогда какъ, напротивъ, моя Долоресъ ни
что иное, какъ женщина, оклеветанная мужчинами и преслѣдуемая
ими, которая въ концѣ торжественно оправдывается, изобличая своихъ
противниковъ и уничтожаетъ ихъ громовымъ перечнемъ всѣхъ ихъ
низостей, гадостей и предательствъ. Это одинъ видъ многосторонней
идеи, одно рѣшеніе той задачи, которую я задала себѣ измала:—вы-
водить въ моихъ твореньяхъ однѣ только женскія личности, преиму-
щественно изобличая ихъ въ столкновеньи съ мужчинами страдающими
отъ нихъ и превосходящими ихъ душою и сердцемъ, то есть такими,
какими женщины почти всегда являлись и являются мнѣ въ жизни,
въ свѣтѣ, въ обществѣ, въ семействѣ, а главное—въ *любви и бракѣ*.
Да! По моему, женщина (если она не выродокъ, не феноменальный,
живой парадоксъ, не роковое и гнусное исключеніе среди насъ) жен-
щина всегда лучше, то есть добрѣе, любящѣе, безкорыстнѣе, правди-
вѣе мужчины; она вступаетъ на трудное поприще жизни съ благими
намѣреніями и начатками, со всѣми данными къ исполненію обязан-
ностей и совершенно своего примирительнаго посланія, но ее извра-
щаютъ и развращаютъ недочеты, обиды, разувѣренія, испытанья,—а
отъ кого, смѣю спросить, терпитъ и переноситъ ихъ она, если не отъ
васъ, мужчинъ? Кто виноватъ и вдыхаетъ въ нее яды душевнаго рас-
тлѣнія, всѣ сѣмена порока и грѣха? Кто заводитъ, соблазняетъ, роняетъ
ее? Кто сводитъ ее съ пьедестала, чтобы не поклоняться передъ ней,
какъ передъ богиней, недоступной и гордой, но поставить ее сперва
въ уровень съ собой, своими требованіями и привычками, а потомъ
согнуть ее, сломать ея гордость и бросить на колѣни, какъ рабу без-
словесную и беззащитную. Кто, какъ не ваша суетность, не ваши
вождедѣнья, не ваша мелочность, праздность, вашъ развратъ, чтобы
высказать однимъ словомъ? Messieurs, vous savez ce que vous faites и если
женщина точно виновна и точно совратилась съ прямого пути, я

всегда не къ ней обращаю порицанье, а ищу за нею настоящаго виноватаго, т. е. мужчину, соблазнившаго ее дѣломъ, словомъ, либо примѣромъ;—потому что, я убѣждена въ справедливости такого моего заключенья, и въ томъ, что всегда такой безымянный преступникъ существуетъ и отыщется главнымъ лицомъ въ жизни, заблужденьяхъ и ошибкахъ той несчастной, которую свѣтъ коритъ и бранитъ вмѣсто того, чтобы обратиться къ источнику зла и дойти до него справедливымъ укоромъ. Вслѣдствіе такого убѣжденія, я держу перо въ рукѣ какъ орудіе, единственно намъ данное противъ васъ; я стараюсь воспроизводить женщинъ наиболѣе интересными, а мужчинъ какъ можно пошлѣе; наконецъ, разсудивъ, что мы и на суду мірскомъ точно такъ, какъ передъ судомъ государственнаго правосудія, безгласны и безотвѣтны противъ вашей милости и не допускаемы даже въ *свидѣтели*, разсчитавъ, что на какихъ-нибудь 150 или 200 пишущихъ женщинъ на всей поверхности земнаго шара, можно предположить по крайней мѣрѣ 10,000 писателей мужскаго пола, я нахожу, что нашъ долгъ и наша обязанность отстаивать себя сколько можно, заступаться за падшихъ сестеръ и высказывать вамъ иногда такія истины въ притчахъ, которыхъ ни одинъ изъ васъ не скажетъ, не смягчивъ ихъ какими-нибудь увертками или извиняющими обстоятельствами. Вотъ почему Дочь Донъ-Жуана понята и схвачена мною, какъ представительница огромнаго числа женщинъ, которая и умнѣе, и энергичнѣе, и глубже душою, чѣмъ вообще нужно для удовлетворенья мужской прихоти или мужскаго разсчета,—и потому, вмѣсто любви и участія, осуждены возбуждать вездѣ ненависть, гоненіе, гнѣвъ и вражду.

Такую женщину труднѣе обмануть, труднѣе переломить; она борется съ мужчиною и тогда только признаетъ въ немъ господина своего, когда умъ и сердце ея найдутъ въ немъ нѣчто выше и лучше себя. За то имъ и не житье въ мірѣ, и клевета преслѣдуетъ ихъ до гроба, употребляя оружіемъ противъ нихъ даже самыя ихъ добрыя качества...

Дочь Донъ-Жуана поставила противъ себя и считаетъ своими врагами всѣхъ тѣхъ, кто мѣтили на ея богатство, и ошиблись; всѣхъ, кто искалъ въ ней удовлетворенья грубымъ вспышкамъ чувственности, и встрѣтили себѣ отпоръ. И вотъ они чернятъ ее до того самаго часа, когда горе развязываетъ ей языкъ,—и громкая отвѣдь ея, какъ протестъ умирающей, снимаетъ маски не только съ лица, но съ самыхъ личностей ея обвинителей.... По крайней мѣрѣ такъ я поняла свой сюжетъ, и если неясное исполненіе не высказало вполне моей темы, то говорю какъ художникъ, *теа сѹпра, теа тахіта сѹпра*; но, какъ женщина, отстаиваю свою идею и не понимаю, гдѣ же въ ней

безиравственность? Вторично прошу васъ, Ѳедоръ Алексѣевичъ, будьте не только издателемъ, но собратомъ и другомъ; отвѣчайте мнѣ прямо-душно и скажите ваше настоящее мнѣнѣе, указавши на погрѣшности моего произведенія. Если же эта драма не для сцены, чѣмъ нибудь не отвѣчаетъ вашимъ планамъ касательно общаго тона статей, входящихъ въ разрядъ вашего прекраснаго журнала, то возвратите мнѣ ее не медля, а въ замѣнъ я пришлю вамъ Комедію-драму, въ 2-хъ дѣйствіяхъ и прозѣ.

Теперь я въ деревнѣ и вновь примусь за перо, за трудъ и за умственную мою жизнь, для которой мнѣ необходимы три условія: лѣто, здоровье, уединеніе. Романъ вашъ будетъ продолжаться и, надѣюсь, кончится благополучно. Съ нетерпѣніемъ жду вашего отвѣта и вашей правды, примите покуда радушный поклонъ съ увѣреніемъ въ моемъ искреннемъ къ вамъ уваженіи и высокопочитаніи.

Графиня Евдокія Ростопчина.

2.

Вороново, 25-е Сентября 1853.

Милостивый государь

Ѳедоръ Алексѣевичъ!

Въ оправданіе медленности этого отвѣта, скажу вамъ одно только: письмо ваше не застало меня дома, я гостила за Троицею у родныхъ и только очень недавно вернулась во свояси. Первая моя забота отвѣчать вамъ и благодарить васъ за ваше дружеское и столь пріятное моему сердцу письмо. Въ доказательство моей радушной готовности участвовать въ вашемъ прекрасномъ и все улучшаемомъ изданіи, вотъ вамъ первыя 12 писемъ моего романа; еще готовыхъ теперь 5, а послѣдующія не замедлятъ, будьте въ томъ увѣрены. Вотъ вамъ еще и стихотвореньице, котор. будетъ на закуску. Вы видите, кажется, что я рада стараться..... Теперь потолкуемъ о портретѣ. Совершенно раздѣляю ваше мнѣнѣе о работѣ даровитаго Ѳедотова: *il m'a embellie et rajeunie*, и можетъ быть поэтому-то именно придерживалась я не совсѣмъ безпристрастно его произведенія; вы правы, какъ сама истина. Оставимте всякое поползновеніе выпустить меня въ публику подъ этими павлиньими перьями, но вотъ бѣда: всѣ мои дагерротипы и фотографіи вышли такими обезьянами и фуріями, что ихъ гравировать не стоитъ труда, и женское самолюбіе мое (какъ бы ни давно вышло оно изъ лѣтъ, подчиненныхъ опека и даже попечительству!). женское тщеславіе не позволяютъ мнѣ явиться въ свѣтъ такою чуче-

лою, какою солнце меня выводитъ изъ подъ своей кисти.... Какъ же быть? Развѣ посмотрѣть, каковъ выйдетъ портретъ, писанный съ меня зимою нашимъ маститымъ художникомъ, славнымъ Тропининымъ, и съ него снять фотографію? Это я могу сдѣлать, возвратившись въ городъ, когда увижу, каковъ портретъ, ибо онъ сохнулъ и выдерживался для колера, когда я уѣхала весною. А онъ-то именно какъ будто въ угодность вамъ въ черномъ всеневномъ платьѣ и съ наброшенной кацавейкой; только волосы были у меня обстрижены послѣ болѣзни, и портретъ написанъ въ коротенькихъ завиткахъ. Дѣти мои пожелали имѣть меня въ этомъ видѣ въ ту самую пору, когда я оживала послѣ двухъ припадковъ холеры, едва не умчавшихъ меня на Лету и Стиксъ. Хорошо ли будетъ для печатнаго изображенія, перваго выставящаго меня на судъ публики и критики, съ нѣкоторою официальною и торжественностью, требующею иныхъ условій, нежели семейная картина безъ притязаній? Предоставляю на ваше тонкое обсужденіе все эти обстоятельства и полагаюсь на ваше рѣшеніе: мнѣ извѣстно, что вамъ есть съ кѣмъ посоветоваться вблизи васъ, если вы захотите, чтобы милая женственная сноровка пособила тутъ вашему собственному такту и свѣтлому пониманію вещей и свѣта.... О комедіяхъ моихъ скажу вамъ, что Жулева-Небольсина была у меня, проездомъ изъ Крыма, что она здорова, надѣется играть много и надѣется слѣдственно получить бенефисъ, въ которомъ сыграетъ одну изъ моихъ бездѣлушекъ; другая же, та, которая у васъ, не такого сорта, чтобы ей имѣть успѣхъ въ чтеніи: это все болтовня, которая была написана для Самойловой и могла поддерживаться только ея талантомъ, давъ ей случай и просторъ выказаться разъ въ обстановкѣ великосвѣтской женщины. Что „Пантеонъ театровъ“ печатаетъ игранныя пьесы, несмотря на ихъ малозначительность,—это естественно и понятно; но выпустить такую пьесу для сцены не слѣдуетъ ни вамъ, ни мнѣ, и я прошу васъ не конфузить меня передъ читателями, а въ особенности передъ моими благопріятелями, Петербургскими критиками и журналистами. Право, я лучше пришлю вамъ новинку подѣльнѣе, въ стихахъ, которая теперь переписывается и можетъ быть не совсѣмъ неудачна; это драматическія сцены содержанія полуисторическаго и болѣе пустыхъ комедій достойная передняго угла.

Въ шутку, или на смѣхъ, упоминаете вы о моемъ престолѣ и вліяніи среди литературнаго Московскаго кружка?.. Увы, престолъ не признается, а вліяніе такъ слабо, что я не могу удержать даже лучшихъ друзей моихъ отъ общей заразы грязноманіи и натурализма, совершенно противныхъ эстетическому чувству. Я краснѣю за Москви-

тланина и гнушаюсъ гадостей, которыя онъ печатаеть, подъ предлогомъ филантропіи и гуманности.

Повѣрьте, онъ бы не упалъ такъ низко, если бы слушался моихъ совѣтовъ. Но что дѣлать, когда потокъ уноситъ за собой все пишущее и сочиняющее, когда въ общую глубь грязи и черноты у насъ на свѣтъ все стремится,

И Современникъ толстый мчится,
И Москвитанина листокъ!....

И за симъ, прощенья прошу, какъ говаривали наши старики; позвольте мнѣ, Федоръ Алексѣевичъ, послать вамъ задушевнѣйшій поклонъ съ изъявленіемъ задушевнаго къ вамъ уваженія и сердечной пріязни преданной вамъ граф. Евдокіи Ростопчиной.

3.

Вороново, 28-е Мая 1854 г.

Не пеняйте, Федоръ Алексѣевичъ, не я виновата, а письма наши разѣхались: братъ не нашелъ меня въ городѣ и долженъ былъ переслать письмо ваше сюда, ко мнѣ въ деревню, гдѣ я уже съ 6-го числа; и если я не отвѣчала раньше, то потому, что была очень занята одною работою, которая всю зиму клеилась у меня въ головѣ и не могла вылиться на бумагу, за городскимъ недосугомъ.

Теперь конечно я могу владѣть своими мыслями; вотъ почему первымъ моимъ движеніемъ благодарить васъ и увѣрить, что я никогда не была, не буду и не могу быть *сердитою на васъ*, не только за разность мнѣній и вкуса, но даже если бы вопросъ касался лично *меня*, т. е. моихъ произведеній. Я не понимаю вообще, какъ люди могутъ питать вражду или досаду другъ на друга за то, что не всѣ видятъ, чувствуютъ, мыслятъ и вѣрятъ одинаково. Терпимость во всемъ, особенно въ области искусства, вотъ для меня главное и необходимое условіе сближенія, пріязни, дружбы, скажу болѣе, терпимость въ людяхъ есть качество, которое меня наиболѣе къ нимъ привлекаетъ, и я вижу въ ней признакъ благодущія и благовоспитанности. Увы! особенно цѣню эту добродѣтель съ тѣхъ поръ, какъ я въ Москвѣ присмотрѣлась къ *котеріямъ*, *партіямъ* и *кружкамъ*, гдѣ ея отсутствіе такъ больно замѣтно *et où cette sainte et belle tolérance brille surtout par son absence complète*. Стало быть, прошу васъ разъ на всегда знать и вѣрить, что никакое мое молчанье не происходитъ отъ подобной причины, и что никакое добросовѣстное опроверженіе не можетъ меня вооружить противъ васъ, тѣмъ болѣе, что я вѣрю въ ваше ко мнѣ радушіе, въ вашу пріязнь и симпатію.

Въ доказательство, посылаю вамъ единственную новинку изъ моихъ мелкихъ стихотвореній; кромѣ ея ничего не написано въ послѣднюю зиму, потому что было не до обыкновенныхъ темъ, въ это торжественное, рѣшительное и увлекательное для насъ время. Я думаю, что цензура не найдетъ тутъ ничего такого, что подало бы ей поводъ къ запрещенію: ибо двѣ-три пьесы такого содержанья, но гораздо сильнѣе, воинственнѣе и задорнѣе, Раича и Шевырева, были напечатаны въ Москвитинѣ еще въ Апрѣлѣ. А касательно воззванья къ братьямъ православнымъ, то оно было написано какъ призывъ къ оружію этимъ братьямъ; я желала, чтобы его прочитала вселенная. какъ выраженіе чувства Русскаго народа въ отношеніи къ его единовѣрцамъ, и первый экземпляръ былъ мною посланъ Каэтану Коссовичу съ просьбою перевести его и переслать въ Сербію, въ Болгарію, въ Молдавію, въ Черногорію особенно, однимъ словомъ всюду, гдѣ Крестъ еще въ борьбѣ съ Луною, гдѣ православный храмъ не смѣетъ благовѣстить въ сосѣдствѣ мечети.... Жаль было только одного, что только слабый голосъ женщины поднялся у насъ съ такимъ кликомъ, для котораго нуженъ былъ новый Тиртей и который такъ могущественно поднялъ бы у насъ нашъ несравненный Пушкинъ, чье сердце понимало всѣ благородныя и высокія чувства народовъ, и особенно угнетенныхъ.... Много стиховъ, слишкомъ много даже появилось у насъ съ тѣхъ поръ.... Все это недостойно печати, исключая премилой и презабавной эпиграммы на воинственнаго Пальмерстона. Даже и Вяземскимъ я недовольна: мысли хороши, да не то. Это не поэзія! Нѣтъ, ради Бога не думайте, чтобы когда-нибудь я могла желать и ждать много одобренья, какъ одобренья массы, т. е. этого живаго, неиспорченнаго софизмами судіи, равно непричастнаго къ предразсудкамъ двора и свѣта и къ предубѣжденьямъ пишущей и сочиняющей братіи. Масса, т. е. народъ и всѣ сословія, кромѣ одного. доказала теперь и особенно мнѣ (могу сказать), какъ живо она сочувствуетъ живому слову правды, какъ ее задѣваетъ все, что просто. вѣрно и правдиво.... Къ ней и всегда только къ ней относится то, что я пишу и печатаю, если это не выраженіе какой-нибудь болѣе женственной и тайной мысли, которая выливается въ строфѣ, не находя себѣ другого пути къ чьему нибудь уху исключительно, но все-таки съ цѣлью чисто-женской. Романъ будетъ продолжаться не только съ усердіемъ, но съ остервенѣньемъ; въ деревнѣ писать для меня потребность, и я для того только задержала продолженіе и конецъ первой части, что она нужна мнѣ для провѣрки маленькихъ подробностей въ послѣдующихъ письмахъ.

Въ головѣ моей все уже составлено, полно, обдуманно; писать я буду мѣрно и плавно. Дочь Донъ-Жуана въ когтяхъ брата, который хочетъ ее цензуровать, но не безпокойтесь, эта цензура не законодательная и не исполнительная въ моихъ глазахъ; сладить бы только съ ареопагомъ вашимъ, а личное мнѣнiе брата не будетъ имѣть на меня вліянія.

Жду вашего откровеннаго отзыва на счетъ морали и нравственности моей драмы и прошу меня не беречь. Я ѣду на дняхъ въ городъ на два дня, чтобы прочитатъ новую драму, въ прозѣ, написанную теперь здѣсь; очень бы пріятно было встрѣтитъ васъ, Ѳедоръ Алексѣевичъ, и лично повторить вамъ изъявленіе всего моего къ вамъ уваженія и сочувствія. Графиня Евдокія Ростопчина.

Бога ради, кто скрывается подъ псевдонимомъ Чужбинскаго? Я въ восхищеніи отъ его романа „Сосѣдка“, и мы его читаемъ вслухъ съ дѣтьми, находя много удовольствія въ умномъ, живомъ и вѣрномъ разсказѣ, не имѣющемъ никакой претензіи на романъ съ философскими, либо Гегелическими задачами, которыя у насъ теперь въ модѣ.

Ѳ. М. Толстаго.

Милостивый государь Ѳедоръ Алексѣевичъ!

Вы вѣроятно весьма удивитесь, взглянувъ на подпись моего посланія, но простите великодушно: я такъ сочувствую всему художественному, появляющемуся въ свѣтъ въ Россіи, что не могу не поблагодарить васъ, за отличныя музыкальныя статьи, помѣщенныя въ 1-мъ № „Пантеона“. Статья г-на Сѣрова прекрасная, умная, толковая статья, обозначающая и умъ, и познанія, и вѣрность взгляда автора; я въ сокрушеніи, что до сихъ поръ я, старый драбантъ на поприщѣ музыки, не зналъ о г. Сѣровѣ въ музыкальномъ отношеніи! Не можетъ быть, чтобы онъ самъ сочинялъ, и я ломаю себѣ голову, чтобы догадаться, кто изъ нашихъ извѣстныхъ композиторовъ скрывается подъ именемъ г. Сѣрова. Г-нъ Арнольдъ мнѣ нѣсколько знакомъ и я писалъ къ нему, чтобы благодарить за прекрасную его статью: сдѣлалъ въ прочтемъ нѣкоторыя ничтожныя возраженія. Въ поэтическо-музыкальномъ отношеніи статья, подписанная г. Кашкаровымъ, весьма, весьма замѣчательна. Тонкій, вѣрный разборъ нѣкоторымъ значеніямъ инструменталціи Моцарта меня поразилъ. Я прочелъ всѣ статьи отъ первой до послѣдней строки два раза и, увѣряю васъ, съ величайшимъ удовольствіемъ. Жаль только, что при истинно-поэтическомъ и высокомъ направленіи г. Кашкарова у него вкралось въ статью нѣсколько три-

віальныхъ выраженій напр.: Донна Анна народить дѣтей, Мецетто кусокъ говядины, Флейты посвистываютъ, заземленное сердце и пр. Это конечно сущія ничтожности, но чѣмъ возвышеннѣе соображенія автора, тѣмъ обиднѣе встрѣтиться лицомъ къ лицу съ тривіальнымъ выраженіемъ, посреди самыхъ поэтическихъ и граціозныхъ картинъ.

Я также не имѣю чести знать г. Кашкарова, но душевно его уважаю за его талантъ и преклоняюсь передъ его свѣтлымъ и поэтическимъ воззрѣніемъ на музыку; мнѣ кажется, что если до него дойдетъ слухъ о моемъ замѣчаніи, онъ не можетъ и не долженъ этимъ обидѣться. Ничто такъ не увлекаетъ, какъ перо и листъ бумаги; иногда пишешь, пишешь и такъ увлечешься своими мыслями, что даже грубость и ошибки подвертываются подъ перо, и ихъ не замѣчаешь; чтожъ мудренаго, что у г-на Кашкарова проскочило нѣсколько выраженій, паразитныхъ такъ сказать, которыя не имѣютъ ничего общаго съ поэтическимъ цѣлымъ. Напримѣръ, что значитъ музыкальной компановкой? Вѣроятно, это ошибка, а между тѣмъ ее проглядѣлъ авторъ. Г. Кашкаровъ говоритъ также, что Д. Жуана нѣкоторые упрекаютъ въ недостаткѣ мелодичности; признаюсь, что въ первый разъ слышу и не могу понять, какъ даже это можетъ быть; потому что „La ci dare m и прочіе мотивы всегда всѣми принимаются за образцы мелодій. Я осмѣлюсь также замѣтить, что слово мелодичность мнѣ кажется неудачно; оно похоже на варваризмъ и, полагаю, легко можетъ быть замѣнено.

Позвольте, м. г. Ѳеодоръ Алексѣевичъ, отъ души еще разъ поблагодарить васъ за статьи, которыми вы подарили публику; я увѣренъ, что нѣтъ образованнаго человѣка, въ особенности музыканта, который не сочувствовалъ бы этимъ прекраснымъ статьямъ и не прочелъ бы ихъ (и не разъ) съ удовольствіемъ; я повторяю: это истинныя услуги, и вы, м. г., заслуживаете всеобщую благодарность.

Въ заключеніе позвольте вамъ сказать, что вообще составъ перваго №. „Пантеона“ замѣчательно хорошъ. Но какъ же попалась посреди столько прекраснаго комедія? Гдѣ медъ, тамъ и мухи—не мое дѣло ее критиковать или разбирать; но право, м. г. Ѳеодоръ Алексѣевичъ, грустно видѣть такія произведенія въ такомъ прекрасномъ журналѣ! Самыя рельефныя лица комедіи всѣ мошенники (извините за непріятность выраженія), всѣ интриги основаны на низкомъ чувствѣ и на плутовствѣ; вѣдь это, право, не утѣшительно и вовсе не художественно; вспомните, что говоритъ г. Сѣровъ о назначеніи драматическихъ сценъ; право, хорошо, нельзя ему не сочувствовать, а вы-

водить на сцену помойную яму человѣческихъ дразгъ ей, ей не прилично.

Впрочемъ извините... я также увлекся проклятымъ перомъ и истинно высокимъ мнѣніемъ, которое я имѣю о предназначеніи вашего „Пантеона“. Примите увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и преданности покорнаго вамъ Ѳ. Толстаго.

13-го Февр. 1852. С.-Пет.

P. S. Если вамъ заблагоразсудится почтить меня отвѣтомъ или даже легкимъ выговоромъ за мое неумѣстное вмѣшательство, живу на прежней квартирѣ, т. е. въ домѣ Головкина на углу Эртелева переулка и Бассейной, спросить Ѳеофила Матвѣевича Толстаго.

Н. В. Берга.

1.

Милостивый государь Ѳедоръ Алексѣевичъ!

Имѣвши удовольствіе встрѣтиться съ вами у А. Ѳ. Вельтмана, я общалъ-было вамъ участіе свое въ издаваемомъ вами „Пантеонѣ“, но не могъ и не могу никакъ исполнить этого обѣщанія, потому что очень занятъ службою и долженъ удѣлить сколько нибудь времени Москвитянину. Если угодно, я могу вамъ служить въ настоящее время поступившимъ въ мое распоряженіе переводомъ съ Испанскаго изъ Лопе-де Веги, *Садовничья Собака* (*El perro del hortelano*) или по нашему собака на снѣѣ. Это весьма добросовѣстный трудъ, можетъ быть слишкомъ классическій переводъ; все что можно замѣтить: это не такъ бойкій языкъ, потому что переводчикъ только что выступаетъ на поприще. Онъ Впрочемъ приметъ всякія ваши поправки. Условія извѣстныя: ваша плата за листъ, но кромѣ этого переводчикъ проситъ 50 отдѣльныхъ оттисковъ. Этотъ молодой человѣкъ готовъ быть вашимъ сотрудникомъ и переводить съ Испанскаго впредь, если вамъ будетъ угодно. Пожалуйста, увѣдомьте меня по возможности въ скоромъ времени, удобно ли вамъ принять въ настоящее время предлагаемый переводъ. Адресъ мой: въ Москвѣ, въ Коммерческомъ Банкѣ, помощнику бухгалтера Николаю Васильевичу Бергу.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностью остаюсь готовый къ услугамъ Николай Бергъ.

1852. Ноября 7. Москва.

P. S. Переводъ *Садовничьи Собаки* сдѣланъ прозою.

2.

Москва, 1852 Декабря 12.

Милостивый государь Ѳеодоръ Алексѣевичъ!

Душевно благодаренъ вамъ за вашу откровенность со мною. Дѣйствительно, вы могли спросить, отъ чего ревностные приверженцы Москвитянина не оставляютъ пьесы у себя, а посылаютъ ее въ другой журналъ? Но это совсѣмъ не „на тебѣ, боже, что мнѣ не изже“. Вотъ вамъ объясненія. Во первыхъ, желаніе автора было напечатать пьесу, если можно, въ одномъ изъ Петербургскихъ журналовъ, и онъ просилъ меня какъ нибудь устроить это; я же послалъ *именно* къ вамъ по той причинѣ, что больше никого изъ Петербургскихъ редакторовъ не знаю. Во вторыхъ, оставить у себя пьесы мы не могли и потому, что въ это время не было въ Москвѣ нашего редактора (находящагося и до нынѣ въ Петербургѣ), а безъ него никто не рѣшался принять, если бы авторъ и согласился. Дождаться же авторъ не сталъ бы ни за что. Неужели вы не знаете, что такое нетерпѣніе юнаго писателя и что такое первый трудъ, съ которымъ всегда больше нянчаться, нежели съ послѣдующими? На *plein pouvoir* въ исправленіи онъ не согласился, и я оставилъ его распоряжаться пьесой, какъ ему угодно. За предлагаемое ему мѣсто онъ, вмѣстѣ со мною, приноситъ вамъ искреннюю благодарность, но принять его не можетъ, потому, что домашнія обстоятельства требуютъ постоянного его пребыванія въ Москвѣ. Къ тому же онъ человѣкъ съ нѣкоторыми средствами и все думаетъ съѣздить за границу. Есть у насъ еще Испанецъ, вѣроятно извѣстный вамъ М. Н. Лихонинъ, который, сколько я думаю, былъ бы радъ предлагаемому вами мѣсту. Если позволите, я сообщу ему. Онъ немного литераторъ, перевелъ Шиллерова Донъ-Карлоса. По испански знаетъ хорошо. Чино́мъ коллежскій ассессоръ. Прошу васъ, пожалуйста, и впередъ быть со мною также откровеннымъ. Прямое объясненіе лучше всего. Имѣю честь быть вашимъ покорнѣйшимъ слугою. Н. Бергъ.

И. Крешева*).

1.

Милостивый государь Ѳеодоръ Алексѣевичъ!

Съ прискорбіемъ чувствую плохое паденіе своихъ фондовъ, потрясенныхъ медицинскими визитами и разными медикаментами, препро-

*) Крешевъ былъ выдающимся переводчикомъ (въ стихахъ) Римскихъ и Греческихъ классиковъ, и знаткомъ античной жизни.

вождаю къ вамъ *біографію Кребилльона*, за которую, въ настоящее время, я охотно взялъ бы восемь изъ десяти руб. сер. Если, Ѳеодоръ Алексѣевичъ, въ редакціи возродившагося Пантеона имѣется нѣсколько лишнихъ представителей цѣнности, то я покорнѣйше попросилъ бы васъ, если *Кребилльонъ* пригодится, вручить моему посланному.... (закрываю лицо руками)... На дняхъ принесу вамъ двѣ оды Горация „къ Венерѣ“ и „къ Деліи“ въ родѣ приложенія.

Душевно преданный вамъ И. Крешевъ.

17 Марта.

2.

Милостивый государь Ѳеодоръ Алексѣевичъ.

Я доканчиваю біографію Кребилльона, и мнѣ очень бы нужно сдѣлать кой-какія выписки и навести справки. Нѣтъ ли у васъ трагедій этого давно почившаго поэта, и если есть таковыя въ наличности, не одолжите ли ихъ мнѣ на одинъ день?

Болѣзнь помѣшала мнѣ сдержать много обѣщаній, но я не былъ бы въ долгу передъ Пантеономъ, если бы не началъ „пользовать“ меня докторъ Никитинъ, извѣстною своею античною профилею, не уступающею въ красотѣ его душевнымъ качествамъ.

На этой недѣлѣ буду выходить, и желалъ бы знать, въ какое время лучше застать васъ дома.

Душевно преданный вамъ И. Крешевъ.

14 Марта.

Отвѣчалъ 24 Апр.

М. Н. Загоскина.

1.

Милостивый государь Ѳеодоръ Алексѣевичъ!

Къ совершенному моему сожалѣнію я не могу исполнить вашего желанія. По просьбѣ моего пріятели Вельтмана, я отдалъ комедію мою въ редакцію Москвитянина и скажу вамъ откровенно: для меня было бы гораздо пріятнѣе видѣть ее въ вашемъ Пантеонѣ. Я, кажется, напишу еще нѣсколько комедій и конечно отдалъ бы ихъ вамъ предпочтительно передъ всѣми, но къ несчастью есть одно большое препятствіе: я далъ себѣ слово печатать все въ Москвѣ для того, чтобы самому просматривать послѣднюю корректуру. Не знаю, есть ли возможность отстранить это неудобство; но я рѣшительно лучше вовсе ничего не буду печатать, чѣмъ печатать заочно. Я уже испыталъ, какъ не-

пріятно, когда васъ заставляютъ говорить совсѣмъ не то, что вы хотѣли сказать, а это, къ несчастію, со мною не разъ случалось.

Прощайте, любезный Ѳеодоръ Алексѣевичъ. Желаю вамъ здоровья и всевозможныхъ успѣховъ. Истинно уважающій васъ и покорный слуга М. Загоскинъ.

30 Марта 1850 г. Москва.

2.

Милостивый государь Ѳеодоръ Алексѣевичъ.

Благодарю васъ за честь, которую вы мнѣ дѣлаете, приглашая меня участвовать въ изданіи вашего журнала; къ сожалѣнію, я ничего не могу вамъ обѣщать. Вотъ ужъ годъ какъ я не берусь за перо; тяжкая болѣзнь, которая не уступаетъ никакимъ медицинскимъ средствамъ, отнимаетъ у меня всякую возможность заниматься словесностію; а сверхъ того я поклялся ничего не печатать въ Петербургѣ, и когда скажу вамъ, что меня къ этому побудило, то, вѣроятно, и вы согласитесь, что я совершенно правъ.

Послѣдняя моя комедія въ стихахъ была пропущена безъ всякихъ помярокъ въ цензурѣ собственной канцеляріи Государя Императора, а какъ поступила съ нею С.-Петербургская цензура Министерства Народнаго Просвѣщенія? Она сдѣлала въ моей несчастной комедіи болѣе пятидесяти помярокъ и поправокъ—и какихъ поправокъ! Въмѣсто: прямой армейщина—прямой *кикимора*; корнетъ названъ *верхолетомъ*, вмѣсто *звѣвающихъ мужей* напечатано *счастливейшихъ мужей*. Подлинно, благочестивая цензура: не позволяетъ мужьямъ зѣвать даже тогда, когда имъ скучно. По этимъ тремъ поправкамъ вы можете судить и объ остальныхъ. А хотите ли знать, какіе стихи вовсе вымараны? Вотъ наприкладъ:

Тотъ смотритъ бариномъ, а этотъ что?—холопъ!
Да и какой еще?.. тотчасъ забриль бы лобъ
Да въ рекруты...
Кто? графъ?.. Да онъ всегда гонялся за прогрессомъ
И Русь святую звалъ всегда дремучимъ лѣсомъ...
Я этихъ усачей до смерти какъ боюсь:
У нихъ всегда прескверныя повадки.
Въ моей онъ образной, пожалуй, на лампадкѣ
Сигару закуритъ.
Всѣ дѣти нынче стары.
И если у кого насущнаго нѣтъ хлѣба...

Въ нѣсколькихъ мѣстахъ вымарано стиховъ по десяти сряду, а за что?—хоть убейте, не понимаю. Разумѣется, отъ этихъ помярокъ

составилось великое множество самыхъ беззаконныхъ стиховъ, безъ мѣры, безъ рифмъ, безъ сочетанія и даже совершенно безъ смысла, и за все это долженъ отвѣчать я, потому что не имѣю права объявить публично, что мою комедію изуродовала цензура. Согласитесь, что послѣ этого я не могу и не долженъ ничего печатать въ Петербургѣ.

Имена всѣхъ необычайныхъ людей, какого бы рода они ни были, не должны оставаться въ неизвѣстности, и потому я долгомъ считаю присовокупить, что мою комедію цензуровалъ какойто господинъ Шидловскій. Если, не смотря на мое письмо, вамъ вздумается помѣстить въ вашемъ журналѣ мой портретъ, увѣдомьте меня объ этомъ: я исполню съ удовольствіемъ ваше желаніе.

Прощайте! Дай Богъ вамъ здоровья, побольше подписчиковъ, и—другихъ цензоровъ, хотя немного поумнѣе теперешнихъ.

Искренно васъ уважающій, старинный вашъ пріятель *Михайло Загоскинъ*.

11 Января 1852 г.
Москва.

Князя Кугушева.

24-е Іюня, Алексѣевское.

Милостивый государь Федоръ Алексѣевичъ!

Съ грустью усмотрѣвъ еще въ Москвѣ, что въ Майской книжкѣ Пантеона, котораго не получалъ ни тамъ, ни тутъ, моихъ *Двухъ Флаговъ* нѣтъ, я рѣшаюсь обратиться къ вамъ, боясь даже надоесть вамъ, съ вопросомъ: что бы такое значило, что все назначаемое для вашего журнала мною имѣетъ грустную участь попадать въ Лету, не выдавъ свѣта? Удѣлите мнѣ, прошу васъ, минутъ пять отъ занятій вашихъ и увѣдомьте о причинѣ забравки стихотворенія, прибавя слова два на счетъ посланныхъ мною вамъ, еще прошлою осенью двухъ піэсокъ „Комедія съ переодѣваньемъ“, въ стихахъ, и „Утро въ полумодномъ домѣ“, въ прозѣ, накинувъ кстати словцо на долю „Бѣдной Дуняши“. Простите мою докучливую, можетъ быть, жереміаду; но вы понимаете лучше другихъ, какъ тяжело и грустно автору не знать ничего объ участи своихъ произведеній, хотя слабыхъ, но все дорогихъ для него. Съ этою же почтою пишу Краевскому, прося переслать въ г. контору Пантеона первый листокъ „Провинціальныхъ Типовъ“, которыхъ мнѣ не удалось прочесть вамъ, но которые хороши безъ хвастовства, по со-вѣсти. Хорошо ли я дѣлаю, что пишу комедію подъ названіемъ „Дармождъ“? На ее меня навелъ „Нахлѣбникъ“ Тургенева, запрещенный. Если выйдетъ слабѣе Дуняши... сожгу. Грустно думать, что на Руси надо умереть, чтобъ оцѣнили твой талантъ! Цензура бракуетъ, а публика

думаетъ, что ты способенъ писать только какія нибудь камеліи или въ родѣ того. Напишите мнѣ, хотя изъ жалости; вы знаете, какая отрада намъ, провинціаламъ, въ деревнѣ, получить письмо, да еще касающееся насъ самихъ или того, что насъ интересуеетъ. Зименки не видалъ еще, я вчера только пріѣхалъ; дѣла задержали. Пишу къ вамъ, а передо мной „Вдовушка“ Ѳедотова, копія Орлова, стоитъ какъ живая. Сколько мысли и души,

Сколько горести и заботы;
Дни въ прошедшемъ хороши,
Въ настоящемъ же... работа,
Бѣдность, холодъ, нищета,
Все грозитъ одной бѣдою,
И тревожная мечта
Съ беспощадною судьбою
Шутятъ съ плачущей вдовою.

Простите за вирши и, принявъ въ уваженіе ихъ экспромптность, если можно такъ выразиться, не сѣтуйте на меня за то, что я отвлекаю васъ отъ болѣе серьезныхъ занятій. Позвольте увѣрить васъ въ томъ совершенномъ уваженіи и всегдашней готовности къ услугамъ вашимъ, съ каковыми имѣю честь быть вашимъ покорнымъ слугою.
Кн. Григорій Кугушевъ.

И. С. Н и к и т и н а.

Милостивый государь Ѳеодоръ Алексѣевичъ!

Ваша извѣстность въ литературномъ мірѣ, уваженіе къ вамъ просвѣщенной публики и свойственная вамъ снисходительность, съ помощію которой въ самыхъ первыхъ опытахъ являющихся на судъ публики произведеній, такъ искусно вы умѣете находить нѣкоторыя достоинства и такъ деликатно указывать на недостатки,—заставили автора прилагаемыхъ здѣсь стихотвореній обратиться къ вамъ съ просьбою о напечатаніи ихъ въ вашемъ журналѣ, если вы, по своему великодушію, не захотите отказать этому неизвѣстному автору въ глубокой для него чести,—вашемъ покровительствѣ.

Можетъ быть, просьба моя покажется для васъ странною. Пусть такъ; но я увѣренъ въ вашемъ благородствѣ: вы не захотите заклеить язвительною насмѣшкою бѣднаго провинціала, не имѣющаго въ своихъ рукахъ вѣрныхъ средствъ, съ которыми онъ могъ бы дѣйствовать благоразумнѣе, не ставя себя въ двусмысленное положеніе. Я даже осмѣливаюсь предполагать, что мое двусмысленное положеніе скорѣе возбудитъ въ васъ участіе, нежели холодность.

Вотъ моя краткая біографія. Будьте моимъ судьей.

Я мѣщанинъ. Кругъ моихъ знакомыхъ не великъ и не завиденъ. Образованіе получено мною весьма недостаточное, но, съ ранняго дѣтства въ душу мою запала глубокая любовь къ литературѣ. Помню, какъ всякое произведеніе, запечатлѣнное талантомъ, приводило меня, еще ребенка, въ восторгъ, который я не могъ себѣ объяснить. Какъ тогда билось мое сердце! Какъ быстро обращалась кровь въ моихъ жилахъ! Этой любви я не утратилъ и доселѣ. Въ моей грустной дѣйствительности единственное для меня утѣшеніе, — книги и природа: въ бесѣдѣ съ нею я забываю все меня окружающее. Она — мой первый наставникъ, научившій меня знать и любить Бога. Она моя мать, утѣшающая меня въ минуты тоски и сомнѣній. Изумляя меня своею тишиною и величіемъ, она заставляетъ меня слагать задумчивую пѣснь и проливать сладкія слезы. Быть можетъ, все это одинъ бредъ моего раздраженнаго воображенія, потому-то я снова повторяю: будьте моимъ судьей, покажите мнѣ мое собственное значеніе или мою ничтожность. Я не имѣю чести знать васъ, но такъ много слышалъ о васъ, что совершенно полагаюсь на вашъ приговоръ. Если же изъ приложенныхъ здѣсь стихотвореній вы увидите во мнѣ жалкаго ремесленника въ дѣлѣ искусства, тогда сожгите этотъ бессмысленный плодъ моего напраснаго труда. Тогда я пойму, что дорога, по которой я желалъ бы итти, проложена не для меня; что я долженъ всецѣло погрузиться въ тѣсную сферу мелкой торговой дѣятельности и навсегда проститься съ тѣмъ, что я называлъ моею второю жизнью.

Съ глубочайшимъ къ вамъ уваженіемъ имѣю честь быть вашимъ покорнѣйшимъ слугою Иванъ Никитинъ.

1853 года Ноября 6. Воронежъ.

Переводъ письма отъ ректора Іенскаго университета.

Іена, 5 Сентября 1845.

За особенное удовольствіе считаю, какъ нынѣшній деканъ философскаго факультета Іенскаго Университета, сообщить вашему высокородію лестное сужденіе нашего факультета на счетъ прекраснаго сочиненія на Русскомъ языкѣ „Исторія Фридриха Великаго“, которое представляетъ многія новыя историческія воззрѣнія на эпоху и особенно хорошее ихъ развитіе, какъ равно и вѣрныя очертанія характеровъ, и переслать вамъ дипломъ на званіе доктора, съ желаніемъ, чтобы за этимъ почетнымъ достоинствомъ вскорѣ послѣдовали и многія другія.

Какъ здѣшная почта не дозволила приложить къ посылкѣ съ дипломами запечатаннаго письма, то вы получите теперь дипломы отдѣльно въ маленькомъ ящикѣ, куда я взялъ смѣлость приобщить и нѣкоторыя мои печатныя сочиненія.

Я бы весьма былъ радъ, при случаѣ, получить извѣщеніе о вѣрной доставкѣ, и еще гораздо болѣе, еслибъ нашелъ возможность надѣлать доказать вамъ мое глубокое уваженіе и совершенную преданность. Тайный надворный совѣтникъ Контуръ. Профессоръ Эхштейнъ.

Его высокородію г. коллежскому ассесору, доктору Ѳедору Кони, въ Петербургѣ.

Стихи Полежаева и Якубовича въ альбомъ Ѳ. А. Кони.

Полежаевъ.

Что написать, ей-ей, не знаю.
Дѣвицъ и женщинъ не терплю;
Лишь душу, чувство уважаю
И умъ я искренно люблю.

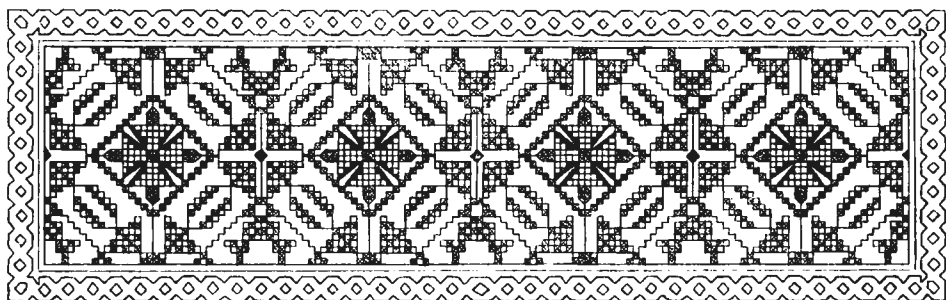
А. Полежаевъ.

Его стихи я продолжаю:
Дѣвицъ и женщинъ я люблю;
Тебя я просто уважаю,
Скотовъ я просто не терплю.

Л. Якубовичъ.

Достопамятный оратай словесной нивы, такъ много содѣйствовавшій развитію въ Русскомъ обществѣ вкуса къ искусству сценическому, которое выше всѣхъ другихъ искусствъ (такъ какъ въ немъ орудіемъ не камень или мраморъ, не тѣло, не звукъ или слово, а сама душа человѣческая), Ѳедоръ Алексѣевичъ Кони родился 11 Марта 1809 г., скончался 25 Января 1879 г. П. Б.

ВѢРА МОЛЧАЛЬНИЦА.

На лѣвомъ берегу небольшой рѣчки Веряжи, въ шести верстахъ на Сѣ-веръ отъ Новгорода, ютится Сырковская женская обитель. Основаніе ея теряется въ глубинѣ вѣковъ. Исторически извѣстною она становится съ половины XVI вѣка, когда ее возобновилъ Ѳеодоръ Дмитріевичъ Сырковъ. По его имени и обитель названа Сырковскою пустынею. Въ этой обители Ѳеодоръ Дмитріевичъ погребенъ послѣ того, какъ его безвинно казнилъ царь Іоаннъ Грозный въ 1570 году.

Вотъ въ этой-то обители, въ срединѣ прошлаго вѣка, несла въ теченіи 20 лѣтъ свой великій подвигъ молчальница Вѣра; тамъ она и погребена не далеко отъ собора съ южной стороны его. Надъ ея могилой поставленъ памятникъ въ видѣ гроба изъ темнаго гранита, съ бронзовыми львиными лапами, стоящій на высокому шлифованному пьедесталѣ изъ краснаго гранита. Съ западной стороны гробницы помѣщена икона св. муч. Вѣры; съ южной надпись: „Здѣсь погребено тѣло возлюбившей Господа всею крѣпостію души своея и Ему Единому извѣстной рабы Божіей Вѣры, скончавшейся 1861 года Мая 6-го дня, въ 6 часовъ вечера, жившей въ сей обители болѣе 20 лѣтъ въ затворѣ и строгомъ молчаніи, молитву, кротость, смиреніе, истинную любовь ко Господу и состраданіе къ ближнимъ сохранившей до гроба и мирно предавшей духъ свой Господу“.

Краткія біографическія свѣдѣнія о Вѣрѣ Александровнѣ имѣются въ нѣсколькихъ журналахъ. Источникомъ для всѣхъ біографій послужилъ очеркъ жизни Вѣры Александровны, помѣщенный въ Іюльской книжкѣ „Странника“ за 1868 г., написанный ея духовникомъ, священникомъ Сыркова монастыря Іоанномъ Лебедевымъ и озаглавленный такъ: „Дѣвица Вѣра Александровна Молчальница“. Въ 1895 г. въ журналѣ „Русскій Паломникъ“ посвящена ей особая статья подъ заглавіемъ „Люди Божьи“ (Археологъ Силинъ издалъ эту статью отдѣльной брошюрой). Поселянинъ въ книгѣ, „Подвижники XIX вѣка“ помѣстилъ въ числѣ другихъ и біографію Вѣры Александровны. Подобная же

біографія имѣется и въ одномъ изъ Троицкихъ листковъ подъ заглавіемъ: „Примѣръ спасительнаго молчанія“.

Свѣдѣнія начинаются съ 1834 года, когда подвижница появилась впервые въ Тихвинѣ подѣ видомъ странницы, назвавшись Вѣрой Александровной; паспорта при ней не было. Пріютила ее у себя Тихвинская помѣщица Вѣра М. Харламова. Въ Тихвинѣ она заявила себя особенно усердной молитвенницей. Нерѣдко ее видѣли молящеюся на паперти предѣ иконой Тихвинской Божіей Матери, когда въ церкви не было никакой службы. Любила она читать Слово Божіе и вообще душеспасительныя книги. Нерѣдко Вѣра Александровна изъ Тихвина предпринимала путешествія и по окрестнымъ монастырямъ: Николы Бесѣднаго, Антонія Дымскаго, Александра Свирскаго; была и въ Зеленецкомъ монастырѣ. Во время своихъ странствованій, узнавъ о тяжелой болѣзни дьяческой вдовы въ Винницкомъ погостѣ Олонецкой губ., Вѣра Александровна спѣшить къ страдалицѣ, чтобы утѣшить ее, и цѣлый годъ ухаживаетъ за больной.

По возвращеніи изъ Винницкаго погоста Вѣра Александровна, по обычаю въ Петровомъ посту говѣла. Въ день причащенія ея, въ церкви находился Тихвинскій помѣщикъ Иванъ Николаевичъ М. Стоя въ алтарѣ, Иванъ Николаевичъ захотѣлъ посмотрѣть, кто сегодня причащался. Подойдя къ сѣвернымъ дверямъ, онъ былъ пораженъ необыкновеннымъ видѣніемъ: причастница стояла въ молитвенномъ положеніи, вся осіянная необыкновеннымъ свѣтомъ, такъ что Иванъ Николаевичъ не могъ признать въ ней Вѣры Александровны. О своемъ видѣніи онъ сообщилъ служившему іеромонаху и нѣкоторымъ знакомымъ. Вскорѣ объ этомъ видѣніи зналъ уже весь городъ. Избѣгая славы людской, Вѣра Александровна рѣшилась удалиться изъ Тихвина и пошла снова странствовать. Такъ она дошла до села „Березовскій Рядокъ“, Валдайскаго уѣзда. На ночлегъ она остановилась въ домѣ крестьянина Прокопія Трофимова. Въ Воскресенье Вѣра Александровна пошла въ церковь. Церковная служба въ этомъ селѣ ей особенно понравилась, о чемъ она и сообщила своимъ хозяевамъ. Въ свою очередь и Вѣра Александровна понравилась хозяевамъ, и они предложили ей погостить у нихъ. Вѣра Александровна поселилась у Прокопія Трофимова, который отвелъ ей особую маленькую избушку. Около 9-ти мѣсяцевъ пробыла здѣсь Вѣра Александровна. Въ свободное отъ молитвы время она собирала къ себѣ дѣтей, учила ихъ молитвамъ, христіанской добродѣтельной жизни. вмѣстѣ съ дѣтьми приходили къ ней и взрослые. Полиціи это показалось подозрительнымъ; приставъ потребовалъ паспортъ, паспорта не было. Вѣру Александровну, какъ безпаспортную, по этапу отправили въ Валдай. Въ Валдаѣ слѣдователь долго допытывался, чтобы Вѣра Александровна сказала, кто она такая. „Если судить по небесному“, сказала она наконецъ, то я прахъ, земля; а если судить по земному, я выше тебя“. Больше слѣдователь ничего не добился отъ нея: ни на какіе вопросы она больше не отвѣчала и даже совсѣмъ перестала говорить, наложивъ на себя подвигъ молчанія, который и соблюдала около 23 лѣтъ.

Изъ Валдая Вѣру Александровну отправили въ Новгородскую тюрьму, въ которой она и пребыла около 1½ лѣтъ. Соблюдая молчаніе, Вѣра Александровна и въ тюрьмѣ усердно молилась Богу и читала Слово Божіе; здѣсь же она написала Плачъ Богородицы при крестѣ Ея Сына. Изъ тюрьмы Вѣру Александровну перевели въ село Колмово для испытанія. Тяжела жизнь въ тюрьмѣ среди заключенныхъ, но еще тяжелѣе жизнь среди психически больныхъ. Но Вѣра Александровна не роптала на то, что ей пришлось жить около 3-хъ лѣтъ (въ Колмовѣ она тоже пребыла около 1½ лѣтъ) въ такой тяжелой обстановкѣ. Вспоминая впослѣдствіи о своей жизни въ тюрьмѣ и въ Колмовѣ. Вѣра Александровна писала: „Мнѣ хорошо тамъ было; и блаженствовала тамъ; благодарю Бога, что Онъ удостоилъ меня пожить съ заключенными и убогими,— Господь не то еще терпѣлъ за насъ грѣшныхъ“.

О пребываніи Вѣры Александровны въ Колмовѣ узнала извѣстная благотворительница графиня Анна Алексѣевна Орлова-Чесменская. Сообщили графинѣ объ этомъ, какъ говорятъ, изъ Петербурга. Явившись къ Вѣрѣ Александровнѣ въ Колмово, графиня предложила ей, не пожелаетъ ли она поселиться въ какомъ-либо изъ Новгородскихъ женскихъ монастырей и между прочимъ указала на Сырковъ, предупредивъ Вѣру Александровну, что ей тамъ будетъ отведена особая келія. Вѣра Александровна съ благодарностію приняла это предложеніе. Вскорѣ за нею въ Колмово пріѣхала Сырковская игуменья и отвезла ее въ Сырковъ монастырь*). Можно предполагать, что неласково встрѣтили Вѣру Александровну въ Сырковской обители. Ея жизнью въ острогѣ и въ домѣ умалишенныхъ, по словамъ священника Лебедева, соблазнились многія изъ сестеръ обители, не исключая и настоятельницы. По словамъ графа М. В. Толстого, настоятельница на столько недружелюбно была расположена къ Вѣрѣ Александровнѣ, что нарочно ѣздила въ Петербургъ и просила митрополита Серафима, чтобы онъ удалилъ молчальницу изъ монастыря, такъ какъ изъ за нея въ монастырь стекается много народу и этимъ нарушается монастырскій покой. Престарѣлый митрополитъ даже привскочилъ на крестѣ и возбужденно высказалъ такую таинственную фразу: „Ахъ ты, дура баба! Да насъ скорѣе съ тобой выгонять, чѣмъ ее; и вспоминать объ этомъ не смѣй“, см. Русскій Архивъ 1881 г. Записки гр. М. В. Толстого, стр. 134—136).

Игуменѣ подражали и сестры. Такъ первая келейница Вѣры Александровны Маріамна, сама страдавшая припадками падучей болѣзни (по словамъ сестеръ, порченная), такъ неуважительно относилась къ Вѣрѣ Александровнѣ, что не стѣснялась во всеуслышаніе поносить ее. Обидившись изъ за чего-то на Вѣру Александровну, она вслухъ бранила ее и говорила: „Охъ затворница-притворница“. По словамъ сестеръ, Маріамна тутъ же была и наказана: не отошла и 30 шаговъ отъ келіи Вѣры Александровны, какъ оступилась, упала и свихнула себѣ ногу. Вѣра Александровна, сама слышавшая, какъ ее бранила Маріамна, по своему незлобію, поспѣшила къ ней на помощь и весьма часто посѣщала ее въ болѣзни. Вмѣсто Маріамны для услугъ Вѣрѣ Александровнѣ

*) Указъ Новгородской Духовной Консисторіи отъ 10 Апрѣля 1841 г. за № 2139.

была назначена другая келейница Амфилохія († 1901 г.) бывшая дворовая графини Орловой. Амфилохія была глуха, и при разговорѣ съ ней приходилось кричать безъ особенной надежды быть услышану, чѣмъ была довольна, какъ кажется, и Вѣра Александровна. Можно предполагать, что графиня Орлова знала тайну Вѣры Александровны. Чтобы лучше сохранить ее, она нарочно назначила Вѣрѣ Александровнѣ глухую келейницу въ полной увѣренности, что та ничего не услышитъ, если бы Вѣра Александровна въ бреду или забывчивости сказала что нибудь такое, что способствовало-бы открытію ея тайны.

Въ Сырковѣ Вѣра Александровна вела аскетическій образъ жизни. Первые три дня недѣли проводила въ строгомъ затворѣ, никуда не выходя и никого не принимая; даже келейница въ эти дни къ ней не входила, а приносимую разъ въ сутки пищу передавала черезъ окно. Пища ея была очень скудна. Изъ приносимой съ монастырской трапезы пищи большую часть она отдавала нищимъ, а если нищихъ не было, то птицамъ, которыя во множествѣ прилетали къ ея кельѣ; два раза въ сутки она выпивала по чашкѣ чаю съ просфорой. На рыбу и молоко она разрѣшала себѣ только въ дванадесятые праздники, и особенно строго проводила дни Великаго поста. На Страстной она принимала пищу только разъ, въ Великій Четвертокъ. Когда кончались дни затвора, Вѣра Александровна ходила въ церковь къ каждой службѣ и приходила почти раньше всѣхъ, особенно къ утрени; становилась всегда около порога и почти все время церковной службы простаивала на колѣняхъ. Въ первые года жизни въ Сырковѣ Вѣра Александровна причащалась во всѣ посты вмѣстѣ съ сестрами монастыря, а послѣднія 15 лѣтъ причащалась еженедѣльно каждую Субботу. Предъ причащеніемъ она исповѣдывалась своему духовнику по записочкамъ, которыя духовникъ ея, вышеупомянутый священникъ О. Іоаннъ Лебедевъ, по прочтеніи, сжигалъ на свѣчкѣ.

Въ дни свободные отъ затвора, Вѣра Александровна иногда отворяла двери своей келіи и для почитавшихъ ее посѣтителей. А посѣтителей было немало, какъ изъ простаго народа, такъ и изъ грамотныхъ и даже знатныхъ людей. Большинство послѣднихъ поражалось убожествомъ ея обстановки. У нея въ келіи ничего не было лишняго; много было только иконъ, изъ которыхъ обращала на себя вниманіе икона Христа Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ. Въ ея келіи были: шкафъ съ книгами, столикъ, два стула, аналойчикъ, самоварчикъ, чайничекъ, чайная чашка, часы съ кукушкой и кровать, застланная войлочкомъ съ двумя полѣньями по бокамъ и съ двумя подушками, подъ которыми лежалъ зашитый въ холстъ кирпичъ. Вся эта обстановка перешла послѣ нея къ ея келейницѣ Амфилохіи а отъ нея къ Маріи Алексѣевнѣ, которая была келейницей Амфилохіи.

Посѣтителей Вѣра Александровна встрѣчала необыкновенно ласково и привѣтливо, кланяясь чуть не до земли каждому. Изъ числа ихъ нужно упомянуть о митрополитѣ Григоріи, который какъ только вошелъ въ церковь, тотъ же и спросилъ, гдѣ живетъ Вѣра Александровна. Въ 1860 году Вѣру

Александровну посѣтилъ графъ М. В. Толстой и долго съ ней бесѣдовалъ. Въ своихъ Запискахъ, въ „Русскомъ Архивѣ“ 1881 г., онъ удостовѣряетъ, что въ 1848 г. Вѣру Александровну удостоилъ своимъ посѣщеніемъ императоръ Николай I-й. По словамъ графа, Государь долго бесѣдовалъ съ Вѣрой Александровной, при чемъ Вѣра Александровна, въ отвѣтъ на вопросы Императора, исписала нѣсколько листовъ бумаги, которые Государь потомъ сжегъ на лампадкѣ. Прощаясь съ молчальницей, Государь поцѣловалъ у нея руку. Объ этомъ посѣщеніи молчальницы точныхъ свѣдѣній среди сестеръ Сырковской обители не сохранилось. Ея бывшая келейница по этому вопросу положительнаго тоже сказать ничего не могла; рассказывала только, что послѣ посѣщенія Вѣры Александровны однимъ военнымъ, подвижника долго волновалась и что-то говорила, но разслышать этого Амфилохія не могла по своей глухотѣ. За то другая монахиня, Павла († 1902 г.) рассказывала (мнѣ), что Вѣра Александровна, придя однажды въ церковь, словно помѣшанная, говорила: „Ахъ, какой у меня сегодня гость-то былъ! Какія у него эполеты; такихъ въ Россіи никто больше не можетъ носить!“ Много таинственнаго говорила въ это время Вѣра Александровна, но слова ея считали бредомъ больной.

Большинство посѣтителей обращалось къ Вѣрѣ Александровнѣ съ просьбою помолиться о нихъ или о близкихъ имъ лицахъ, и Вѣра Александровна тотъ-часъ же исполняла эту просьбу, взаимно прося помолиться за нее. Иные просили у ней совѣта, утѣшенія въ скорби; такимъ просителямъ она обыкновенно предлагала открыть Евангеліе, а нерѣдко и сама открывала. И случалось всегда такъ, что открытое мѣсто соотвѣтствовало духу или состоянію просителя. Священникъ Лебедевъ, рано овдовѣвъ, сильно скорбѣлъ. Однажды, отслуживъ литургію, онъ зашелъ на могилу своей жены и горько плакалъ. Когда онъ всталъ съ могилы, то увидѣлъ, что близъ него стоитъ молчальница. Отецъ Іоаннъ попросилъ ее, чтобы она помолилась за него. Вѣра Александровна знаками показала, что она за него молится. Съ той поры скорбь о. Іоанна стала не такъ сильна, о чемъ онъ былъ наканунѣ предупрежденъ соннымъ видѣніемъ, когда ему было сказано, что онъ скоро будетъ утѣшенъ.

Одна полковница привезла въ Сырковъ своего четырехъ-лѣтняго сына и просила Вѣру Александровну помолиться о его выздоровленіи. Вѣра Александровна, помолившись Богу, сложила руки крестообразно и потомъ, смотря на мальчика, показала на небо, предвозвѣщая этимъ, что мальчикъ умретъ. И мальчикъ дѣйствительно черезъ мѣсяцъ умеръ. Нѣчто подобное произошло и въ другой разъ. Одна придворная привезла своего сына и просила Вѣру Александровну помолиться о немъ. Вѣра Александровна взяла малютку на руки, потомъ, горячо помолившись, положила его предъ образомъ Христа Спасителя и написала на бумажкѣ: „счастливъ ты, Саша“. Мальчикъ тоже вскорѣ умеръ.

Эти и подобные имъ случаи убѣждали всѣхъ, что Вѣра Александровна имѣетъ даръ прозорливости. Однажды она пригласила въ свою келію трехъ проживавшихъ въ монастырѣ дѣвочекъ: Сашу Туманову, Стѣшу Оедорову и Машу Иванову. Каждую изъ нихъ она одѣла особеннымъ образомъ. Стѣшу

Оедорову онъ убрала цѣптами, и та вскорѣ умерла, Сашѣ Тумановой одѣла бѣлую повязку, и та, придя въ возрастъ, не осталась жить въ монастырѣ, а вышла замужъ; Машу Иванову она опоясала ремнемъ; эта долго прожила въ обители и испытала много скорбей и болѣзней. Ей же въ другой разъ Вѣра Александровна подарила образокъ пр. Ефрема Переяславскаго неоконченнаго письма. Монахиня Павла, у которой проживала эта Маша Иванова, долго не могла понять смысла такого подарка. Впоследствии оказалось, что подаркомъ образа неоконченнаго письма Вѣра Александровна предугазывала на то, что получившая подарокъ, хотя и будетъ учиться живописи, но не доучится, что и случилось изъ за болѣзни глазъ.

Свою смерть Вѣра Александровна тоже предвидѣла. За двѣ до нея недѣли, именно въ Страстную Субботу 22 Апрѣля 1861 г., на исповѣдной записочкѣ на оборотѣ она написала: „Батюшка, помолитесь Господу о помилованіи души моей; конецъ мой близокъ, и дніе мои изочтени суть“. Въ Четвергъ на Св. Недѣлѣ она послѣдній разъ выходила изъ монастыря и долго смотрѣла въ стороны мѣстъ своего заключенія—Колмово и тюрьмы, потомъ, какъ бы прощаясь, поклонилась и пошла къ восточнымъ воротамъ. Здѣсь она долго сидѣла, любуясь видомъ Хутынскаго монастыря, тогда не загороженнаго (постройками) деревни.

Возвратившись въ монастырь, Вѣра Александровна сорвала нѣсколько прутьиковъ, положила ихъ на землю, а затѣмъ, скрестивъ руки, знаками показала, что желаетъ быть погребенной на этомъ мѣстѣ. По возвращеніи въ келію Вѣра Александровна почувствовала упадокъ силъ и въ Субботу на Пасхѣ причащалась уже въ своей келіи. Въ Оумино Воскресеніе, 30 Апрѣля, она пожелала собороваться, о чемъ и написала игуменіи Ангелинѣ. Въ письмѣ она между прочимъ просить, чтобы при соборованіи было какъ можно меньше народу, такъ какъ при народѣ ей тяжело, и она настолько слаба, что даже буквы ставить не тѣ. 5 Мая въ Пятницу она снова приобщалась, но такъ была слаба, что не могла написать своей исповѣди на записочкѣ и за нее по книжкѣ монашеской исповѣди читала грѣхи одна изъ сестеръ обители. Постѣ исповѣди келейница просила священника приобщить больную и завтра. Священникъ согласился. Во время этого разговора, происходившаго въ другой комнатѣ, Вѣра Александровна, собравъ послѣднія силы, вышла къ нимъ и знаками показала, что завтра она скончается. Къ вечеру она совершенно ослабѣла. Въ полночь твердымъ голосомъ произнесла: „Господи, спаси мя грѣшную“, а затѣмъ забылась.

Въ два часа пополудни она снова начала произносить молитву: „Господи...“ но докончить уже не могла. Въ 4 часа утра надъ ней прочитана отходная, но еще долго жизнь боролась со смертію. До 6 часовъ вечера Вѣра Александровна издавала тяжелые вздохи. Наконецъ въ 6 часовъ вечера 6 Мая 1861 г. на лицѣ молчальницы появилась улыбка, раздался послѣдній вздохъ, и ея не стало... При обтираніи тѣла почившей на ней оказался небольшой холщевый корсетикъ, въ которомъ противъ сердца были вшиты двѣ записочки,

изъ нихъ на одной была молитва Спасителю о помилованіи души, а другую за ветхостью не было возможности разобрать. Думаютъ, что въ этой послѣдней записочкѣ и скрывалась тайна Вѣры Александровны. Во всякомъ случаѣ до послѣдняго времени тайна происхожденія Вѣры Александровны рѣшалась только гадательно. Видѣли въ Вѣрѣ Александровнѣ то побочную дочь императора Александра I-го, то Великую Княгиню Анну Ѳеодоровну, супругу Константина Павловича, то побочную дочь Павла I-го. Послѣднюю догадку сдѣлалъ графъ М. В. Толстой еще въ 1860 г., когда онъ посѣтилъ Вѣру Александровну.

Существуетъ, наконецъ, легенда, по которой подъ именемъ Вѣры Александровны скрывалась императрица Елисавета Алексѣевна. Опровергая эту легенду, Е. Шумигорскій въ своей рецензіи на сочиненіе Великаго Князя Николая Михайловича: „Императрица Елисавета Алексѣевна, супруга Императора Александра I-го“, категорически заявляетъ, что Вѣра Александровна не Елисавета Алексѣевна. „Что касается до молчальницы Вѣры въ Новгородскомъ Сырковомъ монастырѣ“, говоритъ онъ, „то ея имя уже извѣстно: это была Вѣра Александровна Буткевичъ, дочь генералъ-майора Павловскихъ временъ, шефа Бѣлозерскаго пѣхотнаго полка“. (См. „Новое Время“. № 11840, приложеніе). Но вѣдь одно категорическое утвержденіе ничего не доказываетъ, а доказательствъ Шумигорскій никакихъ не приводитъ. Между тѣмъ есть много данныхъ въ пользу этой легенды, но главное это записки, оставшіяся отъ Вѣры Александровны. На основаніи однихъ записокъ можно легко догадаться, кто была Вѣра Александровна. Прежде всего видно, что Вѣра Александровна была всесторонне образована, знала живопись; почеркъ показываетъ, что она была нерусскаго происхожденія. Самая орфографія доказываетъ, что Русскій языкъ не былъ природнымъ ея языкомъ, потому что Вѣра Александровна допускаетъ при письмѣ такія орфографическія ошибки, которыхъ не можетъ допустить природный Русскій, даже малообразованный, человѣкъ. Вотъ образчикъ ея письма: „съ былося здѣсь Писаніе гълаголюще бѣды отъ разъбойникъ, бѣды отъ сроднікъ. бѣды отъ языкъ... беды въ рѣкахъ. беды въ пустыни: бѣды въ мори.—бѣды во лѣ ижѣ братіи“.. (См. запис. № 1).

Далѣе изъ записокъ Вѣры Александровны видно, что ее преслѣдовали и преслѣдовали сильно; преслѣдовали при томъ близкіе люди; преслѣдованіе доходило до того, что она должна была скрываться. Чтобы избавиться отъ преслѣдованія, она должна была распространить слухъ о своей смерти. „Чудеса являеши“, говорится въ одной изъ ея записокъ, „съ мертвыми во гробъ мя вселяеши“. Заслуживаетъ при этомъ вниманія самый способъ писанія этой записки. При поверхностномъ взглядѣ ее трудно и прочесть, такъ-какъ ее слѣдуетъ читать не съ начала, а со середины. (См. запис. № 2).

Будучи преслѣдуема и гонима, въ своихъ запискахъ она съ одной стороны высказываетъ сильное негодованіе съ отгнкомъ презрѣнія ко всѣмъ гонителямъ, а съ другой въ этихъ же запискахъ проглядываютъ глубокія симпатіи къ гонимымъ и преслѣдуемымъ.

Такъ въ запискѣ, касающейся пророка Іліи, Вѣра Александровна выражается такъ: „Ідоломъ служащая Іезавель—: царица—: Ісполнися ярости І гнѣва: І иѣкаше пророка Божія убити—: І убояся Ілія святой смерти: яко человекъ—: немощи подлѣжащій—: по писанному—: Ілія человекъ бѣ подобострастенъ намъ.. І бѣжа отъ страха—: Іезавелина—: бѣжа во ину землю—: І идѣ въ пустыню единъ—: шѣдъ же Въ пустыни День—. сѣдѣ почити подѣ смерчемъ. Печаленъ же сый—. Проси отъ Бога смѣрти сѣбе—:.

На верху записки три раза, по бокамъ и въ центрѣ, написана буква А. Въ другой запискѣ, касающейся Іуды предателя, говорится: „О, лѣснаго лобзанія! радуйся, учителю! Христу Іуда глаголетъ; и вкупѣ съ словомъ предаетъ на заколеніе“. (Запис. № 3-й). Центральное мѣсто въ этой запискѣ занимаетъ буква А, какъ нужно думать, начальная имени—Александръ. Въ подобной же запискѣ, касающейся тоже Іуды-предателя, негодованіе и презрѣніе выражается еще сильнѣе. „О, лукавый Іудо! Како въ цѣлованіи устъ и въ мирномъ языкѣ сокрылъ ты лести! Умыслилъ ты, презлбный, имѣніе пріобрѣсть себѣ. Продавъ Милостиваго Господа. О, несытый предателю! Чтѣ ми хочите дати, и азъ вамъ предати Его. Како поворотися языкъ твой“. Замѣчательно, что послѣ этихъ словъ, обращенныхъ къ Іудѣ, въ запискахъ помѣщено слѣдующее сказаніе: „Свят. и вел. во О—. А—. моляся въ нощи ко Господу со слезами, да управитъ путь его на спасеніе—. И бысть къ нему гласъ глаголяй—. А: Бегай отъ человекъвъ и спасешися—. То слышавъ Ар.. облечеса абіе въ худыя одежды и изыде отъ палатъ цар.—. никомуже вѣдушу. Паки моляся ко Господу глаголя: Госп. настави мя како спастися—. Паки бысть гласъ свыше къ нему глаго—. бегай отъ человекъвъ и безмолствуй и въ молчаніи буди—. се бо есть корѣнь бѣзгрешія—. Онъ же слышавъ сіе—. скоро воставъ—. отъидѣ далѣе на безмолвное место пустыни—. И келію малу себѣ устроивъ живяшѣ въ ней единъ—. И тщашеся всячески соблюсти молчаніе“.

Между записками находится много монограммъ. На монограммахъ фигурируютъ буквы А, П и Е въ разныхъ сочетаніяхъ: то стоитъ одна буква А, то въ сочетаніи съ буквою П, при чемъ буква А предшествуетъ П; сохранилось двѣ монограммы изъ буквъ Е и А. При внимательномъ изученіи этихъ монограммъ, я убѣдился, что это инициалы императора Александра Павловича (А. П.) и его супруги Елисаветы Алексѣевны (Е. А.) (См. монограммы №№ 1-й, 2-й, 3-й и 4-й).

На монограммѣ № 1 видны буквы А и П, очерченныя Славянскою буквою О, при чемъ буква О написана въ противоположномъ направленіи. Повернувъ соотвѣствующимъ образомъ монограмму, легко замѣтить, что буква П измѣнилась въ букву Ц, а буква А при такомъ положеніи имѣетъ подобіе мягкаго знака (І); надъ буквами титло; вся монограмма означаетъ: Александръ Павловичъ (А. П.) Царь. Что такое чтеніе правильно, доказывается монограммой № 2-й. На этой монограммѣ внизу виньетки подписано: мой еси ты и Богъ мой, а сбоку стоитъ особо буква А, какъ бы указывающая ключъ всей

монограммы. Слѣдовательно вся монограмма должна быть прочитана такъ: Александръ Павловичъ (А. П.) Царь мой еси ты и Богъ мой.

Таково же содержаніе и монограммы № 3-й. На противоположной сторонѣ этой монограммы изображенъ восьмиконечный крестъ, а кругомъ креста написано: „Господи Ісусѣ Христе Пресвятою Госпожѣю Девою Маріею Бого-родицѣю помилуй мя грѣш.“

На монограммѣ № 4-й видны буквы Е и А, инициалы Елисаветы Алексѣвны. Между Е и А стоитъ буква т, выходитъ *Е т А*, сокращенное Елисавета. Непонятной кажется внизу подпись *Н Н О* (нно). Вглядываясь внимательно въ начертаніе монограммы, легко замѣтить, что послѣ буквы т стоитъ подобіе Греческой ρ (р) , далѣе А, а внизу нно. Принимая первую букву за С, а не за Е, къ чему даетъ намъ поводъ монограмма № 5-й, гдѣ вмѣсто Е стоитъ С, получаемъ слово: „Странно“. Въ свою очередь записочка № 6 даетъ какъ бы ключъ къ правильному чтенію №№ 4 и 5. Въ этой записочкѣ передъ первой буквой, похожей по своему начертанію на первыя буквы въ монограммахъ №№ 4 и 5-й поставлено карандашемъ Е, чѣмъ указывается, что это не С, а Е. Монограмму № 6 я читаю: Ета, сокращенное Елисавета хоть допустимо и просто *естъ*. Множество монограммъ съ инициалами Александра Павловича Царя даютъ право заключать, что для Вѣры Александровны Александръ Павловичъ былъ очень близокъ; о томъ же говорить и то стараніе, съ какимъ писаны эти монограммы. Нерѣдко къ этимъ монограммамъ присоединяются подписи: Царь (Отецъ) и Богъ мой еси ты. Все это говорить о горячей любви писавшей къ Александру Павловичу.

Кто же была эта особа, такъ пламенно любившая императора Александра Павловича? По всей вѣроятности такой особой могла быть только супруга императора Александра Павловича, императрица Елисавета Алексѣвна и болѣе никто другой. Правда, въ началѣ супружеской жизни Александръ и Елисавета не были особенно привязаны другъ къ другу, благодаря молодости и непостоянству Александра; но въ послѣдній годъ жизни императоръ сдѣлался заботливымъ супругомъ и другомъ Елисаветы Алексѣвны до такой степени, что придворные называли ихъ молодоженами. А вѣдь записки-то и появились уже послѣ этого сближенія, когда Елисавета Алексѣвна подъ именемъ Вѣры Александровны проживала въ Сырковомъ монастырѣ. Этимъ же объясняется присутствіе среди записокъ монограммъ съ инициалами Е. А. А что эти инициалы относятся къ писавшей, доказывается тѣми таинственными рѣчами, которыя Вѣра Александровна говорила во время болѣзни, о чемъ было упомянуто выше. Слышавшіе эти рѣчи не могли никакъ уразумѣть, что онѣ означаютъ. Такъ монахини Павла и Аполлинарія рассказывали, что во время этой болѣзни Вѣра Александровна какъ бы спрашивала окружающихъ: „вы думаете меня зовутъ Вѣрой? Нѣтъ, я не Вѣра, а Лиза“. Вспоминала о придворной жизни и одну изъ монахинь, именно Капитолину, когда та къ ней пришла, признала за Великую Княгиню Елену Павловну и такъ ее и привѣтствовала. Какъ все это напоминаетъ легенду или лучше подтверждаетъ, что ни Александръ Бла-

гословенный, ни его супруга въ указываемое исторіей время не умерли, а, какъ говорить легенда, скрылись: императоръ—изъ Таганрога, а Елисавета Алексѣвна—изъ Бѣлева.

Въ пользу признанія легенды за истину о томъ, что Александръ Благословенный въ Таганрогѣ не умеръ, а скрылся изъ Таганрога и долгое время подъ именемъ Ѳеодора Кузьмича подвизался въ Сибири, склонялся и историкъ царствованія Александра I-го Шильдеръ. Онъ самъ такъ рассказывалъ объ этомъ своимъ знакомымъ (между ними полковнику Селивачеву). „Когда я писалъ исторію царствованія Александра I-го, у меня появились сильныя головныя боли. Ложась спать и чувствуя сильную головную боль, послѣ тщетныхъ попытокъ на основаніи имѣвшихся данныхъ рѣшить вопросъ о томъ, кто былъ Ѳеодоръ Кузьмичъ, я прибѣгъ къ такому ненаучному способу рѣшенія занимавшаго меня вопроса: если Ѳеодоръ Кузьмичъ и Александръ I-й, одно и тоже лицо, то пусть, сказалъ я себѣ, Ѳеодоръ Кузьмичъ явится мнѣ и испѣлитъ меня отъ болѣзни. Прошла ночь, настало утро; никто ко мнѣ не являлся, а боль продолжалась и была еще сильнѣе. Наступила другая ночь; снова ложась спать, я ни о чемъ уже не думалъ, но не успѣлъ закрыть глаза, слышу скрипнула дверь, а въ дверяхъ стоитъ Ѳеодоръ Кузьмичъ, какъ его я видѣлъ на портретахъ и говоритъ: Александръ и я одно и тоже. Я вскочилъ съ постели, но въ комнатѣ никого уже не было. Головной боли какъ не бывало“.

Если Александръ Благословенный въ Таганрогѣ не умеръ (а въ пользу этого говорить многое), то и Елисавета Алексѣвна въ Бѣлевѣ не умерла, а тоже скрылась. По разсказу протоіерея Донецкаго, ключаря Томскаго кафедральнаго собора, императрица Елисавета Алексѣвна проѣздомъ изъ Таганрога въ Петербургъ рѣшила остановиться въ Бѣлевѣ (родинѣ протоіерея Донецкаго) въ домѣ одной помѣщицы. Помѣщица приготовилась достойно встрѣтить императрицу. Въ 10 часовъ вечера приѣхало нѣсколько каретъ; изъ одной вышла Императрица. Хозяйка поспѣшила помочь Государынѣ взойти на лѣстницу. Когда Государыня вошла въ залъ, то закрыла глаза руками и сказала: „свѣту слишкомъ много“. Всѣ огни были потушены; оставлены были только двѣ свѣчи. На предложеніе хозяйки, не пожелаетъ-ли Государыня чаю или кофе, послѣдняя отвѣчала: „Ничего я не хочу. Я страшно утомилась, мнѣ нуженъ покой“. Государыня удалилась въ отведенные ей покои, а хозяйка въ другой половинѣ дома, не раздѣваясь прилегла на диванъ. Въ 12 часовъ ночи поднялась тревога въ домѣ, и помѣщицѣ сказали: „Государыня скончалась“. Пораженная хозяйка поспѣшила въ залъ, гдѣ лежала почившая; желая попрощаться, она подошла для цѣлованія руки почившей и еще болѣе была поражена: волосы почившей не были похожи на волосы Государыни, такъ какъ при встрѣчѣ помѣщица замѣтила, что Государыня была блондинка, а на столѣ лежала брюнетка. На эту мнимую смерть въ Бѣлевѣ есть указанія и въ запискахъ Сырковской подвижницы. Въ одной изъ записокъ, которую я уже приводилъ, говорится: „Чудеса являеши, съ мертвыми во гробъ мя вселяеши“.

На нѣсколькихъ запискахъ обозначена только дата исторической смерти *Май*. Елисавета Алексѣевна скончалась 4 Мая 1826 г. Такъ по крайней мѣрѣ говорить исторія.

Косвеннымъ подтвержденіемъ того, что Александръ I-й и Елисавета Алексѣевна еще живы были въ 40-хъ годахъ прошлаго столѣтія, можетъ служить помянникъ графини Анны Алексѣевны Орловой-Чесменской, приближенной ко двору императора Александра I-го. Въ этомъ синодикѣ или помянникѣ графиня не записала ни императора, ни императрицы, такъ какъ графиня, по всей вѣроятности, знала, что они были еще живы, а въ противномъ случаѣ она непремѣнно записала бы ихъ въ свой помянникъ, гдѣ у нея записаны императрица Екатерина II-я, митрополитъ Антоній, епископъ Иннокентій, архимандритъ Фотій, схимонахъ Парѣній, іеросхимонахъ Амфилохій, все люди близкіе и императору Александру I, и графинѣ.

Слѣдуетъ присоединить, что глазами и цвѣтомъ волосъ Вѣра Александровна была похожа на императрицу Елисавету Алексѣевну. По описанію современниковъ, какъ передаетъ Шильдеръ, Елисавета Алексѣевна имѣла большіе голубые глаза и волосы прелестнѣйшаго бѣлокураго цвѣта. Такіе же были глаза, какъ говорятъ монахини, и у Вѣры Александровны, и волосы, о которыхъ можно судить по хранящейся въ Сырковѣ пряди волосъ, отрѣзанныхъ у Вѣры Александровны послѣ смерти.

При рѣшеніи вопроса о томъ, кто была Вѣра Александровна заслуживаетъ вниманія еще то обстоятельство, что Вѣра Александровна предъ своею смертію сама указала мѣсто своего погребенія. А указанное ею мѣсто находится недалеко отъ могилы игуменіи Александры Шубиной, которая въ 1797 году была воспріемницей ея при присоединеніи къ православію.

Невольно при этомъ припоминается та таинственная фраза, которую отвѣтилъ митрополитъ Серафимъ на просьбу Сырковской игуменіи объ удаленіи Вѣры Александровны изъ обители: „Ахъ ты, дура баба! да насъ скорѣе съ тобой выгонять, чѣмъ ее, и думать объ этомъ не смѣй“, сказалъ тогда престарѣлый митрополитъ Серафимъ. Конфискація и уничтоженіе дневника императрицы Елисаветы Алексѣевны императоромъ Николаемъ I-мъ тоже слишкомъ знаменательны.

Новгородскаго Сыркова монастыря священникъ **Николай Грузинскій.**

Г. Новгородъ.

Сырковъ монастырь.

КЪ БІОГРАФІИ Н. Х. КЕТЧЕРА¹⁾.

12-го Октября 1886 года умеръ Николай Христофоровичъ Кетчеръ, одинъ изъ тѣхъ, кого историки литературы Русской называютъ „людьми 40-хъ годовъ“.

Извѣстна эпиграмма И. С. Тургенева на Кетчера:

„Вотъ еще свѣтило міра!
Кетчеръ другъ минувшихъ винъ;
Переперъ онъ намъ Шекспира
На языкъ родныхъ осинъ“²⁾.

Кетчеръ оставилъ по себѣ память, между прочимъ, садовода³⁾, громкаго хохотуна и отчужденнаго покровителя животныхъ. Благородныя свойства Кетчеровской души и весь его нравственный обликъ ярко представлены въ рѣчи, сказанной покойнымъ Б. Н. Чичеринымъ при погребеніи Н. Х. Кетчера на Московскомъ Пятницкомъ кладбищѣ. Эта рѣчь напечатана въ 12-й книжкѣ „Русскаго Архива“ 1886, при чемъ издатель старѣйшаго изъ нашихъ историческихъ ежемѣсячниковъ добавилъ: „Н. Х. Кетчеръ былъ достопамятнымъ явленіемъ Москвы и не умретъ въ ея преданіяхъ. Про него можно написать цѣлую книгу, полную любопытныхъ эпизодовъ нашей общественной, умственной и литературной жизни“. До сихъ поръ, однако, не написана не только книга о Кетчерѣ, но и обстоятельная біографія его.

Въ архивѣ Московской Городской Управы сохранились „Журналы Попечительнаго Совѣта“ 1833 года.

Въ одномъ изъ нихъ, подъ № 2, по частному собранію, отъ 14-го Іюля 1833 г. читаемъ:

¹⁾ Читатели припомнятъ прекрасную статью о немъ А. В. Станкевича въ „Р. Арх.“ 1887 года (I, 336). П. Б.

²⁾ Кетчеръ перевелъ прозою всего Шекспира, а Солдатенковъ издалъ его переводъ въ 9 частяхъ. Кетчеровскій Шекспиръ выдержалъ два изданія, и наши трагики доселѣ не пренебрегаютъ Кетчеровскимъ „основнымъ“ языкомъ. Кетчеръ переводилъ также изъ Шиллера, Кернера, Э. Гофмана и Ф. Кулера.

³⁾ Кетчеръ сотрудничалъ въ „Журналѣ Садоводства“, издававшемся въ Москвѣ 1838—1877 (не выходилъ въ 1860). Журналъ принадлежалъ Россійскому Обществу любителей садоводства.

„Слушали предложеніе его сіятельства Московскаго военнаго генераль-губернатора*), при которомъ препровождаетъ на разсмотрѣніе Совѣта прошеніе находящагося при заведеніяхъ Московскаго Приказа Общественнаго Призрѣнія медико-хирурга Бѣлявскаго и просительное письмо удостоиваемаго Императорскимъ Московскимъ Университетомъ званія лѣкаря 1-го отдѣленія Кетчера объ опредѣленіи его на мѣсто Бѣлявскаго, и свидѣтельство помощника попечителя Московскаго Учебнаго Округа въ томъ, что онъ Кетчеръ дѣйствительно удостоивается званія лѣкаря 1-го отдѣленія“.

Въ поясненіе приведенной журнальной выписки надо сказать, что въ 1833 г. старшій врачъ при заведеніяхъ Московскаго Приказа Общественнаго Призрѣнія Бѣлявскій уходилъ въ отставку, и молодой врачъ Н. Х. Кетчеръ (род. 1806) желалъ замѣстить его въ качествѣ старшаго врача при Екатерининской богадѣльнѣ.

Князь Д. В. Голицынъ, повидимому, ничего не имѣлъ противъ желанія Кетчера; но, по высочайше утвержденному положенію, избраніе старшихъ чиновниковъ зависѣло отъ попечителей богоугодныхъ заведеній. У Кетчера нашелся соперникъ въ лицѣ медико-хирурга Ушакова съ большими заслугами и врачебнымъ опытомъ, и его-то опредѣлили старшимъ въ Екатерининскую богадѣльню, а Кетчеръ получилъ въ ней мѣсто младшаго врача (съ 1 Августа 1833) съ жалованьемъ по 400 рублей въ годъ.

Кажется, по службѣ Кетчеръ въ это время не преуспѣвалъ; по крайней мѣрѣ, этотъ достопамятный „человѣкъ 40-хъ годовъ“ отсутствуетъ въ спискахъ награждавшихся чиновниковъ Приказа Общественнаго Призрѣнія, не исключая и Ушакова.

Подобно прочимъ врачамъ того времени, Н. Х. Кетчеръ, состоя на службѣ въ Приказѣ, лечилъ и внутреннія болѣзни, и душевно-больныхъ, былъ и хирургомъ.

(Сообщилъ Павелъ Россіевъ).

*) Князь Д. В. Голицынъ.

ВОСПОМИНАНІЯ Е. И. СЪДКОВА.

Въ теченіе почти полувѣка „Русскій Архивъ“ представилъ довольно любопытныхъ воспоминаній, оставленныхъ болѣе или менѣе замѣчательными отечественными дѣятелями. Евсеій Ивановичъ Сѣдковъ, чьи воспоминанія ниже слѣдуютъ, не принадлежалъ къ замѣчательнымъ людямъ; но это былъ честный слуга царю и отечеству, а еще „дѣдушка-Крыловъ“ замѣтилъ: „сколь и тотъ почтенъ, кто, въ низости сокрытый,

За всѣ труды, за весь потерянный покой,
Ни славою, ни почестями не льстится,
И мыслью оживленъ одной,
Что къ пользѣ общей онъ трудится“.

Такимъ образомъ, безхитростныя воспоминанія трудолюбивыхъ пчелъ также любопытны, назидательны и цѣнны, какъ и воспоминанія высоко парившихъ орловъ.

Фамилія Сѣдковыхъ и нынѣ существуетъ въ южной Россіи; родоначальникъ ихъ былъ основателемъ села Лукнова, въ 12 верстахъ отъ заштатнаго городка Корѣна (Черниговской губ.). Казакъ, онъ *сталъ* первый на Лукновскую землю и сталъ зваться Сѣдко (Сѣдко). Потомки казака выслужили дворянство, и къ ихъ фамиліи-прозвищу *Сѣдко* прибавилось: въ, такъ что явилась фамилія *Сѣдковъ*.

Прапрадѣдъ Е. И. Сѣдкова, Василій, служилъ при Петрѣ В. Коропскимъ сотеннымъ атаманомъ, выступалъ противъ Карла XII и содержался 15 лѣтъ въ Шведской неволѣ. По возвращеніи изъ плѣна онъ былъ награжденъ щедро государемъ, пожалованъ потомственно дворянской грамотою; царь возвратилъ Василю Сѣдкову и утраченное было состояніе, старый казакъ доживалъ вѣкъ „въ мирномъ уловольствіи“; по смерти Василя Сѣдкова благополучіе его фамиліи не прекращалось, пока Сѣдковы жили въ тѣсномъ единеніи, составляя „единый кругъ“; но благополучіе рушилось съ возникновеніемъ семейныхъ раздоровъ.

Евсѣй Ивановичъ Сѣдковъ родился уже въ раззоренной семьѣ. Нѣжной матери онъ лишился въ раннемъ дѣтствѣ, а вскорѣ и отца, равнодушнаго къ заботамъ о семьѣ; родственники холодно отнеслись къ сиротѣ, который, по-

этому, поступилъ на „попеченіе“ пьяницы-дьячка при Троицкой церкви въ Королѣ; дьячокъ былъ первымъ его учителемъ, онъ же посылалъ малолѣтняго Сѣдкова просить Христа-ради и нещадно билъ мальчика, если тому не удавалось собрать грошей на дьячковское похмѣлье.

Послѣ мытарствъ у дьячка, Е. И. Сѣдковъ прожилъ нѣсколько времени у родственниковъ, одинъ изъ коихъ, И. П. Довгело, обратилъ вниманіе на Евсѣя и брата его Семена Сѣдковыхъ и подумалъ объ ихъ образованіи.

Отсюда начинается печатаніе Сѣдковскихъ воспоминаній. Годы пребыванія Е. И. Сѣдкова въ Черниговскомъ „Домѣ воспитанія благороднаго юношества“ и въ Петербургскомъ Дворянскомъ полку—это живыя картинки стараго быта, вмѣстѣ съ которымъ воскресаютъ передъ читателемъ благородные образы великодушныхъ людей (Френздорфа, Стороженка, Фон-Боля) или стараго гусарскаго ротмистра (Павлова), умѣвшаго лихо воевать и кротко угасать въ нуждѣ.

П. Р.

I.

Черниговскій домъ воспитанія благороднаго юношества.

Черезъ годъ послѣ переменъ моего злополучія, дальній родственникъ мой нѣкто Иванъ Петровичъ Довгеля, вдохновеніемъ Всемоущаго, обратилъ свое вниманіе на несчастныхъ сиротъ, брошенныхъ въ пыли ничтожества. Онъ, по великодушію своему, изъ одного состраданія къ человѣчеству, не будучи связанъ близкимъ родствомъ, принялъ намѣреніе извлечь изъ ничтожества дѣтей несчастья и привести ихъ на степень извѣстности. Содѣланное этимъ добродушнымъ человѣкомъ благодѣяніе осталось запечатлѣннымъ въ сердцахъ сиротъ до самаго гроба. Этотъ благодѣтель, взявъ меня и брата моего Семена, находившагося до этого времени у секретаря Земскаго Суда, (проживая у него, ходилъ въ канцелярію и занимался письмомъ) представилъ насъ дворянскому сословію. Двѣнадцать человѣкъ почетныхъ дворянъ подписали свидѣтельство въ томъ, что мы дѣйствительно дворянскаго происхожденія, по причинѣ сиротства и крайней бѣдности, не можемъ дать себѣ приличнаго воспитанія въ наукахъ. Съ этимъ свидѣтельствомъ отправились мы подъ руководствомъ нашего благодѣтеля къ уѣздному предводителю дворянства и по прибытіи къ нему остановились въ его канцеляріи съ тѣмъ, чтобы на слѣдующій день явиться къ предводителю, въ это время бывшему, тогда Семену Ивановичу Забѣлѣ.

Мы пали къ стопамъ вельможи, прося отъ него покровительства и защиты въ бѣдномъ нашемъ положеніи; господинъ Забѣла принялъ насъ очень ласково. Онъ былъ человѣкъ съ отличными качествами,

становившими его на ряду извѣстныхъ вельможъ. Онъ подлинно за-служивалъ занимаемаго имъ мѣста своимъ безкорыстіемъ и всегдашнюю готовностію помогать бѣднымъ. Забѣла въ доброй душѣ своей являлъ себя отцомъ угнетенныхъ, вдовъ и сиротъ. Просимое нами свидѣтельство тотчасъ было намъ выдано безъ замедленія, и мы отправились въ обратный путь, благословляя имя нашихъ благодѣтелей.

Прибывъ къ нашей теткѣ, я и братъ остались въ ея домѣ, а благодѣтель нашъ отправился къ себѣ въ домъ въ с. Кирильское, отстоящее отъ Лукнова въ 10-ти верстахъ. Господинъ Довкгеля долженъ былъ приготовить бумаги для опредѣленія меня и брата на казенное воспитаніе въ губернскомъ городѣ Черниговѣ. Въ то время наступала суровая зима, потому нужно было приготовить теплую одежду; проданное мѣсто въ городѣ Коропѣ, принадлежавшее намъ по наслѣдству отъ матери, снабдило насъ теплою одеждою и деньгами до восьми рублей ассигнаціями. Наконецъ я и братъ собравшись прибыли къ г. Довкгелю на нанятыхъ лошадяхъ до г. Чернигова; мы были одни безъ руководителя съ однимъ только извозчикомъ. Долго благодѣтель нашъ не рѣшался отправить насъ однихъ, самому же ему препятствовали домашнія его обстоятельства; но наконецъ рѣшился, отправилъ въ путь въ г. Черниговъ, съ благословеніемъ Божиимъ, снабдивъ нужными наставленіями и потребными бумагами, для опредѣленія въ домъ воспитанія благороднаго юношества. Я былъ тогда восьми, а братъ десяти лѣтъ. Мы ѣхали въ губернской городъ опредѣлиться въ училище, будучи мало возрастныя дѣти безъ всякаго руководителя. Такимъ образомъ само провидѣніе бдительно пеклось о несчастныхъ сиротахъ, и десница Всемогущаго указывала надлежащій путь...

По трехдневномъ пути, въ городъ Черниговъ мы прибыли благополучно. Извозникъ нашъ, руководствуясь своимъ условіемъ доставить въ Черниговъ, пріѣхавши къ форштату, оставилъ насъ въ подлежащей корчмѣ, наполненной пьяными людьми; мы остались среди шума веселопьянаго народа. Экипажъ имущества нашего состоялъ: изъ связки съ необходимымъ бѣльемъ, въ которой хранилась сумма мѣдною монетою семь рублей. Всё это мы спрятали въ отдаленномъ углу печки, на которой и сами помѣстились; тутъ, считая себя въ безопасности, спокойно смотрѣли на пьяную толпу, изъ коей никто не обращалъ на насъ вниманія. Долго сонъ не смыкалъ глазъ отъ чрезвычайнаго шума, но наконецъ природа взяла верхъ: мы предались сладкому сну, который одинъ только успокоиваетъ страждущаго. На другой день съ разсвѣтомъ дня пробудясь долго сидѣли на высотѣ Русской печи, разсуждая, какимъ образомъ къ чему приступить, и во всемъ видѣли какой-то неизвѣстный далекій путь.

Вышедши изъ корчмы, мы направили путь въ городъ, гдѣ по разспросамъ встрѣчающихся людей отыскали г. Христіановича, которому вручили имѣющееся письмо отъ нашего благодѣтеля. Христіановичъ принялъ насъ ласково и далъ необходимыя наставленія. Отъ него пошли мы къ бывшему тогда губернатору барону Френсдорфу. Здѣсь живетъ губернаторъ? спросилъ братъ мой стоявшаго у дверей дома часоваго. „Здѣсь“.... отвѣчалъ инвалидный солдатъ; „а что вы, паничи, имѣете къ господину губернатору? Подать хотите просьбу что-ли? Чтò же вы сами одни, будучи дѣтьми; вѣрно у васъ нѣтъ ни отца, ни матери....“—Мы сироты, у насъ никого нѣтъ, кромѣ родственниковъ, которые не хотѣли съ нами ѣхать сюда, отвѣчалъ братъ. Потомъ мы сѣли на бывшую тутъ лавочку по указанію часоваго. Добросердечный этотъ старикъ, коего наружные знаки показывали, что онъ видѣлъ свѣтъ, много испыталъ горя, не разъ глоталъ непріятельскія пули, коихъ безъ помощи медицинской кухни желудка его не могъ сваривать..., разспрося о нашемъ состояніи, принялъ въ насъ живое участіе, далъ наставленіе какъ поступить предъ губернаторомъ, какъ говорить, когда о чемъ спросить и наконецъ чѣмъ его отличить отъ другихъ особъ... Слова этого сѣдовласаго воина не изгладятся изъ памяти сиротъ, хотя, быть можетъ, смерть давно уже дала ему отставку, перечисливъ въ другой міръ, потому что онъ тогда, стоя съ ружьемъ, смотрѣлъ не на 15 или 16 шаговъ, какъ слѣдуетъ по военному артикулу, а только на такое растояніе, сколько нужно занять собою, когда ляжешь спать вѣчнымъ сномъ. Вотъ, паничи (говорилъ онъ) на десяти сраженьяхъ пришлось; тамъ наглотался столько непріятельскихъ орѣшковъ, что тапереча ни днемъ, ни ночью не даютъ мнѣ покою; ни одна дура-пуля не раздробила головы моей и не пролетѣла прямо въ сердце. Стало быть, не угодно было Богу, чтобы кости мои тлѣли въ непріятельской землѣ, а пришлось притащить ихъ на родную матушку. Шестидесятый годъ миновалъ уже на прошлое заговѣнье, трудно стало служить Царю Бѣлому, часъ отъ часу силы слабѣютъ. Что-то отставка моя медлитъ, а когда прочитають всемилостивѣйшій указъ, то на старости лѣтъ придется ради Христа просить дневнаго пропитанія. Старушонка моя также слаба стала. Четверо сыновей уже поставилъ на службу Царскую, Слава Те, Христу Небесному!... Прослужилъ я добрую термину; давно бы, казалось, давно пора въ чистую, да что-то за справками остановка; кажись, что, не сдавши амуниціи, придется на тотъ свѣтъ отправляться: тамъ всѣмъ равна будетъ служба, когда справка здѣшней жизни будетъ добрая, а не то придется и тамъ блины печь. Такъ намъ говаривалъ покойникъ фельдмаршалъ Суворовъ, дай Богъ Царство небесное и вѣчный покой!... То-то былъ начальникъ;

духъ радуется, какъ вспомнишь его. Бывало, когда идѣмъ походомъ по иностраннымъ землямъ, онъ блаженной памяти!“.....

Онъ еще хотѣлъ продолжать свой монологъ, но вдругъ отворилась дверь. Губернаторъ! Губернаторъ! закричали въ передней. Часовой тотчасъ вытянулся въ струнку... Изъ растворенныхъ дверей вышелъ вельможа, на лицѣ коего можно было прочесть доброту души, которая отличала его отъ прочихъ чиновниковъ его сопровождавшихъ; онъ въ нарядѣ отличался отъ другихъ двумя сіяющими звѣздами на черномъ фракѣ. По знаку часового глазами, я и братъ мой, съ прошеніемъ въ рукахъ, пали на колѣни предъ губернаторомъ, и сострадательный взоръ вельможи обратился къ поверженнымъ на колѣни малюткамъ. „Встаньте, дѣти! Чтѣ вамъ надобно?“ принимая изъ рукъ прошеніе, ласковымъ тономъ сказалъ губернаторъ; „о чемъ ваше прошеніе?“... Но, не получа никакого отвѣта, пробѣжавъ глазами содержаніе поданнаго прошенія, сказалъ: „А! вы сироты, желаете опредѣлиться на казенное воспитаніе въ домъ благороднаго юношества. Очень хорошо; придите завтра, получите резолюцію“... Подали карету, губернаторъ сѣлъ въ оную, карета помчалась со двора по дорогѣ къ губернскимъ присутственнымъ мѣстамъ, куда вѣроятно требовалъ его долгъ службы какъ главнаго правителя. „Завтра!... завтра!“ ворчалъ сквозь зубы часовой, пока губернаторъ сажился въ карету. „Охъ, паничи, я слыхалъ про это завтра; старики солдаты говорятъ: что судейское завтра длиннѣе солдатскаго ружья болѣе какъ во сто разъ. Но ничего, ступайте, паничи, на квартиру, и молитесь Богу. Этотъ губернаторъ не надо и отца роднаго. Продли его дни мать Пресвятая Богородица!... Что за любезная душа—ужъ сказать нельзя!“...

По отъѣздѣ губернатора, мы еще приняли нѣсколько уроковъ отъ добраго наставника инвалидной службы, потомъ ушли на нашу квартиру. Объяснивъ нашему хозяину о успѣхѣ начатаго дѣла, который съ жаднымъ любопытствомъ разспрашивалъ обо всемъ подробно, потомъ съ удивленіемъ сказалъ: „вишь ты, какъ Богъ умудряетъ птенцовъ; слава Те, Христу Небесному!“... Онъ совѣтовалъ не отставляя идти завтра къ губернатору. „Дѣло ваше губернаторъ велитъ тотъ часъ передать въ Приказъ общественнаго призрѣнія“ сказалъ намъ канцелярскій чиновникъ губернатора. Тогда мы обратились къ нашему знакомцу г. Христіановичу, который повелъ насъ въ Приказъ общественнаго призрѣнія, гдѣ по справкѣ оказалось, что дѣло передано на исполненіе губернскому предводителю дворянства. Христіановичъ разсказалъ намъ, гдѣ находится домъ предводителя и отпустилъ отъ себя отыскивать означенный домъ насъ однихъ. Мы поплелись съ такою мыслію, что можетъ быть и тамъ есть такой часовой какъ у губернатора, который также разскажетъ, чтѣ намъ должно дѣлать.

Въ то время губернской дворянской предводитель былъ Николай Михайловичъ Стороженко. Это былъ сильный покровитель несчастныхъ и другъ человѣчества; тысячи осчастливленныхъ имъ проливали слезы благодарности предъ престоломъ Бога, испрашивая благоденствія для его жизни. Сколько бѣдныхъ семействъ получили отъ него насущный кусокъ хлѣба, сколько бозпріютныхъ сиротъ имѣли у него пристанище, сколько печальныхъ вдовъ утѣшались его благотвореніями; однимъ словомъ, всякое сословіе находило въ Стороженкѣ покровителя, друга и отца!...

Входъ въ домъ губернскаго предводителя не былъ охраняемъ карауломъ. Мы вошли свободно; камердинеръ вѣжливо спросилъ: „что вамъ, господа, угодно?“... По объясненіи старшимъ моимъ братомъ о причинѣ нашего прихода камердинеръ сказалъ: „сей часъ доложу его превосходительству!“ Затѣмъ чрезъ нѣсколько минутъ, съ длинною трубкою въ рукахъ, катившеюся на колесахъ, вышелъ изъ сосѣдней комнаты предводитель; я и братъ мой пали къ ногамъ вышедшаго вельможи. „Встаньте, дѣти! что вамъ надобно?“ Братъ подалъ прошеніе, которое предводитель прочитавши, велѣлъ намъ идти домой и приходить завтра. Услышавши слово завтра, мы вспомнили объясненіе этого слова губернаторскаго часоваго и грустно пошли домой...

Пришло завтра, мы какъ свѣтъ явились къ благотворительному мужу, который не заставилъ долго ожидать себя; онъ вышелъ къ намъ въ утреннемъ халатѣ съ движущеюся на колесахъ трубкою. „Сердечно сожалѣю васъ, дѣтки, но никакъ не могу опредѣлить въ домъ воспитанія благороднаго юношества, по неимѣнію въ ономъ вакансіи; развѣ чрезъ мѣсяцъ времени; а до того вы ожидайте на вашей квартирѣ“. Услышавъ такую резолюцію, я и братъ мой, сдѣлавъ низкой поклонъ, ушли, повѣся головы, въ свое обиталище. Въ корчмѣ, по обыкновенію, куча разнаго сброда шумѣла съ утра до вечера; мы, взобравшись по-прежнему на высоту Русской печи, поглядывали внизъ, какъ молодые скворцы изъ гнѣзда, не говоря ни слова. Хозяинъ нашей квартиры былъ человѣкъ не глупый, Великороссійской породы, съ окладистою рыжею бородою. Онъ, имѣя натуральный зрѣлый разсудокъ, образовавшійся въ городскомъ быту, занимался раздробительною мелочною торговлею напитковъ. Узнавши состояніе нашего дѣла, ожидать мѣсяцъ, мудрый виноторговецъ вѣроятно испыталъ протяжную паузу судейскаго завтра! Съ тяжелымъ вздохомъ онъ сказалъ: „Охъ, паничи!... Русской мѣсяцъ дологъ, вамъ сказано ожидать мѣсяцъ, а вы будете ожидать десятокъ мѣсяцовъ. Деньжонокъ-то у васъ, чай, маловато на проживанье; худо вамъ будетъ, а вотъ мой совѣтъ: Николай Михайловичъ человѣкъ добрый, не сказать, какая честная добрая душа; пой-

дите вы къ нему и поклонитесь его милости, объявите, что вамъ не на что жить, то отеческое его сердце навѣрно о васъ позаботится“.

Поблагодаривъ винопродавца за поданный совѣтъ, мы на другой день вторично пошли въ домъ г. предводителя. Нѣсколько сказанныхъ словъ о нашей крайней бѣдности достаточны были къ тому, чтобы подвигнуть къ состраданію благодѣтеля сиротъ и призрѣть отеческимъ его попеченіемъ. Онъ тотчасъ велѣлъ позвать своего секретаря Еньку, которому поручилъ насъ въ смотрѣніе: велѣлъ на его счетъ нанять квартиру, которую приказалъ приготовить г. Енькѣ немедленно. По прибытіи нашемъ на квартиру, съ живѣйшимъ чувствомъ радости, мы рассказывали нашему хозяину о добромъ успѣхѣ нашей просьбы. „То-то, господа“, (сказалъ корчмарь) оно не напрасно сказано: дитя не плачетъ, то и мать не разумѣетъ; вамъ стоило только заикнуться, а отеческое сердце живо почувствовало вашу боль!“

Черезъ два дня я и братъ были приняты подъ благотворное крыло Николая Михайловича: нанята квартира, поручено за нами смотрѣть г. Енькѣ. Квартира была неподалеку отъ его дома, чтобы ему удобно было смотрѣть за нашимъ поведеніемъ и занятіями.

Хозяйка нанятой намъ квартиры была Гречанка, старуха лѣтъ шестидесяти. Она съ окулярами на носу приняла новыхъ ея питомцевъ ласково, съ материнскою расположенностію, общала доброе о насъ попеченіе. Увидѣвъ ее, мнѣ представился живо образъ покойницы моей прабабушки; потому я почувствовалъ къ ней особенное уваженіе. У Гречанки было около десятка постояльцевъ; они всѣ были духовнаго званія, учились въ классахъ семинаріи. Мы по дѣтскому нашему возрасту скоро подружились съ гг. семинаристами, потому что нѣкоторые были однихъ съ нами лѣтъ. По случаю тому, что я былъ меньше моего брата, я обратилъ на себя особенное вниманіе старухи; она въ короткое время полюбила меня какъ своего сына; я, съ моей стороны, также почиталъ ее какъ свою прабабушку, и по примѣру прочихъ ея постояльцевъ называлъ тѣтушкою. Каждое Воскресенье и праздникъ ходилъ вмѣстѣ съ хозяйкою въ церковь, носилъ ея книжку-молитвенникъ, по которой она молилась Богу. Во время продолженія литургіи набожная старушка всегда имѣла обращенный взоръ свой на слова Священнаго Писанія, изрѣдка иногда посматривала чрезъ окуляры на меня, замѣчала, ежели я не такъ поступалъ въ церкви, какъ должно. Всѣ называли ее Гречанкою-богомолкою.

Полутру рано хозяйка наша, вставши отъ сна. шла на рынокъ за покупкою съѣстныхъ припасовъ, откуда возвратясь, становилась предъ образами и, надѣвъ на Греческій свой носъ окуляры, читала въ слухъ молитвы утреннія, а служанки приготовлялись варить кушанье.

„Святый Боже, святый крѣпкій!... (потомъ оборотясь къ служанкѣ) Параско, за чѣмъ ведро съ водою тамъ поставила? Пресвятая Троице, помилуй насъ!.. Суча дочко, я кажу тебѣ, не оставляй тамъ ведро, буде текти на полъ...“ и прочее подобное. Слышавши такое моленіе хозяйки неоднократно, я одно время спросилъ ее: за чѣмъ вы, тетушка, читая молитвы, ругаете Параску... А сынку! отвѣчала старуха: ты слышишь, какъ читается въ святомъ Евангеліи: Воздадите убо Кесарева Кесареви, а Божіе Богови. Самъ Спаситель такъ повелѣлъ, всякому свое воздано быть должно. Получивши такой отвѣтъ, я не смѣлъ ей возражать, хотя мнѣ казалось что-то не такъ; но послѣ этого болѣе уже я не возражалъ ей въ ея понятіяхъ, въ которыхъ она предубѣждена была.

Я и братъ, по приказанію г. Еньки, ходили въ дворянское Депутатское Собраніе, гдѣ занимались писаньемъ, что продолжалось около семи мѣсяцовъ. Въ это время открылась одна ваканція въ Домъ воспитанія благороднаго юношества, и какъ я по возрасту моему требовалъ болѣе надзора, поэтому и былъ замѣщенъ на означенную вакансію. Братъ мой остался одинъ, на иждивеніи Николая Михайловича, подъ тѣмъ же надзоромъ.

Поступивши въ Домъ Воспитанія, я тотъ часъ преобразовался въ казенное платье, состоявшее изъ мундира съ панталонами темнозеленаго сукна, и началъ ходить въ классы уѣзднаго училища, къ начальнымъ наукамъ приступилъ безъ затрудненія и скоро понялъ; сколько прежде не было охоты, столько тутъ родилось старанія. Начальныя понятія Катихизиса и Ариѳметики, полученныя мною на лекціи, я объяснялъ часто посѣщавшему меня брату, который, спустя послѣ меня годъ, едва былъ опредѣленъ и, по выдержаніи экзамена, прямо поступилъ во второй классъ. Объясняемые мною понятія послужили ему въ пользу. Послѣ этого мы были оба вмѣстѣ въ одномъ классѣ, до самаго выхода изъ Воспитательнаго Дома.

Въ Домъ Воспитанія благороднаго юношества находилось пятьдесятъ человѣкъ на казенномъ иждивеніи, а пятнадцать человѣкъ на содержаніи князя Куракина*). Въ числѣ сихъ послѣднихъ состояли и мы съ братомъ. Кромѣ того до двадцати человѣкъ вольныхъ пансіонеровъ, съ платою за каждаго по двѣсти рублей ассигнаціями; все это состояло подъ начальствомъ смотрителя и двухъ его помощниковъ, подъ непосредственнымъ вліяніемъ Черниговскаго гражданскаго губернатора.

*) Это князь Алексѣй Борисовичъ, Малороссійскій генералъ-губернаторъ, родной прадѣдъ князя О. А. Куракина, стяжавшаго себѣ почетное имя въ Русской исторіографіи изданіемъ въ свѣтъ своего родового архива. П. Б.

Послѣдній, по добротѣ его души, всегда оказывалъ отеческое свое вниманіе къ сиротамъ, воспитываемымъ правительствомъ; онъ часто посѣщалъ Домъ Воспитанія, а въ большіе праздники приглашалъ всѣхъ къ своему столу, называя своими дѣтьми (надобно знать, что губернаторъ баронъ Френсдорфъ не былъ женатъ и не имѣлъ дѣтей).

Въ числѣ помощниковъ смотрителя былъ нѣкто Англичанинъ Кирило Ивановичъ Голинда, который ревностно старался о пользѣ казенныхъ питомцевъ. Онъ восхищался искренно, ежели кто изъ питомцевъ получалъ похвалу за хорошіе успѣхи въ наукахъ отъ своихъ наставниковъ.

Во время каникулъ, дѣти родителей или родственниковъ отправлялись по домамъ; но тѣ сироты, кои никого не имѣли, оставались на казенномъ содержаніи. Господинъ Голинда, желая праздное время обратить въ пользу, подохотилъ всѣхъ питомцевъ привести въ порядокъ находившійся позади дома садъ, опустошенный съ давняго времени, сказалъ, и въ двѣ недѣли все приняло другой видъ: явились алеи, цвѣтники, разнаго рода бесѣдки, дерновыя канѣпки; однимъ словомъ, дикая до того пустыня обратилась въ регулярно расположенный садъ, въ лучшемъ вкусѣ. Голинда умѣлъ это одинъ сдѣлать, чего другой не могъ бы потратить; онъ давалъ во всемъ собою примѣръ, а отъ того каждый, другъ передъ другомъ, старался соревновать ему, не замѣчая трудовъ и проливаемаго поту. За это позволялось купаться два раза въ день; больше награды не нужно было для дѣтей.

За таковыя понесенныя дѣтьми труды Кирило Ивановичъ поставился доставить выгодную награду, состоявшую въ слѣдующемъ. По окончаніи отдѣлки сада, губернаторъ въ назначенный день прибылъ; онъ съ отеческою любезностію шутилъ съ каждымъ и забавлялся рѣзвостію какого нибудь малютки, который, отобравъ отъ губернатора шляпу, надѣвалъ себѣ на голову: до такой вольности онъ позволялъ дѣтямъ рѣзвиться. При выходѣ изъ дому губернатора Голинда доложилъ его превосходительству, не угодно ли посмотрѣть садъ, дѣтскими трудами приведенный въ порядокъ. „Хорошо, очень желаю“, сказалъ губернаторъ и пошелъ въ садъ. „Какъ!... Неужели сами дѣти это сдѣлали? „Точно такъ“, отвѣчалъ съ низкимъ поклономъ Голинда. „Ай! да молодцы, хорошія дѣтушки, прекрасно; я покажу всѣмъ“. Въ слѣдующее Воскресеніе я у васъ обѣдаю, прощайте“... Потомъ губернаторъ сѣлъ въ коляску, исполненный совершеннаго удовольствія. Не менѣе того и дѣти приведены были въ радостный восторгъ отъ посѣщенія знаменитаго гостя, который столько остался доволенъ, что обѣщалъ пріѣхать обѣдать.

Всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали слѣдующаго Восресенья. Наканунѣ назначеннаго дня, явились къ намъ отъ губернатора повара, буфетчики, конфетчики и лакеи съ разною посудю, готовить къ обѣденному столу слѣдующаго дня. Дѣти со своей стороны также не дремали приготовленіемъ для встрѣчи, чтобы сдѣлать неожиданный сюрпризъ дорогому своему начальнику, поэтому цѣлую ночь напролетъ провели безъ сна, озабочены будучи счастливостію къ слѣдующему дню.

Наступилъ желанный день; ни одно облачко не омрачало свѣтлаго, чистаго небосклона, по которому величественно катилась свѣтозарная колесница Феба. Сама натура, казалось, способствовала доставить общее всѣмъ удовольствіе; спавшія дѣти на этотъ день всѣ встали ранѣе обыкновеннаго. И вотъ въ самый полдень на дворѣ загремѣли экипажи, всѣ дѣти уже были въ саду. Губернаторъ, вышедши изъ коляски, пошелъ прямо въ садъ въ сопровожденіи многихъ особъ. Здѣсь на дерновыхъ ступеняхъ, по коимъ нужно было сходить въ главную алею сада, встрѣтили посѣтителей шестнадцать человѣкъ пѣвчихъ, составленныхъ изъ питомцевъ, одѣтыхъ въ бѣлыя курточки и панталоны, подпоясанные черными кушаками, слѣдующимъ гимномъ:

Будь намъ начальникомъ вѣчно,
Мы тебя любимъ сердечно;
Ты зажегъ наши сердца,
Мы въ тебѣ видимъ Отца.
Рады съ тобою въ воду,
Рады въ огонь и непогоду.
Всякой намъ съ тобой край
Покажется Рай!... Рай!... Рай!...

„Да! у васъ тутъ настоящій рай, любезныя дѣтушки“. Двое малютокъ въ бѣлыхъ рубашкахъ, подпоясанныхъ голубыми лентами, съ корзинами въ рукахъ усыпали путь предъ губернаторомъ цвѣтами до самой искусно устроенной бесѣдки, у входа которой сдѣлано было изъ цвѣтовъ вензелевое имя барона Френсдорфа. Дошедши до этого мѣста, онъ взялъ на руки мальчиковъ усыпавшихъ дорожку цвѣтами и съ чувствомъ отцовской любви цѣловалъ обоихъ; этому послѣдовали прочіе посѣтители, и малютки были, такъ сказать, расцалованы. Въ слѣдъ за тѣмъ по большой алеѣ подъ тѣнію высокихъ липъ, коихъ кудрявыя густыя вѣтви дѣлали прохладную тѣнь, накрыты были столы, уставленные разными вкусными яствами. За столы сѣло до двадцати человѣкъ посѣтителей и всѣ воспитанники. Между послѣдними помѣстился самъ губернаторъ. Онъ наливалъ и накладывалъ въ тарелки каждому кушанья, шутилъ и даже шалилъ съ меньшими воспитанниками, отъ душевнаго удовольствія самъ почти ничего не кушалъ. По окончаніи

стола двѣнадцать питомцевъ на разныхъ инструментахъ, подъ дирекцію капельмейстера Баранова, играли разныя симфоніи и увертюры, пока гости пили кофе въ тѣнистыхъ бесѣдкахъ, гдѣ тихій пріятный зефиръ навѣвалъ прохладу. За тѣмъ заигралъ полонезъ, и все пришло въ движеніе; дамы пожелали составить кадрили, потомъ сельскую пляску, тутъ вмѣшались дѣти; излишніе этикеты въ сторону, и пошла общая потѣха, которая продолжалась до вечера; а когда начало темнѣть, то весь садъ былъ иллюминированъ. Всѣ гости пришли въ восхищеніе, никто не хотѣлъ растаться съ удовольствіемъ, въ довершеніе котораго сожженъ былъ прелестный фейерверкъ; все это было дѣло рукъ дѣтскихъ подъ руководствомъ Кирила Ивановича Голинды. Поздно, наконецъ, всѣ гости разъѣхались, полные удовольствія.

Поступивъ въ храмъ Минервы, я и братъ мой, возрастая, съ юными лѣтами оставляли въ памяти нашей полезныя познанія. Благодарная богиня щедро разсыпала дары своимъ питомцамъ; лестныя похвалы, получаемыя за прилежаніе и успѣхи въ наукахъ были наградою неизъяснимаго удовольствія. Въ юношескихъ лѣтахъ всегда казалось чистое небо, не омраченное тучами; но время юности, время золотое! Скоро, скоро промчались три года съ поступленія нашего въ Домъ Воспитанія благороднаго юношества; въ это время мы окончили три класса уѣзднаго училища съ похвальными свидѣтельствами.

Послѣдніе два года нашего ученія были достопамятны для нашего отечества нашествіемъ непріятеля, но для насъ это былъ непонятный сонъ; слышавши въ простомъ изрѣченіи: Французъ идетъ...., намъ казалось, что это страшный какой-то гигантъ, котораго всѣ боятся. Для встрѣчи этого необъятнаго нашему понятію великана Француза въ половинѣ 1812-го года явилась рать подъ городомъ Черниговомъ Донскаго казачаго войска; они расположились по правому берегу рѣки Десны. Всѣ питомцы, подъ командою храбраго нашего Голинды ходили смотрѣть растянутыя линіи Донцовъ. На правомъ флангѣ въ полкахъ Донскихъ казаковъ видѣли почтенныхъ стариковъ; нѣкоторые изъ нихъ прилегли къ землѣ и набожно углублены были въ книгу пророка царя Давида, Псалтирь. „Вотъ, дѣтушки! какъ потребовалъ на помощь Государь нашего командира графа Платова идти на Бунапарта. то командиръ нашъ сказалъ: нѣтъ, ребята, ступайте-ка всѣ старички со мною, а молодёжи, ее ди-скать не хочу; вотъ и забралъ, какъ видите, всѣхъ бородатыхъ. Да ужъ мы проучимъ этого проклятаго бусурмана, попадись только онъ намъ въ руки!“ Такъ говорилъ одинъ казакъ, къ которому мы подошли, чтобы послушать, чтѣ онъ читаетъ. На лѣвомъ флангѣ расположены были Башкиры и Калмыки. Они при проходѣ нашемъ съ жадностію пожирали мясо утонувшей при переправѣ чрезъ

рѣку лошади. Это было непріятнымъ эффектомъ для дѣтей; поэтому они тотъ часъ ушли отъ нихъ туда, гдѣ расположены были казаки.

На другой день губернатору угодно было встрѣтить казачье войско фрунтомъ составленнымъ изъ казенныхъ воспитанниковъ. „Шапки долой!“.. командовалъ губернаторъ; этимъ отдана была честь атаману Донского войска графу Платову, который былъ восхищенъ образованностью питомцевъ. Онъ очень благодарилъ губернатора. Между тѣмъ казачья кавалерія долго тянулась мимо насъ; граждане встрѣчали съ хлѣбомъ и солью, и священники съ крестомъ въ рукахъ кропили ряды святою водою, и тѣмъ напутствовали побѣду на врага и супостата.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того мы услышали, что Французы взяли Москву. Вслѣдъ затѣмъ Французы появились въ городѣ; они были не тѣ страшные, кои рисовало намъ воображеніе, а напротивъ смирные, покорные, безоруженные; это были плѣнные. Затѣмъ въ непродолжительномъ времени слава побѣды загремѣла въ храмахъ града Чернигова. Съ нами Богъ! Россія возносила къ престолу Вышняго, врагъ исчезъ, какъ исчезаетъ дымъ отъ лица огня.

Среди всеобщаго торжества побѣды надъ непріателемъ, когда раны, нанесенныя нашествіемъ народовъ цѣлой Европы, начинали уже исцѣляться, побѣдоносное Россійское воинство далеко было отъ предѣловъ своего отечества для усмиренія всеобщаго врага. Вдругъ мы услышали гулъ колоколовъ, который возвѣстилъ городу смерть губернатора! *).. Какой-то офицеръ Малороссійской милиціи, войдя въ домъ губернатора, въ жестокомъ азартѣ поразилъ его нѣсколькими ударами сабли, отъ которыхъ почтеннѣйшій начальникъ прекратилъ жизнь. Причины жестокаго поступка мерзавца покрыты неизвѣстностію, а послѣдствія раскрытія дѣла намъ были недоступны. Черезъ два часа получено приказаніе, чтобы двѣнадцать человекъ питомцевъ попеременно были у гроба губернатора. Меня назначили въ первую смѣну. Мы прибыли въ домъ покойника, нашли тамъ канцелярскихъ чиновниковъ, хладныя уста, недавно отверзавшіяся для привѣтствія, въ это время были сжаты: они не раскрывались къ окружающимъ его питомцамъ. Печальный трауръ возложенъ былъ на всѣхъ посѣтителей; тѣло находилось среди залы на подмосткѣ, вокругъ горѣли свѣчи въ большихъ подсвѣчникахъ; у головы тѣла стоялъ столъ, на коемъ лежали ордена покойника на бархатной подушкѣ. Мертвая тишина царствовала во всемъ домѣ, которая изрѣдка прерывалась плачевнымъ крикомъ сестры покойника губернатора; она съ неутѣшнымъ отчаяніемъ посѣщала бездыханный

*) Баронъ Иванъ Васильевичъ Френсдорфъ. II. Б.

трупъ брата. Увидѣвъ мертвый его образъ, огорченная сестра лишилась чувствъ, и безчувственную относили въ другія комнаты.

Печальная эта сцена продолжалась трое сутокъ, по истеченіи коихъ Черниговское духовенство, подъ начальствомъ бывшаго тогда архіепископа Михаила, явилось къ погребенію губернатора. Когда поднять былъ гробъ, впереди по два въ рядъ шли ученики Ремесленного училища, за ними питомцы Дома Воспитанія благороднаго юношества, въ такомъ же порядкѣ, потомъ канцелярскіе служители и чиновники; а затѣмъ предводитель дворянства. Важнѣйшіе изъ чиновниковъ несли ордена покойника на бархатныхъ съ золотою бахромою малиноваго цвѣта подушкахъ; потомъ пѣвчіе и духовенство, а позади ихъ архіепископъ; вслѣдъ за нимъ тѣло покойника губернатора, во кругъ котораго служители въ черныхъ траурныхъ мантіяхъ, съ зажженными въ рукахъ факелами. Позади гроба запряженною шестернею везена была карета покойника, покрытая трауромъ. Означенная церемонія тянулась медленно въ загородный Троицкій монастырь, по прибытіи куда совершена архіепископомъ литургія, а по окончаніи оной преосвященный Михаилъ говорилъ весьма трогательную рѣчь, въ которой рѣзко изобразилъ душевную скорбь всѣхъ согражданъ о потерѣ великаго добродѣтелями мужа и достойнаго начальника, потеря котораго, говорилъ онъ, невольно вынуждаетъ проливать слезы горести. За тѣмъ бранные останки губернатора преданы землѣ, и вѣчная память заглушена была тремя пушечными выстрѣлами.

Отдавъ послѣдній долгъ своему начальнику, юные питомцы повержены были въ грустное уныніе и долго не могли забыть постигшей ихъ потери. Въ послѣдствіи времени, при занятіяхъ науками, мрачная печаль питомцевъ мало по малу исчезла и разсѣялась дѣтскими забавами; затѣмъ опять вошли тѣже рѣзвости невинной дѣтской радости; но уже не было охоты лелѣять садъ, подъ сѣнію коего покойный губернаторъ столько вкушалъ удовольствія среди дѣтей.

II.

Смерть благодѣтеля.

По истеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ постигла гражданъ Черниговскихъ другая невозвратная потеря: печальное извѣстіе принеслось изъ Россійской столицы и повергло всѣхъ въ новую и вящую прежняго печаль. Губернскій дворянскій предводитель Николай Михайловичъ Стороженко, находясь въ С.-Петербургѣ по дѣламъ губерніи, получилъ сильную болѣзнь, отъ которой рука медицины не могла его спасти. Непрерывно тридцать лѣтъ сряду служилъ онъ по единогласному вы-

бору Черниговскаго дворянства. Со смертію Стороженки удрученные несчастіемъ, убитые свинцовою тяжестію жестокаго рока, бѣдные не имѣющіе дневнаго пропитанія, сироты, лишившіяся своихъ родителей, несчастная вдова съ осиротѣвшими дѣтьми, однимъ словомъ, всѣ облились горькими слезами. Николай Михайловичъ имѣлъ вдохновенный гений добродѣтели свыше. Въ одно время солдатъ Черниговской инвалидной команды какъ-то пробрался на черный дворъ, гдѣ на то время развѣшено было для сушки столовое бѣлье. Негодный сей воинъ внутренней стражи стянулъ большую скатерть, но не умѣлъ съ нею выдти тайно, былъ пойманъ и представленъ къ Николаю Михайловичу. Онъ, укоривши солдата за такой низкій поступокъ, велѣлъ ему идти домой, чтобы не узналъ о семъ его капитанъ, „а то, братъ, онъ тебя крѣпко накажетъ!“ такъ ему сказалъ Стороженко и отпустилъ.

Всѣ одушевляемые благодѣяніями Николая Михайловича желали зрѣть гробъ своего благодѣтеля, и желаніе ихъ исполнилось: тѣло покойника, въ запечатанномъ гробѣ, привезено было изъ Петербурга въ Черниговъ, не доѣзжая коего, за десять верстъ, встрѣчено было его крестьянами, которые, отложивши лошадей, на себѣ пожелали привезти въ городъ печальные останки ихъ господина.

На третій день ряды духовенства потянулись, подъ начальствомъ архимандрита Черниговскаго Елецкаго монастыря, при каковомъ церемоніальномъ провожаніи гроба губернскаго предводителя находились и питомцы. Въ это время стужа была въ 20⁰ мороза при рѣзкомъ сѣверномъ вѣтрѣ; но это не могло препятствовать исполненію послѣдняго долга.

Покойникъ Николай Михайловичъ былъ лично извѣстенъ блаженной памяти государю императору Александру. Вся августѣйшая его фамилія обращала къ покойнику благосклонное вниманіе. Сердобольная мать государя, Марія Ѳеодоровна, каждый день во время болѣзни его въ С.-Петербургѣ, изволила провѣдывать о состояніи больного. Въ то время зять Николая Михайловича, графъ Милорадовичъ, былъ С.-петербургскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ, у коего служилъ адъютантомъ извѣстный писатель, издатель Писемъ Русскаго офицера, Ѳедоръ Глинка, во время похода Россійскихъ войскъ за границу, во всеобщую Европейскую войну съ Французами. Г. Глинка, имѣя свободный входъ къ больному Стороженку, принималъ живое участіе въ его болѣзни. Онъ написалъ на смерть Николая Михайловича оду, которую случай доставилъ мнѣ удовольствіе читать. Она помѣщена въ Письмахъ Русскаго офицера. Нѣкоторые куплеты, выбранные мною, какъ знакъ моей признательности, здѣсь помѣщаю.

На печальную кончину его превосходительства Николая Михайловича Стороженка.

Отколь несётся звонъ унылой,
 Чрезъ пышный градъ, гдѣ жизнью полнъ,
 Цвѣтущій бодростью и силой,
 Народъ, въ подобье бурныхъ волнъ,
 Кружится въ вихряхъ тревоженія,
 Отколь печальны слышу пѣня;
 И смерти гласъ сквозь жизни шумъ,
 На брегъ Невы во льдахъ стѣсненной?
 Въ храмъ дивный зодчествомъ, священный
 Иду исполненъ грустныхъ думъ.
 Чтò зрю межъ сумраковъ печальныхъ,
 Какъ звѣзды въ тверди въ кругъ огни;
 Надъ кѣмъ стонъ пѣсней погребальныхъ,
 Чьи смерть какъ злѣхъ скосила дни?
 На мраморномъ помостѣ храма,
 Чей гробъ въ куреніяхъ онміама,
 Въ серебрянномъ дыму кадилъ?
 Тамъ лпкъ сингелита въ облаченіи,
 Тамъ пышный сонмъ вельможъ въ смятеніи
 Тамъ славный въ браняхъ вождь унылъ!..
 Ты-ль Стороженко! Ты-ль во гробѣ!..
 Отецъ несчастныхъ, бѣдныхъ другъ;
 Рабомъ ни зависти, ни злобы
 Твой не былъ благородный духъ....

Настали другіе начальники, но то были не Френсдорфъ и не Стороженко. Они имѣли свои качества и свои достоинства, и это было видно только по дѣламъ управленія.

Въ Домѣ Воспитанія благороднаго юношества были тѣже порядки, тѣ же самыя занятія, какъ было прежде; но не было того соревнованія въ забавахъ дѣтства, въ свободное время отъ занятій класными уроками; самыя занятія военною экзерциціею, которымъ съ особеннымъ усердіемъ питомцы занимались при жизни губернатора Френсдорфа, въ это время охладѣли, не было никого поощрить къ соревнованію. Посѣщали начальники, но все это были какія-то суровыя лица.

Продолженіе пятилѣтняго нашего ученія очень часто прерывалось болѣзнями, имѣвшими свое начало еще въ малолѣтствѣ, которыя по случаю горькой нищеты не могли имѣть медицинскаго пособія, а предоставляемы были излѣченію самой натурѣ. Головная и глазная болѣзни часто приходили къ намъ и тѣмъ останавливали наше ученіе; болѣе всего я страдалъ головою болью, а братъ часто страдалъ глазами; поэтому я и братъ мой, при всемъ стараніи и усердіи къ наукамъ, не могли достигнуть желаемой цѣли—быть учеными. Обезси-

лѣвъ отъ угнетавшихъ насъ болѣзней, мы рѣшилися учение оставить, имѣя въ виду легкій по тогдашнимъ политическимъ обстоятельствамъ способъ перейти въ военную службу. 1815-й годъ былъ послѣднимъ нашего отличія въ наукахъ на экзаменѣ въ Черниговской гимназіи. Мы были въ числѣ примѣрныхъ и старательныхъ учениковъ, поэтому имѣли пріятность въ каждомъ классѣ получать похвалыныя листы.

III.

Дворянскій полкъ.

Слѣдствіемъ бывшей тогда Отечественной войны многіе вѣрные сыны отечества, защищая грудью родимую землю, пали подъ ударами меча, или поражены роковою пулею. Ряды Русской арміи запустили. Государь, Благословенный Александръ, съ душевнымъ прискорбіемъ видѣлъ убыль его ратныхъ силъ; поэтому всевозможно старался пополнить недостающія силы. Онъ предоставилъ всѣ средства молодымъ людямъ опредѣляться въ военную службу, которые по этому случаю толпами шли; особенно ученики гимназіи, которые видѣли своихъ товарищей, недавно оставившихъ науки, офицерами.

Я и братъ мой, оставивъ учение, отправились къ нашимъ родственникамъ для свиданія съ ними и чтобъ получить по возможности пособіе. Радостно встрѣтила насъ Лукновская тетушка, когда мы пріѣхали въ с. Лукново, удивлялась нашему образованію и совершившемуся возрасту въ теченіи шести лѣтъ; она со слезами на глазахъ вспоминала мать нашу: „какъ бы покойница Марина радовалась, увидавши дѣтей своихъ въ такомъ возрастѣ; царство ей небесное, вѣчный покой (крестясь говорила тетушка), да не дождалась покойница порадоваться дѣтками“. Чтобы показать наше образованіе, которое хотя не было окончено, но далеко отстояло въ это время отъ прежняго нашего быта, къ этому послужилъ мнѣ гробъ тетушки, которая по обычаю древнихъ христіанъ имѣла гробъ сдѣланный изъ дубовыхъ досокъ огромнаго размѣра; этотъ гробъ я кое-какими красками, какіе только можно было приискать, окрасилъ. Тетушка отъ восхищенія готова была тотъ часъ лечь въ него и отправиться на тотъ свѣтъ; ей казалось, что и самое тѣлѣніе ея въ окрашенномъ гробѣ будетъ пріятно.

„Въ одномъ монастырѣ былъ архимандритъ, который въ Великую Пятницу, по случаю выноса плащаницы, говорилъ проповѣдь сими словами: „За чѣмъ вы пришли сюда, христіяне?..... видѣть Господа Іисуса Христа!.. Вотъ Онъ здѣсь лежитъ во гробѣ. съ истерзаннымъ Его тѣломъ, приидите и лобызайте Его раны!“... Послѣ этого всѣ быв-

шіе тутъ прослезилась, вотъ что значить ученость, что значать науки“!.. Такъ говорилъ намъ почтенный нашъ благодѣтель Довгеля, когда мы посѣтили его для принесенія ему благодарности за оказанныя намъ благодѣянія. Онъ совершенно противился тому, что мы оставляли науки, рѣзко доказывая превосходство ученой службы противу военной, сердечно сожальлъ, что мы рѣшительно приняли намѣреніе оставить науки, чтобы вступить въ военную службу.— „Богъ васъ благословить, дѣтки! Но я бы не совѣтовалъ вамъ оставлять науки, а когда продолжать науки вы не можете по слабости здоровья, то пускай вамъ помогаетъ Господь!“.....

Пріятно было свиданіе со всѣми родственниками, но они не могли намъ сдѣлать денежнаго пособія. Каждый изъ нихъ, радуясь нашему образованію, изъявлялъ свое удовольствіе; но—пособія не было. „Богъ богатъ, дѣтки! Онъ васъ не оставитъ въ сиротствѣ“..... говорили родственники. Тутъ бѣдность непріятно заглядывала намъ въ глаза, которую ничѣмъ нельзя было поправить; она преслѣдовала насъ со всею жестокостію. Между тѣмъ какъ мы раздумывали о средствахъ отправиться въ дорогу, наступила суровая зима. Тѣло наше не было укрыто отъ холода теплою одеждою, на исправленіе которой нужны были деньги, деньги! Деньги это есть талисманъ жизни въ политическомъ мірѣ, а средство пріобрѣсти животворный сей талисманъ—труды!... Трудись, богатъ будешь. Учись, умѣнь будешь. Молись, спасенъ будешь! Изрѣченіе святаго угодника Митрофана, новоявленного чудотворца.

Сердобольная наша тетушка матерински болѣла сердцемъ о нашемъ бѣдномъ положеніи; но не было иного средства пособить нашему горю, какъ только отдать часть земли, мѣсто бывшаго нѣкогда нашего хутора, мѣсто нашей колыбели. Оно отдано залогомъ за незначительную сумму, на которую исправили потребное сообразно погодѣ и времени года одѣяніе и теплую обувь, съ небольшимъ количествомъ остатка на дорогу на необходимыя издержки. Жестокая бѣдность! Она приводитъ часто людей до мучительной нищеты; а въ послѣдствіи крайность недостатка нерѣдко ввергаетъ невольнo въ какое нибудь позорное преступленіе..... Но бѣдность не порокъ, и зимою безъ шубы ходить не порокъ, да холодно!... Такимъ образомъ бѣдность не порокъ, но гораздо хуже порока; потому не обѣгаютъ порочнаго богача, но весьма старательно удаляются отъ бѣднаго; даже и не освѣдомляются, о томъ, кто онъ таковъ есть, и какая причина его бѣдности; часто все его несчастіе состоитъ въ томъ только, что онъ бѣдный человѣкъ!...

Мы поѣхали въ г. Черниговъ, куда прибыли благополучно безъ особенныхъ приключеній. Въ Черниговѣ получили подлежащіе доку-

менты о дворянствѣ, подъ фамиліею Сѣдковыхъ, подорожную до г. С.-Петербурга и слѣдуемое количество прогонныхъ денегъ. Изготовившись въ дальнѣйшій путь, мы, выѣзжая изъ города Чернигова, священнымъ долгомъ поставили себѣ быть въ колыбели нашего образованія и проститься съ товарищами ученія. Съ чувствами дѣтской искренности каждый изъ товарищей простился съ нами, завидуя счастливой участи, нашей свободы отъ ученія.

Тройка почтовыхъ лошадей ожидала у подъѣзда; мы, простясь со своими сотрудниками, сѣли въ санки, вихрь снѣжной пыли сокрылъ насъ отъ глазъ провожающихъ. Тяжелая грусть привалила къ сердцу; казалось, ничего не оставили въ Черниговѣ, кромѣ проведенныхъ юношескихъ лѣтъ и пятилѣтней привычки; однако съ душевнымъ прискорбіемъ оставляли мѣста, конхъ привычка сроднилась къ нашему сердцу.

Эта поѣздка была въ Декабрѣ мѣсяцѣ 1815-го года. Жестокіе морозы и мятели сопровождали насъ цѣлую дорогу; весною было ожиданіе лошадей на станціяхъ по случаю большого разгона. Это было непріятіе самой стужи; по этой причинѣ за цѣлую недѣлю ѣзды едва добились до города Шклова, разстояніемъ отъ Чернигова съ небольшимъ триста верстъ. Въ Шкловѣ догналъ насъ курьеръ, проѣзжавшій изъ Бессарабіи; онъ, видя медленную нашу ѣзду, пригласилъ насъ ѣхать съ нимъ на однихъ саняхъ, имѣя выгоду себѣ прогонныхъ денегъ на одну лошадь. Ёхали день и ночь, и чрезъ пять дней очутились подъ Петербургомъ. Не доѣзжая трехъ станцій, послѣдовалъ споръ ямщиковъ съ нашимъ нетрезвымъ курьеромъ, и чрезъ это мы поѣхали одни, простясь съ нашимъ попутчикомъ, который, протрезвившись, мигомъ поскакалъ одинъ въ столицу. Въ продолженіи дороги нельзя описать, чтѣ происходило въ нашемъ воображеніи при появленіи каждый день новыхъ предметовъ. Въѣздъ въ столицу совершенно поразилъ наши чувства, въ воображеніи нашемъ составилъ хаосъ понятій.

„Куда прикажете везти, господа?“ спросилъ на послѣдней станціи ямщикъ. Во Второй Кадетскій корпусъ! отвѣчали мы. Знаю съ!.. Эхъ!... вы, соколики“..... махая плетью, посвистывалъ ямщикъ. Онъ пустилъ удалую тройку во весь опоръ, отъ Царскаго Села къ Петербургу... Чрезъ два часа вдругъ очутились мы въ столицѣ, и пока зѣвали, всматриваясь въ огромныя зданія прекрасной архитектуры, не могли замѣтить, какъ вдругъ подъѣхали къ стѣнамъ Второго Кадетскаго корпуса. — „Вотъ вамъ и корпусъ, господа!“ сказалъ ямщикъ, вставая изъ саней. Мы проворно отряхнулись отъ снѣжной пыли, взглянули снаружи на огромное четвероугольное зданіе Второго Кадетскаго корпуса, въ которомъ кромѣ кадетъ еще помѣщался одинъ баталіонъ Дворянскаго полка; тутъ же была общая столовая, залъ для Дворянскаго

полка и кавалерійскаго эскадрона, находившагося въ казармахъ близъ корпуса. Эти послѣднія обстоятельства, собою разумѣется, къ свѣдѣнію нашему пришли въ послѣдствіи нашего поступленія; но въ настоящее время глазамъ нашимъ представлялась лишь только огромная масса зданій.

Вошедши въ зданіе корпуса съ одного угла, гдѣ была канцелярія, отсюда насъ провели къ директору; имъ былъ генералъ Маркевичъ, которому братъ вручилъ наши документы о дворянскомъ званіи. Директоръ, по разсмотрѣніи бумагъ, велѣлъ отнести опять въ канцелярію, откуда отправили обоихъ насъ въ казармы Дворянскаго полка. Здѣсь глазамъ нашимъ представился длинный коридоръ, по которому молодые люди расхаживали цѣлыми шеренгами, толкая бока встрѣчающимся. Насъ привели въ баталіонную канцелярію, гдѣ должны мы были дожидаться распредѣленія по ротамъ. Подобныхъ намъ, вновь поступающихъ въ Дворянскій полкъ, было десятка полтора, которые всѣ, не имѣя опредѣленнаго мѣста, ожидали въ канцеляріи цѣлый день, а къ ночи разводились по каморамъ для ночлега. Въ каморахъ помѣщалось человѣкъ двадцать, подъ начальствомъ унтеръ-офицера, который именовался старшимъ. Это были небольшія общества, такъ что каждая камора составляла какую-то независимую отъ другой аристократію; въ одной видишь глубокомысленныхъ философовъ, разсуждающихъ о всѣхъ предметахъ, съ доказательствами правильными или нелѣпыми; въ другой слышны непонятный шумъ и крикъ, тамъ одинъ рассказываетъ анекдоты, а прочіе, съ громкимъ смѣхомъ слушая, восхищаются забавною его сказкою: въ слѣдующей поютъ Русскую пѣсню съ разными припѣвами. Тамъ въ отдаленномъ углу ссорятся и едва не доходятъ до драки. Однимъ словомъ, суеты мірскія въ полномъ объемѣ ихъ можно было видѣть.

Состояніе новопоступающихъ было весьма незавидное: они назывались новичками, а отъ сотоварищей величались колпаками (рекрутами); они, не имѣя никакихъ занятій, блуждали какъ тѣни съ одного угла въ другой; а въ ночное время собственное одѣяніе cadaго служило постелью въ какомъ нибудь занятomъ на полу уголкѣ. Таковой безпорядокъ существовалъ до 1817 года, а съ этого времени лучшее обращено вниманіе начальства на вновь поступающихъ.

Цѣлую недѣлю мы бродили по коридору неопредѣленными по ротамъ. Въ это время я и братъ отыскиали своего земляка господина Стражевскаго, служившаго въ департаментѣ главнаго штаба Его Императорскаго Величества, который въ послѣдствіи временно оказывалъ свое пособіе по возможности.

Наконецъ приказъ послѣдовалъ, мы зачислены въ 1-ю мушкатерскую роту, получили амуницію, которая на первый случай была забавою, потомъ прискучила, потомъ привычка сдѣлалась второю натурою, какъ это водится въ порядкѣ вещей. Скоро поняли рекрутскую школу, въ непродолжительномъ времени сдѣлались подобными старымъ солдатамъ, названіе колпака исчезло, мы были отъ этого въ восхищеніи.

Главнымъ занятіемъ молодыхъ людей Дворянскаго полка было ученіе военной тактикѣ: въ лѣтнее время на планированныхъ мѣстахъ показываются всѣ маневры, нужныя въ составѣ арміи практически, а въ зимнее тоже самое теоретически. Каждый день, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней, сверхъ этихъ занятій, образующихъ воина на ратномъ полѣ, мудрое правительство не опустило изъ виду важнѣйшаго предмета христіанина образовывающаго душу, для понятія о Всемогущемъ Міроздателѣ. Для этого каждую Пятницу ходили въ церковь, гдѣ законоучитель Второго кадетскаго корпуса научалъ юныхъ воиновъ Закону Божію, толкуя тексты Священнаго Писанія и этимъ поощрялъ сѣмена добродѣтели въ юныхъ сердцахъ молодыхъ людей, готовящихся на поле брани....

Я и братъ мой, поступивъ въ число волонтеровъ Дворянскаго полка, исполняли въ точности приказанія начальниковъ, слушали наставленія законоучителя со вниманіемъ. Тогда былъ извѣстный своею примѣрною скромностію іеромонахъ Фотій, бывшій въ послѣдствіи времени архимандритомъ Новгородскаго Юрьевскаго монастыря. Здѣсь между прочими много было сотрудниковъ нашего ученія, съ которыми часто бесѣдовали о лѣтахъ, проведенныхъ нами въ Домѣ Воспитанія, и мысленно переносились въ тѣ мѣста нашей родины Малороссіи. Одинъ изъ моихъ товарищей однажды при разговорѣ напомнилъ о бывшемъ другѣ моего дѣтства Ванюшѣ, который ему былъ знакомъ; дѣтское чувство дружбы во мнѣ оживилось, не смотря на восьмилѣтнюю разлуку. Я пожелалъ искренно возобновить наше знакомство; написалъ къ нему письмо, исполненное живѣйшихъ чувствъ бывшей нашей дружбы, и чрезъ короткое время имѣлъ пріятность получить соответствующій расположенію чувствъ отвѣтъ. Такимъ образомъ дружба малолѣтства нашего возобновилась перепискою, несмотря на отдаленное между нами разстояніе, съ надеждою въ душѣ когда нибудь увидѣть и обнять другъ друга. Каждое письмо, полученное мною отъ Ванюши, было наполнено всегда какою-то сладкою пищею для сердца; каждая бездѣлица, описанная въ письмѣ моего друга, казалась важною матеріею. Я съ удовольствіемъ прочитывалъ по нѣскольку разъ полученное съ почты письмо; равнымъ образомъ на каждое съ моей стороны было

изобильно матеріаловъ для отвѣта; мы всегда находили что писать другъ другу, питая себя надеждою, сказанною выше.

Надежный человѣкъ себя питаетъ,
Надеждой духъ его живетъ;
Съ надеждой сладко умираетъ,
Какъ скоро смертный часъ придетъ.

Мы съ братомъ, поступивъ въ Дворянскій полкъ, казалось, что трудности жизни не въ состояніи были перенести; но напротивъ, мало по малу свыклись, и всѣ трудности исчезли. Лѣто проходило во всегдашнихъ занятіяхъ; восходящее солнце освѣщало молодыхъ юношей на площади, которые съ оружіемъ въ рукахъ мѣряли четверугольники во всѣ стороны, производя военныя эволюціи; наступающій дневный жаръ удаляетъ всѣхъ въ казармы. Но когда солнце опустится ниже Петербургскаго меридіана, питомцы снова на площади тѣмъ же порядкомъ; за тѣмъ, послѣ понесенныхъ дневныхъ трудовъ, сладкій сонъ успокаиваетъ каждого на грубой жесткой постели, невозмущаемый никакими сновидѣніями. Когда настанетъ осень, а потомъ суровая зима, воспитанники Дворянскаго полка занимаются теоретическимъ ученіемъ въ камерахъ въ теченіи короткихъ зимнихъ часовъ дня. Въ четыре часа вечера въ камерахъ зажигаются свѣчи, а по длиннымъ коридорамъ корпуснаго зданія фонари; яркій свѣтлый блескъ отражается въ полированныхъ стѣнныхъ люстрахъ. Въ это время открывается взору длинный освѣщаемый по обѣ стороны проспектъ, по которому расхаживаютъ юные воины въ разныхъ костюмахъ, т. е. въ мундирахъ, въ халатахъ или въ однихъ рубашкахъ, цѣлыми толпами, друзья, пріятели, земляки, взявшись подъ руки, мѣрными шагами расхаживая въ задъ и въ передъ, рассказываютъ другъ другу анекдоты, случившіеся въ домашнемъ ихъ быту, или во время домашнего отпуска со двора въ Петербургъ. Всѣ эти бродящія толпы составляютъ аристократическія общества съ разнымъ образомъ мыслей. Смотри, въ одной толпѣ собралось какое-то философическое общество; тамъ съ жаромъ кричитъ молодой вольнодумецъ о правѣ вольности, о смыслѣ заученныхъ имъ законовъ, объ оскорбленіи чести и прочее. Слова: *Liberum veto* (не позволяю) показываютъ группу Поляковъ; за ними проходятъ по два и по три; изъ скромнаго тихаго ихъ разговора о милой родинѣ, о вкушаемыхъ удовольствіяхъ въ объятіяхъ родныхъ и близкихъ къ сердцу, видно, что это простодушные Малороссіяне. Тамъ, въ отдаленномъ углу коридора, набожный католикъ, бія себя въ грудь, благоговѣйно читаетъ литанію Матки Наисвятѣйшей; не взирая на окружающій его шумъ, онъ мовитъ пацѣжъ (молится Богу) съ сокрушеннымъ сердцемъ ревностнаго католика. Вдругъ раздается шумъ въ противу-

положномъ концѣ коридора, различные стройные голоса, сходя съ верхняго коридора по крутой каменной лѣстницѣ; вскорѣ показывается толпа молодыхъ весельчаковъ, которые, построившись въ четыре шеренги, одна за другою, напѣваютъ веселую національную пѣсню, мирно идуть въ доль освѣщеннаго ночнаго проспекта, толкая всѣхъ встрѣчающихся, это Русскіе! Между тѣмъ рѣзвые мальчишки, гоняясь другъ за другомъ, путаются между проходящими. Все это составляетъ эффектъ цѣлаго суетнаго міра въ миниатюрѣ.

Во время вечерней прогулки, иной, не желая быть въ числѣ вертящихся куколъ, не имѣя охоты даже быть зрителемъ, уходитъ въ камеру, гдѣ, сяди у столика, занимается чтеніемъ книги; подобно какъ и въ общемъ мірѣ, кто не желаетъ быть на сценѣ свѣта и быть игралищемъ мірскихъ суетъ, живетъ въ укромной своей хижинѣ, гдѣ въ свободное отъ хозяйственныхъ занятій время занимается чтеніемъ назидательныхъ книгъ или умозрѣніемъ учености, имѣя только заботливое попеченіе о благосостояніи своего семейства. Въ другомъ углу камеры нѣсколько человѣкъ скромнаго характера, наскуча толканьемъ веселыхъ пѣсельниковъ, сидятъ, рассказывая другъ другу бывалыя происшествія, или составленные анекдоты и тѣмъ проводятъ скучное время долгаго зимняго вечера. Въ сосѣдней комнатѣ вѣтренной пустой философъ, полупросвѣтившись на мѣдныя деньги, а затѣмъ начитавъ буквально понимаемыхъ имъ книгъ вольно-думныхъ сочинителей, опровергаетъ бытіе Бога, толкуя о какомъ-то случайномъ (чего и самъ не понимаетъ) происхожденіи сего міра и о прочемъ. Такимъ ораторствомъ пустоученый философъ обращаетъ на себя вниманіе кучи слушателей. Его окружаютъ; одни изъ тѣхъ, услышавъ глупыя и нелѣпыя его сужденія, отходятъ прочь, смѣясь пустотѣ краснорѣчія; другіе, не понимая ничего изъ пустыхъ толкованій и не видя ничего для нихъ полезнаго, также расходятся. Тогда высокопарный философъ, паривши подъ небесами, не видя возлѣ себя слушателей, опускается на землю. Въ восемь часовъ вечера стукъ барабана возвѣщаетъ Марсовымъ питомцамъ время вечерняго стола. Тогда всѣ идуть стройнымъ порядкомъ въ столовый залъ на ужинъ, который бывалъ самый умѣренный, по окончаніи коего приготовляются къ ночному покою. Въ девять часовъ вечерняя заря была знакомъ ложиться въ постель; освѣщеніе прекращается, кромѣ двухъ ночниковъ въ противоположныхъ концахъ коридора. Когда всѣ предадутся сладкому покою и черный покровъ ночи усыпитъ всѣхъ пріятнымъ сновидѣніемъ, является въ коридорахъ картина мрачнаго ужаса, воспламеняющая воображеніе къ ужаснымъ мечтамъ: на мѣсто бывшихъ за нѣсколько предъ этимъ часовъ пріятныхъ разнообразій, длинный темный коридоръ, около трехсотъ шаговъ,

освѣщается двумя ночниками, слабый свѣтъ оныхъ рисуесть страшные виды, длинныя тѣни протягиваются во мракъ темной части коридора, стукъ шаговъ идущаго человѣка вторится эхомъ нѣсколькими отголосками; глубокая мертвая тишина царствуетъ повсюду, мертвенное молчаніе объемлетъ огромное зданіе корпуса, прерываемое иногда стукомъ задремавшаго дневальнаго, который, пробудясь отъ дремоты его одолѣвающей, медленно потомъ расхаживаетъ возлѣ ночнаго освѣщенія. Шорохъ, выходящій изъ камеръ отъ храпѣнія спящихъ, тихо разливается по коридору, который иногда прерывается невнятнымъ словами спящаго встревоженнаго во снѣ непріятнымъ сновидѣніемъ, потомъ вскорѣ замолкаетъ; лишь одинъ нѣмой шорохъ храпѣнія разливается во мракъ. Нерѣдко случалось проводить время безъ сна съ наполненнымъ воображеніемъ отъ начитанныхъ ужасовъ, изображающихся въ романахъ: Подземелье Мекленбургскаго замка, полуночнаго Колокола и проч. Тогда представлялись воспламененному воображенію бродящія мертвыя тѣни, движущіеся изсохшіе скелеты и прочія фантастическія представленія, такимъ образомъ стоять только предаться пустой фантазіи, то она представитъ цѣлую исторію.

Праздничные дни въ стѣнахъ корпуса проводились также въ удовольствіи своего рода, сообразно лѣтамъ и образу жизни; въ особенности же праздникъ Пасхи съ особеннымъ торжествомъ встрѣчался юными питомцами Марса такимъ образомъ. Наканунъ праздника, т. е. въ Субботу вечера готовится иллюминація въ каждой камерѣ особенно; всякое семейство камеры, подѣ начальствомъ старшаго, устраиваетъ освѣщеніе: люстры изъ разноцвѣтной бумаги, прозрачные свѣтящіеся фонари и другія къ этому приготовленія. Какъ только наступитъ ночь, все это зажигается, а вслѣдъ затѣмъ открывается всеобщее горѣнье. Каждый изъ питомцевъ, одѣвшись прилично, взявшись другъ съ другомъ подѣ руки по нѣскольку паръ, расхаживаютъ изъ одной камеры въ другую, для разсмотрѣнія освѣщенія: въ одной около пятидесяти свѣчей горѣли на карнизахъ и люстрахъ, яркій свѣтъ коихъ отражался на разставленномъ въ порядкѣ оружіи; въ другой, посреди яркаго освѣщенія, вензелевое имя Августѣйшаго Государя Императора увеселяло взоръ посѣтителей; въ слѣдующей за тѣмъ камерѣ свѣтящаяся картина, представляющая Воскресеніе Спасителя, которой прозрачность яркаго свѣта, исходящаго изъ темноты гроба, восхищала взоръ cadaго, приводя въ восторгъ благоговѣнія. Нельзя было не удивляться искусству молодыхъ художниковъ и тому усердію юныхъ сердець, съ каковымъ каждый старался показаться, благоговѣя къ святой религіи. Въ это время на лицѣ cadaго питомца ясно можно было читать ощущаемое душевное удовольствіе ко встрѣчѣ великаго хри-

стіанскаго праздника. Гулянье это продолжается до полуночи, каждый, проводя ночь во бдѣніи, недремлющимъ окомъ ожидаетъ начатія торжества праздника. Наконецъ, въ двѣнадцать часовъ громъ пушечнаго выстрѣла изъ Петропавловской крѣпости возвѣщаетъ всѣмъ жителямъ столицы время.

IV.

Старый гусарскій ротмистръ.

На Петербургской Сторонѣ, недалеко отъ корпуснаго зданія, жилъ отставной штабъ-ротмистръ Яковъ Петровичъ Павловъ, происходившій изъ Сербскаго народа. Какимъ образомъ онъ зашелъ въ Россію, неизвѣстно, служилъ въ Россійской службѣ, которую началъ при государѣ Петрѣ Третьемъ въ числѣ бывшаго тогда эскадрона тѣлохранителей, составленнаго собственно изъ дворянъ; потомъ служилъ во все время царствованія государыни императрицы Екатерины Второй и Павла Перваго; наконецъ въ началѣ царствованія Александра Перваго, выбившись изъ силъ, вышелъ въ отставку съ чиномъ штабъ-ротмистра, прослужа на службѣ сорокъ лѣтъ. Въ послѣдствіи времени за всю его службу опредѣленъ пансіонъ, состоящій изъ ста рублей ассигнаціями. Онъ имѣлъ жену, три сына его въ это время служили офицерами въ арміи.

Случай познакомилъ меня съ этимъ старымъ гусаромъ. Я очень часто посѣщалъ его, какъ только позволяли мнѣ служба и обязанности корпуса. Время затмило старику зрѣніе, онъ не могъ уже ни читать, ни писать, даже при яркомъ солнечномъ сіяніи не могъ видѣть знакомаго ему человѣка, а узнавалъ только по голосу. Поэтому въ несчастномъ его положеніи нужно было ему пособіе для переписки съ дѣтьми. Я судьбою назначенъ былъ его секретаремъ. А какъ выходить изъ корпуса иначе можно было, какъ только за позволеніемъ начальства, котораго часто имѣть было невозможно, то по мѣрѣ частыхъ нуждъ старика, я долженъ былъ употреблять разныя хитрости, для выхода изъ корпуса, чѣмъ подвергалъ себя неминуемо взысканію; но за всѣмъ тѣмъ, пренебрегая все, желалъ душевно услуживать безпомощному старцу.

По приходѣ моемъ къ г. Павлову, старикъ закуривалъ трубку, затѣмъ рассказывалъ кучу анекдотовъ бывшихъ во время его службы, увеселялъ разными остроумными шутками. Когда здоровье ему позволяло, онъ ходилъ на фуражировку. „Сегодня я пойду по пѣшему на фуражировку“, говорилъ мнѣ иногда Павловъ. „Старуха, давай одѣваться; видишь ли ты, продовольствія ни намъ, ни лошадямъ ничего не имѣется, ты между тѣмъ приготовь воды и огня, а прочее все

я достану, давай саблю!... Смѣло маршъ! маршъ!“.. Подпоясавши саблю и завязавъ Георгія въ петлицу, Яковъ Петровичъ отправился медленнымъ шагомъ къ генералу Д...., служившему нѣкогда въ его эскадронѣ корнетомъ.

Здравствуйте, батюшка Яковъ Петровичъ! Добро пожаловать, прошу покорно, присядьте, отдохните, вы крѣпко устали,—говорилъ генералъ, увидѣвши стараго своего эскадроннаго гусарскаго командира. Эй!... Трубку набей Якову Петровичу!... О!... за это спасибо, ваше превосходительство! Я цѣлый переходъ не курилъ трубки. Каково поживаете, батюшка? сѣвши возлѣ него спрашивалъ съ дружескимъ участіемъ генералъ. „Худо, ваше превосходительство. Хочется кушать, да продовольствіе все вышло; нѣтъ провіанта, ни фуража; старуха моя съ одной водой не умѣетъ ничего состряпать, надобно достать хозяйку помоложе; можетъ быть, та будетъ умѣть съ одной воды два-три блюда приготовить; да я то не очень люблю много блюдъ, для меня лишь бы былъ борщъ, да каша. Браво, Яковъ Петровичъ! воскликнулъ генералъ, сунувъ въ руку старику пятидесятирублевую ассигнацію. „Вотъ вамъ, батюшка, на этотъ разъ, дайте вашей старухѣ, то быть можетъ и она понравится. Хорошо, ваше превосходительство! Я посмотрю, а не то сей часъ ей дамъ чистую отставку, а себѣ возьму молодую. Эй, Яковъ Петровичъ, старый другъ лучше новыхъ двухъ (сказалъ съ улыбкою генералъ); молодая хозяйка не захочетъ на васъ смотрѣть, хуже вамъ будетъ. И то правда, ваше превосходительство.

Такъ кончалъ дни старый заслуженный воинъ, живя съ весьма малымъ паясіономъ, котораго едва и на одну треть доставало; поэтому онъ, имѣя бывшихъ его подчиненныхъ, много подобныхъ генералу Д... посѣщалъ по очереди, а они его снабжали по возможности. Такимъ способомъ Яковъ Петровичъ проживалъ безбѣдно; всѣ его знали, какъ по прежней долговременной службѣ, такъ и по скромной наконецъ его жизни въ отставкѣ; всѣ имѣли душевное уваженіе. Офицеры дворянскаго полка также хорошо его знали, въ томъ числѣ Михайло Егоровичъ Брайко, командиръ перваго баталіона, въ которомъ я находился. Онъ однажды встрѣтилъ меня за стѣнами корпуса безъ билета, остановивши спросилъ: „Куда ты идешь?“ Я, ставши въ солдатскую позу, отвѣчалъ: къ Павлову... „Смотри же, сказалъ полковникъ Брайко, я знаю, что ты идешь на доброе дѣло, поэтому естли кто тебя увидитъ изъ начальниковъ, то скажи, что я позволилъ“... Столько былъ уважаемъ старый гусарь; но съ этимъ вмѣстѣ показывалось и доброе сердце полковника Брайка. По приходѣ моемъ къ Павлову, онъ по обыкновенію закуривалъ трубку и рассказывалъ дневныя его путе-

шествiя или анекдоты давняго времени. Такое мое посѣщенiе Павлова продолжалось три года, со времени моего съ нимъ знакомства.

Что ты, Евсей, такъ загулялся, а про меня и позабылъ старика? Слабымъ произнесъ голосомъ сѣдовласый штабъ-ротмистръ, лежа на постели, когда однажды я пришелъ къ нему; потрудись, братъ Евсей, раскурить мнѣ трубку, что-то я уже ослабѣлъ крѣпко, не могу встать ужъ съ постели, вѣрно мнѣ не придется дожить восемьдесятъ пятаго года, пора уменьшить расходъ государственной казны: пенсiонъ только по смерти мою, а послѣ не дадутъ моей старухѣ. Чѣмъ-то ей придется кормиться! За сорокъ лѣтъ моей службы, спасибо хоть сто рублей ассигнаціями дали пенсiону, и то дай Богъ здоровье Цесаревичу Константину Павловичу, принужденъ былъ утруждать Его Высочество просьбою; а безъ того хоть съ голоду умирай, когда устарѣлъ на службѣ да не умѣлъ подставить лобъ подъ пулю, чтобы пролетѣла насквозь, хотя правду сказать, я всегда держалъ его открыто, и никогда не закрывалъ, да не удалось поймать налету дуру пулю; а Турецкія сабли такъ тупы, что только царапали какъ Русскія булавки, вотъ какъ видишь (показывая на лицѣ знаки сабельныхъ ударовъ). Знаешь что, братъ (продолжалъ онъ), я хочу кушать, а старуха при утреннемъ рапортѣ донесла, что нечего варить, а денегъ нѣтъ ни гроша. Напиши письмо Григорію Ивановичу Фонболю, да съ этимъ письмомъ сходи къ нему; скажи, что мнѣ скоро придется умереть голодному: онъ чловѣкъ добрый, вѣрно пожалѣетъ меня при дверяхъ гроба, въ который я уже ступаю одною ногою. Слеза выкатилась изъ глазъ старика, онъ замолчалъ. Старушка, жена его, сидѣла въ углу и штопала старые чулки, присматриваясь чрезъ окуляры, косвено лежавшіе на носу. Старый знакомецъ котъ, мурлыча, терся возлѣ ногъ моихъ, давая знать, что онъ также хочетъ кушать; самая квартира штабъ-ротмистра, казалось, въ это время приняла видъ печальнѣе прежняго. Двѣ небольшія комнаты съ кухнею стараго деревяннаго дома, построеннаго вѣроятно еще при zaloженіи Петербурга; въ передней комнатѣ стояли четыре изломанные стула и оборванная канапка, по стѣнамъ кое-гдѣ висѣли лоскутья бывшихъ шпалеръ, деревянный простой столъ въ одномъ углу, гдѣ была икона Казанской Божіей Матери, предъ Которой теплилась догорающая лампада, однимъ словомъ, все представляло крайнюю нищету съ угасающею надеждою жизни.

Голодная смерть угрожала неминуемо. Я написалъ короткое письмо и пошелъ въ корпусъ съ тѣмъ, чтобы спросить позволенiя пойти съ письмомъ къ г. Фонболю, жившему въ Литейной части.

На другой день, въ шесть часовъ утра, я уже былъ на Литейной. По пословицѣ языкъ до Кіева доводитъ, скоро нашелъ квартиру. Вы

господинъ Фонболь? спросилъ я при входѣ въ домъ встрѣтившаго меня пожилыхъ лѣтъ мужчину, котораго блѣдный видъ показывалъ, что онъ много сидѣлъ надъ бумагами, но, при всей томности лица, въ глазахъ ярко свѣтлѣлась душевная доброта. „Я имѣю честь быть имъ, что вамъ угодно?“.. Я подалъ письмо, которое онъ, распечатавши, прочиталъ только внизу подпись Павлова. „Вы вѣрно сынъ этого старика?“ съ замѣтнымъ на глазахъ прискорбіемъ спросилъ Фонболь. — Никакъ нѣтъ! отвѣчалъ я. „А! вѣроятно родственникъ его?“ Итого нѣтъ, а только знакомъ по случаю. „Ахъ Боже мой!“ съ удивленіемъ сказалъ Фонболь, вы единственно съ этимъ письмомъ пришли сюда?“... Точно такъ, желая помочь бѣдному безпомощному старику, я долженъ былъ это сдѣлать; при дряхлости лѣтъ штабъ-ротмистру угрожаетъ къ тому голодная смерть, по недостаточному состоянію его; а чтобы спасти его отъ этого, я поспѣшилъ сюда съ этимъ письмомъ; отъ малаго пособія въ настоящее время зависить жизнь или смерть старика и старухи!.... „Вы вѣрно Малороссіянинъ? съ навернувшимися на глазахъ слезами спросилъ Фонболь. Точно такъ, милостивый государь, я Черниговской губерніи. „Имѣете родителей?“.. Съ самаго малолѣтства лишился моихъ родителей, отвѣчалъ я съ глубокимъ вздохомъ. Въ это время я вспомнилъ всѣ несчастія, претерпѣнныя мною въ сиротствѣ, и, не могши удержать слезъ, заплакалъ. Послѣ этого великодушный Фонболь прижалъ меня къ груди своей и съ чувствомъ отцовскаго участія сказалъ: „вы будете въ жизни добрымъ человѣкомъ!“.... Горячая слеза его скатилась на мою голову, мнѣ стало легче на сердцѣ. Въ это время стѣнные часы пробили семь часовъ. „Мама! Мама!“ закричалъ Фонболь къ женѣ своей, поди сюда, увидишь добраго молодого человѣка!.. За симъ вышла пожилая дама, я былъ откомендованъ, г-жа Фонболь обласкала меня, мнѣ дали чашку кофе, а отецъ между тѣмъ разбудилъ дочь свою. „Наташа! Наташа!“ говорилъ онъ, „вставай скорѣй, заиграй что нибудь на фортопіано, повесели добраго нашего гостя“. Милая Наташа проворно встала съ постели, одѣлась, сѣла за фортопіано. Нѣсколько проигранныхъ ею штукъ заставили меня похвалить ея искусство и благодарить за принятый трудъ, румянецъ стыдливости былъ послѣдствіемъ. Она разсматривала ноты, чтобы тѣмъ скрыть разгорѣвшіеся яркимъ румянцемъ нѣжныя ея щечки. Наташѣ было только двѣнадцать лѣтъ, мнѣ шестнадцать, слѣдовательно мы между собою ничего не могли понимать, кромѣ дѣтскихъ вѣжливостей.

Послѣ этого господинъ Фонболь, взявъ меня за руку, просилъ посмотреть его садикъ, находившійся внутри двора его квартиры. Мы вошли въ небольшую берѣзовую алею, а потомъ къ кустамъ черной смородины; тутъ добродушный Фонболь сжалъ мою руку и, вложивъ

въ оную десятирублевую асигнацію, съ растроганными чувствами сказалъ: „Извините меня великодушно, что я не могу на этотъ случай больше дать пособія бѣдному старику“ (и слезы заблестали на глазахъ его).

Идя мимо церкви Всѣхъ Скорбящихъ Божіей Матери, я долгомъ себѣ поставилъ войти въ этотъ храмъ на короткое время, вознести сердечную благодарность Утѣшающей всѣхъ скорбящихъ. Вышедши изъ церкви, пошелъ ускореннымъ шагомъ съ душевнымъ восторгомъ на Петербургскую Сторону и отдалъ деньги.... Увидавъ меня, старикъ съ живѣйшимъ чувствомъ сердечнаго удовольствія благодарилъ, лучъ надежды еще жить блеснулъ въ мутныхъ глазахъ его. Старуха сидѣла въ углу и плакала; а по прибытіи моемъ терла слезы. Фонболь служилъ въ Иностранной Коллегіи переводчикомъ восьми діалектовъ, въ чинѣ коллежскаго совѣтника, съ жалованьемъ по тысячи пятисотъ рублей асигнаціями; но и съ такового весьма ограниченнаго жалованья онъ всегда удѣлялъ часть бѣднымъ, а когда въ другое время не могъ удѣлить просящему бѣдняку, то плакалъ слезами. „Ахъ, Евсей! какъ я безъ тебя соскучилъ, садись возлѣ меня; можетъ, мнѣ будетъ полегче, такая одолѣла меня тоска, хотъ бы сынъ который пріѣхалъ; кажется, что уже минута моей смерти скоро наступитъ, некому будетъ закрыть глаза, будь ты на мѣсто моего сына, пожалуйста не оставляй меня, Богъ тебя не оставитъ!“.... Такъ говорилъ штабъ-ротмистръ, когда я пришелъ къ нему чрезъ нѣсколько дней. Исполняя желаніе, я сѣлъ на постели больного; но онъ послѣ таковой рѣчи отъ сильной слабости и растроганныхъ чувствъ не могъ болѣе говорить. Старуха подошла ко мнѣ и, взявъ за руку, отвела въ сторону, горькія слезы текли по блѣднымъ щекамъ ея. „Что мнѣ дѣлать, и что придумать, Евсей Ивановичъ? Нѣтъ ни куска хлѣба. Яковъ Петровичъ, какъ видите, уже смотреть въ гробъ, чтѣ я буду дѣлать, когда умретъ онъ, похоронить не на что, и.. о!... Боже!.. по смерти старика чтѣ меня ожидаетъ?“... Растроганъ будучи горестію старушки, долго я не могъ ей говорить ни слова; наконецъ, собравшись съ духомъ, сказалъ: „не плачьте и не отчаивайтесь, матушка, есть Богъ, а слѣдовательно есть и надежда несчастнымъ, положитесь на Его всемогущій промыслъ“. Онъ пошлетъ вамъ утѣшеніе. Огорченная старуха въ отчаяніи не хотѣла ничему вѣрить.

Шумъ корпусной жизни не могъ меня разсѣять, я терялся совершенно въ изобрѣтеніи способовъ; наконецъ пришло мнѣ на мысль слѣдующее. Въ дворянскомъ кавалерійскомъ эскадронѣ служилъ поручикъ Орловскій, которому старикъ Павловъ нѣкогда пособилъ въ зубной болѣзни. Я пошелъ къ нему и объявилъ бѣдственное положеніе семейства его знакома; добрый Орловскій не замедлилъ посѣтить больного старика,

вмѣстѣ со своимъ полковникомъ; сей послѣдній также зналъ стараго гусара. Добродушный полковникъ (коего имя у меня вышло изъ памяти, а потому имени его не будетъ знать читатель сей исторіи; но его знаетъ Богъ, въ книгахъ Котораго онъ будетъ начертанъ неизгладимыми литерами въ числѣ тѣхъ, кои удостоены будутъ стать одесную) полковникъ, по выходѣ изъ квартиры старика, тотъ часъ прислалъ съѣстныхъ припасовъ и медика для пользованія больного; сей послѣдній, посмотрѣвши больного старика, прописалъ лѣкарства, но они уже были недѣйствительны.

Случилось такъ, что я дня четыре не могъ выдти изъ корпуса. Я нашелъ изсохшій трупъ старца безжизненный, охладѣлый, лежавшій среди комнаты.

Господинъ Орловскій написалъ просительное письмо, коимъ убѣждалъ подвигнуться къ состраданію несчастнаго семейства; съ этимъ письмомъ я пошелъ къ гг. офицерамъ Дворянскаго полка, и они охотно пожертвовали свои дровяныя деньги, которыя казначей тотъ часъ выдалъ. Генералы и штабъ-офицеры также сдѣлали значительное пожертвованіе, такъ что въ нѣсколько часовъ собралось до трехсотъ рублей. Гробъ и всѣ принадлежности къ погребенію приготовлены безденежно. Я тогда слегка напомнилъ старухѣ, что отчаяніе ея напрасно, и что всегда надежду надобно полагать на Бога!... „Хорошо, что такъ пришлось на этотъ разъ; но что я буду дѣлать дальше, оставшись въ сиротствѣ несчастною вдовою?“

Законоучитель второго кадетскаго корпуса, іеромонахъ Фотій, благочестивый мужъ, безпрекословно прибылъ для отпѣванія покойника. Вдовствующая старушка, по обычаю христіанъ, уважающихъ священство, подошла просить благословенія, поцѣловала руку іеромонаха. Между тѣмъ обратилась съ просьбою: „Батюшка, потрудитесь проводить тѣло на Смоленское поле“ (мѣсто погребенія). „Сударыня! отвѣчалъ святой мужъ, я сего человѣка не только на Смоленское поле, но готовъ за пятьдесятъ верстъ проводить: мнѣ извѣстна его жизнь, онъ заслужилъ гораздо большей почести!“.... Послѣ этого онъ началъ читать молитвы надъ усопшимъ; а по окончаніи краткой литіи, присланные изъ корпуса четыре служителя поставили гробъ на траурныя дроги и медленно повезли на Смоленское поле. Грустно шель я позади вмѣстѣ съ овдовѣвшею старушкою, поддерживая ее подъ руку, потому что она едва тащилась позади гроба.

По прибытіи на Смоленское поле, уставленное множествомъ разнообразныхъ памятниковъ, изъявляющихъ усердіе родственниковъ, погребавшихъ лежащихъ тутъ покойниковъ, скромный гробъ стараго воина тихо внесли служители въ церковь и поставили на приготовленномъ

катафалкъ; затѣмъ долго мы со старухою стояли въ концѣ гроба, ожидая начатія служенія; мертвое молчаніе царствовало въ святой обители, глубокая тишина продолжалась болѣе часа, ничто не нарушало покоя мертваго лежавшаго во гробѣ покойника, съ ужасомъ посматривалъ я на хладный трупъ старика, котораго однѣ только кости составляли обезображенный видъ человѣка. Вдругъ послышались въ церкви стройные протяжные голоса: Святый Боже!..... Двери церкви растворились, вошли пѣвчіе по два въ рядъ, за ними священники въ печальныхъ ризахъ, вслѣдъ за симъ нѣсколько штабъ и оберъ-офицеровъ на рукахъ внесли украшенный богато гробъ; въ немъ была покойница, дочь одного важнаго человѣка, окруженная печальными родственниками, въ глубокомъ траурѣ. Послѣ этого чрезъ полчаса вошла другая процессія, подобно первой, съ покойницею знатною дамою. Когда покойники установлены были на показанномъ мѣстѣ, пѣвчіе размѣстились на обоихъ клиросахъ; тогда началась обѣдня, въ продолженіи которой молились за всѣхъ покойниковъ безъ разбора, а по окончаніи литургіи все находившееся духовенство вышло на средину церкви, изъ коихъ первенствующимъ былъ нашъ іеромонахъ. Они воспѣли общую панихиду за находящихся въ церкви покойниковъ. Такимъ образомъ несчастный сравнился съ тѣми, кои и въ могилу шли съ пышностію и богатствомъ. Огорченную вдову я съ трудностію могъ вывести изъ церкви и провелъ до могилы, гдѣ глухой стукъ заступа уныло раздался; старуха лишилась чувствъ и упала на землю, но отъ свѣжаго вѣтра скоро опомнилась. Она предложила за труды священнику деньги. „Сударыня! сказалъ іеромонахъ, я долженъ бы еще вамъ дать что-нибудь, естли бы имѣлъ на этотъ разъ деньги, труды же мои предъ Богомъ, а не предъ людьми!“... Сказавъ это, Фотій благословилъ старушку и пошелъ въ церковь.

Отдавъ послѣдній долгъ покойнику, я и старушка возвратились на квартиру, гдѣ приготовлена была по обычаю христіанскому закуска, на которую приглашены сосѣди. Они всѣ утѣшали печальную вдову и совѣтовали возложить упованіе на Бога. Старуха, при всей опытности ея жизни, была слѣпа къ промыслу Всемогущаго Бога. Совѣты пятнадцатилѣтняго мальчика она почитала игрою воображенія, начитанною въ книгахъ философскихъ; а на событіе, ею испытанное, она крайне ограниченнымъ ея умомъ взирала какъ на слѣпой случай. Не утѣшите вы, молодой человѣкъ, меня въ томъ, въ чемъ я сама ясно вижу неминуемое бѣдствіе, долженствующее разразиться надъ моею головою. Голодная смерть, вотъ чего я ожидаю. По окончаніи поминаенія о душѣ покойника, я написалъ письма къ дѣтямъ Павловой, находившимся въ разныхъ полкахъ и въ разныхъ частяхъ. Я увѣ-

домилъ ихъ о смерти родителя и о жалкомъ состояніи матери, убѣждая при томъ принять возможные мѣры къ прокормленію ихъ кормилицы. Послѣ этого въ непродолжительномъ времени дѣти Павлова изъявили въ полной мѣрѣ дѣтскую свою признательность къ ихъ матери. Они опредѣлили каждый отъ себя по тридцати рублей въ треть присылать на содержаніе ея, стало быть гораздо больше какъ при жизни ея мужа; получивъ такое извѣстіе, вдова не находила словъ къ выраженію благодарности Творцу вселенной. Въ это только время она познала прежнее свое заблужденіе, чистосердечно сознавая свое малодушіе. Я, слабая женщина, не могу сравниться съ тобою, добрый нашъ другъ Евсей Ивановичъ, говорила вдова; ты хотя еще слишкомъ молодъ, но свѣтлый твой разумъ довольно преисполненъ познаніями истины. Да благословить тебя Богъ на пути твоей жизни!

Часто бывалъ я у господина Фонболя, у коего находилъ родственныя пріюты, милое и любезное обхожденіе его семейства. Часто бесѣдовалъ съ нимъ о состояніи вдовы Павловой и о смерти стараго гусара, ея мужа, который, проживъ слишкомъ восемь десятковъ лѣтъ, тысячу видѣлъ смертей, но ни одна во гробъ его не положила, до тѣхъ поръ, пока сама натура не отказала въ пособіи поддерживать жизненный его механизмъ, и такимъ порядкомъ онъ подошелъ ко всеобщему закону разрушенія. Теперь ему легче (говорилъ добросердечный Фонболь), онъ успокоился отъ бремени нищеты, отягочавшей конецъ его жизни; вѣчный ему покой!

Господинъ Фонболь всегда занималъ меня остроумными поучительными разсужденіями, забавлялъ иногда рѣдкостями натуры. Онъ былъ истинный философъ, терпѣливо сносилъ скудную часть фортуны; онъ, за изнурительные труды его, едва только получалъ съ семействомъ своимъ пропитаніе, и тѣмъ онъ былъ доволенъ, разыгрывая данную ему на театрѣ міра роль исправно; хотя надежда на перемѣну лучшаго никогда въ глаза не заглядывала, одно терпѣніе было удѣломъ его жизни; онъ зналъ во всемъ совершенствѣ пробный камень, на которомъ крѣпко утвердилъ жизнь свою.

У.

П р а п о р щ и к ъ.

Черезъ три года по вступленіи нашемъ въ Дворянскій полкъ я и братъ, по старшинству службы, допущены были на экзамень, состоявшій въ совершенномъ знаніи рекрутской школы и ротнаго ученія, при непосредственномъ знаніи читать, писать по-русски и первую часть Ариметики. Знаніе этого давало право поступать въ гренадерскую роту или носить званіе унтеръ-офицера; затѣмъ, по истеченіи еще

одного года, начальство, по усмотрѣнію надобности къ выпуску въ офицеры, производило вторичное испытаніе. При этомъ экзаменъ требовалось уже совершенное знаніе фронтовой службы, а при томъ скромное и безпорочное поведеніе должно сопровождать каждого до самаго выхода изъ корпуса, въ противномъ же случаѣ, не смотря на оберъ-офицерскіе эполеты, виновные подвергались наказанію и оставленію опять въ корпусѣ. Такъ строго было обращено вниманіе на нравственную часть питомцевъ.

Законоучитель Фотій по этому предмету былъ бдительнымъ цензоромъ. Онъ, кромѣ времени преподаванія лекцій, во всякомъ случаѣ старался истреблять наклонности къ худой нравственности. Въ свободное время онъ посѣщалъ камеры питомцевъ. Увидавъ своего законоучителя, они толпами ходили за нимъ слѣдомъ, переходя изъ одной камеры въ другую, одни изъ любопытства, другіе по наружности показывая видъ смиренія, а внутренно смѣясь надъ нѣкоторыми изъ его продѣлокъ, напримѣръ: онъ, подойдя къ столику, приказывалъ отворять ящикъ и находилъ тамъ игральныя карты, непристойныя пѣсни, и тому подобныя, что всё забиралъ къ себѣ и предавалъ огню. Пойдемъ, говорили иные, монахъ пришелъ проказничать и рассказывать сказки. Но были и такіе, которые искренно слушали наставленія законоучителя и принимали какъ святыню каждое его изреченіе. Сіи послѣдніе слушатели отъ прочихъ сотоварищей назывались въ насмѣшку монахами, попами, отшельниками и пр. Разумѣется, что и самое поведеніе ихъ соотвѣтствовало. Они прежде другихъ приходили въ церковь, въ камерахъ занимались чтеніемъ житій святыхъ отецъ, Библіею и другими книгами Священнаго Писанія, или сидѣли скромно, не вмѣшиваясь никогда въ толпы шумящихъ весельчаковъ, часто посѣщали келію законоучителя, бесѣдуя съ нимъ въ назидательныхъ поученіяхъ.

По истеченіи пяти лѣтъ я и братъ были въ числѣ удостоенныхъ къ производству въ офицеры и по заведенному порядку должны были предстать лично на смотръ Государю Императору. Въ то время требовалось въ армію офицеровъ пятьсотъ человекъ. Въ назначенный день юные питомцы Марса предстали предъ лицо Монарха. Блаженной памяти Государь Императоръ Александръ, осматривая удостоенныхъ питомцевъ, нашелъ ихъ достойными офицерскаго званія и поздравилъ офицерами. Сердца молодыхъ юношей закипѣли радостію. У каждого желаніе видѣть себя въ новомъ преобразованіи, лестномъ для молодаго человѣка, было неограниченно, а нетерпѣніе скорого исполненія выходило изъ своихъ предѣловъ; казалось, что не шли по землѣ, а летѣли по воздуху, при обратномъ маршѣ изъ зимняго дворца въ корпусъ; ни сонъ, ни пища не занимали удостоенныхъ въ офицеры; они ходили

толпами по корридору, начертывая себѣ планы будущей офицерской жизни.

Послѣ этого, по усмотрѣнію вакансій въ арміи Инспекторскимъ департаментомъ, выпущенные изъ Дворянскаго полка офицеры распредѣлялись по полкамъ. Я и братъ мой, по желанію служить въ егеряхъ, назначены въ 15-й Егерскій полкъ, стоявшій въ то время въ Полтавской губерніи. Иждивеніемъ казны построено обмундированіе, сообразно формѣ каждаго полка, со всѣми принадлежностями офицера. По обмундированіи вторично осматривалъ Государь Императоръ, вторично юные воины, уже въ высшемъ званіи, были восторжены радостію лицезрѣть августѣйшаго монарха. Высшее званіе воина раздѣлено на двѣнадцать степеней; первая степень есть именованный прапорщикъ... О! это есть дорогая степень, къ достиженію которой много проливается поту, а иногда и самой крови. Послѣднее принадлежитъ юнкерскому званію, бѣдственную участь коего я узналъ впоследствии; но, будучи въ Дворянскомъ полку, никакого совершенно не имѣлъ понятія: въ корпусѣ дѣти всё равно, что въ притонѣ доброй, но строгой матери; а юнкеромъ въ арміи то же, что жить у строгой суровой мачехи, которая всегда взыскиваетъ за преступленія, а никогда не оказываетъ ласки сердоболія.

Ступивши твердо на первую степень возвышенности, съ сладкою надеждою будущаго по пословицѣ: „худой тотъ солдатъ, который не надѣется быть генераломъ“; надѣвъ чеканно-кованные (въ то время такъ было) эполеты и нитинный шарфъ, а при боку съ таковымъ же темлякомъ шпагу, молодой выпущенный изъ корпуса офицеръ казался летящею птицею, т. е. восторженная его фантазія носила его выше лѣсу стоячаго, ниже облака ходячаго; но сказка скоро сказывается, а молодой ново-пожалованный офицеръ еще скорѣе того прохаживается по красивому граду Питеру!... Онъ летаетъ по рынку толкучему и засматриваетъ въ ряды гостиные, всё бы купилъ, всё для него нравится, да бѣда, что денегъ нѣтъ!

Всѣмъ извѣстенъ въ Петербургѣ толкучій рынокъ, гдѣ можно всякому все купить нужное въ новомъ хозяйствѣ молодаго офицера, какъ то: щетки, щеточки, шильце, мыльце, банки, баночки и наконецъ иголки и ниточки, все это нужно, а до того не думалъ ни о чемъ, живя въ корпусѣ былъ подобенъ дѣвушкѣ, живущей подъ родительскою кровлею до выхода въ замужество.

(Сообщено И. В. Помяловскимъ).

Дополненіе къ статьѣ о Е. М. Бутягиной.

Въ Х-ой книжкѣ „Русскаго Архива“ за этотъ годъ помѣщена весьма интересная по своимъ подробностямъ статья: „Елисавета Ивановна Бутягина“. С. М. Горяиновъ очень тщательно и добросовѣстно распуталъ таинственныя обстоятельства жизни полурусской Гречанки Фолоэ, которая превратилась въ Елисавету Экомонъ, усыновленная, по сантиментальнымъ побужденіямъ, принцемъ Карломъ-Генрихомъ Нассау-Зигеномъ, помимо его собственной дочери. Сдѣлавшись по своему воспитанію Француженкою, она вышла въ 1815 г. замужъ за Русскаго второстепеннаго дипломата Павла Степановита Бутягина (съ которымъ внослѣдствіи развѣхалась).

О самомъ Бутягинѣ г. Горяиновъ сообщаетъ лишь краткія біографическія свѣдѣнія, извлеченныя, повидимому, изъ его формуляра. Между прочимъ онъ говоритъ, что въ 1814 г. Бутягинъ состоялъ императорскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ при Французскомъ дворѣ и, по отъѣздѣ изъ Франціи короля Людовика XVIII въ виду приближенія Наполеона къ Парижу, выѣхалъ оттуда 5 Апрѣля 1815 г. въ Вѣну, гдѣ тогда пребывалъ Государь.

Отъѣздъ Бутягина состоялся, какъ сейчасъ будетъ видно, по другимъ соображеніямъ. С. М. Горяиновъ опустилъ здѣсь одну очень важную подробность, которая дѣлаетъ изъ совсѣмъ зауряднаго и ничѣмъ болѣе на службѣ не отличавшагося секретаря посольства лицо историческое, т. е. такое, имя котораго случайно связывается съ весьма важнымъ историческимъ событіемъ, вслѣдствіе чего оно упоминается во всѣхъ изслѣдованіяхъ, касающихся такъ называемыхъ Ста Дней.

Когда Наполеонъ покинулъ въ Февралѣ 1815 г. о. Эльбу и 8 Марта вступилъ въ Тюльерійскій дворецъ, то Людовикъ XVIII находился уже по дорогѣ въ Лиль.

„Бѣгство короля, говоритъ Н. К. Шильдеръ (Александръ I, т. III, стр. 306—7) совершилось съ такою быстротою, что онъ забылъ на столѣ, въ своемъ кабинетѣ, секретный договоръ 22 Декабря 1814 г. (3 Января) 1815 г.*). Наполеонъ не замедилъ воспользоваться этимъ счастливымъ случаемъ и, надѣясь разстроить собиравшуюся противъ него коалицію, отправилъ съ этимъ важнымъ документомъ *остававшагося* въ Парижѣ секретаря Русской миссіи Бутягина въ Вѣну, къ императору Александру“.

*) Между Франціею, Австріею и Англіею, относительно противодѣйствій требованіямъ Россіи и Пруссіи на Вѣнскомъ Конгрессѣ.

„27 Марта (8 Апр.) Бутягинъ вручилъ эту безцѣнную бумагу Государю, который могъ, наконецъ, наглядно убѣдиться въ двуличіи своихъ союзниковъ. Насталъ моментъ чрезвычайной важности: Русской политикѣ открывался широкій путь для достиженія ея завѣтныхъ цѣлей, согласованныхъ съ началами государственнаго эгоизма, а не съ романтикой. Но, какъ и слѣдовало ожидать, романтика одержала верхъ, и чувство неподдѣльнаго великодушія восторжествовало во всемъ своемъ величіи. Такимъ образомъ цѣль, которую имѣлъ въ виду Наполеонъ, рѣшившись на такое разоблаченіе политическихъ намѣреній Бурбонскаго дома, не была достигнута“.

Оказывается, что Бутягинъ, очевидно хорошо знавшій образъ мыслей своего Государя, предвидѣлъ этотъ исходъ. Когда Наполеонъ, черезъ Коленкура, ознакомилъ Бутягина съ содержаніемъ договора, то онъ, какъ говоритъ Albert Sorel (*L' Europe et la Révolution Française*, т. VIII, стр. 416), *lut le traité et dit: Si grand que puisse être le juste mécontentement de mon Maître contre le roi de France, en apprenant l' existence de ce traité, je n'ose me flatter qu'il en résulte le moindre changement dans ses dispositions**).

„На слѣдующее утро послѣ прибытія Бутягина въ Вѣну, повѣствуетъ Н. К. Шильдеръ, императоръ Александръ призывалъ къ себѣ Штейна и, давъ ему прочесть присланный Наполеономъ договоръ, сказалъ: Я пригласилъ къ себѣ также князя Меттерниха и желаю, чтобы вы были свидѣтелемъ нашего разговора. Вскорѣ вошелъ Меттернихъ; Александръ показалъ ему бумагу и спросилъ: „Извѣстенъ-ли вамъ этотъ документъ?“ Князь не измѣнился въ лицѣ и молчалъ. Придумавъ оправданіе, онъ хотѣлъ заговорить; но Государь прервалъ его словами: Меттернихъ, пока мы оба живы, объ этомъ предметѣ никогда не должно быть разговора между нами. Теперь намъ предстоятъ другія дѣла. Наполеонъ возвратился, и поэтому нашъ союзъ долженъ быть крѣпче, нежели когда нибудь. Съ этими словами Александръ бросилъ трактатъ въ пылавшій подлѣ него каминъ и отпустилъ обоихъ министровъ“.

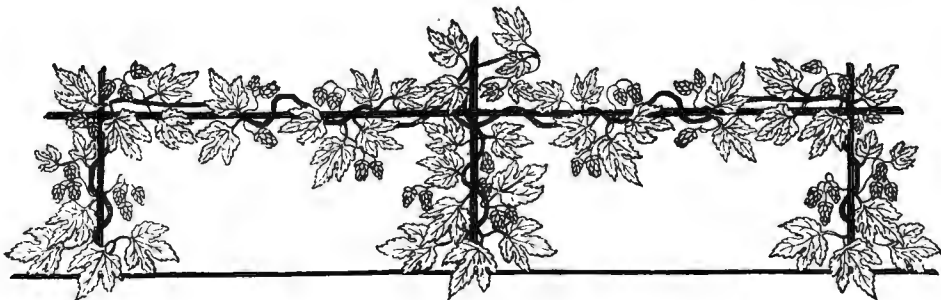
Такимъ образомъ имя Бутягина встрѣчалось въ главнѣйшихъ историческихъ сочиненіяхъ за долго до открытія личности его жены и опубликованія подробностей, касающихся ихъ семейной жизни.

К. Губастовъ.

Спб. 26 Сентября 1909.

*) Прочиталъ договоръ и сказалъ: какъ сильно ни было бы справедливое негодованіе моего Государя на короля Франціи, когда онъ узнаетъ о существованіи этого договора, смѣю думать, что намѣренія его ни малѣйше отъ того не перемѣнятся.

Изъ дневника генерала-лейтенанта И. Д. Попко *).

1854 годъ.

С е н т я б р ь.

12. Въ жаркій полдень, по одной изъ самыхъ пыльныхъ дорогъ въ лагерь, съ пустыми желудками, скакали я и князь Е. Т... къ князю Спиридону Чавчавадзе, везя, въ красномъ футлярѣ, всемилостивѣйше пожалованную ему золотую саблю, съ надписью, какъ водится „за храбрость“. У него мы обѣдали въ кругу Грузинской молодежи. Красавецъ князь Гуріель, осьмнадцатилѣтній юноша, съ большими черными глазами и въ мундирѣ Грузинскаго гренадерскаго полка, останавливалъ на себѣ взоры присутствующихъ, когда они (взоры) освобождались отъ тарелки. Князь Спиридонъ принесъ на алтарь затрапезной бесѣды слѣдующій разсказъ.

На южной покатости Кавказскаго хребта, выше Кахетіи, въ климатѣ суровомъ, на почвѣ каменистой и скупой, обитаетъ племя Грузинскаго народа Хевсуры, что значитъ по русски „жители ущелій“. Эти жители ущелій страстно любятъ вино и войну. На войнѣ употребляютъ они кольчуги и щиты, которыми отражаютъ удары непріятельскихъ сабель, съ изумительнымъ проворствомъ, съ изумительной ловкостью. Они славные рубаки и поединщики. Рѣдкій изъ нихъ не носитъ сабельныхъ рубцовъ на лицѣ. Въ ихъ вѣроисповѣданіи сохранились остатки христіанства. Они строго держатъ христіанскіе посты и собираются на богомолье въ старинныхъ христіанскихъ храмахъ. Впрочемъ богослуженіе въ сихъ храмахъ совершается устно, безъ книгъ. Служители церкви совершенно безграмотны. Хевсуры ѣздятъ за виномъ въ Кахетію. Часто случается, что, запасшись тамъ виномъ, они привозятъ домой тѣ же порожніе

*) См. 6-ю тетрадь „Р. Архива“ сего года.

бурдюки, какіе были взяты изъ дому. Дѣло въ томъ, что у Хевсуровъ есть обычай, предписывающій, когда они ѣдутъ съ виномъ, угощать всякаго встрѣчнаго, съ тѣмъ, конечно, чтобъ и себя тутъ же не забывать. Вотъ, такимъ-то манеромъ, ѣхалъ одинъ Хевсурець изъ Кахетіи восвояси, съ веселымъ лицомъ и съ большимъ мѣхомъ вина. Ему встрѣтился землякъ, державшій путь въ Кахетію, съ постнымъ и скучнымъ видомъ и съ пустымъ бурдюкомъ, предназначеннымъ для вывоза вина изъ его отечества. Ёдущій въ Кахетію издала подмѣтилъ у встрѣчнаго земляка винный грузъ и заранѣе началъ облизываться, предвкушая сладость попойки, условленной обычаемъ. Но каковы были его смущеніе и негодованіе, когда обладатель вина проѣхалъ мимо, не останавливаясь и вовсе не думая разрѣшить туго завязанную лапку своего бурдюка! Взгрустнулъ мой добродушный Хевсурець и поѣхалъ дальше, повѣся носъ до самой передней луки. Затѣмъ, добравшись до мамровъ Кахетіи, онъ напился вволю, до усовъ, и, наливъ свой мѣхъ, пустился въ обратный путь домой, съ раскраснѣвшими щеками и носомъ, какъ-бы онъ сидѣлъ близко у огня. Случилось, что на семъ пути и въ прежнемъ мѣстѣ, онъ встрѣтился съ тѣмъ землякомъ, который поскупился угостить его. Этотъ гадкій скряга находился въ обратномъ къ герою разсказа положеніи, именно: онъ ѣхалъ съ порожней посудой за виномъ. (Для удобствъ въ разсказѣ, мы назовѣмъ его *безвиннымъ*, хоть онъ и виноватъ, какъ видится изъ дѣла. Развѣ не дѣлають виновныхъ безвинными въ судахъ? Героя же повѣствованія нашего мы наменуемъ *виновнымъ*, не потому, чтобы за нимъ, на самомъ дѣлѣ, была вина какая, а того ради, что съ нимъ было вино). Ну, вотъ Хевсурець безвинный, узнавъ издала виновнаго своего земляка и чувствуя передъ нимъ себя виновнымъ, дѣлаетъ видъ, что видитъ его въ первый разъ въ жизни и спѣшитъ съ нимъ разѣхаться. Какъ бы не такъ! Виновный узналъ безвиннаго, останавливаетъ его, приглашаетъ сойти съ коня и, въ силу святаго обычая, выпить изъ бурдюка, грядущаго изъ страны винограда. Тотъ, радъ-не-радъ, принимаетъ предложеніе. Начинается угощеніе по правиламъ, на сей предметъ въ обиходѣ Хевсурскаго общежитія существующимъ. Виновный наполняетъ виномъ кожаную кружку, машару, и, сказавъ: „да дастъ, Господь, вѣчное блаженство святому Георгію“, выпиваетъ её за однимъ духомъ. Наливъ потомъ снова глубокую машару, онъ подноситъ её безвинному; но едва тотъ протянулъ къ ней руку, какъ угощающій роняетъ посуду, и вино проливается на земь. Безвинный выражаетъ живое сожалѣніе, но виновный равнодушно поднимаетъ чашу, не подверженую крушенію, снова наполняетъ её подъ носомъ своего товарища, произноситъ пожеланіе царства небеснаго своему дѣду и прадѣду, и опрастываетъ

сосудъ, прихваливая вино. Потомъ наполняетъ онъ кожаную чару и вторично подносить ее безвинному. Тотъ разгладилъ себѣ усы для безпрепятственного поглощенія животворящей Ноевой влаги и протянулъ руку. Но, къ великой его досадѣ, машара опять вывалилась изъ руки виновнаго, и сухая земля испила напитокъ, предназначенный для увеселенія человѣческаго сердца. Съ сильнымъ движеніемъ желчи безвинный видѣлъ, какъ лужайка вина уходила потихоньку въ землю, словно сама земля чувствовала вкусъ добраго Кахетинскаго и втягивала его медлительно, растягивая наслажденіе. Виновный, молча, поднималъ машару, налилъ, проговорилъ: „пускай здравствуетъ моя жонка бѣлолицая да мои пострѣлята ребятишки“ и выпилъ. Наливаетъ и подноситъ онъ безвинному въ третій разъ. Ну, думаетъ безвинный, теперь ужъ не прольешь, и спѣшитъ схватить машару обѣими руками. Уже пальцы его коснулись ея гладкой шерсточки; но она ускользаетъ изъ рукъ, какъ угорь, схваченный за хвостъ, падаетъ и проливается въ третій разъ. „Что за дьявольщина такая“, вскричалъ внѣ себя безвинный, „или у тебя, землякъ, рука усохла, или ты сдурѣлъ и задумалъ угощать, чертовъ сынъ, кротовъ да хорьковъ“. „Нѣтъ“, отвѣчаетъ виновный, „по милости Божіей, и рука, и голова у меня въ исправности, какъ слѣдуетъ имъ быть, что я намѣренъ доказать тебѣ сейчасъ. Послушай, пріятель, ты ѣхалъ съ виномъ, когда я ѣхалъ безъ вина. На этомъ самомъ мѣстѣ мы встрѣтились. вмѣсто того, чтобы остановиться и угостить меня, какъ долгъ велитъ всякому честному Хевсуру, ты изо всей силы толкалъ стремянами въ бока твоей клячи, чтобы поскорѣе миновать меня. вмѣсто виннаго вкуса, ты оставилъ у меня на языкѣ и въ сердцѣ горечь обманутой увѣренности въ угощеніи. Теперь я встрѣтилъ тебя здѣсь, съ виномъ въ моемъ торокѣ. Я остановилъ тебя и развязалъ лапку моего бурдюка изъ почтенія къ народному обычаю. Мой бурдюкъ былъ бы свинцовымъ грузомъ для моего коня, если бы я не выдѣлилъ изъ него довлѣющей части моему ближнему. Но какъ твоя грязная утроба не стояла того, чтобы въ нее вошло чистое и святое вино братскаго радушія, то я выплеснулъ твою долю на-земь. Я три раза обманулъ твою жажду, твою напряженную готовность выпить мое вино, такъ же точно, какъ ты, безстыдный скряга, обманулъ мою законную надежду отпить слѣдующую мнѣ долю изъ твоего теперь тощаго, а прежде полнаго, бурдюка. Это тебѣ плата той же монетой. А вотъ тебѣ еще проучка: вынимай-ка свою саблю и стань къ бою“. Послѣдовалъ поединокъ. Честному челоѣку Богъ помогаетъ въ битвѣ. Виновный Хевсурецъ заклеилъ безвиннаго нѣсколькими „личными“ ранами. Отвратительный эгоистъ пріѣхалъ домой съ трезвостью въ бурдюкѣ и трещинами на лицѣ.

14. Нынѣшнимъ утромъ, Донской казакъ ведетъ съ водопою офицерскихъ лошадей. Встрѣчается онъ съ станичникомъ, который спрашиваетъ его о житьѣ-бытьѣ. „Да вотъ, видишь-ли, молвилъ Донецъ, какъ велятъ ходить за лошадьми: пой и одѣвай, а корму-то не давай“. Это отголосокъ ропота, раздающагося въ настоящее время во всей кавалеріи. Съ 20 минувшаго Августа прекращенъ отпускъ въ кавалерію регулярную сѣнныхъ, а въ иррегулярную сѣнныхъ и ячменныхъ, однимъ словомъ, фуражныхъ денегъ. Сказано: берите сѣно *натурой*, версты за двадцать отъ лагеря, на неотрадномъ отрядномъ сѣнокосѣ, и везите его оттуда въ лагерь на вашихъ лошадяхъ, вьюкомъ и на повозкахъ, какія при войскахъ имѣются, съ придачею нѣкотораго вспоможенія отъ аробнаго и черводарскаго (вьючнаго) транспортовъ, которые правительство содержитъ посредствомъ подряда, при нашемъ корпусѣ въ числѣ: первый 2400 аробъ, а послѣдній 1000 лошадей, вѣчно осѣдланныхъ огромными соломенными сѣдлами. Такое лошадиное сухояденіе не по мысли и не по сердцу кавалеристамъ, которые до того помѣшались на жалобѣ, возбужденной онымъ, что ужъ пѣхотинцы боятся ногой ступить въ ихъ лагерь. У кого что болитъ, тотъ о томъ и говорить.

15. Походная жизнь безъ походовъ бѣдна и мелка. Содержаніе ея почти то же, что жизни осѣдлой, заглохшей въ какомъ нибудь уѣздномъ захолустьи: самоваръ, завтракъ, трудъ, обѣдъ, сонъ, скука, самоваръ, карты, папиросы, вино, сплетни, чтеніе, писанье и, въ воздаяніе за то, унавозивъ, удобривъ одну мѣстность, мы двигаемся на другую. Мы ищемъ воды и травы. О тактикѣ ужъ и помину нѣтъ. Да и о непріятелѣ лишь изрѣдка, вскользь какъ нибудь, рѣчь зайдетъ. Послѣ Курюкдарскаго перезвону, Турки прижались спиной къ стѣнамъ Карса, словно объявленіе, приклеенное къ стѣнѣ уличной будки. Толкуютъ, что въ Карсъ ѣдетъ Омеръ-паша. Не выведетъ ли онъ опять Османскую рать въ поле, на открытый воздухъ? Не отходить ли онъ ее отъ простудо-боязни? Нынче выбѣжалъ въ нашъ лагерь Турецкій офицеръ, регулярной службы, въ синемъ короткополомъ и однопортномъ сюртукѣ, съ погончиками на плечахъ. Онъ рассказываетъ о разстройствѣ непріятельскаго войска; но это лесть, которую поетъ всякій переметчикъ, чтобъ угодить той сторонѣ, на которую онъ передался и, вмѣстѣ, чтобы придать нѣкоторое оправданіе своему постыдному поступку. Въ разговорѣ о сраженіи 24 Іюля онъ высказалъ одно забавное обстоятельство. Въ началѣ боя, когда наши драгунскіе полки, 4-й и 3-й, стояли еще неподвижно, въ колоннахъ къ атакѣ, представляясь издали глазамъ непріятеля двумя черными тучами (оба полка имѣютъ вороныхъ лошадей), по которымъ сверкали молніи мѣдныхъ касокъ, Ту-

реки офицеры, чтобы ослабить впечатлѣніе сего грознаго зрѣлища на молодыхъ солдатъ, начали увѣрять ихъ, что это буйволы, къ рогамъ которыхъ прикрѣплены металлическія блестящія дощечки, что это личина, которую надѣлъ Русскій отрядъ для приданія большаго вида своей малочисленности и внушенія страха неопытному войску. Когда Турецкія свинцовыя мухи и чугуныя осы начали кусать сѣверныхъ буйволовъ, когда эти щекотливыя животныя расходились, принялись бодаться, такъ что ихъ не могли унять ни знаменитая Арабстанская конница, ни суварь, ни даже низамъ Блистательной Порты, рога Русскихъ буйволовъ оказались гораздо крѣпче и страшнѣе Турецкихъ штыковъ.

16. Въ палатокъ томительный жаръ и пыль, раздражающая легкія, а въ палаткахъ духота.

17. У одного изъ нашихъ сослуживцевъ, по случаю именинъ его матери, былъ обѣдъ съ Шампанскимъ. Гдѣ откупориваются бутылки, тамъ открываются рты и развязываются языки. Наговорено было съ три короба; но все сказанное, вмѣстѣ съ крохами, смахнутыми со скатерти послѣ обѣда, слетѣло въ рѣку времени и поплыло въ безбрежное и бездонное море. Вытащимъ на берегъ концомъ пера что нибудь. Графъ сказалъ, когда къ слову пришлось, что въ Остзейскихъ губерніяхъ никогда не слышно похищенія хлѣба либо сѣна въ полѣ. Отсутствіе воровственныхъ въ этомъ родѣ поступковъ приписываютъ дѣйствию стариннаго Шведскаго закона, по которому всякаго похитителя даровъ Цереры съ поля клали на мѣстѣ преступленія подъ плугъ и плугомъ обезглавливали.

Дѣла не слышимъ мы голоса церкви, не слышимъ звона. За утро и вечеръ, торжественный благовѣстъ военной музыки насъ зоветъ на молитву. Въ тихіе сумерки онъ сердце зоветъ на тайную бесѣду съ Небомъ и на подобающее воину отреченіе отъ житейскихъ привязанностей. Въ эти минуты служба говоритъ намъ не за глаза, а въ глаза: кто любить отца или мать паче Мене, нѣсть Мене достоинъ.

18. Въ полуденный жаръ, сидя на коврѣ гостепріимства у подполковника Израиль-бека Эдмарова, подъ легкой тѣнью цвѣтной Персидской палатки, мы съ кн. Е. Т. услаждали свой вкусъ кулябями, виноградомъ и яблоками, привезенными на верблюдахъ изъ Эривани. Потомъ обѣдали на коврѣ пресыщенія у кн. Яссы-Андроникова. Чтò за обѣдъ! Блюдо плова—верхушка Арарата, а вино—не пилъ такого я давно, изъ погреба, знать, Ноева оно. Лучшій во всемъ лагерѣ пловъ, безспорно, у кн. Яссы, а „бозъ-башъ“ у кн. Заали-Баратова. Чтò за продолжительная и постоянная суша! Наши бурки совсѣмъ раззнакомились съ дождемъ. Припоминая бурное непостоянство погоды

весной, и скучное постоянство ея въ наступающую осень, прилагаешь къ ней пословицу, сказанную про молодость человѣческую: *il faut que jeunesse se passe* *).

19. Утромъ выступилъ изъ лагеря кавалерійскій отрядъ въ составѣ 6 эскадроновъ драгунъ, 1-й сотни линейныхъ казаковъ, 4 сотни Мусульманъ, двухъ дружинъ Грузинскихъ и одной Греческой, при 4-хъ орудіяхъ казачьей артиллеріи. Съ этимъ отрядомъ г. командующій корпусомъ предпринялъ рекогносцировку. Мы прошли дер. Б. Комылесы и потянулись къ дер. Тихнись. На этомъ пути подняли мы двухъ лисъ; долго ихъ гоняли, удостоили ихъ даже продолжительнаго ружейнаго огня, но побѣдить эти четвероногія лукавства не иначе могли, какъ холоднымъ оружіемъ. Наши кони спотыкались по разсѣлинамъ, которыя подѣлались на поверхности земли отъ долговременной засухи. У Тихниса мы оставили часть нашего отряда для приготовленія обѣда изъ купленныхъ у жителей барановъ, а сами пошли дальше по большой дорогѣ къ дер. Первали, населенной, какъ и Тихнись, Армянами. Мы вошли въ башню, служившую когда-то для селенія защитою противъ набѣговъ хищныхъ Лезгинъ. Въ башнѣ пріютились два Армянскія семейства, недавно перебравшіяся на жительство изъ села Башъ-кадъ-лара въ сел. Первали, и здѣсь еще не успѣвшія вырыть себѣ норы. Женщина сидѣла на лохмотьяхъ, имѣвшихъ значеніе постели. Возлѣ нея находились колыбели и два ребенка. Женщина отворачивалась отъ насъ и скрывала свое болѣзненное и скорбное лицо въ чадрѣ; дѣти глазѣли на насъ. Вышедши изъ башни и отойдя отъ нея нѣсколько шаговъ, мы спустились въ подземелье, слабо освѣщенное сверху. Здѣсь, кромѣ столбовъ, подпирающихъ потолокъ и обнаженныхъ стѣнъ, ничего болѣе не представилось нашимъ глазамъ, пока мы не остановились на единственномъ во всемъ зданіи украшеніи, или лучше сказать предметѣ, не принадлежащемъ составу зданія. Это былъ старый, совершенно темный образъ, помѣщенный въ углубленіи, противоположномъ дверямъ. Впереди образа стоялъ священникъ въ полинялой навковой ризѣ. Мы догадались, что находимся въ церкви. Съ грустью представилъ себѣ каждый изъ насъ времена церкви гонимой, укрывающейся въ катакомбахъ. Священникъ объявилъ намъ, что этотъ убогій храмъ былъ ограбленъ баши-бузуками въ прошломъ году. Мы вышли на свѣтъ. Высоко, въ воздушныхъ пространствахъ, раздавался крикъ журавлей. Карсъ-чай тихо плескался въ своемъ каменномъ корытѣ. Народъ по деревнѣ работалъ на гумнахъ. Они молотили хлѣбъ, раздробляя въ то же время солому на саманъ. Это

*) Молодости подобаетъ миновать.

дѣлается посредствомъ доски, часто набитой клинышками. Доска лежитъ оклинцованной стороной на хлѣбѣ, разложенномъ по гумну. На доскѣ сидитъ лѣнивый человѣкъ; онъ погоняетъ пару воловъ, которые кружатъ съ доской по хлѣбу. Эта терка замѣняетъ здѣсь нашъ цѣпъ. Урожай пшеницы по берегамъ Карсъ-чая въ нынѣшнемъ году былъ самъ-шестнадцать. Это maximum; самъ-двѣнадцать minimum. Коду посѣялъ, самару снималъ. Въ Имеретіи урожай гоми (мелкое просо) бываетъ самъ-четырехъ-сотъ. Кромѣ соломы и кизяку, да болѣзненныхъ и печальныхъ лицъ, смотрѣть въ Армянской деревнѣ больше нечего. Мы сѣли на коней и поѣхали назадъ къ Тихнису. Мусульмане затѣяли джигитовку. Два изъ нихъ, рассказавшись другъ противъ друга, такъ столкнулись, что и всадники, и кони повалились безъ чувствъ. У Тихниса мы пообѣдали, чѣмъ Богъ послалъ. Пловъ и шашлыкъ въ подобныхъ случаяхъ занимаютъ первое мѣсто въ области гастрономіи. Послѣ обѣда, подъ скрипъ зурны, плясали Грузины, Татары и Греки. Послѣдніе плясали сцѣпившись, человѣкъ двадцать, вмѣстѣ. Мирно двигаясь, они сгибались въ кольцо и потомъ растягивались въ цѣпъ, съ разными изломами. Они одѣты были въ свой парадный нарядъ, который составляютъ: красная вышитая куртка, бѣлая до колѣнъ юбка, вышитые чулки и легкіе башмаки на ногахъ; красная феска на головѣ, бумажный кушакъ вокругъ поясицы. Отъ пляски сдѣланъ переходъ къ борьбѣ. Два Грека, обнажась до пояса, какъ древніе атлеты, сцѣплялись нѣсколько разъ, припадая къ землѣ, по-кошачьи. Низкій характеръ народа отражается и въ борьбѣ его.

Вечерѣло. Жаръ спалъ. По гласу трубы, отрядъ нашъ сѣлъ на конь, перетянулся черезъ рѣку и съ пѣсней направился обратно къ лагерю. Татары подняли опять свою неуклюжую и безмысленную джигитовку, и опять двое изъ нихъ стукнулись лбами, до обморока. Нижегородскіе драгуны спѣли новую свою пѣсню. Мысль пѣсни хороша, только разработана плохо. Хоръ взываетъ къ первому полку, запѣвалъ и плясуну Малышкѣ: скажи-ка, Малышка, сколько лѣтъ ужъ существуетъ и славится нашъ полкъ?—Голосъ отвѣчаетъ: двѣсти. Потомъ запѣвало дѣлаетъ еще три разнохарактерные вопроса, на которые тотъ же голосъ отвѣчаетъ вродѣ эха. Говорятъ, что подъ Кадыкларомъ драгуны оплошали?—Врали. У горы Караяла какія брали мы игрушки? „Пушки“.—Эхъ-ма, служба тяжела, часто право, не находка, что драгунамъ нужно?—Водка. Тѣмъ пѣсня кончается. Послѣ каждого отвѣта хоръ поетъ какіе-то стихи на голосъ; „выйду-ль я на рѣченьку“. Разобрать ихъ нѣтъ возможности. Вообще сказать надо, что въ пѣснѣ мысль есть, а содержаніе Богъ дастъ.

Горы отбрасывали вечернія тѣни на нашу дорогу. Пыль клубилась, какъ дымъ, по нашимъ пятамъ, садясь намъ на спину, на шапку, на бакенбарды. Вотъ зарыбилъ нашъ лагерь. Утомленные кони, Фёбовы и наши, въ одно время поставлены у коновязей, съ той только разницей, что тѣ гдѣ-то на краю неба, а наши на холмахъ Аа-булака, тѣ къ хорошему, а наши къ дурному сѣну. Вечеръ былъ тихій и пріятный. Молодой мѣсяцъ, за неимѣніемъ кристалловидной влаги въ широкомъ размѣрѣ, смотрѣлся въ небольшой, узкій прудъ на ручьѣ Аа-булакѣ. Такъ смотрится деревенскій щеголь въ осколокъ зеркала.

21. Великій князь Николай Николаевичъ прислалъ въ драгунскій своего имени полкъ, въ изъясненіе своего высокаго вниманія къ отличію оказанному тѣмъ полкомъ въ сраженіи 24 Іюля, полковому командиру саблю, офицерамъ 13 золотыхъ, и нижнимъ чинамъ 220 серебряныхъ грудныхъ крестовъ. Этотъ даръ сопровождается письмомъ великаго князя къ командиру полка. На крестахъ начертаны слова: Богъ намъ прибѣжище и сила. Для подобающаго принятія шефскаго благословенія въ полку совершено молебствіе, закончившееся освященіемъ крестовъ и врученіемъ ихъ офицерамъ и нижнимъ чинамъ. Когда мы ѣхали къ этому молебствію, лошадь подъ начальникомъ кавалеріи начала сильно бить и, послѣ двухъ-трехъ козловъ, сбросила сѣдока, который при этомъ ушибъ себѣ ногу.

22. Взошедшее солнце освѣтило представшихъ въ управленіе начальника кавалеріи на судъ одного линейнаго урядника, двухъ Донскихъ казаковъ, двухъ Мусульманъ, одного рыжаго быка и одного духанщика. Пошли спросы и переспросы. Для окончательнаго разъясненія дѣла необходимо было показаніе рыжаго быка, но онъ молчалъ и только иногда качалъ головой, изумляясь, какую ложь способны люди показывать на судѣ. Рыжій быкъ имѣлъ полное право не отверзать ушей на судѣ, потому-то Армянинъ-переводчикъ безсовѣстно перевиралъ показанія Татаръ; куда же ему было уразумѣть и передать языкъ вола, языкъ древнѣйшій въ мірѣ и чуждый всякой письменности? Въ Россіи зналъ хорошо этотъ языкъ одинъ только Крыловъ. Кстати здѣсь замѣтить, что Русское управленіе на Кавказѣ весьма много теряетъ отъ неспособности или отъ недобросовѣстности переводчиковъ. И то и другое встрѣчается на каждомъ шагу. Нашелся добрый человѣкъ, который сдѣлалъ переводъ съ Армянской надписи на стѣнѣ полуразрушеннаго христіанскаго храма, въ селѣ Башъ-Шураиль. По отзыву людей сильныхъ въ Армянскомъ книжномъ языкѣ, переводъ подстроенный. Вотъ онъ.

Сія церковь сооружена лѣта 1021-го. Да не убавить никто изъ стѣнъ ея ни одного камня, да прочитываетъ сію надпись всякій, посѣтителъ ли онъ

или проживающій подъ ея кровомъ. Если же кто-нибудь изъ пренебреженія разрушить ее или не упомянетъ основателя ея, тотъ да будетъ проклятъ божественной славой и 318-ю праотцами. Да помянетъ посѣтителъ потрудившихся надъ постройкою церкви сей, прославляя Вседержителя. Аминь.

Посѣтителы церкви сей да прославятъ Бога и охранятъ ее вѣрою; она сооружена во славу Всевышняго значительнымъ иждивеніемъ. Посѣтителы! Помяните трудившихся надъ постройкою сей церкви: епископа, архитектора, мастеровъ и принесшихъ посильные труды. Вѣрою своею благословляя и прославляя Всевышняго Отца, помяните и насъ во славу Божию: да будутъ благословенны на семъ и на томъ свѣтѣ. На сооруженіе церкви сей употреблено много денегъ и матеріаловъ, но объ нихъ здѣсь подробно не пишется, а прочитывая то, что здѣсь написано, помяните основателя, мастеровъ и всѣхъ принесшихъ посильные труды: да будутъ благословенны Господомъ Богомъ. Аминь.

Значительный отрядъ выступилъ съ генераломъ Ходзько къ Башъ-кадыкъ-ларскому полю, для снятія его на планъ. Найдеть ли тамъ топографъ прошлагодня Русскія могилы, чтобъ и ихъ также нанести на планъ? Быть можетъ, безчувственный Армянинъ протянулъ уже по нимъ борозду для озимаго посѣва.

23. Привелось мнѣ быть на Грузинскомъ обѣдѣ. Безъ соленой закуски между блюдами, безъ травы и безъ хохота Грузины не обѣдаютъ. О Кахетинскомъ ужъ и говорить нечего, за столомъ Грузина оно относится къ пищѣ, какъ на обитаемой нами планетѣ вода къ землѣ. Для питья вина употребляется посуда трехъ родовъ: азарпеша, серебряный ковшъ съ длинной ручкой, которую можно заткнуть за поясъ; куля, деревянная или серебряная баклашка, герметически закрытая, съ узкимъ горломъ, при питьѣ звучно хлопочущая и, наконецъ, турій рогъ, чара-богатырь. Въ старину, во время послѣобѣденной попойки, среди круга пирующихъ, подбрасывали вверхъ заряженный со взведеннымъ замкомъ пистолетъ, который, падая, выстрѣливалъ въ кого-нибудь изъ сидящихъ. Тутъ каждый Грузинъ старался выказать сколько можно болѣе хладнокровія и равнодушія. Это нѣчто вродѣ извѣстной игры въ жмурки у прежнихъ Поляковъ. Теперь Грузины, конечно, не тѣ; но они любятъ военный мундиръ и съ особеннымъ стараніемъ втираются въ ряды нашихъ регулярныхъ войскъ.

24. Отрядъ нашъ перекочевалъ отъ Аакъ-булаха къ Гюль-Булаху (источникъ рѣки), ближе къ Арпачаю. Нашъ лагерь расположился гусиной вереницей вдоль праваго побережья этой рѣки. На правомъ флангѣ поставлены двѣ сотни Донцовъ, стрѣлковый баталіонъ и сборный полкъ линейцевъ. За ними, по фронтальной линіи, полки Грузинскій, Эриванскій и Бѣлевскій. Потомъ штабъ съ разными дружинами,

паркъ, госпиталь, провіантскій штатъ. Оттуда, къ лѣвому флангу, драгуны, Мусульмане, три сотни линейцевъ и Тульскій полкъ. Нашъ тылъ отобщенъ отъ праваго берега Арпачая двухверстнымъ пространствомъ мѣстности, мало сказать изрытой, а избуравленной, исковерканной ни-на-что. Знать, попалась она подъ сердитую руку природы. Вообще, наша позиція обчеркнута глубокими оврагами вокругъ, въ нѣсколько линій. Это крѣпость за тройнымъ, четвертнымъ рвомъ. Къ намъ или, лучше сказать, мы присосѣдились къ Карапапахскимъ деревнямъ Гюль-Булаху, который ссудилъ свое имя нашей теперешней позиціи, и Гохши-оглы. По ту сторону, на Русскомъ берегу Арпачая, живописно раскинулись Армянскія деревушки: Календжа, замѣчательная своей древней церковію краснаго цвѣта, и Кипсъ, ничѣмъ не замѣчательный. Въ воздаяніе за шумъ и пыль переселенія мы были угощены на новосельѣ тихимъ, теплымъ, чистымъ и прозрачнымъ вечеромъ, вечеромъ перваго дня созданія нашего стараго и расшатавшагося міра. Заходящее солнце окрашивало багрецомъ своихъ остывшихъ лучей подоблачные снѣга Арарата. Такъ пурпуровое Кахетинское вино, второе солнце Грузіи, окрашиваетъ снѣгу подобное серебро азарпеши; такъ Карабахскій бекъ ввечеру своей жизни окрашиваетъ снѣгъ жизненной зимы, сѣдину своей бороды.

27. День прошелъ въ разстановкѣ форпостовъ. Мѣстность составляетъ важную статью въ ходѣ и исходѣ сраженій. Мѣстность въ столкновеніи большихъ силъ то же, чтѣ основа въ ткани. Еще бѣльшее значеніе имѣетъ она относительно форпостовъ. Здѣсь она должна быть изучена и обдумана до послѣднихъ мелочей; каждый оврагъ и каждый холмъ долженъ имѣть смыслъ въ сочетаніи съ пикетомъ. Проѣзжай и объѣзжай нѣсколько разъ то мѣсто, гдѣ разставляешь пикеты. Не пожалѣй коня. Взгляни пристально и туда и сюда, и отсюда и оттуда. Общепринятые правила въ разстановкѣ пикетовъ заключаются впервыхъ въ томъ, чтобы ихъ цѣпь была обозначена какой-нибудь естественной чертой, чтобы предъ ними было какое-нибудь *препятствіе*, и, во вторыхъ, чтобы сей видѣлъ онаго. Независимо отъ аванпостовъ, поставлены вокругъ лагеря полевые пѣхотные караулы. Къ деревнямъ, очутившимся въ чертѣ нашего расположенія, приставлены отдѣльные караулы съ такой заботливостью, какъ бы дѣло шло объ охраненіи денежныхъ ящиковъ. То и хорошо! У командира 15-й батареи Кавказскаго линейнаго войска былъ шумный обѣдъ. Ячмень былъ отменно вкусенъ. Лезгинку плясали со стрѣльбой. Одинъ Армянинъ, затѣйникъ, ходилъ по лагерю на ходуляхъ, на которыя надѣты были чудовищно-большіе шаровары. Ходули были такъ высоки, что люди самаго большого роста едва доставали головой до колѣнъ лже-исполина. Грена-

деры казались настоящими пигмеями предъ этой одушевленной и ходячей каланчой.

28. Значительная часть дня употреблена на приведение въ порядокъ форпостовъ. Для форпостной службы казаки не годятся въ такое время, когда непріятеля нѣтъ передъ носомъ. Нельзя добиться, чтобъ изъ трехъ человѣкъ, составляющихъ пикетъ, одинъ стоялъ на ногахъ: всѣ трое лежатъ. Поставили вы часового—стоять, но только отъѣхали, повалился. Это какъ пантоминная комедія, въ которой арлекинъ хочетъ поставить стоймя мертвеца, а тотъ всё валится. Вечеромъ прозвенѣлъ по лагерю колокольчикъ. Пріѣхалъ курьеръ изъ Тифлиса. Въ послѣдствіе пріятнаго звука колокольчика разнесся по лагерю не менѣе пріятный слухъ, будто Англо-французскій корпусъ, высадившійся въ Крымъ, разбитъ княземъ Меншиковымъ. Подождали вѣстника безъ колокольчика, на деревяшкѣ. Вечеромъ, въ закрытой на глухо и наполненной табачнымъ дымомъ палаткѣ начальника кавалеріи шла бесѣда, между прочимъ, про запоздалую, старческую страсть Завадовскаго къ Зинаидѣ П. М., въ Желѣзноводскѣ и про странный характеръ генерала Багговута. Подполковникъ Веревкинъ къ слову сказалъ, что, во время Персидской войны Багговутъ былъ плѣнительно хорошъ собой, что своей красивой наружностью онъ дѣйствительно плѣнилъ Персидскаго шаха, и что, во время переговоровъ о мирѣ, его часто ставили къ шаху на ординарцы съ умысломъ размягчить упорство угрюмаго повелителя Персіи въ нѣкоторыхъ статьяхъ договора.

29. На разсвѣтѣ долетаетъ до нашего слуха изъ Александропольской крѣпости звонъ колокола, возвѣщающаго служеніе заутрени. И звонъ отечества сладокъ! За обѣдомъ шелъ разговоръ о нардзанѣ и Кахетинскомъ. Послѣднему отдали преимущество. Грузинскія дворянскія (дворянскія!) дружины, служившія живыми ширмами командующему корпусомъ, отправились домой на печь: вишь холодно имъ стало въ лагерь; удалились изъ лагеря, скрипя зурной, словно отъѣзжія арбы. Увидятъ они своихъ горбоносыхъ Грузинокъ и курчавыхъ ребятишекъ. Чай, войдя въ свой домъ, креститься не будутъ: образовъ у нихъ нѣтъ. Только въ хоромахъ князей, слышь ты, святые-то иконы есть. Эй, солнышко. куда это ты спустилось? Нельзя ли подняться повыше, со-всѣмъ въ мою палатку ввалилось.

30. Выбѣжавшій изъ Карса Грекъ, въ Турецкомъ нарядѣ, съ больными глазами, рассказываетъ вотъ что. Около Карса лагерь разбитъ тысячъ на сорокъ войска, дѣйствительныхъ же жильцовъ въ немъ тысячъ двадцать. Многія палатки почти пусты. Стало быть, это скорлупа полу-выѣденнаго яйца. Жалованье войску даютъ бумажками, къ которымъ народъ не имѣетъ почти никакого довѣрія. Предметы

довольствія доходятъ до солдатъ крѣпко оглоданные чиновниками. Башибузукамъ предоставлено промышлять себѣ кормъ по-волчьи. Въ одеждѣ и обуви нужда. Побѣги изъ лагеря часты; для прекращенія ихъ поставлена вокругъ лагеря цѣпь. Ученье, особенно артиллерійское, производится ежедневно. Пріѣзжіе Европейцы подбиваютъ Турокъ дать намъ еще одинъ бой до зимы. Офицеры имъ сочувствуютъ, но въ низшихъ слояхъ войска господствуетъ рѣшительное нерасположеніе къ военнымъ дѣйствіямъ. Наше выжидательное положеніе должно оказывать разрушительное вліяніе на Турецкое войско. Это зданіе, сбитое на скорую руку изъ непрочнаго и разнороднаго матерьялу, скорѣе распадается подъ долговременнымъ давленіемъ собственной тяжести, чѣмъ подъ молотомъ поспѣшныхъ битвъ. Эта тайна, безъ сомнѣнія, извѣстна какъ нельзя лучше нашему полководцу, котораго Турки ни разбить, ни обмануть не могутъ.

О к т я б р ь.

1. Какая прекрасная старость года! Чужда угрюмости тучъ, ропота дождей, суевѣрія тумановъ. Правда, ея лицо блѣдно и морщинисто, дыханіе холодно, но чело открыто и ясно, взоръ свѣтелъ. Кого изъ насъ сподобить Господь, сквозь Турецкій чугунъ, и свинецъ, и булатъ, сквозь лихорадку тѣла и души, сквозь испытанія судьбы достигнуть свѣтлой старости?

Вечеромъ надвинулась на наше село, строенное иглой, черная туча съ Сѣверо-востока, со стороны жилища знаменитаго разбойника Иши-ма-оглу. Дождь началъ часто барабанить въ туго натянутый холстъ палатки. Матери-тучѣ любо, что сынокъ ея, веселый дождикъ, заигрываетъ съ нашими бѣглянками-палатками. Но откуда ни возьмись, завистница буря, какъ нашумитъ на бѣдняжку тучу, не-что тутъ Богъ велѣлъ дождику идти? Съ какой стати связался онъ съ палатками, потаскухами? Пускай-ка идетъ на пашню. И погнала тучи съ дождемъ куда-то въ даль дальнюю, на общественную, слышь ты, запашку.

2. Рыболовныя воды въ области Черноморскихъ казаковъ восполняли недостатокъ земли и гнилость значительныхъ ея пространствъ. Отъ нихъ существовала треть мѣстнаго народоселенія. Для благороднаго сословія онѣ заступали мѣсто имѣній крестьянами населенныхъ, которыхъ вовсе нѣтъ въ этомъ, недавно заселенномъ и еще невышедшемъ вполнѣ изъ дикаго состоянія, краю. Для благороднаго сословія онѣ смягчали суровость этого лишенія. И эти воды были отданы откупщику! Народъ и, въ особенности то сословіе, которое называется дворянствомъ, страдали вещественно и нравственно чрезъ отчужденіе стихій, обезпе-

чивавшей ихъ не благоденствіе, а только существованіе. Теперь, когда непріятельскіе корабли покрываютъ Черное море и на берега его извергаютъ грозныя полчища, Черноморскимъ казакамъ отдали назадъ ихъ рыболовныя воды¹⁾.

11. На лѣвомъ берегу Арпачая, на первой пяди великой земли Русской, подъ ивами мы обѣдали съ графомъ²⁾ пловъ и шашлыкъ. У нашихъ ногъ шумѣли Арпачай, позади насъ протекалъ мельничный водопроводъ. Мы дышали самымъ чистымъ и свѣжимъ воздухомъ. Зеленныя ивы, прислоненныя къ черной отвѣсной скалѣ, казались деревьями, нарисованными на стѣнѣ аль-фреско. Наступившая ночь исторгнула насъ изъ материнскихъ объятій природы. По убѣжденію здѣшняго народа ива имѣетъ особенное свойство очищать воздухъ; она для воздуха то же, что водоочистительная цистерна для воды. Въ самомъ дѣлѣ, не даетъ ли ей этого значенія сама природа, помѣщая ея въ мѣстахъ болотныхъ, гдѣ воздухъ особенно нечистъ? Добрая слава лежитъ, а худая бѣжитъ. Вопреки этой поговоркѣ, надобно сказать, что добрыя военныя вѣсти скачутъ на курьерскихъ, а худыя лежатъ или же по самой меньшей мѣрѣ тащатся на костыляхъ. Вотъ уже больше мѣсяца, какъ мы ждемъ не дождемся вѣстей изъ Крыма. У всѣхъ на языкѣ Крымъ и высадка. Одни говорятъ, мы побѣдили Англичанъ и Французовъ, другіе говорятъ—насъ подрали за уши наши наставники въ просвѣщеніи, цивилизаціи и во вкусѣ. Странно, если насъ они подрали за уши. Какъ-будто наша голова и нашъ желудокъ не были ихъ покорнѣйшими слугами? Сегодня прибылъ изъ Тифлиса молодой врачъ. Чтѣ въ Тифлисѣ слышно о Крымскихъ дѣлахъ?—Фельдъ-егерь, пріѣхавшій въ Тифлисъ, сказывалъ, что онъ встрѣтилъ около Тулы скакавшаго изъ Крыма флигель-адъютанта, который на вопросъ фельдъ-егеря: чтѣ тамъ въ Крыму? отвѣчалъ, указывая себѣ на шею: сюда получу!

12. Князь Бебутовъ и гр. Ниродъ дѣлали прощальный смотръ конно-мусульманскому № 1 полку. Обѣхавъ ряды, приказали они полку пройти по-сотенно, церемоніальнымъ маршемъ. Полкъ проѣхалъ ложамя (рысью) и чанъ-чанъ (маршъ-маршъ) и потомъ смѣшался въ клубокъ. Распутавъ кое-какъ сей нестройный Монгольскій легіонъ, мы проводили его съ честью изъ лагеря и пожелали ему сладкаго отдыха на лаврахъ. Полкъ отпущенъ на зиму восвоюи.

14. Еще нашего полку убыло. Конно-мусульманскій № 2 полкъ послѣдовалъ за своимъ старшимъ братомъ домой. Туда ему и дорога!

¹⁾ Вслѣдствіе плохого состоянія тетради здѣсь имѣется перерывъ: вырвано нѣсколько листовъ. С. Форфоровскій.

²⁾ Ниродомъ? П. Б.

Для службы былъ онъ бесполезенъ; для политики, говорятъ былъ полезенъ. Гремѣлъ громъ, двойная радуга разцвѣтала на Востокъ. Шелъ дождь. Вечеромъ читали мы въ *Journal de Constantinople* извѣстie о побѣдѣ, одержанной союзниками, въ Крыму, 8 Сентября, надъ Русскими и похвальное слово Русскому народу. То и другое изложено энергическимъ стилемъ. Вотъ образчикъ: 12000 hommes de la garde impériale ont été écharpés. La perte des Russes a été immense; les armées alliées ont eu hors de combat, entre tués et blessés, 3000 hommes. La Russie c'est la nation qui compte plus de 50.000.000 de corps et qui n'a que quelques centaines d'âmes... C'est la nation, où les mots: gloire, honneur, patriotisme sont des mots qui sonnent creux et demeurent sans écho... C'est la nation *Agasvérus*, qui marche, marche, marche, et n'avance pas en civilisation... Il ne faut pas juger la Russie sur les quelques Russes boyards qui ont le bon esprit de se *dérusser* en entrant dans nos capitales. Leurs fronts, plissés par la sévérité, par la peur, par la colère se dérident en pays civilisés, et on les voit s'enivrer de toutes les voluptés, de toutes les joies qu'ils payent avec l'or qu'ils ont fait suer à leurs serfs... En France un soldat condamné pour vol est banni de l'armée, comme indigne; en Russie un fonctionnaire convaincu de vol est incorporé dans l'armée... Une armée nombreuse est obligée de se diviser pour vivre, et néanmoins elle doit pouvoir se réunir promptement sur un champ de bataille. Là est l'une des dernières difficultés d'un grand rassemblement*)...

15. Ночной дождь омылъ небо, воздухъ и землю. Солнце взошло лучезарно. Алагезъ, Арапартъ, Караялъ и всѣ мелкотравистые холмы, все отъ фельдмаршала до послѣдняго нижняго чина гористой мѣстности — выставилось на смотръ, въ полной аммуниціи. По дорогѣ ни пылинки.

*) Вотъ образчикъ: 12000 солдатъ Императорской гвардіи были уничтожены. Потеря Русскихъ была громадна; въ союзныхъ арміяхъ вышло изъ строя убитыми и ранеными 3000 человекъ. Россія такая нація, въ которой насчитывается болѣе 50000000 тѣлъ, но при томъ только нѣсколько сотенъ душъ... Это нація, въ которой слова: слава, честь, патриотизмъ являются простымъ звукомъ и не находятъ отклика... Это Вѣчный Жидъ, который идетъ, идетъ, идетъ и все-таки не подвигается на пути цивилизаціи... Судить о Россіи нельзя по нѣсколькимъ Русскимъ боярамъ, которые имѣютъ здравый смыслъ перестать быть Русскими, входя въ наши столицы. Ихъ чело, изборожденное суровостью, страхомъ, гнѣвомъ разглаживается въ цивилизованныхъ странахъ, и они погружаются во всѣ наслажденія, во всѣ радости жизни, которыя оплачиваютъ золотомъ, добытымъ потомъ своихъ рабовъ... Во Франціи солдатъ, осужденный за воровство, изгоняется изъ арміи, какъ недостойный; въ Россіи чиновникъ, запятанный воровствомъ, ссылается въ армію... Многочисленная армія должна дѣлиться, чтобы жить и вмѣстѣ съ тѣмъ должна имѣть возможность быстро соединяться на полѣ битвы. Въ этомъ заключается одна изъ послѣднихъ трудностей большихъ армій.

Повозки катили въ Александрополь. Тамъ и сямъ шумѣли драгуны, выведенные на ученѣе. Князь Бебутовъ выѣзжалъ изъ лагеря, остана-вливаясь при каждой кучкѣ солдатъ и отечески здороваясь съ ними. Мы сопровождали его до линіи аванпостовъ. Тамъ онъ попросилъ насъ воротиться, а самъ, съ небольшимъ казачьимъ конвоемъ, отправился въ Александрополь прижать къ своему сердцу дорогихъ ему гостей изъ Тифлиса. Мы съ графомъ проѣхали на Арпачай и въ деревню Каледони. Мы разсматривали древній храмъ, пережившій свое назначеніе. Былъ онъ предметомъ благоговѣнія, теперь сталъ предметомъ равнодушнаго любопытства людей. Воздвигающій бури на сокрушеніе столѣтнихъ кедровъ въ мірѣ вещественномъ воздвигаетъ бури страстей въ мірѣ нравственномъ на ниспроверженіе дѣлъ человѣческихъ. Вѣковой кедръ долженъ пасть, чтобы дать мѣсто новому деревцу; вѣковой храмъ долженъ низойти до значенія грязной лачуги, чтобы дать мѣсто новому вѣрованію, новой формѣ богопочтенія. Таковы условія, таковы основной законъ жизни. Жизнь возможна только тамъ, гдѣ есть начало и конецъ, возвышеніе и паденіе. Гдѣ этого нѣтъ, тамъ и жизни нѣтъ. Существованія вѣчнаго быть не можетъ. Что-либо не можетъ быть вѣчно. Несуществованіе можетъ быть вѣчно; ничто можетъ быть вѣчно. Потому изъ ничего и создано все существующее. Начинаящій памятуй, что начинаемое будетъ имѣть конецъ. Никакая тварь, и никакое дѣло, и никакое убѣжденіе ума и сердца, имѣвшія начало, не могутъ не имѣть конца, не могутъ быть безконечны. Безконечное должно быть безначально. И для того мудрецъ восклицаетъ: *quid quid agis, prudenter agas et respice finem**). Такимъ печальнымъ размышленіямъ предавались мы, сидя близъ красной церкви, на плитахъ древняго кладбища, гдѣ почившіе отъ трудовъ поконченной жизни благочестивые отшельники давно уже превратились въ черноземъ. И какъ въ природѣ смертныхъ нѣтъ капиталовъ, то эта вырученная отъ бранныхъ останковъ отшельниковъ сумма чернозема пуцена въ оборотъ новой жизни. По справкѣ оказывается, что здѣсь былъ монастырь, что красная церковь съ боковыми по сторонамъ ея церквами была моленной отшельниковъ, что она выстроена какимъ-то Ваанимомъ въ 971 году отъ Григорія, просвѣтителя Арменіи, и что, наконецъ, мѣстность нынѣшней деревни Календжи называлась встарь Зазать.

17. Командующій корпусомъ возвратился изъ Александрополя въ лагерь чрезъ Арпачайскую заставу. Какъ на бѣду, попались ему тамъ четыре молодыхъ солдата, побивавшихся кизякомъ, съ мѣшками за плечами въ деревнѣ Календжи. Въ мѣшкѣ одного изъ нихъ, какъ въ

*) Что бы то ни дѣлалъ, дѣлай благоразумно и гляди на конецъ.

мѣшка одного изъ братьевъ Іосифа, былъ найденъ похищенный сосудъ... Это побирание кизякомъ показываетъ нужду, которую войска испытываютъ въ топливѣ.

18. Небо сѣро. Свѣтлое небо такъ ужъ надоѣло, что эта сермяга на тверди небесной веселитъ взоры и сердце. Княгиня Бебутова съ дочерью, пожалованною во фрейлины за Башъ-кадыкъ-ларскую побѣду, посѣтила нашъ лагерь. При проѣздѣ ея по лагерю войска выходили на линейку, въ мундирахъ. Музыка въ каждой части играла вальсы и мазурки. Множество офицеровъ скакали около коляски и пылили на сидѣвшую въ ней княгиню. Княгиня не кашляла, потому что пыль лести не горька, не удушлива и совсѣмъ не садится на легкія, не то что пыль пренебреженія!

19. Небо задернуто синесѣрыми тучами. Изрѣдка мороситъ мелкій, какъ маково зерно, дождикъ. Мы проводили изъ лагеря командующаго корпусомъ. Онъ отправился въ Александрополь погостить у княгини и княжны на основаніи стиха Горациевой оды: *Non semper arcum tendit Apollo* *).

20. Драгуны учились. Въ войнѣ съ Черкесами одинъ полкъ драгунъ замѣстилъ бы девять полковъ казачьихъ и три пѣхотныхъ. Наша война въ горахъ—это война не маневровъ, а моментовъ. Для подобной войны не столь нужно множество военныхъ силъ, сколько нуженъ родъ войска, способнаго наносить ударъ, соотвѣтствующій данной минутѣ. Теперь мы били, обыкновенно, въ пустой воздухъ, потому что непріятель отпрыгиваетъ отъ насъ, какъ мячъ отъ спины. Чтобы бить такого непріятеля, нужна кавалерія, которая бы приносила и уносила пѣхоту по желанію, по требованію. Для такой войны нужны не простые воины, движущіеся на собственныхъ ногахъ, а центавры, и они-то суть драгуны. При теперешнемъ образѣ Кавказской войны пѣхота не поспѣваетъ, кавалерія не выдерживаетъ, артиллерія стрѣляетъ по воробьямъ, казаки только духу непріятелю придаютъ. Оттого и дѣла неуспѣшно идутъ. Греки взяли Трою не прежде, какъ ввели въ нее коня, который родилъ пѣхоту. Русскіе овладѣютъ Кавказомъ тогда только, когда введутъ въ его тѣснины кавалерію, которая рождаетъ пѣхоту. Не часто ли казаки спѣшиваются, чтобъ выдержать ударъ Черкеской конницы? Не часто ли возятъ они на крупу своихъ плохенькихъ лошадокъ пѣхотныхъ солдатиковъ, чтобъ поспѣть во-время нанести ударъ? Чтò это показываетъ? Это показываетъ существенную надобность въ такомъ войскѣ, какъ драгуны. И такъ на Кавказѣ,

*) Аполлонъ не всегда натягаетъ лукъ.

драгуны, на Кавказъ! Для васъ растутъ лавры на его подоблачныхъ вершинахъ.

Солнце зашло за горную тучу. Наступила темная ночь. Молніи зажглись въ небѣ съ широкимъ, ослѣпительнымъ блескомъ. Грянулъ громъ, и хлынулъ дождь, да такой, что держись только Турецкая палатка. Удары грома повторялись. Одинъ изъ нихъ разразился надъ лагеремъ съ оглушительнымъ трескомъ. Имъ убить драгунскій унтеръ-офицеръ.

21. Утро пасмурное и холодное. Въ полдень проглянуло теплое солнышко. На ученьи 4-го драгунскаго полка былъ сдѣланъ одинъ маневръ, который не одинъ разъ пригодился бы въ войнѣ съ горцами. Первая линія дѣйствовала развернутымъ фронтомъ въ конномъ строю, вторая спѣшилась, и люди легли. Тогда первая линія начала отступать, и ея ряды прошли назадъ между рядами второй линіи, прилежшими къ землѣ и готовыми дать внезапный отпоръ нападающему непріятелю.

23. Верхушки ближайшихъ къ намъ горъ притрушены снѣгомъ. Умножилась сѣдина старѣющагося года. По утрамъ являются довольно ощутительные морозцы, утренники. Перепадаютъ дожди. Въ Карсѣ прибылъ новый муширъ Измаиль-паша, сдѣлавшій свое имя извѣстнымъ въ бояхъ около Калафата. Гренадеръ, срывавшій по утесистому берегу глубокаго оврага колючки для топлива, оборвался, полетѣлъ на дно оврага и убится на-смерть. Вотъ, въ другомъ родѣ, явленіе, обнаруживающее нужду войска въ топливѣ.

24. Какъ только начался день, отрядъ нашъ снялся и потянулся по ущелью на сел. Вартанлы и потомъ Молла-муса. Пѣхота, пѣшая артиллерія и казаки прошли тѣмъ ущельемъ до праваго берега Арпа-гая и заняли тамъ новую позицію у разоренной деревни Караклисъ, насупротивъ мельницы Ванеса. Это будетъ верстъ пятью пониже Александропля. Послѣдніе съ оставленной Гюлю-Булахской позиціи двинулись драгуны и двѣ съ половиною батареи конной артиллеріи. Эта колонна направилась лѣвѣе пѣхоты на Александропольскій карантинъ. Начальникъ кавалеріи при драгунахъ слѣдовалъ. Будучи совершенно готовы къ походу и поджидая на мѣстѣ, пока веселая пѣвунья, пѣхоташка, вытянетъ подальше, мы видѣли, какъ бѣдные жители Гюлю-Булаха и Календжу, принявшись за ремесло ветошниковъ, по опустѣлой площади снятаго лагеря начали шарить въ осадкахъ четырехнедѣльнаго нахожденія на ней двадцати слишкомъ тысячъ желудковъ Россійской имперіи. Мы видѣли еще, какъ жирная съ хорошо приглаженной шерстью мышка бѣгала въ тревогѣ и осматривалась въ

недоумѣннѣи на мѣстахъ, гдѣ палатки наши стояли, *ubi Troia fuit**). На ихъ смазливыхъ рыльцахъ изображалась глубокая горестъ. Сердца ихъ надрывались, и верхнія губы подергивались отъ неопределимаго желанія плакать. Конечно онѣ плакали, когда мы, ихъ кормилицы, ушли. Да и намъ-то, признаться, не совсѣмъ весело было идти. Небо висѣло надъ нашими головами свинцовымъ ситомъ, сквозь которое сѣялся мелкій и частый дождикъ. Лошади на примоченной дорогѣ скользили. Шелъ разговоръ о способахъ вселять въ Русскаго солдата усердіе и стараніе къ своему дѣлу. Графъ рассказывалъ. Принялъ я кавалерійскій полкъ. Ковка лошадей производилась въ немъ дурно; одежда строилась солдатами гадко. Спрашиваю, отчего это такъ дѣлается? Отвѣчаютъ: кузнецы плохи, портные изъ рукъ вонъ. Призываю кузнецовъ и портныхъ, приказываю имъ приложить стараніе и искусство. Черезъ нѣсколько дней приводятъ ко мнѣ лошадь кое-какъ подкованную. Я даю кузнецу цѣлковый. Потомъ привели нѣсколько лошадей, все лучше и лучше подкованныхъ. Я роздалъ еще нѣсколько цѣлковыхъ. Такимъ образомъ, раздавъ рублей пятьдесятъ, я довелъ ковку лошадей до надлежащаго совершенства. Тоже самое сдѣлалъ я и съ портными. Но ужъ послѣ того, если кузнецъ и портной дѣлали свое дѣло дурно, я давалъ имъ по сотни палокъ. И такъ, вотъ вамъ способъ возбудить въ Русскомъ солдатѣ охоту и старанье выполнять свое назначенье исправно: первоначально деньги на водку, а потомъ палки.

Выше карантина, у дер. Аджи-пули, мы переправились черезъ Арпачай на Русскую сторону. Вотъ, вотъ она, вотъ Русская граница! Изъ тѣхъ, которые перешагнули черезъ неѣ весной не всѣмъ суждено перейти еѣ назадъ. Вѣчная память тѣмъ, которые на службѣ остались зиму зимовать и вѣкъ вѣковать.

25. Около обѣденной поры раздались пушечные выстрѣлы съ Александропольской крѣпости. „Побѣда, побѣда,“ раздалось въ лагерѣ, „Французовъ и Англичанъ изъ Крыма прогнали. Двѣсти тысячъ побили, двѣсти пушекъ взяли“. Люди съ сильнымъ воображеніемъ и съ сильной страстью разносить первинки, сливки новостей рассказывали уже многія печальныя подробности этого страшнаго событія. По ихъ словамъ это была гибель Фараонова воинства, покусившагося переправиться черезъ пучину морскую. Трудно опредѣлить размѣры, до которыхъ дошли бы описанія гибели сыновъ Запада на берегахъ Тавриды, если бы прибывшіе изъ города люди флегматическаго темперамента не сказали просто-на-просто, что пушечная пальба въ крѣпости происходила по случаю артиллерійскаго ученія.

*) Гдѣ была Троя.

Корпусный штабъ оставилъ свои палатки разобранными, убрался потихоньку изъ лагеря въ городъ. Къ пустымъ палаткамъ наряжается караулъ. Почетъ принадлежащій власти отдается ея наружной оболочкѣ.

26. Мы перебрались изъ лагеря въ городъ Александрополь. Переходъ изъ шатровъ въ четыре стѣны составилъ бы радостную эпоху въ другомъ мѣстѣ, но не въ Александрополѣ, гдѣ страшная грязь.

27. Командующій корпусомъ, съ длиннымъ и пестрымъ хвостомъ, объѣзжалъ оба лагеря, кавалерійскій и пѣхотный. Объѣздъ пріятно кончился завтракомъ въ палаткѣ князя Бебутова. Слава Богу, на егерей Тульского и Бѣлевскаго полковъ можно смотрѣть съ утѣшеніемъ и упованіемъ; поправились, исполненные здоровья и духа.

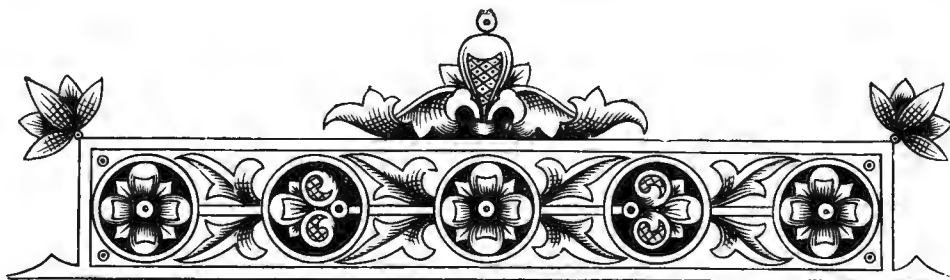
28. Солнце свѣтитъ днемъ, звѣзды горятъ ночью. Послѣ морознаго утра теплый, красный денекъ. Драгуны, у которыхъ палатки слишкомъ плохи, порыли себѣ ямки вдоль коновязей и въ нихъ прячутся на ночь, какъ хорьки. Изъ разсматриванія Александрополя оказывается, что въ промышленныхъ его улицахъ значительно умножились трактиры и духаны. Въ эту только сторону онъ и сдѣлалъ нѣкоторый прогрессъ. На улицѣ, гдѣ наша квартира, все попрежнему. Вотъ рядъ лавочекъ, предъ которыми коробка Русскаго офени, магазинъ. По какому-то странному заблужденію, сочтя себя лавочками, помѣстились промежду нихъ: швальня, слесарня и... какъ бы сказать... заведеніе, дѣятельно заготавливающее ладьи для отправляющихся изъ сего міра къ берегамъ Стикса. Портной, предсѣдательствующій въ швальнѣ, объемомъ своимъ едва равняющейся порядочному сундуку, лѣвымъ глазомъ слѣдитъ за движеніемъ своей иглы, а правымъ за прохожими, которые едва не толкаютъ его локтями въ бокъ.

Вечерняя бесѣда вертѣлась около трехъ именъ: Воронцова, Завадовскаго и Посполитаки, именъ, неразрывно связанныхъ между собой и напечатлѣвшихся на современномъ состояніи Черноморскаго войска роковыми словами Вальтазарова приговора: мани, факель, фаресь.

29. Соучастникъ моихъ прогулокъ докторъ Барковскій высказалъ, что остроуміе есть такая способность, въ составъ которой входятъ большими количествами воображеніе и память, и самымъ меньшимъ — умъ.

(Продолженіе будетъ).

Памяти покойнаго Наслѣдника Цесаревича Георгія Александровича.

(къ ЕГО БІОГРАФІИ).

..... и на всемъ
Та кроткая улыбка увяданья,
Что въ существѣ разумномъ мы зовемъ
Возвышенной стыдливостью страданья.

(Тютчевъ).

На дняхъ появилась въ „Новомъ Времени“ маленькая статья о покойномъ Цесаревичѣ Великомъ Князѣ Георгіи Александровичѣ, взволновавшая мнѣ душу сладкимъ и горестнымъ воспоминаніемъ.

„Въ Іюнѣ мѣсяцѣ этого года, говорится въ ней, минуло десять лѣтъ, какъ скончался Наслѣдникъ Цесаревичъ Георгій Александровичъ; но прошедшіе годы не только не наложили ни тѣни забвенія на память о немъ среди лицъ, которымъ хоть нѣсколько разъ удавалось видѣть его и говорить съ нимъ, но еще болѣе запечатлѣли его свѣтлый, грустный образъ, образъ царственнаго страдальца съ прекрасной, полной неизъяснимой кротости душою“.

Могу удостовѣрить истину этихъ словъ, ибо самъ Цесаревичъ и все окружавшее его въ дни, проведенные мною у него въ Абасъ-Туманѣ, представляется мнѣ такъ живо, какъ будто я былъ тамъ вчера, а не 17 лѣтъ тому назадъ.

Великій Князь Георгій Александровичъ проводилъ тогда вторую зиму въ Закавказьѣ, Абасъ-Туманѣ, на цѣлительный воздухъ и особенно благоприятный климатъ котораго возлагалось столько надеждъ. Дворецъ еще строился, и Его Высочество жилъ въ маленькомъ деревянномъ домикѣ князя Голицына, въ обстановкѣ совершенно простой, можно сказать, даже суровой. Только въ гостиной было нѣсколько мягкихъ креселъ и диванъ, въ остальныхъ комнатахъ мягкой мебели совсѣмъ не полагалось и въ комнатѣ, служившей спальною и вмѣстѣ кабинетомъ

Великаго Князя, стояли простой столъ, стулья, да двѣ желѣзныя кровати съ жесткими матрацами и мѣховыми одѣялами, одна для Великаго Князя Георгія Александровича, другая для гостившаго у него въ то время Великаго Князя Александра Михайловича. Образъ жизни, исполнѣй подчиненный главной цѣли—лѣченію, былъ чрезвычайно правиленъ и простъ. Чтобы пользоваться холоднымъ горнымъ воздухомъ все время, окна во всѣхъ комнатахъ оставались полуоткрытыми и день и ночь; зимой температура опускалась въ нихъ иногда до 2° ниже нуля, и никогда не превышала 6° тепла.

Не взирая на болѣзнь, Великій Князь продолжалъ свое образованіе и работалъ ежедневно часа четыре—пять съ преподавателями. Жизнь шла по часамъ и ничто не нарушало установленнаго порядка дня.

Въ 8^{1/2} ч.—утренній чай; до завтрака занятія; въ 11 ч.—завтракъ изъ двухъ простыхъ блюдъ, прогулка или работа на воздухѣ; затѣмъ снова занятія. Въ 4 ч.—чай; въ 6 ч.—обѣдъ изъ четырехъ блюдъ; послѣ обѣда неизмѣнная партія въ винтъ до 9^{1/2} ч., когда подавался чай, послѣ котораго всѣ расходились.

Великій Князь всегда купалъ со всѣми лицами свиты и пріѣзжими гостями вмѣстѣ, даже и утренній чай. Изрѣдка этотъ порядокъ дня измѣнялся тѣмъ, что съ утра отправлялись на охоту или въ дальнюю прогулку. По праздникамъ Великій Князь со всею свитой ѣздилъ къ обѣднѣ въ старую Абасъ-Туманскую церковь. Эта небольшая, изъ сѣраго Кавказскаго камня, церковь находилась въ разстояніи около полуторы версты отъ домика князя Голицына, вблизи ваннаго заведенія.

Я пріѣхалъ въ Абасъ-Туманъ*) именно въ такой день, когда всѣ уѣхали въ горы, на перевалъ (гдѣ иногда устраивались пикники, прямо на снѣгу). Послѣ дороги изъ Тифлиса я могъ отдохнуть, осмотрѣться и свободно налюбоваться видомъ Абасъ-Туманскаго ущелья. Какая своеобразная и дикая красота! Кругомъ покрытыя лѣсомъ вершины съ нависшими и мѣстами грозящими паденіемъ скалами; вдали, на фонѣ синяго неба, сверкаетъ ослѣпительной бѣлизною снѣговой перевалъ. Немолчный ропотъ горнаго потока приковываетъ вниманіе и еще больше подчеркиваетъ царящее кругомъ безмолвіе. Прозраченъ бодрящій чистый воздухъ; имъ дышется такъ легко! Надъ головой

*) Приглашеніемъ къ Великому Князю я обязанъ Тифлисскому губернатору князю Г. Д. Шервашидзе и тестю его барону А. П. Николаи (бывшему министру народнаго просвѣщенія), у котораго я случайно встрѣтился съ пріѣхавшимъ изъ Абасъ-Тумана въ Тифлисъ лейтенантомъ Бойсманомъ, рассказавшимъ о любви къ музыкѣ Великаго Князя Георгія Александровича, вслѣдствіе чего и былъ устроенъ мой пріѣздъ (27 Февр. 1892 г.).

благословенное небо подымается легкимъ куполомъ; плывутъ безмятежно облака. Въ природѣ какое-то благоговѣніе, какъ будто совершается торжественно великое таинство.

Когда всѣ возвратились съ прогулки, графъ А. В. Олсуфьевъ, завѣдывавшій тогда Дворомъ Его Высочества, прислалъ сказать, что являться къ нему не нужно: онъ самъ зайдетъ передъ обѣдомъ и поведетъ меня къ Великому Князю; при этомъ графъ предупредилъ, чтобы я не вздумалъ надѣвать фракъ, такъ какъ все равно придется оставаться въ пальто. Нечего и говорить, что, когда мы изъ свитскаго домика, гдѣ мнѣ отвели помѣщеніе, отправились въ домикъ Великаго Князя, то мною овладѣло нѣкоторое волненіе: предстояло впервые въ жизни очутиться въ столь высокомъ обществѣ.

Замѣтивъ мое смущеніе, графъ Олсуфьевъ началъ рассказывать что-то веселое и громко смѣяться; съ этимъ смѣхомъ мы и вошли въ переднюю, пройдя мимо стражища-часового, горца въ косматой папахѣ съ саблей наголо. Графъ Олсуфьевъ, увидавъ, что я снимаю пальто, уговаривалъ меня этого не дѣлать. Однако, я все-таки раздѣлся, ибо мнѣ показалось совсѣмъ невозможнымъ явиться въ комнату въ пальто и галошахъ и въ такомъ видѣ предстать предъ Ихъ Императорскими Высочествами.

Въ гостиной, куда мы вошли, уже всѣ были въ сборѣ. Кромѣ Ихъ Императорскихъ Высочествъ тамъ находились лейбъ-медики Л. М. Олышевскій, его помощникъ М. Л. Карповичъ, главный врачъ Абастуманскихъ водъ К. К. Кобардо, строитель новаго дворца—военный инженеръ Бревернъ, командиръ яхты Великаго Князя Александра Михайловича—капитанъ Якубовскій, молодые лейтенанты Шателенъ, Хельснеръ, Трахтенбергъ, Виренъ и пришедшіе со мной графъ Олсуфьевъ, капитанъ Азбелевъ и лейтенантъ Мѣшковъ.

Великій Князь Георгій Александровичъ стоялъ рядомъ съ Великимъ Княземъ Александромъ Михайловичемъ, прислонившись къ піанино. Онъ былъ въ морской тужуркѣ на мѣху, въ высокихъ сапогахъ. По здоровому, нѣсколько загорѣлому цвѣту лица, нельзя было предположить настоящую причину его пребыванія въ далекомъ, дикомъ ущельѣ Кавказа. Лишь глаза съ налетомъ грусти, да легкое покашливаніе давали знать о его болѣзни.

Послѣ представленія Ихъ Высочествамъ и знакомства со всѣми присутствовавшими, графъ Олсуфьевъ заставилъ таки меня надѣть пальто и чувяки, чему я не сопротивлялся болѣе, такъ какъ въ комнатахъ было всего 5° тепла и всѣ были въ тепломъ.

Вскорѣ двинулись въ проходную между гостиной и столовой комнату, въ которой былъ накрытъ столъ съ закуской. Великій Князь

Георгій Александровичъ не закусывалъ; онъ стоялъ поодаль, прислонившись къ стѣнѣ; улыбка скользила по его лицу, когда кто нибудь, наливая себѣ рюмку во второй разъ, говорилъ шутку въ свое оправданіе. Увидавъ, что всѣ кончили, Ихъ Высочества прошли въ столовую, гдѣ заняли за столомъ мѣста посерединѣ. Помѣщенный противъ Великихъ Князей, нѣсколько вкось, я замѣчалъ, что Великій Князь Георгій Александровичъ внимательно меня разсматриваетъ. Новое лицо, видимо, его интересовало и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣсколько стѣсняло. Привыкъ онъ ко мнѣ, быть можетъ, только на третій день. За то, когда я пріѣхалъ въ Абасъ-Туманъ вторично*), то былъ уже встрѣченъ какъ старый знакомый, просто и съ трогательнымъ радушіемъ. Первый же обѣдъ Великій Князь, видимо, поддавался врожденной застѣнчивости.

Тѣмъ временемъ общій бодрый и живой разговоръ переходилъ съ одного предмета на другой, не умолкая ни на минуту. Великій Князь Александръ Михайловичъ увлекательно рассказывалъ нѣкоторые эпизоды изъ своей поѣздки въ Индію, между прочимъ о томъ, какъ Англичане, съ которыми ему приходилось бесѣдовать тамъ, непременно спрашивали, правда ли, что казаки питаются сырымъ мясомъ. Капитанъ Азбелевъ говорилъ о лекціи, читанной имъ недавно въ Тифлисѣ. К. К. Кобардо вспоминалъ объ условіяхъ жизни въ Абасъ-Туманѣ до пріѣзда Двора Его Высочества, когда не было никакого благоустройства; ванное заведеніе существуетъ очень недавно; раньше главный источникъ былъ заключенъ въ круглый каменный бассейнъ, устроенный въ незапамятныя времена. Два источника были совсѣмъ ничѣмъ не прикрыты; пріѣзжавшіе лѣчиться сами на свой счетъ должны были сооружать навѣсъ, ставить ванны, но все это зимой расхищалось. Безопасности не было никакой. Впрочемъ, прибавилъ онъ, грабежи продолжаются и по сіе время. По поводу заключенія въ Тифлисскую тюрьму толстовца кн. Хилкова, я рассказалъ о гр. Л. Н. Толстомъ и его отношеніяхъ къ извѣстному читателямъ „Русскаго Архива“ мыслителю Н. Ѳ. Ѳедорову. Великій Князь Георгій Александровичъ рѣдко вступалъ въ бесѣду, но слушалъ разговоръ другихъ внимательно и часто съ видимымъ интересомъ.

Послѣ обѣда всѣ перешли въ гостиную. Я былъ тотчасъ же посаженъ графомъ Олсуфьевымъ за инструментъ и исполнилъ рядъ пьесъ, начавъ „Жаворонкомъ“ Балакирева и окончивъ фантазіей Листа „Les

*) Меня тогда взяли съ собою ѣхавшіе изъ Тифлиса проститься съ Великимъ Княземъ предъ его отъѣздомъ въ Алжиръ Сергій Алексѣевичъ Шереметевъ и князь Георгій Дмитріевичъ Шервашидзе. Я остался и послѣ ихъ отъѣзда изъ Абасъ-Тумана, проводя тамъ на этотъ разъ дней десять.

râtimeurs“. Великій Князь слушалъ съ большимъ вниманіемъ, не проронивъ ни одного слова. Музыка, это искусство, открывающее, по выраженію Шопенгауэра, истинную сущность вещей, душу мірозданія, дѣйствовала на чуткое сердце царственнаго юноши. Замѣтно было, что ему особенно нравятся вещи съ глубокимъ внутреннимъ содержаніемъ, напримѣръ, „Баллада“ и „Фантазія“ Шопена и „Легенда“ Листа (о хожденіи по волнамъ св. Франциска).

Думаю, наслажденіе искусствомъ было потребностью его художественной души, ибо въ слѣдующіе дни я игралъ по вечерамъ ежедневно и подолгу, а если, изъ опасенія прискучить, не садился за инструментъ самъ, то меня просили объ этомъ. И днемъ, однажды, начавъ, было, играть (5-й концертъ Бетховена) я умолкъ, такъ какъ наступилъ часъ занятій Великаго Князя. Его Высочество прислалъ мнѣ сказать, чтобъ я продолжалъ, что ему очень пріятно работать подъ звуки музыки. Отъ сколькихъ художниковъ приходилось мнѣ потомъ слышать то же самое.

Когда, послѣ фантазіи Листа, я отошелъ отъ инструмента, Великій Князь Александръ Михайловичъ подошелъ ко мнѣ съ колодой картъ и спросивъ, играю ли я въ винтъ, далъ вынуть карту. Велико было мое смущеніе, когда моими партнерами оказались оба Великіе Князя. Начался винтъ съ прикупкой, съ передачей, съ винтящейся коронкой.... Я проигралъ всѣ робера, и отъ смущенія и отъ неопытности въ игрѣ. Посмотрѣвъ на запись, Великій Князь Александръ Михайловичъ шепнулъ партнёру, кап. Якубовскому, „по тысячной“. Мнѣ пришлось заплатить Великому Князю Георгію Александровичу 3 рубля и онъ, добродушно смѣясь, положилъ ихъ себѣ въ карманъ; при этомъ было видно, что Великій Князь желалъ помочь мнѣ выйти изъ замѣшательства. Въ слѣдующіе вечера Великіе Князья со мной больше не играли; кап. Якубовскій оставался ихъ неизмѣннымъ партнёромъ, а мое мѣсто занималъ то одинъ, то другой изъ молодыхъ офицеровъ.

Сладостно вдыхая легкій морозный воздухъ, возвращался я въ свитскій домикъ послѣ этого, полнаго необычайныхъ впечатлѣній, вечера. Мерцали звѣзды, таинственно выступали причудливыя очертанія горъ изъ сумрака ночи. Въ природѣ чувствовалось что-то сознательное: казалось, что тамъ высоко и всюду кругомъ кто-то все видитъ, внимаетъ моимъ мыслямъ и чувствамъ и заноситъ ихъ на скрижали вѣчности. Онѣ рвались наружу и слагались въ хвалебный гимнъ. Незабвенныя минуты, знакомыя тѣмъ, у кого долгое мучительное ожиданіе смѣнялось полнымъ нравственнымъ удовлетвореніемъ и кто стремился утолить въ природѣ души волненіе. А я, столько дней ожидая предстать предъ окруженнымъ ореоломъ высокаго сана, недоступнымъ, все

лучшее видѣвшимъ и потому взыскательнымъ судією, встрѣтилъ юношу скромнаго, застѣнчиваго, въ кроткихъ глазахъ котораго свѣтилась доброта, а отъ всего существа вѣяло благоуханною чистотою души.

Въ послѣдующіе дни я нѣсколько разъ имѣлъ случай видѣть проявленія доброты, деликатности чувствъ и чарующей простоты въ обращеніи Великаго Князя Георгія Александровича. Зайдя какъ-то разъ днемъ въ столовую, я встрѣтилъ тамъ блѣднаго офицера, ожидавшаго аудіенціи Великаго Князя. То былъ офицеръ Ахалцыхскаго гарнизона, внезапно потерявшій жену и двухъ малютокъ. Его Высочество, услыхавъ объ его горѣ, пожелалъ его видѣть и помочь ему матеріально....

На моихъ глазахъ былъ начатъ постройкой мостикъ черезъ рѣчку Абастуманку, который Великій Князь Георгій Александровичъ предназначалъ на память владѣльцу домика. Его Высочество собственноручно участвовалъ въ постройкѣ и усердно таскалъ камни, натягивалъ канаты и пр.

Однажды я засталъ Великаго Князя Георгія Александровича сидящимъ на кровати въ смежной съ гостиной комнатѣ, гдѣ жили молодые офицеры. Великій Князь игралъ на гитарѣ, а лежащій, не помню кто именно, на кровати морякъ свистѣлъ мелодію.

Другой разъ, встрѣтивъ Великаго Князя, идущаго въ свитскій домикъ, я позволилъ себѣ зазвать его въ свою комнату, чтобы показать этюдъ, сдѣланный мною масляными красками съ новостроющагося дворца. Его Высочество зашелъ, посмотрѣлъ этюдъ и бесѣдовалъ недолго, совершенно просто. Въ всякаго сомнѣнія, онъ даже не подумалъ о той чести, которую оказалъ своимъ посѣщеніемъ и разговоромъ.

Быстро дни слѣдовали за днями, радостные, ясные, какъ само Абась-Туманское солнце. Наступило время отъѣзда, откладывать было уже невозможно, такъ какъ черезъ два дня Великій Князь уѣзжалъ самъ въ Алжиръ и для переѣзда двора изъ Абась-Тумана до станціи желѣзной дороги, Михайлово, были заняты всѣ почтовые лошади, около 20 троекъ и экипажей. Графъ Олсуфьевъ совѣтовалъ мнѣ воспользоваться отъѣздомъ полковника Пышкина и ѣхать съ нимъ вмѣстѣ. Наскоро уложившись, я пошелъ прощаться съ Ихъ Высочествами и засталъ ихъ на террасѣ домика, обоихъ вмѣстѣ. Желая мнѣ счастливаго пути, Великіе Князья шутили надъ моимъ намѣреніемъ ѣхать въ Среднюю Азію. Было очень горько покидать царственного хозяина, къ которому за короткое время я успѣлъ привязаться душой. Еще тяжелѣе была невозможность высказать это, несмотря на всю искренность чувства. Однако я не могъ его не выдать и, уходя окончательно, дрогнувшимъ голосомъ сказалъ Его Высочеству: „дай Богъ Вамъ счастья!“ Великій Князь покраснѣлъ и еще разъ крѣпко пожалъ мнѣ руку.

Сѣрый день и угрюмое небо, что такъ рѣдко въ Абасъ-Туманѣ, какъ нельзя болѣе соответствовали настроенію. Унося съ собою знакъ благорасположенія Его Высочества, фотографическій портретъ съ собственноручной подписью, я лелѣялъ надежду, что не въ послѣдній разъ его вижу. Но,

Увы, что нашего незнанья
И безпомощнѣй и грустнѣй?
Кто смѣетъ молвить: „до свиданья!“
Черезъ бездну двухъ или трехъ дней?

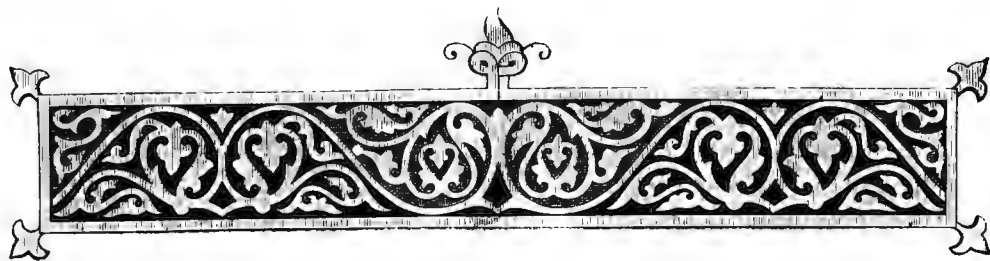
Надеждѣ этой не суждено было осуществиться и лишь таинственнымъ сцѣпленіемъ обстоятельствъ, четырнадцать лѣтъ спустя, мнѣ довелось жить въ Алжирѣ опять въ одномъ домѣ съ гр. Олсуфьевымъ*), почти рядомъ съ Hôtel St. Georges, гдѣ Великій Князь Георгій Александровичъ имѣлъ обыкновенно свою резиденцію. Какъ и въ Абасъ-Туманѣ, я ходилъ туда играть, но мой царственный слушатель внималъ уже хорамъ неземной музыки!

Въ Алжирѣ мы съ графомъ Олсуфьевымъ посѣщали мѣста, которыя любилъ Великій Князь. Тихой ночью, глядя съ высокой Mustapha Supérieur, изъ виллы Lablabdjî внизъ, на пристань, съ ея рядомъ электрическихъ огней, протянутыхъ въ одну линію и сверкающихъ во тьмѣ, какъ нить алмазовъ, на море, устѣянное огоньками,—я вспоминалъ далекое небо Абасъ-Тумана съ его ясными звѣздами и чистаго сердцемъ и кроткаго душой царственного юношу. Помяни его, Господи, во царствіи Твоемъ!

С. П. Бартеньевъ.

*) Я гостилъ у графа Александра Васильевича Олсуфьева въ его виллѣ Lablabdjî въ Mustapha Supérieur (высокомъ предмѣстьѣ Алжира).

ПО ПОВОДУ ЗАПИСОКЪ СВЯТАГО ДИМИТРІЯ РОСТОВСКАГО.

Эти Записки напечатаны въ Душеполезномъ Чтеніи нынѣшняго года. Это такъ называемый Діаріушъ съ 1677 по 1709 годъ съ большими перерывами. Святитель былъ человѣкъ исполнѣ книжный; онъ даже приказалъ положить себѣ въ гробъ корректурные листы своихъ произведеній. Его автобіографическія отмѣтки дышатъ правдою и внушаютъ къ нему сочувствіе. Онъ принадлежалъ къ Малороссійской знати, въ міру Даніилъ Савичъ Туптало. Обучался въ товариществѣ съ фельдмаршаломъ Б. П. Шереметевымъ и 17 лѣтъ отъ роду принялъ монашество. Мѣстныя власти относились къ нему съ уваженіемъ. Ему покровительствовалъ гетманъ Мазепа, благодаря ходатайству котораго посылались къ нему въ Батуринскій монастырь знаменитыя Макарьевскія Четьи-Минеи*). 10 и 13 Сентября 1789 года, у Троицы Сергія, видѣлся онъ съ Петромъ Великимъ. Когда онъ управлялъ Ростовскою епархіею, вдова царя Ивана Алексѣевича Прасковья Ѳедоровна обезпокоила его своимъ ходатайствомъ за одного недостойнаго священника. Вотъ, что отвѣчалъ ей святитель: „Изволила ты, государыня, по милости своей, милосердствовать о отставномъ вдовомъ попѣ Давидѣ, села Курбы, дѣлу его не вѣдая, чтобъ ему прощenu быть и на своемъ мѣстѣ жить по прежнему. И я, богомолецъ вашъ, вашему царскому величеству о томъ попѣ творю извѣстно: что тотъ попъ, уже тому назадъ прошло года два, какъ онъ отъ Курбовской церкви отставленъ, а священства не отлученъ, аще и достоинъ былъ отлученія, и велѣно ему постричься въ коемъ себѣ избереть монастырѣ, понеже грамота государская у насъ есть, чтобъ вдовыхъ поповъ постригать; и по той грамотѣ постричься ему велѣли. А на его мѣсто тогожъ часа поставихомъ попа иного, иже и до нынѣ тамо священнодѣйствуетъ безъ порока. А вдовой попъ Давидъ отставленъ по правиламъ за его неистовство и раскольническое противленіе церквѣ нашей православной, и за хуленіе книгъ новоисправныхъ, и развращеніе людей простыхъ въ прелесть раскольническую, и за лживыя его чудеса, и хуленіе на чудотворную икону Пресвятыя Богородицы Толгской, о чемъ всемъ подробно разыскивали. Былъ въ то время въ Ярославлѣ и бояринъ Иванъ Алексѣевичъ

*) Мазепа любилъ книжное дѣло. Намъ случилось видѣть книжку, отпечатанную нашими церковными буквами въ Малой Азіи, въ Смирнѣ, съ обозначеніемъ на заглавномъ листѣ, что она издана иждивеніемъ ясновельможнаго гетмана И. С. Мазепы. Въ Малороссіи, по церквамъ, сохранилось немало памятниковъ его ревности къ церковному чину. П. Б.

Мусинъ-Пушкинъ, и былъ при немъ той розыскъ: самъ онъ разыскивалъ, и обрѣлся того попа во всемъ винность; и велѣлъ бояринъ не держать таковаго развратника, и святотатца, и хульника. Судивше убо мы отставихомъ его отъ Церкви, обаче, милосердствуя о немъ, аще и мнѣ много было отъ него досады: предъ многими бо людьми хуля мое смиренное имя, нарицалъ меня еретикомъ, и Римляниномъ, и невѣрнымъ, и многими браньми лаятельствую. Обаче азъ, все то ему прощая Христа ради моего, Иже укоряемый противу не укоряше, и стражда не прещаше, взирая на незлобіе Спаса моего, тому попу простихъ, и священство не запретилъ, и далъ ему волю избрати себѣ гдѣ мѣсто въ монастырѣ коемъ-либо постригися. А нынѣ, государыня, когда его наки на прежнее мѣсто въ село Курбу пустить, то гдѣ сего, который нынѣ тамо служить попъ, опредѣлить? Какъ его отставить безвинно? Одного утѣшити виноватаго, а неповиннаго плакать заставить, праведно ли будетъ? А къ тому и гнѣва Божія на себе боюся, егда волка, въ одеждѣ овчей суща, пушу въ стадо Христово погубляти души людскія раскольническими ученьми. Еще же и государева гнѣва опасуюся, аще грамотѣ его государевой, вдовыхъ поновъ постригать повелѣвающей ослушень буду. Молю убо ваше царское благородіе, не положите гнѣва на имя богомольца своего, что не могу содѣлати вещи невозможной. Азъ же грѣшный на того попа гнѣва не держу, и не ищу его, и запрещенія ему отъ меня нѣтъ, и принужденія къ иночеству нѣтъ же, какъ онъ себѣ хочеть. Овца, не слушающая пастыря, волку корысть; а я чистъ отъ погибели его. Вашему же царскому величеству низко кланяюся“.

Царица не прогнѣвалась и прислала Димитрію „одѣяло лисье изрядное“.

Нестязательность святаго архипастыря простиралась до того, что ему нечего было оставить на свои похороны.

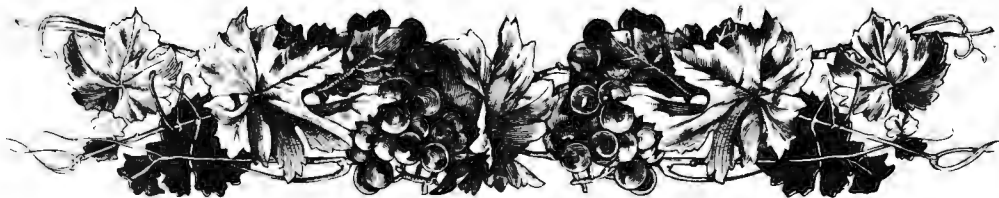
Въ одномъ изъ своихъ живыхъ и теплыхъ писемъ къ Степану Яворскому онъ упоминаетъ, что Кіево-печерская Лавра ничего съ него не брала за напечатаніе Четьи-Минеи. П. Б.

*

Среди многихъ твореній святителя нужно отмѣтить его келейную лѣтопись, причинившую ему много огорченій, что видно изъ письма его къ Θεологу. Святитель слезно просилъ его, чтобы онъ не давалъ эту лѣтопись, пока онъ ея не исправитъ, никому списывать, такъ какъ онъ получилъ уже немало замѣчаній. Эта лѣтопись съ 1784 г. издавалась нѣсколько разъ, но до сего времени все съ пропусками. Грустно, что, не смотря на прошедшіе 200 лѣтъ со времени ея написанія, Св. Синодъ не желаетъ ея цѣликомъ напечатать по исправленной своеручно святителемъ рукописи, хранящейся въ Синодальной бібліотекѣ за № 53. А. Титовъ *).

*) Издатель сочиненія св. Димитрія „Лѣтописецъ Ростовскихъ Архіереевъ“. П. Б.

ЧЬЯ ЖЕ ЭТО КИСТЬ?

Арзамасъ, прославившійся своими бойцовыми гусями и давшій имя знаменитому литературному кружку, не менѣе извѣстенъ, благодаря „Ступинской академіи“, слѣды которой, впрочемъ, уже заматаются временемъ. Тѣсный мірокъ историковъ искусства знаетъ, что въ этомъ уѣздномъ городкѣ В. Г. Перовъ впервые почувствовалъ свое призваніе, а также родился профессоръ исторической живописи Н. А. Кошелевъ, подарившій родному городу портретъ „боярина“ О. М. Ртищева. Но многимъ-ли извѣстно, что бокъ-о-бокъ съ Арзамасомъ, именно за престоломъ церкви въ селѣ Выѣздновѣ находится выдающееся художественное произведение? Это—Распятіе. Чьей оно кисти?

Вотъ вопросъ, который давно ждетъ разрѣшенія со стороны истинныхъ знатоковъ, особенно знатоковъ Испанской живописи XVII столѣтія. Арзамасско-Выѣздновское „Распятіе“ возносятъ даже до Мурильо: такъ оно мастерски написано.

Я слабый знатокъ въ живописи. Да и любоваться „Распятіемъ“ мнѣ довелось при неблагоприятныхъ свѣтовыхъ условіяхъ, осенью, когда фотографъ неудачно снялъ его; но уже и плохая „фотографія“ даетъ возможность угадывать „по ногтю льва“. Основываясь лишь на этой фотографической карточкѣ, проф. Г. Кнакфусъ (H. Knackfuss) писалъ мнѣ, что это „ein gutes Bild aus dem XVII Jahrhunderte..“ (прекрасная картина XVII вѣка).

Село Выѣздново отдѣляется отъ города Арзамаса мостомъ. Величественный сельскій храмъ (съ оттѣнкомъ Монферрановскаго вкуса) стоитъ на открытомъ мѣстѣ и невольно призываетъ къ себѣ вниманіе. Здѣсь-то и сохраняется прекрасное художественное произведение, удивительно пощаженное временемъ и подтверждающее Итальянскую поговорку: „время—лучшій джентльмэнъ“.

Въ „Лѣтописи о Смоленскомъ храмѣ и приходѣ села Выѣздной Слободы Арзамасскаго уѣзда Нижегородской губерніи“ совсѣмъ не сказано о „Распятіи“; по исторія села рассказывается такъ. Въ 1635 году село Выѣздная Слобода пожаловано было царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ боярину Борису Михайловичу Салтыкову за то, что онъ „противъ королевича Владислава, Польскихъ, Литовскихъ, Нѣмецкихъ людей и Черкасъ стоялъ крѣпко; на бояхъ и на приступахъ бился, не щадя головы своей, и никакія королевичевы прелести не прельстили его“ и т. д. Оставаясь въ роду Салтыковыхъ, Выѣздная Слобода (Выѣздново) принадлежала, въ царствованіе Екатерины II, тайному совѣтнику Василю Петровичу Салтыкову. У него была дочь, водившая тѣсную дружбу

сь принцессой Маріей-Августою, дочерью Саксонскаго курфюрста, впоследствии короля Фридриха Августа III Справедливаго. Дѣвица Салтыкова часто ѣздила къ принцессѣ-подругѣ въ Дрезденъ, и Марія-Августа, разставаясь съ нею (когда Салтыковы навсегда уѣзжали въ Россію) подарила ей „Распятіе“, бывшее въ Дрезденской галлерей рядомъ съ твореніями Мурильо, подъ чьимъ именемъ, говорятъ, оно и значилось. По смерти дочери, любимую ею картину В. П. Салтыковъ передалъ въ свою вотчинную церковь.

Таково достовѣрное преданіе, къ которому безуспѣшно старается прилѣпиться легенда, будто-бы изображенная жена съ муромъ это Марія-Августа, хотя изображеніе знакомыхъ (особенно заказчиковъ)—явленіе довольно-обычное и у большихъ мастеровъ. Да вѣдь дѣло и не въ этомъ, а въ качествѣ самого произведенія и еще въ раскрытіи имени мастера.

„Божественный образъ! Чья кисть это, чья?“

На „Распятіи“ нѣтъ никакой надписи, но замѣчательная сохранность его помогаетъ поднять завѣсу таинственности, такъ долго надъ картиною висящую, и обогащаетъ сознаніе, что вотъ мы чѣмъ владѣемъ! Голгова... Солнце померкло, и густая тьма распространилась повсюду. На черновато-сѣромъ фонѣ какъ бы помертвѣлой мѣстности встаетъ передъ вами крестъ съ распятымъ на немъ Христомъ. Очевидно, уже прошли часы отъ двѣнадцати до трехъ пополудни: Божественный Страдалецъ замѣтно обвисъ, преклонилъ голову и испустилъ духъ. „И земля потряслась, и камни разсѣлись, и гробы отверзлись...“ И вотъ этотъ уstraшенный землетрясеніемъ сотникъ. Какъ онъ отпрянул назадъ! Онъ обращенъ къ зрителю спиною, но вся фигура его полна трепета и драматизма. По-вѣтру развѣвается часть его зеленой одежды. Сотникъ видится справа, а у подножія креста, можетъ-быть, Пречистая Дѣва, а можетъ-быть и Марія Магдалина; возлѣ нея сосудъ съ благовоніями. Принавъ ко кресту, колѣнопреклоненная дѣва глядитъ на Распятаго. Происходящіе ужасы не отражаются на ней, какъ-будто она не на колеблющейся землѣ, а высоко, тамъ, въ небесахъ. Она слилась съ Божествомъ и сама чистая, какъ лилія или горлица, провидитъ свѣтлое воскресеніе Иисуса.

Картина отличается мягкостью тона, выразительностью и замѣчательно-естественной группировкой. Дѣйствительно-ли это произведеніе Мурильо, или какого-нибудь другого первокласснаго мастера, но когда я всматривался въ этотъ ландшафтъ, въ Распятаго, въ эту женщину въ красномъ одѣяніи, въ черты ея вдохновеннаго лица, въ испуганнаго сотника, то, признаюсь, „божественный“ Бартоломе Эстебанъ приходилъ и мнѣ въ голову. Да, это достойные его: колоритъ, рисунокъ, перспектива и выразительность. Когда я вглядывался въ муроносицу, то предо мною вокресали образы: „Непорочное зачатіе“ (въ Севильскомъ Музеѣ, взятое изъ церкви Капуциновъ) и Магдалина (въ Мадридскомъ Прадомузеумѣ) и, опять-таки, „Непорочное зачатіе“, одна изъ жемчужинъ въ сокровищницѣ Испанской столицы. И композиція Распятаго напоминала мнѣ о приемахъ Мурильо. Развѣ выписка тѣла на Выѣздновской картинѣ не имѣетъ сходства съ тѣмъ, что Испанскій мастеръ далъ, наприм., въ достояніи Прадомузеума: „Христосъ на крестѣ“? А этотъ сочный, изчерна-сѣрый

фонъ, красный и зеленый цвѣта одѣяній, вѣдь сколько разъ они встрѣчались намъ на Мурильевскихъ полотнахъ! И Христосъ съ главою, опустившейся къ правой рукѣ, тоже, вѣдь, въ духѣ Мурильо.

Мнѣ возразятъ: „это мелочи, ничего не значащія.“ Но, повторяю,—я и не настаиваю, что запрестольный образъ въ Выѣздновскомъ храмѣ непременно долженъ быть творчествомъ Мурильо; я вѣдь помню, какъ пылкая человѣческая фантазія приписывала Рафаэлю „разслабленнаго“ въ Успенскомъ соборѣ Саровской пустыни*)... Я только настаиваю на томъ, что Выѣздновское „Распятіе“—недюжинное полотно, на которое пора давно направить рефлекторъ полноправнаго судьи, который-бы твердо и опредѣленно заявилъ: *вотъ кто* писалъ это Распятіе. Жаль, что оно передано было въ Выѣздновскій храмъ послѣ пребыванія императрицы Екатерины Великой въ Арзамасѣ: иначе творецъ былъ-бы, навѣрно, извѣстенъ. Преосвященный Назарій, Нижегородскій и Арзамасскій, дозволилъ мнѣ сфотографировать этотъ замѣчательный запрестольный образъ, и я считаю долгомъ здѣсь поблагодарить владыку.

Павель Россіевъ.

А. А. ПОЛОВЦОВЪ (+).

24 Сентября нынѣшняго года скончался родившійся 31 Мая 1832 года Александръ Александровичъ Половцовъ. Имя его никогда не забудется въ области Русской исторіографіи XVIII и XIX столѣтій. Отецъ его жилъ въ скромной обстановкѣ, будучи учителемъ Русскаго языка. Онъ пользовался общимъ уваженіемъ и былъ друженъ съ графомъ Дмитріемъ Николаевичемъ Толстымъ, который передавалъ намъ, что А. А. Половцовъ, будучи еще отрокомъ, часто повторялъ: „буду богатъ, непременно буду богатъ!“ Судьба исполнила его желаніе. Въ Училищѣ Правовѣдѣнія подружился онъ съ своимъ товарищемъ, богачемъ графомъ Кушелевымъ-Безбородко, который познакомилъ его съ знатными людьми, благодѣтельствовалъ ему и послѣ себя въ наслѣдство оставилъ ему богатую бібліотеку. Юношей Половцовъ давалъ уроки у богатыхъ людей и въ числѣ ихъ у бездѣтнаго банкира Штиглица, на воспитанницѣ и наслѣдницѣ котораго, Надеждѣ Михайловнѣ, онъ женился. Онъ сопровождалъ Великаго Князя Владимира Александровича въ его образовательномъ путешествіи по Европѣ и описалъ это путешествіе въ особой, изящно изданной книгѣ.

По кончинѣ цесаревича Николая Александровича, князь Петръ Андреевичъ Вяземскій возымѣлъ мысль устроить Историческое Общество подъ почетнымъ предсѣдательствомъ Великаго Князя Александра Александровича. Въ своей рѣчи, въ первое засѣданіе, обращаясь къ Великому Князю, престарѣлый питомецъ Карамзина сказалъ, что занятія Общества будутъ для его членовъ исторія, а для Предсѣдателя семейная хроника. А. А. Половцевъ выбранъ былъ секретаремъ родившагося общества, и дѣятельность его вполне достойна

*) Кстати: чьей кисти можетъ быть *Быство въ Египетѣ* въ церкви Живоноснаго Источника въ той-же пустыни, если монахи сберегли картину?

признательности потомства. По кончинѣ князя Вяземскаго, онъ заступилъ его мѣсто, а въ секретари себѣ выбралъ трудолюбиваго Г. Θ. Штендмана. Служебное значеніе Половцева сразу поднялось, и онъ достигъ высокаго чиновнаго положенія. Эту сторону его дѣятельности оцѣнить мы не въ состояніи.

Слишкомъ сто томовъ Сборника Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, изданныхъ съ прямымъ или косвеннымъ участіемъ Половцева, даютъ ему неотъемлемое право на благодарность потомства. П. Б.

ПРОТОІЕРЕЙ С. И. ПОПОВЪ (+).

Прекрасный Ревель съ его 20 тысячнымъ Русскимъ населеніемъ и многими сотнями православныхъ Эстонцевъ понесъ въ нынѣшнемъ году существенную утрату: 4 Сентября скончался соборный тамошній протоіерей Семень Ивановичъ Поповъ. Это былъ человѣкъ вполне достопамятный. Не выдавался онъ ничѣмъ особеннымъ, цвѣты краснорѣчія были не по его вкусу, и онъ рѣдко говорилъ проповѣди, до которыхъ охотники тамошніе священнослужители и даже архіереи, подражающіе лютеранскимъ пасторамъ, нерѣдко разглаголившимъ о предметахъ свѣтскихъ. Въ отцѣ Симеонѣ богослуженіе замѣняло вполне наилучшую проповѣдь: простая глубокая вѣра слышалась въ самомъ его голосѣ. Онъ служилъ, можно сказать, безхитростно-величаво, и святыя звуки Божьяго слова и церковныхъ пѣснопѣній шли прямо въ душу молящихся. Онъ выучился по эстонски и на этомъ языкѣ совершалъ весь чинъ церковный. Эстонская паства любила его такъ же какъ и Русская. Мѣстныя власти и сами пастыри питали къ нему уваженіе. Своею жизнію и своимъ служеніемъ долго и долго онъ будетъ памятенъ въ краю Прибалтійскомъ, и можно сказать, что для православія сдѣлалъ онъ болѣе, нежели воздвигатели храмовъ и часовень. Никогда не забудемъ его на освященіи одного изъ придѣловъ въ новомъ Ревельскомъ соборѣ, или когда онъ привѣтствовалъ Государя Императора въ этомъ же соборѣ. Это былъ какой-то древній Ааронъ, высокаго роста, сѣдой и маститый. Не было въ немъ ничего смиренно-лукавственнаго и никакой жажды къ прибытку. Вѣчная ему память! П. Б.

О ВѢРѢ МОЛЧАЛЬНИЦЪ.

Разорившійся Вязниковскій офеня поправилъ дѣла свои, назвавъ благочестиваго старца Федора Кузьмича Императоромъ Александромъ Павловичемъ.—Кто виновникъ такой же выдумки про Императрицу Елисавету Алексѣевну? Маевскій въ Запискахъ своихъ (Истор. Вѣстникъ 1881, Ноябрь) прямо называетъ Вѣру Молчальницу своею теткою, дѣвицею Буткевичъ. Выше напечатана о ней статья: мы ее помѣстили для удобства обличенія. П. Б.

лагерь. Тогда-то царь и увидалъ впервые живую, черноглазую дочь Кирилы Полуэктовича, которой суждено было впоследствии быть матерью великаго преобразователя Россіи.

На Смоленское происхожденіе К. П. Нарышкина и на его бѣдность указываетъ еще извѣстное заявленіе царевнѣ Софьѣ преданнаго ей дядя Шакловитаго, который, предлагая убить царицу Наталью, между прочимъ, сказалъ: „Извѣстно тебѣ, государыня, каковъ ея родъ и какъ въ Смоленскѣ въ лаптяхъ ходила“. Одно Польское извѣстіе прямо называетъ Наталью Кирилловну дочерью Смоленскаго капитана, и въ запискѣ о Московіи, составленной для кардинала Алгіери, вторая супруга царя Алексѣя названа „дѣвицею изъ Смоленска“

Во время службы въ Смоленскѣ К. П. Нарышкину пришлось познакомиться и сблизиться съ извѣстнымъ въ Русской исторіи XVII в. Павломъ Менезіемъ, служившимъ тогда, въ числѣ другихъ иностранцевъ, въ пѣхотномъ полку Кроуфорда, а впоследствии исполнявшимъ разныя дипломатическія порученія Московскаго пражительства. Этотъ Павелъ Менезій, выходецъ изъ Шотландіи, нашелъ среди членовъ семьи Нарышкиныхъ свою соотечественницу въ лицѣ жены роднаго дяди Натальи Кирилловны, Ѳедора Полуэктовича, женатаго на Евдокіи Петровнѣ Гамилтонъ, Шотландкѣ по происхожденію, и благодаря этому обстоятельству встрѣтилъ тамъ самый радушный пріемъ, тѣмъ болѣе, что и самъ онъ былъ связанъ еще на родинѣ узами родства съ Шотландцами Гамильтонами.

Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ обнаружилъ свою симпатію къ людямъ, воспитаннымъ на Западно-европейскій ладъ, тѣмъ, что въ 1680 году женился,

подобно отцу, на дочери небогатаго и незнатнаго Смоленскаго шляхтича Агаѣѣ Семеновнѣ Грушецкой. По разсказу одного современника, „подъ ея вліяніемъ начали въ Москвѣ волосы стричь, бороды брить, сабли и кунтуши Польскіе носить, школы Польскія и Латинскія закладывать“.

Въ заключеніе замѣтимъ, что книжка М. В. Аксенова написана прекраснымъ слогомъ, чуждымъ словъ иностранныхъ, коими обыкновенно прикрываются невѣжество или недомысліе.

П. Б.

* * *

ПЕТРЪ и ПОЛТАВА. (По поводу 200-лѣтняго юбилея) составилъ дѣйствительный членъ Императорскаго Русскаго Военно-историческаго Общества П. М. Андріановъ. Удостоенъ преміи Общества. Съ портретомъ Государя Императора. С.-Пб. 1909. Малая 8-ка 64 стр. Превосходный сводъ всего, о чемъ подобало напомнить Русскому войску и вообще Русскому люду о Петрѣ Великомъ и о Полтавской побѣдѣ, съ отлично-исполненными портретами и рисунками. Въ концѣ стихи о трехъ пуляхъ, изъ которыхъ одна попала въ шляпу Государя во время Полтавскаго боя, другая въ его сѣдло, а третья отскочила отъ чудотворнаго креста у него на груди. Побѣда подъ Полтавою была побѣдою православія или *благочестія*, которымъ тогда называлось нынѣ употребляемое слово *православіе*. Петръ въ дни послѣ Полтавской побѣды и Александръ за пасхальной заутренею на главной площади сдѣвагося Парижа суть для здравой исторической науки проявленія одинаковаго нравственнаго порядка.

П. Б.

отцу своему съ непотребными нареканіями. **П. В.**

Первый, кто обратилъ вниманіе на Кольцова, былъ Воронежскій книгопродавецъ Д. А. Кашкинъ. Кольцовъ былъ моложе Кашкина 10-ю годами, но между ними установились дружескія отношенія, которыя продолжались до поѣздокъ Кольцова въ столицы.

Кольцовъ былъ неравнодушенъ къ женѣ Кашкина, но любовь эта была платоническая; Дмитрій Антоновичъ былъ женатъ на крестьянкѣ, выкупленной имъ изъ крѣпостного состоянія; она благоговѣла передъ мужемъ; онъ обучилъ ее грамотѣ и игрѣ на фортепьяно, много читалъ ей, заставлялъ и ее читать.

„Смѣшной былъ Алексѣй Васильевичъ, вспоминала жена Кашкина о Кольцовѣ впоследствии, въ бесѣдахъ съ сыномъ своимъ Владимиромъ Дмитриевичемъ*): когда, бывало, подкутять съ твоимъ папенькой, онъ непременно начнетъ просить его, чтобы позволилъ поцѣловать меня. Тотъ хотя и разрѣшалъ, но не часто“. По смерти Д. А. Кашкина, въ сундукѣ его нашлось много Кольцовскихъ стихотвореній, черновики съ поправками, нецензурныя піесы, переписка и т. п.

Гдѣ все это? А многое-бы пригодилось; вѣдь, напримѣръ, въ стихотвореніи „Удалецъ“ 30-й стихъ читается: „Убью встрѣчнова“... между тѣмъ, въ принадлежавшей Кашкину рукописи онъ читался: „Убью барина“. Цензура подмѣнила это слово въ сти-

*) Родной братъ музыкальнаго критика и профессора Московской Консерваторіи Николая Д. Кашкина, В. Д. Кашкинъ владѣетъ книжно-музыкальнымъ магазиномъ въ Орлѣ, гдѣ пользуется общественнымъ уваженіемъ. В. Д. Кашкинъ извѣстенъ, какъ даровитый музыкантъ и благожелательный критикъ. Это—искренній другъ искусства и служителей Музъ. п. Р.

хотвореніи, которое долго считалось запретнымъ и распѣвалось, только когда начинали дремать будочники. Вообще, этотъ 30-й стихъ любопытенъ у Кольцова, котораго родъ происходилъ отъ боярскаго сына Ивана Исаевича Кольцова, занесеннаго въ родословную книгу Воронежской губерніи. Поэтъ былъ, можно сказать, дворяниномъ въ мѣщанствѣ.

Павель Россіевъ.

CATHERINE LE GRAND D'APRES SA CORRESPONDANCE.

Catherine II et la révolution française. Par Ch. de Larivière. Avec préface de Alfred Rambaud. Paris. 1895. Мал. 8-ка, XV и 396 стр.

Не одно то, что А. Рамбо написалъ къ этой книгѣ предисловіе, свидѣтельствуя объ основательности ея. Она написана по Русскимъ источникамъ и предполагаетъ знаніе авторомъ Русскаго языка. Ему также открыты были неизданныя бумаги Французскаго Министрства Иностранныхъ дѣлъ. Жаль, что до сихъ поръ книга эта не переведена по русски и не издана съ необходимыми поправками не изложенія, но взгляда.

Словесное сближеніе Россіи съ Франціею должно быть полезно и для сей послѣдней. Необходимо, чтобы Русскіе исторіографы взглянули на протекшія судьбы Франціи съ Русской точки зрѣнія. Починъ въ этомъ отношеніи принадлежитъ А. С. Хомякову, и независимо отъ него касательно Французской революціи Ѳ. И. Тютчеву. Да продолжится въ глубь вѣковъ трудъ Тена, безпристрастно обнаружившаго источники великаго переворота, который потрясъ всю Европу и подѣ дѣйствіемъ котораго до сихъ поръ живетъ и склоняется къ упадку Франція. **П. В.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА
РУССКІЙ АРХИВЪ
1910 года.

(Годъ 48-й)

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1910 году, за двѣнадцать выпусковъ, съ пересылкой и доставкой девять рублей, для чужихъ краевъ—двѣнадцать рублей.

Подписка въ Москвѣ, въ Конторѣ „Русскаго Архива“, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ (на дворѣ).

Отвѣтственность за исправную доставку книгъ принимается лишь для тѣхъ лицъ и учреждений, которыя подписались въ Конторѣ „Русскаго Архива“.

При перемѣнѣ адреса надо присылать номеръ перемѣняемаго. Перемѣна Московскаго адреса на иногородній—40 коп. Перемѣна иногороднаго на иногородній или городского на городской—30 коп.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **Петръ Бартеневъ.**

Въ конторѣ «РУССКАГО АРХИВА» продаются:

ДНЕВНИКЪ Камеръ-юнкера Берхгольца, въ Россіи при Петрѣ Великомъ (1721—1725). Четыре части 3 р. 50 к.

ЗАПИСКИ Дюна Лирійскаго о пребываніи его въ Россіи при Петрѣ II-мъ. Цѣна 75 к.

ДНЕВНИКЪ Храповицкаго. 1783—1793. Цѣна 2 р.

По удешевленной цѣнѣ (6 рублей съ пересылкой).

«РУССКІЙ АРХИВЪ» 1884 года.

Записки: Лопухина, Тимирязева, доктора Мандта (о кончинѣ Николая Павловича), Филипсона, Самсонова, композитора Львова, князя П. П. Вяземскаго (о Пушкинѣ), А. П. Кернъ, бумаги Жуковскаго, Хомякова и пр. Съ портретами.

СОРОКЪ СЕДЬМОЙ ГОДЪ СЪ ОСНОВАНІЯ

РУССКІЙ АРХИВЪ

1909

12.

Стр.

353. Станиславъ-Августъ Понятовскій (по его неизданнымъ Запискамъ). Его избраніе на престолъ Польскій. Статья С. М. Горяинова.
421. Письмо князя А. А. Вяземскаго къ коменданту Динабургской крѣпости Виганту о государственномъ преступникѣ Идѣ Алексѣевѣ.
423. Императрица Елисавета Алексѣевна по ея письмамъ къ матери.
439. Изъ Дневника ген.-лейт. И. Д. Попова. Ноябрь и Декабрь 1854 года.
455. 1812-й годъ. Сожженіе Москвы. Показанія очевидца, протоіерей І. С. Мошкова (сообщено И. М. Діомидовымъ).
464. Два Французскихъ письма князя П. А. Вяземскаго.
469. Записки студента Казанскаго Университета (1851—1855) Н. Н. Овсянникова.
519. Графъ Бланжіа у Орловскаго помѣщика Д. В. Юрасовскаго (сообщено Д. Н. Грабовскимъ).
520. Письмо актера Шушерина къ С. Т. Аксакову (Сообщено И. С. Аксаковымъ).
521. Къ біографіи С. И. Соловьева. Извлечено изъ архива Московскаго Коммерческаго Училища Д. В. Цѣтлавымъ.
525. О М. Г. Черняевѣ (Изъ письма его дочери къ издателю «Русскаго Архива»).
528. Гимнъ: «Боже, Царя храни!» Изъ разсказовъ А. П. Петерсона.
Внутри сорочки: О новомъ выпускѣ «Русскихъ портретовъ», изданія Великаго Князя Николая Михайловича.—Г. В. Генсъ.

МОСКВА.
Синодальная Типографія.
1909.

Издание Великаго Князя Николая Михайловича. Рус- скіе портреты XVIII и XIX столѣтій.

Пятаго тома третій выпускъ, на
Русскомъ и Французскомъ языкахъ.

Тщаніемъ, неуклоннымъ трудомъ,
иждивеніемъ и попеченіемъ Великаго
Князя спасается отъ забвенія еще цѣ-
лый рядъ лицъ, жившихъ въ двухъ по-
слѣднихъ столѣтіяхъ. Одни изъ нихъ,
какъ Строгановы, Демидовы, Голицины
и другіе вполне достопамятны и при-
надлежатъ къ Русской Исторіи; инымъ
придала достопамятность мастерская
кисть художника-живописца, и портре-
ты ихъ собраны отъ наслѣдниковъ и
отъ любителей рѣдкостей, какъ напри-
мѣръ отъ господъ Ватаи и Ксидо. Тутъ
имѣемъ мы изображенія людей, доселѣ
либо мало, либо вовсе неизвѣстныхъ,
какъ напримѣръ Мелиссино или Сестрен-
цевича-Богуща. Являются и супруги ихъ
ничѣмъ себя не ознаменовавшія. Каж-
дому лицу отведенъ особый біографиче-
скій листъ, и эти біографіи, конечно, не-
равнаго объема: инныя въ нѣсколько
строкъ, инныя едва умѣщаются на листѣ,
такъ что читателю хочется имѣть ихъ по-
дробнѣе.

Неравенство и въ приемахъ изло-
женія: въ инныхъ допущена анекдотич-
ность (какъ напримѣръ въ біографіи
князя С. В. Гагарина или Станислава
Понятовскаго), а другія не отличаются
должнымъ безпристрастіемъ. Напри-
мѣръ, униженъ графъ Нессельроде, имѣв-
шій несомнѣнно свои заслуги и достой-
ный уваженія уже за то, что, въ своей
запискѣ передъ выходомъ въ отставку,
взымалъ онъ о необходимости политики
своенородной. Обвинять ли его въ томъ,
что въ два царствованія онъ былъ толь-
ко исполнителемъ завѣтовъ Священнаго
Союза, при которомъ два союзника об-

манивали третьяго? При Нессельроде
во внѣшнихъ сношеніяхъ нашихъ дѣй-
ствовало больше Русскихъ лицъ, нежели
при князѣ Горчаковѣ (по матери своей
Нѣмцѣ).

Изданъ рѣдкій портретъ Потем-
кина (подлинность и сходство порт-
рета несомнѣнны), но не сказано про
бракъ его съ Екатериною Великою.
Его сестра Энгельгардтъ названа Еле-
ною, тогда какъ она была Марѳа. Въ
біографіи композитора Львова не упо-
мянуто о Запискахъ его (напеча-
танныхъ въ „Русскомъ Архивѣ“). Графъ
В. Н. Панинъ названъ другомъ поэта
Гёте, тогда какъ онъ только воспитывал-
ся въ Іенѣ подъ его надзоромъ, и Гёте
писалъ о немъ донесенія въ Москву на
Никитскую, къ дѣду его графу Орлову,
за что, вѣроятно, получалъ и деньги
(слышано отъ М. И. Топильскаго),
подобно тому, какъ Лафатеръ за каж-
дое письмо свое къ Карамзину застав-
лялъ его относить деньги къ какому-то
Московскому иностранцу. Нѣкоторыя
сообщаемыя свѣдѣнія новы и довольно
важны: мы узнаемъ, что Цесаревичъ
Павелъ Петровичъ бралъ деньги въ
займы у Сестренцевича-Богуща, быв-
шаго сначала Кальвинистомъ и слу-
жившаго въ Прусскихъ гусарахъ. Послѣ
него осталось нѣсколько томовъ авто-
біографіи, изъ которыхъ большая часть
погибла, когда горѣлъ архивъ Мини-
стерства Внутреннихъ Дѣлъ, и уцѣлѣло
только два тома, находившіеся времен-
но у П. Н. Батюшкова. Любопытна
біографія Г. Н. Теплова (составителю,
конечно, неизвѣстна характерная жа-
лоба, подавшая на него Екатеринѣ
дворовыми его людьми).

Ждемъ четвертаго выпуска этого
великолѣпнаго изданія, которое имѣетъ
большое значеніе для изучателя физіо-
номій и еще цѣннѣйшее для ознаком-
ленія Европейскихъ читателей съ Рус-
скими людьми.

П. Б.

состоялось ни одного сейма¹⁾ со времени послѣдняго, бывшаго въ 1736 Сеймы были распущены, не совершивъ ни одной конституціи (этимъ именемъ обычай называлъ въ Польшѣ всякій законодательный актъ, получившій силу закона). Всѣмъ было извѣстно, что самъ дворъ, вовсе нерасположенный къ успѣшному ходу занятій на сеймахъ, чаще всего радовался ихъ роспуску, что избавляло его отъ сосредоточеннаго вниманія, съ которымъ требовалось слѣдить за этими собраніями, и способствовало скорѣйшему возвращенію въ Саксонію короля, который чувствовалъ себя хорошо и находилъ себя дома только въ своемъ курфюршествѣ. Но и народъ такъ отвыкъ отъ дѣйствительнаго веденія политическихъ дѣлъ, что о нихъ почти даже не вспоминалъ. Старики уже потеряли ихъ слѣдъ, а молодежь, видѣвшая одинъ безпорядокъ и упадокъ въ управленіи, научилась у своихъ отцовъ, въ видѣ общаго политическаго правила, только поговоркѣ: „Wolno w Polsce jako kto chce“²⁾).

„Польшѣ всегда защитой служить взаимная ненависть ея сосѣдей, и для нея вовсе не требуется держать вооруженную силу. Учрежденіе „liberum veto“³⁾ охраняетъ Польскую шляхту, и большинство Поляковъ въ самомъ дѣлѣ считало свою родину счастливою, хотя она была лишена всякой защиты и находилась въ полной анархіи. Бѣдствія, случившіяся по смерти Августа II-го, уже были забыты. Съ этого времени Польша не испытала никакого чувствительнаго притѣсненія со стороны своихъ сосѣдей, взаимныя распри которыхъ не дали имъ ни времени, ни возможности открыто напасть на Польшу. Въ трехъ войнахъ противъ Австрійскаго дома Прусскій король обращалъ свой алчный взоръ въ другія стороны. Для тѣхъ же войнъ Польша снабжала его рекрутами, лошадьми, одеждой, въ особенности съѣстными припасами. Главная забота Фридриха въ отношеніи къ Польшѣ состояла въ томъ, чтобы не давать ей самой вооружиться, а этого онъ достигалъ тѣмъ, что способствовалъ роспусценію сеймовъ. Марія Терезія, въ теченіе 25 лѣтъ занятая исключительно собственною защитой отъ Бурбонскаго и Бранденбургскаго домовъ, воздерживалась отъ всякихъ дѣйствій въ ущербъ Польшѣ, какъ потому, что сохраняла извѣстное расположеніе къ своему

¹⁾ Законодательная власть принадлежала сейму, сложившемуся изъ трехъ состояній (stanow): 1) рыпарства, представленнаго въ посольской избѣ послами избранными самой шляхтой; 2) Сената, состоявшаго изъ членовъ назначенныхъ пожизненно королемъ изъ шляхты 3) изъ короля, который своей одной особою представлялъ состояніе и долженъ былъ утверждать, либо отклонять постановленія двухъ другихъ состояній.

²⁾ Вольно въ Польшѣ какъ кому хочется.

³⁾ То былъ протестъ на сеймѣ одного голоса противъ рѣшенія всего собранія, достаточный для того, чтобы прервать дѣятельность цѣлаго сейма, который распускался.

родственнику Августу III-му, такъ еще болѣе для того, чтобы не сдѣлать непріятности Россіи, которая съ 1717 года захватила преобладающее вліяніе на Польшу, почти исключавшее прочихъ сосѣдей этого государства. Въ 1717 г. Петръ I, въ качествѣ посредника между королемъ Августомъ II-мъ и народомъ, сумѣлъ такъ сдѣлать, что сила нашихъ войскъ была сокращена до 18.000 чел., каковое число сообразно съ пространствомъ страны могло быть сочтено за ничто. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ заставилъ провозгласить государственнымъ закономъ всѣ главные недостатки нашего правительства, наилучшимъ образомъ способствовавшіе его ослабленію и препятствовавшіе его возстановленію. Съ этой поры Польша стала для Россіи какъ бы обширнымъ передовымъ дворомъ, отдѣлявшимъ ее отъ странъ болѣе дальнихъ, служившимъ ей преградой отъ нихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ предоставлявшимъ Россіи проходъ всегда открытымъ всякій разъ, когда она желала принимать дѣятельное участіе въ Европейскихъ распряхъ. Въ 1739 году, въ войну Турокъ противъ Русскихъ, сіи послѣдніе очень мало потревожили своимъ проходомъ южную часть Польши“.

„36000 Русскихъ, которые шли на помощь Маріи Терезіи въ 1748 г., снабженные значительнымъ Англійскимъ вспоможеніемъ и имѣя впереди комиссаровъ этой націи, которые за все платили наличными деньгами, соблюли дисциплину почти монашескую во время этого прохода, который обогатилъ Польшу. Въ Семилѣтнюю войну Русскія войска хотя далеко и не соблюдали такой строгой дисциплины, но по всей Польшѣ оставили большія деньги. Пруссійскій король дѣлалъ тоже самое, такъ что количество Прусской монеты, вошедшей послѣдовательно въ Польшу въ теченіе шести лѣтъ, до такой степени ослѣпило глаза ея жителей, что они поздно замѣтили грубый обманъ и значительную порчу Прусскихъ монетъ. Турки же, растлѣваясь въ животныхъ наслажденіяхъ и продолжая упорствовать въ древнихъ обычаяхъ политическихъ и военныхъ, все болѣе и болѣе устранились отъ того, что подобало ихъ положенію и обстоятельствамъ. Такъ какъ иностранныя державы вовсе еще тогда не препятствовали торговлѣ Силезіи, Риги, Кенигсберга и Данцига, за исключеніемъ нѣкоторыхъ притѣсненій мѣщанамъ этихъ городовъ: то торговый балансъ оказался въ значительной степени въ пользу Польши, особенно въ ту пору, когда, вслѣдствіе постоянныхъ войнъ, воюющія стороны принуждены были прибѣгать къ обязательной покупкѣ нашего зерна: тогда вообще въ Европѣ еще не было распространено понятіе объ улучшеніи земледѣлія, и Польшѣ ежегодно доставалось по нѣсколько милліоновъ червонцевъ чистаго барыша. Отсюда естественнымъ послѣдствіемъ

было возвышеніе въ Польшѣ цѣнъ на землю и, вопреки суровой власти господъ-землевладѣльцевъ надъ ихъ крестьянами, населеніе увеличилось, въ теченіе 30 лѣтъ мирнаго времени, въ такой степени, что не только число жителей въ сѣверной части Польши не уменьшилось, но даже изъ этой части ежегодно уходили новые поселенцы въ южныя области, гдѣ обширныя пустыя пространства, купленные въ 1736 г., тридцать лѣтъ спустя, принесли покупщику болѣе 100000 червонцевъ дохода. Этому служатъ свидѣтельствомъ огромныя состоянія Потоцкихъ и Любомирскихъ. При такомъ положеніи вещей большинство Поляковъ, не обладавшее никакимъ образованіемъ, кромѣ незначительнаго запаса дурной латыни, воспитанное безъ всякой политической предусмотрительности, исключительно зараженное все возрастающею роскошью магнатовъ, спрашивало себя, какой путь велъ къ этимъ источникамъ богатства и удовольствій? Имъ указывали тогда на староства, на прибыльныя должности, на выгодные браки и даже иногда, надо признаться, на судебныя мѣста и военные полки на Украинѣ, а для достиженія этого имъ говорили: „вамъ не нужно отличаться ни заслугами, ни познаніями, ни трудами; постарайтесь только заpastись покровителями при дворѣ и въ краѣ“. Съ той поры мелкіе люди заботились только о выборѣ себѣ патроновъ, къ которымъ бы поступить въ кліенты, и по необходимости страна разбилась на партіи, которыхъ предводители боролись между собою изъ-за вліянія при дворѣ, а приверженцы часто ссорились, даже дрались тамъ, гдѣ собирались сеймики *) и суды, и едвали не на самихъ сеймахъ“.

„Еще со времени Августа III-го партія Понятовскаго и Чарторыйскихъ имѣла своими соперниками Радзивиловъ въ Литвѣ и Потоцкихъ въ Польшѣ. Въ дѣйствительности принадлежность къ той или другой партіи часто перемѣнялась въ теченіе тридцати лѣтъ царствованія Августа III-го до такой степени, что иногда иной Радзивиль или Потоцкій отдѣлялся отъ предводителей своего имени, побуждаемый временной личной выгодой. Это дѣленіе партій однако существовало въ общихъ чертахъ постоянно“.

„До 1750 года вліяніе Чарторыйскихъ почти исключительно преобладало при дворѣ. Графъ Брюль предложилъ руку своей дочери коронному оберъ-камергеру Казимиру Понятовскому. Будучи связанъ своимъ словомъ въ иномъ мѣстѣ, оберъ-камергеръ сказалъ графу Брюлю: „Мы уже ваши друзья. Отдавая свою дочь за одного изъ нашихъ

*) На сеймики собиралась шляхта для избранія пословъ въ сеймъ, для дачи имъ инструкцій и выслушанія ихъ отчетовъ.

соперниковъ, вы будете располагать другою половиною Польши“. Брюль послѣдовалъ этому совѣту и выбралъ себѣ въ зятя Мнишка, тогда короннаго маршала и шурина Іосифу Потоцкому, бывшему главою этого дома, великимъ короннымъ гетманомъ и Краковскимъ воеводой. Съ этого времени Понятовскіе и Чарторыйскіе еще часто успѣвали получать староства и должности для себя самихъ и своихъ друзей. Но такъ какъ ихъ соперники приобрѣли (чего имъ долго не доставало) въ самомъ домѣ королевскаго любимца и покровителя (очень дурно расположеннаго къ Чарторыйскимъ), то вышло, что съ этого сейма до самой смерти короля, въ продолженіе 13 лѣтъ, много гражданъ покинуло партію Чарторыйскихъ. Надо всетаки признать, что такъ какъ въ домахъ Чарторыйскихъ и Понятовскихъ встрѣчалось болѣе воспитанности и тѣмъ самымъ болѣе познаній и лучшее обращеніе, то всякій разъ, какъ партія Чарторыйскихъ имѣла намѣреніе сформировать на годъ составъ судовъ, эти судебныя мѣста оказывались болѣе справедливыми и лучше образованными. Изъ этого вышло, что по смерти Августа III-го большое число гражданъ, менѣе порочныхъ и менѣе невѣжественныхъ, смотрѣло на партію Чарторыйскихъ и Понятовскихъ, какъ на лучшую, за которой надлежало слѣдовать, тѣмъ болѣе, что они видѣли ихъ подъ благопріятнымъ покровительствомъ Русской державы, а вмѣстѣ съ нею и короля Фридриха II Прусскаго, тогда какъ Австрія желала одного только отдыха послѣ Семилѣтней войны, а Франція казалась еще болѣе ослабленной вслѣдствіе той же войны“.

„Въ шляхтѣ, какъ въ единственно господствовавшемъ сословіи, не отсутствовала однако любовь къ отчизнѣ. Какъ паны, такъ и мелкіе шляхтичи готовы были сложить голову за нее; но они въ ней видѣли не идею государственности и порядка, а свои права и преимущества, свою свободу или скорѣе своеволіе. Изъ нихъ однако были вполне понимавшіе, что въ этой свободѣ весь корень зла, отъ котораго Польша погибала. Почему нѣкоторые изъ самыхъ развитыхъ и образованныхъ гражданъ намѣтили главные преобразованія, которыми они думали спасти отчизну, а именно путемъ уничтоженія *liberum veto*, улучшенія дѣлопроизводства на сеймѣ и сеймикахъ, ограниченія власти важнѣйшихъ коронныхъ должностей, реформы судовъ, увеличенія войскъ, обезпеченія имъ содержанія и введенія новыхъ налоговъ. Во главѣ партіи реформъ находились оба брата князя Чарторыйскіе и ихъ семейство, называвшееся общимъ именемъ *la famille*, сторонники Россіи. Ихъ противниками были Потоцкіе, во главѣ которыхъ стояли сперва Волыньскій воевода Михаилъ, а потомъ великій коронный гетманъ Іосифъ

съ ихъ родней, подъ именемъ патріотовъ: они держались прежнихъ Сарматскихъ обычаевъ и стояли за всѣ старыя шляхетскія преимущества; ихъ поддерживала Франція. Чарторыйскіе опирались на свою близость ко двору и къ первому министру графу Брюлю, Потоцкіе на свою извѣстность въ шляхтѣ средней и низшей. Но Чартóрыйскіе вслѣдствіе разныхъ интригъ и своего заносчиваго и саркастическаго характера начали съ 1752 года постепенно утрачивать вліяніе при дворѣ, первый министръ котораго сошелся съ ихъ противниками. Въ этомъ замѣшались происки Французскаго посланника, дѣйствовавшаго противъ Россіи, вслѣдствіе чего Чарторыйскіе, не добившись реформъ при посредствѣ короля и его министра, обратились за покровительствомъ къ Русскому двору, надѣясь, что при его содѣйствіи они достигнутъ возрожденія родины и исполненія своихъ честолюбивыхъ замысловъ⁴.

Чарторыйскіе, какъ одни изъ самыхъ замѣчательныхъ людей Польши того времени, требуютъ болѣе подробной характеристики, которую мы находимъ въ Запискахъ ихъ племянника Станислава-Августа Понятовскаго *).

„Два брата Чарторыйскіе обладали рѣдкими дарованіями и образованіемъ, далеко возвышавшимъ ихъ надъ уровнемъ современниковъ. Въ отличіе отъ большинства лицъ, происходившихъ изъ знатныхъ Польскихъ родовъ, Чарторыйскіе съ молодости не увлекались чувственными удовольствіями и не были расточительны; они, напротивъ, держали свои дѣла въ порядкѣ и занимались своими помѣстьями. Младшій изъ нихъ, Русскій воевода князь Августъ-Александръ (1698—1782) въ особенности славился какъ отличный хозяинъ. Женившись на богатой вдовѣ Денгофъ изъ рода Сѣнявскихъ, онъ посвятилъ себя управленію громадными ея имѣніями, и располагалъ поэтому тѣми средствами, въ которыхъ нуждалось ихъ семейство для проведенія политическихъ цѣлей. На этотъ предметъ у него всегда открыта была кошница, такъ какъ онъ былъ хозяинъ деньгамъ, но не онѣ господствовали надъ нимъ (*il est vrai de dire qu'il est le maître de son argent et que son argent n'est pas le sien*). Въ политику обоихъ братьевъ входило выбирать молодыхъ талантливыхъ людей, привлекать ихъ къ себѣ, заботиться о ихъ образованіи и слѣдить за ихъ дальнѣйшими успѣхами. Особенно Русскій воевода обладалъ способностью распознавать въ молодыхъ людяхъ дарованіе природное или приобрѣтенное, которое могло быть полезнымъ для той или другой цѣли.

*) Записки, рукопись, т. I, стр. 20—25; 89—98.

Никто, какъ онъ, не умѣлъ льстить самолюбію юноши, овладѣть сердцемъ и умомъ довѣрчивыхъ людей. Образомъ своихъ дѣйствій онъ, какъ-бы по волшебству, возбуждалъ самое большое воодушевленіе, повидимому вовсе не преслѣдуя этой цѣли ни обращеніемъ, ни рѣчами, которыя казались вызванными только благорасположеніемъ, въ особенности въ глазахъ людей, не наученныхъ еще опытомъ“.

„Отъ рожденія нрава самаго раздражительнаго и надменнаго (чему онъ въ дѣтствѣ проявлялъ доказательства), князь Августъ съ двѣнадцатилѣтняго возраста совершенно преобразился, такъ, что кто его зналъ съ того времени, считалъ его за человѣка очень умѣреннаго во всякомъ отношеніи. Погруженный въ заботы по хозяйству, онъ ревниво оберегалъ себя отъ всякаго безпокойства и напускалъ на себя лѣнь, къ которой былъ, впрочемъ, въ дѣйствительности склоненъ. Поэтому онъ прикидывался вовсе не искавшимъ извѣстности, какъ его собратья-паны, а если ему приходилось заниматься сеймикомъ или составомъ суда или подготовкою къ сейму, то онъ какъ будто дѣлалъ это не изъ честолюбія, а вынужденный своимъ положеніемъ. Онъ почти всегда умѣлъ придать такой оборотъ, что его упрашивали о томъ, чего онъ самъ страстно желалъ. Остроумность, свойственная его рѣчамъ, искусство, хотя всегда тщательно скрытое, и обдуманность, присущая почти всѣмъ его поступкамъ, особенно тѣмъ, которые онъ желалъ представить самыми естественными, упрочили за нимъ славу человѣка столь мудраго, кроткаго и справедливаго, что не рѣдко онъ преодолевалъ самыя затруднительныя препятствія, и ему удавалось неоднократно убѣждать самыхъ отъявленныхъ враговъ его семьи и интересовъ въ томъ, что онъ лично заслуживалъ отъ нихъ исключительное расположеніе вслѣдствіе своей умѣренности, а также потому, что его брату приписывали все, что въ особенности ожесточало противниковъ или соперниковъ семейства Чарторыйскихъ“.

„Между тѣмъ, въ дѣйствительности, князь Августъ проявлялъ гораздо болѣе чѣмъ его родственники склонность къ власти и эгоизму каждый разъ, какъ онъ считалъ это возможнымъ сдѣлать съ вѣрнымъ успѣхомъ и не обнаруживая того, откуда наносился ударъ. По своей глубокой прозорливости и удивительной проницательности онъ разбиралъ, какими обстоятельствами ему пользоваться, какіе люди по своимъ склонностямъ или слабостямъ могли наилучше служить его видамъ. Собственно говоря, онъ не любилъ давать; все, что имѣло малѣйшее соприкосновеніе къ его собственности, столь чувствительно отражалось на немъ, что онъ съ трудомъ сохранялъ личину умѣренности. Но

однако онъ умѣлъ быть щедрымъ и очень охотно, и давалъ довольно часто и тайкомъ, но никогда изъ удовольствія давать. Онъ всегда давалъ съ предвзятою цѣлью для себя самого, хотя по его увѣреніямъ дѣлалъ это изъ чувства, изъ уваженія, изъ нѣжности... Если бы я не жилъ съ нимъ нѣсколько лѣтъ подъ рядъ въ самой близкой фамиллярности, я бы видѣлъ въ немъ, какъ многіе другіе, душу самую спокойную, самую свѣтлую, возвышавшуюся надъ страстями и слабостями обыкновенныхъ людей, умъ проникательный, почти непогрѣшимый, когда онъ не спѣшилъ давать свои заключенія (что случалось очень рѣдко), познанія очень обширныя всякаго рода. рѣчь точную, благородную, способность внушать большинству тѣхъ, которыми онъ хотѣлъ управлять, довѣріе, не допускавшее никакихъ сомнѣній по отношенію къ нему, и ихъ очаровывать, не прибѣгая почти никогда къ ѣдкой насмѣшкѣ, ни даже къ критикѣ“.

„Совсѣмъ иной былъ его старшій братъ, великій канцлеръ Литовскій князь Фридрихъ-Михаилъ Чарторыйскій (1696—1775). Отъ природы сердечный и веселый, остроумный и общительный, онъ любилъ выражать свои мысли безъ обиняковъ. Двадцати лѣтъ онъ снискалъ къ себѣ расположеніе Саксонскаго фельдмаршала Флемминга, который былъ настоящимъ первымъ министромъ Августа II-го по дѣламъ Польши. Черезъ него князь Фридрихъ-Михаилъ, отъ роду 25 лѣтъ, сдѣлался Литовскимъ вице-канцлеромъ и пріучился, состоя при этомъ министръ, любившемъ шутки и остроты, говорить каждому правду въ глаза. Многіе, нуждавшіеся въ немъ по дѣламъ съ Флеммингомъ, выносили это, и онъ скоро вообразилъ себя въ правѣ критиковать и командовать. Вслѣдствіе долготѣней его службы и дѣйствительныхъ его заслугъ общество привыкло къ такому съ его стороны обращенію, на которое многіе, а въ особенности онъ самъ, смотрѣлъ какъ на добродѣтель, свойственную Катону. Преимущественно подъ конецъ, ему пришлось клеймить позоромъ ошибки и слабости Августа III-го и его двора. Никто лучше его не былъ свѣдушъ по части государственнаго и гражданскаго права; съ большимъ терпѣніемъ онъ выслушивалъ пренія сторонъ и выносилъ быстрое и мѣткое рѣшеніе. При назначеніи на государственныя и судебныя должности онъ умѣлъ выбирать людей самыхъ способныхъ и пригодныхъ и пользовался своимъ вліяніемъ для того, чтобы они были избраны. При этомъ онъ не обращалъ вниманія на ихъ происхожденіе изъ знатныхъ или неизвѣстныхъ родовъ: его безпристрастіе доходило до того, что его выборъ нерѣдко падалъ на людей, которые по своимъ связямъ принадлежали къ партіи его политическихъ противниковъ. Дѣйствуя такимъ образомъ, онъ конечно

былъ настолько остороженъ. чтобъ подобные люди не могли своимъ числомъ помѣшать его планамъ; но этимъ онъ распространилъ молву о своемъ безпристрастіи и привлекъ къ себѣ сторонниковъ. Рожденный быть главою партіи, онъ никогда не терялъ надежды на достиженіе того, что онъ поставилъ себѣ цѣлью и въ неудачахъ онъ всегда старался найти благую сторону. Никто лучше его не умѣлъ обращаться съ шляхтою на сеймахъ. Онъ увлекалъ за собою толпу своимъ веселымъ, открытымъ нравомъ и мѣткостью своихъ остротъ. Никто, какъ онъ, не имѣлъ такого обширнаго круга знакомыхъ среди шляхтичей, при чемъ онъ помнилъ не только ихъ имена и прозвища, но ихъ родственныя связи, ихъ желанія и интересы и, какъ знатокъ человеческой души, онъ умѣлъ быстро соображать, какимъ способомъ кого привлечь и кому угодить“.

„Оба брата, восполняя другъ друга, постоянно думали о приобрѣтеніи какъ можно болѣе вліянія и власти и подъ конецъ намѣтили себѣ цѣлью посадить на Польскій престолъ одного изъ членовъ своего семейства. Въ отличіе отъ другихъ знатныхъ Польскихъ родовъ (какъ Потоцкіе и Радзивилы) Чарторыйскіе, преслѣдуя свои личныя выгоды, имѣли въ виду возрожденіе отчизны путемъ цѣлаго ряда преобразованій. Усилія ихъ увѣнчались успѣхомъ: одинъ изъ нихъ возсѣлъ на престолъ Пястовъ, но вмѣсто реформъ обоимъ братьямъ Чарторыйскимъ пришлось въ концѣ ихъ жизни присутствовать при расчлененіи королевства“.

II.

Станиславъ-Августъ Понятовскій, возвратившись изъ С.-Петербурга въ Августѣ 1758 г., провелъ слѣдующіе годы въ Польшѣ, живя въ помѣстьяхъ своихъ родственниковъ, въ особенности въ Пулавахъ, имѣніи князя Августа Чарторыйскаго, и принимая участіе въ политической жизни республики. Воцареніе Екатерины, 28 Іюля 1762 г., застало его въ Пулавахъ. Здѣсь имъ было получено письмо Екатерины отъ 9 Августа, которымъ она увѣдомляла его, что отправила графа Кейзерлинга посломъ въ Польшу, чтобы сдѣлать его, Понятовскаго, королемъ, а въ случаѣ если не удастся, то она желала, чтобъ былъ избранъ королемъ князь Адамъ Чарторыйскій, сынъ воеводы Русскаго *). И дѣйствительно, рескриптомъ отъ 8 Августа. былъ назна-

*) Сб. Имп. Ист. общества, т. 48, стр. 59. У князя Адама Чарторыйскаго (1734—1823) женатаго на графинѣ Изабеллѣ Флеммингъ былъ сынъ князь Адамъ Георгій (1770—1861), извѣстный сподвижникъ императора Александра I въ началѣ его царствованія.

ченъ чрезвычайнымъ и полномочнымъ посломъ при дворѣ короля Польскаго графъ Кейзерлингъ, „какъ персона искусная и о тамошнихъ дѣлахъ довольно свѣдущая“. Ему было велѣно между прочимъ: 1) „старыхъ доброжелательныхъ, изъ которыхъ прежде главныя бывали князья Чарторыйскіе съ ихъ фамиліей, также и другихъ, обнадѣживать императорскою нашею милостью и благоволеніемъ: а какъ король не общаетъ долгой жизни, то имѣете вы тамошнихъ магнатовъ, особливо доброжелательныхъ нашему двору, въ разговорахъ искуснымъ образомъ сондировать, кто-бы, по ихъ мнѣнію, преемникомъ быть могъ Польской короны въ случаѣ смерти нынѣшняго короля; 2) способствовать прежнему герцогу Курляндскому Эрнесту-Иогану (Бирону) въ полученіи имъ паки герцогскаго стула и 3) преклонить республику къ признанію принадлежащаго намъ императорскаго титула“.

На слѣдующій день, 9 Августа, Екатерина пишетъ Понятовскому, что она отправляетъ въ Варшаву Кейзерлинга, который будетъ служить ему наилучшимъ образомъ, и что она уважить всѣ рекомендаціи Понятовскаго.

Екатерина со дня вступленія на престолъ обратила вниманіе на Курляндію, находившуюся въ ленныхъ отношеніяхъ къ Польшѣ. Въ Митаву король Августъ III-й посадилъ своего сына герцога Карла, тогда какъ вернувшійся изъ ссылки Эрнестъ-Иоганъ Биронъ имѣлъ сторонниковъ среди Курляндскихъ дворянъ; почему Екатерина, считая болѣе выгоднымъ для Россіи имѣть сосѣдомъ въ Курляндіи престарѣлаго герцога, чѣмъ Саксонскаго принца, рѣшила возстановить Бирона въ герцогскомъ достоинствѣ, на которое онъ разъ на всегда получилъ инвеституру; требуя, чтобъ принцъ Карлъ выѣхалъ изъ Митавы, Императрица общала Августу III-му содѣйствовать вознагражденію его сына какими-либо владѣніями въ Германіи. На просьбу Августа III-го пощадить его отеческія чувства, она отвѣчала, что пожалованіе принца Карла Курляндію соотоялось на основаніи постановленія одного Сената, а не съ разрѣшенія всѣхъ трехъ сословій, а такъ какъ Россія по договору 1717 г. обязалась защищать всѣ права и свободы Рѣчи Посполитой, то Екатерина, находя пожалованіе принца Карла противнымъ конституціи, настаивала на своемъ требованіи, отправивъ войска въ Митаву для поддержки Бирона.

Князья Чарторыйскіе, возражавшіе въ 1759 г. противъ правъ короля распоряжаться безъ разрѣшенія сейма Курляндією, теперь, въ 1762 г., поддерживали требованіе Екатерины и составляли оппозицію противъ двора и графа Брюля, въ виду чего ихъ ходатайства о на-

значеніи на освободившіяся мѣста Виленскаго воеводы и Литовскаго гетмана польнаго¹⁾, Литовскаго писаря польнаго Михаила Огинскаго (женатаго на дочери Михаила Чарторыйскаго) и великаго писаря Литовскаго Бршостовскаго не были уважены королемъ, не смотря на заступничество Екатерины²⁾. Виленскимъ воеводой былъ назначенъ молодой князь Карлъ Радзивиль, а младшимъ гетманомъ Полоцкій воевода Михаилъ-Александръ Сапѣга; за свое назначеніе Радзивиль уплатилъ Брюлю 40000 дукатовъ.

Между тѣмъ всѣ готовились къ сейму, который долженъ былъ открыться осенью того-же года. Вопросъ объ избраніи маршала сейма волновалъ всѣ партіи, тѣмъ болѣе, что по закону избранный маршалъ оставался таковымъ до будущаго сейма, который былъ-бы созванъ черезъ два года, а въ этотъ промежутокъ могла случиться смерть Августа III-го, здоровье котораго ослабѣвало. Такимъ образомъ избранный въ 1762 г. маршалъ имѣлъ-бы первенствующее значеніе на избирательномъ сеймѣ. Большинство голосовъ было за генерала Мокроновскаго, человѣка очень популярнаго, на избраніе котораго въ маршалы указывалось во многихъ инструкціяхъ, данныхъ различными сеймиками избраннымъ ими посламъ. Но Мокроновскій былъ приверженцемъ Франціи, и дворъ опасался, что, въ случаѣ смерти Августа III-го, онъ не будетъ отстаивать интересы Саксонской династіи. Чтобы помѣшать избранію Мокроновскаго, не было другого средства, какъ сорвать сеймъ, и къ этому средству дворъ и прибѣгъ. Надо полагать, что князья Чарторыйскіе равнымъ образомъ не поддерживали кандидатуры Мокроновскаго, который, какъ приверженецъ Франціи, не служилъ бы ихъ интересамъ при выборѣ короля. Свои опасенія Чарторыйскіе очевидно передали Екатеринѣ, такъ какъ въ рескриптѣ на имя канцеляріи совѣтника, министра-резидента въ Варшавѣ Ивана Ржижевскаго, отъ 29 Августа 1762 г.³⁾, она пишетъ: „При нынѣшнихъ весьма важныхъ обращеніяхъ, интересы наши требуютъ, чтобъ наступающій въ Варшавѣ генеральный сеймъ состоятеленъ быть не могъ; того ради всемилостивѣйше повелѣваемъ вамъ всевозможное стараніе приложить, чтобъ тотъ сеймъ при самомъ началѣ разорванъ

¹⁾ Въ Польшѣ и Литвѣ были гетманы во главѣ войскъ, они назывались: великій гетманъ коронный и великій гетманъ Литовскій; у каждаго изъ нихъ были замѣстители, исполнявшіе ихъ порученія; они назывались гетманами *польными*. Кромѣ того при гетманѣ состоялъ войсковой писарь, который назывался *польнымъ*. Великій писарь находился при великихъ канцлерахъ въ Польшѣ и Литвѣ.

²⁾ Сб. имп. ист. общ., 48, стр. 132; рескриптъ Ржижевскому отъ 19 Сентября 1762 г.

³⁾ Сб. Имп. ист. общ. 48, стр. 99.

былъ и до обыкновеннаго избранія сеймоваго маршала дойти не могло. во что бы оное ни стало, однако же подъ приличнымъ предлогомъ, до насъ совсѣмъ не касающимся“. Посему Ржичевскому предписывалось въ крайней конфиденціи изъясниться по этому предмету съ князьями Чарторыйскими и поступать по ихъ указаніямъ до пріѣзда посла графа Кейзерлинга. Въ собственноручномъ письмѣ¹⁾ уже на имя сего послѣдняго, отъ ¹⁰/₂₁ Октября 1762, Императрица точнѣе выражаетъ свою мысль: она не такъ настаивала-бы на распущеніи сейма, если-бы была увѣрена, что маршалъ сейма изъ ея друзей; но такъ какъ она слышала о противномъ и въ случаѣ смерти короля этотъ самый маршалъ рѣшалъ-бы избраніе новаго короля, то она считала этотъ вопросъ настолько важнымъ, чтобы стараться сорвать этотъ сеймъ (*faire rompre la diète*) прежде избранія этого столь вреднаго маршала. Впрочемъ, если бы Чарторыйскіе и ихъ родъ поручались за послѣдствія, Екатерина выполнѣ полагалась на ихъ предусмотрительность и расположеніе.

Въ видахъ Чарторыйскихъ было также, чтобъ сеймъ не состоялся, но они скрыли свою игру и выдвинули впередъ вопросъ о правѣ старшаго сына министра графа Генриха Брюля²⁾, Варшавскаго старосты³⁾ графа Фридриха-Алоисія Брюля участвовать на сеймѣ въ качествѣ посла. Этотъ вопросъ былъ основанъ на томъ, что по законамъ республики иностранецъ не могъ владѣть недвижимою собственностью въ ея предѣлахъ, ни занимать какую-либо должность. Министръ графъ Брюль былъ Саксонецъ и не получилъ правъ гражданства въ республикѣ, чтò могло быть ему предоставлено только сеймомъ; это требованіе закона графъ Брюль обошелъ слѣдующимъ образомъ, по совѣту Чарторыйскихъ, съ которыми онъ ладилъ тогда (въ 1748).

Въ Познанскомъ воеводствѣ существовало село Брылево во владѣніи Грановскаго. Былъ составленъ документъ, по которому это помѣстіе за 300 лѣтъ будто-бы принадлежало графу Освѣчинѣ-Брюлеву. Самые знаменитые стряпчіе сочинили роспись о происхожденіи Генриха Брюля отъ этого лица. Основываясь на этихъ актахъ, графъ Фридрихъ-Алоисій Брюль предъявилъ искъ въ Петроковскомъ судѣ къ Грановскому о правѣ собственности на село Брылево, и судъ удовлетворилъ его требованія. Грановскій, получивъ приличное вознагражденіе, не протестовалъ, а Брюль на основаніи рѣшенія суда былъ признанъ Польскимъ природнымъ дворяниномъ и какъ таковой сталъ

¹⁾ Тамъ же, стр. 147.

²⁾ р. 1700 † 1763.

³⁾ р. 1739 † 1793.

приобрѣтать имѣнія и получать староства, изъ которыхъ Варшавское было ему уступлено въ 1750 г. самимъ княземъ Августомъ Чарторыйскимъ¹⁾. Чарторыйскіе, оказавъ Брюлю содѣйствіе въ обходѣ закона, по размолвкѣ съ министромъ, стали сами оспаривать его права гражданства въ республикѣ, доказывая, что таковыя могли быть ему пожалованы однимъ сеймомъ, а не судебнымъ мѣстомъ и что суду были предъявлены подложные акты, чего они, Чарторыйскіе, тогда не знали.

„Въ 1762 г., говоритъ Станиславъ Августъ въ своихъ Запискахъ²⁾, старшій сынъ графа Брюля, коронный чашникъ Фридрихъ Брюль былъ избранъ посломъ въ Варшавѣ. Изъ этого возникалъ вопросъ, могъ-ли онъ быть признанъ законнымъ посломъ и слѣдовало-ли его признать таковымъ? Мои дядя собрали всѣхъ насъ, молодыхъ людей, сколько было въ семействѣ и въ числѣ нашихъ сторонниковъ, и сказали намъ: „Если слѣдуетъ поддерживать партію оппозиціи, то требуется воспротивиться признанію молодого Брюля посломъ: но если мы это сдѣлаемъ, то, вамъ молодымъ людямъ, не на что надѣяться въ продолженіе всего настоящаго царствованія. Скажите, имѣете-ли вы терпѣніе ждать до будущаго царствованія“. Всѣ мы отвѣчали, что хотимъ ждать. Нужно было приготовить рѣчь. Я на свой рискъ принялъ это на себя“.

Затѣмъ слѣдуетъ въ Запискахъ копія журнала засѣданія этого сейма.

Въ виду того, что сеймы 1760 и 1761 г. были распущены до избранія маршала, то на сеймѣ 1762 маршаломъ остался бывшій таковымъ въ 1758 г. коронный крайчій, Ленчицкій посолъ, Адамъ Малаховскій, который 23 Сентября (4 Октября) открылъ засѣданіе предложеніемъ выбора маршала; но такъ какъ нѣкоторые послы, въ томъ числѣ Понятовскій, потребовали слова, а другіе немедленнаго избранія маршала, то для прекращенія споровъ засѣданіе было отложено до слѣдующаго дня.

5 Октября, еще до приступленія къ избранію маршала, Понятовскій заявилъ, что, не смотря на все свое уваженіе къ графу Брюлю, онъ не признавалъ за нимъ права на выборъ маршала, такъ какъ онъ не могъ его считать Польскимъ дворяниномъ. Какъ только онъ произнесъ эти слова, многіе послы присоединились къ тому же мнѣнію, и въ тотъ же моментъ засверкало нѣсколько сабель вокругъ Брюля, и вся палата обнажила оружіе. Маршалъ и генералъ Мокроновскій бро-

¹⁾ Сб. нмш. ист. общ., 48, стр. 176.

²⁾ Рукопись, т. III, стр. 98.

сились между обѣими партіями и успѣли заставить пословъ вложить сабли въ ножны.

На требованія многихъ депутатовъ, чтобы вышли всѣ посторонніе, такъ называемые арбитры, Виленскій воевода князь Радзивиль воспротивился, такъ какъ хотѣлъ оставить при себѣ своихъ клевретовъ, вооруженныхъ пистолетами и одѣтыхъ въ панцыри подъ кафтанами. Вопросъ о томъ, кто первый обнажилъ оружіе, остался невыясненнымъ, а по предложенію нѣкоторыхъ пословъ стольникъ Понятовскій продолжалъ прерванную рѣчь.

„Когда, сказалъ онъ, дѣло идетъ объ охраненіи главнаго преимущества рыцарскаго сословія, я долженъ думать, ясновельможные паны, что вы столь же ревнивы, какъ и я самъ. Мы, шляхта всей націи, существо которой мы составляемъ, наслѣдники преимуществъ, которыя наши предки завоевали цѣною своей крови, должны не иначе ихъ утратить, какъ съ своею жизнью. Это драгоцѣнное преимущество, предоставляемое намъ милостью Неба со дня нашего рожденія, заключается въ томъ, что мы, и мы одни, шляхтичи, дѣти этой отчизны, имѣемъ право предписывать законы самимъ себѣ и своему потомству. Но что станетъ съ этимъ преимуществомъ, когда тотъ, которому рожденіе не даетъ на то никакого права, захочетъ однако имъ пользоваться? Я не могу, вы не можете, паны, приступать увѣренно къ публичнымъ преніямъ, пока иностранецъ думаетъ участвовать въ нихъ. Огонь съ Неба пожиралъ приношенія, которыя рука нечестиваго возлагала на жертвенникъ Всевышняго. Прежде всего требуется, чтобы это святилище нашихъ законовъ не видало бы посла, который не былъ бы кореннымъ и безспорнымъ шляхтичемъ Польскаго королевства или Литовскаго княжества. Я отлично знаю, какимъ уваженіемъ пользуется за нашими предѣлами имя графовъ Брюль, но за столько лѣтъ мы не нашли этого имени среди тѣхъ, изъ которыхъ состоитъ рыцарское сословіе у насъ. Мы знаемъ, что этому дому не принадлежало никакое рыцарское имѣніе въ королевствѣ до 1749 г. Никакого сейма не состоялось у насъ послѣ этого года. Я не вижу, какимъ способомъ можетъ занимать мѣсто между нами, какъ членъ этой избы, графъ Брюль. Я не отрицаю того, что въ пользу этого дома мнѣ приводили рѣшеніе Петроковскаго суда 1749 года; но книги нашихъ учрежденій, не полны-ли онѣ законовъ, предписывающихъ иностранцамъ (особенно по закону 1633) соблюденіе совсѣмъ иного порядка для пріобрѣтенія здѣсь права туземства и тѣмъ самымъ для участія вмѣстѣ съ нами въ законодательствѣ. Меня не побуждаетъ никакое личное чувство противъ здѣсь присутствующаго графа Брюля, дружбы котораго, на-

противъ. я всегда искалъ; но одно опасеніе въ предвидѣніи того, что если, въ дальнѣйшемъ будущемъ, послѣ того, какъ число лѣтъ царствованія Августа III-го достигнетъ предѣла нашихъ пожеланій, судьба этого королевства перейдетъ еще разъ подъ скипетръ иностраннаго принца, настоящій прецедентъ не проложилъ бы пути будущимъ фаворитамъ для тайнаго захвата. подъ тѣнью протекціи этого государя, титула и преимуществъ нашей шляхты. и такимъ образомъ это иностранное растеніе не пустило бы постепенно корней и не распространилось бы среди насъ до такой степени, что заглушить и подъ конецъ уничтожить природные ростки древнихъ Поляковъ“.

На этомъ мѣстѣ стольникъ Понятовскій былъ прерванъ чрезвычайными криками тѣхъ, которые не желали, чтобъ онъ продолжалъ. въ особенности Литовскимъ оберъ-камергеромъ княземъ Радзивиломъ¹⁾. Посольская изба была въ страшномъ смятеніи, когда Цѣхановецкій посолъ Шимаковскій приблизился къ маршалу и сказалъ ему вполголоса, что, въ виду нарушенія законовъ и публичной безопасности, онъ противится всякимъ дальнѣйшимъ преніямъ. Сказавъ это, онъ вышелъ изъ палаты почти не замѣченный²⁾.

Маршалъ Малаховскій, въ виду продолжавшихся, среди общаго шума, требованій объ указаніи на перваго нарушителя безопасности собранія, отложилъ засѣданіе сейма до слѣдующаго дня, обязавшись доложить о случившемся королю.

На слѣдующій день, 6 Октября, Малаховскій передалъ сейму желаніе короля, чтобъ виновный былъ наказанъ и заявилъ, что посолъ Шимаковскій прислалъ манифестъ для распущенія сейма. Онъ былъ прочитанъ по требованію собранія. Въ немъ Шимаковскій заявлялъ, что, усматривая нарушеніе свободы націи несоблюденіемъ отечественныхъ законовъ, насиліемъ произведеннымъ въ самомъ сеймѣ и присутствіемъ въ странѣ Русскихъ войскъ, которыя притѣсняли жителей и производили постоянныя жестокости, онъ, движимый не какою либо личною выгодною, а желаніемъ сохранить неприкосновенными законы и преимущества отчизны. приостанавливалъ всѣ дальнѣйшія дѣйствія

¹⁾ Въ 1763 г. князь Радзивиль былъ генераломъ-поручикомъ коронныхъ войскъ и получалъ отъ Русскаго правительства пенсію въ 1000 р. въ годъ. Сб. имп. ист. общ. т. 48, стр. 575 и 604.

²⁾ Цѣхановецкій посолъ Шимаковскій былъ подкупленъ Русскимъ резидентомъ Ржичевскимъ по порученію Императрицы для разрыва сейма. Ржичевскому было поставлено на видъ, что онъ не долженъ былъ ему дозволить въ его манифестѣ укорительныя для Россіи слова. Письмо графа Воронцова Ржичевскому. Соловьевъ, XXV, стр. 1414.

сейма и не допускалъ, чтобъ онъ продолжался и чтобъ напрасно тратилось время, для чего Шимаковскимъ означенный манифестъ былъ предъявленъ Варшавскому суду для записи въ книгахъ.

Маршалъ, послѣ прочтенія этого манифеста, отрядилъ, согласно обычаю, трехъ пословъ за манифестантомъ, чтобъ убѣдить его, если возможно, взять назадъ свое заявленіе и возстановить дѣятельность сейма.

Такъ какъ явившіеся въ засѣданіе на слѣдующій день делегаты извѣстили собраніе, что имъ не удалось застать Шимаковского, то маршалъ былъ вынужденъ распустить сеймъ, предпославъ въ своей заключительной рѣчи самыя жестокія проклятія Шимаковскому за его поступокъ.

Въ тотъ-же день 36 пословъ подписали манифестъ въ актахъ канцеляріи Литовскаго великаго княжества, въ которомъ изложили, что на бывшемъ сеймѣ до приступленія къ избранію маршала слѣдовало исключить изъ состава собранія графа Брюля, который не имѣлъ права пользоваться званіемъ посла, не получивъ права гражданства въ республикѣ. Рѣшеніе Петроковскаго суда, которымъ ему были предоставлены всѣ преимущества, присущія природному Польскому шляхтичу, состоялось вопреки девяти конституціямъ, по которымъ индигенатъ предоставлялся не судомъ, а сеймомъ съ согласія всѣхъ сословій: почему послы, подписавшіе манифестъ, требовали отъ Брюля, чтобъ онъ далѣе не пользовался незаслуженно преимуществами, принадлежавшими природному шляхтичу и не принималъ участія въ выборахъ маршала. Но имъ воспротивились тѣ, которые желали, вопреки закону, приступить къ преніямъ по другимъ вопросамъ. Со всѣхъ сторонъ обнажились сабли и поднялся такой шумъ, что засѣданіе было прервано. Въ слѣдующіе дни продолжались тѣже безпорядки, прекратившіеся только закрытіемъ сейма по требованію посла Шимаковского. Въ виду сего своимъ манифестомъ послы заявляли протестъ противъ насилія, совершеннаго надъ ихъ свободою и безопасностью. Этотъ манифестъ былъ подписанъ Чарторыйскими и ихъ сторонниками.

8 Октября предъявленъ коронной канцеляріи другой манифестъ, подписанный 49 послами, въ которомъ изложено, что, вопреки закону, предписывающему избраніе маршала сейма въ первомъ засѣданіи, нѣкоторые послы возбудили возраженія противъ правъ посла короннаго чашника графа Освѣцина-Брюля, между тѣмъ какъ онъ уже 12 лѣтъ владѣлъ староствомъ, уступленнымъ ему Русскимъ воеводой княземъ Чарторыйскимъ, пользовался придворнымъ званіемъ и если не

былъ натурализованъ, то былъ возстановленъ въ 1749 г. по рѣшенію Петроковскаго суда въ прежнихъ правахъ и владѣніяхъ, принадлежавшихъ его предкамъ въ королевствѣ. Выражая затѣмъ свое негодованіе противъ тѣхъ, которые первые рѣшились обнажить сабли въ посольской избѣ, подписавшіе заявляли, что никто изъ нихъ не былъ виновенъ въ происшедшихъ безпорядкахъ. Манифестъ подписанъ князьями Радзивилами и приверженцами графа Брюля.

За этимъ сеймомъ, который названъ Брюловскимъ, послѣдовалъ совѣтъ въ Сенатѣ, на которомъ Литовскій канцлеръ князь Чарторыйскій подвергъ сильнымъ нападкамъ все управленіе графа Брюля и былъ поддержанъ Иноврацлавскимъ воеводой Андреемъ Замойскимъ, однимъ изъ лучшихъ людей республики. Станиславъ-Августъ въ своихъ Запискахъ приводитъ рѣчь, сказанную Замойскимъ въ Сенатѣ 26 Октября 1762 г., въ которой онъ находилъ совершенно правильнымъ споръ, возбужденный на сеймѣ противъ избранія графа Брюля посломъ и требовалъ созыва чрезвычайнаго сейма.

Видя враждебныя отношенія къ себѣ Чарторыйскихъ, Брюль пытался сблизиться съ ними, но такъ какъ порожнія должности Виленскаго воеводы и Литовскаго полнаго гетмана были замѣщены не приверженцами Чарторыйскихъ (Огинскимъ и Бржостовскимъ, за которыхъ хлопотала Екатерина), а сторонниками противной партіи (княземъ Карломъ Радзивиломъ и Масальскимъ), то Чарторыйскіе отвергли всякое сближеніе, требуя всего или ничего (*tout ou rien*). „Намъ отказали все, пишетъ Станиславъ-Августъ ¹⁾. Сынъ Радзивила сдѣлался Виленскимъ воеводой, Масальскій Литовскимъ полнымъ гетманомъ, и такъ все прочее. Мы держались надменнаго тона славныхъ людей въ опалѣ“.

18 (29) Ноября 1762 пріѣхалъ въ Варшаву вновь назначенный посолъ д. т. совѣтникъ графъ Генрихъ-Христіанъ Кейзерлингъ, снабженный наставленіями Императрицы, которому она одному открылась (*il n'y a que Kaiserling à qui je me suis ouverte*). Узнавъ о томъ, что на бывшемъ сеймѣ ея друзья подверглись опасности быть вырѣзанными, она пишетъ Кейзерлингу изъ Москвы, чтобъ онъ предложилъ полную ея поддержку князьямъ Чарторыйскимъ и не пренебрегъ ничѣмъ, что могло бы доставить имъ безопасность, поддержку и пользу ²⁾. Если-же будетъ созванъ чрезвычайный сеймъ (какъ предполагалось въ засѣданіи Сената), то Екатерина находила нужнымъ послать деньги

¹⁾ Рукопись, III, стр. 158.

²⁾ Письмо отъ 15 Октября 1762. Сб. Имп. ист. об., 48, стр. 149.

для удовлетворенія тѣхъ, которымъ не было уплачено Торнскою комиссіею за убытки, причиненные проходомъ Русскихъ войскъ черезъ Польшу, но съ тѣмъ, чтобъ на сеймѣ было все рѣшено „по нашему указанію“¹⁾. Въ томъ же письмѣ Императрица упоминала о просьбѣ Виленскаго воеводы князя Карла Радзивила пожаловать ему Андреевскую ленту въ виду того, что онъ принадлежалъ къ числу горячихъ сторонниковъ Россіи. Екатерина велѣла ему отвѣтить, что она снесется съ Кейзерлингомъ, чтобъ узнать, въ чемъ собственно выразилась на послѣднемъ сеймѣ его особенная привязанность къ Россіи и что въ случаѣ благопріятнаго отвѣта она безъ сомнѣнія дастъ знаки отличія, которыхъ онъ бы только пожелалъ, такъ какъ она никогда не будетъ смѣшивать истинныхъ и усердныхъ слугъ Россіи съ тѣми, которые только носили это имя.

Князь Радзивиль очевидно только носилъ это имя, такъ какъ на сеймѣ онъ былъ во главѣ партіи дѣйствовавшей противъ приверженцевъ Императрицы, Чарторыйскихъ. Въ виду того, что, согласно ихъ жалобамъ, всѣ сторонники Россіи обходились мѣстами, Екатерина велѣла дать наставленіе Кейзерлингу, дабы, не переписываясь съ Петербургомъ, онъ, во избѣжаніе траты времени, при ваканціяхъ рекомендовалъ Польскому двору всѣхъ тѣхъ, которыхъ онъ за Россійскихъ партизановъ признаетъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ графъ Кейзерлингъ высказалъ графу Брюлю удивленіе Императрицы тому, что ея друзьямъ всѣ чины и милости отказывались, и передалъ ему, что черезъ такіе поступки она будетъ принуждена предпринять инныя мѣры²⁾. Чарторыйскіе, ставшіе непримиримыми врагами Брюля, возбудили къ себѣ неприязнь двора тѣмъ, что не признавали правъ сына короля, Карла, на герцогскій престолъ въ Курляндіи и объявили себя сторонниками Бирона, котораго Россія водворила въ Митавскомъ замкѣ. Польскій дворъ придумалъ привлечь герцога Бирона къ суду за изгнаніе принца Карла изъ его владѣній. Вмѣстѣ съ тѣмъ привлекались къ суду Литовскій канцлеръ князь Михаилъ Чарторыйскій и Литовскій стольникъ Понятовскій за государственныя преступленія, заключавшіяся въ томъ, что канцлеръ приложилъ печать великаго княжества къ инструкціи, данной въ 1756 г. стольнику, а сей послѣдній на основаніи ея дѣйствовалъ при Русскомъ дворѣ въ качествѣ посланника Польской республики и, допустивъ прохождение Русскихъ войскъ черезъ Польшу, былъ виновникомъ тѣхъ убытковъ, которые потерпѣли жители королевства отъ этихъ войскъ.

¹⁾ Письмо 7 Ноября 1762 г. Сб. Имп. ист. об., 48, стр. 177.

²⁾ Собственноручное повелѣніе, отправленное 2 Января 1763. Сб. Имп. ист. об., 48, стр. 239.

Узнавъ изъ реляціи графа Кейзерлинга о намѣреніяхъ Польскаго двора преслѣдовать Понятовскаго, Екатерина въ рескриптѣ отъ 18 Февраля 1763 г. высказываетъ свое удивленіе по этому поводу. „Всѣмъ извѣстно, говоритъ она, что онъ въ качествѣ полномочнаго министра короля Польскаго и курфюрста Саксонскаго при здѣшнемъ дворѣ черезъ нѣкоторое время находился; но то можетъ быть не каждый вѣдаетъ, что онъ въ бытность свою здѣсь больше отечеству услуги показалъ, нежели прежде какой собственно отъ республики аккредитованный министр“. Въ рескриптѣ далѣе говорится, что если Польскій дворъ въ самомъ дѣлѣ не воздержится отъ мѣръ крайности, то вѣрно ему объявить „что мы какъ по интересамъ имперіи нашей, такъ и по настоящимъ съ республикой обязательствамъ, не можемъ спокойно взирать на столь явное нарушеніе драгоцѣннѣйшихъ правъ и преимуществъ Польскаго дворянства, и что если не послѣдуетъ скорое и совершенное всему поправленіе, мы по необходимости принуждены будемъ помогать всѣми способами и силами прибѣгающимъ отъ гоненія къ покрову нашему персонамъ“.

„Съ пріѣзда Кейзерлинга. пишетъ Станиславъ Августъ²⁾), мы принялись его убѣждать, что насъ преслѣдовали и что наше положеніе заслуживало участія. Онъ, казалось, повѣрилъ этому, чтобъ, какъ ему было вѣрно, намъ благопріятствовать. Всеобщее разрушеніе всѣхъ частей управленія въ Польшѣ было дѣйствительно. Мы возлагали всю вину этого положенія на неспособность Брюля и на испорченность его подчиненныхъ, которымъ способствовала безпечность короля. Мы старались придать всему этому надлежащую оцѣнку. Кейзерлингъ первый сказалъ Русскому воеводѣ: „Въ вашихъ учрежденіяхъ одна только конфедерация³⁾ можетъ помочь настоящему состоянію“. Эти слова были приняты къ свѣдѣнію, и мнѣ поручили изложить. одну послѣ другой, нѣсколько записокъ съ цѣлью представить, какимъ способомъ могла быть образована конфедерация и какими средствами ее поддержать“.

Изъ этихъ записокъ Кейзерлингъ представилъ Императрицѣ двѣ отъ 4 и 5 Декабря 1762. Въ нихъ Чарторыйскіе требовали для успѣха конфедерации, чтобъ Екатерина назначила комиссію для вознагражденія Полякамъ, потерпѣвшимъ въ послѣднюю войну. для чего комиссія

¹⁾ Соб. Имп. ист. об., 48, стр. 322.

²⁾ Рукопись, III, стр. 158.

³⁾ Рыцарскому сословію принадлежало право смыкаться въ союзъ, въ такъ называемую конфедерацию, когда наступала опасность для государства, когда были попраемы права рыцарства. При образованіи такой конфедерации весь государственный строй переходилъ въ ея руки. всѣ должностныя лица замѣнялись ея ставленниками.

должна была имѣть 50000 дукатовъ, учредить въ Смоленскѣ складъ оружія и приготовить экипажи, на которыхъ оно должно быть перевезено въ Шкловъ (имѣніе князя Чарторыйскаго, воеводы Русскаго), а другой складъ учредить въ Кіевѣ, изъ котораго оружіе должно быть перевезено въ Меджибожъ (другое имѣніе Чарторыйскихъ); чтобъ сто человекъ Русскихъ артиллеристовъ и 400 гусаръ поступили въ команду начальниковъ конфедераціи. Кромѣ 50000 дукатовъ, писали Чарторыйскіе, нужно сдѣлать еще многія подобныя же выдачи¹⁾. Екатерина отвѣчала Кейзерлингу рескриптомъ отъ 3 Января 1763 г.²⁾, что она желала-бы избавить республику отъ неурядицъ, въ которомъ она находилась, и помочь своимъ друзьямъ и деньгами и войскомъ, но что ей бы хотѣлось знать: 1) сколько нужно того и другого, чтобъ устроить конфедерацію; 2) будетъ-ли она направлена противъ личности короля или противъ злоупотребленій; 3) какимъ способомъ и когда состоится начало этого союза; и 4) кто будутъ тѣ начальники, которыхъ намѣревались призвать?

Въ письмѣ отъ 5 Января 1763 къ Понятовскому она пишетъ, что она отвѣчала Кейзерлингу на памятные записки, представленныя Чарторыйскими и обѣщала поддержать ихъ партію всею силою своего имени (*la vigueur de mon nom ne vous manquera pas*)³⁾. Екатерина въ эту минуту не отказывалась поддерживать конфедерацію, но требовала дополнительныхъ свѣдѣній. Зная, однако, что безъ раздачи денегъ въ Польшѣ „не возможно въ ея намѣреніяхъ имѣть успѣха“, Императрица, чтобъ заручиться доброжелательствомъ архіепископа Гнѣзненскаго, такъ называемаго примаса, графа Любенскаго, который, въ случаѣ смерти короля, заступалъ первое мѣсто во время междуцарствія, предписала графу Кейзерлингу⁴⁾ обѣщать архіепископу за его услуги, по примѣру его предшественниковъ, ежегодную пенсію, которую Императрица просила посла опредѣлить. Вмѣстѣ съ тѣмъ она, найдя нужнымъ, чтобъ при посольствѣ была въ готовности знатная сумма для оказанія помощи потеряннѣмъ друзьямъ Россіи, послала Кейзерлингу съ совѣтникомъ Ашомъ 50000 червонцевъ, которые послу велѣно употребить на особливо предписанныя Императрицею расходы, а также и по учреждаемой комисіи объ удовлетвореніи Польскихъ жителей за понесенные ими въ бытность Русской арміи въ Польшѣ убытки⁵⁾.

¹⁾ Соловьевъ, XXV, стр. 1497.

²⁾ Сб. Имп. ист. об., 48, стр. 247.

³⁾ Соч. Екатерины II-й XII, 2, стр. 565.

⁴⁾ Рескриптъ отъ 13 Января 1763 г. Сб. Им. Ист. Об., 48, стр. 261.

⁵⁾ Рескриптъ 20 Января 1763 г. Сб. Имп. Ист. Об., 48, стр. 277.

Полученное въ С.-Петербургѣ извѣстіе о болѣзни короля Августа III-го вызвало со стороны Екатерины распоряженіе о созывѣ совѣта для того, чтобъ опредѣлить, какія мѣры слѣдовало принять въ случаѣ смерти короля. На этомъ совѣтѣ, 3 Февраля 1763 г., рѣшено дѣйствовать въ пользу одного изъ Пястовъ, а именно графа Понятовскаго или князя Адама Чарторыйскаго и держать въ готовности на границѣ 30000 чел., а также 50000 чел., которые могли-бы служить имъ подкрѣпленіемъ, о чемъ Екатерина извѣстила Кейзерлинга рескриптомъ отъ 4 Февраля *).

Ежегодно послѣ Пасхи происходили въ Вильнѣ выборы въ составъ суда, служившаго апелляціонной инстанціею Литовскаго великаго княжества. Враждовавшіе между собою партіи князей Радзивиловъ, Сапѣгъ. а въ 1763 г. Чарторыйскихъ пользовались этими выборами для проведенія въ судьи своихъ приверженцевъ. Въ этомъ году борьба партій готовилась быть ожесточенной, и императрица Екатерина, положившая защищать своихъ друзей, заранѣе приняла мѣры къ тому, чтобъ имъ оказать свою помощь и на этихъ выборахъ. Она отправила въ Вильну полковника Степана Пучкова, снабдивъ его письмомъ къ Литовскому великому подскарбію графу Флеммингу и 8000 рублями. Въ письмѣ канцлера Воронцова къ графу Флеммингу отъ 26 Января 1763 г. сказано, что принимаемое Императрицей участіе въ благосостояніи республики заставляло ее пользоваться всякимъ случаемъ, чтобъ споспѣшествовать тишинѣ оной и отвращать все то, что будетъ клониться къ утѣсненію фундаментальныхъ конституцій республики и ея вольностей, а такъ какъ стало извѣстнымъ, что нѣкоторые злонамѣренныя вздумали въ учреждаемомъ трибуналѣ произвести замѣшательства, то Императрица отправила Пучкова въ Вильну для развѣданія и вѣрнаго обо всемъ доношенія и велѣла его рекомендовать графу.

Въ инструкціи, данной Пучкову отъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, предписывалось стараться, чтобъ депутаты учреждаемаго въ Вильнѣ трибунала были выбраны не изъ преданныхъ королевскому двору, а особливо графу Брюлю, но изъ благонамѣренныхъ къ Россійской сторонѣ персонъ, т. е. изъ пріятелей и друзей князьямъ Чарторыйскимъ и ихъ партіи. Пучкову поручалось о всемъ, что происходитъ будетъ, доносить и все усиліе прилагать, чтобъ всѣхъ тамъ какъ доброжелательныхъ, такъ и недоброжелательныхъ, а въ особенности людей знатныхъ и вліятельныхъ, сильнѣйше обнадеживать о дружбѣ и истинной благосклонности Императрицы къ республикѣ и увѣрить ихъ въ томъ,

*) Сб. Имп. Ист. Об., 48, стр. 300.

что Государыня никогда не допустить, чтобъ Рѣчь Посполитая какимъ-бы образомъ и отъ кого-бы то ни было въ вольности, правахъ и преимушествахъ своихъ утѣснена была¹⁾).

Станиславъ-Августъ самъ прибылъ въ Вильну на эти выборы.

„Конецъ Марта, пишетъ онъ²⁾), совпадалъ со срокомъ возобновленія Виленскаго трибунала. Чѣмъ бѣльшую поддержку Радзивилы находили при дворѣ, тѣмъ настоятельнѣе было для насъ не пренебрегать этой частью нашей внутренней политики. По обыкновенію, Флеммингу было поручено моимъ семействомъ съѣздить въ Вильну для успѣха дѣла согласно нашимъ видамъ. Выборы производились всегда тотчасъ послѣ Пасхи, а слѣдовательно въ самую непріятную пору оттепели, зимы и самой сильной распутицы. Эта поѣздка въ Вильну всегда дорого стоила: къ тому-же новый зять князя-канцлера Огинскій вовсе не отвѣчалъ политическимъ надеждамъ, которыя его тестъ возлагалъ на него. Великій гетманъ Масальскій, ослабленный годами, не былъ столь дѣятеленъ, какъ этого желали отъ него. Его сынъ Виленскій коадьюторъ (викарій) занимался политикой, держась стороны и двора, и нашей. Все это вмѣстѣ чрезвычайно усиливало дурное расположеніе, которому Флеммингъ отдавался не въ мѣру. Князь-воевода³⁾ и его дочь⁴⁾ сдѣлали все возможное, чтобъ отговорить меня отъ этой поѣздки: но я уже давно обѣщалъ Флеммингу ему сопутствовать въ Вильну. Я не хотѣлъ подать ему поводъ самому отказаться отъ этого дѣла, а если-бы онъ не отправился туда, можно было быть увѣреннымъ, что мы потерпимъ поражение и что будетъ потеряна вся выгода отъ присутствія въ Вильнѣ Русскаго маіора Пучкова. Это и побудило меня поѣхать, чтобъ встрѣтиться съ Флеммингомъ, не смотря на всѣ непріятности, о которыхъ меня предупреждали въ этой поѣздкѣ. Я предвидѣлъ также, что въ особенности на себя наведу, по части расходовъ, цѣлую бурю со стороны Флемминга и что мнѣ слѣдовало запастись средствами, чтобы ими располагать въ тѣхъ случаяхъ, когда у Флемминга оскудѣла бы рука. Я тогда сдѣлалъ свой первый политическій заемъ. Подскарбій Коссовскій, отецъ теперешняго, меня ссудилъ 2000 дукатами. Я просилъ мнѣ сопутствовать Браницкаго, Санокскаго подкоморія Буковскаго, генерала Роникьера и теперешняго ген.-лейтенанта Ржевускаго. Всѣ четверо признавались людьми, на которыхъ можно было положиться для защиты въ случаѣ нужды. По пріѣздѣ въ Вильну

¹⁾ Сб. Имп. Ист. Об., 48, стр. 286—289.

²⁾ Записки рукописи, III, стр. 160.

³⁾ Князь Августъ Чарторыйскій.

⁴⁾ Княгиня Изабелла Любомирская.

мы нашли новаго Виленскаго воеводу князя Карла Радзивила въ сопровожденіи не только его многочисленной партіи изъ шляхты, но приблизительно 3000 человекъ его личнаго войска и всей этой шайки отъявленныхъ разбойниковъ, которые уже нѣсколько лѣтъ какъ наводили страхъ на всю Литву своими преступными жестокостями и покровительствомъ, которымъ они пользовались при дворѣ до такой степени, что Флеммингъ сказалъ Брюлю не задолго до того: „Вы поддерживаете въ Литвѣ людей, которыхъ вы бы повѣсили въ Саксоніи“. Въ ихъ главѣ находился Володковичъ, братъ котораго былъ казненъ“.

„За нѣсколько дней до срока учрежденія трибунала мы взаимно сдѣлали обычные визиты самымъ знатымъ особамъ области для того, чтобы обсудить, возможно-ли будетъ ввести нашихъ общихъ друзей въ составъ суда. Главное затрудненіе состояло все въ томъ, что Виленскій воевода, будучи вмѣстѣ съ тѣмъ мѣстнымъ старостою, приводилъ къ присягѣ только тѣхъ депутатовъ, которыхъ онъ признавалъ законно избранными. Это давало ему почти исключительное право на произвольное образованіе ежегодно состава суда. Какъ мѣстному старостѣ, ему предоставлялось содержать отрядъ войскъ, который первоначально долженъ былъ исключительно служить для охраны архивовъ, для задержанія преступниковъ въ окрестностяхъ и содержанія ихъ подъ стражей согласно приговорамъ судебныхъ мѣстъ; но такъ какъ Виленскимъ старостою, а вмѣстѣ съ тѣмъ и воеводою былъ обыкновенно одинъ изъ богатѣйшихъ пановъ княжества, то онъ увеличивалъ этотъ отрядъ до чрезвычайныхъ размѣровъ и часто употреблялъ его (какъ въ настоящемъ случаѣ) и имъ пользовался для противодѣйствія тѣмъ, которые законно возражали противъ кого либо изъ депутатовъ, поддерживаемыхъ старостою-воеводою“.

„Видя такое большое сборище войскъ и бесполезность нашихъ приготовительныхъ конференцій, мы признали за благо собрать, наканунѣ Понедѣльника, когда должно было все рѣшиться, нашихъ сторонниковъ въ полномъ составѣ въ Виленскомъ соборѣ для совѣщанія, въ присутствіи Пучкова, которому мы не преминули представить, насколько сила и наглость превосходили противъ насъ надъ правомъ. Послѣ того гетманъ Масальскій и великій маршалъ Огинскій, подскарбій Флеммингъ и тысяча сановниковъ и шляхтичей изъ различныхъ округовъ Литвы подписали манифестъ, перечислявшій всѣ незаконныя и наглыя дѣйствія сторонниковъ Радзивила, вслѣдствіе чего долженъ былъ быть признанъ ничтожнымъ выборъ депутатовъ, изъ коихъ Радзивиль желалъ образовать составъ трибунала. Я былъ въ числѣ тѣхъ, которые подписались. При выходѣ изъ церкви, отдѣлявшейся отъ зала суда

только большимъ дворомъ, насъ было около 2000 чел. шляхты, и мы очутились прямо противъ отряда Радзивила. Я видѣлъ, какъ Флеммингъ схватился за шпагу лѣвой рукой, нахлобучилъ шляпу правою и пробѣжалъ нѣсколько шаговъ къ этому отряду, который подпустилъ насъ, держа ружья на плечѣ. Мы стояли на два шага отъ него, мы могли броситься на него и его разоружить. Я пристально смотрѣлъ на Флемминга. Я далъ слово своимъ дядямъ не нападать и не дѣйствовать въ качествѣ начальника. Флеммингъ остановился и, простоявъ неподвижно минуту въ молчаніи, повернулъ, и мы пошли обратно домой. Я не знаю, что подѣйствовало на его умъ въ это мгновеніе. Увидаль ли онъ, какъ шли на подмогу со всѣхъ сторонъ войска Радзивила, убоялся-ли онъ рѣзни, которая послѣдовала бы, было ли у него какое либо другое соображеніе; вѣрно только то, что мы могли, въ эту первую минуту, занять залъ, въ которомъ, на слѣдующій день, должны были совершаться функціи суда. Но здѣсь произошло то, что случается въ сраженіяхъ, когда разъ упущенный рѣшительный мигъ болѣе не возвращается. На слѣдующій день все пошло по желанію Радзивила. Онъ привелъ къ присягѣ только тѣхъ, которыхъ желалъ. Оберъ-камергеръ Радзивиль, избранный депутатомъ совершенно незаконно, былъ назначенъ маршаломъ. Тѣ изъ правильно избранныхъ депутатовъ, бывшихъ нашими друзьями, не пожелавшіе напрасно подвергаться оскорбленіямъ и нагlostямъ пособниковъ Радзивиловской партіи, даже не подошли къ столу, гдѣ шла присяга, но составили другой манифестъ въ подкрѣпленіе составленнаго нами наканунѣ“.

„Два дня спустя, т. е. 19 Апрѣля, около 11 часовъ вечера, мы услышали ружейные выстрѣлы у дверей нашего дома. Соскочивъ съ постелей, Флеммингъ, я и всѣ наши главные пособники побѣжали въ залъ, окна котораго выходили на узкую улицу, отдѣлявшую насъ отъ разрушеннаго дома; мы увидали, какъ оттуда, изъ второго этажа, дали сверху внизъ до тридцати выстрѣловъ, разбившихъ у насъ стекла. Къ необычайному счастью никто изъ насъ не былъ раненъ. Пока подымали пули съ полу, мы побѣжали къ дому, откуда продолжалась стрѣльба. Мы тамъ нашли одного изъ офицеровъ Флемминга, убитаго въ ту минуту какъ онъ вышелъ посмотреть, кто были нападавшіе. Наши дали залпъ въ свою очередь, но они пристрѣлили лишь одну бѣлую лошадь, которая оказалась принадлежавшею тому самому Бржостовскому, который былъ одинъ изъ трехъ первыхъ, поднявшихъ оружіе во время бурнаго засѣданія Брюловскаго сейма. Тѣмъ, что стрѣльба была направлена противъ насъ, сверху внизъ, въ ту минуту когда мы подбѣгали къ окнамъ для того, чтобы узнать о причинѣ шума, про-

исходившаго внизу, достаточно ясно доказывается обдуманнѣйшій замысль насъ убить такъ, чтобъ мы не знали и не видѣли злоумышленниковъ“.

„Намъ оставалось по этому только прибѣгнуть къ бесполезному средству, обратившись съ манифестомъ“.

О дѣятельности князя Радзивила и его партіи Екатерина была освѣдомлена и опасалась, чтобъ Пучковъ не былъ ими убитъ¹⁾. По полученіи его донесеній о насиліяхъ, произведенныхъ въ Вильнѣ, Императрица велѣла передать черезъ резидента Прасса декларацію Польскому двору, что въ виду наглостей, учиненныхъ княземъ Радзивиломъ при учрежденіи Виленскаго трибунала, она, изъ дружбы къ королю и республикѣ, не могла равнодушно относиться къ тому, что нѣкоторымъ образомъ клонилось къ нарушенію правъ и утѣсненію какого-либо изъ чиновъ, составлявшихъ республику, и считала въ своихъ интересахъ, какъ по торжественнымъ обязательствамъ, такъ и по натуральному положенію земель, поддерживать законный порядокъ въ королевствѣ, нарушенный дерзкимъ своевољествомъ князя Радзивила. Посему Императрица убѣждала короля своею властью сократить „возмутительные духи“ и привести край въ покой и законное положеніе, ибо въ противномъ случаѣ она будетъ принуждена „употребить тѣ дѣйствительныя средства, которыя ей Богъ и право ея имперіи поручили для пользы и благополучія всенароднаго“²⁾.

Возвратившись изъ Вильны, Понятовскій не нашелъ короля въ Варшавѣ: онъ уѣхалъ въ Дрезденъ и болѣе уже не возвращался въ Варшаву. Графъ Кейзерлингъ, какъ пишетъ Станиславъ-Августъ въ своихъ Запискахъ, „впредь до середины лѣта совѣщался съ князьями Чарторыйскими о способахъ организовать генеральную конфедерацію. Русскій воевода получалъ по временамъ значительныя суммы для снаряженія различныхъ полковъ, гусаръ, драгунъ и пѣхоты, которые онъ самъ формировалъ и которые онъ поручалъ своимъ племянникамъ, въ томъ числѣ Станиславу-Августу и другимъ лицамъ, какъ то: своему зятю, коронному шталмейстеру Велепольскому, коронному писарю Ржевускому, Францу-Ксаверію Браницкому и другимъ. Наборъ людей облегчался тѣмъ, что, по случаю заключенія мира въ Губертсбургѣ, многіе, служившіе въ Австрійскихъ и Прусскихъ полкахъ, получили увольненіе. Князь Августъ Чарторыйскій, переѣхавъ въ Пулавы, рассчитывалъ образовать конфедерацію въ Красной Волѣ, своимъ помѣстьѣ, недалеко отъ Пулавъ. „Но, пишетъ Станиславъ-Августъ,

¹⁾ Письмо 20 Марта 1763 г. Сб. Имп. ист. об., 48, стр. 393.

²⁾ Декларация 1 Мая 1763 г. Сб. Имп. ист. об., 48, стр. 496—471.

когда мы уже рассчитывали на приведеніе къ концу всего дѣла о конфедерациі, въ Россіи произошелъ переворотъ, который пріостановилъ все наше предпріятіе“.

III.

Какъ мы видѣли выше, на совѣтѣ, созванномъ Императрицей 4 Февраля, рѣшено было, въ случаѣ смерти Августа III-го, дѣйствовать въ пользу одного изъ Пястовъ. Фридрихъ II призналъ также, что для Пруссіи и Россіи выгодноѣ, чтобъ корона Польши пала на долю Пяста¹⁾, но только такого, который не стоялъ-бы на краю могилы и не получалъ бы жалованія ни отъ какой изъ державъ, прибавила Екатерина²⁾.

Для осуществленія этого замысла нужно было пріобрѣтать приверженцевъ и пособниковъ изъ лицъ знатныхъ и вліятельныхъ, въ виду чего Гнѣзненскому архіепископу примасу графу Владиславу Любенскому и Литовскому полному гетману князю Масальскому Екатерина разрѣшила выдать по 3000 червонцевъ и предложила Кейзерлингу стараться подкупить короннаго гетмана графа Браницкаго³⁾. Для привлеченія болѣе мелкой шляхты образованная коммисія подкупала ее подъ видомъ уплаты вознагражденія за убытки отъ прохождения Русскихъ войскъ черезъ Польшу въ прошлую войну. Чарторыйскіе настаивали на образованіи конфедерациі и въ отвѣтъ на предложенные имъ Екатериной въ письмѣ къ Кейзерлингу отъ 3 Января вопросы подали записку 12 Февраля, въ которой изложили, что 1) начальниками конфедерациі будутъ лица, облеченныя довѣріемъ Императрицы; 2) конфедерациа будетъ направлена противъ злоупотребленій; 3) открытіе ея будетъ зависѣть отъ обстоятельствъ и присылки обѣщанной помощи; 4) для ея успѣха нужна поддержка людьми и деньгами (не менѣе 50000 р. червонцевъ); 5) чтобъ въ Смоленскѣ и Кіевѣ было заготовлено оружіе на 5000 кавалеристовъ и на 10000 пѣхотинцевъ при конвоѣ изъ 100 артиллеристовъ и 400 гусаръ, которые были бы отданы въ распоряженіе начальниковъ конфедерациі и одѣты въ Польскіе мундиры; 6) чтобы Саксонскія войска не вступали въ Польшу сверхъ разрѣшенныхъ королемъ 1200 солдатъ. Въ отвѣтъ на эти требованія Екатерина написала графу Кейзерлингу⁴⁾, что она, не отсту-

¹⁾ Письмо отъ 15 Февраля 1763 г. Сб. Им. ист. об., 20, стр. 158.

²⁾ Тамъ-же письмо 21 Февраля, стр. 161.

³⁾ Рескриптъ 21 Февраля Сб. имп. ист. об., т. 48, стр. 332.

⁴⁾ Письмо 23 Февраля Сб. Имп. истор. об., 48, стр. 348.

пить отъ своего намѣренія защищать Польскія вольности, за которыя она поручилась, просила его однако сдерживать Чарторыйскихъ, пока наступитъ время. Вмѣстѣ съ тѣмъ она его увѣдомляла, что въ Маѣ у нея будетъ корпусъ въ 30000 чел. въ Смоленскѣ и другой въ 44000 на границахъ Курляндіи, будутъ высланы 50000 червонцевъ, оружіе заготовлено въ Смоленскѣ и въ Кіевѣ, а гусары и артиллеристы отправлены на мѣста. Объ образованіи конфедерации въ этомъ письмѣ не говорится, а въ слѣдующемъ отъ 2 Апрѣля Екатерина допускаетъ возможность конфедерации только въ случаѣ смерти Августа III-го¹⁾. Въ томъ же мѣсяцѣ ген.-маіору Николаю Салтыкову съ тремя полками пѣхоты и одного кавалеріи поручено перейти изъ Курляндіи черезъ Польшу въ Кіевъ и дѣйствовать по указанію графа Кейзерлинга²⁾.

Посылка этихъ войскъ совершилась подъ впечатлѣніемъ безпорядковъ, происшедшихъ въ Вильнѣ и вызванныхъ княземъ Радзивиломъ, во время которыхъ Понятовскій и его приближенные едва не погибли³⁾.

Въ запискѣ 12 Февраля 1765 г.. переданной Екатеринѣ графомъ Кейзерлингомъ, Чарторыйскіе объяснили, что готовившаяся ими генеральная конфедерация направлялась противъ злоупотребленій, для искорененія которыхъ требовались преобразованія. Эта идея намѣченныхъ уже ими реформъ, какъ-то настѣдственная монархія, уничтоженіе *liberum veto*, упорядоченіе финансовъ, учрежденіе постоянныхъ войскъ, преслѣдовалась и теперь Чарторыйскими. Съ преобразованіями и реформами порядокъ могъ бы водвориться въ Польшѣ, она бы окрѣпла; а выгодно ли было Екатеринѣ и ея сосѣду Фридриху, чтобъ Польша усилилась и приняла видъ благоустроеннаго государства?

Еще великой княгиней Екатерина писала, что Россія должна была поддерживать въ Польшѣ счастливую монархію, которая давала бы Россіи возможность распоряжаться Польшею по ея волѣ⁴⁾.

Вступивъ на престолъ, она не измѣнила своего взгляда на Польскія дѣла, настаивая на томъ, что, въ силу договоровъ, она обязана защищать вольности и преимущества Польскаго дворянства, т. е. поддерживать безначаліе. Если Екатерина, сперва увлеченная ненавистью къ Саксонскому дому, думала подъ вліяніемъ донесеній графа Кейзерлинга (котораго Чарторыйскіе возбуждали противъ Польскаго двора)

¹⁾ Тамъ-же, стр. 414.

²⁾ Письмо отъ 17 Мая, тамъ-же, стр. 512.

³⁾ Депеша графа Сольмса королю Фридриху II отъ 3—14 Іюня 1763 г. Сб. Имп. ист. общ., 22, стр. 76.

⁴⁾ Сб. имп. истр. об. VII, стр. 91.

поддерживать образованіе конфедераціи, то скоро она отказалась отъ этого намѣренія, изъ опасенія, чтобъ ея друзья въ Польшѣ не завлекли Россію въ непосильные для нея расходы и въ военныя дѣйствія. Переписку свою съ графомъ Кейзерлингомъ Екатерина вела самостоятельно, даже держа въ тайнѣ отъ своихъ министровъ; но вступленіе Никиты Ивановича Панина въ ближайшее завѣдываніе иностранными дѣлами совпало съ болѣе спокойнымъ отношеніемъ Императрицы къ требованіямъ ея друзей въ Польшѣ. Въ этомъ направленіи Панинъ старался поддерживать взгляды Императрицы¹⁾. „Отъ Панина, пишетъ Станиславъ-Августъ въ своихъ Запискахъ²⁾, тогда перваго министра и наставника великаго князя, Екатерина какъ будто скрывала свои предположенія о Польшѣ, держала ихъ въ тайнѣ. Панинъ отнесся ревниво къ приказаніямъ, которыя она давала непосредственно Кейзерлингу, въ отношеніи насъ. Онъ энергично высказалъ ей свое порицаніе противъ того, что она затѣвала въ Польшѣ, для чего онъ воспользовался впечатлѣніемъ объ опасности, вынесеннымъ ею изъ всего того, что произошло во время ея пребыванія вскорѣ послѣ коронаціи въ Москвѣ, когда тяжелая болѣзнь угрожала днямъ ея сына, великаго князя, и когда она, почти одновременно, увидала себя принужденною отказаться отъ вполнѣ составленнаго проекта вступить въ бракъ съ Григоріемъ Орловымъ, такъ какъ главные сановники имперіи, какъ-то графъ Разумовскій, канцлеръ Воронцовъ и нѣкоторые другіе воспротивились самымъ рѣшительнымъ образомъ этому союзу³⁾. Отъ имени Императрицы графъ Кейзерлингъ получилъ повелѣніе, которымъ отмѣнялось все, что до того было объявлено. Доказательствомъ этого служатъ слѣдующія ниже бумаги“. Затѣмъ въ Запискахъ приводится декларація, полученная изъ Петербурга отъ 15 Іюля 1763⁴⁾, въ которой Императрица объявляла Польскому двору, что она желала избѣгнуть всякихъ недоразумѣній съ нимъ и оставаться въ дружескихъ отношеніяхъ съ Польшимъ королемъ, для чего она готова покрыть убытки, понесенныя Польскою націею при вступленіи Русскихъ войскъ и вознаградить принца Карла за потерю Курляндіи, но съ своей сто-

¹⁾ Делепша Сольмса королю Фридриху II 24—25 Апрѣля и 15 26 Іюня. Сб. Им. ист. общ., 22, стр. 55, 89. Письмо Кейзерлингу 2 Апрѣля, тамъ же, 48, стр. 414.

²⁾ Рукопись, III, стр. 168.

³⁾ Коронація состоялась 22 Сентября 1762 г.; съ 1 Октября по 7-ое здоровье наследника внушало серьезныя опасенія. Въ первыхъ числахъ Октября открылось „богомерзкое предпріятіе“, кончившееся ссылкой Хруцова и Гурьевыхъ. Въ Маѣ 1763 возникло дѣло камеръ-юнкера Ѳедора Хитрово, распространявшаго слухи о „марьяжѣ“, показавшее, на сколько проектъ о бракѣ былъ неосуществимъ.

⁴⁾ Инструкція канцлеру и вице-канцлеру для инсинуаціи резиденту Прассе. Сб. им. ист. об., 48, стр. 552.

роны требовала отъ короля, чтобъ онъ не угнеталъ ея друзей, которые защищали всѣ вольности и законы республики. Затѣмъ слѣдуетъ въ Запискахъ письмо Екатерины къ графу Кейзерлингу отъ 26 Іюля 1763 *), въ которомъ она ему объявляла, что не хотѣла и не могла поддерживать конфедерацію до смерти короля Августа III-го. Она понимала, что Чарторыйскимъ было выгодно учрежденіе конфедерации до этого срока, но ей, Екатеринѣ, невозможно прикладывать руку къ низверженію короля. Ей, кромѣ того, жалко и Русскихъ войскъ и Русскихъ денегъ. Она опасалась уже начатыхъ Чарторыйскими вооруженій, а со вступленіемъ въ Польшу четырехъ полковъ подъ командою Салтыкова могло усилиться броженіе въ странѣ. По чему она предписывала Кейзерлингу стараться успокоить умы и сократить пребываніе Русскихъ войскъ, елико окажется возможнымъ. На предложеніе Кейзерлинга держаться послѣднихъ указаній Императрицы Чарторыйскіе подали ему записку изъ Пулавъ 27 Іюля 1762 г., въ которой они жаловались на притѣсненія, на увѣренность противной стороны, что Россія ограничится однѣми военными демонстраціями, вслѣдствіе чего великій коронный гетманъ Браницкій собирался воспользоваться своими войсками для учрежденія осенью такого-же трибунала въ Петроковѣ, какой былъ образованъ Радзивиломъ въ Вильнѣ. Чарторыйскіе главнымъ образомъ сѣтовали на ослабленіе въ ихъ сторонникахъ надеждъ на поддержку Россіи; они доказывали, что съ обезсиленіемъ ихъ партіи ослаблялась и Русская партія въ Польшѣ, и просили денегъ и оружія.

Эта записка была передана Императрицѣ, которая отвѣтила Кейзерлингу рескриптомъ отъ 25 Августа, приказавъ ему конфедерации отнюдь не допускать, умѣрять порывы Чарторыйскихъ, стараться умиротворить партіи, корпуса Салтыкова далѣе Вильны не посылать и воротить его въ Русскіе предѣлы.

Сообщеніе Екатерины Польскому двору черезъ резидента Прассе произвело на Чарторыйскихъ удручающее впечатленіе; они находились въ Пулавахъ и отказывались пріѣзжать въ Варшаву, гдѣ Кейзерлингъ велъ переговоры съ ихъ противниками и пытался достигнуть какого-либо соглашенія между партіями для того, чтобы предстоявшее учрежденіе трибунала въ Петроковѣ могло произойти безъ насилій. По его приглашенію примасъ Любенскій уже 10 Августа прибылъ въ Варшаву, а 21-го явился и коронный гетманъ Браницкій. Къ этому времени относится письмо Станислава-Августа изъ Пулавъ, отъ 11 Августа къ Кейзер-

*) Тамъ же, стр. 553.

лингу, приведенное въ его Запискахъ *). Въ немъ Понятовскій заявлялъ, что онъ всегда дорожилъ дружбой посла и что, пока примасъ и другіе совѣтники находились въ Варшавѣ, онъ считалъ для себя и для своихъ неудобнымъ являться туда. И вотъ почему. „Послѣ всего того, пишетъ Станиславъ-Августъ, что мы говорили и сдѣлали, вотъ уже около года, послѣ всего того, что Императрица объявила Польскому обществу, все что сдѣлается въ Польшѣ не будетъ клониться къ возстановленію порядка и общаго блага, станетъ упрекомъ для насъ. По крайней мѣрѣ будутъ всегда говорить: „эти люди сдѣлали менѣе, чѣмъ предуриняли“. Поэтому онъ и его семейство устранились отъ участія въ такихъ дѣйствіяхъ, изъ которыхъ можно было предположить, что они желали обмануть надежды своихъ соотечественниковъ. Пусть противники ищутъ ихъ, а не имъ идти къ противникамъ. Чѣмъ менѣе мы обладаемъ дѣйствительными силами, тѣмъ болѣе намъ нужно употреблять искусства и увертки, чтобъ къ намъ внушить уваженіе нашихъ противниковъ, которые располагаютъ войсками и милостями двора, тогда какъ всѣ наши силы заключаются въ хорошемъ о насъ мнѣніи нашихъ соотечественниковъ и въ ихъ довѣріи, которое мы должны стараться удержать за собою путемъ покровительства и поддержки Россіи. Пусть Императрица ради своего собственнаго достоинства и защиты своихъ друзей обратится къ Саксонскому двору съ прежнимъ властнымъ тономъ, настоятельно требуя отъ него, чтобъ онъ загладилъ всѣ бѣдствія нанесенныя имъ въ краѣ обществу и частнымъ лицамъ“. По порученію своихъ Понятовскій просилъ Кейзерлинга приказать Салтыкову медленно подвигаться впередъ, такъ какъ если ему запрещались энергичныя дѣйствія, то чтобъ этого не могли замѣтить противники; по прибытіи-же въ Вильну Русскія войска должны тамъ остаться впередъ до новаго приказанія. Понятовскій считалъ себя обязаннымъ давать Императрицѣ совѣты и по внутреннимъ дѣламъ имперіи, такъ какъ онъ въ письмѣ къ Кейзерлингу упоминаетъ объ арестахъ, произведенныхъ въ Петербургѣ. По его мнѣнію, Императрица должна въ огражденіе своей безопасности прибѣгнуть къ строгимъ наказаніямъ; иначе ея великодушіе сочтется слабостью и ободритъ злоумышленниковъ.

Говоря о пріѣздѣ примаса Любенскаго, котораго Кейзерлингъ пригласилъ въ Варшаву, Понятовскій совѣтовалъ послу не показывать вида архіепископу, что Россія отступала. „Да пойметъ примасъ, что посолъ пригласилъ его лишь для того, чтобы привязать его еще тѣснѣе къ Россіи. Пусть Кейзерлингъ еще болѣе прежняго про-

*) Рукопись, III, стр. 196.

славляетъ рѣшеніе Государыня охранять законы и вольности республики. Пусть онъ выразитъ примасу негодованіе Императрицы въ виду насилій, произведенныхъ при образованіи Виленскаго трибунала и тѣхъ, которыми угрожаютъ при учрежденіи такового-же въ Петроковѣ. Пусть онъ выскажетъ архіепископу желаніе Императрицы, чтобъ онъ обратилъ свое вліяніе и свою дѣятельность на пресѣченіе всѣхъ злоупотребленій, допущенныхъ дворомъ и противниками Россіи. Такія рѣчи посла покажутъ имъ, что Россія не отстраняется отъ Польскихъ дѣлъ и отъ покровительства своихъ друзей. Тогда эти противники станутъ сговорчивѣе. Но для того Русскому правительству не слѣдуетъ входить въ переговоры съ Саксонскимъ дворомъ ни въ Варшавѣ, ни въ Петербургѣ; онъ долженъ напротивъ оставаться подъ страхомъ самыхъ пагубныхъ послѣдствій, если самъ не приметъ мѣръ къ исправленію всего зла, имъ учиненнаго обществу и частнымъ лицамъ⁴. По этой причинѣ Понятовскій выражалъ желаніе, чтобъ примасъ не оставался долго въ Варшавѣ. Ни онъ самъ, ни его родственники не пріѣзжали туда для того, чтобъ ихъ противники не подумали, что Чарторыйскіе ищутъ примиренія съ дворомъ и что имъ нечего болѣе ожидать отъ Россіи, каковую мысль они всегда опровергали.

Стараніями Кейзерлинга архіепископъ Любенскій 18 (29) Августа 1763 позвалъ къ себѣ Кейзерлинга и короннаго гетмана Браницкаго на конференцію, на которой примасъ обратился съ ходатайствомъ объ отозваніи Русскихъ войскъ изъ Литвы во избѣжаніе того, чтобъ не возгорѣлась внутренняя борьба между партіями и съ цѣлью скорѣйшаго умиротворенія. Кейзерлингъ обѣщалъ испросить распоряженій Императрицы на отозваніе Русскихъ войскъ, но съ своей стороны потребовалъ, чтобъ кн. Радзивиль прекратилъ насилія; чтобъ Виленскій трибуналъ не приводилъ въ исполненіе своихъ рѣшеній, направленныхъ противъ сторонниковъ Чарторыйскихъ, чтобъ при предстоявшемъ учрежденіи трибунала въ Петроковѣ не были допущены войска и чтобъ выборы производились въ законномъ порядкѣ. Въ виду того примасъ и коронный гетманъ обязались употребить всѣ свои старанія къ тому, чтобы въ республикѣ водворить тишину и спокойствіе. Протоколъ этой конференціи Кейзерлингъ представилъ Императрицѣ, которая рескриптомъ отъ 10 Сентября (21). одобрилъ всѣ дѣйствія его, подтвердила ему, чтобы онъ употребилъ всѣ свои старанія для примиренія партій, враждовавшихъ въ республикѣ и склонилъ на сторону Россіи архіепископа Любенскаго, обѣщая ему пенсію въ 5000 руб. Для привлеченія приверженцевъ, Русское правительство образовало комиссію, имѣвшую цѣлью вознаградить Поляковъ за убытки, поне-

сенные ими при введеніи въ Польшу Русскихъ войскъ во время прошлой войны; въ эту комиссію были назначены со стороны Россіи г.-м. князь Абрамъ Артемьевичъ Путятинъ, полковникъ Степанъ Устиновичъ Пучковъ, а со стороны Польскаго короля старшій братъ Станислава-Августа оберъ-камергеръ Казимиръ Понятовскій и генераль Мокроновскій ¹⁾).

Согласно полученному повелѣнію, Кейзерлингъ приказалъ Салтыкову вернуться на зимнія квартиры и устроилъ это такъ, что объ этомъ просили архіепископъ Любенскій и коронный гетманъ Браницкій, которые обязались наблюдать за спокойствіемъ въ республикѣ.

Чарторыйскіе, не принимавшіе участія въ этомъ совѣщаніи, подали Кейзерлингу промеморію, которая приводится въ Запискахъ Станислава-Августа, какъ составленная въ Пулавахъ 2 (12) Августа 1763 г. стражникомъ княземъ Любомирскимъ, зятемъ ²⁾ князя Августа Чарторыйскаго. Любомирскій объясняетъ въ началѣ промеморіи, что она имѣетъ цѣлью устранить всякое сомнѣніе въ томъ, что они всегда дѣйствовали по указаніямъ Императрицы. Они понимали ихъ въ томъ смыслѣ, что она не отвергала пользы конфедераціи при жизни короля, лишь бы ея цѣлью было прекращеніе злоупотребленій, но не сверженіе Августа III-го съ престола ³⁾. Слѣдуя указаніямъ Императрицы ничего не предпринимать безъ ея повелѣнія, они на деньги, полученные отъ нея, набрали людей, заказали оружіе. Слухъ о томъ, что она готова защищать законы и вольности республики противъ посягательствъ и насилій Радзивила и придворной партіи, воодушевлялъ всѣхъ честныхъ гражданъ, которые возлагали всю свою надежду на ближайшее образованіе конфедераціи. Нынѣ, когда Императрица, по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, измѣнила свое рѣшеніе по этому предмету, они, преклонившись передъ ея волею, желали только получить съ ея стороны справедливое признаніе того, что они всегда покорно дѣйствовали согласно ея велѣніямъ и указаніямъ. Но общество, не посвященное въ истинное положеніе, будетъ думать, что они преслѣдовали лишь своекорыстные виды съ цѣлью добиться униженія Саксонскаго двора и полученія отъ него, путемъ страха передъ Россіею, всякихъ мило-

¹⁾ Сб. имп. ист. об., т. 48., стр. 606.

²⁾ При донесеніи Кейзерлинга за № 45 отъ 4 Сентября имъ представлена была промеморія Чарторыйскихъ, помѣченная изъ Пулавъ 10 (21) Августомъ; по содержанію своему она сходна съ тою, которая приведена въ Запискахъ Станислава-Августа. Сб. имп. ист. об., 48, стр. 322.

³⁾ Письмо Екатерины Кейзерлингу 3 (14) Января 1763 г. Сб. им. ист. об., 48, стр. 247.

стей. И они, которые мечтали возгордиться славнымъ именемъ борцевъ за свободу, за порядокъ и за благо родины, снизойдутъ въ ряды тѣхъ многочисленныхъ гражданъ, которые, увлеченные корыстью и личными выгодами, погубили и себя и свои замыслы о преобразованіяхъ. Но если Императрица измѣнила свой взглядъ на конфедерацію, то она не можетъ оставить безъ своего покровительства людей ей преданныхъ и не оказать имъ помощи, чтобъ выйти съ честью изъ этого положенія. А для того необходимо, чтобъ корпусъ ген. Салтыкова оставался въ Литвѣ еще на нѣсколько мѣсяцевъ и чтобъ отрядъ ген. Хомутова продолжалъ пребывать еще въ Польшѣ. По крайней мѣрѣ присутствіе этихъ войскъ обуздало бы насилія сторонниковъ Радзивила и придворной партіи; оно равнымъ образомъ обезпечило-бы правильное образованіе судовъ; съ помощью Русскихъ войскъ друзья Россіи пользовались-бы безопасностью и умножилось-бы число ея приверженцевъ. При существованіи-же судовъ, образованныхъ придворною партіею и кн. Радзивиломъ, Чарторыйскіе потеряютъ всякое уваженіе, друзья отшатнутся отъ нихъ, такъ какъ, если надежда на конфедерацію многихъ ободрила, то очень немногіе изъ нихъ не поддадутся насилію и искушенію, когда будетъ извѣстно, что конфедерація не состоится и что все дѣло ограничится палліативными средствами. Промеморія Любомирскаго заключалась пожеланіемъ, чтобъ Императрица, если не разрѣшала конфедераціи, то способствовала процвѣтанію и усиленію своей партіи въ Польшѣ.

Въ отвѣтъ на выше приведенную промеморію Екатерина приказала Кейзерлингу¹⁾ передать своимъ друзьямъ, что она не осуждала всего того, что было предпринято ими, что они увидятъ послѣдствія и не будутъ каяться въ нихъ. Они всегда найдутъ въ ней поддержку своего праваго дѣла, и она готова всегда содѣйствовать ихъ выгодамъ, будучи убѣждена, что они, какъ люди благородные и честные, не захотятъ содѣйствовать къ опороченію ея славы и умалить выгоды ея имперіи. При этомъ письмѣ она послала Кейзерлингу 20000 червонныхъ, кромѣ того назначила Понятовскому пенсію въ 3000 червонныхъ, приказавъ уплатить его долги въ три срока, такъ чтобы къ концу 1764 они были погашены полностью.

Въ разъясненіе своихъ отношеній къ Петербургскому двору Понятовскій приводитъ случай, „смѣшная сторона котораго, говоритъ онъ²⁾, не унижаетъ своими послѣдствіями славы императрицы“. Еще

¹⁾ Письмо 11 Сентября 1763 г., Сб. имп. ист. об., т. 48, стр. 622.

²⁾ Рукопись, т. ІІН, стр. 231.

при императрицѣ Елисаветѣ состоялъ Датскимъ посланникомъ въ Петербургѣ баронъ Остенъ, который находился въ дружескихъ отношеніяхъ съ Понятовскимъ, когда тотъ былъ министромъ короля Августа III-го при Елисаветѣ. По отъѣздѣ Понятовскаго въ 1758 г. изъ Петербурга, Остенъ одно время служилъ посредникомъ для передачи переписки между Станиславомъ-Августомъ и Екатериной¹⁾. По просьбѣ Елисаветы Петровны баронъ Остенъ былъ отозванъ изъ Петербурга и переведенъ министромъ въ Варшаву. Здѣсь онъ сблизился съ Чарторыйскими и открыто дѣйствовалъ въ пользу ихъ. По настоянію Понятовскаго Екатерина согласилась на его вторичное назначеніе въ качествѣ Датскаго посланника при императорскомъ дворѣ, и онъ прибылъ въ Москву, гдѣ находилась тогда Императрица. Согласно отзыву Прусскаго посланника гр. Сольмса, Остенъ былъ очень уменъ, вкрадчивъ, но имѣлъ злое сердце и занимался происками по склонности²⁾. По словамъ Станислава-Августа, Остенъ въ Варшавѣ состоялъ въ очень тѣсныхъ отношеніяхъ съ Литовскимъ писаремъ Михайломъ Огинскимъ, женатымъ на двоюродной сестрѣ Станислава-Августа, дочери Литовскаго канцлера князя Михаила Чарторыйскаго. Эти отношенія были столь странны, что возбуждали общій смѣхъ; „такъ какъ, говорить Станиславъ-Августъ, эта связь особаго рода не оказывала вліянія на политику, ни на дружбу, которую Остенъ продолжалъ мнѣ выражать: мое довѣріе къ нему не уменьшилось, и по назначеніи его вновь посланникомъ въ Россію я ему передалъ письмо къ Императрицѣ“.

Затѣмъ Станиславъ-Августъ рассказываетъ, что, скоро послѣ смерти Петра III-го, какой-то Французъ явился къ его старшему брату Казимиру Понятовскому и сказалъ: „Я состоялъ на Русской службѣ, мои отношенія при жизни Петра III-го были таковы, что они создали для меня очень тяжелое положеніе въ этой странѣ. Я потому покинулъ Россію по смерти Петра III-го. Я знаю, насколько важно вашему брату стольнику, чтобъ ничего дурного не случилось царствующей Императрицѣ. Я слыхалъ много добра о вашемъ братѣ и потому интересуюсь имъ. лично не зная его. Сообщите ему предупрежденіе, которое онъ можетъ и долженъ считать искреннимъ, такъ какъ я не прошу у васъ никакого вознагражденія и не остаюсь въ Польшѣ: я достовѣрно знаю, что Чернышевъ³⁾ составилъ замысль отомстить за смерть Петра III-го и ниспровергнуть Императрицу съ престола. Пусть онъ предупредитъ ее“. Я въ этомъ предупрежденіи усматривалъ въ дѣйствительности

¹⁾ Рукопись, т. III, стр. 231.

²⁾ Сб. имп. ист. об., т. XXII, стр. 61.

³⁾ Захаръ Григорьевичъ—первый по времени любимецъ Екатерины. П. Б.

немного вѣроятія. Однако оно казалось столь безкорыстнымъ и было на столько важно, что я не считъ себя въ правѣ скрыть его отъ Императрицы. Остенъ отвезъ ей письмо, которое я ей написалъ по этому поводу. Императрица отвѣтила мнѣ, что она не вѣрила правдоподобію этого сообщенія; но я долго не зналъ, что Остенъ предупредилъ самихъ Чернышевыхъ о моемъ донесеніи Императрицѣ черезъ него. Это обстоятельство послужило причиною тому, что оба брата Чернышева, Захаръ и Иванъ, стали моими врагами, въ особенности Захаръ, который до самой смерти остался враждебенъ мнѣ и Польшѣ, что имѣло пагубныя послѣдствія для Польши въ 1772 г. Рѣшился-ли Остенъ на этотъ шагъ изъ опасенія, чтобъ Чернышевы не узнали рано или поздно о томъ, что онъ привезъ предупрежденіе противъ нихъ и чтобъ они не отомстили ему въ ущербъ Датскимъ выгодамъ, или-же Остена увлекла на такой поступокъ безумная страсть къ Огинскому, съ цѣлью ему уровнять путь къ престолу (къ которому Огинскій считалъ себя въ правѣ стремиться), возбуждая противъ меня въ Россіи такихъ дѣятельныхъ и ловкихъ враговъ, какими всегда были Чернышевы? Руководился-ли онъ тѣмъ или другимъ соображеніемъ, но его поступокъ не былъ достоинъ друга, какимъ Остенъ прикидывался быть по отношенію ко мнѣ. Прежде чѣмъ я узналъ всю правду, Остенъ продолжалъ еще, въ теченіе нѣкотораго времени, подружески переписываться со мною“.

Переворотъ, вслѣдствіе котораго Екатерина заняла престолъ и послѣдовавшее возвышеніе Орловыхъ могли возбудить недовольство и зависть многихъ, въ томъ числѣ и Чернышевыхъ, изъ коихъ Захаръ имѣлъ какое-то соприкосновеніе къ дѣлу камеръ-юнкера Хитрово. Всѣхъ удивило однако ходатайство Захара Чернышева, заявленное имъ 23 Декабря 1763 г. объ увольненіи его отъ службы, отъ воинской и штатской, по худому состоянію здоровья и домашнимъ обстоятельствамъ. Въ запискѣ отъ 9 Января 1763 г. Елагину Екатерина писала, что за прописанными резонами она не принуждала Чернышева къ службѣ. Въ томъ же Январѣ онъ обратился къ Императрицѣ съ просьбой простить ему его вину и принять его опять на службу*). Екатерина указомъ Сенату велѣла его принять на военную службу, дать ему по прежнему дивизію, а указомъ 4 Марта 1764 назначила вице-президентомъ Военной Коллегіи.

Затѣмъ въ Запискахъ приводятся два письма Остена, одно къ самому Понятовскому, а другое къ его дядѣ, Русскому воеводѣ. Въ

*) Сб. имп. ист. об. VII, стр. 336—338.

первомъ, отъ 19 Августа 1762 г. Датскій посланникъ просилъ столъника имѣть къ нему довѣріе и рассчитывать на то, что онъ воспользуется всякимъ случаемъ для того, чтобъ быть полезнымъ ему, но такъ какъ никто не спрашивалъ у него извѣстій о Понятовскомъ, то онъ не долженъ былъ упоминать о его письмѣ къ Императрицѣ. Такая просьба была-бы неосторожна, не принесла бы пользы Понятовскому и удалила бы Императрицу отъ него, Остена, который въ такомъ случаѣ не могъ-бы оказать никакой дальнѣйшей услуги Станиславу-Августу. Остенъ однако просилъ его не отчаиваться, такъ какъ зависть, которую возбуждало возвышеніе Орлова, могла сдѣлаться благопріятной Станиславу-Августу; но для него нужно было, чтобъ время и обстоятельства произвели эту перемѣну, безъ чего онъ рисковалъ нанести вредъ себѣ и своему семейству. Одна Императрица имѣла въ виду ихъ выгоды, министры же ея были равнодушны къ нимъ. Бестужевъ-бы согласился на конфедерацію только для возстановленія Бирона; Воронцовъ, если-бы онъ пользовался значеніемъ, дѣйствовалъ-бы противъ нея. Чернышевы ненавидѣли Польшу и Поляковъ и не любили ни Понятовскаго, ни его родныхъ. Орловъ одинъ, можетъ быть, былъ болѣе расположенъ къ Понятовскому; онъ никогда не помѣшаетъ Императрицѣ въ ея видахъ на Станислава-Августа въ Польшѣ. Онъ не возражалъ противъ того, чтобъ Императрица проявляла свою благодарность Понятовскому; но естественно не могъ желать, чтобъ она выражала ему другія чувства, почему избѣгалъ всего того, что могло подать поводъ къ ихъ проявленіямъ. Этимъ объяснялись дѣйствія гр. Прасковьи Александровны Брюсъ*). Пожалованіе Андреевской ленты Станиславу-Августу или его брату Казимиру слишкомъ-бы бросилось въ глаза, тѣмъ болѣе, что, по установившемуся обычаю, этотъ орденъ жаловался однимъ воеводамъ; когда его получить Литовскій писарь Михаилъ Огинскій, котораго имя не возбуждало подозрѣнія, Понятовскій могъ-бы черезъ гр. Кейзерлинга испросить его для себя.

Графу Огинскому были пожалованы знаки ордена св. Андрея Первозваннаго 6 Сентября 1763 г. По этому поводу Понятовскій приписалъ своею рукою въ своихъ Запискахъ въ послѣдствіи, что его двоюродный братъ Огинскій получилъ этотъ орденъ, не будучи воеводою; поэтому онъ думалъ, что и ему Императрица могла его пожаловать, ради видовъ, которые она имѣла на него.

Въ письмѣ къ Русскому воеводѣ кн. Августу Чарторыйскому Остенъ пишетъ, что отвѣтъ Императрицы на письмо Станислава-Ав-

*) Жена ген.-поручика, рожд. Румянцева (1727—1791).

густа ясно доказываетъ, что онъ, Остенъ, имѣлъ основаніе выжидать случая, чтобы переговорить съ Императрицей; иначе онъ рисковалъ, что она никогда не заговоритъ съ нимъ. Остена очень смущало положеніе Чарторыйскихъ въ виду послѣдняго рѣшенія Императрицы сойтись съ Саксонскимъ дворомъ. Это рѣшеніе ему было неизвѣстно; когда онъ заговорилъ о немъ, Императрица не пожелала сообщить ему содержаніе своего распоряженія. Онъ обѣщалъ воеводѣ объясниться съ Государыней въ виду его письма, но не зналъ, когда представится ему удобный для того случай. Онъ никогда не видѣлся съ нею наединѣ, и она говорила съ нимъ только при всѣхъ, и то о постороннихъ предметахъ. Остенъ думалъ ей написать, когда ея камеръ-лакей Василій Шкуринъ принесъ ему письмо, содержаніе котораго было передано имъ стольнику, но Шкуринъ отказался отнестись отвѣтъ Остена Императрицѣ. Безъ сомнѣнія ея любовь къ стольнику совершенно потухла, почему посланникъ никогда о ней не упоминалъ Императрицѣ, которая избѣгала объясненій съ нимъ. Ему не было извѣстно, почему совершилась внезапная перемѣна въ рѣшеніяхъ Императрицы по дѣламъ Польши; онъ зналъ однако, что Прусскій король противился конфедераціи при жизни Августа III-го и что графъ Сольмсъ докладывалъ о томъ Петербургскому двору.

Дѣйствительно, Фридрихъ II вовсе не сочувствовалъ затѣямъ Чарторыйскихъ относительно предположенныхъ имъ преобразованій въ Польшѣ и противился образованію конфедераціи. Посланнику гр. Сольмсу онъ писалъ, что онъ желалъ-бы, чтобы дѣла въ Польшѣ не доходили до той крайности, которая повлекла бы за собою образованіе конфедераціи, а за нею междоусобную войну, послѣдствія которой могли-бы быть самыми печальными¹⁾. Въ письмѣ къ Екатеринѣ отъ 8 Сентября Фридрихъ II совѣтовалъ ей не дѣйствовать столь открыто въ Польшѣ, отозвать Салтыкова и стараться усыпить Поляковъ, чтобы они не могли принять во время мѣръ, могущихъ затруднить исполненіе ея намѣреній. Такимъ образомъ она дастъ короля Польшѣ безъ того, чтобъ разгорѣлась война²⁾.

Въ это время обѣ враждебныя партіи готовились къ выборамъ судей въ Петроковскомъ трибуналѣ, учрежденіе котораго должно было послѣдовать по закону въ первый Понедѣльникъ послѣ дня св. Франциска (4 Октября). Какъ пишетъ Станиславъ-Августъ³⁾, гр. Кейзер-

¹⁾ Дешеша 13 Августа 1763 г. Сб. им. ист. об., 22, стр. 92.

²⁾ Сб. им. ист. об., 22, стр. 170.

³⁾ Записки, рукопись, III, стр. 239.

лингъ показывалъ видъ, что онъ поддерживалъ партію Чарторыйскихъ, но собственно говоря они могли рассчитывать лишь на свои силы. Зять Понятовскаго, коронный гетманъ Браницкій благопріятствовалъ его противникамъ и привелъ значительный отрядъ войскъ; Кіевскій воевода Салерій Потоцкій явился въ Петроковъ съ громадной свитой изъ шляхты, его поддерживала придворная партія. Съ своей стороны Понятовскій, его двоюродный братъ кн. Адамъ Чарторыйскій и его зять князь Станиславъ Любомирскій привели всѣхъ своихъ приверженцовъ. Соглашенія между партіями не послѣдовало. Очень было важно захватить въ церкви, гдѣ должно было произойти собраніе, мѣста, примыкавшія къ столу, у котораго приводились депутаты къ присягѣ. Съ этой цѣлью Чарторыйскіе подкупили ксендза, который имъ передалъ двойной ключъ отъ дверей костела; отперевъ ихъ рано утромъ, большинство сторонниковъ Понятовскаго должно было войти въ костель и занять самыя близкія къ столу мѣста.

Готовилась очень упорная борьба и ожидалась кровавая драка. когда пришла вѣсть о смерти короля Августа III-го, послѣдовавшая въ Дрезденѣ 30 Сентября 1763 г. По закону со смертью короля прекращалась дѣятельность апелляціонныхъ инстанцій, почему учрежденіе суда въ Петроковѣ было пріостановлено, равнымъ образомъ и трибуналъ въ Вильнѣ пересталъ производить судъ и расправу.

IV.

Получивъ извѣстіе о смерти Августа III-го, Прусскій король немедленно написалъ Екатеринѣ¹⁾, что если она теперь постарается усилить партію того, кому она покровительствовала, никакая изъ державъ не можетъ оскорбиться этимъ, а въ случаѣ образованія противной партіи Екатеринѣ только стоило заставить Чарторыйскихъ искать ея покровительства. Въ такомъ случаѣ она имѣла законный предлогъ ввести свои войска въ Польшу. Съ своей стороны Екатерина писала своему сосѣду 6 Октября²⁾, что имъ обоимъ выгодно, чтобъ Польскій престолъ былъ занятъ однимъ изъ Пястовъ и что во избѣжаніе всякой медлительности она предлагала избрать того изъ Пястовъ, который могъ быть болѣе другихъ обязаннымъ имъ обоимъ за свое избраніе, а именно графа Станислава Понятовскаго, такъ какъ онъ изъ всѣхъ другихъ искателей Польской короны имѣлъ менѣе всѣхъ возможность достигнуть такого положенія. Фридрихъ отвѣчалъ, что онъ вполне

¹⁾ Письмо 7 Октября. Сб. имп. ист. об., 20, стр. 174.

²⁾ Тамъ-же, стр. 176.

одобрялъ выборъ Екатерины и предписалъ своему посланнику въ Варшавѣ дѣйствовать за одно съ гр. Кейзерлингомъ¹⁾).

На собранной 6 Октября Екатериною конференціи изъ гр. Бестужева-Рюмина, Неплюева, Панина, гр. Орлова, кн. Голицына, Олсуфьева и гр. Захара Чернышева было рѣшено между прочимъ: 1) послать кредитивную грамоту гр. Кейзерлингу, въ качествѣ посла при республикѣ и примасѣ, 2) приказать ему приготовить все къ избранію въ короли одного изъ Пястовъ, 3) сдѣлать отъ имени Императрицы декларацію министрамъ и магнатамъ о томъ, что ея Величество по дружбѣ къ республикѣ усердно желала, чтобъ вольность ея и права были сохранены ненарушимо и уповала на то, что они, удалившись отъ всякихъ зловредныхъ каверзъ и раздоровъ, поступать при избираніи короля по силѣ законовъ и съ полнымъ единодушіемъ; 4) въ виду старости Кейзерлинга отправить въ Варшаву въ качествѣ полномоченнаго министра генерала-маіора князя Н. В. Репнина; и 5) содержать Русскія войска въ готовности къ дѣйствіямъ въ Польшѣ.

Но дѣло не обошлось безъ зловредныхъ каверзъ и раздоровъ.

Еще до смерти Августа III-го невѣстка его, жена старшаго сына Фридриха-Христіана, дочь императора Карла VII-го Баварскаго, старалась привлечь на свою сторону одного изъ братьевъ Станислава-Августа Андрея Понятовскаго, генерала Австрійской службы. Она убѣждала его уговорить его родныхъ къ тому, чтобъ они поддерживали притязаніе ея супруга на Польскій престолъ по смерти Августа III-го, обѣщая имъ всякія милости. Но Андрей Понятовскій уклонился отъ ея внушеній. Немного спустя по смерти Польскаго короля, Саксонскій избиратель Фридрихъ-Хр. сталъ самъ искать сторонниковъ въ Польшѣ и послалъ въ Варшаву своего камергера Ностица. Саксонскій дворъ вздумалъ, какъ пишетъ Станиславъ-Августъ²⁾ предложить ему сумму денегъ и другія милости, лишь-бы онъ отказался отъ всякихъ видовъ на Польскій престолъ. Но эти предложенія были отклонены Понятовскимъ. Для достиженія своей цѣли Фридрихъ-Христіанъ сблизился съ короннымъ гетманомъ Яномъ Клементіемъ Браницкимъ; между ними состоялось соглашеніе способствовать другъ другу въ достиженіи Польскаго престола, такимъ образомъ, что гетманъ долженъ былъ помогать Саксонскому курфюрсту, а если-бы ему не удалось, то онъ со своей стороны долженъ былъ поддержать Браницкаго. Но Фридрихъ-Христіанъ умеръ отъ оспы 17 Декабря 1763, такъ что Браницкій, хотя и женатый на

¹⁾ Письмо отъ 1 Ноября, тамъ-же, стр. 180.

²⁾ Рукопись III, стр. 263.

родной сестрѣ Станислава-Августа, продолжалъ дѣйствовать противъ него и Чарторыйскихъ, пользуясь своимъ вліяніемъ какъ начальникъ войскъ республики, и искалъ поддержки Австріи и Франціи. Екатерина думала его подкупить, но онъ отказался. Такой-же свойственникъ семейства Чарторыйскихъ, Литовскій писарь гр. Михаилъ Огинскій, женатый на дочери гр. Флемминга, равнымъ образомъ претендовалъ на корону; но Екатерина, по прибытіи его въ С.-Петербургъ, задержала его, потребовавъ, чтобъ онъ остался въ качествѣ лица аккредитованнаго при ней отъ Польскаго правительства. Подъ конецъ, коронный подстолий кн. Станиславъ Любомирскій заявилъ себя претендентомъ. Но всѣ эти кандидаты не имѣли поддержки Екатерины; узнавъ о притязаніяхъ Любомирскаго, она помѣтила на донесеніи Репнина отъ 27 Февраля 1764 г.: „къ коровѣ сѣдло не пристало“.

Въ письмѣ отъ 2 Августа 1762 года¹⁾ Станиславу-Августу Екатерина писала, что она посылала гр. Кейзерлинга, чтобъ сдѣлать королемъ или его, Понятовскаго, или его двоюроднаго брата кн. Адама Чарторыйскаго, сына Русскаго воеводы князя Августа. Какъ пишетъ Станиславъ-Августъ въ своихъ Запискахъ, князь Адамъ на отрѣзъ отказался отъ такого предложенія и написалъ графинѣ Брюсъ, прося ее умолить Императрицу, чтобъ она не думала о немъ. Съ того времени выборъ Императрицы окончательно палъ на Станислава-Августа, въ виду того, какъ она пишетъ Фридриху II, что онъ изъ всѣхъ претендентовъ на Польскую корону имѣлъ менѣе всего средствъ достигнуть престола, а слѣдовательно будетъ болѣе другихъ считать себя обязаннымъ тѣмъ, изъ чьихъ рукъ получить корону²⁾.

Не называя еще однако Понятовскаго, Екатерина въ рескриптѣ Кейзерлингу отъ 7 Октября 1763 г.³⁾, поясняла, „что слѣдовало намъ всѣми силами помогать избранію въ короли кого либо изъ Пястовъ, человѣка такого, который-бы, приписуя то единственно Россіи, намъ-бы за то благодарностью всегда обязанъ, отъ насъ зависимъ и совершеннымъ по здѣшнимъ интересамъ доброхотствомъ намъ-же искренно и преданъ былъ“.

Къ этому рескрипту Екатерина приписала, чтобъ Кейзерлингъ во что-бы ни стало подкупилъ примаса Любенскаго, хотя-бы за 100000 рубл., если менѣе не можно. Подтверждая свою волю, чтобъ выборъ палъ непременно на потомка изъ рода Пястовъ, вскормленнаго въ духѣ

¹⁾ Сочин. имп. Екатерины II, т. XII, ч. 2, стр. 548—555.

²⁾ Письмо отъ 6 Декабря 1763 г. Сб. им. ист. об., 20, стр. 177.

³⁾ Сб. им. ист. об., 51, стр. 15.

законовъ республики, Екатерина, по наущенію самого Кейзерлинга, потребовала отъ своихъ друзей декларацію въ томъ, что они не позволяютъ никогда измѣнить въ чемъ либо настоящую форму республики, ни касаться ея законовъ, вольностей и привилегій (т. е. не отмѣнять *liberum veto*, не введутъ рѣшенія сеймовыхъ дѣлъ большинствомъ голосовъ, ни наслѣдственнаго преемства королевской власти), что привело бы къ рабству, къ которому всякій свободный долженъ имѣть большое отвращеніе, замѣчаетъ Екатерина; этимъ они привлекутъ довѣріе націи и откроютъ ей, Екатеринѣ, возможность работать болѣе производительнымъ образомъ въ ихъ пользу¹⁾.

Между тѣмъ гр. Кейзерлингъ, готовя путь намѣченному Екатериной кандидату, наткнулся на большія затрудненія. Кромѣ людей, враждовавшихъ противъ семейства Чарторыйскихъ, были люди, и въ средѣ этого семейства, которые считали себя болѣе достойными, нежели Литовскій стольникъ и питали въ тайнѣ честолюбивые замыслы. Вотъ что пишетъ Станиславъ-Августъ по этому поводу²⁾. „Посреди зимы 1763 г. въ то время, когда казалось, что затрудненія къ вступленію моему на престолъ все болѣе накоплялись, посолъ Кейзерлингъ, который постоянно выражалъ мнѣ самое дружеское довѣріе, сказалъ мнѣ однажды: „что вы думаете о мысли, относительно которой я желаю имѣть ваше мнѣніе? Дѣло идетъ о томъ, чтобъ посадить вмѣсто васъ на престолъ вашего дядю Русскаго воеводу князя Чарторыйскаго. Скажите откровенно, думаете-ли вы, что это было-бы выгодно для Польши. Вы отвѣтите мнѣ черезъ три дня“. За этотъ промежутокъ тысяча разныхъ мыслей возникли, одна послѣ другой, въ моемъ умѣ. Изъ нихъ главная была та, что рано или поздно Императрица могла бы вздумать выйти за меня замужъ, если я сдѣлаюсь королемъ, а если я имъ не буду, то бракъ никогда не состоится. Съ другой стороны, были три человѣка, которыхъ я тогда болѣе всѣхъ любилъ, мой старшій братъ Казимиръ, Ржевускій³⁾, тогда писарь, впоследствии маршалъ и Браницкій⁴⁾, съ которымъ я подружился въ Россіи“.

„Между тѣмъ мой дядя во многихъ случаяхъ выразилъ всѣмъ троимъ свое явное нерасположеніе. Наконецъ мнѣ былъ извѣстенъ деспо-

¹⁾ Письмо Кейзерлингу 23 Октября 1763 г. Сб. им. ист. об., 51, стр. 54.

²⁾ Рукопись III, стр. 275.

³⁾ Францискъ Ржевускій.

⁴⁾ Ксаверій Браницкій, не принадлежавшій къ древнему роду Браницкихъ герба Грифъ; человѣкъ способный и отважный, но безъ всякихъ нравственныхъ правилъ, птритганъ и алчный. Впоследствии онъ женился на племянницѣ князя Таврическаго. Его сестра Елисавета за кн. Яномъ Сапѣгой, была одна изъ любовницъ Станислава-Августа и сумѣла у него вытянуть много денегъ.

тическій и неукротимый нравъ моего дяди. По этимъ тремъ причинамъ я черезъ три дня сказалъ Кейзерлингу, что, не смотря на всю дружбу, которую обнаруживалъ ко мнѣ лично мой дядя, я имѣлъ основаніе думать, что его царствованіе будетъ жестокимъ и что по этой причинѣ я полагалъ, что для блага страны предпочтительнѣе, чтобъ я достигъ престола. Коль скоро Кейзерлингъ услышалъ мой отвѣтъ, онъ воскликнулъ съ живостью: „Боже насъ избави отъ жестокаго царствованія“ и прибавилъ, что рѣчи болѣе не могло быть о томъ, что онъ мнѣ предлагалъ“.

„Это обстоятельство, столь важное въ моей жизни, утвердило меня болѣе всего въ мысли, что изъ всѣхъ человѣческихъ заблужденій гордость самое непростительное. Тотъ, кто хвалится, что онъ хорошо сказалъ или хорошо дѣйствовалъ въ томъ или иномъ случаѣ, не принимаетъ въ соображеніе, что не во власти человѣка приписывать себѣ какую либо мысль, что всѣ, и преимущественно та, которая насъ болѣе всего прельщаетъ, исходятъ отъ Того, Кому благоугодно было намъ ее ниспослать. Только спустя восемь лѣтъ послѣ того, какъ я далъ такой отвѣтъ Кейзерлингу, уму моему представился тотъ, который я долженъ былъ ему сдѣлать, а именно: „я не хочу быть королемъ безъ увѣренности въ томъ, что буду супругомъ Императрицы. Если будетъ мнѣ въ томъ отказано, то прошу одного удостовѣренія въ благорасположеніи будущаго короля къ тремъ друзьямъ моимъ: я же останусь частнымъ человѣкомъ, такъ какъ безъ Императрицы корона не имѣетъ никакой прелести для меня“. Такимъ образомъ я бы все устроилъ. Въ первомъ случаѣ какой степени блеска не достигла-бы Польша! Во второмъ я бы приобрѣлъ однако для себя новое право, если не быть любимымъ Императрицею, то по крайней мѣрѣ право на ея благодарность. Я бы обезпечилъ судьбу своихъ друзей, а для себя навѣрно величайшее расположеніе и всѣ возможныя милости, которыми частное лицо могло-бы когда либо пользоваться со стороны короля. моего дяди: я же избавилъ-бы себя отъ всѣхъ горестей, а мою отчизну отъ всѣхъ несчастій, причина которыхъ крылась въ томъ, что мой дядя не простилъ мнѣ того, что не онъ сталъ королемъ. Я убѣжденъ, что онъ былъ освѣдомленъ (если только не онъ самъ это придумалъ) о предложеніи, которое мнѣ сдѣлалъ Кейзерлингъ“.

„Я вывожу такое заключеніе изъ того, что шесть мѣсяцевъ спустя, когда говорили о возможности кровопролитнаго сопротивленія противъ моего избранія, я высказалъ по этому поводу, что я бы предпочелъ не быть королемъ, если могла быть пролита хоть капля Польской крови, княгиня Любомирская, дочь Русскаго воеводы, произнесла

со страстью немногія слова: „но отъ васъ-же одного зависѣло“..... и не досказавъ, смутилась и перевела разговоръ на другой предметъ. Нѣсколько недѣль спустя послѣ того, какъ Кейзерлингъ мнѣ предложилъ вышеозначенный вопросъ, онъ мнѣ сказалъ, что если-бы я женился на одной изъ дочерей Кіевскаго воеводы Потоцкаго, многія затрудненія бы устранились для меня. Я ему выразилъ тогда (но ужъ слишкомъ поздно), на сколько всякая мысль о женитьбѣ, за исключеніемъ брака съ Императрицей, внушала мнѣ отвращеніе. Онъ мнѣ возразилъ, что такой бракъ возбудилъ-бы слишкомъ много зависти и зажегъ бы во всей Европѣ пламя; а послѣ того Кейзерлингъ мнѣ показалъ депешу, въ которой онъ сообщалъ Императрицѣ, что онъ видѣлъ меня въ слезахъ при одной мысли о какомъ либо бракѣ, который не соответствовалъ единственному влеченію моего сердца. Но и это осталось безъ послѣдствій“.

Этотъ рассказъ Станислава-Августа слѣдуетъ дополнить тѣмъ, что къ числу недоброжелателей князей Чарторыйскихъ принадлежалъ Кіевскій воевода Салерій Потоцкій. Кейзерлингъ вздумалъ его привлечь къ Русской партіи путемъ сватовства Станислава-Августа съ одной изъ дочерей Потоцкаго. Онъ несомнѣнно думалъ этимъ удовлетворить тайному желанію Екатерины, а еще болѣе Григорія Орлова, который такимъ образомъ освобождался навсегда отъ соперника. Кейзерлингъ повѣдалъ свою мысль о женитьбѣ Станиславу-Августу, который не захотѣлъ и слышать о подобномъ предложеніи. Подъ этимъ впечатлѣніемъ онъ 2 Ноября 1763 г. написалъ изъ Виланова письмо къ Императрицѣ*). Это одно изъ рѣдкихъ писемъ Понятовскаго къ Екатеринѣ, которое сохранилось; оно цѣнно еще тѣмъ, что рисуетъ чувства, волновавшія тогда Станислава-Августа. Приводимъ его въ переводѣ съ Французскаго:

„На пути изъ деревни въ городъ я узнаю дорогою объ обстоятельстве столь важномъ и столь прискорбномъ для меня, что не могу въ достаточной мѣрѣ поспѣшить, если возможно, его устраненіемъ; мнѣ передаютъ, что вашъ посолъ предлагаетъ вамъ мой бракъ съ дочерью Кіевскаго воеводы, какъ средство для облегченія будущаго избранія. Мнѣ подобало надѣяться, что онъ откажется отъ такого предположенія послѣ того, какъ я ему выразилъ чрезвычайное отвращеніе. хотя онъ только разъ говорилъ со мной о томъ, какъ объ идеѣ, мелькнувшей у него въ головѣ. Но такъ какъ это его не удер-

*) Генрихъ Шмиттъ. Dzieje panowania Stanisława Augusta Poniatowskiego, томъ I, стр. 192 и 373. Письмо съ рукописи хранящейся въ библиотекѣ князя Чарторыйскаго въ Парижѣ.

жало, позвольте мнѣ, по крайней мѣрѣ еще разъ съ вами говорить съ тою откровенностью, которую когда-то вы изволили цѣнить во мнѣ, на что впрочемъ я имѣю несомнѣнное право, и въ силу того огорченія, которымъ вы наполнили мое сердце. Я любилъ васъ съ самой живой, самой искренной нѣжностью, которая можетъ быть когда либо существовала, и несомнѣнно я любилъ исключительно васъ самое. Вы всегда видѣли, что я смотрѣлъ на ваше положеніе скорѣе какъ на несчастіе, чѣмъ на что-то привлекательное, дополнявшее остальное, и, увы, я не предвидѣлъ, что ваше возвышеніе сдѣлалось-бы началомъ немилости ко мнѣ. Господи, долженъ былъ бы я когда либо повѣрить этому? Чтобъ всякая другая женщина измѣнилась, я бы повѣрилъ; но вы, Боже мой, и почему? Но я путаюсь, мое сердце увлекаетъ меня, и вы не хотите болѣе слушать его. Вернемся-же къ моему печальному предмету. Вы помните, милостивая государыня, что вы первая представили мнѣ виды честолюбія, о которыхъ я съ вами никогда не говорилъ. Вы часто мнѣ повторяли, что человѣкъ безъ честолюбія не могъ-бы вамъ нравиться. Вы слѣдовательно вскормили его во мнѣ, пользуясь предлогомъ моей самой пылкой страсти. Если я желалъ престола, то потому только, что я видѣлъ васъ на немъ. Мои стремленія, впрочемъ, всегда ограничились-бы обязанностями; я бы работалъ, по мѣрѣ своихъ силъ, въ предѣлахъ мнѣ предназначенныхъ, для блага своей отчизны. Все, что произошло съ Іюня мѣсяца, всѣ повелѣнія, данныя вами съ того времени, лишаютъ насъ всякой надежды. Я точно не знаю, что вы хотите сдѣлать изъ меня при настоящихъ обстоятельствахъ; но вы достаточно знаете меня, чтобы понять, что такой престолъ съ тѣми преградами, которыми вы хотите его ограничить, съ тою посредственностью (чтобъ не сказать хуже) моего собственнаго достоинства, не есть положеніе, на которомъ я могъ-бы себѣ обѣщать много удовольствія или славы. И тутъ еще хотятъ меня понудить къ сдѣлкѣ цѣною брака, который принесетъ несчастіе мнѣ на всю жизнь, хотя бы я не могъ сожалѣть о васъ. И дѣйствительно, было-бы съ вашей стороны слишкомъ жестоко понуждать меня къ подобному обязательству. Если я не могу рассчитывать на ваши добрые чувства, то я долженъ, по крайней мѣрѣ, надѣяться на то, что вы, по справедливости, избавите меня отъ него. Я не могу еще придти въ себя отъ изумленія, чтобы такой разумный и просвѣщенный мужъ, какъ посолъ, могъ серьезно возымѣть подобную мысль, такъ какъ если вы, ограничиваясь однимъ предложеніемъ, желаете остаться только постороннею зрительницей событія (избранія короля), то оно не совершится ни посредствомъ этого брака, ни посредствомъ десяти и другихъ ему подобныхъ. Напротивъ, если ваше могущество и ваши богатства будутъ обращены на дарованіе

этой короны, она безъ промаха упадетъ на долю того, кому вы предназначили ее, помимо того, чтобъ Потоцкіе, или кто либо иной въ Польшѣ подумалъ только предъявить подобное условіе взаимнѣ своего согласія на ваши намѣренія. Но правда, что здѣсь онъ не будетъ иначе признанъ какъ съ помощью тѣхъ самыхъ средствъ, которыя съ свойственною вамъ твердостью и щедростью вы примѣнили для достиженія того положенія, которое вы теперь занимаете. Нельзя-же обольщаться мыслью, что Франція, не смотря на свою предполагаемую разслабленность, не расходуетъ здѣсь денегъ. Чѣмъ вы будете громче говорить и чѣмъ ранѣе, тѣмъ менѣе это будетъ вамъ стоить, такъ какъ всѣ однако желали бы избѣгнуть гражданской войны за исключеніемъ, можетъ быть, какого нибудь свирѣпаго безумца въ родѣ Радзивила и какихъ-то бездомныхъ и жадныхъ грабителей. Ко всему этому я прибавляю одно слово. Благоволите припомнить, что мысли о величайшемъ счастьѣ, къ которому я когда либо могъ стремиться, я не дерзнулъ предложить вамъ. Вы сами мнѣ позволили стремиться къ нему. Я скажу еще, что если для того, чтобы пріобрѣсти это счастье, требуется отказаться отъ всякой идеи честолюбія, я отрекусь отъ нея съ радостью“.

Это письмо осталось, очевидно, безъ отвѣта, но мы знаемъ изъ сохранившихся писемъ Екатерины, какъ она смотрѣла на подобныя посланія Понятовскаго. Изъ выше приведеннаго письма барона Остена къ Русскому воеводѣ, видно, что любовь Екатерины къ Понятовскому совершенно испарилась; она избѣгала видѣться съ Датскимъ посланникомъ, опасаясь, чтобъ онъ съ нею не заговорилъ о чловѣкѣ, котораго она прежде любила. Уже прошло около пяти лѣтъ съ Іюля 1758 г., когда Понятовскій въ послѣдній разъ покинулъ Петербургъ. Сколько событій совершилось съ того времени! Изъ приниженной великой княгини она стала самодержавной государыней, но, не смотря на всю свою власть, принужденной считаться съ своимъ положеніемъ и съ людьми, при помощи которыхъ она взошла на престолъ. „Я должна вести себя весьма осторожно, и послѣдній гвардейскій солдатъ, видя меня, говорить про себя: это дѣло моихъ рукъ“, писала*) она Понятовскому. Да Екатерина едва ли вѣрила въ страсть Понятовскаго къ ней, съ тѣхъ поръ, какъ онъ самъ сознался ей въ 1761 г. въ одномъ письмѣ, что онъ ей измѣнилъ. Хотя въ отвѣтѣ Понятовскому заявлено, что ожидали уже давно такого несчастья, которое переносятъ, не измѣняясь, но чувство женщины могло оскорбиться. Великодушіе Екатерины не долго продолжалось: Григорій Орловъ замѣнилъ Литовскаго стольника

*) Письмо 11 Ноября 1762. Соч. Екат.. XII, 2, стр. 561.

въ ея сердцѣ. Почему на всѣ его письма 1762 и 1763 гг., содержащія, судя по сохранившимся отвѣтамъ Екатерины, вздыханія и упреки, какъ и въ посланіи отъ 2 Ноября 1763 г., Императрица отвѣчала: „Вы опечаливаетесь; я удивляюсь этому, такъ какъ каждый разумный человѣкъ долженъ покориться. Я не хочу и не могу объяснить на счетъ многихъ вещей“¹⁾).

Въ письмѣ отъ 27 Апрѣля 1763 г.²⁾ она пишетъ: „Чѣмъ я обнаружила такую страшную неблагодарность? Развѣ тѣмъ, что я мѣшаю вамъ и не желаю, чтобъ вы пріѣзжали? На это, по моему мнѣнію, нечего еще жаловаться. Я вамъ уже сказала, что сами наши письма ничего не стоятъ, и что если вы были-бы разсудительны, вы остерегались бы ихъ писать. Послѣ моихъ самыхъ настойчивыхъ и искреннихъ увѣреній въ моей дружбѣ къ вамъ и къ вашему семейству я не рассчитывала на обвиненія въ черной неблагодарности. Я не знаю, пишетъ она наконецъ, чѣмъ я заслужила ваши упреки, которыми наполнены ваши письма; мнѣ кажется, что я васъ поддерживаю елико возможно..... Это впрочемъ уже много, что я отвѣчаю; я бы не должна этого дѣлать, я не хочу лгать.“³⁾).

Вотъ почему она и не отвѣчала на письмо Станислава-Августа отъ 2 Ноября 1763 г. Оно для насъ цѣнно для опредѣленія личныхъ свойствъ Понятовскаго.

Въ своемъ портретѣ, который онъ нарисовалъ еще въ 1756 г.⁴⁾ въ то время, когда только зародилась въ немъ страсть къ великой княгинѣ, Станиславъ-Августъ представилъ себя съ великимъ и пламеннымъ честолюбіемъ. Екатерина, говоритъ онъ, первая ему открыла честолюбивые виды, ему внушила, что онъ долженъ былъ стремиться къ престолу, чтобъ быть достойнымъ ея. И слова эти подтверждаются письмомъ Англійскаго посла Сэра Чарльза Уилльямса къ Екатеринѣ⁵⁾; въ немъ Уилльямсъ пророчествовалъ ей, что она при помощи Прусскаго короля посадить Понятовскаго на Польскій престолъ. Такое предсказаніе удостовѣряетъ то, что между тремя друзьями еще въ теченіе перваго пребыванія Станислава-Августа въ Петербургъ (1756—1757 г.) обсуждался вопросъ о возможности для Станислава-Августа стать Польскимъ королемъ. Тогда-же, въ эти медовые мѣсяцы ихъ взаимной страсти, Екатерина могла вселить своему возлюбленному на-

¹⁾ Письмо, Сентябрь 1762. Соч. Ек. т. XII, 72, стр. 558.

²⁾ Тамъ-же, стр. 563.

³⁾ Тамъ-же, стр. 565.

⁴⁾ Рукопись, т. II; стр. 80—88.

⁵⁾ А. № 34, письмо 26 Ноября 1756 г.

дежду на величайшее счастье, къ которому онъ могъ стремиться, т. е. на возможный бракъ между ними. Но въ 1763 г. Станиславъ-Августъ выражалъ готовность въ своемъ письмѣ отказаться отъ всякихъ замысловъ на престолъ, лишь-бы она соглашалась вступить съ нимъ въ бракъ. Почему, говоря гораздо позднѣе въ своихъ Запискахъ, веденныхъ имъ послѣ 1777 года, что ему слѣдовало тогда прямо заявить, что онъ принималъ Польскую корону только при условіи вступленія въ бракъ съ Императрицей, Станиславъ-Августъ дѣйствительно выражалъ то состояніе духа, въ которомъ онъ находился въ 1763 г. Ему, въ Ноябрь этого года, было извѣстно, что намѣреніе Екатерины сочетаться бракомъ съ Григоріемъ Орловымъ встрѣтило непреодолимые препятствія и было окончательно устранено. Но Станиславъ-Августъ не представлялъ себѣ, что въ Екатеринѣ потухло всякое чувство къ нему; онъ воображалъ, что если бракъ ея съ Орловымъ, съ самымъ зауряднымъ Русскимъ дворяниномъ, отличавшимся лишь удалью, красотой и физической силой, не могъ осуществиться, то брачный союзъ съ нимъ, избраннымъ въ Польскіе короли, являлся вполне осуществимымъ въ виду равенства въ положеніи брачующихся. Чувства же его къ Екатеринѣ остались неизмѣнными, и онъ готовъ наравнѣ съ Орловымъ посвятить ей всю свою жизнь и даже пожертвовать ею.

Екатерина безповоротно отказалась отъ этого брака какъ по личнымъ наклонностямъ, такъ и вслѣдствіе политическихъ причинъ. Она удивлялась настояніямъ Понятовскаго, выражаясь, что каждый разсудительный человѣкъ долженъ покориться обстоятельствамъ. Понятовскій хитрилъ съ самимъ собою, но не могъ перехитрить Екатерину, которая его отлично разгадала, а онъ высказалъ свою безхарактерность и непослѣдовательность въ своихъ сужденіяхъ. Съ одной стороны онъ увѣрялъ, что престолъ безъ Екатерины не прельщалъ его (*si j'ai désiré le trône, c'est que je vous y voyais*), а съ другой находилъ его лишеннымъ удовольствій или славы (*ce n'est pas une place, où je puisse me promettre beaucoup d'agrément ou de gloire*), въ виду тѣхъ ограничительныхъ условій, которыми Императрица обставляла королевскую власть, и ничтожности его личныхъ средствъ. Такимъ образомъ, не смотря на несбыточность своей мечты, Понятовскій покорялся судьбѣ быть королемъ, вѣнчаннымъ Екатериной, лишь-бы она его не оставляла и высказалась окончательно въ пользу его, такъ-какъ до того она уклонялась отъ наименованія его своимъ кандидатомъ. Въ этомъ именно заключалась конечная цѣль письма, такъ какъ при свойственной настойчивости и твердости Екатерины будетъ королемъ тотъ, кого она назначитъ. Но она по своимъ расчетамъ не хотѣла, до поры до

времени, навязывать своего кандидата; для виду она предоставляла націи полную свободу и думала объявить о своемъ избранникѣ лишь при самыхъ выборахъ. Очевидно, Польская корона соблазнила Понятовскаго. Онъ это выразилъ впослѣдствіи въ своихъ Запискахъ, разсуждая о гордости, которая ему помѣшала прямо отказаться отъ его притязаній на престоль, если Екатерина не общается ему своей руки. Но ему не достало характера, чтобы поставить такое категорическое условіе. Только позднѣе, когда онъ испыталъ много разочарованій, онъ занесъ въ свои Записки сожалѣніе о томъ, что увлекся тогда соображеніями, навѣянными гордостью и честолюбіемъ.

Посланіе Понятовскаго отъ 22 Октября (2 Ноября) 1763¹⁾ еще не могло быть получено Екатериной, когда она 25 Октября поручила Кейзерлингу передать своимъ друзьямъ письма, изъ которыхъ одно на имя Понятовскаго отъ 22 Октября (2 Ноября). Получивъ его, онъ долженъ былъ понять, что всѣ его мечты о бракѣ не могли сбыться. Екатерина начинала официальнымъ обращеніемъ *Monsieur le stolnik de Lithuanie comte Poniatowski* и писала ему, желая скорѣе увѣрить его въ своей дружбѣ, чѣмъ возбудить въ немъ патріотическое чувство, столь необходимое въ пору междоусобицы. Она просила принять мѣры къ тому, чтобы наступавшее избраніе совершилось спокойно съ соблюденіемъ законовъ и вольностей республики. Она была готова всѣми средствами содѣйствовать этому и отличить его самого своимъ особымъ расположеніемъ, увѣряя его въ томъ, что она оставалась къ нему благосклонной (*Votre affectionnée Catherine*). 14 (25) Ноября Понятовскій отвѣчалъ ей общими выраженіями въ обыкновенно учтивой формѣ, именуя ее *Votre Majesté Impériale*²⁾.

Между тѣмъ Чарторыйскіе подали Кейзерлингу промеморію отъ 7 Ноября (27 Октября), въ которой доказывали необходимость, чтобы Императрица объявила до конвокаціонныхъ³⁾ сеймиковъ, кого избирать на Польскій престоль, опредѣливъ, что ея кандидатъ долженъ былъ быть изъ рода Пястовъ и еще молодымъ для избѣжанія слишкомъ частыхъ выборовъ; послѣ конвокаціонныхъ сеймиковъ могло быть объявлено точное имя ея избранника. Будучи увѣренными, что Императрица сама не искала расчлененія Польши, Чарторыйскіе ожидали отъ нея, чтобы она это подтвердила деклараціею, обязуясь защищать республику отъ всякихъ захватовъ со стороны. Затѣмъ они указывали,

¹⁾ Генрихъ Шмиттъ, I, стр. 382.

²⁾ Генрихъ Шмиттъ, I, стр. 382.

³⁾ То были собранія, на которыхъ обсуждался вопросъ, кого избирать въ короли.

что на производство выборовъ предвидѣлось расхода отъ 300 до 400 тысячъ дукатовъ. Въ письмѣ 22 Ноября Екатерина, въ отвѣтъ на эту промеморію, поручила Кейзерлингу руководствоваться посланною ему инструкціею отъ 6 Ноября*) и увѣрить ея друзей въ неизмѣнности ея намѣреній и что она употребитъ на то всѣ средства, которыя Богъ ей далъ въ руки. Когда она давала эти наставленія графу Кейзерлингу, ею уже было получено письмо Понятовскаго отъ 2 Ноября (22 Октября), въ которомъ онъ между прочимъ жаловался на свои ничтожныя средства. По этому вопросу Екатерина замѣтила Кейзерлингу, что если Чарторыйскіе не въ состояніи сдѣлать богатымъ кандидата на престолъ, то они могли по крайней мѣрѣ ему помочь или улучшить его положеніе. Въ припискѣ къ своему письму Екатерина предложила Кейзерлингу уплатить столънику всю сумму, когда онъ того пожелаетъ. Эта приписка ею была сдѣлана въ отвѣтъ на таковую-же графа Кейзерлинга. Очевидно Понятовскій, вѣчно нуждавшійся и въ долгахъ, просилъ содѣйствія посла для полученія всей суммы на покрытіе его обязательствъ, которую Екатерина, какъ мы видѣли, опредѣлила выдать въ три срока съ тѣмъ, чтобы къ концу 1764 г. всѣ долги были погашены. Въ вышеуказанной инструкціи отъ 6 Ноября Кейзерлингу, между прочимъ, предписано было объявить избраннику Императрицы, что она, не жалѣя средствъ для его избранія, ожидала отъ него сохраненія мира и спокойствія между республикой и имперіею, соблюденія интересовъ Россіи и признанія ихъ своими собственными. Она надѣялась, что какъ Чарторыйскіе, такъ и избранный изъ ихъ рода король на первомъ-же сеймѣ признаютъ ея императорскій титулъ, утвердятъ въ его владѣніяхъ герцога Курляндскаго и приведутъ къ концу всѣ споры между Россіей и Польшей, а главнымъ образомъ разрѣшатъ въ благопріятномъ смыслѣ всѣ требованія Польскихъ иновѣрцевъ (диссидентовъ). Сеймъ отъ всей республики долженъ былъ ходатайствовать передъ Императрицей „о гарантіи на всегдашнее время фундаментальной конституціи ихъ вольности, правъ, преимуществъ и на томъ основанныхъ законовъ съ цѣlostью всей республики“. Заботясь объ имущественномъ положеніи короля, Екатерина предписала Кейзерлингу, чтобы онъ настоялъ передъ Рѣчью Посполитой на прибавкѣ королю доходовъ, дабы онъ тѣмъ былъ огражденъ отъ искушенія къ принятію постороннихъ субсидій. Наконецъ въ предотвращеніе того, чтобы избранный ею кандидатъ подъ вліяніемъ виѣшнихъ и внутреннихъ недоброжелателей не отрекся отъ короны, Императрица поручила Кейзерлингу предостеречь его, что подъ ея покровительствомъ полученную имъ корону никто уже у него отнять не можетъ.

*) Сб. нмп. ист. об. 51, стр. 92 и 119.

Въ ту пору Понятовскій едва-ли былъ настолько ослѣпленъ, чтобъ рассчитывать на возможность осуществленія лелѣянной имъ прежде мечты вступить въ бракъ съ Екатериной или по крайней мѣрѣ быть призваннымъ ею въ Петербургъ; однако въ письмѣ своемъ къ ней отъ 3 (14) Ноября*) онъ вновь напоминалъ о томъ-же. Говоря ей о своихъ сердечныхъ чувствахъ, едва-ли онъ рассчитывалъ на ея взаимность; онъ хотѣлъ только вызвать въ ней участіе къ себѣ и достигнуть улучшенія своего матеріальнаго положенія. „Я предпочелъ-бы васъ, писалъ онъ, коронѣ; это доподлинно вѣрно, и лишь отъ васъ зависитъ испытать это. Но если вы хотите мнѣ ее даровать въ видѣ возмѣщенія, то увѣрю васъ, что она никогда не можетъ быть для меня возмѣщеніемъ. Это значитъ промѣнять самое высшее, можетъ быть, блаженство, которымъ когда либо пользовался человѣкъ, на работу очень тяжелую, очень неблагодарную, для которой будетъ служить поддержкой одно чувство долга, безъ того, чтобы она окупилась, можетъ быть, когда либо цѣною славы, а еще менѣе, предоставила удовольствіе. Еще разъ поймите, что, говоря мнѣ: „царствуйте, но вдали отъ меня“, вы меня изгоняете; по крайней мѣрѣ, такъ чувствуетъ мое сердце. Я знаю, что вы уже сдѣлали, чтобы меня приблизить къ престолу, и я васъ благодарю за то, такъ какъ я люблю быть вашимъ должникомъ, въ особенности вспоминая о первоначальномъ поводѣ вашихъ настоящихъ дѣйствій. Да не вызоветъ во мнѣ это сладкое и тяжкое воспоминаніе слишкомъ живого ощущенія того, что истиннаго счастья для меня болѣе нѣтъ на свѣтѣ“. Затѣмъ Станиславъ-Августъ старается возбудить въ Екатеринѣ участіе къ себѣ. Если избраніе не состоится, что будетъ съ нимъ? Одинъ позоръ. Онъ не богатъ, онъ отказывался отъ предлагаемыхъ ему должностей лишь по той причинѣ, что желалъ быть свободнымъ, рассчитывая, что когда нибудь она призоветъ его къ себѣ. Онъ не предвидѣлъ, что это не могло случиться.

Въ промеморіи Чарторыйскихъ отъ 7 Ноября начертанъ ихъ планъ дѣйствій. Станиславъ-Августъ проситъ Екатерину, чтобъ она сказала, что она можетъ сдѣлать для нихъ, и чего она отъ нихъ ожидаетъ. Имъ это нужно, чтобы знать, куда идутъ, и избѣжать бѣды и безчестія. Желая обезпечить себя отъ всякихъ случайностей, Станиславъ-Августъ указываетъ далѣе, что его двоюродный братъ графъ Огинскій также рассчитываетъ быть королемъ и собирается въ Петербургъ. Далѣе онъ упоминаетъ о томъ, что если Императрица желаетъ

*) Генрихъ Шмиттъ, I, стр. 377.

дѣйствительно его избранія, то ей должно прекратить насилія, производимыя ея войсками въ Литвѣ, такъ какъ эти грабежи безчестятъ Русское имя. Извиняясь за свое обширное посланіе, онъ замѣчаетъ, что прежде длинное письмо отъ него не считалось Екатериной скучнымъ, но теперь далеки отъ него и счастье и радость. Кончаетъ онъ просьбой, чтобъ Императрица не присылала князя Репнина въ помощники Кейзерлинга, котораго уважаютъ всѣ въ Польшѣ, а если преклонный возрастъ графа внушаетъ опасенія, было-бы желательно, чтобъ его замѣнилъ его сынъ.

Отвѣтомъ на это посланіе служило письмо Екатерины Кейзерлингу отъ 21 Ноября, съ наставленіемъ по предмету промеморіи Чарторыйскихъ отъ 7 Ноября (27 Октября). Относительно кандидатуры Огинскаго она написала 18 (29 Ноября) Кейзерлингу¹⁾, прося его передать ея друзьямъ, чтобъ они держались твердо и дружно, не вѣрили всякимъ рассказамъ и полагались на нее. О насиліяхъ, совершенныхъ Русскими войсками, графу Фермору велѣно произвести слѣдствіе. Что-же касается князя Репнина, то, посылая его въ помощь престарѣлому Кейзерлингу, слишкомъ поддавшемуся вліянію Чарторыйскихъ, Екатерина знала, что дѣлала; князь Репнинъ уже 15 Ноября былъ на пути въ Варшаву. Чтобъ разсѣять всѣ сомнѣнія Литовскаго стольника, она приказала князю Репнину передать ему, что онъ могъ рассчитывать на ея поддержку до конца и что для того она употребитъ всѣ свои войска и всѣ свои средства²⁾.

Въ Запискахъ Станислава-Августа сказано, что 12 (23) Декабря 1763 г.³⁾ собрались у него на совѣщаніе его оба дяди Чарторыйскіе, его братья Казимиръ и Андрей Понятовскіе, коронный оберъ-егеръ-мейстеръ князь Чарторыйскій, двоюродный братъ его дядей, Иноврацловскій воевода, Андрей Замойскій, гр. Кейзерлингъ и кн. Репнинъ. Цѣль совѣщанія заключалась въ томъ, чтобъ найти средства къ предупрежденію междоусобной войны: Саксонскій дворъ приказалъ тремъ полкамъ, находившимся на его службѣ, перейти подъ командованіе великаго короннаго гетмана Браницкаго: между тѣмъ по закону во время безкоролья коронные гетманы не имѣли права увеличивать число войскъ, имъ ввѣренныхъ. Гетманъ же Браницкій, принявъ Саксонскіе полки на свою службу, дѣйствовалъ противъ конституціи, и

¹⁾ Сб. имп. ист. общ., 51, стр. 109.

²⁾ Замѣтка Понятовскаго отъ 22 (11) Декабря 1763, изъ бумагъ Чарторыйскихъ. Генрихъ Шмиттъ, т. I, стр. 384.

³⁾ Рукопись, т. III, стр. 242.

въ его рукахъ могла сосредоточиться военная сила въ ущербъ общему благу Рѣчи Посполитой. На совѣщаніи былъ возбужденъ вопросъ, не слѣдуетъ-ли просить Императрицу, чтобъ, съ цѣлью противодѣйствія гетману Браницкому, она предоставила своимъ друзьямъ или средства для набора людей или свои войска, которыя бы вошли въ составъ отрядовъ, содержащихся ея друзьями на ихъ иждивеніи. Понятовскій на этомъ совѣщаніи подалъ голосъ противъ введенія Русскихъ войскъ въ Польшу подъ какимъ бы то ни было предлогомъ. Ему возразилъ гр. Кейзерлингъ словами: „Если Русскія войска не вступятъ сюда, вы не будете королемъ“. „Не быть мнѣ королемъ, но за то не выслушаемъ мы упрековъ“, сказалъ стольникъ. Тогда ему возразилъ Русскій воевода и Замойскій: „Не въ томъ только дѣло, чтобъ вы были королемъ, а и въ томъ, чтобъ предупредить ужасъ междоусобной войны. Единственное средство воспрепятствовать злонамѣреннымъ людямъ заключается навести на нихъ страхъ, выставивъ противъ нихъ достаточныя силы, могущія ихъ уничтожить. Мы не начнемъ военныхъ дѣйствій, но намъ нужна эта помощь, если великій гетманъ и его сторонники нарушаютъ законъ“. Это мнѣніе восторжествовало, и въ промеморіи, поданной Императрицѣ, Чарторыйскіе просили объ отправленіи къ нимъ на помощь корпуса въ 20000 человекъ. Эта промеморія была прислана въ Петербургъ при реляціи Кейзерлинга и Репнина отъ 24 Декабря (4 Января) 1763 г.¹⁾ Панинъ представилъ Екатеринѣ, что тысяча казаковъ уже готовы и что отправку второй тысячи онъ считалъ излишнею. Для изгнанія Саксонскихъ войскъ будетъ достаточно готового отряда, а усиленіемъ его возбудится недовѣріе въ Польшѣ. По изгнаніи Саксонцевъ, Русскій корпусъ справится съ отдѣльными отрядами пановъ-противниковъ. Екатерина резолюціей 20 Января 1764 согласилась съ мнѣніемъ Панина.

При секретной реляціи отъ того-же 24-го Декабря 1763 г. Кейзерлингъ и Репнинъ передали Императрицѣ требованія Понятовскаго: 1) будущему королю опредѣлить ежегодныя субсидіи и при томъ гарантировать ему прочность престола; 2) полки гвардіи и другіе должны состоять въ непосредственной командѣ короля, а не гетмана, какъ было прежде; 3) власть королевская въ раздачѣ чиновъ и награжденій не отменяется²⁾. Въ отвѣтъ на это требованіе Екатерина писала³⁾, что, соглашаясь съ мнѣніемъ пословъ, она находила эти требованія нѣсколько преждевременными, но тѣмъ не менѣе справедливыми. Полагая, что

¹⁾ Сб. имп. ист. общ., 51, стр. 181.

²⁾ Соловьевъ, 26, стр. 43.

³⁾ Рескриптъ 5 Февраля 1764, сб. им. ист. общ., 51, стр. 207.

въ ея выгодахъ сохранять фундаментальныя Польскіе законы и всѣ королевскія преимущества, она поручала Кейзерлингу и Репнину всѣми средствами стараться, чтобы на сеймахъ были удовлетворены оба эти желанія Понятовскаго. Что же касается субсидіи и гарантіи, то, рѣшившись поддерживать избраніе его своими силами и средствами для собственной своей славы и для оказанія ему своихъ благодѣяній, она приметъ всѣ мѣры къ спокойному утвержденію его во власти и къ признанію его всѣми дворами. Субсидіи однако она отказалась опредѣлить, не зная впередъ, „по коликѣ новый король съ большимъ или меньшимъ народнымъ желаніемъ выбранъ будетъ, такъ какъ отъ того будетъ зависѣть возможность исходатайствовать ему отъ республики прибавку на содержаніе по перемѣнившемуся во всей Европѣ образу житія“.

Вступленіе Русскихъ войскъ въ Польшу возмущало республиканцевъ и служило предметомъ раздора между Чарторыйскими и гетманомъ Браницкимъ. „Генераль Мокроновскій, состоявшій¹⁾ при семъ послѣднемъ, говоритъ Станиславъ-Августъ²⁾, всегда вѣрный гражданинъ и мой личный другъ, такъ удачно дѣйствовалъ на умъ вельможи, что тотъ хотя лелѣялъ нѣкоторое время мысль о престолѣ для самого себя, согласился на то, чтобы Мокроновскій отъ его имени поручился передъ Кейзерлингомъ въ томъ, что, лишь-бы Вѣнскій и Версальскій дворы сошлись съ Россіею, онъ, гетманъ, былъ готовъ подчиниться желаніямъ Императрицы, но только при условіи, чтобы Русскія войска вышли изъ предѣловъ республики. Казалось, Кейзерлингъ одобрилъ это предложеніе, но оно не имѣло послѣдствій. Вступленіе Русскихъ войскъ, хотя и вызванное необходимостью, изображалось графомъ Браницкимъ и его сторонниками Французскому послу въ Варшавѣ маркизу Поми (Poulmy) вопіющимъ беззаконіемъ, и посолъ выразилъ громогласно свое неодобреніе этой мѣрѣ“.

На сеймикахъ, собиравшихся съ 6 Февраля 1764 въ Литвѣ и въ Польшѣ, произошли во многихъ мѣстахъ безпорядки и кровавыя распри, вызванные отрядами Браницкаго, который, вопреки конституціи, принималъ участіе въ приготовительныхъ выборныхъ собраніяхъ, стараясь силою дѣйствовать на ихъ рѣшенія. Вслѣдствіе настояній Чарторыйскихъ Екатерина разрѣшила князю Репнину перевести двухтысячный корпусъ подъ командой князя Дашкова изъ Лифляндіи въ Польшу,

¹⁾ Онъ славился своею красивою наружностью и благородствомъ и считался поклонникомъ графини Изабеллы Браницкой, жены гетмана и сестры Станислава-Августа.

²⁾ Записки, т. III, ст. 267.

воспользоваться корпусомъ ген.-маіора Хомутова, находившимся въ Польской Пруссіи при магазинахъ, которые оставались еще послѣ Семилѣтней войны. По словамъ Станислава-Августа¹⁾ Русскія войска вошли въ Польшу въ половинѣ Марта, и ихъ присутствіе помѣшало совершенію въ Варшавѣ насилій со стороны войскъ гетмана Браницаго и князя Радзивила; Русскіе же никакихъ насилій не произвели ни до, ни послѣ конвокаціоннаго сейма.

Между тѣмъ 31 Марта 1764 заключенъ союзъ между Пруссіею и Россіею. По договору Императрица и король, между прочимъ, обязались не допускать нарушенія кѣмъ-либо права Польской республики на вольное избраніе короля и въ случаѣ нужды силою оружія охранять ея конетитуцію и основные законы. Въ особой конвенціи они условились не только добиться избранія въ Польскіе короли лица, указаннаго Россіею, хотя бы для того потребовалось военное вмѣшательство, но немедленно по его избраніи торжественно признать избраніе и объявить формальную декларацію въ томъ, что если найдутся въ Польшѣ люди, которые нарушаютъ миръ въ республикѣ, проводя конфедерацію противъ своего короля законно избраннаго, то Россійская Императрица и Пруссій король повелятъ своимъ войскамъ войти въ Польшу и поступить съ ними самими и съ имѣніемъ ихъ со всякою военною строгостью. Фридрихъ II, желая оказать свое благоволеніе кандидату Екатерины на Польскій престолъ, прислалъ Понятовскому, по внушенію Репнина, орденъ Чернаго Ора. По словамъ Станислава-Августа Императрица условилась пожаловать ему одновременно и орденъ Андрея Первозваннаго; „но, замѣчаетъ онъ, я не знаю, почему она мнѣ его не прислала одновременно съ Прусскимъ королемъ²⁾“.

26 Апрѣля (7 Мая) былъ созванъ конвокаціонный сеймъ³⁾ въ Варшавѣ, продолжавшійся до 12 (23) Іюня. „Этотъ сеймъ, пишетъ Станиславъ-Августъ⁴⁾, принадлежалъ къ числу тѣхъ, въ которыхъ дѣла рѣшались по большинству голосовъ; его законность не была уничтожена ни манифестами, ни выходомъ изъ его среды нѣкотораго числа членовъ. Этотъ сеймъ завершилъ законно свои занятія, а такъ какъ онъ заключалъ въ себѣ полноту верховныхъ правъ республики, то онъ обратился своею властью къ Россійской Императрицѣ съ просьбой предоставить ему вспомогательныя войска противъ тѣхъ, которые нарушали спокойствіе края, не подчинившись требованіямъ того же сейма.

¹⁾ Рукопись, т. III, стр. 248.

²⁾ Рукопись, III, стр. 283.

³⁾ Собраніе подготовительное передъ выборами.

⁴⁾ Рукопись, III, стр. 248.

По принадлежащимъ ему верховнымъ правамъ, было дозволено сейму не только издавать законы, но также договариваться съ иностранными державами. Онъ воспользовался этимъ, чтобы торжественно признать титулы императрицы и короля за государыней Россійской и Прусскимъ государемъ, которые собственноручно подписанными актами гарантировали за Польскою республикою ея владѣнія, и чтобъ поручить временное начальство надъ коронными войсками Русскому воеводѣ князю Чарторыйскому, съ присвоеніемъ ему званія генеральнаго региментарія“.

„Вслѣдствіе принятыхъ сеймомъ рѣшеній всѣ войска республики, послѣ незначительныхъ стычекъ, перешли подъ начальство генеральнаго региментарія, и вся Польша была умиротворена далеко ранѣе срока, назначеннаго для выборовъ. Въ день окончанія конвокаціоннаго сейма, 23 Іюня 1764 г., въ Варшавѣ составила генеральная конфедерація, маршаломъ котораго избранъ тотъ-же Русскій воевода князь Чарторыйскій. Всѣ воеводства безъ исключенія къ ней примкнули, и всѣ согласились явиться на выборы въ лицѣ очень многочисленныхъ выборщиковъ“.

„Избирательный сеймъ открылся 27 (6) Августа. Онъ началъ съ подготовительныхъ дѣйствій. Затѣмъ, въ виду того, что генеральная конфедерація, образованная 23 Іюня, не была распущена, вся нація, дѣйствовавшая въ качествѣ избирательнаго сейма, пріостановила на 6 и 7 Сентября (дни нарочно назначенные для подписанія избирательныхъ листовъ) порядокъ голосованія по большинству, примѣняемый Рѣчью Посполитою образованной въ конфедерацію, съ тою цѣлью, чтобъ каждому изъ участвовавшихъ въ избирательномъ сеймѣ было предоставлено воспользоваться правомъ *liberum veto*. Никто однако изъ участвовавшихъ въ сеймѣ имъ не воспользовался противъ Литовскаго стольника Понятовскаго, такъ что его избраніе было въ самомъ дѣлѣ единогласнымъ и законнымъ. Выборщиковъ, подписавшихся подъ избраніемъ Станислава-Августа, имена которыхъ находятся въ избирательномъ актѣ, было 5584 человекъ; въ томъ числѣ были Кіевскій воевода Потоцкій и многіе другіе, которые, заявивъ протестъ противъ конвокаціоннаго сейма, вышли изъ него. Остальные изъ тѣхъ, которые сдѣлали подобные манифесты, вернулись одинъ послѣ другого на родину, сдѣлавъ въ судахъ заявленія о томъ, что они отказывались отъ манифестовъ, поданныхъ ими противъ конвокаціоннаго сейма, такъ что не осталось ни тѣни возраженій противъ полной и совершенной законности избранія короля, царствующаго нынѣ въ Польшѣ, отъ границъ которой на нѣсколько миль не было ни одного Русскаго солдата!“

„Все это я изложилъ въ послѣдовательномъ порядкѣ, передъ разсказомъ событій и случаевъ, которые предшествовали дню моего избранія, для того, чтобы представить здѣсь наглядно читателю доказательства законности моего избранія“.

„Все изложенное, начиная съ конфедераціи 23 Декабря 1763 г., переведено съ Польскаго текста, включеннаго въ первую страницу акта о моемъ избраніи, содержащагося въ футлярѣ, къ которому привязаны въ кожаной сумкѣ печати большого числа лицъ, подписавшихъ актъ о моемъ избраніи“.

Таковы показанія, сообщенныя Понятовскимъ о событіяхъ предшествовавшихъ его избранію и о самомъ его избраніи. Въ Запискахъ проглядываетъ желаніе писавшаго ихъ доказать потомству, что его избраніе совершилось вполнѣ законно, единодушно, безъ всякихъ насилій надъ избирателями со стороны чужеземныхъ войскъ, которыя даже находились внѣ предѣловъ республики. Между тѣмъ событія совершились далеко не въ томъ видѣ, въ какомъ они описаны Понятовскимъ.

Въ концѣ Апрѣля стали съѣзжаться въ Варшаву сенаторы, послы и разные паны на конвокаціонный сеймъ. У каждого была своя вооруженная свита; Виленскій воевода Карлъ Радзивилъ привелъ съ собою 3000 вооруженныхъ людей, также у гетмана графа Браницкаго былъ большой отрядъ; Чарторыйскіе имѣли свое войско, для подкрѣпленія ихъ Русскія войска стояли двумя лагерями въ Уяздовѣ и на Солцѣ. Въ день открытія конвокаціоннаго сейма, 7 Мая, съ самого ранняго утра началось въ Варшавѣ чрезвычайное движеніе войскъ. Главныя силы заняли замокъ, внутренній его дворъ и входъ въ сеймовый залъ: въ мѣстахъ, предназначенныхъ въ залъ для такъ называемыхъ арбитровъ, были поставлены солдаты, у которыхъ на шапкахъ красовалась кокарда дома Чарторыйскихъ трехъ цвѣтовъ: зеленаго, краснаго и бѣлаго. Отрядомъ, занявшимъ замокъ, командовали Роникеръ и Андрей Понятовскій. Дворецъ Кейзерлинга охраняли Русскія войска. Въ домѣ Понятовскаго были сооружены бойницы и стояли жолнеры, какъ будто на него готовилось нападеніе. Со стороны противниковъ не было никакихъ приготовленій къ вооруженной борьбѣ. Съ 11 часовъ утра стали собираться на сеймъ, на который прибыли исключительно сенаторы и послы партіи Чарторыйскихъ, такъ что изъ 50 сенаторовъ, пребывавшихъ въ Варшавѣ, явилось едва восемь, за то пословъ было много. Имъ предстояло избраніе маршала. Сеймъ долженъ былъ открытъ маршалъ послѣдняго сейма, которымъ былъ Адамъ Малаховскій; но онъ не прибылъ въ собраніе. Послѣ друкратнаго отправленія къ нему

депутаціи, приглашавшей его прибыть, онъ отвѣчалъ, что находился на конференціи у графа Браницкаго и не могъ тотчасъ явиться. На конференціи сочинялся манифестъ противъ нарушенія народнаго права появленіемъ Русскихъ войскъ. Манифестъ былъ подписанъ 22 сенаторами и 46 послами, а генераль Мокроновскій понесъ его для явки въ Варшавскій судъ. Одна эта явка не прекращала дѣйствій сейма; требовалось формальное предъявленіе протеста въ посольской избѣ. Рѣшившись сорвать сеймъ, республиканская партія послала впередъ Мокроновскаго, чтобъ объявить о немедленномъ прибытіи Малаховскаго. По прибытіи маршала обступили его въ собраніи съ требованіемъ открыть сеймъ; но Мокроновскій не допустилъ того, сказавъ, что, въ виду нарушенія вольности, онъ, на основаніи предъявляемаго манифеста, прекращаетъ дѣйствія сейма. Его рѣчь прерывалась криками и угрозами, и по данному знаку заблестѣли сабли. Не смотря на настойчивыя требованія, Малаховскій отказался открыть сеймъ, и ему дали возможность выйти изъ избы. Чарторыйскимъ оставалось или признать сеймъ сорваннымъ, или поддержать силу его. Они послали сказать Малаховскому, что такъ какъ конвокаціонный сеймъ былъ образованъ союзомъ конфедераціи, то на немъ дѣйствовало начало большинства голосовъ. и *liberum veto* не могло быть примѣнимо. На этомъ основаніи было постановлено продолжать засѣданія сейма, и маршаломъ его былъ избранъ генераль Подольской области Адамъ Чарторыйскій. „Фамилія“ одолѣла своихъ противниковъ такими же дѣйствіями, какими на предыдущихъ сеймахъ брали верхъ ея противники, т. е. подкупомъ и насиліемъ. На этомъ сеймѣ было постановлено не допускать на коронаціонныхъ выборахъ иностранныхъ кандидатовъ; могъ быть избранъ только Польскій шляхтичъ, исповѣдующій Римско-католическую вѣру. Чарторыйскіе попытались начать дѣло преобразованій, были учреждены двѣ комиссіи, военная и финансовая (скарбовая), гетманы и подскарбіи остались предсѣдателями этихъ комиссій, которыя значительно уменьшили ихъ власть.

„При обсужденіи вопроса объ учрежденіи скарбовой комиссіи. пишетъ Станиславъ-Августъ *), вздумали заставить подскарбія Весселя возвратить все, что онъ нагребилъ за все время управленія финансами республики. Ни одного голоса не поднялось въ его защиту; тогда Станиславъ-Августъ попросилъ слова и сказалъ, что никакой законъ не можетъ имѣть обратнаго дѣйствія. Такъ какъ общественное мнѣніе называло его будущимъ королемъ, то его слова возымѣли силу. Вессель

*) Рукопись, III, стр. 286.

былъ спасенъ; ему было назначено 120000 франковъ пенсіи, и онъ остался предсѣдателемъ комиссіи. Но для того, чтобы это преобразование принесло пользу государству, необходимо было установить порядокъ исполненія счетовъ казначействъ и повѣрки ихъ на будущихъ сеймахъ. Необходимо было, чтобы представленіе отчетовъ и ихъ утвержденіе не подвергались болѣе послѣдствіямъ того, что сеймы могли быть сорваны. Эти послѣдствія были настолько пагубны, что отчеты отца Станислава-Августа, по должности великаго Литовскаго подскарбія, были утверждены лишь на этомъ конвокаціонномъ сеймѣ 1764 года, въ виду того, что съ 1726 года, въ царствованіе Августа II-го по 1764, никакой сеймъ не удержался. Всѣмъ памятно было, что большая часть подскарбіевъ нарочито добивалась распушенія сеймовъ для того, чтобы не подвергаться строгостямъ повѣрки отчетовъ. Очевидно, что вся эта отрасль государственнаго управленія оставалась подчиненной дѣйствію *liberum veto*, и не было надежды на какое-либо улучшеніе. Это было такъ ясно представлено Кейзерлингу, что онъ согласился на преобразование. Реформаторы попытались сдѣлать еще одинъ шагъ впередъ, распространивъ дѣйствіе реформы на значительную часть хозяйственныхъ дѣлъ со включеніемъ налоговъ. Станиславу-Августу пришлось имѣть очень горячіе споры съ Кейзерлингомъ на счетъ *liberum veto*, которое онъ хотѣлъ удержать для блага самой Польши, какъ онъ говорилъ. Понятовскій оспаривалъ это мнѣніе самыми ясными и убѣдительными доводами и доказывалъ послу всю неосновательность его собственныхъ, но такъ какъ по своимъ служебнымъ обязанностямъ онъ долженъ былъ держаться противоположнаго взгляда, Чарторыйскіе принуждены были придумать обходъ закона, который далъ-бы возможность Кейзерлингу представить Императрицѣ отговорку, что его обошли. Реформаторы придумали сказать, что финансовыя дѣла на будущихъ сеймахъ будутъ обсуждаться судебнымъ порядкомъ, а такъ какъ въ судахъ рѣшенія постановлялись по большинству голосовъ, то этотъ порядокъ былъ введенъ въ дѣлопроизводство сейма и остался по 1768, когда Репнинъ его искажилъ. Такое измѣненіе порядка рѣшеній дѣлъ на сеймахъ шло въ разрѣзъ съ предписаніями, данными Екатериной Кейзерлингу и Репнину. Такъ она писала имъ 11 Іюня 1764 г.*), чтобы на сеймѣ конвокаціи, такъ и впредь никогда, отнюдь не допускать, дабы волюность голосовъ установленіемъ-ли большинства оныхъ или иного, какъ ни есть, повреждена быть могла, потому что намъ въ разсужденіи нашихъ государственныхъ интересовъ сохраненіе настоящей формы Польскаго правительства всего дороже и всего важнѣе“.

*) Сб. имп. ист. общ., 51, стр. 393.

Станиславъ-Августъ воображалъ, что если Екатерина не отвѣчала ему на предыдущія его письма, то лишь отъ того, что она не имѣла вѣрнаго посредника. Въ государственномъ архивѣ¹⁾, сохранилось подлинное письмо Понятовскаго къ Екатеринѣ отъ 26 Мая, въ которомъ онъ извѣщалъ ее, что рѣчью, которую онъ держалъ на конвокаціонномъ сеймѣ, ему удалось склонить сеймъ къ выраженію Императрицѣ признательности за содѣйствіе, оказанное ею Польской націи. Сеймъ вмѣстѣ со всѣмъ міромъ призналъ, что императорскій титулъ вполне приличествуетъ ей. „Всѣ ваши велѣнія исполнены, пишетъ Понятовскій; я бы хотѣлъ однако, чтобъ были такіа, которыя я одинъ былъ-бы въ состояніи исполнить“. Но не довольствуясь этимъ официальнымъ письмомъ, онъ въ другомъ, вполне довѣрительномъ, опредѣленнѣе говорилъ о своихъ надеждахъ и что онъ могъ бы исполнить одинъ. Онъ продолжалъ надѣяться на то, что Екатерина призоветъ его къ себѣ. Онъ воспользовался отъѣздомъ въ Петербургъ Литовскаго писаря Михаила Огинскаго вмѣстѣ съ женой, его двоюродной сестрой, чтобъ вручить ей письмо 27 (10) Мая 1764 для передачи Императрицѣ. Въ немъ онъ писалъ:²⁾ „Этотъ путь по крайней мѣрѣ вѣренъ и скрытъ. Я имѣю честное слово двоюродной сестры, что она ничего не скажетъ никому, даже своему мужу, къ которому она очень привязана; она умѣетъ молчать, она честна и питаетъ ко мнѣ большую дружбу. Если бы я былъ на столько счастливъ, что ваше молчаніе по отношенію ко мнѣ происходило отъ того, что вы искали вѣрнаго пути, вы теперь были бы въ состояніи безпрепятственно прервать ваше молчаніе. Я прошу, я умоляю васъ, дайте мнѣ отвѣтъ и скажите наконецъ что нибудь, что утѣшило бы меня. Я нуждаюсь въ томъ, и болѣе можетъ быть, чѣмъ вы думаете. Вы дѣлаете меня королемъ; но дѣлаете-ли вы меня счастливымъ? Вы не сумѣли бы уничтожить воспоминаніе о счастіи, которымъ я наслаждался, ни желаніе его возобновить. Въ жизни не любятъ два раза, какъ я васъ любилъ, и что же мнѣ остается? Пустота, страшная скука внутри души, которую ничто не можетъ восполнить. Мнѣ скажутъ: Честолюбіе, Честолюбіе! Ахъ, я не знаю, какъ сотворены другіе; но самъ я чувствую, что честолюбіе мнѣ кажется глупою вещью, когда оно не поддерживается внутреннимъ миромъ и душевнымъ удовлетвореніемъ. И потомъ въ сущности какой тронъ, какая слава? Въ состояніи ли я сдѣлать малѣйшее добро? Предоставляете-ли вы мнѣ возможность къ тому? Но что вамъ за дѣло во всемъ этомъ, если вы меня не любите? Вы думаете оправдаться передъ

1) Разр. IV, ск. 373.

2) Шмитъ, I, стр. 390.

обществомъ, которому извѣстно прошлое, предоставляя мнѣ престолъ. Думаете ли вы это чистосердечно въ глубинѣ души? Если это такъ, то ваше сердце не похоже на мое; я васъ люблю съ чувствомъ, которое не равняется никакому другому, которое не можетъ быть восполнено, ни отстранено какимъ либо инымъ, я прошу васъ у Неба ежедневно, во всѣ дни моей жизни, и я повторяю себѣ тысячу разъ: „я бы также охотно отдалъ свою жизнь для того, чтобы посадить ее на престолъ и я бы съ большимъ удовольствіемъ узрѣлъ бы ее на немъ, чѣмъ-бы самъ царствовалъ вдали отъ нея“. Моя-ли вина, Боже мой, если я не могъ вамъ добыть корону, которую вы носите? Я сильно рискую, можетъ быть, но не могу удержаться. Дайте мнѣ вывѣдать тайные изгибы вашего сердца. Возможно-ли, что вы были бы совершенно довольны собою и своимъ положеніемъ? Возможно-ли, чтобы кто либо другой васъ любилъ такъ совершенно, такъ правдиво, какъ я? Знаю, что можно легко имѣть болѣе заслугъ и болѣе пріятныхъ свойствъ всякаго рода, чѣмъ я. Но по истинѣ нельзя, чтобы кто нибудь полюбилъ васъ когда либо такъ сильно, такъ искренно (*bonnement*) какъ я. Позвольте мнѣ воспользоваться этимъ выраженіемъ (*bonnement*), которое такъ вѣрно подходитъ къ тому, чему вы сами меня научили въ то счастливое время, которое составляло мое блаженство и воспоминаніе о которомъ приводитъ меня теперь въ отчаяніе. Ахъ, Софія! Софія!¹⁾ Вы причинили мнѣ много страданій. Нѣтъ для меня спасенія безъ Х. Это по истинѣ справедливо, какъ Х Х Х и Ф въ томъ свидѣтельствуютъ“. Этими воспоминаніями о первой своей любви Станиславъ-Августъ думалъ разжалобить Екатерину. Но Императрица отказалась принять письмо Станислава-Августа. Оно было возвращено ему нераспечатаннымъ.

23 (12) Іюня 1764, въ день закрытія конвокаціоннаго сейма, провозглашена генеральная конфедерація подъ предводительствомъ князя Августа Чарторыйскаго, который вмѣстѣ съ тѣмъ былъ начальникомъ войскъ, генеральнымъ региментаріемъ и предсѣдателемъ судебныхъ мѣстъ, замѣнявшихъ во время междукоролевья всѣ апелляціонныя инстанціи. По замѣчанію Стацислава-Августа²⁾ никто до князя Августа въ Польшѣ не обладалъ такою властью, какъ онъ. Но любя свое спокойствіе въ такой-же мѣрѣ, какъ свою власть, онъ заставлялъ, елико возможно, другихъ работать за себя по всѣмъ отраслямъ своихъ должностей. Его зять Любомірскій и Понятовскій, по его желанію, оба

¹⁾ Императрица Екатерина до перехода въ православіе называлась „Софія-Августа“.

²⁾ Рукопись, III, стр. 295.

засѣдали въ качествѣ судей въ этихъ временныхъ апелляціонныхъ палатахъ. Изъ числа процессовъ, которые имъ пришлось разбирать, было дѣло одного Итальянскаго купца, поселившагося въ Польшѣ, Гислансони. Любомирскій и Понятовскій пришли по этому дѣлу къ заключенію, которое имъ казалось самымъ справедливымъ; князь Чарторыйскій былъ иного мнѣнія, хотя онъ не присутствовалъ при судебныхъ преніяхъ. Предупрежденный одною изъ сторонъ объ исходѣ дѣла, онъ сталъ упрекать ихъ обоихъ, но въ особенности Понятовскаго за такое рѣшеніе. Несмотря на то, что Станиславъ-Августъ ему представилъ всѣ доводы, которые побудили его, какъ судью, принесшаго присягу, вынести рѣшеніе въ этомъ видѣ, князь Августъ забылся до того, что сказалъ: „Вы знали, чего я желалъ; вамъ слѣдовало помнить это“. Нѣкоторое время спустя, на маленькомъ ужинѣ, очень веселомъ, въ которомъ участвовали одни лица, принадлежавшія къ семейству Чарторыйскихъ, на замѣчаніе Понятовскаго, что общество людей, связанныхъ дружбою, представляется, не смотря на все, истиннымъ счастьемъ въ жизни, его дядя ѣдко возразилъ: „а вы однако дѣйствуете иначе“. Станиславъ-Августъ ничего не сказалъ, но натянутость и неловкость охватили общество, и конецъ ужина сталъ настолько скученъ, насколько начало его было весело.

Князь Августъ, не смотря на свою сдержанность и скрытность, проявлялъ иногда все высокомеріе своего нрава. Онъ не могъ переварить, что всѣ его замыслы добиться престола для самого себя не имѣли успѣха. Понятовскій рассказываетъ*), что со смерти Августа III-го впредь до самыхъ выборовъ, его дядя надѣялся, что тѣмъ или другимъ путемъ ему самому удастся сѣсть на престолъ. За шесть недѣль до выборовъ онъ представилъ князю Репнину всѣ затрудненія, которыя встрѣтятся при избраніи Станислава-Августа. Репнинъ ему отвѣтилъ: „не смотря на все, что вы мнѣ сказали, мы всетаки успѣемъ пріобрѣсти по крайней мѣрѣ 50 голосовъ за стольника, а Императрица прибавитъ къ нимъ всѣ свои сокровища и военныя силы“. Только съ этого времени князь Августъ отказался отъ своихъ надеждъ. Несмотря на свое притворство и всю нѣжность, которую онъ выражалъ Станиславу-Августу, у него иногда проявлялась досада отъ неудачи его замысловъ по достиженію престола. Даже его братъ князь Михайлъ не могъ однажды не выразить князю Адаму (сыну Августа), отъ котораго Станиславъ-Августъ и слышалъ это сужденіе: „Вы увидите, что этотъ бѣдный стольникъ выйдетъ изъ всего этого въ дуракахъ и что мой братъ доберется до престола“.

*) Рукопись, т. III, стр. 280.

Хитрые замыслы Русского воеводы не ускользнули отъ наблюденія князя Репнина; 19 (30) Іюня онъ написалъ Н. И. Панину, что имѣлъ сильныя подозрѣнія относительно прямоты князя Августа и полагалъ, что онъ мечталъ о коронѣ, но не проявилъ этой мысли, опасаясь неудачи. Репнинъ думалъ, что слѣдовало Императрицѣ объявить въ рескриптѣ Литовскаго стольника ея кандидатомъ и держать на готовѣ отъ 7 до 8000 войскъ въ трехъ миляхъ отъ Варшавы за нѣсколько дней до избирательнаго сейма. Императрица однако положила резолюцію такого рода: „мнѣ кажется, что намъ не годится называть кандидата, дабы до конца сказать можно было, что республика вольно дѣйствовала“¹⁾.

Такимъ образомъ не подлежитъ сомнѣнію, что князя Чарторыйскіе въ душѣ противились кандидатурѣ своего племянника, и сама Екатерина думала ее объявить лишь на мѣстѣ, т. е. при самомъ избраніи. По словамъ Понятовскаго²⁾ въ теченіе первыхъ шести мѣсяцевъ по смерти Августа III-го, общее было мнѣніе, что дѣйствительнымъ кандидатомъ на престолъ былъ князь Августъ Чарторыйскій, и на племянника его Станислава-Августа указывали лишь для отвода глазъ. Такое мнѣніе основано было на томъ, что Русскій воевода уже давно считался главой партіи Чарторыйскихъ, какъ вельможа очень состоятельный и искусный государственный мужъ. Довѣряли тому благодушію, подъ которымъ онъ умѣлъ скрывать свое самодурство, надѣялись, что его царствованіе будетъ самымъ кроткимъ. Въ Литвѣ уповали на то, что великій канцлеръ князь Михаилъ Чарторыйскій окажетъ свое покровительство передъ братомъ, будущимъ королемъ, противъ неистовствъ князя Радзивила и его клеветовъ. Съ другой стороны многіе въ Литвѣ и Польшѣ еще помнили отца стольникова Краковскаго воеводы Станислава Понятовскаго, снискавшаго себѣ добрую славу доблестнаго война и честнаго управителя (въ качествѣ Литовскаго подскарбія) народнымъ достояніемъ. Оба его сына Казимиръ и Андрей унаслѣдовали доблести своего родителя. Заслуги отца и братьевъ коснулись и самого стольника. О немъ судили, какъ о молодомъ человѣкѣ трудолюбивомъ, покровителѣ словесности и прямодушномъ, но усматривали въ немъ гордость, вспыльчивость и мстительность. Это мнѣніе³⁾ основано было на разницѣ, которая существовала между нимъ и двоюроднымъ братомъ Адамомъ Чарторыйскимъ, который вслѣдствіе своего большого состоянія, милаго и любезнаго

¹⁾ Сб. имп. ист. общ., 51, стр. 419—422.

²⁾ Рукопись, IV, стр. 8.

³⁾ Тамъ-же стр. 9.

нрава былъ очень любимъ, тогда какъ стольникъ, средства котораго были гораздо менѣе значительны, не столько вращался въ обществѣ, казался болѣе серьезнымъ и болѣе строгимъ къ себѣ самому и къ другимъ. Если-бы не сошлись всѣ вышеуказанныя условія, которыя имѣли благопріятное вліяніе на судьбу Понятовскаго, то сложились-бы, какъ онъ самъ говоритъ, такія неопредѣленные затрудненія, которыя послужили бы ему препятствіемъ къ достиженію престола.

Между тѣмъ Порта, вслѣдствіе распущенныхъ Австрійскою и Французскою дипломатіею слуховъ о томъ, что Екатерина поддерживала кандидатуру стольника съ намѣреніемъ, по его избраніи, вступить съ нимъ въ бракъ, объявила, что султанъ будетъ согласенъ на избраніе въ Польскіе короли кого-либо изъ Пястовъ, но не Понятовскаго. Для того, чтобъ прекратить эти слухи, рѣшено было, что Понятовскій дастъ при избраніи обязательство жениться на католичкѣ, преимущественно на Полькѣ; но Понятовскій отказался дать такое обязательство и написалъ 23 (12) Августа слѣдующее письмо Панину¹⁾. „Мое положеніе, столь-же тяжелое, сколько и странное, служить поводомъ къ этому письму. Мнѣ говорятъ: „если вы не хотите обѣщать жениться на Полькѣ, мы не можемъ говорить за васъ, а если мы не будемъ говорить, вы не будете королемъ“. Я сказалъ: „сдѣлайте королемъ моего родственника и оставьте меня на свободѣ“. Мнѣ отвѣчаютъ, что нѣтъ возможности обезпечить престолъ за кѣмъ либо изъ моихъ родственниковъ послѣ всего того, что говорили и сдѣлали для меня, и что такая перемѣна внесетъ разстройство въ выборахъ и въ цѣлой моей отчизнѣ. Мнѣ говорятъ еще: „нація можетъ васъ освободить отъ вашей клятвы когда нибудь, если Богъ и представители Его на землѣ захотятъ вамъ помочь въ этомъ“. Я сдѣлалъ всякія возможные затрудненія, я прибѣгъ ко всякимъ способамъ, которые можно вообразить. Противъ всего придумали возраженія и одобрили только прилагаемый при семъ проектъ²⁾. Если ваше превосходительство знаете меня какъ графа Ржевускаго³⁾, которому я прошу ваше превосходительство показать мое письмо для того, чтобы его посвятить въ дѣло и чтобы оно служило ему руководствомъ, вы почувствуете всю горечь, наполняющую мое сердце въ эту минуту, когда миллионы людей завидуютъ мнѣ и

1) Шмитъ, I, стр. 391.

2) По которому онъ объявлялъ, что если бы онъ вздумалъ жениться, онъ предпочелъ-бы. Польку всякой иной и то съ одобренія народа.

3) Коронный писарь Францъ Ржевускій въ это время прибылъ въ Петербургъ въ качествѣ посланника для принесенія Екатеринѣ благодарности отъ имени Рѣчи Посполитой за ея содѣйствіе въ водвореніи порядка въ республикѣ.

думаютъ, что я счастливъ и когда въ завершеніе горя я принужденъ казаться довольнымъ. Я осмѣливаюсь просить васъ передать это къ свѣдѣнію Ея Императорскаго Величества, повергая меня къ ея стопамъ“.

Это письмо однако не имѣло успѣха, и въ условія договора избранія была внесена статья, по которой король обязывался не вступать въ бракъ иначе какъ съ согласія Польскаго сейма или Сената, соглашался жениться не иначе, какъ на католичкѣ и обѣщалъ предпочесть особу Польскаго происхожденія.

Одновременно съ письмомъ Понятовскаго 12 (23) Августа князь Репнинъ писалъ Панину, что ни честь, ни государственные интересы императорскаго двора не могли позволить, чтобъ дѣло, толикими трудами такъ далеко доведенное, оставлено быть могло, и что необходимо было довести его до конца объявленіемъ стольника кандидатомъ Россіи. Въ отвѣтъ на это письмо Панинъ увѣдомилъ Репнина съ одобренія Императрицы, что, во избѣжаніе формальнаго за подписаніемъ Государыни акта, въ которомъ Русскій кандидатъ былъ бы именованъ и рекомендованъ, предоставлялось графу Кейзерлингу повторить его прежнюю рекомендацію Понятовскаго въ качествѣ короля, которая не могла не быть признана Поляками за собственную отъ имени Ея Величества¹⁾.

Объ этихъ обстоятельствахъ содержится слѣдующій разсказъ въ Запискахъ Понятовскаго²⁾. „За нѣсколько недѣль до дня, назначеннаго для выборовъ, Императрицей овладѣлъ такой страхъ, чтобъ мое избраніе не было причиной слишкомъ большихъ для нея затрудненій и даже войны со стороны Турокъ, что, вопреки мнѣнія Панина, она написала Кейзерлингу, что, опасаясь безчисленныхъ осложненій для своей имперіи и для себя при неукоснительномъ отстаиваніи моей кандидатуры на престолъ, она приказывала ему не прибѣгать къ форменной рекомендаціи моей особы, но дѣйствовать тѣмъ способомъ, который бы могъ ему обѣщать послѣдствія наименѣе пагубныя“.

„Панинъ осмѣлился написать Кейзерлингу: „Я знаю, что Императрица писала вамъ, но послѣ того, что мы уже сдѣлали до сей поры, честь нашей Государыни и нашей имперіи слишкомъ связана обязательствами; если мы отступимъ, мы нанесемъ себѣ слишкомъ много вреда. Поэтому дѣлайте то, что необходимо для того, чтобы привести все къ концу. Я вамъ смѣло говорю это“. Кейзерлингъ былъ настолько отваженъ, что послушался свою Государыню и послѣдовалъ совѣту ея перваго министра. Онъ составилъ формальный актъ, которымъ реко-

¹⁾ Письмо отъ 22 и 25 Августа 1764. Сб. имп. ист. общ., 51 стр. 485 и 486.

²⁾ Рукопись, стр. 295.

мендовалъ мою особу отъ имени Императрицы, а такъ какъ онъ былъ боленъ, то вмѣсто врученія акта лично примасу (какъ дѣлалось при выборахъ прежнихъ), поручилъ передачу его своему секретарю барону д'Ашу примасу“.

Когда Станиславъ-Августъ выступилъ уже кандидатомъ на Польскій престолъ по выбору Императрицы и Прусскаго короля, его избраніе было обезпечено. „Наканунъ выборовъ, рассказываетъ онъ¹⁾, дядя его князь Августъ призвалъ его къ себѣ въ кабинетъ и, обратившись ласково къ нему, сказалъ: „Скоро вы станете королемъ; я имѣю вамъ дать два совѣта, вспомните о нихъ. Примите за правило возвышать шляхетскія семейства средняго состоянія, признаваемые обыкновенно во второмъ разрядѣ, и не благопріятствуйте притязаніямъ и проектамъ процвѣтанія и преуспѣянія тѣхъ, которые считаются теперь панами и первыми семействами края“.

Этотъ первый совѣтъ показался Станиславу-Августу отраднымъ указаніемъ, дѣйствительно-искреннимъ и безпристрастнымъ, которымъ онъ тѣмъ болѣе дорожилъ, что князь Августъ въ это время какъ будто преодолѣлъ собственное чувство зависти, давая ему такой совѣтъ, дѣйствительно мудрый и полезный. „Мой другой совѣтъ, продолжалъ князь, заключается въ томъ, чтобы вы не считали себя связаннымъ своимъ словомъ. Короли не въ состояніи предвидѣть всѣ случаи, которые впоследствии могутъ быть причиною очень важныхъ затрудненій къ исполненію слова или обѣщанія, даннаго ими за долго до того времени, когда его исполненіе должно было имѣть мѣсто“. Замѣтивъ, что Понятовскій очень удивленъ, и увидавъ, что онъ даже покраснѣлъ отъ такихъ рѣчей, Чарторыйскій продолжалъ: „Если вы удивляетесь тому, что я сказалъ вамъ, если вы этимъ не воспользуетесь, то впоследствии вамъ, наученному опытомъ, придется часто раскаиваться въ несоблюденіи моего совѣта изъ чувства совѣстливости“.

Такъ какъ по обычаю, освященному преданіемъ, намѣченный заранее кандидатъ на престолъ не долженъ былъ самъ присутствовать на своемъ избраніи, то Станиславъ-Августъ, въ день выборовъ, 19 Августа (7 Сентября 1764) обѣдалъ вдвоемъ съ своей двоюродной сестрой княгиней Любомирской. „Мы, пишетъ онъ²⁾, долго разговаривали, и съ большою душевною откровенностью; подъ конецъ, она сказала мнѣ: „Вы впрочемъ понимаете, сколько разъ я спрашивала самоѣ себя, что было-бы лучше для страны, для всѣхъ насъ, будете-ли вы королемъ,

¹⁾ Рукопись, III, стр. 292.

²⁾ Рукопись, III, стр. 294.

или мой отецъ? Судьба рѣшила въ вашу пользу, и я наконецъ также убѣждаюсь, что это къ лучшему, и потому желаю того всею душою такъ-же искренно, такъ же горячо, какъ я васъ цѣлую“.

„Не успѣла она вымолвить эти слова, какъ мы услышали первый пушечный выстрѣлъ, который ознаменовалъ, что совершилось избраніе. Я поспѣшилъ вернуться къ себѣ, чтобъ приготовиться къ приему примаса и моего дяди, которые должны были явиться съ официальнымъ извѣщеніемъ о моемъ избраніи“.

Выборы были единогласны и настолько спокойны, что многія дамы присутствовали на избирательномъ полѣ среди шляхетскихъ полковъ, и не произошло ни малѣйшаго несчастнаго случая, развѣ только ударомъ лошади повреждена была нога пану Трояновскому. Многія дамы, по словамъ Станислава-Августа, своими криками присоединились къ возгласамъ воеводствъ, когда примасъ, въ открытой повозкѣ, послѣдовательно подѣзжалъ къ каждому изъ нихъ, чтобъ получить изъ рукъ ихъ маршала или сенаторовъ записки, подписанныя присутствовавшими послами отъ каждого воеводства. Число всѣхъ подписей было 5584. Но по исчисленію нѣкоторыхъ, подсчитавшихъ число лицъ, бывшихъ на избирательномъ полѣ, оно равнялось приблизительно 25000 чел., изъ коихъ, замѣчаетъ Станиславъ-Августъ, никто не подалъ голоса противъ него.

Въ день своего избранія, 7 Сентября Станиславъ-Августъ написалъ Екатерину. „Madame ma sœur“. Въ этомъ посланіи онъ изложилъ ей свои чувства признательности, а также увѣренность въ томъ, что если его царствованіе будетъ счастливо, то Польша благословить имя Императрицы. Екатерина отвѣтила 12 Сентября, указавъ ему, что единогласіе, возведшее его на тронъ, служило доказательствомъ свободы выбора народа, который оцѣнилъ добродѣтели своего избранника¹⁾. Отвѣтъ Императрицы былъ вложенъ въ ея письмо князю Репнину отъ 17 Октября, въ которомъ она, выражая ему свое удовольствіе въ виду благополучнаго избранія короля, разрѣшала ему распорядиться оставшимися по смерти графа Кейзерлинга (происшедшей 19 Сентября), суммами, уплативъ тѣмъ лицамъ, которымъ покойный посолъ обѣщалъ, а именно 12000 руб. червонныхъ въ мѣсяцъ Понятовскому для перваго его обзаведенія до конца коронаціоннаго сейма (ибо прежде онъ не могъ получать никакихъ доходовъ) 3000 червонныхъ въ мѣсяцъ Русскому воеводѣ и 17000 примасу въ счетъ обѣщанныхъ ему

¹⁾ Гос. Арх., VI разр., № 173.

²⁾ Сб. имп. ист. об. 51, стр. 489.

80000 рублей. Кромѣ того Императрица велѣла князю Репнину передать королю, что она ему дарила 100000 червонныхъ на его устройство. „Это какъ бы, писала она, я ему подарила ковры изъ Русскихъ фабрикъ для мебелировки его дворца“¹⁾).

3 Декабря собрался коронаціонный сеймъ. Три мѣсяца, протекшіе съ избранія, составляли, по словамъ Станислава-Августа, самое счастливое время за все его царствованіе. По истеченіи этого короткаго промежутка, король, говорится въ его Запискахъ, испыталъ только однѣ непріятности, одно только горе²⁾).

Такъ оправдалось предсказаніе, которое Великобританскій посоль сэръ Чарльзъ Уилльямсъ сдѣлалъ великой княгинѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ въ своемъ письмѣ къ ней отъ 26 Ноября 1756³⁾). „Когданибудь вы съ Прусскимъ королемъ въ качествѣ вашего адъютанта сдѣлаете Понятовскаго Польскимъ королемъ“.

Станиславъ-Августъ при обстоятельствахъ, предсказанныхъ сэромъ Чарльзомъ, возсѣлъ на престолъ Пястовъ и только благодаря упорству Екатерины сдѣлался королемъ. Между тѣмъ, какъ это ни странно, заключая третью часть своихъ Записокъ, онъ намекаетъ на то, что онъ былъ избранъ не по желанію Императрицы и приписывалъ свое избраніе народу.

Нѣсколько времени спустя послѣ его избранія Императрица написала довѣрительное письмо г-жѣ Жофренъ, которая впослѣдствіи его показала королю въ подлинникѣ. Она писала: „Вашъ сынъ (такъ г-жа Жофренъ называла Понятовскаго) сталъ королемъ; я сама не знаю, какимъ образомъ“. „И это такъ, пишетъ Понятовскій⁴⁾), потому что она не имѣла непрекословнаго намѣренія меня возвести на престолъ; но приличіе требовало, чтобъ я постоянно признавалъ дѣйствительнымъ то, что она воспользовалась всѣми своими средствами съ цѣлью моего возведенія“.

Обѣ стороны, Императрица и король, не довѣряли другъ другу и даже другъ друга обманывали, хотя выражали: Станиславъ-Августъ свои чувства признательности и преданности, а Екатерина свое благоволеніе. Императрица избрала его въ виду его безволія, какъ чело-вѣка ей подвластнаго, которому она никогда не дозволила бы ввести

¹⁾ Сб. ист. имп. общ. VI, стр. 134 и 135. Соловьевъ, 26, стр. 53.

²⁾ Рукопись, IV стр. 16.

³⁾ № 34.

⁴⁾ Рукопись, III, стр. 298.

въ Польскомъ государствѣ преобразованія необходимыя для утвержденія въ немъ порядка. Не допуская реформъ, она, подъ предлогомъ обязательной для нея защиты вольностей республики, которыя составляли главную причину безначалія, только готовила паденіе государственнаго строя, а своими подкупамъ и другими способами, путемъ развращенія ускоряла развязку.

Оба сосѣда сознавали, что имъ выгодноѣ имѣть дѣло со старыми порядками въ Польшѣ, а съ тѣми порядками шло господствовавшее сословіе, шляхта; для нея своеволие и безначаліе, а въ связи съ ними подкупы и разнаго рода безчинства составляли преимущества, которыя она ревниво оберегала. Россія и Пруссія только старались о сохраненіи этого строя.

Король вступилъ на престолъ съ идеями о реформахъ, намѣченныхъ уже давно его родственниками и клонившихся къ укрѣпленію государства, но такъ какъ открытое проведеніе этихъ идей встрѣтило бы явное противодѣйствіе со стороны Русскаго посла, то преобразователи прибѣгли въ началѣ къ обходамъ. Они думали бороться противъ силы хитростью. Екатерина не стѣснялась средствами для достиженія своего господства, презирая тѣхъ, которые поддавались соблазну. Станиславъ-Августъ пытался проявлять свою самостоятельность, хитрилъ, противился, но подъ-конецъ шелъ на соглашеніе, унижался и уступалъ. Презрѣніе съ одной стороны, лицемеріе съ другой, вотъ на какой почвѣ сложились отношенія между обоими правительствами.

С. Горяиновъ.

*

Намъ кажется, что достопочтенный авторъ въ своемъ сужденіи о Екатеринѣ глядитъ въ чужіе очки и забываетъ, что Екатерина, имѣя право считать себя основательницею династіи, избранницею народа, вручившей ей судьбы свои, черезъ представителей всѣхъ сословій въ гвардіи, опиралась при своемъ воцареніи на духовенство (одинъ дьяконъ, еще въ царствованіе Елисаветы, помянулъ ее на эктеньѣ благочестивѣйшей и самодержавнѣйшей). Она дѣйствовала въ Польшѣ и по завѣту Петра Великаго. Что стало бы съ православнымъ населеніемъ Польши, если бы она государственно окрѣпла! Вѣдь и безъ того наши церкви отдавались на откупъ Евреямъ и чтобъ помолиться, надо было купить позволеніе у врага Христова имени. Заступничествомъ за такъ называемыхъ диссидентовъ Екатерина пріобрѣтала себѣ сочувствіе лучшихъ людей въ Европѣ и укрѣпляла за собою любовь Русскаго народа. П. Б.

ПИСЬМО ГЕНЕРАЛЬ-ПРОКУРОРА КНЯЗЯ А. А. ВЯЗЕМСКАГО КЪ КОМЕНДАНТУ ДИНАБУРГСКОЙ КРѢПОСТИ ВИГАНТУ.

Секретныйше.

Высокоблагородный и высокопочтенный господинъ полковникъ и Динаминдской крѣпости комендантъ.

Ея Императорское Величество всевысочайше указать соизволила оказавшагося и осужденнаго въ важномъ злодѣйственномъ преступленіи и измѣнѣ Илью Алексѣева, вмѣсто жестокой мучительной смертной казни, заточить въ Динаминдской крѣпости, во исполненіе чего я онаго злодѣя Алексѣева (къ вамъ), какъ къ коменданту тоя крѣпости, съ симъ подъ крѣпкимъ карауломъ сенатскаго куріера Бурцова посылаю; а при томъ по должности моей относительно до содержанія въ заточеніи того злодѣя предписать имѣю слѣдующее.

Какъ сей богомерской злодѣй оказался не только самъ въ показанномъ преступленіи и измѣнѣ, но и другихъ своимъ злоковарнымъ ехидствомъ и ухищреніемъ довелъ до совершенной гибели, самъ же остается въ расположеніи души и сердца такимъ, для общества съ простыми и скудоумными людьми, во всякомъ мѣстѣ столь совершенно опаснымъ, что, для охраненія невинности, требуетъ такого заключенія, которое бѣ его не допустило ни до малѣйшаго съ кѣмъ общества: то, дабы по таковому его зломъ наполненному ндраву и предпріимчивости и впредъ отъ него какихъ злостныхъ и ехидныхъ злодѣйствъ происходитъ не могло, извольте приказать закласть сего злодѣя въ каменной стѣнѣ крѣпкой казармы или казематѣ, не оставляя болѣе какъ одно окошко для подаенія ему пищи и вычищенія сора; въ ночное жъ время и оное окошко снаружи запирая желѣзнымъ затворомъ, содержать его въ той казармѣ подъ крѣпкимъ карауломъ и никого не только къ нему, но даже и къ тому окну ни подъ какимъ видомъ не допускать, да и часовому стоять только близъ той казармы, чтобъ онъ иногда въ окошко вылезть не могъ; пищу ему подавать въ окошко и соръ изъ казармы принимать караульному, которой, какъ выше сказано, подавать будетъ пищу; разговоровъ съ нимъ не только не имѣть, но и о имени у его не спрашивать, да и отъ него ни одного слова не слушать, подъ лишеніемъ живота, о чемъ и ему накрѣпко при посаженіи въ казарму запретить.

Какъ же сей злодѣй, а равно при немъ и караулъ, по высочайшему Ея Императорскаго Величества соизволенію, порученъ въ единственное смотрѣніе вашего высокоблагородія, то и малѣйшее несмотрѣніе или послабленіе караула остается на отвѣтъ вашемъ; а потому и пристойной караулъ имѣете опредѣлить по своему разсмотрѣнію, кому вы въ томъ надежно повѣрить изволите, коему наикрѣпчайшее и секретнѣйшее наставленіе съ описаніемъ сего зломъ наполненнаго и боготступнаго ндрава изверга дать можете, дабы онъ иногда не могъ, по своему врожденному треклятому змѣину ехидству, по слабости ихъ смысла, уловить въ свои злѣйшія сѣти, а чрезъ то бѣ не привелъ ихъ до самого злощастнѣйшаго жребія; о сей же ввѣренной вашему высокоблагородію комисіи никому ни малѣйшаго увѣдомленія не дѣлать, равно и ни по какимъ увѣдомленіямъ ни отъ кого, что до онаго злодѣя касаться будетъ, исполненія не чинить и никому его не отдавать, развѣ высочайшимъ Ея Императорскаго Величества за собственноручнымъ подписаніемъ указомъ повелѣно, или и отъ меня къ вашему высокоблагородію сообщено будетъ.

Кормовыхъ денегъ сему злодѣю производить въ день по четыре копѣйки, однакожъ въ руки оныхъ ему не отдавать, а пищу покупать караульному, коему отъ васъ ввѣрено будетъ; сихъ же денегъ послано при семъ съ показаннымъ куріеромъ Бурцовымъ на одинъ годъ. Буде жъ сей злодѣй злѣ погибнетъ смертію*), то, какъ изверга изъ рода челоувѣческаго и отступника церкви, мерзкое его тѣло зарыть въ землю, и объ ономъ тогда ко мнѣ, а равно и по истеченіи года о семъ злодѣѣ отписать; о полученіи жъ сего и о принятіи отъ упомянутаго куріера онаго злодѣя, такъ же и какой вы караулъ опредѣлите и съ какимъ наставленіемъ, о томъ съ симъ же куріеромъ для всеподданнѣйшаго Ея Императорскому Величеству донесенія ко мнѣ репортовать.

Вашего высокоблагородія покорный слуга князь Александръ Вяземской.

С. Пбургъ, Сентября 5-го дня 1769-го года.

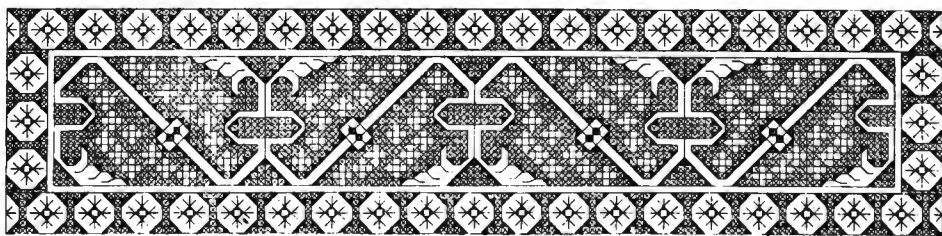
Господину полковнику и Динаминдской крѣпости коменданту Виганту.

Сообщилъ Н. Голубцовъ.

(Изъ дѣла о преступникахъ, содержащихся подъ стражею безысходной, въ архивѣ Архангельскаго Губернскаго Правленія).

*) Въ 1774 году Илья Алексѣевъ былъ перевезенъ въ Николаевскій Корельскій монастырь, гдѣ вѣроятно и скончался. Н. Г.

Въ чемъ именно состояло его государственное преступленіе, мы не знаемъ. То было время передъ совершеннѣйшимъ цесаревича Павла и передъ Пугачовщиною. П. Б.

Императрица Елисавета Алексѣевна, супруга императора Александра I. Томъ второй. Съ 33 рисунками и факсимиле рукописи. С.-Петербургъ, 8-ка, IX и 762 стр. съ азбучнымъ указателемъ и многими портретами.

Въ Евангеліи сказано, что не бываетъ ничего скрытаго, что со временемъ не открылось бы. Въ теченіи многихъ десятилѣтій императрица Елисавета Алексѣевна была извѣстна Русскимъ людямъ только по имени, и почти ничто не напоминало про нее. Нынѣ она является во всемъ величіи своихъ нравственныхъ и умственныхъ доблестей, и это благодаря сыну ея племянницы, императрицы Маріи Александровны, покойному великому князю Сергію Александровичу. Еще до своего Московскаго генераль-губернаторства, онъ передавалъ пишущему эти строки, что въ досуги свои отъ служебныхъ обязанностей и представительства, списалъ онъ болѣе тысячи писемъ Елисаветы Алексѣевны и занимался этимъ въ память своей матери, которая, по семейнымъ преданіямъ, питала особенное сочувствіе къ своей теткѣ (умершей, когда она еще была младенцемъ).

Императрицу Елисавету Алексѣевну закрывала отъ Россіи свекровь ея. Бельгійскій король Леопольдъ, долго находившійся въ Русской службѣ и до того любившій Русскихъ, что выражалъ желаніе устроить православную церковь въ замкѣ своемъ Лакенѣ подъ Брюсселемъ¹⁾, свидѣтельствуетъ въ своихъ Запискахъ²⁾, что его сестра, наша великая княгиня Анна Теодоровна, не разошлась бы съ супругомъ своимъ Константиномъ Павловичемъ, человекомъ пылкимъ, порою необузданнымъ, но добросердечнымъ и просвѣщеннымъ³⁾, если бы его мать не ставила себѣ задачею ссорить сыновей съ ихъ женами, дабы сохранять надъ ними свою исключительную власть.

Свекровь и невѣстка, хотя красавицы обѣ, не были вовсе схожи ни внѣшними, ни внутренними качествами. Одна, уроженка сумрачнаго Штетина, выросла въ суровой солдатской обстановкѣ и въ многочисленной, но бѣдной

¹⁾ О чемъ сносился съ графомъ Нессельроде.

²⁾ Эти Записки изданы королевою Англійскою Викторіею въ приложеніи къ ея книгѣ о супругѣ ея.

³⁾ О чемъ свидѣлствуютъ его письма къ маркизѣ де-Кюбьеръ въ „Русскомъ Архивѣ“ 1870 года.

семьѣ. Другая родилась въ прекрасной долинь Неккара, гдѣ самимъ небомъ питается вкусъ ко всему изящному. Любопытно сравнить находящіеся въ Гатчинскомъ дворцѣ мраморныя изваянія родителей Маріи Ѳеодоровны съ портретами Баденской семьи, которыми украшено настоящее изданіе Великаго Князя Николая Михайловича. Свекровь грузна съ ранней молодости, невѣстка тонка и стройна во всю свою жизнь. Свекровь, по приказанію Фридриха II-го, у котораго отецъ ея состоялъ на службѣ, покинула своего жениха, Дармштадскаго принца¹⁾, бывшаго ученикомъ барона Гримма, въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ Гёте, и охотно промѣняла бѣдную обстановку Штетинскую на роскошный просторъ нашего Зимняго дворца. Елисаветѣ же Алексѣевнѣ вовсе туда не хотѣлось, и съ плачемъ садилась она въ карету, въ которой графиня Шувалова увезла ее къ намъ въ Петербургъ. Покинутая ею семья состояла изъ старика-дѣда (добродѣтельнаго ландграфа Баденскаго), изъ отца, единственнаго брата, матери и пяти сестеръ. На лицахъ у всѣхъ у нихъ выраженіе ума и обходительнаго нрава. Читатели „Р. Архива“ знаютъ, что такое былъ старшій братъ Маріи Ѳеодоровны, мужъ Зельмиры, нашъ Выборгскій генераль-губернаторъ, затѣмъ угодникъ Наполеона и король Виртембергскій. Про одного изъ многихъ его братьевъ Екатерина рассказываетъ, что онъ заставлялъ жену свою снимать съ него рейтузы. Женатъ онъ былъ на Полькѣ, черезъ которую, можетъ быть, и началось сближеніе Александра Павловича съ Полькою Марьею Антоновною Нарышкиной, причинившее столько горя Елисаветѣ Алексѣевнѣ. Царевичъ Павелъ Петровичъ, хотя мать его не жалѣла для него денегъ (чему доказательствомъ служатъ дворцы въ Павловскѣ и Гатчинѣ и дозволеніе держать до двухъ тысячъ собственнаго войска) жилъ въ большихъ долгахъ, потому что щедро помогалъ семейству своей супруги; а по письмамъ Елисаветы Алексѣевны не видно, чтобы она посылала денегъ въ Карлсруэ; она ограничивалась рѣдкими и недорогими подарками. Подобно Екатеринѣ (ея любимшей и ею любимой), она могла сказать про себя, что никогда не была змѣею, вскормленною за пазухой, и помнила долгъ благодарнаго сердца по отношенію къ Россіи.

Въ депешахъ Коленкура часто говорится о легкомысліи императора Александра Павловича. Супруга прощала ему оное; однако бывали дни, когда положеніе ея становилось невыносимо, и поговаривали, что она попросится домой. Но она не переставала любить мужа и твердо исполняла долгъ и государыни, что облегчалось для нея тѣмъ, что она полюбила Россію и Русскихъ людей. Она восхищалась Москвою, колокольный звонъ ей былъ по душѣ. По русски съ раннихъ поръ выучилась она отлично и для усовершенствованія въ этомъ языкѣ приглашала къ себѣ нѣкоего Николая Николаевича Язвицкаго²⁾, сблизилась съ Карамзинымъ, которому намѣревалась оставить свои Записки (см. соч. Пушкина, изд. Ефремова V, 634).

¹⁾ Дѣдъ нашей императрицы Маріи Александровны.

²⁾ Въ Росписи Смирдина значатся его книги: „Всеобщая философическая грамматика“, „Разсужденіе о словесности вообще“, „Историческое похвальное слово Суворову“, всѣ три 1810 года и „Оды похвальные“ 1811 года. (Онъ повредился въ умѣ).

Все это видно изъ ея писемъ къ матери.

Каменный Островъ, 13 (25) Июля 1805.

Между нашими Арабченками, о которыхъ говорила вамъ этою зимою Амалия, попадаютъ очень хорошенькіе; но одинъ занимаетъ меня больше другихъ. Онъ достался мнѣ, т. е. онъ сталъ служить за моимъ столомъ, съ того времени, какъ ихъ опредѣлили на службу; впрочемъ, никакой другой обязанности они не несутъ, и что мнѣ въ нихъ нравится, это то, что они ни за что на свѣтѣ не перемѣнятъ своего мѣста. Одного приставили ко мнѣ, другого къ сестрѣ, третьяго къ Государю и четвертаго къ графу Толстому; послѣдніе два мѣняютъ мѣста, смотря по тому, кто у насъ обѣдаетъ. Случилось, что у насъ обѣдала Государыня, и захотѣли поставить за ея стуломъ моего Арабченка или Амальинаго; они стали отбиваться кулаками, и пришлось поставить другого. Возвращаясь къ моему Арабченку, скажу, что мой и Амаліи мальчики уже 18—19 лѣтъ. Когда ихъ привели, оборванныхъ и замерзшихъ, они черезъ минуту начали смѣяться и болтать, забавляясь тѣмъ, что увидѣли въ комнатѣ. Имъ дали конфетъ, которыя они взяли съ удовольствіемъ; только мой Джуфаръ (его имя), изъ всѣхъ самый оборванный, не принималъ ни въ чемъ участія; онъ казался такимъ грустнымъ, что мы подумали, не боленъ ли онъ. Государь знаками предложилъ ему погрѣться у камина (другимъ способомъ невозможно было объясниться съ ними); онъ его грубо оттолкнулъ. Государь давалъ ему разныя вещи, отъ которыхъ Арабченокъ сердито отказывался. Мнѣ онъ также отказалъ, но съ болѣе мягкимъ лицомъ. Это и печальный его видъ возбудили мое любопытство; мнѣ было его невыразимо жалъ, и я была довольна, что онъ достался на мою долю. Впродолженіи этихъ шести мѣсяцевъ остальные, хорошо одѣтые и сытые, благоденствуютъ и стали забавно-веселы; только Джуфаръ печаленъ и никогда не смѣется. Недѣли двѣ тому назадъ, Государь послѣ обѣда захотѣлъ разспросить его о причинѣ его печали черезъ своего Арабченка, который довольно милъ и порядочно уже говорить по русски. Намъ рассказывали другіе Арабы, что онъ всегда былъ такимъ, даже среди своихъ; онъ изъ Мекки, и у него осталась только мать, но когда его спросили, не хочетъ ли онъ вернуться на родину, онъ залился слезами и не отвѣчалъ. Не могу передать вамъ, какъ я была растрогана; я чуть сама не заплакала. Разговаривать съ нимъ очень трудно, и нѣтъ возможности узнать навѣрно причину его слезъ и какія у него желанія; но внутреннее чувство говоритъ мнѣ, что этотъ мальчикъ родился болѣе чувствительнымъ, чѣмъ другіе, что онъ тоскуетъ по родинѣ и матери, которыхъ забыть ничто не можетъ его заставить. И

какъ долженъ онъ быть несчастенъ! Я много спорила сегодня съ присутствующими, которые утверждали, что онъ невыносимъ, такъ какъ окруженъ довольствомъ и всетаки жалѣеть о нищетѣ, изъ которой его вытянули. Это мнѣ доказало только, что большинство людей считаетъ довольство въ жизни единственнымъ чего можно желать и о чемъ можно сожалѣть. Я увидала, что не имѣю возможности убѣдить ихъ въ томъ, что, находясь въ довольствѣ, можно сожалѣть о своемъ прежнемъ положеніи, и замолчала, но осталась при своемъ мнѣніи относительно бѣднаго Джуфара.

*

Каменный Островъ, 1 (13) Августа 1805.

Съ нѣкоторыхъ поръ видаю иностранцевъ, которымъ тяжело покидать Петербургъ, и при каждомъ подобномъ случаѣ испытываю удовольствіе; ибо оправдывается теперь то, что вы предсказывали мнѣ и о чемъ помню, какъ о вчерашнемъ днѣ. Однажды утромъ, не за долго до моего отъѣзда изъ Карлсруэ, вы сидѣли у себя на балконѣ; погода была пасмурная, я вздыхала о своей судьбѣ, а вы, во множествѣ другихъ утѣшеній, сказали мнѣ: „ты еще такъ молода, что, спустя нѣкоторое время, будешь относиться къ Россіи, какъ къ своей родинѣ“. Я тогда была близка къ отчаянію, и это казалось мнѣ невозможнымъ; но теперь, когда я дѣйствительно половину жизни провела здѣсь, пріѣхавъ сюда 13-ти лѣтъ отъ роду (теперь мнѣ—26 лѣтъ, значитъ я прожила здѣсь больше, чѣмъ въ Германіи, ибо *жить*, по моему, значитъ мыслить и чувствовать, въ самомъ же раннемъ дѣтствѣ существованіе скорѣе животное) и такъ, теперь, признаюсь вамъ, матушка, что чувствую очень сильную нѣжность къ Россіи и какъ ни пріятно мнѣ снова увидѣть Германію и думать о ней, мнѣ было бы очень жалко покинуть Россію навсегда и буде, въ силу какихъ либо обстоятельствъ, я очутилась бы одинокою и могла бы избрать себѣ мѣстожительство, я основалась бы въ Россіи даже въ томъ случаѣ, если бы для этого пришлось скрыться ото всего міра. Это мое признаніе не можетъ быть вамъ непріятно, добрая матушка; напротивъ, оно должно успокоить васъ относительно нѣкоторыхъ неосновательныхъ опасеній, которыя, кажется, все еще иногда у васъ появляются. Это не слѣпое восхищеніе, мѣшающее мнѣ видѣть преимущества другихъ государствъ передъ Россіей: я вижу ея недостатки, но вижу также, чѣмъ она можетъ стать, и каждый ея шагъ впередъ радуетъ меня.

Что касается Петербургскаго климата и здѣшней мѣстности, они не изъ лучшихъ; но это неблагопріятность мѣстная, къ которой я привыкла. Въ случаѣ необходимости, ея можно было бы избѣжать, не слишкомъ даже удаляясь и не выѣзжая изъ Россіи.

*

Во время войны, кончившейся Аустерлицемъ, Императрица писала.

Петербургъ, 4 (16) Декабря 1805.

Названіе *Австріецъ* должно быть противно не только для каждаго Русскаго, но и для всякаго, у кого есть душа. Больно видѣть, когда одно лицо совершаетъ подобныя гнусности; но нѣтъ словъ для выраженія того, что испытываешь при видѣ цѣлаго народа, подлаго, коварнаго, наконецъ, глупаго, со всѣми самыми низкими свойствами. Не слова, а только дѣла могутъ выразить, что это за люди: морить голодомъ пришедшихъ проливать кровь за нихъ, поступать съ ними гнуснѣе, чѣмъ поступаютъ ихъ враги, предавать ихъ и въ концѣ концовъ направить свое оружіе противъ нихъ! Если вы найдете выраженіе, могущее опредѣлить такія дѣйствія, скажите мнѣ его, ибо я не знаю подходящаго.

Такъ они поступаютъ вообще, а вотъ образчикъ ихъ отношенія къ личности Государя. Когда наступило перемиріе, Государь, въ 3 ч. ночи, пріѣзжаетъ въ маленькое мѣстечко верхомъ, измученный, такъ какъ не слѣзалъ съ лошади съ 7 часовъ утра. Австрійскій дворъ былъ тамъ со всею своею поклажею, кроватями, кухнями, и всѣ эти скоты спали на своихъ пуховикахъ. Императоръ Александръ Павловичъ, будучи слишкомъ возмущенъ, чтобы просить у нихъ крова, входитъ въ плохую крестьянскую избу въ сопровожденіи графа Ливена, князя Адама, не оставлявшихъ его ни на минуту, и своего хирурга Вилье. И вотъ тамъ-то, отъ усталости, либо отъ горя, послѣ 24 часоваго голоданія, у него сдѣлалась страшная схватка въ желудкѣ. Вилье выразилъ опасеніе, что Государь не вынесетъ ночи. Накрывъ его соломою, онъ ѣдетъ въ главную квартиру императора Франца попросить у нѣкоего Ламберти, завѣдующаго дворомъ, немного краснаго вина, сообщая ему при этомъ, въ какомъ состояніи находится Государь. Тотъ отказывается ему, говоря, что слишкомъ поздно, не стѣитъ будить людей и т. д. Наконецъ Вилье становится на колѣни передъ этимъ скотомъ, но напрасно, и только за деньги ему удастся разбудить одного лакея, который пошелъ съ нимъ поискать полъ-бутылки плохого краснаго вина. Вотъ какимъ образомъ у Австрійцевъ поступаютъ съ союзнымъ государемъ, пришедшимъ жертвовать своею арміею ради спасенія союзника!

Несмотря на свои злосключенія и окружавшую ихъ измѣну, превосходныя войска наши пріобрѣли новую славу, даже въ глазахъ враговъ, и внушаютъ живѣйшій восторгъ соотечественникамъ. Солдаты эти настоящіе ангелы: мученики и въ тоже время герои! Они изнемогали

отъ голода, во время перехода падали и тутъ же на мѣстѣ умирали отъ истощенія, желая лишь сразиться и не проронивъ ни одного слова ропота, въ то время какъ къ противнику направлялись цѣлые обозы съѣстныхъ припасовъ, и эти жалкія Австрійскія войска были всѣмъ снабжены. Говорятъ, что по этому въ Австрійскомъ батальонѣ, обратившемъ во время сраженія оружіе противъ насъ, гвардейцы не оставили ни одного человѣка, и я этимъ восхищаюсь. Эти молодцы-гвардейцы проявляли чудеса храбрости: одинъ Преображенскій полкъ опрокинулъ четыре непріятельскія линіи и лишь передъ пятою не устоялъ; батальонъ Семеновцевъ штыками уничтожилъ цѣлый эскадронъ Французской гвардіи. Говорятъ, что, по признанію опытнѣйшихъ генераловъ, то было самое смертоносное сраженіе, какое когда либо происходило. Сердце кровью обливается, слушая про эти подробности, хотя мы всѣхъ ихъ и не знаемъ, и именно не знаемъ о погибшихъ знакомыхъ нашихъ.

Графъ Строгоновъ и Новосильцевъ, хотя они люди и невоенные, находились въ этомъ дѣлѣ, также какъ и Государь. Первый изъ нихъ велъ три эскадрона гусаровъ; второй пытался собрать батальонъ изъ Австрійцевъ, и я не знаю, почему эта мысль показалась тамъ забавной, тогда какъ въ былое время онъ былъ отличнѣйшимъ офицеромъ. Толстой, же послѣ напрасныхъ стараній удалить Государя отъ опасности, сказалъ ему, выразившись очень забавно по русски: „если вы будете себя вести какъ Русскій Императоръ, я останусь съ вами; если же нѣтъ, я перейду къ“, гдѣ весьма хорошо для всякаго, оберегающаго свою жизнь“. Что касается меня, не понимаю, чѣмъ полны внутренности этого Австрійца: въ его жилахъ течетъ, кажется, вода вмѣсто крови.

*

Вотъ отзывъ о королевѣ Луизѣ, пріѣзжавшей съ мужемъ въ Петербургъ.

Не понимаю, что породило сложившееся о ней мнѣніе, будто она не естественна и кокетка: я ни разу не видѣла тѣни малѣйшаго кокетства; въ ней много сердечности, и видно, что въ сущности у нея очень веселый нравъ. Между нею и королемъ обращеніе весьма пріятное. Здѣсь, въ свѣтѣ, она была вполне на своемъ мѣстѣ, а ко мнѣ относилась довѣрчиво и искренно, по пріятельски. Въ характерѣ у нея много откровенности. Если и есть какая тѣнь въ этомъ изображеніи, то, увѣряю васъ, весьма незначительная. Что касается наружности, она очень хороша собой, но ей не слѣдуетъ больше полнѣть. Не видѣвшіе ея въ теченіи двухъ лѣтъ находятъ, что она перемѣнилась, и мудрено, чтобы этого не было. Король прибылъ сюда по приглашенію Государя и, въ самомъ дѣлѣ, дорогая матушка, казалось, что королева привезла сюда не желаніе только блистать, но что оба они были пре-

исполнены желаніемъ выразить свою признательность Государю. Однимъ словомъ, я въ восторгѣ, что познакомилась съ ними.

За время ихъ пребыванія я снова приобрѣла совсѣмъ было утерянную, привычку говорить понѣмецки, хотя немного и наострилась съ герцогомъ Кобургскимъ. Всѣ они отлично говорятъ пофранцузски, но я въ особенности говорила понѣмецки съ Вильгельмомъ, такъ какъ онъ обыкновенно говоритъ на этомъ языкѣ. Что касается до него, это человѣкъ предпочтенный, и я никогда не видѣла такого благородства въ манерахъ при столь маломъ ростѣ.

*

Петербургъ, 13 (25) Марта 1809.

Вчерашній день и позавчерашній мы провели въ глубочайшемъ уединеніи, ибо годовщины смерти императора Павла и восшествія на престолъ нынѣ царствующаго Государя справляются ежегодно. Впрочемъ, *глубочайшее уединеніе* выраженіе неточное, такъ какъ въ 11 часовъ всегда бываетъ торжественная заупокойная обѣдня для всего Двора, а послѣ полудня панихида въ крѣпости, гдѣ каждый разъ собирается немало народа. Въ подобныхъ случаяхъ, я часто вспоминаю васъ, дорогая матушка, зная, какъ вы не любите публичныхъ изъясненій по поводу дѣйствительно волнующаго событія (въ чемъ я достойная васъ дочь); ибо императрица, согласно обычаю, становится близъ гробницы покойнаго Государя, находящейся на возвышеніи, а мы и собравшійся народъ стоимъ внизу, такъ что это въ самомъ дѣлѣ составляетъ зрѣлище. Я увѣрена, что для васъ это было бы невыносимо.

*

Сохранилась характеристика Елисаветы Алексѣевны, сдѣланная въ ту пору посланникомъ Французскимъ генераломъ Савари. Мы приводимъ ее.

Царствующая императрица живетъ въ полномъ уединеніи. Она обѣдаетъ у себя дома съ своею сестрою принцессою Амаліей Баденской по крайней мѣрѣ три раза въ недѣлю. Остальные дни, когда она обѣдаетъ у Государя, она появляется лишь за минуту до обѣда, уходитъ тотчасъ же послѣ кофе въ свои покои и отсылаетъ фрейлину или штатсъ-даму, состоящихъ при ней. Она остается совсѣмъ одна въ тѣхъ случаяхъ, когда не приглашаетъ оберъ-гофмейстерину графиню Толстую или молодую графиню Строганову. У нея не бываетъ пріемовъ, нѣтъ этикета и мало веселія. Она много занимается, много читаетъ, здраво разсуждаетъ о нашихъ писателяхъ, говоритъ мало и вообще производитъ впечатлѣніе особы съ холоднымъ умомъ. Въ теченіи четырнадцати лѣтъ, что царствующая императрица здѣсь, даже для людей, видящихъ ее часто, характеръ ея неизвѣстенъ. Она такъ слѣдитъ за собою, что не позволяетъ себѣ сказать слово, бросить взглядъ,

по которымъ можно было бы ее судить. Она почти въ непрерывной остудѣ съ императрицею-матерью. Она возбуждаетъ свое воображеніе чтеніемъ нашихъ трагическихъ писателей. Это женщина, которою легче овладѣть со стороны ума, нежели сердца. Никогда не бывало при ея дворѣ политическихъ интригъ, и обиходъ его носить характеръ самаго обыкновеннаго дома. Я считаю императрицу Елисавету очень тонкаго ума и съ развитымъ мышленіемъ. Воспоминаніе о Германіи не особенно, какъ видится, занимаетъ ее, и вообще эти иностранныя принцессы становятся вполнѣ Русскими великими княгинями, разъ онѣ вышли замужъ.

*

Плоенъ¹⁾, 17 Іюля 1810.

...Я уѣхала изъ Петербурга съ стѣсненнымъ сердцемъ, и по мѣрѣ удаленія отъ него сердце у меня все болѣе сжималось. Когда я встрѣчала Русскихъ мужиковъ или солдатъ, мнѣ просто хотѣлось обнять ихъ, а въ Ригѣ я вздохнула свободнѣе, такъ какъ почувствовала себя вполнѣ въ Россіи: тамъ встрѣчаются бородатые купцы почти въ такомъ же количествѣ, какъ въ Петербургѣ, и они составляли большинство въ трогательной и показной встрѣчѣ, которую мнѣ тамъ устроили.

*

Письмо къ Императрицѣ отъ ея матери.

12/24 Января 1811.

Въ день твоего рожденія, дорогая Елисавета, принимаюсь я отвѣчать на твое письмо, переданное мнѣ Амаліей. Да дастъ тебѣ Богъ счастья и благополучія въ этой жизни! Это самое горячее желаніе моего сердца. Но для этого ты должна неуклонно слѣдовать правилу, возложенному на тебя твоимъ же девизомъ: *терпѣніе и постоянство*. Скажи себѣ, что Провидѣніе поставило тебя въ твое теперешнее положеніе, и добровольно покинуть его доказало бы ропотъ противъ Его законовъ и было бы призывнымъ кличемъ для недовольныхъ. Я содрогаюсь при мысли, что подобный шагъ можетъ причинить: его сочли бы за естественную причину всеобщаго недовольства Государемъ²⁾ и

¹⁾ Приморское купальное мѣсто въ Курляндіи, гдѣ тогда командовалъ гр. Витгенштейнъ. См. письма Импер. Елисаветы къ его супругѣ (въ „Р. Арх.“ 1906, I, 3).

²⁾ Недовольство порождалось главнѣйше тѣми униженіями, съ которыми Александръ Павловичъ въ то время относился къ Наполеону. Французскій посолъ Коленкуръ былъ тогда первымъ лицомъ въ Петербургѣ. Онъ нарочно заставлялъ ждать своего торжественнаго со свитою появленія на площади Зимняго дворца для смотра войскъ. Квартальный Иванъ Никитичъ Скобелевъ (впослѣдствіи столь извѣстный) остановилъ однажды его карету, для полицейскаго порядка, направивъ ее по другому проѣзду, и тѣмъ свискалъ себѣ любовь простонародья. Вспомнимъ, что послѣ Тильзита меньше на Святой Руси стало раздаваться пѣсень, которыми въ былое время народъ любилъ оглашать свои занятія. Когда началась ихъ заунывность? Конечно, не при Екатеринѣ, которая восхищалась тѣмъ, что народъ много поетъ. Дѣйствія Государя казались измѣною, а между тѣмъ именно ими онъ обольщалъ Наполеона.

любви, питаемой къ тебѣ, такъ какъ ты кумиръ народа. Тебя чтутъ и восхищаются тобою даже за границею (я это положительно знаю). Суди же, какое впечатлѣніе произведетъ твое рѣшеніе на общественное мнѣніе. Тебѣ припишутъ честолюбивые замыслы, можетъ быть даже желаніе связи съ любимымъ человѣкомъ и т. д. Однимъ словомъ, подобнымъ поступкомъ ты разомъ потеряешь ту славу, которую ты по справедливости заслужила за всѣ годы. А ты сама, дорогая дитя? Какія угрызенія и сожалѣнія готовишь ты себѣ, ставъ причиною (безъ намѣренія, конечно) государственнаго переворота, котораго ты не сможешь предотвратить. Нѣтъ, дорогая, я не одобряю такого замысла: наоборотъ, я его страшусь, какъ величайшаго несчастія. Откажись отъ него, прошу тебя, ради Бога и ради матери, которая любитъ тебя и гордится такою дочерью.

*

Петербургъ, 3 (15) Марта 1811.

Отчего это, дорогая матушка, у васъ частая бессонница? Вѣдь вы бываете въ движеніи, а обыкновенно говорятъ, что бессонница бываетъ отъ недостатка воздуха и движенія. Одинаково ли вы подвержены бессонницѣ зимой и лѣтомъ? Не имѣется ли къ тому иногда нравственныхъ причинъ? По этому поводу вспоминаю слышанное мною еще отъ императрицы Екатерины и съ тѣхъ поръ разъ тысячу мною испытанное каждый разъ при воспоминаніи о ней, а именно, что *одни тревожатъ, а не горятъ, мѣшаютъ спать*. Какъ вчера помню день и мѣсто, гдѣ слышала это отъ нея и послѣдствіе этого разговора: кто-то сказалъ, что нечего меня спрашивать что я объ этомъ думаю, ибо въ шестнадцать лѣтъ ничто не нарушаетъ сна и, вѣроятно, мнѣ еще не извѣстно что такое горе. На это Императрица Екатерина сказала: „Вовсе нѣтъ! Она уже испытала горе: развѣ вы за ничто считаете ея разлуку съ матерью?“ Никогда не забуду этихъ словъ изъ за удивленія и признательности къ ней за то, что такая женщина, какъ она, соблаговолила понять и оцѣнить чувства маленькой шестнадцатилѣтней особы, въ то время весьма невинной и простодушной. Именно эта, кажется, врожденная способность ея примѣняться ко всѣмъ, понять и поддержать преобладающее чувство каждаго, придавала ей столь великое очарованіе. Ахъ, отчего она не пожила лѣтъ съ десять дольше! Личныя причины, много свойства, заставляютъ меня часто объ этомъ сожалѣть.

Вотъ большое отступленіе отъ предмета и, на этотъ разъ, болтовня; я должна прекратить ее изъ за наряда, который охотно бы уступила кому нибудь, также точно какъ ожидающую меня въ девять часовъ партію бостона.

*

Суббота, 4 (16) въ 12¹/₂ ч. пополудни.

Дорогая матушка, доканчиваю письмо, послѣ того какъ два часа провела въ любимомъ занятіи Русскимъ языкомъ. Это, дѣйствительно, сентиментальное изученіе; ибо, конечно, наша литература еще въ младенческомъ развитіи; но, когда проникнешь во всѣ богатства языка, то видишь что можно бы изъ него сдѣлать, а всегда пріятно открыть сокровища, требующія лишь рукъ, которыя бы сѹмѣли ихъ разработать. Къ тому же звуки Русскаго языка, подобно музыкѣ, пріятны моему слуху.

Амалия ¹⁾ называетъ это и еще другія чувства относящіяся къ тому же, *une grâce d'état* ²⁾; мнѣ же представляется это только естественнымъ, и если слѣдуетъ этому удивляться, то воздавая славу небесамъ за такое вложенное мнѣ въ душу чувство. Оно доставляетъ мнѣ много утѣхъ и наслажденій тамъ, гдѣ безъ него я обрѣла бы одни мученія.

Мать отвѣчала нашей Императрицѣ:

Брукхзаль, 26 Марта (7 Апрѣля) 1811.

Только что перечла твое послѣднее письмо, въ которомъ ты защищаешь Русскій языкъ. Амалия права, называя это и другія чувства, относящіяся къ тому же предмету, *une grâce d'état*, и это при каждомъ употребленіи тобою этого выраженія наполняетъ меня счастьемъ (не могу подобрать настоящаго слова). Видѣть, что ты такъ расположена къ странѣ, сдѣлавшейся для тебя второю родиною, дѣйствительно приводитъ меня въ восторгъ, и ты помнишь, какъ я этого желала въ то время, когда чувство это не было и не могло быть въ тебѣ сильно. Что касается Русскаго языка, я любила слышать его только изъ твоихъ устъ, хотя то бывало лишь нѣсколько словъ, обращаемыхъ къ прислугѣ; но мнѣ казалось, что въ твоемъ произношеніи они были благозвучны. Впрочемъ, мнѣ кажется, что въ этомъ языкѣ есть что-то грубое, особенно когда Государь и великій князь Константинъ разговаривали. Я знаю, что это производило тоже впечатлѣніе за границей: думали, что братья ссорятся. Возвращаясь къ тебѣ: многіе Русскіе сказывали мнѣ, что ты говоришь порусски лучше и правильнѣе коренныхъ Русскихъ людей.

¹⁾ Старшая сестра императрицы Елисаветы Алексѣвны, дѣвица, многіе годы сряду проживавшая у нея въ Петербургѣ († 1823).

²⁾ Ради государства.

*

Петербургъ, 19 Апрѣля (1 Марта) 1812.

Пятница, 11 часовъ.

Она*) хочетъ заставитьъ повѣрить общество и даже меня, будто Государь потребовалъ, чтобы она оставалась въ городѣ, дабы своимъ присутствіемъ успокоить и ободрить умы и *задать тонъ*. Это ея собственныя слова, и она дѣлаетъ видъ, что приноситъ большую жертву Государю. Ей предоставляютъ удовольствіе этой маленькой комедіи, которую она играетъ передъ самой собою, такъ какъ никого другого она этимъ не обманываетъ. По крайней мѣрѣ Государь имѣлъ вниманіе избавить меня отъ всего непріятнаго и тягостнаго, что во многихъ отношеніяхъ влечетъ за собою пребываніе ея въ Таврическомъ дворцѣ, сказавъ, чтобы я жила на Каменномъ Острову, какъ будто онъ самъ тамъ живетъ, и въ самомъ дѣлѣ все пойдетъ тѣмъ же порядкомъ. Къ тому же императрица сказала, что она *получила позволеніе* отсутствовать два-три дня въ недѣлю: что же буду я дѣлать совсѣмъ одна въ этомъ мрачномъ дворцѣ, полномъ для меня тягостныхъ воспоминаній! Невозможно удержать улыбки при видѣ важности, которую придаетъ себѣ императрица по этому поводу, тогда какъ всѣ, какъ и я, знаютъ отъ самого Государя въ чемъ дѣло. Муха на рогахъ вола, говорящая: „*О, какую пыль я поднимаю!*“. Пишу вамъ, дорогая матушка, объ этихъ пустякахъ, не смѣя затрогивать вещи, болѣе важныя...

*

Каменный Островъ, 29 Іюля (10 Августа) 1812.

...Какъ мнѣ тяжело, что я не могу говорить съ вами о томъ, что занимаетъ меня весь день и даже ночь, сплю ли я или бодрствую, говорить о спасеніи моей дорогой, моей любимой Россіи, къ которой я въ данное время испытываю чувство, подобное чувству къ дорогому и тяжело больному ребенку. Господь не оставитъ ее, я увѣрена въ этомъ; но она страдаетъ, и я страдаю вмѣстѣ съ нею во всѣхъ проявленіяхъ ея страданія...

*

Каменный Островъ, 26 Августа (7 Сентября) 1812.

Понедѣльникъ, 11 часовъ утра.

Я увѣрена, что вы въ Германіи плохо освѣдомлены о томъ, что происходитъ у насъ. Можетъ быть, васъ увѣрили, что мы бѣжали въ Сибирь, тогда какъ мы не выѣзжали изъ Петербурга. Мы приготовились ко всему; по истинѣ только не къ переговорамъ о мирѣ. Чѣмъ

*) Т. е. императрица-мать. Писано, когда Государь уѣзжалъ въ Вильну, передъ нашествіемъ Наполеона. П. Б.

дальше будетъ подвигаться Наполеонъ, тѣмъ менѣе долженъ онъ надѣяться на возможность мира. Это единодушное желаніе Государя и всего народа во всѣхъ слояхъ и, благодареніе Богу, по этому поводу царить полное согласіе. Вотъ на это-то Наполеонъ и не рассчитывалъ; въ этомъ онъ ошибся, какъ и во многомъ другомъ. Каждый шагъ въ этой громадной Россіи приближаетъ его къ безднѣ. Посмотримъ, какъ проведетъ онъ въ ней зиму!

*

Среда, 28 Августа (9 Сентября) 1812.

Нужно, какъ мы, ежедневно видѣть и слышать о проявленіяхъ самоотверженія и геройской храбрости во всѣхъ слояхъ войска и общества, чтобы не счесть всего этого за преувеличеніе. О, этотъ достойный народъ показываетъ теперь, каковъ онъ, и тѣ, кто его понималъ, давно это знали, не смотря на то, что его упрямо считают варваромъ. Но *Варвары* Сѣвера и *Ханжи* Южной Европы именно тѣ, кто надѣлалъ больше всего хлопотъ *цивилизованной націи*, и они еще далеко не повергнуты во прахъ! Въ то время, когда Наполеонъ переступилъ нашу границу, по всей Россіи пролетѣла какъ бы электрическая искра, и если бы необозримость ея протяженія дозволила узнать о его переходѣ одновременно во всѣхъ уголкахъ имперіи, поднялся бы ужасный крикъ возмущенія, который раздался бы, я этому вѣрю, по всей вселенной. По мѣрѣ приближенія Наполеона чувство негодованія усиливается. Старики, потерявшіе все или почти все, говорятъ: „Мы найдемъ средства къ существованію! Всякая нужда лучше позорнаго мира!“ Женщины, отдавшія своихъ защитниковъ въ армію, не боятся грозящихъ имъ опасностей, а боятся только мира. Этотъ миръ, который былъ бы смертнымъ приговоромъ для Россіи, *не можетъ быть* благополучно заключенъ. Государь и въ мысляхъ его не имѣетъ; но если бы онъ даже захотѣлъ, онъ *не могъ* бы его заключить. Вотъ геройская сторона нашего положенія. Каждый день происходятъ отрадныя явленія. Чувства и мнѣнія, подавленные въ теченіи послѣднихъ пяти лѣтъ, выплываютъ ежедневно наружу: со всѣхъ сторонъ прибываютъ къ намъ люди ума и заслугъ, которыхъ тираническая мелочность Наполеона заставила скрываться и бѣжать съ материка (Европы). Словомъ, мы здѣсь въ доброй компаніи; царитъ дѣятельность за правое дѣло, и плоды ея благотворны для моей души, которая чахла столько лѣтъ и умирала отъ окружающей ее отравленной атмосферы. Англичане, Испанцы, Нѣмцы, мученики за правое дѣло, составляютъ какъ бы одну семью; обняли бы и Турокъ, какъ братьевъ, если бы они выказали тоже рвеніе ко всеобщему благу.

*

Понедѣльникъ, 7 часовъ.

Говорятъ, будто Нѣмецкія войска совершенно деморализованы, что они въ жестокостяхъ не уступаютъ Французамъ. Въ Полоцкѣ Баварцы вошли въ одинъ домъ, гдѣ старая женщина имѣла пріютъ для маленькихъ дѣвочекъ; они переломали старухѣ ноги и руки, отчего она умерла, а когда дѣти бросились къ ней, эти озвѣрѣлые люди кинулись съ обнаженными саблями въ толпу дѣтей и нѣсколькихъ изрубили.

Позвольте мнѣ набросать нѣсколько чертъ, которыя лишь слабо обрисуютъ вамъ характеръ нашего народа. Русскій офицеръ, проѣзжая съ казаками одну деревню въ окрестностяхъ Москвы, останавливается у избы и спрашиваетъ: „Есть у васъ Французы?“ Крестьянинъ со смущеннымъ видомъ отвѣчаетъ „нѣтъ“ и „нѣтъ“ на повторяющіеся вопросы. Наконецъ говоритъ: „А если у меня есть Французъ, вѣдь вы его не тронете?“ Офицеръ, войдя въ избу, видитъ среди семьи крестьянина Француза. „Онъ былъ боленъ и обезсилѣлъ“, сказалъ крестьянинъ, „какъ мнѣ было не пріютить его?“ Чтобы понять всю красоту подобнаго поступка, надо знать, какой ужасъ питали всегда крестьяне къ Французамъ и какой справедливой ненавистью горѣли къ нимъ со времени войны. Вотъ милосердіе! А вотъ и геройство. Французы поймали нѣсколько несчастныхъ мужиковъ въ Москвѣ, которыхъ рассчитывали заставить служить себѣ, а для того, чтобы они не убѣжали, имъ положили клейма на рукахъ, какъ клеймятъ табунныхъ лошадей. Одинъ изъ крестьянъ спросилъ, что означаетъ это клеймо; ему отвѣчали, что онъ черезъ клеймо сталъ Французскимъ солдатомъ. „Какъ! Я солдатъ императора Французовъ?“ сказалъ онъ, тотчасъ же схватилъ топоръ, отрубилъ себѣ руку и бросилъ ее къ ногамъ присутствующихъ со словами: „Вотъ, берите ваше клеймо!“ Тамъ же, въ Москвѣ Французы поймали двадцать крестьянъ и казнью надъ ними хотѣли напугать окрестныя деревни, которыя ловили Французскихъ фуражировъ и вели партизанскую войну не хуже регулярныхъ войскъ. Они выстраиваютъ ихъ вдоль стѣны и читаютъ смертный приговоръ порусски. Ждутъ, что они попросятъ пощады; вмѣсто этого тѣ начинаютъ прощаться другъ съ другомъ и осѣняють себя крестнымъ знаменіемъ. Разстрѣливаютъ перваго; ждутъ, что остальные будутъ просить помилованія и обѣщаютъ измѣнить свое поведеніе. Разстрѣливаютъ второго, третьяго и такъ подъ рядъ всѣхъ двадцать, при чемъ ни одинъ не попытался попросить *пощады* у непріятеля.

*

Каменный Островъ, 30 Мая (11 Іюня) 1817.

Простите, дорогая матушка, что пишу вамъ на листкѣ, на которомъ начала вчера записку Уваровой. Мы почти въ ежедневной перепискѣ, такъ какъ она вице-предсѣдательница Дамскаго Общества, высокой и могущественной покровительницею котораго состою я. Но прошу вѣрить, дорогая, что это общество ничѣмъ не похоже на Штутгардскій феррейнъ¹⁾. Оно существуетъ съ 1812 года и дѣлаетъ добро, насколько можно, но *безъ оласки*: это его основное правило. Это общество совсѣмъ частное и независимо отъ правительства. Что касается Уваровой²⁾, говорить о которой предоставляется мнѣ столько случаевъ, хотя вы ее и не знаете, то у нея есть хорошенькая дача, совсѣмъ близко отсюда, куда я часто ѣзжу, когда живу на Каменномъ Острову. Въ Субботу вечеромъ она угощала насъ чаемъ въ бесѣдкѣ, гдѣ мы все же немного дрожали отъ холода.

*

Царское Село, 17 (29) Іюля 1817.

Этотъ бѣдный принцъ Вильгельмъ³⁾ трогателенъ! При живости, свойственной его возрасту, въ незнакомомъ мѣстѣ, гдѣ онъ жаждетъ все увидѣть, онъ принужденъ ходить съ трудомъ, хромая, или ѣздить въ креслѣ и сидѣть, когда другіе бѣгаютъ. И при всемъ этомъ онъ такой кроткій, добрый малый, никогда не показываетъ дурного расположенія духа и только изрѣдка можно замѣтить на его лицѣ печаль. Впрочемъ нога его значительно поправляется, тогда какъ дней пять-шесть тому назадъ онъ еще лежалъ.

*

Москва, 1 (13) Октября 1817.

Кремль, вотъ это восторгъ! Послѣ перестройки и обновленія онъ сталъ прекраснымъ жилищемъ, убранымъ со вкусомъ и даже роскошью. Видъ изъ нашего помѣщенія прекрасенъ и охватываетъ широкій горизонтъ; смотря вдаль съ этой стороны, приходится отыскивать пустыя мѣста: настолько быстро обстраивается городъ и становится частями красивѣе, чѣмъ былъ. Мнѣ бы хотѣлось, чтобы это извѣстіе достигло ушей Наполеона. Я вновь пріѣхала сюда съ истиннымъ удовольствіемъ и хотѣла бы подольше остановиться на томъ, что испытываю по этому поводу.

¹⁾ Т. е. устроенный Екатериной Павловной, которую Елисавета Алексѣевна очень не долюбила и о которой сообщаетъ доселѣ бывшія неизвѣстными показанія.

²⁾ Екатерина Алексѣевна рожд. графиня Разумовская.

³⁾ Будущій императоръ Вильгельмъ. Ему собака укусила ногу въ Царскомъ Селѣ. Это была первая изъ многократныхъ его поѣздокъ въ Россію.

*

Москва, 6 (18) Октября 1817.

Государь совершенно восхищенъ Москвою; ему здѣсь очень нравится. Онъ вполне увѣренъ, что нельзя равнодушно смотрѣть на этотъ городъ, который выигралъ отъ погрома двѣнадцатаго года. Въ Петербургѣ иностранца поражаетъ видъ новости и правильности; тутъ — разбросанность, которая свидѣтельствуешь о цѣломъ долгомъ рядѣ вѣковъ, и духъ старины внушаетъ уваженіе и восхищеніе. Впрочемъ недавнія воспоминанія не мѣшаютъ прежнимъ. Еще одно, что составляетъ здѣсь мое счастье, это колокола. Они играютъ большую роль въ Москвѣ, и сегодня, проснувшись ночью, я услышала ихъ гулъ. Въ былое время они наводили на меня печаль; теперь они въ полной гармоніи со мною. Вообще во многомъ видитъ меня Москва измѣнившаяся за эти семнадцать лѣтъ!..

*

Москва, 8 (20) Октября 1817.

...Хотя этотъ день и не такъ важенъ для меня, какъ 20 Іюня, но я рада присоединить къ остальнымъ поздравленіямъ и мое и увѣрена, что этотъ день будетъ праздноваться въ Карлсруэ. Я же провела его въ пути и остановилась вечеромъ на ночлегъ въ довольно грязномъ помѣщеніи, гдѣ оказались тараканы. Нашъ ужасъ при такомъ открытіи былъ забавенъ, потому что князь Голицынъ¹⁾, мой камергеръ въ пути, тоже не особенно ихъ любитъ и, увидавъ ихъ у меня, имѣлъ полное основаніе опасаться, что они окажутся и у него въ комнатѣ. Я приказала выдвинуть постель на середину комнаты и, прежде чѣмъ заснуть, сказала себѣ: „Если бы моя мать знала, что я праздную ея день съ тараканами!“ Впрочемъ они отнеслись ко мнѣ съ уваженіемъ, и я прекрасно спала, хотя дверь не запиралась и рядомъ стояли часовые.

*

Москва, 29 Октября (10) Ноября 1817.

Я пока ничего не могу сказать опредѣленнаго о мѣстѣ, гдѣ моя невѣстка²⁾ разрѣшится отъ бремени; это должно опредѣлиться въ концѣ года, и тогда же опредѣлится сколько времени мы останемся здѣсь. Что касается меня, то мнѣ бы хотѣлось, чтобы это было здѣсь, такъ какъ хочется увидеть Москву весною; но я такъ привыкла подчиняться своей судьбѣ, что выражаю это желаніе безъ особеннаго жара и помирюсь со всѣмъ. Впрочемъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ мнѣ живется

¹⁾ Вѣроятно, князь Дмитрій Владимировичъ, сестра котораго, графиня Строгонова, была пріятельницею Елисаветы Алексѣевны.

²⁾ Великая княгиня Александра Ѳеодоровна.

хорошо, нравится здѣсь и хочется, чтобы такъ и продолжалось. Я продолжаю дѣлать ежедневныя прогулки, все въ разныхъ направленіяхъ, не выѣзжая изъ города; а потомъ повторяю ихъ на громадномъ планѣ Москвы, висящемъ въ кабинетѣ Государя и передъ которымъ мы проводимъ съ нимъ немало времени, изучая его, какъ карту цѣлой страны. Этимъ способомъ прекрасно учишься узнавать Москву.

*

Москва, 26 Ноября (8) Декабря 1817.

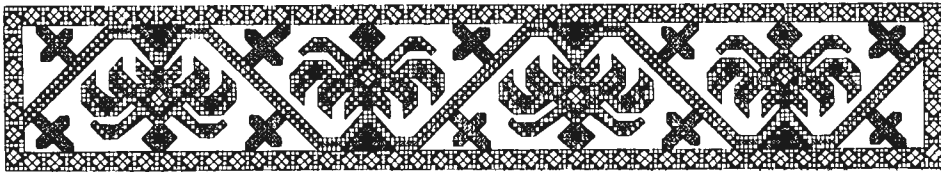
Сегодня день Георгія и праздникъ этого ордена, но такъ какъ тутъ недостаточно мѣста для военнаго парада, бывающаго обыкновенно въ этотъ день, то будетъ только обѣдня безъ церемоніала. Въ ожиданіи ея начинаю письмо. У насъ здѣсь маленькая старинная часовня рядомъ съ апартаментами*). Теперь въ нее продѣланъ теплый ходъ, а прежде приходилось проходить открытымъ мѣстомъ. Она очень старая и служила въ былое время царевнамъ, которыя, по тогдашнимъ обычаямъ, не показывались въ народъ. Если бы она не была увѣшана иконами, то легко могла бы сойти за темницу, потому что она со сводами и слабо освѣщается маленькими окнами съ рѣшетками. Ея немного мрачный видъ и характеръ старины особенно нравятся мнѣ.

*

И еще не мало писемъ, въ которыхъ Императрица выразила свою искреннюю, непоказную любовь къ Россіи, такую же, какъ Екатерина Великая. Не даромъ воспѣлъ ее молодой Пушкинъ. Въ Германіи имѣется такъ называемая *Валлала*, гдѣ выставлены статуи лицъ, оказавшихъ услуги родинѣ; въ числѣ ихъ красуется изображеніе нашей Маріи Ѳеодоровны Первой; въ Россіи же доселѣ не могутъ собрать довольно денегъ для воздвиженія ей памятника, хотя бы въ Павловскѣ. Видно, сердце Русское чутко... Благодаря Великимъ Князьямъ Сергію Александровичу и Николаю Михайловичу останется на всегда дорога для Русскаго человѣка императрица Елисавета Алексѣвна. Вѣчная ей память! П. Б.

*) Вѣроятно Благовѣщенскій соборъ. Царевны слушали церковную службу въ церкви Великомученицы Екатерины, рядомъ съ Золотой царицой Палатою. С. Б.

Изъ дневника генерала-лейтенанта И. Д. Попко *).

1854 годъ.

Н о я б р ь.

1. Домъ зажиточнаго Александропольскаго гражданина, домъ, который нельзя подвести ни подъ какіе стили и правила архитектуры, который не можетъ выдержать ни самой слабѣйшей критики Аристарха зодчества. Въ самомъ дѣлѣ, трудно дать себѣ отчетъ что это за сооруженіе: оно неопредѣленно и неуловимо въ обычные образы дѣйствительности, какъ сновидѣніе, котораго мы не можемъ вспомнить ясно, наяву. Внутри дома каждый покой имѣетъ свое отдѣльное основаніе, свой отдѣльный уголокъ. Покой, поднявшійся выше другихъ, отличается опрятностью и убранствомъ. Одна стѣна занята огромнымъ, неподвижнымъ шкафомъ или поваленнымъ на бокъ сундукомъ. Это простая деревянная работа съ нѣкоторыми покушеніями на рѣзбу. Другая стѣна занята каминомъ, изсѣченнымъ изъ плитника. Полъ устланъ коврами. Вдоль остальныхъ двухъ стѣнъ набросаны продолговатыя подушки. Потолокъ изъ Карскаго сосноваго лѣса, который такъ свѣжъ, какъ будто вчера только положенъ въ основаніе земляной крыши. Здѣсь Карскій лѣсъ, т. е. лѣсъ Саганлужскихъ горъ, считается лучшимъ во всей Анатолиі. Въ каминѣ запылала сосна, но на кругломъ низенькомъ столикѣ явился обѣдъ. Около каждого прибора лежалъ зеленый лукъ. У Римлянъ обѣдъ начинался яйцами, у Армянъ начинается онъ лукомъ и какой-нибудь зеленой травой. Яйца были поданы позже, особымъ блюдомъ. Разговоръ сошелъ на начало нынѣшняго мѣсяца, какъ на годовщину открытія военныхъ дѣйствій со стороны Александрополя. Да, настоящіе дни, годъ тому назадъ, были днями страха и крови для этого края. Здѣсь мы не были еще тогда готовы къ войнѣ. Турки, дерзкою пятою ступили на порогъ нашего отечества. Ихъ конница рыскала почти подъ стѣнами Александропольской

*) См. 6-ю тетрадь „Р. Архива“ сего года.

крѣпости и грабила наши селенья. На мельницѣ Намеса наши противники мололи для себя хлѣбъ. На нашей мельницѣ и нашъ же хлѣбъ они мололи. Первыми жертвами войны были казаки. Бывъ посланы высмотрѣть непріятеля, они оробѣли предъ огромными полчищами Турецкой конницы и бѣжали. Курдины рубили ихъ по спинамъ. Виновникомъ постыднаго поступка казаковъ называютъ офицера генеральнаго штаба, который былъ съ ними посланъ и который на судъ уже явиться не можетъ. Вскорѣ послѣ того какъ позорнымъ бѣгствомъ вынесъ свою голову изъ первой сшибки Русскихъ съ Османами, онъ разбилъ ее о камень, упавъ съ лошади. Наконецъ Турки вошли въ наши предѣлы главными своими силами и заняли позицію близъ сел. Баяндурѣ. Такъ какъ ихъ фланги были открыты, то они прикрыли ихъ редутами. Здѣсь мы сражались съ ними. Бой длился съ половины дня до вечера. Это былъ бой нерѣшительный и для обѣихъ сторонъ одинаково пагубный. Мы бились оборонительно. Не ознакомившись еще съ противникомъ, Русскій уперся и только дѣлалъ, что давалъ сдачи Туркѣ, когда тотъ на него совался. Наступившіе и битву прекратившіе сумерки осѣнили насъ на томъ же самомъ мѣстѣ, которое было занято нами въ полдень. Въ сумерки мы отступили къ Александрополю. Турки сочли себя побѣдителями; но и они, спустя одинъ день, убрались назадъ въ свои предѣлы, гдѣ въ скорости нашло ихъ тамъ Баш-кадык-ларское пораженіе.

Когда упорный бой гремѣлъ при Баяндурѣ, сердца трусливыхъ жителей Александрополя замирали отъ страха. Всѣ лавки въ городѣ были заперты, и каждая лачуга готовилась къ отчаянной оборонѣ на случай пораженія Русскихъ. Тогда наша Татарская милиція бѣжала съ поля сраженія и, вскочивъ въ Александрополь, объявила, что Турокъ несмѣтная сила и что Русскіе будутъ истреблены или разобраны по рукамъ. Такое объявленіе бѣглецы заключили словами: спасайся, кто можетъ! и принялись грабить лавки. Но вдругъ изъ толпы объятаго ужасомъ народа раздался голосъ: „врутъ они, негодяи и трусы; бейте ихъ, измѣнниковъ“. Народъ ободрился и принялся губить Татаръ оружіемъ. Ввечеру войска наши, возвращавшіяся съ поля побоища въ городъ, были встрѣчены городскимъ населеніемъ съ неописаннымъ восторгомъ. Ужинъ, приготовленный въ ротныхъ котлахъ, остался нетронутымъ: жители разобрали солдатъ по домамъ и съ сердечнымъ радушіемъ угощали защитниковъ отечества, о грудь которыхъ сокрушились первые удары враговъ.

3. Доходятъ слухи о лихой и въ своемъ родѣ единственной, службѣ Черноморскихъ пластуновъ на берегахъ Крыма. Думалъ ли

кто-нибудь, что эти бѣдные и безвѣстные подвижники службы въ туманахъ Кубанскаго рубежа, эти суровые питомцы нужды и опасности выступаютъ на позорище великой борьбы великаго государства и войдутъ въ состязаніе съ прославленными Венсенскими егерями.

Порабощая Турцію и Грецію и предпринимая нашествіе на Россію, Французы и Англичане называютъ себя апостолами цивилизаціи, твердятъ о правахъ и достоинствѣ челоуѣка, о свободѣ и равенствѣ. Скорѣе называли бы они себя Фарисеями цивилизаціи, потому что говорятъ одно, а дѣлаютъ другое. У нихъ, какъ и въ большей части государствъ западной Европы, кто не природный Французъ, не Англичанинъ, не Австріецъ, тому нѣтъ ходу въ службѣ далѣе извѣстнаго чина, какія бы онъ не имѣлъ личныя достоинства, хотя бы онъ съ неба звѣзды хваталъ. Сколько Поляковъ, разсѣянныхъ по Европѣ, и никто изъ нихъ нигдѣ не добился виднаго мѣста и значенія. Отчего возстаніе Венгріи не пошло далеко? Оттого, что Венгерцы въ Австрійской службѣ не могли идти далѣе полковничьяго чина; слѣдовательно, при всей храбрости ихъ войска, не могло быть у нихъ генераловъ, приготовленныхъ для командованія большими силами. Наконецъ, жестокое и безчеловѣчное управленіе и обращеніе Англичанъ въ Ирландіи, въ колоніяхъ, извѣстно всему свѣту. Между тѣмъ въ Россіи дорога къ безконечной выслугѣ одинаково открыта, какъ для природнаго Русскаго, такъ и для всякаго усыновленнаго отечествомъ нашимъ иноплеменика. Въ Россіи преимуществуютъ порода, дарованіе, образованность, заслуга, но не та или другая народность, но не древнѣйшее или позднѣйшее сопричисленіе къ коренному господствующему народу. Равную мзду пріемлютъ въ нашемъ отечествѣ пришедшіе работать ему и въ третій, и въ шестой и въ девятый часъ, совершенно согласно съ божественнымъ ученіемъ Евангельской притчи. У насъ всѣ народности *равны* предъ государствомъ, *чужанностью* и цивилизаціей. Соки Русской земли идутъ не въ одинъ стволъ, а во всѣ вѣтви государственнаго дерева.

4. По окончаніи обзрѣнія фортификаціонныхъ работъ произвели взрывы нѣсколькихъ фугасовъ, одного камнепета и одного бастіона. Когда послѣдній былъ взорванъ, саперы бросились на его развалины и открыли ружейный огонь во внутрь крѣпости. Ихъ кремневые ружья дѣлали частыя осѣчки и вспышки. Какъ далеко мы отстали отъ Англичанъ и Французовъ въ огнестрѣльномъ оружій!.. Приводы къ взрывамъ состояли изъ мѣдныхъ проволокъ, протянутыхъ отъ гальванической батареи. Огонь сообщался взрывамъ посредствомъ гальваническаго тока съ изумительной скоростью. Едва произнесена команда „пли“,

какъ взрывъ уже совершился. Это менѣе чѣмъ мгновеніе ока, а разстояніе отъ зрителей и зажигателей до взрывовъ было сажень двѣсти, если не больше.

6. Пронесся слухъ, будто генералъ-отъ-кавалеріи баронъ Остенъ-Сакенъ назначается главнокомандующимъ отдѣльнымъ Кавказскимъ корпусомъ, на мѣсто князя Воронцова и на радость истиннымъ сынамъ отечества. По отзыву графа, который знаетъ его коротко, это генералъ съ неоспоримыми военными дарованіями, другъ честной службы и правды, за которую претерпѣвалъ онъ опалу, генералъ вѣрующій въ Бога и въ христіанское ученіе. Онъ не пройдетъ мимо церкви, чтобъ не остановиться и не помолиться Господу правосудія и долготерпѣнія. Онъ не терпитъ ни малѣйшаго отступленія отъ формы и устава, въ особенностях, если отступленіе дѣлается въ пользу легкомысленнаго щегольства и такъ называемаго шика.

11. Въ Карсѣ ходитъ по рукамъ каррикатура слѣдующаго содержанія. Разложенъ огонь. Надъ огнемъ повѣшенъ котелъ, въ которомъ варится уха. Котелъ имѣетъ два ушка; за одно изъ нихъ тянетъ Русскій царь, а за другое Турецкій султанъ. Англичанинъ подкладываетъ дрова подъ котелъ, а Французъ мѣшаетъ въ немъ, Австрія изъ-за плеча Англичанина и Француза, приподымаясь на цыпочки, заглядываетъ въ котелъ, нюхаетъ паръ поднимающійся отъ кипящей ухи и высматриваетъ, съ какой бы стороны ухватиться за котелъ.

13. Араратъ бѣлѣетъ на черномъ гребнѣ горъ. Палатки наши бѣлѣютъ на берегахъ Арпачая. На казакѣ бѣлѣетъ полушубокъ. Составленные пирамидами пикеты пикетовъ чернѣютъ на высотахъ. На зимнія квартиры пора!

19. Послѣ кровопролитнаго боя при Баяндурѣ 2-го Ноября, мы отступили къ Александрополю, а Турки за Арпачай. Оправившись, собравшись съ силами, и мы пошли туда же, толкнутые предписаніемъ изъ Тифлиса. Мы двигались нерѣшительно и впрямь, и вкось. У того и другого селенія стояли мы по днямъ. Наконецъ мы стали у сел. Башъ-Шурайль, въ ожиданіи, не пойдутъ ли Турки еще разъ на Баяндуръ. Турки стояли лагеремъ верстахъ въ четырнадцати отсюда, у дер. Башъ-кадыкаръ. 17-го мы фуражировали за Карсчаемъ у дер. Иланли. Турецкая кавалерія перестрѣливалась съ нашей. 19-го утромъ мы пошли впередъ на Турку. Онъ вышелъ къ намъ навстрѣчу съ музыкой и пѣснями, версты три впередъ отъ своего лагеря. Сошлись, столкнулись. Турка повалилъ назадъ, Русскій остался на мѣстѣ. Никакихъ маневровъ, никакихъ ухищреній ни съ той, ни съ другой

стороны. Побѣдители ночевали на полѣ побоища и потомъ уже не сдѣлали ни одного шагу впередъ.

23. Князь Воронцовъ уволенъ отъ службы. Андріевскій *) переведенъ такъ неблаговидно, какъ будто изгнанъ изъ Тифлиса. Три сенатора ѣдутъ на Кавказъ удостовѣриться въ цвѣтущемъ состояніи края. Нельзя не припомнить, что отношенія Андріевскаго къ Воронцову Кавказская публика изобразила въ слѣдующемъ фарсѣ. Князь Воронцовъ давно уже умеръ. Въ Лондонѣ сдѣлана машина по образу и подобию князя Воронцова. Ключъ, которымъ эта машина заводится каждый день, находится въ рукахъ Андріевскаго... И такъ наступилъ конецъ торжеству глупцовъ, лихоимцевъ, спекуляторовъ и шарлатановъ во всѣхъ родахъ откупа на источники народной жизни, самыя казармы (эти новоизобрѣтенныя могилы на поверхности земли), мосты, дорого стоящія и скоро распадающіеся, Французскія виноградныя лозы, навязываемыя народу, у котораго нѣтъ даже капусты, портовые города, учреждаемые на берегу лужи, наглый обманъ и вымыселъ въ военныхъ донесеніяхъ. Вотъ какіе памятники остаются послѣ ссунувшагося съ поприща управленія...

25. Сегодня на Грузинскомъ обѣдѣ удалось мнѣ узнать, съ какой стати Грузины, когда пьютъ вино, обмѣниваются Татарскими привѣтствіями: „алла-верды“ и „якишь-оль“. Обстоятельства сего дѣла слѣдующія. Во дни оны, шахъ Персидскій, пресытись наслажденіями своего гарема и не зная, куда дѣвать себя отъ скуки, вздумалъ прогуляться на вольномъ воздухѣ. Однимъ мановеніемъ своихъ бровей, однимъ легкимъ движеніемъ своей крашеной бороды собралъ онъ сильное войско и, не говоря ему никакой привѣтственной рѣчи, повелъ его на Грузію. По всегдашнему обычаю ворота Иверіи были настежь, и стражи безопасно спали, подложивъ себѣ подъ головы порожніе бурдюки. Проникнувъ безъ всякой задержки въ сердце страны, шахъ остановился, вынесъ изъ своего шатра яблочное сѣмячко и, показывая его войску, проговорилъ: „доколѣ изъ сего сѣмени не произрастетъ древо, и отъ того древа я не вкушу плодовъ, дотолѣ не изыду изъ земли гяуровъ“. Рекъ и, боднувъ копытомъ благодарную землю Иверіи, погрузилъ въ ея нѣдра яблочное сѣмя, привезенное изъ садовъ Тебриза. Христіанская земля, говоритъ лѣтопись, не зачала въ дѣвственномъ чревѣ своемъ плода отъ басурманскаго сѣмени. Между тѣмъ, нечестивый шахъ стоитъ на мѣстѣ и посылаетъ во всѣ стороны своихъ ужасныхъ слугъ, огонь и мечъ, на истребленіе рода христіанскаго. Беззащитные жители

*) Эрастъ Степановичъ, врачъ-Полякъ. П. Б.

ищутъ убѣжища и спасенія въ горахъ и скалахъ. Царь Иверіи стоялъ тогда съ малочисленнымъ и раздираемымъ несогласіями князей войскомъ около Мцтеха, не дерзая наступить на несмѣтную силу басурманскую. Въ то злосчастное время въ одномъ изъ вертеповъ дикой пустыни, отдѣлявшей столицу Иверіи отъ стана Персовъ, подвизался въ трудѣ и молитвѣ отшельникъ Давидъ. Свѣдавъ о бѣдствіяхъ своего отечества, онъ непрестанно молилъ Бога, да увидетъ въ ножны и почитъ мечъ Его, воздвигнутый на сыновъ Иверіи, грѣховъ ихъ ради. Въ одно лучезарное утро стоитъ онъ колѣнопреклоненный на высокой скалѣ и молится. Вдругъ куропатка падаетъ къ его ногамъ и трепещущая ищетъ укрыться подъ полою его ветхой одежды. Отшельникъ молится. Потомъ налетаетъ соколъ, преслѣдующій куропатку. Хищная птица спустилась у самыхъ ногъ его и махнула ему въ лицо холодомъ своихъ широкихъ крыльевъ. Пустынникъ молится. То былъ соколъ, спущенный съ руки Персидскаго хана Алла-верды, который тѣмъ утромъ охотился. Ханъ видѣлъ издалика, гдѣ скрылась добыча его любимаго сокола и, наскочавъ на отшельника, закричалъ ему: „спусти куропатку, которая у твоихъ колѣнъ подъ полой“. Пустынникъ не трогался, молился все объ одномъ и томъ же, объ избавленіи своего отечества отъ поношенія и губительства иноплеменниковъ. „А, ты не хочешь внимать мнѣ, дерзкій гяуръ!“ вскричалъ разгнѣванный ханъ и, выхвативъ изъ ноженъ свою кривую, какъ новолуніе и крѣпкую, какъ ненависть мусульманъ къ христіанамъ, Харасанскую саблю, яростно махнулъ ею надъ головой отшельника. Отшельникъ не переставалъ молиться и—о чудо! Булатъ, разсѣкшій воздухъ со свистомъ и долженствовавшій развалить черепъ пустынника на-двое, остановился, коснувшись власъ его, и сокрушился на множество частей. Рука хана оцѣпенѣла и изсохла. Тогда гордый Персъ смирился предъ пустынникомъ Давидомъ и, павъ къ его ногамъ, вѣщалъ: „Вижу я въ тебѣ человѣка, угоднаго Богу. Прости безумію моему и сотвори молитву къ Богу твоему, да оживотворитъ руку мою“. Отшельникъ возвелъ очи горѣ и воззвалъ: „Боже праведный и человѣколюбивый, не хотящій смерти грѣшниковъ, но обращеніе ихъ взыскующій, возврати жизнь и силу рукъ кающагося“. И въ тотъ мигъ исцѣлѣла рука хана, и возвратился онъ въ станъ свой, славя Бога христіанскаго. Отъ того дня начали замѣчать въ ханѣ Алла-верды влеченіе къ послѣдователямъ вѣры Христовой и отчужденіе отъ поклонниковъ Луны. Враги хана нашли въ этомъ событіи удобный случай оклеветать его предъ шахомъ. Деспотомъ Ирана былъ одно изъ тѣхъ чудовищъ жестокости и свирѣпости, которымъ подносили на блюдѣ, какъ пилавъ, глаза, исторгнутые изъ черепа казненныхъ людей. Хану Алла-верды

грозила страшная опала, и онъ бѣжалъ къ царю Грузіи. Тѣмъ временемъ царь усилилъ, сколько могъ, свое войско, умиротворилъ именемъ вѣры и отчизны распри князей и шель сразиться съ Персами въ полѣ. Алла-верды явился къ нему съ предложеніемъ своихъ услугъ. Царь принялъ его дружески и въ свою очередь предложилъ ему начальствованіе надъ сторожевымъ полкомъ Грузинскаго войска. Алла-верды не отказался и клялся быть вѣрнымъ царю до послѣдней частицы крови въ своемъ сердцѣ. Тогда царь повѣдалъ ему численную силу своего войска. Алла-верды пришелъ въ изумленіе: войско Иверійское было въ 10 разъ малочисленнѣе Персидскаго. „Не смущайся, сказалъ царь, это войско сильно не числомъ и оружіемъ, а любовью къ прекрасной своей отчизнѣ и вѣрою въ истиннаго Бога. „О, если это малое христіанское войско“, воскликнулъ ханъ, „сломить громадную силу шаха, я попру вѣру отцовъ моихъ и сдѣлаюсь христіаниномъ“. „Да свершится и то, и другое, во славу Бога истиннаго“, промолвилъ царь въ благочестивомъ упованіи на помощь свыше. Оба воинства сошлись и сразились. Это былъ бой Давида и Голіафа. И здѣсь, какъ въ Израилѣ, вѣрующій Давидъ сразилъ самонадѣяннаго Голіафа. Персы были разбиты наголову. Алла-верды сражался какъ левъ, впереди храбрѣйшихъ изъ христіанъ и, къ концу боя упалъ съ коня, покрытый многочисленными ранами. Исходя кровью, онъ просилъ къ себѣ маститаго духовника царя и принялъ отъ его руки крещеніе. Крестившись, такъ сказать, въ своей крови, онъ съ наступленіемъ ночи испустилъ духъ. Его предсмертная воля была: на сокровища, вынесенныя имъ изъ Персидскаго стана, соорудить церковь во имя св. Давида и монастырь на томъ мѣстѣ, гдѣ пустынножитель Давидъ колѣнопреклоненный и озаренный лучами утренняго солнца молился. Завѣщаніе хана Алла-верды было свято исполнено: монастырь съ церковью во имя св. Давида построенъ и, по имени своего строителя, названъ Алла-верды. Въ немъ почилъ угодникъ Божій Давидъ. Скоро гробъ подвижника сдѣлался источникомъ чудесныхъ исцѣленій многихъ недуговъ бреннаго тѣлеснаго состава человѣческаго; въ монастырь Алла-верды началъ притекать народъ для молитвы со всѣхъ концовъ Грузіи. Такимъ образомъ въ день св. Давида тѣснилось въ стѣнахъ монастыря несмѣтное число молельщиковъ. По совершеніи службы Богу въ храмѣ народъ принялся править службу внѣ храма мамонѣ. Каждый молещикъ послѣ поста и молитвы насаживалъ на вертелъ куски мяса зарѣзаннаго барана и развязывалъ туго затянутый узелъ у лапки кожанаго мѣха съ виномъ. У Грузинъ вообще и Хевсуровъ въ особенности существуетъ обычай при первомъ кубкѣ выпиваемаго вина призывать имя какого-нибудь святого. На семъ основаніи одинъ Хевсурецъ, исполни-

скаго роста, поднявъ кверху наполненную виномъ матару (кожаный ковшъ) и возвысивъ голосъ, объявилъ окружающимъ его, что онъ пьетъ въ память строителя монастыря Алла-верды. Народу полюбился этотъ тостъ. Ближайшіе къ потоку сосѣди въ изъясненіе ему своего одобренія отозвались: „якши-оль“ (т. е. очень хорошо). Потомъ и они, въ свою очередь, провозгласили тостъ въ память Алла-верды, а послѣдніе за ними откликнулись имъ тѣми же словами: „якши-оль“. Такимъ образомъ тостъ Алла-верды и отзвучный ему возгласъ якши-оль обошли вокругъ стѣнъ монастыря по всѣмъ артелямъ пирующихъ моельщиковъ и, одинъ разъ навсегда, утвердились за монастыремъ. Каждый моельщикъ, приходившій послѣ этого въ монастырь св. Давида, ставилъ себѣ въ святую обязанность послѣ молитвеннаго воздержанія выпить въ память Алла-верды, а кто хотѣлъ отъ выпившаго наслѣдовать вновь наполненную азарпету (ковшъ), тотъ долженъ былъ тамъ же отозваться словами: „якши-оль“. Этотъ, частный въ началѣ, случай съ теченіемъ времени сдѣлался всеобщимъ въ Грузіи.

29. Графъ произвелъ инспекторскій смотръ 4-му и 8-му драгунскимъ полкамъ и шести эскадронамъ 9-го полка. Смотръ заключался въ опросѣ офицеровъ и нижнихъ чиновъ порознь, не имѣютъ ли они претензій, а также въ осмотрѣ лошадей на выводкѣ и въ повѣркѣ денежныхъ суммъ въ полковыхъ ящикахъ. Люди были въ шинеляхъ, безъ аммуницій и въ фуражкахъ. На многихъ шинели ветхи, въ заплаткахъ. Фуражки у всѣхъ негодныя. Онѣ изорвались безъ нѣски, во время похода полковъ изъ Россіи за Кавказъ, бывъ увязаны на сѣдлѣ вмѣстѣ съ скребницами, которыя и прогрызли имъ бока. Лошади, совершившія процессію мимо насъ, были вообще худы. Нѣкоторые изъ нихъ отъ безкормицы обгрызли одна у другой хвосты. Ихъ впалые глаза и вообще ихъ голодный видъ ясно показывали, что воздержаніе полезно не для нихъ, а для полковыхъ командировъ, что ихъ желудки и торбы находятся въ обратномъ содержаніи къ желудкамъ и калитамъ тѣхъ же командировъ. Лошади строевыя худы, а подъемныя такъ просто вѣшай шапку на ребра! Это кожаные мѣшки, набитые костями. Ихъ ужасный видъ напомнилъ мнѣ о тѣхъ несчастныхъ лошадяхъ, которыя являлись къ Наполеону съ прошеніемъ въ зубахъ: *l'empereur d'avoine!*.. По непреложному закону реакціи повелители подъемныхъ лошадей, фурштатскіе офицеры, очень жирны. Смотръ закончился обѣдомъ въ подбитой рейтузнымъ солдатскимъ сукномъ палаткѣ. Ячмень, превращенный въ игривую влагу подъ названіемъ „шампанское“, былъ поднесенъ гостямъ въ послѣдствіе жаркаго...

Д е к а б р ь .

У князя Андроникова былъ банкетъ въ восточномъ вкусѣ. Обширная комната меблирована вдоль одной стѣны по азіатски, а вдоль другой по европейски. Полъ устланъ пестрыми полосами. По полу движется пестрое общество. Тутъ и Грузинъ, и Армянинъ, и Карапахъ, и Лезгинъ, и эфенди въ одеждѣ Авраама, и генералъ въ жирныхъ эполетахъ, и мирза въ пирамидальной Персидской шапкѣ, и флигель-адъютантъ въ эксельбантахъ, и коммисіонеръ въ красномъ воротникѣ, всѣ въ самыхъ разнообразныхъ и разъобщенныхъ между собой положеніяхъ. Здѣсь преферансъ, тамъ игра въ шахматы, здѣсь тихая и важная бесѣда, тамъ ассонансъ, шумный бой на зеленомъ полѣ, гдѣ, вмѣсто свинцу и чугуна, перебрасываются серебромъ и золотомъ. Зала наполнена табачнымъ дымомъ, какъ въ весеннее утро болото туманомъ. У дверей играетъ музыка. Её составляютъ три струнные инструмента: скрипка, балалайка и цимбалы. Барабанъ имъ поддакиваетъ. Музыканты Армяне. Одинъ изъ нихъ слѣпецъ съ лицомъ правильнымъ, какъ бы изваяннымъ классическимъ рѣзцомъ художника. Въ этомъ лицѣ вмѣсто глазъ ворочаются два оловянные шара. Но этотъ ужасный недостатокъ не мѣшаетъ ему служить выраженіемъ души страстной и поэтической. Когда слѣпецъ играетъ, его лицо обращается къ небу, его ноздри широко раздуваются, и оловянные шары напрягаются, въ направленіи къ бровямъ. Армяне-музыканты, составляя оркестръ музыки Османской, играютъ и поютъ произведенія Османской же музы. У Армянъ самихъ, какъ у народа стараго, нѣтъ пѣсенъ, нѣтъ поэзій. Старость не поетъ, она только считаетъ деньги да вздыхаетъ о завтрашнемъ днѣ. Турецкая музыка несравненно благозвучнѣе Татарской и Грузинской. Турецкому пѣнію свойственны внезапныя и рѣзкія вскрикиванья. Вѣроятно они необходимы для возбужденія тяжелой лимфатической натуры Турокъ, какъ для понуканія слона необходимъ молотокъ. Турецкія пѣсни по содержанію своему сходны съ Малороссійскими думами. Сильный, могучій богатырь воюетъ, побѣждаетъ, выходитъ счастливо изъ тысячи опасностей, наконецъ попадаетъ въ темницу. Его языкъ горитъ отъ жажды. Его воображеніе представляетъ ему высокія горы, шумящіе лѣса и гремучіе ключи холодной, кристалло-видной воды. Гдѣ скрипка и кимвалы восклицанія звучали и гдѣ голоса завывали, тамъ нельзя, чтобъ ноги даромъ стояли. Да, была и пляска: Грузины, Карапахи и Лезгины попеременно выступали на коверъ гостепріимства являть опыты мимическаго искусства. Въ Лезгинской пляскѣ много сходства съ Черкесской, только стиль послѣдней болѣе строгій. Въ ней меньше ломки рукъ. Около полуночи на полу

во всю длину залы былъ приготовленъ ужинъ. Гости усѣлись въ два ряда. Каждый изъ нихъ образовалъ изъ своихъ ногъ поваленное навзничъ *е*. Послѣ холодныхъ соленыхъ блюдъ подана ихиртма (супъ), ея мѣсто заступило огромное, подобное бѣлоснѣжной вершинѣ Арарата блюдо пилава, потомъ принесены пучки длинныхъ сосновыхъ палочекъ, на острые концы которыхъ надѣты куски горячаго шашлыка. Когда они лежали въ порядкѣ на блюдѣ, то казались ракетами сокращеннаго объема. Алла-верды и якишъ-оль раздавались безъ умолку. Кахетинское обильно орошало поле ужина по всѣмъ бороздамъ.

13. Прекрасная зимняя погода. Всѣ хлопчатъ о санияхъ и катаньи. Князь Чавчавадзе между пилавомъ и шашлыкомъ помѣстилъ рассказъ, изъ котораго выкроилась слѣдующая повѣсть.

СИЛАЧЪ АРЧИЛЪ.

(СКАЗАНИЕ ГРУЗИНСКОЙ СТАРИНЫ).

I.

Въ одномъ изъ небогатыхъ приходоѣвъ нагорной Кахетіи жилъ и звонилъ или—что все равно—жилъ пономарь Арчилъ. Судьба заблаго-разсудила поставить этого человѣка на крылось, а природа, кажется, имѣла ввиду для него мѣсто въ военномъ шатрѣ. Онъ былъ созданъ великаномъ и слылъ первымъ силачемъ въ Кахетіи. По воскресеньямъ, когда онъ пѣлъ на крылось, его голосъ былъ слышенъ почти такъ же далеко, какъ и звонъ колокола. При всемъ однакоже избыткѣ тѣлесной крѣпости онъ далекъ былъ отъ дикихъ наклонностей Нимрода или Исава, которые, какъ онъ читалъ въ книгѣ Бытія, искали разгула и пищи своей силѣ въ бояхъ съ свирѣпыми звѣрями. Скорѣе могъ онъ открывать въ себѣ сочувствіе миролюбивому Самсону, преклоняющему твердую выю свою въ лоно прекрасной Далилы. Да, въ этой широкой и косматой груди билось сердце кроткое, отверстое для самыхъ нѣжныхъ ощущеній. Довольно вамъ сказать, что Арчилъ имѣлъ невѣсту, о которой вздыхалъ и день, и ночь, и на высотѣ колокольни, и на коврѣ низменной тахты, вздыхалъ затѣмъ, что избраница его любящаго сердца жила недалеко, въ Тифлисъ. Не добро быти человѣку единому, твердилъ онъ всякому приходившему къ нему въ домъ, доколѣ не пришло ему время отправиться въ Калаки (Тифлисъ) пояти, какъ онъ изъяснялся, свою суженую.

Убогій пѣвецъ общественной молитвы отправился пѣшкомъ, съ котомкой за спиной и съ увѣсистымъ посохомъ въ рукѣ, посохомъ, который былъ очень близокъ къ тому, чтобъ назвать его бревномъ. Пожираемый нетерпѣніемъ, слишкомъ обыкновеннымъ и совершенно

извинительнымъ въ подобныхъ обстоятельствахъ жизни, нашъ Исаакъ, грядущій за своей Ревеккой, избралъ кратчайшій, но трудный и опасный путь чрезъ горные лѣса и ущелья. Идетъ онъ поспѣшнымъ шагомъ по глухой и извилистой тропинкѣ, не думая объ опасности дороги, а думая о прелестяхъ своей суженой и напѣвая: Исаія ликуй, дѣва. И вотъ, когда онъ такъ думалъ и пѣлъ при переходѣ чрезъ одно тѣсное ущелье, на него внезапно обрушилось, будто свѣжный обвалъ, восемь человѣкъ хищныхъ Лезгинъ. Разбойники сбили его съ ногъ, скрутили ему руки назадъ и повлекли свою жертву въ лѣсъ какъ волки козлище, нѣтъ, какъ Филистимляне Самсона, у котораго слабая рука женщины отняла львиную силу, что такъ часто случается и въ наше время.

Опомнившись отъ перваго испуга, путешествующій женихъ началъ упрашивать хищниковъ, чтобъ они возвратили ему свободу; онъ говорилъ имъ: во всякое другое время я не утруждалъ бы васъ такой нелѣпой просьбой. Разбой ваше званіе, ваше ремесло. Отъ него вашъ доходъ, ваше существованіе. На нынѣшній день судьба послала вамъ во мнѣ хлѣбъ насущный. Стало, толковать тутъ не о чемъ, дѣло ясное. Но вѣдь я иду жениться. Невѣста, братцы, ждетъ меня, высматриваетъ, а ночь придетъ—свѣчи не тушить до третьихъ пѣтуховъ, глазушекъ не сомкнетъ, сердечная, до бѣла-свѣта. Да и я то, правду вамъ сказать, безъ ума отъ дѣвки. Жить безъ нея не могу. Если вы меня не отпустите, я на первомъ суку у васъ въ деревьяхъ повѣшусь, какъ Богъ святъ, повѣшусь. А отпустите вы меня, такъ я вмѣстѣ съ молодой женой добровольно къ вамъ опять явлюсь,—клянусь св. Георгіемъ, явлюсь на этомъ же самомъ мѣстѣ. Вамъ больше пользы будетъ: вы будете имѣть меня самъ-другъ. Это на первый разъ, а тамъ самъ-третій, самъ-четверть, дойдетъ чего добраго до самъ-десять. Да и приданишко, что за женой дадутъ, никому жъ больше, какъ вамъ, не достанется. Арчилъ говорилъ такъ убѣдительно и умирительно (онъ, впрочемъ, никогда за словомъ въ карманъ не хаживалъ), что Лезгины рѣшились—вещь невѣроятная—отпустить его на-слово. Назначенъ былъ день и часъ, когда ему съ молодой женой и съ ея приданымъ прибыть на тоже мѣсто.

II.

Свадьба сыграна очень весело. Тамашу поднимали на весь городъ. Добрымъ людямъ мѣшали спокойно спать нѣсколько ночей. Но виновникъ ликованья былъ скученъ и задумчивъ. Ни звуки зурны отрадныя, лелѣющіе сердце, ни шопотъ первой любви дѣвичьей, что таинственный и сладостный вечерняго шума листьевъ въ темной дубравѣ, ни даже животворное и волшебное питье, что изъ кожанаго фонтана-

бурдюка въ серебряный бассейнъ азарпеши струится... никакія обаянія не сильны были отнять у Арчила ни на одну минуту память о договорѣ, который заключилъ онъ съ разбойниками тамъ въ лѣсу, въ дикой глуши, безъ свидѣтелей. Безъ свидѣтелей, это правда, но что жъ? договоръ отъ этого не менѣе обязательную силу имѣлъ для непорочной совѣсти сына патріархальной Кахетіи.

Боясь опоздать на условленное свиданіе, онъ собрался въ дорогу прежде, чѣмъ новая родня его насытилась свадебными пиршествами. Напрасно его упрашиваютъ погостить лишнюю недѣлку, лишній денекъ подъ тѣнью родного гнѣздышка его голубки. Новый Регуль глухъ ко всѣмъ упрашиваньямъ. Онъ взваливаетъ легкій вьюкъ приданого и сажаетъ молодую жену на хребетъ стараго катера; онъ не можетъ утерпѣть, чтобъ не произнести тестю и тещѣ приличнаго стиха изъ Апостола: оставить человѣкъ отца своего и мать свою и прилѣпится къ женѣ своей... Онъ беретъ въ одну руку поводъ вьючнаго животнаго, а въ другую посохъ, который сопутствовалъ ему отъ порога его укроннаго жилища до далекаго брачнаго наоя и, поклонившись до земли, направо и налево, отправляется въ дорогу. Молодежь, не упускающая случая попрыгать на конѣ съ ружьемъ за плечами, назвалась проводить новобрачную чету, но Арчилъ рѣшительно отклонилъ эту почетную услугу. Онъ говорилъ: дальніе проводы—лишнія слезы. Думалъ онъ совсѣмъ не то. И вотъ нашъ Регуль въ подрысникѣ прибылъ на то мѣсто, гдѣ ему суждено проститься съ вольной волюшкой. Вотъ то темное ущелье и вотъ тотъ столѣтній дубъ, гдѣ онъ клятвенно обрекъ себя на рабство. И будетъ онъ вертѣть тяжелый жерновъ, а жена его будетъ качать колыбель въ домѣ злыхъ недруговъ его отчизны... „Кажется, я исправіе выполняю уговоръ, чѣмъ мои пріятели Лезгинъ“, проговорилъ сквозь зубы Арчилъ, озираясь на всѣ стороны и не видя никого въ окружности; „такъ и быть, подождемъ здѣсь“. Онъ остановилъ у дуба свой караванъ, снялъ жену и вьюкъ съ катера и, приваливъ кладъ къ дереву, усадилъ на неѣ свою спутницу, а самъ, поднявшись на ближній пригорокъ съ неразлучнымъ своимъ дорожнымъ товарищемъ, посохомъ, принялся кричать изо всей мочи: „эй, вы, земляки-дружики, выходите, я ужъ здѣсь“... Отклика не было. Тишина благоговѣнія господствовала въ дремучемъ лѣсу. Только ручей робко журчалъ гдѣ-то глубоко въ ущельѣ да широкій листъ шелестѣлъ на верхушкѣ исполинскаго бука, переросшаго цѣлой головой своихъ сверстниковъ. Пурпуровые лучи заходящаго солнца слабо проникали сквозь густую зелень чинара и вяза. Орелъ лѣниво кружилъ подъ синимъ куполомъ весенняго неба... Прождавъ съ полчаса, Арчилъ принялся кричать громче прежняго; „да идите же вы, оброчники, вотъ ужъ ночь близко“.

Его сильный голосъ широкими перекатами уходилъ въ мрачную трущобу и тамъ замиралъ тихимъ ропотомъ.

III.

Наконецъ, изъ глубины лѣса слышались голоса, и вслѣдъ за ними вышли на дорогу восемь богатырей, всѣ восемь родные братья, сыновья одной матери. Арчилъ встрѣтилъ ихъ слѣдующей рѣчью: „Не правда ли я сдержалъ обѣщаніе и чуть ли еще не исправнѣе, чѣмъ вы, господа Лезгины. Теперь остается только взять меня. Это ужъ ваше дѣло. Вы люди боевые, обвѣшаны оружіемъ съ головы до ногъ. Конечно, вы за стыдъ сочтете взять меня и мою красавицу безъ бою, какъ дудака и дудочку въ осеннюю гололедь. Да и мнѣ то, братцы, пришлось бы вѣкъ краснѣть не только что передъ моей бабой, но даже вотъ передъ этимъ костылькомъ, еслибъ я отдался вамъ не подравшись. И такъ начнемъ честной бой: вы съ ружьями и кинжалами, я съ дубиной. Съ этимъ словомъ силачъ Арчилъ, забросивъ длинные рукава своей чохи за спину, ринулся на своихъ противниковъ и однимъ размахомъ палицы повалилъ замертво коновода шайки и перваго ему пособника. Одинъ лишь самый младшій братъ схватился за свой длинный кинжалъ и принялъ бой на мѣстѣ. Остальные разбойники бѣжали малодушно и суевѣрно, вообразивъ, что они имѣютъ дѣло съ шайтаномъ, съ нечистой силой. Вертя тяжелой дубиной, какъ прутикомъ, Арчилъ выбилъ кинжалъ изъ руки Лезгина. Тотъ ухватился за дубину, и древнѣйшее оружіе въ мірѣ Каина сдѣлалось предметомъ упорнаго спора между двумя бойцами: Лезгинъ не уступалъ Кахетинцу ни въ ростѣ, ни въ силѣ, ни въ отвагѣ. При этихъ богатырскихъ качествахъ Лезгинъ имѣлъ надъ Кахетинцемъ превосходство ранней молодости и красоты необычайной. Онъ былъ любимецъ и баловень у матери, вскормившей восьмерыхъ богатырей. Если ему суждено пасть въ единоборствѣ, старая Лезгинка выплачетъ остальные свои глаза и преждевременно сойдетъ въ темную могилу... Попавъ между двухъ противныхъ силъ, упругая палица подаѣтся то въ ту, то въ другую сторону, изгибается въ лукъ, трещитъ и, наконецъ, разламывается пополамъ. Тогда бойцы вступили въ ручную битву, свалились грудь съ грудью и плечо съ плечемъ.

Они ногами землю роютъ,
Отъ воплей ихъ дубравы воютъ,
И ребра обонхъ трещать...

„Пособи, жена!“ взываетъ Арчилъ въ минуту изнеможенія, въ минуту ловкой хватки противника. „Нѣтъ не ему, а мнѣ пособи, красавица, вѣкъ тебѣ холопомъ буду, моя мать тебѣ служанкой будетъ“... такъ взмолился Лезгинъ, чувствуя, что соперникъ пересиливаетъ его.

„Кто одолѣеть, тотъ мной и завладѣть“, равнодушно отзывается единственная зрительница бѣшенной свалки равносильныхъ борцовъ.

„Измѣнница жена не хочетъ мнѣ пособить! Ты, св. Георгій помоги“, Кахетинецъ сломилъ Лезгина и налегъ на него всей тяжестью своего огромнаго тѣла. Лезгинъ не проситъ пощады; скрежеща зубами, онъ дѣластъ отчаянныя усилія, чтобъ вывернуться и въ свою очередь смять подъ себя побѣдителя. „Жена... вонъ... кинжалъ... подними... подай!“ проговорилъ Арчилъ, задыхаясь отъ послѣдняго напряженія усталыхъ мышцъ своихъ. Жена поднялась, подошла къ лежавшему въ сторонѣ кинжалу и носкомъ своей вышитой шелками туфли придвинула его къ борцамъ. Двѣ сильныхъ руки судорожно встрѣтились у рукоятки кинжала. Арчилъ первый схватилъ роковое оружіе. О, судьба безжалостная! неумолимая, неугадываемая въ путяхъ своихъ! Широкій кинжалъ, за которымъ Лезгинъ столько лѣтъ ходилъ, какъ няня за своимъ любимымъ дѣтищемъ, котораго ясную сталь такъ заботливо оберегалъ онъ отъ ржавчины, котораго тонкое лезвіе такъ старательно наводилъ онъ и котораго ножны такъ щедро онъ убиралъ—кинжалъ неблагодарный и вѣроломный всосался ему въ сердце, упился его кипучей кровью...

Кончилось единоборство. Лезгинъ хрипѣлъ и содрогался въ предсмертныхъ мукахъ. Арчилъ, утирая холодный потъ, крупными каплями катившійся по его широкому лбу, читалъ въ полголоса благодарственную молитву св. Георгію. Молодая жена Арчила, блѣдная какъ смерть, плакала. Сумерки спускались въ ущелье. Дѣсь уже полонъ былъ ночного мрака. Тамъ ночная птица начала свою унылую, однообразную пѣсню: сплю, сплю!—колыбельную пѣсню засыпающей природы... Кончивъ молитву, Арчилъ обратился къ женѣ: „ты хнычешь по разбойникъ, тебѣ жаль его, измѣнница; иди же за нимъ въ темное царство сатаны, и будь ты тамъ женой Юды-Скаріота“... Кинжалъ, еще не испарившійся отъ крови Лезгина, погрузился до рукоятки въ нѣжную, полную жизни и едва початой страсти грудь молодой Грузинки. Раздался пронзительный вопль. Дремлющій катеръ приподнял голову. Ночная птица умолкла. И новая жертва, трепеща подъ мощнымъ ударомъ, свалилась на трупъ разбойника.

IV.

Отъ того кроваваго вечера протекло пятьдесятъ лѣтъ. Жаркій лѣтній день угасалъ на холмахъ Кахетин, на благородныхъ тѣхъ холмахъ, куда нисходятъ въ росѣ небесной и откуда разливаются потоками по всему лицу Грузии обновленіе жизни и забвеніе печалей житейскихъ. Въ обители св. Георгія, въ одной изъ самыхъ уединенныхъ и тѣсныхъ келій, отходилъ старецъ Ахиллъ, въ міръ Арчилъ. Настоя-

тель и братія окружали одръ, съ котораго усталый и изможденный странникъ земной жизни вступалъ въ отверстую ангеломъ смерти дверь вѣчной страннопріимницы. Одинъ изъ иноковъ, погруженный въ черную, какъ мракъ могилы, мантию, читалъ тихимъ и сокрушеннымъ голосомъ молитвы на исходъ души. Превозмогая послѣднее томленіе, умирающій проговорилъ: „Отче и братія! Здѣсь, позади иконы св. Георгія вы обряцете мое письменное завѣщаніе. Молю васъ, заклиная васъ величіемъ послѣдней вашей минуты исполнить грѣшную мою волю“... И онъ умеръ о Господѣ.

Смежая впалыя очи и скрещая изсохшія руки, настоятель открылъ на раменахъ новопреставленнаго брата тяжкія вериги, какими еще ни одинъ подвижникъ въ обители св. Георгія не удручалъ своей плоти. За иконою св. Георгія, висѣвшаго на стѣнѣ, у возглавія усопшаго, найдена была ветхая, пожелтѣвшая отъ времени, хартія. Разгнувъ её, отшельники прочитали слѣдующее: „Господь мой простилъ разбойника на скорбномъ пути къ Отцу Своему, я убилъ разбойника на скорбномъ пути къ моему отчому дому. Господь мой благословилъ блудницу, оросившую слезами пречистыя ноги Его, я вонзилъ ножъ въ сердце жены моей, плакавшей о смерти моего супостата. Отъ того кроваваго часа да будетъ всё окаянное житіе мое единымъ сокрушеннымъ вздохомъ молитвы, единымъ скорбнымъ подвигомъ очищенія отъ крови, отяготѣвшей на мнѣ. Егда же милосердный Господь и искупитель мой сподобитъ возвать меня отъ сей многопечальной и скоропреходящей жизни, молю ближнихъ моихъ, да погребутъ отвратительное тѣло мое въ ущельѣ ...скомъ, по лѣвую сторону дороги, подъ сѣнью дуба, одиноко у дороги стоящаго. Тамъ, глубоко подъ землею сокрылъ я трупы жертвъ, мною закланныхъ. Обаче кровь ихъ вопіетъ на небо выну. Нѣсть мира въ костяхъ моихъ“... Остальныя строки нельзя было прочитать: подмытыя слезами писавшаго ихъ онѣ почти исчезли съ бумаги. Посмертная воля старца Ахиллы была исполнена. Его бранные останки были преданы землѣ въ ...скомъ ущельѣ, по лѣвую сторону дороги, подъ широкой тѣнью вѣковаго дуба, одиноко старѣющаго и дряхлѣющаго на могучихъ корняхъ своихъ. Надъ могилой, гдѣ смѣшался примиренный прахъ убійцы и его жертвы, отшельники монастыря св. Георгія соорудили памятникъ. Никакой надписи нѣтъ на памятникѣ. Но ты, прохожій, вѣдай, что подъ тѣмъ безмолвнымъ камнемъ покоятся кости силача Арчила, поборника восьми богатырей Лезгистана и убійцы новобрачной жены своей.

16. Говорятъ, что въ Тифлисъ наряжена коммисія изъ многихъ генераловъ для открытія виновнаго въ недобросовѣстномъ снаряженіи мостовъ въ Грузіи, ни свѣтъ, ни заря уже разрушившихся. Надлежитъ

вѣдать, что на всякомъ казенномъ сооруженіи, возникавшемъ на Кавказѣ съ эпохи 1845 года, лежитъ печать недобросовѣстности, шарлатанизма и немедленнаго разрушенія. Къ чему этотъ трудъ отыскивать виновника тамъ, гдѣ ужъ нѣтъ его?..

19. Обѣдня въ походной церкви пѣта егерями. Всѣ, что имѣетъ какую-нибудь благовидную возможность, уѣзжаетъ въ отпускъ съ задней мыслью не пріѣхать назадъ. Свѣжее воспоминаніе о Курюкьдарскомъ полѣ наводитъ любителей поѣсть, попить и покурить на самыя печальныя размышленія о суетности и скоротечности сей жизни.

21. Генераль Муравьевъ назначенъ главнокомандующимъ и намѣстникомъ. Изъ Тифлиса пишутъ, что многіе временщики прежняго правленія осматриваютъ свои тарантасы, не разохлись ли и въ состояніи ли они перевалить черезъ горы. Снѣгъ валить.

23. Обѣдъ у князя Яссы-Андроникова. Пилавъ, стало быть, съ кауртой, шашлыкъ и аллаверды. Грузинскія яства были приправлены разсказами о сохранившихся еще кое-гдѣ въ Грузіи патріархальныхъ отношеніяхъ поселянъ къ князьямъ. Если къ князю наѣхали гости, то каждый добрый поселянинъ несетъ ему съѣстные припасы. За то князь удостоиваетъ простыхъ людей, принесшихъ ему съѣстное, обѣдать съ нимъ за однимъ столомъ.

27. Два баталіона Рязанскаго полка, отправленные изъ Александрополя въ Ахалкалаки, застигнуты зимой на дорогѣ и остановлены суровой непогодой. Ихъ обозъ замело снѣгомъ. Донцы нашли подъ снѣжными сугробами разбитую палатку, въ которой оказалось нѣсколько человѣкъ солдатъ.

30. По случаю ограниченнаго запаса провіанта въ мукѣ, линейнымъ казакамъ предложено было брать часть онаго пшеницею въ зернѣ и перемалывать пшеницу ручными жерновами. Казаки отказались отъ этого предложенія, говоря, что, когда въ войскѣ узнаютъ о томъ, что они были мукомолами, такъ имъ просвѣту не будетъ отъ насмѣшекъ. „Что жъ вы, родимцы“, скажутъ имъ бабы, когда они воротятся домой, „на жернова-то пѣсню привезли?“

31. По случаю отъѣзда 1854-го въ вѣчность, съ наступленіемъ ночи поднялась по всему городу Александрополю ружейная пальба, продолжавшаяся почти всю ночь. Продаются за безцѣнокъ принадлежащія 1854 году надежды на прогнаніе союзниковъ изъ Крыма и скорое прекращеніе войны. Сбываются эти подержанныя надежды за тѣмъ, что преемникъ 1854 года не располагаетъ оставить ихъ за собой. „Мнѣ-де онѣ не годятся: великоньки“, говоритъ онъ.

1812-й годъ.

Сожженіе Москвы.

ПОКАЗАНІЯ ОЧЕВИДЦА.

(Протоіерея Казанскаго на Красной площади собора).

Рукопись, изъ которой взяты нижеслѣдующія показанія, имѣетъ такое заглавіе: „Новый Навуходоносоръ, сожигатель и разоритель Москвы, Наполеонъ Бонапарте, описанный стихами, съ примѣчаніями, изъ Священнаго Писанія взятыми, и другими обстоятельствами очевидцемъ Московскихъ бѣдствій бывшихъ въ 1812-мъ году“.

Митрополитъ Филаретъ въ благодарственномъ молебствіи, которое читается въ день Рождества Христова, также уподобилъ Наполеона Навуходоносору. Можетъ быть, ему была извѣстна медаль, выбитая конечно въ Германіи (гдѣ даже великій Гёте долженъ былъ унижаться передъ Наполеономъ, какъ свидѣтельствуешь тогдашній пѣвецъ Германской свободы, Арндтъ), съ изображеніемъ Наполеона и словами: „Небо Тебѣ, земля мнѣ“.

Сочинилъ рукопись протоіерей Московскаго Казанскаго собора Іоаннъ Сергѣевичъ Машковъ (онъ же Мошковъ). Вотъ краткія о немъ свѣдѣнія, любезно сообщенныя нынѣшнимъ протоіереемъ того же собора Александромъ Васильевичемъ Никольскимъ. І. С. Машковъ, сынъ дьячка, по окончаніи богословскаго ученія, произведенъ въ 1797 г. въ діакона къ Архангельскому собору, а въ 1799 г. рукоположенъ во священника къ тому же собору. Въ 1805 г. опредѣленъ онъ ключаремъ Архангельскаго собора, произведенъ въ протоіереи, затѣмъ переведенъ въ Казанскій соборъ. Скончался онъ 8-го Апрѣля 1824 г.

Послѣ заглавія слѣдуетъ посвященіе рукописи митрополиту (тогда Московскому) Серафиму, чѣмъ опредѣляется время сочиненія (1817—1819); но поднесена она не была, такъ какъ въ ней съ самаго начала сдѣланы помарки. Переплетенная въ красный сафьянный переплетъ, рукопись, въ 54 страницы большаго листа съ виньеткою въ заголовкѣ, исполненной отъ руки, написана красивымъ четкимъ почеркомъ на плотной бумагѣ съ золотымъ обрѣзомъ. Помѣщаемъ изъ нея нѣкоторыя примѣчанія, имѣющія исторіографическое значеніе, а стихи принадлежать къ тѣмъ, про которые князь Вяземскій когда-то

съострилъ, что ими можно бы зачитать до смерти Наполеона на островѣ Эльбѣ. Для образца вотъ начало:

Богъ, славу низводя съ небесъ на дольний свѣтъ,
Россію искони къ величію ведетъ.

или быть можетъ, Лористонъ
Себѣ вообразилъ, что принять будетъ онъ,
Какъ Галловъ генералъ, съ отличнымъ уваженьемъ;
Съ какимъ же встрѣченъ былъ Кутузова презрѣньемъ!
Сей, говоря къ нему, и съ мѣста не вставалъ,
А штабъ чиновниковъ его кой окружалъ
Надъ нимъ, какъ надъ рабомъ разбойничьимъ, смѣялся.

Во многихъ примѣчаніяхъ приводятся слова Священнаго Писанія, имѣющія, какъ казалось благочестивому стихотворцу, отношеніе къ событіямъ. П. Б.

*

Описывая вступленіе непріятеля въ Москву, сочинитель сообщаетъ нѣсколько случаевъ сопротивленія Москвичей. Такъ, въ Кремлѣ былъ убитъ знатный чиновникъ, принятый народомъ за Наполеона, но изъ какой націи, неизвѣстно; а изъ убившихъ, судя по платью, долженъ быть мѣщанинъ; но бѣдный, поразивши того чиновника, подпалъ и самъ подъ штыки непріятельскіе. Въ тотъ же день, 2-го Сентября въ вечеру, по Мюрату въ Кремлѣ, изъ присутственныхъ мѣстъ Сената учиненъ былъ ружейный выстрѣлъ хотя напрасный, и (отъ кого), неизвѣстно; но онъ такъ имъ былъ напуганъ, что не пожелалъ остаться ночевать въ Кремлѣ, а выѣхалъ довольно уже поздно съ отрядомъ конницы въ Тверскую улицу (въ Тверской дворецъ). А у Никольскихъ воротъ случайная толпа обратила въ бѣгство непріятельскій авангардъ. „Нѣкоторые дерзаютъ языковредить, будто бы ревностная чернь сія была въ то время нетрезвая; но это неправда“. 4-го Сентября въ Среду, трофеями Семеновскихъ ратоборцевъ были двѣ пушки, нѣсколько палашей и ружей, а притомъ ящикъ съ бумагами, навѣрно принадлежащій маршалу Нею, ибо сторона сія поручена была ему; однакожъ пушки оныя, съ изломанными лафетами и загвожденныя, отысканы были непріятелями на другой день въ пустомъ домѣ купца Зиновьева и взяты были обратно ими. Непріятели, сколько ни старались отыскать въ Семеновской солдатской слободѣ виновныхъ, никого изъ таковыхъ не нашли.

Наполеонъ 3-го Сентября изъ-за Дрогомиловскаго моста въѣзжалъ въ Москву улицами Смоленскою, Арбатою и Знаменкою, а въ Кремль Боровицкими воротами. При вступленіи своемъ въ Кремль*), что было въ 11-ть часовъ утра, и при воззрѣніи на его стѣны, Наполеонъ съ

*) Не въ Кремль, а въ Москву. Въ Кремль онъ въѣхалъ въ вечерни. П. Б.

насмѣшкою сказалъ: „Тѣфу, какія страшныя стѣны!“ (Voilà de fières murailles)! Въ пребываніе Наполеона въ Кремль Спасскіе, Константиновскіе, Тайницкіе, Благовѣщенскіе¹⁾ что у Житнаго двора, и Троицкіе ворота были забраны досками и завалены, а оставались незабранными Никольскіе и Боровицкіе; но отъ вечерней до утренней зари были и сіи запираемы (въ коихъ прорѣзаны были скважины для пальбы изъ ружей и пистолетовъ). Вскорѣ по занятіи Кремля Наполеономъ, какъ крестъ съ Ивановской колокольни, такъ и съ присутственныхъ мѣстъ Сената Московскій гербъ Георгія, а равно и съ виннаго двора орелъ, сняты были 13-го и 14-го чиселъ Сентября.

Въ описаніи сожженія Москвы находимъ черту, не встрѣчающуюся у другихъ очевидцевъ. Такъ, по словамъ сочинителя, огонь былъ настолько силенъ, что отъ раскалившагося воздуха вода въ колодцахъ „вздымалась, пѣнилась въ конобахъ²⁾“ какъ варилась“. Хотя 2-го числа Сентября съ вечера еще были зажжены москательный рядъ и хлѣбные магазины, а ночью каретный рядъ и ямская Тверская слобода; но какъ онѣ зажжены были отъ Русскихъ для извѣстныхъ причинъ: то и нѣтъ нужды упоминать здѣсь о сихъ пожарахъ. Въ ту же ужасную ночь и 3-е число, непріятелями (это слово зачеркнуто и надписано: Русскими для лишенія непріятелей способовъ къ продовольствію) истреблена вся почти сѣверозападная часть города, начиная отъ каретнаго ряду до Самотеки и канала, а съ Запада до Хамовниковъ. „Русскіе, нарочно для сего выбранные изъ больныхъ арестантовъ тюремныхъ, зажигали деревянные дома ракетами, фейерверками, нарочно для сего приготовленными; въ 3-е же число стали отъ досады жечь и непріатели домъ, въ коихъ не могли найти для себя ничего“. Конные непріатели, имѣя при себѣ зажженные фитили, около рукъ ихъ обвившіеся, натерши сперва дерево фосфорическимъ составомъ, зажигали тѣмъ вдругъ зданія, и никто изъ Русскихъ не осмѣливался гасить оныя, развѣ кто имѣлъ случай употребить ходатайство у ихъ начальниковъ. Однакожъ и при такомъ дозволеніи, очень рѣдкіе жители могли отъ усилившагося пожара отставать свои жилища; ибо не было тогда въ Москвѣ ни пожарныхъ инструментовъ, ни заливныхъ трубъ, а домашніе инструменты и посуда совсѣмъ недостаточны были къ гашенію.

Во время ужаснаго сего пожара случилось съ домомъ сочинителя довольно чудесное. Въ Августѣ мѣсяцѣ того 1812 г., достроивалъ онъ находившійся въ Тверской части въ 5-мъ кварталѣ подъ

¹⁾ Т. е. такъ называемые „портomойные ворота“, нынѣ задѣланные, находившіеся въ стѣнѣ въ трехъ сажняхъ къ Западу отъ Благовѣщенской башни. С. Б.

²⁾ Конобъ—ведро, ушатъ. П. Б.

№ 405-мъ каменный домъ свой (проданный нынѣ г-жѣ Хитровой), въ которой, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, сочинитель принужденъ былъ войти не дожидаясь совершенной его отдѣлки; но при входѣ въ него разсудилось ему, для обновленія дома, принести съ собою изъ Казанскаго собора чудотворную Казанскую икону Богоматери, что 26 Августа исполня, освятилъ онъ чрезъ нее воду; потомъ съ предношеніемъ той иконы окроплялъ сею водою всѣ покои, но одинъ изъ нихъ въ то время былъ штукатуренъ и лѣсами загороженъ, принадлежности жъ на дворѣ всѣ были наполнены щепами и обрубками: ему никакъ было нельзя войти въ оныя съ иконою. Почему, оставивъ ихъ неокропленными и отнеся икону обратно въ Казанскій соборъ, довольствовался только тѣмъ, что исполнилъ святое свое намѣреніе. Что-жъ случилось съ онымъ его домомъ въ бытность непріятелей? Во время усилившагося пожара на Сѣверозападной сторонѣ города, когда невозможно было оставаться жителямъ при своихъ домахъ, принужденъ былъ и сочинитель съ семействомъ своимъ выдти на Крымскій лугъ. По отбытіи своемъ, не чаялъ онъ совсѣмъ быть дому его уцѣлѣвшимъ; ибо, отходя отъ него, видѣлъ онъ уже загоравшіяся къ дому его принадлежности, а при томъ и слышалъ отъ подошедшихъ сосѣдей къ нему на тотъ лугъ, что и жилое его строеніе начинало уже загораться. Однакожъ, по выгореніи всей Сѣверозападной стороны города, будучи движимъ любопытствомъ, не могъ онъ удержаться, чтобъ не осмотрѣть и не освидѣтельствовать своего пепелища. Почему, оставя Божію покровительству свое семейство при укрывавшихся многихъ жителейхъ на Крымскомъ лугу, пошелъ онъ къ своему дому; но, подходя къ нему ближе, въ какое приведенъ былъ удивленіе! Всѣхъ сосѣдей его дома, не токмо деревянные, но и каменные, сожжены; колодезь на дворѣ его выгорѣлъ до самой воды; въ домѣ же его тотъ только одинъ покой выжженъ, куда не могъ при окропленіи входить съ чудотворною Казанскою иконою. Этого еще не довольно: заколоченная калитка сгорѣла, а ворота, коими входилъ онъ при обновленіи своего дома съ тою иконою, уцѣлѣли. Выгорѣвшій оный покой находился въ верхнемъ этажѣ, но сквозь накатные деревянные потолки ни въ верхъ, ни въ низъ не проходилъ огонь, да и прикосновенныя половицы смежныхъ покоевъ совсѣмъ остались невредимы. Словомъ, все то осталось цѣло, гдѣ ни обходилъ онъ съ тою иконою. Спусти нѣсколько дней и именно Сентября 8-го, дьячекъ его Захарій Софоновъ принесъ къ нему въ домъ для сбереженія чудотворную ту Казанскую икону Богоматери, изъ собора имъ вынесенную, уже лишенную непріятелями драгоцѣннаго оклада. Всѣ укрывавшіеся въ домѣ сочинителя тогда же стали брать на замѣчаніе. Вотъ для чего, говорили они,

не весь протоіерейскій домъ сгорѣлъ! Гдѣ-бъ убереженъ былъ этотъ образъ, и не пропалъ ли бы онъ, оставаясь въ соборѣ? Въ самомъ дѣлѣ, происшедшее съ домомъ симъ таковое чудо заставило и сочинителя вѣровать, что иначе это и быть не могло, какъ огражденіемъ Божія Матери, для сбереженія Ея-жъ святыя иконы, которая въ домѣ семъ находилась до выхода сочинителя изъ Москвы въ село Пахрино.

Сами Поляки признавались здѣсь, что ихъ Понятовскій былъ причиною сожженія и разграбленія Москвы. Сей неотступно убѣждалъ Наполеона своею просьбою, чтобъ онъ наказалъ ненавистное Полякамъ поколѣніе Москалей истребленіемъ ихъ древней столицы и расхищеніемъ ея богатства.

Послѣдствія пожара скоро дали себя чувствовать: сталъ ощущаться недостатокъ въ провіантѣ. Чтобы предотвратить недовольство въ арміи, Наполеонъ распорядился отправлять Москвичей подъ конвоемъ въ подмосковныя деревни, чтобы при ихъ посредствѣ собирать необходимые припасы, а для храненія ожидаемыхъ припасовъ устроилъ складъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, при чемъ для того, чтобы можно было обитель обнести съ наружи насыпью, имъ была взорвана за монастырской оградой церковь во имя Іоанна Предтечи. Съ тою же цѣлью солдатамъ было разрѣшено отбирать у жителей припасы, а вмѣстѣ съ этимъ и всѣ сокровища, чтобы доставлять ихъ въ комиссію, помѣщавшуюся въ Китай-городѣ. Но солдаты часто бросали драгоценную вещь, плохо отличая золото отъ бронзы, а позолоченное серебро отъ мѣди. Такъ, въ Казанскомъ соборѣ изъ натасканныхъ непріятелями мѣдныхъ вещей занесена была ими изъ Благовѣщенскаго собора Донской иконы Божія Матери золотая рама, вѣсомъ болѣе осьми фунтовъ, и брошена за мѣдную. Оную по бѣгствѣ изъ Москвы непріятелей, съ прочими сему собору принадлежавшими вещами, сочинитель выдалъ покойному отцу сакелларію Петру Іавлеву Соколову. Многіе отъѣзжавшіе приходскіе священники, а нѣкоторые и прихожане, по своей возможности, увозили съ собою важнѣйшія утвари, а остальные съ лучшею ризницею или закладывали въ стѣнахъ, или зарывали въ землѣ; но изъ штатныхъ соборовъ, монастырей и нѣкоторыхъ ружныхъ соборовъ и церквей важнѣйшія вещи вывезены были въ Вологду и другія мѣста. У одного маршала Дау корпусъ состоялъ изъ 80, а у Нея изъ 45 тысячъ; слѣдовательно большая половина непріятельскихъ войскъ находилась въ ихъ командѣ. Если-жъ причислить къ сему находившихся въ томъ войскѣ слугъ и женщинъ, кои болѣе солдатъ по городу буйствовали и грабили, то едва-ль не болѣе 150 тысячъ у тѣхъ маршаловъ находилось всего народу“.

„При семъ на щегъ невывезеннаго церковнаго имущества можно сказать и то здѣсь въ добавокъ: кто бы могъ подумать (бывъ истинно

увѣренъ въ непреодолимомъ мужествѣ Россійскихъ войскъ), чтобы Москва, отдаленная отъ Россійскихъ границъ, столь поспѣшно могла быть занята непріятельскими войсками, тѣмъ паче, что безопасность ся утверждалась со стороны свѣтскаго правительства ежедневными афишами до самаго 1-го числа Сентября? Нынѣ многіе говорятъ: надобно бѣ было, не смотря на афиши, внимательнѣе входить въ послѣдствія Смоленскаго сраженія и для предосторожности приуготовить все заранѣе для отвезенія. Но это говорятъ нынѣ, а въ то время гласъ разума у всѣхъ былъ заглушенъ; никто не зналъ, что надлежитъ предпринимать и дѣлать; даже важнѣйшія особы не могли преподавать спасительныхъ своихъ совѣтовъ: словомъ, тогда были всѣ политическія и военныя обстоятельства покрыты мракомъ невѣднія. Уже послѣ Бородинскаго сраженія, какъ непріатели находились во ста (70) верстахъ отъ столицы, какъ оставалось до ихъ вторженія въ неѣ нѣсколько дней, жители, образумившись, стали помышлять не столько о спасеніи своихъ имуществъ, сколько самихъ себя; но что было возможно въ столь короткое время предпринять въ разсужденіи церковныхъ имуществъ, когда къ вывезенію ихъ не доставало содѣйствія ни прихожанъ, ибо они помышляли только о своей безопасности, ни правительства, которое и безъ того довольно было озабочено самонужнѣйшими хлопотами своими? Вина оставленія церковныхъ имуществъ въ Москвѣ не падаетъ ни на кого; а видно было по всему, что самъ Всевышній тако благоволилъ о семъ, дабы у ворвавшихся сюда злодѣевъ ослѣпить жадное корыстолюбіе сокровищемъ, Ему же посвященнымъ, и тѣмъ самымъ задержавъ ихъ на долгое время въ Москвѣ, приуготовить имъ вяція напасти въ поздней ихъ ретирадѣ“.

Въ другомъ мѣстѣ сочинитель, говоря о сношеніяхъ Наполеона съ Мюратомъ, который въ это время былъ на р. Пахрѣ и долженъ былъ слѣдить за передвиженіемъ Русской арміи, сообщаетъ объ убійствѣ Русскаго посланнаго Наполеономъ генерала съ важными бумагами къ Мюрату. „Это случилось въ половинѣ Сентября, на перевозѣ черезъ Пахру рѣку отъ ямскихъ жителей. Увѣряютъ очевидцы, что они, убивъ обухомъ генерала и при немъ четверыхъ и скрывши ихъ показаннымъ образомъ (утопивши ихъ), нашли въ ихъ повозкахъ боченокъ золота, которое пригоршнями между собою дѣлили. Но жаль, что планъ и письма, посланныя отъ Наполеона къ Мюрату, не были жителями тѣми доставлены въ главную Россійскую квартиру. Можетъ быть они послужили бы къ вящей пользѣ нашему воинству“.

„Чтобы избѣжать непріятельскаго расхищенія и сохранить икону Казанской Божіей Матери, сочинитель, взявъ икону съ собою, вышелъ 29-го Сентября изъ Москвы съ сосѣдомъ своимъ Московскимъ купцомъ

Сергѣемъ Ивановымъ Соколовымъ и ихъ семействами въ село Пахрино. Непріятельскіе фуражиры грабили всѣхъ въ полѣ имъ попадавшихся Русскихъ; но сочинителя и при немъ находившихся никто не дерзнулъ и словомъ обидѣть: даже одинъ непріятельскій офицеръ, попавшійся имъ въ Царицынѣ, бѣжалъ отъ нихъ въ сторону, хотя изъ числа ихъ было только двое мужчинъ, да и то безоружныхъ, прочіе же всѣ были женщины и девятилѣтній сынъ сочинителя“.

„Сочинитель, въ бытность свою въ селѣ Пахринѣ, отъ Москвы въ 30-и верст., 6-го Октября, въ Воскресенье, услышавъ въ три часа по полуночи пушечную пальбу залпами, и вмѣстѣ узрѣвши въ Югозападной сторонѣ отъ Пахрина обширное зарево, по признакамъ самъ почиталъ быть большому сраженію. Дождавшись разсвѣта и доставши у Пахринскихъ жителей подозрную трубу, входилъ онъ на Пахринскую колокольню, но не могъ тамъ усмотрѣть браннаго мѣста сражающихся. При такой неизвѣстности, рѣшился было онъ идти далѣе за село Домодѣдово; но вдругъ ему на пути приходитъ въ голову спасительная мысль: „Теперь, разсуждаетъ онъ, время ли любопытствовать? Не полезнѣе ли будетъ молиться?“ Поелику же онъ чѣмъ далѣе продолжалъ путь свой, тѣмъ болѣе увѣрялся въ далекомъ разстояніи отъ села того до мѣста сраженія; то, нимало не медля, оставилъ тщетное любопытство свое и воротившись назадъ въ Пахрино къ семейству своему, предложилъ села того священнику Петру Петрову, что онъ, желая отправить молебенъ Божіей Матери предъ чудотворною Ея Казанскою иконою, въ село то имъ принесенною, для испрошенія свыше помощи Россійскому воинству, надѣется, что и священникъ вмѣстѣ съ нимъ для того же самаго потрудится. Священникъ охотно на сіе согласился. Но какъ они почитали въ то время за опасность не только звонить въ колокола, но и входить въ церковь; ибо за пробитый въ томъ селѣ набать, случившійся за два дни, едва тотъ священникъ былъ не разстрѣлянъ отъ непріятелей, а за Пахрою-рѣкою, противъ самаго Пахрина, при мельницѣ, стоялъ отводный непріятельскій пикетъ: то, дабы не подать ему о себѣ какого-либо замѣчанія входомъ въ церковь и не сдѣлать какихъ-либо тревогъ колокольнымъ звономъ, расположились они отправлять молебенъ не въ церкви, а у Петрова, въ священническомъ домѣ. Не нужно было имъ приглашать на молебенъ всѣхъ укрывавшихся тамъ Московскихъ и Пахринскихъ жителей, за невозможностію всѣхъ ихъ помѣстить въ покояхъ; нѣкоторые изъ нихъ собрались въ домъ священника безъ зову, по одному токмо слуху, и ихъ было довольно. При началѣ молебна, чтѣ было около десяти часовъ утра, пальба производилась жесточаѣ прежней; но тѣмъ ревностиѣ всякой сталъ призывать Божію Матерь на помощь нашему воинству. Оканчивая же

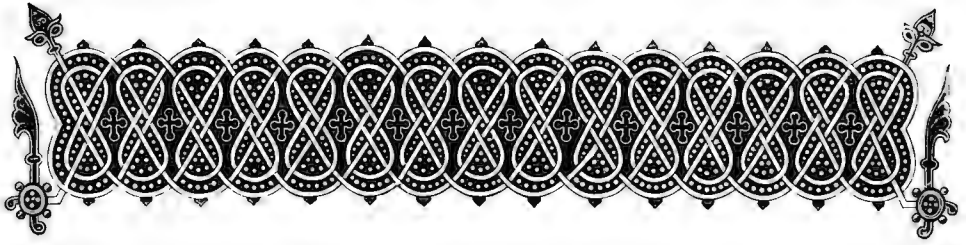
молебень, сочинитель приложилъ и молитву Киръ-Филофея-патріарха въ нашествіе сопостать къ Богоматери. И что жъ? О! коль надежно и непостыдно имѣть твердое упованіе на Державнѣйшую Помощницу! Какъ скоро кончплъ онъ молитву, въ ту самую минуту пальба прекратилась и настала тишина послѣ ужаснаго грома. Хотя за дальнимъ разстояніемъ неизвѣстно еще было въ Пахринѣ послѣдствіе того сраженія, въ чью оно пользу кончилось; но тайное нѣкоторое предчувствіе сочинителя и обѣщаніе побѣды, въ Москвѣ въ собственномъ домѣ ему открытое (о чемъ покажетъ ниже сего) сильно убѣждали его вѣровать о непріятельскомъ пораженіи. Вскорѣ послѣ того посланъ былъ Пахринскими чиновниками конюхъ верхомъ на лошади за Подольскъ для освѣдомленія о слѣдствіяхъ бывшаго сраженія; тотъ, возвратясь къ ночи назадъ, оправдалъ сочинителя чаяніе: въ 12-мъ часу, какъ кончилъ сочинитель съ священникомъ Петровымъ свое молитвословіе, разбитъ былъ и прогнанъ Неапольскій король съ его корпусомъ при Тарутинѣ. Толь радостное и восхитительное извѣстіе произвело въ Пахринѣ то, что не только присутствовавшіе на томъ молебнѣ приходили тогда паки въ священнической домъ благодарить Заступницу свою предъ Ея иконою, но и тѣ самыя притекали, кои не могли участвовать на ономъ. На другой день, поутру, Пахринской волости и конюшеннаго завода секретарь Тимофей Ѳедоровъ Буторынъ переносилъ ту икону въ домъ свой и тамъ съ своимъ семействомъ и гостями чрезъ своего священ. Петра Петрова молебствовалъ предъ нею съ приложеніемъ акаѣиста за дарованную Россійскому воинству побѣду, которая доставила 7-го числа спокойствіе не только всей Пахринской волости, но и за самую Пахрою до Москвы: вездѣ были сняты непріятельскіе караулы, такъ что селяне смѣло стали изъ лѣсовъ возвращаться въ свои жилища и безпрепятственно могли входить въ самую Московскую столицу.

Теперь нужно показать, когда и какимъ образомъ сочинителю было открыто обѣщаніе побѣды? Въ бытность непріятелей въ Москвѣ, когда сталъ у него въ домѣ оскудѣвать источникъ къ пропитанію, въ то время какое онъ ни прилагалъ съ укрывавшимися у него сосѣдами попеченіе къ отысканію хлѣба, но нигдѣ и ни за какія деньги не могъ найти его. (Голодъ въ Москвѣ Сентября съ 15-го числа былъ повсемѣстный, даже на огородахъ всѣ почти овощи были изрыты и выбраны). На 20-е число сего мѣсяца сочинитель былъ столько этимъ опечаленъ, что не могъ заснуть во всю ночь ни на минуту. И чтѣ ни приходило ему тогда въ голову? Чего онъ не касался своею мыслію? Ему представлялись несчастныя положенія оставшихся Москвитянъ столь тогда живо, что сталъ уже въ мысляхъ своихъ роптать на судьбу не пеку-

щуюся о ихъ избавленіи; какъ вдругъ неожиданно поразили его слухъ женскимъ голосомъ произнесенныя слѣдующія слова: „Не думай! Побѣдимъ!“ Кто бы такой, думалъ онъ, произнесъ это? И должно ль принять эти слова за истинныя, или приписать воображенію, сильно потрясенному бѣдствіями? Въ трепетъ разбуживаетъ свою жену, мать и всѣхъ находившихся у него женщинъ, спрашиваетъ ихъ, не снилось ли кому чего? Не говорилъ ли кто чего во снѣ? Но всѣ ему отвѣчали, что никому и ничего не снилось, и что они крѣпко въ то время спали. Не зная чему то болѣе приписать, сочинитель былъ принужденъ созвать къ себѣ всѣхъ находившихся у него мужчинъ, и именно: духовника своего бывшего Рождественской ружной церкви, что на Сѣняхъ, а нынѣ находящагося Пятницкой церкви что близъ Гостиннаго двора, священника Іоанна Яковлева Солнцева; сына его, бывшего тогда студентомъ, а нынѣ служащаго въ Санктпетербургскомъ почтамтѣ Павла Иванова Солнцева; Архангельскаго собора священника Іоанна Гаврилова; Московскаго купца Сергѣя Иванова Соколова, прикащика его Московскаго мѣщанина Адріана Алексѣева, и Московскаго мѣщанина Сергѣя Матвѣева Быкова, коимъ пересказавши какъ о бывшемъ ропотѣ своемъ, такъ и о слышанномъ имъ томъ чудномъ голосѣ, привелъ ихъ въ немалое удивленіе. По каковому случаю, посовѣтовавшись сочинитель съ духовникомъ своимъ, тогда жъ рѣшился поутру отправить въ своемъ домѣ предъ чудотворною Казанскою иконою, у него находившеюся, всенощное бдѣніе: ибо въ домѣ его всѣ укрывавшіеся уже стали приписывать ту чудесность, отъ иконы сей происшедшую. Препятствія къ сему никакого имъ не было: въ мезонинѣ сочинителя, гдѣ икона та находилась и самъ сочинитель съ прочими бывшими у него укрывался, за упраздненіемъ лѣстницъ, непріатели во всю ихъ бытность въ Москвѣ входить не могли; книги и ризы досталъ онъ въ приходской Ржевской церкви еще къ 14-му числу того жъ мѣсяца для всенощнаго же бдѣнія, кои у него и оставались; свѣчъ и другихъ принадлежностей было тоже для одного довольно. И такъ, отправляя то бдѣніе, прилѣжно всѣ умоляли Божію Матерь, да неизвѣстный тотъ гласъ утѣшитъ ихъ на самомъ дѣлѣ, каковъ по шестнадцатидневномъ томъ откровеніи, ко отрадѣ всѣхъ, начиналъ уже явно исполняться“.

Изъ Пахрина сочинитель пришелъ въ Москву, для навѣщенія остававшейся въ его домѣ больной своей матери, Октября 10-го числа по утру, и полагалъ, что никто еще неизвѣстенъ о непріательскомъ пораженіи при Тарутинѣ; но крайне удивился, что жившіе въ его домѣ узнали о семъ еще 7-го числа того жъ мѣсяца. А вскорѣ послѣ Тарутинскаго пораженія, 11-го Октября, непріатель поспѣшно покидалъ Москву, оставивъ въ Кремлѣ 42 пушки, 237 фуръ и множество понтоновъ и ящиковъ.

Ив. Діомидовъ.

Два Французских письма князя П. А. Вяземскаго¹⁾.

I.

Moscou, le 7 Octobre 1831.

Je prends la liberté de vous présenter mon Adolphe²⁾. Il vous revient à tant de titres: vous aimez ce roman, vous me saurez gré de l'avoir dédié à un nom qui vous est cher, et c'est votre exemplaire français qui a servi de modèle à l'édition russe. Puissent toutes ces considérations, appuyées de la bienveillance que vous m'avez toujours témoignée, vous engager à agréer mon offrande avec indulgence. Il y a des siècles que je suis oublié de vous. Mais ces siècles ont été remplis de tant d'agitation, d'angoisses et d'événements, que je ne me plains pas du tout de n'avoir point été l'objet de vos souvenirs ostensibles: j'espère du moins que platoniquement votre mémoire affectueuse me sera restée fidèle. J'attends incessamment de nouvelles communications de Dmitri Bibikoff pour déterminer le moment de mon départ. En tout cas, ce ne sera pas plus tard que dans un mois, que je viendrai à Pétersbourg. Que devient Pétersbourg après la prise de Varsovie? Au nom de Dieu, s'il y eût un et de l'humanité s'il y eût une, propagez des sentiments de pardon, de générosité, de commisération. Paix aux victimes! Le droit du plus fort a eu le-dessus. La Providence est donc en règle. Gloire lui soit rendue, ainsi qu'à tous, à qui de droit, mais n'imitons pas les sauvages, qui dansent et chantent autour des buchers de leurs ennemis. Redevenons Européens pour expier des vers qui ne le sont pas. Combien ces vers m'ont fait de mal! Le pouvoir, l'ordre social ont sou-

¹⁾ Печатаются со своеручныхъ подлинниковъ, сообщенныхъ И. В. Помяловскимъ, который любилъ охотиться за книжными рѣдкостями и рукописями на Апраксиномъ дворѣ и у мелкихъ книжниковъ и находилъ иногда замѣчательныя вещи, какъ напр. Записки Е. Н. Львовой (напечатанныя имъ въ „Русской Старинѣ“) или Воспоминанія Сѣдкова (въ „Русскомъ Архивѣ“). П. Б.

²⁾ „Адолфъ“, романъ Бенжамена Констана, переведенъ княземъ Вяземскимъ въ 1829 году, когда онъ жилъ въ Пензенскомъ имѣннѣи вѣточима своей супруги Кологривова. Переводъ вышелъ отдѣльною книгою въ 1831 г. съ прекраснымъ посвященіемъ Пушкину. Нынѣ онъ вошелъ въ X-й томъ Сочиненій Князя Вяземскаго (изд. гр. Шереметева). П. Б.

vent de tristes, de sanglantes obligations à remplir; mais le poète, Dieu merci, n'a pas celle de les chanter. Le gouvernement, soumis à une nécessité aveugle et inflexible, peut souscrire l'arrêt de mort d'une nation, comme celle d'un individu, qui est en hostilité avec l'ordre établi, avec les conditions inévitables de son existence; mais la poésie qui ne doit point être l'auxiliaire de la nécessité, n'a point mission pour se mêler de cette prose de fait. C'est surtout dans ce cas que le poète doit dire avec le Christ: Mon règne n'est pas de ce monde! Sans cela pourquoi n'irait-il pas chanter tout procès de la Cour Criminelle, toute condamnation à mort; car c'est aussi une victoire de l'ordre remportée sur un principe qui le trouble, un fait qui assure la tranquillité d'une société, comme la prise d'une ville, comme le supplice d'une nation ennemie, que la loi a condamné à être écartelée et dont les membres déchirés doivent être jetés aux Gémoniers.—Tout ceci soit dit entre nous, mais je n'ai pas été maître. En vous parlant de retenir mes douleurs et mon indignation je crains bien que votre partialité n'aille me donner tort dans cette question, qui pour vous est tant soit personnelle; mais j'en appelle de vous même à votre âme généreuse et je suis sûr d'être absous. En tout cas, je réclame l'appui de la belle et bonne ambassadrice. Non, vous aurez beau dire ce que vous voulez, ce n'est pas de nos jours qu'on doit aller chercher de généreuses inspirations dans la poésie des baïonnettes et du canon, quand ils ne servent qu'à faire triompher la force, toute légitime qu'elle puisse être. Cette poésie est un odieux anachronisme et dégrade le plus beau talent.

Veillez, je vous prie, remettre un exemplaire de mon Adolphe à madame la comtesse: il pourra servir à m-r Somoff de mesure correctionnelle. Toute fois que sa belle élève aura mal pris sa leçon, il n'aura à lui infliger pour pénitence que de lire quatre pages de ma traduction. Dites lui, je vous prie, que j'attends les échantillons-modèles qu'elle doit m'envoyer pour commander les étoffes qu'elles désire avoir.

Agréez toutes deux avec bonté l'hommage de mes tendres respects et de mon dévouement inaltérable. Nos troupes ont trouvé à Varsovie une brochure très curieuse: c'est le projet de constitution pour la Russie, qui avait été rédigé par l'ordre de l'empereur Alexandre; il a été pris parmi les papiers de m-r Novossiltzoff et publié en français et russe. La rédaction russe est toute de l'ouvrage de votre très humble serviteur. Tâchez, je vous en supplie, de vous procurer cette brochure et gardez m'en un exemplaire.

Donnez vous la peine de faire jeter la lettre ci-jointe dans l'appartement de m-me Karamsine.

Переводъ.

Москва, 7 Октября 1831.

Беру смѣлость представить вамъ моего Адольфа. Вы имѣете на него всѣ права. Вы любите этотъ романъ, вы будете мнѣ благодарны, что я посвятилъ его имени, дорогому вамъ; это вашъ Французскій экземпляръ послужилъ образцомъ для Русскаго изданія. Пусть всѣ эти соображенія, поддерживаемыя расположеніемъ, которое вы мнѣ всегда оказывали, побудятъ васъ принять мое приношеніе снисходительно. Цѣлые вѣка, какъ я забытъ вами; но эти вѣка были наполнены столькими волненіями, страхами и событіями, что я вовсе не жалею, что не былъ явнымъ предметомъ вашихъ воспоминаній; надѣюсь, что платонически ваша память осталась мнѣ вѣрна. Непрестанно жду новыхъ свѣдѣній отъ Дмитрія Бибикова, чтобы назначить время моего отъѣзда. Во всякомъ случаѣ не позднѣе, какъ черезъ мѣсяцъ я буду въ Петербургѣ. Чтò сталося съ Петербургомъ послѣ взятія Варшавы? Во имя Бога, если Онъ былъ, и человѣчества, если таковое существовало, распространяйте прощеніе, великодушіе и состраданіе. Миръ жертвамъ! Право сильнаго одержало верхъ, слѣдовательно Провидѣніе осуществилось. Да будетъ честь Ему и всѣмъ, кто на то имѣетъ право; но не будемъ же подражать дикимъ, которые пляшутъ и поютъ вокругъ костровъ съ тѣлами враговъ. Станемъ Европейцами, чтобы искупить стихи, которые далеко не Европейскіе. Какую боль причинили мнѣ эти стихи! ¹⁾ Власть, общественный порядокъ часто принуждены исполнять печальныя, кровавыя обязанности; но поэтъ, слава Богу, не обязанъ ихъ воспѣвать. Правительство, подчиненное слѣпой и неумолимой необходимости, можетъ подписать смертный приговоръ цѣлой націи, какъ смертный приговоръ отдѣльному лицу, которое находится во враждѣ съ существующимъ порядкомъ, съ неизмѣнными условіями его существованія; но поэзія, которая вовсе не должна быть вспомогательнымъ средствомъ необходимости, не имѣетъ назначенія вмѣшиваться въ прозу поступковъ. Именно въ этомъ случаѣ поэтъ долженъ сказать словами Христа: Мое царство не отъ міра сего! Иначе, почему бы не воспѣвать ему судебныя процессы, смертныя приговоры; вѣдь это также побѣда порядка надъ принципомъ, который шатаетъ его, дѣяніе, возстановляющее общественное спокойствіе; почему не воспѣтъ взятіе города, пытки цѣлой враждебной націи, которую законъ приговорилъ къ четвертованію и разодранныя члены которой брошены на Гемонскія ступени ²⁾. Все это между нами: я не могъ совладать съ собою. Сообщая вамъ мои страданія и возмущеніе, боюсь, что ваше лицепріятіе осудитъ меня въ этомъ вопросѣ, который является для васъ личнымъ; но я взываю къ вашему великодушному сердцу и увѣренъ, что буду прощенъ. Во всякомъ случаѣ я прошу поддержки доброй и прекрасной посланницы. Нѣтъ, вы можете говорить, что хотите, не въ наши дни искать благородныхъ вдохновеній въ поэзіи штыковъ и пушекъ, если они служатъ

¹⁾ Т. е. стихи Пушкина и Жуковского на взятіе Варшавы. Тютчевъ тогда написалъ о томъ же; но его чудесное стихотвореніе было напечатано въ „Русскомъ Архивѣ“ уже послѣ его смерти. П. Б.

²⁾ Мѣсто казни у Римлянъ.

только къ прославленію силы, хотя бы и законной. Такая поэзія—гнусный анархизмъ и унижаетъ самый выдающійся талантъ.

Благоволите передать одинъ экземпляръ моего Адольфа графинѣ: онъ можетъ послужить Сомову исправительною мѣрою. Всякій разъ, что его прекрасная ученица дурно выучить урокъ, ему достаточно будетъ въ наказаніе заставить ее прочесть четыре страницы моего перевода. Скажите ей, пожалуйста, что я жду обращиковъ, которые она должна прислать для заказа по нимъ желаемыхъ ею тканей *).

Примите обѣ снисходительно выраженіе моего уваженія и неизмѣнной преданности. Наши войска нашли въ Варшавѣ прелюбопытную брошюру: это проектъ конституціи для Россіи, составленный по приказу императора Александра; его нашли въ бумагахъ Новосильцева и напечатали по-французски и по-русски. Русская редакція вся принадлежитъ перу вашего покорнаго слуги. Постарайтесь, пожалуйста, приобрѣсти эту брошюру и сохраните для меня одинъ экземпляръ.

Потрудитесь забросить прилагаемое письмо Карамзиной.

II.

Pas de méchantes plaisanteries, je vous prie. Elles me font trop de mal et me vont droit au coeur. Je vous prie de croire que mon envoi n'avait uniquement que vous pour bût. Ne faites pas l'innocente à mes dépends et aux dépends d'une autre, c'est vous qui êtes la coupable et qui, si l'on recherchait bien le fond des choses, c'est peut-être vous qui l'avez toujours été. Quand je scrute mon coeur, je suis bien prêt à m'avouer que c'est vous que je rêvais en écrivant à l'autre. Mais vous avez toujours aimé à briser brusquement mes rêves, ces innocents hochets de mon coeur et de mon imagination, vous veniez me réveiller en sursaut en me jettant de l'eau à la glace à la tête, et me dire, une fois réveillé, de votre voix impitoyable et irrévocable: vous êtes un fou, pour ne pas dire, un imbécile! Le moyen, je vous prie, quand on est traité ainsi, de ne pas aller quelquefois s'endormir ou s'oublier ailleurs?

Je vous prie de déposer aux pieds de Son Altesse Impériale mes excuses et mes regrets de ce que je ne puis avoir le bonheur de me rendre à ses ordres Samedi soir. Je suis au moment d'achever une cure que je fais depuis près de trois semaines, et le médecin ne me permet pas de m'absenter et de la rompre. C'est ce qui m'empêchera même d'aller à la fête de Peterhoff.

Ne viendrez vous pas en ville? Faites le moi dire, je vous prie, car fût-ce encore pour attraper une douche de votre part, mais je suis

*) Въ это время въ Москвѣ была первая промышленная выставка. П. Б.

très impatient de vous voir. J'ai presque envie de commettre une indiscretion; oui, je la risque. Est-il vrai que vous vous mariez? Faites m'en la confidence. J'ai besoin de le savoir pour assortir convenablement les nuances des sentiments que je vous porte. Plaisanterie à part, je n'aimerai pas à apprendre cette nouvelle autrement que par vous et préalablement. Si vous tenez un peu à mon affection, vous me devez ce ménagement et cette compensation.

En tout cas agréez mes hommages dévoués et mes plus tendres respects.

Wiasmsky.

25 Juin.

Переводъ.

Не нужно злыхъ шутокъ, прошу васъ. У меня отъ нихъ слишкомъ болить сердце. Прошу васъ вѣрить, что моя присылка имѣла цѣлью исключительно васъ. Не представляйтесь невинною на мой счетъ и на счетъ другой; это вы были виновницей, и если хорошенько поискать подкладку дѣла, то можетъ оказаться, что вы ею всегда были. Когда я испытываю сердце, я склоненъ признаться себѣ самому, что я мечталъ о васъ, когда писалъ другой. Но вы всегда любили сурово разбивать мои мечты, эти невинныя забавы сердца и воображенія. Вы разомъ будили меня, выливая на мою голову холодный душъ, и говорили пробужденному своимъ безжалостнымъ и непреложнымъ голосомъ: вы сумасшедшій, если не сказать, дуракъ! Какое же средство, скажите мнѣ, при такомъ обхожденіи, чтобы не пойти уснуть и забыться куда нибудь въ другое мѣсто?

Прошу васъ положить къ стопамъ Ея Императорскаго Высочества мои извиненія и сожалѣнія, что я не могу имѣть счастья быть въ ея распоряженіи въ Субботу вечеромъ. Я въ данное время кончаю леченіе, которое продѣлываю около трехъ недѣль, и докторъ не позволяетъ мнѣ выѣзжать и нарушать его. Это помѣшаетъ мнѣ даже быть на Петергофскомъ праздникѣ.

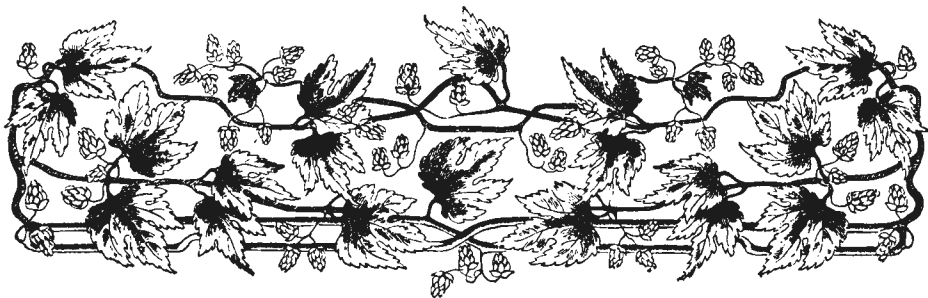
Не пріѣдете ли вы въ городъ? Дайте мнѣ знать, пожалуйста, потому что, даже если я снова заполучу душъ, мнѣ слишкомъ хочется васъ видѣть. Я почти готовъ совершить нескромность; да, рѣшусь. Правда ли, что вы выходите замужъ? Сдѣлайте мнѣ это признаніе. Я долженъ знать, чтобы соответственно собрать отгѣнки чувствъ, питаемыхъ мною къ вамъ. Шутки въ сторону, мнѣ хотѣлось бы узнать эту новость только отъ васъ и заблаговременно. Если вы хоть немного цѣните мое чувство, вы должны оказать мнѣ эту пощаду и дать это вознагражденіе.

Во всякомъ случаѣ примите мою преданность и глубокое уваженіе.

Вяземскій.

25 Іюня (1832).

ЗАПИСКИ СТУДЕНТА КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

(1851—1855).

I.

Я поступилъ на историко-филологическій факультетъ Императорскаго Казанскаго Университета по окончаніи курса въ Императорской Казанской Гимназіи, въ 1851 году, пробылъ въ университетѣ четыре года и вышелъ изъ него въ 1855 году, получивъ степень кандидата, а за свою диссертацию „Характеристика князя А. М. Курбскаго“—серебряную медаль. Какъ казеннокоштный студентъ, я обязанъ былъ прослужить потомъ шесть лѣтъ въ учебномъ вѣдомствѣ. Въ университетѣ любимую мою науку была исторія.

Окончивъ курсъ, я долженъ былъ выдержать еще дополнительное испытаніе на званіе учителя исторіи гимназіи. Оно состояло въ томъ, что я представилъ два разсужденія на историческія темы, затѣмъ по поводу этихъ разсужденій имѣлъ въ факультетскомъ собраніи colloquium, послѣ чего, 10 Октября 1855 года, получилъ уже мѣсто учителя исторіи въ Александровскомъ дворянскомъ мужскомъ институтѣ, въ Нижнемѣ. Вотъ видимый результатъ моего пребыванія въ университетѣ.

Неужели это считать главнымъ? Еслибы мы ждали отъ нашего университетскаго образованія одного только пріобрѣтенія мѣстъ и дальнѣйшей служебной карьеры, мы доказали бы этимъ свое непониманіе, что такое университетъ. Недаромъ университетъ составляетъ завѣтную мечту каждаго юноши, стремящагося къ образованію. Молодой человекъ уже инстинктивно чувствуетъ, что здѣсь, въ университетѣ, онъ получитъ все, что ему надобно для послѣдующей его сознательной жизни. Здѣсь складывается самая крѣпкая основа его образованія. Но и тотъ ошибается въ своихъ мечтахъ, кто думаетъ, что университетъ уже все сдѣлаетъ для нашего образованія. Кому изъ болѣе пожилыхъ

людей неизвѣстно, какъ сравнительно-мало даетъ и самъ университетъ, кто не знаетъ, что и послѣдующая окружающая жизнь всегда будетъ вліять на пріобрѣтеніе знаній, на сформированіе убѣжденій, не смотря на то, какъ обыкновенно случается, что такое вліяніе бываетъ очень слабо, слабѣе университетскаго, или будетъ и прямо отрицательное. Никогда и нигдѣ уже болѣе не встрѣтится въ жизни такой полной системы знаній, какую даетъ университетъ, не встрѣтится и столько дѣльныхъ и талантливыхъ представителей науки, сколько бываетъ ихъ въ университетѣ, такого сравнительно богатаго собранія научныхъ пособій, такого самоотверженнаго, отрѣшеннаго отъ корыстныхъ стремленій, увлеченія наукою, такой сильной любви къ знаніямъ, такихъ высокихъ примѣровъ преданности идеаламъ добра, истины и красоты. Все это въ первый, а для многихъ и въ послѣдній разъ, встрѣчается въ жизни лишь во время университетскаго курса, всѣмъ этимъ мы обязаны обыкновенно университету. *Alma mater*—вотъ справедливое названіе для каждаго университета. Въ большинствѣ случаевъ вліяніе университета на всю послѣдующую нашу жизнь бываетъ самое сильное, потому что наша общественная жизнь, сравнительно съ университетомъ, рѣдко, и въ очень немногихъ случаяхъ, и въ немногихъ мѣстахъ, можетъ представить, и то не для каждаго, болѣе или менѣе облагораживающую, развивающую и разумную среду, поддерживающую высокія стремленія духа, дающую жизнь знанію и всему высокому и прекрасному. Университетъ есть настоящій хранитель знаній, распространяющій и развивающій ихъ согласно своему назначенію и призванію; университетъ—кладезъ живой воды, освѣжающій нашу духовную жизнь, и всякій пьющій ее возжаждетъ вновь. Все, что говорятъ противъ университетовъ, будто они распложаютъ однихъ безбожниковъ, нигилистовъ, людей безъ почвы и прочныхъ знаній,—все это въ большинствѣ случаевъ или преувеличено, или явная ложь. Университетъ имѣетъ дѣло съ наукой, и ни въ чемъ мы, Русскіе люди, такъ не нуждаемся, какъ въ наукѣ.

Въ ту пору Императорскаго Казанскаго университета, когда я былъ слушателемъ его, онъ представлялъ уже до нѣкоторой степени правильно организованное ученое учрежденіе. Университетъ пережилъ уже свое младенчество, надъ нимъ уже разразился крахъ во времена Магницкаго, уставъ Уваровскій былъ уже теперь въ полномъ развитіи. Конечно, сравнительно съ послѣдующимъ временемъ, Казанскій университетъ не имѣлъ при мнѣ ни такого количества хорошо подготовленныхъ профессоровъ, ни такого количества слушателей, ни такого числа каеэдръ, какъ позже: тѣмъ не менѣе, не смотря на многія не-

благопріятныя обстоятельства, Казанскій университетъ въ мое время добросовѣстно и честно вель свое дѣло. Разумѣется, Московскій университетъ, особенно по филологическому факультету, въ то время былъ выше Казанскаго но тотъ доживалъ столѣтіе и имѣлъ болѣе свѣтлыхъ дней въ своей исторіи, чѣмъ Казанскій. Большому кораблю большое и плаваніе. Задача Казанскаго университета была другая, и можетъ быть болѣе трудная, чѣмъ Московскаго. Въ мое время, когда не былъ еще открытъ Томскій университетъ, одинъ Казанскій распространялъ просвѣщеніе на далекихъ окраинахъ востока. Просвѣщеніе вездѣ необходимо, но едва ли необходимость его не чувствуется сильнѣе именно здѣсь, на Востокѣ Россіи, среди инородческихъ племенъ, гдѣ былъ еще непочатый уголь для цивилизаціи. Скорыхъ успѣховъ было ждать невозможно, и большая заслуга Казанскаго университета въ томъ, что уже въ мое время было положено начало этому завоеванію на Востокѣ, самому прочному и притомъ самому дешевому изъ всѣхъ завоеваній, которое совершала и совершаетъ наука.

Была ли однако въ мое время наука въ Казанскомъ университетѣ? Одни говорятъ, что ея тогда здѣсь не было; были отдѣльные представители ея, но въ общемъ она будто-бы еще не существовала. Содержаніе ея, говорятъ другіе, было во всякомъ случаѣ очень незначительное; ея отношеніе къ жизни выражалось въ высокой степени жалко, а препятствія, поднимавшіяся со всѣхъ сторонъ и мѣшавшія ея развитію, были до такой степени сильны, что сама наука была какъ бы въ плѣну. Условій для ея процвѣтанія было чрезвычайно мало. Наши школы были въ незавидномъ положеніи и давали слишкомъ ограниченное знаніе, нашъ курсъ гимназій имѣлъ очень укороченный и невыгодный для образованія объемъ; подготовка къ университету была вообще недостаточная. Затѣмъ политическія волненія Западной Европы въ 1848 г. оказали самое вредное вліяніе на состояніе нашего образованія. Наука и ученье оказались тогда въ загонѣ. Доступъ въ университетъ былъ тогда затрудненъ, число студентовъ было ограничено, и самое существованіе университетовъ было непрочно, такъ что въ высшихъ правительственныхъ сферахъ ходили даже слухи о закрытіи университетовъ. Ученые и профессора составляли замкнутую касту, образовали отдѣльные кружки, въ которые входъ немногимъ былъ доступенъ; они говорили съ обществомъ такимъ роковымъ условнымъ языкомъ, что понимать ихъ могъ не всякій. Мысль была робка, одинока и неясна. Ей не было случая войти въ непосредственную связь съ жизнью и повѣрить себя въ примѣненіи къ дѣйствительности. Притомъ она не дома воспитывалась, а жила по прежнему

тѣмъ, что выносила изъ Западной школы. Ученые и профессора были развиты по-европейски, знали послѣднее слово Западной науки, но были чужими посреди родного міра.

Въ этой характеристикѣ много справедливаго, хотя вообще наложено въ ней болѣе необходимаго темныхъ красокъ. Она не можетъ относиться къ одному Казанскому университету: въ такомъ же положеніи одновременно находились и другіе наши университеты. Подъ наукою здѣсь разумѣется прежде всего то, что составляетъ курсъ лекцій одного историко-филологическаго факультета. Математика, которой всегда славился Казанскій университетъ, напр. вовсе не принимается здѣсь въ расчетъ. Если повѣрить этой характеристикѣ, можно придти къ заключенію, что въ мое университетское время не было вовсе науки, а какая-то жалкая пародія на науку, и что только въ послѣдующее время перемѣна къ лучшему по отношенію къ наукѣ была уже значительная. Этотъ взглядъ крайне пессимистическій. Я не могу согласиться съ нимъ по многимъ причинамъ. Я думаю, что и въ мое время въ Казанскомъ университетѣ была наука.

Подъ наукой, скажутъ, слѣдуетъ разумѣть свободную науку, а не какую другую. Во первыхъ, въ мое время на самомъ дѣлѣ, не смотря на разныя стѣсненія, профессора читали свою науку болѣе или менѣе свободно. Даже въ пору господства крѣпостнаго права профессоръ гражданскаго права Мейеръ читалъ напр. своимъ слушателямъ, что можетъ быть право владѣнія на вещь, но не можетъ быть такого права на лицо. Развѣ это не была свободная наука? Во-вторыхъ, наши университеты—правительственныя учрежденія, и странно было бы ожидать, чтобы они служили подрывомъ существующему государственному порядку. Скорѣе можно согласиться съ тѣмъ, что университетская наука въ мое время была не Русская, а Европейская. Но до своей науки мы не дошли и въ позднѣйшее время. Скажутъ, другой науки и быть не можетъ: наука только одна. Но, совершая свое переходное движеніе по разнымъ странамъ и государствамъ, на вѣчной службѣ человѣческому преуспѣянію, наука необходимо должна подчиняться и государственнымъ и общественнымъ, временнымъ и мѣстнымъ условіямъ, которыя не могутъ не вліять на нее, не могутъ не видоизмѣнять ее. Эта независимая отъ науки временная обстановка ея и составляетъ особенность того, что для нашихъ нуждъ, для нашихъ обстоятельствъ я называю Русской наукой.

Я согласенъ съ тѣмъ, что многіе изъ профессоровъ моего времени были не на высотѣ своего призванія; но Казанскій университетъ

и въ пятидесятихъ годахъ, когда среди его профессоровъ были такіе выдающіеся таланты, какъ Аристовъ, Благовѣщенскій, Поповъ (математикъ), Григоровичъ, Фатеръ, Тхоржевскій, Мейеръ, Бабстъ, Китары, Бутлеровъ, Буличъ, Станиславскій, Пахманъ, Осокинъ, Ковальскій, Елачичъ, во всякомъ случаѣ, владѣлъ уже наукой. Я не берусь судить о всѣхъ профессорахъ, не буду говорить напр. о медикахъ. А. И. Ильинскій, докторъ медицины, съ которымъ я былъ въ одно время въ университетѣ, въ своихъ воспоминаніяхъ о Казанскомъ университетѣ, напечатанныхъ въ 1894 г. въ „Русской Старинѣ“, сообщаетъ, что на медицинскомъ факультетѣ при немъ было нѣсколько плохихъ профессоровъ, какъ напр. Берви, Блосфельдтъ, Лентовскій; охотно вѣрю ему, но и это свидѣтельство не можетъ поколебать высказаннаго мною мнѣнія. Въ мое время Казанскій университетъ уже не влачилъ жалкаго существованія, какъ это было въ началѣ его исторической жизни, когда онъ существовалъ только по имени; въ мое время онъ имѣлъ уже свои преданія, онъ владѣлъ наукой, и не пародіей на науку, а своимъ математическимъ факультетомъ, гдѣ былъ еще въ тридцатыхъ годахъ профессоромъ такой ученый, какъ Н. И. Лобачевскій, котораго недаромъ называютъ теперь Коперникомъ геометріи, могъ даже считаться и лучшимъ изъ нашихъ провинціальныхъ университетовъ.

Я буду согласенъ, что историко-филологическій факультетъ Московскаго университета во время моего студенчества стоялъ выше Казанскаго. Въ Московскомъ мы видимъ цѣлый рядъ замѣчательныхъ ученыхъ, какъ напр. Соловьевъ, Крюковъ, Грановскій, Кудрявцевъ, Буслаевъ, Бодянский, Шевыревъ, Катковъ. Въ Москвѣ за то было болѣе благопріятныхъ для науки условій: университетъ Московскій выросъ посреди старинной и коренной Русской жизни, онъ былъ окруженъ великими историческими воспоминаніями и не находился по отношенію къ окружающей средѣ въ такихъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, въ какихъ находился Казанскій. Московское общество сороковыхъ годовъ имѣло въ своей средѣ Аксаковыхъ, Хомякова, Кирѣевскихъ, Елагиныхъ, Чаадаева, Бѣлинскаго, Погодина, Герцена, Фролова, Станкевича—такихъ образованныхъ людей, какихъ въ Казани въ то время не было. Окруженный Татарской средою и Татарскими воспоминаніями, вдали отъ Русскихъ столицъ, въ весьма печальныхъ климатическихъ условіяхъ, основанный среди глубокаго невѣжества, печальныхъ нравовъ, грубаго произвола всякаго рода, сохранившіеся здѣсь долѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, благодаря отдаленію отъ центральной власти, Казанскій университетъ, и среди этихъ неблагопрі-

ятныхъ обстоятельствъ, стоялъ на высотѣ своего призванія, не смотря на то, что не разъ грозили ему даже насильственнымъ прекращеніемъ его жизни; онъ поборолъ счастливо враждебныя препятствія и могъ съ успѣхомъ распространять высшее образованіе въ краю глухомъ и невѣжественномъ, гдѣ не сознавалась еще надобность въ образованіи, гдѣ не было ничего къ нему приготовлено. Этому нельзя не удивляться. Заслуги Казанскаго университета въ глазахъ тѣхъ, кто знакомъ съ его исторіей, велики и безспорны. И съ какимъ сокрушеннымъ сердцемъ, съ какою тяжелою думой о прошломъ, съ какою скорбью и печалью на душѣ, питомецъ Казанскаго университета прочитаетъ правдивыя первыя страницы его исторіи, вышедшія изъ подъ пера талантливаго его историка, Н. Н. Булича!

II.

Подготовка наша къ университету въ гимназій въ то время, въ пятидесятыхъ годахъ, была довольно слаба. Въ настоящее время поступаютъ въ университетъ молодые люди съ большимъ запасомъ знаній. Я принесъ съ собою въ университетъ, сколько помню, мало знаній. Я былъ знакомъ съ главными правилами грамматики, не одной Русской, но также грамматики иностранныхъ языковъ, и въ томъ числѣ Греческой, тогда какъ нѣкоторые изъ моихъ товарищей по факультету греческому языку въ гимназійхъ вовсе не обучались. Затѣмъ я имѣлъ достаточно знаній по всеобщей и Русской исторіи и географіи, по исторіи литературы и математикѣ, особенно по физикѣ, я могъ свободно читать по французски; но съ Нѣмецкимъ языкомъ я совладѣлъ самъ, когда уже былъ въ университетѣ. На второмъ курсѣ университета я прочелъ по французски Гизо и Нибура (въ переводѣ Гольбера) и читалъ съ грѣхомъ по поламъ Гёттлинга (Римскую исторію древняго періода, на Нѣмецкомъ языкѣ) и на третьемъ курсѣ Ранке и Раумера (Исторію Гогенштауфеновъ). Главное и болѣе полезное вліяніе гимназій на меня выразилось въ томъ, что я самъ почувствовалъ свою слабость въ знаніяхъ и имѣлъ непреодолимое желаніе пополнить эти знанія. На это я употреблялъ всѣ свои досуги. Гимназія развила во мнѣ любознательность; я не боялся уже усидчивыхъ занятій, не жалѣлъ для нихъ и своего здоровья. Оцѣнивая теперь, что дала мнѣ гимназія въ кругу моихъ знаній,—какъ это было нимало, я не могу не отнести къ ней иначе, какъ съ благодарнымъ чувствомъ, потому что начало дальнѣйшему моему развитію было ею уже положено, и довольно основательно. Дома я никакъ не могъ бы получить такой подготовки, какъ въ гимназій, еслибы средства и дозволяли мнѣ гото-

виться здѣсь для поступленія въ университетъ. Я теперь высоко цѣню эту заслугу для меня гимназіи. Ея прежнія заботы обо мнѣ возбуждаютъ теперь въ моей душѣ чувства полного удовольствія и счастья. Вѣроятно я чувствовалъ бы это самое и къ другой гимназіи, еслибы не учился въ 1-ой Казанской, но мои чувства въ дѣйствительности принадлежать только ей одной. Къ этимъ начальнымъ знаніямъ, внесеннымъ мною изъ гимназіи, въ послѣдствіи, занимаясь въ университетѣ, я могъ прибавлять новыя, могъ расширять и углублять ихъ, но главное: было уже къ чему прибавлять. Такою тѣсною связью соединилъ меня университетъ съ гимназіей, и узы эти остались навсегда въ моей душѣ: гдѣ кончается курсъ гимназическихъ знаній и начинается университетскій, я теперь не могу указать. Образование каждаго изъ насъ расширяется концентрическими кругами, и границы тѣхъ круговъ съ теченіемъ времени становятся не совсѣмъ ясными. Университетскій кругъ знаній былъ гораздо обширнѣе гимназическаго: одно вѣрно. Гимназическій же составляетъ центръ, и потому и болѣе важенъ. Оцѣнивая то, что дала мнѣ гимназія, въ настоящее время я совершенно примирился съ нею, и всѣ бывшія гимназическія непріятности и горечи, всѣ обиды отъ сильныхъ товарищей въ низшихъ классахъ, всѣ безпорядки въ воспитательной жизни гимназіи, которые я пережилъ, все это уходитъ теперь въ воспоминанія моихъ на далекій планъ. Подчиняясь вліянію гимназіи въ дѣлѣ моего образованія, какъ главнаго, что было необходимо мнѣ въ дальнѣйшей моей жизни, я невольно смягчаю въ своей душѣ всѣ рѣзкія черты неправильностей въ разныхъ отношеніяхъ, сопровождавшихъ мою жизнь въ гимназіи, и самые бывшіе мои гимназическіе товарищи являются теперь въ моихъ воспоминаніяхъ уже въ другомъ свѣтѣ. Я отношусь къ нимъ съ симпатіей и когда въ послѣдующее время мнѣ приходилось, хотя очень рѣдко, встрѣчаться съ ними, мы обнимались и цѣловались, какъ истинные друзья, забывая все горькое и несправедливое, что надѣлали другъ другу. И сама гимназія возстаетъ теперь, много лѣтъ спустя по выходѣ изъ нея, въ моихъ воспоминаніяхъ, совершенно другою, какова была прежде. Когда я всходилъ много лѣтъ спустя на ея крыльцо, когда вновь былъ въ ея церкви и стоялъ передъ иконами, которымъ молился, когда видѣлъ вновь шкафы съ книгами въ одной изъ гимназическихъ залъ, или классы, спальни и столовую, гдѣ я жилъ прежде, я чувствовалъ, что самое сердце мое начинало биться сильнѣе, а слезы появлялись на моихъ глазахъ; самая внѣшняя, наружная сторона гимназіи въ моихъ воспоминаніяхъ теперь уже совершенно преобразилась противъ прежняго и сдѣлалась лучше. Теперь она для меня уже не казарма, какъ была прежде; теперь гимназія для

меня лично великое и святое мѣсто, потому что я сознаю, что здѣсь началось мое образованіе, здѣсь положены были первые зачатки всему хорошему въ моей жизни, здѣсь я впервые выучился трудиться, не жалѣть своихъ силъ для пріобрѣтенія знаній,—и благодарное чувство теперь беретъ верхъ надъ критикой; я сознаю, что я люблю гимназію, люблю также, какъ мою мать и моего отца.

Еще болѣе сердечной теплоты чувствую я въ своей душѣ къ Казанскому университету, здѣсь жилось мнѣ и лучше, и легче, чѣмъ въ гимназіи, здѣсь я встрѣтилъ нѣсколько серьезныхъ и дѣльных профессоровъ, здѣсь относились ко мнѣ болѣе вѣжливо, чѣмъ въ гимназіи, и жить мнѣ было вообще гораздо свободнѣе. Мнѣ говорили, что въ мое время пьянство среди студентовъ было велико. Пили это вѣрно; но не болѣе, чѣмъ пьютъ студенты и теперь, и не только у насъ, но и за границей. На первомъ планѣ былъ у насъ не кутежъ, а дѣло. Отъ насъ требовали очень много и, чтобы удовлетворять этимъ требованіямъ, надобно было много заниматься. Въ какомъ положеніи находился въ то время студентъ-филологъ напр. относительно университетскихъ требованій, можно будетъ судить потому, что многіе профессора, напр. Фатеръ, Струве, читали свои лекціи по латыни и на экзаменахъ мы должны были отвѣчать тоже на Латинскомъ языкѣ. Какъ много напр. нужно было заниматься, чтобы возможно было на четвертомъ курсѣ переводить у Фатера всю *Алкесту* Эврипида съ Греческаго языка на Латинскій. Русскаго языка Фатеръ вовсе не зналъ, Лекціи Фатера по Греческимъ древностямъ начинались цитатами изъ Пиндара и Греческихъ классиковъ, занимавшими цѣлую страницу, и все это требовалось знать наизусть. Фатеръ же былъ очень строгій профессоръ, и съ нимъ шутить не приходилось; онъ при случаѣ немилосердно ставилъ за незнаніе студентамъ единицы. По латыни жъ намъ читали исторію Греческой и Римской литературы, мифологію, Греческія и Римскія древности. Это не мало.

Я былъ казенный студентъ, и въ то время всѣ казенные студенты жили въ самомъ зданіи университета, въ лѣвомъ отъ входа крылѣ его, образовавшемся изъ бывшаго зданія 1-ой гимназіи; внизу были комнаты для оканчивающихъ временно и для окончившихъ курсъ въ университетѣ, и столовая съ кухней; въ среднемъ этажѣ—гардеробъ и спальни, а въ верхнемъ, обращенномъ окнами на дворъ и къ Югу, занимательныя комнаты. Каждый студентъ имѣлъ у себя въ комнатѣ, въ которой помѣщалось пять или шесть человѣкъ, низенькую или высокую конторку, если желалъ самъ получить послѣднюю, кожанную табуретъ,—и только. Немногіе заводили себѣ коверъ и кожанную по-

душку, чтобы и днемъ, когда спальни запирались, отдохнуть, лежа въ углу. Мы, студенты, вставали въ семь часовъ утра и шли въ столовую пить чай, въ три-четыре часа обѣдали, въ шесть снова пили чай, а на ужинъ, около 10 часовъ, подавалось одно горячее блюдо. Въ столовую мы являлись не всѣ вдругъ, особенно къ обѣду, тотъ раньше, у кого лекціи оканчивались раньше; большинство же, около трехъ-четырехъ часовъ. Столъ въ университетѣ былъ всегда очень хорошъ: обѣдъ состоялъ изъ трехъ сытныхъ блюдъ, вкусно приготовленныхъ, притомъ къ супу или щамъ подавались ежедневно очень большіе пироги. Въ мое время экономомъ въ университетѣ былъ нѣкто Смирновъ. Объ немъ вспоминали, что когда-то онъ потерпѣлъ отъ студентовъ за дурной столъ, но если это и было прежде, то было когда-то давно, а не при мнѣ, въ мое время онъ очень внимательно относился къ своимъ обязанностямъ, контролируемый ежедневно дежурнымъ студентомъ, находившимся ежедневно цѣлый день на кухнѣ, былъ вѣжливъ со студентами, кормилъ насъ хорошо и заслуживаетъ самаго добраго отзыва. Какой щедрой рукою университетъ отпускалъ деньги на студенческій столъ, видно будетъ изъ того, что, сверхъ комплекта казенныхъ студентовъ, въ особой комнатѣ—въ буфетѣ—рядомъ со столовой, обѣдало еще даромъ до пятидесяти человѣкъ бѣдныхъ своекоштныхъ студентовъ, не платившихъ за свой столъ ни копейки, и получавшихъ тѣже самыя кушанья, какъ и мы, казенные студенты. Кромѣ того, въ занимательныхъ комнатахъ дозволялось намъ пить свой чай; желающіе могли получать съ кухни въ собственныхъ чайникахъ кипятокъ, который приносилъ намъ сторожъ-солдатъ Дагоберъ, какъ его прозывали студенты. Совершенно свободно было выходить намъ изъ университета во всякое время безъ спроса, и только вечеромъ, въ театръ, къ роднымъ на всю ночь, или въ собраніе, слѣдовало спросить дозволенія въ дежурной комнатѣ у субъ-инспектора, при томъ отказовъ со стороны послѣдняго почти никому никогда не было. Спальни у казенныхъ студентовъ были высокія комнаты, обращенныя на Югъ, убранство ихъ было очень комфортабельное. Баня была своя—разъ въ недѣлю. Каждое утро являлся цирюльникъ, чтобы брить студентовъ, бороды и усовъ тогда не полагалось. Каждый казеннокоштный студентъ получалъ мундиръ съ брюками на четыре года, вицъ-мундиръ на два года и двое брюкъ ежегодно; бѣлья тоже было довольно. Если студентъ имѣлъ достаточно платья, портной ему за слѣдующія по положенію вещи могъ выдать деньги. На чернила, бумагу и перья отпускалось каждому студенту рубль на два мѣсяца. Словомъ, ни въ чемъ не было недостатка. Спрашивается, какая же причина заставила впоследствии уничтожить въ университетѣ общежитіе казенныхъ студентовъ? Кажется,

въ этомъ дѣлѣ виноваты были болѣе богатые студенты, которые желали пользоваться еще большей свободой сравнительно съ университетомъ. Разумѣется въ университетѣ нельзя было играть въ карты, пить, имѣть своихъ лошадей и другіе соблазны.

Испекторомъ студентовъ въ мое время былъ полковникъ Ланге, переименованный со вступленіемъ на настоящее свое мѣсто въ статскіе совѣтники. Его студенты не любили за его мелочность и за придирки къ нимъ. Онъ требовалъ отъ студентовъ, чтобы въ праздничные и царскіе дни они были одѣты въ мундиры со шпагой и трехъугольной шляпой, на рукахъ у нихъ были бы бѣлыя замшевыя перчатки и т. п. Между тѣмъ очень легко было обойти эти требованія, еслибы студенты сами хотѣли: всѣмъ извѣстно было, что Ланге можно было встрѣтить только на Воскресенской улицѣ, слѣдовательно можно было не попасться здѣсь инспектору, и по другимъ улицамъ можно было ходить и не въ формѣ. Со мной Ланге былъ всегда любезенъ и вѣжливъ, пригласилъ даже давать уроки его дѣтямъ, и противъ него я не имѣю права сказать ничего дурнаго. Помощниками его, въ должности субъ-инспекторовъ было четверо: Зоммеръ, Ивановъ, Ситновъ и Фишеръ. Особенно студенты не любили Зоммера за разныя придирки. Зоммеръ требовалъ напр., чтобы въ комнатахъ студентовъ не было накурено, когда онъ въ семь часовъ вечера появлялся въ нихъ для осмотра. Очень легко и не стѣснительно было бы исполнить и это требованіе, еслибы того пожелали студенты. Г.г. Ивановъ, Ситновъ и Фишеръ были очень милые и почтенные люди. Они доставляли студентамъ, между прочимъ, и частные уроки. Такъ Фишеръ доставилъ мнѣ хорошіе уроки у профессора Пахмана. Никакихъ исторій съ ними никогда не было, случались такія съ однимъ лишь Зоммеромъ, и то потому, что послѣдній былъ немного глуповатъ и самъ нарывался на скандалъ. Виновныхъ за него студентовъ запирали обыкновенно въ карцеръ, которымъ завѣдывалъ „Дагоберъ“, иногда на недѣлю и болѣе. Разумѣется, что и въ карцерѣ было не особенно плохо; здѣсь отъ „Дагобера“ возможно было все получить, лишь были бы деньги.

Всѣ необходимыя для ученыхъ занятій книги и казенные и своекоштные студенты получали изъ такъ называемой студенческой библіотеки,—особаго отдѣленія при университетской библіотекѣ,—помѣщавшейся на дворѣ университета въ особомъ трехъ-этажномъ зданіи. Здѣсь можно было получить и очень цѣнныя книги, но по отдѣлу беллетристики почти ничего нельзя было достать, можетъ быть и потому, что все раньше было разобрано. Кромѣ того, за ручательствомъ профессоровъ, которое для всѣхъ было доступно, можно было получать

книги и изъ главной библіотеки; и здѣсь книги были тоже преимущественно ученаго содержанія. Главнымъ библіотекаремъ при мнѣ былъ г. Готвальдъ. Разъ я обратился къ нему съ просьбою, чтобы за его ручательствомъ можно было получить изъ главной библіотеки одну нужную мнѣ книгу. Онъ мнѣ отказалъ. Профессоръ Мейеръ, котораго я вовсе не зналъ, бывшій при этомъ разговорѣ, предложилъ мнѣ самъ свои услуги. Такъ легко устраивались подобнаго рода дѣла.

Занимательныя комнаты, въ которыхъ мы жили, были обращены окнами на Югъ и въ нихъ всегда было свѣтло и часто было солнце. Видъ изъ оконъ на луга, отдѣляющіе Казань отъ Волги, видѣется на дальнемъ горизонтѣ, и на самую Волгу,—былъ восхитительный. Это мѣсто университета самое высокое въ городѣ (91 футъ надъ уровнемъ Волги). Вотъ что читаемъ мы объ этихъ комнатахъ у Булича въ его Исторіи Казанскаго университета (*Изъ первыхъ лѣтъ Казанскаго университета*). 1805—1819. Часть первая. Казань. 1887 г. стр. 261—262): „Въ Казани нѣтъ лучше и шире видовъ, какъ съ университетской обсерваторіи или изъ оконъ зданій, обращенныхъ на обширное пространство отъ Юго-востока на Юго-западъ, и кто изъ старыхъ студентовъ, для которыхъ этотъ видъ раскрывался во всей своей широтѣ изъ оконъ такъ называемыхъ *занимательныхъ* (въ третьемъ антресольномъ этажѣ главнаго зданія, выходящихъ на дворъ), не помнитъ этого вида съ его увлекающимъ въ даль просторомъ, съ широкимъ нижнимъ и верхнимъ теченіемъ Волги и съ синѣющими горами по ту сторону ея. Какъ часто, раннимъ утромъ, помнимъ мы, усталые глаза отъ ночного приготовленія къ Майскому экзамену обращались въ раскрытыя окна къ этому Волжскому простору, озаренному восходящимъ солнцемъ, мечтая сплыть куда-нибудь по рѣкѣ въ родную сторону на дощаникѣ или косной, какъ это обыкновенно и случалось до пароходовъ“. Не даромъ этотъ видъ остался и въ памяти Аксакова (С. Т.), когда онъ больной лежалъ въ этихъ самыхъ комнатахъ, бывшихъ тогда больницею. Видъ былъ великолѣпный: вся нижняя половина города съ его суконными и Татарскими слободами, Булакъ, огромное озеро Кабанъ, котораго воды сливались весною съ разливомъ Волги,—вся эта живописная панорама разстилалась передъ глазами. Я очень помню, какъ ложились на нее сумерки, и какъ постепенно освѣщалась она утренней зарей и восходомъ солнца“. Эта картина была и передъ нашими глазами, когда мы жили въ „занимательныхъ“ университета.

Я жилъ въ „занимательныхъ“ въ одной комнатѣ вдвоемъ съ своимъ товарищемъ-филологомъ Никоновымъ: въ первый годъ моего университетскаго курса въ № 1, въ комнатѣ vis-à-vis со восходомъ, во второй

и третій годъ въ № 10, самой послѣдней комнатѣ по корридору. При окончаніи и послѣ окончанія курса, до опредѣленія на мѣсто, я жилъ внизу, въ большой комнатѣ, въ которой помѣщалось уже до восьми студентовъ. Никто не мѣшалъ заниматься, и жить было очень удобно. Здѣсь у каждаго студента была и кровать, чего не было въ прежнихъ занимательныхъ комнатахъ.—По воскреснымъ и праздничнымъ днямъ насъ приглашали въ университетскую церковь. Ходили же не всегда аккуратно, особаго строгаго наблюденія за посѣщеніемъ церкви вовсе не было. Пѣлъ, и довольно хорошо, свой собственный хоръ пѣвчихъ. Особенно было выгодно сдѣлаться пѣвчимъ своекоштному студенту: пѣвчій получалъ комнату, столъ, освѣщеніе и прислугу отъ университета даромъ. Въ Свѣтлое Христово Воскресеніе, въ актовомъ университетскомъ залѣ, во всю его длину, накрывались столы, между которыми особый столъ поперекъ зала былъ для ректора и профессоровъ, и приготавлилось очень солидное, если нельзя назвать роскошное, разговѣніе для всѣхъ студентовъ, бывшихъ въ церкви. Въ залъ приходилъ съ пѣвчими университетскій священникъ и благословлялъ трапезу. Блестящее освѣщеніе зала, присутствіе профессоровъ, христосованіе, шумъ голосовъ, радость на лицахъ, все это оставляло въ душѣ пріятное впечатлѣніе.

На нашемъ курсѣ историко-филологическаго факультета, въ періодъ времени съ 1851 по 1855 годъ, было очень мало студентовъ: я, Петровскій, Никоновъ, Крыловъ, Николаевъ и Фастрицкій. Экзамены были полугодичные и годовые переходные. По ярлыкамъ мы должны были готовиться къ каждой лекціи. Къ Французу и Нѣмцу ходили не всѣ, но у Фатера бывали, большею частію, всѣ. Пропустившимъ лекціи никакого наказанія не полагалось, да за пропускомъ лекцій въ то время никто и не слѣдилъ. Нашъ курсъ занимался очень усердно, и никто изъ насъ не оставался ни разу на другой годъ по неуспѣшности. Изъ нашихъ товарищей всѣхъ лучше былъ приготовленъ Никоновъ, окончившій курсъ въ Иркутской гимназіи. Къ сожалѣнію, большой запасъ знаній служилъ ему послѣ предлогомъ не заниматься такъ усердно, какъ занимались прочіе. Онъ свободно могъ читать Латинскихъ авторовъ. Особенною любовію къ Русской литературѣ отличались Петровскій и Фастрицкій. Крыловъ, Никоновъ, Фастрицкій и Николаевъ теперь (1902 г.) уже умерли. Въ живыхъ остаемся только двое—мы съ Петровскимъ.

III.

О нѣкоторыхъ профессорахъ, читавшихъ лекціи въ нашемъ университетѣ, я скажу очень немного. Они не имѣли на мое развитіе

особеннаго вліянія. Таковъ былъ напр. профессоръ Ө. А. Струве. Струве былъ очень аккуратный и внимательный къ своимъ лекціямъ профессоръ, человекъ въ высшей степени добросовѣстный и честный, много работавшій надъ своими лекціями. Онъ читалъ намъ въ теченіи нашего курса Римскую литературу, Римскія древности и Латинскій языкъ, но его лекціи были и сухи, и скучны. Съ Латинскаго языка на Русскій онъ переводилъ плохо, такъ какъ не зналъ самъ духа Русскаго языка, — онъ былъ Нѣмецъ, а Римская литература въ его лекціяхъ наполнена была болѣе библіографическими и другими неинтересными подробностями и нисколько не знакомила насъ съ литературою съ другихъ сторонъ. Въ Римскихъ древностяхъ очень много лекцій занято было подробной топографіей древняго Рима, отъ изученія которой отказывалась и отличная память: всѣхъ подробностей въ его лекціяхъ не было никакихъ силъ запомнить. Струве пользовался, хотя и неумѣло, лучшими Нѣмецкими пособіями, но изъ этого толковаго ровно ничего для насъ не выходило. У него не было никакихъ своихъ собственныхъ мнѣній о предметахъ своего преподаванія; онъ ровно ничего своего не могъ намъ сказать. Оставалось ему только пользоваться Нѣмецкой книгой, и онъ ею пользовался, но такъ плохо, что, казалось, большею частью выбиралъ изъ нея только то, что слѣдовало бы пропустить: кто кому изъ писателей былъ другомъ, какія имѣются въ Германіи Нѣмецкія изданія классиковъ, или перечисленіе всѣхъ сочиненій, и самыхъ мелкихъ авторовъ, и т. п. Ни одной живой характеристики писателя, ни одной характеристики того вѣка, въ которомъ жилъ писатель, не было въ его лекціяхъ, ни одной даже мысли Римскаго философа или историка не было имъ разобрано; словомъ, въ лекціяхъ его не было ничего для насъ живого и развивающаго. Это были не лекціи, а справочный реальный словарь. Между тѣмъ о самомъ Струве, какъ о человекѣ, кромѣ хорошаго, ничего нельзя сказать другого. Онъ былъ, правда, строгій профессоръ, но положительно-добрый человекъ. Характеръ онъ имѣлъ ровный, и съ нимъ легко было сладить всякое дѣло. Когда мы уже окончили курсъ и безъ насъ начались въ университетѣ другіе порядки, тогда, слышали мы, студенты сдѣлали скандалъ Струве на лекціяхъ, и онъ принужденъ былъ оставить Казанскій университетъ. Я очень жалѣлъ его, узнавъ объ этомъ происшествіи: это было со стороны студентовъ очень жестоко; какъ хорошій человекъ, Струве не заслуживалъ, по крайней мѣрѣ, скандала. Онъ былъ хорошій, знающій учитель, и то не для высшихъ классовъ, а на мѣстѣ профессора былъ несостоятеленъ. Впослѣдствіи онъ былъ директоромъ одной гимназіи и, вѣроятно, былъ хорошій директоръ. Ко мнѣ Струве относился съ большою сим-

патіей, и о немъ, какъ о человѣкѣ, я сохраняю самую добрую и признательную память. Онъ сочувствовалъ всему доброму и хорошему, и напр. былъ страшно огорченъ, когда умеръ его товарищъ по кафедрѣ, молодой и талантливый ученый профессоръ Тхоржевскій.

Я не буду говорить вовсе о лекторахъ Французскаго и Нѣмецкаго языковъ, бывшихъ въ мое время въ Казанскомъ университетѣ. Они никого и ничему не научили, и мы, студенты, едвали были много виноваты передъ ними въ томъ, что рѣдко ходили къ нимъ на лекціи. Профессоръ педагогики Н. И. Лёнстремъ и всеобщей исторіи М. И. Славянскій были тоже плохи. Но двое другихъ второстепенныхъ для нашего факультета профессоровъ заслуживаютъ признательнаго воспоминанія. Профессоръ А. Г. Станиславскій, читавшій намъ государственные законы, и профессоръ И. К. Бабстъ, читавшій Статистику и Политическую Экономію, были профессора не нашего факультета; предметы ихъ для насъ были второстепенные, и мы ими мало занимались. Оба профессора относились къ намъ, филологамъ, крайне снисходительно, многого отъ насъ не требовали и не мѣшали намъ заниматься своими спеціальными предметами. Это были и добрые, и очень образованные люди. Политическая Экономія, не смотря на наше халатное отношеніе къ занятіямъ этимъ предметомъ, помню, все же насъ интересовала, и по поводу нѣкоторыхъ политико-экономическихъ вопросовъ не разъ поднимались у насъ между собою разговоры и споры. И. К. Бабстъ читалъ лекціи Статистики апатично, но содержаніе ихъ было имъ и хорошо продумано, и хорошо разработано, такъ что невозможно было и намъ не заинтересоваться этою новою и совершенно для насъ незнакомою наукою. Впослѣдствіи А. Г. Станиславскій перешелъ въ Харьковскій, а И. К. Бабстъ—въ Московскій университетъ.

Профессоръ К. К. Фойгтъ, читавшій намъ полтора года *Исторію всеобщей литературы*, оставилъ тоже по себѣ добрую память, однако не столько лекціями своими, которыя читалъ по старымъ тетрадамъ, а болѣе необыкновенно-симпатичнымъ отношеніемъ къ студентамъ—онъ былъ у насъ также и деканомъ факультета; онъ читалъ, однако, очень умѣло, гладко, отлично владѣя Русскимъ языкомъ, и былъ въ высшей степени изящный и благовоспитанный, ловкій и вѣжливый человѣкъ. Изъ лекцій его лучшія были о литературѣ Востока, Арабской и Персидской. И не мудрено: Фойгтъ самъ зналъ Арабскій и Персидскій языки и самъ читалъ произведенія Арабскихъ и Персидскихъ писателей въ подлинникахъ. Съ Нѣмецкой литературой онъ тоже былъ близко знакомъ. Его любимыми теоретическими взглядами на развитіе литературы у каждаго народа были общія положенія, что исторія лите-

ратуры у каждаго народа представляет намъ прежде всего эпосъ, въ дальнѣйшемъ развитіи лирику и наконецъ—драму. Это всего болѣе было приложимо къ Греческой литературѣ. Въ то время не были еще извѣстны и изданы памятники народнаго Русскаго творчества, потому нашъ профессоръ встрѣчалъ затрудненіе примѣнить этотъ взглядъ и къ исторіи Русской литературы, по современному положенію науки вполне приложимый. „Не всякій народъ“, говоритъ онъ, „можетъ похвалиться эпопеей. Часто періодъ юношескаго развитія, не созрѣвъ до яснаго, художественнаго міросозерцанія, подавляется чуждыми вліяніями, горемъ и опытомъ жизни государственной, и тогда народъ поневолѣ довольствуется безсвязною сказкою, и пора эпопеи проходитъ безвозвратно. Такъ было и на Руси. Раннее принятіе христіанства уничтожило само-бытное образованіе эпоса теогоническаго и космогоническаго. Роскошное время Владимира готово было отгнать эпосомъ героическимъ, но тяжкая година удѣльныхъ тревогъ и чужеземныхъ наплывовъ, гдѣ дѣло шло не о сохраненіи чести, но о продолженіи физическаго существованія, въ корни задушила положенные зародыши; и народъ не совокупился въ одно грозное цѣлое, чтобы отстоять свою общую назависимость. „Слово о полку Игоревѣ“ отозвалось отрывочнымъ намекомъ на то, въ какомъ видѣ могла бы у насъ явиться поэма, какой характеръ, какія краски она должна бы принять. Вотъ почему лирика, и лирика преимущественно грустная, заступила у насъ мѣсто эпопей“ *).

Византійское вліяніе въ то время, когда К. К. Фойгтъ былъ профессоромъ, также мало было разработано учеными. И въ лекціяхъ К. К. Фойгта, потому, не дано было ему надлежащаго мѣста. Русь, по его мнѣнію, шла отдѣльною дорогою. „Отставъ своимъ появленіемъ на аренѣ всемірнаго дѣйствованія, она подчинилась общимъ вліяніямъ, по мѣрѣ прикосновенія къ тому или другому. Сначала коренной, могучій сѣверный духъ ея пришелъ въ столкновеніе съ громадными и пестрыми вымыслами Азіатскихъ ордъ; кроткая вѣра утишила затѣмъ дикіе порывы; двухвѣковое рабство навѣяло чувство унынія; потомъ холодный схоластицизмъ принялъ ее въ свои мертвящія объятія, и наконецъ, въ XVIII ст., новый классицизмъ вытянулъ ее подъ чужеземную мѣрку. Неспорно, каждое вліяніе принесло съ собою болѣе или менѣе значительный вкладъ въ исторію духовнаго развитія; но

*) Рѣчь при открытіи памятника Г. Р. Державину, произнесенная ординарнымъ профессоромъ К. Фойгтомъ, стр. 71 и 72 (Учен. Записки Каз. Унив. 1847, книжка III). Однако записи эпическихъ народныхъ произведеній сдѣланы были уже въ XVII и XVIII в.в., и, вѣроятно, были извѣстны профессору. О литературной исторіи былинъ въ то время не могло, разумѣется, быть и рѣчи. Труды Буслаева, посвященные изученію нашего эпоса, только что начинались.

общій итогъ заключалъ въ себѣ мало отраднаго. Много стоило труда страдальческой Руси, чтобы, сплотивъ разнородные наплывы въ одно органическое тѣло, наконецъ явиться опять съ свѣжими пріобрѣтеніями обновленной народности“. Общія направленія въ исторіи всей литературы выражаются, по мнѣнію Фойгта, въ символизмъ, классицизмъ и романтизмъ. Вотъ какое онъ даетъ объ этомъ понятіе. „Многоразличны пути, которыми Провидѣніе ведетъ духъ человѣчества къ дальней мѣтѣ совершенства, и два пѣстуна постоянно сопровождаютъ его — наука и искусство. Въ этомъ странствованіи встрѣчаются уклоненія, то въ ту, то въ другую сторону, но всѣ они разумны. На Востокъ, въ дремучихъ мрачныхъ лѣсахъ, или въ безбрежныхъ степяхъ, заросшихъ быліемъ, исполинскіе призраки заслоняютъ дорогу; въ счастливой Элладѣ, среди роскошныхъ горъ и долинъ, среди зеркальныхъ водъ, свободно разгуливаетъ геній человѣчества, населяя свѣтлыми образами прекрасную природу; на Сѣверѣ средневѣковой Европы, онъ снова вступаетъ въ угрюмыя чащи пирамидальныхъ сосенъ, и звѣзда Откровенія, бросая радужные лучи сквозь густую зелень, обольщаетъ его фантастическою игрою цвѣтовъ и красокъ. Такими же, въ общихъ чертахъ, представляются три направленія всеобщей литературы, извѣстныя подъ именемъ символизма, классицизма и романтизма. И прошедъ послѣднюю ступень развитія, неудовлетворенный духъ человѣчества хотѣлъ было повѣрить свое шествіе, исправить свои уклоненія и обратиться къ минувшему; но новыя заблужденія ожидали его на пути. Символизмъ преобразился въ мистицизмъ и бездушную аллегорію; классицизмъ облекся въ вычурное убранство, а романтизмъ растерялся въ странныхъ, неясныхъ грезахъ. Слава Богу! Заблужденіе понято, замѣтно вырабатывается уже новая эпоха, которой имя и характеръ впереди“ *).

К. К. Фойгтъ, будучи уже профессоромъ, въ то же время давалъ уроки Персидскаго языка въ Имп. 1 Казанской гимназіи, когда здѣсь существовали еще уроки восточныхъ языковъ. Въ Казани къ нему относились съ уваженіемъ, и онъ пользовался авторитетомъ. Впослѣдствіи онъ былъ попечителемъ Харьковскаго учебнаго округа и затѣмъ членомъ Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Мѣсто Фойгта занялъ послѣ въ университетѣ Н. Н. Буличъ. Мы слухали его лекціи о философской грамматикѣ, составленныя по Гумбольдту и Беккеру, Исторію Русской литературы съ начала до Монголовъ и спеціальныя курсы о Дантѣ. Въ наше время Буличъ

*) Тамъ же, стр. 122 и 123.

только начиналъ еще свою профессорскую дѣятельность, и дальнѣйшіе его успѣхи и заслуга на ней, создавшіе ему впослѣдствіи заслуженный авторитетъ, авторитетъ хорошаго ученаго—принадлежать не къ нашему времени. Онъ отличался трудолюбіемъ, отлично зналъ Нѣмецкую и Французскую ученую литературу и могъ сдѣлаться хорошимъ и полезнымъ профессоромъ. Слѣдя впослѣдствіи за его ученой дѣятельностью, я смѣло могу сказать, что Буличъ—талантливый профессоръ, но въ наше время, именно на насъ, его вліяніе было мало замѣтно.

Совершенную противоположность восходящей звѣздѣ Булича представляетъ въ наше время профессорская дѣятельность Н. А. Иванова. Онъ читалъ намъ лекціи Русской Исторіи и Русскія Древности. Его можно было-бы назвать, по сравненію съ Буличемъ, заходящей звѣздой. Лучшее время его профессорской дѣятельности принадлежало не намъ, а нашимъ предшественникамъ. Онъ намъ прочиталъ Русскую исторію со смерти Бориса Годунова до новѣйшаго времени. Наши лекціи были только немного поподробнѣе полнаго сочиненія Устрялова по Русской Исторіи. Н. А. Ивановъ въ нашемъ курсѣ во многомъ и слѣдовалъ Устрялову—тѣ же факты, тѣ же мнѣнія. Только для древней исторіи профессоръ считалъ болѣе вѣрнымъ взглядъ не Устрялова, а Соловьева. Родовыя и государственныя отношенія Русскихъ князей занимали у него, какъ и у Соловьева, видное мѣсто. Изъ собственныхъ его мнѣній заслуживаетъ вниманія признаніе Русской исторіи въ то же время и Славянской,—„одна исторія Россіи не можетъ вполне раскрыть элементы нашей жизни“, говорилъ онъ; о происхожденіи казачества, которое въ свой составъ, по его мнѣнію, включило при своемъ образованіи остатки исчезнувшихъ съ историческаго поприща племенъ Уличей и Тиверцевъ*); о происхожденіи мѣстничества, о связи Древней Русской исторіи съ Новой, и о Петрѣ Великомъ, въ которомъ профессоръ видѣлъ болѣе энергичнаго продолжателя реформъ, начавшихся задолго

*) Щербатовъ видѣлъ въ казакахъ остатки Половцевъ, Вольтеръ—остатки Татаръ, Карамзинъ, Соловьевъ и Миллеръ—потомковъ Татарскаго племени, жившаго на Югѣ Россіи и извѣстнаго подъ именемъ Черныхъ Клобуковъ. Къ разряду подобныхъ мнѣній принадлежитъ и мнѣніе Н. А. Иванова о происхожденіи казачества. Доказать реальную связь между казаками и этими народами, о которыхъ говорятъ названные выше историки, невозможно: свѣдѣнія о Половцахъ и другихъ народахъ прекращаются съ XIII в., извѣстія же о казакахъ начинаются позднѣе (съ XV—XVI в.в.). Любавскій, въ статьѣ своей о начальной исторіи Малорусскаго казачества (Жур. Мин. Нар. Просв. 1895, VII), говоритъ, что казаки—не остатки какихъ-то древнихъ Славянскихъ вольныхъ общинъ на пограничьи Русской осѣлости, а вооруженныя артели промышленниковъ, вытянутыхъ изъ предѣловъ этой осѣлости пустою степей. Вообще вопросъ о возникновеніи казачества далеко не выясненъ въ исторической литературѣ и въ настоящее время.

до Петра, — „между Древней и Новой Россіей не было пропасти, какъ думали нѣкоторые историки“, говорилъ Ивановъ. Взглядъ Иванова на Іоанна Грознаго былъ взятъ или у Соловьева, или у Кавелина. „Курбскому слѣдуетъ не довѣрять въ его разсказахъ о казняхъ Іоанна Грознаго“, говорилъ Ивановъ. І. Грозный въ пониманіи интересовъ Россіи относительно приобрѣтенія Чернаго и Балтійскаго морей приравнивается къ Петру Великому. Петръ В. тоже сначала хотѣлъ приобрѣсти Черное море и только впоследствии, когда убѣдился въ силѣ Турціи, перенесъ свою дѣятельность на море Балтійское. Славянофильскія воззрѣнія на Русскую Исторію принимались профессоромъ только по отношенію къ православію, самодержавію и народности, которыя онъ считалъ тоже краеугольными камнями Русской исторіи и Русской жизни. Н. А. Ивановъ обладалъ даромъ слова и, когда былъ въ ударѣ, читалъ свои лекціи очень хорошо. У него въ лекціяхъ замѣтно было иногда много чувства и, когда онъ читалъ напр. намъ о 1812 г., то заставлялъ насъ, своихъ слушателей, даже плакать. Въ произношеніи его лекціи большею частію были хороши, но въ чтеніи оставляли другое впечатлѣніе. Н. А. Ивановъ имѣлъ своеобразное мнѣніе о слогѣ. Онъ полагалъ, что въ Русской, какъ и въ Латинской, фразѣ умѣстно ставить глаголъ на концѣ. Онъ такъ и говорилъ на лекціяхъ, иногда такъ и писалъ. Въ подражаніе Цицерону, фразы его были закруглены, крайне длинны и крайне витіеваты. У насъ такъ въ то время уже никто не писалъ, и теперь даже трудно повѣрить, что профессоръ университета пятидесятихъ годовъ прошлаго столѣтія могъ еще быть такъ оригиналенъ. Я приведу здѣсь для образца одно или два мѣста изъ напечатанной Ивановымъ *Речи о необходимости содѣйствія философіи успѣхамъ отечественнаго просвѣщенія*, произнесенной имъ на университетскомъ актѣ въ 1843 г. Это лучше всего пояснить, что такое Цицероновскій слогъ Н. А. Иванова.

„Во Франціи, откуда классицизмъ повелительно разсылалъ свои указы цѣлой Европѣ, Лагарпъ, глава Парнасскихъ уставщиковъ, вотще скликалъ Музъ къ присяжному суду надъ отступниками отъ устарѣлыхъ положеній піитики и риторики. Въ ряды ихъ становились дѣятели съ неоспоримыми дарованіями. Бернардень де Сень-Пьеръ, покинувъ въ мирѣ обитателей Олимпа, переселенныхъ волшебствомъ классиковъ на берега Сены, воспламенялъ въ соотечественникахъ погасшій смыслъ къ наслажденіямъ природою и, отринувъ вычурную фразеологію Сень-Ламберта и Делиля, согрѣвалъ языкъ теплотою искренняго, жизненоснаго чувства. Шатобріанъ, пятый представитель всѣхъ своеобразностей французской націи, вполне воплотившій пере-

вороты, совершившіеся надъ нею въ послѣднія пятьдесятъ лѣтъ, родоначальникъ нынѣшнихъ литературныхъ ея знаменитостей,—Шатобріанъ, который видѣлъ, какъ тускло догорали лучи былаго могущества аристократіи, обратилъ на себя вниманіе Людовика XVI и Мирабо, возбуждалъ удивленіе Наполеона, пользовался уваженіемъ Пія VII, Григорія XVI, Вашингтона и Питта, Фокса и Бурка, Боливара и Мегемеда-Али, съ непритворною преданностію посвятилъ свой великій талантъ на служеніе Бурбонамъ и былъ отвергнутъ ими, какъ докучливая Кассандра, оплылъ моря стараго и новаго свѣта, странствовалъ по обоимъ полушаріямъ, вдохновлялся на развалинахъ Рима и Аѳинъ, Мемфиса и Карфагена, Гренады и Іерусалима, искалъ пріюта въ хижинѣ Гурона и въ шатрѣ Бедуина, присутствовалъ на конгрессахъ и конклавахъ, съ трибуны, въ газетахъ, изъ королевскаго кабинета, отовсюду могущественно двигалъ общественное мнѣніе, оказывалъ рѣшительное вліяніе на исторію своего времени, благовѣстилъ юной Европѣ о спасительныхъ истинахъ христіанства, о необходимости монархическаго правленія, и вразумлялъ ревнителей прошедшаго прекратить борьбу съ понятіями вѣка,—Шатобріанъ, котораго дивная жизнь изумляетъ даже сильное воображеніе,—тяжкими ударами громилъ тогда ветхое зданіе классицизма, самъ не постигая своего подвига“ (стр. 12 и 13).

(По словамъ профессора, писать такимъ слогомъ значило „наряжать Русскую рѣчь въ длинную волнистую тогу Латинскаго періода“).

Приведу еще другой образецъ:

„Знаю, что судьба Любомудрія никогда не представлялась завидною; знаю, что науку объ идеяхъ, о главнѣйшихъ основаніяхъ нашихъ познаній, издревле клеймили самыми унизительными именами и предавали самымъ постыднымъ обвиненіямъ; знаю, что въ Элладѣ философія слыла зазорной гетерою, за связь съ которой Сократу привелось осушить чашу смертнуню; въ Римѣ суровый цензоръ настойчиво преслѣдовалъ ее строгими мѣрами; въ феодальной Европѣ она почиталась родоначальницей ересей и была неумолимо сожигается на кострахъ; въ три послѣднія столѣтія падали на нее упреки то въ деизмъ, то въ ниспроверженіи вѣковаго порядка обществъ, то въ порчѣ умовъ суетными домогательствами; знаю, что и въ нашемъ отечествѣ удѣломъ ея или равнодушіе, или даже издѣвающаяся острота; но тѣмъ не менѣе признаю, что намъ настоятъ существенная необходимость принять въ ней живѣйшее участіе“ (Стр. 23).

Голосъ у Н. А. Иванова былъ довольно сильный и пріятный баритонъ, и владѣлъ онъ имъ довольно разнообразно. Иногда, подражая въ декламациі актеру, въ родѣ Каратыгина или Мочалова, онъ произ-

водилъ полный эффектъ. Бывало, на Страстной, за всенощной, во время чтенія двѣнадцати Евангелій, Н. А. Ивановъ брался читать канонъ и читалъ его превосходно. Университетская церковь по этому случаю была всегда переполнена студентами. Обыкновенно мы ожидали чтенія восьмага Евангелія, за которымъ слѣдуетъ 50-й псаломъ. Какъ читалъ Н. А. Иввовъ „Помилуй мя, Боже“,—лучше его я никого и въ жизнь мою не слыхалъ. Непріязненно расположенные къ нему студенты, число которыхъ было весьма велико, потому что Н. А. Ивановъ былъ очень строгій, капризный и требовательный профессоръ и многимъ студентамъ на экзаменахъ ставилъ по своему предмету единицы,—говорили даже, что напрасно профессоръ не сдѣлался дьячкомъ (онъ учился въ Нижегородской семинаріи до поступленія въ университетъ): это былъ бы,—говорили,—образцовый дьячекъ и былъ бы прямо на своемъ настоящемъ мѣстѣ. Еще помню его эффектную лекцію, прочитанную имъ при посѣщеніи Казанскаго университета въ 1851 году, министромъ Народнаго Просвѣщенія кн. Ширинскимъ-Шихматовымъ, когда министръ присутствовалъ на его чтеніи. Н. А. Ивановъ на этотъ разъ читалъ объ избраніи Михаила Ѳеодоровича на царство и развивалъ ту мысль Карамзина, что въ актѣ избранія царя высказалась мудрая государственная мысль Русскихъ людей, которой Россія обязана въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи современнымъ могуществомъ. Онъ говорилъ съ такимъ чувствомъ, съ такимъ убѣжденіемъ, что самъ министръ Ширинскій-Шихматовъ, слушая его, расплакался. Смуты Самозванцевъ и междоусобицы оканчивались, Русскіе люди *наказались*,—какъ говорится въ актахъ—и это *наказаніе* свыше пошло имъ въ прокъ; они сознали, что нуженъ имъ царь самодержавный, и это сознаніе высоко ихъ ставитъ среди другихъ народовъ. Ограниченія самодержавія (въ то время, теперь признаваемое многими, исключеніе одинъ проф. Платоновъ, уже историческимъ фактомъ), по мнѣнію Н. А. Иванова, вовсе не было. Кошихинъ, говорившій напр. объ ограниченіи, передалъ одинъ слухъ, ходившій въ его время, слухъ, не заслуживающій никакой исторической достовѣрности. Соборы при Михаилѣ и его преемникѣ тоже, по его мнѣнію, нисколько не доказываютъ противное. Въ *Собраніи юсударственныхъ грамотъ и договоровъ*, изданномъ гр. Румянцевымъ, говорилъ профессоръ, нѣтъ другого болѣе важнаго документа для Русской Исторіи, какъ грамота объ избраніи Михаила Ѳеодоровича на царство. Минина Ивановъ называлъ не мясникомъ, „говядаремъ“, какъ называютъ его и акты; онъ передалъ, помню, о немъ фразу изъ хронографа: „Мининъ Заровавелевою душою поболѣлъ о бѣдствіяхъ отечества“. Про Путивль и ту дальнюю окраину, гдѣ явился Самозванецъ, онъ сказалъ еще другую фразу изъ хроно-

графа: „Здѣсь былъ всякій сбродъ людей гулячихъ, способныхъ на всякое зло“. Впечатлѣніе отъ этой лекціи вообще было сильное. Ширинскій-Шихматовъ, послѣ окончанія лекціи, не разъ благодарилъ за нее профессора.

Н. А. Ивановъ не любилъ студентовъ и никого изъ нихъ къ себѣ не пускалъ. А. П. Ильинскій рассказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ (въ „Русской Старинѣ“ 1894 г.), что задолго до нашего времени студенты надѣлали ему непріятности, во время его свадьбы въ Воскресенской церкви, что будто въ этомъ скрывалась причина его холоднаго обращенія съ ними. Не знаю, я объ этомъ ничего самъ не слыхалъ. Окончивъ курсъ и получивши за свою кандидатскую диссертацию, по рѣшенію Н. А. Иванова, серебряную медаль, я долженъ былъ еще четыре мѣсяца до поступленія на службу жить въ университетѣ и готовить два сочиненія для полученія званія учителя исторіи. Къ удивленію моему, я получилъ тогда отъ Н. А. приглашеніе побывать и у него. Онъ обратился ко мнѣ, когда я явился къ нему, съ просьбою уложить его библіотеку, по случаю его переѣзда на новую квартиру, и размѣстить потомъ книги на полкахъ въ новомъ помѣщеніи въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ стояли. Я охотно согласился это исполнить, тѣмъ болѣе, что самъ былъ заинтересованъ въ томъ, какія историческія книги находились въ его библіотекѣ. По окончаніи моей работы Н. А. Ивановъ благодарилъ меня за нее и подарилъ мнѣ нѣсколько своихъ брошюрокъ и полный экземпляръ *Исторіи Карамзина* (4-е Смирдинское изданіе), въ хорошемъ переплетѣ. Библіотека его заключала въ себѣ болѣе 1000 названій и состояла исключительно изъ книгъ философскаго и историческаго содержанія, по Русской и всеобщей исторіи (всеобщую исторію Н. А. Ивановъ читалъ прежде нашего студенчества въ университетѣ). Иногда по поводу разбираемыхъ мною книгъ я обращался съ вопросами къ профессору, но обыкновенно онъ давалъ мнѣ отвѣты на нихъ, какъ я замѣтилъ, неохотно. Большинство книгъ въ его библіотекѣ было на Нѣмецкомъ языкѣ. Особенно интересенъ былъ для меня во время разбора стоявшій прежде подъ крышею, на чердакѣ, а затѣмъ приготовленный къ отправкѣ огромный ящикъ, наполненный до верху тетрадами, исписанными рукою Н. А., съ лекціями прежнихъ годовъ по всеобщей и Русской исторіи и философіи и съ разными выписками и вырѣзками изъ книгъ. Разсматривая ихъ, при перекладкѣ, я ознакомился, насколько позволяло время, и съ прежними курсами профессора. Я видѣлъ здѣсь спеціальные курсы по Русской и всеобщей исторіи, напр. о Петрѣ Великомъ, объ Екатеринѣ II, объ Александрѣ Македонскомъ, о христіанствѣ на Руси до Владимира св.

(последній курсъ былъ составленъ по сочиненію митрополита Макарія) и другіе. На эти спеціальныя курсы всего болѣе жаловались прежніе студенты. Въ воспоминаніяхъ одного изъ нихъ А. Θ. Мартынова, слушателя курсовъ Иванова въ 1844—1848 г.г., напечатанныхъ не помню за который годъ, въ 1858 г. въ „Сѣверной Пчелѣ“ (№ 269), говорится напр. слѣдующее: „Особенно насолилъ намъ г. Ивановъ, когда, не довольствуясь опредѣленными часами (непонятная ревность) назначалъ еще вечернія чтенія для „словесниковъ“ изъ пропедевтики всеобщей исторіи. Г. Ивановъ имѣлъ обыкновеніе читать весьма обширно, и потому цѣльнаго историческаго курса у него никто не выслушивалъ. Обыкновенно онъ выбиралъ эпохи покрупнѣе и протягивалъ ихъ на цѣлыя курсы. Едва ли можно такую методу похвалить“...

Въ частныхъ бесѣдахъ Н. А., хотя не любилъ говорить со студентами, все же передалъ мнѣ нѣсколько полезныхъ совѣтовъ. Онъ говорилъ мнѣ напр. о высокихъ достоинствахъ историческаго труда Карамзина, котораго называлъ своимъ учителемъ; о необходимости основательнаго знакомства съ Нѣмецкимъ языкомъ, съ Нѣмецкой исторической литературой, особенно съ сочиненіями Ранке и его школой; о пустотѣ большинства всякихъ журнальныхъ работъ, которымъ совѣтовалъ предпочесть лучше знакомство съ любимъ центральнымъ ученымъ сочиненіемъ. „Профессоръ“—сказалъ онъ, какъ бы оправдываясь,—„не академикъ, ему трудно двигать науку впередъ, какъ у насъ многіе того требуютъ; довольно будетъ и того, если онъ, исполняя свое дѣло, только не отстанетъ отъ науки“. О Грановскомъ онъ говорилъ съ уваженіемъ; четыре характеристики Грановскаго особенно хвалилъ. Затѣмъ хвалилъ мнѣ Дерптскій университетъ, въ которомъ пробылъ самъ пять лѣтъ въ такъ называемомъ Профессорскомъ Институтѣ, готовясь здѣсь по окончаніи своего курса въ Казанскомъ университетѣ. Своему бывшему учителю профессору Дерптскаго университета Крузе онъ воздавалъ большую хвалу. Самая жизнь Дерптскихъ профессоровъ и студентовъ была ему особенно по душѣ. Не даромъ же, по окончаніи своей профессорской службы въ Казани, онъ уѣхалъ умирать въ Дерптъ. Говорили, что Н. А. Ивановъ не прочь былъ и выпить, къ чему пріучился еще въ Дерптѣ. Не знаю, я никогда не видалъ его въ нетрезвомъ видѣ, а бывалъ у него и на дому. Въ семейной своей жизни Н. А. Ивановъ былъ несчастливъ: онъ долженъ былъ развестись съ своей супругой, а единственная дочь его умерла еще ребенкомъ. Ни о своей семьѣ, ни объ университетскихъ дѣлахъ, ни о профессорахъ Н. А. со мною никогда не говорилъ. Объ его дочери я узналъ отъ него только случайно, спросивъ его, чей это

портретъ стоитъ у него на столѣ въ гостиной? Н. А. отвѣтилъ мнѣ, прибавивъ, какой прекрасный ребенокъ была его дочь и сколько радостей доставляла она ему. При этомъ воспоминаніи слезы показались у него на глазахъ.

Въ названной выше статьѣ г. Мартынова находится еще слѣдующій отзывъ о Н. А. Ивановѣ. „Надо отдать должную справедливость г. Иванову: за недостаткомъ гуманности и мягкости, онъ всетаки обладалъ многими хорошими качествами для профессора: прекраснымъ даромъ слова (когда хотѣлъ имъ пользоваться осторожно), эрудиціею, образованностью. Но тутъ и все: по своей специальности да и по другимъ каеэдрамъ (можетъ быть, по причинамъ этихъ частныхъ каеэдръ, которыя отнимали у него много времени для кабинетнаго труда), онъ не сдѣлалъ почти ничего, ничего не печаталъ и только *отбывалъ* лекціи. Здоровьемъ онъ былъ тоже не богатъ; вѣроятно и это обстоятельство удерживало его отъ усиленной работы“. Г. Мартыновъ не занимался исторіей и потому не зналъ напечатанныхъ трудовъ Иванова. Во 1-хъ, Ивановъ напечаталъ свою диссертацию *De origine Russiae progressus adumbratio*; затѣмъ извѣстны его напечатанныя сочиненія: *О сношеніи напъ съ Россіею* (въ „Русск. Вѣстникѣ“ 1841 г.). *О хронографахъ* (въ „Ученыхъ запискахъ Им. Казанскаго Университета“); наконецъ *Россія въ историческомъ, статистическомъ, географическомъ и литературномъ отношеніи* (1837 г.), вышедшая подъ редакціей Ѳ. Булгарина, тоже написана большею частью Ивановымъ; статистическая же часть ея цѣликомъ принадлежитъ ему. Ѳ. Булгаринъ не посовѣстился чужой трудъ прикарманить себѣ, не сдѣлавъ даже нигдѣ никакого упоминанія о настоящемъ его авторѣ. Въ своей рѣчи „о содѣйствіи философіи успѣхамъ отечественнаго просвѣщенія“, изъ которой приведены были выше два отрывка, Н. А. Ивановъ высказалъ весьма здравыя и вѣрныя мысли. Напр. онъ говорилъ, что одна философія можетъ освободить насъ отъ стѣснительнаго чужеземнаго ига, раскрывая намъ вѣрную точку зрѣнія на положеніе нашего сознанія. Она спасетъ насъ отъ мечтательныхъ взглядовъ и пустыхъ думъ, раскрывъ намъ опыты вѣковъ. Дѣйствительность и истина соединены другъ съ другомъ неразрывно, и напрасно стараются расторгнуть связь опыта съ мышленіемъ. Познаніе истины не дается извнѣ и доступно только тому, кто извѣдалъ силы своего духа, источникъ всѣхъ наукъ и искусствъ.

Не смотря на стараніе, я не нашелъ подтвержденія въ старыхъ лекціяхъ Н. А. Иванова весьма распространеннаго въ наше время извѣстія, что ранѣе Соловьева и Кавелина Н. А. Ивановъ читалъ уже о родовомъ бытѣ. Старыхъ лекцій его по Русской исторіи ранѣе 1847 г.

когда появилось сочиненіе Соловьева *Объ отношеніи Новгорода къ удѣльнымъ князьямъ* и впервые было высказано мнѣніе о родовомъ бытѣ, я не отыскалъ. Но слухъ самъ по себѣ заслуживаетъ вниманія.

Я не нахожу вѣрнымъ отзывъ г. Мартынова объ ученой дѣятельности Н. А. Иванова. Когда на кафедрѣ Русской исторіи въ Казанскомъ университетѣ Иванова смѣнилъ С. В. Ешевскій, г. Гацисскій, бывшій Казанскій студентъ, напечаталъ, не помню гдѣ именно, что С. В. Ешевскій былъ лучше Иванова, какъ профессоръ. Я не буду разбирать курсъ лекцій Ешевскаго о царствованіи Елисаветы Петровны, который слушалъ г. Гацисскій, но такія подробности, какія бралъ С. В. Ешевскій изъ *Полнаго Собранія Законовъ*, составляющія лучшую сторону его лекцій, въ спеціальныхъ курсахъ Иванова бывали далеко не новостью. Въ наше время Н. А. Ивановъ читалъ о царствованіи Екатерины II кратко, но у меня былъ прежній спеціальный его курсъ объ этомъ царствованіи, и въ немъ главнымъ образомъ было положено основаніемъ подробное изученіе *Полнаго Собранія Законовъ*. Ешевскій занимался преимущественно средневѣковой исторіей и, какъ бы ни были хороши его лекціи по Русской, я не могу считать его только за нихъ специалистомъ и по Русской исторіи. Лишь въ послѣднее время начали воздавать Н. А. Иванову должное. Съ большимъ уваженіемъ къ его трудамъ относятся напр. академикъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ и проф. Иконниковъ.

Н. А. Иванову много вредилъ его желчный, придиричивый, капризный характеръ. Въ иныхъ столкновеніяхъ, особенно со студентами, онъ былъ положительно неправъ. Припомнимъ также отношеніе Н. А. Иванова къ диссертациі В. И. Григоровича: *Изслѣдованіе о церковно-славянскомъ нарѣчій*. Всѣ согласны были дать В. И. Григоровичу искомую имъ ученую степень кандидата, одинъ только Ивановъ не согласился съ большинствомъ профессоровъ. Это передано въ общее свѣдѣніе, на основаніи подлиннаго дѣла, М. П. Петровскимъ въ его библиографическихъ трудахъ о В. И. Григоровичѣ *).

„Не стригите всѣхъ подъ одну гребенку, не забывайте индивидуальности“, говорилъ мнѣ Н. А. Ивановъ, когда я назначенъ былъ учителемъ исторіи въ Нижній и пришелъ къ нему проститься. Самъ Н. А. Ивановъ не соблюдалъ строго этого правила. Въ послѣдній разъ я видѣлъ Н. А. Иванова въ Нижнемъ, когда онъ уѣзжалъ навсегда

*) Диссертациа В. И. Григоровича была признана достойною помѣщенія въ Ученыхъ Запискахъ Казанскаго Университета, но не была почему-то здѣсь напечатана. Рукопись ея исчезла. См. „Первый ученый трудъ В. И. Григоровича“ М. П. Петровскаго въ „Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ“ (Варшава 1893).

изъ Казани въ Дерптъ. Мы съ нимъ выпили въ гостинницѣ Лопашева, гдѣ онъ останавливался, бутылку вина и разстались, какъ добрые знакомые. Онъ нисколько не жалѣлъ Казани, покидая ее навсегда, и даже объ ней неохотно говорилъ. Я не помню, въ которомъ году скончался Н. А. Ивановъ въ Дерптѣ*).

Во всякомъ случаѣ, Н. А. Ивановъ представляетъ собою замѣчательную личность. Заслуга его по отношенію Казанскаго университета состоитъ въ томъ, что это былъ настоящій профессоръ на кафедрѣ Русской исторіи и даже первый, если взять въ расчетъ его предшественниковъ, между которыми встрѣчаются напр. Яковкинъ и Булыгинъ.

IV.

Когда поступалъ я въ Казанскій университетъ, то думалъ, что теперь могу по своему влеченію и выбору, въ волю и всего болѣе, заниматься исторіей и Русской словесностью. Но мое предположеніе о занятіяхъ преимущественно или исключительно ими далеко не оправдалось. Лучшіе профессора въ Казанскомъ университетѣ на филологическомъ факультетѣ въ мое время были не историки, а филологи. Самое сильное впечатлѣніе, особенно по новизнѣ сообщаемыхъ знаній, я получилъ не отъ нашихъ историковъ, а отъ Тхоржевскаго, Фатера и Григоровича. Чтò они говорили, то имѣло для меня захватывающій интересъ; и вскорѣ В. И. Григоровичъ сдѣлался для меня и идеаломъ ученаго, какимъ остался на всю мою жизнь. Мало того, В. И. Григоровичъ остался для меня и на всю жизнь идеаломъ человѣка. Лучше его, какъ человѣка, за исключеніемъ преосвященнаго Хрисанѣа, бывшаго епископа Нижегородскаго, я не встрѣчалъ никого болѣе въ моей жизни. Однажды слуга Григоровича, Татаринъ, когда я пришелъ много лѣтъ спустя по окончаніи университетскаго курса на дачу Григоровича близъ Казани, и не заставъ хозяина дома, отдыхалъ послѣ своей прогулки, вотъ что мнѣ сказалъ: „бачко, вѣдь это святой человѣкъ“. Я пишу эти строки, будучи самъ сѣдымъ старикомъ, когда слова имѣють для меня настоящее значеніе, и думаю, что Татаринъ опредѣлилъ именно то, чтò такое В. И. Григоровичъ. Святые на землѣ могли быть только такими, каковъ былъ В. И. Григоровичъ. Его жизнь была не жизнь, а житіе, его трудъ былъ не трудъ, а подвигъ, его сердце было не сердце, а золото, и его біографія — прологъ. М. П. Петровскій (Славянское Обозрѣніе 1892), преемникъ В. И. Григоровича по кафедрѣ Славянскихъ нарѣчій въ Казанскомъ университетѣ,

*) Николай Алексѣевичъ Ивановъ скончался 30 Марта 1869. II. Б.

называетъ жизнь Григоровича тоже жизнью аскета. „Блажени чистые сердцемъ, яко тѣи Бога узрять“. И Григоровичъ былъ именно этотъ блаженный; онъ видѣлъ Бога еще здѣсь, живя съ нами на землѣ, и въ немъ самомъ жила какая-то божественная сила, потому можетъ быть и его убѣжденія дѣлались невольно вашими собственными убѣжденіями; надъ всѣмъ и въ его дѣйствіяхъ, и во всѣхъ его словахъ, разливалась такая доброта, которой еще не было ни у кого, съ которыми я сталкивался послѣ въ моей долгой жизни. Погодинъ называлъ Шафарика мужемъ временъ апостольскихъ. Это названіе должно характеризовать и ученика Шафарика В. И. Григоровича. Григоровичъ былъ хорошій ученый, отличный Славистъ, говорятъ его біографы. Вѣрно; но этого мало, главное не въ томъ; главное въ томъ, что онъ былъ такой человѣкъ, какого болѣе нѣтъ на землѣ, по крайней мѣрѣ лично для меня. Не даромъ же его всѣ любили, даже тѣ, кто надъ нимъ смѣялся, даже тѣ, кто почти его не зналъ. Между тѣмъ онъ вовсе не хлопоталъ объ этой любви, онъ ни въ комъ не заискивалъ ея; она сама пришла къ нему навстрѣчу, не спрашиваясь. Это вытекало изъ благодатнаго вліянія его характера. Онъ любилъ свою специальность,—и этого мало сказать,—онъ только и жилъ ею. Содержаніе всей его жизни укладывалось въ книгу. То вѣчное, неизмѣнное и духовное, что составляетъ содержаніе науки, составляло и сущность его жизни. Оно дополнялось еще личными, симпатичными качествами его благородной и высокой души, когда онъ соприкасался въ жизни со своими слушателями, безкорыстною, самою чистою любовью къ нимъ, такъ что, оцѣнивая его, я не знаю, болѣе ли онъ любилъ науку, для которой онъ все отдалъ, всѣмъ пожертвовалъ, въ которой видѣлъ для себя „единое на потребу“, или еще болѣе любилъ своихъ слушателей. Онъ зналъ, что его слушатели всего болѣе нуждались не въ единомъ хлѣбѣ, онъ и питалъ вѣчнымъ содержаніемъ духовную жизнь нашей души. Духъ вѣка не коснулся его ни единымъ изъ своихъ вредныхъ сторонъ. Между его слушателями были не одни студенты-филологи; нѣтъ, были совершенно посторонніе люди, напр. помѣщикъ-старикъ Горемыкинъ (я говорю здѣсь только о Казани), медикъ и профессоръ Казанскаго университета А. Н. Бекетовъ, который почти ежедневно заѣзжалъ къ Григоровичу, (разумѣется не для пользованія его, потому что В. И., не смотря на усиленные занятія, былъ вполне здоровый человѣкъ), студенты-медики, и даже Татары, и со всѣми, кто ни посѣщалъ его на дому, онъ находилъ въ своей душѣ благорасположеніе, вниманіе, уваженіе къ личности, и всѣмъ давалъ все, что было на потребу ихъ душъ, не смотря на то, что всѣ знали, что самый обычный разговоръ съ В. И. Григоровичемъ главнымъ образомъ будетъ о Сла-

вянахъ, какъ о самомъ любимомъ его предметѣ. Въ домѣ попечителя Казанскаго учебнаго округа В. П. Молостова В. И. часто бывалъ, и болѣе потому, что здѣсь ему можно было вдоволь наговориться о Славянахъ: В. П. Молостовъ самъ долго прожилъ въ Вѣнѣ при нашемъ посольствѣ и былъ знакомъ со Славянами,—зналъ даже нѣсколько Славянскихъ нарѣчій, вообще любилъ Славянъ. Семейство Молостовыхъ скоро оцѣнило высокія качества души Григоровича, и въ кругу его онъ былъ своимъ. Сколько разъ В. И. ходатайствовалъ предъ попечителемъ о судьбѣ попавшихъ въ бѣду студентовъ, преимущественно медиковъ, и сколько ихъ онъ спасъ отъ исключенія и другихъ наказаній. Въ этомъ отношеніи В. И. похожъ былъ на любимаго инспектора Московскихъ студентовъ, своего современника, П. С. Нахимова, о которомъ съ такимъ благодарнымъ чувствомъ вспоминаютъ бывшіе его воспитанники. Надобно было много любить людей, надобно было имѣть полное сердце, чтобы каждому, кто соприкасался съ Григоровичемъ дать драгоценную частицу своей души, свое благорасположеніе, поднять падавшія силы, успокоить, утѣшить, и главное передать любовь къ наукѣ, вѣру въ ея зиждительныя силы, въ ея благотворную дѣятельность. Каждый уходилъ отъ него лучшимъ, удовлетвореннымъ, съ благодарностью, что Богъ далъ рѣдкій случай послушать такого чело-вѣка. Обстановка квартиры его была самая убогая; прорванный диванъ, покачнувшійся столъ, нѣсколько стульевъ (письменнаго стола и большаго зеркала у него никогда не было), вмѣсто стульевъ сундуки съ рукописями, покрытые незатѣйливыми коврами, вездѣ разбросаны книги; но стоило взглянуть на доброе веселое лицо профессора, стоило начать съ нимъ разговоръ, и его комната превращалась въ чертогъ. Рукописи его цѣнили въ три тысячи рублей, и это только потому, что мало знали ихъ. Одно Марьинское Евангеліе (глаголическое), изданное потомъ акад. И. В. Ягичемъ, стоитъ дороже. Книгъ В. И. Григоровичъ покупалъ много и, вѣроятно, много утратилъ, потому что, отдавая ихъ читать, никогда не записывалъ, кому какую книгу отдалъ. Мы привыкли соединять съ кабинетомъ профессора извѣстную удобную, если не вполне комфортабельную, обстановку; у Григоровича же никогда никакого кабинета не было: всѣ комнаты его были кабинетами. И какъ нетребователенъ онъ былъ относительно своей обстановки, можно видѣть изъ примѣра: на дачѣ, гдѣ я былъ у него, гдѣ слугою его былъ Татаринъ, одѣтый въ длинную синюю рубашку, его постелью служилъ коверъ, разостланный въ углу большой комнаты и кожанная подушка. Живъ ли бывшій студентъ Казанскаго университета Сунгуровъ, не знаю; онъ могъ бы рассказать намъ, какъ В. И. Григоровичъ, умилившись надъ его бѣдностью, пріютилъ его къ себѣ на жительство,

такъ что Сунгуровъ скоро сталъ хозяиномъ его квартиры и его кошеля. Этотъ бывшій студентъ былъ филологомъ, на годъ позже нашего курса, и сдѣлался извѣстенъ В. И. Григоровичу его же лекціями Славянскихъ нарѣчій, тщательно записанными со словъ профессора. Кромѣ того, извѣстно было, что В. И. Григоровичъ постоянно помогалъ деньгами своимъ роднымъ. Такимъ В. И. Григоровичъ оставался всю свою жизнь. Въ немъ не было ничего эгоистическаго. На всѣхъ онъ производилъ одинаково хорошее впечатлѣніе, никому онъ не жаловался на неудобства и недостатки своей жизни, никого онъ не осуждалъ, и о дурномъ, что зналъ, молчалъ, всѣмъ помогалъ, чѣмъ могъ, всѣмъ доброжелательствовалъ и всегда былъ веселый и здоровый, по крайней мѣрѣ на видъ. У насъ обыкновенно съ понятіемъ ученаго соединяется понятіе о худомъ, желчномъ, геморроидальномъ человѣкѣ; В. И. Григоровичъ много занимался, а на видъ былъ свѣжій, здоровый человѣкъ, скорѣе полный, чѣмъ худой. Лицо его было очень красивое, (портила его немного лысина), веселое, живое, особенно когда онъ увлекался на лекціяхъ или въ разговорѣ. Въ немъ было что-то неземное. И это впечатлѣніе не мое только. Хорватскій ученый Куррелацъ, встрѣчавшійся въ Вѣнѣ съ Григоровичемъ, во время путешествія его по Славянскимъ землямъ, тоже говоритъ, что Славяне знали Григоровича за „человѣка съ ангельскимъ характеромъ, тихаго и кроткаго, какъ агнца, но преисполненнаго духомъ“. В. И. Григоровичъ пользовался среди студентовъ, какъ ученый, полнымъ авторитетомъ. И это было имъ вполне заслужено. Съ такимъ ореоломъ ученаго является онъ и въ Одессѣ, куда въ 1865 г. перешелъ изъ Казанскаго университета. А. И. Кирпичниковъ (въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ 1892, Декабрь) лично не зналъ В. И. Григоровича, но вотъ что сказалъ при открытіи ему памятника, 18 Октября 1892 г., воздвигнутаго его учениками на мѣстѣ его могилы въ Елисаветградѣ: „Чуть не съ перваго дня поступленія моего въ Московскій университетъ, и Буслаевъ, и Тихонравовъ давали отзывы о В. И. не только какъ о знаменитомъ Славистѣ, но и какъ объ одномъ изъ первыхъ знатоковъ древне-русской письменности и народной поэзіи; старшіе товарищи рассказывали цѣлыя чудеса о томъ, какъ Григоровичъ собиралъ свою коллекцію рукописей: въ этихъ полумистическихъ разсказахъ Григоровичъ до поразительности напоминаетъ намъ тѣхъ гуманистовъ XV вѣка, которые изъ глубины монастырскихъ подваловъ извлекали на Божій свѣтъ забытыхъ классиковъ, не останавливаясь для этой благородной цѣли ни передъ какими трудами и лишеніями, ни даже передъ благочестивымъ обманомъ невѣжественныхъ владѣльцевъ-губителей этихъ сокровищъ. Стали мы подниматься въ научномъ отношеніи на ноги, одна изъ первыхъ книгъ,

которую рекомендуютъ намъ для серьезнаго чтенія: „Очеркъ путешествія по Европейской Турціи“ того же Григоровича. Когда же мы въ концѣ курса готовились уже работать по рукописямъ, мы постоянно слышали о Четвероевангеліи Григоровича, о листкахъ Григоровича, о Парамейникѣ Григоровича“ *).

В. И. Григоровичъ въ теченіи четырехъ лѣтъ прочиталъ намъ: Обзоръ Славянскихъ нарѣчій, Церковно-славянскій языкъ (т. е. древне-славянскій), Исторію Славянскихъ литературъ и Славянскія древности. Нѣкоторыя изъ лекцій В. И. Григоровича, послѣ его смерти, изданы; но, правду сказать, плохо. „Обзоръ Славянскихъ литературъ“ изданъ въ Воронежѣ въ 1880 г., „Древности“—въ Варшавѣ въ 1884 г. и „Славянскія нарѣчія“—тоже въ Варшавѣ въ 1884 г. Подробный отчетъ о всѣхъ ученыхъ трудахъ В. И. Григоровича далъ М. П. Петровскій въ двухъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ „Славянскомъ Обозрѣніи“ (1892 г. Июль, Августъ и Сентябрь) подъ заглавіемъ: „В. И. Григоровичъ въ Казани (библіографическій очеркъ)“. Это самый подробный отчетъ объ ученой дѣятельности Григоровича.

Я не могу передать здѣсь, что новаго о Славянахъ сообщалъ намъ и съ каѳедры, и въ частныхъ бесѣдахъ В. И. Григоровичъ. Да въ то время, когда я былъ студентомъ, для меня тутъ все было новое. Многое изъ того, что онъ говорилъ, мы, слушатели, теперь и перезабыли, но любовь къ этимъ занятіямъ неизмѣнно сохранилась. Кромѣ того, мы могли знакомиться съ библіотекою профессора. И здѣсь чего-чего только не видалъ я, о чемъ прежде не имѣлъ ровно никакого понятія! Я здѣсь увидалъ въ первый разъ древнія рукописи. Рукописей своихъ на руки студентамъ В. И. Григоровичъ никогда не давалъ, но показывалъ часто на дому у себя, читалъ ихъ и объяснял ихъ значеніе. У Григоровича я увидѣлъ такъ называемое въ изданіи И. В. Ягича (1883) знаменитое „Маріинское Четвероевангеліе“ (XI в.), „Службу св. Кириллу и Меѳодію“, „Житіе св. Климента“ (на Греческомъ языкѣ), „Лѣтопись Манассіи“ (на Румынскомъ языкѣ), „Номоканонъ“ (XIII в.), „Поученіе Кирилла Іерусалимскаго“ и др. рукописи. Въ библіотекѣ Григоровича были рѣдчайшія изданія Далматскихъ классиковъ XVI—XVII в. и всѣ важнѣйшіе новые печатные труды по

*) Память В. И. Григоровича священна и для пишущаго эти строки. Онъ пробылъ въ Москвѣ не болѣе полугода (1848—1849), но успѣлъ заразить насъ своею любовью къ Славянскимъ нарѣчіямъ и древностямъ. Мы выучились у него читать и глаголицкія рукописи. Былъ онъ противоположностью О. М. Бодянскому, который читалъ намъ два мѣсяца только о буквѣ *а*, будучи болѣе занятъ изданіемъ „Чтеній Общ. Ист. и Др.“ П. Б.

славистикѣ. И все это было для каждаго изъ насъ доступно, лишь была бы охота самому заняться.

Объ ученой дѣятельности В. И. Григоровича я составилъ себѣ слѣдующее понятіе. Всѣ труды его по славистикѣ безусловно были самостоятельны и глубоко проникнуты единствомъ оригинальнаго, научнаго міровоззрѣнія. В. И. Григоровичъ вмѣстѣ съ Буслаевымъ и другими лучшими современными филологами есть основатель научнаго историческаго славянофильства. Онъ былъ первымъ по времени на Славянской кафедрѣ въ Казанскомъ университетѣ и, вмѣстѣ съ Прейсомъ, Бодянскимъ, Срезневскимъ и другими профессорами, принадлежалъ къ первому поколѣнію нашихъ университетскихъ Славистовъ. Въ одно время съ ними, вскорѣ по открытіи кафедры исторіи и литературы Славянскихъ нарѣчій, въ началѣ сороковыхъ годовъ, онъ отправился (въ 1844 г.) въ Славянскія земли. Плодомъ четырехъ-лѣтняго путешествія его была книга: „Очерки путешествія по Европейской Турціи“, сдѣлавшаяся теперь настольной книгой для каждаго Славянскаго ученаго (1848 г.). Отдавшись профессорской дѣятельности, началъ онъ съ того, чѣмъ оканчиваютъ свою ученую дѣятельность наши профессора—съ общихъ вопросовъ. Въ 1841 г. онъ напечаталъ *Краткое обзорѣніе Славянскихъ литературъ*. Это было первое ученое сочиненіе въ Россіи о Славянской литературѣ съ точки зрѣнія Славянской взаимности. Для начинающаго ученаго здѣсь можно было всего болѣе надѣлать ошибокъ; а между тѣмъ главныя идеи, развиваемыя въ этомъ обзорѣніи, совершенно вѣрны даже и для настоящаго времени. Авторъ опредѣляетъ вполне логично характеръ просвѣщенія Славянъ противоположностью Восточныхъ просвѣтительныхъ началъ вошедшимъ въ славянство Западнымъ. Далѣе встрѣчаемъ другую вѣрную идею: „Славяне, говоритъ Григоровичъ, хоть и разрозненные, имѣютъ много общаго; они имѣютъ какое-то сочувствіе къ великимъ и благотворнымъ начинаніямъ и не разъ движутся однимъ и тѣмъ же восторгомъ, одною и тою же идеей“. Въ 1842 г. В. И. Григоровичъ публично защищалъ свою диссертацию на степень магистра и тоже общаго характера: „Опытъ изложенія литературы Славянъ въ ея главнѣйшихъ эпохахъ“. Матеріалъ для этого труда былъ малъ,—это вѣрно,—но по мысли трудъ былъ живой и плодотворный. И здѣсь литература Славянскихъ народовъ разсматривается, какъ и въ первомъ сочиненіи, какъ одно стройное цѣлое, и съ точки зрѣнія панслависта. Вотъ какъ смотрѣлъ Григоровичъ на свою науку еще до своего путешествія. Теперь же, послѣ его путешествія, дальнѣйшіе ученые труды Григоровича, въ противоположность первымъ, представляютъ уже не общіе очерки и выводы Славянской науки, а подробную разработку частныхъ, и иногда

самыхъ мелочныхъ научныхъ вопросовъ. Собранный имъ новый научный матеріалъ, особенно счастливыя рукописныя находки, знакомство и бесѣды въ Прагѣ и Вѣнѣ съ Славянскими учеными и дѣятелями, послужили въ пользу для научнаго его усовершенствованія. Вновь открытые имъ во время его путешествія глаголическіе памятники подтвердили справедливость прежняго его мнѣнія о глаголицѣ. Слѣды глаголическихъ памятниковъ на мѣстахъ достопамятныхъ въ исторіи просвѣщенія Славянъ, найденные Григоровичемъ, указывали на широкое распространеніе глаголицы и на связь ея съ этими мѣстами. Съ новыми находками открывалась несостоятельность прежняго взгляда на глаголицу Добровскаго и его послѣдователей о позднѣйшемъ изобрѣтеніи глаголицы, и становилась болѣе правдоподобной мысль, на которую напалъ Григоровичъ, о двухъ Славянскихъ алфавитахъ и о древности глаголицы передъ кириллицей. Самъ Шафарикъ, бывшій прежде другаго мнѣнія по этому вопросу, перешелъ на сторону Григоровича. Еще другой вопросъ, кромѣ глаголицы, занималъ В. И. Григоровича во время путешествія по Европейской Турціи. Въ Болгаріи онъ занялся изученіемъ особенностей Болгарскаго нарѣчія, мало извѣстнаго въ то время Славянскимъ ученымъ, и подмѣтилъ впервые тѣ носовые звуки, существованіе которыхъ отрицалось наукою; это открытіе послужило важнымъ доказательствомъ при обсужденіи вопроса, не на Болгарскій ли языкъ сдѣланъ былъ переводъ Священнаго Писанія?

Всѣ Славянскія нарѣчія излагалъ онъ во взаимной связи и по отношенію къ церковно-славянскому языку, такъ что изученіе одного изъ нихъ служило пособіемъ и дополненіемъ къ изученію другаго. Въ церковно-славянскомъ языкѣ В. И. Григоровичъ видѣлъ начало духовнаго единства, скрѣпившаго разрозненныя Славянскія племена; но, не подавляя нарѣчій, этотъ языкъ, по выраженію В. И. Григоровича, былъ представителемъ ихъ древнѣйшаго образованія. Каждый Славянинъ находитъ въ церковно-славянскомъ языкѣ начало родныхъ своему нарѣчію стихій. Расходясь параллельно, Славянскіе языки никогда не были бы изучаемы по извѣстнымъ прочнымъ правиламъ безъ познанія состава древняго Славянскаго языка. Въ противоположность характеру прежнихъ начальныхъ своихъ занятій въ области общихъ вопросовъ, какъ мы сказали выше, В. И. Григоровичъ теперь, въ послѣдующей своей ученой дѣятельности, предпочитаетъ имъ вопросы частные. Мало того: чѣмъ мелочнѣе для другихъ казался тотъ или другой трудъ въ Славянской наукѣ, чѣмъ неблагодарнѣе казалась какая-нибудь такого рода работа, тѣмъ скорѣе брался за эту черную работу В. И. Григоровичъ, если сознавалъ ея необходимость. Послѣ первыхъ своихъ

общихъ воззрѣній на духовную жизнь Славянъ, насколько она выразилась въ литературѣ, В. И. Григоровичъ все болѣе и болѣе уходитъ въ мелочи и подробности своего предмета, въ глубь науки. Люди, не сочувствовавшіе ему, называли его еще въ наше время за это въ насмѣшку *букволюдомъ*. Любимымъ его занятіемъ становится изученіе рукописей, притомъ не однѣхъ Славянскихъ, но и Греческихъ и Румынскихъ, если онѣ касались славянщины. Такое филологическое изученіе представляетъ особенныя трудности. В. И. Григоровичъ старался опредѣлить взаимное отношеніе древнихъ рукописныхъ памятниковъ и ихъ характеръ, и съ этою цѣлью раздѣлилъ древніе памятники церковно-славянской литературы, на основаніи формальныхъ и палеографическихъ особенностей, на семь разрядовъ или редакцій, вмѣсто трехъ или четырехъ, бывшихъ до него въ наукѣ. Это новое мнѣніе его было принято потомъ Востоковымъ и Срезневскимъ, специалистами въ области славистики. Особенно нашли себѣ такіа палеографическія занятія Григоровича новое поприще, когда правительство рѣшилось перевезти Соловецкую библіотеку въ Казань (въ 1855 г.) и присоединить ее къ библіотекѣ Казанской Духовной Академіи. В. И. Григоровичъ получилъ тогда доступъ къ этимъ рукописямъ, взявшись съ 1855 г. безвозмездно руководить студентовъ Академіи въ палеографическомъ изученіи рукописей. Лексикальное изученіе рукописей, писанныхъ на древне-славянскомъ языкѣ, занимало также въ это время извѣстнаго ученаго Миклошича, и, когда вышелъ капитальный трудъ сего послѣдняго: „*Lexicon paleoslovenico-graeco-latinum*“, В. И. Григоровичъ, въ дополненіе къ нему, составилъ и издалъ свой списокъ, заключающій въ себѣ слова пропущенныя или имѣющія значеніе, не указанное Миклошичемъ. Въ Одессѣ, куда Григоровичъ перешелъ изъ Казани, ученая дѣятельность его расширилась мѣстными археологическими и этнографическими интересами.

В. И. Григоровичъ говорилъ, что, съ истеченіемъ тысячелѣтія со временъ Кирилла и Меѳодія, Славяне достигли сознанія дружнаго содѣйствія въ просвѣщеніи. Въ этотъ тысячелѣтній періодъ они выручали себя. Если слово замирало у однихъ, оно внятно проповѣдывалось у другихъ, и это слово—о Славянскомъ будущемъ, о томъ, что Славяне имѣютъ свое призваніе, свое будущее. Въ настоящее время нельзя уже не признать, что есть міръ не одинъ Германско-романскій, но и Славянскій, который такъ же необходимо изучать, какъ и первый. Это ужъ большой успѣхъ. Эту самостоятельность Славянской мысли съ перваго и до послѣдняго своего печатнаго труда проводилъ В. И. Григоровичъ. Онъ говорилъ, что и мы, Русскіе, не смотря на видимое забве-

ніе лежащихъ въ насъ Славянскихъ началъ, жили Славянскою жизнью. Онъ говорилъ, что наступитъ то время, когда Славянскіе инстинкты скажутся и въ Русскомъ обществѣ. Русская исторія, говорилъ онъ, въ то же время—Славянская.

Особенную привлекательность придавало всёмъ этимъ бесѣдамъ въ нашихъ глазахъ еще одно обстоятельство: Григоровичъ лично зналъ корифеевъ тогдашней Славянской науки и литературы. Онъ могъ поразказать свои собственные воспоминанія о Шафарикѣ, Вукѣ Караджичѣ, Гаѣ, Станко-Вразѣ, Колларѣ и многихъ другихъ. Онъ зналъ лично такихъ выдающихся Германскихъ ученыхъ, какъ В. Гриммъ, Болъ, Поттъ, Гауптъ и Перцъ. Все это высоко ставило Григоровича въ глазахъ не однихъ студентовъ.

Зачѣмъ В. И. Григоровичъ покинулъ (въ 1865 г.) Казань? Казань въ наше время была довольно отсталымъ городомъ. Среди Казанскаго общества мало было въ то время образованныхъ людей. Интеллигенція увлекалась Франціей, Англіей, Германіей, и не хотѣла знать ничего о Славянахъ. Серьезная мысль, какъ и художественное пониманіе, были ей совершенно чужды и недоступны. Въ своихъ воспоминаніяхъ о тогдашней Казани Н. М. Благовѣщенскій, профессоръ древнихъ языковъ сначала въ Казанскомъ, а потомъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ, передаетъ какъ фактъ, что художественная сторона жизни была въ то время совершенно неизвѣстна въ Казани. Равнодушіе къ дѣятельности Григоровича со стороны окружающаго общества, выражавшееся напр. отсутствіемъ большаго числа публики на его публичныхъ лекціяхъ, и желаніе быть поближе къ мѣсту своей родины, вѣроятно все, заставили Григоровича проститься навсегда съ Казанью. Но и въ Одессѣ, какъ говорили знавшіе его люди, ему было не лучше. Съ юношескимъ жаромъ, не смотря на свои почтенные годы, онъ мечталъ здѣсь о задачахъ Румыно-византійскаго славяновѣдѣнія. Но въ Одессѣ, въ этомъ коммерческомъ городѣ, занятомъ болѣе всего торговлей пшеницы, кому какое было дѣло до этихъ мечтаній? Съ Одессой у В. И. Григоровича не могла сформироваться никакая солидарность. Зато университетъ въ Одессѣ, по свидѣтельству самихъ его профессоровъ, многимъ обязанъ Григоровичу. Своею опытностью, съ развитымъ испытаннымъ методомъ, съ великими идеями о славянствѣ, Григоровичъ, по выраженію А. И. Кирпичникова, легъ, какъ краеугольный камень, въ основаніе Новороссійскаго университета и для этого юнаго учрежденія создалъ славное прошлое.

18 Октября 1892 г. надъ могилою В. И. Григоровича, въ Елисаветградѣ, былъ открытъ и освященъ воздвигнутый его учениками и

почитателями прекрасный памятникъ. Памятникъ сооруженъ изъ дикаго Карарскаго мрамора, въ формѣ четырехъ-гранной пирамиды, на вершинѣ которой расположенъ надъ тремя томами сочиненій бюстъ В. И. Григоровича, мастерски воспроизведенный скульпторомъ Эдуарсомъ. На лицевой сторонѣ памятника, въ древне-славянскомъ стилѣ, выгравировано: „Искый правды мѣчѣтнаіего (т. е. суетнаго) свѣта. Македонія. Византія. Южная Русь. Во имя славянства“; внизу на цоколѣ: „Викторъ Ивановичъ Григоровичъ. Отъ учениковъ и почитателей“; съ правой стороны: „Родился 1815“, съ лѣвой: „Скончался 1876“. Вокругъ памятника на гранитномъ фундаментѣ возведена красивая чугунная рѣшетка. Это описаніе памятника взято мною у А. И. Кирпичникова, изъ статьи его: *В. И. Григоровичъ и его значеніе въ исторіи Русской науки*, „Историческій Вѣстникъ“, 1892 г. XII.

Передъ моимъ письменнымъ столомъ виситъ всегда портретъ В. И. Григоровича рядомъ съ портретами моей матери и дѣтей. Портретъ этотъ добытъ съ большимъ трудомъ, благодаря содѣйствію товарища моего М. П. Петровскаго. В. И. Григоровичъ не любилъ сниматься въ фотографіи, и надо было съумѣть увлечь его сюда. Мой портретъ лучше, хотя и меньше портрета Григоровича, помѣщеннаго въ *Славянскомъ Обозрѣніи* (1892, VII). Затѣмъ въ моей библіотекѣ сохраняется нѣсколько книгъ, подаренныхъ мнѣ В. И. Григоровичемъ. Когда я писалъ книгу: *Дунай въ географическомъ, историческомъ и другихъ отношеніяхъ* (1886), то много думалъ о Григоровичѣ и читалъ вновь нѣкоторые его труды. В. И. Григоровичъ живетъ въ моей душѣ и въ моемъ сердцѣ помимо всякихъ внѣшнихъ напоминаній о немъ. Онъ представляется въ моихъ воспоминаніяхъ самымъ свѣтлымъ и самымъ чистымъ явленіемъ въ моей собственной жизни. Ему я безусловно вѣрилъ и вѣрю. Его вліяніе на меня было самое сильное между другими университетскими вліяніями. Онъ всегда былъ и навсегда останется для меня авторитетомъ и идеаломъ чловѣка. И это, я знаю, вѣрно не для меня одного.

У.

О Фатерѣ, профессорѣ Греческаго языка въ Казанскомъ университетѣ, я знаю очень мало. Частная жизнь его студентамъ, бывшимъ его учениками въ началѣ пятидесятихъ годовъ, оставалась почти неизвѣстна. О ней передавали одни выдуманные непровѣренные слухи. Въ разсказахъ такого рода проф. Фатеръ являлся напр. поклонникомъ Бахуса, веселымъ и остроумнымъ собесѣдникомъ. Говорили еще, что Фатеръ развелся съ своей женою три дня спустя послѣ брака. Но и въ раз-

ныхъ непровѣренныхъ разсказахъ проф. Фатеръ рисуется человѣкомъ, пріѣхавшимъ въ Россію не ради корыстныхъ цѣлей: онъ остается бѣднякомъ въ концѣ своей профессорской карьеры, онъ отдаетъ свою жизнь пріютившей его странѣ и своими трудами приноситъ ей пользу, онъ не изъ тѣхъ Нѣмцевъ, которые живутъ въ Россіи, ѣдятъ Русскій хлѣбъ и только бранятъ ее; онъ, напротивъ, любитъ Россію и цѣнитъ ея гостепріимство. Въ такого рода освѣщеніи много вѣрнаго. Говорили, что проф. Фатеръ былъ рекомендованъ Казанскому университету извѣстнымъ филологомъ Грѣфе, что отецъ Фатера тоже былъ профессоръ и самъ Фатеръ пользовался даже среди Нѣмецкихъ ученыхъ заслуженнымъ авторитетомъ. И это правда*). По поводу профессора Тхоржевскаго, отвергавшаго въ своихъ лекціяхъ теорію Фатера о поклоненіи древнихъ Грековъ лунѣ, говорили, что Фатеръ нисколько не сердился на бывшаго своего ученика за противорѣчіе, а напротивъ относился къ нему дружелюбно. „И ты противъ меня, мой Брутъ“,— будто бы сказалъ Фатеръ Тхоржевскому. „Я знаю, что ты любишь меня, какъ мой другъ, и жалѣю, что не угодилъ я тебѣ своей міеологіей. Благословляю тебя: читай какъ самъ знаешь,—по своему,— большому кораблю большое плаваніе! Ты талантливъ и молодъ, а молодость ко мнѣ старику уже не придетъ... У насъ въ Германіи такими противорѣчіями никто не обижается. Каждому свое, каждому своя дорога: *suum cuique*“. Такое великодушіе, признаюсь, насъ студентовъ трогало. Передавали другой разговоръ Фатера съ Тхоржевскимъ, бывший, будто бы, въ квартирѣ Фатера за стаканомъ пунша, въ присутствіи другихъ профессоровъ. „Слушай, мой коллега, чтѣ я тебѣ скажу“, говорилъ Фатеръ. „Ты читалъ вѣдь Бѣттигера? Чтѣ онъ говоритъ? Бѣттигеръ говоритъ, что копье бога Марса, кадуцей Меркурія, трезубецъ Нептуна, какъ предметы поклоненія, были извѣстны раньше Грекамъ, чѣмъ самыя статуи этихъ боговъ. Человѣкообразная фигура Марса вышла уже позднѣе изъ руки Греческаго художника и копье было приложено къ ней послѣ, какъ археологическая принадлежность, замѣнявшая въ старину самую статую, и этотъ атрибутъ по происхожденію древнѣе самой статуи. Теперь выслушай:—если древніе Греческіе боги изображались въ видѣ меча, копья, трезубца, кадуцея, то чтѣ въ томъ невѣроятнаго, что эти атрибуты статуй сдѣлались священными въ глазахъ Грековъ, и сами статуи боговъ напоминали имъ прежнее ихъ поклоненіе лунѣ, на которую атрибуты походили своимъ ви-

*) Профессоръ Струве въ предисловіи къ изданію посмертныхъ сочиненій Тхоржевскаго свидѣтельствуетъ, что извѣстность Фатера въ Германіи пріобрѣтена была образцовымъ изданіемъ и комментаріями Эврипида. Фатеръ пріѣхалъ въ Казань въ 1840 году.

домъ, а лунѣ поклонялись всѣ древніе народы?“ Тхоржевскій, будто бы отвѣчалъ на это Фатеру, что Бёттигеръ не говорилъ, однако, нигдѣ ни слова о такомъ происхожденіи Греческихъ боговъ.— „Онъ не говорить, а я говорю“, отвѣчалъ Фатеръ, разразившись громкимъ смѣхомъ. „Почему же ты Бёттигеру вѣришь больше, чѣмъ мнѣ?“—Такъ передавали сочиненный разговоръ между Фатеромъ и Тхоржевскимъ. Фатеръ не говорилъ по русски, и разговоръ съ нимъ шелъ всегда или по латыни, или на Нѣмецкомъ языкѣ. Свои лекціи онъ читалъ намъ тоже на Латинскомъ языкѣ и переводъ съ Греческаго велъ тоже по латыни, и потому Фатеръ никогда не говорилъ намъ, студентамъ, вы, а всегда ты. Сначала такое фамильярное обращеніе насъ шокировало, а потомъ къ нему привыкли.

Фатеръ былъ строгій профессоръ и ставилъ студентамъ много единицъ. Между студентами всегда были у него недоброжелатели. И вотъ какъ они представляли намъ Фатера. „Онъ уродъ“, говорили они намъ, „съ вытянутыми ногами, онъ ходитъ, какъ утка, онъ съ рыжей головой, съ красными, какъ у деревенской дѣвки щеками, что идетъ за водой по улицѣ мостовой“. Почитатели его соглашались, что у Фатера дѣйствительно ноги были не въ порядкѣ, но утверждали зато, что онъ отсидѣлъ ихъ, занимаясь много наукой, и что это слѣдуетъ поставить ему въ заслугу. „Онъ рыжій, говорили они, да милый; остричь, смѣется—веселый. Онъ надѣваетъ лѣтомъ зеленый жилетъ и желтый галстухъ, при синемъ фракѣ, и это къ нему идетъ“. Вообще Фатеръ казался своимъ друзьямъ милѣйшимъ человѣкомъ. Я былъ такого же мнѣнія.

Сочиняли также, что кто хорошо занимается у Фатера Греческимъ языкомъ, того будто бы онъ приглашалъ къ себѣ по вечерамъ читать съ нимъ классиковъ *privatissime* и будто бы такихъ любителей древности угощалъ даже виномъ. Говорили, что бывали у него студенты старшихъ курсовъ Камковъ и Копиловъ, потому и у нихъ красные носы и красныя щеки. Это былъ уже совершенный вздоръ; я самъ спрашивалъ у Камкова, правда ли это; въ отвѣтъ мнѣ онъ только смѣялся, удивляясь, какъ можно и кому нужно было выдумать такія глупости про Фатера. Изъ моихъ же товарищей никто никогда не бывалъ на дому у Фатера.

Теперь я скажу о Фатерѣ, какъ о профессорѣ, то, что самъ знаю. Онъ читалъ намъ лекціи *Греческихъ Древностей* (въ 1852 г.), *Мифологіи* (1853) и переводилъ съ нами съ Греческаго языка на Латинскій *Пиръ* (Симпозіонъ) Ксенофонта и *Алкесту* Эврипида. Все, что онъ ни дѣлалъ,—дѣлалъ въ высшей степени добросовѣстно; съ любовью и къ

наукѣ, и къ намъ. Грамматическія его толкованія, правда, были немногочисленны, зато всегда кстати и для насъ были вполне ясны и доступны. Ни на какія Греческія грамматики профессоръ никогда не ссыался, какъ дѣлалъ это напр. Струве, и съ грамматикой у насъ съ нимъ никакихъ затрудненій не было. Реальный же комментарий его былъ подробнѣе, чѣмъ грамматическій, не смотря на то, что Фатеръ всегда желалъ какъ можно болѣе переводить, чтобы начатое Греческое сочиненіе переводить все безъ пропусковъ и во время окончить. Къ его лекціямъ по Греческому языку надобно было каждый разъ готовиться, а манкированія лекцій у Фатера вообще не полагалось. Профессоръ помогалъ намъ самъ въ нашемъ переводѣ; зато небольшія требованія, какія онъ задавалъ намъ для подготовки, должны были выполняться нами весьма аккуратно. На экзаменахъ онъ былъ къ намъ снисходителенъ, такъ что студенты нашего курса напр. всѣ получили у него хорошія отмѣтки, но раньше насъ бывшіе студенты, его ученики, жаловались намъ на его придирчивость и на единицы. Кто тутъ былъ правъ, кто виноватъ—не разберешь. И „Пиръ“ и „Алкеста“ намъ очень нравились, особенно Алкеста. И немудрено: надо знать, что такое классическіе авторы. Въ основу Алкесты Эврипидъ положилъ высокій идеалъ: любовь жены къ мужу и преклоненіе предъ этой любовью самихъ боговъ. Этотъ идеалъ—почти христіанскій. Алкеста осуществляетъ собою высшій идеалъ христіанской любви, проповѣдующій жертвовать жизнью за друзей своихъ. Даже не вѣрится, что такая ересь была написана за четыре слишкомъ столѣтія до появленія ученія Христа. Алкеста умираетъ за мужа. Мужъ ея, Адметъ, могъ избѣгнуть грядущей ему смерти только въ томъ случаѣ, если кто другой согласится умереть за него. Алкеста—это олицетвореніе добродѣтели, когда никто не захотѣлъ умереть за Адмета,—ни старикъ-отецъ его, ни родная его мать,—рѣшается сама изъ любви къ мужу проститься съ бѣлымъ свѣтомъ. Вѣрная жена, до самопожертвованія любящая своего мужа, гуманная госпожа для рабовъ, мужественная женщина! И намъ жаль бѣдную Алкесту! Гдѣ найдется теперь такая жена, которая изъ преданности къ мужу, согласилась бы пожертвовать жизнью? спрашиваетъ насъ Фатеръ.—Патетическія сцены переводились одна за другой. Вотъ напр. одна изъ нихъ. Алкеста прощается съ своимъ брачнымъ ложемъ передъ смертью: она припала къ нему и стала цѣловать его. Дѣти, ухватившись за платье матери, плачутъ; она взяла ихъ на руки и принялась цѣловать одного за другимъ, прощаясь съ ними, какъ обреченная на смерть. Или другая сцена—Алкеста прощается съ солнцемъ: „Солнце!... Сіяніе дня!“... говоритъ она. „Вы, гряды быстро бѣгущихъ по небу облаковъ! Прощайте!“ Проща-

ніе это нравится намъ болѣе потому, что напоминаетъ изъ Шиллера прощаніе Ж. д'Аркъ, когда она оставляетъ свою родину. „Не женись, не давай мачехи моимъ дѣтямъ“,—уговариваетъ Алкеста своего супруга: мысль о дѣтяхъ, мысль о томъ, что мачеха становится врагомъ дѣтямъ отъ перваго брака, не покидаетъ ея передъ смертью. „Замѣни теперь этимъ дѣтямъ мать вмѣсто меня“, говоритъ она Адмету. Хоръ поетъ: „вотъ достойная жена!“ А Адметъ, ея супругъ, этотъ эгоистъ, допустившій жену умереть ради сохраненія своей жизни, чего не сдѣлалъ бы ни одинъ студентъ, Адметъ, зараженный страхомъ смерти, радъ случаю остаться въ живыхъ; онъ не стоитъ своей жены. Намъ, студентамъ, Адметъ былъ противенъ. Хоръ поетъ: „на могилу твою не взглянуть какъ на простой могильный холмъ—ей должно поклоняться, какъ святынь; пусть чтутъ ее путники и, свернувъ съ дороги, скажутъ: „когда-то она пожертвовала жизнью за своего мужа, чтобы стать теперь блаженной богиней. Радуйся, владычица, и не оставь насъ своею милостью!“ Это напоминаетъ уже молитву. Развязка драмы въ рукахъ Геракла. Онъ является случайно гостемъ во дворцѣ Адмета и рѣшается, какъ благородный рыцарь и въ благодарность за гостепріимство, вырвать Алкесту изъ объятій бога смерти. Гераклъ вступаетъ въ бой съ царемъ смерти, ухватилъ его руками вблизи могилы, уносить съ собой Алкесту и передаетъ ее мужу покрытую покрываломъ. Восторгъ Адмета, когда Гераклъ сбрасываетъ это покрывало и мужъ узнаетъ свою жену, выше всякаго описанія; Адметъ едва вѣрить, что передъ нимъ стоитъ его жена, которую онъ схоронилъ, и такъ недавно. Мы, студенты, остались вполне довольны такимъ счастливымъ окончаніемъ драмы.

Главная заслуга профессора Фатера заключалась въ томъ, что онъ былъ ученый вполне самостоятельный. Чтѣ онъ читалъ намъ, это было его собственное мнѣніе. Разумѣется, онъ во многомъ ошибался, напр. его мнѣніе о почитаніи Греками луны вовсе отвергнуто теперь наукой, но онъ былъ искренно убѣжденъ въ томъ, чтѣ говорилъ, и это убѣжденіе передавалось его слушателямъ. Я и до сихъ поръ раздѣляю до нѣкоторой степени воззрѣніе Фатера на Мифологию и удивляюсь и самъ, почему не могу стать на другую точку зрѣнія. Того, чтѣ читалъ Фатеръ въ своихъ лекціяхъ, я не находилъ послѣ ни у одного изъ Русскихъ ученыхъ. Чтѣ читалъ, напр., намъ Струве, то мы находили въ любомъ пособіи, у Фатера же все было свое и все въ высшей степени оригинальное. Это былъ такой ученый, какого мы всегда желали имѣть. Не повторяй того, чтѣ сказали другіе, не щеголай своею эрудиціей, а скажи, какъ ты самъ понимаешь вопросъ, чтѣ ты самъ о немъ на-

думалъ: вотъ каковы были требованія къ намъ отъ профессоровъ. Фатеръ такъ и дѣлалъ, и мы вѣрили ему, потому что видѣли, какъ подробно и какъ тщательно онъ изучилъ свой предметъ, какъ отлично зналъ классическихъ писателей. Фатеръ не читалъ лекцій, какъ другіе профессора, а диктовалъ ихъ, дѣлая по временамъ скороговоркой объясненія и дополненія, и между тѣмъ его лекціи были не утомительны и были въ высшей степени интересны. Разъ Фатеръ, помню, явившись на каедрѣ, сталъ искать въ своихъ карманахъ тетрадки лекцій и не нашелъ—онъ забылъ ихъ дома. Положеніе его становилось комическимъ. Онъ самъ разсмѣялся надъ такимъ неожиданнымъ пассажемъ. „Что же, сказалъ онъ, я безъ оружія (*sine armis*)“. Онъ долженъ былъ начать читать безъ тетрадки, тѣмъ не менѣ приводилъ въ доказательство своихъ мнѣній, какъ обыкновенно, наизусть Греческіе тексты и даже читалъ на этотъ разъ лучше, чѣмъ когда нибудь. Между тѣмъ лекціи его настолько были переполнены Греческими текстами, что нельзя было ихъ читать безъ тетрадки. Напр. въ первой лекціи *Греческихъ Древностей*, въ которой излагался взглядъ его на происхожденіе (*de origine*) Грековъ, Фатеръ приводитъ цѣлую страницу Греческихъ текстовъ изъ Оригена (книга противъ еретиковъ), у котораго одного сохранились относящіеся къ данному вопросу мѣста изъ Пиндара и другихъ Греческихъ лириковъ. Спрашивается, какъ возможно было бы передать такую лекцію наизусть? *Греческія Древности* намъ Фатеръ прочиталъ не однѣ государственныя (*publicae*), какъ сдѣлалъ это Струве по отношенію *Римскихъ Древностей*, но и частныя (*privatae*). Никогда послѣ я не читалъ ничего болѣе интереснаго, хотя и познакомился съ Марквартомъ. Лекціи Фатера написаны были очень живо, увлекательно и полны остроумія, такъ что вызывали иногда съ нашей стороны дружный смѣхъ. Напр. 17-ую лекцію изъ *Греческихъ Древностей* онъ начинаетъ такъ (лекція была *de mulieribus*, о женщинахъ): „Приходится говорить о вещи дешевой, т. е. о женщинахъ, ибо у древнихъ женщины не были въ цѣнѣ и считались чѣмъ-то въ родѣ рабынь. Сюда присоединялось то обстоятельство, что имъ недоставало воспитанія, и если онѣ бывали добродѣтельны, то только по принужденію. Поэтому, если супругъ не управлялъ хорошо семьею, то онѣ бывали неряшливы, неопрятны, прожорливы, пьяницы и похотливы. Неудивительно, слѣдовательно, что у Эврипида и у комиковъ женщины представлены такъ, что кто-то вмѣстѣ съ Ипполитомъ пожелалъ, чтобы женскаго пола совсѣмъ не было и дѣти рождались отъ деревьевъ“. Иногда въ лекціяхъ Фатера острота попадалась совершенно случайно и вызывала улыбку. Напр.: „Вся исторія Римскихъ царей такъ перемѣшана съ баснями, что можно усомниться, были ли когда бы то ни

было цари во главѣ Рима. Если это правда, то Римляне освобождаются отъ тяжкаго обвиненія въ изгнаніи царей“. Или: „Только что рожденнаго (Вулкана) мать сбросила съ неба за безобразіе (его) лица“. *Foeditas faciei*—гадость лица соотвѣтствуетъ Русскому выраженію „рожи“. За это Вулканъ сдѣлалъ *solium* (сѣдалище, стулъ) своей матери, и когда Юнона сѣла на этотъ *solium*, то не могла съ него встать—такъ искусно онъ былъ устроенъ. „И она сидѣла бы и понынѣ, если бы Марсъ не заставилъ его освободить мать“, съострилъ Фатеръ.

Но всего лучше Фатеръ читалъ Мифологію*). Здѣсь ужъ каждая строчка принадлежала ему, здѣсь онъ былъ вполне самостоятеленъ. Можно было, пожалуй, не соглашаться съ нѣкоторыми его мнѣніями, но нельзя было не удивляться осторожному его объясненію мифовъ поклоненіемъ Грековъ лунѣ. Это была главная его идея. Лекціи о Мифологіи такъ же были переполнены, какъ и о Древностяхъ, выдержками изъ древнихъ классиковъ, свидѣтельствующими объ обширной начитанности профессора, цитаты были приведены всегда кстати и служили дѣйствительно сильнымъ доказательствомъ въ пользу мнѣній профессора; продумано все и вполне самостоятельно. Фатеръ былъ настоящій Нѣмецкій ученый, который выработалъ себѣ опредѣленное серьезное міросозерцаніе, и если ошибался, какъ и многіе ошибаются, то выкупалъ свои ошибки искренностью и смѣлостью. Онъ зналъ себѣ цѣну и держалъ себя, и передъ студентами, и передъ начальствомъ, независимо и даже гордо, ни въ комъ никогда не заискивая. Студенты его боялись, а кто изъ нихъ зналъ его лучше, тѣ его любили. Къ сожалѣнію, я не могу доказательно, какъ бы слѣдовало, изложить взглядъ Фатера на Мифологію. По отдѣльнымъ отрывкамъ изъ лекцій это будетъ совершенно невозможно; не понять же Фатера какъ слѣдуетъ,—то подумаешь, что онъ дурачится или шутитъ. Трудно подыскать такой небольшой отрывокъ въ его лекціяхъ, который полнѣе и лучше другихъ познакомилъ бы насъ съ Фатеромъ. Я знаю, что Фатеръ печаетъ

*) Передаемъ здѣсь нашу программу по Мифологіи, составленную Фатеромъ: 1) De explicationibus fabularum antiquis; 2) de mysteriis antiquis; 3) de fundamentis antiquae Mythologiae; 4) de cultu lunae; 5) de sexu deorum; 6) de oraculis; 7) de utraque lunae parte; 8) de nexu inter Mythologiam et artes; 9) de fabulosis artificibus Graecorum; 10) de nexu inter Aegyptios et Graecos; 11) historia artificum; 12) historia artificum; 13) de Iove et Iunone; 14) de Neptuno et numinibus maris et fluvium; 15) de Cerera cum filia; 16) de Apollone et Diana; 17) De Vulcano, Venere cum Amore et de Marte; 18) de Minerva; 19) de Mercurio et de Vesta; 20) de Baccho et ejus comitibus; 21) de Plutone et de inferis; 22) de heroibus, de nexu inter fabulas et Historiam.

талъ свои труды въ Нѣмецкихъ ученыхъ журналахъ, но у меня нѣтъ теперь изъ нихъ ничего подъ руками. Приведу первый попавшійся подъ руку отрывокъ изъ лекцій Фатера, чтобы показать на примѣрѣ, какъ онъ читалъ намъ лекціи по Миѳологіи и насколько онъ былъ оригиналомъ въ своихъ мнѣніяхъ. Чувствую, что отрывокъ далеко не изъ лучшихъ и одного отрывка будетъ недостаточно, чтобы оцѣнить должнымъ образомъ интересъ лекцій Фатера.

„Къ двумъ частямъ луны должны относиться многіе миѳы. Напримѣръ, Пигмаліонъ, любящій статую или мраморъ и наконецъ вдыхающій въ скалу свой цвѣтъ и свой огонь. Ибо скала, какъ (видно) въ другихъ миѳахъ, есть блѣдная часть луны, а блестящая часть постепенно увеличивается такъ, что кажется, будто она сообщаетъ свой огонь скалѣ. Не чужда (этого миѳа) и Европа, похищенная Зевсомъ; ибо Юпитеръ превратился въ быка изъ за роговъ луны, и между этими рогами усматривается другая часть луны, которая сравнивается съ дѣвою и въ послѣдствіи была признана даже третьею частію свѣта. И плыветъ тотъ быкъ съ Европою по звѣздному морю, потому что ночное небо представлялось моремъ. Мы возвращаемся къ Фриксу и Геллѣ, историческое объясненіе которыхъ мы привели уже. Самъ Фриксъ есть тотъ баранъ, на спинѣ котораго сидитъ Астра, но при приращеніи луны, другая часть (ея) наконецъ, повидимому, исчезаетъ въ полнолуніи, поэтому и придумали, что Гелла утонула въ морѣ, томъ самомъ, о которомъ мы говорили. Ибо часто думали, что другая часть луны исчезала всякій разъ, когда она не видна бывала болѣе, и оттуда существовало вѣрованіе о воздушныхъ камняхъ (метеорахъ), падающихъ съ неба, которые называются *βαιτόλια*. Весьма извѣстенъ тотъ левъ, котораго задушилъ Геркулесъ сильными руками. Но болѣе серьезные писатели рассказываютъ, что этотъ левъ упалъ съ луны. Поэтому, какъ кажется, въ этомъ миѳѣ есть двойной образъ: именно, прежде всего падаетъ левъ, какъ и Гелла, и потомъ обѣ части луны, т. е. Геркулесъ и левъ, обхватываютъ другъ друга, какъ Геркулесъ, Антей и другіе *).

*) Ad duas partis lunae multae fabulae referendae sunt, exempli causa Pygmalion, qui statuum vel marmor amat et tandem suum colorem et suum ignem saxo inspirat. Nam saxum, ut in aliis fabulis, est palida pars lunae et paulatim crescit splendida pars ita ut videatur suum ignem cum saxo communicare. Neque Europa a Iove rapta aliena est. Nam Jupiter in taurum mutatus est propter corna lunae, et inter haec cornua conspicitur altera pars lunae, quae comparata est cum virgine et postea etiam pro tertia parte terrae habita est. Et natus ille taurus cum Europa per astrum mare, quia coelum nocturnum mare visum est. Redimus ad Fryxum et Hellam quorum intepetationem hirtoricam supra attulimus. Fryxus ipse ille aries est in cuius dorso soror sedet, sed crescenta luna altera pars tandem perire videtur in plenilunio, quare finxerunt Hellam

Въ своихъ лекціяхъ Мифологіи Фатеръ доказывалъ, что и другіе древніе народы поклонялись лунѣ, напр. Персы, Индійцы. Ормуздъ и Ариманъ, говорилъ онъ, родились изъ яйца, а яйцо напоминаетъ полнолуніе. Ариманъ, начавши борьбу съ Ормуздомъ, превращается въ змѣю, которая есть ничто иное, какъ послѣдняя четверть луны. По возрѣнію Индійцевъ, земля наша покоится на спинѣ змѣи. Когда грѣхи людскіе отягощаютъ землю, она погружается въ море, и на землѣ начинается потопъ. Потомъ Вишну, подъ видомъ вепря, своими зубами поднимаетъ погруженную землю изъ воды и кладетъ ее на высокое мѣсто. Вишну—прообразъ луны, зубы его—ущербъ луны.

И въ приведенныхъ отрывкахъ далеко не раскрывается основная исторія Фатера по Мифологіи. Для того слѣдовало бы воспользоваться какимъ-нибудь его трудомъ по Мифологіи на Нѣмецкомъ языкѣ. Фатеръ напр. много говорилъ намъ о томъ, почему лунѣ, а не солнцу поклонялись древніе народы. По его мнѣнію, на синемъ ночномъ небѣ луна является страшною, а кого боятся, тому и служатъ. Все это, скажутъ теперь, однѣ фантазіи профессора, все это давно отвергнуто наукой, потому не можетъ имѣть болѣе никакой цѣны. Я не буду доказывать противное. Замѣчу только, что я нигдѣ не могъ прочесть до сихъ поръ дѣльнаго опроверженія мнѣній Фатера.

Профессоръ Тхоржевскій не принималъ въ серъезъ этихъ мнѣній, а высказалъ намъ о Мифологіи другое мнѣніе. Онъ читалъ намъ лекціи *Энциклопедіи классической филологіи*, помнится, въ то же время, какъ Фатеръ читалъ курсъ *Мифологіи*. Въ своихъ лекціяхъ онъ коснулся и Мифологіи. По его мнѣнію, Мифологія развилась въ доисторическій періодъ жизни Грековъ. Затѣмъ коренное значеніе мифовъ заключается въ простомъ обоготвореніи природы. Первобытное, простое, но полное души и поэзіи міросозерцаніе древняго Грека было въ зависимости отъ окружавшей его природы, и въ силахъ природы слѣдуетъ искать происхожденія мифовъ. Между душою древняго Грека и природою была полная симпатія, гораздо въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ въ какомъ мы видимъ въ настоящее время ее даже у поэтовъ. Солнечный блескъ, лунное сіяніе, дождь и молнія, теченіе рѣки, ростъ растенія и его зрѣлость, все это приковывало къ себѣ вниманіе первобытнаго человѣка

submersam esse in mare isto quod jam explicabimus. Nam saepe creditum est alteram lunae partem dilapsam esse, si non amplius conspicua erat et inde opinio de lapidibus metheoricis qui ex coelo labuntur et γαῖόλιθα appellantur. Notissimus est leo ille quem Hercules fortibus brachiis suffocavit. Sed gravissimi scriptores narrant hunc leonem ex luna delapsum esse. Itaque duplex imago in hac fabula esse videtur, nam primum delabitur leo quemadmodum Hella, et deinde utraque pars lunae, id est Hercules et leo se amplectuntur quemadmodum Hercules et Anteus et alii.

и вызывало съ его стороны то или другое объясненіе. Дорога къ восточной символикѣ природы еще не была въ то время совершенно забыта. Мифы передаются намъ въ позднѣйшей ихъ обработкѣ поэтами, философами, историками, географами, и потому намъ трудно разгадать ихъ первоначальную редакцію. Начальныя представленія Грековъ о Мифологіи сложились еще въ Азіи, когда Греки не были еще Греками и не выдѣлялись въ особую группу отъ другихъ родственныхъ народовъ Арійскаго происхожденія. Дѣйствительность мифологическихъ представлений отражаетъ на себѣ тѣ явленія въ жизни природы, которыя окружали Грековъ, когда они жили въ Азіи, а не въ Европѣ. Поэтическая Мифологія, даже Гомеровская, сложилась гораздо позднѣе. Но заимствования о Востокѣ сдѣланы ранѣе. Таково мнѣніе Тхоржевскаго.

Я думаю, что и Фатеръ былъ бы согласенъ во многомъ съ высказаннымъ мнѣніемъ Тхоржевскаго. Теорія Фатера, по моему мнѣнію, не противорѣчитъ всему имъ сказанному. Тѣмъ болѣе слѣдовало бы Тхоржевскому опровергнуть въ подробностяхъ теорію Фатера о происхожденіи мифовъ, что онъ почти голословно ее отвергалъ. Онъ однако этого, почему-то, не сдѣлалъ.

Мы, студенты, оставались, хотя и не всѣ, вѣрными Фатеру. Его мнѣнія намъ болѣе другихъ нравились и своею смѣлостью, и своею оригинальностью, и своею самостоятельностью. Мы знали, что такого рода самостоятельныя мнѣнія пріобрѣтаются вовсе не легко, потому и цѣнили трудъ профессора. Можетъ быть, Фатеръ и ошибался, но онъ добросовѣстно сдѣлалъ то, что считалъ своимъ долгомъ. И въ нашихъ глазахъ онъ былъ настоящій ученый, который заслуженно долженъ пользоваться среди насъ авторитетомъ. Фатеръ—талантливый профессоръ—таково было общее мнѣніе у насъ о немъ. А какъ человекъ онъ оставался для насъ и остался навсегда мало знакомымъ.

Въ скоромъ времени по окончаніи мною университетскаго курса Фатеръ вышелъ въ отставку и уѣхалъ въ Берлинъ. Передъ концомъ его жизни въ Казани на него напало какое-то отчаяніе. Передъ отъѣздомъ своимъ изъ Казани, онъ приказалъ бросить въ р. Казанку всю свою бібліотеку классиковъ, предварительно разорвавъ самъ листы въ книгахъ. Кому приказано было это сдѣлать, тотъ не исполнилъ приказанія: изорванные экземпляры классиковъ продавались потомъ на рынкѣ за самую ничтожную цѣну. Говорили, что Фатеръ и въ Берлинѣ не нашелъ для себя ничего лучшаго, какъ броситься въ р. Шпре, гдѣ и утонулъ. Ничего вѣрнаго и на этотъ разъ мы не узнали о послѣдней судьбѣ Фатера, справедливо ли послѣднее извѣстіе, столь печальное и столь трогательное. Глубокое искреннее сожалѣніе

съ нашей стороны вызвало это извѣстіе. Говорили и ранѣе, что Фатеръ сходилъ съ ума еще въ Казани, сидѣлъ взаперти, отворялъ форточку въ окнѣ и махалъ изъ нея по воздуху шпагой, поражая такимъ образомъ воображаемыхъ своихъ враговъ. Но вѣрно ли это—и того не знаю. При воспоминаніи о Фатерѣ въ душѣ моей поднимается и теперь глубокое чувство состраданія по поводу его несчастій, соединенное съ уваженіемъ къ его несомнѣнному таланту и къ его обширной учености. Этотъ Нѣмецъ любилъ насъ, мы чувствовали сами; этотъ Нѣмецъ, если не по языку, то по душѣ былъ Русскій. Лично я былъ въ высшей степени признателенъ ему за все, что слышалъ отъ него на лекціяхъ, признателенъ и за его строгое, но доброе отношеніе къ моимъ малымъ знаніямъ по Греческому языку. Фатеръ былъ справедливый и милый профессоръ. Пусть другіе высказываютъ о немъ другое мнѣніе, я же считаю себя нравственно обязаннымъ защищать здѣсь моего учителя.

VI.

Профессоръ К. С. Тхоржевскій читалъ намъ въ 1851 г. на первомъ курсѣ Греческій языкъ и *Энциклопедію классической филологіи*. По общему мнѣнію, онъ былъ знатокъ Греческаго языка и отлично зналъ философію Платона*). Курсъ нашъ по Греческому языку былъ элементарный, потому что среди насъ были нѣкоторые студенты, не изучавшіе въ гимназіяхъ Греческаго языка. Изученіе грамматики Греческаго языка подъ руководствомъ К. С. Тхоржевскаго шло успѣшно. Что касается до *Энциклопедіи классической филологіи*, которая теперь болѣе не читается въ нашихъ университетахъ, въ то время это предметъ былъ новый, и не только для насъ, но и для самого профессора. Не смотря на возникавшія тогда затрудненія, профессоръ преодолѣлъ ихъ и прочиталъ намъ свой курсъ, можно сказать, образцово, познакомивъ насъ, насколько это было возможно, со всѣми сторонами науки о классической древности, главное же, разъяснивъ намъ самымъ подробнымъ образомъ смутное въ ту пору для насъ самихъ по-

*) Его докторская диссертация относилась къ изученію Платона: „De Politia, Timaeo, Critio, ultimo Platonico termine, librorum de legibus, praecipua ratione habita“ (напечатана въ Ученыхъ Запискахъ И. Каз. Унив. 1847). Магистерская диссертация: „De Aristophanis Ecclesia,.... habita ratione Reipublicae Platonis (1844). Такъ какъ Платонъ въ „Тимей“ высказалъ мнѣніе о движеніи земли, то это мѣсто послужило поводомъ къ содержанію позднѣйшаго сочиненія Тхоржевскаго: „Исслѣдованія о космической системѣ Платона“. Последнее сочиненіе, за смертью автора въ 1854 г., было неокончено. Первую часть его издалъ Ѳ. А. Струве вмѣстѣ съ другими сочиненіями Тхоржевскаго въ 1858 г.: *Opuscula postuma*.

нѣтіе о классической древности. Мы тогда только отъ него узнали впервые, что классическая филологія—это не одно знаніе Греческой и Латинской грамматики, или не одна начитанность въ Греческихъ и Латинскихъ авторахъ, не одно знаніе исторіи и литературы древнихъ классическихъ народовъ, но нѣчто болѣе: это цѣлая группа нѣсколькихъ, чрезвычайно разнообразныхъ и трудныхъ наукъ, изъ которыхъ въ университетѣ мы не всѣ и будемъ слушать, помогающихъ всестороннему изученію Греческаго и Римскаго міровъ. Есть напр. въ числѣ наукъ такія, которыя учатъ разбирать рукописи или заниматься критикой текста, чтобы сдѣлать лучший выборъ текста изъ разныхъ вариантовъ; или такія, которыя научаютъ читать надписи, поясняющія тексты древнихъ авторовъ, или науки, знакомящія съ исторіей древняго искусства, съ древней нумизматикой, археологіей и т. д. Мы тогда только впервые узнали, что быть филологомъ еще не значитъ быть только хорошимъ стилистомъ, но также нѣчто болѣе. Намъ прочиталъ профессоръ К. С. Тхоржевскій и самую исторію классической филологіи, начиная съ Вѣка Возрожденія. Передъ нами, при знакомствѣ съ нею, прошелъ цѣлый рядъ прежнихъ ученыхъ классиковъ. Одни изъ классиковъ были настолько въ восхищеніи отъ совершившихся въ ихъ время (XV и XVI вв.) открытій Греческихъ и Римскихъ писателей, что отвернулись совершенно отъ современнаго имъ міра и не хотѣли болѣе ничего другого знать, кромѣ своей излюбленной древности, писали сами только по-латыни и ничего такъ не желали, какъ доказать ученому міру, что и они пишутъ не хуже Цицерона, пишутъ такимъ же чистымъ Латинскимъ языкомъ, какимъ писалъ самъ Цицеронъ; другіе классики воображали себѣ, что они одни только настоящіе ученые—„солъ земли“, что они одни владѣютъ настоящимъ знаніемъ и даже могутъ преподавать всѣ науки. Только со времени Фридриха Августа Вольфа (р. 1759 + 1824) начинается настоящая филологія, и она становится тогда на то мѣсто, какое занимаетъ и теперь въ кругу другихъ наукъ. Впослѣдствіи мы узнали, что К. С. Тхоржевскій въ своемъ курсѣ *Энциклопедіи классической филологіи* придерживался статьи Наае, помѣщенной въ *Allgem. Encyclopedie der Wissenschaften und Künste*, Ersch und Grube (III. sect. 23. Th. Leipzig. 1847). Но что онъ сдѣлалъ изъ нея, какъ талантливый человѣкъ, какими вставками и добавленіями обставилъ онъ свои чтенія, сколько прочиталъ новыхъ изслѣдованій по своему предмету въ дополненіе къ этой статьѣ и какъ искусно сѣмѣлъ сухое содержаніе Нѣмецкой науки сдѣлать для насъ интереснымъ и живымъ! Первые лекціи его по энциклопедіи были посвящены подробному разбору и объясненію: что такое „энциклопедія“, что значитъ самое слово „классическій“, что такое „классическая

филологія“. Онъ намъ говорилъ (К. С. Тхоржевскій никогда не читалъ по тетрадкѣ), что титулъ „классическій“ принадлежитъ только Грекамъ и Римлянамъ. Блестящимъ образомъ онъ доказывалъ это превосходство Грековъ и Римлянъ. Были въ древности и другіе народы, говорилъ онъ, отличавшіеся въ исторіи мудрымъ законодательствомъ, обширною торговлею, богатой промышленностью, сами Греки удивлялись познакомившись съ Индіей, во время Александра Македонскаго, Индійской мудрости, съ особеннымъ уваженіемъ относились къ мудрости Египта, которая вошла у нихъ даже въ пословицу; но достаточно свидѣтельства одного Платона, чтобы убѣдиться, что все заимствованное у древнихъ народовъ Греки переработали по своему, всему дали иной, возвышенный и болѣе человѣческій характеръ. Востокъ не можетъ выдержать никакого сравненія съ классическимъ міромъ. Вся жизнь другихъ народовъ, дѣйствовавшихъ на поприщѣ исторіи до VI в. до Р. Х., представляетъ для насъ что-то очень чуждое и непонятное и только съ начала Греческой образованности начинаются и для насъ, для нашего развитія, настоящія времена и лѣта: христіанскіе народы¹⁾ воспитали себя на культурѣ классическихъ народовъ. Примѣрами, взятыми изъ исторіи Италіи, Франціи, Англіи и Германіи, профессоръ К. С. Тхоржевскій доказалъ намъ, какъ помогло изученіе классическихъ языковъ образованію въ этихъ странахъ, какъ развивалась подъ вліяніемъ ихъ мѣстная литература и какъ это много помогало самосознанію. Онъ полагалъ, что то же самое будетъ и у насъ, когда привьется у насъ классицизмъ. Эти лекціи кончались оцѣнкой современнаго Русскаго образованія, въ которомъ онъ видѣлъ со временъ Петра В. подражательность и малую долю развитія самостоятельности. „И неужели, спросилъ онъ насъ, въ заключеніе одной лекціи, Французскій фракъ лучше Русскаго сѣраго армяка?“ Тхоржевскій былъ Полякъ, но отлично владѣлъ Русскимъ языкомъ и говорилъ съ одушевленіемъ. Такого рода лекціи не проходили для насъ безслѣдно: о нихъ начинались между нами споры, и эти споры вырабатывали въ насъ убѣжденіе въ пользу классицизма. Греки, въ смыслѣ образовательномъ, были настоящими благодѣтелями человѣчества, и мы должны относиться къ нимъ съ полною благодарностью, говорилъ К. С. Тхоржевскій²⁾. Въ то время,

¹⁾ Но не всѣ, а только Западно-Европейскіе. П. Б.

²⁾ Тхоржевскій еще въ 1846 году, на торжественномъ собраніи обѣихъ Казанскихъ гимназій (онъ былъ тогда учителемъ Греческаго языка во 2-ой гимназій) произнесъ рѣчь: *О цѣли преподаванія древнихъ языковъ*. Она издана въ *Opuscula postuma* О. А. Струве (стр. 172—200). Въ ней намѣчены, болѣе въ контурахъ, нѣкоторыя изъ его мыслей, высказанныхъ послѣ на нашихъ лекціяхъ. Какъ быстро и счастливо шло духовное развитіе автора ихъ, можно заключить изъ сопоставленія первой и послѣдующей редакціи этихъ мыслей. Что въ этой рѣчи 1846 г. было не болѣе какъ громкой фразой,

когда мы слушали его лекціи, у насъ въ Русской журналистикѣ еще не поднимался и вопросъ о классицизмѣ. Профессоръ, потому, передалъ намъ только прежніе споры о немъ однихъ Французовъ и Англичанъ. Въ защиту классицизма послѣ писалъ у насъ Катковъ; но кто слышалъ К. С. Тхоржевскаго, для того въ статьяхъ Каткова и другихъ нашихъ защитниковъ классицизма было мало новаго. К. С. Тхоржевскій главнымъ образомъ старался объяснить намъ не понятіе о классицизмѣ для гимназій, которое и до сихъ поръ осталось для большинства неяснымъ, а понятіе о классицизмѣ вообще, какъ оно выработано наукою. Современное научное понятіе о томъ, что такое классицизмъ, духъ классической древности, высшее значеніе классицизма, выработалось, говорилъ онъ, не вдругъ, но послѣ долгихъ упорныхъ трудовъ многихъ ученыхъ. Одни изъ нихъ разсматривали древность въ связи съ развитіемъ всего человѣческаго духа, другіе считали филологію не философскою, а историческою наукою, третьи подъ классической филологіей и филологіей вообще разумѣли особый только методъ разсматривать и оцѣнивать историческій матеріалъ. Тхоржевскій подробно разбиралъ относящіеся сюда труды Нѣмецкихъ ученыхъ: Аста, Крейцера, Бернгарда, Бѣка, Рейнгарда, Карла-Отфрида Миллера и др. позднѣйшихъ и, подводя итогъ ихъ трудамъ, вывелъ современное понятіе о классицизмѣ на высшихъ ступеняхъ его. Въ нашихъ гимназіяхъ классицизмъ тогда едва принимался. Со времени Вольфа ученые стараются найти единство въ тѣхъ наукахъ, которыя относятся къ изученію классической древности. Съ этой точки зрѣнія, однѣ науки считаются главными для изученія классической древности, другія второстепенными. Тѣ и другія въ общемъ пониманіи, что такое классическая филологія, являются въ извѣстной перспективѣ и во взаимной связи. Тхоржевскій останавливался болѣе внимательно на этомъ пунктѣ, чтобы объяснить намъ, какъ важно, чтобы единство между разными дисциплинами, помогающими усвоить духъ классической древности, не носило характера грубой, неудобоваримой, безтолковой эрудиціи, а имѣло бы строгій научный характеръ, ведущій всего скорѣе къ раскрытію античнаго духа. Онъ старался объяснить намъ, какъ понималъ самъ, этотъ высшій научный идеалъ, который долженъ добыть себѣ филологъ. Мнѣ приводилось, послѣ окончанія университетскаго курса, знакомиться съ нѣсколькими сочиненіями Нѣмецкихъ ученыхъ, трактующихъ о томъ

то явилось въ послѣдствіи, на лекціяхъ, законченнымъ и обоснованнымъ цѣлымъ. Уже въ 1846 г. Тхоржевскій говорилъ, что „Греческая литература развилась съ такою правильностью, что ея исторія служитъ теоріей словеснымъ произведеніямъ. Куда только ни западутъ ея животворныя сѣмена, сейчасъ зарождается могучая богатая жизнь и вмѣстѣ съ тѣмъ стремленіе къ самобытности“.

же самомъ, и я скажу теперь не обинуясь, что никто изъ нихъ не превзошелъ К. С. Тхоржевскаго: эти ученые Нѣмцы, быть можетъ, знали и болѣе Тхоржевскаго, но были не столько, какъ онъ, понятны. Я не нашелъ у Нѣмцевъ такого яснаго пониманія генія Грековъ, какое было у Тхоржевскаго. Возьмемъ для примѣра: *Triennium philologicum oder Grundzüge der philologischen Wissenschaften*, вышедшее въ Лейпцигѣ, въ 1874 г. (5 книгъ), какъ сочиненіе болѣе извѣстное среди филологовъ и какъ болѣе сподручное пособие и въ средѣ университетской. Вы найдете въ немъ десятки тысячъ фактовъ, подробнѣйшія библиографическія указанія, многочисленныя проверенныя хронологическія даты, цѣлую сравнительную грамматику древнихъ языковъ, Греческаго и Латинскаго, сведенную съ Санскритомъ, самыя подробныя перечисленія всѣхъ памятниковъ древняго искусства, хранящихся въ разныхъ Европейскихъ музеяхъ, самое обстоятельное описаніе всѣхъ библиотекъ, всѣхъ главныхъ рукописей съ древними Греческими и Латинскими текстами, а главнаго вывода изъ всѣхъ этихъ фактовъ нѣтъ, и не ищите: подробнѣйшій анализъ есть, а синтеза нѣтъ; выводъ изъ всего этого матеріала (что будетъ самое главное) приходится дѣлать самому. Таковаго же характера и другое Нѣмецкое сочиненіе: *Hellas und Rom*, Бинпарта (Prag, 1858). Оно считается, впрочемъ, плохимъ и въ самой Германіи. Таковы же будутъ и разные энциклопедическіе лексиконы, реальные и другіе, обращающіеся среди нашихъ филологовъ*).

К. С. Тхоржевскій, какъ профессоръ, велъ насъ обобщеніемъ. Талантъ его вырасталъ всего болѣе въ синтезѣ. Изыщное слово, въ которое онъ облакалъ научное содержаніе, воодушевленіе, передаваемое слушателямъ, глубокое знаніе своего предмета, производили сильное впечатлѣніе. Подобно своему учителю Фатеру, онъ имѣлъ свое собственное слово; онъ намъ желалъ передать свое, а не чужое. Онъ не повторялъ только то, что сказали объ его наукѣ одни Нѣмцы. А какъ Славянинъ, онъ не очень, кажется, ихъ и долюбивалъ. Потому нельзя было не пожалѣть о его кончинѣ, и еще въ молодыхъ годахъ. Мы проводили его въ могилу.

Итакъ намъ приходилось учиться исторіи не у нашихъ профессоровъ исторіи, а у филологовъ: Фатера, Тхоржевскаго и Григоровича. Тхоржевскій въ своихъ лекціяхъ касался весьма многихъ чисто историческихъ вопросовъ, ошибался, но кто же свободенъ отъ ошибокъ? Если вѣрить Шбману („*Griechische Alterthümer*“, I, 319). Тхоржевскій

*) Прппоминаются слова Т. Н. Грановскаго о томъ, что для челоѣка, готовящагося къ дѣятельности общественной, Греція и Римъ такъ же необходимы, какъ для медика препарированный трупу или скелетъ. П. Б.

напр. ошибочно признавалъ вѣроятнымъ существованіе въ древнѣйшей доисторической Греціи кастъ. Schöman называетъ такое мнѣніе прямо невѣроятнымъ (unwahrscheinlich).

„Можетъ быть, говоритъ Тхоржевскій, въ древнѣйшій періодъ Греческой жизни вліяніе Востока высказалось и въ томъ, что у Грековъ были касты. Нѣкоторые ученые видѣли касты въ политической организации Греческихъ филъ. Что такое эти гоплиты, эргиды, айшкары и телеонты? Цари и высшая аристократія; воины, рабочіе, ремесленники, пастухи козъ или земледѣльцы, какъ переводятъ названіе айшкары по русски? Это касты. Оказывается, что въ древнѣйшія времена эти касты стояли другъ подлѣ друга, а не въ другомъ порядкѣ. Онѣ имѣли особое занимаемое каждымъ пространство на землѣ, были отдѣлены другъ отъ друга происхожденіемъ, поземельною собственностью и родомъ занятій. Въ историческое время у Грековъ касты болѣе не существуютъ. Является на смѣну ихъ 4 филы, 12 фратрій, 30 геносовъ“.

Главная основная мысль К. С. Тхоржевскаго, которую съ такимъ талантомъ развивалъ онъ намъ, взята была имъ у Haase, потому что Haase первый сказалъ, что филологія въ смыслѣ Wissenschaft des Alterthums имѣетъ задачею den Geist des Alterthums, welcher als ein einiger und lebendiger alle Erscheinungen des Alterthums durchdringt und der unvergänglich bis auf unsere Tage fortwirkt in seiner ganzen Ausdehnung zu fassen“, т. е. филологія, въ смыслѣ науки классической древности, имѣетъ задачею понять въ цѣломъ объемѣ духъ этой древности, проникающій во всѣ явленія жизни Грековъ и Римлянъ, объединяющій ихъ и сохраняющій свою живительную силу и въ наши дни. Эта послѣдняя мысль повторена была потомъ Бёкомъ (Böck. Monatsb. d. Akademie d. Wissenschaft, v. 5 Juni 1860. 5. 396): Das klassische Alterthum selbst ist unsterblich т. е. классическая древность безсмертна и (выражаясь стихами Державина) времени полетъ ея не сокрушить.

Заслуга Тхоржевскаго заключается уже въ томъ, что онъ не пошелъ въ своихъ лекціяхъ по стопамъ другихъ современныхъ Нѣмецкихъ филологовъ, которые, какъ знаменитый напр. Gottfried-Jacob Hermann, говорилъ въ то время, что „филологія ничто иное, какъ „Sprachwissenschaft“, т. е. лингвистика. Только пониманіе духа древности ведетъ насъ къ уразумѣнію различія между нашею жизнью и жизнью древнихъ Грековъ и Римлянъ. Только съ этой точки зрѣнія будетъ понятно напр., почему жизнь домашняя, семейная у древнихъ классическихъ народовъ не играла той роли, какъ у насъ, почему на первомъ планѣ

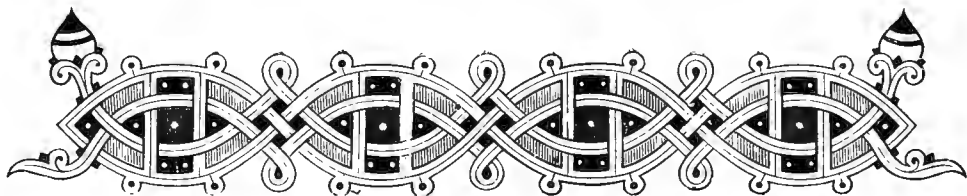
у нихъ должна быть поставлена не семейная, а общественная жизнь. Или почему республиканская форма классическихъ народовъ была ихъ излюбленною формою политической жизни, и почему она не отвѣчаетъ въ такой степени новому христіанскому духу, уложившемуся въ монархію. Не понимать духъ, геній древнихъ, значитъ лишить себя возможности полюбить и древній міръ. „Обыкновенно мы знаемъ одну скорлупу этого міра“, говорилъ намъ Тхоржевскій, „но не знаемъ, что скрывается за ней далѣе“. Тхоржевскій въ своихъ лекціяхъ, однако, не съ птичьяго полета обзрѣвалъ то поле, ту область свѣдѣній, которая составляетъ классическую древность. Онъ очерчивалъ контуры этой науки очень опредѣленно и не теряясь въ общихъ мѣстахъ и въ пустыхъ фразахъ. Онъ указалъ намъ, въ чемъ заключается главная задача его науки и главная задача наша, какъ филологовъ. Только знаніе того, что дѣлаешь, отличаетъ человѣка отъ машины; понимать, что дѣлаешь, знать въ чемъ заключается твоя работа, для какой цѣли она служить, въ какомъ соотвѣтствіи находится съ работою другихъ, это-то и составляетъ отличіе образованнаго человѣка отъ необразованнаго, мыслящаго отъ немслящаго. И когда совершается работа мысли, состоящая въ познаваніи и пониманіи, то нельзя допустить, чтобы она совершалась безъ знанія того, что дѣлать и безъ всякаго пониманія основъ ея*).

Съ этой точки зрѣнія возможно желать, чтобы *Энциклопедія классической филологіи* снова преподавалась въ нашихъ университетахъ, какъ она преподается еще до сихъ поръ (правда въ немногихъ) заграничныхъ.

Николай Овсянниковъ.

*) Тхоржевскій (Клеотильдъ Станиславовичъ) учился сначала въ Житомирской гимназій, а потомъ въ Киевскомъ университетѣ у филологовъ Нейкирха и Деллена и окончилъ курсъ въ Казанскомъ университетѣ при Фатерѣ. Струве говоритъ: „Tchorzewskius quotidie fere Vaterum fuit, cum eo de rebus ab utramque antiquitatem spectantibus disputavit et summa cum industria liberus egregiae ejus bibliothecae legere incepit“ (Opuscula postuma. 1856. стр. 8). Тхоржевскій умеръ отъ употребленія зимой холодной воды, которой онъ оказывался ежедневно. Онъ умеръ очень молодымъ, всего 34 лѣтъ, только что вступивши въ бракъ. Надъ гробомъ его говорили рѣчи В. И. Григоровичъ и Н. А. Ивановъ. „Мы разлучены съ нимъ въ минуту лучшихъ ожиданій и не можемъ удалить отъ себя грустныхъ помышлений“, сказалъ В. И. Григоровичъ. И это было тогда общимъ убѣжденіемъ. Студенты плакали, провожая въ могилу Тхоржевскаго.

Графъ Бланжія у Орловскаго помѣщика Д. В. Юрасовскаго.

Разбираясь въ старыхъ бумагахъ моего отца я нашелъ, Богъ вѣсть какъ туда попавшее, условіе и дневникъ графа Бланжія, жившаго въ прошломъ вѣкѣ въ Орловской губерніи и записывавшаго свои впечатлѣнія, испытанныя имъ въ богатомъ Русскомъ помѣщичьемъ домѣ. Вотъ это домашнее условіе.

1775 года Іюля контрактъ сей учиненъ промежъ отставнымъ капитаномъ Денисомъ Васильевичемъ Юрасовскимъ и Французомъ графомъ Генрихомъ Де-Бланжія на три года. Я нижеподписавшійся, графъ Бланжія, обязуюсь обучать обоимъ сыновей Дениса Васильевича, малолѣтнихъ барчуковъ, Петра и Алексѣя не только языкамъ Французскому и Нѣмецкому, но также и славнымъ манерамъ. Обязуюсь, какъ за ними малолѣтними Петромъ и Алексѣемъ Денисьевичами, такъ и за всѣми людьми ихъ окружающими, имѣть смотрѣніе неустанное, обязуюсь спать съ ними вмѣстѣ въ отдѣльной комнатѣ и ѣздить въ деревню и всюду, куда бы Денисъ Васильевичъ ни поѣхалъ бы. Обязуюсь обязанности эти исполнять, какъ то честному и порядочному человѣку надлежитъ. Я же, со своей стороны, обещаюсь заплатить ему, графу Бланжія за каждый годъ по 200 рублей, а всего значить 600 рублей; платить ихъ обязуюсь по третямъ года впередъ и первую треть, едва вступивши въ домъ мой. Обязуюсь сшить по парѣ платья новаго въ году, когда только онъ, графъ Бланжія, того захочетъ. Обѣдать и ужинать онъ Бланжія будетъ со мною и все то, что буду ѣсть и пить и я самъ. Кромѣ того обязуюсь еще дать ему отдѣльную горницу во флигелѣ со всѣмъ полнымъ приборомъ, предоставить коляску лѣтомъ тройкою, а зимою сани парюю для его съ дѣтьми моими катанія; да еще кучеровъ двухъ, да конюха, да лакея въ ливреѣ, да еще двухъ крѣпостныхъ дѣвокъ, по его графа Бланжія выбору, для смотрѣнія за его отдѣльнымъ кабинетомъ. Всѣ эти лошади и люди всегда должны быть въ его полнѣйшей диспозиціи“.

На подлинномъ контрактѣ подписано: Капитанъ Денисъ Юрасовскій.

Theophil Henri, vicomte de Blangia.

Графъ Бланжія жилъ у Юрасовскихъ до дня своей смерти, послѣдовавшей въ 1799 году, когда онъ, будучи по дѣлу А. Д. Юрасовскаго въ селѣ „Льговѣ“ Болховскаго уѣзда, скончался отъ удара. Тамъ онъ и похороненъ своими бывшими воспитанниками Петромъ и Алексѣемъ Денисовичами Юрасовскими,

поставившими на его могилѣ памятникъ, на который, въ одну изъ своихъ экскурсій по Болховскому уѣзду, совершенно случайно наткнулся И. С. Тургеневъ и упомянувъ о томъ въ своихъ „Запискахъ Охотника“ („Льговъ“). Оставшійся послѣ графа Бланжія дневникъ переданъ мною одному изъ потомковъ капитана Д. В. Юрасовскаго, который отдалъ его въ свою очередь, какъ намъ пришлось слышать, князю А. Л. Голицыну, собиравшему свѣдѣнія объ Орловской губерніи.

Д. К. Грабовскій.

ПИСЬМО АКТЕРА ШУШЕРИНА КЪ С. Т. АКСАКОВУ.

Іюля 31 ч. 1812 года (Москва).

Любезный другъ Сергѣй Тимофеевичъ!

Дружеское ваше письмо и при немъ двадцать пять рублевъ ассигнацію получилъ, изъ коей 15 р. отдалъ Сергѣю Николаевичу Глинкѣ и отъ него получилъ на Вѣстника два билета и оба къ вамъ препровождаю. Я хотѣлъ было спросить у него, почему не одинъ; но онъ теперь очень занятъ, и никогда не застанешь дома его. Онъ записался во внутреннее вооруженіе и ни о чемъ больше не говоритъ и не думаетъ, какъ о пораженіи и истребленіи враговъ Россіи.

Всемиловѣйшій нашъ Государь въ бытность свою въ Москвѣ прислалъ ему при рескриптѣ орденъ четвертой степени Владимира въ знакъ своего благоволенія.

Остальныя ваши деньги будутъ употреблены по вашему предписанію.

Всепокорнѣйше прошу засвидѣтельствовать мое усердное почтеніе батюшкѣ вашему и матушкѣ съ желаніемъ батюшкѣ добраго здоровья, а матушкѣ совершеннаго изцѣленія отъ ея болѣзни, также сестрицамъ и братцамъ, а особливо Надеждѣ Тимофеевнѣ, которую всепокорнѣйше благодарю за ея пріятное со мною обращеніе и желаю ей столько счастья, сколько она сама себя желаетъ. Прошу кланяться отъ меня Латынскому попу Николаю Тимофеевичу и сказать ему, чтобъ онъ не спалилъ и не перешелъ бы изъ Латынскихъ поповъ въ Татарскіе *абызы*.

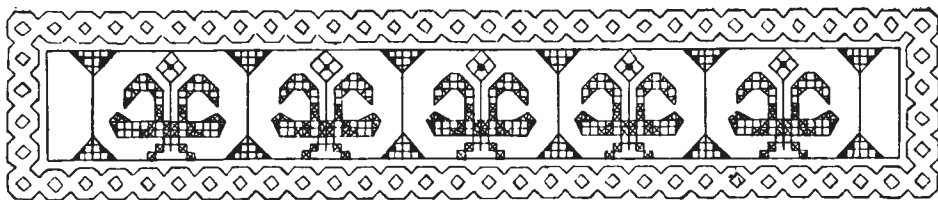
Писалъ, писалъ, глядъ на часы—одиннадцатый часъ; чтобъ не опоздать на почту!

Съ истиннымъ усердіемъ вашъ покорнѣйшій слуга Яковъ Шушеринъ.

НВ. Здѣсь во внутреннее вооруженіе принимаютъ не только что изъ дворянъ, но даже изъ приказныхъ оберъ-офицерскихъ чиновъ прямо въ офицеры. И какъ на все это посмотришь, то сердце радуется, глядя на готовность, съ коею вступаютъ въ службу.

Надежда Ѳедоровна свидѣтельствуешь всѣмъ вамъ свое почтеніе.

(Сообщено И. С. Аксаковымъ).

КЪ БЮГРАФИИ С. М. СОЛОВЬЕВА.

4 Октября 1909 года исполнилось 30 лѣтъ по смерти С. М. Соловьева. Въ пересмотрѣнныхъ нами бумагахъ Императорскаго Московскаго Коммерческаго Училища значитъ, что онъ родился въ домѣ этого учебнаго заведенія. Тамъ жилъ и 43 года (1817—1860) служилъ законоучителемъ его отецъ, священникъ Михаилъ Васильевичъ Соловьевъ. „Вѣдомость именная, учиненная Пречистенскаго сѣрока церкви равноапостольныя Маріи Магдалины, что въ Московскомъ Коммерческомъ Училищѣ, священникомъ Михаиломъ Васильевымъ съ дьячкомъ, сколько въ ономъ училищномъ домѣ въ 1820-й годъ обоего пола родилось, когда и кѣмъ крещены и кто при томъ были восприемники“, между другими записями, заключаетъ въ себѣ: „Въ Маѣ числа 6, нашей Маріинской церкви у священника Михаила Васильева родился сынъ Сергій, молитвослованъ того жъ числа Зачатейскаго дѣвicha монастыря священникомъ Ефимомъ Ивановымъ съ дьячкомъ Маріинской церкви Сергіемъ Ѳеодоровымъ, а крещенъ того жъ мѣсяца 10-го числа. Восприемникъ былъ штабъ-лекаръ колл. сов. Алексѣй Ѳеодоровъ сынъ Маслениковъ, восприемница ст. совѣтника дочь, дѣвица Марія Юрьева Соймонова. Оное крещеніе исправляли вышечисанный Зачатейскій священникъ Евфимій Іоанновъ, дьячекъ Сергій Ѳеодоровъ“.

Отецъ Сергія Михайловича сначала писалъ себя и писался лишь по отчеству: „священникъ Михаилъ Васильевъ“; такъ онъ означаетъ и въ официальныхъ бумагахъ о назначеніи его въ Училище епархіальною властію и „высочайшею Ея Императорскаго Величества аппробаціею“. Съ фамиліею „Соловьевъ“ въ первый разъ онъ пишется въ 1831 году, иногда еще удерживая и прежнее; но въ вѣдомости о причтѣ училищной церкви 1832 г. значитъ: „Священникъ Михаилъ Васильевъ Соловьевъ, 41 года отъ рожденія, діаконскій сынъ, обучался въ бывшей Московской Славяно-Греко-Латинской Академіи, по окончаніи курса былъ уволенъ съ аттестатомъ. 1812 года Августа 7 дня посвященъ въ діакона Замоскворѣцкаго сѣрока въ церкви Николая Чудотворца, что въ Пупышахъ; 1817 года Августа 25 дня рукоположенъ во священника на настоящее мѣсто и опредѣленъ въ ономъ Коммерческомъ Училищѣ законоучителемъ... Въ семействѣ у него: жена его Елена Ивановна, 34 лѣтъ; дѣти: Елисавета, 17 лѣтъ, Агнія, 13 л., обучены катехизису и священной исторіи; Сергій, 11 л., обучается въ низшемъ отдѣленіи Петровскаго уѣзднаго училища на содержаніи своего отца“.

Относительно характера дѣятельности о. Соловьева Совѣтъ Училища представилъ (10 Марта 1833 г.) митрополиту Филарету, при ходатайствѣ о наградѣ его камилавкою: „По поводу годовичныхъ отчетовъ, повергнутыхъ къ стопамъ Его Императорскаго Величества, Совѣтъ Училища, имѣвъ сужденіе о трудахъ служащихъ при ономъ учителей и надзирателей, обратившихъ на себя вниманіе неослабноусерднымъ исполненіемъ своихъ обязанностей, единогласно призналъ, что такого вниманія содѣлался достойнымъ отличноревностными трудами своими настоятель училищной церкви и законоучитель священникъ Михаилъ Васильевъ Соловьевъ, состоящій при Училищѣ на службѣ съ 1817 года. Представляя о семъ вашему высокопреосвященству, Совѣтъ не можетъ умолчать и о томъ, что означенный законоучитель, кромѣ преподаванія христіанскаго ученія, и назиданіемъ и собственною примѣрною жизнью очевидно содѣйствуетъ училищному начальству къ утвержденію юношества въ христіанской нравственности“. „Относя по всей справедливости особенные успѣхи воспитанниковъ въ христіанскомъ благочестіи и добрую ихъ нравственность къ ревностному попеченію ихъ наставника“, Совѣтъ Училища и потомъ, при ходатайствѣ (1838 г.) предъ митрополитомъ Филаретомъ о дальнѣйшей наградѣ, орденомъ Анны 3-й степени, свидѣлствовалъ, что священникъ Соловьевъ во все время своей службы „не только проходитъ должности свои съ примѣрнымъ усердіемъ, но и постоянно назидаетъ своимъ примѣромъ“. 26 Іюля 1860 года протоіерей Соловьевъ митр. Филаретомъ былъ „переведенъ на священническое мѣсто къ Московской Покровской церкви, чтѣ въ Левшинѣ“, и 29 Іюля онъ обратился въ Совѣтъ Училища: „Чувствуя недостатокъ силъ для законоучительства, я рѣшился оставить мое служеніе при Коммерческомъ Училищѣ, и потому Совѣтъ Московскаго Коммерческаго Училища покорнѣйше прошу исходатайствовать мнѣ отъ занимаемыхъ мною при Училищѣ должностей увольненіе“. Увольненіе состоялось 6 Сентября 1860 г., и въ слѣдующемъ мѣсяцѣ, 31 Октября, М. В. Соловьевъ скончался 70-ти лѣтъ отъ роду, оставивъ послѣ себя жену († 1864 г.) и дочь Агнію.

Сергій Михайловичъ жилъ въ училищной квартирѣ своего отца долго, когда былъ и студентомъ, и профессоромъ. Церковныя вѣдомости о бывшихъ на исповѣди и причастіи называютъ его въ 1846 году „Московскаго Императорскаго Университета магистромъ“, а въ въ 1848 году „экстраординарнымъ профессоромъ“. Въ этомъ году означена здѣсь и „жена его Поликсенія Владимірова, 19 лѣтъ“. Женился С. М. на П. В. Романовой, дочери флотскаго капитанъ-лейтенанта, впослѣдствіи контръ-адмирала, 11 февраля 1848 года, послѣ чего онъ, по семейнымъ преданіямъ, переехалъ на свою квартиру. Ходить къ богослуженію въ училищную церковь онъ любилъ и послѣ оставленія имъ квартиры отца. Какъ по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ обыкновенно стоялъ онъ въ церкви, помнитъ учившійся въ 50-хъ годахъ въ Училищѣ и нынѣ еще здравствующій комерсантъ М. Н. Гребневъ. Объ отцѣ Сергія Михайловича Гребневъ говоритъ: „онъ былъ законоучитель и человекъ добрый; мы любили и уважали его“.

Изъ времени ранняго своего дѣтства Соловьевъ съ особеннымъ чувствомъ вспоминалъ въ извѣстныхъ своихъ „Запискахъ“ „старую бабушку“ и „старушку“ „няньку Марью“ („Марьюшку“) обращеніемъ и разсказамъ которыхъ приписывалъ онъ большое воспитательно-образовательное вліяніе на него. Въ исповѣдной вѣдомости 1821 года, въ перечисленіи лицъ, жившихъ у священника о. Михаила, читаемъ: „теща его коллежская регистраторша вдова Агрипина Ѳедорова Шатрова, 50 лѣтъ; находящаяся у нихъ въ услуженіи:..., прапорщика Матвѣя Сидорова сына Сидорова дворовая дѣвка Марія Тимофѣева, 45 лѣтъ“.

Вліяніе семьи сказалось на прочныхъ религіозныхъ воззрѣніяхъ и чувствахъ Сергія Михайловича, а жизнь въ училищномъ домѣ близко знакомила его съ коренной Русской средой купцовъ и мѣщанъ, дѣлала ее понятною ему, тѣмъ болѣе, что онъ, какъ значится въ его „Запискахъ“, былъ опредѣленъ въ духовное училище „съ правомъ оставаться дома и являться только на экзамены“; Закону Божію, Латинскому и Греческому языкамъ учился у отца, а „для другихъ предметовъ посѣщалъ классы Коммерческаго Училища“, впредъ до опредѣленія въ 3 классъ Первой Гимназіи. Нѣтъ сомнѣнія, что, благодаря тогдашнему строю и быту училищной жизни, непосредственныя отношенія съ учащимися поддерживались и послѣ. Бывшая въ нижнемъ этажѣ дома квартира отца выходила „на большой дворъ Училища, гдѣ въ послѣобѣденное время и вечеромъ гуляли воспитанники“; изъ училищной библіотеки Соловьевъ получалъ книги для чтенія.

Въ настоящее время въ Училищѣ учится свыше 700 воспитанниковъ, изъ нихъ почти 300 живетъ въ пансіонѣ и болѣе 400 приходящіе. Къ своему столѣтію оно получило (1904 г.) наименованіе Императорскаго. Во времена Соловьева въ немъ учениковъ было 150—200 человекъ, и всѣ они жили въ Училищѣ. Отношенія учителей и наставниковъ къ ученикамъ отличались значительною патріархальностію, близостію. Находясь въ вѣдомствѣ Императрицы Маріи, Училище пользовалось особымъ высочайшимъ покровительствомъ. Въ училищныхъ актахъ хранится до 200 рескриптовъ первой ея Начальницы, Императрицы Маріи Ѳеодоровны, въ которыхъ выражаются ея воззрѣнія на воспитаніе и заботливое отношеніе къ воспитанникамъ. На одномъ изъ нихъ (1826 г.) собственною ея рукою приписано: „Благословеніе мое дѣтямъ“. Въ свои пребыванія въ Москвѣ она обыкновенно посѣщала Училище, и на эти посѣщенія она „употребляла весьма много драгоцѣннаго своего времени, особенно, когда изволила присутствовать на частныхъ испытаніяхъ, производившихся въ Училищѣ по собственному Ея Величества назначенію“. Императоръ Николай I, въ знакъ особаго благоволенія къ Училищу, принялъ (1826 г.) на себя званіе Покровителя его и повелѣлъ содержать въ немъ на своемъ иждивеніи нѣсколько воспитанниковъ. Училище онъ посѣтилъ семь разъ, вмѣстѣ съ своею Матерью или съ Супругою, или съ Наслѣдникомъ, или съ иными лицами царствующаго дома. При первомъ своемъ посѣщеніи, присутствуя за обѣденнымъ столомъ, который начинался общей молитвой учениковъ, Государь замѣтилъ, что „воспитанники набожны, благонравны и тверды въ вѣрѣ“, и

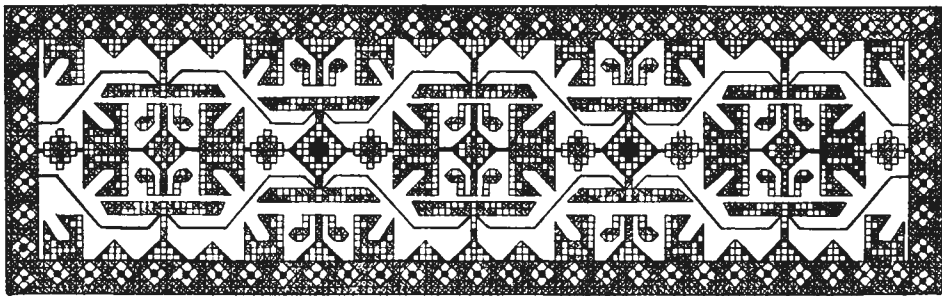
выразилъ, „чтобы дѣти воспитывались въ коренной Русской нравственности“. Въ одно изъ послѣдующихъ посѣщеній (1835 г.) онъ, выслушавъ въ залѣ годовичныхъ испытаній пѣніе всѣхъ воспитанниковъ, сказалъ присутствовавшей тутъ же Государынѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, что „нигдѣ не слышалъ и не слышитъ такого пѣнія“. Во время пѣнія ученическаго хора Государыня, замѣтивъ, что одна половина книги ногъ дисканта висѣла и затрудняла маленькаго воспитанника, подошла къ нему, приподняла висѣвшую половину и поддерживала до окончанія молитвы, а во время игры на фортепіано другого воспитанника она, сидя на поданныхъ ей креслахъ, перелистывала ему ноты. Государь не разъ благодарилъ директора: „Благодарю тебя за твои труды. Я очень доволенъ и крѣпко на тебя надѣюсь... Я не могу тебя довольно благодарить“, разспрашивалъ о занятіяхъ и объ обезпеченіи учителей и надзирателей, выражалъ благодарность, спрашивалъ учениковъ, иногда участвовалъ въ ихъ пѣніи, разсматривалъ ихъ рисунки и письменныя работы, обращалъ вниманіе на устройство помѣщенія, тотчасъ дѣлалъ разныя распоряженія, членовъ Училищнаго Совѣта просилъ „не прекращать никогда попеченій о воспитанникахъ“, и пр. Въ 1837 году, прибывъ вмѣстѣ съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ Александромъ Николаевичемъ, Государь сказалъ: „Благонравіе и хорошіе успѣхи въ привычку вошли здѣсь“. При этомъ Государь или заходилъ въ училищную церковь, или законоучитель о. Соловьевъ выносилъ ему изъ нея крестъ, къ которому Государь прикладывался.

Все это не могло не дѣйствовать на будущаго знаменитаго историка, который къ 13 годамъ успѣлъ много разъ прочитатъ всю „Исторію Государства Россійскаго“ Карамзина. Перечитывая 29-ти-томную „Исторію Россіи съ древнѣйшихъ временъ“ и другія произведенія Сергія Михайловича, невольно отмѣчаешь, какое глубокое значеніе православію и православной церкви придавалъ онъ въ исторической жизни Русскаго народа и государства, какъ непосредственно понималъ онъ коренную Русскую среду и значеніе Великорусскаго племени и какъ убѣжденно относился къ созидательной силѣ и власти государей. Нельзя не признать, что первыми началами этого онъ обязанъ жизни въ Московскомъ Коммерческомъ Училищѣ.

Въ тридцатую годовщину по кончинѣ С. М. Соловьева было старшимъ воспитанникамъ Училища читано о немъ и его трудахъ, и теперь возбуждается ходатайство о разрѣшеніи въ одномъ изъ училищныхъ залъ повѣсить его портретъ, а на стѣнѣ зданія, снаружи, уставить мраморную доску съ надписью: „Историкъ Сергій Михайловичъ Соловьевъ родился здѣсь 6 Мая 1820 года“.

Директоръ-профессоръ **Дм. Цвѣтаевъ.**

О М. Г. ЧЕРНЯЕВЪ.

Изъ письма его дочери къ издателю „Русскаго Архива“.

Вы сообщаете мнѣ, что вами получена статья, опровергающая заслуги отца моего въ Туркестанѣ. Покореніе этого края на мѣдные гроши отрядомъ въ двѣ тысячи человѣкъ, при убогомъ оружіи, настолько выдающееся дѣло въ отечественной исторіи, что опровергать заслуги этого подвига возможно только для личной желчной зависти и мести, не улегшихся и по десятилѣтіи съ кончины отца моего. Въ журналѣ, носящемъ названіе „Образованіе“, но совсѣмъ его не дающемъ, появилась въ этомъ году статья, продиктованная подобными чувствами, нѣкоего Григорія Градовскаго. Отецъ мой былъ человѣкомъ здраваго смысла, широкаго размаха, смѣлости, умѣвшій предвидѣть историческое будущее и далеко глядѣвшій впередъ, врагъ мелочности и пошлости. Все это создало ему множество недоброжелателей среди бюрократіи гражданской и военной (Генеральный Штабъ). Таковыми были всѣ военные министры, начиная съ Милютина. Военные писатели до сихъ поръ не приступали къ описанію его похода въ Среднюю Азію, заслуги его всячески умаляются людьми этого пошиба и старательно замалчиваются. „Вашъ мужъ ничего не сдѣлалъ, что такое Ташкентъ!“ сказала Куропаткинъ моей матери тотчасъ по смерти отца моего. Но какъ человѣкъ хитрый и умный, онъ считъ нужнымъ послать съ серебрянымъ вѣнкомъ на могилу отца моего депутацію отъ офицеровъ Генеральнаго Штаба въ лицѣ генерала Мальцова и полковника Розеншильда-Паулина. Однако надпись на немъ („Русскому Герою“) была придумана въ такомъ духѣ, что могла относиться и ко всякому храброму рядовому, какъ и къ покорителю Туркестана.

Нынѣ въ Ташкентѣ воздвигается памятникъ Кауфману, уже третій по счету. Проектированъ онъ былъ генер.-губ. Туркестана Гродековымъ, служившимъ съ малыхъ чиновъ въ Туркестанѣ и выдвинувшимся при начальствѣ необыкновенною смѣтливостью и исполнительностью (при себѣ онъ носилъ всегда памятную книжку, въ которую записывалъ всякое распоряженіе началь-

ника). Отъ отца моего я слышала слѣдующее о немъ повѣствованіе. Когда отецъ мой, будучи генераль-губернаторомъ Туркестана, въ 1882 г. поѣхалъ на коронацію въ Москву, онъ оставилъ своимъ замѣстителемъ Гродекова. Въ Ташкентѣ въ то время появилась холера, доктора приказали хоронить холерныхъ отдѣльно и засыпать могилы ихъ известью. Фанатичные мусульмане были оскорблены этимъ распоряженіемъ, и представители ихъ, почтенные, съдовласые муллы и старѣйшины, пришли къ Гродекову изложить ему о волненіи среди населенія и переговорить о способахъ успокоенія. Гродековъ, выйдя къ нимъ, не нашелъ ничего лучшаго какъ съ окрикомъ схватить одного изъ депутатовъ за сѣдую бороду, что считается у нихъ высшимъ оскорбленіемъ; тѣ съ крикомъ выбѣжали на площадь, на базарѣ произошло волненіе и шумъ, на что Гродековъ отвѣчалъ разстрѣломъ мирныхъ и безоружныхъ жителей. Отецъ мой не говорилъ мнѣ, какъ онъ отнесся къ дѣйствіямъ Гродекова по своему возвращенію; но я думаю, что вѣроятно не похвалилъ его. Съ тѣхъ поръ прошло много лѣтъ, и вотъ три года тому назадъ я читаю на одной изъ послѣднихъ страницъ „Новаго Времени“ объявленіе о конкурсѣ Академіи Художествъ отъ имени тогдашняго генераль-губернатора Туркестана Гродекова на составленіе проекта памятника генераль-адъютанту Кауфману, „*устроителю и покорителю Туркестанскаго Края*“. У подножія большой, бронзовой фигуры предполагалось расположить бюсты Черняева, Скобелева, Колпаковского и Абрамова. Я послѣ этого чтенія не могла ни успокоиться, ни примириться съ подобнымъ возмутительнымъ искаженіемъ истины. Князь Мещерскій по просьбѣ моей и частію со словъ моихъ помѣстилъ статью въ „Гражданинѣ“, протестующую противъ подобнаго памятника. То же сдѣлалъ по просьбѣ моей и А. С. Суворинъ въ одномъ изъ „Маленькихъ Писемъ“ своихъ. Одновременно съ появленіемъ этихъ двухъ статей мать моя обратилась къ барону Фредериксу, министру двора, съ просьбой довести это до свѣдѣнія Государя Императора и вскорѣ получила отъ него увѣдомленіе, что Государю благоугодно было не одобрить памятникъ въ проектированномъ видѣ. Такимъ образомъ имена, любимыя Русскимъ народомъ, избѣгли униженія очутиться у подножія представителя Нѣмецкой ограниченности. Хотя отвѣтъ Фредерикса касался только отца моего, но предполагаю, что и Скобелеву не подобаетъ стоять у ногъ Кауфмана, не смотря на то, что въ молодости онъ совершалъ походъ подъ начальствомъ Кауфмана. Отецъ мой послѣ покоренія Ташкента жилъ въ землянкѣ и управлялъ только что замирившимся краемъ при помощи шести чиновниковъ и двухъ переводчиковъ. Кауфманъ былъ обставленъ царскою роскошью, завелъ многочисленную администрацію и сыпалъ безъ счету казенныя деньги въ краѣ. Для генераль-губернатора имъ былъ построенъ обширный домъ съ зимнимъ садомъ, съ двумя огромными, какъ во дворцѣ, залами. Евг. Марковъ въ своей книгѣ „Россія въ Средней Азіи“ упоминаетъ о томъ, что Кауфманомъ былъ построенъ возлѣ Ташкента огромный караванъ-сарай, стоившій около двухъ милліоновъ, гдѣ никогда не останавливалось ни одного верблюда. Имъ же была затѣяна постройка большого (тоже, если не ошибаюсь, милліонной цѣны), конскаго завода и тоже брошеннаго, потому что искони

въ этомъ краю лошади отличаются выдающимися качествами. Это бросанье зря пригоршнями казенныхъ денегъ создало Кауфману среди мѣстнаго чиновничества особую популярность, и онъ былъ произведенъ ими въ „покорители и устроители края“, какъ предполагается начертать на памятникѣ. Государь Александръ III былъ другого о немъ мнѣнія, потому что, отправляя отца моего на генераль-губернаторство въ Туркестанъ въ 1882 г., предписалъ ему дѣйствовать такъ, чтобы „край этотъ былъ не бременемъ для Россіи, а служилъ бы ей на пользу“. Отецъ мой, если не ошибаюсь, по пріѣздѣ своемъ принялся за сокращеніе ненужныхъ и не производительныхъ штатовъ, что создало въ средѣ уволенныхъ немало недовольныхъ. Когда я была еще дѣвочкой-подросткомъ, отецъ мой имѣлъ обыкновеніе бесѣдовать со мною или скорѣе излагать свои мысли въ моемъ присутствіи. Вспоминая о походѣ Кауфмана въ Хиву, онъ не иначе называлъ его, какъ походомъ гимназиста четвертаго класса, пустившагося въ степь безъ проводниковъ, совершенно очертя голову и едва не уморившаго весь отрядъ жаждою, ибо въ степи необходимы проводники для указанія пути и мѣстонахожденія колодезѣ.

Таковъ былъ Кауфманъ какъ администраторъ и военный. Для характеристики его личности приведу слѣдующее. Въ 1875 г. отецъ мой издавалъ „Русскій Міръ“ и помѣстилъ тамъ статью, критикующую управленіе Кауфмана. Въ отместку за это имъ былъ сдѣланъ на отца моего начетъ въ 5 т. р. черезъ 10 лѣтъ послѣ покоренія Ташкента. Полиція приступила было уже къ описи редакціоннаго имущества, и только благодаря Трепову это было остановлено. Онъ предложилъ отцу моему написать официальную бумагу въ Туркестанъ, въ которой онъ говорилъ, что не можетъ помнить за десятилѣтнею давностію о своихъ тогдашнихъ расходахъ и предлагаетъ въ возмѣщеніе ихъ свою пенсію, присовокупляя при этомъ, что ему останется утѣшеніе, что покореніе Ташкента совершено имъ на свои средства. Это и было принято, и вычетъ производился вплоть до вступленія на престолъ императора Александра III-го, который, узнавъ объ этомъ, сказалъ Гейдену: „прекратить эту мерзость противъ Черняева“. Слова эти были лично переданы графомъ отцу моему. Нынѣ Кауфманъ покоится подъ прекрасной каменной гробницей въ Ташкентскомъ соборѣ, по описанію Евг. Маркова, строившагося много лѣтъ при жизни его и едва доведеннаго до конца по случаю хищеній, произведенныхъ при его постройкѣ. На одной изъ Ташкентскихъ площадей красуется каменный постаментъ, украшенный бронзовыми знаменами и пушками въ память Кауфмана; нынѣ воздвигается ему еще памятникъ въ грандіозныхъ уже размѣрахъ. Когда отецъ мой былъ генераль-губернаторомъ въ Ташкентѣ въ 80-хъ годахъ, онъ поручилъ Микѣшину составить проектъ памятника воинамъ, павшимъ при взятіи Ташкента. Прекрасный проектъ его былъ высочайше утвержденъ, но отецъ мой внезапно былъ отозванъ. Памятникъ долженъ былъ изобразить: высокій пьедесталъ изъ камня, на которомъ, въ формѣ пирамиды стоямя, возвышались жерла пушекъ; на вершину ихъ взобрался солдатъ, водружающій Русское знамя. вмѣсто этого величественнаго памятника изъ камня и металла, въ городскомъ

саду красуется гипсовый солдатъ со знаменемъ, взлѣзшій на грудь наваленныхъ кирпичей. Эта бутафорія замѣнила высочайше утвержденный Микѣшинскій проектъ.

Присѣшники Кауфмана и недруги отца моего внимательно слѣдятъ за всѣмъ, что пишется о прошломъ Туркестана. Два года тому назадъ появилась въ „Гражданинѣ“ статья князя Мещерскаго по поводу нынѣ возводимого памятника Кауфману, и тотчасъ же появилось опроверженіе съ придиркою къ слову дворецъ, которымъ княземъ Мещерскимъ было названо обиталище Туркестанскаго генераль-губернатора, построенное Кауфманомъ, и указаніе на то, что въ Ташкентѣ существуетъ памятникъ павшимъ героямъ Ташкента, тогда какъ такого на самомъ дѣлѣ нѣтъ, а сдѣлана только жалкая на него пародія.

Надѣюсь, что со временемъ (хотя увѣ! еще не скоро) исторія изслѣдуетъ прошлое Туркестана и воздастъ каждому по заслугамъ его; но какъ остороженъ долженъ быть изслѣдователь, чтобы избѣжать искаженія и разобраться въ противорѣчіяхъ.

Антонина Черняева.

Г И М Н Ъ „Б О Ж Е, Ц А Р Я Х Р А Н И!“

Изъ разсказовъ А. П. Петерсона *)

Вотъ, можетъ быть, разгадка, почему Николай Павловичъ не далъ словъ: „Боже, Царя храни“ въ гербъ Жуковскому. Его Величество обращалъ щекотливое вниманіе и на гербы. Генералу Оедорову, исправлявшему должность генераль-губернатора Новороссійскаго (за отъѣздомъ князя Воронцова на Кавказъ), онъ запретилъ имѣть *солдата* съ ружьемъ въ гербѣ и велѣлъ подождать, пока онъ его ему справить, прибавляя, что казакъ съ пикой въ гербѣ Орлову-Денисову данъ какъ особенное отличіе по заслугѣ. Флота капитану Казарскому, за извѣстный его подвигъ, Николай Павловичъ пожаловалъ *пистолетъ* въ его гербъ. Народную пѣснь Жуковскаго: „Боже, Царя храни“ онъ хотѣлъ знати народною, а гимнъ: „Боже, Царя храни“ (при Александрѣ I-мъ написанный) назвалъ размазною Жуковскаго, какъ разсказывалъ мнѣ Николай Дмитріевичъ Киселевъ (братъ графа), а однажды Жуковский самъ отперся отъ этой „народной“ пѣсни своей, возражая Аннѣ Петровнѣ Зонтагъ:—„Милая, какая же это моя пѣсня? Она народная!“ А народъ ничего не зналъ про нее. Львовъ—другое дѣло: онъ положилъ слова на ноты: ему и дано за музыку.

*) Александръ Петровичъ Петерсонъ († 1890), братъ Анны Петровны Зонтагъ и Авдотьи Петровны Елагинной, былъ человекъ большого ума, разносторонняго образованія и наблюдательности. Въ Дерптскомъ университетѣ онъ былъ товарищемъ Н. М. Языкова и Н. Д. Киселева. П. Б.

УКАЗАТЕЛЬ

личныхъ именъ въ „Русскомъ Архивѣ“ 1909 года*).

- Абанаръ III, 187.
Абердинъ лор. II, 138.
д'Абихсдаль бар. I, 7, 352—406.
Абросимовъ арх. II, 467, 468.
Аварцевъ I, 100—111; III, 188.
Августинъ преосв. II, 239.
Августъ Стан. II, 254; III, 5.
Августъ II-й II, 456—458, 463; III, 353, 360, 410.
Августъ III-й III, 353, 356, 357, 360, 362, 363, 367, 372, 378, 379, 381, 384, 386, 389—391, 413, 414.
Авиновъ адм. II, 705.
Авиновъ ген. II, 213, 214.
Авксентій арх. II, 205.
Агаангель митр. II, 212—215, 614.
Агуровъ Г. А. I, 175, 176.
Адамантовъ II, 77.
Адельгеймъ А. А. III, 62.
Адлербергъ гр. I, 203; II, 691; III, 117.
Адлербергъ гр. А. В. II, 296—299.
Адлербергъ гр. В. О. II, 296.
Адлербергъ гр. Е. Н. II, 296.
Адлербергъ гр. М. В. II, 296.
Адодуновъ У. III, 80.
Адріанъ протоп. III, 40.
Адуевскій кн. I, 31.
Азанчеева А. II, 165—174.
Азанчеева М. С. II, 171.
Азанчеевъ В. II, 168, 169.
Азанчеевъ М. II, 169.
Азанчеевъ П. II, 165.
Азбелевъ кап. III, 342, 343.
Акатовъ I, 178.
Акинфовъ В. Н. I, 285.
Аксанова А. О. II, 146.
Аксаковъ И. С. I, 450—463, 615; II, 145—151, 701.
Аксаковъ К. С. I, 169; III, 175.
Аксаковъ Н. Т. II, 15.
Аксаковъ С. Т. III, 520.
Алабинъ II, 194.
Александра в. кн. II, 426.
Александра Александровна в. кн. I, 63.
Александра Петровна прин. I, 88.
Александра Теодоровна в. княг. III, 205, 207.
Александровъ Г. Н. II, 548.
Александровъ III, 142—145.
Александръ I-й I, 14—24, 26, 50, 54—60, 281—284, 448, 449; II, 6—13, 103, 207, 213, 234, 246—249, 257, 261—266, 272—281, 298—302, 405, 432, 436, 438, 440—442, 461, 464, 469, 472, 542, 681, 697; III, 1, 2, 9, 11—15, 17, 22, 138, 186, 202, 219, 279—283, 299, 300, 309, 317, 319, 320, 352, 361, 424, 425, 427, 428, 430, 433, 434, 437.
Александръ II-й I, 62—73, 136, 450—454, 573, 575—581, 589; II, 63, 148, 242, 283, 284, 472, 512; III, 9, 109, 166, 217, 527.

*) Двадцать выпусковъ „Русскаго Архива“ составляютъ три книги, каждая съ особымъ счетомъ страницъ. Въ этомъ Указателѣ ко всему годовому изданію цифрою Римскою означена книга, Арабскою страница оной.

- Александръ III-й I, 172, 215—218; II, 45, 272, 296—299, 704; III, 216—220, 351.
- Александръ еп. Вят. III, 52.
- Александръ іером. III, 40.
- Александръ Михайловичъ в. кн. III, 341—344.
- Алексіано П. П. I, 5—7.
- Алексѣва Е. В. II, 130.
- Алексѣвъ В. В. II, 130, 173.
- Алексѣвъ И. III, 421, 422.
- Алексѣвъ I, 330.
- Али-бекъ Аварскій III, 187.
- Алопеусъ II, 572.
- Альбетранди II, 258, 259.
- Альбинъ III, 43.
- Алексѣй царевичъ I, 350—411; II, 455.
- Алексій св. I, 65—79.
- Алексій Алексіевичъ в. кн. II, 24, 26, 74, 193, 194.
- Алексѣй Михайловичъ царь I, 63, 176; II, 161, 514—517, 535—537; III, 9, 10, 23, 24, 73, 74, 79—83, 93, 104, 109, 111—128, 161, 193—196.
- Амалія Баденская III, 425, 429.
- Амвросій пр. II, 179.
- Аммосовъ А. I, 288, 302; III, 239.
- Амфилохій вик. II, 239.
- Амфилохій іеросхм. III, 283.
- Амфилохій келейн. III, 276, 277.
- Анагіостъ мон. III, 52.
- Анастасій архим. III, 60.
- Андреевъ Д. II, 24.
- Андреевъ С. свящ. III, 39.
- Андріевскій III, 443.
- Андрониковъ кн. II, 290; III, 447.
- Андросовъ II, 82—94.
- Анке Н. Б. I, 131.
- Анна в. кн. II, 422, 535—538; III, 423.
- Анна импер. I, 338—439.
- Анна Михайловна в. княж. III, 74.
- Анна Петровна в. кн. II, 518.
- Анна Θεодоровна в. кн. I, 17—25; II, 425; III, 279.
- Аннато Е. I, 587.
- Аннато М. I, 587.
- Аннато П. I, 587.
- Анненковъ I, 56, 57, 611.
- Антокольскій II, 295, 454.
- Антоній архим. I, 261; II, 16.
- Антоній митр. III, 283.
- Антоновъ I, 53, 54.
- Апласинъ II, 294.
- Аполлинарія монахиня III, 281.
- Апраксинъ ген.-адм. II, 466.
- Апраксинъ ген.-пор. II, 188.
- Апраксинъ гр. I, 7, 340, 432; II, 174.
- Апраксинъ II, 463.
- Апухтинъ I, 313—335.
- Араго II, 259.
- д'Арагонъ мар. III, 7, 9.
- Аранчеевъ А. А. гр. I, 60.
- Арапова А. П. III, 240.
- Аргамановъ I, 43, 44.
- Аргутинскій-Долгоруковъ М. З. кн. I, 100—117.
- Аргутинскій кн. III, 188.
- Арендтъ II, 676, 677; III, 48, 51, 52, 58, 91, 92.
- Арзамасъ III, 349.
- Аристова II, 123.
- Аристовъ А. II, 123.
- Аріостъ II, 501.
- Армфельдъ А. О. II, 198, 434.
- Арнольдъ III, 263.
- Арсеній архіеп. III, 52, 47, 57.
- Арсеньевъ Е. III, 65.
- Арсеньевъ К. И. I, 338—411.
- Арсеньевъ Н. С. I, 162.
- Арсеньевъ I, 414; II, 210; III, 83, 91.
- Арсеньевы III, 28, 73.
- д'Артуа гр. III, 10.
- Артыновъ I, 329.
- Архангельскій В. II, 70, 71.
- Архарова А. И. I, 10.
- Архарова Е. А. I, 10—12.
- Архаровъ И. П. I, 10—13.
- Архаровъ Н. П. I, 12; II, 191.

Архаровъ П. И. I, 13.
 Архаровъ III, 203.
 Архаровъ I, 10—13; II, 191.
 д'Аршіакъ III, 240.
 Ассебургъ бар. I, 406.
 Ахуптинъ I, 624.
 Афоній мит. III, 9—11.
 Ашинъ А. Б. II, 216.
 Ашкинази проф. II, 261—265.
 Аѳанасій архіеп. Холмог. III, 100, 101.
 Аѳанасій иг. III, 71.
 Аѳанасій митр. Икон. III, 57, 61, 66.
 Аѳанасьевъ I, 315.
 Аѳанасьевъ-Чужбинскій III, 242.

*

Бабарыкинъ Р. III, 28, 36, 37, 97.
 Бабиновъ I, 304.
 Бабстъ И. К. III, 482.
 Багалъй Д. И. I, 636.
 Багговуть ген. А. О. II, 287, 288; III, 331.
 Багратіонъ кн. I, 103—112, 188.
 Бадмеръ II, 596.
 Базилевскій И. О. I, 259.
 Базиліановъ I, 526.
 Базиль III, 131.
 Базуновъ III, 251, 252.
 Де-Бай бар. III, 192.
 Бакунинъ I, 574.
 Балабинъ П. II, 697.
 Балакиревъ III, 343.
 Балашевъ I, 47.
 Балкъ ген. лейт. I, 359.
 Бальмонъ II, 549.
 Баранова ст.-дам. II, 640; III, 118.
 Барановичъ Л. III, 58, 59.
 Барановскій III, 149.
 Барановъ Н. М. губ. II, 182.
 Барановъ III, 296.
 Баратаевъ кн. II, 16.
 Баратовъ I, 105.
 Баратынскій I, 591—594; II, 475, 476, 489, 496, 498, 509, 570, 575, 592, 699, 701; III, 132, 164, 172, 496.

Бардовскій II, 617.
 Барклай-де-Толли I, 188; II, 572.
 Барковскій док. III, 339.
 Барковскій К. I, 484—541.
 Баркъ М. I, 279.
 Барсовъ проф. II, 180.
 Барсуковъ И. П. I, 170.
 Барсуковъ Н. П. II, 182.
 Барсуковъ I, 321, 322.
 Барсъ надв. сов. I, 28.
 Бартенева Е. II, 628—630, 636, 638, 643; III, 41, 45, 49, 62, 70, 76, 80, 81, 115, 118.
 Бартенева Е. А. II, 672.
 Бартенева Е. С. II, 656, 670; III, 121—123.
 Бартенева М. Н. II, 615.
 Бартеневъ С. I, 122, 331.
 Бартеневъ С. Н. II, 607, 656.
 Бартеневъ С. П. II, 160; III, 346.
 Бартеневъ Ю. Н. II, 607—685; III, 27—123.
 Бартеневъ майоръ II, 459.
 Бартеневы III, 123.
 Бартельсъ Гер. коп. II, 544.
 Бартоломей ген.-лейт. II, 11.
 Баршева С. И. I, 131.
 Бярятинскій кн. I, 208, 386—414; II, 287, 290, 297, 452, 528, 529; III, 185, 188.
 Басаргинъ II, 299.
 Басистовъ П. Е. III, 252.
 Бассевичъ гр. I, 411.
 Батенковъ Г. С. II, 568.
 Баттё II, 193.
 Батуринскій В. П. I, 616.
 Батюшковъ II, 146; III, 164.
 Баузе II, 510.
 Баумбергъ б-со II, 406.
 Бауръ II, 466.
 Бауэръ I, 286, 309; II, 429; III, 201.
 Башуцкій III, 177.
 Бебутова княг. III, 336.

- Бебутовъ кн. II, 285—287, 289, 290;
 III, 333, 335, 339.
 Бедряга П. В. I, 167.
 Бедряга I, 58.
 Безбородно кн. II, 413—416, 423, 427,
 447.
 Безобразовъ Г. М. III, 181.
 Безсоновъ П. II, 146.
 Безсоновъ I, 315.
 Беккеръ I, 298.
 Беклемишевъ А. П. I, 185.
 Бекстеръ II, 569.
 Бекетовъ А. Н. III, 494.
 Бекъ А. II, 125.
 Бекъ II, 417.
 Беллуно В. II, 549.
 Бѣмъ III, 69.
 Беневентскій кн. III, 7, 13.
 Беневоленскій I, 611.
 Бенедиктовъ II, 80—83, 113; III, 131,
 140, 242.
 Бенжаментъ-Констанъ II, 91.
 Бенигсенъ II, 450.
 Бенкендорфъ А. X. гр. II, 498; III, 144,
 145, 238, 239.
 Бентамъ II, 593.
 Бергъ И. II, 669.
 Бергъ Н. В. I, 483, 604; III, 251,
 265, 266.
 Березовскій I, 171.
 Берингъ I, 331.
 Беркгеймъ бар. III, 86.
 Беркгеймъ II, 613, 636.
 Бернардынь I, 328.
 Бернгорстъ II, 527.
 Бестужевъ I, 43; III, 388, 391.
 Бестужевъ-Рюминъ К. Н. III, 492.
 Бетихеръ I, 44.
 Бетманъ М. III, 1, 2, 12.
 Бецкій И. И. II, 533.
 Безъ М. В. I, 596; II, 563, 573, 706.
 Бибикова III, 155, 157, 160.
 Бибиновъ Д. Г. I, 483.
 Бибиновъ ген. I, 344—414.
 Бижеичъ I, 332.
 Биллеръ С. III, 38.
 Бильденбергъ бар. I, 374.
 Бильдерлингъ А. А. II, 696.
 Бильо I, 572—580.
 Бильонъ II, 441.
 Бинкевичъ А. I, 505.
 Бирнбаумъ III, 119.
 Биронъ гр. I, 389.
 Биронъ I, 389—429; III, 362, 370,
 388.
 Бисмаркъ I, 303; III, 216.
 Бистромъ I, 279.
 Благовѣщенскій Н. М. III, 501.
 Бланица гр. II, 559.
 Бламонъ II, 549.
 Бланжія гр. III, 519, 520.
 Бланкенбургскій герц. I, 360—369.
 Блуа-де Л. III, 113.
 Блудовъ гр. Д. Н. I, 463; II, 147, 588,
 595, 704; III, 137.
 Блюментростъ I, 409.
 Боатье I, 547.
 Бобинскій I, 484—492.
 Бобринскій А. А. II, 517.
 Бобринскій I, 324—329.
 Бобровскій II, 251.
 Богарнѣ Гортензія III, 1—3.
 Богдановичъ I, 503—551.
 Богословскій М. И. прот. I, 220.
 Боголюбовъ III, 182.
 Бодянский О. М. III, 497, 498.
 Бойсманъ лейтен. III, 341.
 Боккельбергъ II, 136.
 Боклевская В. П. III, 124.
 Боклевскій П. М. III, 124.
 Болинскій I, 509.
 Болховитиновъ Е. митр. I, 204—206.
 Болховскій Н. II, 206.
 Болховскій прот. II, 206.
 Боль III, 287.
 Бонапартъ I, 43; II, 559, 561.
 Бонде гр. I, 405.
 Бонжанъ I, 574, 575.

- Бонзенъ II, 258.
 Бонъ ген. I, 403.
 Бопрѣ I, 500—527.
 Борецкій И. II, 70, 71.
 Борисовъ полк. II, 9, 212; III, 144, 145.
 Боркъ I, 185.
 Боровицкій У. III, 24.
 Бороздинъ I, 44.
 Борятинскій О. С. кн. I, 28.
 Боссюэтъ II, 683.
 Ботенева II, 624.
 Ботень II, 622.
 Боткина А. II, 1, 586.
 Боткина М. II, 1, 169.
 Боуръ ген. II, 461, 462.
 Боцарисъ II, 599.
 Бояриновъ I, 186.
 Бравура II, 82.
 Брандъ подп. II, 10.
 Браиловскій С. Н. III, 225.
 Брайко М. Е. III, 310.
 Бракель I, 390.
 Бранденбургъ-Барейтскій I, 361.
 Браницкая А. В. I, 487.
 Браницкая Е. К. граф. II, 212.
 Браницкая гр. И. III, 8, 405.
 Браницкая гр. I, 16; II, 263.
 Браницкій Ф. К. III, 377.
 Браницкій Я. К. III, 391.
 Браницкій гр. II, 263; III, 374, 378, 381, 384, 390, 393, 403—406, 409.
 Брауншвейгъ-Бевернскій I, 360.
 Бревернъ III, 342.
 Бредаль II, 519, 523, 533.
 Бренвиле II, 653.
 Брещинскій В. К. I, 165.
 Бржостовскій III, 369, 376.
 Брикнеръ II, 293.
 Бриммеръ II, 290.
 Бринкъ I, 492—563.
 Бровковичъ Ил. II, 239.
 Брокгаузъ II, 260.
 Брокдорфъ II, 520.
 Брокъ III, 3.
 Броневскій I, 597.
 Брониовскій II, 582.
 Бруни II, 605.
 Бруновъ бар. I, 577, 578.
 Брунстъ II, 8.
 Брунъ подпол. II, 7.
 Брюлевъ II, 606.
 Брюловъ II, 217.
 Брюль Г. гр. III, 353, 364—366.
 Брюль Ф. А. гр. III, 364, 365.
 Брюль гр. III, 356—358, 362, 368—376.
 Брюсовъ В. Я. I, 601.
 Брюсъ П. А. гр. III, 388.
 Брюсъ Я. гр. II, 291.
 Брюсъ гр. II, 528, 533.
 Брюсъ гр. II, 532.
 Брюсъ фельд. I, 401.
 Брюсъ II, 523.
 Брюховъ III, 133.
 Брянскій II, 194.
 Брянчаниновъ II, 436.
 Буало II, 193.
 Будбергъ II, 141—144; III, 12.
 Будзинская I, 502—524.
 Будзинскій В. I, 486.
 Будзинскій М. I, 486.
 Буковскій III, 374.
 Булавинъ К. А. II, 458.
 Булатъ-ханъ III, 212.
 Булгаковъ I, 316; II, 452—454, 675; III, 59, 105.
 Булгаковы II, 567, 640.
 Булганъ I, 508.
 Булгаринъ I, 592; II, 153, 481, 492, 600, 644; III, 177, 242, 491.
 Булгарины II, 110.
 Булевскій подпол. I, 483—524.
 Буличъ Н. Н. III, 484, 485.
 Бульбергъ А. О. I, 568—585.
 Бунина А. А. I, 13.
 Бунинъ Я. И. II, 238.
 Буняковскій III, 160.
 Бурачекъ III, 161—163.
 Бурнонвильскій дюкъ I, 339.

Бурцевъ кап. III, 202, 421.
 Буслаевъ I, 467, 596, 622; III, 483, 498.
 Буткевичъ В. А. III, 279, 352.
 Бутковъ III, 252,
 Бутурлинъ гр. В. I, 349—413; III, 116, 124, 126, 127, 178, 179.
 Бутырскій III, 136, 162.
 Бутягина Евд. III, 25, 26.
 Бутягина Е. И. III, 1—26, 319, 320.
 Бутягина М. III, 23, 24, 26.
 Бутягинъ А. III, 22—24.
 Бутягинъ П. С. III, 12, 23—25, 319, 320.
 Бутягинъ III, 12—15, 17, 18, 20—22.
 Бутягины III, 22, 23, 25.
 Буханцевъ Я. Д. II, 236.
 Бухарскій II, 296.
 Буцинскій П. Н. I, 636.
 Бушери III, 18.
 Буяльскій I, 509.
 Быковъ III, 161.
 Быстровъ II, 196.
 Бычковъ II, 535.
 Бѣлевскій III, 182.
 Бѣлинскій I, 607—616; II, 6; III, 225, 244.
 Бѣловъ И. Д. II, 163.
 Бѣлосельскій кн. II, 423.
 Бѣльскій II, 31.
 Бѣлявскій III, 285.
 Бѣляевъ И. Д. I, 132.
 Бѣлюстинъ I, 110—114.
 Бюлеръ С. А. II, 648; III, 82.
 Бюро Л. Г. I, 191.
 Бялковскій I, 486.

*

Вагевиръ II, 549—558.
 Вагнеръ К. I, 586.
 Вадковскій I, 28.
 Валенштейнъ кн. II, 582.
 Валецкій I, 523.
 Валуева I, 15.
 Валуевъ I, 37, 41, 155—159; II, 111, 303, 548.

Вандетти II, 619.
 Ванесъ III, 337.
 Ванновскій П. С. мин. III, 218—220.
 Ванновскій II, 296, 297.
 Ванцети II, 661; III, 51, 113, 114, 121.
 Ванъ-Гуртъ I, 586.
 Варвинскій I, 587.
 Вариньи I, 329.
 Варлаамъ архим. I, 268.
 Варлаамъ архіеп. II, 183—190, 222.
 Варлаамъ іером. III, 77, 87—89, 101.
 Варлаамъ митр. III, 21.
 Варлаамъ стар. II, 535.
 Варламовъ I, 325.
 Вармійскій кн. еп. I, 342.
 Варсонофій митр. III, 100.
 Василий Новгородскій св. II, 222.
 Василий царь II, 5.
 Васильевъ А. И. гр. II, 182.
 Васильевъ А. I, 188.
 Васильевъ П. II, 179.
 Васильевъ III, 208, 213.
 Васильчикова А. И. I, 12; II, 191, 301, 540; III, 204—207.
 Васильчикова А. К. II, 424.
 Васильчикова М. В. II, 424.
 Васильчиковъ А. А. I, 10; II, 191, 192, 540; III, 204.
 Васильчиковъ В. II, 540.
 Васильчиковъ В. А. II, 424.
 Васильчиковъ В. Л. II, 143.
 Васильчиковъ П. А. II, 298; III, 204.
 Васильчиковъ кн. II, 283; III, 141.
 Васькова I, 596.
 Вахрамѣевъ I, 327—331.
 Веберъ II, 219.
 Вейделева М. Р. II, 405.
 Вейдемейеръ I, 301.
 Вейдлхъ сек. III, 10.
 Вейнардъ сов. III, 6.
 Вейнбергъ I, 315.
 Вейсбахъ ген. I, 393—402.
 Венуловъ прап. II, 286, 287.

- Веллингтонъ II, 135.
 Вельгурскій М. Ю. гр. I, 45.
 Вельтманъ А. О. III, 265, 267.
 Веневитинова С. II, 479.
 Веневитиновъ II, 490, 509, 584, 595, 602, 603.
 Веневитиновы II, 476, 565.
 Венедигеръ I, 414.
 Венедиктъ преосв. III, 36.
 Веніаминъ митр. II, 235.
 Вербицкій II, 164.
 Вержбицкій II, 6—18.
 Вережкинъ подполк. III, 331.
 Вернеръ В. И. I, 125.
 Верницкий I, 494.
 Верховскій Д. II, 169.
 Верховскій Д. П. поруч. II, 168, 177.
 Верхотуровъ I, 197.
 Вершаффельтъ А. I, 585.
 Веселовскій I, 328.
 Вессонъ III, 212.
 Вестфаленъ I, 404.
 Вешняковъ III, 68.
 Вигонтъ III, 421, 422.
 Вигель-Панчулидзевъ II. I, 567—585.
 Виландъ II, 565, 566.
 Вилерсъ I, 48.
 Вильгельмъ имп. II, 303, 544; III, 436.
 Вильгельмъ пр. III, 205.
 Вильгельмъ Ф. IV, II, 134—140.
 Вильде I, 288, 408.
 Вилье III, 427.
 Вильмень III, 242.
 Вильсонъ II, 105.
 Виндиштремъ инж. II, 696.
 Винницкій I, 490, 491.
 Виноградовъ III, 161.
 Винцентій I, 496.
 Викентій архим. III, 92.
 Викентій мит. Троиц. III, 93.
 Викулинъ II, 571; III, 146.
 Виренъ III, 342.
 Виріоній I, 554.
 Висаріонъ мон. III, 77.
 Висковатова II, 640, III, 114.
 Витгенштейнъ I, 331, 492.
 Витекеръ II, 705.
 Витушечниковъ III, 127.
 Вишневскій I, 43.
 Вишняковъ В. И. ст.-сек. II, 15.
 Віардо I, 604—626.
 Віельгорскій гр. II, 548.
 Владимиръ Александровичъ в. кн. II, 17; III, 351.
 Владимиръ в. кн. II, 200.
 Власенковъ III, 50.
 Водникъ Б. III, 224, 225.
 Возницынъ II. III, 97, 103—105, 107, 108.
 Войцеховичъ II, 215.
 Войцеховскій II, 247.
 Волконская А. М. III, 24.
 Волконская З. А. II, 84, 476, 479, 563, 583, 595; III, 230.
 Волконская С. С. I, 10, 11.
 Волконская II, 566, 574, 589, 605, 606.
 Волконскіе II, 565, 584.
 Волконскій А. Н. II, 84, 509, 589, 604.
 Волконскій Г. С. кн. I, 8.
 Волконскій М. Н. кн. I, 319; III, 204.
 Волконскій П. М. кн. I, 60.
 Волконскій С. О. I, 10.
 Волконскій кн. I, 27; II, 504; III, 127.
 Волковъ Д. С. II, 63, 65.
 Волковъ I, 31; II, 527, 528, 533.
 Волловичъ I, 484—486.
 Володковичъ III, 375.
 Волоцкая М. III, 48, 54, 57, 58.
 Волошениновъ М. III, 126.
 Вольтеръ I, 447; II, 125.
 Вольфъ Ю. И. I, 312.
 Вонлярлярскій И. А. II, 177.
 Вороблевскій В. II, 548.
 Вороненко I, 37.
 Воронежъ А. рот. II, 167.
 Воронежъ К. II, 167.

- Воронежъ М. II, 168.
 Воронежъ Н. М. II, 165.
 Воронежъ Ѳ. II, 168.
 Вороничъ I, 554.
 Воронцова гр. А. К. II, 533.
 Воронцова гр. Е. К. III, 63, 240.
 Воронцова гр. С. М. III, 123.
 Воронцова гр. II, 522.
 Воронцова княг. II, 524.
 Воронцова II, 497.
 Воронцовъ А. гр. I, 178—203; II, 437, 439.
 Воронцовъ кн. М. С. I, 200, 201; II, 621.
 Воронцовъ гр. Р. И. II, 527, 528, 533.
 Воронцовъ кн. С. М. II, 299.
 Воронцовъ гр. С. Р. II, 407—436, 441, 442, 444, 447, 449, 451.
 Воронцовъ гр. II, 526, 529, 621, 624, 684; III, 12, 39, 80, 81, 91, 94, 122, 123, 367, 373, 380.
 Воронцовъ кн. I, 18, 100; II, 144, 409, 427, 445, 511, 512, 688—690; III, 203, 440.
 Воронцовъ I, 171; II, 488, 503; III, 339, 388.
 Воронцовъ-Дашковъ гр. III, 170.
 Воропай полк. II, 12.
 Воротниковъ III, 149.
 Вояновскій I, 559.
 Вральманъ А. А. II, 482.
 Врангель А. Е. бар. I, 112.
 Врангель ротм. II, 6.
 Вратиславскій гр. I, 357—406.
 Вревскій ген. II, 283.
 Вронченко III, 131.
 Вронъ В. II, 599.
 Всеволодскій III, 42.
 Вульфертъ В. К. I, 588.
 Выжигинъ II, 475.
 Вышеславскій II, 537.
 Вьельгорская Л. К. II, 301.
 Вьельгорскій I. М. II, 301.
 Вьельгорскій М. Ю. гр. II, 152.
 Выдубецкій С. игум. II, 158.
 Вѣтра Молчальница III, 273—283, 352.
 Вяземская кн. В. Ѳ. II, 152—156, 302—304; III, 238, 239.
 Вяземская Н. II, 303.
 Вяземскіе кн. II, 302.
 Вяземскій кн. А. А. III, 421, 422.
 Вяземскій А. И. II, 302.
 Вяземскій кн. П. П. II, 302, 303; III, 225, 235.
 Вяземскій П. А. кн. I, 593, 607; II, 91, 259, 262, 263, 298, 302, 406, 407, 466, 666; III, 141, 197, 237, 262, 351, 352, 465—468.
 Вяземскій I, 592, 593; II, 147, 156, 570, 699.
 Вязмитиновъ С. К. I, 39—45.
 *
 Гассъ К. I, 504.
 Гавдецкий II, 269.
 Гавріиль преос. II, 208, 678
 Гавріиль архіеп. Вологод. III, 100.
 Гавриловъ Н. I, 64.
 Гага гр. II, 409, 410.
 Гагарина княг. II, 421, 479, 485, 523, 533.
 Гагаринъ И. С. II, 153; III, 237.
 Гагаринъ кн. Ѳ. С. II, 302.
 Гагаринъ кн. II, 420, 477, 478, 491, 493, 501, 533, 572, 589, 603; III, 50, 51.
 Гагарины кн. II, 16, 606.
 Гаджи-Темиръ-Ага II, 287.
 Галаховъ III, 67, 157;
 Галлеръ III, 145.
 Гальбергъ II, 605.
 Гальперинъ-Каминскій I, 625.
 Гальяръ II, 418.
 Гамлетъ II, 571.
 Ганертъ II, 518.
 Ганкевичъ II, 255, 256,
 Ганка II, 581.
 Ганнибалъ С. I, 279.
 Гансъ II, 596.

Гарликовъ II, 641.
 Гартвисъ II, 620, 662, 666; III, 31, 33, 84.
 Гаршинъ Е. I, 604—614.
 Гассанъ-паша II, 286.
 Гастфрейндъ Н. II, 706.
 Гауеръ II, 627, 634; III; 40, 41, 44.
 Гацискій III, 492.
 Гедеонъ пр. II, 174—176, 178, 179.
 Жежелинскій I, 633, 634.
 Гейнчъ II, 187.
 Гейтенъ I, 328—332.
 Гекернъ-Дантесъ II, 153—156; III, 135, 137.
 Гелингъ I, 542, 543.
 Гельгудъ I, 558.
 Гельтманъ II, 257.
 Гельтъ II, 465.
 Геннади Г. Н. II, 296.
 Георгіевскій III, 156.
 Георгій Александровичъ в. кн. II, 200, 201, 340—346.
 Георгъ прин. II, 520.
 Георгъ III, II, 427.
 Герать I, 317.
 Гербель III, 244.
 Гердеръ II, 565, 566.
 Герке II, 16.
 Герлахъ ротм. II, 7.
 Германъ еп. II, 210, 238; III, 88, 93, 96.
 Гермогенъ патр. II, 233—236; III, 111, 116.
 Гернетъ шт. кап. II, 6.
 де-ла-Героньеръ I, 575.
 Герценъ А. И. I, 137, 574, 586—589, 616.
 Гессенъ-Дармштадская Каролина I, 15—18.
 Гессъ III, 163.
 Гетье I, 312.
 Гизо III, 242.
 Гилленкронъ ген. кварт. II, 460.
 Гиль II, 251.

Гинсбургъ I, 294.
 Гиравъ-Кромвель II, 254.
 Гирсъ II, 296.
 Гионъ II, 683.
 Глембоцкій А. II, 184.
 Глинка Г. III, 299.
 Глинка М. И. II, 217, 495.
 Глинка С. Н. III, 247.
 Глинка О. III, 299.
 Глинка II, 82—91, 148, 492, 498, 503, 508.
 Глѣбовъ I, 173, 174, 351.
 Гнѣдичъ III, 67, 164.
 Гогартъ I, 313.
 Гогенцолънеръ I, 408.
 Гоголь I, 316, 596, 601—612, 635; II, 6, 104—114, 193, 217, 301, 540, 541; III, 124, 125, 161, 164, 165, 170—173, 180.
 Годзская III, 5.
 Годзскій III, 23.
 Годуновъ Б. II, 193, 202, 203, 514.
 Голенищева II, 543.
 Голинда К. И. III, 294, 296.
 Голицына А. С. III, 57, 69.
 Голицына кн. В. Я. II, 538.
 Голицына Е. А. II, 538.
 Голицына кн. Л. Т. II, 298.
 Голицына кн. I, 301, 389; II, 497, 533, 600, 608, 613, 617; III, 42.
 Голицынъ кн. А. Н. I, 281; II, 213, 233, 607, 608, 640; III, 119, 120, 122, 123, 204, 207.
 Голицынъ кн. Б. Д. II, 283.
 Голицынъ кн. В. С. II, 638, 640.
 Голицынъ кн. Д. В. III, 285.
 Голицынъ кн. Д. М. I, 340—440.
 Голицынъ кн. Д. I, 377—440.
 Голицынъ кн. И. О. II, 533.
 Голицынъ Л. М. II, 96.
 Голицынъ кн. М. М. I, 349—434, 462, 534.
 Голицынъ М. Н. III, 183.
 Голицынъ М. кн. I, 378—424.

- Голицынъ Н. М. II, 534.
 Голицынъ кн. Н. С. III 1, 119.
 Голицынъ кн. П. А. II, 463.
 Голицынъ кн. П. М. III, 204.
 Голицынъ кн. С. М. I, 83; II, 300, 301, 539; III, 102, 207.
 Голицынъ кн. П. С. III, 204.
 Голицынъ кн. I, 47, 179; II, 466, 533, 619, 620, 624, 627, 680; III, 86, 340, 341, 391, 437.
 Голицыны кн. I, 346—433, 480, 588, 608.
 Головачева-Панаева А. Я. I, 603—626.
 Головина В. Н. гр. II, 428.
 Головина гр. I, 17—25.
 Головинъ И. М. II, 203.
 Головинъ Н. Н. гр. II, 428.
 Головинъ I, 632; II, 460, 534; III, 174.
 Головкина гр. I, 389.
 Головкинъ М. кап. I, 386—427.
 Головкинъ О. Г. III, 6.
 Головкинъ гр. I, 340—398; II, 174; III, 121, 265.
 Головчинъ II, 458.
 Голубевъ И. Н. I, 156.
 Голубинскій II, 611; III, 40.
 Голубовскій К. II, 173—176.
 Голубцевъ II, 517.
 Голубцовъ Н. III, 422.
 Голштейнъ-Бенская прин. II, 533.
 Голштейнъ-Бенскій пр. II, 528, 533.
 Голштейнъ-Готторпская герц. I, 340—411.
 Голштейнъ-Готторпскій герц. I, 340—411; II, 534.
 Голый II, 458.
 Голынский I, 497.
 Гольдони III, 224, 236.
 Гольцъ бар. II, 523, 534.
 Гончарова Е. Н. III, 237—240.
 Гончарова М. И. III, 86.
 Гончаровъ А. И. III, 86.
 Гончаровъ I, 615—624.
 Горбуновъ I, 309, 315—333.
 Гордонъ I, 490—509.
 Горемыкинъ III, 494.
 Городыскій II, 260.
 Гортензія корол. III, 13, 14, 21.
 Гортъ II, 419.
 Горчаковъ А. П. I, 39.
 Горчаковъ А. М. кн. I, 285.
 Горчаковъ Н. Д. III, 247.
 Горчаковъ кн. I, 579, 583; II, 282, 283; III, 216, 217.
 Горяиновъ С. М. III, 26, 319, 420.
 Горяиновъ II, 610, 624, 638, 661, 665, 680, 682.
 Горяиновы II, 670.
 Готье III, 9.
 Гофманъ Э. III, 284.
 Гощинскій I, 486—506.
 Грабовскій Д. К. III, 520.
 Грабовскій Т. С. III, 225.
 Граббе гр. П. X. III, 123.
 Грабянки С. I, 515.
 Граве Б. И. I, 32.
 Граве III, 130, 131.
 Градовскій Г. III, 525.
 Грановскій Т. Н. I, 130, 586; II, 78—93, 636; III, 364.
 Гребень II, 418, 419, 425.
 Гребневъ М. Н. III, 522.
 Грейсонъ III, 142.
 Грековъ П. Н. I, 588.
 Грековъ III, 242.
 Греннъ I, 632.
 Грефе III, 145.
 Греченинъ мон. III, 64,
 Гречь II, 476; III, 87, 134, 177.
 Грибенно III, 162.
 Грибовскій I, 608.
 Грибоѣдовъ I, 589; II, 537, 564.
 Григорій мит. III, 276.
 Григоровичъ В. И. III, 492—502.
 Григоровичъ Д. В. I, 604; II, 295; III, 242, 248—251.
 Григорьевъ А. А. III, 225, 251, 252.
 Григорьевъ В. В. II, 79—82.

Григорьевъ III, 130, 146, 147, 160.
 Гризль подполк. II, 696.
 Гриммъ I, 14, 15; III, 5.
 Грицыкевичъ I, 553—555.
 Гришинъ I, 293.
 Гродековъ III, 525, 526.
 Гроздовъ I, 600.
 Гротъ К. Я. II, 281.
 Гротъ Я. К. II, 526.
 Грудевъ Г. В. II, 544.
 Грузинскій Н. свящ. III, 283.
 Грумъ докт. II, 677.
 Груши I, 181.
 Губастовъ К. А. III, 320.
 Губеръ III, 131, 132.
 Гудовичъ гр. I, 27—31, 38; II, 521, 522, 524, 527—529, 533, 588.
 Гудонъ II, 125.
 Гужицкій К. I, 511.
 Гулакъ-Артемевскій II, 259.
 Гулакъ III, 175.
 Гумбольтъ II, 259.
 Гуменный Л. I, 503.
 Гумецкій И. III, 23.
 Гумецкій С. III, 23.
 Гуріель кн. III, 321.
 Гурко I, 208; II, 167, 177, III, 47.
 Гурко-Ромейко II, 161.
 Гуровскій А. III, 151.
 Гуровскій гр. II, 599.
 Гуръ II, 252.
 Гурьевъ Д. А. I, 44.
 Гурьевъ II, 422, 506; III, 139.
 Гурьевы III, 380.
 Густавъ IV, II, 409—411.
 Гutowскій I, 524.
 Гутьяръ I, 603, 604.
 Гюйонъ III, 44, 52.
 Гюсонъ II, 678.
 *
 Давидъ псалмопѣв. II, 229.
 Даву I, 187, 312.
 Давыдова III, 155, 156.
 Давыдовъ II, 90.

Даламберъ I, 447.
 Даль II, 572.
 Данзасъ III, 135, 136, 169.
 Данилевскій II, 623.
 Данилевскій И. Н. II, 643.
 Даниловъ В. I, 462.
 Даниловъ свящ. II, 46.
 Дантесъ III, 135, 168, 169, 238—240.
 Данцевичъ I, 523.
 Даргомыжскій I, 615.
 Дарленкуръ II, 612.
 Дашкевичъ II, 481.
 Дашнова кн. Е. Р. I, 180; II, 182, 185, 531.
 Дашковъ II, 595; III, 405.
 Дворницкій I, 512.
 Дю-Деванъ II, 633.
 Деволанъ I, 181.
 Дегай III, 179.
 Деденевъ III, 151.
 Дедье I, 405.
 Декартъ II, 683.
 Делавинъ III, 251.
 Делагардій ген. II, 455.
 Деларю М. Д. I, 334.
 Дельвиго С. М. 6—сса. II, 508.
 Дельвиго бар. А. А. II, 509.
 Дельвиго бар. А. И. I, 461.
 Дельвиго II, 492, 496, 498; III, 164.
 Дельво полк. II, 691.
 Делявинъ К. II, 498.
 Деляновъ И. Д. II, 704.
 Дембовицкій А. С. I, 177—188.
 Дембровскій I, 631—634.
 Дементьевъ I, 53.
 Демидовъ П. П. I, 130.
 Денговскій гр. I, 342.
 Денгофъ III, 358.
 Денисовъ I, 55—58.
 День шт.-кап. II, 6.
 Де-Пуле II, 193.
 Дervизъ II, 533.
 Державинъ I, 447; II, 699; III, 102, 139, 141, 146, 159.

Дехтяревъ III, 247.
 Дешанъ сек. II, 263.
 Джемраджидзе I, 101—114.
 Дзвонковский II, 251.
 Держекъ А. I, 505.
 Дзиковскій II, 251.
 Дзѣвицкій I, 484—486.
 Дзюбъ II, 474.
 Дибиць III, 127.
 Дидро I, 447; II, 502.
 Дивієрь I, 341—413; II, 122, 528.
 Дивовъ Н. А. I, 286.
 Димитрій Ростовскій III, 347, 348.
 Димитрій Іоанновичъ цес. II, 514, 516, 517; III, 114.
 Димитрій Самозванецъ II, 475.
 Дистель сек. пос. II, 534.
 Діомидовъ И. М. III, 463.
 Діонисій арх. III, 25, 55.
 Діонисій пат. III, 57, 61, 104—109.
 Дитмаръ I, 371—405.
 Дитрихштейнъ II, 426.
 Дмитріевскій I, 56; II, 193.
 Дмитриева I, 159—165.
 Дмитриевъ М. А. II, 481.
 Дмитриевъ Н. И. I, 150, 151.
 Дмитриевъ Ѳ. М. II, 704.
 Дмитриевъ I, 303; III, 132, 164.
 Дмитриевъ-Мамоновъ I, 425.
 Дмуровскій I, 486.
 Добецкій В. II, 252, 257.
 Добрицкий II, 244, 245.
 Добровскій III, 499.
 Добровъ св. III, 59.
 Добройскій подпол. II, 244, 245.
 Добрынинъ I, 184, 301.
 Добышевъ ген. м. II, 8—10.
 Довгело И. П. III, 287, 288, 302.
 Догановскіе II, 161.
 Догоновскій К. II, 168.
 Догоновскій П. II, 168.
 Додз А. I, 604—608.
 Доде Э. II, 559.
 Долгорукая кн. Е. I, 184, 373—430.

Долгорукая кн. Н. Б. I, 397.
 Долгорукая кн. II, 420; III, 174.
 Долгорукий А. кн. I, 351—439, 630.
 Долорукій кн. В. А. I, 172, 351—442; II, 143, 148, 542—544, 705.
 Долгорукий кн. Г. Ѳ. II, 464.
 Долгорукий кн. Д. Н. II, 282—284, 548; III, 42.
 Долгорукий кн. И. А. I, 347—432.
 Долгорукий кн. И. М. II, 469.
 Долгорукий кн. М. I, 389—432.
 Долгорукий кн. П. В. II, 153.
 Долгорукий С. кн. I, 363—429.
 Долгорукий кн. Ю. В. I, 28.
 Долгорукий Ю. III, 58, 63.
 Долгорукий губ. I, 54, 317, 522—542; II, 174, 435, 545, 643; III, 111.
 Долгорукие I, 346—434.
 Домбровский II, 261.
 Дондуковъ-Корсаковъ М. А. III, 133.
 Дондуковъ кн. III, 133.
 Донецъ-Захаровскій сов. II, 546.
 Досифей пат. III, 108, 110.
 Достоевскій I, 119, 601—623; III, 172, 226.
 Драный II, 458.
 Дреземейеръ I, 307.
 фонъ-Дрейеръ III, 215.
 Дренслеръ Б. III, 224.
 Дружинина III, 40.
 Дружининъ I, 624; II, 638.
 Друксельсъ III, 205.
 Друцкий-Соколинскій кн. Б. II, 163—169, 178, 179.
 Друцкий-Соколинскій Д. М. 177.
 Друцкий-Соколинскій кн. И. II, 167.
 Друцкий-Соколинскій кн. М. II, 165—179.
 Друэнъ-де-Люисъ I, 569—584.
 Дубровинъ Н. Ѳ. II, 258, 259.
 Дука ген. I, 55.
 Дуксъ II, 582.
 Дунинъ гр. I, 342, 496.
 Дуппельтъ III, 145.

Дурновъ I, 31.
 Дурновскій I, 522, 526.
 Дѣрниціи I, 50.
 Дюбари гр. III, 197.
 Дюдеванъ III, 37, 67, 68, 83.
 Дюзингъ I, 165.
 фонъ-Дюнеръ II, 534.
 Дюмасть А. III, 43.
 Дюмушель М. Б. III, 477.
 Дюрокъ полк. II, 441.
 *
 Евбула II, 200.
 Евгений митр. II, 259, 260.
 Евгения импер. I, 577.
 Евдокія Алексѣевна в. княж. III, 74.
 114.
 Евфимій арх. III, 24.
 Евфросинія II, 205.
 Евреинова А. М. II, 148.
 Евреинова Н. II, 132.
 Евреиновъ А. II, 6—14.
 Евреиновъ II, 231.
 Евтихій св. II, 222.
 Евсѣевъ М. II, 286.
 Егоровъ И. П. II, 643, 656; III, 35—
 56, 242.
 Ежевскій II, 587.
 Екатерина Іоанновна II, 464.
 Екатерина Павловна в. кн. I, 26, 37,
 51; II, 298.
 Екатерина I-я I, 337—442; II, 5, 173.
 Екатерина II-я I, 5, 146, 175—192, 447,
 448, 487, 638; II, 164, 182, 191,
 192, 196, 299, 406—411, 430, 436,
 445, 463, 469, 518, 520, 542, 564,
 625, 641, 697; III, 5, 7, 74, 139,
 147, 161, 169, 186, 202, 203, 205,
 283, 309, 349, 351, 361—415, 418—
 420, 422.
 Елагина А. II, 591, 592; II, 96—113,
 146, 198, 475, 563, 565, 567, 478,
 571—597, 602, 604; III, 528.
 Елагина Е. И. I, 138; II, 577.
 Елагина I, 28.

Елагинъ А. А. I, 593; II, 568, 569,
 573, 577.
 Елагинъ В. А. I, 85; II, 109, 149—
 151, 573, 577, 587.
 Елагинъ Е. II, 573.
 Елагинъ Н. II, 573, 577.
 Елагинъ П. А. II, 109.
 Елагинъ Р. II, 573.
 Елагинъ II, 532; III, 387.
 Елена Павловна в. кн. II, 12; III, 110;
 206, 581.
 Елена цар. III, 28.
 Еленскій И. I, 508.
 Еленскій Н. I, 508.
 Елизаровъ О. К. III, 126.
 Елисавета Петровна импер. I, 638; II,
 294, 300, 518, 520, 521; III, 201,
 386.
 Елисавета Алексѣевна имп. I, 14—21;
 III, 279—283, 352, 423.
 Елисавета кор. II, 201.
 Елисавета прин. I, 340—418.
 Елисѣевъ Н. В. II, 295.
 Еліазаръ стар. III, 6.
 Елчаниновъ III, 26.
 Енбулатовъ I, 249, 250.
 Енько сек. III, 292, 293.
 Ержинъ Л. I, 524.
 Ерлыкова ген. II, 27—33.
 Ермолова С. А. II, 301.
 Ермолова I, 316.
 Ермоловъ А. П. ген. II, 8, 301; III,
 186, 189.
 Ермоловъ Н. П. I, 48, 49.
 Ермоловъ II, 113.
 Еропкииъ А. М. I, 13.
 Еропкииъ П. Д. III, 193.
 Еропкииъ П. кел. III, 120.
 Еропкииъ ген. I, 389—414.
 Ерстъ II, 465.
 Ершовъ I, 248, 249.
 Ефимовичъ Д. А. II, 177.
 Ешевскій С. В. III, 492.

*

Жабоклицкій I, 486.
 Жанъ-Поль II, 578.
 Жегловъ И. III, 17.
 Жегловъ I. III, 19.
 Жегочевъ К. Н. II, 613, 616, 657, 682; III, 32, 40, 44, 56, 69, 86, 93.
 Желтоводскій М. от. III, 3.
 Желябовской I. III, 80.
 Жемчужниковы I, 302.
 Жеребцова О. А. I, 18.
 Жигачевъ II, 639, 648; III, 121.
 Жилевъ Н. I, 53.
 Жиро аб. III, 2, 4, 7, 9—11, 14—21.
 Жихаревъ С. С. I, 164.
 Жиць II, 251.
 Жозефина им. III, 1, 13.
 Жолкевскіе I, 538.
 Жоржель аб. II, 426.
 Жоржъ I, 50, 51.
 Жофрентъ г-жа III, 419.
 Жукова I, 332.
 Жуковский В. А. I, 61, 171, 591—600; II, 113, 152, 193, 198, 216, 259, 474, 563, 571, 572, 581, 591, 601, 602, 682; III, 84, 132, 136, 146, 163, 164, 172, 205, 207, 230, 237, 240, 248, 528.
 Жуковский П. В. I, 592—600.
 Жульева-Небольсина III, 260.
 Жюль-Валесъ I, 317.
 Жюль-Жаненъ III, 242.

*

Заали-Баратовъ III, 325.
 Заборовской С. III, 115.
 Забѣлинъ И. Е. I, 298, 586—588.
 Забѣло С. И. III, 287, 288.
 Завадовскій гр. I, 180; III, 331, 339.
 Завалишинъ I, 181.
 Завиша I, 484—486.
 Загорскій I, 523—561.
 Загоскинъ М. Н. II, 481; III, 62, 267—269.
 Загряжская Е. И. II, 152.

Загряжская Н. К. II, 424, 425.
 Загряжская II, 419, 420, 445.
 Загряжскій I, 40; II, 188.
 Заіончекъ II, 245, 279.
 Зайцевскій II, 504.
 Закревскій гр. А. А. I, 586; II, 103.
 Заливкина II, 689.
 Заливскій I, 484—487.
 Залѣнскій I, 499—505.
 Залѣскій А. I, 493.
 Замойскіе I, 538.
 Замойскій А. I, 573; III, 369, 403, 404.
 Занденъ I, 44.
 Зандъ Г. II, 633, 634.
 Зандъ III, 67.
 Засуличъ В. I, 255.
 Застѣцкій III, 160.
 Захарьинъ подп. II, 9.
 Захарьинъ I, 587.
 Захаржевскій II, 547.
 Звѣтковскій В. I, 493.
 Звѣревъ II, 173.
 Зибахъ бар. II, 14.
 Зеленкевичъ II, 680—683, III, 36—109.
 Зелинскій I, 523—527.
 Зельгорсть II, 525.
 Зертись-Каменскій А. I, 11.
 Зилотти I, 312.
 Зиновьевъ А. II, 420, 657.
 Зиновьевъ В. Н. II, 423.
 Зиновьевъ II, 660.
 Злобинъ I, 48.
 Знаменскій I. М. II, 208.
 Знойко II, 159, 160.
 Зонтачъ А. П. III, 528.
 Зоричъ С. Г. I, 182—186.
 Зотовъ В. Я. II, 514, 515.
 Зотовъ М. II, 515.
 Зотовъ Н. М. II, 514—517.
 Зотовъ Я. II, 514, 515, 517.
 Зотovy II, 514.
 Зубова II, 420.
 Зубовъ В. гр. II, 182, 184, 185.

Зубовъ П. кн. I, 16—21; II, 182, 184; III, 130, 131.

Зубовъ кн. II, 410; III, 202.

Зубовъ II, 539; III, 134.

Зыковъ св. I, 214.

Зюзинъ Н. III, 40, 43.

*

Иваненко I, 56, 57.

Иваницкій Н. И. III, 126, 180.

Иванова М. III, 277, 278.

Ивановскій III, 139.

Ивановъ А. III, 30, 43.

Ивановъ Е. II, 286.

Ивановъ Л. А. III, 37.

Ивановъ Н. А. III, 485—493.

Ивановъ I, 311; II, 606.

Ивашковскій II, 89.

Игнатій патр. III, 85.

Измаиль-паша III, 337.

Измайловъ В. II, 486.

Измайловъ М. М. гоф. II, 533.

Измайловъ ген. I, 369—425; II, 524, 527, 529, 531, 533.

Измайловъ гофмар. II, 534.

Израиль-бенъ Эдмаровъ III, 325.

Илларіонъ митр. III, 55, 63.

Илларіонъ преосв. II, 697.

Иловайскій Д. И. II, 160.

Ильминскій Н. И. II, 25—44.

Ильинскій А. И. III, 489.

Ильинъ III, 129.

Ильницкій I, 504; II, 253.

Ингельстромъ II, 263.

Иннокентій архим. I, 281, 282; II, 174, 205, 212.

Иннокентій нам. II, 240.

Иннокентій еп. II, 225—229; III, 283.

Иннокентій I, 170; II, 230.

Иноземцевъ Ѳ. И. II, 124—126.

Инфантьевъ К. II, 24.

Ипполитъ мон. III, 88.

Ирина Михайловна в. княж. III, 74, 114.

Исаевъ И. обер.-инсп. I, 421.

Исаковъ II, 682—684; III, 32, 41.

Исидоръ митр. I, 170, 171, 208; II, 234, 238.

Искра И. И. II, 459.

Исленьевъ III, 65.

Исуповъ С. кн. III, 80.

Ицкибергъ II, 682.

*

Іакинфъ діак. III, 82.

Іаковъ архіеп. III, 103, 105.

Іаковъ патр. III, 103.

Іаковъ II I, 337.

Іевъ пат. Моск. III, 115.

Іезекиилевъ III, 40.

Іенсенъ проф. II, 696.

Іерофеевъ протоіер. III, 40.

Іоакимъ арх. Чуд. III, 43, 47, 78, 81, 85—87, 92, 96, 98—100.

Іоаннъ Алексѣевичъ кн. I, 176, 420—424; III, 74, 98, 101, 347.

Іванъ Васильевичъ царь II, 200, 201, 455, 517; III, 111, 185, 273.

Іоаннъ герц. Дат. II, 201.

Іоаннъ Кронштадскій I, 172.

Іоаннъ преосв. II, 696.

Іоаннъ III II, 293.

Іоганнъ фонъ-Искюль бар. II, 517.

Іона митр. III, 41, 78.

Іосифъ архіеп. Астрах. III, 37, 50.

Іосифъ архим. III, 69, 72, 73, 76.

Іосифъ патр. III, 9—122.

Іосифъ II-й I, 448.

Іустиніанъ цар. III, 83.

*

Кавелинъ К. Д. I, 126—130, 588.

Кавелинъ Л. А. II, 13.

Кавелинъ Л. арх. II, 213.

Казакевичъ I, 508, 556—558.

Казановъ I, 312; II, 582.

Казанскій II, 24.

Казарскій III, 528.

Казначеева II, 666.

Казначеевъ А. И. II, 623, 624; III, 44, 57, 58, 72, 86.

- Найсарова II, 502, 566, 571, 573, 592.
 Найсаровъ П. С. II, 564, 571, 595.
 Найсаровы II, 488, 479, 566, 568, 576, 586.
 Калайдовичъ II, 259, 260, 510.
 Калашниковъ II, 541.
 Каленъ ген. III, 150—153.
 Калининъ Н. И. I, 45.
 Калиновскій II, 252.
 Каллашъ В. В. II, 197.
 Калмыковъ III, 155, 157, 158.
 Каменевъ I, 56, 57.
 Кампанъ III, 2—4, 8, 9, 11, 14—16, 18—22, 24.
 Канарскій I, 483—563.
 Канкринъ I, 286; II, 80.
 Кантакузенъ кн. II, 275.
 Кантемиръ кн. I, 384.
 Каншинъ Д. В. I, 589.
 Каншинъ I, 307—333.
 Капитолина III, 281.
 Капустинъ М. Н. I, 130.
 Караваевъ I, 558; III, 113, 114, 122, 123.
 Каразинъ А. I, 462.
 Каразинъ В. Н. I, 462.
 Каразинъ III, 124.
 Каратыгинъ II, 476; III, 173, 242.
 Карасевскій А. И. I, 89.
 Карауловъ I, 47.
 Карамзина Е. А. II, 154; III, 239.
 Карамзина Е. Н. II, 298.
 Карамзина С. Н. II, 154; III, 239.
 Карамзина II, 595.
 Карамзинъ I, 592; II, 152—155, 191, 193, 296—304, 602, 704; III, 132, 149, 164, 239, 248, 351, 482.
 Карамзинъ В. Н. II, 298.
 Каргановъ С. С. I, 104—118.
 Каргопольцевъ суд. III, 208.
 Карнаповъ I, 171.
 Донъ-Карлосъ III, 166, 266.
 Карлъ I II, 254.
 Карлъ VI I, 340.
 Карлъ VII III, 391.
 Карлъ XI II, 469.
 Карлъ XII, II, 293, 455—463, 472, 474; III, 286.
 Карлъ-Фридрихъ I, 14, 15.
 Карлъ прин. III, 9, 10.
 Карпенко I, 320.
 Карповичъ М. Л. III, 342.
 Карскій II, 244, 245.
 Карусъ II, 567.
 Каспари I, 306, 309.
 Кастельчикала кн. II, 431.
 Насти мар. III, 4.
 Катенинъ II, 496.
 Каткова В. А. III, 181—183.
 Катковъ М. Н. I, 280, 299—311, 583; II, 298, 541, 543; III, 180—184, 244, 252, 515.
 Катковы III, 181.
 фонъ-Науфманъ К. П. III, 213, 216, 217, 525—527.
 фонъ-Науфманъ П. Н. III, 240.
 Науфманъ III, 215.
 Наховскій Г. II, 168.
 Каченовскій 259.
 Нашина Т. I, 54.
 Нашаровъ III, 263, 264.
 Недровъ Н. II, 538.
 Кейзерлингъ гр. Г. X. I, 177; III, 361—416.
 Кейтъ Д. I, 361—393.
 Келлеръ I, 589.
 Келлинъ И. С. II, 460, 462, 464, 471.
 Кёрнеровъ III, 63.
 Кернеръ III, 180, 284.
 Керскій С. В. II, 75.
 Кеслеръ III, 130.
 Кетлеръ I, 182, 342, 343.
 Кетчеръ Н. X. I, 287—329, 586—590; III, 243, 244, 284, 285.
 Кибяковъ Л. II, 171, 172.
 Кикинъ А. П. I, 159.
 Кикинъ П. А. I, 283.
 Кипренскій II, 585, 606.

Кирилловъ Н. П. II, 511.
 Кириллъ архим. I, 267, 268; II, 17; III, 101.
 Кирпичниковъ А. И. III, 496.
 Кирѣевскіе II, 500, 563, 565, 599.
 Кирѣевскій И. В. I, 591—600; II, 95—114, 494, 572, 594, 596, 598, 601, 603.
 Кирѣевскій П. В. II, 567, 572, 590, 594, 598, 602, 603.
 Кирѣевскій I, 315; II, 475, 476, 477, 479, 483, 488, 491, 492, 503, 507.
 Кирѣевъ II, 566, 569.
 Киселева II, 505.
 Киселевъ Н. Д. II, 297, 588; III, 34, 35, 56—58, 78, 528.
 Кисель I, 494.
 Кларендонъ лор. III, 216, 217.
 Кларкъ II, 683.
 Клеванцевъ I, 547.
 Клейнеръ I, 332.
 Клейнмихель гр. III, 35, 94, 100, 166, 169, 171, 172, 178.
 Клементьевъ III, 58.
 Клермонтонеръ I, 182.
 Климентъ Александрійскій II, 221.
 Климовичъ А. О. I, 278.
 Клоцъ II, 627; III, 31, 49.
 Ключаревъ I, 40—48.
 Ключевскій I, 481; II, 293.
 Кнакфусъ проф. III, 349.
 Княжевичъ Д. М. III, 132.
 Княжевичъ К. II, 245.
 Князевъ А. С. II, 205.
 Кобардо К. К. III, 342, 343.
 Кобенцель II, 420.
 Ковалевскій Е. П. II, 625.
 Ковалинскіе II, 81.
 Ковальковъ II, 625, 659, 661; III, 72, 90.
 Коваленко I, 633.
 Кожевниковъ В. А. I, 119; II, 566.
 Кожуховъ А. С. I, 52—60, 253, 630.
 Козловскій И. Д. II, 672.
 Козловскій П. Д. II, 655.

Козловскій кн. II, 610—612, 614, 616, 619, 620, 623, 625—627, 629—632, 637, 638, 641, 642, 645, 648, 651, 653, 654, 658, 659, 667, 668, 675, 680—685; III, 28—31, 33, 35, 37—39, 42, 45, 48—50, 61, 62, 66, 72, 73, 75, 78, 80, 86, 90, 93, 97,—101, 105, 107, 112, 116, 119, 120, 122.
 Козловъ подп. II, 465, 504.
 Козляниновъ Н. П. II, 121.
 Козляниновъ Н. О. II, 143, 144.
 Козодавлева А. П. II, 189.
 Козодавлевъ О. П. II, 189.
 Козубскій Е. I, 118; III, 191.
 Коквинскій I, 53.
 Коношиловъ И. III, 118,
 Коношкинъ II, 479.
 Колачковскій II, 244.
 Колбасинъ I, 617.
 Коленкуръ I, 40; III, 320, 424, 430.
 Колзаковъ кап.-ком. II, 255.
 Колинскій II, 251, 252.
 Коллонтай Г. II, 246, 258.
 Коллоредо гр. II, 426.
 Колобова А. Н. II, 615.
 Колобовъ Н. Я. II, 295.
 Колобовъ О. Я. II, 295.
 Кологривова II, 621.
 Кологривовъ ген. II, 302.
 Кологривая А. А. II, 677—680.
 Кологривая Е. М. II, 608; III, 89, 94, 97, 119.
 Кологривая II, 619, 637, 639—642, 644, 647—651, 655, 658, 659, 661, 663—665, 667, 668, 675, 676, 681—685; III, 27—31, 33—35, 40, 42—63, 65—67, 72—75, 77, 79, 84, 86, 87, 90, 96, 99, 100, 102, 104, 112, 113, 115.
 Колокольцевъ дьяк. II, 27—45.
 Колпаковъ Н. М. II, 186.
 Колычевъ II, 431.
 Кольцовъ I, 321; III, 67, 76, 131, 243, 244.

- Комаровская гр. II, 479.
 Комаровъ А. А. II, 6—69.
 Комаровъ I, 317.
 Комнино И. М. III, 4.
 Комнино М. III, 4.
 Комниность У. III, 2.
 Комовскій II, 78.
 Кони А. О. III, 243.
 Кони О. А. III, 241, 243—272.
 Кони III, 132.
 Конисскій Г. I, 177.
 Коноваловъ К. I, 199.
 Конрадъ П. III, 228, 229, 231, 236.
 Константинова А. А. II, 194, 195.
 Константиновъ А. А. II, 196.
 Константиновы II, 196.
 Константинъ Николаевичъ в. кн. II, 17;
 III, 139, 206.
 Константинъ Павловичъ в. кн. I, 18;
 II, 246, 247, 263—278, 422; III, 83,
 90, 202, 279, 311, 423.
 Контуръ III, 271.
 Кошинъ III, 130, 145.
 Коныховъ К. III, 127.
 Копосовъ III, 130.
 Коптевъ П, 148.
 Копчинскій I, 497—511.
 Коранскій свящ. II, 608.
 Корейшъ И. Я. II, 118.
 Корнилий митр. III, 93—95, 115, 122,
 123, 125.
 Коробовъ I, 40.
 Короткевичъ-Начевой II, 9.
 Корсакова С. А. I, 11.
 Корсаковъ Д. А. I, 636.
 Корсаковъ I, 423.
 Корсакъ М. Н. I, 137.
 Корсакъ С. II, 167.
 Корсакъ II, 170.
 Корсовъ I, 316—332.
 Корфъ гр. М. А. II, 526.
 Корфъ III, 179.
 Коршъ В. О. I, 139.
 Коршъ Е. О. I, 588.
 Коршъ I, 298.
 Косиковскій II, 626; III, 37.
 Коссовичъ К. А. III, 262.
 Коссовичъ I, 170, 171.
 Коссовскій П. III, 374.
 Коссовскій I, 508—517.
 Костомаровъ П, 263.
 Кострубо-Корицкій I, 159—165.
 Костылева А. Н. I, 123.
 Костылевъ И. С. I, 129.
 Костылевъ Н. С. I, 123.
 Костылевъ П. Н. I, 123—168.
 Косюра И. А. II, 217.
 Косюра И. С. II, 217.
 Котлубицкій Н. П. I, 48, 49.
 Котовичъ III, 149.
 Кохановская III, 242.
 Коховскій И. II, 169.
 Кошанскій III, 156.
 Кошелева Д. Н. II, 96—98.
 Кошелевъ А. И. II, 95—106.
 Кошелевъ И. Р. II, 96.
 Кошелевъ Н. А. III, 349.
 Кошелевъ Р. А. III, 116.
 Кошелевъ II, 504, 507.
 Кошлэ III, 1, 2, 12—14, 20, 21.
 Конгутскій кап. II, 244, 252.
 Кочетова Е. Н. III, 206, 207.
 Кочетовъ пор. II, 12.
 Кочубей княг. III, 68.
 Кочубей В. М. гр. I, 60.
 Кочубей В. П. II, 409—418.
 Кочубей гр. II, 263, 419—421, 424,
 440—446, 473, 546.
 Коцеба А. II, 257.
 Коцебъ II, 448.
 Краевскій П. II, 168.
 Краевскій I, 607; II, 78—90; III, 132,
 161, 163, 164, 269.
 Краковскій I, 553, 554.
 Крамеръ III, 130, 135, 137.
 Крамъ гр. I, 369—407.
 Крапивинцынъ II, 626, 630.
 Крапоткинъ кн. Д. Н. I, 166.

Красновъ А. II, 24.
 Красовскій И. И. I, 303, 588—590.
 Краусгаръ А. II, 259.
 Крашновскій II, 256.
 Кребильтонъ III, 200, 267.
 Крейзеръ II, 126—131.
 Крейтонъ III, 206.
 Крейцъ II, 460, 462.
 Крестовскій III, 242.
 Крессъ II, 599.
 Креховецкій I, 490—518.
 Кречетниковъ М. Н. II, 182.
 Крешевъ И. III, 266, 267.
 Кривенко В. С. II, 295.
 Кришипинъ И. М. кап. II, 188.
 Кроль III, 242.
 Кропотовъ м. II, 465.
 Де-Круа гер. I, 287; II, 456.
 Кругликова III, 105.
 Круговой II, 580.
 Крупениковъ I, 52.
 Крупскій К. II, 15.
 Крутиковы I, 316—332.
 Крутковскій III, 6, 16.
 Крыжановскій св. II, 236, 244.
 Крыловъ И. А. I, 592; II, 193—197, 263; III, 51, 149, 163, 164, 248, 286.
 Крыловъ Н. И. I, 130.
 Крюднеръ бар. II, 418; III, 13, 86.
 Крюденеръ ротм. II, 6.
 Крюковъ II, 93.
 Ксенія Борисовна II, 79, 201.
 Кублицкій III, 253.
 Кугушевъ кн. III, 242, 269, 270.
 Кудрявцевъ А. Н. II, 241.
 Кудрявцевъ В. Ф. I, 482.
 Кудрявцевъ П. Н. I, 130.
 Кудрявцевъ Т. I, 322.
 Кудрявцевъ II, 101.
 Кузнецовъ В. А. II, 297.
 Кукольникъ Н. II, 214, 217, 705; III, 242.
 Кулаковскій П. А. III, 223, 224.

Кульневъ I, 57.
 Кульчинскій I, 486—512.
 Кульчицкій II, 238, 253.
 Кулѣшъ III, 175.
 Кунишъ Д. К. II, 115—132.
 Кунишъ Ю. О. II, 115—133.
 Куперъ Ф. III, 284.
 Куракина кн. А. А. II, 606.
 Куракина кн. А. И. II, 405, 406.
 Куракина I, 28.
 Куракинъ кн. А. Б. II, 406, 420, 465, 469; III, 12, 293.
 Куракинъ кн. Б. И. II, 465.
 Куракинъ кн. О. А. II, 407; III, 293.
 Куракинъ кн. О. С. III, 115, 126.
 Куракинъ кн. I, 372—392; II, 423, 433, 434, 441, 443, 531; III, 12.
 Куракины II, 588.
 Курбскій III, 174.
 Кургановъ II, 194.
 Курдюкова III, 68.
 Курженецкій I, 508.
 Куропаткинъ III, 525.
 Куропатницкій гр. II, 120.
 Курошъ И. II, 169.
 Курошъ П. II, 169, 177.
 Курута гр. III, 90.
 Кусаковъ I, 56, 57.
 Кустаревскій Н. М. I, 163.
 Кустодіевъ К. Л. I, 408.
 Кутайсовъ II, 424, 428.
 Кутузовъ П. В. III, 206.
 Кутузовъ I, 40, 186, 306; II, 469, 560, 561, 564.
 Кучковскій I, 542, 546.
 Кушелевъ-Безбородко I, 465; III, 351.
 де-Кюбьеръ м-за III, 423.
 Кювье II, 259.
 Кюстинъ марк. II, 625.

*

Лаврентій архіеп. Твер. III, 24.
 Лагарпъ II, 193, 199—201, 439, 440; III, 486.
 Лаговскій II, 254.

- Лажечниковъ III, 242, 253.
 Лазаревскій II, 511.
 Лазаревъ I, 212—214, 297, 705.
 Ламбертъ II, 646; III, 10, 20, 427.
 Ламбо Ч. III, 242.
 Ламздорфъ I, 324.
 Ламенё I, 540.
 Лампи худ. III, 6.
 Ланге Л. И. I, 154.
 Ланге III, 478.
 Ланжеронъ III, 10, 20.
 Ланская В. Я. II, 564.
 Ланскій А. Д. II, 564.
 Ласси I, 342—403.
 Латкинъ В. Н. II, 627, 639, 648, 649, 664, 676; III, 35, 56, 57, 71.
 Лауе, II, 16.
 Фондери-Лауницъ полк. II, 6.
 Лафонтенъ III, 88, 92, 93, 95.
 Лашенно О. Н. I, 281.
 Лебедевъ А. Д. II, 295.
 Лебедевъ В. Д. II, 295.
 Лебедевъ I. III, 273.
 Лебедевъ К. Н. I, 140.
 Лебедевъ П. II, 239.
 Лебедевъ свящ. III, 275—277.
 Лебедевъ III, 193.
 Лебединцевъ А. Г. II, 208, 212, 214.
 Лебединцевъ О. Г. II, 206.
 Лебединцевъ О. Т. II, 206.
 Левашовъ гр. III, 139, 177.
 Левенвольдъ гр. I, 346—402.
 Левенгауптъ II, 458—460, 462.
 Левизъ III, 150.
 Фонъ-Левинъ Л. О. II, 522, 523.
 Левитовъ I, 304.
 Левшинъ В. Д. I, 248.
 Ледантъ II, 501.
 Леингауптъ II, 457.
 Лейбницъ II, 683.
 Леклеръ Э. I, 301.
 Лекюйе Ф. II, 688.
 Лекюйе Э. I, 190—194.
 Лелевель I, 484—564; II, 260.
 Леманъ III, 128.
 Ленковскій Л. I, 528.
 Ленстремъ Н. И. III, 482.
 Ленчевскій III, 130.
 Ленчицкій III, 365.
 Лемякскій II, 236.
 Леонидъ арх. II, 13.
 Леонова I, 332.
 Леонтій влад. II, 226, 235.
 Леонтьевъ ген. I, 369—424.
 Леонтьевъ Г. діак. III, 128.
 Леонтьевъ проф. III, 184.
 Леонтьевъ III, 133.
 Леопольдовъ I, 281—284.
 Леопольдъ им. Рим. II, 536.
 Леопольдъ кор. Бельг. I, 17; III, 423.
 Лепешинскій В. III, 15.
 Лепковскій I, 487—502.
 Лермонтовъ I, 320—325, 601—624: III, 76, 172.
 Лернеръ Н. О. III, 192, 240.
 Лессепсъ I, 43—48.
 Лесси I, 173, 174.
 Лефорть ген. лейт. I, 369—404.
 Лешковъ В. Н. I, 132.
 Лещинскій II, 463.
 Ливень княг. II, 478.
 Ливень кн. I, 235.
 Лидерсъ II, 143.
 Лященъ А. II, 536.
 Лимановскій Б. II, 253.
 Лилиенфельдъ II, 656.
 Линденъ I, 586.
 де-Линь пр. III, 5.
 Липгардтъ III, 155.
 Липсъ М. К. II, 613.
 Лирійскій и Бервинскій дюкь I, 337—442.
 Лисецкій I, 512.
 Лисицкій Н. Я. II, 235.
 Литвинова Д. I, 53.
 Литне К. X. I, 280.
 Литта Ю. П. гр. II, 14.

Лихонинъ II, 502, 582; III, 266.
 Лишинъ полк. II, 6, 7.
 Лобанова кн. II, 453.
 Лобановъ кн. И. И. III, 128.
 Лобановъ II, 589.
 Лобановъ-Ростовскій кн. Я. И. II, 468, 469.
 Лобеданцъ Э. II, 518.
 Лобновъ II, 107.
 Фонъ-Лзвень бар. II, 529.
 Ловъ II, 465.
 Лоевскій I, 496.
 Лозюнь гер. III, 199.
 Лойола II, 219.
 Локнь, II, 125.
 Ломоносовъ I, 28, 341, 464; II, 195.
 Лонгиновъ II, 196.
 Лопатинскій О. II, 695.
 Лопатинъ I, 316.
 Лопашовъ I, 288.
 Лопухина княг. II, 421; III, 51.
 Лопухинъ К. III, 79.
 Лопухинъ О. III, 79, 80.
 Лопухинъ кн. II, 510.
 Лопухины I, 350.
 Лористонъ II, 560.
 Лорисъ-Меликовъ гр. II, 15.
 Лосевъ II, 239.
 Лотицкій И. II, 170.
 Лубенскій Ф. гр. II, 258.
 Лубенскій III, 382, 383.
 Луганскій I, 595.
 Лудень II, 580.
 Луи-Бонапартъ кор. III, 1.
 Луиза королева III, 428.
 Лукасинскій II, 246, 254, 261.
 Лукьянъ I, 540—561.
 Луцкій В. К. II, 17.
 Луцкій К. Д. II, 17.
 Лыкошинъ В. II, 168.
 Лыхарева М. П. III, 124.
 Лѣсковъ Н. С. III, 237.
 Лѣсневичъ I, 497—516.
 Любенскій В. гр. III, 372, 378, 392.

Любецкій кн. II, 281.
 Любомировъ пор. III, 210, 212.
 Любомирская княг. III, 14, 374, 417.
 Любомирскіе III, 356.
 Любомирскій кн. III, 384, 385, 390, 392, 412, 413.
 Любощинскій III, 130, 131, 160.
 Людвигсгаузенъ пор. II, 6.
 Людовикъ XIII-й III, 192.
 Людовикъ XIV-й II, 466.
 Людовикъ XV-й I, 370, 568—570; III, 2, 197.
 Людовикъ XVIII-й II, 559; III, 1, 7, 10, 12, 16, 319.
 Люневиль I, 189.
 Лядюрнеръ II, 8.
 Лярскій Б. II, 167.
 Лярскій И. II, 163, 167, 169.
 Лярскій К. II, 169.
 Лярскій Я. II, 168, 175.

*

Магденко II, 474.
 Магницкій М. Л. II, 208.
 Магницкій I, 45.
 Магнушевскій А. ксен. II, 271.
 Маевская I, 332.
 Маевскій II, 254; III, 352.
 Мазада III, 242.
 Мазепа И. С. гет. II, 459, 462; III, 347.
 Мазовецкій кн. II, 120.
 Майковъ А. I, 299; II, 184, 296; III, 165, 253.
 Манарій патр. II, 200; III, 24, 46, 104, 109.
 Манарій I, 471—475.
 Макиавель II, 507.
 Маклаковъ А. Н. I, 588.
 Маклаковъ I, 294—309.
 Максимовичъ М. А. I, 462—464; II, 484; III, 155, 158.
 Максимовъ I, 318.
 Макшеевъ III, 160.

- Малаховскій А. III, 365, 367, 408, 409.
 Мальбраншъ III, 44, 46, 52, 54.
 Малевская-Малевичъ А. С. II, 121.
 Малевская-Малевичъ Е. А. II, 127.
 Малевская-Малевичъ Е. И. II, 121, 122.
 Малевская-Малевичъ Е. О. II, 121.
 Малевская-Малевичъ М. II, 127.
 Малевская-Малевичъ П. И. II, 121.
 Малевская-Малевичъ Ю. А. II, 127.
 Малевскіе II, 121.
 Малевскій-Малевичъ А. А. II, 122.
 Малевскій-Малевичъ А. Е. II, 119—127.
 Малевскій-Малевичъ А. И. II, 122, 123.
 Малевскій-Малевичъ В. II, 120—129.
 Малевскій-Малевичъ Г. И. II, 121—121.
 Малевскій-Малевичъ И. И. II, 121.
 Малевскій-Малевичъ К. А. II, 122.
 Малевскій-Малевичъ Р. А. II, 122.
 Малевскій-Малевичъ С. И. II, 121.
 Малевскій-Малевичъ Ю. А. II, 122.
 Малевскій II, 249.
 Малевичъ-Малецкій Н. А. II, 115—132.
 Малиновская А. П. II, 489.
 Малиновскій В. II, 657.
 Малиновскій свящ. III, 40.
 Малышевъ свящ. II, 68.
 Мальборо лордъ II, 458.
 Мальгинъ I, 419.
 Мальцовъ II, 126, 127.
 Мальцовъ II, 509, 565.
 Малѣцкій I, 558.
 Мамоновъ ген. I, 386—391.
 Мамоновъ гр. I, 587.
 Мамонтовъ I, 28.
 Манковъ И. I, 558.
 Мансурова М. Н. III, 174.
 Мансуровъ Б. П. III, 174.
 Мантейфель Е. I, 279.
 Мантейфель II, 136, 137.
 Манштейнъ I, 338—419.
 Манцони II, 504, 507.
 Маріамна В. А. келейн. III, 275.
 Мардарій іерод. III, 77, 79, 81.
 Мардефельскій бар. I, 389—407.
 Марія-Августа принц. III, 350.
 Марія Александровна в. кн. I, 62—83; II, 284.
 Марія Александровна имп. II, 538, 701; III, 74, 303, 423.
 Марія-Антуанета кор. III, 2.
 Марія Ильинична в. кн. II, 535.
 Марія Ильинична царица III, 24, 25, 74, 79, 114, 193, 194.
 Марія-Луиза II, 411.
 Марія Николаевна в. княж. III, 206.
 Марія-Терезія III, 354, 355.
 Марія Оедоровна в. кн. I, 8, 16.
 Марія Оедоровна имп. II, 211, 514; III, 204, 205, 299, 424, 429, 433, 438, 523.
 Марія имп. II, 200, 201, 300.
 Маркевичъ ген. III, 304.
 Маркеллъ іерод. III, 77.
 Марковъ А. I, 64.
 Марнъ мон. 60, 67.
 Марнъ св. II, 544.
 Марлинскій II, 79.
 Мармонтъ III, 13.
 Мартыновъ А. О. III, 409, 491.
 Мартыновъ П. II, 178.
 Мартыновъ III, 146.
 Марцыновскій II, 248; III, 161.
 Марченко Т. И. II, 182.
 Марѳа Алексіевна в. княж. III, 74.
 Масальскій кн. II, 300; III, 369, 374, 375.
 Маслова II, 178.
 Масловскій III, 107, 109—111, 114.
 Масловъ З. I, 176.
 Матвѣевъ А. гр. II, 291.
 Матвѣевъ А. А. II, 463.
 Матвѣевъ А. III, 39.
 Маттей II, 510.
 Матушинскій II, 545, 546.
 Матюшкинъ ген. I, 403.
 Матюшкинъ кам.-юн. II, 534.

- Мауреръ П, 608, 612, 613, 617, 631, 633—635, 637—639, 641, 649, 651, 663, 664, 667, 674, 676, 677, 679, 680, 684, 685; III, 28, 30, 31, 34, 40, 42, 49—51, 53, 60, 61, 72, 73, 79, 95, 96, 104, 111, 115.
 Махницкій П, 244.
 Маціевскій І, 509.
 Мацневъ И. III, 25.
 Мацневъ П. И. III, 26.
 Мацѣвичъ Л. С. II, 217.
 Машковъ І. С. прот. III, 455—463.
 Медичъ М. І, 301.
 Медіоланскій Г. II, 239.
 Мезонневъ II, 425.
 Мей III, 242.
 Мейендорфъ бар. III, 23.
 Мейеръ адв. III, 23.
 Мейстеръ В. II, 582.
 Мекленбургская герц. Е. І. I, 384—418.
 Мекленбургскій пос. I, 369.
 Мелезимо гр. I, 374.
 Мелетій іерод. III, 109.
 Мелетій стар. II, 17.
 Мелисимо А. П. II, 182, 186.
 Меллеръ-Закомельскій полк. III, 208.
 Меллина Е. П. I, 184, 280.
 Мельжинскій М. II, 244.
 Мельгуновъ Н. А. II, 78—94.
 Мельгуновъ II, 527—529, 533.
 Мельниковъ III, 124, 125.
 Мелхиседекъ арх. Іерус. III, 94.
 Мемнонь еп. II, 232, 233.
 Менгденъ III, 150—152, 154.
 Меншикова кн. I, 412.
 Меншиковъ кн. I, 37, 327, 340—432; II, 282, 291, 405, 419, 457, 459—462; III, 199—201, 331.
 Мердеръ Н. И. 218—220.
 Мережковскій Д. С. I, 601.
 Мережковскій III, 226.
 Меренбергъ Н. А. гр. II, 153.
 Мерзляковъ А. Ѳ. II, 601.
 Мерзляковъ II, 501; III, 161.
 Местръ С. И. гр. II, 153, 606.
 Меттернихъ княг. I, 579.
 Меттернихъ кн. I, 579; III, 320.
 Мецетто III, 264.
 Мещериновъ П. П. II, 5.
 Мещерская А. Б. княг. II, 610.
 Мещерская А. С. княг. III, 86.
 Мещерская М. А. кн. II, 454.
 Мещерская княг. II, 612, 614, 616, 620, 622—624, 633—635, 637—639, 642, 645, 657, 677; III, 27, 28, 33, 44, 47, 48, 50, 57—59, 62, 75, 83, 86, 103, 111, 112, 114.
 Мешерскіе II, 667, 668, 670, 681, 682; III, 28, 50, 55, 56, 93, 102.
 Мещерскій кн. Н. П. II, 298.
 Мещерскій кн. С. И. II, 650.
 Мещерскій кн. Э. II, 497.
 Мещерскій кн. II, 8, 567, 576, 653, 658, 659, 665, 670, 671, 676, 673, 679, 682, 683, 685, 686; III, 28, 31, 34, 38, 39, 45—48, 55, 57, 58, 65, 71, 78, 79, 83, 85, 86, 88, 90, 92, 98, 99, 104, 113, 116.
 Меводій еп. Мстис. III, 55.
 Миклашевскій И. Н. I, 636.
 Миклошичъ Ѳ. III, 223.
 Микулинъ П. С. III, 31.
 Микѣшинъ III, 124, 527.
 Милашевичъ И. II, 168.
 Миллеръ Н. И. II, 8, 9.
 Миллеръ П. И. II, 153.
 Миллеръ II, 620; III, 106, 485.
 Милорадовичъ А-ра А. I, 10; II, 540.
 Милорадовичъ гр. III, 299.
 Милорадовичъ полк. II, 532.
 Мильгаузенъ Ѳ. Б. I, 132.
 Милютинъ гр. Д. А. I, 208.
 Милютинъ полк. II, 300.
 Милютинъ II, 264.
 Минаевъ Д. I, 288, 305.
 Минелли II, 191.
 Минихъ гр. I, 403; II, 524, 528, 533.
 Мирабель фрейл. II, 533.

- Мирюлюбовъ И. П. 24.
 Миронія игум. II, 242, 243.
 Мирской I, 324.
 Мисайло архіеп. III, 115.
 Миссіонаровъ I, 526.
 Митрополова С. И. III, 68.
 Михайло Николаевичъ в. кн. III, 169.
 Михаилъ Павловичъ в. кн. II, 7—10; III, 205.
 Михаилъ Паѳлогонянинъ II, 222.
 Михаилъ Ѳеодоровичъ царь I, 377; II, 222, 514, 535; III, 6, 113; 349.
 Михаилъ архіеп. III, 298.
 Михаилъ протоп. III, 75, 76.
 Михайловскій-Данилевскій А. М. II, 234.
 Михайловъ М. И. III, 242.
 Михайловъ III, 134.
 Михальскій Ф. I, 497—527.
 Михельская Е. I, 511.
 Михельсонъ I, 186.
 Мицкевичъ I, 533—551; II, 264, 476, 477, 479, 480, 482, 483, 485, 489, 493, 499, 501, 502, 594, 598, 606; III, 224, 225, 227—236.
 Мишѡ III, 32.
 Мнишекъ III, 357.
 Моисей архіеп. III, 127.
 Мокей прот. III, 119.
 Мокроновскій III, 363, 365, 384, 405, 409.
 Молостинъ В. П. III, 495.
 Молоховцевъ III, 149.
 Моль Р. I, 132.
 Мольтеръ I, 313.
 Монаковъ III, 160.
 Монковскій II, 251, 252.
 Монтебелло герц. I, 581.
 Моравская гр. II, 266.
 Моравскій Т. журн. II, 244, 254, 261, 262.
 Мордвиновъ Н. С. I, 6, 57.
 Морковъ И. И. I, 47.
 Морковъ гр. II, 450.
 Морни гр. I, 569—582.
 Морозовъ Б. И. III, 14, 15.
 Морозовъ С. Т. I, 196.
 Морошкинъ Ѳ. Л. I, 130.
 Морріоль гр. II, 263.
 Мортъе I, 187.
 Морхоцкій I, 497.
 Москатильниковъ II, 501.
 Мосоновъ II, 241.
 Мосягинъ III, 130.
 Моунстей лейб.-мед. II, 534.
 Мохнацкій I, 540.
 Мочаловъ II, 476.
 Моченовъ Н. II, 284.
 Мочульскій В. Д. II, 238.
 Мошинскій II, 251.
 Мошковскій К. I, 483—564.
 Мрозовскій I, 504.
 Мурадъ-Хаджи III, 187.
 Муравскій II, 246.
 Муравьева В. А. II, 624, 628, 639, 640—642, 648, 651, 658—661, 666, 668—672, 674, 675, 677—679, 681—685; III, 27—37, 40, 44, 45, 47—50, 53—55, 57, 58, 61, 62, 64—66, 68, 69, 74, 76, 79—81, 83, 84, 87, 88, 91—94, 96, 98, 100, 102, 104, 112—115, 118, 119.
 Муравьева-Апостоль А. И. II, 272.
 Муравьевъ М. И. I, 302—319.
 Муравьевъ М. Н. I, 278.
 Муравьевъ Н. Н. I, 115.
 Муравьевъ I, 583; II, 448, 485; III, 31, 454.
 Муравьевъ-Апостоль И. М. II, 432, 479.
 Мурашкинскій II, 509.
 Мурильо III, 350, 351.
 Муромцевъ I, 309.
 Мусинъ-Пушкинъ гр. И. II, 291; III, 173, 248, 348.
 Мусинъ-Пушкинъ I, 127.
 Мухановъ Н. А. II, 441.
 Мухановъ III, 192.
 Мухинъ I, 53.

Мухранскій кн. I, 307.
Муширь оф. II, 287.
Мѣшковъ лейт. III, 342.
Мюллеръ II, 566, 585, 586.
Мюльгаузенъ Ѳ. К. II, 622, 636; III, 32.
Мюльнеръ II, 582.
Мюратъ ад. II, 245, 560.
де-Мюссе А. III, 251.
Мясоедовъ III, 230.
Мятлевъ II, 686.
Мэстръ гр. II, 559—562.

*

Навашинъ III, 130.
Нагая М. Ѳ. II, 516, 517.
Нагумовичъ II, 13.
Нагурскій II, 252.
Надеждинъ I, 593; II, 90, 110.
Надо III, 10.
Назимовъ А. П. I, 630—634.
Назимовъ Н. И. I, 126—129.
Назимовъ I, 58.
Накропинъ протоп. II, 673; III, 36, 43.
Наливкинъ I, 139, 140.
Наполеонъ I-й I, 41—46, 187, 559, 570—585; II, 117, 134, 245, 411, 561; III, 3, 10—13, 319, 320, 434, 455, 457.
Нарышкина М. А. II, 640; III, 424.
Нарышкина М. О. II, 533.
Нарышкина М. П. II, 533.
Нарышкина М. Я. III, 205.
Нарышкина II, 523.
Нарышкинъ А. гр. I, 364—414; II, 422, 533.
Нарышкинъ А. И. II, 534.
Нарышкинъ Л. А. II, 527, 529, 533.
Нарышкинъ С. К. II, 523, 533.
Нарышкинъ I, 28; II, 458; III, 91.
Нарышкины II, 528.
Нассау-Зигенская К. принц. III, 3, 11, 23.
Нассау-Зигенъ К. Г. III, 319.

Нассау-Зигенъ К. О. пр. I, 6, 7; III, 2, 4—10, 15—20, 22—24.
Наталія Алексѣевна в. кн. I, 362—397.
Наумовъ И. I, 49.
Наумовъ С. Л. III, 72, 74.
Нацмеръ III, 205.
Нащокинъ А. III, 39.
Нащокинъ Арт. III, 43.
Нащокинъ Аван. III, 43.
Нащокинъ П. В. II, 565.
Небольсинъ II, 650.
Неводчиковъ Н. В. II, 208.
Неволинъ I, 126; III, 148.
Невоструевъ I, 477.
Невѣровскій полк. I, 114; II, 290.
Невѣровъ Я. М. II, 78—94.
Ней марш. III, 3, 11, 13, 14, 21.
Некрасовъ I, 609—617; II, 220, 458.
Нектарій пат. III, 104, 108, 109.
Нелидова Е. И. I, 18; III, 204, 206, 207.
Нелидовъ А. И. III, 206.
Нелидовъ II, 408.
Нелисовъ III, 207.
Нельсонъ II, 705.
Немѣровскій Л. I, 486—511.
Неофитъ пат. Антиох. III, 107, 108.
Неплюевъ III, 391.
Нессельроде гр. II, 6—14; 136, 137; III, 11—22, на сорокѣ XII.
Нефедьевъ I, 44.
Нехочинъ П. В. I, 198.
Нечаевъ II, 465, 675.
Никаноръ архіеп. I, 209—276; II, 19—76, 215, 217, 225—240, 243.
Никита архим. III, 90, 92.
Никитенко III, 129—132, 134, 140, 148, 155, 160—163, 165, 168—170, 172, 173, 178, 179.
Никитинъ И. С. III, 267, 270, 271.
Никитинъ I, 321.
Никитскій св. I, 211; II, 70, 71.
Никифоровъ II, 45.
Никифоръ архим. III, 101.

Николаи бар. А. П. III, 341.
 Николай Александровичъ цесар. III, 351.
 Николай Михайловичъ в. кн. I, 15—25;
 II, 266; III, 279, 438.
 Николай Николаевичъ в. кн. I, 88, 142;
 III, 328.
 Николай I-й I, 15, 88, 136, 200, 333,
 449, 450, 567—578; II, 7—13, 136,
 140, 211, 247, 266, 277—282, 297,
 299—302, 406, 465, 469, 471, 542,
 545, 563, 697; III, 193, 202, 205,
 206, 221, 232, 277, 283, 523, 524, 518.
 Никольскій св. I, 210.
 Никольсъ II, 82.
 Никонъ патр. III, 1—128, III, 193,
 194.
 Никонъ мит. Новг. III, 111.
 Николиловъ И. III, 118.
 Нимандеръ П. К. I, 128.
 Ницъ О. К. II, 649; III, 58, 59.
 Нобилевскій проф. II, 696.
 Новацій И. Н. I, 169, 588.
 Новиновъ Н. И. I, 447; II, 488, 492;
 III, 124, 162.
 Новицій Л. Н. I, 492—523.
 Новицій III, 14, 142.
 Новомбергскій Н. Я. I, 636.
 Новосильцова III, 249.
 Новосильцовъ Н. Н. II, 244—271.
 Новосильцовъ Н. П. III, 207.
 Новосильцовъ П. И. ген. II, 182, 189.
 Новосильцовъ I, 386; III, 227, 427.
 Нольде бар. III, 210, 213.
 Норовъ II, 105.
 Ностицъ III, 391.
 Ныка I, 484.
 Нѣмцевичъ Ю. II, 246, 258—260, 262.

*

Обнинскій II, 246.
 Обновленскій I, 153—157.
 Оболенскій А. кн. II, 453.
 Образцовъ I. III, 74.
 Обуховскій В. II, 168.

Овандеръ ген.-лейт. II, 12.
 Овсянниковъ Н. III, 518.
 Огаревъ I, 153—158, 617.
 Огинскій М. III, 363, 369, 374, 375,
 386—388, 392, 402, 403, 411.
 Оглоблинъ I, 28.
 Огонь-Догановскій П. Г. I, 126.
 Огородзинскій I, 491—505.
 Огрызко I. I, 158, 574.
 Одоевская М. И. княж. III, 171.
 Одоевскій кн. В. О. II, 498, 543.
 Одоевскій кн. М. III, 124.
 Одоевскій кн. Н. И. III, 37, 41, 63.
 Одоевскій кн. II, 625; III, 163, 166,
 170.
 Одоевскій-Масловъ кн. II, 160.
 Ожаровскій А. П. гр. II, 272—281,
 426, 427.
 Ожеро III, 13.
 Ожје де Ласканъ Аглая III, 3.
 Озерецновскій I, 250.
 Озеровъ А. В. II, 295.
 Окольскій II, 121.
 Оксгвудъ Х. М. I, 279.
 Оливъ полк. II, 624, 671, 673, 674; III,
 57, 58, 72, 90.
 Олизаръ I, 499—523.
 Олимпіада III, 206.
 Олсуфьева М. В. I, 78.
 Олсуфьевъ гр. А. В. I, 61—78; II, 531;
 III, 342—346.
 Олсуфьевъ гр. В. Д. I, 61—97.
 Олсуфьевъ гр. III, 391.
 Олсуфьевъ II, 534.
 Ольшевскій Л. М. III, 342.
 Ольга Николаевна в. княж. II, 7, 8, 638;
 III, 206.
 Ольденбургскій П. Г. II, 703.
 Ольжинская I, 501.
 Онѣгинъ Е. III, 184.
 Опольскій А. I, 505.
 Оранскій-Вильгельмъ I, 337; III, 22, 23.
 Орачевскій I, 487—494.
 Орбеліани кн. I, 103—115.

Орда I, 499.
 Орель-Ошмянцевъ Я. О. II, 475.
 Оржешко I, 508—558.
 Орловскій I, 528; III, 314.
 Орлова-Чесменская гр. А. А. III, 275, 276, 283.
 Орлова гр. Е. И. II, 416.
 Орлова III, 270.
 Орловъ гр. А. Г. II, 203, 436, 531, 542.
 Орловъ гр. В. Г. II, 407.
 Орловъ Г. II, 531; III, 193, 380.
 Орловъ гр. III, 178, 179, 201, 388, 391, 397, 399.
 Орловы гр. II, 410; III, 387.
 Орловъ-Давыдовъ II, 511.
 Орнатскій С. Н. I, 131.
 Осбергъ I, 332.
 Освѣчинъ-Брюлевъ гр. III, 364.
 Осинскій I, 546.
 Основьяненко III, 98.
 Оссолинскій II, 258.
 Остенъ-Сакенъ М. М. II, 706; III, 386—389, 397, 442.
 Остерманъ 6-сса I, 389.
 Остерманъ I, 28, 37, 327, 340—416; II, 416, 443.
 Островскій II, 150.
 Остроуховъ И. С. I, 623.
 Отто II, 431.
 Отяевъ В. III, 128.
 Охотинъ I. еп. II, 234.
 Охотинъ Н. В. II, 15.
 Очкинъ кол. ас. II, 260.
 Ошандо II, 613.

*

Пабстъ I, 309.
 Павелъ Александровичъ в. кн. II, 263.
 Павелъ арх. Чуд. III, 32, 33, 52, 65, 81.
 Павелъ Петровичъ I, 14—24, 110; II, 191, 257, 299, 300, 406—433, 436, 441, 442, 448, 512; III, 202, 203, 279, 309, 424.

Павель митр. III, 43, 55.
 Павла монахин. III, 277, 278, 281.
 Павленковъ Ф. II, 460, 461.
 Павловскій А. М. ген. II, 6.
 Павловскій И. Ф. II, 291—293, 468, 697.
 Павловскій М. К. II, 208, 209, 229.
 Павлова III, 315, 316.
 Павловъ М. Г. проф. III, 183.
 Павловъ Н. Ф. I, 304; II, 575.
 Павловъ Я. П. III, 309—316.
 Павловъ II, 87—94, 114; III, 227.
 Павскій III, 160.
 Де-ла-Пазъ марк. I, 341—356.
 Паисій мит. Газ. III, 37, 48.
 Паисій патр. Алекс. III, 46, 104, 109, 200.
 Паношъ I, 187.
 Палень I, 25; II, 419, 420, 433, 705.
 Палимсестовъ И. У. II, 225—231.
 Палладій іерм. III, 77.
 Пальмерстонъ I, 578; III, 262.
 Пальмеръ II, 147.
 Палень К. И. I, 162—165.
 Памва іерм. III, 77.
 Пампадуръ II, 533.
 Панаевъ И. И. I, 604—616.
 Панаевъ III, 252.
 Панина гр. А. В. II, 405.
 Панина гр. С. В. II, 416, 429.
 Панина гр. II, 511; III, 119.
 Панинъ гр. В. В. II, 405.
 Панинъ гр. В. Н. III, 119.
 Панинъ гр. И. В. II, 405.
 Панинъ гр. Н. И. I, 487; II, 405, 407; III, 380, 414, 415.
 Панинъ гр. Н. П. II, 405—454.
 Панинъ П. И. II, 405.
 Панинъ гр. III, 87, 170, 391, 404, 416.
 Панины гр. II, 405, 426.
 Панини Х. П, 405.
 Пантелѣевъ Л. Ф. II, 261.
 Паппенбергъ II, 82.
 Параскевія принц. I, 398—431.

- Партуно II, 549.
 Пареній патр. III, 105.
 Парфеній схим. III, 120, 121, 283.
 Паскевичъ И. О. I, 181; II, 259, 260.
 Паскевичъ С. О. I, 181.
 Паскевичъ кн. I, 99, 333; II, 8, 284, 624; III, 177.
 Пассекъ П. Б. I, 178, 179.
 фонъ-Паткуль II, 456.
 Пауль II, 578.
 Пацукевичъ II, 8.
 Пашино I, 319.
 Пашновскій ген. II, 245.
 Пенинскій III, 157.
 Пентковскіе II, 161—168.
 Пентковскій А. К. II, 177.
 Перемѣжко-Галичъ I, 163, 164.
 Перепелицынъ прот. III, 40.
 Перетяновичъ Г. I, 636.
 Пери М. Н. III, 207.
 Перовскій II, 302.
 Перовъ В. Г. III, 349.
 Перонъ II, 644, 645.
 Перфильева П. О. I, 289—327; II, 700.
 Перфильевъ В. С. I, 287—332, 588.
 Перчаткина I, 52, 53.
 Петица М. С. I, 294.
 Пехлинъ мин. II, 518.
 Петровскій М. П. III, 493.
 Петровскій С. прот. II, 239.
 Петровъ М. II, 24.
 Петровъ док. III, 208, 213, 215.
 Петровъ II, 81, 303.
 Петръ епис. I, 257.
 Петръ мит. III, 42.
 Петръ протоп. III, 125.
 Петръ Великій I, 173, 174, 176, 342—432, 449—453; II, 5, 122, 161—167, 203, 291—295, 455—461, 463, 466—472, 474, 514, 515, 518, 526, 527, 542, 546, 695—697; III, 161, 164, 186, 195, 225, 226, 229, 231, 232, 234—236, 347.
 Петръ II-й I, 173, 338—439.
 Петръ III-й I, 28; II, 257, 518—532; III, 201, 203, 309, 386.
 Печеринъ II, 89.
 Печерскій А. III, 124, 125.
 Пиклеръ I, 18.
 Пикулина А. П. I, 312.
 Пикулинъ П. Л. I, 287—319, 586—589.
 Пиль II, 135.
 Пининскій I, 487, 488.
 Пинскій I, 506.
 Пиперъ гр. II, 460, 462.
 Пироговъ Н. И. III, 241.
 Писаревскій Г. I, 636—640.
 Писаревъ Д. I, 624.
 Писаревъ Н. С. I, 140.
 Писаревъ Н. Э. I, 483—564.
 Питтъ II, 452.
 Плаксинъ III, 156.
 Платоновъ гр. III, 296, 297.
 Платоновъ проф. II, 293, 459.
 Платонъ митр. II, 78, 172; II, 234.
 Плевако О. Н. I, 165.
 Плетневъ II, 492; III, 130—132, 134—137, 139, 140, 145—149, 155, 157, 158, 160, 161.
 Плещеева Н. О. III, 90, 112, 114.
 Плещеевъ И. Г. III, 116.
 Плещеевъ I, 326.
 Плись I, 332.
 Плоновскій I, 494.
 Побѣдоносцевъ К. П. I, 171, 172, 191, 209—215, 233—235, 332; II, 19—33, 88, 226.
 Повало-Швыиновскіе II, 178.
 Погодинъ М. П. I, 462—464, 595; II, 93, 94, 96—112, 225, 229, 298, 475, 476, 479, 489, 490, 491, 501, 535, 570, 572, 577, 597.
 Подгороденскій I, 487—516.
 Подвинскій Ю. II, 253.
 Подобѣдовы III, 129.
 Подосскій II, 253.
 Подчасная Е. П. II, 299.
 Поздняковъ об.-сек. II, 291.

- Познанскій III, 163, 164.
 Познякъ К. М. I, 185.
 Покровскій св. II, 294.
 Полевой I, 593; II, 94, 110; III, 116, 135, 173, 247, 248, 259, 271, 476, 487, 490, 577, 597, 600.
 Полизо III, 161.
 Полиевктовъ проф. II, 292.
 Половцовъ А. А. III, 351, 352.
 Половцовъ III, 173.
 Полонскій Я. I, 299, 300, 303, 604—627; II, 117, 296; III, 242, 252, 253.
 Полтавцевъ II, 696.
 Полтининъ II, 290.
 Полторацкій С. Д. I, 56, 57, 567; II, 509, 511.
 Полуектовичъ I, 413.
 Поляковъ В. П. III, 243, 244.
 Полянская П. А. I, 596.
 Помяловскій И. В. III, 318.
 Понятовскіе III, 357.
 Понятовскій М. кн. III, 413.
 Понятовскій К. III, 356, 384, 388, 393, 403, 414.
 Понятовскій С. А. III, 353—420.
 Попандопуло А. А. II, 208.
 Попандополо К. И. II, 600.
 Попко И. Д. ген.-лейт. III, 221—338; 439.
 Попова-А. Н. I, 164.
 Поповъ А. Н. I, 311; II, 148; III, 227.
 Поповъ Г. С. II, 675.
 Поповъ Д. И. II, 620, 623, 627, 642—645, 651, 652, 658, 660—663, 666, 667, 671—673, 675, 676, 678—681, 683; III, 28, 29, 31—34, 40, 44, 45, 55, 57—59, 63, 64, 66, 67, 71, 72, 79—81, 83, 87, 88, 98.
 Поповъ С. И. прот. III, 352.
 Поповъ II, 237, 631, 632, 635; III, 75, 76, 86, 90, 92, 93, 100, 102, 112, 117.
 Попруженко Г. И. II, 241, 271.
 Пордечъ III, 69, 71, 73, 74, 80, 81, 85, 99.
 Порошинъ III, 130, 131, 139, 148, 161, 173.
 Порфирьевъ I, 480.
 Поршневъ Д. И. II, 295.
 Поселянинъ Е. II, 703.
 Посполитани III, 339.
 Посполить I, 490.
 Постова В. II, 206.
 Потемкина Т. Б. II, 610; III, 47—49, 75, 86.
 Потемкинъ А. ген.-м. II, 169.
 Потемкинъ В. II, 169, 177.
 Потемкинъ Д. II, 163—169.
 Потемкинъ Ив. II, 167—169, 177.
 Потемкинъ Ил. II, 167—169, 175.
 Потемкинъ Я. II, 168.
 Потемкинъ кн. I, 58, 637, 638; II, 177, 302, 464, 547, 548; III, 5, на сорокъ XII.
 Потемкины II, 163.
 Потоцкая гр. II, 11.
 Потоцкіе III, 356—358, 361, 397.
 Потоцкій Стан. II, 254; III, 390, 395.
 Потоцкій У. III, 357.
 Потоцкій Ф. I, 506, 507.
 Потоцкій гр. I, 392; II, 481, 599; III, 198, 199, 407.
 Похорскій Д. II, 168.
 Похорскій Θ. II, 168.
 Поццо-ди-Борго III, 11, 13, 18—20.
 фонъ-Пошингеръ Г. II, 134.
 Правдинъ I, 309.
 Прадель гр. III, 18.
 Пражмовскій II, 258, 260.
 Прасковья Ѳедоровна царица III, 347.
 Прассе резид. III, 380, 381.
 Прейсъ III, 498.
 Прень А. П. I, 286.
 Пржецлавскій П. Г. I, 101—118.
 Приклонскій II, 413, 433, 448, 449.
 Прожанскій А. Я. I, 166.
 Прозоровскій П. II, 189.
 Прокоповичъ I, 333.

Прокофьевъ С. III, 71.
 Прондзынскій подпол. II, 244, 254.
 Пронскій М. П. кн. III, 193, 194, 196.
 Протасова А. В. III, 203.
 Протасова А. С. II, 421.
 Протасова гр. II, 446.
 Протасовъ А. I, 138.
 Протасовъ гр. Н. А. I, 70—89.
 Протопоповъ I, 630, 631.
 Прошинъ ген.-м. I, 423.
 Прушинскій I, 491—515.
 Прянишниковъ Ѳ. И. II, 609; III, 68, 72, 90, 105, 120.
 Пугачевъ II, 431.
 Путятинъ А. А. кн. III, 384.
 Путята А. II, 171.
 Путята Н. В. II, 702.
 Пухта проф. III, 169.
 Пухтъ Г. Ф. III, 180.
 Пучковъ С. III, 373, 375, 377, 384.
 Пушкина Н. Н. II, 153; III, 86, 169.
 Пушкинъ А. С. I, 169, 299—309, 326—330, 592, 601—628; II, 79—94, 152, 193, 194, 293, 302, 481, 486, 494, 496, 498, 503, 504, 507, 559, 563, 565, 569—571, 693, 699; III, 124, 132, 135, 136, 163, 164, 168, 169, 172, 184, 192, 222—240, 248.
 Пушкинъ В. Л. II, 486.
 Пушкинъ Г. А. II, 693.
 Пушкинъ М. II, 510.
 Пушкинъ С. I, 143.
 Пушкины I, 279.
 Пышкинъ полк. III, 344.
 Пышницкіе II, 161.
 Пышницкій А. II, 168, 175.
 Пяскенскій А. II, 187.

*

Рабчинскій I, 540—561.
 Рагузинскій С. гр. I, 364—370.
 Радзеевскіе I, 508.
 Радзивиль княг. II, 270, 271.
 Радзивиль А. III, 205.

Радзивиль Доминикъ кн. II, 268.
 Радзивиль К. кн. III, 363, 369, 370, 375—377, 408.
 Радзивиль кн. I, 183, 342; II, 23, 24; III, 366, 367, 379, 381, 383, 384, 397, 406, 414.
 Радзивилы кн. III, 356, 361, 369, 373, 374.
 Радищевъ I, 447.
 Радушевскій II, 249—251.
 Раевскій А. Н. II, 156; III, 240.
 Раевскій I, 187; II, 290.
 Разводовскій II, 14.
 Разинъ С. II, 160, 431.
 Разумовская гр. II, 533.
 Разумовскіе I, 10.
 Разумовскій А. Г. гр. II, 300, 527, 533, 534; III, 380.
 Раичъ II, 501; III, 262.
 Райганать I, 105.
 Райковскій I, 489.
 Рапцевичъ I, 508.
 Рарогъ И. II, 168.
 Ратынскій I, 523.
 Раутенштрауръ ген. II, 250.
 Раухъ II, 572.
 Рахмановъ I, 286, 588; III, 116.
 Рачинскіе II, 161.
 Рачинскій К. II, 169, 177.
 Рачковъ Н. Е. I, 588.
 Ребиндеръ II, 420.
 Рейстеръ флиг.-ад. II, 529.
 Рейтергальмъ II, 411.
 Рембень I, 496.
 Ренгольтъ М. II, 169.
 Рене II, 425.
 Рененкампфъ I, 631.
 Ренцель II, 461.
 Речь гр.-я II, 572.
 Реншельдъ фельд. II, 460, 462.
 Репнина III, 404, 405.
 Репнинъ кн. Н. В. II, 182, 184, 188, 191, 408—410.
 Репнинъ кн. Н. Г. II, 468, 471.

- Репнинъ I, 173, 174, 177; II, 413—415; III, 403, 406, 410, 413, 414, 416, 418, 419.
- Ржевскій II, 86.
- Ржевускій ген.-лейт. III, 374, 377, 393, 415.
- Ржичевскій И. III, 363, 364, 367.
- Ржонжевскій I, 493—524.
- Рибасъ I, 8.
- Де-Рибасъ II, 419, 420.
- Ридигеръ пол. II, 9—12.
- Римская-Корсакова М. С. I, 11.
- Римскій-Корсаковъ А. В. I, 11.
- Ритмейстеръ В. И. III, 207.
- Риттеръ II, 595.
- Рихтеръ О. Б. III, 218.
- Рихтеръ II, 296.
- Ритчъ II, 482, 487, 489, 493, 496, 504.
- Ришелье гер. III, 18.
- Робеспьеръ I, 32; II, 99.
- Ровинскій К. II, 181.
- Ровный М. II, 236.
- Родвойскій Д. II, 167.
- Роджерсонъ II, 414—417, 439.
- Родзевичъ Т. I, 503—520.
- Родзевичъ I, 492—556.
- Родионовъ Р. Р. II, 216.
- Родосскій А. II, 233.
- Рожалинъ В. II, 565.
- Рожалинъ К. О. II, 563.
- Рожалинъ М. К. II, 563.
- Рожалинъ Н. М. II, 479, 483, 488, 490, 495, 499—503, 506, 563—606, 706.
- Рождественскій II, 561.
- Розановъ Г. арх. II, 208, 209.
- Розвадовскій II, 269.
- Розенбахъ II, 297.
- Розенкранцъ II, 436.
- Розенталь I, 522—554.
- Розе А. I, 279.
- Розень II, 461; III, 151.
- Розовы II, 115—138.
- Роллеръ III, 95.
- Романовскій I, 188.
- Романовы I, 377.
- Ромеровъ I, 508.
- Ромеръ I, 517.
- Ромодановскій В. Г. III, 115.
- Ромодановскій кн. И. И. III, 126.
- Ромодановскій кн. I, 386—388; II, 463.
- Роникеръ III, 408.
- Роникіеръ ген. III, 374.
- Роопъ губер. II, 232.
- Роппъ Х. Х. II, 241.
- Россетъ А. О. I, 46.
- Россіевъ П. А. III, 125, 183, 285, 287, 351.
- Ростиславовъ И. II, 8.
- Ростовцевъ ген.-адъют. II, 13.
- Ростопчина Е. П. гр. III, 249, 256—263.
- Ростопчинъ гр. А. О. I, 26.
- Ростопчинъ гр. О. В. I, 18, 26—32, 37—50; II, 298, 407—410, 419, 421—428, 445—454; III, 203, 242.
- Роткирхъ I, 278, 280.
- Роткирхъ Пантены I, 279.
- Ротчевъ II, 475, 498, 502.
- Ротшильдъ I, 308.
- фонъ-Роховъ ген. II, 137, 141.
- Де-ла-Рошжанелень марк. I, 575.
- Рошновскій I, 491—516.
- Ртищевъ М. III, 124, 125.
- Ртищевъ О. М. III, 349.
- Рубецъ III, 62.
- Рубцова I, 53, 54.
- Ругинскій I, 527.
- Ругодевъ II, 456.
- Рудаковъ I, 57.
- Руденковъ П. А. II, 697.
- Рудинъ П. М. II, 672; III, 41.
- Рудневъ Г. прот. II, 230.
- Рудневъ С. П. I, 123, 168.
- Ружицкій К. I, 493—512.
- Руммель II, 517.
- фонъ-Руморъ тай. сов. II, 534.

Румянцева-Задунайская II, 302.
 Румянцева I, 328; III, 388.
 Румянцевъ Н. П. I, 15; II, 559.
 Румянцевъ П. А. гр. II, 188, 259, 302, 547.
 Румянцевъ С. III, 80.
 Руссо Ж. Ж. II, 506.
 Руцынскій I, 494—517.
 Ручинскій Е. I, 515—517.
 Рыбаковъ III, 249.
 Рыковъ I, 297.
 Рылѣевъ II, 299.
 Рынди́нъ К. С. II, 432.
 Рысаковы II, 219.
 Рюль И. О. III, 206, 207.
 Рюминъ III, 391.
 Рябининъ Г. В. I, 176.
 *
 Саблеръ В. К. II, 226, 235, 237.
 Савари III, 429.
 Савва арх. II, 207, 232, 236, 699, 700.
 Савваитовъ I, 327.
 Савельевъ II, 82; III, 163.
 Савиньинъ П. П. II, 467, 468.
 Савичъ I, 508—561.
 Савойская кор. I, 370.
 Савойскій Е. прин. I, 339.
 Саганская герцогин. II, 271.
 Садковскій В. преос. II, 183.
 Садовскій Б. I, 629.
 Садовскій III, 160.
 Саитовъ В. И. II, 302, 706; III, 192, 240.
 Саксонскій М. гр. I, 341—394.
 Салаевъ II, 91.
 Саларевъ И. II, 474.
 Салваторій I, 31.
 Салтинскій Омаръ III, 187.
 Салтыкова П. Ю. гр. I, 345—427.
 Салтыкова княг. III, 166.
 Салтыкова III, 350.
 Салтыковъ Б. М. бояр. III, 349.
 Салтыковъ В. И. тай. сов. III, 349, 350.

Салтыковъ Н. III, 279.
 Салтыковъ гр. II, 501, 614; III, 29.
 Салтыковъ I, 16, 28, 384—395; III, 381, 382, 384, 385, 389.
 Салтыковъ-Щедринъ I, 611—613.
 Салтыковы гр. II, 642.
 Сальясъ III, 249.
 Самарина С. Ю. II, 542.
 Самариновъ Д. II, 146.
 Самаринъ Ю. О. II, 147, 253.
 Самаринъ I, 298, 588.
 Самойлова гр. III, 170, 260.
 Самойловъ III, 173.
 Самсонова Н. I, 177—191.
 Сангушко III. III, 4.
 Сантагинъ А. I, 143.
 Сантеръ I, 32.
 Санъ-Лэ III, 1, 11.
 Сапѣга Л. I, 178; II, 516.
 Сапѣга М. А. III, 363.
 Сапѣга кн. II, 11.
 Сапѣга фельд. I, 401.
 Сарнецкій I, 490—518.
 Сахаровъ I, 480; II, 511; III, 135.
 Свалло ген. кон. II, 534.
 Сverbеевъ Д. Н. II, 192.
 Сverbеевъ II, 114.
 Сverbчовъ Н. Е. I, 587.
 Сverbчовъ III, 141.
 Сви́ньинъ II. П. I, 286; II, 469, 472, 695, 696.
 Свирскій I, 484—489.
 Свѣтловзоровъ С. II, 24.
 Свѣчина II, 485.
 Святополкъ-Мирскій пор. III, 212.
 Сегюръ гр. III, 5.
 Секендорфъ гр. I, 341.
 Селивачевъ III, 282.
 Селивестръ архим. III, 93.
 Селивестръ иг. III, 115.
 Сельскій П. II, 24.
 Семенковичъ В. Н. I, 604—618.
 Семеновскій М. С. I, 175.
 Семеновъ А. II, 586.

- Семеновъ П. П. II, 15, 196.
 Сенена II, 660.
 Сензаций III, 68.
 Сенковскій II, 88, 153; III, 242.
 Серафимова Н. Я. II, 214.
 Серафимовъ С. А. прот. II, 208, 212—215.
 Серафимъ арх. II, 205.
 Серафимъ вик. II, 239.
 Серафимъ іерод. III, 89.
 Серафимъ митр. II, 153; III, 275, 283.
 Серафимъ мон. III, 54.
 Серафимъ протоіер. II, 705.
 Сербиновичъ К. С. I, 635; II, 86, 92.
 Сергій Александровичъ в. кн. I, 14, 15; II, 17, 538, 702, 703; III, 423, 438.
 Сергій арх. III, 49; 52, 65, 90.
 Сергій преп. I, 65—79.
 Сиверсъ Д. Р. полк. II, 518—525.
 Сиверсъ Я. Е. II, 518.
 Сиверсъ II, 418.
 Сивуса Б. I, 493.
 Сигизмундъ Августъ I, 183.
 Сидоровъ А. А. II, 260, 262.
 Силянъ арх. III, 273.
 Симеонъ Алексіевичъ в. кн. III, 74.
 Симеонъ мит. Смолен. III, 96.
 Симонъ архіеп. Вологод. III, 62.
 Сиринъ II, 657.
 Сиротининъ А. III, 236.
 Сисой іер. III, 43, 44.
 Сисмонди С. II, 486.
 Скаржинскій II, 245; III, 6.
 Скарятинъ губ. II, 50; III, 208, 210, 212.
 Сначковъ I, 328.
 Сніада II, 510.
 Снобелевъ И. Н. III, 430.
 Снобелевъ I, 208; II, 288, 297; III, 218.
 Скорняковъ-Писаревъ Г. I, 412, 413.
 Скоропадскій И. II, 459.
 Скоттъ II, 490.
 Скурновскій II, 257.
 Славинскій II, 657.
 Сленинъ III, 248.
 Словацкій К. Ю. I, 540.
 Словацкій III, 227.
 Слѣпцовъ I, 303.
 Смирдинъ II, 86.
 Смирнова А. О. III, 238.
 Смирновъ Н. М. I, 161—163.
 Смитъ III, 212.
 Смоленскій кн. I, 186.
 Смоляниновъ В. Н. II, 407.
 Смолянъ III, 129.
 Смѣловскій Д. II, 187.
 Смѣльская А. Е. II, 624, 636; III, 79.
 Снѣгиревъ И. М. I, 171; II, 78, 203, 224.
 Снядечскій I, 544, 545.
 Собанскій II, 246.
 Соболева С. Н. III, 250.
 Соболевскій С. А. I, 286—336; II, 193, 198, 281, 301, 474, 477—511, 594, 596—598, 606.
 Сойкинъ II, 223.
 Соймовъ II, 478.
 Соймонова М. Ю. III, 526.
 Соймоновъ А. Н. II, 481, 482, 485.
 Соймоновы II, 485.
 Соковичъ I, 504.
 Соковнинъ В. II, 517.
 Соковнинъ П. Ѳ. II, 517; III, 115.
 Соковнинъ Т. В. II, 517.
 Соковнинъ Ѳ. П. II, 511, 517.
 Соколинскій Д. кн. II, 168.
 Соколинскій к. II, 168, 169.
 Соколинскій М. И. II, 168, 169.
 Соколинскій свящ. II, 27—33.
 Соколовская Т. О. II, 548.
 Соколовская Ю. I, 503.
 Соколовскій I, 316.
 Соколова Д. I, 52, 53.
 Соколовъ Ѳ. II, 24.
 Соколовъ шт-кап. II, 7.
 Сокольскій Г. И. II, 124—128.

- Солдатенковъ К. Т. I, 588—590; III, 284.
 Соловой кн. II, 534.
 Соловьевъ С. М. I, 130; II, 427, 465; III, 193, 521—524.
 Соловьевъ I, 119; II, 264; III, 367, 404.
 Соллогубъ В. А. гр. II, 287, 512; III, 168, 172, 238, 240.
 Соломка полк. III, 127.
 Соломоновъ арх. II, 254.
 Сольмсъ гр. III, 379, 380, 386, 389.
 Сомовъ II, 496, 497.
 Сорочинскій II, 459.
 Сосницкій III, 162, 173.
 Софія Алексіевна в. кн. III, 74, 99—106.
 Софоній арх. II, 215.
 Софотеровъ В. II, 45.
 Спасовичъ I, 165; III, 226, 234.
 Спасскій Л. М. II, 648, 657.
 Сперанскій Н. II, 24.
 Сперанскій М. И. I, 49, 57; II, 208, 265, 406, 675.
 Спиридоновъ П. I, 422.
 Спицына I, 53.
 Спѣшневъ Н. I, 52, 53.
 Стамбкенъ бар. I, 405.
 Станкевичи II, 161.
 Станкевичъ А. В. I, 588; II, 78, 284.
 Станкевичъ Е. И. I, 281—284.
 Станкевичъ М. II, 168.
 Станкевичъ Н. В. II, 78—84.
 Станкевичъ С. II, 167, 168.
 Станковичъ II, 253.
 Старжинскій гр. II, 268.
 Старорипинскій О. I, 497—524.
 Старынкевичъ А. I, 181—183.
 Стахѣвъ Д. И. II, 38.
 Стахѣвъ И. И. I, 247, 248.
 Стасиневицъ I. Г. св. II, 206.
 Стасиневицъ П. Н. II, 206.
 Стасюлевичъ М. М. I, 612.
 Сташицъ II, 258—260.
 Стевень III, 92.
 Стеллеръ I, 331.
 Степановъ II, 453.
 Степушъ II, 261.
 Стефанъ мит. II, 175.
 Стефенсъ II, 580, 582.
 Столбиновъ III, 98—101, 103.
 Стороженко Н. М. III, 287, 298—300.
 Стражевскій III, 304.
 Страховъ Н. Н. I, 615; II, 24; III, 222.
 Стрекаловъ С. С. I, 16, 320; II, 188.
 Стремоухова П. Д. I, 153.
 Строгонова гр. С. В. II, 196, 533; III, 429.
 Строгановъ гр. А. Г. III, 206.
 Строгановъ бар. Г. II, 421—425.
 Строгановъ гр. С. Г. I, 593; II, 92—94, 300; III, 184.
 Строгановъ гр. I, 369; II, 410, 670; III, 428.
 Строгановъ II, 111, 265, 510.
 Строевъ II, 259, 260.
 Струве II, 83, 84, 219.
 Струговщниковъ III, 160, 162.
 Струйскій Д. Ю. III, 245—247.
 Стрѣшневъ И. М. III, 37, 43, 66.
 Стрѣшневъ С. Л. III, 48.
 Стурдза А. С. II, 208—210.
 Стюартъ-Милль II, 219.
 Субботинъ Н. И. II, 699.
 Суворинъ I, 319.
 Суворовъ I, 5—9, 181; II, 121, 416, 423, 427, 429, 464, 469, 524, 525, 545, 546, 608, 617, 623; III, 116, 118.
 Суворовъ В. И. II, 524, 531, 532.
 Судіенно I. С. тай. сов. II, 466.
 Судіенно М. О. III, 192.
 Сукинъ ген. I, 386—390.
 Сулковскій III, 353.
 Сумароковъ ген.-адъют. II, 10.
 Сумороцкій пор. II, 6.
 Суровецкій II, 258, 259.

Сусловъ ген. I, 107.
 Сутгофъ полк. II, 6, 7.
 Сухановъ А., III, 28.
 Сухаревъ К. II, 24.
 Сырковъ О. Д. III, 273.
 Сѣдковъ Е. И. III, 286—318.
 Сѣдковъ В. III, 286.
 Сѣдковъ С. III, 287.
 Сѣнявскіе III, 358.
 Сѣраковскій I, 574; II, 258.
 Сѣровъ III, 242, 263, 264.
 *
 Тадеушъ П. I, 540—550.
 Талейранъ К. М. гер. III, 7.
 Талызинъ адм. II, 528.
 Талейранъ пр. III, 9.
 Тарakanовъ ген. I, 388, 390.
 Тарновецкій I, 505.
 Тарновскій И. гр. II, 259.
 Тарховъ III, 129.
 Татаринова А. И. II, 14.
 Татаринова Е. II, 14.
 Татариновъ В. А. II, 14.
 Татариновъ I, 179.
 Татищева А. А. II, 405.
 Татищевъ гр. II, 8, 15, 409, 448;
 III, 217.
 Татьяна Михайловна цар. I, 365; III,
 74, 82, 86, 87, 99—102, 114.
 Таубе I, 514—527.
 Тармасовъ I, 388.
 Теобальдъ I, 278, 280.
 Тепловъ на сорокѣ XII.
 Тепляковъ В. III, 87.
 Тепляковъ II, 496.
 Терликовъ III, 182.
 Тарновскій П. М. I, 131.
 Тессинъ ген. I, 405.
 Тидге II, 582.
 Тизенгаузенъ II, 419—421, 516; III,
 151.
 Тикъ II, 572, 578, 595.
 Тимофеевъ II, 81.
 Тиршъ II, 483.

Титовъ I, 327, 331; II, 183, 234, 348,
 498.
 Тихо-де-Браге II, 588.
 Тихомировъ прот. II, 237, 242.
 Тихонравовъ I, 467, 596.
 Тихонъ іером. III, 89.
 Тишинъ подъяч. I, 428, 429.
 Толбинъ В. В. III, 242, 255, 256.
 Толбузинъ II, 423.
 Толочинъ I, 179.
 Толпыго II, 161.
 Толстая гр. Е. II, 699, 700.
 Толстая П. О. I, 589.
 Толстая С. I, 589; III, 183.
 Толстая гр. I, 289; III, 429.
 Толстой А. К. I, 604—624.
 Толстой гр. А. И. II, 629.
 Толстой гр. А. П. II, 699.
 Толстой гр. Д. А. I, 188, 286; II, 704;
 III, 351.
 Толстой Л. I, 119, 313—323, 601—
 625; III, 343.
 Толстой М. В. гр. III, 275, 279.
 Толстой П. А. II, 464.
 Толстой О. И. гр. III, 183, 265.
 Толстой I, 51, 341—432, 472, 473;
 II, 84, 542; III, 124, 125, 253.
 Толстолѣсъ III, 32.
 Толь гр. I, 181.
 Топачевъ К. Г. II, 52.
 Топтыгины I, 307.
 Топфъ А. I, 586.
 Тороповъ III, 124.
 Торчинскій I, 484.
 Тотлебенъ Э. И. II, 122.
 Траубенберги I, 279.
 Трахтенбергъ III, 342.
 Третьяковъ А. В. I, 588.
 Третьяковъ С. М. II, 146.
 Третьякъ III, 233.
 Тринновскій I, 550—557.
 Тріоновъ К. К. III, 215.
 Троицкій проф. II, 125.
 Трофимовичъ В. Р. инж. III, 203.

Трофимовичъ Р. С. III, 203.
 Трофимовъ II. III, 274.
 Трояновскій III, 418.
 Трубецкая В. Д. книг. II, 115—128.
 Трубецкая Е. А. II, 489.
 Трубецкая Е. П. III, 59.
 Трубецкая Н. Б. I, 523.
 Трубецкая С. А. III, 206.
 Трубецкая I, 569; II, 533.
 Трубецкой кн. А. III, 33—35.
 Трубецкой кн. А. И. I, 523—555.
 Трубецкой А. Н. III, 115.
 Трубецкой кн. В. С. II, 271.
 Трубецкой Д. С. кн. II, 115.
 Трубецкой И. Ю. I, 352—425.
 Трубецкой кн. Н. Ю. I, 385—401; II, 115, 526.
 Трубецкой кн. С. П. II, 299.
 Трубецкой кн. I, 58, 286; II, 204; III, 124.
 Тхоржевскій К. С. III, 513—528.
 Тулаева В. А. III, 183.
 Тулинъ В. Я. II, 192.
 Туманова С. III, 277, 278.
 Туманскій II, 496.
 Туптало Д. С. III, 347.
 Тургенева В. П. I, 627—629.
 Тургеневъ А. И. II, 302.
 Тургеневъ Н. И. II, 262.
 Тургеневъ Н. Н. I, 627—629.
 Тургеневъ И. С. I, 601—629; III, 284.
 Тургеневъ С. Н. I, 627—629.
 Тургеневъ I, 299—315; II, 263, 479, 491, 494, 586; III, 125, 174, 269.
 Турчанинова А. А. II, 608.
 Турчанинъ С. III, 101.
 Тутолимина С. П. II, 405, 433.
 Тутолинъ I, 27, 41, 42; II, 425, 435.
 Тютчева А. О. II, 701.
 Тютчева Д. О. II, 701.
 Тютчева Е. О. II, 146.
 Тютчева О. Н. II, 702.
 Тютчевъ И. О. III, 214.

Тютчевъ О. И. I, 169, 601—625; II, 581, 596, 598, 599, 601, 701, 702; III, 234.

*

Уварова III, 436.
 Уваровъ гр. С. С. I, 464; II, 110, 153, 507, 510, 511; III, 135.
 Уильямсъ С. У. III, 396, 419.
 Улыбышевъ III, 242.
 Ульянинъ III, 130, 139, 149.
 Уминскій I, 489—506; II, 244—246, 254, 261.
 Унгебауръ гофмед. II, 534.
 Урусовъ А. И. I, 165.
 Урусская кн. II, 11.
 Успенскій Н. В. I, 604—609.
 Успенскій О. I, 222.
 Устинова Г. II, 206.
 Устряловъ II, 82, III, 148.
 Ушакова Е. Н. III, 192.
 Ушаковъ I, 56, 57, 386—413, 486; III, 285.

*

Фабіанъ III, 223.
 Фаленскій II, 249, 253.
 Фальконетъ III, 231.
 Фарфоровскій С. II, 285; III, 333.
 Фатеръ III, 503—511.
 Фекерманъ III, 40.
 Фелинская I, 493—527.
 Фердинандъ гер. I, 342, 343.
 Феньшау полк. II, 250.
 Ферзенъ С. П. граф. III, 165, 174.
 Ферзенъ гр. III, 165.
 Ферзенъ I, 203.
 Ферморъ гр. III, 403.
 Феррарио II, 507.
 Феслеръ I, 48, 49.
 Феть А. А. I, 169, 170, 300—330, 588, 601—628; III, 251.
 Филаретъ арх. III, 50.
 Филаретъ еп. II, 51—76.
 Филаретъ митр. I, 61—96, 171; II, 221; III, 455.

Филаретъ пат. III, 113.
 Филимоновъ С. II, 630.
 Филипповъ А. Я. II, 6—16.
 Филипповъ Т. И. II, 106.
 Филипповъ III, 133, 134, 140, 146, 147, 155, 160.
 Филиппъ митр. III, 20, 21, 50, 111.
 Филомавитскій II, 89.
 Философовъ В. полк. III, 37, 38.
 Филовей арх. III, 25.
 Филовей епис. II, 165—174.
 Фирковичъ III, 32.
 Фицтумъ гр. II, 698.
 Фишеръ III, 141.
 Флавіанъ мон. III, 77.
 Флемингъ И. гр. III, 361.
 Флемингъ фельдм. III, 360, 373—376, 392.
 Флиге I, 316.
 Флоберъ I, 310.
 Фовицкій полк. III, 211.
 Фолоз III, 1—4, 11, 14—16, 18, 19, 21, 22, 24, 319.
 Фонболь Г. И. III, 311—313, 316.
 Фонъ-Визинъ II, 406, 496.
 Форіель II, 504.
 Форсманъ II, 431.
 Форстенъ проф. II, 292.
 Фортунатовъ III, 159.
 Фоссъ II, 580.
 Фотій архим. III, 283, 305, 314, 315, 317.
 Франкъ Е. III, 58.
 Францышкановъ I, 526.
 Фредериксъ бар. II, 160.
 Фрейгангъ А. II, 304.
 Фрейтагъ геа. III, 46, 47.
 Фремдеръ жаш. II, 680; III, 94.
 Френсдорфъ И. В. бар. III, 287, 289, 295, 297, 300.
 Фридрихъ III, 205, 206.
 Фридрихъ Августъ III, 350.
 Фридрихъ Вильгельмъ кор. Прус. II, 11, 463.

Фридрихъ Вел. I, 15, 16, 454; III, 241, 271, 357, 378, 379, 389, 391, 392, 406, 572.
 Фридрихъ IV-й II, 456.
 Фридрихъ VI-й II, 463.
 Фрисъ II, 580.
 Фуль ген.-лейт. III, 22, 23.
 Фурнье I, 313.

*

Ханыновъ II, 567.
 Харламова В. М. III, 274.
 Хвостова А. II, I, 320; II, 609; III, 123.
 Хвостовъ I, 320.
 Хвоцинская Н. Д. I, 285.
 Хвоцинская-Заіончевская III, 242.
 Хекъ М. I, 279.
 Хельснеръ III, 342.
 Хилковъ О. А. III, 14, 15.
 Хилковъ кн. III, 343.
 Хитрово Е. М. III, 238.
 Хитрово О. кам. юнк. III, 380.
 Хитрово кам. юнк. III, 387.
 Хитрово I, 181—186.
 Хитровъ Д. II, 235.
 Хитровъ I, 186.
 Хитровы II, 538.
 Хлобысевичъ I, 286.
 Хлоповъ II, 300.
 Хлюстина II, 478, 492, 494.
 Хлюстины II, 492.
 Хмѣльницкій И. I, 173, 174.
 Хованскій У. Н. III, 19, 20, 128.
 Ховенъ ген.-лейт. II, 11.
 Ходзько I, 484; III, 329.
 Ходневичи I, 183.
 Хомутова II, 542.
 Хомутовъ ген. III, 385, 406.
 Хомяковъ А. С. I, 135, 376, 597; II, 103—114, 146—150, 509, 565; III, 227.
 Хомяковъ Д. А. II, 147.
 Хорватскій свящ. III, 224, 225.
 Хорватъ Д. И. I, 184.

Храбровъ кап. II, 486.
 Храповицкій Д. II, 167.
 Храповицкій М. II, 167.
 Храповицкій II, 182.
 Хреповичъ гр-ня II, 14.
 Хреповичъ-Бутеневъ гр. К. А. II, 705.
 Христиановичъ III, 289, 290.
 Христофоръ им. II, 588.
 Хрулевъ II, 108.
 Хрущевъ I, 299; III, 380.
 Худоносоевъ М. II, 24.
 Худояръ ханъ III, 208.

*

Цаупе М. II, 516, 517.
 Цедеркрейцъ бар. I, 405.
 Цейманъ III, 151.
 Цельсъ III, 52.
 Ценковскій Л. С. I, 126, 127.
 Центнеръ А. III, 26.
 Цизмеръ II, 418.
 Цинцендорфъ I, 339, 340.
 Цихоцкій маюр. II, 244.
 Цыгановъ III, 67.

*

Чаадаевъ III, 231.
 Чавчавадзе С. кн. III, 391, 448.
 Чапскій I, 494—551; II, 251, 252.
 Чарнецкій I, 484.
 Чарторыйская княг. III, 199.
 Чарторыйскіе III, 361—414.
 Чарторыйскій кн. А. III, 361, 365, 373, 374, 377, 388, 390, 392, 404, 414, 417.
 Чарторыйскій М. III, 363, 370—372, 386, 414.
 Чарторыйскій кн. Ф. М. III, 360.
 Чарторыйскій кн. I, 183; 484—542; II, 260, 265; III, 12, 198, 369, 393.
 Чарыновъ Н. В. III, 237.
 Чапскій II, 258.
 Чеботаревъ проф. II, 206.
 Челябинскій II, 581.
 Чемена М. О. II, 208.
 Чепелевъ I. III, 89.

Червинскій II, 143; III, 130, 131.
 Черевинъ П. А. II, 272.
 Чередѣевъ К. II, 208.
 Черемисиновъ Е. I, 632.
 Черкасская М. Ю. I, 383—389.
 Черкасскій кн. А. М. I, 380—437.
 Черкасскій В. А. II, 258.
 Черкасскій Г. кн. III, 63.
 Черкасскій кн. II, 10—15, 264.
 Черкасовъ бар. I, 596.
 Чернинъ гр. II, 588.
 Черновъ II, 31—37.
 Черноротская Е. И. II, 526.
 Чертковъ А. Д. II, 301.
 Черткова Е. Г. II, 301.
 Чертковъ I, 324, 331, 547; III, 161.
 Чертковъ А. Д. II, 538.
 Чернышевскій Г. И. II, 231.
 Чернышевскій Н. Г. II, 217—220.
 Чернышевъ А. И. II, 266—272, 564.
 Чернышевъ З. Г. I, 177; III, 387, 391.
 Чернышевъ И. III, 387.
 Чернышевъ кн. I, 101, 334, 386—404; II, 545; III, 221.
 Чернышевы III, 387, 388.
 Черняева А. М. I, 185, II, 694; III, 221, 525—528.
 Черняева Е. Г. I, 199, II, 689.
 Черняева Н. II, 692.
 Черняевъ Г. Н. II, 687—693.
 Черняевъ Е. I, 175, 176.
 Черняевъ М. Г. I, 175—208; II, 296, 297, 688, 690, 692—694; III, 216, 525—528.
 Черняевъ Н. Г. II, 689, 693, 694.
 Черняевъ Н. И. I, 176—200.
 Черняевъ П. Н. I, 185; II, 687.
 Черняевъ Ф. II, 689, 690.
 Черняевъ Я. И. I, 175.
 Черняевы I, 175—207, II, 687—694.
 Честерскій II, 659.
 Чижъ А. II, 162.
 Чистовичъ II, 206.
 Чичеринъ Б. Н. I, 588; III, 284.

Чужбинскій III, 263.

Чулковъ II, 492.

*

Шадурскій кн. II, 11.

Шакѣвъ III, 131, 141, 144, 146, 160.

Шамиль I, 99—116; III, 187—191.

Шанецкій II, 248.

Шарапова Е. I, 52 53.

Шарлеманъ А. О. III, 124.

Шарлота принцес. III, 205.

Шаргородская Е. И. II, 526.

Шателенъ лейт. III, 342.

Шатиловъ III, 58.

Шафировъ бар. I, 347—357; II, 291.

Шахматовъ А. А. II, 158, 159.

Шаховской кн. I, 386.

Шаховской II, 487.

Швйковская Ан. II, 178.

Швйковскіе II, 161—175.

Шевалье II, 419.

Шевичъ Д. Е. II, 704.

Шевичъ И. Е. II, 704.

Шевченко II, 300; III, 175.

Шевыревъ Б. С. II, 511.

Шевыревъ I, 597; II, 82—93, 109—114, 474, 476, 484—511, 565, 572, 574, 577, 583—587, 594, 595, 601, 602, 604—606; III, 125, 145, 146, 177, 227, 262.

Шейнъ I, 313, 318.

Шеміоты I, 279.

Шеншинъ I, 170, 330.

Шепелевъ А. III, 67—69, 72.

Шепелевъ гофъ-мар. I, 358—414.

Шервашидзе Г. Д. кн. III, 341, 343.

Шереметева А. Б. III, 194, 195.

Шереметева гр. А. П. II, 548.

Шереметева Е. С. II, 405.

Шереметева гр. П. И. I, 326.

Шереметева гр. П. II, 406.

Шереметевъ гр. Б. П. I, 173, 174, 176; II, 457; III, 347.

Шереметевъ В. П. III, 194, 195.

Шереметевъ В. С. гр. II, 182—190.

Шереметевъ Г. С. II, 517.

Шереметевъ М. Б. II, 698.

Шереметевъ Н. П. гр. II, 182.

Шереметевъ П. Б. II, 548.

Шереметевъ С. А. III, 343.

Шереметевъ гр. С. Д. I, 174; II, 302, 698; III, 196.

Шереметевъ С. П. II, 571.

Шереметевъ гр. I, 37, 287—332, 375; II, 295, 459—462, 636; III, 135.

Шереметевы III, 195.

Шестакова II, 130.

Шестаковскій I, 316.

Шестаковъ И. Н. II, 130.

Шестаковъ М. II, 24.

Шефферъ П. Н. II, 302.

Шешадамова II, 678.

Шидловскій III, 249.

Шиловская II, 217.

Шильдеръ Н. К. II, 247; III, 282, 283, 319, 320.

Шильдъ ген. II, 529.

Шимановскій пос. III, 367, 368.

Шимкевичъ I, 509.

Шинкель II, 572.

Шипиловъ дир. III, 127.

Ширинскій-Шихматовъ кн. III, 45.

Ширяевъ II, 469, 470, 696.

Шиховскій II, 89.

Шишна I, 501, 502.

Шишкина игум. III, 206.

Шишковъ А. С. I, 282, 283; II, 211, 501.

Шишманъ Я. III, 40.

Шкоттъ Н. Я. I, 288—326, 588—590.

Шкуринъ II, 526; III, 389.

Шлегель Ф. II, 579, 595.

Шлезвигъ-Голштинскій I, 410—417.

Шлиппенбахъ II, 461.

Шлыновъ I, 330.

Шляпкинь И. А. III, 240.

Шмелевъ I, 166—168.

Шмиднофъ I, 539.

Шмитъ II, 83, 248, 610, 612, 619, 627—629, 647, 649, 660, 667, 668,

- 671, 673, 675, 676, 681, 682; III, 29, 37, 38, 44, 47, 48, 55, 60, 63, 67, 78, 79, 103, 114, 116, 117, 402, 411.
- Шнейдеръ полк. II, 244.
- Шорштейнъ II, 217.
- Шпербергъ I, 167.
- Шпигоцкій А. Г. II, 575.
- Шпилевскій III, 243.
- Шрамченко П. П. г. губ. II, 45—77.
- Шредеръ маіор. II, 244, 568.
- Штейнбокъ графин. II, 523.
- Штейнбокъ гр. II, 534.
- Штейнъ III, 320.
- Штейнъ бар. I, 453, 454.
- Штелинь Я. II, 524, 526—534.
- Штендманъ Г. О. III, 352.
- Штеричъ II, 497; III, 106.
- Штеръ сен. II, 610.
- Штиглицъ Н. М. III, 351.
- Штиглицъ бар. III, 351.
- Штилингова II, 647.
- Штокъ I, 173, 174.
- Шуазель гер. III, 197, 198.
- Шуаибъ III, 187.
- Шубертъ I, 288.
- Шубина А. игум. III, 283.
- Шувалова гр-ня III, 424.
- Шувалова I, 16—19.
- Шуваловъ А. гр. II, 533.
- Шуваловъ гр. А. И. II, 527.
- Шуваловъ гр. А. П. III, 123.
- Шуваловъ И. И. II, 534.
- Шуваловъ П. А. II, 416, 542.
- Шуваловъ I, 425; II, 416.
- Шуваловы II, 588.
- Шуйскій В. I, 183.
- Шульгинъ И. П. III, 129, 137, 141, 144, 146, 148, 182.
- Шумахеръ П. В. I, 286—336, 586—588, 629.
- Шумигорскій Е. III, 279.
- Шумлянская II, 640, 650.
- Шумскій I, 508.
- Шупинскій II, 172.
- Шурминъ Д. III, 224.
- Шушеринъ I. подіакъ. III, 60, 66, 87.
- Шушеринъ актеръ III, 520.
- *
- Щанецкій II, 261.
- Щегловскій III, 115.
- Щедринъ I, 278, 307.
- Щепкинъ II, 198; III, 161, 162.
- Щепковскій I, 499.
- Щербатова кн. II, 416; III, 8.
- Щербатовъ кн. I, 13, 99, 333.
- Щербачевъ I, 43.
- Щербинъ III, 242.
- Щетинкинъ III, 130.
- Щигровскій I, 56.
- Щукина Е. П. I, 329, 330.
- Щукинъ П. И. I, 286—335, 321—336, 586—590; II, 474, 539; III, 179.
- Щулепниковъ III, 130, 131, 134.
- *
- Эвальдъ III, 131, 133, 144, 147, 160.
- Эдлингъ Р. С. II, 210; III, 65.
- Эйлеръ I, 27.
- Эйнерлингъ III, 248.
- Экмиольскій гер. I, 312.
- Эмбо Л. II, 544, 545.
- Энгельгардтъ В. Е. II, 705.
- Энгельгардтъ Е. А. II, 705, 706.
- Энгельгардтъ М. И. II, 168, 177.
- Энгельмейеръ III, 160.
- Эслеръ II, 591.
- Эссенъ О. В. I, 162; II, 15.
- Эстебанъ III, 350.
- Эфронъ II, 260.
- Эхштейнъ проф. III, 271.
- Эшельманъ арх. II, 624, 630, 647, 650, 651, 655, 675; III, 30.
- *
- Юдинъ П. I, 284.
- Юрасовскіе III, 549.
- Юркевичъ свящ. II, 239.
- Юрлова Е. Е. II, 6.
- Юрловъ А. И. II, 5.
- Юрловъ В. П. II, 5—18.

Юрловъ И. П. II, 5.
 Юрловъ П. С. II, 5.
 Юрловъ С. А. II, 5.
 Юрловъ I, 153—157.
 Юрьевскій кн. III, 126.
 Юрьевскій-Шулешовъ кн. III, 125.
 Юрьевъ III, 250.
 Юрьевъ I, 326.
 Юсуповъ Ф. Ф. кн. II, 338—404.
 Юшкевичъ I, 503—524.
 *
 Яворскій С. III, 348.
 Ягванисъ А. II, 188.
 Ягницкій II, 621; III, 63.
 Ягужинская гр. I, 389.
 Ягужинскій ген. I, 357—427; II, 534.
 Ягушинской II, 291.
 Ядринцевъ Н. М. I, 299.
 Языковъ Д. I, 337—408.
 Языковъ Н. М. II, 16, 168; III, 528.
 Языковъ П. М. II, 16.
 Языковъ I, 591—597; II, 494; III, 224.
 Якоби III, 163.
 Якобинскій I, 565.
 Яковлева III, 207.
 Яковлевъ А. И. I, 640.
 Яковлевъ И. А. III, 192.
 Яковлевъ III, 144, 145.
 Якомонъ Е. III, 2.
 Якубовичъ III, 131, 135, 271.
 Якубовскій кап. III, 342, 344.
 Якушкинъ I, 315—318.
 Яловецкій I, 512.
 Яндричъ III, 224.
 Янишевскій I, 490—515.

Янишъ II, 569, 575.
 Яновъ В. О. бояр. III, 126.
 Янушевичъ I, 503—516.
 Янушъ I, 496—554.
 Янчукъ Н. II, 474, 695.
 Яржинъ I, 499—504.
 Ясса-Андрониковъ III, 325.
 Ястребовъ II. пор. II, 186.
 Яхонтовъ С. II, 68, 69.
 Яхонтовъ протоіер. I, 213.
 Яцковскій I, 514.
 Ячевскій II, 14.
 *
 Ѳедорова С. III, 277—278.
 Ѳедоровъ П. О. I, 119—122; II, 218—220; III, 343.
 Ѳедоровъ ген. III, 528.
 Ѳедоровъ П. В. I, 126.
 Ѳедоровы II, 219.
 Ѳедотова III, 270.
 Ѳедотовъ III, 242, 259.
 Ѳеогностъ пат. III, 114.
 Ѳеодоръ Алексіевичъ цар. III, 37—109.
 Ѳеодоръ Ивановичъ царь II, 516.
 Ѳеодосій діак. III, 31.
 Ѳеодосій игум. Печ. II, 199; III, 24.
 Ѳеодосій кел. III, 122.
 Ѳеодосій цар. III, 83.
 Ѳеодосія Алексіевна в. княж. III, 74.
 Ѳеодотій архіеп. II, 15.
 Ѳеологъ III, 348.
 Ѳеофилактъ Лопатинскій II, 469.
 Ѳерапонтовъ гр. II, 510.
 Ѳерапонтъ кел. III, 118.
 Ѳербицкой И. II, 186.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

ТРЕТЬЕЙ КНИГИ

„РУССКАГО АРХИВА“

1909 года.

(выпуски 9, 10, 11 и 12).

193. Моровое повѣтріе въ Москвѣ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. 1654 г. (Князь М. П. Пронскій).

Житіе патріарха Никона, написанное его клирикомъ Иваномъ Шушериннымъ.

Письма царя Алексѣя Михайловича къ патріарху Никону съ примѣчаніями издателя.

Внутри обложки: О книжкѣ барона Де-Балъ-Воронцова.

Приложенъ портретъ патріарха Никона.

347. Къ двухсотлѣтію памяти Святаго Дмитрія Ростовскаго. (Его дневникъ).

421. Письма князя А. А. Вяземскаго къ коменданту Динабургской крѣпости Виганту о государственномъ преступникѣ Ильѣ Алексѣевѣ.

197. Письмо изъ Парижа о Россіи во времена былыя.

519. Графъ Бланжіа у Орловскаго помѣщика.

353. Станиславъ-Августъ Понятовскій (по его неизданнымъ Запискамъ). Его избраніе на престолъ Польскій. Статья С. М. Горькина.

202. Запись современника о кончинѣ Екатерины Великой. Р. С. Трофимовича.

423. Императрица Елисавета Алексѣевна по ея письмамъ къ матери (изданіе Великаго Князя Николая Михайловича).

273. Вѣра Молчальница. Отца Николая Грузинскаго.

455. 1812-й годъ. Сожженіе Москвы. Показаніе очевидца І. С. Мошкова. Извлечено И. М. Діомидовымъ.

1. Елисавета Ивановна Бутягина. Статья С. М. Горькина.

319. Дополненіе къ статьѣ о Е. И. Бутягиной. К. А. Губастова.

204. Изъ разсказовъ А. И. Васильчиковой (Пріѣздъ Александры Ѳеодоровны Первой.—Кончина Маріи Ѳеодоровны Первой).

120. Письма къ Ю. Н. Бартеневу князя А. Н. Голицына, князя Козловскаго и графа М. С. Воронцова.

27. Изъ Крымскаго дневника Ю. Н. Бартенева. 1844 годъ.

286. Воспоминанія Е. И. Съдинова. Сообщены И. В. Помяловскимъ.

326 и 439. Изъ дневника генераль-лейтенанта И. Д. Полна. 1854 годъ.

126. Изъ автобіографіи Н. Н. Иваницкаго.

528. Гимнъ «Боже, Цара храни!». Изъ разсказовъ А. П. Петерсона.

185. 25 Августа 1859—1909. Е. И. Козубскаго.

216. Императоръ Александръ Третій и М. Г. Черняевъ. (Запись А. М. Черняевой).

340. Памяти покойнаго Наслѣдн.-Цесаревича Георгія Александровича. С. П. Бартенева.

208. Забытыя первыя жертвы Коканскаго похода. Изъ Записокъ К. К. Трионова. (Сообщено полковникомъ Фомъ-Дрейеромъ).

525. О М. Г. Черняевѣ письмо его дочери А. М. Черняевой.

469. Записки студента Казанскаго Университета (1851—1855) Н. Н. Овсянникова.

464. Два Французскихъ письма князя П. А. Вяземскаго.

241. Изъ портфеля стараго журналиста. Письма къ Ѳ. А. Коню: Кольцова, Струйскаго, Н. А. Полеваго, Григоровича, А. Григорьева, Полонскаго, Майкова, Толбина, Берга, гр. Раstopчиной, Крешева, Загоскина, кн. Кугушева, Никитина, Толстаго. Съ предисловіемъ А. Ѳ. Коню.

192. Поправки (о письмѣхъ про Пушкина) Н. О. Лернера.—О баронѣ де-Бафъ. Внутри обложки: О книгѣ г-на Тастевня: Histoire de la colonie française de Moscou.

222. Двѣ замѣтки къ сочиненіямъ Пушкина («Скупой Рыцарь» и «Мѣдный Всадникъ») А. Н. Сиротинина.

237. Изъ семейной драмы Пушкина. Н. О. Лернера.

181. Къ біографіи М. Н. Каткова: 1) Изъ архива Московской Городской Управы, 2) Собственное показаніе.

284. Къ біографіи Н. К. Кетчера. Его опредѣленіе врачомъ въ Приказъ Общественнаго Призрѣнія.

521. Къ біографіи С. М. Соловьева.

124. Нѣсколько словъ о П. М. Боклевскомъ. П. А. Россіева.

349. Чья это кисть? Замѣтка П. А. Россіева (объ иконѣ Распятія въ селѣ Выѣздномъ).

520. Письмо актера Шушерина къ С. Т. Аксакову.

351 и 352. Некрологи: А. А. Половцевъ и Протоіерей С. И. Поповъ. Внутри сороки: объ Академическомъ изданіи сочиненій Кольцова.—«О Русскихъ портретахъ» изданіи Великаго князя Николая Михайловича.—К. Ѳ. Генсъ.

ГРИГОРІЙ ФЕДОРОВИЧЪ ГЕНСЪ.

(Изъ XIX выпуска «Трудовъ Оренбургской Ученой Архивной Комиссіи»).

Свѣдѣнія объ этомъ достопамятномъ и въ нашей исторіографической печати доселѣ почти неизвѣстномъ челоѣкѣ сообщаетъ С. Н. Севастьяновъ со словъ Оренбургскаго старожила Н. М. Бекчурина. Генсъ много потрудился для изученія Средней Азіи, какъ видно изъ перечня его рукописей, хранящихся въ Оренбургской городской библіотекѣ. Генсъ былъ директоромъ Неплюевского Кадетскаго корпуса (1824—1832), а при В. А. Перовскомъ занялъ должность предсѣдателя Пограничной Комиссіи.

Семья Генса состояла изъ жены, сына и двухъ дочерей: Софьи и Александры. Софья была замужемъ за священникомъ, а Александра за Полякомъ-офицеромъ Адольфомъ Ивановичемъ Обнинскимъ, сосланнымъ въ Оренбургъ. Когда 10 Мая 1845 г. умеръ Генсъ, то изъ Петербурга прислали бумагу о высылкѣ Записокъ Генса. Дочери передали эти Записки и за это получили 3000 руб. пособія и пожизненную пенсію въ 1500 руб., каковую сохранили и въ замужествѣ. Гдѣ теперь эти Записки, не знаемъ.

По словамъ Н. М. Бекчурина, Генсъ пользовался особымъ благоволеніемъ Государя Императора Николая Павловича. Однажды онъ былъ вызванъ по высочайшему повелѣнію въ Петербургъ и по прибытіи во дворецъ въ полной парадной формѣ былъ принятъ въ кабинетъ Государя. Его Величество любезно усадилъ около себя въ кресло взволнованнаго Генса, взялъ его руку и не выпускалъ ея изъ своихъ рукъ, просилъ Григорія Федоровича рассказать подробно все, что дѣлается въ Оренбургѣ и сосѣднихъ ханствахъ. Государь Императоръ въ теченіи цѣ-

лаго часа, не перерывая разсказа Генса, съ глубокимъ вниманіемъ слушалъ его, сердечно благодарилъ и разцѣловалъ. Генсъ счелъ долгомъ запечатлѣть свою бесѣду съ Монархомъ и заказать особую шкатулку, въ которой сохранялъ перчатку, которую онъ не снималъ во время своей бесѣды съ Государемъ.

Григорій Федоровичъ отлично зналъ Киргизскую степь и прилежавшія Среднеазиатскія ханства, хотя никогда тамъ не бывалъ. Всѣ свои свѣдѣнія о нихъ онъ почерпалъ изъ разсказовъ очевидцевъ. У него была цѣлая система секретнаго изученія степи и внутренней жизни Хивы, Бухары, Кокана и среднеазиатскихъ ханствъ.

Зная хорошо про условія степныхъ походовъ въ Хиву (наилучшимъ для этого временемъ была осень), Генсъ былъ страшно огорченъ рѣшеніемъ Перовскаго, склонившагося на доводы генерала Ціолковскаго, идти на Хиву зимою. Генсъ плакалъ, какъ ребенокъ, когда провожалъ наши войска, шедшія послѣ молебна за р. Уралъ. По мнѣнію Генса, зимній походъ въ Хиву обрекалъ ихъ на явную гибель, но благоразумный голосъ былъ заглушенъ тщеславіемъ вождя и самохвальствомъ Ціолковскихъ и К^о. Перовскій, едва переживъ тяжелый ударъ своему самолюбію, прибылъ въ Оренбургъ, а за нимъ, въ началѣ Марта 1840 года, стали прибывать жалкіе остатки его отряда съ гробами замерзшихъ и умершихъ отъ истощенія людей. Потрясающее зрѣлище представляло шествіе этихъ гробовъ и истомленныхъ людей черезъ мостъ на рѣкѣ Уралѣ.

Стемянникъ Перовскаго, А. М. Жемчужниковъ сказывалъ намъ, что имп. Николай Павловичъ предостерегалъ Перовскаго противъ сосланнаго въ Оренбургъ по мятежу 1830 года Поляка Ціолковскаго; но видно, „сильнѣе кошки звѣря нѣтъ“. П. В.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА
РУССКІЙ АРХИВЪ
1910 года.

(Годъ 48-й)

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1910 году, за **двѣнадцать выпусковъ**, съ пересылкой и доставкой **девять рублей**, для чужихъ краевъ—**двѣнадцать рублей**.

Подписка въ **Москвѣ**, въ Конторѣ „Русскаго Архива“, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ (на дворѣ).

Отвѣтственность за исправную доставку книгъ принимается лишь для тѣхъ лицъ и учреждений, которыя подписались въ Конторѣ „Русскаго Архива“.

При перемѣнѣ адреса надо присылать номеръ перемѣняемаго. Перемѣна Московскаго адреса на иногородній—**40 коп.** Перемѣна иногороднаго на иногородній или городского на городской—**30 коп.**

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **Петръ Бартеньевъ**.

Въ конторѣ «РУССКАГО АРХИВА» продаются:

ДНЕВНИКЪ Камеръ-юнкера Берхгольца, въ Россіи при Петрѣ Великомъ (1721—1725). Четыре части **3 р. 50 к.**

ЗАПИСКИ Дюка Лирійскаго о пребываніи его въ Россіи при Петрѣ II-мъ. Цѣна **75 к.**

ДНЕВНИКЪ Храповицкаго. 1783—1793. Цѣна **2 р.**

По удешевленной цѣнѣ (6 рублей съ пересылкой).

«РУССКІЙ АРХИВЪ» 1884 года.

Записки: Лопухина, Тимирязева, доктора Мандта (о кончинѣ Николая Павловича), Филиппсона, Самсонова, композитора Львова, князя П. П. Вяземскаго (о Пушкинѣ), А. П. Кернъ, бумаги Жуковскаго, Хомякова и пр. Съ портретами.